АКАДЕМИК

В. В. БАРТОЛЬД

СОЧИНЕНИЯ

II

ЧАСТЬ 2

Академик

В. В. БАРТОЛЬД

СОЧИНЕНИЯ

ТОМ
II
ЧАСТЬ
2

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •
Москва · 1964

Академик

В. В. БАРТОЛЬД

II
(2)

РАБОТЫ ПО ОТДЕЛЬНЫМ ПРОБЛЕМАМ ИСТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАУКА
Москва · 1964

Bewerr

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. М. Беленицкий, А. Н. Болдырев, Ю. Э. Брегель, И. Н. Винников, Б. Г. Гафуров (председатель), *А. Н. Кононов* (зам. председателя), *М. Е. Массон, И. П. Петрушевский, А. С. Тверитинова, И. И. Умняков*

2-ю часть II тома подготовил к изданию
Ю. Э. Брегель

Ответственный редактор
Б. Г. Гафуров

Редактор издательства
О. Ф. Акимушкин

ПРЕДИСЛОВИЕ

Во второй части II тома «Сочинений» В. В. Бартольда помещены работы, посвященные различным вопросам истории Средней Азии. Среди них первое место как по объему, так и по значению занимают работы об эпохе Тимура и Тимуридов, в особенности две монографии: «Улугбек и его время» и «Мир Али-Шир и политическая жизнь». С первых лет своей научной деятельности В. В. Бартольд, занимаясь интенсивным изучением восточных письменных источников, обратился, наряду с более ранними, и к источникам тимуридского периода. Он широко использовал их в первой своей монографии — «Очерке истории Семиречья», а затем и в «Туркестане», где он, в частности, дал превосходный общий обзор всех известных в то время письменных источников эпохи Тимуридов[1]. Уже в 1897 г. В. В. Бартольд опубликовал статью «Хафизи-Абру и его сочинения», в которой показал значение географического и исторического трудов Хафиз-и Абру,— по словам Бартольда, «самого замечательного историка» времени Шахруха,— как источников для истории Средней Азии. Исследование источников тимуридского периода В. В. Бартольд непрерывно продолжал и в дальнейшем[2] и создал ряд трудов, которые — подобно «Туркестану» для более раннего периода — впервые поставили на твердую научную основу изучение этой исторической эпохи.

Монография «Улугбек и его время» (опубликована в 1918 г., написана к началу 1915 г.) является в какой-то степени продолжением «Туркестана в эпоху монгольского нашествия»[3]. Историю Средней Азии

[1] См. наст. изд., т. I, стр. 101—107.

[2] Эти исследования отражены в статьях: *Народное движение в Самарканде* (1906 г.; дана сравнительная характеристика источников по истории Тимура); *Историк Мусеви* (1915 г.); предисловие к изданию Гияс ад-дина Али Л. А. Зимина (1915 г.); статьи об Абд ар-Раззаке Самарканди (1913 г.) и Хафиз-и Абру (1915 г.) в «Энциклопедии ислама»; *Определение «анонима Искендера»* (1927 г.); *Еще об «анониме» Искендера* (1929 г.); *Новый источник по истории Тимуридов* (опубликовано посмертно в 1936 г.).

[3] Ср. последнюю фразу «Туркестана» (в конце четвертой главы): «Проследить, как отразилось на истории Средней Азии образование монгольской империи, какие следы ее устройства сохранились в государствах, возникших на ее развалинах, несомненно представляло бы высокий интерес; но ответ на эти вопросы вполне может послужить задачей самостоятельной работы» (см. наст. изд., т. I, стр. 530; ср. также за-

после монгольского завоевания В. В. Бартольд рассматривал прежде всего с точки зрения взаимодействия двух культурно-исторических факторов: тюркско-монгольской государственности и тюркско-монгольского военного строя, с одной стороны, и мусульманской, главным образом персидской (по мнению Бартольда), культуры — с другой. В государстве, созданном Тимуром, В. В. Бартольд видел своеобразное сочетание этих элементов; мусульманская культура, по мнению Бартольда, в конечном счете подчинила себе кочевников, однако в Средней Азии этот процесс шел значительно медленнее, чем в Иране, и встречал больше противодействия.

Частично вследствие такого подхода к истории этого периода вне сферы внимания автора оставались некоторые важнейшие стороны социально-экономической жизни[4]; тем не менее в «Улугбеке» В. В. Бартольд отнюдь не ограничивается только политической историей и историей культуры, а сообщает также немало фактов, относящихся к социальной истории, и в этой области делает весьма глубокие выводы, в значительной степени принятые современной наукой.

Содержание этой работы хронологически шире ее названия: ввиду необходимости предпослать очерку жизни и правления Улугбека «краткое описание того наследства, которое получил Улугбек от своего деда» (Тимура), В. В. Бартольд в первых двух главах дает сжатую характеристику чагатайского государства и государства Тимура; во второй половине заключительной главы он характеризует новый период в истории Средней Азии, наступивший после смерти Улугбека.

Эпоха Улугбека — первая половина XV в.— привлекла особое внимание В. В. Бартольда потому, что он считал ее переломным моментом в истории Средней Азии, концом блестящего периода ее культурной жизни, который сменился столь же длительным периодом господства ходжи Ахрара, представителя «враждебного культуре среднеазиатского дервишизма». Рассматривая историю Средней Азии этого времени, В. В. Бартольд решал и другую задачу: «уничтожить фантастическое представление об Улугбеке, будто бы идеалисте-ученом, с первых лет своего царствования отвернувшемся от политики и отдавшем все свое

ключительные слова в не опубликованной самим В. В. Бартольдом V главе «Туркестана» — наст. изд., т. I, стр. 584). Этим вопросам уделено большое внимание в «Улугбеке», в особенности в первых главах.

[4] Так, в «Улугбеке» Бартольд не рассматривает развития производительных сил (что, впрочем, характерно для всех его общеисторических работ), совершенно не касается таких важных вопросов, как структура феодального землевладения и феодального общества эпохи Улугбека, лишь вскользь упоминает о положении народных масс и т. п. Следует отметить, впрочем, что все эти вопросы до сих пор не нашли должного освещения в литературе — главным образом ввиду отсутствия в источниках соответствующих сведений, а иногда из-за недостаточной изученности источников, относящихся к этому периоду истории Средней Азии.

время математике и астрономии»[5]. Бартольд показал, что усвоение персидской культуры и увлечение точными науками, достигшими большого развития в Иране при Хулагидах, Улугбек сочетал с верностью монгольским военно-политическим традициям. В работе В. В. Бартольда дана всесторонняя характеристика личности и деятельности Улугбека, рисующая его не только как ученого, но и как «честолюбивого властителя», старавшегося во всем подражать своему деду — Тимуру — и после смерти своего отца пытавшегося (хоть и неудачно) объединить под своей властью созданную Тимуром империю[6].

Одни из лучших страниц в «Улугбеке» — те, что содержат характеристику ходжи Ахрара, «деревенского шейха», возглавившего силы реакции в последние годы жизни Улугбека и использовавшего свой религиозный авторитет для захвата политической власти, которую ему удалось сохранять в течение почти 40 лет. В. В. Бартольд ошибочно считает всех шейхов дервишских орденов «защитниками интересов народных масс» и утверждает, что ходжа Ахрар «своим богатством и влиянием старался пользоваться на благо народа»[7]. Однако в то же время им сделан совершенно правильный вывод о том, что в Средней Азии (в противоположность Ирану) при Тимуридах дервишские шейхи выступают под лозунгом защиты шариата против верхушки официального духовенства и книжного богословия, представлявших «аристократические слои населения», и против верховной власти во главе с Улугбеком, стремившимся придерживаться монгольских традиций. В этой борьбе, несомненно, симпатии народных масс были скорее на стороне ходжи Ахрара; однако победа ходжи Ахрара означала победу варварства над высокой городской культурой эпохи Улугбека.

«Улугбек и его время» и по сей день является одной из тех работ В. В. Бартольда, которые не устарели почти ни в чем, если не считать некоторых несущественных деталей[8]. Сам автор позднее, в другой своей работе, писал, что «материал, составляющий предмет этой монографии, исчерпан в ней не вполне»[9]; но это и естественно, потому что, как отметил там же В. В. Бартольд, исследователь эпохи Тимуридов «испытывает затруднение не от недостатка, но от обилия материала,

---

[5] См. ниже, стр. 25 и 200.

[6] Несколько позже, в 1922 г., в результате исследования монет, чеканенных Улугбеком, В. В. Бартольд пришел к выводу, что «Улугбек, несмотря на свои культурные и научные интересы, был еще более турком и еще более дорожил военно-политическими традициями эпохи Тимура, чем казалось раньше» (см. ниже, стр. 199).

[7] См. ниже, стр. 121 и 167.

[8] В частности, стали известны дополнительные факты о строительной деятельности Улугбека, некоторые новые данные о его обсерватории и т. п.; в ином свете предстает хозяйственная деятельность ходжи Ахрара (обо всем этом см. в примечаниях к соответствующим местам текста).

[9] См. ниже, стр. 199.

разбросанного по большому числу библиотек, требующего критического рассмотрения, прежде всего критического издания»[10].

Продолжением этой работы в известной степени служит другая монография, помещенная в настоящем полутоме,— «Мир Али-Шир и политическая жизнь». Она была написана в связи с отмечавшимся в 1926 г. пятисотлетием со дня рождения Алишера Навои[11] (по лунному календарю: 844—1344/1441—1926)[12]. Еще в заключительных строках «Улугбека» Бартольд отметил, что с победой в Средней Азии реакционных дервишей во главе с ходжей Ахраром центр культурной жизни переместился в Герат, столицу государства Султан-Хусейна. Этому последнему периоду истории Тимуридов и его наиболее выдающейся фигуре, великому поэту Навои, и была посвящена новая работа Бартольда.

В небольшом предисловии к ней В. В. Бартольд писал, что, как и в «Улугбеке», он ставит перед собой задачу на основании доступных ему первоисточников «заменить более реальной картиной фантастический образ, созданный не только восточными, но и европейскими панегиристами Мир Али-Шира»[13]. Это весьма интересная деталь, характеризующая В. В. Бартольда как историка, исходившего только из того материала, который дают источники, и судившего о работе своих предшественников в первую очередь по тому, насколько они этими источниками владели; он неоднократно выступал против сложившихся в науке односторонних оценок исторических деятелей и явлений, происходящих зачастую от недостаточно глубокого анализа первоисточников и некритического подхода к ним[14].

В «Мир Али-Шире» В. В. Бартольд дал широкую картину политической (а отчасти и культурной) жизни государства Султан-Хусейна — конечно, картину далеко не исчерпывающую[15], но полную интересных

---

[10] См. там же. Несмотря на некоторые успехи в изучении тимуридских письменных источников, в целом положение до сих пор мало изменилось.

[11] Принятое сейчас в советской литературе написание имени (в соответствии с тем, как оно ныне произносится в Средней Азии) — Алишер Навои — было установлено только в 1938 г. юбилейным комитетом по проведению 500-летнего юбилея со дня рождения поэта (по солнечному календарю: 1441—1941). В настоящем издании сохраняется, как и во всех других случаях, транскрипция, употреблявшаяся Бартольдом (имя: Али-Шир, *тахаллус:* Неваи).

[12] Издана в 1928 г. в сб. «Мир-Али-Шир», Л. (стр. 100—164).

[13] См. ниже, стр. 200.

[14] Правда, именно в стремлении преодолеть некоторые распространенные до него односторонние взгляды В. В. Бартольд иногда впадал в противоположную крайность — например, при оценке положительных сторон монгольского завоевания или деятельности Тимура (ср. наст. изд., т. I, стр. 32; т. II, ч. 1, стр. 159).

[15] Немецкий переводчик «Мир Али-Шира» В. Хинц упрекнул Бартольда в том, что он ввиду ограниченности поставленной им перед собой задачи не использовал таких источников, как архитектурные памятники и надписи на них, монеты, изделия художественного ремесла, произведения живописи и каллиграфии, а также данных об истории науки и литературы в Иране в XV в.; без всего этого, по словам Хинца, не

фактов, впервые извлеченных из сочинений восточных авторов. Для последнего периода истории Тимуридов эта работа играет почти такую же роль, как «Улугбек» для предыдущего периода, хотя именно в изучении гератского общества XV в. наука после Бартольда достигла бо́льших успехов, чем во всех других вопросах истории Тимура и Тимуридов [16]. Однако основное значение этой работы состоит в том, что в ней впервые воссоздана биография Навои как исторического деятеля. Литературной деятельности Навои В. В. Бартольд здесь совсем не касается, прежде всего потому, что он не был литературоведом и не изучал творчества этого писателя. Быть может, в значительной мере вследствие этого Бартольд разделял распространенную до него совершенно неверную оценку творчества Навои как целиком подражательного; такая оценка отразилась в словах, которыми открывается первая глава «Мир Али-Шира»: «Мир Али-Шир — едва ли не самый блестящий представитель того направления в литературной и вообще культурной жизни турок, которое связано с полным их подчинением влиянию персидской мусульманской культуры» [17]. Но для нас сейчас представляет интерес не эта оценка, которая не занимает сколько-нибудь существенного места в труде Бартольда и на которой он сам, по словам Е. Э. Бертельса [18], не настаивал, а собранные им из первоисточников и критически сопоставленные сведения о жизни и политической деятельности Навои, сообщаемые в органической связи со сведениями о политической жизни той эпохи.

Многочисленные работы о Навои, появившиеся после 1926 г., в том числе и лучшая монография о творчестве этого поэта, принадлежащая Е. Э. Бертельсу, в отношении биографии Навои не добавили почти ничего нового к тому, что было написано Бартольдом. На труд В. В. Бартольда опирались без исключения все более поздние авторы. Следует отметить, однако, что во многих работах, вышедших в 30-х —

может быть достигнуто «подлинно всеобъемлющей культурно-исторической трактовки предмета» (см. Barthold, *Herāt*, S. VIII). Однако такой упрек был бы справедлив, если бы труд Бартольда носил то название, которое дал В. Хинц немецкому переводу («Герат при Тимуриде Хусейне Байкара») взамен «не вполне удачно выбранного», по его мнению, названия Бартольда. На самом деле избранная В. В. Бартольдом тема, которая достаточно ясно сформулирована им самим в предисловии и отражена в названии работы, освещена им для своего времени с исчерпывающей полнотой.

[16] Так, много новых фактов стало известно из области социально-экономической жизни государства Султан-Хусейна, о его административном устройстве, о культурной жизни Герата и т. д.

[17] Еще более отчетливо этот взгляд на творчество Навои высказан В. В. Бартольдом в его статье *Из прошлого турок* (столб. 198: «...поэзия Мир-Али-Шира была только подражательной; Мир-Али-Шир старался доказать, что турецкий язык ничем не хуже персидского, и для этой цели писал на турецком языке произведения вроде тех, какие были известны ему в персидской литературе, иногда под теми же заглавиями»).

[18] См. Бертельс, *Навои*, стр. 84.

40-х годах, Навои как политический деятель был представлен в сильно идеализированном свете, причем авторы таких работ опирались, как правило, не на какие-либо новые фактические материалы, а главным образом на тот раздел работы Бартольда, в котором говорится о «годах немилости и упадка влияния» Мир Али-Шира. Великий поэт нередко изображался борцом против феодального произвола и защитником интересов трудящихся, подвергавшимся систематической травле со стороны придворных, а его назначение наместником в Астрабад рассматривалось как следствие некоей политической оппозиции Навои по отношению к Султан-Хусейну [19]. Неверность этой концепции была отмечена Е. Э. Бертельсом [20], против нее с возражениями выступил и А. А. Семенов [21], доказывавший, в частности, что В. В. Бартольд без достаточных оснований говорил об опале Навои. Последний вопрос, по-видимому, еще нельзя считать решенным окончательно, однако, как бы то ни было, бесспорно одно: сам В. В. Бартольд был весьма далек от того, чтобы заменить один «фантастический образ» другим, и отнюдь не считал, что собранный им фактический материал позволяет говорить о Навои как о борце против султана во имя интересов народных масс. Смысл работы Бартольда заключается в том, что в отличие, например, от М. Белена и Э. Г. Брауна, писавших о «необыкновенно мирной» жизни Мир Али-Шира, он показал, что это был человек, находившийся в самой гуще политической жизни своей эпохи, могущественный сановник, активно участвовавший в политической борьбе и придворных интригах во главе «партии беков» (т. е. тюркской аристократии) [22] и изведавший не только благосклонность судьбы, но и превратности ее.

Как видим, в «Мир Али-Шире» В. В. Бартольд не только показывает образцы мастерского анализа источников (как и во всех других своих работах), но и учит осторожной, в высшей степени объективной их интерпретации, и с этой точки зрения его монография также полностью сохраняет свою актуальность. Известный историк-востоковед В. Ф. Минорский в своем предисловии к английскому переводу «Мир Али-Шира» с полным правом мог сказать, что среди «обширного моря» литературы о Навои труд Бартольда по-прежнему «плывет как Ноев ковчег» [23].

Обе большие работы В. В. Бартольда по истории Тимуридов по нескольку раз переводились на другие языки: «Улугбек» — на турецкий

[19] См., например, Боровков, *Изучение,* стр. 25; ср. также ниже, стр. 202, прим. 21, и 240, прим. 2.

[20] *Навои,* стр. 85. [21] *Взаимоотношения.*

[22] В. В. Бартольд, между прочим, показал, что источники не всегда рисуют политических противников Мир Али-Шира с отрицательной стороны; так, по словам современников, простой народ был доволен управлением Меджд ад-дина, положившего конец притеснениям со стороны чиновников и беков (см. ниже, стр. 241).

[23] Barthold, *Four studies,* vol. III, p. VII.

язык (1930 г.) [24], немецкий (1936 г.) [25], английский (1958 г.) [26] и персидский (1958 г.) [27]; «Мир Али-Шир» — на турецкий (1937—1938 гг.) [28], немецкий (1938 г.) [29] и английский (1962 г.) [30] языки. Таким образом, они получили заслуженную известность и уже давно стали доступны широкому кругу специалистов во всем мире.

Помимо двух монографий, из работ, вошедших во 2-ю часть II тома, истории Тимура и Тимуридов посвящена еще большая статья «О погребении Тимура» (1915 г.) [31]. Она была написана в тот период, когда В. В. Бартольд усиленно занимался тимуридскими источниками, готовя свою книгу об Улугбеке. В. В. Бартольд поставил перед собой задачу сопоставить все известные письменные источники для выяснения обстоятельств погребения Тимура и судьбы архитектурных сооружений, служивших мавзолеями Тимура и его потомков. Несмотря на то что археологические исследования, проведенные уже в советское время, позволили в некоторых случаях существенно уточнить выводы Бартольда (в особенности относительно памятников Шахрисябза, а также об истории сооружения и некоторых деталях устройства мавзолея Тимура, Гур-эмира), статья Бартольда по-прежнему остается наиболее полным сводом относящихся к этой теме письменных известий. Кроме того, в связи с историей погребения Тимура и Тимуридов В. В. Бартольд рассматривает здесь такие вопросы, как взаимоотношения Тимура с мусульманским духовенством, историческую эволюцию ханаки и медресе (главным образом как архитектурных терминов), значение терминов *суфа* и *чахар-суфа* и др. Благодаря всему этому статья «О погребении Тимура» служит важным пособием не только для изучения одного из наиболее ярких периодов истории среднеазиатской и персидской архитектуры, но и для решения некоторых других общеисторических и историко-культурных проблем.

[24] Переводчик — А. Н. Тахироглу. (Подробные библиографические сведения об этом и остальных переводах см. ниже, Библиографическая справка, стр. 551.)

[25] Переводчик — В. Хинц; приложен также перевод статьи *Монеты Улугбека.*

[26] Переводчики — В. и Т. Минорские.

[27] Переводчик — Ахмади-Пур.

[28] Переводчик — А. Джаферогглу.

[29] Переводчик — В. Хинц.

[30] Переводчики — В. и Т. Минорские. В обоих немецких и обоих английских переводах научный аппарат издания несколько упрощен: цитаты из источников в сносках даны только в переводе или в транскрипции, а иногда вообще опущены; опущены тексты из Мирхонда и Гияс ад-дина Каши, приложенные к русскому изданию «Улугбека». В немецком переводе «Мир Али-Шира» В. Хинцем выпущены некоторые критические замечания Бартольда в адрес авторов предыдущих работ, а также первые две фразы заключительного абзаца. В обоих турецких переводах текст В. В. Бартольда сохранен без каких-либо изменений и дополнений.

[31] ЗВОРАО, т. XXIII, стр. 1—32. Дополнением к этой работе до некоторой степени служит статья *Новые данные о самаркандских памятниках* (1921 г.), помещаемая, ввиду ее более узкого характера, в IV томе «Сочинений».

Наконец, к работам по истории Тимура и Тимуридов примыкает и статья «Народное движение в Самарканде в 1365 г.» (опубликована в 1906 г.) [32], в которой В. В. Бартольд впервые в востоковедной литературе рассмотрел историю восстания «сербедаров» в Самарканде — одного из тех общественных движений, которых, как он подчеркнул, «и на мусульманском Востоке было больше, чем обыкновенно полагают». Интерес к народным движениям на Востоке Бартольд проявлял постоянно [33], начиная с «Туркестана». В данном случае вряд ли можно сомневаться в том, что статья была написана под известным влиянием революционных событий в России, о чем говорит употребляемая Бартольдом в этой статье терминология [34], а, быть может, и следующие слова, имеющие большое значение для характеристики его взглядов как историка: «...Можно доказать с несомненностью, что и к истории Востока применим вывод западноевропейской исторической науки о тесной связи между развитием общественного самосознания и развитием торгово-промышленного класса и городской жизни». История движения с достаточной полнотой изложена Бартольдом по сочинениям Низам ад-дина Шами, Шереф ад-дина Йезди, Му'ин ад-дина Натанзи и Абд ар-Раззака, причем предварительно вкратце рассматривается соотношение этих источников, что представляет и самостоятельный интерес.

Довольно значительное по объему место во 2-й части II тома «Сочинений» занимают статьи В. В. Бартольда, посвященные вопросу о распространении христианства в Средней Азии в средневековье, в первую очередь статья «О христианстве в Туркестане в домонгольский период», опубликованная в 1893 г.[35]. В основу ее легло еще студенческое сочинение «О христианстве в Средней Азии», написанное в 1888 г. (тему предложил Бартольду Н. И. Веселовский), за которое Бартольд был награжден серебряной медалью Восточного факультета Петербургского университета [36]. Таким образом, эта статья является его первой научной работой [37]. В 1901 г. она была переведена на немецкий язык и издана в виде отдельной брошюры Р. Штюбе [38], причем перевод был

[32] ЗВОРАО, т. XVII, стр. 01—019.

[33] Ср. наст. изд., т. I, стр. 28—30.

[34] См. ниже, стр. 364.

[35] ЗВОРАО, т. VIII, стр. 1—32.

[36] В своем отзыве рецензент — Н. И. Веселовский — указал, что работа является, во-первых, свидетельством выдающегося научного дарования автора и, во-вторых, хорошей сводкой всего материала, особенно для донесторианского периода истории христианства в Азии (см. *Отчет о состоянии и деятельности С.-Петербургского университета за 1888 г.*, стр. 105 и сл.).

[37] Но первыми печатными работами В. В. Бартольда были две статьи, опубликованные в 1892 г. в VI томе ЗВОРАО (*Пизанец Исол* и *Мусульманские известия о Чингизидах-христианах*).

[38] Barthold, *Zur Geschichte des Christentums*. Переводу предпослано краткое предисловие переводчика, который в некоторых случаях дал также свои примечания. Каче-

просмотрен автором, внесшим в него значительное количество поправок и дополнений, главным образом на основании результатов его поездки в Среднюю Азию в 1893—1894 гг., а также других данных, полученных за это время наукой [39].

В. В. Бартольд не занимался историей христианства как религии и даже, строго говоря, собственно историей христианской церкви в Азии. Вопрос о распространении христианства в Средней Азии интересовал его потому, что он видел в христианстве один из важнейших культурных элементов, взаимодействие которых, по его мнению (неоднократно высказывавшемуся в более поздних работах), и составляет основное содержание исторического процесса. Судя по статье «О христианстве в Туркестане», эта концепция сложилась (или, во всяком случае, зародилась) у него уже в самом начале его научного пути. Именно поэтому сами по себе сведения о христианстве в Средней Азии, которые В. В. Бартольд с присущей ему тщательностью впервые собрал из всех известных в то время мусульманских источников, занимают в работе сравнительно небольшое место, а наряду с этим много внимания уделено известиям и «о других культурных элементах, проникавших в те же страны» (буддизме, зороастризме, манихействе и пр.), и в особенности торговым путям, которыми пользовались представители религиозной пропаганды и которые определяли, по мнению Бартольда, пути культурного общения [40]. Несмотря на некоторую ограниченность такого подхода к вопросу о распространении различных религий, как общая картина, нарисованная Бартольдом, так и отдельные ее детали сохраняют свое значение до настоящего времени.

Дополнениями к этой работе служат статья «Еще о христианстве в Средней Азии» (1895 г.) [41] и две небольшие заметки: «Мусульманские известия о Чингизидах-христианах» (1892 г.) [42] и «К вопросу о Чингизидах-христианах» (1915 г.) [43], где приведены сведения о распространении христианства и положении христиан в Средней Азии уже при монголах.

ство издания невысокое: большое количество опечаток, особенно в китайских и арабских названиях. В 1925 г. в журнале «Türkiyat mecmuasi» (т. I) был опубликован турецкий перевод, сделанный с немецкого издания (переводчик А. Дж. Кёпрюлюзаде).

[39] В особенности по статьям: Hirth, *Nachworte;* Marquart, *Die Chronologie;* Barthold, *Die alttürkischen Inschriften.*

[40] Известный французский синолог Э. Шаванн не понял этого подхода Бартольда к рассматриваемой им проблеме и в своей довольно сдержанной рецензии (на немецкое издание; RHR, vol. XLV, pp. 123—1124) писал, что если из статьи удалить все, что «не имеет отношения к теме», то останется всего 3—4 страницы, имеющие значение для истории несторианства.

[41] ТВ, 1895, № 36.

[42] ЗВОРАО, т. VI, стр. 330—331.

[43] ЗВОРАО, т. XXIII, стр. 341—343.

Из работ, относящихся к раннесредневековой истории Средней Азии (до монгольского нашествия) во 2-ю часть II тома «Сочинений» включены статьи «К истории арабских завоеваний в Средней Азии» (1906 г.) [44] и «Султан Синджар и гузы» (1912 г.) [45], а также заметка «К вопросу о родине Хаким-Ата» (1902 г.) [46].

В первой из этих статей В. В. Бартольд высказал (вслед за И. Вельхаузеном) несколько скептический взгляд на арабские источники для истории завоевания Средней Азии арабами, заметив, что рассказы Мадаини «более походят на произведения эпического народного творчества, чем на историческое повествование». В связи с этим он подчеркнул важность всяких других данных для проверки арабских источников и указал, в частности, на китайский перевод письма Гурека китайскому императору, сохранившийся в энциклопедии *Цэ-фу юань-гуй* [47]. Опираясь на письмо Гурека, В. В. Бартольд проанализировал сообщения Мадаини о самаркандском походе Кутейбы и пришел к выводу, что предпочтение должно быть отдано не сводному рассказу, а другой версии, приводимой Мадаини. В этой части статья Бартольда служит образцом сравнительного анализа источников и его выводы сохраняют силу, несмотря на то, что с тех пор обнаружены многочисленные новые материалы эпохи арабского завоевания, заставившие, в частности, отказаться от скептического отношения к арабским повествовательным источникам [48].

В статье о султане Санджаре [49] приведены существенные поправки и дополнения к известиям о столкновении этого сельджукского султана с гузами, собранным К. А. Иностранцевым [50]. И здесь В. В. Бартольд продемонстрировал глубокое знание восточных письменных источников, убедительно доказав, что рассказ «хорасанского летописца» (по-видимому, Абу-л-Хасана Бейхаки), на которого ссылается Ибн ал-Асир, заслуживает предпочтения, несмотря на то что он противоречит словам большинства других историков, на которые ссылается Иностранцев.

Часть статей и рецензий, помещенных во 2-й части II тома «Сочинений», касается истории Средней Азии в позднем средневековье (с XVI по XIX век). Этим периодом В. В. Бартольд занимался, пожалуй, меньше, чем предшествующими, однако заслуживает быть отмеченным, что

---

[44] ЗВОРАО, т. XVII, стр. 0140—0147.

[45] ЗВОРАО, т. XX, стр. 046—049. [46] ТВ, 1902, № 17.

[47] По французскому переводу Э. Шаванна (*Documents*, pp. 204—205).

[48] См. Крачковская — Крачковский, *Древнейший арабский документ*, стр. 72—73.

[49] Бартольд в разных работах писал это имя то Синджар, то Санджар, по-видимому, не решаясь отдать предпочтение одной из этих форм (ср. EI, II, S. 962: «Санджар (или Синджар)». Поэтому мы сохраняем оба написания, употреблявшиеся Бартольдом. Следует читать только Санджар (см. Pelliot, *Notes sur l'histoire de la Horde d'Or*, pp. 177—180).

[50] В том же томе ЗВОРАО (*Коркуд*).

даже в те годы, когда он интенсивно готовил свой капитальный труд «Туркестан», посвященный домонгольскому периоду, он одновременно уделял внимание различным вопросам поздней истории Средней Азии, опубликовав ряд таких статей в туркестанской периодической печати и «Записках Восточного отделения». В. В. Бартольд не раз подчеркивал важность изучения истории Средней Азии в XVI—XIX вв., в особенности в период, предшествующий русскому завоеванию. «История среднеазиатских ханств в XVIII и XIX вв., — писал он в 1910 г., — принадлежит к числу наименее разработанных отраслей истории Востока, что объясняется не отсутствием источников, а равнодушием исследователей». Пренебрежение сравнительно недавним историческим прошлым страны, как совершенно правильно указал Бартольд, объяснялось преувеличенной оценкой культурного уровня так называемого «древнего Востока», в то время как история последних веков представлялась в виде картины «непрерывного и безнадежного застоя и упадка», а потому и объявлялась не заслуживающей внимания. В результате «история этих веков остается и до настоящего времени гораздо менее исследованной, чем было бы возможно по количеству и качеству находящихся в нашем распоряжении источников» [51].

К сожалению, несмотря на значительные успехи, достигнутые уже в советское время в изучении Средней Азии периода позднего феодализма, пренебрежение к истории этого периода вследствие несколько преувеличенного внимания к ранним эпохам, в которых усматривают так называемое «великое прошлое», иногда проявляется и сейчас. Вследствие этого приведенное выше высказывание Бартольда сохраняет особую актуальность.

Сам В. В. Бартольд превосходно знал источники по поздней истории Средней Азии; некоторые из них он первый открыл [52] или использовал [53]. Как всегда, по первоисточникам им были написаны сжатые общие очерки истории узбекских ханств в XV—XIX вв. [54], а также соответствующие разделы работ, посвященных истории таджиков, киргизов и туркмен [55]. Особенно много внимания позднему периоду он уделил в исследованиях по исторической географии, в частности истории орошения Средней Азии. Однако специальных работ, в которых рассматриваются отдельные вопросы истории Средней Азии в позднее средневековье и новое время, он успел написать сравнительно немного. Из таких работ, помещенных во 2-й части II тома «Сочинений», три: «Туземец о русском завоевании»

---

[51] См. ниже, стр. 400 (в статье *События перед хивинским походом*).

[52] См. Бартольд, *Новый источник по истории Хорезма.*

[53] Например, сочинение Махмуда б. Вели *Бахр ал-асрар* и хроники Муниса и Агехи.

[54] См.: *История Туркестана* (наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 163—166) и *История культурной жизни Туркестана* (там же, стр. 268—292).

[55] См. наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 462—468, 511—543, 595—623.

(1898 г.) [56], «Извлечение из *Та'рӣх-и Шӑхрухӣ*» (1898 г.) [57] и «События перед хивинским походом 1873 года» (1910 г.) [58] — содержат пересказы сообщений среднеазиатских летописцев о событиях, связанных с русским завоеванием или непосредственно предшествовавших ему. В. В. Бартольд вслед за Н. И. Веселовским подчеркнул важность изучения рассказов самих жителей Средней Азии о русском завоевании, в особенности содержащихся в памятниках среднеазиатской исторической литературы, так как при пользовании одними лишь русскими источниками трудно избежать односторонности в освещении событий. Заметим, кстати, что после Бартольда в этой области было сделано немного, если не считать сравнительно недавних публикаций сочинения Абд ал-Азима Сами и мемуаров Ахмеда Даниша.

Большой интерес представляет статья «Церемониал при дворе узбецких ханов в XVII веке» (1909 г.) [59]. В ней приведен текст и перевод отрывка из редкого сочинения Махмуда б. Вели *Бахр ал-асрӑр*, содержащего чрезвычайно любопытные данные о жизни узбекских ханств, в особенности об их административном устройстве. Сам Бартольд рассматривал это извлечение в первую очередь как важный материал для изучения «одного из самых любопытных вопросов этнографии и культурной истории», — вопроса, занимавшего его, пожалуй, на протяжении всей его научной деятельности: «о постепенном подчинении кочевых завоевателей влиянию населения покоренных ими культурных областей». К этой статье в дальнейшем нередко обращались историки, изучавшие административное устройство позднефеодальных государств Средней Азии [60], и этнографы; внимание последних привлекло описание обычаев местничества [61] и питья кумыса [62], в которых отражались древние кочевые традиции.

Несколько статей посвящено выяснению значения чрезвычайно интересного термина *сарт*, о котором в свое время существовала довольно большая литература. В наиболее полной форме точка зрения В. В. Бартольда на историческую эволюцию этого термина (принятая, в общем, современной наукой) выражена в статье «Сарт», помещенной в «Энциклопедии ислама» (т. IV); мы публикуем здесь, однако, и более ранние его статьи, так как они дают возможность проследить развитие его взглядов по этому вопросу.

---

[56] ТВ, 1898, № 13, 14, 35, 37, 40.

[57] ЗВОРАО, т. XI, стр. 105—114.

[58] «Кауфманский сборник», стр. 1—19.

[59] ЗИРГО по отд. этногр., т. XXXIV, стр. 293—308. В 1944 г. опубликован турецкий перевод в журнале «Türk hukuk tarihi dergisi» (том I).

[60] Особенно А. А. Семенов, который, благодаря открытию новых источников по этому вопросу и великолепному личному знакомству с жизнью позднефеодальной Средней Азии, смог внести ряд важных поправок к толкованиям терминов, предложенным В. В. Бартольдом (см. ниже, стр. 394 и сл.).

[61] См. Жданко, *Очерки*, стр. 86—87.

[62] См. об этом ниже, стр. 397.

Вопросов истории Средней Азии за последние столетия касаются и три рецензии, помещенные во 2-й части II тома: на публикацию Н. И. Веселовского «Киргизский рассказ о русских завоеваниях в Туркестанском крае», на работы О. А. Шкапского и на книгу С. В. Жуковского «Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие».

Наконец, последняя область истории Средней Азии, проблемы которой освещаются в статьях, включенных во 2-ю часть II тома «Сочинений», — это так называемый «домусульманский» (т. е. в значительной степени древний) период; таких работ здесь всего четыре: «Несколько слов об арийской культуре в Средней Азии», «Греко-бактрийское государство и его распространение на северо-восток», «К вопросу об языках согдийском и тохарском» и «Места домусульманского культа в Бухаре и ее окрестностях».

В. В. Бартольд в своих исследованиях прежде и больше всего опирался на данные средневековых арабо- и персоязычных письменных источников. Эти источники определяли и круг его основных интересов как историка: почти все его труды посвящены средневековью. Однако, будучи фактически основоположником изучения истории Средней Азии вообще, В. В. Бартольд не мог не интересоваться и ее древней — «домусульманской» историей.

Его интерес к древнему периоду истории Средней Азии подогревали и археологические находки, которые следовали одна за другой, возбуждая общественное мнение в среднеазиатских городах и в научных центрах России[63]. В. В. Бартольд был одним из инициаторов создания в Ташкенте Туркестанского кружка любителей археологии и постоянно оказывал ему всевозможную помощь. Время от времени он и сам принимал участие в археологических работах в Средней Азии[64]. Все это невольно влекло его к отдельным экскурсам в область древней истории Средней Азии, экскурсам, в которых он должен был обращаться, помимо обычного круга своих источников, также к античным (греческим и римским) и китайским авторам и к археологическим материалам. Огромный прогресс, достигнутый в археологическом изучении Средней Азии уже после смерти Бартольда, привел к тому, что именно эти его работы больше, чем любые другие, подлежат теперь существенному дополнению и пересмотру[65]. Однако основной материал, извлеченный

---

[63] Достаточно вспомнить, например, оживленный обмен мнениями (в котором принял участие и Бартольд) в связи с находками в разных местах Туркестанского края глиняных костехранилищ — оссуариев.

[64] Об этом см. подробнее в т. IV настоящего издания.

[65] Сам Бартольд не мог предвидеть, какой размах получат археологические работы в Средней Азии, и, например, полагал, что «едва ли можно надеяться, что когда-нибудь будут найдены предметы, относящиеся к еще более глубокой древности», чем греко-бактрийская эпоха (см. ниже, стр. 322).

Ст3.244

В. В. Бартольдом в этих статьях из письменных источников, которые он знал в совершенстве, не устарел и поныне.

Так, работа «Несколько слов об арийской культуре в Средней Азии», прочитанная на заседании Туркестанского кружка любителей археологии 3 (15) июня 1896 г. [66], не потеряла своего значения и после выхода в свет «Туркестана», и содержащиеся в ней отдельные сведения и соображения все еще привлекают к себе внимание исследователей (например, указания о местонахождении замков домусульманских самаркандских владетелей, замечания о религии домусульманской Средней Азии, о народных религиозных движениях и т. п.).

Интересна для современного историка и статья «Греко-бактрийское государство и его распространение на северо-восток» (1916 г.) [67], в которой В. В. Бартольд, оперируя менее известными ему источниками — античными и китайскими, мастерски применяет принципы критического подхода к сведениям древних авторов, устанавливая исторические факты только при помощи тщательной проверки всех относящихся к ним известий [68]. Исследователи не могут пройти мимо высказанных в этой статье замечаний В. В. Бартольда по поводу недостаточно обоснованных выводов о политике греко-бактрийских царей в Средней Азии и мнимом влиянии греческой культуры на древнюю Фергану, а также мимо ряда интересных соображений о торговле, торговых путях и народах, живших вдоль этих путей в первые века нашего летосчисления. Знание этой статьи особенно полезно еще и потому, что некоторые из рассматриваемых в ней вопросов все еще не решены и при изучении их еще и ныне иногда применяется все тот же некритический подход к материалу, борьбе с которым В. В. Бартольд по существу посвятил эту статью.

Статья «К вопросу об языках согдийском и тохарском» (1927 г.) [69] представляет собой ценную сводку накопленных к тому времени знаний о двух древних среднеазиатских народах (именно народах, а не только их языках) — согдийцах и тохарах. В отличие от лингвистов-иранистов, в чьем почти монопольном владении находилось до той поры изучение вопроса о языке и культуре согдийцев и тохаров, В. В. Бартольд рассмотрел этот вопрос с точки зрения историка, обратив внимание на ряд фактов, мимо которых обычно проходили авторы лингвистических работ. В частности, он углубил исследование вопроса о колонизационной деятельности согдийцев, а говоря о тохарах, привел ценное свидетельство автора XII в. Сам'ани о письменности Вашгирда, столицы древнего Хутталя.

---

[66] «Средне-Азиатский вестник», Ташкент, 1896, июнь, стр. 20—33.

[67] ИАН, сер. VI, т. X, стр. 823—828.

[68] Так определил учитель Бартольда, В. Р. Розен (ЗВОРАО, т. II, 1888, стр. 288), сущность исторической критики.

[69] «Иран», т. I, стр. 29—41.

Не менее важна для советских историков и опубликованная в том же году статья «Места домусульманского культа в Бухаре и ее окрестностях»[70], в которой В. В. Бартольд с присущей ему критичностью и добросовестностью собрал, часто буквально по крупицам, и проанализировал сведения из различных средневековых сочинений, прежде всего из «Истории Бухары» Нершахи.

Особый раздел настоящего полутома составляют статьи В. В. Бартольда в «Энциклопедии ислама». В этом международном издании Бартольду принадлежит 246 статей и заметок, составляющих в совокупности, по словам И. И. Умнякова, своего рода энциклопедию истории и исторической географии Средней Азии. Как заметил выдающийся французский востоковед П. Пелью, статьи, написанные В. В. Бартольдом для «Энциклопедии ислама», «полны новых данных или представляют собой свод фактов, которых никто не собирал воедино в таком изобилии, как он»[71]. Ввиду распределения работ В. В. Бартольда между томами «Сочинений» по тематическому признаку, пришлось и эти статьи поместить в разных томах. Несколько таких статей уже опубликовано в 1-й части II тома, подавляющее большинство остальных входит в настоящий полутом, а также в тома III (работы по исторической географии) и V (работы по истории тюркских и монгольских народов). Об условности такого распределения, которая сказывается здесь в еще большей степени, чем для остальных работ, уже говорилось в предисловии к 1-й части II тома.

Всего во 2-ю часть II тома включена 31 статья из «Энциклопедии ислама». Большинство из них посвящено отдельным правителям из династий Саманидов, Караханидов, хорезмшахов, Тимуридов и др. или целым династиям (статьи «Илек-ханы», т. е. Караханиды, «Бурхан», «Хорезмшах», «Шейбаниды»). Не все эти статьи, конечно, в равной степени сохраняют сейчас свое значение; больше всего новых данных получено за последнее время по истории Караханидов, однако даже в этой области большое количество фактов, впервые установленных В. В. Бартольдом на основе анализа письменных источников, можно считать прочно вошедшими в науку. Поэтому статьи В. В. Бартольда из «Энциклопедии ислама» всегда будут служить важнейшим справочным пособием для специалистов. В выходящем ныне втором издании «Энциклопедии ислама» некоторые статьи Бартольда не перепечатаны, другие переизданы с дополнениями (а иногда и в переработке) зарубежных востоковедов[72]. Мы во всех случаях публикуем эти статьи в

---

[70] «Восточные записки», изд. ЛИЖВЯ, I, стр. 11—25.

[71] Pelliot, *W. Barthold*, p. 459.

[72] Часть статей опубликована также в переводе на турецкий язык (без изменений) в турецком издании «Энциклопедии ислама» («Islam ansiklopedisi»; издание еще не закончено).

переводе с первого издания «Энциклопедии ислама» (сведения о наличии дополнений и изменений в новом издании помещены в «Библиографической справке»).

* *
*

Работы, вошедшие в состав 2-й части II тома «Сочинений», публикуются по тексту их прижизненных изданий, без каких-либо изменений (за исключением унификации библиографического аппарата и транскрипции [73]). Текст русского издания статьи «О христианстве в Туркестане» сверен с авторизованным немецким переводом 1901 г., и в него внесены все изменения и дополнения в соответствии с последним. В тех случаях, когда оставалась неясность относительно того, является ли изменение в тексте немецкого издания авторской правкой или неточностью перевода, составитель оговорил это в примечаниях.

В принадлежавшем В. В. Бартольду экземпляре книги «Улугбек и его время» (в настоящее время он хранится в библиотеке Ленинградского отделения Института народов Азии) имеются карандашные пометки на полях, сделанные рукою Бартольда и содержащие уточнения и дополнения к изданному тексту. Такие же пометки обнаружены в экземпляре XXIII тома ЗВОРАО, принадлежавшем В. В. Бартольду (ныне находится в Иранском кабинете Ленинградского отделения ИНА), в тексте статьи «О погребении Тимура». Все эти пометки публикуются в настоящем издании.

В первом издании «Улугбека» были помещены в качестве приложения текст трактата Гияс ад-дина Каши об астрономических инструментах и извлечение из *Раузат ас-сафа'* Мирхонда с описанием похода Улугбека в Моголистан. Первый из этих текстов в настоящем издании не перепечатывается, так как он сейчас доступен специалистам в русском переводе В. А. Шишкина (см. ниже, стр. 136, прим. 13) [74]. Извлечение из Мирхонда, изданное В. В. Бартольдом в виде критического текста по нескольким рукописям и литографированным изданиям, публикуется здесь (см. ниже, стр. 178—196), так как до сих пор отсутствует научное издание *Раузат ас-сафа'* [75].

В архиве В. В. Бартольда сохранился черновик работы «Мир Али-Шир и политическая жизнь» [76]. Сличение этого черновика с изданным

---

[73] См. об этом предисловие от Редакционной коллегии к I тому наст. издания.

[74] Трактат был переведен самим В. В. Бартольдом, но по каким-то причинам не опубликован; этот перевод имеется в рукописи «Улугбека» (см. Архив АН СССР, фонд 68, оп. 1, № 52, лл. 96—100).

[75] Последнее издание, вышедшее в 1960 г. в Иране, также не является критическим.

[76] Архив АН СССР, фонд 68, оп. 1, № 53.

текстом показало, что работа при подготовке к изданию в ряде случаев подверглась довольно существенной правке, которая, однако, как правило, касалась лишь формы изложения, а не содержания. Сильно отличается лишь вводная часть[77], которая в черновом варианте была значительно больше, чем в опубликованном, и отчасти повторяла материал, имеющийся в «Улугбеке».

Текст 2-й части II тома подготовлен к изданию Ю. Э. Брегелем, под редакцией Б. Г. Гафурова; Ю. Э. Брегелем также переведены с немецкого статьи из «Энциклопедии ислама», сверены русское и немецкое издания статьи «О христианстве в Туркестане», составлены библиография и указатели[78]. Им же написаны примечания ко всем работам В. В. Бартольда (они помечены инициалами *Ю. Б.*), за исключением статей «Несколько слов об арийской культуре в Средней Азии», «Греко-бактрийское государство и его распространение на северо-восток», «К вопросу об языках согдийском и тохарском» и «Места домусульманского культа в Бухаре», примечания к которым написаны Б. Я. Стависким (инициалы — *Б. С.*). Б. Я. Стависким также, в основном, написан раздел предисловия, посвященный этим статьям. Часть примечаний к работе «О христианстве в Туркестане» написана С. Г. Кляшторным (инициалы — *С. К.*), несколько примечаний к статье «Туземец о русском завоевании» написано В. А. Ромодиным (инициалы — *В. Р.*). Составитель счел нужным воспроизвести бóльшую часть примечаний проф. В. Ф. Минорского (с любезного согласия их автора) к опубликованным им английским переводам работ «Улугбек и его время» и «Мир Али-Шир и политическая жизнь» (инициалы — *В. М.*).

Современная транскрипция китайских имен и названий была указана Б. Л. Рифтиным и Н. А. Кукушкиной. Составитель приносит искреннюю благодарность им, а также О. Ф. Окимушкину, Д. Е. Бертельсу, А. Н. Болдыреву, Е. А. Давидович, С. Г. Кляшторному, Н. В. Пигулевской, В. Б. Португалю, В. А. Ромодину и И. И. Умнякову, оказавшим большую помощь при подготовке к изданию настоящего полутома своими замечаниями и советами.

Ю. Брегель

[77] Лл. 1—10.

[78] Библиография и указатели к 1-й части II тома составлены В. Б. Португалем.

УЛУГБЕК
И ЕГО ВРЕМЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В одной из статей, вызванных открытием развалин обсерватории Улугбека, было обращено внимание на крайнюю скудость наших «сведений о личности самого Улугбека и о роли его в трудах Самаркандской обсерватории»[1]. Личность и царствование Улугбека еще не были предметом монографии со стороны историка-ориенталиста; для астрономов, писавших об Улугбеке, автор астрономических таблиц, естественно, заслонял собой правителя и исторического деятеля. Под пером астрономов внук Тимура, честолюбивый властитель, соединявший, по выражению персидского историка, «ученость Платона с пышностью Феридуна»[2], обратился в идеалиста-ученого, с первых лет своего царствования отвернувшегося от политики и отдававшего все свое время математике и астрономии[3]. Основанное им медресе, под влиянием вольного перевода одного из старых ориенталистов, сделалось «гимназией, устроенной по образцу александрийского музея»[4]. Немногим известно, что эпоха Улугбека принадлежит к числу таких исторических эпох, где исследователь располагает несколькими письменными источниками, независимыми один от другого, так что для догадок и гипотез остается гораздо меньше простора, чем полагали писавшие об Улугбеке астрономы.

Правда, наши сведения об Улугбеке все-таки гораздо более скудны, чем сведения об его отце и деде. Мы не имеем исторических сочинений, написанных при дворе Улугбека, не имеем также сочинений путешественников, видевших Улугбека, его двор и его столицу; рассказы людей, живших при Улугбеке в Мавераннахре, доступны нам

[1] Милованов, *Астрономические познания,* стр. 52.

[2] Мирхонд, лакнауское изд., стр. 1290; рук. Аз. муз., лл. 319б—320а: دانش افلاطون وحشمت فريدون جمع داشت.

[3] Sédillot, *Prolégomènes,* I, introd., p. CXXV: «entrainé par l'amour de l'étude, il abandonna promptement le terrain de la politique pour se livrer tout entier à sa passion pour les mathématiques et l'astronomie». Еще более категорически выражается один из современных русских исследователей: Улугбек был «идеалистом ученым, отдавшим всего себя науке, человеком не от мира сего» (Сикора, *О памятнике Улуг-Беку,* стр. 82).

[4] Humboldt, *Kosmos,* Bd II, S. 261. Слово «gymnasium», в переводе Хайда (Th. Hyde), ср. Sédillot, *Prolégomènes,* I, introd., p. CXXVI et CXXVIII.

только из вторых рук. О наружности Улугбека мы не находим в источниках ни слова, тогда как мы располагаем довольно наглядным описанием наружности Тимура [5] и даже Чингиз-хана [6]; вероятно, найдутся изображения Улугбека в иллюстрированных рукописях, но пока и такие изображения еще не приведены в известность; сверх того крайне сомнительно, можно ли предполагать в таких иллюстрациях портретное сходство. Но, как мы увидим, действия Тимура, о которых мы располагаем подробными сведениями, во многом определили собой всю дальнейшую жизнь созданной им империи; в событиях царствования Тимура мы находим также ключ к объяснению многих действий Улугбека, его успехов и неудач. Очерк жизни и правления Улугбека приходится, таким образом, начать кратким описанием того наследства, которое получил Улугбек от своего деда [7].

---

[5] Особенно у Клавихо, изд. Срезневского, 249 и сл.<ом. теперь также новое издание Клавихо, выполненное Ф. Лопес Эстрадой (1943 г.). — *Ю. Б.*>; Ибн Арабшах, каирск. изд. 216 и сл. <После вскрытия в 1941 г. погребения Улугбека — одновременно с погребениями других Тимуридов и Тимура — в Гур-эмире скульптор-антрополог проф. М. М. Герасимов по черепу Улугбека реконструировал его скульптурный портрет; см. Герасимов, *Основы,* стр. 163 и сл. (портрет на стр. 166). — *Ю. Б.*>

[6] Слова Джузджани и китайца Мэн Хуна, приведенные в моем *Туркестане,* ч. II, стр. 497;<наст. изд., т. I, стр. 527; как ныне установлено, имя китайского автора не Мэн Хун, а Чжао Хун, см. наст. изд., т. I, прим. 5 к стр. 84. — *Ю. Б.*>

[7] <Из новых работ по истории Тимура, написанных после смерти В. В. Бартольда, см.: Якубовский, *Тимур;* Греков — Якубовский, *Золотая Орда,* стр. 336—373; Строева, *Борьба кочевой и оседлой знати;* Строева, *Возникновение государства Тимура.* О новых изданиях источников см. Roemer, *Neuere Veröffentlichungen;* Тадж ас-Сальмани, предисл., 1—4. — *Ю. Б.*>

I

МОНГОЛЬСКАЯ ИМПЕРИЯ И ЧАГАТАЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО

Государство, созданное Тимуром, представляет своеобразное сочетание элементов турецко-монгольской государственности и турецко-монгольского военного строя с элементами мусульманской, главным образом персидской культуры.

После ряда трудов, посвященных Чингиз-хану и его империи[1], можно считать окончательно опровергнутым прежний взгляд на монгольские завоевания как на беспорядочное, стихийное движение дикарей, подавлявших все своею численностью и умевших только уничтожать непонятную им культуру. Жизнь кочевников, несмотря на всю ее несложность, существенно отличается от первобытной жизни дикарей. В степи существует различие между богатыми и бедными и вытекающий отсюда антагонизм сословий, существует потребность защитить свое имущество, главным образом свои стада, от внешних врагов, происходит вооруженная борьба за пастбища, захватывающая иногда обширный район, происходят кризисы, заставляющие народ организовать свои силы и объединиться вокруг одного лица или одного рода. Вместо обычных условий жизни кочевников[2], при которых можно говорить только об общественном, но не о государственном строе, в короткое время возникает не только сильная государственная власть, но и представление о великодержавном могуществе, при благоприятных условиях переходящее в представление о мировом владычестве. Для успеха такой идеи необходимо, чтобы ее представитель располагал прочной, тщательно организованной силой. Будничные условия жизни кочевников мало благоприятны для таких стремлений; для сколько-нибудь прочного существования кочевой империи необходимо, чтобы ее глава или путем набегов, или путем завоеваний

---

[1] О литературе см. Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 60 и сл.; <наст. изд., т. I, стр. 108 и сл.; о новых работах — там же, прим. 4 на стр. 112>; Barthold, *Čingiz-Khān*, — EI, I, S. 898.

[2] Лучший очерк их дал В. В. Радлов (*Кутадгу билик*, изд. Радлова, введ., стр. LI и сл.; Радлов, *К вопросу об уйгурах*, стр. 65 и сл.).

доставлял своим подданным богатства культурных стран. В завоеванной стране кочевники, особенно династия и ее главные сподвижники, постепенно подчиняются влиянию более высокой культуры; но то, что они принесли с собой, исчезает не сразу и не бесследно. Завоеватели стараются соединить свободу кочевой жизни с благами культуры; под влиянием такого стремления вырабатываются своеобразные отношения между государем, его соплеменниками и его новыми подданными; государственная система, возникшая на прежней родине завоевателей, хотя и не без влияния представителей культуры, находит в завоеванной стране более благоприятные условия для своего развития, успешно выдерживает соперничество с политическими идеалами, существовавшими в той же стране раньше, и оставляет в чужой стране более прочный след, чем на своей родине. Монгольская государственность привела к установлению более устойчивого политического порядка в Китае, в мусульманской Азии и в России[3], не оказав в этом отношении почти никакого влияния на историю самой Монголии; таким же образом государственная система, созданная Мухаммедом и первыми халифами, имела гораздо больше влияния на судьбу завоеванных арабами стран, чем на судьбу арабского полуострова.

Среди кочевых империй государство, основанное Чингиз-ханом, представляет совершенно исключительное явление. Во всех других случаях объединившимся кочевникам удавалось подчинить себе только сравнительно небольшое число культурных земель; монголы разгромили целый ряд культурных государств, завоевали весь материк Азии, кроме Индии, Сирии и арабского полуострова, и Восточную Европу и основали самую обширную империю, когда-либо существовавшую. При этом такие исключительные результаты были достигнуты народом немногочисленным и, по-видимому, не нуждавшимся в новых землях. Как в государстве древних персов, народные массы в подавляющем большинстве остались на своей прежней родине. Составленное около 1240 г. монгольское эпическое произведение, известное под китайским названием *Юань-чао би-ши*, наглядно показывает, как мало интересовались монголы действиями Чингиз-хана вне пределов Монголии. В изречениях, приписанных Чингиз-хану и его сподвижникам[4], говорится только о захвате и разделении добычи на войне и охоте; этим определялась вся цель объединения народа под властью хана, все права и обязанности хана и его помощников. Военные успехи Чингиз-хана, сделавшие его из атамана разбойни-

[3] Ср. Бартольд, «Мир ислама», т. I, стр. 72. <В. В. Бартольд преувеличивал роль «монгольской государственности» в истории стран, подвергшихся монгольскому завоеванию; см. наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 719, прим. 13 и 14.—*Ю. Б.*>

[4] Они были приведены мною в ЗВОРАО, т. X, стр. 110 и сл.<*Образование империи Чингиз-хана*>.

чьей шайки[5] обладателем величайшего в мире государства, должны были окружить его имя обаянием, каким редко пользовался основатель династии. Его воля была непреложным законом как при его жизни, так и после его смерти; из его преемников ни один не решился бы поставить себя рядом с Чингиз-ханом и требовать для себя такого же поклонения. Основатель империи, подобно прежним турецким властителям, после вступления на престол принял титул, совершенно вытеснивший его личное имя; все последующие монгольские ханы до и после вступления на престол носили одно и то же имя. В Китае мы и при монгольских императорах, как прежде, встречаем особые названия для династии, для годов правления отдельного государя, посмертные имена и т. п.; но вне пределов Китая и эти императоры, даже в официальных документах, назывались своими личными монгольскими именами[6].

Монгольская империя выдается среди прочих кочевых государств не только своими размерами, но и продолжительностью своего существования. В. В. Радлов[7] объясняет это тем, что к монгольскому государству «были присоединены многие значительные государства оседлых народов и что оно распалось не на отдельные колена, которые его образовали, а на ряд культурных государств (Китай, Средняя Азия, Персия и т. д.)». Однако, кроме Китая, мы только в Персии можем признать монгольское господство продолжением и дальнейшим развитием прежней государственной жизни.

О государстве, основанном монголами в Передней Азии, о его экономической и культурной жизни мне уже приходилось говорить в других работах[8]. Факты показывают, что Персия в эту эпоху, вопреки жалобам современников на полное разорение страны и полный упадок образованности, в культурном и, по всей вероятности, в экономическом отношении занимала первое место в тогдашнем мире. Городская жизнь продолжала развиваться; возникали новые торговые города, сохранявшие значение и после монголов; страна вела обширную морскую торговлю с Индией и Китаем, и установилось более живое общение, чем когда-либо, между культурой Дальнего Востока и Передней Азии; в культурной жизни после уничтожения халифата в большей степени, чем прежде, могли принимать участие рядом с мусульманами иноверцы. Монгольские властители покровительствовали светским наукам, особенно математике, астрономии и медицине; в

---

[5] В душе Чингиз-хан оставался таковым, судя по приписанным ему изречениям, до конца жизни; этот факт был мною отмечен в EI, I, S. 893<*Čingiz-Khān*>.

[6] Ср., например, известную грамоту 1305 г., посланную французскому королю из Персии; текст, транскрипция и перевод у Потье (Марко Поло, изд. Потье, II, прилож. № 6). <См. новое издание: Mostaert — Cleaves, *The Lettres*, pp. 55—85. — *Ю. Б.*>

[7] *Кутадгу билик*, изд. Радлова, стр. LVI; Радлов, *К вопросу об уйгурах*, стр. 75.

[8] *Персидская надпись*; «Мир ислама», т. I, стр. 73 и сл.

Северо-Западной Персии строились новые обсерватории, с усовершенствованными инструментами; персидские астрономические сочинения переводились в Византии на греческий язык[9]. Исторические предания различных народов были объединены на персидском языке, при участии представителей отдельных народностей, в свод, остающийся, по обширности плана, непревзойденным до сих пор. Великолепные постройки этой эпохи[10], по отзыву специалистов, принадлежат к числу замечательнейших произведений мусульманской архитектуры и в такой же степени, как развитие точных наук и историографии, свидетельствуют о расширении культурных связей по сравнению с домонгольским периодом[11].

Совсем иная жизнь установилась под властью монголов в Средней Азии. Несмотря на то, что среди выдающихся мусульманских философов, натуралистов, астрономов и др. были и уроженцы Средней Азии, как ал-Фараби, Ибн Сина (Авиценна) и ал-Бируни, несмотря на значительное развитие искусств в Средней Азии в предшествующую эпоху, под влиянием греко-бактрийской культуры и др., мусульманский Мавераннахр не создал, насколько известно до сих пор, никаких традиций ни в области светских наук, ни в области искусства[12]. В этом отношении Тимур и его преемники, как мы увидим, находились в полной зависимости от Персии. Совершенно иное значение имеет эта страна в истории мусульманского богословия. Высшие мусульманские духовные училища — медресе — появились на восточной окраине халифата раньше, чем в его центральных и западных областях; очень вероятно, что ислам в этом отношении находился под влиянием буддизма и что родиной медресе были местности по обе стороны Аму-Дарьи, примыкавшие к Балху, где буддизм сохранял господство до мусульманского завоевания[13]. Один из городов этого

[9] Об этом Suter, *Die Mathematiker*, S. 161 (№ 397) u. 219 (№ 80); ал-Баттани, изд. Наллино, I, стр. XXXI, прим. 5; Krumbacher, *Byzantinische Litteratur*, S. 622.

[10] О них особенно Sarre, *Denkmäler*.

[11] На это обратил внимание еще Gobineau (*Trois ans en Asie*, p. 195; *Les religions*, p. 84).<В. В. Бартольд недооценивал отрицательных последствий монгольского нашествия для Ирана и Средней Азии (ср. наст. изд., т. I, стр. 530). О последствиях завоевания монголами Ирана см. Петрушевский, *Земледелие*, стр. 36—54. — *Ю. Б.*>

[12] Известие (у Рашид ад-дина) об ученом туркестанце Хейбеталлахе, прибывшем в конце XIII в. в Персию, знавшем языки турецкий и сирийский и имевшем познания во всех науках (ср. Бартольд, «Мир ислама», т. I, стр. 82), стоит совершенно одиноко. Нет никаких сведений о том, кто были его учителя и оставил ли он в Туркестане учеников.

[13] Ср. мою статью *Su'ūbija*, S. 261 и *Barmakiden*, S. 691; также статью R. Hartmann, *Balkh* (EI, I, S. 647 sq.). Согласие между рассказом китайца Сюань Цзана и ранними арабскими известиями как нельзя яснее доказывает, что балхский Наубехар был именно буддийским храмом, а не зороастрийской святыней, как утверждают тенденциозные персидские известия. Последним отдает предпочтение А. Е. Крымский (*История Персии*, т. I, стр. 159), по словам которого слово *бехар* по-персидски значит

района, Термез, до XV в. сохранял значение религиозного центра. В IX в. н. э. здесь жили Мухаммед ибн Иса Термези, автор одного из канонических сборников хадисов, и Мухаммед ибн Али Термези, основатель дервишского ордена *хакими*[14]; в начале XIII в. хорезмшах Мухаммед во время своего восстания против Аббасидов объявил халифом одного из термезских сейидов, Ала ал-мулька Термези[15]; в XIV в., по рассказу Ибн Баттуты, вся власть в Мавераннахре на некоторое время перешла в руки сейида Ала ал-мулька Худавенд-заде, владетеля (*сāхиб*) *Термеза*[16]; во второй половине XIV и в начале XV в. в качестве сподвижников Тимура упоминаются два брата — сейиды, владевшие Термезом и носившие титул *хāнзāде* (вероятно, ошибка вместо *хāндзāде*, сокращенное *худāванд-зāде*), Абу-л-Ма'али и Али-Акбар[17]. Наследственные династии, значение которых основывалось на религиозном авторитете, были и в некоторых других местах, как в Бухаре[18]. В Средней Азии жили и умерли авторы многих

просто 'обитель', что «не трудно проверить даже по словарям». К сожалению, «по словарям» не решаются исторические вопросы. Чтобы примирить китайские, арабские и персидские известия, было высказано предположение (Kern, *Histoire du bouddhisme*, t. II, p. 434, цит. у Bouvat, *Les Barmécides*, p. 31), что на месте разрушенного мусульманами буддийского храма был выстроен персами храм огню; но все известия о «постройке хосроев» и «храме огня» относятся именно к разрушенному мусульманами зданию.<На полях экз. В. В. Бартольда в этом месте пометка: «Мнение Cl. Huart о Barmak = paramaka qui désigne le supérieur d'un couvent bouddhique (*La Perse antique*, 233)». — *Ю. Б.*>

[14] Об ордене см. *Кашф ал-махджūб*, пер. Никольсона, 141 и 210; <см. текст — изд. В. А. Жуковского (1926 г.)>. О гробнице основателя ордена и о надписях на этой гробнице см. статью Р. Ю. Рожевица, *Поездка*, стр. 647 и 652;<см. также Семенов, *Происхождение Термезских сейидов*>. Слова надписи об «общих шейхах» с Бухари в действительности относятся, судя по словам Сам'ани (изд. Марголиуса, л. 106а, наверху: ويشارك معه في شيوخه), к автору сборника хадисов; слова о собственных сочинениях, утешавших автора в трудные минуты его жизни, повторены в искаженном виде у Джами, *Нафахāт ал-унс*, калькут. изд., 77.<О рукописях и изданиях *Нафахāт ал-унс* см. Storey, *Persian Literature*, vol. I, pt 2, pp. 954—958, 1344. См. теперь критическое издание Таухиди-Пура (1958 г.) (здесь и далее в аналогичных случаях полное библиографическое описание см. в Библиографии в конце книги). — *Ю. Б.*>

[15] Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 402;<наст. изд., т. I, стр. 439>.

[16] Ибн Баттута, III, 48 и сл.

[17] Шереф ад-дин Йезди, I, 210. Аноним Искендера (рук. Аз. муз., л. 269б) действительно пишет в этом случае *худāвандзāде* вместо *хāнзāде;* также Гияс ад-дин Али, изд. Зимина, 131,18 и 199,4. Бабур, подобно Шереф ад-дину, пишет خانزاده (*Бāбур-наме*, изд. Беверидж, л. 20б). <Впоследствии «аноним Искендера» был определен В. В. Бартольдом как сочинение Му'ин ад-дина Натанзи; см. Бартольд, *Определение «анонима Искендера»* и его же, *Еще об «анониме» Искендера*. Бóльшая часть издана Ж. Обеном в 1957 г. (в основу положен список второй редакции). См. также Storey, *Persian Literature*, vol. I, pt. 1, section II, fasc. 1, p. 86; pt. 2, p. 1234. — *Ю. Б.*>

[18] Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 349; <наст. изд., т. I, стр. 389—390>; Бартольд, *Народное движение в Самарканде*, стр. 02<см. ниже, стр. 363>; Barthold, *Burhān* <см. ниже, стр. 515—518; см. также Pritsak, *Āl-i Burhān*.— *Ю. Б.*>.

авторитетных богословских трудов; потомки их в разных местностях занимали должность наследственных садров или шейх ал-исламов[19]; в Самарканде эту должность занимали потомки автора *Хидāи*[20]. Между среднеазиатскими богословами наряду с представителями правоверия еще в монгольский период были и вольнодумцы-мутазилиты[21]; наряду с представителями книжного богословия действовали, еще с бóльшим успехом, дервиши различных орденов, имевшие всюду свои обители (*ханкāх*, по местному произношению *ханака*[22]), но особенно в местностях, непосредственно прилегавших к степи,— в Бухаре, Хорезме и на Сыр-Дарье, отчасти также в Балхском районе — в Термезе и Чаганиане (в долине Сурхана). Из всех этих местностей шейхи дервишей с успехом могли распространять свое учение среди кочевников, на которых, по понятным причинам, проповедь религиозных подвижников всегда, как и теперь, оказывала несравненно более влияния, чем книжная мусульманская наука.

Постепенно мусульманская культура и в Средней Азии, как в Персии, должна была подчинить себе кочевников, особенно их ханов, но этот процесс шел здесь гораздо медленнее и встречал гораздо больше противодействия со стороны других факторов. Еще в XIII в. были ханы (Мубарек-шах и Борак[23]), поселившиеся в Мавераннахре и принявшие ислам; но после 1271 г. в течение почти полувека ханы снова жили в степи и оставались язычниками, хотя и заботились о благосостоянии оседлого населения; к этому времени относится постройка города Андижана в Фергане по распоряжению ханов Хайду и Тувы[24]; город еще в XIV в. затмил Узгенд, столицу Ферганы в эпоху Караханидов, и сделался главным городом области. Более решительный шаг к принятию мусульманской культуры сделал хан Кебек (1318—1326), сын Тувы; он поселился в Мавераннахре и там построил для себя дворец. Долина Кашка-Дарьи, на которую обратил внимание еще Чин-

---

[19] Примеры у Джемаля Карши: Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 142 и сл. (напр., стр. 146 внизу, 151).

[20] О них см. дальше.<Компендиум по мусульманскому праву под названием *ал-Хидāйа* был написан Бурхан ад-дином Маргинани (ум. в 593/1197 г.). — *В. М.*>

[21] Ибн Арабшах, каирск. изд., 111 и 229.

[22] <О значении этого термина см. подробнее в работе В. В. Бартольда *О погребении Тимура*, ниже, стр. 429 и сл., а также Бартольд, *История культурной жизни Туркестана* — наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 216—217, 233, 236. — *Ю. Б.*>.

[23] <Правильное написание — Барак; см. ниже, стр. 509, прим. 1. — *Ю. Б.*>

[24] Le Strange (*The Lands*, p. 478), ссылаясь на литогр. изд. *Нузхат ал-кулӯб* Хамдаллаха Казвини (Бомбей, 1311), 228, говорит только о Хайду. Текст по рук. СПб. унта 60, л. 246а и 171, л. 265а: دار الملكش اكنون اندكانست كه قيدو بن قاشى بن اوكتاى قاٰن ودوا بن براق بن . . . جغتاى خان آبادان كردند (имена искажены) <конец фразы в изд. Ле Стрэнджа, I, 246: براق بن يسون بن ماتكان بن جغتاى خان آبادان گردانيدند.—*Ю. Б.*>

гиз-хан и где после него жили начальники монгольских отрядов, стоявших в Мавераннахре[25], сделалась также местопребыванием чагатайских ханов; на расстоянии двух фарсахов (12—16 верст) от города Нахшеба, или Несефа, Кебек выстроил для себя дворец, от которого получил свое нынешнее название город Карши[26] (*карши* по-монгольски 'дворец')[27]. Тот же Кебек был первым из среднеазиатских монгольских ханов, чеканившим монеты от своего имени для всего государства. Была введена та же монетная система, которая действовала в Персии[28]; чеканились серебряные «дирхемы» ($^1/_3$ золотника) и «динары» (6 дирхемов); еще при Тимуре и его потомках эти монеты назывались «кебекскими». Кебек оставался, однако, язычником; мусульманином сделался только его брат Тармаширин (1326—1334), которого путешественник Ибн Баттута в 1333 г. застал также в окрестностях Нахшеба[29]. Слишком решительный разрыв с кочевыми традициями вызвал восстание против Тармаширина; хан был низложен и убит; местопребывание ханов на несколько лет снова было перенесено на берег Или, и ислам, даже как религия, утратил свое господствующее положение.

Очень вероятно, что к периоду 1318—1334 гг., когда чагатайские ханы непосредственно взяли в свои руки управление Мавераннахром, относится введение нового административного деления, с новой терминологией. Для обозначения мелких территориальных единиц в областях Самарканда и Бухары, как в Персии, служил термин *тюмень*, в Фергане, как в Кашгаре,— термин *орчин*[30]; последнее слово (этимология его не выяснена) впоследствии исчезло из употребления; термин *тюмень* (собств. 'десять тысяч') сохранялся до русского завоевания и даже при русском господстве до 80-х годов. Самаркандская область состояла как при Тимуре[31], так и в XVIII в.[32] из семи тюменей.

Трудно сказать, какой признак положен в основу этого деления;

---

[25] Пример у Вассафа, бомбейское изд., 288. Ср. также Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 460 и сл.;<наст. изд., т. I, стр 494>.

[26] Шереф ад-дин Йезди, I, 111.

[27] Слово *карши* встречается уже в *Кутадгу билик;* монголы заимствовали его, по всей вероятности, у уйгуров (ср. Радлов, *Словарь*, II, 207). Возможно, что турками оно, подобно слову *тюмень* (о нем см. дальше), было заимствовано у коренного населения Китайского Туркестана.

[28] Бартольд, *Персидская надпись*, стр. 18. К приведенным там цитатам можно еще прибавить Ибн Арабшах, каирск. изд., 52, где также говорится о «томане» ценностью в 60 000 дирхемов.

[29] Ибн Баттута, III, 28 и сл.

[30] Такое произношение указано в словаре Радлова (I, 1075).<Слово монгольского происхождения; ср. Ковалевский, *Словарь*, I, 468; Lessing, *Dictionary*, 617 (значение: 'около', 'вокруг', 'окрестности'). — *Ю. Б.*>

[31] Ибн Арабшах, каирск. изд., 17.

[32] Вяткин, *Самаркандский вилает*, стр. 240.

слово *тюмень* [33] употреблялось как в военном деле, для обозначения отряда в 10 000 человек, так и в счетоводстве, для обозначения суммы в 10 000 динаров (по персидскому произношению *томан*). Совершенно невозможно, чтобы каждый «тюмень» выставлял 10 000 человек войска [34] или давал средства на содержание такого отряда, но деление, по всей вероятности, было связано, как в Персии, с назначением уделов представителям родов, пришедших в Мавераннахр с ханом. По Ибн Арабшаху, главных родов было четыре: арлат, джалаир, каучин и барлас [35]. Из слов Шереф ад-дина можно заключить, что «каучин» было не названием рода, но названием собственной тысячи хана [36]; из других родов арлаты поселились в северной части нынешнего Афганистана, джалаиры у Ходженда, барласы на Кашка-Дарье; глава каждого из этих родов был как бы удельным князем своей области; все они принадлежали к отуреченным монгольским родам [37]; рядом с ними упоминаются, как мы увидим, и другие группы кочевников.

В 40-х годах XIV в. мы снова встречаем в Мавераннахре хана, и снова на Кашка-Дарье — Казана, выстроившего для себя дворец Зенджир-сарай в двух стоянках к западу от Карши [38]. Попытка его установить в стране твердую власть привела к столкновению между ним и главарями родов; один из последних, Казаган, поднял знамя восстания и провозгласил ханом одного из монгольских царевичей; после не-

---

[33] О происхождении этого слова см. замечания Н. Д. Миронова в ЗВОРАО, т. XIX, 1910, стр. XXIII.

[34] Так объясняет этот термин Ибн Арабшах (каирск. изд., 17). По словарю Радлова (*Словарь*, III, 1518), туман в Бухаре — мера земли в 40 000 танапов, т. е. около 6667 десятин.<На полях экз. В. В. Бартольда в этом месте пометка: «تومن в смысле масса оседлого насел<ения>: ср. Tar. Rash< = Мухаммед-Хайдер>301; تومن в противопол<ожность> قوچن и ایماق. Ср. еще в статье А. А. Семенова, Путешествие طلایهٔ کوهستانی и طلایهٔ تومنی». — *Ю. Б.*>

[35] Ибн Арабшах, каирск. изд., 8. О существовании у различных кочевых народов степной аристократии из четырех знатных родов см. Веселовский, *Несколько пояснений*, стр. 535.

[36] Шереф ад-дин Йезди, I, 612.<В действительности в *Зафар-нāме* сказано, что «каучин» было названием «рода (*бой*) собственной тысячи». — *В. М.*>

[37] Сведения о тех же племенах на их первоначальной родине у Рашид ад-дина, изд. Березина, I, пер., 7, 9 и 10. Если принять чтение قوچين, то слово *каучин* оказывается не только военным термином, но и племенным названием. Правописание рукописей труда Рашид ад-дина и *Юань-чао би-ши* (*Сокровенное сказание*, пер. Кафарова, 31) указывает на произношение *арулат* и *барулас;* при Тимуре, по-видимому, произносили *арлат* и *барлас*, как показывает не только правописание рукописей, но и размер стихов, где встречается слово барлас. Ср. стих Лутфи (Валидов, *Лутфий*, стр. 23): ای یوزونک لوحیدا محفوظ آیت امّ الکتاب * توغمادی برلاس اولوسی‌دین سینینک دیک آفتاب

[38] О расстоянии Шереф ад-дин Йезди, I, 259; о принадлежности дворца Казан-хану там же, I, 775.

скольких лет борьбы Казан в 747/1346-47 г. был побежден и убит. Вся власть перешла в руки Казагана; но эта власть распространялась только на Мавераннахр; в остальной части бывшего чагатайского государства власть перешла к другому военачальнику, главарю рода дуглатов. В персидских источниках такие главари называются «эмирами»; так, по-видимому, называло их оседлое иранское население Средней Азии; кочевники вместо этого употребляли турецкий термин *бег* [39] (князь) или монгольский *нойон* [40], как называли иногда главных беков. Как эмиры Мавераннахра, так и дуглатские эмиры считали нужным, для узаконения своей власти, возводить на престол ханов из действительных или мнимых потомков Чингиз-хана. Но ханы Мавераннахра оставались только подставными лицами, лишенными всякой фактической власти, тогда как среди ханов, возведенных на престол дуглатскими эмирами, оказались выдающиеся личности, которым удалось сделаться не только номинальными, но и действительными государями своего народа, передать власть своим потомкам и положить начало более прочной династии, чем династия самих дуглатских эмиров.

Военное устройство обоих государств, насколько можно судить по дошедшим до нас сведениям, было приблизительно одинаковое. Замечательно, что термин *чагатай*, для обозначения кочевого и сохранившего кочевые традиции населения, удержался в Мавераннахре, когда там давно уже не было ханов из потомков Чагатая [41], и потом был перенесен изгнанной из Мавераннахра династией Тимуридов в Индию, тогда как в восточной части бывшего чагатайского государства, несмотря на существование ханской династии, производившей себя от Чагатая, термина *чагатай* не было; кочевники там называли себя только «моголами» (монголами), и от этого этнического термина было образовано персидское географическое название Моголистан [42] ('Страна моголов'). Кроме официальных терминов *чагатай* [43] и *могол*, существовали еще

---

[39] Таково правильное произношение этого древнетурецкого титула, встречающегося уже в орхонских надписях; отсюда же имя Улугбек или, правильнее, Улугбег; но слово *бек* в этой форме настолько известно в русской литературе, что мы не решились восстановить в этом случае правильное произношение.<В более поздних работах, относящихся к эпохе Тимура и Тимуридов, сам Бартольд, однако, стал писать *бек* (напр., *Мир Али-Шир*); поэтому и в данной работе нами в дальнейшем принята транскрипция *бек*, а не *бег*. — *Ю. Б.*>

[40] Пишется обыкновенно نويين.

[41] <Группы населения, называющие себя чагатаями, сохранились до сих пор в Кашка-Дарьинской и Сурхан-Дарьинской областях Узбекской ССР; часть из них говорит на узбекском, часть — на таджикском языках. О них см. в статьях Б. Х. Кармышевой: *Некоторые данные*, стр. 17—18; *Этнические группы*, стр. 54—55. — *Ю. Б.*>

[42] Пишется مغول и مغولستان. Произношение *моғо́л* сохранилось до сих пор у афганских монголов (Рамстедт, *Отчет*, стр. 13).

[43] <В изд. 1918 г. было «„джагатай" (собственно *чагатай*)». — *Ю. Б.*>. — Правописание *чагатай*, соответствующее произношению, теперь отчасти принято и в науке,

насмешливые прозвания[44], употреблявшиеся жителями одного государства для обозначения жителей другого: моголы называли чагатаев *караунасами*, т. е. метисами[45], чагатаи моголов — *джетеями*, т. е. разбойниками[46]; по-видимому, это слово употреблялось моголами еще в начале XIV в.[47] приблизительно в том же значении, как среднеазиатские турки в XV в. стали употреблять слово *казак:* в смысле «волынцы» — людей, порвавших связь с семьей, родом и государством. В обоих государствах традиции монгольской империи постепенно уступали влиянию мусульманской культуры, но эта эволюция совершалась крайне медленно и не раз приводила к междоусобиям и к восстанию народа против своих правителей.

особенно в немецкой (Caghatai); попытки ввести его делались и русскими тюркологами; но вообще в русской литературе прочно утвердился термин *Джагатай* и производные от него<ср., однако, фамилию *Чаадаев,* образованную непосредственно от имени Чагатай. — *В. М.*>. Вопрос о том, можно ли изменять такие термины из соображений лингвистического пуризма, представляется мне спорным.<В более поздних работах сам В. В. Бартольд стал писать «Чагатай», «чагатайский», и поэтому такая транскрипция принята для настоящего издания. — *Ю. Б.*>

[44] О них Мухаммед-Хайдер, 148.

[45] О значении слова см. Марко Поло, пер. Минаева, 50.

[46] Во введении к *Та'рӣх-и Рашӣдӣ* (introd., 75) приведены, со ссылкой на «Mongol dictionary», значения: «a 'worthless person', a 'ne'er-do-well', or 'rascal'».<Ср. балканский термин *чете* 'банда, шайка'. — *В. М.*>

[47] Текст Джемаля Карши в моем *Туркестане,* ч. I, стр. 146 (الجتائية).

2

УЛУСНЫЕ ЭМИРЫ. ЦАРСТВОВАНИЕ ТИМУРА

Двенадцатилетнее правление эмира Казагана (он был убит в 1358 г.[1] своим зятем), в отличие от всего последующего времени, обошлось без внутренних смут и без войн между чагатаями и моголами. Казаган вел жизнь предводителя кочевого народа, проводил зиму в Сали-Сарае на берегу Аму-Дарьи (ныне кишлак Сарай), лето около города Мунка[2] (ныне Бальджуан). Набеги на соседние страны, без которых кочевникам в Мавераннахре было бы тесно, совершались в сторону Герата и Хорезма, притом с полным успехом[3].

После смерти Казагана власть перешла к его сыну Абдулле, который еще при жизни отца жил в Самарканде и теперь захотел перенести в этот город свое местопребывание; против него тогда восстали другие эмиры, и в этой борьбе он погиб. Последующие годы были для Мавераннахра временем почти беспрерывных смут и почти беспрерывной борьбы с могольскими ханами. Наиболее характерными событиями этого времени были: походы могольского хана Туклук-Тимура на Мавераннахр в 1360 и 1361 гг. и первое выступление Тимура, который с помощью хана сделался князем Шахрисябза и Карши; союз Тимура с Хусейном, внуком Казагана, и восстание против моголов; поражение Хусейна и Тимура в борьбе с моголами на Чирчике (1365 г.); в том же году народное движение в Самарканде, подавленное турецкими эмирами в 1366 г.[4]; провозглашение ханом дервиша Кабул-шаха, писавшего

---

[1] Дата у Шереф ад-дина Йезди, I, 39 (759 г.х., год собаки).

[2] Там же, 38. О местоположении Мунка Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 70;<наст. изд., т. I, стр. 119>.

[3] О войне с гератским князем Мелик-Хусейном подробно говорится у Шереф ад-дина Йезди. О походе на Хорезм кратко у Шереф ад-дина Йезди, I, 38, причем сыну Казагана Абдулле приписывается «завоевание» Хорезма. По анониму Искендера (рук. Аз. муз., л. 265б), Абдулла только взял с Хорезма выкуп в 200 томанов, причем сделал это без разрешения Казагана, за что подвергся с его стороны упрекам.

[4] Об этом эпизоде см. мою статью *Народное движение в Самарканде*<см. ниже, стр. 362 и сл.>.

стихи, пользовавшиеся известностью еще в XV в.[5]; низложение его и возведение на престол нового хана Адиль-Султана; намерение Хусейна построить для себя крепость в Балхе (1368 г.) и попытка Тимура отговорить его от этого, со ссылкой на пример его дяди Абдуллы[6]; борьба между Хусейном и Тимуром, союз Тимура с противниками Хусейна как среди турецких эмиров, так в особенности среди мусульманского духовенства; взятие в плен и смерть Хусейна, уничтожение крепости в Балхе, перенесение столицы в Самарканд, сооружение там цитадели и городских стен (1370 г.).

Таким образом, прошло всего десять лет от первого выступления Тимура до подчинения ему всего Мавераннахра. Об обстоятельствах, содействовавших его возвышению, пока можно установить следующее. Официальная история сообщает точную дату рождения Тимура[7] (вторник 25 ша'бана 736/9 апреля 1336 г., год мыши), имя его отца (эмир, или «нойон», Тарагай) и матери (Текина-хатун), но ничего не говорит о событиях его жизни до 1360 г.; автор составленной для Тимура турецкой стихотворной хроники[8] утверждал, будто многие события, особенно относящиеся к началу его деятельности, не были внесены в хронику по желанию самого Тимура, так как они показались бы невероятными читателям. Из рассказов Клавихо[9] и Ибн Арабшаха[10] можно заключить, что молчание официальной хроники объясняется другими причинами; подобно Чингиз-хану, Тимур начал свою деятельность в качестве атамана шайки разбойников, вероятно, в смутные годы после смерти Казагана. В рассказах о правлении Казагана[11] совершенно не упоминаются ни Тимур, ни отец его Тарагай, несмотря на то, что у Тарагая были связи со знатными эмирами как Мавераннахра, так и Могулистана и что этими связями впоследствии воспользовался Тимур.

Тарагай происходил из рода барласов, владевшего долиной Кашка-Дарьи, т. е. Кешем (Шахрисябзом)[12] и Несефом (Карши); главой

---

[5] Характеристика хана у анонима Искендера, рук. Аз. муз., л. 251а: مردی ابدال نهاد وقلندر مزاج ملیح لطیف بود واشعار او تا امروز شهرتی تمام دارد.

[6] Шереф ад-дин Йезди, I, 176. То же самое у Низам ад-дина, рук. Брит. муз., л. 40б. <См. теперь также критический текст *Зафар-нāме* Низам ад-дина Шами в изд. Ф. Тауэра. — *Ю. Б.*>

[7] Шереф ад-дин Йезди, I, 10.

[8] Ссылка на нее у Шереф ад-дина Йезди, I, 23.

[9] Изд. Срезневского, 238. [10] Каирск. изд., 6.

[11] Мнимая автобиография Тимура, как известно, вводит Тимура во все эти рассказы, что, между прочим, может быть признано одним из лучших доказательств подложности этого произведения. Если бы Тимур действительно принимал участие в войнах Казагана, официальная история не могла бы об этом умолчать.

[12] По-видимому, старое название сохранялось тогда только у турок. Ср. Низам ад-дин Шами, рук. Брит. муз., л. 126: شهرسبز که ترکان کش می خوانند. <Как показал М. Е. Массон, изучавший памятники Шахрисябза и его района в 1942 г.,

рода и князем Кеша был не Тарагай, а другой представитель рода, Хаджи. Автор первой редакции *Зафар-нāме,* Низам ад-дин Шами, называет Хаджи «братом» Тимура [13]; но это выражение, по-видимому, надо понимать только в смысле принадлежности к одному роду; в таком же смысле названы «братьями» Тимура некоторые другие военачальники из барласов [14]. По генеалогии, приведенной в *Зафар-нāме* Шереф ад-дина [15], общим предком Тимура и Хаджи был только Карачар, современник Чингиз-хана и Чагатая. Известно, что Карачару, названному у Рашид ад-дина только в качестве одного из военачальников при Чагатае [16], историки Тимура приписывают роль полновластного правителя чагатайского улуса; то же самое говорится о сыне и внуке Карачара, лицах, совершенно не упомянутых историками дотимуровской эпохи; о представителях двух следующих поколений, жизнь которых относилась к слишком недавнему прошлому, таких легенд, очевидно, нельзя было придумать, и потому отец и дед Тимура и в официальной истории являются частными людьми [17]; о том, когда и как власть в Кеше перешла к предкам Хаджи, ничего не говорится. Нет также сведений о том, в каких отношениях находились барласы и их князья к жившим в долине Кашка-Дарьи чагатайским ханам — Кебеку, Тармаширину и Казану.

Тимур, по словам Ибн Арабшаха, родился в деревне Ходжа-Ильгар в окрестностях Кеша [18]; из этого можно заключить, что Тарагай жил не в самом городе. О жизни Тарагая известно только, что он был благочестивым мусульманином, другом ученых и дервишей, в особенности

раннесредневековому городу Кешу соответствует, очевидно, городище около города Китаба, а не современный Шахрисябз, который возник, видимо, не ранее XIII в. (см. Массон — Пугаченкова, *Шахрисябз,* стр. 20—22). Однако и старое название длительное время продолжало употребляться по отношению к новому городу и, в особенности, его области («вилайету»); см. там же, стр. 22 и сл.; ср. также акты (до конца XVIII в.) в сб. *Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве,* указатель. — *Ю. Б.*>

[13] Низам ад-дин Шами, рук. Брит. муз., лл. 12б и 13а; это известие было приведено в книге Skrine and Ross, *The Heart of Asia,* p. 168, n. 5.

[14] Напр., л. 18а (о Сиддике), л. 55а (об ايدكو).

[15] О генеалогии Хаджи см. Шереф ад-дин Йезди, I, 40. О предках Тимура подробно говорится в конце *Мукаддама* к *Зафар-нāме.* Как известно, предки Тимура перечислены и в надписи на его могильном камне; <см. Семенов, *Надписи,* I, стр. 52—53, 57—58. — *Ю. Б.*>.

[16] Рашид ад-дин, изд. Блоше, 178,6.

[17] Шереф ад-дин Йезди, II, 730.

[18] Ибн Арабшах, каирск. изд., 6. Ни в одном из других источников место, где родился Тимур, не указывается; название селения خواجه ايلغار, насколько мне известно, также не встречается в литературе. <Селение Ходжа-Ильгар существует до сих пор, в 13 *км* к юго-западу от Шахрисябза; среди его жителей известно предание о том, что здесь родился Тимур; см. Массон — Пугаченкова, *Шахрисябз,* стр. 25.— *Ю. Б.*>

шейха Шемс ад-дина Кулара (или Кулаля), как он назван в *Зафар-наме* [19], или Шемс ад-дина Фахури, как он назван у Ибн Арабшаха [20]. Рассказывали, что Тимур однажды в молодости вошел к шейху, когда тот со своими дервишами предавался зикру, и терпеливо стоял до окончания обряда; шейх и дервиши были тронуты его благочестием и произнесли молитву за него; эту молитву Тимур впоследствии считал первой причиной своих успехов [21]. По-видимому, у Тарагая были также друзья среди чагатайских и могольских вельмож, хотя намеки на это мы находим только в истории его сына; так, в рассказе о борьбе с моголами в 1364 г. говорится о дружбе, бывшей между отцом Тимура и отцом эмира Хамида [22]. Отношения Тарагая и Тимура к прочим военачальникам, вероятно, были бы для нас яснее, если бы мы имели более подробные сведения о семье Тарагая и о первых женах Тимура. Источники ничего не говорят ни о происхождении матери Тимура, ни о происхождении другой жены Тарагая, Кадак-хатун, дожившей до 1389 г. [23]. У Тимура до 1360 г. было уже два сына, Джехангир, умерший в 1376 г. 20-ти лет от роду [24], и Омар-шейх, убитый в январе 1394 г. при осаде курдской крепости; по *Зафар-наме,* Омар-шейху было 40 лет [25], из чего можно было бы заключить, что он старше Джехангира, но почти во всех источниках старшим сыном Тимура назван Джехангир. О матери Омар-шейха известий нет; о матери Джехангира известно только имя, упомянутое у Хондемира [26]. Тарагай умер в 1360 г. и был похоронен в Кеше, в семейном мавзолее; впоследствии, в 775/1373-74 г., Тимур построил там же новый мавзолей около соборной мечети, рядом с гробницей шейха Шемс ад-дина, и перенес туда прах своего отца [27].

Между 1360 и 1370 гг. нет никаких известий о сношениях Тимура с шейхами и другими представителями ислама. В это десятилетие, положившее начало его будущему могуществу, Тимур занимался исключи-

---

[19] В конце *Муқаддама.* Упоминается также о посещении Тимуром его могилы, между прочим, в 1396 г. (Шереф ад-дин Йезди, I, 795) и в 1399 г. (там же, II, 209; здесь شمس الدين كلال). О значении слова كلال см. Бартольд, *О погребении Тимура,* стр. 2, прим. 7; <см. ниже, стр. 425, прим. 113>.

[20] Каирск. изд., 7. О жизни шейха см. Бартольд, *О погребении Тимура,* стр. 3 и сл.; <см. ниже, стр. 425 и сл.>.

[21] Ибн Арабшах, каирск. изд., 7 и 9.

[22] Шереф ад-дин Йезди, I, 98.

[23] Там же, I, 490.

[24] Там же, 271 наверху.

[25] Там же, 668.

[26] Тегеран. изд., III, 175 (на полях): نرمیش اغا; в бомбейском изд., III [3], 85: بورمیش اغا.

[27] Так в конце *Муқаддама* <к *Зафар-наме* Шереф ад-дина>. О дальнейшей судьбе мавзолея см. Бартольд, *О погребении Тимура,* стр. 4 и сл. <О месте погребения Тарагая, по новым данным, см. ниже, прим. 38 к стр. 428. — *Ю. Б.*>

тельно военным делом, к которому приучил себя еще с десятилетнего возраста войной и охотой [28], принимал участие в борьбе между чагатаями и моголами, причем переходил то на одну, то на другую сторону, старался укрепить родственными связями союз с теми, кто был ему необходим, собирал вокруг себя приверженцев, преимущественно из барласов, которые потом верно служили ему до конца его жизни, но не терял бодрости и при неудачах, даже когда ему приходилось оставаться в полном одиночестве. Особенно тяжелы были для Тимура события, происходившие около 1362 г. Тимур и внук Казагана Хусейн были взяты в плен туркменами на Мургабе и 62 дня провели в заключении в селении Махан [29]; наконец, местный правитель Али-бек отпустил их, но не снабдил их нужным для путешествия; в этой беде им пришел на помощь Мубарек-шах, один из «богатых туркмен Махана», предводитель племени санджари; за эту услугу потомки Мубарек-шаха еще при преемниках Тимура пользовались уважением [30]. На Аму-Дарье Тимуру оказала помощь его старшая сестра Кутлуг-Туркан-ага, прибывшая к нему из окрестностей Бухары; потом Тимур 48 дней скрывался у сестры в Самарканде [31]. После этого Тимур и Хусейн во главе отряда в 1000 человек очутились в Систане, куда их призвал местный владетель против своего врага. Здесь Тимуру были нанесены стрелами раны, от которых он страдал потом всю жизнь; на правой руке были перерезаны некоторые жилы (по Клавихо [32], Тимур, кроме того, лишился двух пальцев), так что рука засохла [33]; правая нога осталась хромой (отсюда прозвание Тимур-«хромец»: *ленг* по-персидски, *аксак* по-турецки). К тому же

---

[28] Шереф ад-дин Йезди, I, 15.

[29] Там же, I, 68. По анониму Искендера (рук. Аз. муз., л. 248б) 61 день. Махан находился на месте нынешнего Мерва (Бартольд, *Орошение*, стр. 61).

[30] Шереф ад-дин Йезди, I, 69. Яснее у анонима Искендера (рук. Аз. муз., л. 248б): واز ممرّ این یک خدمت نسل بر نسل او تا امروز درین دودمان دولت مرفّه ومحترم اند.<Об этом эпизоде ср. наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 592, прим. 53.— *Ю. Б.*>

[31] Шереф ад-дин Йезди, I, 71; также Низам ад-дин Шами, рук. Брит. муз., л. 17а.<Правильное чтение имени — не Туркан, а Теркен (букв. 'госпожа'); см. Barthold, *Turkestan*, p. 337, n. 2; наст. изд., т. I, стр. 400, прим. 4. — *Ю. Б.*>

[32] Изд. Срезневского, 240.

[33] Выражения анонима Искендера, рук. Аз. муз., л. 249а: جنند عصب اصلی‌را یکسیخت چنانچه بتصوّر بعضی مقطوع الطمع شد. Об увечии Тимура говорит также Ибн Арабшах, каирск. изд., 6, 217 и 234.<Обследование скелета Тимура при вскрытии его погребения в 1941 г. показало, что кости правой руки у него срослись в локте, по-видимому от туберкулеза; на плечевой кости был след от ранения стрелой; пальцы на руках были все, однако указательный палец правой руки был изуродован ранением; коленная чашечка правой ноги срослась с бедром (по-видимому, также вследствие туберкулеза), из-за чего нога не могла полностью выпрямляться. См. Герасимов, *Портрет Тамерлана*, стр. 15—16. — *Ю. Б.*>

событию относится известный анекдот о Тимуре и муравье [34]. Много лет спустя, в 1383 г., Тимур в Систане встретил того предводителя, которым некогда был ранен, и велел расстрелять его из луков [35].

Несмотря на все злоключения, Тимуру и Хусейну в конце концов удалось победить своих внешних и внутренних врагов и захватить власть в Мавераннахре; внук Казагана сделался главным эмиром, Тимур — его правой рукой. Союз между ними с самого начала был укреплен браком; уже в рассказе о столкновении с туркменами на Мургабе упоминается, в качестве жены Тимура, сестра Хусейна Улджай-Туркан-ага [36]. Родственные отношения, однако, не предотвратили столкновения между эмирами. В 1366 г., после усмирения самаркандского движения, Хусейн наложил пеню на друзей Тимура; чтобы помочь своим друзьям, Тимур отдал все, что мог, в том числе и серьги своей жены; Хусейн узнал украшение, но не возвратил его [37]; вскоре после этого Улджай-Туркан-ага умерла, и с ее смертью окончательно порвалась связь между прежними товарищами [38].

Между 1366 и 1370 гг. Тимур то находился в войне с Хусейном и сближался с его врагами, то примирялся с ним и по его поручению сражался со своими прежними союзниками. Особенно характерны отношения между Тимуром и эмиром Кайхусрау, владетелем области Хуттал-лян (между Вахшем и Пянджем). Хусейн еще в 1360 г. казнил его брата Кайкубада [39]; во время войны с моголами в 1361 г. Кайхусрау перешел на сторону хана [40] и сделался его «зятем», женившись на его двоюродной племяннице Тюмень-Кутлуг; когда Кайхусрау в 1366 г. вернулся в Ташкент, Тимур находился в ссоре с Хусейном, сблизился с Кайхусрау и посватал за своего сына Джехангира Ракийе-ханике, дочь Кайхусрау и Тюмень-Кутлуг [41]. В 1369 г. Тимур в качестве верноподданного эмира Хусейна усмирял восстание Кайхусрау и заставил его бежать на Алай [42]; в 1370 г. Кайхусрау присоединился к Тимуру, восставшему против Хусейна, и после взятия Хусейна в плен получил возможность применить к нему признанный Кораном закон кровомщения (*қиṣāṣ*) [43]; в 1372 г., во время войны с хорезмийцами, Кайхусрау был обвинен в измене и предан казни, на основании ярлыка, изданного подставным

---

[34] Анекдот есть уже у анонима Искендера, рук. Аз. муз., л. 249а. Ср. *Мир'āдж-нāме*, текст, 89—92, пер., 70—72 — из сочинения, написанного также для мирзы Искендера.

[35] Шереф ад-дин Йезди, I, 372.

[36] Там же, 65.<Читай: Теркен. — *В. М.*>

[37] Там же, 113; Низам ад-дин Шами, рук. Брит. муз., л. 26а.

[38] Шереф ад-дин Йезди, I, 119 и сл. Маловероятно известие (у Ибн Арабшаха, каирск. изд., 7), будто Тимур сам убил свою жену.

[39] Шереф ад-дин Йезди, I, 50. [40] Там же, 59.

[41] Там же, 161; Низам ад-дин Шами, рук. Брит. муз., л. 37а.

[42] Шереф ад-дин Йезди, I, 186.

[43] Там же, 197, 204 и сл.; Низам ад-дин Шами, рук. Брит. муз., л. 44а.

ханом Суюргатмышем; приговор был выполнен, на основании *кисāса*, нукерами Хусейна [44].

В 1370 г., в разгар борьбы с Хусейном, Тимур приобрел нового духовного покровителя, сейида Береке; о его происхождении приводятся разноречивые известия. Сейид остался в государстве Тимура и получил в удел город Андхой, остававшийся и в XV в. во власти его потомков [45]. По словам Шереф ад-дина [46], сейид после этого всегда сопровождал Тимура; после смерти они были похоронены в одном мавзолее, причем лицо Тимура было обращено в сторону сейида [47].

Немногим больше известно об отношении Тимура к другим представителям духовенства. В рассказе о вступлении Тимура на престол в 1370 г. вместе с сейидом Береке названы термезские сейиды, или *худāванд-зāде*, братья Абу-л-Ма'али и Али-Акбар [48]. Подобно Береке, эти сейиды оставались, по крайней мере по внешности, влиятельными лицами в государстве Тимура до конца его царствования, с той разницей, что в их жизни была минута, когда они изменили своему новому государю. В 1371 г. в заговоре против Тимура вместе с несколькими эмирами приняли участие также некоторые представители духовенства, именно шейх Абу-л-Лейс самаркандский и сейид Абу-л-Ма'али термезский. Тимур отнесся к заговорщикам очень снисходительно; шейх был отпущен в Мекку, сейид изгнан из государства [49], но, очевидно, скоро прощен, так как уже в 1372 г. принимал участие в походе на Хорезм [50]. После этого термезские сейиды оставались верными приверженцами Тимура, и в 1404 г., на обратном пути из своего последнего похода на запад, Тимур останавливался в Термезе в доме *худāванд-зāде* Ала ал-мулька [51].

Кроме Термеза, влиятельные представители духовенства были, конечно, и в других городах Мавераннахра, из которых для Тимура имели особенное значение его родной Кеш и его столица Самарканд. В рассказе о прибытии к Тимуру в Карабаг зимой 1403/04 г. представителей духовенства [52] после сейида Береке и термезских *худāванд-зāде* отдельно названы только самаркандские шейх ал-исламы ходжа Абд ал-Эввель и

---

[44] Шереф ад-дин Йезди, I, 243. О ярлыке хана Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 64а: وفرمان پادشاه سیورغتمش خان نفاذ یافت که اورا بسمرقند برده بیاسا رسانیدند.

[45] Ибн Арабшах, каирск. изд., 15.

[46] Шереф ад-дин Йезди, I, 195.

[47] Известия о сейиде и его погребении приведены мною подробнее в <статье> *О погребении Тимура*, стр. 24 и сл.; <см. ниже стр. 446 и сл.>.

[48] Шереф ад-дин Йезди, I, 210. О слове خداوندزاده см. выше, стр. 31.

[49] Шереф ад-дин Йезди, I, 231.

[50] Там же, 241.

[51] Там же, II, 593.

[52] Там же, 560.

его двоюродный племянник[53] ходжа Исам ад-дин, кешский ходжа Афзаль и сыновья кешского шейх ал-ислама Абд ал-Хамид и Абд ар-Рахман; говорится и о присутствии бухарских шейхов, но при этом не называется ни одно отдельное имя. Несмотря на то, что современником Тимура был знаменитый Беха ад-дин, основатель ордена накшбендиев, источники вообще ничего не говорят о каких-либо связях между двором Тимура и шейхами Бухары. Самаркандский шейх ал-ислам Абд ал-Мелик (двоюродный брат и предшественник Абд ал-Эввеля) упоминается и в рассказе о событиях 1383 г., когда он вместе с другими представителями религии старался утешить Тимура, слишком предававшегося горю после смерти своей сестры Кутлуг-Туркан-ага[54].

Не совсем обычная встреча была оказана Тимуру представителями духовенства в Хорасане в 1381 г. Еще в Андхуде юродивый Баба-Сенгу, считавшийся святым, бросил перед Тимуром кусок мяса от груди животного; Тимур объявил, что считает это благоприятным предзнаменованием и что бог, очевидно, предает в его руки Хорасан, «грудь земной поверхности»[55]. На Герируде, в местности к югу от нынешнего Кухсана, в селении Тайабад[56] жил подвижник Зейн ад-дин Абу Бекр Тайабади; Тимур, прибыв туда, велел передать подвижнику, что хочет его видеть; подвижник объявил, что у него до Тимура дела нет; если у Тимура есть дело до него, пусть придет сам. Встреча произошла; Тимур потом сам рассказывал историку Хафиз-и Абру[57], что во всех других случаях он при свиданиях с отшельниками замечал в них признаки страха, только при свидании с Тайабади страх испытывал не отшельник, а сам Тимур. Ибн Арабшах, посвящающий этому свиданию особую главу[58], рассказывает, что шейх положил руки на спину Тимура, преклонившего перед ним колени; Тимуру, как он потом рассказывал, показалось, что небо упало на землю и что он при-

---

[53] О их родственных отношениях Ибн Арабшах, каирск. изд., 229.

[54] Шереф ад-дин Йезди, I, 356.

[55] Там же, 310.

[56] Пишется تايباد, но чтение تايابان указано у Сам'ани (изд. Марголиуса, л. 102б) и Якута (*Му'джам*, I, 816). Те же авторы помещают селение в окрестностях Бушенга (о нем см. мой *Историко-географический обзор Ирана*, стр. 41); Тимур прибыл туда с севера, из Кусуи (город на Герируде ниже Бушенга).<Мавзолей Зейн ад-дина, воздвигнутый Шахрухом в 848 г. х., находится около селения Юсуфабад поблизости от афганской границы; см. «Āthār-e Irān», 1938, III/2, pp. 179—199. — *В. М.*>

[57] Рук. ГПБ Дорн 290, л. 280б. Очень кратко у Шереф ад-дина Йезди, I, 311 и сл.

[58] Ибн Арабшах, каирск. изд., 20 и сл. Шейх назван здесь Абу Бекром Хавафи, по имени города, находившегося несколько западнее Бушенга (на современных картах—Хаф). По *Рашахāт*, рук. ЛГУ 293, л. 34а, литогр., стр. 56, Беха ад-дин Накшбенд на пути в Мекку нарочно направился через Герат, чтобы видеться с Зейн ад-дином Тайабади, и провел с ним в Тайабаде три дня. По Джами (*Нафахāт ал-унс*, калькут. изд., 321—323) имя زين الدين ابو بكر الخوافي носил другой шейх, умерший в воскресенье 2 шавваля 838 г. х. (1 мая 1435 г.).

давлен между ними. Выслушав наставления шейха, Тимур спросил, зачем он не наставлял таким же образом своего государя, гератского князя, предававшегося запрещенным удовольствиям. Шейх ответил: «Мы ему говорили, он не послушался; бог послал вас на него; теперь мы говорим вам; если вы не послушаетесь, бог пошлет другого на вас». Трудно сказать, насколько этот разговор [59] был разукрашен самим Тимуром и писавшими с его слов историками; во всяком случае в дальнейших поступках Тимура нельзя отметить никаких следов влияния шейха; завоевание Хорасана было совершено с обычной жестокостью, и уже при взятии приступом соседнего Бушенга были истреблены все его защитники [60]. По словам Ибн Арабшаха, Тимур считал шейха Зейн ад-дина одним из трех духовных покровителей, которым он был обязан своими успехами [61] (двое других были Шемс ад-дин Кулар и сейид Береке); но в истории Тимура шейх после 1381 г. больше не упоминается, хотя он прожил еще восемь лет [62].

Историки, писавшие при Шахрухе, когда шариат получил преобладание перед законами Чингиз-хана, естественно, были склонны преувеличивать благочестие Тимура и его ревность к вере. Несомненно, что Тимур был покровителем улемов, беседовал с ними, как равный с равными [63], и относился с особенным уважением к потомкам пророка; кроме потомков самого Тимура [64], сейиды были в его государстве, может быть, единственными людьми, жизнь которых считалась неприкосновенной [65]. Хафиз-и Абру, кроме того, сообщает, что Тимур заботился об укреплении веры и шариата, что в его время «никто не смел заниматься

---

[59] Из него, между прочим, видно, что Тимур раньше не знал шейха, тогда как по мнимой автобиографии Тимура последний еще на 21-м году жизни получил от шейха Зейн ад-дина свой персидский девиз راستی رستی <'спасение в справедливости'. — *В. М.*>.<О различных толкованиях этого девиза, помещавшегося на печати и на перстне Тимура, см.: Умняков, *Международные отношения*, стр. 190—192; Horst, *Timūr und Ḫōǧā Alī*, S. 35.—*Ю. Б.*>

[60] Шереф ад-дин Йезди, I, 314.

[61] Ибн Арабшах, каирск. изд., 9.

[62] Дата его смерти по Джами (*Нафаҳāт ал-унс*, калькут. изд., 326) — четверг последнее мухаррема 791 г. х. (28 января 1389 г.), так же у Му'ин ад-дина Исфизари, рук. Аз. муз., л. 69а.<Об Исфизари см. Storey, *Persian Literature*, vol. I, pt 1, section II, fasc. 2, pp. 355—356; pt 2, p. 1296. Сочинение издано в Тегеране в 1959—1960 гг. — *Ю. Б.*>

[63] Слова Хафиз-и Абру у Абд ар-Раззака, рук. ЛГУ, л. 176: تفاوت میان مالک ومملوک ظاهر نکشتی. Ср. слова Ибн Шихны у Ибн Арабшаха (каирск. изд., 97) о беседах в Халебе: فطمع كلّ من الفقهاء الحاضرين وجعل يبادر الى الجواب ويظنّ انّه فى المدرسة.

[64] Ср. отношение Тимура к Мираншаху и в особенности к Султан-Хусейну (при осаде Дамаска).

[65] Кроме приведенного выше рассказа о термезских сейидах, ср. также судьбу сейидов мазандеранских.

философией и логикой»[66], что он никогда не вмешивался в денежные дела вакфов. Слова об отношении к философии, вероятно, преувеличены; сам Хафиз-и Абру дальше говорит, что Тимур покровительствовал и философам[67]. Из светских наук Тимур лучше всего знал историю; слова Хафиз-и Абру о его познаниях в истории турок, арабов и персов[68] вполне подтверждаются тем впечатлением, которое, по словам Ибн Арабшаха, вынес из своей беседы с Тимуром историк Ибн Халдун[69]. Тимур, однако, имел также некоторые познания в медицине и астрономии[70]; среди ученых, приведенных им в Самарканд, были также представители этих наук, как Хусам ад-дин Ибрахим-шах керманский, «мессия и Гиппократ своего времени»[71], мауляна Ахмед, врач и астроном, говоривший Ибн Арабшаху в 808/1405-06 г., что произвел астрологические вычисления за 200 лет[72]. Есть, впрочем, известие, что Тимур не признавал астрологии и предпочитал гадать по Корану[73]. Ревность к вере будто бы побудила Тимура закрыть увеселительные места в Багдаде, Тебризе, Султании, Ширазе, Кермане и Хорезме (старом Ургенче), несмотря на доход, который они приносили казне[74] (об увеселительных местах Самарканда и более близких Тимуру городов ничего не говорится). Чаще, однако, для Тимура религия была орудием для достижения политических целей, чем причиной, определявшей его поступки. Тот же Тимур, который в Сирии выступил защитником Али и его

---

[66] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 17а: در زمان او در علم حکمت ومنطق کسی‌را شروع نبودی. Автор в главе о характере царствования Тимура ссылается на слова مؤلّف اصل (л. 19а), т. е. Хафиз-и Абру. Подлинный текст Хафиз-и Абру сохранился в рукописи India Office (по каталогу Эте, № 171), о которой см. Бартольд, *Отчет о командировке в Лондон,* стр. 881.

[67] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, лл. 17а—17б: وباهل علم وحکمت بغایت مستانس بود. По словам C. Huart, для Тимура были переведены на персидский язык трактаты *ихвān ас-сафā'* (Hurat, *Deri,* — EI, I, S. 986), однако слова его источника (*Расā'ил ихвān ас-сафā',* 3) скорее должны быть поняты в том смысле, что заказавший перевод был одним из приближенных Тимура: مجلس سامی سیّد اجلّ بهاء الدین سیف الملوک شجاع الملک شمس الخواصّ (sic) امیر تیمور کورکان.

[68] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 17б: احوال امم وجاری امور ترک وعرب وعجم.

[69] Ибн Арабшах, каирск. изд., 108 и 219.<См. рассказ самого Ибн Халдуна о его свидании с Тимуром в его автобиографии: Fischel, *Ibn Khaldūn and Tamerlane,* pp. 31—38. — *Ю. Б.*>

[70] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 17б: اکثر مسایل مشهور طبّ ونجوم‌را مستحضر بود.

[71] Там же, л. 19а.

[72] Ибн Арабшах, каирск. изд., 230.

[73] Шереф ад-дин Йезди, II, 93 и 111. Известие есть уже у Гияс ад-дина Али (изд. Зимина, 110 и сл.).

[74] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 19а; Хафиз-и Абру, рук. Ind. Off., л. 13а.

потомков, вследствие чего сирийцы считали его ревностным шиитом [75], в Хорасане восстановил суннитское правоверие [76], в Мазандеране наказывал шиитских дервишей за оскорбление памяти спутников пророка [77]. Вполне естественно, что мусульманские богословы в беседах с таким государем всегда опасались западни. Очень характерна сцена, происходившая в 1403 г. на Куре и рассказанная Низам ад-дином [78]. Тимур спросил своих улемов, почему они не следуют примеру прежних представителей ислама, наставлявших своих султанов, и не дают ему никаких наставлений. Они ответили, что государь своими поступками сам дает всем пример и не нуждается в наставлениях таких людей, как они; только когда они убедились, что «это слово говорится искренне», они осмелились доложить о некоторых злоупотреблениях, имевших место в той или иной области.

Преданность боевых сподвижников была для Тимура, конечно, важнее, чем преданность улемов; естественно, что Тимур был прежде всего воином и князем монгольского типа, потом уже мусульманином. С представлением о «таджике» у Тимура соединялось представление о человеке, лишенном воинских доблестей и неопасном для врагов [79]. Как представитель монгольских традиций, Тимур придавал большое значение родству с домом Чингиз-хана. Захватив в 1370 г. гарем своего предшественника Хусейна [80], он взял себе четырех из его жен, между ними Сарай-Мулык-ханум, дочь хана Казана (в год низложения и смерти ее отца ей было пять лет [81], следовательно, она была лет на пять моложе Тимура). Детей от нее у Тимура, насколько известно, не было [82], но, как ханская дочь, она всегда считалась старшей женой Тимура, хотя в гареме Хусей-

---

[75] Ибн Арабшах, каирск. изд., 97. Этой ошибкой были введены в заблуждение и европейские ученые (напр., A. Müller, *Der Islam,* Bd II, S. 316).

[76] Разговор о вере с главою шиитских сербедаров Али-Муайядом у Абд ар-Раззака, рук. ЛГУ, л. 75а.

[77] Шереф ад-дин Йезди, I, 577 и подробнее у мазандеранского историка Захир ад-дина Мар'аши, 430 и сл.<По мнению А. А. Семенова, надписи на надгробиях Тимура и его потомков, в которых их происхождение возводится к халифу Али, показывают, что Тимур был шиитом (см. Семенов, *Надписи,* I, стр. 59—61); в другой работе А. А. Семенов называет Тимура «проповедником и покровителем шиизма» (Семенов, *Шейбани-хан,* стр. 67). Однако оснований для таких выводов недостаточно. Ср. еще Aubin, *Matériaux,* introd., p. 11, а также ibid., pp. 111—115 (об отношении Тимура к шиитскому шейху Ни'металлаху Вали Кермани). — *Ю. Б.*>

[78] Низам ад-дин Шами, рук. Брит. муз., л. 210б. Несколько короче у Шереф ад-дина Йезди, II, 547 и сл.

[79] Шереф ад-дин Йезди, II, 574 (слова об Ахмеде Джалаире).

[80] Там же, I, 207.

[81] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 34а.

[82] Бретшнейдер (Bretschneider, *Researches,* vol. II, p. 257) называет ее матерью Шахруха. По Хондемиру (тегеран. изд., III, 1175; бомбейское изд., III 3, 85), матерью Шахруха была одна из наложниц Тимура طغای ترکان اغا. Хондемир ссылается на составленное при Шахрухе نسب نامه <«Генеалогию»>.

на старшей была другая царевна, дочь хана Тармаширина, выданная после Хусейна замуж за джалаирского эмира Бехрама. По этой жене Тимур имел право на титул (ханского) «зятя» (*гӯргӣн*), который он носит, между прочим, на своих монетах. В 1397 г. Тимур женился на дочери могольского хана Хизр-ходжи, Тукель-ханум[83], которая в качестве «малой госпожи» (*кӣчӣк ха̄нум*) заняла второе место в гареме[84]. Ханом был провозглашен в 1370 г. царевич Суюргатмыш[85]; после его смерти, в 1388 г., на престол был возведен его сын Султан-Махмуд[86]. В отличие от последующего времени, Тимур не держал этих ханов взаперти в Самарканде, но брал их с собой во время походов; Султан-Махмуд-хан в 1402 г. участвовал в битве при Анкаре и взял в плен османского султана Баязида[87]. По Шереф ад-дину, хан умер в том же 1402 г.[88], но Низам ад-дин, писавший несколько позже, говорил о нем как о живом лице[89]; по анониму Искендера[90], Тимур из уважения к хану еще год чеканил монету от его имени. Во всяком случае нумизматические данные показывают, что Тимур другого хана на престол не возводил и что монета до конца его царствования чеканилась от имени Султан-Махмуд-хана. Имя хана провозглашалось также по пятницам в хутбе. Нет, однако, никаких известий о том, чтобы Тимур когда-нибудь в присутствии войска, при торжественной обстановке, воздавал почести этим ханам; почести, воздававшиеся по монгольским обычаям государю, всегда принимались самим Тимуром[91].

---

[83] Шереф ад-дин Йезди, II, 9.

[84] Клавихо, изд. Срезневского, 296. У Ибн Арабшаха (каирск. изд., 228) الملكة الصغرى и الملكة الكبرى. Термин خانم كيچيك также в *Му'изз ал-ансаб*, л. 33.

[85] Шереф ад-дин Йезди, I, 199.

[86] Там же, 459. По анониму Искендера, рук. Аз. муз., л. 251а, хан умер еще в 786 г. х. (1384 г.), но из уважения к нему Тимур еще три года чеканил его имя на монетах. Монеты Суюргатмыша доходят до 789 г. х., монеты Султан-Махмуда начинаются с 790 г. х.

[87] Шереф ад-дин Йезди, II, 438.<В разговоре с Ибн Халдуном у Дамаска в 1401 г. Тимур сказал, что он не царь, а только представитель «обладателя престола» (*са̄хиб ат-тахт*), имея в виду присутствовавшего там Султан-Махмуд-хана (см. Fischel, *Ibn Khaldūn and Tamerlane*, p. 37 and p. 85, n. 100). — *Ю. Б.*>

[88] Там же, 464.

[89] Низам ад-дин Шами, рук. Брит. муз., л. 11б (формула خلّد الله ملكه وسلطانه). <В. В. Бартольд, собственно, имеет в виду, что Низам ад-дин не писал позже Шереф ад-дина, а лишь описывает в данном случае более поздние события. — *Ю. Б.*>Абд ар-Раззак в соответствующем месте (рук. ЛГУ, л. 142а) также не упоминает о смерти хана; дальше (л. 143б) говорится о прибытии египетских послов в 1403 г. с известием о чтении хутбы и чеканке монеты с именем Султан-Махмуда и Тимура.

[90] Рук. Аз. муз., л. 251б. Смерть хана и здесь, как у Шереф ад-дина, отнесена к 805 г. х.

[91] Примеры: Шереф ад-дин Йезди, I, 211, 506—515, 613 и др.

Несмотря на присягу, принесенную Тимуру в 1370 г. всеми эмирами, Тимуру только после упорной борьбы с несколькими соперниками удалось сделаться действительным государем своего народа. Непокорность, кроме отдельных лиц, проявляли и целые племена, особенно племя джалаиров в северной части Мавераннахра (около Ходженда), которое за это подверглось наиболее тяжелой участи. Была принята мера, соответствовавшая нашему понятию о расформировании воинской части: *улус* джалаиров перестал существовать, и его остатки были распределены по отрядам других эмиров[92] (1376 г.).

С самого начала своего правления Тимур делал то самое, за что прежде упрекал сына и внука эмира Казагана: строил крепости, окружал стенами города и этим нарушал заветы Чингиз-хана. Еще зимой 1365/66 г. Тимуром были выстроены стены вокруг города Карши[93], в 1370 г.— стены и цитадель[94] в Самарканде, в 1380 г.— стены[95] и дворец Ак-сарай в Шахрисябзе[96]. Тем не менее Тимуру удалось примирить с собой своих чагатаев, создать из них дисциплинированную военную силу, слепо преданную своему вождю и по своему внешнему виду более походившую на войска Чингиз-хана, чем на обычный тип мусульманских войск.

О «чакатаях» и их особом положении в государстве Тимура несколько раз говорит Клавихо. По его словам, они могли «ходить везде, где хотят, со своими стадами, пасти их, сеять и жить, где хотят, и зимою и летом; они свободны и не платят податей царю, потому что служат ему на войне, когда он их призовет». В поход они брали с собой и жен, и детей, и стада[97]. В истории Тимура часто встречаются термины, относящиеся к военному делу; тем не менее эта терминология не вполне выяснена. Для обозначения больших племенных групп оди-

---

[92] Там же, 264.

[93] У Шереф ад-дина (I, 111) выражение حصار قارشی, у Абд ар-Раззака (рук. ЛГУ, л. 50а, ср. Бартольд, *Народное движение в Самарканде,* стр. 018; < см. ниже, стр. 373>) باروی قرشی.

[94] Шереф ад-дин Йезди, I, 217 قلعه وحصار, так же Низам ад-дин Шами, рук. Брит. муз., л. 45а; Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 61б.

[95] У Шереф ад-дина Йезди, I, 301 и сл. حصار (с известием о распределении участков между эмирами), так же Низам ад-дин Шами, рук. Брит. муз., л. 59б; у Абд ар-Раззака, рук. ЛГУ, л. 73б بارو .<По мнению М. Е. Массона, хисар Шахрисябза был построен в 1378 г. (см. Массон — Пугаченкова, *Шахрисябз,* стр. 32).—*Ю. Б.*>

[96] По Абд ар-Раззаку, он был выстроен хорезмийскими мастерами; по Низам ад-дину, он считался единственной в своем роде постройкой: وطاق ورواق ان بعیّوق رسانیدند جنانچه کس درجهان مثل آن ندیده ومانند آن نشنیده. <В 1380 г. дворец Ак-сарай, очевидно, только начал строиться; постройка еще не была завершена даже в 1396 г. (см. Массон — Пугаченкова, *Шахрисябз,* стр. 39—41; там же, стр. 35—50 — подробное описание дворца и история его постройки). — *Ю. Б.*>

[97] Клавихо, изд. Срезневского, 220.

наково употребляются термины *иль* и *улус*[98]; в том же значении встречается и слово *тюмень*, собственно значившее 'десять тысяч'[99]. 'Тысяча' обозначалась персидским словом *хазāре*, по-видимому, рано перешедшим к туркам и монголам[100], более мелкие воинские части — монгольским словом *хошун*[101]. Есть известие, что в Моголистане хошуном назывался отряд в 1000 человек[102]; из некоторых мест истории Тимура видно, что в Мавераннахре хошун заключал в себе всего от 50 до 100 человек[103]. Приказы собраться на *курултай* (сейм, имевший при Тимуре, по-видимому, исключительно значение парада) или для похода передавались через *туваджиев*, должность которых считалась чрезвычайно важной, уступавшей только званию государя[104]. При Тимуре был обычай, едва ли существовавший при Чингиз-хане, что с начальников частей при передаче им приказания государя брали расписку; для этой расписки был особый термин[105].

Военный строй был, в общем, тот же, как в других турецких и монгольских войсках; но в деле военного искусства Тимур считался не только хранителем традиций, но и новатором. В битве с Тохтамышем в 1391 г. им был применен какой-то особый строй из семи больших отрядов, о котором раньше никто не слыхал[106]. Кроме обычного движения войсковых масс, которое, конечно, не могло оставаться скрытым, были случаи появления войска Тимура там, где его никто не мог ожидать. Ибн Арабшах рассказывает, что Тимур придумал для своих воинов особый головной убор, по которому они могли узнавать друг друга, и назначил им разные места, где они должны были собираться; сам он двинулся из Самарканда как будто в сторону Ходженда и степи, но на

---

[98] Напр., *иль* джалаиров, Шереф ад-дин Йезди, I, 227; *улус* джалаиров, там же, 264.<*Иль* — тюркский термин, соответствующий монгольскому *улус*. Об их значении см. Pritsak, *Stammesnamen*, S. 50 sq. — *Ю. Б.*>

[99] Ср., напр., Шереф ад-дин Йезди, I, 109: تومان وايل خودرا.

[100] Известно, что оно сохранилось в названии хезарейцев, племени монгольского происхождения в Афганистане.

[101] Пишется قوشون или قشون.

[102] Мухаммед-Хайдер, 55.

[103] Шереф ад-дин Йезди, I, 87 (200 человек образуют четыре хошуна), 139 (100 всадников разделяется на два хошуна), 154 (Тимур делит 600 человек на 7 хошунов). По Абд ар-Раззаку (рук. ЛГУ, л. 165а, в рассказе о действиях мирзы Омара после смерти Тимура), в хошуне было 500 человек.

[104] Шереф ад-дин Йезди, I, 216.

[105] مچلکا, напр., там же, 383. В *Му'изз ал-ансāб*, л. 81, введение этого обычая приписывается Карачару: مورخان اتراک ومغول چنین گویند که واضع مچلکا در تورهٔ چنگیزخانی این قراچار نویان بوده است. <В экз. В. В. Бартольда к этой сноске добавлено: «Ср. у Пекарского, *Словарь*,<I>, 1652 период окончания времени чадорождения; мӱчӓl кар.-кирг. двенадцатилетний живот<ный>цикл, срок». — *Ю. Б.*>

[106] Шереф ад-дин Йезди, I, 532; есть также у Низам ад-дина Шами, рук. Брит. муз., л. 91б.

пути неожиданно повернул в другую сторону, в разных пунктах стал собирать отряды своего войска и неожиданно оказался на крайнем западе Персии, в Луристане [107]. Официальная история Тимура не упоминает об этой хитрости, но и по официальной истории появление Тимура в 1386 г., в начале так называемого «трехлетнего» похода, в Луристане оказывается совершенно неожиданным. Говорится [108] о возвращении Тимура в 1385 г. в Самарканд, о зимовке около Карши, о решении идти на Иран, о собирании войска в Самарканде, о переправе через Аму-Дарью, о прибытии в Фирузкух и о быстром движении оттуда с пятой частью войска (*туваджиям* было приказано выбрать из каждого десятка людей по два) к Луристану.

Несмотря на крайнюю жестокость, с которой велись войны Тимура, мы в рассказах о подвигах отдельных богатырей, о их отношении к своему государю и даже к врагам встречаем эпические черты, напоминающие рассказы о европейском рыцарстве. Когда Тохтамыш в 1378 г. победил с помощью Тимура своего соперника Тимур-Мелика, был взят в плен один из богатырей последнего; Тохтамыш хотел его пощадить и принять к себе на службу; богатырь преклонил колени перед ханом и сказал: «Пока был жив Тимур-Мелик, я вел лучшую жизнь, как эмир и правитель; хотел бы я вырвать тот глаз, который видит тебя на его престоле. Если ты хочешь оказать мне милость, вели отрубить мне голову и положить голову Тимур-Мелика на мою голову, его тело на мое тело, чтобы его нежная и благородная особа не лежала на земле унижения». Желание верного богатыря было исполнено [109]. Характерен также рассказ о приключениях в сирийской степи в 1393 г. двух богатырей Тимура, джучидского царевича Ибадж-оглана и чагатайского эмира Джелаля, сына Хамида [110]. Оба изнывали от жажды и нашли только два глотка воды; Ибадж выпил глоток, но не утолил этим своей жажды и попросил Джелаля уступить ему свою долю. Тот по этому случаю вспомнил рассказ, некогда слышанный им от Тимура, о двух путниках, арабе и персе, изнывавших от зноя в пустыне; у араба еще оставалось немного воды; перс сказал, что только эта вода могла бы спасти его от смерти и что если араб даст ему ее выпить, то это будет лучшим доказательством прославленного благородства арабов. Араб ответил: «Я хорошо знаю, что, если я дам тебе воды, мне придется умереть, но слава арабов мне дороже собственной жизни»; перс получил воду и благодаря этому остался жив. Джелаль

[107] Ибн Арабшах, каирск. изд., 45.

[108] Шереф ад-дин Йезди, I, 392 и сл.

[109] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 71б. Тот же рассказ есть у анонима Искендера (рук. Аз. муз., л. 243а; рук. Брит. муз., л. 256а), откуда, по всей вероятности, его заимствовал источник Абд ар-Раззака, Хафиз-и Абру. <Об этом рассказе см. также наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 799—800.—*Ю. Б.*>

[110] Шереф ад-дин Йезди, I, 637; Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 99а.

прибавил: «Я буду подражать этому арабу и дам тебе воды, чтобы наложить обязательство на потомков Джучи и улус его и сохранить добрую славу улуса Чагатая; только прошу тебя, когда ты вернешься к государю, доложить ему обо всем этом, чтобы рассказ был внесен в летопись». Ибадж дал обещание, получил воду и восстановил свои силы; Джелалю, однако, тоже удалось спастись от смерти; оба вместе достигли Кербелы, места гробницы имама Хусейна, потом пришли к Тимуру и рассказали ему о происшедшем. Тимур прославил подвиг Джелаля и его заботу о чести чагатаевского улуса и вспомнил о заслугах его отца Хамида.

Каково бы ни было отношение этих рассказов к действительности, они свидетельствуют о существовании в войске Тимура известного рыцарского идеала. Естественно, что такие рассказы слагались о самом Тимуре и его сыновьях. Несмотря на физическое увечье, Тимуру приписывались подвиги личной храбрости. В 1379 г., во время осады Ургенча, хорезмийский владетель Юсуф Суфи послал Тимуру вызов на единоборство; Тимур принял вызов, прискакал ко рву крепости и звал оттуда на бой своего противника, но тот нарушил свое слово и не явился. Скоро после этого привезли Тимуру из Термеза вновь поспевшие арбузы; Тимур решил поделиться ими со своим врагом и послал Юсуфу арбузов на золотом блюде; Юсуф велел арбузы выбросить в воду, а блюдо подарил привратнику [111]. В 1383 г. Тимур в Сеистане хотел принять участие в битве и был удержан только просьбами эмиров [112].

Из сыновей Тимура Омар-шейх отличился еще в 1370 г., во время войны с Хусейном, когда ему было всего 16 лет [113]. Впоследствии ему в Фергане часто приходилось сражаться с моголами; о личных подвигах его много говорит аноним Искендера, столь же пристрастный к Омар-шейху и его сыновьям, как Хафиз-и Абру и Шереф ад-дин к Шахруху. О Шахрухе был сочинен фантастический рассказ, опровергавшийся самим Шахрухом [114], будто шестнадцатилетний царевич в 1393 г. принимал горячее участие в битве с владетелем Фарса Мансуром и лично принес своему отцу голову убитого Мансура [115].

Ибн Арабшах утверждает, что в войске Тимура были идолопо-

---

[111] Шереф ад-дин Йезди, I, 294—297. О предложении поединка говорит и Низам ад-дин Шами, рук. Брит. муз., л. 58б.

[112] Шереф ад-дин Йезди, I, 367 и сл.

[113] Там же, 200.

[114] Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан (1902 г.)*, стр. 221.

[115] Шереф ад-дин Йезди, I, 612. Переходную ступень между первоначальной версией (Гияс ад-дина Али — изд. Зимина, 35 и сл.) и версией Шереф ад-дина Йезди представляет написанный в 823/1420 г. рассказ محمود كيتي <Махмуда Гити> <Кутби? — *В. М.*>, вставленный в один из списков *Та'рӣх-и гузӣде* Хамдаллаха Казвини (изд. Броуна, 753 и сл.).

клонники, носившие при себе идолов[116], были и женщины, принимавшие участие в битвах[117]. Как бы то ни было, более строгим мусульманам чагатайские воины казались кафирами, как сами чагатаи не признавали мусульманами моголов, хотя официально ислам сделался господствующей религией в Моголистане еще при хане Туклук-Тимуре; только во второй половине XV в., при хане Юнусе, на моголов было распространено правило, соблюдавшееся вообще при войнах между мусульманами: чтобы военнопленные не продавались в рабство[118]. Таким же образом в XIV в. чагатайское государство не признавалось мусульманским; в 1372 г. хорезмийский владетель Хусейн Суфи сказал послу Тимура: «Ваше царство — область войны (т. е. владение неверных), и долг мусульман — сражаться с вами»[119]. Воины Тимура, подобно языческим монголам, носили косы. Когда при осаде Дамаска (1400-01 г.) внук Тимура Султан-Хусейн изменил своим и перешел на сторону осажденных, ему прежде всего отрезали косу и заставили его переменить одежду[120]. Ибн Арабшах упоминает еще об одной из старших дочерей Тимура, Султан-Бахт-бегум, дочери умершей в 1366 г. сестры эмира Хусейна[121]; она «отличалась мужским нравом и не любила мужчин»[122].

Вообще положение жен Тимура и других женщин при его дворе более соответствовало монгольским обычаям, чем требованиям ислама. Как видно из рассказов Клавихо[123] и Ибн Арабшаха[124] о пирах 1404 г., на этих пирах присутствовали царицы и царевны, не закрываясь от мужчин; те же царицы и царевны сами устраивали пиры, на которые созывали гостей. Тимур строил загородные дворцы с садами близ Самарканда не только для своих жен (Райский сад, устроенный

---

[116] Ибн Арабшах, каирск. изд., 237.

[117] Там же, 239.

[118] Мухаммед-Хайдер, 98.

[119] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 63б: مملکت شما دار الحرب است وبر مسلمانان واجب که دفع شما کنند.

[120] Ибн Арабшах, каирск. изд., 104 и сл. Ибн Арабшах по ошибке называет его сыном сестры Тимура. О его происхождении и о смерти его матери в 1382 г. см. Шереф ад-дин Йезди, I, 330.<Он был сыном Мухаммед-бека, сына эмира Мусы, и дочери Тимура Оге-бики, см. Шереф ад-дин Йезди, I, 229, 230. — *В. М.*>

[121] О ее происхождении Шереф ад-дин Йезди, I, 120.

[122] Ибн Арабшах, каирск. изд., 228. Ибн Арабшах к этому делает не совсем ясное добавление, будто эту царевну «испортили багдадские женщины, когда они пришли в Самарканд». <Ибн Арабшах явно имеет в виду извращенность багдадских женщин, ср. Хакани, *Дīван*, 691.—*В. М.*>. Муж этой дочери Тимура, Мухаммед-Мирке, в 1388 г. восстал против Тимура и был казнен (Шереф ад-дин Йезди, I, 450—454); царевна вторично вышла замуж за эмира Сулейман-шаха (там же, 489); умерла в 833/1429-30 г. в Нишапуре (Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 239б).

[123] Изд. Срезневского, 257 и сл.

[124] Каирск. изд., 163.

в 1378 г. для Туман-ага [125], и сад Дилькуша, устроенный в 1397 г. для Тукель-ханум [126]), но и для других царевен (Северный сад, устроенный в том же 1397 г. для внучки Тимура, дочери Мираншаха [127]). Разумеется, в царствование Тимура женщины не могли оказывать влияние на государственные дела; иногда только им удавалось смягчить гнев Тимура против какого-нибудь опального царевича [128]. Об одной из жен Тимура, красавице Чолпан-Мульк, дочери могола Хаджи-бека, сопровождавшей Тимура во время походов 1391 и 1393 гг. [129], Ибн Арабшах рассказывает, что она была убита Тимуром, до которого дошли слухи [130] (вероятно, о ее неверности); официальная история об этом происшествии в семье Тимура не упоминает.

Своим потомкам Тимур посвящал много внимания; их воспитание было государственным делом, совершенно изъятым из ведения их собственных родителей. Когда ожидалось счастливое событие, родильницу вызывали ко двору и окружали ее всякими заботами, но тотчас после разрешения у нее отнимали ребенка и поручали его воспитание назначенным для этого лицам, тщательно следившим за его пищей, одеждой и всем необходимым; когда наступало время, ребенка поручали особому воспитателю (атабеку), и тот обучал его всему, что нужно было знать будущему государю [131]. Разницы между воспитанием наследника престола и воспитанием других царевичей не могло быть, так как не было точно установленного порядка престолонаследия; кроме того, государство считалось собственностью всего рода, и отдельные царевичи в своих уделах были почти совершенно самостоятельными правителями; вмешательство главы династии происходило только в тех случаях, когда удельный князь обнаруживал мятежные наклонности или ссорился с другими князьями, или когда область подвергалась явной опасности от дурного управления, от внешних или внутренних врагов. Такие случаи были еще при жизни Тимура, который вообще в своих сыновьях и внуках далеко не был так счастлив, как Чингиз-хан. Из четырех сыновей Тимура двое старших умерли, как мы видели, при жизни отца. Третий, Мираншах, родившийся в 1366 г., уже в 1380 г., 14 лет

[125] Шереф ад-дин Йезди, I, 292. Она родилась в 1366 г. (там же, 140); следовательно, ей, когда на ней женился Тимур, было всего 12 лет.

[126] Там же, II, 6—9; Низам ад-дин Шами, рук. Брит. муз., л. 122б.

[127] Шереф ад-дин Йезди, I, 800 и сл. Низам ад-дин Шами (рук. Брит. муз., л. 121а) называет царевну дочерью Шах-Джехана.<О загородных садах Тимура см. Пугаченкова, *Садово-парковое искусство*, стр. 147—148. — *Ю. Б.*>

[128] Ср. Шереф ад-дин Йезди, II, 641 о Сарай-Мульк-ханум и Халиль-Султане. Характерно, что и в этом случае царица могла действовать только через посредство эмиров.

[129] Там же, I, 499 и 583.

[130] Ибн Арабшах, каирск. изд., 228. Судя по словам Клавихо (изд. Срезневского, 296), она была еще жива в 1404 г.; во всяком случае, она упоминается еще в 1403 г. (Шереф ад-дин Йезди, II, 505).

[131] Абд ад-Раззак, рук. ЛГУ, л. 18б.

от роду, принял участие в походе на Хорасан и тогда же был назначен правителем этой (еще не завоеванной Тимуром) области [132]. По своей жене, внучке хана Узбека, Мираншах, подобно Тимуру, носил титул *гӯргӣна* [133] (зятя). Местопребыванием двора Мираншаха в то время, когда он был правителем Хорасана, был Герат. В 1393 г. ему было дано еще более высокое назначение; Тимур в это время мог считать себя обладателем «царства Хулагу», т. е. государства персидских монголов, и «престол Хулагу» был отдан Мираншаху. Главными городами этого обширного удела, заключавшего в себе всю Северную Персию с Багдадом и Закавказьем [134], были Тебриз и Султания.

Мираншах не только отличался личной храбростью, но также походил на отца жестокостью и коварством; в 1389 г. он в Самарканде убил последних потомков династии гератских владетелей — Куртов, причем на пиру со смехом отрубил голову сыну гератского князя Пир-Мухаммеду и потом объяснял свой поступок опьянением [135]. Однако около 1399 г. до Тимура дошли вести, что поведение Мираншаха совершенно изменилось, что после падения с лошади на охоте осенью 1396 г. у него стало обнаруживаться расстройство умственных способностей, что страна под его управлением приходит в полное расстройство и подвергается нападениям внешних врагов [136]. Разрушительные наклонности, унаследованные Мираншахом от отца, приняли болезненные формы; Клавихо уверяет [137], будто он разрушал здания толь-

---

[132] Шереф ад-дин Йезди, I, 307 наверху.

[133] Так называет его его современник Зейн ад-дин<Б. Хамдаллах>Казвини (*Та'*-Н. И. Веселовским, слова *гӯргӣн* нет (Веселовский, *Перстень-печать,* стр. 229 и сл.). Мираншах носит титул гургана также у Даулетшаха, изд. Броуна, 324 (внизу) и 329 *рӣх-и гузйде,* рук. ЛГУ 153, стр. 502). В надписи на перстне Мираншаха, изданном (внизу), у Фасиха, рук. Аз. муз., л. 390а и сл.<см. теперь издание Махмуда Фарроха, 1961. — *Ю. Б.*>, у Абд ар-Раззака, рук. ЛГУ, лл. 164б, 173б и др.

[134] Шереф ад-дин Йезди, I, 623 и сл., 784 наверху.

[135] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 90б; ср. Шереф ад-дин Йезди, I, 468.<По мнению В. Ф. Минорского, имя династии предпочтительнее читать *Карт,* а не *Курт* (см. Barthold, *Four studies,* vol. II, p. 33, n. 4). — *Ю. Б.*>

[136] Шереф ад-дин Йезди, II, 200 и сл. Приблизительно так же у анонима Искендера, рук. Аз. муз., л. 295а, рук. Брит. муз., л. 310б и сл. Низам ад-дин Шами в своем рассказе о походе 1399 г. совершенно умалчивает о действиях Мираншаха, т. е. о главной причине похода. Ср. Бартольд, *О погребении Тимура,* стр. 25, прим. 2;<см. ниже, стр. 447, прим. 160>.

[137] Клавихо, изд. Срезневского, 182. Официальная история не говорит о разрушении зданий; Абд ар-Раззак (рук. ЛГУ, л. 121а) упоминает только о разрушении высокого здания в Султании в поисках за сокровищами. Даулетшах (изд. Броуна, 330) рассказывает, что Мираншах велел разрушить в Тебризе пробницу великого историка Рашид ад-дина и зарыть его кости на кладбище евреев <Рашид ад-дин был евреем по происхождению. — *В. М.*>. Это тем более странно, что Мираншах, по-видимому, интересовался мусульманской исторической литературой; ученый Неджм ад-дин перевел для него с арабского языка на персидский историю Ибн ал-Асира (Хондемир, тегеран. изд., III, 177).

ко для того, чтобы о нем говорили: «Мирза Мираншах не сделал сам ничего, а велел разрушить лучшие творения в мире». В это время в Самарканд прибыла «ханская дочь», жена Мираншаха [138], с жалобой на мужа и с известием о его мятежных намерениях [139]. Даулетшах рассказывает об этом событии с яркими подробностями, которых нет в других источниках и которые едва ли соответствуют действительности; княгиня будто бы показала свекру свою окровавленную рубаху, и Тимур был так поражен поступком сына, что заплакал и целую неделю ни с кем не говорил [140]. Официальная история говорит только о грубых обвинениях, возбужденных Мираншахом против жены; ей удалось опровергнуть обвинения, клеветники «из мужчин и женщин» поплатились жизнью; но разгневанная княгиня все-таки уехала в Самарканд [141].

Событиями 1399 г. был вызван последний, самый продолжительный (так называемый «семилетний») поход Тимура на запад, увенчавшийся победой над египетским султаном и «римским кесарем», т. е. османским султаном Баязидом. Мираншах и население его областей подчинились Тимуру без сопротивления; царевич был низложен, его советники и товарищи его веселой жизни казнены, растраченные им деньги возвращены в казну [142]. Зато последующие события могли показать Тимуру, как непрочно согласие среди членов его династии. Отправляясь в поход, Тимур поручил Самарканд Мухаммед-Султану, сыну Джехангира, Фергану — Искендеру, сыну Омар-шейха [143]. Еще зимою 1399/1400 г. между ними произошла ссора; весной 1400 г. Искендер по распоряжению Мухаммед-Султана был привезен в Самарканд и заключен под стражу; его атабек (Искендеру было тогда около 16 лет) и с ним 26 нукеров были казнены [144]. В том же году сам Тимур низложил в Фарсе старшего брата Искендера, Пир-Мухаммеда; его обвиняли, во-первых, в том, что он под предлогом болезни уклонился от участия в одном походе, во-вторых, в приготовлении с неизвестной целью каких-то ядов. Советники царевича

---

[138] В действительности царевна (ее имя было Севин-бек) была не дочерью, а внучкой хана Узбека; ее отцом был один из хорезмийских князей (Шереф ад-дин Йезди, I, 242). В 1374 г. она была выдана замуж за Джехангира (там же, 249 и сл.) и была матерью Мухаммед-Султана (там же, I, 271, где пропущено слово محمد, и II, 508); за Мираншаха она вышла после смерти Джехангира. Ср. также Ибн Арабшах, каирск. изд., 27.

[139] Шереф ад-дин Йезди, II, 206: اندیشهٔ مخالفت دارد. Совершенно невероятен рассказ Ибн Арабшаха (каирск. изд., 76 и сл.), будто Тимур еще в Индии получил от Мираншаха письмо, где говорилось, что Тимур состарился и должен посвятить остаток своей жизни молитве, а царство отдать сыновьям и внукам.

[140] Даулетшах, изд. Броуна, 330.

[141] Шереф ад-дин Йезди, II, 205.

[142] Там же, 213 и сл.

[143] Там же, 208 и сл.

[144] Там же, 221 и сл.

были казнены; сам он был привезен к Тимуру и по приговору «великого дивана» наказан палками[145]; так же было поступлено в 1401 г. с Искендером[146]. В самом конце 1400 г., во время осады Дамаска, внук Тимура (сын его дочери) Султан-Хусейн перешел на сторону осажденных[147] и сражался против своих; еще до сдачи города, во время одной вылазки, он был взят в плен и приведен к Тимуру, который и в этом случае наказал виновного только палками[148]. Мухаммед-Султан в 1401 г. был вызван к Тимуру, с тем чтобы получить престол Хулагу-хана[149]; он принял деятельное участие в походах первых годов XV в., особенно в Малой Азии, но в 1403 г. умер от болезни[150]. «Престол Хулагу-хана» в 1404 г. был пожалован второму сыну Мираншаха Омару; ему были подчинены все войска Мираншаха и все царевичи, оставленные в Западной Персии и Месопотамии[151]. Из них Пир-Мухаммеду еще в 1403 г. был возвращен Шираз; его брат Рустем получил Исфахан, старший сын Мираншаха Абу Бекр — Багдад[152], Искендер — Хамадан[153]; о Мираншахе только сказано, что ему по просьбе его сына Абу Бекра было разрешено отправиться к этому сыну в Багдад[154]. Клавихо видел Мираншаха в Султании, и царевич не произвел на него впечатления сумасшедшего (против этого говорит также участие Мираншаха в сражениях, о чем упоминает несколько раз и официальная история); он принял кастильских послов с соблюдением требований этикета и спросил о здоровии их короля[155]. Своим наследником Тимур после смерти Мухаммед-Султана назначил другого сына Джехангира, Пир-Мухаммеда, родившегося в 1376 г., через 40 дней после смерти отца[156] (кроме Мираншаха, он с 1403 г. был

[145] Там же, 231 и 263.

[146] Там же, 383. По рассказу Мусеви, Тимур, наоборот, осудил Мухаммед-Султана, признал правым Искендера и велел возвратить приближенным Искендера отнятое у них имущество (Мусеви, *Та'рӣх-и хайрāт*, рук. Бодлеян. б-ки, л. 411а; рук. Брит. муз., л. 297а; ср. Бартольд, *Историк Мусеви*, стр. 1368). Аноним Искендера ничего не говорит ни о столкновении между Мухаммед-Султаном и Искендером, ни о смерти Мухаммед-Султана; молчание этого источника, конечно, говорит в пользу рассказа Шереф ад-дина и против рассказа Мусеви.

[147] Шереф ад-дин Йезди, II, 314.

[148] Там же, 323.

[149] Там же, 345.

[150] Там же, 492.

[151] Там же, 569.

[152] Там же, 514 и сл.

[153] Там же, 564.

[154] Там же, 574 и сл. О том, что Абу Бекр из любви к отцу отказался занять его престол и что Тимур вследствие этого обратился к его брату Омару (Клавихо, изд. Срезневского 182 и сл.), официальная история не говорит.

[155] Клавихо, изд. Срезневского, 176. Дальше (стр. 184) говорится, что Миранша́х был «болен ногами».

[156] Шереф ад-дин Йезди, I, 271.

старшим из находившихся в живых потомков Тимура); ему еще в 1392 г. был пожалован «престол Махмуда газневидского», т. е. области к юго-западу от Гиндукуша до Инда[157]. Действия Тимура показывают, что он не только на провинившегося старшего сына, но и на младшего, Шахруха, никогда не подвергавшегося опале, возлагал меньше надежд, чем на своих внуков. Шахрух принимал участие в походах на запад до Палестины[158], но до конца жизни Тимура оставался в том звании, с которого начал свое поприще Мираншах, — в звании правителя Хорасана. Эта область (местопребыванием правителя, как и при Мираншахе, был Герат) была поручена ему в 1397 г., вместе с Сеистаном и Мазандераном[159]. В 1404 г. Тимур отклонил предложение вызвать сына в Самарканд[160]. В последних политических комбинациях Тимура, связанных с его походом на Китай и прерванных его смертью, малолетним сыновьям Шахруха, как мы увидим, отводилось первое место, но сам Шахрух был из них совершенно исключен. О причинах такого отношения Тимура к Шахруху источники ничего не говорят; неизвестно, проявлял ли Шахрух еще при жизни Тимура то же чрезмерное преклонение перед шариатом и неуважение к законам Чингиз-хана, как во время своего царствования. В 1404 г. посланный Тимуром Фахр ад-дин Ахмед Туси привлек к ответственности гератские власти и произвел среди них полный разгром; историк Фасих перечисляет целый ряд ходжей, которые в связи с этой ревизией были отправлены в изгнание в Ашпару и Сауран[161], но нет указаний на то, чтобы эти события оказали влияние на отношение Тимура к Шахруху и к его воспитателю Ала ад-дину Алике-кукельташу. Замечательно, что этот последний эмир, потом гордившийся тем, что Тимур доверил ему сына[162], в истории событий царствования Тимура совершенно не упоминается; неизвестно, мог ли он уже при Тимуре открыто проявлять те черты характера, которыми он, как мы увидим, существенно отличался от других чагатайских военачальников и которые отчасти перешли на его воспитанника[163].

Клавихо уверяет, будто Тимур при жизни дважды распространял

---

[157] Там же, 558.

[158] Там же, II, 333 (كنعان).

[159] Там же, I, 804.

[160] Там же, II, 601.

[161] Фасих, рук. Аз. муз., л. 392а и сл. У Шереф ад-дина Йезди (II, 592) о миссии Ахмеда Туси и ее последствиях говорится очень кратко. Замечательно, что все изгнанники вернулись с дороги, когда до них дошло известие о смерти Тимура (Фасих, рук. Аз. муз., л. 393а и сл.).

[162] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 254б: بطريق افتخار اظهار ميكرد كه حضرت صاحب قران امير تيمور كوركان حضرت شاهرخي‌را بمن سپرد.

[163] Аноним Искендера уверяет, будто Шахрух только Искендеру был обязан «той небольшой долей смелости, которая есть в его характере» (اندک جرأتی كه در مزاج

известие о своей смерти, чтобы узнать, кто восстанет против его наследников [164]. Восточные авторы не упоминают о такой хитрости Тимура; но что вопрос о том, какие волнения вызовет его смерть, занимал Тимура, на это указывает также рассказ Ибн Арабшаха о разговоре Тимура с одним из персидских князей, Искендером Шейхи [165], то принимавшим участие в походах Тимура, то восставшим против него. Но трудно было бы решить, какое место в этих заботах Тимура о будущем принадлежало роду барласов и какое — созданной им империи. Происходя из среды, в которой господствовал родовой быт, Тимур прежде всего должен был чувствовать себя членом своего рода; по мере его военных успехов и по мере сближения с представителями мусульманской культуры (о влиянии на Тимура каких-либо образованных людей из немусульман известий нет) его кругозор должен был расширяться; но ни в официальной истории, ни в других источниках мы не находим сведений о том, как постепенно изменялось его мировоззрение и как он в конце своей жизни представлял себе жизнь империи и обязанности ее правителя. Из того, что мы знаем о словах и поступках Тимура, мы можем только вывести заключение, что его душевная жизнь была несравненно сложнее, чем душевная жизнь его предшественника — Чингиз-хана. Мировоззрение Чингиз-хана до конца было мировоззрением атамана разбойников, который ведет своих товарищей к победам и доставляет им добычу, делит с ними все труды, в дни несчастия готов отдать им все, даже свою одежду и своего коня, в дни счастия испытывает вместе с ними величайшее из наслаждений — ездить на конях убитых врагов и целовать их жен. Гениальный дикарь применял свои редкие организаторские способности все к более обширному кругу лиц и не видел разницы между качествами, необходимыми для начальника отряда в десять человек, и качествами, необходимыми для управления империей [166]. Тимур, напротив, был прежде всего царем-завоевателем, для властолюбия которого не было границ; ему приписывали изречение, что «все пространство населенной части мира не стóит того, чтобы иметь двух царей» [167]. Чингиз-хан до конца жизни не знал другого языка, кроме монгольского; Тимур, оставаясь неграмотным, кроме своего родного турецкого языка владел персидским, на котором беседовал с учеными [168], учредил при

دارد), и вообще только под влиянием Искендера стал стремиться к царской власти (рук. Аз. муз., л. 292б; рук. Брит. муз., л. 307б).

[164] Клавихо, изд. Срезневского, 363.

[165] Ибн Арабшах, каирск. изд., 40.

[166] Barthold, *Čingiz-Khān*,—EI, I, S. 892 sq.; там же ссылки на источники.<О сопоставлении Тимура с Чингиз-ханом см. также: Бартольд, *Место прикаспийских областей* — наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 741—746; Aubin, *Matériaux*, introd., p. 8. — *Ю. Б.*>

[167] Шереф ад-дин Йезди, I, 306.

[168] Ибн Арабшах, каирск. изд., 220, также беседа в Халебе и произнесенные Тимуром слова خوب خوب (там же, 96 внизу).

своем дворе должность «чтеца рассказов» (*қиссa-хᵛāн*) [169] и благодаря слушанию этих рассказов мог удивить своими познаниями в истории историка Ибн Халдуна [170], увлекался игрой в шахматы и достиг в ней редкого искусства [171]; подробности мусульманского вероучения были усвоены им настолько, что он мог следить за религиозными прениями и принимать в них участие [172]. Все это, однако, не только не вызвало разлада между ним и той военной средой, из которой он вышел, но даже способствовало его военным успехам. Своими познаниями в истории он, как мы видели, пользовался для воодушевления своих воинов примерами из прошлого; религиозными доводами оправдывались избиения и грабежи, производившиеся им в покоренных областях и, конечно, доставлявшие его войску гораздо большее количество добычи, чем это было бы возможно при ином способе ведения войны. Созданная Тимуром огромная военная сила [173] была, по-видимому, слепо предана своему вождю. Сложнее было, вероятно, отношение к Тимуру покоренного культурного населения. Господство Тимура создавалось и поддерживалось крайне жестокими средствами, удивлявшими даже европейца начала XV в. (Клавихо); европейцу начала XX в. даже трудно представить себе, что находились люди для исполнения таких приказаний Тимура, как сооружение башен из 2000 живых людей, положенных друг на друга и засыпанных глиной и кусками кирпича [174], после взятия Исфизара или погребение живыми 4000 пленных воинов после взятия Сиваса [175]. Перед таким утонченным зверством мусульманского завоевателя бледнеют все массовые избиения, совершенные в мусульманских странах по приказанию язычника Чингиз-хана. Тем не менее Тимур и для культурного населения его империи не был только чуждым завоевателем. Тимур был в одно и то же время беспощадным разрушителем и ревностным строителем; им воздвигались величественные постройки с великолепными садами, восстановлялись города и селения, устраивались и исправлялись оросительные системы;

---

[169] Там же, 229, и Даулетшах, изд. Броуна, 363.

[170] Ибн Арабшах, каирск. изд., 108 и 219; <ср. Fischel, *Ibn Khaldūn and Tamerlane*, pp. 37—38, 47. — *Ю. Б.*>.

[171] Там же, 219 (внизу) и Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 118б и сл.; те же лица перечислены у Хафиз-и Абру, рук. Ind. Off., л. 19а-б, где автор говорит о себе в стихе (Абд ар-Раззак приводит только второе полустишие): وین بندهٔ کمترین چه گوید از خود. * زین جنس که ماییم جهانی بجوی. Об игре Тимура в шахматы с сейидами упоминает и Клавихо, изд. Срезневского, 267.

[172] Особенно характерна беседа в Халебе (Ибн Арабшах, каирск. изд., 96 и сл.).

[173] По Ибн Арабшаху (каирск. изд., 94 внизу), число воинов, внесенных в списки, доходило до 800 000. Поход на Китай был предпринят с армией в 200 000 человек (Шереф ад-дин Йезди, II, 635 внизу).

[174] Шереф ад-дин Йезди, I, 360.

[175] Там же, II, 269; Ибн Арабшах, каирск. изд., 88 (3000) <в экз. В. В. Бартольда здесь добавлено: «Также Ибн Шихна». — *Ю. Б.*>; Клавихо, изд. Срезневского, 143.

по выражению официальной истории, он не допускал, чтобы пропадали даром участки земли, где вообще была возможна культура [176]. Созидательная деятельность Тимура столь же поражала воображение, как разрушительная. С именами Тимура и его потомков связана, как известно, одна из лучших эпох в истории мусульманской архитектуры. По общему характеру стиля здания, воздвигнутые в эту эпоху в Самарканде, являются памятниками персидской архитектуры, но своими размерами далеко превосходят свои персидские образцы [177]. Стремление превзойти размерами все постройки прежних эпох вообще характерно для мусульманской архитектуры послемонгольского периода [178], притом не только для завоеванных монголами стран, но и для Египта [179]; но никогда это стремление не проводилось с такой последовательностью, как при Тимуре и его потомках.

Дворцы Тимура не были укрепленными замками, недоступными для населения. Построенный Тимуром замок Кок-сарай [180] в самаркандской цитадели, по-видимому, редко видел Тимура в своих стенах; как при Тимуре, так и при его преемниках он преимущественно служил казнохранилищем и государственной тюрьмой [181]. Тимур, по-видимому, более любил свои загородные дворцы с их великолепными садами, которые в отсутствие государя служили местом прогулок для жителей Самарканда, богатых и бедных. Стены дворцов были украшены живописью, с изображением побед Тимура, его сыновей и внуков, его эмиров и войск [182]. Еще более грандиозным садом был окружен дворец Тахта-Карача, давший свое имя перевалу между Самаркандом и Шахрисябзом. Дворец был построен весной 1398 г.; для устройства сада был использован ручей, стекавший с перевала по ущелью, в 7 фарсахах от Самарканда [183]. О размерах сада Ибн Арабшах рассказывает анекдот, что пропавшая там лошадь была найдена только после шести месяцев [184].

---

[176] Шереф ад-дин Йезди, II, 13.

[177] Замечание Fr. Sarre (*Denkmäler*, Atlas, Lief. VI, S. 1). <Советскими учеными эта точка зрения теперь не разделяется. По мнению авторов последней обобщающей работы об архитектуре Средней Азии, тимуридская архитектура возникла на базе местных, среднеазиатских традиций и явилась результатом «коллективного сотрудничества» среднеазиатских зодчих с мастерами, вывезенными Тимуром из покоренных им стран, в том числе Ирана (см. Пугаченкова — Ремпель, *Памятники*, стр. 42 и сл.). — *Ю. Б.*>

[178] D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. IV, p. 273 (о постройках Газан-хана).

[179] Халиль аз-Захири, 31 (о медресе султана Насира Хасана).

[180] О нем Шереф ад-дин Йезди, II, 634.

[181] Клавихо, изд. Срезневского, 330.

[182] Ибн Арабшах, каирск. изд., 227 и сл.

[183] Шереф ад-дин Йезди, II, 12 и сл. О постройке упоминает также Фасих, рук. Аз. муз., л. 390б.

[184] Ибн Арабшах, каирск. изд., 228.

Грандиозные оросительные работы производились Тимуром не только в его родном Мавераннахре и соседнем Хорасане [185], но и в таких отдаленных местностях, как Муганская степь[186] и бассейн Кабула [187]. Самарканд, по мысли Тимура, должен был быть самым величественным городом в мире; чтобы наглядно изобразить это величие, он вокруг Самарканда построил селения, которым дал названия самых больших известных ему городов: Султании, Шираза, Багдада, Димишка (Дамаска) и Мисра (Каира) [188]. В 1396 г., после возвращения в Самарканд из «пятилетнего» похода, Тимур на три года освободил население от податей [189].

Широкая жизнь столицы Тимура не осталась без влияния на коренное мусульманское население, даже на представителей мусульманской учености. Самаркандский шейх ал-ислам Абд ал-Мелик, потомок автора *Хидаи,* играл в шахматы и в кости и писал стихи [190], т. е. предавался удовольствиям, если не прямо запрещенным религией, то во всяком случае не одобрявшимся; сам Тимур отказался от обеих игр, когда в Отраре перед смертью принес покаяние [191]. Население культурных областей не только платило подати Тимуру, но принимало участие в его походах; в его войске, кроме чагатаев, находились также отряды, набранные в покоренных странах; хорасанец Хафиз-и Абру даже уверяет, что Тимур ни к кому не питал такого доверия, как к хорасанцам [192]; между тем, как показывает рассказ, несомненно восходящий к тому же историку, Хорасану во время завоевания его Тимуром пришлось испытать не менее жестокие бедствия [193], чем другим областям.

---

[185] О работах по верхнему течению Мургаба ср. мою статью *Орошение,* стр. 65.

[186] Шереф ад-дин Йезди, II, 554.

[187] Там же, 32 и 186; также Гияс ад-дин Али, изд. Зимина, 195.

[188] Ибн Арабшах, каирск. изд., 228. Известно местоположение Шираза, Димишка и Мисра; ср. Вяткин, *Материалы,* указатель. Султания упоминается у Ибн Арабшаха (каирск. изд., 210) в рассказе о событиях 1409 г. как селение к северу от Самарканда; у Абд ар-Раззака (рук. ЛГУ, л. 180а) вместо этого назван Шираз.

[189] Шереф ад-дин Йезди, I, 799.

[190] Ибн Арабшах, каирск. изд., 229.<В экз. В. В. Бартольда здесь вставлено: «Стихотворение <далее одно слово не разобрано>у Даулетшаха, <изд. Броуна>, 331 сл.». — *Ю. Б.*>О шейх ал-исламах см. ниже, в эпоху Улугбека.

[191] Фасих, рук. Аз. муз., л. 393а: از نرد وشطرنج باختن توبه فرمودند. У Шереф ад-дина Йезди, II, 654 только об отказе от منكرات ومعاصى<«запрещенного и греховного». — *Ю. Б.*>.

[192] Хафиз-и Абру, рук. ГПБ Дорн 290, л. 289а: اعتمادى كه آن حضرت‌را بر اهل خراسان بودى بر هيچ قوم نبود.

[193] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 78б: كدام طوفان ازين صعبتر تواند بود وچه فتنه ازان هايل‌تر.

3

ДЕТСТВО УЛУГБЕКА

Внук Тимура, старший сын Шахруха родился в воскресенье 22 марта 1394 г. (19 джумада I 796) [1] в Султании, во время второго («пятилетнего») из больших походов Тимура на Иран и переднеазиатские области. Во время этих походов Тимур часто оставлял в Султании свой *угрук* [2] (обоз), при котором находились также его жены, кроме сопровождавших государя; так было и в 1393/94 г., когда *угрук* пробыл в Султании 11 месяцев [3]. Во время этой стоянки разрешилась от бремени жена семнадцатилетнего Шахруха, Гаухар-Шад-ага, дочь одного из представителей чагатайской знати, Гияс ад-дин-тархана [4], предок которого Кышлык спас жизнь Чингиз-хану [5]. Две другие дочери того же Гияс ад-дина с 1392 г. были замужем за сыновьями Омар-шейха [6]. Шахрух был женат еще с 1388 г. [7], но неизвестно, была ли первой женой его Гаухар-Шад. При жизни Тимура эта жена Шахруха, которой было суждено играть выдающуюся роль в царствование своего мужа, почти не упоминается [8].

Военные действия в это время происходили в Месопотамии; в четверг 16 апреля Тимуру сдался город Мардин; на следующий день прибыл гонец (*ильчи*) от царицы Сарай-Мульк-ханум из Султании с

---

[1] Дата у Шереф ад-дина Йезди, I, 679.

[2] Пишется у Шереф ад-дина Йезди اغرق; произношение указано в словаре Ценкера s. v. اوقروق; в словаре Радлова нет. По Ценкеру слово اوقروق было синонимом слова اوردو 'лагерь'; но из многих мест видно, что под *угруком* надо понимать не лагерь войска во время похода, но оставлявшийся в тылу тяжелый обоз (ср. примеры употребления этого слова у Катрмера — Рашид ад-дин, изд. Катрмера, 98 и сл.).

[3] Шереф ад-дин Йезди, I, 630 и 689 и сл.

[4] В 827/1424 г. умер брат Гаухар-Шад Хасан (или Хусейн)-Суфи-тархан (Фасих, рук. Аз. муз., л. 417а и Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 230а); у Шереф ад-дина Йезди, I, 558 (где حسين) он упоминается в рассказе о событиях 1392 г. как сын Гияс ад-дина.

[5] Шереф ад-дин Йезди, I, 238 (внизу). О Кышлыке см. Рашид ад-дин, изд. Березина, II, текст, 211; пер., 131.

[6] Шереф ад-дин Йезди, I, 560.

[7] Там же, 460.

[8] Пример: Шереф ад-дин Йезди, II, 210.

известием о счастливом событии. В ознаменование его Тимур оказал пощаду населению завоеванного города и даже освободил его от уплаты условленной контрибуции.

Новорожденному были даны имена Мухаммед-Тарагай[9], но еще при жизни Тимура эти имена были совершенно вытеснены прозванием Улуг-бек, собств. 'великий князь'[10]. Слово *бег* или (неправильно) *бек*, как мы видели, употреблялось в государстве Тимура турками в том же значении, как персами — слово *эмир; беком* называли самого Тимура. В персидских исторических сочинениях иногда приводятся речи чагатайских военачальников о Тимуре, причем последний называется «великим эмиром»[11]; если эти слова действительно являются переводом турецкого термина, то таким могли быть только слова *улуг бек*[12]. Почему старшему сыну Шахруха был дан титул, который, казалось бы, мог носить только сам Тимур, и почему этот титул еще в младенческом возрасте заменил ему личное имя, об этом мы не имеем известий.

Шереф ад-дин Йезди о детстве Улугбека говорит менее подробно, чем о детстве родившегося в том же году (очевидно, от другой матери) брата его Ибрахима, в уделе которого Шереф ад-дин писал свой труд. В рассказе о рождении Ибрахима[13] приводятся имена его атабека (воспитателя), назначенного тотчас после рождения царевича[14], и его кормилицы, жены атабека. Об Улугбеке история Тимура таких подробностей не сообщает; в тех местах, где встречается его имя, вместе с тем упоминается царица Сарай-Мульк-ханум, попечению которой он, очевидно, был вверен, как его брат Ибрахим — попечению царицы Туман-ага. Еще в мае 1394 г. цариц с детьми и *угруком* вызвали к Тимуру в Армению и Закавказье, где родился Ибрахим; в сентябре они вернулись в Султанию, откуда некоторое время спустя были вызваны к Тимуру[15]; весной 1395 г. обе царицы с детьми были отправлены в Самарканд[16], где еще с осени 1394 г. находился Шах-

[9] Об этом говорят Фасих (рук. Аз. муз., л. 389а) и Хондемир (тегеран. изд., III, 214), см. также Sédillot, *Prolégomènes,* introd., p. CXXV.

[10] Известно, что словами *улуг бек* переводился и титул русского великого князя (ср. мою статью *Запись о русском посольстве,* стр. 365).

[11] Ср. выражение روح امیر بزرک ('дух великого эмира') у Абд ар-Раззака, рук. ЛГУ, л. 207а (рассказ об эмире, обратившемся с просьбой к Улугбеку) и постоянно встречающееся у Мусеви (см., напр., текст: Бартольд, *Историк Мусеви,* стр. 1369) выражение امیر کبیر.

[12] Ср. выражение بیکلار اولوغی (не относящееся к Тимуру) в словах турецкого автора у Rieu, *Turkish MSS,* p. 270a.

[13] Шереф ад-дин Йезди, I, 709 и сл.

[14] Там же, 725. Однако этот эмир уже в 1395 г. был казнен Тимуром (там же, 764)

[15] Там же, 688 и сл., 728, 733 и сл.

[16] Там же, 735.

рух[17]; в 1396 г. все вместе в Хузаре встречали Тимура, возвращавшегося из «пятилетнего» похода[18]. Во время индийского похода Сарай-Мульк-ханум и Улугбек сопровождали Тимура только до Кабула; из окрестностей Кабула Тимур в августе 1398 г. отправил их обратно в Самарканд[19]. Гияс ад-дин Али прибавляет к этому, что Тимуру было трудно расстаться с любимым внуком, но он боялся, что жаркий климат Индии вредно отзовется на здоровии младенца[20]. В воскресенье 30 марта 1399 г. царицы и царевичи, в том числе и пятилетний Улугбек, встречали на берегу Аму-Дарьи возвращавшегося из Индии завоевателя[21]. Во время «семилетнего» похода 1399—1404 гг. царица и ее воспитанник по обыкновению находились при *угруке*. Любимым местом зимовки Тимура был Карабаг в нынешней Елисаветпольской губернии[22]; здесь Тимур, вызвав к себе *угрук*, проводил зиму 1399/1400, 1401/02 и 1403/04 гг.[23]; в 1400/01 и 1402/03 гг. царицы и царевичи долгое время жили в Султании[24]. В 1403 г. Улугбек, Ибрахим и некоторые другие царевичи встретили Тимура в Эрзеруме[25]; по-видимому, это был самый западный пункт, до которого Улугбек вообще доходил в своей жизни. В 1404 г. царицы и царевичи были отправлены из окрестностей Фирузкуха в Самарканд[26], незадолго до возвращения туда самого Тимура.

К зимовкам в Карабаге[27] относится рассказ, приведенный Даулетшахом в доказательство удивительной памяти Улугбека. В Карабаге товарищем детских игр Улугбека был племянник (сын сестры) лица, занимавшего при дворе Тимура должность «чтеца рассказов». В 1448 г. этот товарищ, ставший шейхом Арифом Азери, в одежде дервиша приветствовал Улугбека в Хорасане; тот после первых слов узнал его, спросил: «Не сын ли ты сестры нашего чтеца рассказов?» и начал вспоминать с ним события того времени[28].

Пребывание в Карабаге и других западных областях осталось для Улугбека воспоминанием раннего детства; начиная со второго десятилетия его жизни, ему уже не пришлось бывать в местностях западнее Астрабада. Таким же воспоминанием детства, которому не

[17] Там же, 726.
[18] Там же, 794.
[19] Там же, II, 38 и сл.
[20] Гияс ад-дин Али, изд. Зимина, 52.
[21] Шереф ад-дин Йезди, II, 189; Гияс ад-дин Али, изд. Зимина, 198 и сл.
[22] <Теперь — Азербайджанская ССР.>
[23] Шереф ад-дин Йезди, II, 215 и сл., 381, 557 и сл.
[24] Там же, 263, 352, 399, 505.
[25] Там же, 507.
[26] Там же, 579.
[27] У Даулетшаха приводится неверная дата — 800 г. х. (1397-98 г.). В это время Тимур был в Мавераннахре.
[28] Даулетшах, изд. Броуна, 363.

суждено было повториться, остались для него блестящие пиры, происходившие осенью 1404 г., после возвращения Тимура, в окрестностях Самарканда, когда мальчик при дворе своего деда мог видеть в одно и то же время послов из Испании и послов из Китая. Как мы знаем из рассказа Клавихо, обязанность малолетних внуков Тимура при приеме посольств заключалась в том, чтобы принять из рук послов грамоту их государя, отнести ее к Тимуру и вести к престолу Тимура самих послов [29].

Клавихо не упоминает о том, что Тимур с празднованием своих побед соединил также празднование свадьбы пяти своих внуков, которым было тогда от 17 до 9 лет [30]; в числе их был и десятилетний Улугбек; его невестой была его двоюродная племянница, дочь Мухаммед-Султана, Өгэ-бегум [31] (или Өгэ-бики); о ее возрасте сведений нет. Шереф ад-дин подробно описывает свадебное торжество; говорится [32] о хутбе шейха Шемс ад-дина Мухаммеда ибн ал-Джезери, сирийского ученого, жившего в Брусе, в государстве османского султана Баязида, и в 1402 г. взятого в плен войсками Тимура [33]; главный казий Самарканда Салах ад-дин предложил вопросы (о согласии на брак) и принял ответы. После окончания религиозной церемонии свадьба была отпразднована пиром, согласно монгольским обычаям, причем подавались чаши с вином, кумысом и другими напитками [34]. Историк уверяет, будто между молодыми в следующую ночь начались брачные отношения и будто Тимур на другой день посетил их в их жилищах [35]; это, конечно, маловероятно. Из дальнейших событий видно, что Улугбек и его брат Ибрахим (также находившийся в числе пяти царевичей) оставались и после свадьбы под надзором своих воспитательниц, с которыми расстались только после смерти Тимура.

Клавихо, покинувший Самарканд в пятницу 21 ноября 1404 г. [36], ничего не говорит о военных приготовлениях Тимура и о его последнем походе, несмотря на то, что Тимур уже через 6 дней после отъезда испанского посольства, в четверг 27 ноября [37], выступил из Самаркан-

---

[29] Клавихо, изд. Срезневского, 248 и сл.

[30] О свадьбе Шереф ад-дин Йезди, II, 614 и сл.; о возрасте упомянутых там царевичей там же, 734 и сл.

[31] О ней см. ниже, в рассказе о событиях после смерти Тимура.

[32] Шереф ад-дин Йезди, II, 615.

[33] Там же, 452 и 458; по Фасиху (рук. Аз. муз., л. 391б), он был увезен из Кютахьи. О нем см. еще Ибн Арабшах, каирск. изд., 229 (где по ошибке ابن الجوزى) и Brockelmann, GAL, Bd II, S. 201.

[34] Шереф ад-дин Йезди, II, 617. Описание пира нуждается в подробном исследовании и объяснении терминов; среди последних есть такие, которые не объясняются в словарях; ср., напр., выражение: مراسم قوش وقارو بتقديم پيوست <*кош ва куру* — 'передача чаши по кругу'. — *В. М.*>.

[35] Там же, 624.

[36] Клавихо, изд. Срезневского, 344.

[37] Дата у Шереф ад-дина Йезди, II, 636 и сл.; Фасих, рук. Аз. муз., л. 393а.

да. По представлению Клавихо, Тимур после возвращения из «семилетнего» похода оставался в Самарканде и там умер [38]. Перед отъездом испанцы слышали от людей, «знавших это наверное», что Тимур лежит больной, уже лишился языка и находится при смерти; послы полагали, что их отъезд ускорили для того, чтобы они не могли узнать о смерти Тимура и рассказать об этом событии в тех областях, через которые им предстояло проехать [39]. В действительности Тимур в то время готовился к выполнению давно задуманного им грандиозного предприятия — похода на Китай.

В Китае в 1368 г., за два года до воцарения Тимура, совершился переворот; монгольская династия должна была покинуть Китай, и воцарилась национальная династия Мин; столица из Пекина («Ханбалыка», т. е. ханского города мусульманских и европейских авторов) была перенесена в Нанкин. Между Средней Азией и Китаем существовала оживленная караванная торговля; пути в Китай довольно подробно описываются Шереф ад-дином [40]. О политических сношениях между Тимуром и первым императором Минской династии сообщаются сведения как в истории Тимура, так и в истории этой династии, причем сведения второго источника более подробны [41]. Говорится о прибытии в Китай посольства от Тимура в 1387 г.; имя посла было мауляна Хафиз; посольство представило в виде «дани» 15 коней и двух верблюдов; кони и верблюды после этого присылались в качестве дани ежегодно. В 1392 г. к обычной дани были присоединены куски материи; при отъезде этого посольства с ним были отправлены в Самарканд более 1200 человек из числа мусульман, поселившихся в провинции Ганьсу при монголах. В 1394 г. Тимур прислал в Китай 200 коней; при этом в первый раз приводится, в китайском переводе, текст грамоты Тимура на имя китайского императора. Последний «одобрил стиль» грамоты. Один раз (не сказано, в котором году) количество присланных Тимуром коней доходило до 1000. Китайцы в ответ на эти дары посылали драгоценные камни и бумажные деньги (последние, очевидно, расходовались в самом Китае). Посольство из Китая к Тимуру впервые, насколько известно, было отправлено в 1395 г.; приводятся имена послов Ань Чжи-дао и Го Цзи [42]; посольство прибыло в Самарканд не через Кашгар и Фергану, но через Семиречье; этому посольству было суждено вернуться в Китай только после смерти Тимура.

Из истории Тимура мы знаем, что посольство было принято им только в конце 1397 г., во время его зимовки на берегу Сыр-Дарьи;

[38] Клавихо, изд. Срезневского, 361.

[39] Там же, 323.

[40] Шереф ад-дин Йезди, II, 219 и сл.

[41] Bretschneider, *Researches,* vol. II, pp. 258—261.

[42] Имя его ibid., p. 278.

при этом говорится, что послы поднесли много подарков, удостоились царских милостей и получили позволение удалиться [43]; если бы мы не имели китайского известия о задержании посольства, то эти слова, конечно, были бы поняты в том смысле, что послы уехали обратно в Китай. Китайский император в этих и других местах истории Тимура носит насмешливое прозвание Тонгуз-хан, т. е. «царь-свинья»; о том, как появилось это прозвание, известий нет; объяснение, приведенное у Клавихо, не подтверждается другими источниками [44]. При Шахрухе и Улугбеке, когда отношения к Китаю вновь стали дружественными, насмешливое прозвание больше не употреблялось.

Задержание посольства, конечно, было недружелюбным действием; и действительно, уже в рассказе о событиях 1398 г. говорится о намерении Тимура идти на Китай и истребить «идолопоклонников» [45]. Тимуру, очевидно, было известно, что после изгнания монголов и воцарения национальной династии Мин положение мусульман в Китае изменилось; о вражде основателя династии к исламу передавались преувеличенные известия; по случаю известия о смерти китайского императора, полученного Тимуром в конце 1399 г. [46], во время зимовки в Карабаге, говорится, что он однажды по ничтожному поводу велел перебить 100 000 мусульман и совершенно уничтожил ислам в своих владениях [47]. Из рассказов Клавихо [48] и китайцев видно также, что происходили споры о дани, которой требовал китайский император. Неизвестно, существовало ли у Тимура, кроме того, намерение восстановить в Китае господство монголов. Мы знаем только, что у Тимура были сношения с монгольскими Чингизидами, но рассказы источников

---

[43] Шереф ад-дин Йезди, II, 11.

[44] Клавихо, изд. Срезневского, 253. «Чуйсхан» Клавихо есть, очевидно, искаженное «Токуз-хан» — «'царь девяти' (царств); но, кроме Клавихо, ни один автор не упоминает о таком титуле. У анонима Искендера глава о монгольских императорах в Китае кончается фантастическим рассказом об убиении в 775/1373-74 г. императора ايسن بوقا мятежником تويغور из китайских уйгуров; автор прибавляет (рук. Аз. муз., л. 237б):

تتمّهٔ این قضیّه در ذیل جلوس نوبکغور خان مشروح گفته شود انشا الله (sic) تعالی; но обещанного рассказа в рукописи нет.

[45] Шереф ад-дин Йезди, II, 15; Низам ад-дин Шами, рук. Брит. муз., л. 123б; Гияс ад-дин Али, изд. Зимина, 45.

[46] Самое событие совершилось в 1398 г. Ср. Arendt, *Synchronistische Regententabellen*, III, S. 164.

[47] Низам ад-дин Шами, рук. Брит. муз., л. 156а: نوبتی بغرض سهل صد هزار مسلمانرا بقتل آورده واسلام‌را بکلّی در آن مملکت مدروس گردانیده. В соответствующем месте Шереф ад-дина Йезди (II, 217) об истреблении мусульман не говорится; у Абд ар-Раззака (рук. ЛГУ, л. 123б) это известие есть.

[48] Изд. Срезневского, 253 и 331.

об этих сношениях скудны и не свободны от противоречий. Из сопоставления монгольских известий с некоторыми мусульманскими можно сделать вывод, что при дворе Тимура жил бежавший из Монголии хан Улджэй-Тэмур, после смерти Тимура вернувшийся в свои владения и вскоре после этого убитый своими подданными[49]. Ничего не говорится, однако, о намерении Тимура сделать этого хана китайским императором и низложить Минскую династию; неизвестно даже, был ли хан при войске Тимура во время похода на Китай[50]. Шереф ад-дин даже приписывает путешествие к Тимуру и возвращение в Монголию другому лицу, Тайзи-оглану, преемнику Улджэй-Тэмура. По рассказу Шереф ад-дина, Тайзи-оглан прибыл к Тимуру в 1398 г. в Кабул; перед этим он «возмутился против каана (монгольского хана) и бежал от калмыков»[51]. Источники Шереф ад-дина в соответствующем месте тоже упоминают о прибытии Тайзи-оглана, но называют его только послом, прибывшим из Китая[52]. По словам Шереф ад-дина, Тайзи-оглан в 1404 г. был с Тимуром в Самарканде[53], в начале 1405 г. в Отраре[54]; но предназначалась ли ему какая-нибудь роль в китайском походе, из рассказа Шереф ад-дина не видно; не говорится также, когда и при каких условиях он покинул чагатайское войско. В главе о монгольских императорах в Китае Шереф ад-дин говорит только, что Тайзи-оглан (принявший ислам) после смерти Тимура бежал к калмыкам и сделался ханом, но через несколько дней был убит.

Из политических планов Тимура, связанных с его последним походом, нам известно только, что им было задумано основание двух новых уделов, в которые должны были войти все области к востоку от Мавераннахра до границ Китая. До тех пор завоевательные действия Тимура были направлены исключительно в сторону Передней Азии; против восточных соседей Мавераннахра, моголов, предпринимались только набеги; Фергана, находившаяся сначала под властью Омар-шейха, потом под властью его сына Искендера, оставалась пограничным уделом. Вторжения самого Тимура в Моголистан[55] совершались не через Фергану и Китайский Туркестан, но более север-

---

[49] Бартольд, «Мир ислама», т. I, стр. 68; там же ссылки на источники.

[50] По словам Хондемира (тегеран. изд., III, 18), в приписанном Улугбеку историческом труде (о нем см. ниже) было сказано, что Улджэй-Тэмур после смерти Тимура «отправился в великий юрт и сел на престол» (وبعد از فوت آنحضرت بالغ رفته بر مسند قاانی نشست [یورت]).

[51] Шереф ад-дин Йезди, II, 34.

[52] Гияс ад-дин Али, изд. Зимина, 56 и сл.

[53] Шереф ад-дин Йезди, II, 601.

[54] Там же, 648.

[55] Подробности о них в моем *Очерке истории Семиречья*, отд. отт., стр. 71 и сл.; <наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 81 и сл.>.

ным путем, через Сыр-Дарьинскую область и Семиречье; тот же путь Тимур предполагал избрать и для похода на Китай. С этой целью было решено выдвинуть вперед границу по направлению к востоку и восстановить земледельческую культуру в местности, где она пришла в упадок во время смут XIV в. Еще зимой 1397/98 г. Тимур поручил своему наследнику Мухаммед-Султану выстроить пограничное укрепление на Ашпаре (ныне пограничная речка между Сыр-Дарьинской областью и Семиречьем) и восстановить там земледелие; Мухаммед-Султану было дано войско в 40 000 человек[56]. Впоследствии пограничное укрепление было устроено еще дальше к востоку, на Иссык-Куле[57]. Мухаммед-Султан еще в 1399 г. предполагал воспользоваться этой пограничной линией для действий против моголов; его предупредил Искендер и совершил из Ферганы победоносное вторжение в Китайский Туркестан, причем привлек к участию в этом походе начальников отряда, стоявшего в Ашпаре; эти самовольные действия Искендера[58] были одной из причин того столкновения между обоими царевичами, о котором была речь выше. После отъезда Мухаммед-Султана и Искендера на запад ни в Фергане, ни на северо-восточной границе Мавераннахра некоторое время не было царевичей; в 1402 г. в Самарканд и «на границу Туркестана» был послан Халиль-Султан[59]; в 1404 г., перед выступлением из Самарканда, Тимур решил отдать пограничные уделы малолетним сыновьям Шахруха. Улугбек получил Ташкент, Сайрам, Яны (теперь Аулие-Ата[60]), Ашпару и весь Моголистан до Китая; Ибрахим — Фергану с Кашгаром и Хотаном[61].

---

[56] Шереф ад-дин Йезди, II, 12; Низам ад-дин Шами, рук. Брит. муз., л. 123б, где изложение гораздо короче, но яснее указывается связь поручения, данного царевичу, с планом похода на Китай; ср. Гияс ад-дин Али, изд. Зимина, 45.

[57] «Крепость Иссык-Куль», построенную Тимуром, посетил в 1425 г. Улугбек в конце своего похода (см. текст в приложении).

[58] Шереф ад-дин Йезди, II, 218 и 221.

[59] Там же, II, 448. Анонним Искендера (рук. Аз. муз., л. 297а) говорит, что одновременно с отправлением Омара в Самарканд (в 1401 г.) находившийся там Халиль-Султан получил приказание отправиться в Моголистан (وخليل كه در آنجا بود بمحافظت سرحد مغولستان رود); но по Шереф ад-дину Йезди (II, 320, 346, 385 и 387) Халиль-Султан в 1401 г. принимал участие в военных действиях в Сирии и Ираке Арабском, в 1402 г. в Грузии и Малой Азии (там же, 404, 424 и 433); в Самарканд он был послан после битвы при Анкаре. Об отправлении Омара в Самарканд кроме анонима Искендера говорит Мусеви (текст см. Бартольд, *Историк Мусеви*, стр. 1369); из *Зафар-наме* только видно, что Омар в 1401 г. был в Самарканде, так как посланный туда в это время эмир Тимур-ходжа вместе с другими эмирами должен был находиться при мирзе Омаре (Шереф ад-дин Йезди, II, 380).

[60] <Ныне город Джамбул в Казахской ССР.>

[61] Шереф ад-дин Йезди, II, 633. Между словами اخسی کنت и کاشغر вставлено слово طراز— очевидно, по ошибке, так как этот город, как известно, был на месте Аулие-Ата и тождественен с ینکی.

Царевичи, однако, не были отправлены в назначенные им уделы и оставались в ставке своего деда.

Тимур, конечно, знал, что моголы не подчинятся его внукам добровольно и что собранной им двухсоттысячной армии [62] до вторжения в Китай придется сражаться в Средней Азии. О плане похода мы можем судить только по распределению военных сил. Главные силы, по-видимому, были сосредоточены на правом крыле, зимовавшем в Шахрухии, Ташкенте и Сайраме; из царевичей при этой армии находились Халиль-Султан, сын Мираншаха, и Ахмед, сын Омар-шейха. Левое крыло, под начальством внука Тимура (сына его дочери) Султан-Хусейна, занимало Ясы (ныне Туркестан) и Сауран [63]; сам Тимур с центром армии большую часть декабря провел в Аксулате, оттуда 25 декабря [64] двинулся к Отрару, куда прибыл в среду 12 раджаба (14 января 1405 г.) [65]. О сосредоточении военных отрядов в Фергане ничего не говорится; нет также сведений о численности отрядов, стоявших в Ашпаре и на Иссык-Куле.

Зима 1404/05 г. была одна из самых холодных, какие вообще бывают в Туркестане; с декабря до февраля все переправы на Аму-Дарье и Сыр-Дарье оставались покрытыми льдом [66]. Несмотря на свою дряхлость, Тимур бодро переносил трудности зимнего похода и не ожидал близкого конца; принимая в Отраре посла хана Тохтамыша, бежавшего из Золотой Орды, он обещал ему, что после окончания войны с Китаем вновь совершит поход на Золотую Орду и вернет Тохтамышу престол [67]. Непосредственной причиной болезни и смерти Тимура, по-видимому, было неумеренное употребление вина, которым он старался согреться [68].

Событие, последовавшее в среду 18 февраля 1405 г. [69], имело решающее влияние на судьбу основанной Тимуром империи. В рассказах о ходже Ахраре, родившемся в 1404 г. в горном селении Багустан, между прочим говорится о пиршестве, устроенном в 1405 г. его родителями; среди пира пришла весть о смерти Тимура и вызвала такой переполох, что гости бросили котлы с пищей и бежали в горы [70].

---

[62] Там же, 635 внизу.

[63] Там же, 636.

[64] Дата у Фасиха, рук Аз. муз., л. 393а (четверг 21 джумада II).

[65] Шереф ад-дин Йезди, II, 646. По Фасиху (рук. Аз. муз., л. 393а) в понедельник (sic) 7-го.

[66] Шереф ад-дин Йезди, II, 646.

[67] Там же, 648.

[68] Ср. Бартольд, *О некоторых восточных рукописях в библиотеках Константинополя и Каира*, стр. 0141; также статью Л. А. Зимина *Подробности смерти Тимура*, стр. 37 и сл.

[69] О дате см. Бартольд, *О погребении Тимура*, стр. 20; <см. ниже, стр. 442>.

[70] *Рашахат*, рук. ЛГУ, л. 1131б; рук. Аз. муз., л. 163б; литогр., 234; статья В. Л. Вяткина *Из биографии*.

Фактическая достоверность этого рассказа, конечно, сомнительна; но им, по всей вероятности, правильно передается настроение жителей Мавераннахра в феврале и марте 1405 г., до решения спора о престолонаследии. После смерти Тимура мы не видим такого подчинения воле умершего властителя, как после смерти Чингиз-хана[71]. Было известно, что Тимур назначил своим наследником Пир-Мухаммеда; тем не менее после получения известия о смерти Тимура никто не признал этого наследника государем и не стал чеканить монету от его имени; каждый из бывших удельных князей как в хутбе, так и на монетах заменил имя Тимура своим собственным; так поступил и Шахрух, получивший известие о смерти Тимура 1 марта[72]. За Пир-Мухаммеда не стояли даже начальники армии, находившейся в Отраре, эмиры Шах-Мелик и Шейх Нур ад-дин, только что давшие Тимуру обещание, что свято исполнят его волю. Отправляя в Самарканд жен Тимура с малолетними царевичами, они советовали им сдать столицу Шахруху, чтобы скорее положить конец междуцарствию, так как прибытия Пир-Мухаммеда из Кандагара нельзя было ожидать в скором времени[73]. Предполагалось на некоторое время скрыть смерть Тимура (тело было отправлено в Самарканд тайно) и продолжать поход; из Отрара войско двинулось к селению, находившемуся в пяти фарсахах от него по направлению к востоку[74], где с центром должны были соединяться правое и левое крыло. По словам Шереф ад-дина, эмиры хотели вернуться в Самарканд только после завоевания и опустошения Китая[75]; из слов источника Шереф ад-дина, анонима Шахруха, видно, однако, что предполагалось осуществить только ближайшую цель похода — нанести удар моголам[76] и, вероятно, ввести сыновей Шахруха во владение областями, предназначавшимися им при

---

[71] Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 499; <наст. изд., т. I, стр. 529>.

[72] 28 ша'бана; одинаковая дата у Хафиз-и Абру (рук. Ind. Off., л. 30б) и у Фасиха (рук. Аз. муз., л. 393а).

[73] Шереф ад-дин Йезди, II, 675 и сл.; аноним Шахруха, рук. Брит. муз., л. 21б и сл.; ср. Бартольд, *О погребении Тимура*, стр. 21, прим. 1; <см. ниже, стр. 443, прим. 135. Автор сочинения, названного В. В. Бартольдом «аноним Шахруха», установлен В. Хинцем: ходжа Тадж ас-Сальмани (см. Hinz, *Quellenstudien*, S. 366—370). Сочинение в 1956 г. издано Г. Рёмером в факсимиле (по полной стамбульской рукописи б-ки Лала-Исма'ил-эфенди, № 304), с немецким переводом и комментариями; см. Тадж ас-Сальмани. Ср. Storey, *Persian Literature*, vol. I, pt. II, section II, fasc 2, p. 291; pt 2, pp. 1275—1276. — *Ю. Б.*>

[74] Название селения у Шереф ад-дина Йезди, II, 679 چوکلک, у анонима Шахруха, рук. Брит. муз., л. 23а جُکلک ; вероятно, имеется в виду Чилик наших карт. Джулек находится от Отрара гораздо дальше и в другом направлении.

[75] Шереф ад-дин Йезди, II, 674.

[76] Аноним Шахруха, рук. Брит. муз., л. 20б; ср. Бартольд, *О погребении Тимура*, стр. 21, прим. 2;<см. ниже, стр. 443, прим. 136>.

Тимуре. Театром военных действий прежде всего должны были сделаться будущие владения Улугбека; между тем Улугбек, по неизвестной причине, был отправлен с женами Тимура в Самарканд, тогда как его брат Ибрахим-Султан был оставлен при войске. С этим царевичем войско двинулось к востоку; после соединения всех отрядов предполагалось поручить главное начальство Халиль-Султану.

Несмотря на попытки скрыть смерть Тимура, слухи об этом событии дошли до правого и левого крыла еще раньше, чем посланные из Отрара гонцы; царевичи, стоявшие во главе обеих армий, вместо продолжения похода тотчас решили воспользоваться находившимися под их начальством военными силами в предстоявшей борьбе за власть. Султан-Хусейн, очевидно, не имея возможности привлечь на свою сторону все войска левого крыла, покинул вверенную ему армию и с отрядом всего в 1000 человек поспешил к Самарканду [77]; войска после отъезда царевича, по-видимому, разошлись [78]. Получив известие об этом, начальники центра решили отменить поход и отправили гонцов с таким известием к царицам и в Ташкент; царицы должны были остановиться в том месте, куда успели дойти, и ждать войска; правое крыло должно было выступить по направлению к Самарканду и по пути, в заранее определенном месте [79], соединиться с центром. Войска центра успели переправиться через Сыр-Дарью по льду, тотчас же после их переправы сломавшемуся, и догнать ушедших вперед цариц и малолетних царевичей; тут пришло известие, что в Ташкенте все начальники отрядов правого крыла, с царевичем Ахмедом во главе, присягнули Халиль-Султану.

Халиль-Султан, сын Мираншаха, родившийся в 1384 г., был, подобно Мухаммед-Султану, сыном «ханской дочери», подобно Улугбеку—воспитанником царицы Сарай-Мульк-ханум [80]; воинские доблести он успел выказать еще в 1399 г. во время индийского похода; уже тогда говорили об особенной любви Тимура к этому внуку и о его великой будущности [81]. Известия об участии его в «семилетнем» походе на запад и об отправлении его в 1402 г. «на границу Туркестана» приведены выше [82]. В 1404 г. он вызвал гнев Тимура, женившись без его разрешения на любимой женщине [83]; тем не менее Тимур так высоко ценил этого царевича, что вверил ему начальство над значительной армией. Впоследствии, после своей победы над врагами, он выказал редкое в семье Тимура великодушие. Вопреки словам Шереф

[77] Шереф ад-дин Йезди, II, 680.

[78] Об участии их в дальнейших событиях сведений нет.

[79] Место جای, там же, 682.

[80] Там же, I, 381.

[81] Гияс ад-дин Али, изд. Зимина, 47 и сл.

[82] Шереф ад-дин Йезди, II, 320 и 346.

[83] Там же, 640 и сл.

ад-дина[84], очень вероятно, что провозгласившие Халиль-Султана государем действительно желали видеть на престоле этого царевича, а не только руководились желанием скорее положить конец смутам и спорам.

Присяга Халиль-Султану вызвала пререкания между начальниками центра и правого крыла. Первые обвиняли вторых в нарушении воли Тимура; вторые ответили, что готовы подчиниться этой воле и что присяга Халиль-Султану была только временной; в Ташкенте даже была принесена присяга Пир-Мухаммеду; присяжный лист (عهد نامه), к которому приложил свою подпись и печать (خط ومهر) сам Халиль-Султан, был вручен гонцу; гонец должен был отправиться с этим листом к Шейх Нур ад-дину и Шах-Мелику и после этого «спешно» отвезти лист самому Пир-Мухаммеду[85]. Шереф ад-дин называет все эти действия сплошным лицемерием; но из фактов, приведенных им самим, можно заключить, что о правах Пир-Мухаммеда еще меньше заботились в лагере Шах-Мелика. Войска центра, по-видимому, не последовали примеру войска правого крыла и не присягнули Пир-Мухаммеду; посланный из Ташкента гонец был задержан в лагере Шах-Малика и Шейх Нур ад-дина и еще в марте находился в Бухаре[86].

Целью Шейх Нур ад-дина и Шах-Мелика было как можно скорее овладеть столицей и в то же время затруднить движение Халиля и его войска. Вторая цель была достигнута. Для переправы войска Халиль-Султана через Сыр-Дарью был намечен пункт выше Шахрухии, где был мост из судов; войско должно было переправляться тремя группами: авангард под начальством эмира Бурундука, главная часть с Халиль-Султаном, арьергард под начальством Худайдада Хусейни, бывшего атабека Халиль-Султана, давно уже враждовавшего со своим воспитанником, которому часто делал резкие упреки[87]. По соглашению с Шах-Меликом и Шейх Нур ад-дином, Бурундук после переправы через реку разрушил мост; Худайдад Хусейни со своим отрядом отделился от Халиль-Султана и ушел в Ачик-Паркент (آچیق فرکنت)[88].

В это время бывший центр армии Тимура беспрепятственно двигался по направлению к Самарканду; от Аксулата до перевала Курчук (قرجق)[89] войско шло в полном боевом порядке, правое крыло с Улуг-

---

[84] Там же, 721 и сл.

[85] Там же, 693.

[86] Там же, 712.

[87] Об этом Ибн Арабшах, каирск. изд., 187.

[88] Шереф ад-дин Йезди, II, 695 и сл.

[89] Упоминается также там же, I, 159. У В. Л. Вяткина (*Материалы*, стр. 64) Карджак. Выражение قرجق عقبهٔ Шереф ад-дин Йезди, II, 690 внизу.

беком под начальством Шах-Мелика, левое крыло с Ибрахим-Султаном под начальством Шейх Нур ад-дина[90]. С тех пор Шах-Мелик до 1411 г. оставался опекуном Улугбека; предназначалась ли эта должность ему еще при Тимуре, неизвестно.

Шах-Мелик и Шейх Нур ад-дин[91] не решились привести войско к стенам столицы без предварительных переговоров с начальниками города; у перевала Шах-Мелик покинул войско и отправился в Самарканд, где начальствовали эмиры Аргун-шах, оставленный там Тимуром, и Ходжа-Юсуф, прибывший туда с телом Тимура из Отрара. Начальники решительно отказались впустить Шах-Мелика; со стен ему был дан ответ, что город будет сдан только после возведения на престол законного наследника. С таким ответом Шах-Мелик вернулся к войску, занимавшему в это время селение Алиябад[92] на северной стороне Зеравшана. Было решено сделать еще попытку; во вторник 3 марта[93] для таких же переговоров, как прежде Шах-Мелик, поехал в Самарканд Шейх Нур ад-дин; подъехав к воротам, он попросил впустить для переговоров его одного, без всяких спутников; но и в этом ему было отказано. После этого решили отправить в Самарканд только цариц с царевичами, кроме сыновей Шахруха; Шах-Мелик и Шейх Нур ад-дин с царевичами Улугбеком и Ибрахим-Султаном и с казной Тимура, в которой кроме денег и драгоценностей были запасы одежды и оружия[94], должны были отправиться в Бухару и там укрепиться; они были убеждены, что не встретят там сопротивления, так как в Алиябаде к ним присоединился Рустем, один из начальников изменившего Халиль-Султану авангарда, брат которого начальствовал в Бухаре[95]. Город по размерам не уступал Самарканду[96]. По словам Шереф ад-дина, эмиры предполагали из Бухары отправиться к Пир-Мухаммеду[97]; гораздо вероятнее, что из Бухары хотели вступить в сношения с Шахрухом[98].

В четверг 5 марта[99] войско выступило из Алиябада, и Улугбек навсегда должен был проститься со своей воспитательницей, отправившейся с другими царицами в Самарканд. На следующий день войско

---

[90] Там же, 689.

[91] О дальнейшем там же, 689 и сл.

[92] О нем Вяткин, *Материалы*, стр. 64.

[93] 1 рамазана (Шереф ад-дин Йезди, II, 691).

[94] О казне там же, 703 и сл.

[95] Об этом там же, 711.

[96] Аноним Шахруха, рук. Брит. муз., л. 39б: چون بخارا از سمرقند کمتر نیست.

[97] Шереф ад-дин Йезди, II, 700 и сл.

[98] По анониму Шахруха (рук. Брит. муз., л. 40а), Шах-Мелик решил присоединиться к тому из обоих царевичей (Шахруху или Пир-Мухаммеду), кто раньше подойдет к Аму-Дарье.

[99] 3 рамазана (Шереф ад-дин Йезди, II, 702).

было уже у Дабусии [100]; сюда прибыл посланец из Самарканда; ему было поручено принести извинение эмирам и объяснить им, что их не могли впустить в столицу до прибытия законного наследника и что такой же ответ будет дан Халиль-Султану. Эмиры были вынуждены ответить, что находят поведение начальников Самарканда совершенно правильным, но продолжали свой поход к Бухаре, куда послали вперед Рустема. Через два-три дня, еще до прибытия в Бухару, они узнали, что Халиль-Султан в действительности не встретил на пути к Самарканду никакого сопротивления; уже в селении Шираз он был встречен самаркандскими вельможами; на берегу Зеравшана его встретил эмир Аргун-шах и вручил ему ключи города, крепости и сокровищницы Тимура [101]. Торжественный въезд нового государя в столицу состоялся несколько позже, в день, назначенный астрологом Бедр ад-дином, в среду 18 марта [102].

По изложению Шереф ад-дина, начальники Самарканда с самого начала действовали по соглашению с Халиль-Султаном; но вполне возможно, что решение сдать город этому царевичу действительно было принято ими под давлением таких событий, как мятеж в ташкентском войске, вызванный интригами Шах-Мелика и Шейх Нур ад-дина, попытка тех же эмиров захватить столицу и решение их, после неудачи этой попытки, овладеть Бухарой как опорным пунктом в предстоявшей междоусобной борьбе. Когда Халиль-Султану удалось восстановить разрушенный мост на Сыр-Дарье и переправиться через реку, изменивший ему начальник авангарда Бурундук под влиянием отпора, данного Шах-Мелику в Самарканде, вернулся к Халиль-Султану и получил прощение; после этого он снова присягнул Халиль-Султану, и его примеру последовало войско; известие об этом будто бы пришло в Алиябад еще до выступления оттуда армии Шах-Мелика и Шейх Нур ад-дина [103]. Заняв Самарканд, Халиль-Султан, чтобы показать свое уважение к воле Тимура, провозгласил «ханом» Мухаммед-Джехангира, сына умершего наследника Тимура, Мухаммед-Султана [104]. Очевидно, распоряжение Тимура, которым наследником назначался Пир-Мухаммед, не получило той гласности, как прежде назначение наследником Мухаммед-Султана [105]. Поступок Халиль-

---

[100] О местоположении см. Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 99; <наст. изд., т. I, стр. 148>. О развалинах Зимин, *Кала-и-Дабус*.

[101] Шереф ад-дин Йезди, II, 710 и сл.

[102] Там же, 712 (16 рамазана). По анониму Шахруха (рук. Брит. муз., л. 49б и сл.), Халиль-Султан выступил из Ташкента в середине рамазана и занял Самарканд к концу того же месяца.

[103] Шереф ад-дин Йезди, II, 696 и сл.

[104] Там же, 712 и сл. Это известие подтверждается монетами Халиль-Султана.

[105] Имя Мухаммед-Султана упоминалось в хутбе как имя законного наследника; ср. Гияс ад-дин Али, изд. Зимина, 123 и сл. Клавихо, лично видевший Пир-Мухаммеда

Султана замечателен еще как первая попытка перенести «ханство» из рода Чингизидов в род самого Тимура, на что Тимур еще не решался.

Переданные Халиль-Султану на берегу Зеравшана ключи сокровищниц Тимура имели для него еще больше значения, чем ключи города. Для современников было ясно, что перевес в борьбе за наследство Тимура получит тот, кто завладеет богатой казной, хранившейся в самаркандской цитадели, и получит возможность привлечь на свою сторону жадных чагатаев [106]. Средства Халиль-Султана вскоре после завоевания Самарканда еще увеличились; в его руки перешла и походная казна, увезенная Шах-Меликом и Шейх Нур ад-дином из Отрара в Бухару, как собственность тех двух царевичей, Улугбека и Ибрахим-Султана, между которыми Тимур хотел разделить завоеванный Моголистан. Бухара перешла в руки эмиров, как они и ожидали, без сопротивления [107]. Из рассказа Шереф ад-дина [108] видно, что обладанию этим городом, где была помещена казна царевичей, придавалось большое значение. Бухарская цитадель в то время еще имела, как в X в. [109], двое ворот (теперь, как известно, существуют только западные); половину цитадели, с восточными воротами, заняли Улугбек и Шах-Мелик, другую половину, с западными воротами, Ибрахим-Султан и Шейх Нур ад-дин. Охрана самого города, его стен, ворот и башен была поручена Рустему, его брату Хамзе и другим начальникам; были приняты меры для укрепления города и цитадели.

Из рассказа Хафиз-и Абру и Абд ар-Раззака о договоре, заключенном вскоре после этого между Шахрухом и Халиль-Султаном, видно, что казна Улугбека и Ибрахим-Султана находилась в это время в Самарканде, но не объясняется, как и когда она была вывезена из Бухары. Этот пробел восполняется рассказом анонима Шахруха [110].

(Клавихо, изд. Срезневского, 288 и 320), не упоминает о назначении его наследником. <В экз. В. В. Бартольда к этой сноске добавлено: «Ср. еще монеты в Catal. Brit. Mus. add. <Lane-Poole, *Additions*>, part II, 144 (№ 28d) в Хамадане:

سلطان محمود خان

تيمور ○○ كوركان

امير ○

ولى العهد فى زمان

محمد سلطان».—*Ю. Б.*>

[106] Ср. слова Клавихо (изд. Срезневского, 362).

[107] По Абд ар-Раззаку (рук. ЛГУ, л. 158б) 1 рамазана, что противоречит датам, приведенным выше, по Шереф ад-дину, самим Абд ар-Раззаком. У Шереф ад-дина Йезди, II, 711 здесь только در رمضان.

[108] Шереф ад-дин Йезди, II, 712.

[109] Ср. Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 102; <наст. изд., т. I, стр. 151>.

[110] Аноним Шахруха, рук. Брит. муз., л. 45а и сл. Перед этим (л. 42б и сл.) говорится о спорах между Шах-Меликом и Шейх Нур ад-дином, идти ли со всем войском в Хорасан или оставить часть его в Бухаре, кому отправиться к Шахруху и кому охранять Бухару и т. п.

Рустем последовал примеру Бурундука, перешел на сторону Халиль-Султана, вооружил население города и произвел неожиданное нападение на цитадель, где в то время находился с обоими царевичами один Шейх Нур ад-дин; Шах-Мелик в этот самый день отправился в Хорасан, чтобы уговорить Шахруха ускорить свой приезд в Бухару. Шейх Нур ад-дин спасся бегством с обоими царевичами, без всяких других спутников, покинув на произвол судьбы цитадель и казну, которая была разграблена «базарными ворами» [111]. На пути к Аму-Дарье он присоединился к Шах-Мелику; достигнув реки, Шейх Нур ад-дин с царевичами поспешно отправились к Шахруху, с которым встретились в Андхое [112]; Шах-Мелик остался охранять переправу через реку.

Все это произошло еще в марте; в апреле происходили уже военные действия на берегу Аму-Дарьи. По рассказу анонима Шахруха [113], Халиль-Султан еще в рамазане перешел в селение Куча-Малик [114], где отпраздновал конец поста (в самом начале апреля), оттуда в первую треть месяца шавваля в одно из селений Кешского (Шахрисябзского) округа [115]; из этого селения им был отправлен к Аму-Дарье десятитысячный отряд под начальством эмиров Шемс ад-дина, Ходжа-Юсуфа, Мубашшара и Аргун-шаха. Задачей отряда было отнять у Шах-Мелика суда, захваченные им на Аму-Дарье, и отогнать его от занятой им переправы Дизе. С Шах-Меликом было всего 500 всадников, тем не менее ему удалось отстоять переправу; после двадцати дней тщетной борьбы с согласия Халиль-Султана были начаты переговоры о мире [116]. В действительности переговоры, конечно, были вызваны тем, что на берегу Аму-Дарьи в одном из селений Шапурганского округа [117] с войском, несомненно, более значительным, стоял сам Шахрух; сверх того ход и результат переговоров показывают, что Халиль-Султан не чувствовал себя побежденным. Для заключения мира Шейх Нур ад-дин отправился к Халиль-Султану, Шемс ад-дин и Аргун-шах к Шахруху; наши историки, все пристраст-

[111] Там же, л. 47б سرّاق اسواق. Из дальнейшего, однако, видно, что часть добычи дошла до Самарканда. Хафиз-и Абру (оксфорд. рук., л. 10б) и Абд ар-Раззак (рук. ЛГУ, л. 163б) только в кратких словах упоминают о مخالفت Рустема.

[112] Аноним Шахруха, рук. Брит. муз., л. 49а.

[113] Там же, л. 52б и сл.

[114] О его местоположении Вяткин, *Материалы*, стр. 46.

[115] Название селения в рукописи (л. 52б) جران.

[116] По рассказу Хафиз-и Абру (оксфорд. рук., л. 9а) и Абд ар-Раззака (рук. ЛГУ, л. 163б), первый обмен посольствами между Халилем и Шахрухом произошел еще до возвращения сыновей Шахруха в Хорасан.

[117] Название селения у Хафиз-и Абру (оксфорд. рук., л. 10б), Абд ар-Раззака (рук. ЛГУ, л. 163б) и Фасиха (рук. Аз. муз., л. 393б) دوکه, у анонима <Шахруха> (рук. Брит. муз., л. 55б) دگهٔ شپورغان.

ные в пользу Шахруха [118], приписывают Халиль-Султану выражения, заключающие в себе признание верховных прав гератского владетеля. Халиль будто бы велел передать, что Шахрух все равно отдал бы Мавераннахр одному из своих братьев или сыновей и потому может отдать его Халилю, который ему тоже не чужой; Шахрух согласился, но с тем, чтобы Халиль вернул находившееся в Самарканде имущество самого Шахруха, его сыновей, Шах-Мелика и его спутников [119]. Между тем надписи на монетах, чеканенных Халилем после 1405 г., не заключают в себе никаких следов признания верховных прав Шахруха. Во всяком случае, Шахрух отказался от военных действий против Халиля и оставил ему Мавераннахр; едва ли сам Халиль желал большего. Что касается возвращения имущества, то и это условие не было выполнено; аноним Шахруха и писавшие с его слов об этом умалчивают, но об этом говорит Фасих, сам принадлежавший к числу посланцев Шахруха, посланных за имуществом. Посланцам не только ничего не дали, но хотели их задержать в Самарканде; им пришлось спасаться из Самарканда ночью и скакать еще один день и одну ночь; на второй день они переправились через Аму-Дарью и вернулись к Шахруху [120]. Поступок Халиля, может быть, был вызван тем, что и Шахрух, по словам его анонимного историка, не был намерен соблюдать договор и остался на Аму-Дарье, чтобы воспользоваться первым случаем для вторжения в Мавераннахр; только известие о движении Мираншаха и Абу Бекра из Западной Персии в сторону Хорасана, для соединения с Халилем, заставило Шахруха отказаться от своего намерения [121].

В течение следующих лет Шахрух и его правительство упорно шли к своей цели, ведя борьбу с Халиль-Султаном не столько оружием, сколько средствами дипломатии. Этот способ борьбы оказался более действительным, чем военные действия. Молодой самаркандский владетель, к своему несчастию, не наследовал коварства своего отца и деда; его великодушие переходило в наивную доверчивость; приходивших к нему врагов и изменников он не только прощал и принимал к себе на службу, но решался доверять им свои военные силы. Еще весной 1405 г. к нему явился Шейх Нур ад-дин, имевший от Шахруха

---

[118] В том числе и аноним <Шахруха> (рук. Брит. муз., л. 54б).

[119] Аноним Шахруха, рук. Брит. муз., л. 56а и сл. Хафиз-и Абру (оксфорд. рук., л. 12б) и Абд ар-Раззак (рук. ЛГУ, л. 164а) говорят только об оставшемся в Самарканде имуществе сыновей Шахруха.

[120] Фасих, рук. Аз. муз., л. 394б.

[121] Аноним Шахруха, рук. Брит. муз., л. 57а. О намерениях Шахруха слова:

بحکم غیرت تمام وفتوی ناموس ونام بدان نیّت جزم شدند که تا مملکترا از تصرّف مخالفان مستخلص نگردانند عنان از صوب مخاصمت نپیچانند وتا آب روی شوریده بختان نریزند از کنار جیحون بر نخیزند.

тайное поручение внимательно следить в Самарканде за делами царства Халиль-Султана и пользоваться каждым случаем, чтобы ослабить его могущество. В Самарканде он вызвался усмирить восстание Худайдада и был отправлен с войском на север, но уже через неделю сам поднял восстание и захватил город Отрар [122], где начальствовал его брат Бердибек, в доме которого умер Тимур [123]. Из Отрара он поддерживал сношения как с Худайдадом, так и с Шахрухом.

В местности за Сыр-Дарьей независимо от Худайдада поднял восстание Аллахдад, начальник гарнизона Ашпары. После получения известия о смерти Тимура и расстройства похода на Китай он 15 марта [124] с согласия своего отряда покинул крепость; в начале апреля он в месте Куланчук [125] получил письмо Халиля, извещавшего его о своем вступлении на престол; в письме Аллахдаду предписывалось остаться в Ашпаре до прибытия смены, которую Халиль обещал прислать в скором времени. С другой стороны, Худайдад предлагал Аллахдаду покинуть Ашпару и соединиться с ним. Аллахдад выбрал последнее. Оставление Ашпары было логическим последствием отказа от завоевания Моголистана; Худайдад еще прежде заключил с моголами мир, возвратив им все завоевания Тимура [126]. Крепость на Иссык-Куле с самого начала была оставлена; в Ашпаре Аллахдадом еще был оставлен небольшой гарнизон, среди которого тотчас же начались раздоры, после чего и эта крепость была окончательно покинута. Худайдад и Аллахдад совершили вместе набег через Голодную степь до Джизака, где захватили табуны Тимура; Аллахдад хотел идти оттуда на Самарканд, но Худайдад удержал его. Халиль просил Аллахдада быть посредником между ним и Худайдадом и устроить примирение; Аллахдад сначала отказался, показал письмо Худайдаду и заключил с ним договор, но потом все-таки покинул своего товарища и ушел к Халилю, который тотчас же назначил его своим главным эмиром. В руках Ху-

---

[122] Там же, л. 63а и сл.

[123] О Бердибеке Шереф ад-дин Йезди, II, 646, 666 и 682.

[124] 17 рамазана (Ибн Арабшах, каирск. изд., 184).

[125] Куланчук Ибн Арабшаха, «одна из самых холодных местностей края», есть, вероятно, тот же «перевал Кулан» (عقبهٔ قولان), через который перешел Мухаммед-Султан на пути к Ашпаре (Шереф ад-дин Йезди, II, 12). Название «Кулан» некогда носило селение на месте нынешней станции Тарты <теперь Луговая> (ср. мой *Туркестан*, ч. II, стр. 492 и приведенные там ссылки на источники; <наст. изд., т. I, стр. 522>; также Бартольд, *О христианстве в Туркестане*, стр. 115 и сл.<см. ниже, стр. 281 и сл.> и *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 29—31). Однако Абд ар-Раззак (рук. ЛГУ, л. 190а) в рассказе о событиях 1411 г. помещает قلان باشی между Янги (Таласом) и Саураном (у Хафиз-и Абру, оксфорд. рук., л. 157а, текст искажен), из чего можно заключить, что «перевалом Кулан» называлось пространство между хребтами Кара-тау и Таласский Алатау, на пути из Чимкента в Аулие-Ата (о суровых зимах см. Масальский, *Туркестанский край*, стр. 757).

[126] О договоре Ибн Арабшах, каирск. изд., 190.

дайдада остались все местности за Сыр-Дарьей, сверх того Ходженд и Фергана.

Все это произошло, по-видимому, еще в апреле; в мае Аллахдад уже принимал участие в походе против Пир-Мухаммеда. Эта война, как и война с Шахрухом, началась против воли Халиль-Султана. По-видимому, Халиль-Султан не делал никаких попыток подчинить себе области за Аму-Дарьей и только отстаивал свое господство в Мавераннахре. Когда Пир-Мухаммед обратился к нему с вопросом, по какому праву он присвоил себе наследство Тимура, завещанное другому, Халиль ответил: «То же самое Высшее Существо, которое вручило власть Тимуру, вручило власть мне» [127]. Шейх ал-ислам Абд ал-Эввель старался убедить и Пир-Мухаммеда подчиниться воле божией — конечно, безуспешно, хотя впоследствии царевич жалел, что не послушался шейха [128]. Третий претендент, Султан-Хусейн, еще раньше убедился в безнадежности своих притязаний и присоединился к Халиль-Султану [129], который теперь поставил его во главе тридцатитысячного войска, посланного против Пир-Мухаммеда; в походе принимали участие Аллахдад, Аргун-шах и некоторые другие эмиры. Войско выступило в мае 1405 г. [130] и заняло Балх; там Султан-Хусейн однажды созвал эмиров к себе и двоих из них тотчас велел убить; остальные, в том числе Аллахдад и Аргун-шах, спасли свою жизнь мольбами и выражением готовности служить Султан-Хусейну, который теперь повел войско на Самарканд. Халиль-Султан выступил против него и 6 июля [131] разбил его при Чекдалике (к югу от Шахрисябза); во время битвы Аллахдад и Аргун-шах вновь перешли на сторону Халиля. Войско Халиль-Султана преследовало врагов до Балха [132] и заняло этот город, где захватило все имущество Султан-Хусейна и его гарем; сам Султан-Хусейн в Алиябаде (селении Балхской области) прибыл к Сулейман-шаху (племяннику Тимура), управлявшему тогда Шапурганом и Андхоем, где нашел убежище. Халиль-Султан, по-видимому, не возражал против этого, но Пир-Мухаммед упорно требовал выдачи

[127] Бартольд, *Халиф и султан*, стр. 361; это известие находится уже у Хафиз-и Абру, рук. Ind. Off., л. 60а; оксфорд. рук., л. 54а.

[128] Ибн Арабшах, каирск. изд., 192 и 200.

[129] Он в конце рамазана прибыл к Шахруху в Андхой, в начале шавваля (апрель) ушел от него и отправился к Халилю (Хафиз-и Абру, оксфорд. рук., л. 43б и сл.).

[130] Дата у Ибн Арабшаха, каирск. изд., 193 (середина месяца зу-л-ка'да).

[131] Дата у Абд ар-Раззака, рук. ЛГУ, л. 169а (8 мухаррема). В оксфорд. рук. Хафиз-и Абру, л. 45б указан только месяц мухаррем и по ошибке 810 г.

[132] Об этом и дальнейшем подробнее всего у анонима Шахруха, рук. Брит. муз., л. 77а и сл. (листы неверно переплетены; л. 87 должен быть помещен между лл. 77 и 78). По словам автора (л. 87а-б), Султан-Хусейну было поручено оказать Пир-Мухаммеду полное уважение и по возможности кончить дело миром, но не пускать его дальше пределов его области и в случае необходимости оказать ему сопротивление в Кундузе и Баглане.

побежденного Халиль-Султаном претендента; когда его требование не было исполнено, он отправил против Сулейман-шаха отряд из 3000 всадников; Сулейман-шах вместе с Султан-Хусейном бежали в Герат к Шахруху. Шахрух нашел, что Пир-Мухаммед был совершенно прав и что Сулейман-шаху следовало выдать Султан-Хусейна по первому требованию; Султан-Хусейн был посажен в тюрьму и потом убит; кожа его головы, набитая травой, была послана Пир-Мухаммеду, отдельные члены тела были выставлены на гератских базарах[133]. Сулейман-шах был послан с подарками на запад, чтобы уговорить Мираншаха и его сына Абу Бекра вернуться в свои владения, но они ушли еще до его прибытия; тогда Сулейман-шах присвоил подарки себе, поднял восстание против Шахруха и укрепился в Келате; он объявил, что казнью Султан-Хусейна оскорблена и его честь, так как царевич искал у него защиты[134]. Для усмирения восстания пришлось выступить самому Шахруху; после долгой борьбы Сулейман-шах бежал в Самарканд[135]. Халиль-Султан принял к себе на службу эмира, только что перед тем оказавшего убежище его врагу, и в последовавшей затем войне с Пир-Мухаммедом и Шахрухом вверил ему передовой отряд своего войска.

Пир-Мухаммед после своей победы над Сулейман-шахом занял Балх[136], очевидно, не встретив сопротивления со стороны Халиля, и вступил в переговоры с Шахрухом для общих действий против Мавераннахра. Шахрух ответил, что может выступить только весной (1406 г.), но теперь же отправил с передовым отрядом Улугбека, назначенного князем Шапургана и Андхоя, под опекой Шах-Мелика. Шах-Мелику удалось построить мост (очевидно, из судов) на Аму-Дарье и переправиться через реку; начальники пограничных отрядов Халиля, Иса и Хизр-ходжа, были взяты в плен[137]; Улугбек отправил первого к Пир-Мухаммеду, второго к Шахруху[138]. Отряд Шах-Мелика дошел до Карши и Хузара и насильно переселил жителей этих местностей (вероятно, только чагатаев) на южный берег реки. Известие

---

[133] Аноним Шахруха, рук. Брит. муз., л. 92б. Значительно короче у Хафиз-и Абру (оксфорд. рук., лл. 45б—47б) и Абд ар-Раззака (рук. ЛГУ, л. 169а-б).

[134] На этот мотив восстания указывает уже Хафиз-и Абру, рук. Ind. Off., л. 46а; оксфорд. рук., л. 50а.

[135] Аноним Шахруха, рук. Брит. муз., л. 100б. О бегстве в Самарканд Хафиз-и Абру, оксфорд. рук., л. 50б; Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 170а.

[136] Аноним Шахруха говорит о занятии Балха Пир-Мухаммедом после рассказа о борьбе между Халилем и Шах-Меликом, но, очевидно, занятие Балха произошло раньше, так как связывается с бегством Сулейман-шаха (л. 114а).

[137] Об этом и дальнейшем подробнее всего у анонима Шахруха, рук. Брит. муз., л. 104а и сл. (после л. 112 должен следовать л. 114; л. 113 должен быть помещен между лл. 117 и 118).

[138] Эта подробность у Хафиз-и Абру, рук. Ind. Off., л. 48б; Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 170а.

об этом набеге вызвало страх в Самарканде, тем более, что в то же самое время Худайдад, завладевший Ташкентом, готовился предпринять поход на Самарканд в союзе с моголами. Несмотря на опасность, угрожавшую с севера, Халиль-Султан тотчас же выступил против Шах-Мелика; уже на пути к Аму-Дарье он узнал, что поход из Ташкента на Самарканд не состоялся, так как произошли раздоры между Худайдадом и моголами, которые вернулись в свою страну. Халиль с главной частью войска остановился в Хузаре и послал оттуда к берегу реки Сулейман-шаха с десятитысячным отрядом [139]. Ему удалось напасть врасплох на стражу, оставленную Шах-Меликом у моста, и захватить часть судов; но Шах-Мелик с главными силами вовремя прибыл к месту боя, и переправа осталась в его руках. По просьбе Сулейман-шаха, к берегу Аму-Дарьи прибыл со своим войском сам Халиль-Султан, но и ему не удалось завладеть переправой; после нерешительной битвы Халиль-Султан отправил в лагерь Шах-Мелика послов с предложением мира и с подарками (халаты, поясы, колчаны, мечи, украшенные драгоценными камнями) для Улугбека [140]. По договору Халиль-Султан вновь обязался вернуть находившееся в Самарканде имущество Шахруха, его сыновей, Шах-Мелика и его приближенных. После этого Халиль-Султан вернулся в Самарканд; Шах-Мелик и Улугбек, вопреки договору, отправились к Пир-Мухаммеду, с которым сошлись в месте Ку-и тен [141]. Очевидно, по этой причине Халиль-Султан и на этот раз не исполнил договора о выдаче имущества; к Улугбеку только была послана его молодая жена, оставшаяся до тех пор в Самарканде [142].

В лагере Пир-Мухаммеда Шах-Мелик, по поручению Шахруха, просил отложить поход на 40 дней, чтобы Шахрух успел присоединиться к Пир-Мухаммеду со своим войском; кроме того, он советовал начать военные действия с Бухары, которой было легче овладеть (очевидно, у Шахруха и Шах-Мелика там были связи), и уже оттуда идти на Самарканд [143]. Вопреки этому совету было решено начать поход теперь же и идти прямо на Самарканд; приближенные Пир-Мухаммеда говорили, что для Шах-Мелика важно только получить из Самарканда имущество Шахруха, Улугбека и свое собственное и освободить из плена свою мать, также находившуюся в Самарканде [144].

---

[139] Аноним Шахруха, рук. Брит. муз., л. 106а.

[140] О подарках там же, л. 112а.

[141] Там же, л. 114а. О местоположении Ку-и тена ср. Шереф ад-дин Йезди, I, 443 о походе Тохтамыша, который, «пройдя Карши и Хузар, опустошил страну до Ку-и тена и берега Аму». По-видимому, Ку-и тен соответствует Кух-и-тенгу (название селения и речки между Гузаром и Келифом) современных карт.

[142] Об этом Хафиз-и Абру, рук. Ind. Off., л. 49а; Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 170а.

[143] Аноним Шахруха, рук. Брит. муз., л. 115б и сл.

[144] Там же, л. 116б.

Войско двинулось, однако, в сторону Карши, из чего можно заключить, что советы Шах-Мелика не были так решительно отвергнуты в лагере Пир-Мухаммеда, как уверяет историк; очень вероятно, что план соединения в Бухаре войск Шахруха и Пир-Мухаммеда был расстроен не столько упрямством Пир-Мухаммеда, сколько быстротой действий Халиль-Султана.

Битва произошла в 20-х числах февраля 1406 г.[145] около Карши; по рассказу анонима Шахруха, войско Пир-Мухаммеда, благодаря храбрости Шах-Мелика, было уже близко к победе, когда бегство нескольких эмиров (приводятся шесть имен)[146], изменивших Пир-Мухаммеду, решило битву в пользу Халиль-Султана. Пир-Мухаммед бежал в Балх, Шах-Мелик и Улугбек — в Хорасан, где на берегу Мургаба встретили Шахруха, начавшего в это время, по соглашению с Пир-Мухаммедом, свой поход к Самарканду. Как поспешно было бегство, видно из того, что Халиль-Султану достался весь лагерь Пир-Мухаммеда с его гаремом; все женщины нашли защиту в милосердии и справедливости Халиль-Султана[147].

После битвы Халиль-Султан прислал сказать Шахруху, что желает оставаться с ним в мире и что только нападение врагов на области к северу от Аму-Дарьи заставило его прибегнуть к военным действиям; Шахрух ответил, что с своей стороны тоже остается верным договору, но что границы его владений были нарушены войсками Халиль-Султана, под начальством Сулейман-шаха и Аргун-шаха (этот отряд вторгся в область Шапургана и Андхоя). Оба государя снова послали своих эмиров на берег Аму-Дарьи для возобновления мира[148].

С берега Мургаба Шахрух вернулся в Герат; Шах-Мелик и Улугбек[149], по указанию Шахруха, провели месяц в Бадгисе; в том же году они приняли участие в усмирении восстания главного эмира Сейид-ходжи, начавшегося в конце мая, после чего Улугбек, под опекой Шах-Мелика, был назначен правителем «Хорасана Али-бека и Хорасана Али-Муайяда»[150], т. е. северных и средних округов этой

---

[145] По Ибн Арабшаху (каирск. изд., 197), в воскресенье 1 рамазана 808 г. х. (21 февраля), по Хафиз-и Абру (рук. Ind. Off., л. 51б; оксфорд. рук., л. 56б), в понедельник 2 рамазана, по анониму Шахруха (рук. Брит. муз., л. 117а) — 4-го.

[146] Аноним Шахруха, рук. Брит. муз., лл. 113б и 118а (о порядке листов см. выше, стр. 82, прим. 137).

[147] Слова Хафиз-и Абру (рук. Ind. Off., л. 51б): خلیل سلطان بهادر از انجا که لطف او بود جمله‌را در حریم عدل ونعیم احسان ماوی داد. Эта похвала Халиль-Султану из уст придворного историка Шахруха заслуживает быть отмеченной.

[148] Хафиз-и Абру, оксфорд. рук., л. 56б и сл.; Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 170б.

[149] О дальнейшем Хафиз-и Абру, рук. Ind. Off., л. 52б и сл.; оксфорд. рук., л. 58а и сл.; Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 170б и сл.

[150] Выражение Фасиха (рук. Аз. муз., л. 396б и сл.). Али-Муайяд был, как известно, последним имамом сербедаров; ср. Лэн-Пуль, *Мусульманские династии*, стр. 211; <см. также Петрушевский, *Движение сербедаров*, стр. 152—157. — *Ю. Б.*>. Об Али-

области; при этом Улугбек и Шах-Мелик получили приказ проводить зиму в Астрабаде[151]. Шахрух весной 1407 г. совершил поход для усмирения восстания мирзы Омара (сына Мираншаха), вторгшегося из пожалованного ему Мазандерана в Хорасан; мирза Омар был разбит 18 апреля[152] в окрестностях Джама; Улугбеку кроме Хорасана был пожалован после того также Мазандеран; из Джама он отправился в Тус (во время нападения мирзы Омара он, очевидно, бежал из Хорасана к отцу). В конце 1407 г. Шахрух по просьбе Улугбека снова совершил поход на Мазандеран для усмирения восстания бывшего владетеля области Пир-Падишаха. Шах-Мелик встретил войско Шахруха в Мешхеде, Улугбек — в Кучане[153].

Войско Пир-Мухаммеда после своего отступления за Аму-Дарью тоже не подвергалось преследованию со стороны победителей[154]. Халиль-Султан предпочел обратиться против врагов, угрожавших ему с севера. Кроме мятежников, захвативших бассейн Сыр-Дарьи, Мавераннахру угрожали также золотоордынские татары, захватившие зимой 1405/06 г.[155] Хорезм и доходившие в своих набегах до Бухары. Когда Халиль-Султан прибыл с войском на Сыр-Дарью[156], Ходженд и Шахрухия подчинились ему добровольно, Ташкент после продолжительной осады был принужден к сдаче голодом; на пути оттуда на север Халиль-Султан при Шарапхане подвергся неожиданному ночному нападению со стороны Худайдада и Шейх Нур ад-дина и понес такие потери, что был вынужден вернуться обратно; из дальнейшего можно заключить, что гарнизонов в местностях по Сыр-Дарье им оставлено не было. Шейх Нур ад-дин под влиянием размолвки с Худайдадом ушел в Саганак[157] и вступил в переговоры с Халилем; по его желанию, Халиль отправил к нему одну из вдов Тимура, Туман-ага. Все это не мешало ни Шейх Нур ад-дину, ни его врагу Худайдаду продолжать сношения с Шахрухом.

беке см. Шереф ад-дин Йезди, I, 66 и сл., также выше, стр. 41; о его казни в 1383 г. Шереф ад-дин Йезди, I, 355.

[151] Хафиз-и Абру, оксфорд. рук., л. 74б.

[152] Понедельник 9 зу-л-ка'да (Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 174а); в оксфорд. рук. Хафиз-и Абру, л. 85б — 9 зу-л-хиджжа.

[153] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 176б.

[154] По Ибн Арабшаху (каирск изд., 198), Халиль после битвы пошел в Чекдалик, где остался до конца рамазана; Пир-Мухаммед вторично переправился через Аму-Дарью и занял Хисар, где был осажден Халилем и вынужден просить мира, который был заключен в 809/1406-07 г. (там же, 200 и сл.).

[155] По Хафиз-и Абру (оксфорд. рук., л. 191б; Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 194б), в раджабе 808 г. х. (декабрь 1405 — январь 1406 г.).

[156] О дальнейшем Ибн Арабшах, каирск. изд., 203 и сл. Время этого похода точно не определяется; говорится только, что он произошел после победы над Пир-Мухаммедом.

[157] О названии города см. мой труд *Орошение*, стр. 149 и сл.

Действия Шахруха в 1407 г., может быть, также были одной из причин поспешного возвращения Халиль-Султана из северных областей. Ровно через год после битвы при Карши, 22 февраля 1407 г.[158], Пир-Мухаммед погиб от руки убийцы, Пир-Али Таза[159]; Шахрух объявил себя мстителем за убитого и воспользовался этим случаем, чтобы овладеть Балхом[160]. Действия Шахруха вызвали подозрения со стороны Халиля, который прибыл в Термез и восстановил старую крепость на берегу реки[161]; со своей стороны, Шахрух восстановил цитадель города Балха, разрушенную по приказанию Тимура в 1370 г. В то же время, однако, были возобновлены мирные переговоры, кончившиеся и на этот раз успешно; на берегу реки сошлись и обменялись подарками Аллахдад со стороны Халиля, эмир Мизраб со стороны Шахруха, и оба государя вернулись в свои столицы.

Со стороны Шахруха мир и на этот раз не был искренним; гератский владетель продолжал сноситься с врагами Халиля и подготовлять почву для завоевания Мавераннахра. Успеху интриг содействовал начавшийся в самом Самарканде, среди войска и населения, глухой ропот против молодого государя. Одной из первых причин этого ропота был голод, постигший страну[162]; таким же бедствием в 1407 г. был постигнут Хорасан, но, по-видимому, там удалось принять более быстрые и действительные меры для помощи населению[163]. Халиль-Султану приходилось без внешних завоеваний содержать многочисленную армию, что должно было постепенно привести к истощению казны Тимура. В Самарканде, кроме того, находили[164], что в распоряжении денежными средствами и вообще в решении государственных дел принимает слишком большое участие любимая жена Халиля Шад-Мульк. Благодаря ее покровительству возвышались люди низкого происхождения, в ущерб сподвижникам Тимура; некий Баба-

---

[158] Дата у Абд ар-Раззака, рук. ЛГУ, л. 173а (14 рамазана 809 г.х.).

[159] По Абд ар-Раззаку, Пир-Мухаммед сам возвысил Пир-Али Таза из ничтожества и сделал его эмиром. По анониму Шахруха (рук. Брит. муз., л. 78а), Пир-Али Таз в 1405 г. находился в войске Султан-Хусейна; он же побудил Султан-Хусейна изменить Халиль-Султану. По Хафиз-и Абру (оксфорд. рук., л. 10б) и Абд ар-Раззаку (рук. ЛГУ, л. 163б), Пир-Али Таз тотчас после смерти Тимура покинул Халиль-Султана и прибыл в Балх.

[160] Об этом и дальнейшем Хафиз-и Абру, рук. Ind. Off., л. 74б и сл.; Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 175б и сл. О восстановлении балхской цитадели еще Фасих, рук. Аз. муз., л. 397б; Ибн Арабшах, каирск. изд., 206.

[161] Ибн Арабшах, каирск. изд., 205.

[162] Там же, 207.

[163] Хафиз-и Абру, рук. Ind. Off., л. 29б; Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 173а; ср. Бартольд, *О некоторых восточных рукописях в библиотеках Константинополя и Каира*, стр. 0142 и сл.

[164] Шереф ад-дин посвящает этим обвинениям против Халиль-Султана и его жены особую главу (II, 720 и сл.).

Турмуш, сделавшийся, благодаря царице, полновластным министром [165], не оказывал должного уважения даже главным вельможам, Аллахдаду и Аргун-шаху. Не оказывалось уважение также вдовам Тимура; Шад-Мульк уговорила Халиль-Султана выдать всех жен и наложниц прежнего государя замуж за эмиров и богатырей, чтобы приобрести их расположение. Приведенный выше рассказ о Шейх Нур ад-дине и Туман-ага показывает, что этой чести действительно придавалось большое значение; но Халиль-Султан будто бы даже насильно выдавал цариц замуж за людей, стоявших по своему положению несравненно ниже их. В персидских источниках нет отголоска более тяжкого обвинения против царицы Шад-Мульк, о котором говорит Ибн Арабшах [166]; по его словам, ею были отравлены обе главные жены Тимура, Сарай-Мульк-ханум и Тукель-ханум.

Ослаблению власти Халиль-Султана не могли не содействовать постоянные сношения Шахруха с бухарскими шейхами. Историк бухарского дервишизма [167] рассказывает, что глава бухарских накшбендиев, Мухаммед Парса, постоянно сносился с Шахрухом «для устройства дел мусульман»; чтобы прекратить эти сношения, Халиль-Султан предложил шейху отправиться в степь для распространения среди кочевников ислама; шейх согласился, но ответил, что предварительно посетит могилы бухарских святых. В это время пришла в Бухару грамота Шахруха на имя Халиля с предложением выбрать место битвы; шейх распорядился, чтобы грамота была прочитана в бухарской соборной мечети и потом отправлена в Самарканд. Вскоре после этого Халиль был побежден.

В этом рассказе достоверен, по-видимому, только факт сношений между Шахрухом и бухарскими шейхами. К весне 1409 г. ожидалось, действительно, решительное столкновение между войсками Хорасана и Мавераннахра, но вызова на бой Шахрух своему врагу не посылал; если бы такие сношения происходили, они не могли бы вестись через Бухару, так как Шахрух стоял с войском в Бадгисе, Халиль — в Шахрисябзе [168].

В это время пришло известие о новом выступлении Худайдада и о взятии им города Ура-Тюбе. Ввиду предстоявшей борьбы с Шахрухом, на север могли быть отправлены только небольшие силы; против Худайдада были посланы Аллахдад и Аргун-шах с трехтысячным отрядом [169]. Они встретили врага уже у Джизака, но не всту-

---

[165] У Ибн Арабшаха (каирск. изд., 208) دستور الممالک. В персидских источниках это лицо не упоминается.

[166] Каирск. изд., 228.

[167] *Рашаҳāт*, рук. ЛГУ, л. 38а; рук. Аз. муз., л. 44б и сл.; литогр., 62 и сл.

[168] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 180а. В оксфорд. рук. Хафиз-и Абру здесь пропуск.

[169] Сведения об этом походе у Абд ар-Раззака (рук. ЛГУ, л. 180а) и у Ибн Арабшаха (каирск. изд., 209 и сл.). О численности отрядов говорит только Абд ар-Раззак.

пили с ним в бой и известили Халиля, что нуждаются в подкреплениях; на этот раз Халиль-Султан выступил сам, но взял с собой только 4000 человек (сколько войска стояло в Шахрисябзе и кому после отъезда Халиля было вверено начальство, не говорится). Уже в Султании (по Ибн Арабшаху) или в Ширазе (по Абд ар-Раззаку) [170] на Халиля неожиданно напал Худайдад, очевидно с превосходными силами, и взял его в плен; по словам Ибн Арабшаха, все это было заранее условлено между Худайдадом и Аллахдадом. Взятие в плен Халиля произошло 30 марта 1409 г.[171]; тотчас после этого Худайдад занял без сопротивления Самарканд, где потребовал покорности от всех эмиров, действуя, однако, от имени Халиль-Султана. Стоявшее в Шахрисябзе войско, по-видимому, не подчинилось ему и разошлось, вследствие чего Шахрух на пути к Самарканду не встретил никакого сопротивления.

Шахрух выступил с войском 7 апреля [172], но только 22 апреля [173] достиг Аму-Дарьи. Во время переправы через реку к нему прибыл посол Худайдада, соглашавшегося послать к Шахруху Халиль-Султана и Шад-Мульк, если Шахрух уступит Мавераннахр Мухаммед-Джехангиру [174]. Неизвестно, какой ответ был дан послу. С берега Аму-Дарьи был послан отряд на Хисар; сам Шахрух с остальной частью войска направился к Хузару. Еще в Ку-и тене в его лагерь была привезена Шад-Мульк; в Хузаре было получено известие, что Худайдад покинул Самарканд, взяв с собой Халиля. Аллахдад, Аргуншах и Баба-Турмуш оставались в самаркандской цитадели, но власть взял в свои руки шейх ал-ислам Абд ал-Эввель; повинуясь ему, Аллахдад и другие отказались от борьбы с Шахрухом [175]. Уже из Хузара Шахрух отправил в Самарканд нескольких эмиров, в том числе своего воспитателя Ала ад-дина Алике-кукельташа [176]; сам он отправился в Джам, где его встретили царевичи, с Мухаммед-Джехангиром во главе, и 13 мая [177] вступил в Самарканд. С ним находились Шах-Мелик и Улугбек, которого предполагалось, под опекой Шах-Мелика, назначить правителем Самарканда, хотя об этом было торжественно объявлено только к концу года, перед отъездом Шахруха.

---

[170] Ср. выше, стр. 62, прим. 188.

[171] Дата у Абд ар-Раззака (13 зу-л-ка'да 811).

[172] 21 зу-л-ка'да (эта и следующие даты у Абд ар-Раззака, рук. ЛГУ, л. 180а).

[173] 6 зу-л-хиджжа.

[174] Так по Фасиху, рук. Аз. муз., л. 398б.

[175] Ибн Арабшах, каирск. изд., 211 и 213. По Ибн Арабшаху, Шад-Мульк также оставалась в Самарканде, т. е. была отправлена к Шахруху уже после отъезда Худайдада.

[176] Так по Фасиху, рук. Аз. муз., л. 398б, и Абд ар-Раззаку, рук. ЛГУ, л. 180б.

[177] 27 зу-л-хиджжа.

В Самарканде к Шахруху присоединился Шейх Нур ад-дин; по соглашению с Шахрухом он из Отрара двинулся к Бухаре, но там был разбит Худайдадом (до отъезда последнего из Самарканда) и прибыл в Самарканд без войска.

Таким образом, столица без пролития крови перешла во власть Шахруха, как четырьмя годами раньше во власть Халиль-Султана; но на этот раз победитель не был склонен проявлять великодушие. Одинаково жестокой расправе[178] подверглись представители обеих враждовавших между собой партий, царицы и эмиров. Аллахдад и Аргун-шах были подвергнуты пытке (от них требовали выдачи денег, принадлежавших казне) и потом казнены; казни подвергся также один из представителей гражданского управления, ходжа Юнус Семнани. Царицу Шад-Мульк также пытали, потом с позором провезли по городским базарам. Баба-Турмуш, также подвергнутый жестоким пыткам, однажды, когда стража вела его в цепях мимо большого хауза, вырвался из рук стражи, бросился в хауз и утонул.

После занятия Самарканда оставался вопрос об областях по Сыр-Дарье, находившихся при Халиль-Султане в руках мятежников и теперь сделавшихся убежищем Худайдада и самого Халиля. Худайдад увез Халиль-Султана в Фергану и в главном городе области, Андижане, велел упоминать его имя в хутбе; сам он отправился просить помощи «к моголам», вероятно через Ташкент; с Халилем оставался сын Худайдада Абд ал-Халик; другой сын Худайдада, Аллахдад, был начальником Шахрухии. Тщетно Шахрух уговаривал Худайдада покориться добровольно; Худайдад требовал, чтобы к нему прислали связанным его врага Шейх Нур ад-дина[179]; из дальнейшего видно, что Шахрух не мог бы исполнить это требование, даже если бы хотел. Шахрух после этого двинулся с войском к Сыр-Дарье, причем отправил один отряд к Шахрухии (в этом отряде был Шах-Мелик), другой к Ходженду; сам Шахрух проводил лето в Ура-Тюбе. Ибн Арабшах[180] уверяет, что моголы оказали почет Халиль-Султану и прислали ему подарки, в том числе золотое кресло; но военной помощи он от моголов, по-видимому, не получил, так как должен был вместе с Абд ал-Халиком удалиться в крепость Алла, или Алла-кух (вероятно, в Алайской долине), где был осажден Шах-Меликом. Осада закончилась договором, по которому Шах-Мелик отступил; со своей стороны, Халиль-Султан обещал отправиться к Шахруху, но потом предпочел уйти в Отрар, куда перед этим, с согласия Шахруха, возвратился Шейх Нур ад-дин. Пространство между Ферганой и Отраром

---

[178] Об этом, кроме Ибн Арабшаха, каирск. изд., 213 и сл., говорит только Фасих, рук. Аз. муз., л. 401а.

[179] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 181б.

[180] Каирск. изд., 215.

было пройдено им, очевидно, при содействии моголов; Худайдад, рассчитывавший на помощь тех же моголов, был ими убит, и голова его была отправлена, по Ибн Арабшаху[181], к Халилю, по Абд ар-Раззаку[182] — к Шах-Мелику. Шах-Мелик послал ее Шахруху вместе с головой Аллахдада (сына Худайдада), бывшего начальника Шахрухии, из чего можно заключить, что этот город был им занят; Абд ал-Халик, как видно из рассказов о дальнейших событиях, оставался до своей смерти правителем областей за Сыр-Дарьей. Шахрух доходил до Ходженда, откуда отправился в Аксулат, когда Шейх Нур ад-дин, обещавший скоро вернуться к Шахруху, обнаружил намерение остаться в Отраре. На пути из Аксулата к Отрару, в месте Узун-Ата[183], к Шахруху прибыл Халиль-Султан. Для заключения договора с ним в Отрар перед этим прибыли Шах-Мелик и Алике-кукельташ; договор был заключен при посредстве Шейх Нур ад-дина; Халиль-Султан отправился в Рей, назначенный ему в удел, причем ему была возвращена его жена Шад-Мульк, по которой он во время разлуки изливал свое горе в персидских стихах[184]. Удельным князем Рея Халиль-Султан оставался до своей смерти, последовавшей в среду 4 ноября 1411 г.[185]; Шад-Мульк, не желая пережить его, кончила жизнь самоубийством. С юных лет прославивший себя боевыми подвигами, Халиль-Султан не был тем «сентиментальным пастушком», каким изображает его один из европейских ориенталистов[186]; но романический эпизод его жизни и царствования, действительно, мало соответствовал общему характеру эпохи.

Договором с Халиль-Султаном закончились военные действия 1409 г. Покидая Самарканд, Шахрух назначил[187] Улугбека правителем города; другой сын Шахруха, Ибрахим, сделался правителем Балха, Мухаммед-Джехангир — правителем Хисара и Сали-Сарая на Аму-Дарье, сын Омар-шейха Ахмед — правителем Ферганы. Кроме Ахмеда, все другие царевичи были малолетними, и действительными правителями их уделов сделались эмиры. В Самарканде действительная власть была вверена «величайшему эмиру, справедливейшему и великодушнейшему нойону» Шах-Мелику; кроме того, Улугбек должен

---

[181] Там же.

[182] Рук. ЛГУ, л. 182а.

[183] В рассказе о последнем походе Тимура это место упоминается как первая после Аксулата станция на пути к Сыр-Дарье; ср. Шереф ад-дин Йезди, II, 646.

[184] Так по Ибн Арабшаху, каирск. изд., 216.

[185] Дата у Хафиз-и Абру (оксфорд. рук., л. 170б) и Абд ар-Раззака (рук. ЛГУ, л. 191б): среда 16 раджаба 814.

[186] A. Müller, *Der Islam*, Bd II, S. 315 («sentimentaler Schäfer»). Халиль там же ошибочно назван сыном Омар-шейха.

[187] О назначениях Хафиз-и Абру, рук. Ind. Off., л. 113б и сл. и оксфорд. рук., л. 98а и сл.; Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 182б и сл.

был оказывать полное уважение наследственным шейх ал-исламам Самарканда. 24 декабря[188] 1409 г. Шахрух возвратился в Герат.

С возвышением Шах-Мелика не могли примириться его соперники, Шейх Нур ад-дин в Отраре и опекуны малолетнего Мухаммед-Джехангира в Хисаре[189]. Весной 1410 г. они вместе выступили против Шах-Мелика и Улугбека и в воскресенье 20 апреля[190] нанесли им решительное поражение при Кызыл-Рабате к западу от Самарканда[191]. Разбитое войско отступило к Кара-тюбе и в горы между Самаркандом и Шахрисябзом; победителю была открыта дорога к столице[192]. Уже на следующий день к воротам Самарканда прибыл для переговоров уполномоченный Шейх Нур ад-дина; в пятницу 25-го сам Шейх Нур ад-дин подъехал к воротам Шейхзаде (ныне Пайкабакским), но жители с шейх ал-исламом во главе отказались отворить ему ворота без приказания Шахруха. Город не был сдан и впоследствии, хотя Шейх Нур ад-дин занял его окрестности и провел несколько дней в одном из загородных дворцов Тимура, Дилькуша, к северу от города; по желанию Шейх Нур ад-дина, в его лагерь был привезен из Хисара царевич Мухаммед-Джехангир[193], но и прибытие бывшего «хана» не заставило самаркандцев сдать город. За исключением столицы, вся страна до Аму-Дарьи перешла во власть мятежников; в Бухару и Шахрисябз были посланы наместники Шейх Нур ад-дина; Улугбек был вынужден отступить к Келифу (город до XVIII в. находился не на правом берегу реки, как теперь, а на левом)[194]; кроме того, Шахруху оставался верным начальник Термеза, эмир Мизраб, прежде служивший Халиль-Султану. Отряды, посланные Шейх Нур ад-дином к Келифу и Термезу, не успели взять этих городов до прибытия войска Шахруха.

Шахрух выступил с войском из Герата уже 9 мая[195], но почему-то

---

[188] 16 ша'бана (Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 183а). Он покинул Самарканд еще в раджабе (Хафиз-и Абру, оксфорд. рук., л. 100б).

[189] По Фасиху (рук. Аз. муз., л. 401б), главным виновником восстания Шейх Нур ад-дина был один из хисарских эмиров, Хамза. Хафиз-и Абру (оксфорд. рук., л. 128а, рук. Ind Off., л. 134б) среди хисарских эмиров называет на первом месте эмира Мубашшара, одного из известных сподвижников Тимура.

[190] Дата у *Фасиха*, рук. Аз. муз., л. 400б (15 зу-л-хиджжа).

[191] О местоположении Вяткин, *Материалы*, стр. 47.

[192] Об этом и дальнейшем Хафиз-и Абру, рук. Ind. Off., л. 133б и сл.; оксфорд. рук., л. 126а и сл.; Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 186а и сл.

[193] Характерны слова, приписанные у Хафиз-и Абру Шейх Нур ад-дину (оксфорд. рук., л. 127б), когда он призывал царевича: من این مملکت‌را از بهر تو کرفته ام... وامیر صاحب قران انار الله برهانه بتو وصیّت کرده است. Ср. выше, стр. 76, о действиях Халиля.

[194] Бартольд, *Орошение*, стр. 75.

[195] 4 мухаррема (Хафиз-и Абру, оксфорд. рук., л. 129б; Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 186а).

только 20 июня дошел до Келифа[196]; здесь и у Термеза хорасанское войско беспрепятственно переправилось через реку. Улугбек присоединился к термезскому отряду и вместе с эмиром Мизрабом двинулся на Шахрисябз; Шахрух с главными силами медленно следовал за ними. Шейх Нур ад-дин после получения известия о прибытии Шахруха отступил от Самарканда; Шах-Мелик тотчас напал на него, но снова был разбит, причем победителю досталась огромная добыча и все оружие разбитого войска. На этот раз Шах-Мелик бежал в Самарканд, но там вельможи (в числе их, вероятно, был шейх ал-ислам) встретили его такими упреками, что он не решился оставаться в городе и увел вельмож с собой. Шахрух после занятия Шахрисябза подошел к Самарканду; к нему пришел также Ахмед из Ферганы, хотя привел с собою только 500 всадников; битва с Шейх Нур ад-дином и Мухаммед-Джехангиром произошла в субботу[197] 12 июля у того же Кызыл-Рабата и речки Джам; Шахрух лично принимал участие в сражении, одержал полную победу и два дня спустя занял Самарканд, но уже 23 июля[198] покинул город, предоставив окончание войны с Шейх Нур ад-дином Шах-Мелику; на обратном пути он из Шахрисябза отправил отряд на Хисар под начальством Мизраба. Уже в начале августа[199] Шахрух вернулся в Герат. Порядок в Хисаре, по-видимому, был восстановлен без труда; Мухаммед-Джехангир оставался правителем Хисара до своей смерти, последовавшей в 1433 г.[200]; в 1413 г.[201] за него была выдана дочь Шахруха.

Поход Шах-Мелика против Шейх Нур ад-дина состоялся только в январе 1411 г.[202]; Улугбек, по-видимому, не принимал участия ни в этом походе, ни в дальнейших военных действиях в бассейне Сыр-Дарьи. Шейх Нур ад-дин находился в то время в Сауране; при приближении Шах-Мелика он без битвы бежал к моголам; Шах-Мелик мог настигнуть только его арьергард. С своей стороны, Шах-Мелик тоже не имел возможности прочно занять область и должен был вернуться обратно; он был уверен, что тотчас после получения изве-

[196] В пятницу 17 сафара (Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 186б).

[197] Дата уже у Хафиз-и Абру, рук. Ind. Off., л. 138б (9 раби' I), так же Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 187а; по оксфорд. рук. Хафиз-и Абру (л. 135б) в субботу 11-го.

[198] 20 раби' I по Абд ар-Раззаку (рук. ЛГУ, л. 187а); по оксфорд. рук. Хафиз-и Абру, л. 137а, в четверг (?) 27-го.

[199] В начале раби' II, т. е. после 3 августа (Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 187а). У Хафиз-и Абру (оксфорд. рук., л. 138б) указан только месяц.

[200] 7 зу-л-ка'да 836/25 июня 1433 г. (Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 242а).

[201] Свадьба была 14 джумада II 816/11 сентября 1413 г. (Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 196а); в оксфорд. рук. Хафиз-и Абру, л. 203а, число пропущено. Рассказом об этом событии заканчивается сочинение Хафиз-и Абру в рук. Ind. Off. (лл. 181б—183а).

[202] Выступление, по Хафиз-и Абру (оксфорд. рук., л. 153б), 13 рамазана (9 января). Ср. Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 189б и сл.

стия об этом Шейх Нур ад-дин вернется из Моголистана, и поручил Абд ал-Халику, как наместнику пограничной с Моголистаном области, преградить ему дорогу. Абд ал-Халик успешно выполнил поручение и даже мог бы взять Шейх Нур ад-дина в плен, но нарочно дал ему уйти к моголам, так как не считал для себя выгодным чрезмерное усиление Шах-Мелика и потому не хотел уничтожить его врага — факт, наглядно показывающий, как мало признавалась власть династии.

Абд ал-Халик умер в том же году и был заменен другим лицом[203] по назначению Шах-Мелика; по-видимому, это лицо не сразу взяло власть в свои руки, так как могольский хан Мухаммед воспользовался этим временем для нападения на пограничную область. Отряд в 15 000 человек, под начальством брата хана, Шах-Джехана[204], осадил Сайрам и дошел до Кара-Самана, места в окрестностях Отрара[205]. Шах-Мелик отправил одного из своих нукеров (имя его — شايستم) с двухтысячным отрядом для неожиданного нападения на тыл врагов; отряд отправился из Пскента[206] к Таласу[207], вероятно по горным дорогам, разбил стоявших там моголов и захватил большую добычу, в том числе 12 000 коней, из которых Шах-Мелику была послана только половина[208].

Эта неудача заставила моголов снять осаду Сайрама и отступить, но еще не привела к отмене похода. На этот раз выступил с войском сам Мухаммед-хан и дошел до места Кулан-баши, между Яны (на Таласе, близ Аулие-Ата) и Саураном (вероятно, имеется в виду плоскогорье между хребтами Кара-тау и Таласский Алатау, на пути в степь, простирающуюся к северу от Александровского хребта)[209]; но там между ним и Шах-Меликом без битвы был заключен договор; хан обменялся подарками с Шах-Меликом и обязался больше не поддерживать Шейх Нур ад-дина.

Шейх Нур ад-дин, отделившись от моголов, проник в Сауран[210] всего с 500 всадниками; но в самом городе в его распоряжении ока-

---

[203] Имя его было Тимур-Мелик, сын Дулдая (Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 190а; Хафиз-и Абру, оксфорд. рук., л. 154б).

[204] Так (верно) у Хафиз-и Абру, оксфорд. рук., л. 155а; у Абд ар-Раззака (рук. ЛГУ, л. 190а) по ошибке назван Шам'-и Джехан, предшественник Мухаммед-хана; ср. мой *Очерк истории Семиречья,* стр. 76; <наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 84>. Аноним Искендера (рук. Аз. муз., л. 252а; рук. Брит. муз., л. 264а) относит смерть Шам'-и Джехана к 802 г. х. (1399 г.), что противоречит китайским известиям.

[205] Упоминается у Шереф ад-дина Йезди, I, 230 и 499.

[206] Так по Хафиз-и Абру, оксфорд. рук., л. 155б.

[207] В тексте ينكى.

[208] Кроме Хафиз-и Абру и Абд ар-Раззака, то же самое у Фасиха, рук. Аз. муз., л. 402а.

[209] См. выше, стр. 80, прим. 125. <Александровский хребет — ныне Киргизский.>

[210] У Ибн Арабшаха (каирск. изд., 204) вместо Саурана назван Саганак.

зались такие силы, что Шах-Мелик, после заключения мира с моголами подступивший к Саурану, не мог овладеть им открытой силой; возможно, что его удерживало также присутствие в городе вдовы Тимура. Хафиз-и Абру [211] с эпическими подробностями описывает, как Туман-ага с вершины одной из башен говорила с Шах-Меликом и заплакала при упоминании о Тимуре, как происходили переговоры между Шах-Меликом и Шейх Нур ад-дином, как было условлено между ними свидание, как они, каждый с двумя нукерами, сошлись у стен крепости, как Шейх Нур ад-дин бросился обнимать своего бывшего друга [212], находившегося в войске Шах-Мелика, и как тот, заранее подговоренный Шах-Меликом, неожиданно повалил на землю ничего не подозревавшего эмира и быстро заколол его.

Так был уничтожен последний военачальник в Мавераннахре, не признававший власти Шахруха и Улугбека. Шах-Мелик сделал свое дело; чтобы плодами его деятельности мог воспользоваться Улугбек, необходимо было удалить из Мавераннахра слишком могущественного эмира; негодование, вызванное его вероломным поступком под стенами Саурана, давало Шахруху и Улугбеку желанный предлог для этого.

Отношения между Улугбеком и его опекуном к этому времени приняли такой же характер, как некогда отношения между Халиль-Султаном и Худайдадом. Еще во время войны с моголами Улугбек воспользовался отсутствием Шах-Мелика, чтобы принести отцу жалобу на действия эмира. Шахрух поручил одному из знатных эмиров, Сейид-Али-тархану, отправиться в Самарканд и произвести расследование; Сейид-Али-тархан пришел к заключению, что Шах-Мелик хорошо правит страной и дает Улугбеку хорошие советы, но эти советы оскорбляют самолюбие царевича, чем пользуются злонамеренные люди [213]. Во время военных действий против моголов Шах-Мелик продолжал оказывать внешнее внимание Улугбеку и присылал ему в Самарканд связанных пленных; уже из Самарканда они пересылались к Шахруху, проводившему лето до июня в Бадгисе. Под влиянием хороших известий из Мавераннахра Шахрух, выступивший с войском из Герата в среду 22 июля [214], направился сначала к Балху и только

---

[211] Все это есть уже в рук. Ind. Off., л. 165а и сл. (оксфорд. рук., лл. 160а—167а; Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, лл. 190б—191б).

[212] Имя его в персидских источниках هرقداق, у Ибн Арабшаха ارغوداق. В рассказе о посольстве Шахруха в Китай Абд ар-Раззак (рук. ЛГУ, л. 224б, также текст в пер. Катрмера, 388) также пишет ارغداق.

[213] Все это есть у Хафиз-и Абру уже в рук. Ind. Off., л. 161а и сл. (оксфорд. рук., л. 158а и сл.; Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 190б).

[214] Конец раби' I (Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 190а; Хафиз-и Абру, оксфорд рук., л. 157а).

10 сентября[215] переправился через Аму-Дарью по мосту (на судах); на Кашка-Дарье его встретили Улугбек и самаркандские вельможи; после прибытия в Самарканд он расположился с войском на равнине Кан-и гиль, около Чопанатинских высот. В этот лагерь через шесть дней после прибытия Шахруха была доставлена голова Шейх Нур ад-дина. Шах-Мелик тотчас был вызван в Самарканд и, по словам Ибн Арабшаха, встречен резкими упреками; непосредственный убийца был наказан палками; на обоих Шахрух долгое время не мог смотреть, пока не простил их.

Отозвание Шах-Мелика, кроме негодования на его вероломный поступок, объяснялось также тем, что родственники убитого не решились бы вступить с ним в переговоры. Вслед за его возвращением в Самарканд туда же, действительно, прибыл уполномоченный от Шейх-Хасана, брата Шейх Нур ад-дина, с выражением покорности; по требованию Шахруха, в Самарканд была прислана царица Туман-ага; вслед за этим Шахрух покинул Самарканд, увезя с собою царицу и Шах-Мелика; в ноябре он уже снова был в Герате[216]. Перед его отъездом Улугбек в первый раз, в качестве хозяина, дал пир своему отцу и поднес ему богатые подарки. Семнадцатилетний царевич освободился от своего опекуна и сделался полновластным правителем области, простиравшейся от Аму-Дарьи до Саганака на северо-запад, до Ашпары на северо-восток[217].

---

[215] 21 джумада I (Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 190б; Хафиз-и Абру, оксфорд. рук., л. 159б).

[216] Здесь им было получено известие о смерти Халиль-Султана (см. выше, стр. 90).

[217] Ср. рассказ о посольстве в Китай 1420 г., когда послы, пройдя Ашпару, прибыли в страну моголов (Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 224б; также Хафиз-и Абру, оксфорд. рук., л. 384а-б).

4

УЛУГБЕК КАК ПРАВИТЕЛЬ. ВНЕШНИЕ ДЕЛА

В течение следующих 36 лет (1411—1447) Улугбек правил областью, где на монетах и, конечно, в хутбе, в качестве имени государя упоминалось имя его отца Шахруха; несколько раз он ездил на поклон в Герат[1]; тем не менее современники не считали его только наместником или удельным князем. В надписи 1425 г. на скале в Джиланутинском ущелье Улугбек назван «величайшим султаном, покорителем царей народов, тенью бога на земле», без всякого упоминания о Шахрухе[2]; в 1427 г. ученый Гияс ад-дин Джемшид Каши в посвященном Улугбеку математическом сочинении называл его «величайшим, справедливейшим, великодушнейшим, ученейшим султаном, владетелем вый народов, господином султанов арабских и персидских, султаном востока и запада» и т. п.[3].

Единодержавие в империи Тимура, казавшееся невозможным после смерти ее основателя, по внешности постепенно было восстановлено в пользу Шахруха; потомки других сыновей Тимура утратили всякое значение, частью даже бедствовали, как видно из стихотворного произведения одного из них, составленного в 839/1435-36 г. и обращенного к Шахруху[4]; но, в противоположность Тимуру, Шахрух

---

[1] Абд ар-Раззак упоминает о путешествиях 1414 (л. 201б), 1417 (л. 209а), 1422 (л. 224а), 1425 (л. 231а) и 1434 (л. 244б) гг., о первых четырех со слов Хафиз-и Абру (оксфорд. рук., лл. 247а и сл., 296а и сл., 379б и сл., 427б и сл.).

[2] Лерх, *Археологическая поездка*, стр. IX и 26.

[3] Гияс ад-дин Каши, рук. ГПБ, л. 2а. <Этот трактат Каши в 1956 г. издан Б. А. Розенфельдом в факсимиле по рук. Лейденского ун-та Or. 185, с русским переводом и комментариями. — *Ю. Б.*>

[4] *Та'ашшук-наме;* ср. Rieu, *Turkish MSS*, p. 289, и Бартольд, *Отчет о командировке в Лондон*, стр. 880. Приведенный там стих грамматически можно толковать и в том смысле, что поэт называет себя сыном Мираншаха («пока в мире будет такой царь, как он, сын Мираншаха будет молитвенником [за него]»); на возможность такого понимания указал мне А. Н. Самойлович; остается, однако, факт, что у Шереф ад-дина Йезди (II, 734 и сл.) Сиди-Ахмед упоминается среди сыновей Омар-шейха и не упоминается среди сыновей Мираншаха. Однако у Абд ар-Раззака (рук. Аз. муз. 574, стр. 655; 574а, л. 454а; в рук. ЛГУ здесь пропуск) упоминается в рассказе о событиях 859/1455-56 г. سلطان احمد بن سيّد احمد بن ميرزا ميرانشاه. Поэт обращается к шаху и, в ус-

был самодержцем только по имени; в действительности государством управляли его старшая жена Гаухар-Шад (мать Улугбека), его сыновья и вельможи. Устойчивость государственного порядка и сравнительное благоденствие подданных в это царствование объясняется, по-видимому, удачным выбором главных сановников и продолжительным сроком их управления. В первые годы Шахруху было трудно заместить должность главного эмира, начальника всех военных сил; первые два лица, назначенные на эту должность, восстали против государя и были казнены; зато их преемник Джелаль ад-дин Фирузшах, назначенный в 1407 г., сохранял власть до 1442 г. Как поклонник шариата, Шахрух не обращал внимания на требования церемониала и военного искусства, и потому главный эмир при нем мог полновластно распоряжаться делами двора и войска[5]; в Самарканде он, по-видимому, не имел представителей; есаул получал распоряжения, касавшиеся дел войска, непосредственно от Улугбека[6], который, в противоположность отцу, в делах двора и войска дорожил монгольскими традициями[7]. Во главе гражданского управления в Герате в течение почти столь же продолжительного срока (с 1417 г., с небольшим перерывом[8], до конца царствования Шахруха) стоял Гияс ад-дин Пир-Ахмед Хавафи; по-видимому, его родственником был министр Улугбека, Насир ад-дин Насраллах Хавафи, скончавшийся 20 июля 1441 г.[9]; историк Фасих называет его человеком благородным, знатного происхождения, хорошо обращавшимся с людьми[10].

ловной поэтической форме жалоб на жестокость возлюбленной, жалуется на свою горькую судьбу. Особенно характерен стих غزل, следующей за первым письмом (л. 276б):

شها دورونکدا جور وظلم وبیداد * بولوب‌تور سیدی احمدقا مقرّر

и стихи заключительной просьбы (التماس), обращенной к государю (л. 289а-б):

ایشیتکیل ای اولوس‌نونک پادشاهی * یتیم‌لارنینک بو کون پشت وپناهی
ریاضت‌تین تن ایچرا قالمادی قان * توکانسه قان تیریک قالغای مو انسان
بسی آشفته وحیران بولوب‌مین * فلک‌تیک بی سر وسامان بولوب‌مین
بیلورسین بارچه‌نینک خالینی ای شاه * عنایت چاغی دور والله وبالله

[5] О полноте его власти Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 257б.

[6] Хондемир, тегеран. изд., III, 219.

[7] Мухаммед-Хайдер, 70.

[8] По Фасиху (рук. Аз. муз., л. 417 и сл.), он был отставлен в 828/1425 г., но вновь назначен в 829 г. х. В 845/1441-42 г. султан вновь разгневался на своего министра, но не лишил его власти (Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 255а и сл.; Фасих, рук. Аз. муз., л. 430б).

[9] 1 раби' I 845 (Фасих, рук. Аз. муз., л. 430б); у Абд ар-Раззака (рук. ЛГУ, л. 256б) без числа месяца. Как министр Улугбека он назван также у Хондемира (тегеран. изд., III, 214).

[10] واو مردی اصیل وبزرک زاده بود وبا مردم معاش نیکو داشت. Ср. также характеристику у Абд ар-Раззака (рук. ЛГУ, л. 256б): بغایت ضابط وکافی وامین بود.

О подчинении самаркандского министра гератскому сведений нет. Рассказы о постройках Улугбека, о пышности его двора и т. п. заставляют полагать, что доходы, приносившиеся его областью, оставались в его распоряжении и не пересылались в Герат.

Замечательно, что в Самарканде при Улугбеке в одно и то же время чеканились монеты от имени Шахруха и издавались ярлыки от имени подставных ханов из Чингизидов. При Тимуре такие ханы номинально считались главами всей империи, и во всех областях, подчинявшихся Тимуру, на монетах и в хутбе вместе с именем Тимура появлялось имя хана[11]. Халиль-Султан, как преемник Тимура в Самарканде, вместо хана из Чингизидов поставил рядом с собой хана из рода Тимура, но вместе с владычеством Халиль-Султана окончилось и ханство Мухаммед-Джехангира. В Герате при Шахрухе подставных ханов из Чингизидов не было; историки и поэты нередко называли ханами самого Шахруха и его сыновей[12], но нет основания полагать, что представители династии официально присвоили себе этот титул, иначе едва ли могли бы оставаться ханы из Чингизидов в Самарканде.

При Улугбеке ханы уже не принимали участия в походах, как при Тимуре, но содержались взаперти в так называемой «ханской ограде» (خان ـــاط) [13], находившейся, по-видимому, в восточной части города, в одном из красивейших мест. Историки Тимуридов не упоминают об этих ханах и не сохранили нам их имен. По словам анонима Искендера, после Султан-Махмуд-хана остался сын Абу Са'ид, который был в живых во время составления книги[14], т. е. между 1409 и 1414 г.; но не говорится, носил ли он ханский титул. По словам Мухаммед-Хайдера, ханом в Самарканде в 1428 г. считался некий Сатук-хан (о его происхождении ничего не говорится); Улугбек в этом году отправил его в Моголистан и провозгласил на его место ханом в Самарканде другое лицо[15]. В надписи 838/1434-35 г. над главным входом в Шах-и зинде ханом назван малолетний сын

---

[11] Гияс ад-дин Али, изд. Зимина, 53 и сл.

[12] Выражение شاهرخ بهادر خان постоянно встречается у Фасиха (напр., рук. Аз. муз., лл. 388б и сл., 393б), также بايسنغر بهادر خان (лл. 390а, 421а и сл.); ср. также Хафиз-и Абру, оксфорд. рук., л. 430а о смерти سيورغتمش خان; то же выражение там же, л. 292б. В *Та'ашшук-наме*, л. 275а اولغ سلطان معظّم شاهرخ خان; у Лутфи (Валидов, *Лутфий*, стр. 23) اولوغ بيک خان; однако у Секкаки, рук. Брит. муз., л. 5б شاهرخ بيک.

[13] О ней Абу Тахир-ходжа, пер. Вяткина, 255; Мухаммед-Хайдер, 72.

[14] Аноним Искендера, рук. Аз. муз., л. 252б; рук. Брит. муз., л. 263б: واکنون ابو سعيد نام پسری دارد وتا غايت در قيد حيوة است.

[15] Мухаммед-Хайдер, 72.

Улугбека Абд ал-Азиз [16]. Новый хан из Чингизидов был провозглашен, по-видимому, в последний раз в 1449 г., после низложения Улугбека [17]; имя его не приводится.

Сам Улугбек, подобно Тимуру, по родству с Чингизидами называл себя *гӯргӑном* (зятем) — титул, которого не носили ни Шахрух, ни другие его сыновья. Возможно, что Улугбек считал себя вправе принимать этот титул уже по своей первой жене, дочери Мухаммед-Султана, происходившего со стороны матери от хана Узбека; дочь Улугбека и этой царевны, родившаяся в пятницу 19 августа 1412 г. [18], носила, подобно своей бабке, титул *ханзаде* [19]. Еще больше прав на титул гургана давал Улугбеку его брак с Ак-Султан-ханике, дочерью Султан-Махмуд-хана [20]; но неизвестно, когда этот брак был заключен. Улугбек назван гурганом уже в сочинении Хафиз-и Абру, написанном не позже 1417 года [21].

За исключением поездок в Герат, Улугбек в царствование своего отца не посещал других областей империи Тимуридов; в походах Шахруха принимали участие вспомогательные отряды, посланные Улугбеком, но сам Улугбек в этих военных действиях не участвовал, даже когда они происходили вблизи его владений. После восстановления спокойствия в Мавераннахре одним из первых вопросов, поставленных на очередь событиями, было восстановление власти Тимуридов в Хорезме, захваченном после смерти Тимура узбеками. В начале 1413 г. эта задача была выполнена Шах-Меликом, при участии войска, посланного из Мавераннахра [22]. Благодаря происходившим в Золотой Орде междоусобиям Шах-Мелик не встретил почти никакого сопротивления и в начале апреля вернулся в Герат; вскоре после этого он был назначен наместником Хорезма, оставался в этой должности до своей смерти, последовавшей в 1426 г., и передал ее своему сыну, хотя в противоположность Улугбеку часто покидал свою область для участия в походах Шахруха на запад. Улугбек сохранял со своим прежним опекуном добрососедские отношения: есть известие о возвращении в Самарканд в марте 1418 г. отряда, посланного в

---

[16] Лапин, *Перевод надписей,* стр. 4; Абу Тахир-ходжа, пер. Вяткина, стр. 178 и 250. <Это — ошибка, происходящая от неверного чтения надписи С. А. Лапиным, подтвержденного также В. Л. Вяткиным; на самом деле в надписи, прочтенной в 1942 г. М. Е. Массоном, сказано: «...Абд ал-Азиз б а х а д у р, сын Улугбека гургана» (Массон — Пугаченкова, *Шахрисябз,* стр. 95, прим. 161). — *Ю. Б.*>

[17] Об этом см. ниже <стр. 158>, рассказ о событиях 1449 г.

[18] Дата уже у Хафиз-и Абру, рук. Ind. Off., л. 180а (10 джумада I, год дракона). Та же дата в оксфорд. рук., л. 191а; Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 194а.

[19] زاده بیکم у Абд ар-Раззака (рук. ЛГУ, л. 251а) и Фасиха (рук. Аз. муз., лл. 404а, 411б и 427а).

[20] О женах Улугбека Хондемир, тегеран. изд., III, 219.

[21] Хафиз-и Абру, рук. Ind. Off., л. 48а: امیرزاده الغبیک کورکان.

[22] Хафиз-и Абру, оксфорд. рук., л. 197а; Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 195а.

Хорезм на помощь Шах-Мелику[23]. Когда Улугбек в ноябре 1419 г. прибыл в Бухару, Шах-Мелик послал туда нукеров приветствовать его и поднести ему в подарок кречетов[24].

Осенью 1413 г. началась война между Шахрухом и Искендером, которой закончилось внешнее объединение государства Тимуридов. Из Самарканда для этого похода были посланы только слоны; военные отряды, стоявшие в Мавераннахре и Хорезме, были оставлены в этих областях для защиты границ[25]. Под предлогом совещания о военных мерах Улугбек вызвал к себе царевича Ахмеда, владетеля Ферганы; тот, опасаясь характера (مزاج) Улугбека, не решился приехать. Улугбек отправил в Андижан для переговоров своего эмира (Баязида-перванечи); было условлено, что Ахмед пришлет в Самарканд через несколько дней своего сына (вероятно, в качестве заложника; взрослого сына Ахмед, которому не было 30 лет, едва ли мог иметь), но это обещание не было исполнено. Тогда Улугбек вторгся в Фергану с войском; Ахмед ушел в горы, оставив гарнизоны в крепостях. Улугбек взял Ахси и Андижан и ушел, оставив в области своих начальников; после его ухода Ахмед вернулся в свою область с войском, полученным от моголов, разбил при Оше войско, оставленное Улугбеком, но не мог взять Андижана. Моголы разграбили Фергану и ушли в Моголистан; Ахмед остался в Кашгаре[26].

Неизвестно, предпринял ли Улугбек завоевание Ферганы по собственному почину или по поручению Шахруха, в связи с борьбой против других сыновей Омар-шейха; во всяком случае Шахрух не наказал своего сына и в то же время не принял на себя ответственности за его действия. Когда Улугбек в ноябре того же 1414 г. прибыл в Герат, он стоял у престола своего отца рядом со своим братом Байсункаром (Байсункар в отсутствие отца правил Гератом), и Шахрух, по словам историка, радовался, что у него два таких сына[27]; очевидно, не было речи о каких-либо упреках за действия в Фергане. Однако 26 мая 1415 г.[28] Шахрух послал в Кашгар одного из нукеров Ахмеда (вероятно, взятого в плен в Фергане) с письмом к его повелителю, где события 1414 г. объяснялись недоразумением, которое не было своевременно улажено только вследствие отсутствия Шах-

---

[23] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 212б (в начале сафара 821 г.).

[24] Хафиз-и Абру, оксфорд. рук., л. 321а; Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 214а. Во время своего пребывания в Герате в 1417 г. Улугбек в начале раби' II (после 18 мая) дал пир Мухаммед-Джехангиру и прибывшему из Хорезма Шах-Мелику (Хафиз-и Абру, оксфорд. рук., л. 296б; Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 209а).

[25] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 196а.

[26] Хафиз-и Абру, оксфорд. рук., л. 219а и сл.; Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 198а и сл.; Фасих, рук. Аз. муз., л. 406б.

[27] Хафиз-и Абру, оксфорд. рук., л. 248б; Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 201б.

[28] 16 раби' I 818 г. х.

руха; в письме Шахрух приглашал царевича прибыть в Герат, обещая ему полное прощение[29]. Ахмед прибыл в Герат только весной 1416 г.[30], оставив в Кашгаре своего наместника. О возвращении ему Ферганы не было речи; напротив, в Герате он был задержан, будто бы за то, что вел мятежные разговоры с другими царевичами, с которыми проводил время за вином. Царевич был отпущен в Мекку, откуда он, насколько известно, не вернулся; лет 13—14 спустя Хафиз-и Абру писал о нем как о покойнике[31]. Оставленный им в Кашгаре наместник Шейх-Али Тугаи в том же 1416 г. вступил в переговоры с Улугбеком, прибегая к защите «духа великого эмира», т. е. Тимура; Улугбек отправил в Кашгар своих наместников, Сиддика и Али; Тугаи сдал им город и прибыл в Самарканд[32].

Сам Улугбек в том же 1416 г. стоял с войском на Сыр-Дарье; 17 или 18 марта[33] он подошел к берегу реки напротив Шахрухии, в конце месяца переправился через реку и провел несколько дней на правом берегу; в это время из Хорезма были получены известия о событиях в Золотой Орде (воцарение хана Джаббар-Берды, одного из сыновей Тохтамыша, и поражение Чингиз-оглана, раньше находившегося на службе у Тимура), которые побудили его вернуться обратно, и 22 апреля[34] он прибыл в Самарканд. Из этого можно заключить, что поход был направлен против узбеков.

Поход против того же народа был задуман в 1419 г. В мае этого года[35] к Улугбеку прибыл с просьбой о помощи узбецкий царевич

[29] Хафиз-и Абру, оксфорд. рук., л. 258б; Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 203а-б; Фасих, рук. Аз. муз., л. 407а и сл.

[30] Хафиз-и Абру, оксфорд. рук., л. 281б; Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 206а.

[31] Выражение طاب ثراهما (об Ахмеде и его отце Омар-шейхе, Хафиз-и Абру, оксфорд. рук., л. 281б). Ахмед у Хафиз-и Абру и Абд ар-Раззака почему-то называется не «мирзой», а «эмиреком» (уменьшительное от «эмир»). Иногда встречаются рядом оба слова: امیرک и میرزا.

[32] Хафиз-и Абру, оксфорд. рук., л. 288б; Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 207а; Фасих, рук. Аз. муз., л. 409а. Подробный рассказ тимуридских историков, конечно, заслуживает больше доверия, чем основанный на устных преданиях рассказ автора XVI в. Мухаммед-Хайдера, где не упоминаются ни Ахмед, ни Тугаи и все событие изложено совершенно иначе. Кашгар будто бы принадлежал дуглатскому эмиру Сейид-Ахмеду, сыну эмира Худайдада; население, с ходжей Шерифом во главе, восстало против него и передало город Улугбеку (Мухаммед-Хайдер, 61). Дальше излагается совершенно фантастический рассказ о мирзе Ахмеде, будто бы происходившем от Шахруха и бежавшем в Моголистан, о его сестре и любви к ней Сейид-Али, сына Сейид-Ахмеда, о прибытии всех троих в Андижан, о женитьбе на царевне Улугбека, убившего ее брата, и пребывании Сейид-Али в плену в Самарканде, откуда он будто бы через год спасся бегством (там же, 62).

[33] 18 мухаррема у Хафиз-и Абру, оксфорд. рук., л. 288а, 17-го — у Абд ар-Раззака, рук. ЛГУ, л. 207а.

[34] 23 сафара (Хафиз-и Абру, оксфорд. рук., л. 288а; у Абд ар-Раззака — «в конце сафара»).

[35] В конце раби' II.

Бурак, внук Урус-хана, с которым воевал Тимур; Улугбек отпустил его на родину и оказал ему помощь против врагов [36]. С этим событием, вероятно, было связано выступление в поход самого Улугбека, на этот раз оставившего в Самарканде особого начальника (даругу) [37] на время своего отсутствия; очевидно, поход был рассчитан на долгое время. Войско выступило из Самарканда в конце августа [38], переправилось через Сыр-Дарью у Чиназа 5 сентября [39] и дошло до места Бурлак за Ташкентом, где от перебежчиков было получено известие, что узбецкое войско [40] рассеялось; то же самое известие было подтверждено купцами; вследствие этого Улугбек отменил поход и 22 октября [41] вернулся в свою столицу. Вероятно, предполагалось, что после отступления врагов Бурак достигнет своей цели с помощью данного ему вспомогательного отряда, без участия главных сил Мавераннахра. Эта уверенность вполне оправдалась; в 1423 г. через Хорезм пришло в Бадгис, где находился Шахрух, известие об успехах Бурака [42], захватившего орду узбецкого хана Мухаммеда и сделавшегося главой большей части узбецкого улуса. Известие об окончательной победе Бурака и вступлении его «на престол отцов и дедов» дошло до Улугбека в начале 1425 г. [43].

Считая Бурака своим ставленником, Улугбек, по-видимому, был уверен, что со стороны узбеков безопасность Мавераннахра достаточно обеспечена, и направил свое внимание в другую сторону, против моголов. В Моголистане в эти годы происходили такие же смуты, как в узбецком улусе; донесения о происходивших в Моголистане событиях присылались Улугбеку из Кашгара наместником Сиддиком. В 1416 г. при дворе Улугбека было посольство от нового могольского хана Накш-и Джехана (сына Шам'-и Джехана), преемника Мухаммед-хана [44]. Зиму 1417/18 г. Улугбек провел на Чирчике, куда отправился в начале ноября, и в местности около Ходженда, вероятно по

---

[36] Хафиз-и Абру, оксфорд. рук., л. 319б; Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 213б. <Правильное чтение имени — Барак. — *Ю. Б.*>

[37] Искендера, сына Хинду-Буки (Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 213б; Хафиз-и Абру, оксфорд. рук., л. 320а).

[38] В начале ша'бана.

[39] 14 ша'бана. О подробностях пути еще Хафиз-и Абру, оксфорд. рук., л. 320а; ср. Бартольд, *Хафизи-Абру,* стр. 26.

[40] В данном месте и в некоторых других страна узбеков обозначается также словом Токмак (تغماق). <Было высказано предположение, что тот же термин употреблен в надписи Тимура, уйгурским шрифтом, которую проф. Сатпаев нашел на горе Алтын-чук в 1937 г., однако лучшее чтение, согласно А. И. Пономареву, — *токсан.* — *В. М.*>

[41] 2 шавваля.

[42] Хафиз-и Абру, оксфорд. рук., л. 414б; Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 229б.

[43] Ср. ниже, стр. 105 и текст Мирхонда в приложении, <стр. 180>.

[44] Хафиз-и Абру, оксфорд. рук., л. 289а; Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 207а.

военным соображениям, но не предпринимал похода (во время зимовки он отпустил на родину некоторых узбецких Чингизидов, находившихся у него в плену) и в феврале 1418 г. вернулся в Самарканд[45]. В марте пришло известие о смерти могольского хана; в апреле было получено более подробное донесение от кашгарского наместника, что Накш-и Джехан убит в сражении с Вейс-ханом; новый хан поспешил отправить к Улугбеку посольство, прибывшее к концу года, с выражением «согласия и доброжелательства»; со своей стороны, Улугбек еще в июле отпустил из самаркандской цитадели находившихся там в заключении моголов[46]. В 1419 г. был заключен брак между сыном Шахруха, семнадцатилетним Джуки, и могольской царевной[47]. В августе того же года[48] Улугбеку было сообщено, что в Моголистане снова начались смуты, дочь дуглатского эмира Худайдада подняла восстание против государя, вероятно против Вейс-хана[49]. Возможно, что восстание тайно было вызвано или поддержано Улугбеком или его наместниками; сам Худайдад осенью того же года послал в Мавераннахр своих нукеров, которые были приняты Улугбеком во время похода на Золотую Орду[50].

В следующем, 1420 г. в Моголистане происходила борьба за престол между Вейс-ханом и другим царевичем, Шир-Мухаммедом. Во время этих смут через Моголистан проследовало посольство[51] Тимуридов (в нем принимали участие и послы Улугбека), причем безопасность проезда послов была обеспечена покровительством Худайдада[52]. Улугбек, по-видимому, надеялся и на военную помощь Худайдада, когда в том же году, в конце июня[53], задумал поход на Моголистан; поход, однако, был отменен в самом начале, причем войско,

---

[45] Хафиз-и Абру, оксфорд. рук., л. 296б; Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, лл. 209а и 212а (прибытие в кышлак 21 рамазана 820, возвращение — в начале мухаррема 821 г. х.).

[46] Хафиз-и Абру, оксфорд. рук., л. 313б и сл.; Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 212б и Фасих, рук. Аз. муз., л. 411а (там выражение يكجهتى ونيكوخواهى). Упоминаются даты 10 сафара, 7 раби' I, джумада II и начало шавваля.

[47] Хафиз-и Абру, оксфорд. рук., л. 316б и сл.; Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 213а. По этому рассказу царевна была отправлена Мухаммед-ханом, которого тогда, однако, не могло быть в живых. Улугбек встретил царевну на Сыр-Дарье около Чиназа (Хафиз-и Абру, оксфорд. рук., л. 320а; Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 213б).

[48] По Хафиз-и Абру, оксфорд. рук., л. 319б, 12 раджаба, по Мирхонду, лакнауское изд., 1291 и рук. ЛГУ, л. 209б, — в конце раджаба.

[49] У Хафиз-и Абру, вероятно по ошибке, پادشاه خنا.

[50] Хафиз-и Абру оксфорд. рук., л. 320а; Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 213б.

[51] Текст и перевод рассказа Абд ар-Раззака о нем напечатан Катрмером (Абд ар-Раззак, пер. Катрмера, 308—341, 387—426).

[52] Хафиз-и Абру, оксфорд. рук., л. 384б; Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 224б, ср. у Катрмера текст, 309, пер., 388.

[53] В середине джумада II.

по-видимому, даже не успело переправиться через Сыр-Дарью; отмена похода объясняется только прибытием могольских эмиров (одним из них был упоминаемый и впоследствии Мелик-Ислам) с выражением дружбы[54]. Вероятно, были и другие причины; в том же году Улугбек должен был отправить часть своего войска (10 000 человек) на запад, для участия в походе Шахруха[55]; кроме того, междоусобная война в Моголистане, которую, по-видимому, рассчитывал использовать для своих целей Улугбек, окончилась торжеством Вейс-хана; почти тотчас же после возвращения Улугбека в Самарканд[56] туда же прибыл побежденный Шир-Мухаммед и несколько эмиров, в том числе Садр-Ислам. Улугбек сначала держал Шир-Мухаммеда в почетном плену; в октябре[57], когда царевич сделал попытку бежать, он был насильно возвращен обратно[58]; но в декабре[59] Улугбек сам отпустил его. На этот раз Шир-Мухаммеду удалось, вероятно с помощью наместников Улугбека, победить Вейс-хана и овладеть престолом; известие об этом было получено Улугбеком в мае или июне 1421 г.[60]. В том же году приходили известия об успехах тимуридских войск в пограничной полосе Моголистана. Еще в декабре 1420 или в первых числах января 1421 г.[61] из Кашгара было получено известие о взятии крепости Рух (точное местоположение ее не указывается; других известий об этой крепости, по-видимому, нет). В октябре 1421 г.[62] андижанский наместник Абу-л-Лейс также прислал гонцов с известием о военных успехах.

Улугбеку, таким образом, удалось в обоих кочевых государствах, прилегавших к Мавераннахру, возвести на престол своих ставленников, Бурака и Шир-Мухаммеда; но эти ханы столь же мало оправдали надежды Улугбека, как Тохтамыш — надежды Тимура. Шир-

[54] Хафиз-и Абру, оксфорд. рук., л. 342а и сл.; Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 218а.

[55] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 214б.

[56] В том же месяце раджабе. Об этом Хафиз-и Абру, оксфорд. рук., л. 343а; Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 218б. 3 ша'бана (13 августа) прибыла в Самарканд через Кашгар другая партия беглецов из Моголистана. Еще до похода Улугбека, в месяце джумада II прибыли Кул-Мухаммед, сын Худайдада, и Джеханшах, сын Камар ад-дина (Хафиз-и Абру, оксфорд. рук., л. 341а; Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 218а).

[57] 6 шавваля.

[58] Беглецы были настигнуты самим Улугбеком за Сыр-Дарьей; преследование, о котором Абд ар-Раззак только кратко упоминает, у Хафиз-и Абру (оксфорд. рук., л. 343б) подробно описывается.

[59] 13 зу-л-хиджжа (19 декабря) были отпущены в Кашгар Мелик-Ислам и Садр-Ислам, 16-го был отпущен сам Шир-Мухаммед (Хафиз-и Абру, оксфорд. рук., л. 344а; Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 218б).

[60] 6 джумада I 824 г. (9 мая) по Абд ар-Раззаку, рук. ЛГУ, л. 223б; 16 джумада II (18 июня) по Хафиз-и Абру, оксфорд. рук., л. 375а.

[61] В самом конце 823 г. (Хафиз-и Абру, л. 344а; Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 218б).

[62] 7 шавваля (5 октября) по Абд ар-Раззаку, рук. ЛГУ, л. 223б, 17-го — по Хафиз-и Абру, оксфорд. рук., л. 375б.

Мухаммед не предпринимал наступательных действий против Мавераннахра, но не был склонен признавать себя в зависимости от Улугбека[63]; для Улугбека эта причина оказалась достаточной, чтобы по совершенно ничтожному поводу начать войну с моголами[64]. Одним из военачальников, посланных Улугбеком в 1416 г. в Кашгар, был Али из племени бекритов; в 1423 г. сын этого лица бежал к моголам; Улугбек потребовал его выдачи. Переговоры велись не с ханом Шир-Мухаммедом, но с вельможей, носившим титул Садр-Ислам, который, как видно из описания похода Улугбека, вместе с другим вельможей, Мелик-Исламом, владел местностью, прилегавшей к озеру Алтун-куль — по-видимому, к Балхашу[65]. Садр-Ислам обещал весной 1424 г. прислать гонца с просьбой о прощении беглецу его вины и, если его просьба будет отвергнута, подчиниться требованию Улугбека. Обещанное посольство, однако, не прибыло ни весной, ни летом. Осенью Улугбеком были сделаны приготовления к походу на Могулистан, причем предварительно был отправлен в Хорасан эмир Хамза, чтобы известить Шахруха о предположенном походе и получить его согласие; Шахрух одобрил намерения своего сына. Улугбек выступил в среду 8 ноября[66] по направлению к Шахрухии, где решил провести зиму; сперва были собраны отряды, стоявшие в Самарканде, Шахрисябзе, Карши и Бухаре, за ними должны были последовать другие войска Мавераннахра. Центр армии зимовал с Улугбеком на берегу Сыр-Дарьи около Шахрухии, правое крыло — в Фергане, левое — в области Отрара. В ту же зиму к Улугбеку прибыли послы от Бурака с подарками и с известием о его вступлении на престол своих предков; Улугбек отпустил посольство с ответными подарками и отправил с ними своих послов.

Когда весть о приготовлениях к походу дошла до Герата, Шахрух сделал попытку взять назад данное им согласие; два раза от него являлись послы к Улугбеку с предписанием отказаться от похода. Улугбеку пришлось доказывать, что приготовления к походу были начаты с ведома и согласия Шахруха и что после сосредоточения войск у Сыр-Дарьи отказ от предприятия был бы истолкован как знак слабости. С таким ответом послы Шахруха возвратились в Герат; Шахрух не взял назад своего повеления, но и не принял мер к тому, чтобы заставить сына ему подчиниться.

---

[63] Хафиз-и Абру, оксфорд. рук., л. 418а; Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 230а, где говорится о признаках уклонения от покорности в его письмах.

[64] Дальнейшее главным образом по тексту Мирхонда (см. приложение, <стр. 1178—196>).

[65] У Шереф ад-дина Йезди, I, 496 это озеро называется اتراک کول. Названия التون کول мне в других источниках не приходилось встречать.

[66] В тексте по всем рукописям 11 зу-л-хиджжа, но, по дню недели, надо читать

Поход начался в субботу 17 февраля 1425 г.[67]; войско Улугбека переправилось через Сыр-Дарью у Чиназа и прибыло в Ташкент; здесь же к центру присоединились войска правого и левого крыла. Моголы зимовали в Ашпаре (по-видимому, этот пограничный пункт чагатайского государства еще раньше был занят ими), откуда передовой отряд передвинулся к Таласу[68], под начальством Ибрахима, сына Туктимура. Улугбеком туда же был послан отряд, в числе 30 000 человек[69]; ему было предписано на пути нигде не зажигать костров, чтобы застать врага врасплох; после нападения и захвата добычи отряд должен был столь же быстро вернуться обратно, чтобы враги считали это нападение случайным успехом небольшого отряда и думали, что никакой другой опасности им не угрожает. Застигнуть врасплох моголов не удалось; передовая часть отряда разграбила несколько домов, встреченных ею на пути; один из жителей этих домов бежал к Ибрахиму и рассказал ему о приближении чагатаев; Ибрахим поспешил отступить к Иссык-Кулю; только на реке Кызыл-су[70] (как показывает ход дальнейших событий, одной из речек между Аксу и Буамским ущельем) чагатаи в субботу 3 марта[71] настигли часть моголов, захватили добычу и отступили по направлению к Ашпаре, где решили ждать Улугбека. Ибрахим дошел до Буамского[72] ущелья, где стоял с войском дуглатский эмир Джеханшах, сын воевавшего с Тимуром Камар ад-дина; Джеханшах хотел обратиться в бегство, но Ибрахим уговорил его выступить против чагатаев, чтобы отнять у них добычу. Уже в понедельник 5 марта[73] чагатайское войско при Аксу было застигнуто моголами; произошла битва, кончившаяся в пользу чагатаев; Ибрахим и с ним два его сына и племянник были убиты. Победители воздвигли несколько башен из голов убитых врагов, отпра-

---

15-го (پانزدهم вм. یازدهم). По Хафиз-и Абру (оксфорд. рук., л. 419а) и Абд ар-Раззаку (рук. ЛГУ, л. 230а) день 15-го зу-л-хиджжа 827 г. х. был днем занятия войском зимних квартир у Шахрухии.

[67] 27 раби' I 828 г. (Хафиз-и Абру, оксфорд. рук., л. 419б; Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 230а).

[68] В тексте Мирхонда ینکی طراز сначала названо среди местностей, откуда собиралось войско Улугбеком, потом говорится, что близ того же ینکی طراز расположились войска моголов. О зимовании моголов в Ашпаре говорит Хафиз-и Абру (оксфорд. рук., л. 419б) и с его слов Абд ар-Раззак (рук. ЛГУ, л. 230а).

[69] Такое число указано у Хафиз-и Абру (оксфорд. рук., л. 420а).

[70] В тексте Мирхонда это خاصکنت قزل سوی, очевидно, противополагается упоминаемому дальше قزل سوی کوک تیپا, за Чарыном.

[71] В тексте, очевидно, надо читать III раби' II вместо «раби' I».

[72] В тексте здесь بغوم, ниже (в рассказе о возвращении Улугбека) также بغام; <следует: Боамское (так на современных советских картах); в киргизском произношении — Боомское. — *Ю. Б.*>

[73] По Мирхонду, 13 раби' II; по Абд ар-Раззаку, рук. ЛГУ, л. 230б, 14-го, что правильнее (у Хафиз-и Абру здесь даты нет).

вили голову Ибрахима к Улугбеку и после этого продолжали свое отступление к Ашпаре; Джеханшах отступил к Большому Кебину [74].

Прибыв с главными силами в Ашпару, Улугбек пробыл там десять дней для приготовления к дальнейшим действиям. Против Джеханшаха был отправлен пятитысячный отряд под начальством Арслан-ходжи-тархана; отряд уже не застал в долине Большого Кебина Джеханшаха, бежавшего к Иссык-Кулю. Арслан-ходжа решил отказаться от преследования врагов, чтобы не слишком удаляться от главных сил; кроме того, он узнал, что отряд врагов через какой-то перевал [75], вероятно, со стороны Иссык-Куля, направляется к равнине Абиш между Чиликом и Чарыном, где была ставка могольских ханов. В какой-то труднодоступной горной местности Арслан-ходже удалось разбить врагов, захватить пленных и на берегу Чилика [76], куда он, вероятно, проник из долины Большого Кебина, присоединиться к войску Улугбека [77]. Улугбек, по-видимому, до самого Чилика нигде не встретил сопротивления; о его маршруте известно только, что он переправился через Чу и что ближайший путь через горы, вероятно, через перевал Кастек, в то время еще был закрыт снегами; оттого Улугбек выбрал другую дорогу, вероятно, соответствующую нынешнему почтовому тракту. На военном совете в Аксу некоторые советовали идти сначала к Алтун-кулю (вероятно, к Балхашу), против Садр-Ислама и Мелик-Ислама, но большинство решило, что необходимо скорее дойти до главных сил хана Шир-Мухаммеда и не дать ему возможности спастись бегством.

Более подробно описываются действия между Чиликом и Чарыном, причем приводятся несколько географических названий, к сожалению, не встречающихся на современных картах и не поддающихся точному определению. От Чилика был отправлен передовой отряд в 1000 всадников, с 20 всадниками в качестве разведчиков; им было предписано двигаться только ночью и нигде не зажигать огня. Предосторожности оказались излишними: отряд дошел до Абиша, нигде не застав врагов, и вернулся к Улугбеку. Улугбек на пути к Абишу в месте Буралгу

---

[74] <Правильное написание — Кемин (так и на современных картах: Чонкемин (*чонг* — кирг. 'большой'). — *Ю. Б.*>

[75] В тексте только нарицательное слово دابان (монг. 'перевал').

[76] В тексте названо место آق چلیغ на реке تکلیک. Вероятно, имеется в виду река Чилик, самая значительная река на пути к Чарыну. У Хафиз-и Абру и Абд ар-Раззака эта река не упоминается. После переправы через Чу упоминаются перевал (کوتل) ابرکهتو (так Хафиз-и Абру, оксфорд. рук., л. 422а; Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 230б ابرکیتو, так же рук. Аз. муз. 574, стр. 492 и 574а, л. 357б), Сурхаб (очевидно, перевод названия речки Кызыл-су), дорога (راه) بیلقون (Хафиз-и Абру) или هلقون (Абд ар-Раззак, все рук.), Абиш, перевал کیتو (у Хафиз-и Абру کهتو), место Арпа-Язы (у Хафиз-и Абру нет, у Абд ар-Раззака везде اره یاری) и Чарын.

[77] Среди пленных была одна из наложниц прежнего хана Хизр-ходжи; по приказанию Улугбека ее с почетом отправили в Самарканд.

велел насыпать сторожевой холм из камней, так называемую *обу*[78]; из Абиша он лично произвел нападение на могольский отряд, занявший одну из возвышенностей вблизи Абиша, но моголы еще до столкновения обратились в бегство и не могли быть настигнуты. За Абишем в месте Куш-булак к Улугбеку прибыл посол от эмира Худайдада с выражением покорности и был отпущен с подарками. Еще дальше, в месте Арпа-Язы, Улугбек узнал, что Джеханшах находится на Иссык-Куле и собирается соединиться с Садр-Исламом и Мелик-Исламом, чтобы преградить ему путь, был отправлен отряд для занятия перевала Санташ[79], границы владений Джеханшаха; у перевала был застигнут авангард войска Джеханшаха, причем мужчины были перебиты, женщины и дети уведены в плен. Из Арпа-Язы Улугбек переправился через Чарын, прошел через Таш-буйнак и Кызыл-су, где к нему явился Худайдад. Улугбек раньше не доверял искренности Худайдада и даже послал отряд в 1000 человек, чтобы в случае необходимости привести его силой; но Худайдад явился сам и был принят с почетом[80].

В той же местности Улугбек узнал, что на берегу Ак-Куяша, под которым, по-видимому, надо понимать реку Или[81], стоят Садр-Ислам и Мелик-Ислам, чтобы оттуда двинуться на соединение с Шир-Мухаммедом. Улугбек отправил против них войско в числе 20 000 человек и присоединил к нему трехтысячный отряд, стоявший у Сан-таша; враги, однако, успели вовремя переправиться через Текес[82]; преследование их было признано нецелесообразным. По желанию эмира Худайдада часть его людей, испытавших большие бедствия во время предшествовавшей зимы, получила позволение отправиться в Самарканд с конвоем из войска Улугбека; сам Худайдад остался с Улугбеком; его приближенный, Шейх-Дервиш-кукельташ, тот самый, который прибыл к Улугбеку в Куш-булак, сделался проводником передового отряда войска Улугбека, отправленного на разведки, в числе 20 000 человек. Им было установлено, что части войска, стоявшего прежде у Или, теперь укрепились в

---

[78] Насыпные холмы, обозначаемые этим термином, как известно, существуют в степи и теперь; монг. слово *обо*, ср., напр., в словаре Будагова, I, 107. О монг. *обо*, напр., Позднеев, *Монголия и монголы*, т. II, стр. 172.

[79] В тексте سنگ تاں; об этом перевале и связанной с ним легенде о Тимуре см. мой *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 61.

[80] У Хафиз-и Абру и Абд ар-Раззака после Чарына упоминаются места غربیان نرکس (Хафиз-и Абру عریان نرکس, Абд ар-Раззак عریان برکش, عریان ترکش и عریان تركش) и Кök-тепе (Хафиз-и Абру بیشه, у Абд ар-Раззака بینه или پنبه), где произошло свидание с Худайдадом.

[81] Ср. слова в тексте о величине реки, не уступавшей величине Джейхуна (Аму-Дарьи). Название Куяш носила в XIII в. орда Чагатая на южном берегу Или; см. Бартольд, *Очерк истории Семиречья*, стр. 44; <наст. изд. т. II, ч. 1, стр. 60>.

[82] В тексте تکه; об этом же названии ср. еще Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 71.

горах и что Шир-Мухаммед сосредоточил свои силы у Кетмень-тепе [83], т. е., очевидно, у гор Кетмень (с перевалом и урочищем того же имени), оставив свои семьи, стада и обозы за Текесом. У Кетменя произошла битва между обоими войсками, причем приводятся названия речки Богуту [84], у которой расположилось войско Улугбека, и некоторых других урочищ. На пути Улугбек, очевидно, для того, чтобы враги получили преувеличенное представление о численности его войска, велел каждому воину по ночам зажигать огонь в пяти местах; для обозначения этого военного приема у кочевников был особый термин [85].

Из описания битвы [86] видно, что войско Улугбека в укрепленном лагере ждало нападения врага, спускавшегося с высот; с обеих сторон наступательные действия велись войсками правого крыла [87]. Битва кончилась поражением моголов; пленные были приведены к Улугбеку и по его приказанию все перебиты. Чтобы надолго ослабить моголов, было решено захватить их стада и имущество и двинуться к их главной летней ставке, носившей название «Карши» ('дворец') [88]. Туда медленно направился тяжелый обоз; сам Улугбек с передовым отрядом переправился через Ак-Куяш (Или) [89], часть войска отправил оттуда вниз по реке, а сам направился к Текесу, переправился без мостов через несколько рек (на этом пути он, очевидно, снова перешел на левый берег Или и потом переправился через Текес) и прибыл «к месту Кунгес», т. е., очевидно, к берегу Кунгеса [90]; во время этого движения было истреблено несколько могольских отрядов, укрывшихся в горах. От Кунгеса Улугбек направился к Карши, откуда вернулся обратно.

Возвращение армии, вероятно, было несколько ускорено известиями о событиях в тылу ее. Отозванием отряда, охранявшего перевал

---

[83] Об этом также Хафиз-и Абру, оксфорд. рук., л. 422б; у Абд ар-Раззака нет.

[84] Это же место (تقوتو) упоминается у Абд ар-Раззака (рук. ЛГУ, л. 230б), как место, откуда войско Улугбека увидело войско врагов.

[85] <*Аргая от; арга* — монг. 'обманывать', *от*—тюрк. 'огонь'.—*В. М.*>

[86] Дата у Мирхонда не приводится; по Хафиз-и Абру и Абд ар-Раззаку, битва произошла в пятницу 15 джумада II (4 мая).

[87] По Хафиз-и Абру (оксфорд. рук., л. 422б), каждая из трех частей войска Улугбека (центр, правое и левое крыло) состояла из 20 000 человек.

[88] По Хафиз-и Абру и Абд ар-Раззаку, Улугбек дошел до «главного яйлака» моголов на Юлдузе и уже на обратном пути оттуда был в Карши.

[89] По Хафиз-и Абру (оксфорд. рук., л. 425б), реки Или (ایله) достиг только отряд (10 000 всадников), посланный для преследования врагов; о переправе через реку не говорится. У Абд ар-Раззака названия реки нет.

[90] У Хафиз-и Абру (оксфорд. рук., л. 425б) вместо всего этого говорится только о сосредоточении войска после битвы در میان پای آب وتقوتو (у Абд ар-Раззака, рук. ЛГУ, л. 231а در موضع نای نات ونقوتو, рук. Аз. муз. 574, стр. 492 پای نات وتقوتو, 574а, л. 358а پای بات وتقوتو).

Сан-таш, воспользовался Джеханшах, чтобы с Иссык-Куля пройти через этот перевал, напасть на людей Худайдада, отправленных в Самарканд с конвоем из войска Улугбека, нанести им полное поражение и захватить их имущество. Узнав об этом, Улугбек тотчас отправил войско на запад, но скоро узнал, что Джеханшах после своего успеха не пошел на Абиш, как раньше предполагал, и возвратился на Иссык-Куль. Чтобы отрезать ему путь, Улугбек отправил два отряда, один под начальством Арслан-ходжи через Буамское ущелье, другой по какому-то другому пути [91], вероятно, по южному берегу озера. Арслан-ходжа узнал, что Джеханшах от Иссык-Куля направился на запад, через долины Кочкара и Джумгала [92], и решил его преследовать. Предводители другого отряда, Мухаммед, Искендер и Шах-Вели, знали только, что враг бежал, и старались его настигнуть, не предполагая с его стороны никакого нападения; отряд во время этого движения даже не находился в боевом порядке. Неожиданно Джеханшах со своим войском напал на чагатаев; большая часть отряда тотчас обратилась в бегство, только предводители с небольшим числом оказали сопротивление. Отряд был спасен только быстрым прибытием Арслан-ходжи; узнав об опасности, в которой находились его товарищи, он переправился через Джумгал и успел прибыть вовремя; моголы уже при виде издали приближавшегося войска бежали в горы. Улугбек в это время находился в крепости Иссык-Куль, построенной Тимуром, на северном берегу озера [93]; узнав о происшедшем, он отправил на помощь своим новый отряд в числе 2000 всадников; настигнуть врагов, однако, не удалось. Мухаммед, Искендер и Шах-Вели подверглись со стороны Улугбека суровым упрекам за свою беспечность, потом получили прощение, благодаря заступничеству Худайдада.

Из этого рассказа видно, что обратный путь через Семиречье был совершен Улугбеком вдоль северного берега Иссык-Куля. Другим путем, вероятно, шел двухтысячный отряд [94], которому было поручено отвезти в Самарканд два больших куска нефрита [95], находившихся в Карши, за которые будто бы предлагали прежде большие деньги китайские императоры. Для камней были устроены тележки, в которые впрягали то лошадей, то быков. Историки не прибавляют, что после прибытия

---

[91] Слово كيرو в тексте есть, по-видимому, название перевала или речки.

[92] Мирхонд, по-видимому, считал слова يوسقال قيچقار названием одной реки.

[93] Ср. выше, стр. 70 и 80. О городе Иссык-Куле ср. Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 60; его же, *Очерк истории Семиречья*, стр. 19; <наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 39>.

[94] Число указано у Хафиз-и Абру, оксфорд. рук., л. 426б, и Абд ар-Раззака.

[95] Хафиз-и Абру и Абд ар-Раззак говорят только об одном камне. По Мирхонду, кусков нефрита первоначально было три, из которых один был увезен Тимуром. Кроме рассказа о перенесении камня, Хафиз-и Абру и Абд ар-Раззак не дают никаких сведений о движении войска от Карши до Самарканда.

в Самарканд оба куска были положены на гробницу Тимура[96]. Кроме надписи на этих камнях, памятником похода Улугбека остается также известная надпись в Джиланутинском ущелье, о которой письменные источники тоже не упоминают.

Улугбек вернулся в Самарканд 27 июня[97]; несколько дней праздновалось успешное окончание похода; известие о достигнутых успехах еще раньше[98] пришло в Герат, где положило конец опасениям Шахруха и его правительства. Шахрух, по-видимому, вполне примирился с тем, что поход был совершен вопреки его запрещению. 28 октября[99] Улугбек прибыл в Герат, где был торжественно принят Шахрухом и где тоже были отпразднованы одержанные победы. Улугбек пробыл в Герате до 10 ноября[100] и через неделю после отъезда оттуда прибыл в Самарканд.

Военная слава Улугбека была недолговечной. Его ставленник в узбецком ханстве Бурак, еще в 1425 г. выражавший ему свою признательность, в 1426 г. объявил притязание на земли по Сыр-Дарье, всегда принадлежавшие потомкам Джучи и только при Тимуре присоединенные к чагатайскому государству. Один из чагатайских историков, аноним Искендера, говорит об одном из узбецких ханов XIV в., Эрзене, сыне Сасы-Буки, похороненном в Саганаке, что им воздвигнута бо́льшая часть богоугодных учреждений (медресе, ханаки, мечети и др.), находившихся в Отраре, Сабране, Дженде и Барчкенде[101]. Города Дженд и Барчкенд к концу XIV в., по-видимому, уже не существовали[102], но Саганак еще несколько столетий сохранял свое значение; около 1377 г. здесь находился лагерь деда Бурака, Урус-хана, воевавшего с Тохтамышем, которого поддерживал Тимур[103]. Урус-хану приписывалось восстановление города; поэтому Бурак объявил, что на основании шариата и обычного права город должен принадлежать ему как наследие деда. Улугбек узнал о притязаниях Бурака от своего наместника, Арслан-ходжи-тархана, решил идти на узбеков и известил о своем намерении Шахруха. Действия Шахруха и на этот раз были так же противоречивы, как годом раньше; он запретил сыну начинать войну и в то же время отправил ему на помощь отряд под начальством своего другого сына Джуки, выступившего из Герата 15 февраля 1427 г.[104].

[96] Ср. Бартольд, *О погребении Тимура*, стр. 31; <см. ниже, стр. 454>.

[97] По Мирхонду, 10 ша'бана.

[98] По Абд ар-Раззаку (рук. ЛГУ, л. 231а), в начале ша'бана (около 18 июня).

[99] 15 зу-л-хиджжа (Хафиз-и Абру, оксфорд. рук., л. 427б; Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 231а).

[100] 28 зу-л-хиджжа.

[101] Аноним Искендера, рук. Аз. муз., л. 241б; рук. Брит. муз., л. 254б. Хронологические определения этого автора крайне ненадежны.

[102] Бартольд, *Орошение*, стр. 153 и сл.

[103] Шереф ад-дин Йезди, I, 279.

[104] 17 раби' II 830 г. х. (Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 233б).

Джуки присоединился к Улугбеку на пути из Самарканда к Саганаку. После соединения войск оба царевича чувствовали себя настолько сильными, что, как в 1425 г. военачальники Улугбека на Джумгале, не приняли никаких мер предосторожности; когда к ним прибыл посол Бурака с извинениями и с просьбой о мире, его просьба была отклонена [105]. В холмистой местности недалеко от Саганака на царевичей напало войско узбеков, гораздо менее многочисленное; чагатаи были застигнуты врасплох и обращены в бегство; обоих царевичей насильно увели с поля битвы.

Поражение Улугбека произвело на жителей Мавераннахра такое впечатление, что в Самарканде образовалась партия, требовавшая закрытия ворот столицы перед разбитым войском. Вельможам удалось восстановить порядок; Улугбек и Джуки могли вернуться в Самарканд; победители не дошли до столицы, но опустошили страну. Известие об этих событиях дошло до Герата еще в марте [106]; в среду 2 апреля [107] прибыл посол Улугбека. Шахрух в это время еще не вполне оправился от раны, нанесенной ему злоумышленником в пятницу 21 февраля [108] того же года, но послал сыну отряд войска и денежную помощь. Больной царевич Джуки остался в Самарканде; Улугбек присоединил к своим войскам кандагарские (принадлежавшие Джуки) и гератские, переправился через Сыр-Дарью у Шахрухии и дошел до Ташкента, где узнал, что узбеки вернулись обратно.

Опасность, таким образом, была устранена; тем не менее Шахрух 28 мая [109] выступил с войском из Герата; с ним был его сын Байсункар. Присутствие в войске последнего встревожило Улугбека, очевидно, опасавшегося, что Шахрух отнимет у него Мавераннахр и отдаст его Байсункару; по настоянию Улугбека, Байсункар был из Балха отправлен обратно и 16 июля вернулся в Герат [110]. Около того же времени войско Шахруха (очевидно, двигавшееся очень медленно) подошло к Аму-Дарье; переправа войска была произведена на 200 судах и продолжалась около месяца. В Термезе к отцу прибыл Улугбек, покинувший свое войско, стоявшее в Ташкенте. На вопрос Шахруха о состоянии этого войска Улугбек ответил, что оно лишилось большей части своих лошадей; Шахрух велел распустить его. Прибыв в Самарканд,

---

[105] Так по продолжателю Хафиз-и Абру, оксфорд. рук., л. 442а-б. Абд ар-Раззак о просьбе Бурака не упоминает.

[106] Еще в месяце джумада I (продолжатель Хафиз-и Абру, оксфорд. рук., л. 441б).

[107] 4 джумада II (продолжатель Хафиз-и Абру, оксфорд. рук., л. 443а).

[108] 23 раби' II у Абд ар-Раззака (рук. ЛГУ, л. 234а); у Хафиз-и Абру (оксфорд. рук., л. 434б) по ошибке раби' I.

[109] 1 ша'бана; одинаковая дата у продолжателя Хафиз-и Абру (оксфорд. рук., л. 445б) и у Абд ар-Раззака (рук. ЛГУ, л. 235а).

[110] Дата у Фасиха (рук. Аз. муз., л. 419а) и Абд ар-Раззака (рук. ЛГУ, л. 235а) — 21 рамазана.

Шахрух пробыл там до понедельника 6 октября [111]; виновные в военных неудачах были привлечены им к ответственности и наказаны палками; сам Улугбек должен был перенести суровый выговор, на некоторое время был лишен своего наместничества и только в виде милости получил его обратно.

Унижение 1427 г., по-видимому, наложило отпечаток на все дальнейшее царствование Улугбека. В течение следующих двадцати лет он лично не совершал никаких походов; действия посылавшихся им отрядов не отличались успешностью, и к концу этого периода как моголы, так и узбеки могли безнаказанно совершать набеги на его государство.

Даже победоносный поход 1425 г., по-видимому, не доставил Улугбеку никаких выгод, кроме кратковременной военной славы. Из рассказа о походе видно, что Улугбеку пришлось поспешно возвращаться из Моголистана, причем некоторым из его отрядов были нанесены чувствительные потери; не могло быть речи ни об оставлении гарнизонов, ни о постройке крепостей, ни о подчинении кочевников и их предводителей. Подчинившийся Улугбеку дуглатский эмир Худайдад ушел с Улугбеком в Мавераннахр, оттуда отправился в Мекку и умер в Медине; его потомок, историк Мухаммед-Хайдер, даже оправдывает его измену тем, что только таким путем он мог осуществить свое давнишнее желание и совершить паломничество, на которое Вейс-хан не давал ему разрешения [112]. Из его родственников никто не последовал его примеру и не вступил в сношения с Улугбеком; его старший сын, несмотря на измену отца, по назначению Вейс-хана сделался его преемником в качестве «улусного эмира» Моголистана [113].

Шир-Мухаммед-хан вскоре умер от болезни [114], после чего власть снова перешла к его прежнему сопернику Вейс-хану. Улугбеком против него был выставлен Сатук-хан, номинальный хан Самарканда, и послан с войском в Моголистан; около 1429 г. [115] Вейс-хан на берегу Иссык-Куля пал в битве с Сатук-ханом, но и последний скоро должен был бежать в Кашгар, где был убит при набеге на этот город внука Худайдада, Каракул-Ахмед-мирзы. Каракул-Ахмед-мирза потом был взят в плен войском Улугбека, отправлен в Самарканд и там разрублен пополам.

Мухаммед-Хайдер, единственный историк, говорящий об этих событиях, не дает точных хронологических дат; остается также неясным, какое место занимают набег Каракул-Ахмед-мирзы и взятие его в плен в происходившей между чагатаями и моголами борьбе за Кашгар. По

[111] 14 зу-л-хиджжа (Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 235а).

[112] Мухаммед-Хайдер, 69.

[113] Там же, 71.

[114] Там же, 65.

[115] Там же, 72; дата точно не указывается; говорится только (там же, 73), что старшему сыну Вейс-хана Юнусу было тогда 13 лет; по вычислению автора (там же, 84), Юнус родился в 819 г. х. (1416 г.).

словам Мухаммед-Хайдера [116], борьба за Кашгар велась между дуглатским эмиром Сейид-Али (внуком Худайдада), владетелем Аксу, и наместниками Улугбека. Мухаммед-Шаисте выступил против Сейид-Али, у которого было только 7000 человек, с 30 000 войска; битва произошла в 3 фарсахах от Кашгара; чагатаи покинули своих предводителей и бежали, вследствие чего битва получила у моголов название «Салай-бегум», что, по словам историка, значит: «я покину своего эмира». Беглецы были впущены жителями в город; моголы опустошили область и ушли с добычей. На следующий год набег повторился; на этот раз наместник остался за стенами города и не мешал врагам опустошать страну; моголы снова ушли, взяв одну из соседних крепостей. Тот же ходжа Шериф, который, по рассказу Мухаммед-Хайдера, в 1416 г. предал Кашгар Тимуридам, теперь отправился в Самарканд просить помощи. Улугбек [117] отозвал прежнего наместника и назначил нового, Пир-Мухаммеда; но когда моголы явились в третий раз, Пир-Мухаммед также не мог помешать им опустошить страну. Потеря третьего урожая угрожала стране голодом; с согласия ходжи жители вступили в переговоры с моголами; Пир-Мухаммед был связан, выдан Сейид-Али и убит. Сейид-Али вступил в Кашгар, где, по словам историка, правил еще 24 года, до своей смерти; год смерти приводится по дате, указанной на его гробнице, еще существовавшей при историке в Кашгаре, — 862 г. хиджры [118]. Из этого можно заключить, что завоевание им Кашгара произошло в 838 г., т. е. в 1434 или 1435 г. н. э., скорее в 1435 г., так как опустошение страны было связано с временем урожая. С этими датами трудно было бы привести в согласие слова того же историка, будто Тимуриды господствовали в Кашгаре 40 лет [119]. Хронологические противоречия вообще встречаются у Мухаммед-Хайдера довольно часто; фактические подробности его рассказа тоже вызывают сомнение, тем более, что автор писал в половине XVI в. на основании устных преданий. Общий ход завоевания Кашгара моголами, по-видимому, передан верно: к такому же приему кочевники прибегли в начале XIII в., когда Кучлук найманский, не осаждая города и не вступая в открытую битву, четыре года кряду своими опустошениями отнимал у жителей урожай и этим заставил их сдаться [120]. Привезти хлеб в необходимом количестве по горным путям, отделяющим Кашгар от Ферганы и других культурных областей, очевидно, признавалось невозможным.

Более близкие по времени авторы ничего не говорят о потере Ти-

[116] Там же, 75 и сл.

[117] Мухаммед-Хайдер передает невероятный по грубости разговор, будто бы происшедший между ходжей и Улугбеком. Улугбек будто бы спросил, много ли ослов в Кашгаре, на что ходжа ответил: «С тех пор, как пришли чагатаи, их очень много».

[118] Там же, 87. О молодости Сейид-Али ср. выше, стр. 101, прим. 32.

[119] Там же, 75.

[120] Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 396; <наст. изд., т. I, стр. 433>.

муридами Кашгара. Из сочинения Абд ар-Раззака известно только, что весной 1434 г. из Моголистана вернулся отряд, посланный туда Улугбеком; отряд вернулся «с победой» [121], но в чем заключались достигнутые успехи, не говорится. Абд ар-Раззак не упоминает даже о событии, о котором, кроме Мухаммед-Хайдера, говорит также Бабур: о прибытии в Самарканд беглецов из Моголистана, с царевичем Юнусом, сыном Вейс-хана, во главе. После смерти Вейс-хана и Сатук-хана в Моголистане произошла борьба между приверженцами двух малолетних сыновей Вейса, Юнуса и Эсен-Буки; партия Эсен-Буки одержала верх; вместе с Юнусом предводители его партии, Ираздан и Мирек Туркмен, и их приверженцы, в числе 3—4 тыс. семейств [122], бежали к Улугбеку, который будто бы еще раньше женил своего малолетнего сына Абд ал-Азиза на сестре Юнуса. По приказанию Улугбека начальники моголов были вероломно умерщвлены (их впускали в цитадель через одни ворота, с обещанием снабдить их провиантом, и задерживали у других); остальные были частью взяты в плен, частью разосланы по различным областям; молодого царевича с пятой частью добычи отправили к Шахруху. В Герате царевич был хорошо принят и послан на запад; более года он пробыл в Тебризе у туркменского султана Джеханшаха, потом прибыл в Шираз к царевичу Ибрахиму, сыну Шахруха, за 5—6 месяцев до его смерти, последовавшей 3 или 4 мая 1435 г. [123]. Из этих слов Бабура можно заключить, что избиение могольских предводителей в Самарканде произошло в 1433 г. [124]; на моголов это событие произвело такое впечатление, что с него вели счет годам. Очень вероятно, что с тем же событием были связаны отправление того отряда, о котором говорит Абд ар-Раззак, и борьба между моголами и чагатаями за Кашгар.

При хане Эсен-Буке, пережившем Улугбека, моголы могли безнаказанно опустошать владения Тимуридов. Мухаммед-Хайдер говорит о крепостях, построенных моголами на Алабуге и на Иссык-Куле; из первой совершались набеги на Фергану, из второй — на Сайрам и будто бы даже на Туркестан [125]. Во время смут, происходивших в послед-

[121] У Абд ар-Раззака (рук. ЛГУ, л. 244б) выражение مظفّر ومنصور.

[122] Так у Бабура (*Бабур-наме*, изд. Бевериджа, л. 10а); по *Та'рих-и Рашиди* (73)— 30 000.

[123] Дата у Абд ар-Раззака, рук. ЛГУ, л. 245б и у Фасиха, рук. Аз. муз., л. 423б (среда 4 шавваля 838 г. х.). Джеханшах, однако, вступил на престол позже, по Даулетшаху (457,19) — в 839 г. х. (1435-36 г.) В 1434—1436 гг. Шахрух воевал с отцом Джеханшаха Искендером (Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, лл. 245а—248а). <Джеханшах был сыном Кара-Юсуфа и младшим братом Искендера; ср. ниже, стр. 208.—*Ю. Б.*>

[124] Мухаммед-Хайдер в другом месте (84) относит его к 832 г. х. (1428-29 г.), хотя тут же прибавляет, что хану было 16 лет, что указывает на 835/1431-32 г. (ср. стр. 113, прим. 115).

[125] Мухаммед-Хайдер, 78 и сл. Из этого можно заключить, что пограничным пунктом владений Улугбека на северо-востоке в то время был Сайрам.

ние годы жизни Улугбека и после его смерти, Эсен-Бука, по рассказу Бабура, взял Андижан и дошел до Кенд-и Бадама [126].

Еще меньше известно об отношениях между Улугбеком и узбекскими ханами после 1427 г.[127]. В 1429 г. к Шахруху, находившемуся в это время в Западной Персии, пришло от Улугбека известие о смерти хана Бурака; он погиб в стране моголов от руки какого-то Султан-Махмуд-оглана, которого в свою очередь убил какой-то Мухаммед-гази [128]. В 1427 г. Бурак, по-видимому, ограничился опустошением страны и не расширил своих владений на счет государства Тимуридов; Саганак остался в руках Улугбека и был завоеван узбеками только 20 лет спустя, при новом хане Абулхайре. Абулхайр [129] еще в 1428 г. был провозглашен ханом где-то в Сибири; после смерти его соперника Бурака его войска подошли к границам государства Тимуридов, но первые действия их были направлены не против Мавераннахра. Кроме низовьев Сыр-Дарьи, кочевников, как места, удобные для зимовок, всегда привлекали Хорезм и прибрежье Каспийского моря; из зимних ставок при благоприятных обстоятельствах предпринимались набеги на культурные земли [130]. Зимой 1430/31 г. Абулхайру удалось захватить на некоторое время северную часть Хорезма, с городом Ургенчем (южная, с Кятом и Хивой, оставалась в руках Тимуридов); по словам узбецкого историка, только климатические условия заставили Абулхайра очистить страну; по словам Абд ар-Раззака, посланное Шахрухом войско преследовало узбеков и произвело опустошения в их стране [131]. Кроме подданных Абулхайра, на владения Тимуридов нападали также отделившиеся от Абулхайра роды, так называемые «казаки» (слово, в восточной литературе впервые встречающееся в этот период [132]); часть казаков ушла в Моголистан и была поселена ханом Эсен-Букой на берегах Чу [133]; другая часть [134] производила нападения

[126] *Бабур-наме*, изд. Бевериджа, л. 10а.

[127] <См. об этом Ахмедов, *Из истории.* — *Ю. Б.*>

[128] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 238а; Фасих, рук. Аз. муз., л. 419б.

[129] Ср. о нем мою статью в EI, I, S. 101 sq.; <см. ниже, стр. 489 и сл.>

[130] Ср., напр., слова Нершахи (изд. Шефера, 16) о Пейкенде: زمستان که وقت غلبهٔ کافران میشد.

[131] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 240а.

[132] <П. Пельо привел данные, показывающие, что термин *казак* — более раннего происхождения; см. Pelliot, *Notes sur l'histoire de la Herde d'Or*, pp. 217—223.—*Ю. Б.*>

[133] Об этом Мухаммед-Хайдер, 82 и 272; ср. Вельяминов-Зернов, *Исследование о Касимовских царях*, ч. 2, стр. 139 и Бартольд, *Очерк истории Семиречья*, стр 80 и сл.; <наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 88>.

[134] О ней Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 255а. О слове *казак* ср. Фалев, *Пословицы*, стр. 54. Время и место появления слова *казак* едва ли позволяют принять теорию, недавно предложенную Н. Я. Марром (*Кавказский культурный мир и Армения*, стр. 286). <См. также последние по времени работы, в которых рассматривается вопрос о термине *казах*: Семенов, *О происхождении и составе узбеков*, стр. 30—31; Ибрагимов. *Еще раз о термине «казах».* — *Ю. Б.*>

на Астрабад; для отражения набегов в этой местности, по распоряжению Шахруха, всегда зимовали многочисленные отряды, под начальством царевичей или знатных эмиров. Об участии в этих действиях отрядов из Мавераннахра сведений нет.

В сороковых годах XV в. узбеки снова действовали на Сыр-Дарье; ко времени смерти Шахруха в Саганаке, Сузаке и Узгенде были наместники хана Абулхайра [135]. Из рассказа о последующих событиях, особенно о борьбе между Абу Са'идом и Абдуллой, можно заключить, что пограничным городом государства Тимуридов был тогда город Туркестан.

С более отдаленными восточными странами государство Тимуридов при Шахрухе и Улугбеке поддерживало мирные торговые сношения. План похода на Китай был оставлен тотчас после смерти Тимура; китайские послы, задержанные Тимуром, были отпущены еще при Халиль-Султане и вернулись в Китай в 1407 г.; с ними прибыл посол от Халиль-Султана, по имени Худайдад [136]. Около того же времени прибыл посол с лошадьми и верблюдами для императора от Шейх Нур ад-дина. Из Китая в 1408 г. был послан в Туркестан тот же Ань Чжидао, который стоял во главе посольства 1395 г., задержанного Тимуром; посольство было в Герате в начале 1409 г. и выразило Шахруху соболезнование по случаю смерти Тимура [137]; в том же 1409 г. посольство вернулось в Китай [138], причем с ним прибыли послы из Герата и Самарканда. В 1410 г. говорится о проезде через Бишбалык китайских послов, направлявшихся в Самарканд [139]; в том же году в Китай прибыл посол из Герата. Возможно, что посольство, проезжавшее через Бишбалык в 1410 г., было тем же самым, которое прибыло в Герат в 1412 г. и было принято с необыкновенной торжественностью (в честь послов жители должны были украсить свои дома шелковыми тканями и коврами) [140]. Путешествие послов из Китая на запад во всяком случае продолжалось несколько лет, так как в доставленных ими письмах китайский император увещевал Шахруха и Халиль-Султана прекра-

---

[135] *Та'рӣх-и Абӯлхайр-хӑнӣ*, рук. ЛГУ, л. 446б и сл.

[136] Об этом и следующих китайских посольствах в Самарканд Bretschneider, *Researches*, vol. II, p. 261 sq.

[137] Хафиз-и Абру, рук. ГПБ Дорн 290, л. 313б; Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 179б и сл. По *Мин-ши*, поручение совершить жертвоприношение в память умершего царя и доставить дары новому было возложено на Бо-а-эр-хинь-тая <Бо(бай)аршиньтай> (Bretschneider, *Researches*, vol. II, p. 262), но последний, как видно из дальнейшего, был отправлен из Китая позже, чем Ань.

[138] О сношениях Китая с Гератом Bretschneider, *Researches*, vol. II, p. 279 sq.

[139] Ibid., p. 240.

[140] Хафиз-и Абру, рук. Ind. Off., л. 175б и сл.; рук. ГПБ Дорн 290, л. 316б; оксфорд. рук., л. 183б и сл.; Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 192б и сл. Текст писем также Blochet, *Introduction*, p. 244 sq. Китайские подлинники по *Мин-ши* Bretschneider, *Researches*, vol. II, p. 280.

тить свои ссоры и заключить мир. Посольство, во главе которого стоял Бо-а-эр-хинь-тай, вернулось в Китай в 1413 г.; с ним прибыли послы из Герата и других мест до Шираза [141]. В том же году из Китая снова было отправлено посольство, которое вернулось на родину в 1415 г.; с ним прибыли послы из Герата, Самарканда и Шираза; хорасанские историки о прибытии посольства в Герат не упоминают. Новые послы из Герата прибыли в Китай в 1416 г.; в том же году было отправлено посольство из Китая в Самарканд, Андхой [142], Герат и Исфахан [143]; послы вернулись в 1417 г. Из сочинений Хафиз-и Абру и Абд ар-Раззака [144] известно, что они были в Герате в апреле и мае 1417 г.; 11 мая [145] состоялась их прощальная аудиенция, с обычным угощением; Улугбек, прибывший в Герат в пятницу 7 мая [146], также принимал участие в устройстве пиров. Из Герата с послами был отправлен Ардашир-туваджи; из Самарканда также был отправлен посол. Ардашир-туваджи вернулся в Герат 13 октября 1419 г. [147]; с ним прибыло новое китайское посольство. На пути в Герат, в августе того же года, послы были с подарками для Улугбека в Самарканде, откуда выехали 23 августа [148], на следующий день после угощения; на обратном пути, в октябре, они снова посетили Самарканд. Улугбек принял участие также в ответном посольстве, которое выехало из Герата 4 декабря 1419 г. [149]; когда послы 6 февраля 1420 г. [150] прибыли в Самарканд, они узнали, что Улугбек двумя месяцами раньше отправил в Китай своих послов, хотя китайские послы еще оставались в Самарканде; посольство покинуло Самарканд вместе с ними 25 февраля [151]. В Пекине, где посольство пробыло с декабря 1420 до мая 1421 г., послы видели черную лошадь с белыми ногами, подаренную императору Улугбеком. В состав посольства входили по два посла от Шахруха, Улугбека и Байсункара и по одному от Суюргатмыша и Шах-Мелика; дневник посольства, составленный одним из послов Байсункара, живописцем (*наккаш*) Гияс ад-дином, является одним из самых подробных и популярных мусульманских сочинений о Китае [152].

---

[141] О сношениях Китая с Ширазом Bretschneider, *Researches*, vol. II, p. 292.

[142] Ibid., p. 276. [143] Ibid., p. 291.

[144] Хафиз-и Абру, рук. ГПБ Дорн 290, л. 324б; оксфорд. рук., л. 296б; Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 209а.

[145] 23 раби' I 820 г. х. (у Абд ар-Раззака даты нет).

[146] 19 раби' I.

[147] 23 рамазана 822 г. х.; Хафиз-и Абру, оксфорд. рук., л. 314б; Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 212б (без точной даты).

[148] 1 ша'бана (Хафиз-и Абру, оксфорд. рук., л. 319б; Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 213б).

[149] 16 зу-л-ка'да 822 г. х. (так по Абд ар-Раззаку; по Хафиз-и Абру — 6-го).

[150] 22 мухаррема 823 г. х. [151] 10 сафара 823 г. х.

[152] Им воспользовался Хафиз-и Абру (оксфорд. рук., лл. 383б — 412а), откуда его, с некоторыми сокращениями, воспроизвел Абд ар-Раззак (рук. ЛГУ, лл. 224б —

Несколько реже были посольства во второй четверти XV в., что китайцы объясняют изменившейся политикой китайских императоров [153]; в письме китайского императора на имя Шахруха, посланном в 1432 г. с евнухом Ли Гуем, перерыв сношений объясняется внешними препятствиями на пути, т. е. смутами в Средней Азии [154]; в 1432 г. сношения считались восстановленными, и император просил Шахруха оказать покровительство купцам. Посол из Герата прибыл в Пекин еще в 1427 г., посол из Самарканда в 1430 г.; Ли Гуй был послан в оба города [155]. В китайской истории приводится еще текст письма императора Чжэн-туна на имя Улугбека в 1445 г. [156].

Одним из главных предметов вывоза из Китая был фарфор, производство которого достигло в Китае в XV в. высокого совершенства [157]. Улугбеком в одном из загородных садов около возвышенности Чопан-Ата был построен павильон, внутренняя облицовка которого состояла из китайского фарфора, привезенного в Мавераннахр в несколько приемов [158].

Зимой 1421/22 г. Улугбеком было принято в Бухаре посольство из Тибета; к сожалению, о нем говорится только в кратких словах, причем ничего не сообщается ни о целях посольства, ни о его маршруте, ни о впечатлении, произведенном им при дворе Улугбека [159].

228б). Текст Абд ар-Раззака, часто воспроизводившийся и восточными авторами, издан в подлиннике и французском переводе Катрмером (308—341, 387—426). Текст Хафиз-и Абру еще не издан. Ср. о нем Бартольд, *Хафизи-Абру*, стр. 27 и его же, «Мир ислама», т. I, стр. 107, прим. 1. <Текст Хафиз-и Абру издан в 1930 г. в Лахоре Мухаммедом Шафи' и в 1934 г., также в Лахоре, К. М. Майтра. — *Ю. Б.*>

[153] Bretschneider, *Researches*, vol. II, p. 285.

[154] Ibid., p. 286.

[155] Он был также в Бухаре, ibid., p. 271.

[156] Ibid., p. 263. <Имя императора — Ин-цзун; Чжэн-тун — девиз правления. — *Ю. Б.*>

[157] Münsterberg, *Chinesische Kunstgeschichte*, Bd II, S. 274.

[158] *Бабур-наме*, изд. Бевериджа, л. 47а-б; Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 283а.

[159] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 223а. В тексте تلب, правильное чтение تبت в рук. Аз. муз. 574, стр. 472 и 574а, л. 345б, у Мирхонда (лакнауское изд., 1292 и рук. Аз. муз., л. 322а) и у Катрмера (Абд ар-Раззак, пер. Катрмера, 306).

5

ВНУТРЕННИЕ ДЕЛА МАВЕРАННАХРА ПРИ УЛУГБЕКЕ

В своих заботах о благосостоянии Мавераннахра и о блеске его столицы Улугбек еще больше подражал своему деду, чем в своих военных предприятиях. Самарканд жил при нем тою же жизнью, как при Тимуре, и двор Улугбека ничем не походил на двор его отца в Герате[1]. В Герате государь по пятницам посещал мечеть, как простой мусульманин, ничем не ограждая себя от толпы, вследствие чего в 1427 г. могло быть совершено покушение на его жизнь[2]; в месяц рамазан им строго соблюдался пост, даже во время путешествия; четыре раза в неделю, по понедельникам, четвергам, пятницам и субботам, ко двору призывались чтецы Корана[3]. Шахруха называли мусульманским царем по преимуществу[4]; к нему был применен хадис об обновителе веры, являющемся в начале каждого столетия[5]; строго преследовались запрещенные религией удовольствия; мухтасибам, которых в городе было двое, был предоставлен полный простор; не соблюдалось даже старое правило, по которому мухтасибу не должно было быть дела до того, что происходило внутри частных домов; гератские мухтасибы могли входить в дома знатных людей и, если находили там вино, выливать его. В 1440 г. Шахруху донесли, что погреба с вином остались только в домах царевичей Джуки и Ала ад-дауля (сына и внука Шахруха), куда мухтасибы не решались войти; Шахрух сам сел на коня, позвал

---

[1] <По мнению А. Ю. Якубовского (*Черты общественной жизни*, стр. 19—20), В. В. Бартольд «увлекся» противопоставлением двора Улугбека и двора Шахруха и огустил краски; точку зрения Якубовского разделяет и Е. Э. Бертельс (*Навои*, стр. 11—13). Оба исследователя напоминают о том, что Герат в это время также был крупным культурным центром. Однако это нисколько не опровергает В. В. Бартольда, который в данном случае говорит о нравах, царивших при дворах Улугбека и Шахруха, а не об уровне культуры. — *Ю. Б.*>

[2] Хафиз-и Абру, оксфорд. рук., л. 435б.

[3] Мусеви, рук. Брит. муз., л. 299а.

[4] Слова одного шейха в *Рашаḥāт*, литогр., 294; рук. ЛГУ, л. 159а; рук. Аз. муз., л. 209а: میرزا شاهرخ را پادشاه مسلمان میکویند.

[5] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 253б. О хадисе и его применении см. еще Бартольд, «Мир ислама», т. I, стр. 103; его же, *Халиф и султан*, стр. 391.

мухтасибов с их подчиненными, вместе с ними отправился к царевичам, и вино было вылито в его присутствии[6].

В Самарканде в это время продолжались пиры с музыкой и пением; из Самарканда приглашались музыканты и певцы богачами других городов; в биографии ходжи Ахрара говорится о приглашении самаркандских музыкантов и певцов в Ташкент на пир, устроенный одним из местных богачей в начале 20-х годов XV в.[7]. Замечательно, что на стороне Улугбека был самаркандский шейх ал-ислам Исам ад-дин, сын Абд ал-Мелика и преемник Абд ал-Эввеля[8]; шейхи дервишей, нападавшие на Улугбека за отступление от правил шариата, были принуждены направлять свои обличения также против официального главы мусульманского духовенства. Шейх ал-ислам однажды построил новые бани и, празднуя окончание постройки, устроил пир, на который явились также женщины-певицы; мухтасиб Сейид-Ашик, назначенный на эту должность Улугбеком, обратился к шейх ал-исламу с резким упреком: «Шейх ал-ислам без ислама, по какому мазхабу (толку) дозволяется мужчинам и женщинам сидеть вместе и петь?»[9].

Образ жизни самаркандских шейх ал-исламов не был единственным в своем роде явлением; еще с XII в., со времени бухарских садр-джеханов[10], мы видим в Средней Азии духовных сановников, пышный образ жизни которых был соблазном для веровавших. Как бухарские садр-джеханы, так и самаркандские шейх ал-исламы были представителями аристократических слоев населения, на стороне которых в эпоху Улугбека была верховная власть. Защитниками интересов народных масс были шейхи дервишских орденов, особенно накшбендиев[11]. Так как представители книжного богословия сделались руководителями аристократии, борьба дервишизма с книжным богословием приняла в Туркестане иной характер, чем в Западной Азии. Там представители книжного богословия требовали строгого соблюдения шариата, дер-

---

[6] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 254а.

[7] Ходже Ахрару, родившемуся в 806/1404 г., в то время было 18 лет (*Рашахат*, рук. ЛГУ, л. 134а; рук. Аз. муз., л. 167б и сл.; литогр., 239).

[8] Время смерти Абд ал-Эввеля в источниках не определяется. Мы видели (стр. 88), что он еще упоминается в рассказе о событиях 1409—1411 гг.; в 1422 г., во время путешествия Улугбека в Герат, шейх ал-исламом уже был Исам ад-дин, сопровождавший Улугбека (Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 224а).

[9] Хондемир, тегеран. изд., III, 219.

[10] О них Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 349, 379—381 <наст. изд., т. I, стр. 389—390, 418—420> и статья *Burhān* (EI, I, S. 831; <см. ниже, стр. 515>); <см. также Pritsak, *Āl-i Burhān*. — *Ю. Б.*>

[11] <В. В. Бартольд неправ, называя шейхов дервишских орденов «защитниками интересов народных масс». В Средней Азии они пользовались большей популярностью в массах, чем представители официального духовенства, но их классовое лицо, особенно со времени ходжи Ахрара, было тем же самым; ср. также ниже, прим. 121 к стр. 167. — *Ю. Б.*>

виши или суфии отстаивали более свободное толкование правил веры (известно, что в Персии слово «суфизм» постепенно сделалось синонимом религиозного свободомыслия); здесь именно дервиши отстаивали шариат и обличали в нарушении его правил как представителей верховной власти, так и официального главу мусульманского духовенства. Все это делалось во имя интересов народных масс; как в Европе последовательные коммунисты [12] отвергали науку и искусство, недоступные для народных масс, так в Туркестане XV в. представители дервишизма были противниками всякой книжной учености, не исключая и богословия [13].

Составленная в начале XVI в. история среднеазиатского дервишизма (*Рашаḥāт 'айн ал-ḥайāт*) полна рассказов, свидетельствующих о враждебном отношении дервишей к Улугбеку и шейх ал-исламу. Даже глава бухарских дервишей, шейх Мухаммед Парса, один из виновников падения Халиля и, следовательно, воцарения Улугбека, не пользовался расположением государя и шейх ал-ислама. Когда в Самарканд для проверки иснадов, с которыми передавались хадисы, прибыл Шемс ад-дин Мухаммед ибн Мухаммед ал-Джезери [14] (вероятно, упомянутый выше, стр. 66, современник Тимура), Мухаммед Парса по распоряжению Улугбека был вызван в Самарканд, чтобы дать отчет о том, с чьих слов им распространяются хадисы. Испытание было произведено при шейх ал-исламе Исам ад-дине и других ученых; когда некоторые из иснадов, приведенных Мухаммедом Парса, показались Шемс ад-дину сомнительными, Мухаммед Парса попросил принести из библиотеки шейх ал-ислама том одного из достоверных, по признанию самого Шемс ад-дина, *муснадов,* причем будто бы точно указал, на какой полке находится книга и на какой странице находится хадис с соответствующими иснадами, хотя раньше в библиотеке шейх ал-ислама никогда не бывал [15]. Один из изве-

[12] <Об этой терминологии см. ниже, стр. 167—168, прим. 122.—*Ю. Б.*>

[13] Из ученых богословов эпохи Улугбека, кроме шейх ал-ислама Исам ад-дина, Хондемир называет Ала ад-дина Шаши (он упоминается также Даулетшахом, изд. Броуна, 366,14), Мухаммеда Алима (за грубость он был изгнан Улугбеком и удалился в Герат, где и умер), Афзаль ад-дина Кеши (по Абд ар-Раззаку, рук. ЛГУ, л. 244б, он был с Улугбеком в Герате еще в 1434 г.; в 1404 г. вместе с самаркандскими шейх ал-исламами ездил к Тимуру в Карабаг — Шереф ад-дин Йезди, II, 560 и выше, стр. 44), Сейид-Ашика (о нем см. выше, об отношении к нему Улугбека дальше), Фазл-аллаха Абу-л-Лейси (также был в 1434 г. в Герате, Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 244б); см. Хондемир, бомбейское изд., III 3, 159 и сл.; полнее, чем тегеран. изд., III, 219 и сл.

[14] Он умер 5 раби' I 833 г. х. (2 декабря 1429 г.) в Ширазе (Brockelmann, GAL, Bd II, S. 201; Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 239б).

[15] *Рашаḥāт,* рук. ЛГУ, л. 37а-б; рук Аз. муз., л. 43б; литогр., 61. Вызов Мухаммеда Парса в Самарканд мог иметь место только в первые годы правления Улугбека, так как шейх в начале 822/1419 г. отправился в Мекку и в том же году умер в Медине в четверг 24 зу-л-хиджжа (11 января 1420 г.). Ср. Джами, *Нафаḥāт ал-унс,* калькут. изд., 253 и сл.; *Рашаḥāт,* рук. ЛГУ, л. 38б; рук. Аз. муз., л. 45б; литогр., 64. <В экз.

стных шейхов, Низам ад-дин Хамуш [16], за проступки своего сына подвергся преследованию со стороны шейх ал-ислама и государя. Сын шейха, обвиненный в незаконных сношениях с некоторыми из женщин гарема (неясно, имеется ли в виду гарем самого Улугбека), бежал; шейх был обвинен в потворстве сыну и приведен к Улугбеку, причем гонцы посадили его с обнаженной головой на круп лошади. Улугбек находился в «саду площади» (Баг-и Мейдан); он грубо принял шейха и стал осыпать его упреками; шейх ответил: «На все эти слова я могу ответить только одним словом: я — мусульманин. Если ты мне веришь, хорошо; если нет, то делай все, что велит тебе твое сердце». Эти слова так подействовали на Улугбека, что он велел отпустить шейха. Автор приводит слова ходжи Ахрара, что Улугбек за оскорбление шейха подвергся многим неудачам и скоро был убит своим сыном [17]. По этому случаю рассказывается еще, что перед этим Низам ад-дин по просьбе сыновей шейх ал-ислама пришел к их тяжело больному отцу и принял на себя его болезнь, после чего шейх ал-ислам выздоровел; теперь, когда шейх ал-ислам не помог ему в беде, он взял назад свое решение, и шейх ал-ислам тотчас пал мертвым [18].

Самому ходже Ахрару, по рассказу его биографа, в молодости пришлось испытать на себе презрительное обращение сановников Улугбека с дервишами. При дворе Улугбека был старик есаул, лично производивший расправу, бросавший виновных на землю и бивший их палками. Однажды он послал в Ташкент известие, что приедет повидать «потомков шейхов» (شیخ زادها), и велел им собраться в «мазаре». Собралось 17 человек, из которых ходжа Ахрар был самым младшим. Пришел есаул и стал каждого толкать и сбрасывать на землю; только одному ходже Ахрару удалось ловко увернуться от удара. Ловкость молодого дервиша настолько понравилась есаулу, что он оказал ему предпочтение перед другими, несмотря на его молодость, и во время своей речи, обращенной ко всем, смотрел на него. Своим товарищам, удивленным его ловкостью, ходжа Ахрар объяснил, что прежде был мюридом ходжи Хасан-Аттара и по его указанию занялся искусством борьбы, так как его старания добиться духовного превосходства (سبق باطن) не увенчались успехом, что его сильно огорчало. Учитель объявил ему, что ему предстоит служить при дворе султанов и там

В. В. Бартольда в этом месте добавлено: «Он же упоминается у Ибн Арабшаха под именем الخواجه الكبير المفسر الحافظ المحدّث محمد الزاهد البخارى. Его коммент <арий> к Корану в 100 томах». Ср. Brockelmann, GAL, Suppl. II, S. 282—283; Storey, *Persian Literature*, vol. I, pt 1, section I, pp. 7—8; pt 2, pp. 1192—1193. — *Ю. Б.*>

[16] Он упоминается у Хондемира, тегеран. изд., III, 209.

[17] *Рашаҳāт*, рук. Аз. муз., л. 82а (в рук. ЛГУ пропуск); литогр., 114 и сл.

[18] Там же, рук. Аз. муз., л. 85а-б; литогр., 118. Ср. Джами, *Нафаҳāт ал-унс*, калькут. изд., 259, где вместо шейх ал-ислама Исам ад-дина назван خواجه عماد الدين и весь рассказ передан несколько иначе.

помогать обиженным, и дал ему рекомендацию (سپارش) к эмиру Са-'иду, одному из эмиров Улугбека [19].

Трудно сказать, насколько отдельные факты в этом рассказе соответствуют действительности. Ходжа Хасан-Аттар упоминается у Даулетшаха как главный из шейхов времени Улугбека [20]; сближение с ним ходжи Ахрара могло произойти только в Самарканде; между тем ходжа Ахрар отправился в Самарканд, когда ему было 22 года [21], т. е. около 1426 г., тогда как ходжа Хасан-Аттар, пробыв некоторое время при дворе Шахруха, еще в 1423 г. умер в Ширазе [22]. Любопытно, что, по представлению автора рассказа, «потомки шейхов», т. е. молодые дервиши, при Улугбеке были подчинены военной дисциплине и находились в ведении есаула [23]; с другой стороны, главные шейхи и при Улугбеке пользовались уважением при дворе, и полученной от них рекомендации придавали значение.

Кроме Низам ад-дина Хамуша и Хасан-Аттара, одним из главных шейхов [24] эпохи Улугбека был Я'куб Чархи, также считавшийся одним из учителей ходжи Ахрара [25]; после смерти своего учителя Беха ад-дина Я'куб удалился сначала в Бадахшан, потом в Чаганиан [26] и, насколько известно, не имел сношений с самаркандским двором. Из центров дервишизма политическое значение имела, по-видимому, только Бухара, где духовенство, как мы видели, способствовало низложению предшественника Улугбека и где впоследствии произошло восстание против самого Улугбека. Улугбек сознавал значение бухарского духовенства и старался приобрести его расположение; построенное им в Бухаре медресе было едва ли не первой по времени из его построек; уже в 1419 г. (28 ноября) он при посещении Бухары остановился в

---

[19] *Рашаḥāт*, рук. ЛГУ, л. 132а и сл.; рук. Аз. муз., л. 165а-б; литогр., 236.

[20] Даулетшах, изд. Броуна, 366,15.

[21] *Рашаḥāт*, рук. ЛГУ, л. 135б; рук. Аз. муз., л. 169б; литогр., 242.

[22] Ср. сведения о нем в *Рашаḥāт*, рук. ЛГУ, л. 54б и сл.; рук Аз. муз., л. 65б и сл.; литогр., 93 и сл.; Джами, *Нафаḥāт ал-унс*, калькут. изд., 255 и сл.

[23] О роли есаула при дворе Улугбека см. дальше (стр. 131) рассказ о столкновениях Улугбека с мухтасибом.

[24] Низам ад-дин Хамуш и Я'куб Чархи вместе названы у Хондемира (тегеран. изд., III, 209) как шейхи Мавераннахра и хранители заветов Беха ад-дина Накшбенда.

[25] *Рашаḥāт*, рук. ЛГУ, л. 3б; рук. Аз. муз., л. 3б; литогр., 5.

[26] Ср. биографию этого шейха в *Рашаḥāт*, рук. ЛГУ, л. 40а и сл., рук. Аз. муз., л. 47б и сл., литогр., 66 и сл. и Джами, *Нафаḥāт ал-унс*, калькут. изд., 256; о встрече его с ходжей Ахраром еще *Рашаḥāт*, рук. ЛГУ, л. 143а; рук. Аз. муз., л. 181б; литогр., 250. С Чаганианом была связана также деятельность Хасан-Аттара; его отец Ала ад-дин Аттар, умерший в 1400 г. (в среду 20 раджаба 802 г. х., Джами, *Нафаḥāт ал-унс*, калькут. изд., 252), был похоронен в Чаганиане, в одном из селений этой области; там же, рядом с отцом, похоронили самого Хасан-Аттара, после того как привезли его тело из Шираза. Ходжа Ахрар приехал в Чаганиан еще несколькими годами позже, чем в Самарканд.

этом здании; при этом им были розданы подарки студентам и другим «достойным людям»[27].

Религиозным учреждениям принадлежит выдающееся место и среди самаркандских построек Улугбека. Для этих построек была избрана базарная площадь Самарканда, носящая теперь, подобно известной бухарской площади, название «Ригистан». В XV в. этого названия, по-видимому, еще не было; Абд ар-Раззак говорит о постройке Улугбеком медресе в месте, которое называлось «головой двух اتیک (?)»; уже в то время здесь находилась базарная площадь[28]. Из надписей видно, что постройка была начата в 820 (1417) и окончена в 823 (1420) г.; к тому же году относят окончание постройки Хафиз-и Абру[29] и Абд ар-Раззак. Неизвестно, кто был архитектором этого великолепного здания, не уступающего постройкам Тимура в художественном отношении и в то же время значительно превосходящего их своею прочностью[30]. Здание было построено в два этажа, с четырьмя высокими куполами и четырьмя минаретами по углам; каждая комната была разделена на два отделения, для двух студентов[31].

Медресе, построенные Улугбеком в Бухаре и Самарканде, оказались самыми долговечными из его построек и вообще из его предприятий. Оба здания до сих пор выполняют свое назначение, тогда как все остальные медресе, существовавшие в обоих городах в XV в. и раньше, исчезли бесследно[32]. О бухарском медресе известно только, что в 1841—1842 гг., во время пребывания в Бухаре Ханыкова, в нем было 80 комнат; студенты получали по $3^1/_2$ тилли в год[33]; о судьбе учреж-

[27] Хафиз-и Абру, оксфорд. рук., л. 321а; Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 214а. Дата — 10 зу-л-ка'да 822 г. х.

[28] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 217б (рук. Аз. муз. 574, стр. 458 تیک, 574а, л. 337б так же). <Об истории застройки Ригистана см. Массон, *Самаркандский Регистан.* — *Ю. Б.*>

[29] Оксфорд. рук., л. 341а.

[30] По сообщению Н. И. Веселовского, во время осады самаркандской цитадели восставшими туземцами гарнизон цитадели старался разрушить минарет медресе, откуда стреляли в крепость, но вследствие прочности постройки эти попытки остались безуспешными.

[31] *Та'рӣх-и Рӑкимӣ*, л. 53а-б.

[32] Строителем медресе в Самарканде был, между прочим, опекун Улугбека, эмир Шах-Мелик (*Рашаҳӑт*, рук. ЛГУ, л. 141а; рук. Аз. муз., л. 178б; литогр., 254). Кроме того, упоминаются медресе Мубарек-шаха в Бухаре (там же, рук. ЛГУ, л. 28а; рук. Аз. муз., л. 32б; литогр., 46) и медресе садра Кутб ад-дина в Самарканде (там же, рук. ЛГУ, лл. 136б и 141а; рук. Аз. муз., лл. 171а и 178б; литогр., 244 и 254); о последней Вяткин, *Материалы*, стр. 18 и сл.

[33] Ханыков, *Описание Бухарского ханства*, стр. 86. На дверях здания сохранилась надпись: طلب العلم فريضة على كلّ مسلم ومسلمة («стремление к знанию обязательно для каждого мусульманина и мусульманки»). <В экз. В. В. Бартольда здесь добавлено: «Хадис, находится также среди надписей мечети Ахмеда Ясави в Туркестане, Изв. общ. арх. Казань XIII < = Ахмеров, *Надписи*, стр.> 543». — *Ю. Б.*>

дения со времени его основания до XIX в. мне в источниках не приходилось встречать никаких известий. О самаркандском медресе впоследствии (в XIX в.) существовало предание, будто в нем преподавал сам Улугбек[34]; более ранние источники об этом не упоминают[35]; в XVI в. говорили только, что Улугбек лично принимал участие в постройке[36]. Тот же автор XIX в. называет мударрисом медресе Улугбека астронома Кази-заде Руми[37]; по-видимому, это тот же «румский казий» (قاضي روم), который действительно читал в Самарканде лекции в медресе Улугбека; слушать его лекции приезжал в Самарканд молодой Джами, родившийся в 817/1414 г.[38]. По словам Васифи, первым мударрисом в медресе Улугбека был назначен мауляна Мухаммед Хавафи. Когда постройка приближалась к концу, присутствовавшие при сооружении здания спросили Улугбека, кто будет назначен мударрисом; Улугбек ответил, что им будет приискан человек, сведущий во всех науках. Слова Улугбека услышал мауляна Мухаммед, сидевший тут же в грязной одежде «среди куч кирпича»[39], и тотчас заявил о своем праве на эту должность. Улугбек стал его расспрашивать, убедился в его познаниях, велел отвести его в баню и надеть на него хорошую одежду. В день открытия медресе мауляна Мухаммед прочитал лекцию в качестве мударриса; присутствовало 90 ученых, но никто из них не мог понять лекцию, кроме самого Улугбека и Кази-заде Руми. В биографических сведениях о ходже Ахраре говорится об одном из его учеников, Абу Са'иде Аубахи[40], учившемся прежде в медресе Улугбека; разочаровавшись в книжной науке и по-

---

[34] Абу Тахир-ходжа, изд. Веселовского, 16; пер. Вяткина, 170. <См. теперь новое издание текста *Самарии*, выпущенное в 1952 г. Са'идом Нафиси и Иреджем Афшаром. — *Ю. Б.*>

[35] Н. П. Остроумов (*Мадрасы*, стр. 4) предполагает, что предметом лекций Улугбека была астрономия.

[36] Васифи, рук. Аз. муз., л. 18а. <Теперь см. критический текст Васифи, изданный в 1962 г. А. Н. Болдыревым. — *Ю. Б.*>

[37] Абу Тахир-ходжа, изд. Веселовского, 16; пер. Вяткина, 170.

[38] *Рашахат*, рук. Аз. муз., лл. 98а, 99а и 105а; литогр., 140 и 148. Предметом занятий, между прочим, был комментарий Кази-заде к *Мулаххас* Чагмини (там же, рук. Аз. муз., л. 99б; литогр. 140; ср. об этом сочинении Brockelmann, GAL, Bd I, S. 173). <По мнению А. Ю. Якубовского (*Черты общественной жизни*, стр. 18), звездчатый орнамент (который Якубовский называет «изображением звездного неба») на изразцах портала медресе Улугбека показывает, что в этом медресе преподавалась астрономия и другие точные науки. — *Ю. Б.*>

[39] На этих словах, по-видимому, основано утверждение В. Л. Вяткина (Абу Тахир-ходжа, пер. Вяткина, 235, без ссылки на источник), что мауляна Мухаммед «принимал участие в постройке медресе в качестве чернорабочего». Вероятно, имеется в виду ученый Шемс ад-дин Мухаммед Хавафи, умерший в пятницу 16 раджаба 845/1 декабря 1441 г.; см. Фасих, рук. Аз. муз., л. 430а.

[40] <По-видимому, более правильное чтение имени — Убехи, то названия селения Убех около Герата; см. Арендс, *Глоссарий, стр. 83.*—*Ю. Б.*>

знакомившись с ишаном (ходжей Ахраром), он известил своих товарищей по медресе, что дарит им все, оставшееся в его комнате, в том числе все книги [41]. Из этого видно, что медресе Улугбека было средоточием книжного богословия, в противоположность дервишизму. Студентов медресе, по словам Даулетшаха, было более ста [42]. В XVI в. число студентов, по-видимому, увеличилось, так как одних мударрисов было десять человек; главный мударрис считался главой всех самаркандских ученых [43]. В 1580 г. медресе Улугбека посетил хан Абдулла [44]. Во время смут конца XVII в. медресе пришло в упадок и уже в начале XVIII в. стояло пустым [45]; вскоре после этого захватившие цитадель мятежники разрушили верхний этаж здания, командовавший над цитаделью [46]. В 1752 г. эмир (впоследствии хан) Мухаммед-Рахим воспользовался пустыми зданиями самаркандских медресе для устройства хлебных амбаров [47]. Только в XIX в. были приняты меры для восстановления медресе и их вакуфов; при эмире Хайдере (1799—1825) в медресе Улугбека снова были студенты. В 1906 г., по сообщению Н. П. Остроумова, в этом медресе были два мударриса, с жалованьем по 40 рублей в год, и 60 студентов (мулл), получавших по 10 рублей в год; вследствие непрочности той части здания, где находилась аудитория, лекции читались в комнатах студентов [48].

На той же площади, напротив медресе, Улугбеком была построена ханака для дервишей; ханака, по словам Бабура, славилась своим высоким куполом, каких было мало в мире [49]. О дальнейшей судьбе ханаки нет никаких известий; в 1028/1619 г., когда на том же месте было выстроено медресе Ширдар, ханаки, очевидно, уже не было; нет даже сведений о каких-либо остатках постройки Улугбека, сохранившихся до XVII в. Говорится только о «сводчатом помещении», прилегавшем к южной стороне фасада медресе Ширдар, но это помещение считалось гробницей шиитского имама (II в. х.) Мухаммеда, сына Джа'фара Садика [50], хотя более ранние источники об этой гробнице не

[41] *Рашаḥāт*, рук. ЛГУ, л. 191а и сл.; рук. Аз. муз., л. 269б и сл.; литогр., 369 и сл.

[42] Даулетшах, изд. Броуна, 362,11.

[43] Васифи, рук. Аз. муз., лл. 17б и сл., 26а и сл.

[44] Хафиз-и Таныш, *'Абдулла-нāме*, л. 277б.

[45] *Та'рīḥ-и Рāḳимī*, л. 53а-б.

[46] Абу Тахир-ходжа, изд. Веселовского, 16; пер. Вяткина, 170.

[47] Мухаммед-Вефа Керминеги, *Туḥфат ал-ḥāнī*, л. 130б.

[48] Остроумов, *Мадрасы*, стр. 4.

[49] *Бāбур-нāме*, изд. Бевериджа, л. 46а. <Об истории сооружения ханаки Улугбека см. Массон, *Самаркандский Регистан*, стр. 78; ханака упоминается, как существующая, в вакуфном документе 20-х годов XVI в. (там же, стр. 79). — *Ю. Б.*>

[50] Абу Тахир-ходжа, изд. Веселовского, 34; пер. Вяткина, 185; Вяткин, *Гуриэмир*, стр. 301. <Эта пробница упоминается в вакуфных документах начала XVI в., согласно которым она находилась рядом с ханакой Улугбека, к югу от нее (см. Массон, *Самаркандский Регистан*, стр. 79). — *Ю. Б.*>

упоминают. Нет основания полагать, что ханака в меньшей степени, чем медресе, пользовалась покровительством Улугбека; по словам Абд ар-Раззака, как медресе, так и ханака были щедро наделены вакуфами; доходы с вакуфов составляли гораздо большую сумму, чем сколько могло быть израсходовано; из лишних сумм был образован особый капитал, принадлежавший обоим учреждениям [51].

К югу от медресе Улугбека при Бабуре находилась мечеть, называвшаяся Месджид-и Мукатта': стены и потолки были сложены из отдельных кусков (*кит'а*) дерева, украшенного резьбой. Между киблой мечети и киблой медресе была большая разница; утверждали, что кибла мечети заслуживает больше доверия, так как была определена посредством наблюдения над звездами [52]. И это здание впоследствии было связано с именем одного из деятелей ранней эпохи ислама — Абдаллаха, сына халифа Омара I; здание называлось также «мечетью Омара» или «синей мечетью» (مسجد كبود); и в этом случае приурочение его к халифу Омару или его сыну не подтверждается более ранними источниками [53]. К северу от мечети, между ней и медресе Улугбека, в XVI в. было построено медресе Абу Са'ид-хана, от которого теперь сохранилась только усыпальница Шейбанидов, известная под названием Чихиль-Духтеран [54].

В Самарканде в царствование Улугбека, действительно, возникла новая соборная мечеть, хотя первенство оставалось и после за соборной мечетью Тимура (Биби-ханым) [55]; строителем новой мечети был, однако, не сам Улугбек, но бывший воспитатель Шахруха Алике-кукельташ, проживший более 90 лет и умерший в пятницу 14 октября 1440 г. [56]. Этот вельможа, по-видимому, не принимал участия в управлении государством [57], но пользовался своим влиянием и богатством для

---

[51] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 217б. Заведывание всеми вообще вакуфными учреждениями в XV в., как видно из слов Хондемира (тегеран. изд., III, 208), было обязанностью садров. Садром при Улугбеке был ученый Фатхаллах Тебризи (*Рашахат*, литогр., 140), переживший Улугбека (Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, лл. 297б и 300а).

[52] *Бабур-наме*, изд. Бевериджа, л. 46б.

[53] <Как показал М. Е. Массон, В. В. Бартольд правильно отождествлял мечеть Мукатта' с мечетью Омара, или Кебуд; см. о ее местоположении Массон, *Самаркандский Регистан*, стр. 81—83 и 89, прим. 38. — *Ю. Б.*>

[54] Абу Тахир-ходжа, изд. Веселовского, 13 и 29; пер. Вяткина, 167 и сл., 181 и 231.

[55] В мечети Тимура в 1510 г., после смерти Шейбани, была принесена присяга Суюнчук-хану (Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан (1902 г.)*, стр. 198,9); та же мечеть была местом пятничного богослужения во время чумы 939/1532-33 г. (там же, стр. 211). Ср. еще Вяткин, *Самаркандский вилает*, стр. 241.

[56] Дата у Абд ар-Раззака, рук. ЛГУ, л. 254б и Фасиха, рук. Аз. муз., л. 429а (17 джумада I 844 г. х.), также Вяткин, *Материалы*, стр. 18. Другая дата у В. Л. Вяткина — Абу Тахир-ходжа, пер. Вяткина, 246.

[57] Он довольно часто упоминается в рассказах о военных предприятиях; еще в глубокой старости он провел зиму 1431/32 г. с Байсункаром в Мазандеране (Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 240б).

защиты угнетенных; каждый обиженный, обращавшийся к нему, находил защиту; если до него доходило известие о какой-нибудь несправедливости, кем бы она ни была совершена, он тотчас принимал меры для ее устранения; несправедливые правители боялись его[58]. Кроме самаркандской соборной мечети, с его именем был связан ряд других построек, как медресе в Герате[59] и благотворительные учреждения (عمارت خیر, или بقاع خیر) в Мерве[60]. Его деятельность не ограничивалась владениями Тимуридов; даже в Малой Азии и Египте им покупались земли и принимались меры для развития земледелия; когда Шахрух спросил его о причине таких затрат, он ответил, что заботится о славе своего государя: пусть говорят, что слуга Шахруха покупает земли в таких отдаленных странах[61]. Соборная мечеть, выстроенная им в Самарканде, упоминается в XVI в. (в 936/1529-30 г. хан Кучкунчи устроил там минбар из мрамора)[62], но в конце XVIII в.[63] пришла в разрушение; даже местоположение ее в точности не установлено[64]. Абу Тахир-ходжа помещает ее к югу от медресе Улугбека[65]; если так, то мечеть Алике-кукельташа, по-видимому, следует отождествить с «Месджид-и Мукатта'» Бабура и с «мечетью Омара»[66].

Недалеко от медресе и ханаки Улугбеком были выстроены бани, называвшиеся в эпоху Бабура «банями мирзы»; пол был выложен камнями всякого рода; других таких бань не было известно ни в Са-

---

[58] Фасих, рук. Аз. муз., л. 429а: وهر فرومانده که احوال خود بدو عرض کردی البتّه مهمّ او ساخته شد واکر وقوف یافته که کسی بر کسی ظلم کردی از شاه وکدا منع آن فرمودی وبر هیچ آفریده محابا نکردی وظالمان ازو خایف بودندی.

[59] Там же, л. 423б.

[60] Там же, л. 427а, также Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 250б (о событиях 842/1438-39 г.).

[61] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 254б.

[62] *Та'рӣх-и Рāкимӣ*, л. 121б.

[63] Так по Абу Тахир-ходже (см. ниже). Здание еще было в целости при Сейид-Ракиме в 1113/1701-02 г. (*Та'рӣх-и Рāкимӣ*, л. 49а: مسجد جامع که در سمرقند واقع است) и при Мухаммед-Салихе (Вяткин, *Самаркандский вилает*, стр. 241). <Как установил А. А. Семенов, *Та'рӣх-и Рāкимӣ* написана не «Сейид-Ракимом», а является сокращением труда Мулла Шереф ад-дина А'ляма Самарканди (автор сокращения неизвестен); см. Семенов, *К вопросу*. Сочинение известно также под названием *Та'рӣх-и каср̄а*. Ср. Storey, *Persian Literature*, vol. I, pt 1, section II, fasc. 2, pp. 376—378; pt. 2, p. 1301. — *Ю. Б.*>

[64] Вяткин, *Материалы*, стр. 18.

[65] Абу Тахир-ходжа, изд. Веселовского, 20; пер. Вяткина, 173.

[66] <Это отождествление В. В. Бартольда неверно; мечеть Алике-кукельташа, как показали новые исследования, была построена, очевидно, на месте соборной мечети XIII—XIV вв. к югу от Регистана; она находилась рядом с мечетью Мукатта' (см. Массон, *Самаркандский Регистан*, стр. 80—81. — *Ю. Б.*>

марканде, ни в Хорасане[67]. Никаких следов этого здания не сохранилось[68].

Других сведений о постройках Улугбека внутри стен столицы источники не сообщают, не упоминают даже о переделках, произведенных Улугбеком в здании Гур-эмир, которое при нем сделалось усыпальницей Тимуридов[69]. Сведениями о загородных постройках Улугбека мы обязаны почти исключительно Бабуру[70]. Несколько западнее обсерватории, местоположение которой определено раскопками 1908 г. и о которой будет речь ниже, находился Баг-и Мейдан ('Сад площади'); из слов Хафиз-и Абру можно заключить, что этот сад, вопреки словам Бабура, существовал еще при Тимуре; рядом с ним назван у Хафиз-и Абру «сад мирзы Улугбека»[71], вероятно устроенный Тимуром для малолетнего внука. В середине сада Баг-и Мейдан находилась двухэтажная постройка Чиль-Сутун ('Сорок колонн' — обыкновенное название для таких построек); нижний этаж состоял из колонн, частью витых; по четырем углам находились башни, похожие на минареты, по которым всходили наверх, где помещался зал, выходивший на все четыре стороны; фундамент здания был из камня. По определению В. Л. Вяткина Чиль-Сутун находился на правой стороне Сияба, «как раз против самого высокого холма на Афрасиабе», т. е. против цитадели старого Самарканда; «несколько далее, по хальваинской дороге, сохранилась часть громадной стены Баги-Мейдана»[72]. Рядом с Баг-и Мейданом, в сторону Чопан-Ата, был еще садик (باغ چه) и в нем зал (ایوان), где находился большой каменный трон, длиной в 14—15 локтей, шириной в 7—8 локтей, толщиной в 1 локоть; камень был привезен из далеких мест; в середине его была щель, образовавшаяся, как говорили, уже после перенесения камня. В том же садике находился упомянутый выше павильон с внутренней фарфоровой облицовкой.

Как при Тимуре, так, вероятно, и при Улугбеке загородные дворцы были местом царских пиров; как при Тимуре, во время этих пиров не считались с предписаниями религии, что вызывало негодование ревнителей шариата; при Улугбеке это негодование выражалось открыто, что, конечно, было бы немыслимо в царствование Тимура. Празднуя обрезание своего младшего сына Абд ал-Азиза, Улугбек пожаловал людям, вероятно самаркандцам, тарханство (т. е. освободил их от податей); знатные и простолюдины пили вино на равнине

---

[67] *Бабур-наме*, изд. Бевериджа, л. 46а.

[68] О его местоположении по преданию см. *Бабур-наме*, извлеч. в пер. Вяткина, 33, прим. 6.

[69] Бартольд, *О погребении Тимура*, стр. 31; <см. ниже, стр. 453>.

[70] *Бабур-наме*, изд. Бевериджа, л. 47а.

[71] Бартольд, *Хафизи-Абру*, стр. 15 (текст) и 17 (перевод).

[72] *Бабур-наме*, извлеч. в пер. Вяткина, 34, прим. 3.

Кан-и гиль; при дворе Улугбека тоже шел пир; во время пира пришел мухтасиб Сейид-Ашик и обратился к Улугбеку со словами: «Ты уничтожил веру Мухаммеда и ввел обычаи кафиров». Сдерживая свое раздражение, Улугбек ответил: «Ты заслужил славу своим происхождением от сейидов и знанием и достиг старости; очевидно, ты хочешь также удостоиться мученичества и потому говоришь грубые слова; но я не удовлетворю твоего желания»[73].

Оскорбление, нанесенное на другом пиру шейх ал-исламу (см. стр. 121), могло иметь для мухтасиба более тяжелые последствия. Шейх ал-ислам обратился с жалобой к Улугбеку, который на другой день созвал казиев для суда над оскорбителем. Известие об этом дошло до одного из представителей духовенства, Абу-л-Фатха Дейяра(?)[74], пользовавшегося уважением Улугбека и имевшего право обо всем непосредственно докладывать государю. Узнав от Улугбека, в чем дело, Дейяр нашел, что государь прав и что мухтасиб действительно заслуживает наказания за дерзкие речи. В это время к Улугбеку явился с докладом один из воинов и сообщил, что вдова его брата, которую он по обычаю кочевников имеет право взять себе в жены, не соглашается выйти за него и хочет выйти за торговца тканями (بزّاز). Улугбек тотчас велел есаулу распорядиться, чтобы желание просителя было удовлетворено. Присутствовавший при этом Дейяр тогда объявил государю, что его решение противоречит правилам шариата, по которым брак может быть заключен только с обоюдного согласия жениха и невесты, и заставляет полагать, что слова мухтасиба о нарушении в царствование Улугбека правил веры не лишены основания. Улугбек был так поражен этим замечанием, что тотчас велел отменить суд над мухтасибом.

Подробности этих рассказов, явно носящих анекдотический характер, едва ли вполне соответствуют действительности; во всяком случае в них отразилось отношение к Улугбеку представителей шариата. Как почти все мусульманские государи после «праведных» халифов, Улугбек был в глазах духовенства несправедливым правителем, при котором уважающий себя представитель шариата не мог без ущерба для своего достоинства занимать должность казия. Об одном из бухарских шейхов, Хусам ад-дине Шаши, говорится, что Улугбек насильно заставил его принять должность казия в Бухаре[75].

---

[73] Этот и следующий рассказ у Хондемира, тегеран. изд., III, 219. Ср. также характерный разговор Улугбека с тем же Сейид-Ашиком: Абу Тахир-ходжа, пер. Вяткина, 191 и сл. (в тексте <изд. Веселовского>, 37 внизу, пропуск). В *Рашаҳат* (рук. ЛГУ, л. 158б; рук. Аз. муз., л. 209б; литогр., 293) приводится отзыв ходжи Ахрара о Сейид-Ашике, как необыкновенно красноречивом проповеднике, и сравнение его с Моисеем.

[74] В бомбейском изд., III[3], 159 ذيابه (?).

[75] *Рашаҳат*, рук. ЛГУ, л. 28б; рук. Аз. муз., л. 32б; литогр., 46: ميرزا الغ بيک ايشانرا

В Самарканде должность казия занимал Шемс ад-дин Мухаммед Мискин. О его справедливости и смелости передается следующий рассказ. Как многие восточные правители, Улугбек давал из казны деньги купцам, с тем, чтобы они приносили ему часть прибыли; однажды купец, получивший от Улугбека, в виде средств для торговли, драгоценный камень, умер, не доставив прибыли и не вернув долга; Улугбек хотел завладеть его наследством и выставил свидетелей. Узнав об этом, казий через одного из должностных лиц дворца велел передать государю следующее: «Поднимать дело и выставлять свидетелей в этом вопросе не принесет вам много пользы, так как суть дела для меня ясна. Если вы хотите, чтобы я во что бы то ни стало постановил приговор в вашу пользу, велите в холодную погоду погружать меня со связанными руками и ногами в холодную воду, пока я не лишусь сознания, тогда я постановлю, чтобы вещи купцов были переданы вам взамен пропавшего имущества». Под влиянием этих слов Улугбек отказался от возбуждения процесса [76].

Анекдотический рассказ о казии, как и рассказы о столкновениях между Улугбеком и мухтасибом, во всяком случае показывают, что представители шариата не считали Улугбека своим сознательным и непримиримым врагом. С мусульманской точки зрения, Улугбек не был идеальным правителем, все решения которого определяются правилами религии, но не был также тираном, ставящим свою волю выше предписаний бога и пророка [77].

Еще меньше мы знаем о том, каково было в царствование Улугбека положение народных масс. По Даулетшаху, земельные подати в это царствование были доведены до минимума, что, конечно, содействовало благосостоянию земледельческого населения [78]; с другой

بقضای بخارا تکلیف کرده بود وبزور قاضی ساخته. См. также Хондемир, тегеран. изд., III, 219; бомбейское изд., III [3], 160 и сл. о казии, которому Улугбек за неправильное решение дела хотел сбрить бороду и провести по городу в таком виде; по заступничеству приближенного (ندیم) Улугбека ходжи Абд ал-Мумина казий был помилован и вместо того должен был доставить 20 лошадей; Абд ал-Мумин присвоил лошадей себе и, когда Улугбек вспомнил о них, ответил, что казий лошадей доставить не в состоянии и предпочитает дать себе сбрить бороду. Улугбек рассмеялся, и этим дело было покончено.

[76] Хондемир, тегеран. изд., III, 219 и сл. Рассказ передается Хондемиром со слов гератского шейх ал-ислама Сейф ад-дина Ахмеда Тафтазани; см. о нем *Бабур-наме*, изд. Бевериджа, л. 177б; Brockelmann, GAL, Bd II, S. 218.

[77] По словам Хондемира (тегеран. изд., III, 211), Улугбек был мюридом известного суфия Касим-и Анвара, жившего некоторое время в Самарканде. Касим умер, по Хондемиру, в 837/1433-34 г., по Даулетшаху (изд. Броуна, 348,23), — в 835/1431-32 г. Первая дата у Ethé, *Neupersische Litteratur*, S. 295, 299.

[78] Даулетшах, изд. Броуна, 362,14. По этому тексту, с одного джериба земли ($^1/_6$ десятины), доставлявшего четыре ослиных ноши (около 20 пудов) зерна, взимали $^2/_3$ дирхема медью, что составляло $^1/_6$ дирхема серебром.

стороны, Улугбек придавал большое значение *тамге*[79], т. е. сборам с промышленности и торговли[80]. В глазах духовенства заботы Улугбека о тамге, вероятно, были одним из признаков его нечестия; во всем мусульманском мире[81], в том числе и в Мавераннахре[82], эти сборы всегда считались преступлением против шариата, часто отменялись правителями в угоду духовенству, но всегда восстановлялись; в царствование Улугбека случаев отмены тамги, насколько известно, не было.

Историки ничего не говорят о каких-либо сооружениях или постройках Улугбека вне Самарканда и Бухары[83]; даже предание о том, что им был прорыт Мирза-арык из Зеравшана[84], не находит себе подтверждения. Нет также сведений о каких-либо поездках Улугбека по своим владениям, за исключением военных походов. При таких условиях маловероятно, чтобы Улугбек как правитель пользовался любовью населения, но восстаний в его государстве, насколько известно, до 1447 г. не было. Только действия его сына Абд ал-Азиза и вообще события последних лет его жизни, не вполне зависевшие от его воли, побудили войско и народ окончательно отвернуться от своего государя.

---

[79] Хондемир, тегеран. изд., III, 218: میرزا الغ بیک در باب وصول وجوه تمغا وزکوة مبالغهٔ بسیار داشت. Ср. Мирхонд, лакнауское изд., 1320.

[80] О тамге ср. мою статью *Персидская надпись*, стр. 33 и сл.

[81] Ср. замечание Snouck Hurgronje, *Mekka*, Bd I, S. 65, 92.

[82] Ср. анекдот из эпохи Тимура у Хондемира, тегеран. изд., III, 176 и приписанные Тимуру слова о تمغا как وجوه حرام‌ترین.

[83] <В. А. Шишкиным было обнаружено медресе, построенное Улугбеком в Гиждуване, при мазаре ходжи Абд ал-Халика Гиждувани, по-видимому в 836/1432-33 г. (см. Шишкин, *Медресе Улугбека*). Улугбеком были построены также соборная мечеть и мавзолей в Шахрисябзе (см.: Умняков, *Архитектурные памятники*, стр. 20—21; Гулямов, *К вопросу*, стр. 148; Массон — Пугаченкова, *Шахрисябз*, стр. 61—62, 64—65; о мавзолее см. также ниже, прим. 38 к стр. 428). — *Ю. Б.*>

[84] Бартольд, *Орошение*, стр. 116.

6

УЧЕНЫЕ ЗАНЯТИЯ И ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ УЛУГБЕКА

В мусульманском мире до Улугбека не было ученых на престоле; в этом отношении мусульманские авторы могли сравнивать Улугбека только с царственным учеником Аристотеля [1]. Источники не дают ответа на вопрос, когда и под чьим влиянием в нем явилась склонность к научным занятиям; едва ли он в этом отношении был чем-нибудь обязан своей первой воспитательнице, царице Сарай-Мульк-ханум, или своему деду; совершенно невероятно, чтобы он мог заниматься наукой в те годы, когда находился под опекой эмира Шах-Мелика. В дни детства и ранней молодости Улугбек едва ли превосходил образованием других членов династии Тимуридов; по всей вероятности, он начал заниматься наукой уже после того, как сделался правителем Мавераннахра. В Самарканде при нем еще находились некоторые из представителей персидской культуры, уведенные туда при Тимуре. Их влиянием, вероятно, надо объяснить увлечение Улугбека точными науками [2], получившими преобладание в Персии в эпоху монгольского владычества. Монгольские ханы поощряли точные науки вследствие их практического значения; Улугбек, сын более культурной эпохи, видел преимущество их перед богословием и литературой в том, что выводы точных наук сохраняют значение для всех времен и народов, независимо от исчезновения религий и языков [3]. Замечательная, хотя в корне ошибочная [4] мысль Улугбека характерна для мусульманской

[1] Даулетшах, изд. Броуна, 362,1.

[2] У Абд ар-Раззака, рук. ЛГУ, л. 287б علوم رياضى وحكمى, также л. 217б. Слово رياض или رياضة есть, как известно, перевод греческого *математика;* о значении термина رياضى см. еще Хорезми, *Мафатих,* 133 (арифметика, геометрия, астрономия и музыка, т. е. науки средневекового «квадривия»).

[3] Sédillot, *Prolégomènes,* texte, p. 4<=288>: علوم حكمى كه بتغيّر ملل واديان واختلاف كلمهٔ زمان غبار تغيّر وتبديل به هرامن آن نكردد <ср. разночтения, приведенные Седийо, где, очевидно правильнее, پيرامن; ср. также *Зидж-и Улугбеки*, л. 2а вверху: تغيّر وتبدل به پيرامن آن. — *Ю. Б.*>.

[4] Достаточно сопоставить вечную красоту произведений греческой литературы с представляющими только исторический интерес теориями греческих ученых.

культуры, представители которой усвоили античную образованность «с Сократом, Платоном и Аристотелем, с Евклидом и Птолемеем, но без Гомера, Софокла и Еврипида, без Геродота, Фукидида и Полибия» [5].

Из первых учителей Улугбека в Самарканде жил «Платон своей эпохи» Салах ад-дин Муса ибн Махмуд Кази-заде Руми; другой ученый, Гияс ад-дин Джемшид ибн Мас'уд, был приглашен Улугбеком из Кашана, вероятно, по совету Кази-заде. Абд ар-Раззак говорит о приглашении еще другого кашанца, Му'ин ад-дина [6], о котором сам Улугбек не упоминает; этот ученый, по-видимому, оставил школу, так как среди астрономов упоминаются его сын Мансур Каши и ученик последнего Абд ал-Али ибн Мухаммед Бирджанди [7]. Характерно, что Хондемир из сотрудников Улугбека называет только кашанцев, не упоминая о самаркандцах [8].

Абд ар-Раззак говорит о постройке обсерватории в рассказе о событиях 823/1420 г., по поводу построенных в этом году медресе и ханаки [9], из чего едва ли можно заключить, что обсерватория действительно была построена одновременно с этими зданиями. Дата смерти Кази-заде Руми, приведенная у Дорна [10] и Брожельмана [11],— 1412 г.— безусловно неверна; по словам Улугбека, Кази-заде умер после Гияс ад-дина Джемшида. Время поступления последнего на службу к Улугбеку приблизительно определяется двумя датами: в месяц зу-л-ка'да 818 г. (январь 1416 г.) им написан небольшой трактат об астрономических инструментах для султана Искендера (вероятно, представителя династии Кара-Коюнлу) [12], следовательно, в то время он еще не находился на службе у Улугбека; 3 джумада I 830 г. (2 мар-

[5] Бартольд, «Мир ислама», т. I, стр. 416.

[6] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 217б; см. также текст у Blochet, *Introduction*, p. 87 sq.

[7] О его трудах Brockelmann, GAL, Bd I, S. 473, 511, 512; Rieu, *Pers. MSS*, vol. II, p. 453.

[8] Хондемир, тегеран. изд., III, 214.

[9] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 217б. <Изложение сведений источников о постройке обсерватории см. Шишкин, *Обсерватория*, стр. 87—90. — *Ю. Б.*>

[10] *Catalogue*, p. 110.

[11] GAL, Bd II, S. 212. Дата заимствована у Хаджи Халифы, I, 322; возражения против нее у Rieu, *Pers. MSS*, vol. II, p. 456.

[12] Ср. об этом ИАН, 1914, стр. 459 и сл. <Это предположение, очевидно, неверно, так как султан Искендер начал править с 1420 г., т. е. через 4 года после написания трактата; по мнению В. А. Шишкина, скорее имеется в виду двоюродный брат Улугбека, сын Омар-шейха, правивший в Фарсе и Исфахане в 1409—1415 гг. и убитый в 1416 г. (ср. Шишкин, *Обсерватория*, стр. 91, прим. 2). В экз. В. В. Бартольда в этом месте на полях добавлено: «Ср. еще Rieu, Pers. Man. <vol. II>, 869b (Cod. Add. 27.261, f). Начальное астрон<омическое>руководство для اميرزاده والدين جلال الدنيا سلطان اسكندر بهادر خان. Он же владелец всей рукописи, по Rieu внук Тимура, в надписи на рукописи جلال الد والدين سكندر». — *Ю. Б.*>

та 1427 г.) им закончено составленное для библиотеки Улугбека математическое сочинение [13]. Следовательно, он был вызван в Самарканд после 1416 и до 1427 г. В предисловии к математическому труду перечислены прежние сочинения автора, причем на первом месте названы «Хакановы таблицы по усовершенствованию таблиц ильхановых» [14], т. е. известных таблиц Насир ад-дина Туси. «Хакан», для которого был написан этот труд, по всей вероятности, Шахрух; вероятно, автор до прибытия в Самарканд прожил некоторое время при гератском дворе.

Астрономические таблицы Гияс ад-дина Джемшида не дошли до нас, и потому остается неизвестным, насколько они отличались от труда Улугбека. Во всяком случае Улугбек приобрел по астрономии такие познания, что мог обсуждать с Гияс ад-дином научные вопросы [15]. Есть известие, что Гияс ад-дин не обладал внешним лоском и что Улугбек из-за его познаний мирился с его грубыми манерами [16]. Однако в математическом труде Гияс ад-дина посвящение Улугбеку написано в самых изысканных выражениях; автор называет своего государя «обладателем святого духа, человеческих совершенств, ангельских качеств и черт характера Мухаммеда» [17], выражает несколько странное при жизни Шахруха пожелание, чтобы бог «сделал вечными в населенной части мира халифат и султанство» Улугбека [18].

Время смерти Гияс ад-дина в точности неизвестно; Сутер предположительно относит это событие ко времени около 840 г. х. [19], т. е. к концу 30-х годов XV в. После него умер Кази-заде Руми, также не доживший до окончания работ по устройству обсерватории и составлению астрономических таблиц. Улугбек нашел себе нового помощника в лице «Птолемея своей эпохи» Ала ад-дина Али ибн Мухаммеда Кушчи. Прозвание кушчи ('сокольничий') показывает, что этот ученый принадлежал к числу придворных [20]; он был моложе Улугбе-

---

[13] Гияс ад-дин Каши, рук. ГПБ, дата в конце (л. 122а). <Текст трактата был приложен к первому изданию работы Бартольда *Улугбек* (см. выше, стр. 20); русский перевод см. Шишкин, *Обсерватория*, стр. 91—94. — *Ю. Б.*>

[14] الزيج المسمّى بالخاقاني في تكميل الزيج الايلخاني.

[15] Пример — Sédillot, *Prolégomènes*, trad., p. 141.

[16] Rieu, *Pers. MSS*, vol. II, p. 456 b, по *Хафт иқлим* Эмин-Ахмеда Рази. <Характеристику научного творчества Гияс ад-дина Каши, крупнейшего математика и астронома XV в., см. в комментариях А. П. Юшкевича и Б. А. Розенфельда к публикации его математических трактатов, стр. 320—324. — *Ю. Б.*>

[17] صاحب النفس القدسيّة والكمالات الانسيّة والاخلاق الملكيّة والشيَم المحمديّة.

[18] خلّد الله تعالى في الربع المسكون خلافته وسلطانه.

[19] Suter, *Die Mathematiker*, № 429. <По другим данным — в 1429 г.; см. Гияс ад-дин Каши, изд. Розенфельда, стр. 320. — *Ю. Б.*>

[20] Ср. также *Рашаҳат*, рук. Аз. муз., л. 99б; литогр., 140, — рассказ о том, как Али Кушчи в Герате пришел к Джами в турецкой одежде.

ка, называвшего его своим «сыном»[21]; по-видимому, он заинтересовался астрономией под влиянием своего государя, но не из лести к нему, так как продолжал заниматься наукой до конца жизни. Али Кушчи был для Улугбека не только товарищем по научным работам, но и личным другом[22], перед которым у него не было тайн.

Об устройстве обсерватории Улугбека, остатки которой в 1908 г. были открыты В. Л. Вяткиным, источники (Абд ар-Раззак и Бабур, отчасти также комментаторы сочинений Улугбека) сообщают крайне скудные сведения; раскопки площади здания также не дали в этом отношении почти никаких результатов[23]. Найдена находившаяся под землей часть квадранта огромной величины; по письменным известиям, высота квадранта равнялась высоте храма Св. Софии в Константинополе[24]. Все здание, по словам Бабура, было трехэтажным[25]. Абд ар-Раззак говорит об изображении девяти небес, девяти небесных сфер с градусами, минутами, секундами и десятыми долями секунд, небес вращения (افلاک تداویر), семи планет, неподвижных звезд, земного шара с делением на климаты, с горами, морями, пустынями и т. п.[26]. Слова بنقوش دلپذیر ورقوم بی نظیر заставляют полагать, что речь идет о стенной живописи, а не об отдельных глобусах (каковые были в некоторых других обсерваториях, например в мерагской[27]) и картах. Совершенно неизвестно, находилась ли упомянутая выше библиотека Улугбека при обсерватории или в одном из дворцов, имела ли обсерватория определенный штат, была ли при ней школа для изуче-

---

[21] Так Улугбек называет его и в предисловии к таблицам (Sédillot, *Prolégomènes*, texte, p. 6 < = 290>).

[22] Слова Улугбека в рассказе Мирхонда (лакнауское изд., 1320 и 1491; рук. Аз. муз., л. 364а) со слов Али Кушчи: علی قوشچی محرم ما است.<Об Али Кушчи см. Adnan, *Ali Kuşçu.* — *Ю. Б.*>

[23] О результатах раскопок ср. статью В. Л. Вяткина *Отчет о раскопках обсерватории*, стр. 76—93. Из частного письма В. Л. Вяткина мне известно, что и последующие раскопки не способствовали выяснению устройства обсерватории. <После раскопок В. Л. Вяткина 1908—1909 гг. и 1914 г. в обсерватории велись раскопки в 1941 г. И. А. Сухаревым и в 1948 г. В. А. Шишкиным; в результате последних раскопок удалось установить общий характер сооружения и планировку первого этажа. Подробные сведения об истории открытия и изучения обсерватории Улугбека и изложение современных данных о ней см. в работах: Шишкин, *Обсерватория;* Нильсен, *Архитектурный облик.* — *Ю. Б.*>

[24] Sédillot, *Prolégomènes*, introd., p. CXXIX, со ссылкой на Гревса (XVII в.). Сравнение, вероятно, сделано Али Кушчи после его прибытия в Константинополь. <Как ныне установлено, это был не квадрант, а секстант — так называемый «секстант Фахри», — предназначенный для измерения основных астрономических постоянных. См. Джаляпов, *Секстант;* ср. Кары-Ниязов, *Обсерватория*, стр. 130—131 и *Астрономическая школа*, стр. 80—85. — *Ю. Б.*>

[25] *Бабур-наме*, изд. Бевериджа., л. 46б.

[26] **Абд ар-Раззак**, рук. ЛГУ, л. 217б; Blochet, *Introduction*, p. 88.

[27] D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. III, p. 264. Подлинные слова Вассафа (бом-

ния светских наук, как в начале XIV в. в Тебризе при обсерватории Газан-хана [28].

Временем окончания таблиц Улугбека считается начало 841 г. х. (1437 г.) [29]; но Улугбек и после работал над своим трудом и вполне закончил его только в год своей смерти (853/1449) [30]. В самих таблицах дата их составления не указывается; 841 г. упоминается в некоторых местах как дата, из которой автор исходил при своих вычислениях [31]; но при сопоставлении китайской эры с мусульманской упоминается вторник 8 шаввала 847 г. х. (28 января 1444 г.) как начало цикла Шан-вэнь [32].

Обсерватории Улугбека не было суждено оказать такое влияние на прогресс науки, как мерагской обсерватории Насир ад-дина Туси, построенной в 1259 г. [33] и действовавшей еще в 1300 г., когда ее осматривал Газан-хан [34]. Обсерватория Улугбека прекратила свою деятельность тотчас после смерти ее основателя; его единственный ученик и сотрудник Али Кушчи покинул Самарканд и умер в 879/1474 г. в Константинополе [35]. Комментатором трудов Улугбека, кроме Али Кушчи, был также Марьям Челеби, внук Кази-заде [36]; но мусульманская астрономия после Улугбека уже не сделала никаких успехов; после Улуг-

---

бейское изд., 52): وشکل کرهٔ زمین در غایت دقّت نظر بپرداخت وبخشش ربع مسکون بر اقالیم سبع وطول ایّام وعرض بلد وارتفاع قطب شمالی در مواضع وصورت وضع واسامیء بلدان وهیئت جزایر ودریاها روشن ومبرهن گردانید .

[28] Рашид ад-дин, рук. Аз. муз., л. 393а. Ср. Бартольд, «Мир ислама», т. I, стр. 87.

[29] Sédillot, *Prolégomènes,* introd., p. CXXIX; Абу Тахир-ходжа, изд. Веселовского, 17; пер. Вяткина, 170. <В экз. В. В. Бартольда на стр. 110 внизу имеется пометка (не обозначено, к какому именно месту текста она относится): «О получении таблиц Улугбека в Герате <Абу-л-Касимом Бабуром> от Абу Са'ида в 1456 г. <см.> Абд ар-Раззак <рук. ЛГУ>, л. 304а». — *Ю. Б.*>

[30] Sédillot, *Prolégomènes,* introd., p. CXXXI.

[31] Ibid., trad., pp. 131, 135, 146.

[32] Ibid., texte, p. 33; trad., p. 34. <Точная дата, по-видимому, — понедельник 29 рамазана, или 20 января 1444 г. — *В. М.*>

[33] 657 г. х., Вассаф, бомбейское изд., 52. <См. *Marāgha* (EI, III). — *В. М.*><См. также Sayili, *The observatory,* pp. 187—223. — *Ю. Б.*>

[34] Рашид ад-дин, рук. Аз. муз., л. 368а; d'Ohsson, *Histoire des Mongols,* t. IV, p. 271. В 1339 г. обсерватория уже лежала в развалинах, ср. текст Хамдаллаха Казвини: Низам ал-мульк, изд. Шефера, приложение, 219. <Попытка восстановления обсерватории была сделана в 949/1542 г., при шахе Тахмаспе; см. *Аҳсан ат-тавāрӣх.* — *В. М.*>

[35] Brockelmann, GAL, Bd II, S. 234 sq.

[36] По Sédillot — сын, см. *Prolégomènes,* introd, p. CXXXII; trad., p. 225. У Брокельмана (GAL, Bd II, S. 235) он назван внуком Али Кушчи. По-видимому, он был внуком обоих астрономов, см. Blochet, *Catalogue BN,* t. II, p. 68 (№ 791). <Его полное имя: Махмуд б. Мухаммед б. Кази-заде-и Руми, известный как Мирим Челеби; он был внуком Кази-заде со стороны отца и внуком Али Кушчи со стороны матери (см. Storey, *Persian Literature,* vol. II, pt 1, p. 79). — *Ю. Б.*>

бека «настоящие астрономы исчезли, и их место заступили муваккиты (составители календарей) при мечетях»[37]. Труды самого Улугбека отличались точностью наблюдения, но признаков искания новых путей в науке, как в трудах персидского астронома Кутб ад-дина Ширази[38], мы в них не находим.

Каково бы ни было увлечение Улугбека астрономией, было бы ошибкой утверждать, что он отдавал этой науке все свое время или хотя бы все свои досуги. Улугбек был страстным охотником и, как в XI в. сельджукский султан Меликшах[39], вел список убитой им дичи. В доказательство необыкновенной памяти Улугбека Даулетшах рассказывает, что этот список однажды был утрачен и восстановлен Улугбеком по памяти; потом пропавшую тетрадь нашли, и оказалось, что между старым и новым списком было разногласие только в четырех или пяти местах[40]. Зимние поездки Улугбека в Бухару, вероятно, делались ради птичьей охоты[41]. Как и другие сыновья Шахруха, Улугбек обладал некоторыми познаниями по персидской литературе; между ним, Байсункаром и Ибрахимом велась переписка по литературным вопросам[42]; из главных персидских поэтов Улугбек отдавал предпочтение Низами, Байсункар — индийскому поэту Хусрау Дехлеви, и на этой почве между братьями происходил спор[43]. Вкус Улугбека в этом отношении более соответствует вкусу современных европейских знатоков персидской поэзии, хотя среди современников Байсункар, как знаток и любитель литературы и изящных искусств, пользовался большей славой[44]. Даулетшах приводит еще отзывы Улугбека или его круга о трех персидских поэтах XII—XIII вв., но не соглашается с ними[45]. Из современных Улугбеку персидских поэтов, живших в Мавераннахре, самый известный, Исметаллах Бухари, после низложения Халиль-Султана покинул двор, уклонился от чести воспевать Улугбека и остальную часть своей жизни провел вдали от официального мира, хотя дру-

---

[37] Слова Nallino (<*Astronomie*>, EI, I, S. 519).

[38] О нем Rosen, *Les manuscrits persans*, p. 307. <Характеристику астрономических трудов Улугбека см. Кары-Ниязов, *Астрономическая школа*. О деятельности обсерватории Улугбека ср. последнюю обобщающую работу: Sayili, *The observatory*, pp. 260—289. — *Ю. Б.*>

[39] Бундари, изд. Хаутсма, 69.

[40] Даулетшах, изд. Броуна, 362,18.

[41] О птичьей охоте в Каракуле см. Нершахи, изд. Шефера, 17; Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 121, 492; <наст. изд., т. I, стр. 170, 522>. Ср. также характерные слова Бабура (изд. Бевериджа, л. 19а) о своем дяде Султан-Ахмеде, что после Улугбека не было такого قوشچی بادشاه, как он.

[42] Даулетшах, изд. Броуна, 351,7.

[43] Там же, 240,16.

[44] Ср. отзыв о нем Фасиха (рук. Аз. муз., л. 422а): تا جهانست مثل او سلطانی بر تخت مملکت ننشسته.

[45] Даулетшах, изд. Броуна, 103,24 (о فلکی); 126,6 (о Сейф ад-дине Исференги); 141,23 (о Джемаль ад-дине Исфахани).

гие поэты продолжали его навещать и называли его своим учителем [46]. «Царем поэтов» при дворе Улугбека считался Кемаль Бадахши, стихи которого, по словам Даулетшаха, еще при нем пользовались в Мавераннахре некоторой известностью [47]. Историк XIX в. Абу Тахир-ходжа утверждает, будто Улугбек и сам сочинял стихи на персидском языке, и для примера приводит один стих [48]; Даулетшах о собственных стихах Улугбека ничего не говорит [49].

Совершенно неизвестно, пользовались ли вниманием Улугбека дивваны «чагатайских» поэтов, пытавшихся в эпоху Тимуридов создать турецкую поэзию, в подражание персидской. Один из этих поэтов, Секкаки, диван которого дошел до нас [50], вместе с Халиль-Султаном [51] и Мухаммедом Парса [52] воспевал и Улугбека; в одном из этих стихотворений поэт в униженных выражениях просит государя о помощи [53], в другом ставит знания Улугбека выше знаний великих ученых древности и мусульманского мира [54], в третьем гордо заявляет: «Небо должно еще много лет совершать свой кругооборот, прежде чем оно вновь создаст такого турецкого поэта, как я, и такого ученого царя, как ты» [55]. Об Улугбеке упоминает в своих стихах и другой поэт той же эпохи, Лутфи [56]. Нет сведений о том, как были приняты эти стихи

---

[46] Там же, 361,13 и *Та'рӣх-и Рӑкимӣ* (под 840 г. х.). По Даулетшаху (361,20), он умер в 829 г. х. (1426 г.), по *Та'рӣх-и Рӑкимӣ* — в 840 г. х. <1436-37 г.> (л. 48б и сл.).

[47] Даулетшах, изд. Броуна, 420 (также 366,16). Из слов Даулетшаха (420) видно, что еще большей известностью пользовался «в Мавераннахре, Бадахшане и Туркестане» диван другого ученика Исметаллаха, бухарца Хияли.

[48] Абу Тахир-ходжа, изд. Веселовского, 117; пер. Вяткина, 171.

[49] В XV в. находили, что писать стихи — ниже достоинства государя; ср. слова Фасиха (рук. Аз. муз., л. 422б) о Байсункаре: آنحضرت از انکه شعر کوید یا اورا بشعر کفتن نسبت کنند متعالی بود.

[50] Рук. Брит. муз. Or. 2079; Rieu, *Turkish MSS*, p. 284. <О Секкаки см. Рустамов, *Узбекская поэзия. — Ю. Б.*>

[51] Л. 7а и сл.; дата (л. 7б) — 810 г. х.

[52] Л. 5а и сл.

[53] Л. 9а: فلک‌قدرا منینک خود یوق هنردا فضلیم اسراسانک
ولیکن بیر دعاجی‌من منی تنکری اوجون اسرا

[54] Л. 12а: ارسطالیس وافلاطون وبطلیموس وجالینوس
علی سینا وفیلاقوس ارسطو وابو معشر
ریاضی هشت وحکمت رصد اکسیر واقلیدس
بدیعی وصنایع‌نی سنک تیک بیلمادی انلر

[55] Л. 14б: فلک ییل‌لار کیراک سیر ایتسه وکیلتورسه الکینکا
منینک تیک شاعری ترک وسنینک تیک شاه داانی

[56] Валидов, *Лутфий*, стр. 23 (ср. выше, стр. 98, прим. 12):
اولوغ بیک خان بیلور لطفی کمالینک (sic) * که رنکین شعری سلمان‌دین قالیشماس

Улугбеком и сочувствовал ли он появлению поэтической литературы на своем родном языке.

С именем Улугбека также связан не дошедший до нас исторический труд — «История четырех улусов» (تاريخ اربع الوس), т. е. четырех государств, образовавшихся после распадения монгольской империи: «великого юрта», т. е. Китая и Монголии, государства Джучидов (Золотой Орды), Персии под властью потомков Хулагу и Средней Азии под властью потомков Чагатая. Едва ли Улугбек принимал участие в составлении этого труда; по крайней мере, Хондемир говорит вполне определенно, что история была написана «одним из лучших людей эпохи Шахруха от имени Улугбека»[57]. О содержании книги мы можем составить себе довольно полное представление по многочисленным ссылкам Хондемира и по сокращенной редакции, сохранившейся в одной из лондонских рукописей[58]. Автор пользовался трудами Рашид ад-дина и Низам ад-дина Шами; истории монгольской империи предшествовал, как у Рашид ад-дина, очерк легендарной истории турецких и монгольских народностей[59]. К сочинению Низам ад-дина автор сделал некоторые дополнения для своего времени; к четырнадцати именам ханов «великого юрта» присоединено еще пять имен[60], из которых историческим является, по-видимому, только имя последнего хана, Адая[61]; эти имена остались неизвестными Шереф ад-дину Йезди, заканчивающему свой перечень на имени Тайзи-оглана (см. выше, стр. 69). В истории Джучидов к двадцати пяти именам, приведенным у Низам ад-дина (до Шади-бека включительно), прибавлено еще четырнадцать имен[62]. Этот перечень полнее и достовернее, чем перечень ханов у Шереф ад-дина Йезди, доведенный до 831/1428 г. Из имен ханов, приведенных в «Истории четырех улусов», у Шереф ад-дина пропущены три имени[63]; вслед за последним ханом списка Шереф ад-дина (Мухаммед-хан, преемник Дервиш-оглана) в «Истории четырех улусов» приведены имена четырех ханов: Даулет-

---

[57] Хондемир, тегеран. изд., III, 4: تاريخى كه يكى از افاضل زمان پادشاه عاليمكان شاهرخ سلطان بنام نامى ميرزا الغ بيك كوركان نوشته است. <Ср. Бартольд, *Туркестан* — наст. изд., т. I, стр. 106.>

[58] Add. 26190 <*Шаджарат ал-атрāк*>, ср. Rieu, *Pers. MSS*, vol. I, p. 163 sq. и Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 57 и сл.; <наст. изд., т. I, стр. 105—106>.

[59] Хондемир (тегеран. изд., III, 4) приводит из этого труда этимологию слова قلج = قال اچ, которая есть и у Рашид ад-дина; ср. в издании Березина (I, текст, 25) и *Кутадгу билик*, изд. Радлова, введ., XXI.

[60] Хондемир, тегеран. изд., III, 18 и 25; бомбейское изд., III 3, 28 и 42.

[61] О нем Покотилов, *История восточных монголов*, стр. 46.

[62] Хондемир, тегеран. изд., III, 26; *Шаджарат ал-атрāк*, рук. Брит. муз., лл. 127б—128а; пер. Майлса, 239 и сл.

[63] 27-й (по Улугбеку) — Тимур, сын Тимур-Кутлуга, о нем Марков, *Инвентарный каталог*, стр. 498; 32-й — Джаббар-Берды, сын Тохтамыша; 33-й — Сиди-Ахмед.

Берды, сын Таш-Тимура; Бурак <Барак>; Гияс ад-дин, сын Шади-бека; Мухаммед, сын Тимур-хана, т. е. «Кучук-Мухаммед» [64]; об истории этих правителей автор не имел никаких сведений и потому ограничился перечислением имен [65]. При изложении истории чагатайского улуса Шереф ад-дин по ошибке назвал правительницу Эргэнэ-хатун дочерью Арик-Буки; в «Истории четырех улусов» этой ошибки не было [66], и имя отца Эргэнэ-хатун было приведено по Рашид ад-дину [67]. Из подставных ханов эпохи 1358—1370 гг. Кабул-шах как у Хондемира [68], так и в лондонской рукописи [69] назван по ошибке после Адиль-Султана [70]; очевидно, эта ошибка была в «Истории четырех улусов». По всем признакам это сочинение было совершенно независимо от труда Шереф ад-дина Йезди. Приписанный Улугбеку исторический труд, вероятно, представлял бы некоторый интерес как литературный памятник и как материал для исторической критики; но едва ли открытие экземпляра этого труда существенно обогатило бы наши сведения по истории монгольской империи и образовавшихся после ее распадения государств.

Из представителей медицинской науки в Самарканде при Улугбеке лучшим считался некий Нефис (مولانا نفیس) [71]. Замечательно, что в Герате при Шахрухе религиозное направление отразилось и на медицине, и были факты, напоминающие современную «христианскую науку» в Америке. В июле 1441 г. в Герате умер ученый и в то же время благочестивый врач Шемс ад-дин Мухаммед, «лечивший больных верой» [72].

Остается еще рассмотреть вопрос, насколько Улугбек в своей се-

---

[64] Лэн-Пуль, *Мусульманские династии,* стр. 193.

[65] Хондемир, тегеран. изд., III, 26: وچون احوال این سلاطین نامعلوم بود بمجرّد تعداد اسامیٔ ایشان اکتفا رفت.

[66] Там же, 28: بروایت صاحب مقدّمهٔ ظفر نامه دختر اریق بوکا بن تولی خان بود ویقول مؤلّف الوس اربعه بنت نور ایلچی کورکان <Правильное чтение имени — Оркына. — *Ю. Б.* >

[67] Ср. изд. Блоше, 185*h* <дочь Туралчи-гургана. — *В. М.*>.

[68] Тегеран. изд., III, 32.

[69] *Шаджарат ал-атрāк,* рук. Брит. муз., лл. 180б—181а; пер. Майлса, 380.

[70] О нем и его предшественнике ср. выше, стр. 37—38, по анониму Искендера. По Шереф ад-дину, Кабул-шах был возведен на престол еще в 765/1364 г. (I, 96); это известие правдоподобнее, чем рассказ анонима Искендера, так как и по этому автору (рук. Аз. муз., л. 251а) Кабул-шах правил год и четыре месяца, Адиль-Султан — 5 лет. В *Зафар-нāме* Адиль-Султан упоминается в 1369 г. (I, 185 и 190); он был убит после победы Тимура в 1370 г. (I, 206).

[71] Хондемир, тегеран. изд., III, 219; бомбейское изд., III³, 159.

[72] Фасих, рук. Аз. муз., л. 429б: معالجهٔ بیماران باعتقاد کردی <скорее, убеждением? — *В. М.*>. О том же лице Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 256б.

мейной жизни отличался от обычного типа восточного деспота. По словам Хондемира [73], у Улугбека было пять жен, из которых приводятся имена трех:

1) Ӧтэ-бегум (или Ӧгэ-бики), дочь Мухаммед-Султана, первая жена Улугбека, на которой он женился в 1404 г., в десятилетнем возрасте (см. выше, стр. 66); умерла в 1419 г. и была похоронена рядом с отцом в построенном им медресе [74], т. е., вероятно, в здании Гур-эмир, где ее гробница, однако, не сохранилась. В 1412 г., во время своей первой беременности, она была привезена в Герат и там в пятницу 19 августа [75] родила дочь, получившую имя Хабибе-Султан (или Хасибе) и титул Ханзаде-бегум, вероятно, в связи с ханским происхождением Мухаммед-Султана (см. выше, стр. 56). По словам Хондемира, эта царевна прожила только два года; если так, то у нее была сестра, носившая то же имя и тот же титул [76] и жившая в Герате. В 1438 г. Улугбек потребовал, чтобы эта дочь была прислана к нему в Самарканд [77]; царевна приехала, но уже в апреле 1439 г. вернулась в Герат [78].

2) Ак-Султан-ханике, дочь Султан-Махмуд-хана, номинального государя, от имени которого чеканились монеты при Тимуре. К ней, вероятно, относится рассказ, переданный Мирхондом со ссылкой на Али Кушчи [79]. Улугбек будто бы спросил Мухаммеда Ардистани, знатока науки гадания (علم رمل), о ближайших событиях; гадатель объявил, что дело идет о гареме, и не хотел говорить, так как при этом присутствовал Али Кушчи; Улугбек сказал, что Али Кушчи — его друг и что при нем можно говорить свободно. Тогда гадатель предсказал Улугбеку, что из двух своих жен он через несколько дней одну убьет, с другой, «дочерью хана», разведется. Улугбек не поверил вто-

---

[73] Тегеран. изд., III, 219. В тегеранском изд. эти сведения помещены на полях; в индийском их нет совсем.

[74] Ср. Бартольд, *О погребении Тимура*, стр. 30; <см. ниже, стр. 452>. У Абд ар-Раззака. рук. ЛГУ, л. 213б по ошибке در جنبذ مدرسهٔ والدهاش; но рук. Аз. муз. 574, стр. 448 и 574а, л. 332б در کنبذ مدرسهٔ والدش. То же известие есть у Хафиз-и Абру, оксфорд. рук., л. 319а.

[75] 10 джумада I 815 г. х.; дата уже у Хафиз-и Абру, рук. Ind. Off., л. 180а; оксфорд. рук., л. 191а.

[76] Хондемир полагал, что имя خانزاد بیکم принадлежало только умершей царевне и что имя حبیبه سلطان носила только ее сестра.

[77] Фасих, рук. Аз. муз., л. 427а; Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 251а, где сказано, что царевна прежде была привезена царицей Гаухар-Шад из Самарканда в Герат. Фасих (рук. Аз. муз., л. 411б) относит это событие к 822 г. х. (1419 г.), т. е. к году смерти матери царевны.

[78] Об этом говорит только Фасих, рук. Аз. муз., л. 427б.

[79] Мирхонд, рук. Аз. муз., л. 364а; лакнауское изд., 1320 и 1491; также Хондемир, тегеран. изд., III, 219. У Мирхонда, лакнауское изд., 1320 «дочь Хизр-хана», но в рукописях и у Хондемира слова «Хизр» нет; лакнауское изд., 1491 دختر خان ترکستان.

рому предсказанию, так как очень любил «дочь хана» и никогда с ней не расставался; но когда через несколько дней первое предсказание исполнилось, «дочь хана» так шумно выражала свою радость [80], что Улугбек был возмущен и произнес формулу развода. Несмотря на легендарную форму рассказа, из него, по-видимому, можно заключить, что Улугбек был связан тесною любовью с одной из своих жен, дочерью бывшего хана, и что какая-то семейная трагедия положила конец этой любви.

3) Хусн-Нигар-ханике, дочь Халиль-Султана [81].

Кроме того, перечисляются имена шести наложниц:

1) Ракийе-Султан-хатун, мать двух дочерей Улугбека, Ак-Баш и Султан-Бахт.

2) Михр-Султан, дочь Тевкеля, сына Сарбуги.

3) Даулет-Бахт-Са'адет, дочь Буян-кукельташа; от нее у Улугбека была дочь Кутлуг-Туркан-ага.

4) Даулет-Султан, дочь Хонд-Са'ида.

5) Бахты, дочь узбека Касуни.

6) Даулет-Бахт, дочь барласа Шейх-Мухаммеда.

Среди дочерей Улугбека у Хондемира не упоминается Раби'а-Султан-бегум, которая после взятия Самарканда мирзой Абу-Са'идом (855/1451 г.) сделалась женой узбецкого хана Абулхайра, родила ему двух сыновей, будущих ханов Кучкунчи и Суюнича [82], и была похоронена в городе Туркестане, где до сих пор сохранилась ее гробница [83]. Кроме того, замечательно, что Хондемир только при именах некоторых дочерей Улугбека [84] приводит имена их матерей, так что остается не-

---

[80] По чтению некоторых версий, вероятно ошибочному, «так сильно упрекала» Улугбека. Ср. Мирхонд, лакнауское изд., 1320: چندان اظهار مسرّت وشماتت کرد; там же, 1491: چندان شماتت آغاز کرد وبر پادشاه طعنه زد; Хондемир, тегеран. изд., III, 220: از وقوع حادثه شادمان شده چندان بشاشت فرمود; в бомбейском изд., III³, 159 после وقوع еще این, дальше شماتت см. بشاشت, остальное как в тегеранском.

[81] <В экз. В. В. Бартольда здесь сделано примечание: «По معزّ الانساب حسن نگار жена Улугбека — дочь Шах Джехана монгольского». — *Ю. Б.*>

[82] Об этом бар. Демезон в прим. к переводу Абулгази (*Родословная тюрок*, II, 192), также Лерх, *Археологическая поездка*, стр. 20, со ссылкой на «Шейбаннаду» и *'Абдулла-нāме*.

[83] Лерх, *Археологическая поездка*, стр. 19 и сл. (дата — 890/1485 г.); также статья В. Л. Вяткина <*Историческая справка*> — ТВ, 1906, № 93. <В экз. В. В. Бартольда здесь добавлено: «Надпись ее имеется в Изв. общ. арх. Каз. XIII<=Ахмеров, *Надписи*, стр.>546»; текст надписи (870/1519 г.) в указанном месте: رابعه سلطان بیکم بنت سلطان اشاهان الکبیر الاعظم الوغ بیک کورکان. — *Ю. Б.*>

[84] Всего у Улугбека, по Хондемиру, было семь дочерей; неизвестны матери двух, Туга-Туркан (рано умершей) и Огэ-Туган-шах.

известным, от каких жен и наложниц у Улугбека родились сыновья, именно царевичи:

1) Абдулла, родившийся в июле 1420 г.[85]; по-видимому, он рано умер, так как больше не упоминается.

2) Абд ар-Рахман, родившийся в 1421 г.[86] в Бухаре, умерший в 1432 г. в Самарканде[87]; по словам Мирхонда, этот царевич встретил Улугбека в 1425 г. при его возвращении из похода на Моголистан.

3) Абд ал-Латиф, будущий убийца и преемник Улугбека. Время его рождения не указывается; в 1437 г. над ним было совершено обрезание в Герате[88], где он воспитывался под руководством царицы Гаухар-Шад; в конце 1439 г. он находился среди царевичей во время торжественного приема, оказанного египетскому посольству[89]. В 1441 г. произошла размолвка между ним и его воспитательницей; недовольный предпочтением, оказывавшимся сыну Байсункара Ала ад-дауля, Абд ал-Латиф ушел к отцу в Самарканд[90]; царица в начале 1442 г. сама отправилась в Самарканд за своим «сыном, которого у нее отняли»[91], и уговорила его вернуться в Герат[92]. Только от этого сына у Улугбека были внуки, которых впоследствии, в 1457 и 1464 гг., постигла такая же печальная участь, как их отца и деда.

4) Абд ал-Азиз. Время его рождения также не указывается; известно только, что он был моложе Абд ал-Латифа[93]; в 838/1434-35 г. он уже носил титул хана, и от его имени воздвигались постройки (ср. выше, стр. 98—99). По-видимому, он вырос при отце в Самарканде, где торжественно было отпраздновано его обрезание (см. выше, стр. 130). Из приведенного выше рассказа о событии 1433 г. (стр. 115) видно, что Улугбек уже к тому времени успел выбрать для Абд ал-Азиза невесту, дочь Вейс-хана могольского.

---

[85] Дата у Хафиз-и Абру, оксфорд. рук., л. 342б и Абд ар-Раззака, рук. ЛГУ, л. 218а — начало раджаба 823 г. х.

[86] По Абд ар-Раззаку, рук. ЛГУ, л. 223б — 8 мухаррема 824 г. х. (13 января); по Фасиху, рук. Аз. муз., л. 416а—20 раби' I (25 марта). По Хафиз-и Абру (оксфорд. рук. л. 374б), в этот день пришло известие о его рождении в Герат.

[87] По Фасиху (рук. Аз. муз., л. 421а), во вторник 11 джумада I 835 г. х. (15 января 1432 г.). Ср. Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 241а. Мирхонд относит к Абдулле то, что сказано у Хафиз-и Абру и у Абд ар-Раззака об Абд ар-Рахмане, и наоборот (рук. Аз. муз., лл. 321б и 322а; в лакнауском изд., II 292 Абд ар-Рахман совершенно не упомянут).

[88] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 248б.

[89] Там же, л. 252а.

[90] Там же, л. 256а.

[91] Там же, слова царицы: فرزند مرا از من جدا كردند.

[92] По Фасиху (рук. Аз. муз., л. 430б), царица выехала из Герата в среду 20 ша'бана 845 г. х. (3 января 1442 г.), вернулась в понедельник 14 шавваля (26 февраля) вечером; на следующий день около полудня прибыл Абд ал-Латиф.

[93] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 285а: برادر خورد او.

Из всех этих данных видно, что обычай воспитывать царевичей при дворе главы империи, под надзором назначенных им лиц, при Шахрухе уже не соблюдался с такою же последовательностью, как при Тимуре; Абд ар-Рахман и Абд ал-Азиз росли при дворе отца в Самарканде. Возможно, что Шахрух или, вернее, его жена Гаухар-Шад, в действительности управлявшая государством, старались сосредоточить при гератском дворе воспитание старших детей каждого царевича; этим объясняется, что молодая жена Улугбека была привезена в Герат, когда ожидалось появление на свет ее первенца; по этой же причине Улугбеку могли быть оставлены Абд ар-Рахман и Абд ал-Азиз, тогда как в Герате воспитывались Абд ал-Лятиф и, вероятно, Абдулла.

Из двух своих сыновей, достигших возмужалости, Улугбек, естественно, больше любил Абд ал-Азиза, выросшего при нем; слабостью Улугбека к этому сыну, вероятно, объясняются действия избалованного молодого царевича в Самарканде в 1449 г., бывшие одной из главных причин гибели его отца. Совершенно другим характером отличался Абд ал-Лятиф. Столь же честолюбивый и даровитый, как его отец (Абд ал-Лятиф, подобно Улугбеку, любил науку и ученых, занимался астрономией, поэзией и историей) [94], Абд ал-Лятиф отличался от него большей энергией, внушал больше страха врагам и с большей суровостью добивался своих целей. Есть известие, будто между отцом и сыном с самого начала существовало недоверие; оба занимались астрономией и оба будто бы убедились по своим гороскопам, что каждому из них угрожает опасность от другого [95]. По всей вероятности, эта легенда возникла только после событий 1449 г. Интересы Абд ал-Лятифа до 1448 г. вполне совпадали с интересами его отца, и только с этого времени, за год до катастрофы, их пути разошлись.

[94] Характеристика у Мирхонда, рук. Аз. муз., л. 370б; лакнауское изд., 1324.
[95] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 285а.

7

КОНЕЦ ЖИЗНИ УЛУГБЕКА И НАЧАЛО НОВОЙ ЭПОХИ В ЖИЗНИ ТУРКЕСТАНА

Улугбек при жизни отца был только временным гостем при дворе главы империи и не принимал непосредственного участия в решении вопросов, касавшихся всего государства, в том числе и вопроса о престолонаследии, который для него, как для старшего сына Шахруха, имел еще больше значения, чем для других Тимуридов. Шахрух дожил до еще более преклонного возраста, чем Тимур, но при нем не было, как при Тимуре, открыто объявленного наследника престола. Любимцем царицы Гаухар-Шад был сын Байсункара Ала ад-дауля, родившийся 17 июня 1417 г. [1]; но открыто объявить его наследником царица не могла из страха перед Улугбеком и его сыном Абд ал-Лятифом, представлявшим в Герате интересы своего отца. Кроме того, кандидатом на гератский престол считался сын Шахруха Мухаммед-Джуки, правитель Балха, родившийся в 1401 или 1402 г. [2]. Шахрух «втайне» [3] желал назначить своим наследником этого сына, но его мать Гаухар-Шад, в руках которой была действительная власть, не допускала его даже к делам дивана, в решении которых принимали участие Ала ад-дауля и Абд ал-Лятиф [4]. В 1444 г. в Герате ждали смерти Шахруха, которого постигла тяжкая болезнь; Мухаммед-Джуки поспешил из Балха в Герат и там узнал, что по настоянию царицы начальник военных сил Джелаль ад-дин Фирузшах принес присягу Ала ад-дауля как наследнику [5]. Против ожидания Шахрух выздоровел, тогда как Мухаммед-Джу-

[1] Дата у Абд ар-Раззака (рук. ЛГУ, л. 207б): четверг 1 джумада I 820 г. х.; так же Хафиз-и Абру, оксфорд. рук., л. 293а-б, где пропущено имя царевича (дата приводится также по эрам Александра и Йездигерда).

[2] Ко времени смерти Тимура ему было три года (Шереф ад-дин Йезди, II, 735). Мухаммед-Джуки большую часть времени проводил в Герате, принимал участие в походах Шахруха в Западную Персию (Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, лл. 237б и 247а), еще в 1438 г. ездил к Улугбеку в Мавераннахр (там же, л. 250б), в 1433 г. был правителем Гармсира и области афганцев (там же, л. 244а), в 1443 г. был послан в Балх (там же).

[3] Выражение Даулетшаха, изд. Броуна, 395,.

[4] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 268а.

[5] Там же, л. 266а.

ки в том же году (848/1444-45) умер. С преждевременной присягой, может быть, была связана немилость, постигшая в том же году Джелаль ад-дина Фирузшаха и его сына, к которому после смерти отца перешла должность начальника войска [6]. Как показывают дальнейшие события, вопрос о престолонаследии и после 1444 г. оставался открытым; по-прежнему не решались открыто объявить Ала ад-дауля будущим главой империи и этим нарушить права Улугбека, старшего и в то же время единственного остававшегося в живых из сыновей Шахруха.

В 1446 г. престарелый государь снова предпринял поход на запад, где молодой царевич Султан-Мухаммед, сын Байсункара, восстал против своего деда, захватил Хамадан и Исфахан и осадил Шираз [7]. Ала ад-дауля остался в Герате; Гаухар-Шад и Абд ал-Латиф вместе с Шахрухом находились при войске. В Западной Персии Шахрух не встретил сопротивления; Султан-Мухаммед бежал в горы; виновники восстания были жестоко наказаны [8]; по настоянию Гаухар-Шад, благочестивый Шахрух велел казнить в Саве нескольких сейидов — мера, на которую не решились бы ни Тимур, ни Улугбек; проклятием сейидов впоследствии объясняли гибель потомства Шахруха [9]. Во время пребывания в зимней ставке Шахрух снова заболел и в воскресенье 12 марта [10] умер.

Гаухар-Шад предложила Абд ал-Латифу принять начальство над войском, желая этим угодить Улугбеку; Абд ал-Латиф, тотчас отправивший гонца к своему отцу, покинул правое крыло, где находился раньше, и стал у главного знамени; с своей стороны Гаухар-Шад тайно отправила гонца к Ала ад-дауля в Герат. Улугбек тотчас после получения этого известия собрал войска и двинулся к Аму-Дарье; по словам Абд ар-Раззака, он находил, что к нему должны перейти все земли Шахруха, как к единственному остававшемуся в живых из его сыновей [11], т. е. не признавал никаких прав за своими племянниками. Еще раньше Улугбека через Аму-Дарью переправился с войском сын Мухаммеда-Джуки, мирза Абу Бекр. После смерти Мухаммеда-Джуки Балхская область была поделена между двумя его сыновьями [12], Мухаммед-

---

[6] Там же, л. 266б.

[7] Там же, л. 268б и сл.<Об этих событиях подробнее всего говорится в *Та'рӣх-и кабӣр*, написанной Джа'фари, придворным историком Султан-Мухаммеда. Рукопись этого сочинения хранится в ГПБ в Ленинграде; о ней см. Бартольд, *Новый источник по истории Тимуридов* (там же извлечения из рукописи, относящиеся к борьбе Султан-Мухаммеда с Шахрухом), а также Roemer, *Neuere Veröffentlichungen*, S. 223—224. Название этого сочинения (*Та'рӣх-и кабӣр*) установлено И. Афшаром, опубликовавшим извлечения из него в 1958 г. (см. Джа'фари, извлеч. в изд. Афшара). — *Ю. Б.*>

[8] Историк Шереф ад-дин Йезди был спасен заступничеством Абд ал-Латифа (Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 270б).

[9] Даулетшах, изд. Броуна, 339,20.

[10] 25 зу-л-хиджжа 850 г. х. (Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 271б).

[11] Там же, л. 276а.

[12] О разделении там же, л. 268а.

Касимом и Абу Бекром; первому, родившемуся в 1422 г.[13], достался Балх, второму, родившемуся 18 ноября 1427 г.[14],—земли к северу от Аму-Дарьи: Хутталян, Архенг и Сали-Сарай; после смерти Шахруха он захватил также удел брата: Балх, Шапурган, Кундуз и Баглан. Улугбек вызвал молодого царевича в свой лагерь и обещал выдать за него свою дочь; в лагере будущего тестя Абу Бекр будто бы был изобличен в каких-то коварных намерениях; его отправили в Самарканд и заключили в цитадель, в замок Кök-сарай, где впоследствии умертвили его по приказанию Улугбека[15]. Улугбек переправился через Аму-Дарью и занял Балх. В это время до него дошли известия о неудаче Абд ал-Лятифа.

Приняв начальство над войском Шахруха, Абд ал-Лятиф должен был выдержать борьбу с мятежными элементами. Абу-л-Касим Бабур, сын Байсункара, родившийся в 1422 г.[16], и Халиль-Султан, сын Мухаммед-Джехангира от дочери Шахруха, отделились от войска, разграбили орду-базар, т. е., вероятно, главный обоз армии[17], и бежали в Хорасан; в остальной части войска Абд ал-Лятиф восстановил дисциплину несколькими казнями и на третий день после смерти Шахруха повел войско на восток; Улугбек предполагал, что он с западной границы Хорасана[18] двинется на север (через Неса и Абиверд), приведет войско в Самарканд и привезет туда же тело Шахруха. Между Реем и Семнаном Абд ал-Лятиф велел посадить под стражу царицу Гаухар-Шад и ее сторонников — тарханов. В Дамгане Абд ал-Лятифу впервые было оказано сопротивление, и город был взят силой. В Бистаме он узнал, что отряды, стоявшие на Гюргене против узбеков, подчинились Абу-л-Касиму Бабуру, после чего Бабур овладел Мазандераном, так что путь на север и оттуда в Самарканд был для Абд ал-Лятифа закрыт. Абд ал-Лятиф продолжал после этого путь на восток и дошел до Нишапура, где узнал, что Мешхед занят войском Ала ад-дауля.

Ала ад-дауля из страха перед Улугбеком не решился провозгласить себя государем тотчас после получения известия о смерти Шахруха; предполагалось по пятницам поминать в мечетях по-прежнему умершего государя; только после получения известия о поступках Абд ал-Лятифа, особенно о дурном обращении с царицей, Ала ад-дауля решил-

---

[13] Хафиз-и Абру, оксфорд. рук., л. 383а; Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 224а; Фасих, рук. Аз. муз., л. 416а.

[14] Дата у Фасиха, рук. Аз. муз., л. 419б и Абд ар-Раззака, рук. ЛГУ, л. 235б: 28 мухаррема 831 г. х.

[15] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 276а; Даулетшах, изд. Броуна, 397,7.

[16] Хафиз-и Абру, оксфорд. рук., л. 380б; Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 224а (825 г. х.).

[17] <Обычное значение слова *орду-базар* — 'лагерь торговцев и тех, кто следует за войском'. — *В. М.*>

[18] По Абд ар-Раззаку (рук. ЛГУ, лл. 273б и 276а), от моста через реку Ибришем.

ся овладеть престолом, роздал войску казну Шахруха [19] и послал отряд в Мешхед. В субботу 29 апреля 1447 г. [20] Абд ал-Латиф около Нишапура подвергся неожиданному нападению со стороны войска Ала ад-дауля, был разбит и взят в плен. Освобожденная царица Гаухар-Шад с пленным Абд ал-Латифом двинулась к Герату и в месте Са'дабад, в окрестностях Джама, была встречена Ала ад-дауля. Абд ал-Латиф был привезен в Герат и посажен в крепость Ихтияр ад-дин; тело Шахруха было погребено в медресе Гаухар-Шад, в мавзолее Байсункара [21]. После этого гератское войско, под начальством Ала ад-дауля, отправилось на северо-восток против Улугбека и переправилось через Мургаб.

Под влиянием этих событий Улугбек, по совету своих военачальников, отказался от дальнейших завоеваний и вступил в переговоры с Ала ад-дауля; посланный им садр Низам ад-дин Мирек Махмуд объявил Ала ад-дауля, что Улугбек считает его своим сыном и ничего не замышляет против Герата. Со своей стороны, Ала ад-дауля не мог продолжать войну, так как с запада Герату угрожал Абу-л-Касим Бабур, разбивший в окрестностях Джама гератский сторожевой отряд. Был заключен договор, по которому границей владений Ала ад-дауля была признана местность Чечекту [22], т. е., как много раз до и после этого времени [23], пограничной местностью иранского государства на северо-востоке сделался бассейн Мургаба; Абд ал-Латиф был отпущен к отцу и назначен правителем Балха с зависевшими от него областями по обе стороны Аму-Дарьи [24]. В том же году был заключен договор между Ала ад-дауля и Бабуром, по которому пограничным пунктом между владениями обоих царевичей был признан Кучан.

Военные действия возобновились уже зимой 1447/48 г., прежде всего между Абд ал-Латифом и Ала ад-дауля. Последний вопреки договору, освободив Абд ал-Латифа, оставил у себя, в качестве заложников, его нукеров, взятых в плен вместе с ним; кроме того, во главе стоявшего в Чечекту пограничного отряда находился враг Абд ал-Латифа мирза Салих, внук Омар-шейха (сын Пир-Мухаммеда),

---

[19] По словам Даулетшаха (изд. Броуна, 414,7), в казне после Шахруха оставалось 20 000 томанов (не менее 100 млн. рублей), что, вероятно, преувеличено.

[20] 13 сафара 851 г. х. (Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 274а).

[21] Постройка медресе была закончена в 1432 г. (Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 241б); в рассказе о погребении Байсункара (в следующем году) упоминаются «медресе и высокий купол» (там же, л. 243б); в том же мавзолее был погребен Мухаммед-Джуки (там же, л. 268а). Об остатках здания и сохранившихся могильных камнях см. Yate, *Northern Afghanistan*, p. 30 sq.<О дате постройки медресе и мавзолея ср. также Массон, *К исторической топографии Герата*, стр. 135—136. — *Ю. Б.*>

[22] Место Чечекту было в 10 агачах (фарсахах) от Мургаба (к востоку), ср. *Бабур-наме*, изд. Бевериджа, л. 187б.

[23] Ср. об эпохе Сасанидов Marquart, *Ērānšahr*, S. 52 sq.; о XVII в. Искендер Мунши, 397, 427 и сл. (где упоминается Чечекту) и др.

[24] Последнее видно из слов Абд ар-Раззака, рук. ЛГУ, л. 278б.

принимавший участие в битве при Нишапуре. Все это побудило Абд ал-Латифа начать враждебные действия; Салих был разбит и бежал в Герат; после этого Ала ад-дауля велел убить нукеров Абд ал-Латифа. Несмотря на зимнее время, Ала ад-дауля тотчас предпринял поход на Балх; Абд ал-Латиф был вынужден отступить, укрепиться в Балхе и обратиться за помощью к Улугбеку. Улугбек велел передать Ала ад-дауля, что ему следовало обратиться с жалобой на действия Абд ал-Латифа в Самарканд, а не начинать войны; по требованию Улугбека Ала ад-дауля согласился вернуться в Герат, но принял меры для защиты своей области от нового нападения. В Чечекту была построена крепость; так как вследствие холода нельзя было строить печи для обжигания кирпича, пришлось разрушить кирпичные хаузы, построенные для путешественников здания (*ленгеры*) и другие постройки, предназначенные для бедных[25]. Вернувшись в Герат, Ала ад-дауля старался восстановить благосостояние пострадавшего от войны населения[26].

Весной 1448 г. Улугбек сам возобновил войну вместе с Абд ал-Латифом; отец и сын вместе собрали до 90 000 войска[27]. Ала ад-дауля выступил против врагов и дал им сражение при Тарнабе, в 14 фарсахах от Герата[28]; сражение кончилось полной победой Улугбека; Ала ад-дауля бежал в Мешхед и оттуда в Кучан, где нашел убежище у своего брата Бабура. Оставшиеся в Герате везир и военачальники вместе с царицей Гаухар-Шад тоже покинули город тотчас после получения известия о поражении. Улугбек встретил сопротивление только в крепости Нерету, которую взял после осады, и в гератской цитадели Ихтияр ад-дин, которая была взята Абд ал-Латифом. Из Герата Улугбек отправился дальше на запад, занял без сопротивления Мешхед, но не мог взять крепости Имад (عماد), построенной Ала ад-дауля еще при Шахрухе; весной, перед походом против Улугбека, Ала ад-дауля оставил там часть своих сокровищ[29], но после своего поражения успел взять их оттуда и раздать своим воинам. Несмотря на эту неудачу, Улугбек продолжал поход. В Радкане его встретили послы Бабура, который соглашался признать Улугбека своим государем, ввести его имя в хутбу и чека-

---

[25] بقاع خير (Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 278б).

[26] Там же, л. 280а. В Герате делались приготовления для празднества по случаю обрезания сына Ала ад-дауля и объявления жителей «тарханами» (т. е. освобождения их от податей), когда пришло известие о переходе Улугбека через Аму-Дарью.

[27] О числе войска Даулетшах, изд. Броуна, 363,20; там же о царице Гаухар-Шад.

[28] На пути от Герата к Тарнабу был перевал سنجاب (Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 280б).

[29] 4000 томанов (около 20 млн. рублей) деньгами были оставлены им в цитадели Ихтияр ад-дин (Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 280а); там же находились 200 томанов (ок. 1 млн.), принадлежавшие Абд ал-Латифу (там же, л. 281б).

нить от его имени монету; Улугбек милостиво отпустил послов, но не прекратил военных действий[30]. В Исфераине Улугбек почему-то остановился и провел там 20 дней; из той же местности он послал Абд ал-Латифа на Бистам и Астрабад. Бабур бежал в Дамган, но там узнал, что Улугбек от моста через реку Ибришем вернулся обратно в Мешхед. Историк Абд ар-Раззак считает это отступление большой ошибкой со стороны Улугбека, так как его враги Ала ад-дауля и Бабур уже приготовились бежать в Ирак и к нему перешли бы все их владения. Улугбек, очевидно, боялся идти дальше, оставляя за собой страну, где его власть, как показывают дальнейшие события, не была достаточно прочно установлена; но его возвращение только ненадолго остановило успех мятежных элементов в Хорасане и в то же время придало новые силы бежавшим из Хорасана царевичам.

Рассказ Абд ар-Раззака о встрече Улугбека с гератским шейх ал-исламом[31] показывает, что завоевание Хорасана Улугбеком, как и следовало ожидать, не было приятно местному влиятельному духовенству. Шейх ал-ислам Беха ад-дин имел от Ала ад-дауля поручение выступить посредником между ним и Улугбеком, но не успел прибыть к Улугбеку до битвы при Тарнабе. После битвы встреча Улугбека с шейхом произошла в Чиль-Духтеране (на Кушке), причем воины Улугбека ограбили шейха; Улугбек велел возвратить шейху его носилки и вообще старался дать ему удовлетворение, но шейх остался обиженным и будто бы предсказал, что Улугбек будет убит своим сыном по приговору казия, произнесенному на основании шариата.

Хорасанский поход, действительно, положил начало вражде между Улугбеком и Абд ал-Латифом. Во время битвы при Тарнабе Улугбек поручил левое крыло Абд ал-Латифу, правое (вероятно, номинально) — Абд ал-Азизу; Абд ал-Латиф своей храбростью много способствовал успеху, тем не менее Улугбек велел составить разосланную по всем областям грамоту о победе от имени Абд ал-Азиза[32]. Еще большие оскорбления были нанесены Абд ал-Латифу в Герате. При Шахрухе цитадель Ихтияр ад-дин, по-видимому, считалась собственностью Абд ал-Латифа, как крепость Имад — собственностью Ала ад-дауля; отправляясь в 1446 г. на запад со своим дедом, Абд ал-Латиф оставил в цитадели свое имущество: золотые и серебряные сосуды весом в несколько тысяч золотников и 200 томанов деньгами (около миллиона рублей). Во время хорасанского похода цитадель была взята Абд ал-Латифом; тем не менее Улугбек не позволил сыну

[30] Там же, л. 282а.

[31] Там же, л. 281а.

[32] Там же; выражение فتح رقم زد جلدوی.

взять свое имущество[33]. Вообще Абд ал-Лятиф в Герате, где он при Шахрухе провел многие годы «в величии»[34], был вынужден терпеть унижения от своего отца. Улугбек, по-видимому, предполагал после победы над своими врагами вернуться в Самарканд и оставить в Герате Абд ал-Лятифа; своим обращением с сыном Улугбек, вероятно, хотел показать гератцам, что время Шахруха прошло и что Герату с его областью снова предстоит сделаться, как при Тимуре, удельным княжеством.

Весть об отступлении Улугбека побудила Бабура снова двинуться из Дамгана на восток[35]; Абд ал-Лятиф был вынужден отступить из Бистама к Нишапуру с такой поспешностью, что на одной из стоянок оставил барабан и знамя. В Нишапуре Абд ал-Лятиф заболел; Улугбеку сообщили, что болезнь притворная и что Абд ал-Лятиф замышляет козни против отца; царевич был вызван в Мешхед и принесен туда на носилках; только увидев его в таком состоянии, Улугбек убедился, что его оклеветали[36]. Улугбек пробыл в Мешхеде до ноября[37], когда вести о возмущении в крепости Нерету побудили его вернуться в Герат и поручить Мешхед Абд ал-Лятифу.

Виновником восстания был туркменский царевич Яр-Али, сын султана Искендера из династии Кара-Коюнлу, бежавший от своего отца к ширваншаху и в 1432 г. отправленный из Ширвана морским путем, т. е. по Каспийскому морю, вероятно через Астрабад, к Шахруху[38]. Осенью 1432 г. он в Герате присутствовал при испытании какой-то вновь изобретенной военной машины[39]; Шахрух заметил, что красота молодого царевича произвела сильное впечатление на толпу. Через некоторое время Яр-Али был подвергнут заключению и отправлен в Самарканд[40], где оставался до 1448 г. Неизвестно, почему Улугбек во время хорасанского похода взял его с собой и после взятия Нерету заключил его в эту крепость; там же находился гератский военачальник[41] Султан Абу Са'ид, бежавший из Герата вместе с царицей Гаухар-Шад и захваченный войсками Улугбека[42]. Один из людей Султан Абу Са'ида послал в крепость большой хлеб и вложил

---

[33] Там же, л. 281б.

[34] Там же, л. 285а (بعظمت).

[35] Там же, л. 283б. [36] Там же, л. 282а.

[37] До середины рамазана (там же, л. 282б).

[38] Фасих, рук. Аз. муз., л. 421б.

[39] Ею можно было метать камни весом в 400 манов.

[40] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 241а-б.

[41] Уже отец этого эмира Мухаммед-Дервиш, умерший в феврале 1433 г., был даругой (военным начальником) Герата, и сын наследовал его должность (Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 242а; Фасих, рук. Аз. муз., л. 421б и сл., где дата 22 джумада II 836 г. х.).

[42] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 281б.

в него пилу[43]. Султан Абу Са'ид и Яр-Али разбили свои оковы, вышли из тюрьмы, перебили стражу, овладели крепостью и хранившимися в ней сокровищами, с помощью этих денег собрали отряд приверженцев и пошли прямо на Герат, где от имени Улугбека начальствовал Баязид-перванечи. Находившиеся в распоряжении Баязида военные силы были недостаточны; ему пришлось собрать жителей-таджиков, и все, у кого были лошади, получили приказание выступить. При Карухе, к северо-востоку от Герата, это войско было разбито, после чего враги осадили Герат. При защите города народное ополчение оказалось более полезным, чем во время битвы в открытом поле; один из приступов, при котором «самаркандские турки»[44], т. е. воины Улугбека, уже были обращены в бегство, был отбит благодаря стрелкам-таджикам из Бахарза[45]. Только через 17 дней после начала осады прибыл с войском Улугбек, и враги отступили к Нерету. Улугбек велел произвести расследование о причинах успеха восстания; жители гератских предместий были обвинены в оказании помощи врагам; за это предместья были подвергнуты трехдневному грабежу, после чего жителям было разрешено вернуться в пустые дома. Разоренное население страдало от недостатка одежды и пищи, тем более, что стояли холодные дни. Во время празднования байрама (28 ноября) один из дервишей бежал перед конем Улугбека и говорил: «Справедливый падишах, хороший праздник устроил ты для дервишей, да продлится твоя жизнь и твоя держава»[46]. Даулетшах утверждает, что Хорасан в 1448 г. сделался «разоренным и безводным» и что следы опустошений, произведенных войсками Улугбека, были видны еще в его время, в конце XV в.[47]. Герат и его окрестности пострадали, однако, еще больше после ухода Улугбека.

Улугбек после возвращения в Герат пробыл там еще некоторое время, но не успел упрочить свою власть. При приближении к Мешхеду Абу-л-Касима Бабура, Абд ал-Лятиф очистил город и прибыл к отцу в Герат; Яр-Али и его сторонники оставались в крепости Нерету, которую войска Улугбека, очевидно, не могли взять. Наконец, узбецкий хан Абулхайр воспользовался отсутствием Улугбека и его сыновей, чтобы совершить набег на Мавераннахр; он дошел до стен Самарканда и разграбил окрестности города, — по словам Абд ар-Раззака, в те самые дни (в конец рамазана, т. е. в двадцатых числах ноября), когда

---

[43] Там же, л. 282б: از کسان امیر سلطان ابو سعید شخصی کماجی بقلعه فرستاد ودر میان کوماج سوهان آبدار نهاد.

[44] ترکان سمرقندی (там же, л. 282б).

[45] Местность к западу от Турбет-и Шейх-и Джам; ср. на современных картах название гор Kuh Bakharz <Кухе-Бахерз>.

[46] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 283б.

[47] Даулетшах, изд. Броуна, 363,21.

войско Улугбека грабило окрестности Герата[48]. Биограф Абулхайр-хана рассказывает, будто начальник Самарканда, эмир Джелаль ад-дин, сын Баязида (вероятно, того самого, который в том же году был начальником Герата), и самаркандские вельможи поднесли хану дары и объявили, что Улугбек «благожелательно относится к наместникам хана и выполняет условия союза и повиновения»[49]. Едва ли наместник Улугбека решился бы настолько унизить достоинство своего государя перед ханом, тем более, что в этом не было необходимости. Кочевники, вероятно, как при прежних нашествиях, отступили без даров от укрепленной столицы, продолжая, однако, грабить страну.

При таких условиях Улугбек покинул Герат, увозя с собой тело Шахруха и некоторые драгоценности[50], оставленные Шахрухом в медресе Гаухар-Шад; в Герате был оставлен Абд ал-Лятиф. Отступление не удалось совершить без потерь. На пути к Аму-Дарье Улугбек был настигнут отрядом хорасанцев под начальством Хиндуке, которого Бабур, прибывший с войском из Мешхеда в Серахс, послал из этого города по направлению к Мерву; Хиндуке причинил войску Улугбека большие потери и взял в плен одного из главных его эмиров, Ибрахима, сына Идику-Тимура. Во время самой переправы через реку по плавучему мосту Улугбек подвергся нападению со стороны узбеков, также захвативших часть обоза и большое число пленных. Улугбек провел остальную часть зимы в Бухаре, откуда отправил тело Шахруха в Самарканд, где оно было погребено в мавзолее Тимура[51].

Одновременно с движением к Серахсу Бабур отправил отряд к Герату против Абд ал-Лятифа; последний через 15 дней после ухода Улугбека очистил город и через Андхой (вероятно, тем же путем шел и Улугбек) направился к Аму-Дарье; после переправы через реку он получил от Улугбека приказание идти в свой удел, в Балх, чем был очень доволен, так как боялся свидания с отцом.

По словам Абд ар-Раззака, Абд ал-Лятиф был недоволен отцом, между прочим, за то, что тот не оказал ему своевременно поддержки в Бистаме, Мешхеде и Герате[52]. Едва ли это соответствует действительности; обстоятельства, при которых произошло отступление Улугбека, ясно показывают, что он не имел возможности оказать сыну военную помощь. Улугбек, несомненно, дорожил Гератом и не оставил бы там Абд ал-Лятифа, если бы не доверял ему.

---

[48] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 283а; там же о разрушении узбеками «фарфорового» павильона (см. выше, стр. 119).

[49] *Та'рйх-и Абӯлхайр-хāнй*, л. 448а: سلطان الوغ بیک در هواداری ودولتخواهی نوّاب فلک‌درگاه تقصیر نمیکند وشرایط یکجهتی وانقیاد بجای می‌آرد.

[50] В числе их находились (?) چند زوج در فولاد; так же в рук. Аз. муз. 574, стр. 616; 574а, л. 429а.

[51] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 283б.<Ср. ниже, стр. 453, прим. 197.— *Ю. Б.*>

[52] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 285а.

Отряд Бабура, овладевший Гератом, стал грабить город; через три дня из Нерету прибыл Яр-Али; город после трехдневной осады перешел в его власть и оставался в его руках 20 дней, до прибытия самого Бабура; побежденный Бабуром Яр-Али был казнен в центре города около чарсу. Это произошло в последние дни 852 г. х., т. е. во второй половине февраля 1449 г.[53].

События 1448 г., по словам Абд ар-Раззака, лишили Улугбека всякой популярности среди войска и населения[54]. Улугбек, однако, хотел весной 1449 г. возобновить попытку овладеть Хорасаном; вместо этого ему пришлось вести войну с собственным сыном.

Абд ал-Лятифу, как удельному князю обширной области, были подчинены мелкие уделы отдельных царевичей; один из них, потомок Тимура Мираншах (более точных сведений о его происхождении нет), поднял весной 1449 г. восстание, которое было усмирено Абд ал-Лятифом; последний в вещах убитого царевича будто бы нашел письмо Улугбека, из которого оказывалось, что восстание Мираншаха было вызвано самим Улугбеком[55]. На этот поступок отца ссылался Абд ал-Лятиф, когда открыто отложился от отца, овладел всеми судами на Аму-Дарье и отменил в своем уделе тамгу, т. е. торговые сборы, которым Улугбек всегда придавал большое значение, особенно в Балхе, через который шел торговый путь в Индию[56].

Вынужденный идти с войском на Абд ал-Лятифа, Улугбек на этот раз поручил столицу своему младшему сыну Абд ал-Азизу. В войске Улугбека находился его племянник, царевич Абдулла, сын Ибрахима, родившийся 19 марта 1433 г.[57]. После смерти своего отца, последовавшей 4 мая 1435 г.[58], он считался владетелем Фарса. В 1447 г. Фарс после ухода войска Шахруха перешел во власть Султан-Мухаммеда; Абдулла удалился на восток, в 1448 г. находился в войске Ала ад-дауля и перед битвой при Тарнабе перешел на сторону Улугбека[59]. По словам Даулетшаха, Улугбек выдал за него одну из своих дочерей[60].

Войска Улугбека и Абд ал-Лятифа долгое время, по Даулетшаху — три месяца[61], стояли друг против друга на берегах Аму-Дарьи. От-

---

[53] Там же, л. 284а.

[54] Там же, л. 284б: وایل والوس که بکلّی از میرزا الغ بیک نفور بودند.

[55] Об этом эпизоде говорит только Мирхонд, лакнауское изд., 1320.

[56] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 284б. О значении тамги при Улугбеке Мирхонд, лакнауское изд., 1320 (میرزا الغ بیک در باب تمغا مبالغهٔ تمام داشت); о пересылке через Балх مال ولایت دهلی Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 260б. Ср также выше, стр. 133.

[57] Дата у Абд ар-Раззака, рук. ЛГУ, л. 241б (27 раджаба 836 г. х.).

[58] Там же, л. 245б (4 шаввала 838 г. х.) и Фасих, рук. Аз. муз., л. 423б (среда).

[59] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 280б.

[60] Даулетшах, изд. Броуна, 425,18. Также *Бабур-наме,* изд. Беверидж, л. 50б.

[61] Даулетшах, изд. Броуна, 364,8.

дельные отряды с обеих сторон делали попытки переправиться через реку и вступали между собою в стычки, причем успех большею частью был на стороне Абд ал-Лятифа; во время одной из таких стычек был взят в плен Абдулла. Помимо борьбы с сыном, Улугбек должен был подавить мятежное движение в собственном войске. Пришло известие, что Абд ал-Азиз в Самарканде притесняет семьи находившихся с Улугбеком эмиров; негодование эмиров было так велико, что Улугбеку угрожала опасность быть схваченным и выданным Абд ал-Лятифу; с трудом ему удалось успокоить недовольных; Абд ал-Азизу было отправлено от имени Улугбека письмо с увещаниями и угрозами[62]. Вскоре после этого в тылу Улугбека произошло другое движение, заставившее его вернуться в Самарканд.

Известия как о возникновении этого движения, так и о личности его руководителя не вполне ясны. Туркменское[63] племя аргун провозгласило своим главой двадцатипятилетнего[64] мирзу Абу Са'ида и осадило Самарканд, где находился Абд ал-Азиз. Абу Са'ид будто бы был внуком Мираншаха, сыном Султан-Мухаммеда; но среди имен сыновей Мираншаха, приведенных в истории Тимура[65], имени «Султан-Мухаммед» нет. Говорится, что он всегда сопровождал Улугбека; между тем в рассказах о прежних событиях его имя ни разу не встречается. Он будто бы принимал участие и в войне с Абд ал-Лятифом и уже на Аму-Дарье отделился с аргунцами от войска Улугбека; между тем из порядка изложения у Абд ар-Раззака можно вывести заключение, что Улугбек узнал о восстании только после начала осады Самарканда[66]. Восстание одного туркменского племени, едва ли особенно многочисленного, не могло бы заставить Улугбека покинуть берег Аму-Дарьи со всем своим войском.

Несомненно, что причиной возвращения Улугбека были новые известия, полученные из Самарканда; движение против Абд ал-Азиза, очевидно, приняло такие размеры, что Улугбек не мог оставаться вдали от столицы. Едва ли в восстании принимали участие только обиженные Абд ал-Азизом представители военного сословия и присягнувшее Абу Са'иду племя аргун. Абу Са'ид с самого начала находил опору в религиозных кругах[67], особенно в Бухаре; этими кругами, вероятно,

---

[62] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 286б.

[63] Так по Даулетшаху, изд. Броуна, 364,10.

[64] Так по Абд ар-Раззаку, рук. ЛГУ, л. 287а.

[65] Шереф ад-дин Йезди, II, 734 и сл., где названы сыновья Мираншаха Абу Бекр, Омар, Халиль-Султан и Суюргатмыш. Решающего значения этот факт, однако, не имеет; ср. выше, стр. 96, прим. 4, вопрос о Сиди-Ахмеде.

[66] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 287а. По Хондемиру (тегеран. изд., III, 218), весть об осаде только через неделю после ее начала дошла до Улугбека.

[67] Слова Абд ар-Раззака, рук. ЛГУ, л. 287а: وپیوسته از خاطر فیض‌بخش وضمیر آفتاب‌درخش مشایخ واهل الله استمداد همّت کیمیاخاصیّت می نمود.

был выдвинут против Улугбека действительный или мнимый потомок Тимура.

Улугбеку удалось восстановить спокойствие в Самарканде и заставить Абу Са'ида бежать в степь; вслед за тем он снова отправился против Абд ал-Латифа, причем на этот раз взял Абд ал-Азиза с собой; начальником Самарканда был назначен Мираншах каучин[68]. Абд ал-Латиф за это время успел переправиться через Аму-Дарью, занять Термез и Шахрисябз, где к нему присоединились местные военные отряды. Битва между отцом и сыном произошла уже в окрестностях Самарканда, близ Димишка, в месяце ша'бане[69], т. е. в сентябре или октябре 1449 г. Войско Улугбека было разбито. Улугбек надеялся найти убежище в самаркандской цитадели, но Мираншах запер перед ним ворота. Вместе с Абд ал-Азизом и несколькими нукерами Улугбек отправился на север и прибыл к крепости Шахрухии; начальник этой крепости мамлюк Ибрахим, сын Пулада, не только не впустил его, но хотел его схватить и выдать Абд ал-Латифу; Улугбек предпочел сам отдаться в руки сына и добровольно вернулся вместе с Абд ал-Азизом и своими приверженцами в Самарканд. Абд ал-Латиф сначала позволил отцу отправиться в Мекку и дал ему в качестве провожатого одного из прежних паломников, эмира Мухаммеда-Хусрау; в то же время, тайно от самого Улугбека, был устроен суд над павшим государем, причем Абд ал-Латиф по внешности совершенно устранил себя от решения судьбы своего отца. Ханом, как при Тимуре, был провозглашен какой-то нищий (مفلوک) из Чингизидов; перед ним, по наущению Абд ал-Латифа, преклонил колени некто Аббас[70], отец которого был убит по приказанию Улугбека, и просил признать за ним право отмщения согласно шариату; хан приказал исполнить все, что требуется шариатом. Религиозными авторитетами была составлена соответствующая фетва, к которой приложили свои печати самаркандские имамы[71], кроме казия Мискина. В дни могущества Улугбека казий, как мы видели, смело останавливал своего государя; теперь он нашел в себе достаточно мужества, чтобы не скреплять несправедливого приговора над самим Улугбеком.

О смерти Улугбека Мирхонд передает подробный рассказ[72] со слов провожавшего Улугбека хаджи Мухаммеда-Хусрау. Улугбек вместе с хаджи вечером выехал верхом из Самарканда; он был весел и разговаривал обо всем. Когда они проехали небольшое расстояние, их

---

[68] Так по Абд ар-Раззаку, рук. ЛГУ, л. 287а (рук. Аз. муз. 574, стр. 624; 574а, л. 434б); у Даулетшаха, изд. Броуна, 364,17 میرانشاه قورچی.

[69] Дата у Даулетшаха, изд. Броуна, 364,15.

[70] Так по Мирхонду, лакнауское изд., 1321; рук. Аз. муз., л. 365б; Абд ар-Раззак (рук. ЛГУ, л. 287б) говорит о нескольких лицах, мстивших за своих родственников.

[71] Имамы по Мирхонду, факихи по Хондемиру (тегеран. изд., III, 218).

[72] Мирхонд, лакнауское изд., 1321; лучший текст в рук. Аз. муз., лл. 365б — 366а.

догнал какой-то чагатай из рода сулдузов и от имени хана велел им остановиться в соседней деревне, чтобы могли быть закончены приготовления к путешествию Улугбека; Улугбек будто бы должен был совершить путешествие в такой обстановке, которая вызвала бы одобрение «малых и больших, таджиков и турков». Очень смущенный этим распоряжением, Улугбек был вынужден остановиться в соседней деревне[73] и вошел в один из домов. Было холодно; Улугбек велел развести огонь и сварить мясо. Искра от пламени, разведенного нукерами, упала на плащ Улугбека и сожгла часть его; Улугбек посмотрел на огонь и сказал по-турецки: *Сен хем бильдин* ('ты тоже узнал'). Мысли Улугбека приняли мрачное направление; хаджи тщетно старался его утешить. Вдруг отворилась дверь, и вошел Аббас с другим человеком; увидя Аббаса, Улугбек, не помня себя, бросился на него и ударил его кулаком в грудь; спутник Аббаса удержал Улугбека и сорвал с его плеч «алтайскую шубу»[74]; Аббас ушел за веревкой. Хаджи запер за ним дверь на цепь, чтобы Улугбек успел совершить омовение. Когда Аббас вернулся, Улугбек был связан и вытащен на двор; хаджи и другие спутники Улугбека попрятались по углам; Аббас посадил Улугбека у горевшего фонаря и одним ударом меча покончил с ним; хаджи и нукеры вернулись в Самарканд. Не сказано, взяли ли они с собой тело Улугбека и кем, где и когда было совершено погребение. По словам Даулетшаха, Улугбек был убит на берегу речки (или канала) سوج 8 рамазана 853 г. (25 октября)[75]; в надгробной надписи Улугбека указана другая дата — 10 рамазана.

Борьба между отцом и сыном могла быть окончена без вмешательства других представителей династии потому, что в то же самое время происходила война в Персии; Султан-Мухаммед из Фарса совершил поход на Хорасан, разбил войско своего брата Бабура при Ферхадджирде[76], между Мешхедом и Джамом, и овладел Гератом. Абд ал-Латиф, в начале войны с Улугбеком отправивший посла с изъявлением дружбы к Бабуру[77], теперь поздравил с успехом Султан-Мухаммеда и выразил надежду, что он будет счастлив в господстве над Хорасаном, как сам Абд ал-Латиф — в господстве над Мавераннахром. Султан-Мухаммед был удручен известием о гибели Улугбека[78], но не решился начать войну с Абд ал-Латифом.

Кроме отца, Абд ал-Латиф предал смерти также брата; Абд ал-

---

[73] Мирхонд, лакнауское изд. قلعه ('крепость').

[74] پوستین الطایی или التایی.

[75] Даулетшах, изд. Броуна, 364,25, 266,10. У Мас'уда Кухистани, *Та'рӣх-и Абӯл-хайр-хӑнӣ*, л. 407б آب سوخ.

[76] О месте битвы Даулетшах, изд. Броуна, 408,19. У Абд ар-Раззака (рук. ЛГУ, л. 286а) только ولایت جام.

[77] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 284б.

[78] Там же, лл. 286б и 288а.

Азиз был убит через два-три дня после смерти Улугбека, причем на этот раз, по-видимому, не было признано нужным прибегнуть к авторитету судей и законоведов. В день взятия Самарканда четырьмя эмирами Улугбека был настигнут отряд, направлявшийся к Абд ал-Лятифу, под начальством Султан-шаха барласа и его сына Джелаль ад-дина Мухаммеда; оба были ранены в битве и взяты в плен; отец умер на пути в Самарканд, сын — два или три дня спустя. По приказанию Абд ал-Лятифа все четыре эмира были преданы суду казия [79], осуждены на смерть и казнены. Мирза Абдулла был пощажен и оставлен в заключении; так же было поступлено с Абу Са'идом, которого Абд ал-Лятифу удалось взять в плен. К зиме господство Абд ал-Лятифа в Мавераннахре казалось вполне обеспеченным; даже узбеки не решились повторить свой набег на Мавераннахр. По словам Абд ар-Раззака, они прежде каждую зиму приближались к Самарканду на расстояние пяти фарсахов; теперь, из страха перед Абд ал-Лятифом, они всю зиму оставались от города в ста фарсахах [80].

В зиму 1449/50 г. жизнь Самарканда приняла совершенно иной вид, чем при Улугбеке. Абд ал-Лятиф, подобно отцу, занимался и светскими науками, астрономией и историей, но «людям божьим», т. е дервишам, оказывалось всякое уважение [81]; Абд ал-Лятиф почтительно выслушивал их речи и посещал их лекции. Со слов одного из представителей духовенства, Шемс ад-дина Мухаммеда Джаджерми, Мирхонд приводит рассказ, как Абд ал-Лятиф во время одной лекции принял участие в прениях по вопросу об арабском глаголе فعل ('делать'), который иногда объяснялся глаголом ذهب ('уходить'); Абд ал-Лятиф привел пример такого же употребления персидского глагола رفتن ('уходить') во фразе فلان کس نیک رفت; замечание государя вызвало общее одобрение. В соборной мечети по пятницам хутба читалась, как при первых халифах, самим государем [82]. При таком отношении Абд ал-Лятифа к духовенству вполне естественно, что бежавший из Самарканда весной 1450 г. Абу Са'ид не нашел в Бухаре той поддержки, на которую рассчитывал; даруга и казий [83] велели поса-

---

[79] Там же, л. 287б, выражение در مجلس قاضی; в рук. Аз. муз. 574, стр. 624 и 574а, л. 434б در مجلس خاصی; у Хондемира (тегеран. изд., III, 221; бомбейское изд., III [3], 163) در مجلس خاص.

[80] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 287б.

[81] Слова Мирхонда, лакнауское изд., 1324; рук. Аз. муз., л. 370б: واین پادشاه پیوسته خدمت اهل الله کردی ودر مجلس ایشان بادب نشستی. Также Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 289б: بملازمت اهل الله میل می نمود ودر خدمت وصحبت ایشان در کمال نیازمندی واحترام بود.

[82] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 289б, где خلف вместо خلفا (правильно в рук. Аз. муз. 574, стр. 628 и 574а, л. 437б). Там же о дальнейшем.

[83] Так у Мирхонда, лакнауское изд., 1325; у Абд ар-Раззака داروغه وامراء بخارا.

дить его под стражу и даже хотели его убить, когда неожиданно пришло известие о смерти Абд ал-Лятифа.

В противоположность духовенству, для войска и народа при Абд ал-Лятифе наступили более тяжелые дни, чем при Улугбеке. Абд ал-Лятиф железной рукой подавлял всякое неповиновение; по выражению Абд ар-Раззака, он не допускал ни уважения к старости, ни снисхождения к молодости [84]. Недовольные не решились поднять восстание, но составился заговор, руководителями которого были прежние нукеры Улугбека и Абд ал-Азиза, считавшие своим долгом мстить за смерть своих беков [85]. Один из приближенных Абд ал-Лятифа впоследствии говорил историку Абд ар-Раззаку, что знал о заговоре, но, боясь гнева Абд ал-Лятифа, не решился его предупредить.

Абд ал-Лятиф пал жертвой заговора в пятницу 8 мая 1450 г. [86], ночью или рано утром, когда отправлялся в город на богослужение из загородного сада,— по рассказу Мирхонда [87], из сада «Чинары» (باغ چنار), находившегося к югу от города [88]. По рассказу Мас'уда Кухистани [89], он провел ночь в «Саду площади», т. е. в северных окрестностях Самарканда [90]. Тем же автором передается легенда о сне Абд ал-Лятифа в эту ночь; ему снилось, что ему подносят на блюде (طشت) его собственную голову. Испугавшись сна, он будто бы стал гадать по стихам Низами и раскрыл книгу на стихе: «Отцеубийце не может достаться царство, а если достанется, то не больше, чем на шесть месяцев» [91]. Место убийства подробно определяется тем же автором: убийцы встретили Абд ал-Лятифа на узком пространстве между городским рвом и садом Баг-и нау, который был отделен от городской стены «только крепостным рвом и шедшей по краю его дорогой» [92]. Единственным убийцей Мас'уд называет некоего Баба-Ху-

---

[84] حرمت پیران نمیداشت ومرحمت بر جوانان گناه می‌پنداشت.

[85] О нукерах и их праве на кровомщение за своего бека ср. выше, стр. 43.

[86] 26 рабиʻ I 854 г. х. (Абд ар-Раззак).

[87] Лакнауское изд., 1325; рук. Аз. муз., л. 371а.

[88] О местоположении сада *Бабур-наме*, изд. Бевериджа, л. 46а; извлеч. в пер. Вяткина, 33. Иначе у Вяткина, *Материалы*, стр. 34.

[89] *Таʼрих-и Абулхайр-хани*, л. 407б и сл.

[90] По Мас'уду Кухистани (там же, л. 408а), он из «Сада площади» отправлялся в «Сад чинары», по-видимому через город, так как говорится о его выезде из ворот چهار راهه. Ворота چهار راهه или چهار سو находились «несколько западнее гробницы Тимура» (Вяткин, *Материалы*, стр. 18 и 82). Впрочем, через эти ворота выходили и отправлявшиеся в «Сад площади» (*Бабур-наме*, изд. Бевериджа, л. 80а).

[91] پدرکش پادشاهی‌را نشاید * وگر شاید به شش ماهی نپاید. Стих приблизительно так же у Бабура (*Бабур-наме*, изд. Бевериджа, л. 50а); так же Мирхонд, лакнауское изд., 1325.

[92] Вяткин, *Материалы*, стр. 22.

сейн-бахадура[93]; поразив стрелой Абд ал-Лятифа, он будто бы спасся бегством, пока спутники Абд ал-Лятифа столпились у тела убитого государя, и прибыл в Туркестан[94]. Из рассказа Мирхонда видно, что убийцы не имели никаких причин искать спасения в бегстве, так как тотчас после смерти Абд ал-Лятифа власть перешла в руки его врагов. Когда Абд ал-Лятиф с криком: «Аллах! Стрела попала»[95], упал с коня, свита его тотчас разбежалась; заговорщики бросились на раненого, отрубили ему голову и потом выставили ее на входной арке медресе Улугбека (вероятно, в этом медресе первоначально был похоронен его строитель).

Заговорщиками был освобожден и возведен на престол мирза Абдулла; ревностным сторонником этого царевича был и шейх ал-ислам Бурхан ад-дин, сын и преемник Исам ад-дина[96]. О поведении шейх ал-ислама при низложении Улугбека и во время царствования Абд ал-Лятифа ничего неизвестно; очень вероятно, что он принимал участие в составлении заговора. Абдулла должен был начать свое царствование раздачей войску большой суммы денег из самаркандской казны[97]. Были ли вместе с тем награждены заговорщики и наказаны виновники событий предшествующего года, не говорится. Казней, во всяком случае, не было, иначе трудно было бы объяснить молчание историков. После сурового царствования Абд ал-Лятифа для самаркандцев вернулись времена сравнительно мягкого правления Улугбека, которому, по-видимому, старались подражать Абдулла и шейх ал-ислам. Очень вероятно, что при Абдулле тело Улугбека было перенесено в Гур-эмир и составлена надгробная надпись, где с явным осуждением упоминается об отцеубийстве Абд ал-Лятифа[98].

Перемену царствования меньше всего могли приветствовать в

---

[93] Имя этого убийцы называют также Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 289б и Бабур (*Бабур-наме*, изд. Бевериджа, л. 50б).

[94] *Та'рйх-и Абўлхайр-хани*, л. 469а.

[95] الله اوق تيكدى (так у Мирхонда, где неверный перевод از خداى تير رسيد).

[96] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 292а: شيخ الاسلام الاعظم سلطان علماء العالم برهان الدين خواجه مولانا سلّمه الله وابقاه كه در جانب ميرزا سلطان عبد الله كمال اخلاص بظهور آورده غلوى عظيم داشت. О том, что он был сыном Исам ад-дина, говорит только автор *Рашахат*, рук. ЛГУ, л. 172а; рук. Аз. муз., л. 233б; литогр., 323: خواجه مولانا ولد خواجه عصام الدين كه شيخ الاسلام سمرقند بود. Как показывает приведенный выше (стр. 123) рассказ о Низам ад-дине Хамуше, шейх ал-ислам Исам ад-дин умер в конце царствования Улугбека. В 1434 г. он еще сопровождал Улугбека во время его путешествия в Герат (Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 244б).

[97] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 290а. Цифра 100 000 томанов, указанная у Даулетшаха, изд. Броуна, 425,22, во всяком случае преувеличена.

[98] Бартольд, *О погребении Тимура*, стр. 31 и сл.; <см. ниже, стр. 454>. Текст надписи: Blochet, *Les inscriptions*, p. 14, sq. и pl. III. Новое, лучшее издание текста

Бухаре, центре влияния духовенства. Как только было получено известие о смерти Абд ал-Лятифа, даруга и казий поспешили освободить Абу Са'ида и присягнуть ему как государю; сторонником Абу Са'ида был также один из главных бухарских ученых (افتخار العلماء), Шемс ад-дин Мухаммед Ардукуджнуди (?) [99]. Абу Са'ид тотчас пошел на Самарканд, но был разбит и принужден бежать через степь на север [100]; и на этот раз ничего не говорится о наказании бухарцев, в частности бухарского духовенства, за поддержку восстания.

Абдулле пришлось выдержать войну также с другим врагом, мирзой Ала ад-дауля, захватившим Шапурган, Балх и Хисар, откуда он хотел завоевать Самарканд. Абдулла двинулся против него из Шахрисябза, но войска разошлись без битвы; Ала ад-дауля вернулся в Балх, Абдулла — в Самарканд [101], вероятно, приняв меры для установления своей власти в областях к северу от Аму-Дарьи. Ала ад-дауля вернулся в Хорасан в 1449 г. с Султан-Мухаммедом и получил от него Гур и Гармсир, т. е. юго-западную часть Афганистана; в 1450 г., во время новой войны между Султан-Мухаммедом и Бабуром, Султан-Мухаммеду удалось в марте [102] нанести поражение Бабуру близ Мешхеда, но его отсутствием воспользовался Ала ад-дауля, чтобы овладеть Гератом, откуда им и было предпринято завоевательное движение на северо-восток [103]. Отступление его без битвы с войском Абдуллы, вероятно, было вызвано действиями Бабура, которому вскоре после этого удалось восстановить свою власть в Хорасане.

Между тем Абу Са'иду с шайкой приверженцев удалось захватить в бассейне Сыр-Дарьи северный пограничный город государства Тимуридов Ясы (Туркестан) [104]. Зимой 1450/51 г. Абдулла послал туда войско, которое осадило город. Абу Са'иду удалось обмануть осаждавших; посланные им люди в узбецкой одежде распространили слух, что на помощь городу идет узбецкий хан Абулхайр; осажденные сделали вид, что верят этому слуху, и громкими возгласами выражали свою радость; самаркандцы поспешно отступили, бросив обоз, лошадей и мулов. Абдулла тогда выступил сам против Абу Са'ида и прибыл

надписи с русским переводом, см. Семенов, *Надписи*, II, стр. 47. При вскрытии погребения Улугбека в 1941 г. было обнаружено, что он был похоронен как *шахид*, в той одежде, в какой он был убит; голова была отделена от туловища одним сильным ударом сабли (см.: Шишкин, *Гури-Эмир*, стр. 26; Семенов, *Надписи*, II, стр. 48; Герасимов, *Основы*, стр. 163—164). — *Ю. Б.*>

[99] *Та'рӣх-и Абӯлхайр-хӑнӣ*, л. 448б.

[100] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 290а и 291а.

[101] Там же, л. 290а.

[102] По Даулетшаху, изд. Броуна, 409,16 в четверг 1 сафара 854 г. х.; день недели или день месяца указан неверно. О Гуре и Гармсире 409,20. По Абд ар-Раззаку, рук. ЛГУ, л. 288а, Ала ад-дауля получил от Султан-Мухаммеда Гармсир и Давер-Замин,

[103] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 289а.

[104] Об этом и дальнейшем там же, л. 291а и сл.

с войском в Шахрухию; узнав об этом походе, Абу Са'ид уже на самом деле прибег к помощи узбеков. Абулхайр охотно воспользовался случаем, чтобы повторить набег на Самарканд. Вместе с Абулхайром и его войском Абу Са'ид прибыл из Туркестана в Ташкент, оттуда в Ходженд; войско Абдуллы при приближении врагов отошло от Сыр-Дарьи. Узбеки и Абу Са'ид прошли через Голодную степь. Встреча с войском Абдуллы произошла только на Булунгуре, близ селения Шираз [105], на южной границе Булунгурской степи, в июне 1451 г. [106]. Узбеки одержали полную победу над гораздо более многочисленным войском Абдуллы; сам Абдулла, храбро сражавшийся, был настигнут во время отступления и убит. Не встречая больше сопротивления, победители вступили в Самарканд, где Абу Са'ид занял престол.

Рассказы об этих событиях дошли до нас в различном освещении. В биографии хана Абулхайра единственным героем похода является хан; Абу Са'ид ездит в его орду, там преклоняет перед ним колени и благодарит его за обещанную помощь в таких же униженных выражениях [107], какие в рассказе о набеге 1448 г. приписываются наместнику Улугбека; после взятия Самарканда имя Абулхайра поминается в хутбе и чеканится на монетах [108]. С другой стороны, биограф бухарских святых совершенно не упоминает об узбеках; по его рассказу [109], Абу Са'ида и его воинов вдохновляла вера в покровительство шейха Убейдаллаха, более известного под именем ходжи Ахрара, представителя ордена накшбендиев в Ташкенте, и эта вера доставила им победу над гораздо более многочисленным врагом. Ходжа Ахрар будто бы предсказал завоевание Абу Са'идом Ташкента, Самарканда и Хорасана, когда самое имя Абу Са'ида еще никому не было известно; с своей стороны, Абу Са'ид видел во сне ходжу Ахрара, на которого ему указывал Ахмед Ясеви. Запомнив имя и наружность шейха, Абу Са'ид после прибытия в Ташкент стал спрашивать о нем и узнал, что шейх отправился в Паркент; Абу Са'ид поехал туда и имел свидание с шейхом, который обещал ему победу, если для него цель войны —

[105] Селение Шираз указано у Абд ар-Раззака, рук. ЛГУ, л. 292а; Булунгур в *Рашаҳāт*, рук. ЛГУ, л. 165б внизу (آب بـلـونغور), также рук. Аз. муз., л. 222а и литогр., 309 (где по ошибке بـولـوبغور). О местоположении ср. мой труд *Орошение*, стр. 111 и сл.

[106] По Абд ар-Раззаку (рук. ЛГУ, л. 292а), в субботу 22 джумада I 855 г. х; день недели не совпадает с числом месяца. У Мирхонда (лакнауское изд., 1326; рук. Аз. муз., л. 373а) только در عـشـر آخر джумада II. У Хондемира по тегеран. изд., III, 224 — суббота 20 джумада I, по бомбейскому изд., III[3], 167 — понедельник 22-го, что соответствовало бы 21 июня 1451 г.

[107] *Та'рӣҳ-и Абӯлҳайр-ҳāнӣ*, л. 451а: زانو زده زبان بدعاکویی ودولتخواهی کشاده خدمتی وتواضعی که مناسب چنان پادشاهی باشد بجای آورد.

[108] По Абд ар-Раззаку (рук. ЛГУ, л. 291б), Абу Са'ид не ездил сам в орду, но только отправил к хану посла просить помощи.

[109] *Рашаҳāт*, рук. ЛГУ, л. 165а и сл.; рук. Аз. муз., л. 221а и сл.; литогр., 307 и сл.

укрепление шариата и милость к подданным; при этом шейх предписал Абу Са'иду не начинать нападения на врага, пока за его войском не появится стая воронов. Когда сошлись войска, войско Абдуллы успело расстроить правое крыло войска Абу Са'ида и готовилось напасть на левое крыло, когда вдруг позади войска Абу Са'ида появились вороны; увидя обещанный шейхом знак, воины Абу Са'ида ободрились и одним дружным натиском опрокинули врага. Тут же приводится другая легенда о той же битве, будто бы со слов принимавшего в ней участие Хасан-бахадура, воина знатного рода из Туркестана. С Абу Са'идом было всего около 7000 человек; войско Абдуллы было гораздо многочисленнее и лучше вооружено; Абу Са'ид очень боялся за исход битвы, когда вдруг перед ним и Хасан-бахадуром показался образ ходжи Ахрара, шествующего впереди войска. Хасан-бахадур с криком: *Ягы качты* ('враг бежал') [110] бросился вперед, воины повторили за ним этот крик, обратили в бегство войско Абдуллы и в тот же день взяли Самарканд.

Все эти рассказы, конечно, возникли под влиянием исхода войны и деятельности ходжи Ахрара в завоеванном Самарканде. Руководителем похода был, конечно, не ходжа Ахрар и не мирза Абу Са'ид, а узбецкий хан, о котором легенда совершенно умалчивает. По рассказу Абд ар-Раззака [111], повторенному Мас'удом Кухистани [112], те самые воины, которых легенда изображает защитниками шариата, при переходе через Голодную степь прибегли к языческому колдовству; чтобы облегчить войску переход через безводную степь в жаркое время года, колдуны будто бы посредством камня *ядá* [113] вызвали холод, дождь и снег, чем были смущены воины Абдуллы, особенно хорасанцы, ничего не знавшие о действии камня *ядá*.

Остается, однако, вопрос о свидании между Абу Са'идом и ходжей Ахраром; современник обоих Абд ар-Раззак также говорит, что Абу Са'ид еще до своей победы виделся с ходжей Ахраром, который внушил ему мысль добиваться престола; вследствие этого Абу Са'ид в течение всего своего царствования «повиновался ходже и не мог противиться его указаниям, даже когда это было возможно» [114]. Как

---

[110] Ср. Бартольд, *О погребении Тимура*, стр. 27 — рассказ о крике Береке перед битвой с Тохтамышем; <см. ниже, стр. 449>.

[111] Рук. ЛГУ, л. 292а.

[112] *Та'рӣх-и Абӯлхайр-хӑнӣ*, л. 452б.

[113] Известия об этом камне и вызывании дождя собраны у Катрмера (Рашид ад-дин, изд. Катрмера, 428—435); ср. также Мухаммед-Хайдер, 32—33, из Шереф ад-дина Йезди, I, 102.<См. также ياغمر طاشى ،كوپريلى и Малов, *Шаманский камень.* — *Ю. Б.*>

[114] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 298а: وآنحضرت نفسهای نیکو راند وداعیهٔ سلطنت جهان در خاطر همایون نشاند ومیرزا سلطان ابو سعید همیشه خودرا مامور آنحضرت میدانست وخلاف اشارت اگرچه ممکن بود نمی‌توانست .

глава ташкентских накшбендиев ходжа Ахрар, несомненно, находился в сношениях с бухарским духовенством, с которым, вероятно, сохранял связи и Абу Са'ид; этим вполне может быть объяснено сближение между ними. Если бы действительно самая мысль о стремлении к престолу была внушена Абу Са'иду ходжей Ахраром, то из этого пришлось бы заключить, что Абу Са'ид виделся с шейхом еще при жизни Улугбека, хотя Абд ар-Раззак говорит о времени, когда Абу Са'ид блуждал по разным областям [115], т. е. 1450—1451 гг. Полное отсутствие сведений о жизни Абу Са'ида до 1449 г. не дает возможности решить этот вопрос.

Победитель вступил в Самарканд без сопротивления, хотя едва ли в самый день победы; шейх ал-ислам Бурхан ад-дин после получения известия о смерти Абдуллы успел покинуть Самарканд до прибытия Абу Са'ида; в Хорасане он с почетом был принят Бабуром [116]. Хан Абулхайр получил в жены дочь Улугбека и с богатыми подарками удалился в свои степи, предоставив Самарканд Абу Са'иду [117].

В издающейся в настоящее время международными силами «Энциклопедии ислама» напечатана об Абу Са'иде статья А. С. Беверидж, носящая характер панегирика. По этой статье, Абу Са'ид вырос под личным наблюдением Улугбека и заслужил его одобрение своей наклонностью к науке и образованию; как государь, он по достоинству своего образа жизни, по величию своих дел, по своей энергии и дарованиям был достойным предшественником Бабура, Акбара и Шах-Джехана [118]. В действительности царствование Абу Са'ида, в противоположность царствованию Улугбека, было временем господства враждебных культуре дервишей. Абу Са'ид вступил в Самарканд мстителем не за Улугбека, а за Абд ал-Лятифа; убийцы Абд ал-Лятифа в том же месте, где совершили свое дело, были убиты, и тела их сожжены [119]. Сорокалетнее господство Улугбека сменилось тоже сорокалетним господством представителя ордена накшбендиев, ходжи Ахрара, вызванного Абу Са'идом из Ташкента. Ревнитель шариата и

---

[115] در اطراف ولایت .

[116] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 292а.

[117] По Мирхонду (лакнауское изд., 1326 и сл.), Абу Са'ид после победы поспешил въехать в город раньше узбеков и этим спасти его от разграбления; он обманул приставленного к нему шигаула, предложив ему и узбекам остановиться и напоить лошадей, а сам поспешил к воротам города и убедил жителей впустить его. О слове *шигаул* см. Абд ар-Раззак, пер. Катрмера, 502. Хан был вынужден примириться с совершившимся фактом и довольствоваться поднесенными ему подарками. Ср. Лерх, *Археологическая поездка,* стр. 20.

[118] EI, I, S. 1111—1112. <В. В. Бартольдом к этой статье сделано дополнение, излагающее историю возвышения Абу Са'ида. — *Ю. Б.*>

[119] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 292б. <В экз. В. В. Бартольда в этом месте добавлено: «Там же <л.> 296а о двоих из них, бежавших из тюрьмы перед появлением Бабура в 1453 г.». — *Ю. Б.*>

суфизма, ходжа Ахрар был типичным «ишаном», едва ли не первым из туркестанских суфиев, к которому было применено это слово. Как признают и панегиристы ишана, ему была чужда книжная наука [120], в том числе и богословие; но его праведная жизнь в духе шариата и сила личного обаяния доставили ему славу религиозного подвижника и чудотворца, с чем был связан также приток материальных пожертвований; своим богатством и влиянием он старался пользоваться на благо народа [121]. Жизнь и интересы высших классов, лучшим представителем которых был Улугбек, были для него непонятны; как последовательные европейские коммунисты, он, по-видимому, отрицал всякую культуру, недоступную народным массам [122].

---

[120] *Рашаҳāт*, рук. ЛГУ, л. 135б, рук. Аз. муз., л. 169б, литогр., 242 о годах учения ишана в Самарканде: وایشانرا غلبهٔ شغل باطنی از تحصیل علوم ظاهری مانع شده. Там же, рук. ЛГУ, л. 132б, рук. Аз. муз., л. 165а, литогр., 236, слова, приписанные самому ишану: من مرید خواجه حسن عطّار بودم ومدّتی در ملازمت ایشان اوقات بسر بردم وبسبق باطن اشتغال داشتم وهیچ کونه فتحی نمی‌شد (в рук. Аз. муз. после فتحی еще میسّر). Ср. выше, стр. 123.

[121] О ходже Ахраре см.: Вяткин, *Из биографии*; Веселовский, *Памятник Ходжи Ахрара*. <Основой богатства и политического влияния ходжи Ахрара были его огромные земельные владения, разбросанные по всему Мавераннахру — в Ташкентской, Бухарской, Самаркандской и Кашка-Дарьинской областях; ходжа Ахрар стал одним из крупнейших феодалов Средней Азии в середине XV в. (см.: Иванов, *Хозяйство джуйбарских шейхов*, стр. 8—16; Чехович, *О грамотах*, стр. 241; Набиев, *Из истории*, стр. 35—40). Показная благотворительность ходжи Ахрара, на которую шла лишь незначительная часть его доходов, служила для привлечения к нему верующих и усиления его влияния. Естественно, неверно говорить о том, что ходже Ахрару были непонятны интересы «высших классов»; однако В. В. Бартольд справедливо противопоставляет крайне реакционных дервишей во главе с ходжей Ахраром «просвещенной» части феодалов, к которой принадлежали, в частности, представители книжного богословия. — *Ю. Б.*>

[122] <Ср. также выше, стр. 121. В своем неопубликованном докладе «Улугбек и ходжа Ахрар», прочитанном в Восточном отделении Русского археологического общества 12 марта 1915 г. (ср. ЗВОРАО, т. XXIII, 1916, стр. VII—IX) и представляющем собой изложение некоторых выводов монографии об Улугбеке, В. В. Бартольд писал следующее: «При оценке деятельности ишана не следует, конечно, забывать, что для него и для его искренних последователей борьба за шариат против культуры была борьбой за интересы народных масс против всяких притеснителей, как в XIX в. прямолинейные проповедники коммунизма требовали уничтожения городов и всякого научного образования, недоступного массам. Ишан выступал защитником народных масс даже против государя, тогда как интересы представителей высшего образования были связаны только с интересами государя и правящего класса...

Ишан и его сторонники не могли, конечно, понять, что борьба против культуры во имя общего равенства есть насаждение варварства, которое не могло не отразиться на способе управления, следовательно, на интересах тех же народных масс. Уже при Абу Са'иде мы видим возобновление жестоких казней, посредством бросания живых людей в кипяток или сдирания с них кожи, едва ли возможных при Улугбеке. Так

Царствование Абу Са'ида положило начало победе этого дервишизма над противоположным течением в местном обществе, представителями которого были наследственные шейх ал-исламы, потомки автора *Хидāи*. Вопреки словам Абд ар-Раззака о безусловном подчинении Абу Са'ида влиянию ходжи Ахрара [123], эта победа была одержана не сразу. В Самарканде и после ухода шейх ал-ислама Бурхан ад-дина оставался шейх ал-ислам из потомков автора *Хидāи*, Низам ад-дин Маудуд [124]; во время войны между Абу Са'идом и Бабуром и похода Бабура на Самарканд этот шейх ал-ислам сначала ездил к Бабуру в Хисар, потом, после окончания неудачной осады Самарканда Бабуром, принимал участие в заключении мирного договора; оба раза [125] с ним был ученый Джемаль ад-дин Фатхаллах Тебризи, занимавший при Улугбеке должность садра [126]. Для дипломатических переговоров эти лица, очевидно, были признаны более полезными, чем суровый ишан, резко ответивший представителю Бабура на его слова о достоинствах его государя, что щадит Бабура только из уважения к заслугам его деда Шахруха [127]. Той же причиной, вопреки словам биографа ишана, вероятно, следует объяснить, что Абу Са'ид для окончательного заключения договора послал в лагерь Бабура вместо ишана одного из его учеников [128]. Своеобразная личность ишана не могла не вызвать любопытства сопровождавших Бабура представителей герат-

---

же действовали впоследствии узбецкие ханы, тоже называвшие себя мюридами дервишских шейхов. Последствия были бы еще более печальны, если бы дервишизму удалось одержать полную и прочную победу; но этого не случилось» (см. Архив АН СССР, фонд 68, оп. 1, № 47, лл. 40—41). В этих словах В. В. Бартольда отразились не только неверная оценка социальной роли ходжи Ахрара (ср. выше, стр. 121, прим. 111) и непонимание сущности научного коммунизма (неясно, кого именно он имеет в виду под «прямолинейными проповедниками коммунизма» в XIX в.), но также, по-видимому, и отрицательное отношение В. В. Бартольда в то время к революционному движению, связанное с представлением о том, что народные массы не могут быть носителями культуры. — *Ю. Б.*>

[123] См. выше, стр. 165, прим. 114.

[124] По-видимому, это то же самое лицо, которое Мас'уд Кухистани (*Та'рūх-и Абӯлхайр-хāнӣ*, л. 459а) называет Низам ад-дином Фатхаллахом и которое, по словам того же автора, встретило Абулхайра и Абу Са'ида в Самарканде.<Возможно смешение этого человека с Фатхаллахом Тебризи (см. ниже). — *В. М.*>

[125] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, лл. 297б и 300а.

[126] *Рашаҳат*, рук. Аз. муз., л. 99а; литогр., 140: مولانا فتح الله تبریزی که از دانشمندان متبحّر بود وپیش میرزا الغ بیک مرتبهٔ صدارت داشت. Ср. выше, стр. 128, прим. 51.

[127] *Рашаҳāт*, рук. ЛГУ, л. 166б; рук. Аз. муз., л. 223а; литогр., 310.

[128] Автор *Рашаҳāт* (литогр., 311) приводит, конечно, другое объяснение: Абу Са'ид будто бы опасался, что спутники ишана при встрече с Бабуром почувствуют влечение к молодому султану и покинут Самарканд. <О войне между Абу Са'идом и Абу-л-Касимом Бабуром и осаде последним Самарканда в 1454 г. см. Чехович, *Оборона Самарканда*. — *Ю. Б.*>

ского образованного общества; один из них, историк Абд ар-Раззак, поехал в город нарочно для свидания с ишаном. Рассказ об этом свидании людей различного мировоззрения представлял бы для нас большой интерес; к сожалению, историк ограничивается загадочными словами: «Что нашел в нем, то нашел; что увидел, то увидел» [129]. Вероятно, он был обманут в своих ожиданиях и, составляя свой труд при жизни ишана, не мог откровенно изложить свои впечатления.

В 1455 г. Абу Са'иду пришлось подавить мятеж в Отраре, причем мятежники получили помощь от бывшего союзника Абу Са'ида, узбецкого хана; мятежники, по-видимому, имели связи с бухарским духовенством, так как один из них был спасен заступничеством Абу Насра Парса [130]. Может быть, с этим связано возвращение в том же году в Самарканд, по приглашению Абу Са'ида, шейх ал-ислама Бурхан ад-дина; как его отъезд из Герата, где Бабур подарил ему свои собственные носилки, так и его прибытие в Самарканд были обставлены необычайной торжественностью; по словам Абд ар-Раззака, он при прежних государях даже не мечтал о таких милостях, какие были оказаны ему Абу Са'идом. Абд ар-Раззак приводит стихи поэта Арифа, посвященные уезжавшему шейху, в которых поэт советовал шейху взять эти стихи с собой, так как «такого рода сладости трудно найти в Самарканде и Бухаре» [131]. По-видимому, гератцам уже тогда, через шесть лет после смерти Улугбека, Самарканд казался печальным городом, чуждым поэзии, наравне с Бухарой.

С 1445 г. до конца царствования Абу Са'ида Самарканд был местопребыванием обоих шейхов, хранителя традиций эпохи Улугбека и разрушителя этих традиций. Оба носили титул шейх ал-исламов [132] и пользовались влиянием при дворе; Абу Са'ид во время борьбы с мятежниками в Мавераннахре и борьбы за утверждение своей власти в Хорасане после смерти Бабура (1457 г.) в зависимости от обстоятельств пользовался авторитетом то одного, то другого. Ишан обладал бо́льшим влиянием на народ и даже на войско; с другой стороны, интересы представителя культуры были более тесно связаны с инте-

---

[129] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 300б: يافت در آن آنچه يافت * ديد در آن آنچه ديد.

[130] Абд ар-Раззак, рук. Аз. муз. 574, стр. 654 и сл.; 574а, л. 453б и сл. В рук. ЛГУ здесь пропуск (перед заголовком на л. 301б). Ходжа Абу Наср Парса, сын Мухаммеда Парса, умер в 865/1460-61 г.; о нем *Рашахат*, рук. ЛГУ, л. 39а и сл.; рук. Аз. муз., л. 455 и сл.; литогр., 64 и сл.

[131] Абд ар-Раззак, рук ЛГУ, л. 302а: شعر شيرينم ببر با خود كه اين نوع شكر * هست در شهر سمرقند وبخارا تنك ياب.

[132] Ср. у Абд ар-Раззака, рук. ЛГУ, л. 324б: حضرت شيخ الاسلام ارشاد منزلت ولايت منقبت خواجه ناصر الدين عبيد الله.

ресами власти, особенно во время восстания народных масс против государя. Разница в образе действий обоих шейхов особенно ярко проявилась во время долгой осады Шахрухии, где укрепился восставший против Абу Са'ида сын Абд ал-Лятифа, Мухаммед-Джуки [133]. Восстание началось в 1461 г. [134]; в первый раз события в Хорасане и Мазандеране заставили Абу Са'ида снять осаду и заключить с Мухаммедом-Джуки «нечто вроде мира» [135]; в 1462 г. город вновь был осажден [136] и только после целого года осады, осенью 1463 г., был вынужден сдаться. Из Самарканда для переговоров, по желанию самих осажденных, два раза приезжал ишан, но переговоры не увенчались успехом. После этого прибыл шейх ал-ислам Бурхан ад-дин и объявил, что самаркандцы будут продолжать осаду несколько лет и не уйдут, не взяв города, хотя бы им пришлось для этого пожертвовать своим родным городом и основать новый Самарканд близ Шахрухии. Речь шейх ал-ислама очень понравилась султану, но осажденные снова попросили вызвать для переговоров ишана. Ходжа Ахрар прибыл в третий раз и достиг цели, причем заставил Абу Са'ида поклясться своей верой, что сдавшимся мятежникам будет оказана милость и дарована жизнь [137]. Обещание, по-видимому, было выполнено по отношению ко всем, кроме самого царевича, которому было оказано уважение в Шахрухии и Самарканде, но после прибытия в Герат в начале января 1464 г. [138] он был посажен в цитадель Ихтияр ад-дин, в находившуюся в середине цитадели тюрьму, построенную в виде башни, где в том же году умер [139].

Шейх ал-ислам Бурхан ад-дин упоминается в рассказе о вторичном завоевании Абу Са'идом Хорасана в 863/1458-59 г., когда он вместе с Абу Са'идом прибыл в Герат, но в том же году был отпущен обратно в Самарканд [140]. Сам Абу Са'ид предпочитал Самарканду Герат

---

[133] <Этого Мухаммеда-Джуки следует отличать от его тезки, сына Шахруха.— *В. М.*>

[134] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 325а и сл. О восстании подробнее, чем Абд ар-Раззак, повторит Мас'уд Кухистани (*Та'рӣх-и Абӯлхайр-хӑнӣ*, л. 469б и сл.). Мухаммед-Джуки встретил поддержку со стороны Абулхайра и его жены, дочери Улугбека (л. 470а); с ним было послано узбецкое войско, под начальством Бурке-султана; к нему присоединилась также часть войска Улугбека (л. 470б). Войско Абу Са'ида до прибытия к нему самого султана было разбито, и враги уже дошли до Куфина, в окрестностях Кермине (л. 472а).

[135] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 327а: صلح كونه در هم بست.

[136] Там же, л. 329б и сл. Мухаммед-Джуки из Шахрухии управлял Ташкентом, Ахсикетом и Сайрамом (там же, л. 330б).

[137] Там же, л. 331б.

[138] Абу Са'ид вернулся в Герат 22 раби' II 868 г. х. (3 января 1464 г.) — там же, л. 332а.

[139] Там же, л. 333а.

[140] Там же, л. 318б.

и после завоевания Хорасана сделал его своей столицей [141]; утверждение его власти и здесь сопровождалось убийствами и казнями, превосходившими своей жестокостью даже казни эпохи Тимура. В 1457 г. по приказанию Абу Са'ида была убита престарелая царица Гаухар-Шад, которую обвинили в тайных сношениях с ее правнуком Султан-Ибрахимом, сыном Ала ад-дауля [142]. В конце января 1462 г. в Герате были обвинены во взяточничестве и лихоимстве сборщик податей для войска ходжа Му'изз ад-дин и меняла (*саррāф*) Шейх-Ахмед; по приказанию Абу Са'ида с Шейх-Ахмеда содрали кожу у северных ворот города, ходжу Му'изз ад-дина сварили в котле с кипятком у подножия цитадели [143].

Деятельность ходжи Ахрара и после завоевания Абу Са'идом Хорасана ограничивалась Мавераннахром. В 1460 г. Абу Са'ид узнал, что живший в горах близ бухарского селения Нур эмир Нур-Са'ид производит набеги на окрестности Самарканда и Бухары; к нему было послано доверенное лицо, чтобы убедить его возвратиться к повиновению; в случае безуспешности этой попытки то же лицо должно было обратиться к ходже Ахрару. Мятежник не послушался ни увещаний посланца Абу Са'ида, ни увещаний ходжи Ахрара, отправившегося к нему в его горы; после этого он был прогнан из Нура самаркандскими войсками и бежал в степь [144], где скоро после этого присоединился к восстанию Мухаммеда-Джуки. Еще прежде, прямо из Нура, ходжа Ахрар отправился в Герат, где прожил с 8 до 25 декабря того же года [145]; по его просьбе Абу Са'ид согласился отменить тамгу Самарканда и Бухары и обещал в будущем отменить тамгу и все запрещенное во всех своих владениях.

Зиму 1467/68 г. Абу Са'ид проводил в окрестностях Мерва, где под влиянием известия о смерти могущественного туркменского владетеля Джеханшаха решил предпринять поход для завоевания Западной Персии. О своем намерении он сообщил ходже Ахрару, советам которого привык следовать [146], и вызвал его к себе; ходжа прибыл из Самарканда в Мерв, где был встречен в войске султана с большим почетом; один день султан был гостем шейха, на другой день шейх — гостем султана; после долгого совещания вопрос о походе был решен в утвердительном смысле, и в конце февраля 1468 г. [147] Абу Са'ид вы-

---

[141] Ср. слова, приписанные Абу Са'иду (там же, л. 311а): مرا داعیه آن بود که هراة را دار السلطنه ساخته اینجا اقامت نمایم.

[142] Там же, л. 310б.

[143] Там же, л. 328б.

[144] Там же, л. 324б.

[145] Прибыл 23 сафара (там же), уехал 11 раби' I 865 г. х. (там же, л. 325а).

[146] Там же, л. 338б.

[147] В первых числах ша'бана 872 г. х. (там же, л. 339а).

ступил из зимних квартир в поход, который должен был кончиться гибелью его самого и большей части его войска (1469 г.).

Неудачный исход войны, начатой с благословения ходжи Ахрара, не только не положил конец влиянию ишана, но позволил ему окончательно устранить своего соперника и сделаться в Самарканде полным хозяином. По словам автора *Рашаҳāт* [148], известие о смерти Абу Са'ида сначала резко изменило отношение к ишану в Самарканде. Всегда интриговавший против ишана шейх ал-ислам Бурхан ад-дин вместе с несколькими эмирами, во главе которых стоял шурин Абу Са'ида [149] Дервиш-Мухаммед-тархан, сговорились между собой больше не ходить в дом ишана и не слушать его слов; только родственник Дервиш-Мухаммеда Абд ал-Али-тархан [150] отказался присоединиться к соглашению и предсказал его полную неудачу. Ишан находился в то время в Матуриде (к северу от города); шейх ал-ислам отправился к нему, чтобы насладиться своим торжеством, и взял с собой пришедшего к нему гостя, сказав ему: «Посмотрите, что я сегодня сделаю с этим деревенским шейхом» [151]. В Матуриде гости были встречены ишаном, который собственноручно принес шейх ал-исламу угощение. Во время еды к ишану пришел человек с известием о неожиданном прибытии мирзы (Султан-Ахмеда, сына Абу Са'ида) с эмирами. Шейх ал-ислам должен был опасаться, что его присутствие у ишана покажется эмирам нарушением договора, и поспешил скрыться в то время, когда ишан вышел встречать мирзу. После этого ишан видел у себя мирзу и эмиров еще чаще, чем в царствование Абу Са'ида, тогда как шейх ал-ислам утратил всякое влияние и был вынужден удалиться в Герат, где прожил последние годы своей жизни в медресе эмира Чакмака [152], всеми покинутый. Автор присоединяет к этому некоторые подробности о последней болезни шейх ал-ислама и его смерти; перед смертью он будто бы просил передать ишану его просьбу о прощении.

Сведений о причинах и подробностях отъезда шейх ал-ислама из Самарканда мы в других источниках не находим; из слов Абд ар-Раззака видно, что во время составления его труда шейх ал-ислам был еще в живых [153], но о приезде его в Герат после смерти Абу Са-

---

[148] Рук. ЛГУ, л. 172а и сл.; рук. Аз. муз., л. 233б и сл.; литогр., 323 и сл.

[149] Так по *Бāбур-нāме,* изд. Бевериджа, л. 21б. Там же сказано, что он при Султан-Ахмеде был главным беком.

[150] Замечательно, что по Бабуру именно этот защитник ишана был «тираном и развратником» (там же, л. 22а), тогда как Дервиш-Мухаммед был «мусульманином, гуманным человеком, похожим на дервиша» (там же, л. 21б: مسلمان وآدمی ودرویش کیشی).

[151] شیخ روستایی.

[152] Один из эмиров Шахруха; упоминается, например, в рассказе о событиях 833/1429-30 г., ср. Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 239а наверху.

[153] Формула ادام الله تعالی ایّام حیوته (л. 318б). См. также стр. 162, прим. 96.

'ида Абд ар-Раззак не упоминает. На основании рассказа автора *Рашаҳāт* можно признать достоверным только тот факт, что в Самарканде после смерти Абу Са'ида началось движение против ишана, очевидно под влиянием неудачного исхода благословенного шейхом предприятия, и что это движение прекратилось, когда преемник Абу Са'ида показал, что сохраняет к ишану такое же уважение и доверие, как прежде.

Мирза Султан-Ахмед, старший сын Абу Са'ида, родился в самый год завоевания Абу Са'идом Самарканда (855/1451) [154]. По словам Бабура, он, хотя и вырос в городе, был «простодушным турком» [155] и ничего не читал; естественно, что такой государь еще больше находился под влиянием ишана, чем его отец. В своей личной жизни Султан-Ахмед всегда совершал в установленное время намаз и старался соблюдать предписания веры, кроме запрещения пить вино. Страдая запоем, он мог пить 20—30 дней кряду [156], но даже во время пиршеств не забывал совершать намаз [157]. Как государь, он старался быть справедливым правителем в духе ислама и решать все дела по шариату, но в глазах современников его правление было в сущности правлением ишана [158], которого он пережил только на несколько лет [159].

Перечисляя выдающихся людей царствования своего дяди Султан-Ахмеда, Бабур не называет ни ученых, ни поэтов; очевидно, их в Самарканде в то время не было. Представители побежденной «деревенским шейхом» городской культуры удалились в Герат, к блестящему двору Султан-Хусейна (правнука Омар-шейха, сына Тимура), к которому после Абу Са'ида перешла власть в Хорасане. Герат сделался, по преувеличенному мнению Бабура, городом, подобного которому не было в мире; блеск его при Султан-Хусейне увеличился в десять или двадцать раз [160]; каждый, кто при дворе Султан-Хусейна

---

[154] Так по *Бāбур-нāме*, изд. Бевериджа, л. 18а.

[155] Там же, л. 18б: ترک وساده ایدی .

[156] Там же, л. 19а.

[157] Там же, л. 18б. Известно, что Коран (IV, 46) запрещает молиться в состоянии опьянения.

[158] Там же, л. 24а: اکثر معامله حضرت خواجه جهتی‌دین عدل وشرع طریقی بیله ایدی. В *Рашаҳāт* (рук. ЛГУ, л. 170б; рук. Аз. муз., л. 230а; литогр., 319) приводится рассказ о میرک حسن, начальнике дивана Султан-Ахмеда, предложившем ишану совершенно устранить и номинальную власть мирзы; предложение было отвергнуто ишаном с негодованием. Две недели спустя с میرک حسن за какое-то преступление по приказанию Султан-Ахмеда содрали кожу.

[159] Ишан умер в субботу 29 раби' I 895 г. х. (*Рашаҳāт*, рук. ЛГУ, л. 199б, где по ошибке ربیع الاخر; рук. Аз. муз., л. 286а; литогр., 389), т. е. 20 февраля 1490 г., Султан-Ахмед — в середине шавваля 899 г. х. (*Бāбур-нāме*, изд. Бевериджа, л. 18а), т. е. в июле 1494 г.

[160] *Бāбур-нāме*, изд. Бевериджа, л. 188а.

занимался каким-нибудь делом, старался довести это дело до совершенства [161].

Полного прекращения умственной жизни не было и в Самарканде. Точные науки, насаждавшиеся Улугбеком, не нашли для себя в Самарканде благоприятной почвы, хотя еще мирза Султан-Махмуд, брат и преемник Султан-Ахмеда, в противоположность своим братьям относившийся с презрением к ишану [162], обладал некоторыми познаниями по математике [163]. Больше следов оставила эпоха Улугбека в истории мусульманского богословия, как показывают приведенные выше сведения о деятельности основанного Улугбеком медресе. Книжное богословие не могло остаться без влияния на самих дервишей; ученостью отличался уже сын ишана, так называемый «великий ходжа» (خواجهٔ کلان), или «ходжа ходжей» (خواجه خواجگان) [164]. Каковы бы ни были отрицательные стороны мусульманского схоластического богословия, его борьба с еще более враждебным культуре среднеазиатским дервишизмом есть несомненная заслуга перед человечеством [165].

---

[161] Там же, л. 177б.<Характеристику правления Султан-Хусейна см. ниже, в работе *Мир Али-Шир. — Ю. Б.*>

[162] Там же, л. 26а.

[163] Там же, л. 23б (سیاق علمنی بیلور ایدی) и 25б (سیاق علمی‌نی خوب بیلور ایدی).

[164] *Рашаҳāт*, рук. ЛГУ, л. 179б; рук. Аз. муз., л. 247а; литогр., 340: آراسته بانواع واصناف علوم ظاهری وباطنی ودانشمند متبحّر بودند ودر علوم عقلی ونقلی درجهٔ کمال داشتند.

[165] <В экз. В. В. Бартольда после заключительной фразы добавлено: «Слова Ed. Meyer, *Ursprung und Anfänge des Christentums*, II, 120 о случаях победы религии над наукой (по отношению к иудейству): „Dies ist der schwere Kaufpreis, den das Menschengeschlecht für die Ethisierung der Religion hat zahlen müssen"». — *Ю. Б.*>

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЗОР ЖИЗНИ УЛУГБЕКА

1394 г. 22 марта. Рождение Улугбека в Султании.
1394—1405. Воспитание Улугбека под надзором царицы Сарай-Мульк-ханум.
1394, май. Вызов цариц с детьми в Армению и Закавказье.
1395. Возвращение их в Самарканд.
1396. Встреча Тимура в Хузаре.
1397—1398. Сопровождение Тимура в индийском походе до Кабула.
1399, 30 марта. Встреча Тимура на берегу Аму-Дарьи.
1399—1404. Сопровождение Тимура в походе на запад.
1399—1400. Зимовка в Карабаге.
1400—1401. Зимовка в Султании.
1401—1402. Зимовка в Карабаге.
1402—1403. Зимовка в Султании.
1403. Встреча Тимура в Эрзеруме.
1403—1404. Зимовка в Карабаге.
1404. Возвращение в Самарканд. Свадьба Улугбека. Участие в походе на Китай. Назначение правителем Ташкента и Моголистана.
1405, 14 января. Прибытие в Отрар.
1405, 18 февраля. Смерть Тимура.
1405—1411. Улугбек под опекой эмира Шах-Мелика.
1405, март. Пребывание в Бухаре и бегство в Хорасан.
1405—1406. Улугбек — князь Шапургана и Андхоя.
1405. Поход за Аму-Дарью. Возвращение жены Улугбека.
1406, февраль. Поражение при Карши и бегство в Хорасан.
1406—1409. Улугбек — князь северного и среднего Хорасана.
1407. Присоединение к уделу Улугбека Мазандерана. Восстание в этой области. Поход Шахруха и встреча его с Улугбеком в Кучане.
1409. Поход Шахруха на Самарканд и занятие города (13 мая). Посольство в Китай.
1409—1449. Правление Улугбека в Мавераннахре.
1410. Борьба с Шейх Нур ад-дином. Поражение Шах-Мелика и Улугбека при Кызыл-Рабате (20 апреля). Улугбек у Келифа и Термеза. Поход Шахруха. Новое поражение Шах-Мелика. Победа Шахруха при Кызыл-Рабате (12 июля); занятие Самарканда (14 июля). Отъезд Шахруха (23 июля).

1411. Усмирение восстания Шейх Нур ад-дина. Новый поход Шахруха; встреча с ним Улугбека на Кашка-Дарье (осенью). Отъезд Шахруха и Шах-Мелика.
1412. Рождение старшей дочери Улугбека (19 августа в Герате).
1413—1426. Шах-Мелик — правитель Хорезма.
1413. Поход Шахруха на запад. Слоны из Самарканда.
1414. Захват Улугбеком Ферганы. Улугбек в Герате (ноябрь).
1415. Послы из Самарканда в Китае.
1416. Улугбек на Сыр-Дарье против узбеков (март—апрель). Присоединение Кашгара. Посольство из Моголистана.
1417. Улугбек в Герате (7 мая); участие в приеме китайских послов. Зимовка на Чирчике.
1418. Возвращение в Самарканд (февраль). Переворот в Моголистане и посольство оттуда в Самарканд; освобождение заключенных в самаркандской цитадели моголов.
1419. Смерть жены Улугбека Огэ-бегум. Прибытие узбецкого царевича Бурака. Китайские послы в Самарканде (август). Поход к Сыр-Дарье (август—октябрь). Смуты в Моголистане; послы от Худайдада. Возвращение в Самарканд; путешествие в Бухару (ноябрь). Упоминание построенного Улугбеком в Бухаре медресе. Паломничество Мухаммеда Парса. Посольство в Китай (декабрь).
1420. Приезд послов из Герата в Китай; отправление с ними послоз Улугбека (февраль). Поход к Сыр-Дарье против моголов (июнь—июль). Рождение сына Улугбека, Абдуллы (июль). Прибытие Шир-Мухаммед-хана; попытка его бежать (октябрь); отъезд его с согласия Улугбека (декабрь). Постройка медресе и ханаки в Самарканде. Взятие войсками Улугбека крепости Рух.
1421. Рождение сына Улугбека, Абд ар-Рахмана (13 января). Известие о победе Шир-Мухаммед-хана в Моголистане (май—июнь). Успехи войск Улугбека там же.
1421—1422. Зимовка в Бухаре; посольство из Тибета.
1422. Улугбек в Герате.
1423. Известие об успехах Бурак-хана в Золотой Орде. Столкновение между Улугбеком и моголами.
1424. Приготовления к походу на Моголистан. Зимовка на Сыр-Дарье.
1425. Известие о новых успехах Бурак-хана. Поход на Моголистан до Кунгеса (февраль—июнь). Улугбек в Герате (октябрь—ноябрь).
1426. Притязания Бурак-хана и разрыв между ним и Улугбеком.
1427. Поход Улугбека к Саганаку, поражение его и опустошение узбеками Мавераннахра. Окончание математического труда Гияс ад-дина Джемшида Каши (2 марта) и поднесение его Улугбеку. Поход Шахруха и пребывание его в Самарканде (июль—октябрь).
1428. Провозглашение узбецким ханом Абулхайра.

1429. Известие о гибели Бурак-хана.
1429? Гибель Вейс-хана в битве с Сатук-ханом.
1430. Посольство из Самарканда в Китае.
Зима 1430/31. Нашествие узбеков на Хорезм.
1432. Смерть сына Улугбека Абд ар-Рахмана (15 января). Туркменский царевич Яр-Али отправлен в Самарканд (осенью) и там подвергнут заключению.
1433? Избиение могольских предводителей в Самарканде и взятие в плен Юнус-хана.
1434. Путешествие Улугбека в Герат.
1434-35. Сооружение главного здания Шах-и зинде от имени Абд ал-Азиза.
1435? Потеря Кашгара.
1437. Обрезание Абд ал-Латифа в Герате. Составление астрономических таблиц Улугбека.
1438. Прибытие в Самарканд дочери Улугбека.
1439. Возвращение ее в Герат.
1441. Прибытие в Самарканд Абд ал-Латифа. Смерть министра Улугбека, Насир ад-дина Хавафи (20 июля).
1442. Прибытие в Самарканд матери Улугбека Гаухар-Шад (январь) и возвращение Абд ал-Латифа с нею в Герат (февраль).
1444. Болезнь Шахруха и споры о престолонаследии.
1445. Письмо китайского императора на имя Улугбека.
1446. Поход Шахруха на запад. Захват узбеками северной пограничной области владений Улугбека.
1447. Смерть Шахруха (12 марта). Поражение и взятие в плен Абд ал-Латифа около Нишапура (29 апреля). Поход Улугбека и договор между ним и Ала ад-дауля.
Зима 1447/48. Столкновение между Ала ад-дауля и Абд ал-Латифом.
1448. Победа Улугбека над Ала ад-дауля при Тарнабе. Занятие Герата, поход до реки Ибришем и отступление. Восстание в крепости Нерету и осада мятежниками Герата; прибытие туда Улугбека; разпрабление войском Улугбека окрестностей Герата (ноябрь). Нашествие узбеков на Мавераннахр. Возвращение Улугбека в Самарканд, Абд ал-Латифа в Герат.
1449. Борьба за Хорасан между Яр-Али туркменским, Бабуром и Султан-Мухаммедом. Восстание Абд ал-Латифа против Улугбека; стычки на берегу Аму-Дарьи. Восстание Абу Са'ида и возвращение Улугбека в Самарканд. Победа Абд ал-Латифа над Улугбеком близ Димишка (сентябрь—октябрь). Убиение Улугбека (25 или 27 октября). Убиение его сына Абд ал-Азиза.

روضة الصفا تاليف محمد بن خواند شاه
المعروف بميرخواند

ذكرتوجّه ميرزا الغ بيك بجانب جتّه ومغولستان وبيان سبب آن در آن اوان كه سرداران جتّه از منازل ومواطن خود كريزان وبهر طرف پويان واين المفرّ كويان التجا بدركاه ميرزا الغ بيك كوركان آوردند شاهزادهٔ جوانبخت همه‌را در ظلّ حمايت ورعايت خويش ماوى داد وايشان مدّتى در كنف رحمت خسروانه ورافت پادشاهانه بسر بردند وبجزايل نعم ومواهب كرم از درهم ودينار وخلعتهاى فاخر وثياب زاهر[1] واسپان راهوار بادنعل آتش كردار ومنازل روح بخش فرح افزاى اختصاص يافتند وآخر الامر بر مقتضاى

وَالبَلَدُ الطَّيِّبُ يَخْرُجُ نَباتُهُ بِاِذْنِ رَبِّهِ والذى خَبُثَ لايَخْرُجُ الّانَكِدا[2] سوء نيّت بل شرارت طبيعت ايشان باعث ومحرّص شد كه بعد از وصول بمواطن خود همه حقوقرا بعقوق مقابله كردند بيان اين سخن آنست كه پسر على بكريت[3] بى جهت ظاهر از دركاه اعلى روى كردان[4] شد واسكندر پسر ملك شاه تواچى بموجب فرمان از عقب او رفت وچون غيبت اسكندر امتداد يافت ميرزا الغ بيك كوركان بيك ارسلانرا[5] هم بدين مهمّ فرستاد وبعد از مدّتى كه فرستادكان باز آمدند معروض داشتند كه صدر الاسلام بعرض ميرساند كه بنده بران است كه در فصل بهار قاصدى بدركاه خسرو فلك اقتدار فرستد ودر باب جريمهٔ پسر على بكريت كلمهٔ چند بر سبيل التماس بمسامع عليّه رساند كه اكر ملتمس بنده قبول افتد فبها والاّ بجز تسليم وانقياد چارهٔ

L = ed. lithogr. ind. ann. 1883, p. 1292 sq.; A, B, C = codd. Mus. As. 569 f. 227 b—233 a, 569 aa f. 138 a—141 b, 570 f. 324 a—332 a; D, E, F = codd. Univ. Petrop. 29 f. 209 b—215 b, 132 f. 422 a—428a, 291 f. 212 a—218 a.

[1] Sic C; LA om.; BDEF [B وثبات] وثياب عيش ظاهر.

[2] Kor. VII, 56.

[3] C hic et infra تكرتى.

[4] C روى كردون.

[5] Sic LB; AC om. بيك; DF كوركانرا بيك اصلانرا; E كوركانرا بيك اسلانرا

نیست فصل بهار آمد وقاصد نیامد وعلامات نفاق وشقاق بر صفحات روزکار ایشان ظاهر ولایح کشت وچون آن قوم مربوب شفقت ومعمور نعمت جناب شهریاری بودند ورعایت جناب بندهٔ عاصی ومطیع بر همم علیّه وشمم رضیّه از جملهٔ واجباتست لاجرم بمشیّت وباس[1] بآن جمع ناشناس ناسپاس مبادرت نرفت بامّید آنکه یدع عیسی الایّام[2] ان یعرض[3] قوما کالذی کانوا تا بهار وتابستان کذشت وفصل تیرماه[4] روی نمود واز رسیدن قاصد وایلچی یاس تمام حاصل آمد وآن جماعت که نقض مبانیء عهودرا ملتزم میکشتند رای صوابنمای بر استیصال آن مفسدان قرار کرفت وچون عزیمت جناب خسروی بر توجّه بدان جانب تصمیم یافت امیر حمزهرا بخراسان فرستاد تا صورت قضیّهرا بتفصیل بعرض حضرت خاقان حمیدهخصال رساند وآنچه رای صایب وفکر ثاقب صواب شمرد بدان اشارت فرماید وحمزه بپایهٔ سریر اعلی آمده ادای رسالت کرد وحضرت خاقان سعید آن یورشرا صواب شمرده فرستادهرا باز کردانید وحمزه بسمرقند رفته صورت حال باز نمود ومیرزا الغ بیك از روی انبساط رایت نشاط بر افراخت وبدلی فسیح ونیّتی صحیح بتهیّهٔ اسباب لشکرکشی اشتغال فرمود وچون عزیمت تصمیم یافت ولی بیك قوچینرا بدار السلطنة هراة فرستاد تا حضرت خاقان سعیدرا از توجّه رایات فتح آیات بجانب جتّه اعلام دهد ومیرزا الغ بیك روز چهارشنبه یازدهم ذی الحجّه سنهٔ سبع وعشرین وثمانمایه موافق اوئیل که آفتاب در اواخر حوت بود مصراع بفال همایون ورای صواب* پای سعادت در رکاب فلك انتساب[5] آورده سوار شد به نیّت آنکه چند کاه در حوالیء شاهرخیّه توقّف نماید وجون لشکرها مجتمع شوند ازانجا بفیض فضل آفریدکار عنان جواد حرکت بجانب اعدا منصرف کرداند وفرمود تا سپاهی که در نواحیء سمرقند وکش ونخشب وبخارا خیام اقامت زده بودند بزودی در حرکت آیند وتواچیان وایلچیانرا فرمان شد تا چریك سایر ولایاترا چون ترمذ ونوندك وچغانیان وفرغانه وشاش واسبیجاب وینکی طراز واترار وصبران وغیر ذلك جمع آورند ودر اندك زمانی بر حسب میعاد در ساحل آب سیحون لشکری جمع کردید که هامون وکوه از کثرت آن بستوه آمد وجناب شهریار کامکار دانست که کنار آب تاب چنین دریای لشکر نخواهد آورد بنابرین فرمان نافذ شد که میمنهٔ عساکر منصور بالتمام در ولایت اندجان[6] اقامت نمایند ومیسره بجملکی بجانب دیار اترار[7]

---

[1] L دهشت وباس E بمشیّت وپاس DF ; منت وپاس B om. A هیبت وباس (om. دهشت).

[2] BC یدع ; L یدع علی الایام ; DF یدع علی الایامر ; E یدع علی الایام ; A om.

[3] L بعضی B بعرض CDFE بعض. [4] C پاییز.

[5] DF ظفرانتساب. [6] DF اندخود.

[7] Sic C; BDEFL استراباد A om.

روانه شود وقلب سپاه در ساحل سیحون[1] باشند وبرین نهج افواج حشم در مواضع مقرّره آرام گرفتند وجناب شهریار عادل فرمود تا تغارها که جمع اورده بودند بلشکریان تفریق کردند وهر فردی از افراد سپاهرا علفه وعلوفه مستوفی رسید چنانچه طعام اقامت وسفر اورا وافی وچهارپایان اورا در ذهاب وایاب قضیم وعلیق کافی گردید وعدّت وآلت وما یحتاج چریك منصور مرتّب گشت وحکم قضامضا نفاذ یافت که امراء تواچی در سان لشکر تفحّص بلیغ نمایند وایشان بفرموده عمل نموده هرجا قصوری بود بعرض رسانیدند وآیت عذاب در باب ارباب تقصیر نازل شده در معرض سخط وعتاب ونکال وعقاب آمدند ومیرزا الغ بیك ابواب خزاین کشاده عساکر گردون مآثررا اکاکا داد وامراء تومان وقوشونرا علی اختلاف طبقاتهم بصلات بنواخت وهمهرا منشرح صدر گردانید واداوات حرب وآلات طعن وضرب از تیر وکمان وسیف وسنان وگرز وخنجر وخود وسپر وزره وبکتر وپوش وجوش بیرون از وهم بر امجاد اجناد[2] قسمت یافت بمرتبهٔ که قسّام بستوه آمد درین اثنا یماوق از پیش براق اغلان که در دشت قبچاق دران نزدیکی بر سریر خانی نشسته بود بدرگاه فلك اشتباه میرزا الغ بیکی آمد وچند دست شنقار با اسپان راهوار ودیگر بیلاکات وتبرّکات بگذرانید واز جلوس براق خان بر مسند آبا واجداد خویش بشارت داد واین معنی موجب زیادتی مسرّت وارتیاح جناب الغبیکی شد ودر مفتح یورش پادشاه بی همال این صورت بفال خوب گرفت ویماوق چند روز در اردوی همایون توقّف نموده رخصت انصراف طلب داشت وجناب شهریاری اورا بافسر واکرام وخلعت وانعام اختصاص فرموده اجازت داد وترسن[3] اغلان وتورك[4] برلاس را که آن یك از اغلانیان کبار واین یك از امراء رفیع مقدار بود نامزد دشت قبچاق فرمود تابخدمت براق خان رفته مراسم تهنیة جلوس بتقدیم رسانند وتحف ارجمند وهدایاء دلپسند چون خلعتهای طلادوخته وثیاب زربافته وتاج وکمر وترکشها وشمشیرها با بند زر واسب واستر وخرگاه وخیمه وبارگاه ودینار ودرم وکوس وعلم ورکاب خانه واوانی[5] با دیگر اسباب سلطنت وجهانبانی[6] واصناف[7] شاکر وپیشکان مانند رکابدار وباورچی ونقارهچی همراه ایلچیان روانه فرمودع چنین کنند بزرگان چو کرد باید کرد * ویماوق وترسن اغلان وتورك برلاس باتّفاق متوجّه دشت قبچاق شدند ودر خلال این احوال چنکه[8] که بفرط ذها وکمال ذکا معروف ومشهور بود از جانب خراسان رسیده

---

[1] Sic BCE; DF جیحون L در ساحل قرار گیرد A om.

[2] Sic E; C ایجاد انجاد DF بر ایجاد A بر اجناد L آحاد واخیار.

[3] BC توسن infra ترسن L یورش A تورسن infra توش DF درسن E برسن infra توسن.

[4] Sic CL; A تورسن; infra نوکر B لورك infra نودك DEF نورك infra نوکر.

[5] C وفرش واوانی E وفرش.

[6] C وچهارپایان.

[7] C واسباب.

[8] C چنکه infra جنکه; L تواچی A جکه تواچی B حله E چنکه DF جکه.

معروض داشت که حضرت خاقان سعید میکوید که شما لشکرها جمع آورده در شاهرخیّه قشلاق کرده اید وداعیهٔ آن دارید که بولایت جتّه ومغول روید چکونه با ما درین امر مشورت نکردید واز رای اصابت شعار ما استطلاع ننمودید میرزا الغ بیك در جواب فرمود که شروع درین یورش بی رخصت حضرت اعلی نبوده چه حمزه وولی بیك‌را جهت استجازه پیش ازین بدرکاه عالمپناه فرستاده شده بود وایشان بعد از مراجعت باز نمودند که آن حضرت تصویب این اندیشه فرموده ونشان همایون موافق قول خویش همراه آوردند چنکه کفت که حضرت خاقان سعید توجّه شمارا بدان جانب از طریق صواب بعید میشمارد وجناب شاهزاده جواب داد که آنچه از ما واقع شده بنابر اشارت رای صواب نمای بوده وبمقتضیء الشروع ملزم این عزیمت بامضا خواهیم رسانید وتاخیر وتسویق درین کار موجب آن میشود که بعد از ترتیب وتجهیز لشکرها وآمدن تابدین مقام دور ونزدیك وترك وتاجیك مارا برکاکت رای وقلّت ثبات وتلوّن مزاج منسوب دارند ودیکر با صادرات اقوال وافعال ما اعتماد ننمایند ونشان حضرت خاقانی‌را که مشتمل بود بر استحسان آن عزیمت با چنکه فرستاده شد وچون چنکه باز کشت امیر یوسف خواجه پسر امیر شیخ علی بهادررا حضرت خاقان سعید پیش میرزا الغ بیك فرستاد تا شاهزاده‌را ازان یورش منع کند ویوسف خواجه در آن باب از زبان همایون آن حضرت مبالغها نمود ومیرزا الغ بیك اعادهٔ آن کلمات کرد که با چنکه در میان آورده بود بلکه دیکر سخنان معقول ضمیمهٔ آن کردانید ویوسف خواجه جواب بصواب شنیده دم در کشید القصّه بیت چو خورشید سر برزد از برج حوت * بفرمان حیّ الذی لایموت * جناب سلطانی بتوفیق حضرت سبحانی رایت جلادت بجانب جتّه بر افراخت وصباح شنبه بموجب بارك الله فی سبتکم وفی خمیسکم بیست وهفتم ربیع الاوّل سنهٔ ثمان وعشرین وثمانمایه بدلالت دولت مصراع بطالعی که تولاّ کند بدو تقویم * از قشلاق شاهرخیّه بعزم جتّه سوار کشت بیت شاه عزم خطّهٔ بدخواه کرد * با فزاید دین ودولت را صلاح * ثابت الاقبال ومنصور اللوا * مستقیم الامر ومامول النجاح [1] * دولت اندر پیش وفیروزی زپس * نصرت اندر قلب وعزّت بر [2] جناح * با لشکری که کوه از حمل آن بستوه آمد ومرکز زمین از ثقل آن از جای خود بجنبید از برای عبور کذار چیناس‌را [3] اختیار فرمود وچون قلب سپاه بتاشکنت رسید میمنه ومیسره ملحق کشتند وامرا وبهادران ومبارزان ودلاوران از اطراف [4] ممالك محروسه باردوی همایون پیوستند ومیرزا الغ بیك بمقتضیء وشاورهم فی الامر [5] عمل نموده فرمان داد تا امرا وارکان دولت جمع آمدند وفرمود که درین امر مشورت کنید وآنچه وظیفهٔ حزم واحتیاط است

---

[1] Sic DEF; B ومامول الجناح C مامور النجاح LA om.

[2] C در.

[3] C خیاس‌را.

[4] DF add. واکناف.

[5] Kor. III, 153.

بدان قیام نمائید ایشان گفتند رای پادشاه اصوب است بهر چه اشارت فرماید مقرون بصلاح ونجاح خواهد بود میرزا الغ بیك فرمود که درین ایّام استماع افتاد که جمعی از جتّه مقدّم ایشان ابراهیم پسر توقتیمور بزرك از اقوام کرایت واولجای تیمور نبیرهٔ بدون از قبیلهٔ سلدوز وایرزن نارین کوچك با کوچ وبنه خود نزدیك ینکی طراز مقام ساخته اند باعتماد آن که بعد از حضرت صاحبقران مغفور هیچ ملك قصد ملك ایشان نکرده وهیچ خان میل خانهٔ ایشان ننموده فارغ وایمن وساکن ومطمئن نشسته اند مصلحت چنان مینماید که جمعی از بهادران وفوجی از نامداران بیخبر بر سر ایشان تاختن برند چه کار حرب مبنی بر مکر وخدع است امرا باجمعهم این فکررا صواب شمردند وبامضای این رای اتّفاق نمودند میرزا الغ بیك لقمان تواچی وپیری ملك وشاه ولی بهادر وابو بکر بهادر وابوکه بهادررا با ده هزار سوار همه مردان کار وشایستهٔ کارزار بر سبیل ایلغار بجانب آن قوم فرستاد ووصیّت فرمود که مطلقا آتش مکنید تا دشمن آگاه نشود وباید که چون ظفر یابید بزودی مراجعت نمائید تا ایشان تصوّر کنند که شرذمهٔ قلیل بوده اند که انتهاز فرصت نموده اند وغنیمتی بچنك آورده وبدین سبب در مقام خود توقّف کرده نگریزند تا رایت منصور برسد وامرا چون برق خاطف روی بمنازل آن جماعت نهادند ومیرزا الغ بیك با لشکرهای جهان از عقب روان شد امراء عظام بحزم واحتیاط تمام مراحل میپیمودند واز احوال آن قوم تفتیش وتحقیق لازم میدانستند وچون چند منزل قطع کردند جهت استخبار واستطلاع احوال ایشان جمعیرا بزبان کبری فرستادند وقراولان لشکر منصور که باین امر رفته بودند ناگاه بخانهای بعضی مخالفان رسیدند فی الحال ساکنان بیوترا بگرفتند وبسبب اشتغال بغارت وتاراج غفلتی واقع شده یکی از اهل آن خانها فرصت یافته بگریخت وابراهیم توقتیموررا از رسیدن سپاه آگاهی داد فی الحال با الجای تیمور وایرزن از خوف اولجا شدن عیال واطفال خودرا با آن مقدار اموال که میسّر شد بر گرفته رو بگریز نهادند وبسیاری از مردم خودرا در قزل سوی خاصکنت [1] گذاشتند امرا چون روز شنبه یازدهم ربیع الاوّل بقزل سو [2] رسیدند دست باسر وغارت عامّ بر آوردند وغنایم بسیار از اغنام وسوایم دوابّ وانعام وسایر اجناس فوق الحدّ والقیاس در تحت تصرّف آوردند وبموجب فرمان جهانمطاع العود احمد خوانده موضع اشپرهرا مقام [3] محمود [4] دانسته بمقصد انجا باز گشتند وتصوّر ایشان آن بود که چون دشمن پشت داده روی بگریز نهاد وبهزار حیله خودرا از ورطهٔ هلاك وبوار خلاص ساخت باز خویشرا در مهلکهٔ

[1] Sic BCE; DF در قزل خاصکنه LA در منازل خود .

[2] Sic BCDEF; LA بر سر یاغی .

[3] Sic BE; C اشیره ومقام DF اسپرورا مقام LA استرهرا مقام .

[4] B نامحمود .

ولا تُلقُوا بِأَيْدِيكُم الى التَهْلُكَة[1] نيندازند وابراهيم توقتيمور از فرط طيش وخفّت راى بعد از انهزام بجهانشاه پسر قمر الدين اعتصام نمود ودر موضع بغوم[2] باورسيد جهانشاه چون اين صورت مشاهده كرد خواست كه او نيز فرار نمايد اما ابراهيم واتباع او تضرّع بسيار اظهار كرده گفتند كه اين جمع كه مارا پريشان ساختند شاه‌ولى بوده با خيل خود اكر چنانچه در عقب او برويم وبر وى شبيخون زنيم واموال خود استرداد نمائيم ومردم خويش‌را از ذلّ اسر خلاص كنيم موجب نيكنامىء ما باشد وباين دمدمه وافسون جهانشاه وقوم اورا مغرور كردانيده همه‌را در تيه ادبار سركردان ساخت وباتّفاق يكديكر غافل از سوء عاقبت در عقب امرا كام غرض[3] كشاده ودندان طمع تيز كرده وبا جان خود در مقام ستيز[4] آمده به تعجيل روان شدند وامرا باز كشته باقسو[5] رسيدند كه ناكاه سياهىء سپاه دشمن ظاهر كشت همه مستعدّ جنك وجدال ومتشمّر حرب وقتال شده ودر جانغار* ايرزن جاى داشت ودر برانغار[6] ابراهيم واولجاى تيمور ودر قلب جهانشاه قرار كرفته بود وازين جانب ميمنه وميسره آراسته صفها راست كردند[7] وفوج فوج چون دريا در موج آمدند بيت همه كردن كشان كرزافكن * همه نيزه‌زنان تيغ كزار* همه داننده جنك‌را تدبير* همه بيننده حرب‌را هنجار * اعدا جمله حمله آوردند و بر لشكر منصور تيرباران آغاز كردند وايشان ناوك دلدوز دشمنان را بسپر رو كرده دست به تيغ[8] وخنجر ونيزه[9] كشادند وبزخم شمشير آبدار دمار ازان خاكساران بر آوردند وباتش سنان شرربار باد نخوت وپندار از دماغ مخالفان بيرون بردند وجمعى كثيررا در آن معركه بر خاك هلاك انداختند وابرهيم توقتيمور آزرصفت[10] با دو پسر ويك برادرزاده با جان پرآزار روى بوادىء[11] هلاك نهادند واولجاى تيمووررا نيز با دو پسر ويك برادر بقتل آوردند امرا چون از كار حرب باز پرداختند از سرهاى اهل عدوان وطغيان منارها ساختند وسر ابراهيم‌را مصحوب شيخ درويش بخشى بدركاه كيوان‌رفعت فرستادند وبر حسب فرمان عزيمت اشپره[12] نمودند واين واقعه در روز دوشنبه سيزدهم ربيع الآخر دست داد ذكر وصول موكب فيروزى اثر باشپره[13] ورسيدن امرا بخدمت وترتيب دادن لشكرها وقول وميمنه وميسره چون بوصول

---

[1] Kor. II, 191.

[2] Sic DF; C بعوم E بغوم B om. LA ودر بعضى مواضع بقوم او رسيده .

[3] C انتقام . [4] DF add. وآويز . [5] DF بتاق سور .

[6] Om. C. [7] C آراستند .

[8] DF به تير B add. وشمشير . [9] LAEDF add. وشمشير .

[10] B ازادصفت C اورزاده DF آذر در صف LA om.

[11] B جان بر در DEF جان بر آذر LA om.

[12] C اشيره E آشيره . [13] LA باشيره B باشيره CE بآشيره D om.

رایات نصرت شعار [1] جناب الغبیکی بمقتضیء لکلّ مکان دولة موضع اشپره [2] مشرّف کشت امرای نامدار بفتح وتایید قرین وبنصرت وظفر قدیر [3] بمقرّ سریر مبادرت نمودند میرزا الغ بیك ایشانرا به ثنا وآفرین معزّز فرمود وبنوازش وعاطفت هر یكرا مشرّف ساخت سران سپاه بشکر الطاف جناب سلطنتپناه [4] رطب اللسان کشته زبان اعتذار بکفتار در آوردند که اینها همه از آثار دولت روزافزون ونتایج اقبال وسعادت رکاب همایونست وبعد ازین رای زرین شهریار ظفرقرین برین قرار کرفت که چون لشکر بولایت دشمن در آمد باید که طریق حزم واحتیاط مسلوك [5] رود [6] بیت مبادا که دشمن بکین [7] آورد * نهان [8] اسب کین زیر زین آورد * بغفلت برون آید او از کمین * سرش پرفضول ودلش پر زکین * وده [9] روز در اشپره [10] جهت تعبیه وترتیب سپاه توقّف واقع شد ومیمنه ومیسره وقلب وجناح وهراول وقنبل دست راست ودست چپ بمبارزان روزکار وصفدران [11] کارزار آرایش یافت واز جملهٔ مردان مرد ودلیران صفنبرد که دران یورش ملازم بودند وهر یك بمقام ومحلّی منصوب شدند ارسلان خواجه ترخان بود وتوکل بیك [12] قوچین وابوکه [13] بهادر وشاه ولی وسلطان ملك پسر تیمور ملك ومحمد مزید والوس اغلان وعلی بیك ترخان ومحمد برلاس وتوکل وشیخ بایزید وسارو داود [14] واياچی بوغا وایدکو [15] پسر [16] بختی خواجه اوزبك واویس قوچین وابراهیم پسر امیر ایدکو تیمور وخواجه یوسف پسر امیر الیاس وخواجه مراد قوچین وجقماق وایلچیکدای واسکندر پسر هندو بوقا وپهلوان قطب الدین برادر وفادار وسلطان [17] ترخان وعادل بیك وسلطان اویس برلاس وشیخ ابو سعید وفرمان شاه وامان شیخ ومحمد برلاس ومحمود آتلمش وابا بکر وقوی ملك وسلطان احمد پسر تیمور تاش ودیکر بهادران وسرداران بیت همه کمانکش ورزمآزمای وتیرانداز * همه مبارز وآهنلباس وجوشن در * [18] یکی بتیر فکندن بسان آرش بنو * [19] یکی بنیزه زدن بر مثال رستم زر * وچون تعبیهٔ لشکر انتظام یافت وجای هر کس در موضع خود مقرّر شد فوج فوج از محلّ خود در جنبش آمدند وچون موکب همایون باقسو رسید امرا واکابر [20] مغول با صد وپنجاه

---

[1] DF نصرت‌آیات L نصرت‌آیت .
[2] LBE اشیره C اشیره .
[3] Sic BCE; LA وبتایید نصرت ظفرقرین DF وبظفر ونصرت همنشین .
[4] C سلطنت‌مآب .
[5] C مسکوك .
[6] A بود DF دارد .
[7] DF کمین .
[8] LA زمان .
[9] LAB ودو .
[10] LB اشیره C آشیره .
[11] AF وصفداران .
[12] DF خواجه LA om. nomina.
[13] BCDEF hic ابوك .
[14] Sic CE; B وسایر DF وداود وداود ونسا .
[15] B وایدو D واینکو F وایلچی بوقارا نیکو .
[16] C وپسر .
[17] DF om. و .
[18] B وحوشن بر .
[19] Sic BDF C s. p. E بسان اش زنبور LA om.
[20] BDF tantum امرا E امراو LA امرا وارکان .

مرد بر حسب فرمان بر زبان کیری از پیش روان شدند وشخصیرا از مردم آن دیار کرفته باردوی همایون رسانیدند واو چنین تقریر کرد که جهانشاه[1] در الغ کبین[2] نشسته است میرزا الغ بیك با امرا مشورت کرده فرمود[3] که لشکر بکدام صوب صوابست که روی آورد وبچه جهت موجّه است[4] که توجّه نماید بعضی امرا چنان مصلحت دیدند که بجانب التون کول[5] بر سر صدر الاسلام وملك اسلام روند وبرخی کفتند که چون شیر محمد اغلان علم بی‌نیازی افراخته دم از عصیان وطغیان می‌زند اکرما نخست متوجّه التون کول[6] شویم او فرار نماید وبر سعی وطلب ما جزتعب ونصب فایدهٔ مرتّب نشود ومهمّ او اهمّ واولی است عاقبت برین رای مجموع اتّفاق نمودند وفرمان شد که ارسلان خواجه ترخان وخواجه یوسف پسر امیر الیاس[7] خواجه با پنج هزار سوار بر سر جهانشاه روند وموکب همایون بنابر آنکه دامن او به[8] برف مغموم[9] ومستور کردید وراه جواز از آن ممرّ بر[10] لشکر نامحصور غیر مقدور مینمود از آب جو[11] عبور فرموده براه ارکسو[12] توجّه نمود ذکر فرار نمودن امیر جهانشاه از استماع توجّه امرا وپیوستن ارسلان خواجه باردوی ظفرانتما حکم واجب الانقیاد نفاذ یافت که ارسلان خواجه ترخان با امرا متوجّه امیر جهانشاه شود ونخست اورا بانقیاد وتسلیم وسلوك طریق مستقیم دلالت کنند اکر رقبهٔ وجود در ربقهٔ اطاعت[13] آورد وطوق طوع وحلقهٔ اخلاص زیب وزین کوش وکردن کرداند وبر قبول تقبیل درکاه عالمپناه که موضع دولت واقبال است اقبال[14] نماید شرایط اعزاز واحترام او بجای آورند وتعرّض بایل والوس او نرسانند واکر برعناد وتمرّد اصرار نماید جمع اورا متفرّق

[1] LA add. سردار جتّه.

[2] B کشن C کسین E کستن DF کین A تکین L تمکین.

[3] Sic C; LABE مشورت فرمود DF مشورت کرد.

[4] Sic C; B وسپاه بجهت قوم ازیشان موجه E وسپاه بجهت قوم ازیشان متوجّه است DF است بکدام صوب متوجه شوند LA tantum [A جانب] وسپاه جته ازیشان متوجّه است.

[5] L التون کل A التو کل DF اکتون کل BCE التو کول et C in margine الغ کول.

[6] LA التو کل ceteri codd. ut supra.

[7] C om. امیر E om. الیاس.

[8] Sic B; C آوریه E بر DF روز [om. دامن] LA om.

[9] Sic E; BC معمور DF مامور LA om.

[10] B با. [11] C جور LADF om. [12] A اکسو DF ارکتو.

[13] C بقعهٔ عناد LA om. سر در ربقهٔ اطاعت.

[14] DF قیام.

کردانند ولشکررا رخصت دهند که از اتباع او هر کرا یابند بقتل رسانند وزن وفرزند اورا اسیر سازند وهمه اموال آن جماعت در معرض نهب وتاراج آورند ارسلان خواجه ترخان ودیکر امرا از موضع اقسو بدان سو روان شدند وجهانشاه چون از توجّه شاه آکاهی یافت مصلحت در توقّف ندید لاجرم عنان کریز بر تافت وارسلان خواجه اندیشید که اکر در عقب او روان شود بسهولت وآسانی رجوع بدرکاه سلطانی دست ندهد وحزم واحتیاطرا کاربند شده مرا بعت نمود ودر اثناء راه شنید که قومی از ایل بارین [1] از دابان [2] کذشته اند بداعیهٔ آن که بابش [3] روند وچون آز آمدن سپاه آکاهی یافتند سر آن قاب‌را که بمناعت جانب وحصانت اطراف موسوم است پناه خود ساخته اند وبدانجا تحصّن نموده اند ارسلان خواجه ترخان وامرا متوجّه آن جانب کشتند وبعضی از مخالفان‌را کشتند وفرقهٔ اسیر کرفتند وهرچه داشتند از اموال وجهات در تحت تصرّف آوردند وچون ترخان مذکور از کار بپرداخت مظفّر ومنصور رجوع [4] بدرکاه جهان‌پناه واجب شناخت ودر اب تکلیك [5] نزدیك آق چلیغ [6] بشرف بساطبوس مشرّف کشت واز جملهٔ اسیران قماء خضر خواجه اغلان بود فرمان شد که اورا باعزاز واکرام بدار السلطنت سمرقند برند ومیرزا الغ بیك از این منزل بایزید اغلانرا که معرکهٔ بسیار دیده بود وکرم وسرد روزکار چشیده با بیست سوار بزبان‌کیری فرستاد وکچیکای ایشان مراد قوچین تعیین [7] فرمود که مردی بود مردانه وکارآزمای وفرزانه وهزار سوار مصحوب او کردانید وفرمود که بیك منزل فاصله همجا بر عقب بروند وبایزید اغلان وخیل او چون اندك اند پیش باشند تا جمعی که در کنارهای راه مقیم اند دور نشوند ونکریزند ومراد قوچین با لشکر [8] بیك منزل در عقب باشند تا اکر از [9] دشمن قوچین جماعت مقدّمرا [10] پیش آیند وایشانرا با آن قوم قوّت مقاومت نباشد مدد مراد قوچین زود رسد وفرمود که در راه از جوانب آکاه باشند وروز سکون وآرام التزام کنند وچون شب شود بحرکت اقدام نمایند ودر روز وشب مطلقا آتش نکنند وبطعام پخته که با خود داشته باشند اکتفا کنند وچون ایشان روانه شدند میرزا الغ بیك ازانجا کوچ کرد وچند منزل قطع فرموده بموضع بورالغو [11] رسید وفرمود

---

[1] Sic E; B بارین C بادین DF یاری LA om.

[2] BC دایان E دبان DF وابال LA از پل بازیر [A s. p.].

[3] B بایش C add. بازپس .

[4] C add. باز .

[5] Sic BE; C تکلیل DF تکلك LA om.

[6] Sic C; B آن جنبع (om. نزدیك) E آنجمع DF نزدیك جمع LA om.

[7] C مراد قوچین حسین‌را .

[8] Com. با لشکر

[9] B تا کذار .

[10] Sic CDEF [جماعتی C]; B مقدم L tantum حوصی جماعت‌را A جماعتی وجماعتی .

[11] Sic B; C دورالقو E بورالقو DF بورالغور L بور القدر A نور القدر .

تا بر آنجا نصبهٔ[1] که ترکان. آنرا اوبا[2] گویند ساختند بلند واستوار برای نشانه وازانجا روان شد چون در ارکنان قرشوت[3] نزول واقع شد مراد قوچین وبایزید اغلان که بزبان کیری رفته بودند رسیدند وگفتند که بموجب فرمان جهانمطاع بندکان تا آبش[4] رفتند ودشمنان از استشعار توجّه موکب کیتی‌ستان چندان صحرا وبیابان طیّ کرده گریخته بودند که هرچند سعی نمودند متنفّسی ازیشان نیافتند وهرچند مفاوز ومسالك پیمودند در آن دیار دیّار پیدا نشد بیت کسی کز تو ترسان شود خواهدی * که در تنك‌تر آشیان باشدی * زبیم حسامت روا داردی * که در کام شیران نهان باشدی * وچون فرمان قضاجریان بدان سان نفاذ یافته بود که بندکان از آبش پیشتر نروند ازانجا قدم فراتر نتوانستند نهاد بیت اکر عقل داری وفرهنك ورای[5] * مکن بر خلاف شهنشاه رای[6] * که چون نیك آید ندارد صواب * وکر بد بود اوفتی در عقاب[7] * القصّه چو خورشید بر زد سر از برج کاو * بکردون[8] بر آمد خروش چکاو * خورشید آسمان سلطنت مرغزار آبش‌را[9] که از قدیم الایّام خانهٔ خانان جتّه وآرامکاه جنود ایشان بود مرکز رایات شیرشعار وجولانکاه اعلام اژدهاکردار خویش کردانید ودر اثناء این اوقات ناکاه از پیش قراول خبر رسید که بر بالای کیتو[10] سیاهیء سپاه دشمن پدید آمد میرزا الغ بیك فی الحال بنفس مبارك خود با خواصّ[11] فتیان روی بایشان آورد وآن جماعت بر فور پریشان کشتند فوجی از بهادران در طلب مخالفان سعی نمودند که بایشان رسند نرسیدند وموکب همایون از آبش[12] کوچ کرده ومسافت پیموده چون در موضع قوش بولاق[13] نزول نمود شیخ درویش کوکلتاش از پیش امیر خداداد که در میان الوس جتّه بعلوّ شان وسموّ مکان اتّصاف داشت وتا غایت تن به تسخیر هیچکس نداده وهیچ پادشاه‌را کردن انقیاد ننهاده آمد وسخنان امیر مشار الیه‌را بعرض رسانید مضمون آنکه مدّتی مدید وعهدی بعید است که در میان قوم جتّه روزکار می کذرانم وعمر عزیز در رتق وفتق امور ایشان صرف میکنم از مبدأ حال تا اکنون انتظام[14]

---

[1] DF قصیهٔ L قصبهٔ.
[2] Sic CE; B او DF دبا A اریا L ابنا.
[3] Sic C; B در ارکنون قوشون D در ارکنون قوشوت E داو اکنون قوشون F در اثناء راه LA در راکنون قوشون.
[4] A بابش.
[5] C یار E ویار.
[6] CE کار.
[7] BDF در عذاب.
[8] C بکردان.
[9] C آیش‌را.
[10] Sic C; BDF کشور E کنتو L کنبوپناهی A کیتونیاه.
[11] C باسپاه.
[12] C آیش.
[13] Sic CE; LABD قوش بلاق F قوش بالاق.
[14] BL انتظامی DF om.

در روزکار این جماعت مشاهده نکردم واز انوار نیکان پرتوی در ناصیهٔ هیچ یك از ایشان ندیدم که گفته اند ع پرتو نیکان نکیرد هرکه بنیادش بدست* هرچند این قوم‌را نصیحت کردم واز مخالفت آن حضرت تحذیر نمودم مفید نیفتاد وحالا بنده جز درگاه عالمپناه ملجأ وملاذی نمی‌شناسد ومیخواهد که روی بآستان دولت‌آشیان که کعبهٔ آمال وامانی وقبلهٔ اقبال وکامرانی است آورد وخودرا از ذلّ این اراذل واز دام ادبار این مشت جاهل خلاص دهد میرزا الغ بیك پیغام امیر خدادادرا اصغا نموده دانست که این کلمات از سر اخلاص است وآن حکایات از محض اختصاص لاجرم فرستاده‌را بنواخت وامیر خدادادرا در آن قضیّه محمدت وتحسین فراوان ارزانی داشت وازان منزل کوچ کرده در ارپا یازی[1] نزول فرمود وحسین ملك[2] قوچین‌را که امین دولت بود ودر سفارت با خبرت مصحوب شیخ درویش کوکلتاش پیش امیر خداداد فرستاد ودر اثناء آن که کوکلتاش در اردوی همایون بود در پایهٔ سریر اعلی تقریر کرد که جهانشاه در ایسیق کول است وعزیمت آن دارد که بصدر الاسلام وملك الاسلام ملحق گردد ومیرزا الغ بیك چون این خبر استماع نمود فرمود که سلطان اویس برلاس با سه هزار سوار بجانب ایسیق کول رفته درهٔ سنکین تاش‌را[3] که سرحدّ یورت جهانشاه است نگاه دارد تا نتواند که بصدر الاسلام وملك الاسلام پیوندد وسلطان اویس بموجب فرموده بآن جانب رفت ومقدّمهٔ سپاه جهانشاه‌را دریافته ومردانرا کشته زن وفرزند ایشانرا اسیر کرد وجهانشاه چون ازین حادثه خبر یافت هزیمت غنیمت دانسته عنان معاودت برتافت وسلطان اویس بموجب فرموده در همان موضع توقّف نمود تا هرچه فرمان شود بدان عمل نماید میرزا الغ بیك چون حسین ملك[4] قوچین‌را پیش امیر خداداد فرستاد روز دیگر از آب جارون[5] عبور فرمود وبر ضمیر آفتاب اشراق گذشت که شاید که امیر خداداد بسخن مردم بدآموز بداعتقاد عمل کند واز جادّهٔ استیناس میل بجانب استیحاش نماید بنابرین ابوکه بهادررا[6] که از تربیت یافتگان دولت بود فرمود که با هزار سوار نزدیك ایل امیر خداداد بنشیند تا اگر او در توجّه تعلّل ورزد وبوعده وفا نکند خدمتش‌را بقهر وقسر بیاورد وابوکه[7] بر حسب فرموده بدانجا شتافت وموکب همایون براه تاش بویناق[8] در حرکت آمده در قزل سوی کوك تیپا[9] نزول فرمود

---

[1] Sic E; L ارپا یای DF ارپازی C ارپا بازی B از پا یاری A آرپا یاری .

[2] DF بیك . [3] DF سنکین باش‌را . [4] DE om. ملك .

[5] L om. A ازانجا .

[6] C ابوکه‌را B ابوك بهادررا L ابوك‌را DEF ایوانك‌را A ابول‌را .

[7] Sic B; CDF وابوك E ابوك L ابول A واو .

[8] BCDEF تاش برشاق A باش‌برشاق L تاش برنیاق .

[9] B om. در قزل C om. تیپا LA در قول سوك مشیا .

ذکر آمدن امیر خداداد[1] وبعضی قضایا که بعد ازان دست داد چون رایات نصرت‌آیات دران منزل قرار کرفت خبر رسانیدند که امیر خداداد[2] بتلقین ملهم دولت وراه‌نمونیء بخت بلند متوجّه درکاه فلك‌اشتباه است میرزا الغ بیك از استماع این خبر مستبشر کشت وجهت حرمت شیب ورعایت محلّ ومنزلت او بمقتضیء انزل الناس علی منازلهم استقبال فرمود امرا وبزرکان وخواصّ سپاه وملازمان درکاه چون مواکب کواکب بکرد ماه از حدّ وحصر فزون در رکاب همایون روان کردیدند امیر خدادادرا[3] چون از دور نظر بر جمال طلعت[4] شهنشهی افتاد بقصد[5] زمین‌بوس[6] در اهتزاز[7] آمد جناب شهریاری مورد اورا بتعظیم وترجیب تلقّی فرمود وخدمتش‌را همراه[8] ببارکاه کردون‌اشتباه برد وبصنوف عاطفت وفنون موهبت مشرّف ساخت وبخلعتهای کرانمایه وتشریفات فاخره معزّز ومکرّم کردانید امیر خداداد در ایّام شیب حلاوت روزکار شباب مشاهده نموده وزبان بشکر کشاده بعد از احسان درّ تحسین نثار کرد درین اثنا قاپچی[9] آمده خبر آورد که صدر الاسلام وملك الاسلام در کنار آق قیاش[10] نشسته اند اما عزیمت آن دارند که پیش شیر محمد اغلان روند وفرمان نافذ شد که محمد برلاس واسکندر هندو بوقا وشیخ ابو سعید وتولك وتوران وداود پسر ایلچی بوقا با بیست هزار سوار متوجّه ایشان شوند وسلطان اویس برلاس که لشکر برده بود ودرهٔ[11] سنك تاش‌را[12] محافظت مینموده با امراء مذکور ملحق کردد وهر دو لشکر باتّفاق یکدیکر باستیصال صدر وملك آیند امرا بموجب فرمان روان شدند وچون یك منزل رفتند کریختهٔ دیکر آمد وبعرض رسانید که صدر وملك بعزم اردوی شیر محمد از آب تکه[13] کذشتند[14] حکم قضامضا نفاذ[15] یافت که چون ایشان بر جای خود قرار نکرفتند رفتن در عقب آن جماعت مفید نیست باید که امرا در حرکت مسارعت ننمایند واز رایات همایون یك منزل بیش پیش نباشند مهمّ برین جمله قرار یافت ودرین ولا امیر خداداد معروض داشت که قوم این ضعیف قومی بی قوّت اند وزمستان بر ایشان بغایت شاق کذرد

---

[1] B male add. حسینی .
[2] C add. را .
[3] B om. را .
[4] CEL وطلعت .
[5] C بمقصد .
[6] LA زمین‌بوسی .
[7] C اهتزام .
[8] C om. همراه .
[9] C قاپچی DF قاپجی E قاپجفتی B شخصی LA قاصدی .
[10] C آق قیاس B اق قیاس E ان قیام DF آن قیاس L اق قباس A اق قیاس .
[11] E om. درهٔ .
[12] LA هلك تاش‌را DF در ده سنك .
[13] BDEF یکه C بکه L آنکه A بلر .
[14] C کذشت .
[15] C صدور .

اسپان لاغر والوس بدحال وابتر اند اکر رخصت شود که بتانّی وآهستکی متوجّه سمرقند کردند ضمیمهٔ سایر الطاف کردد میرزا الغ بیك ملتمس او مبذول داشت وحضرت شیخ پسر اتلمش‌را فرمود تا با نوبی از سپاه ایشانرا بسمرقند رسانند وبموجب فرموده عمل نموده آمد وجناب شهریاری بیست هزار سوار از بهادرانرا بزبان کیری فرستاد وشیخ درویش کوکلتاش‌را که از جملهٔ خواصّ امیر خداداد بود دلیل ایشان کردانید ودلیران سپاه روی در آن بیابان نهادند ودر راه جمعی که از مخالفان کریخته عزم اردوی همایون داشتند دیدند وایشانرا کرفته در منزل الجقنی[1] بدرکاه آوردند چنین تقریر کردند که قوم ما در آق قیاش[2] چون خبر توجّه لشکر منصور بایشان رسید متفرّق وپریشان کشتند ووجوه واعیان کریخته در شعاب وجبال شامخ تحصّن نمودند وما در اثناء راه جمعی‌را دیدیم که کفتند که شیر محمد اغلان وپاینده در کیتمن تیپا[3] نشسته اند ولشکرهای اطراف ونواحیء ولایت خودرا جمع آورده وکوچ وکله وبنه ورمه واحمال واثقال از آب تکه[4] کذرانیده اند وخود جریدهٔ خاصّ از برای جنك وپیکار ایستاده اند میرزا الغ بیك چون این خبر استماع نمود بیاسامیشیء سپاه ظفرپناه مشغول کشت وفرمان شد که امیران که یك منزل پیش رفتند توقّف نمایند تا رایات ظفرآیات بایشان رسد وموکب همایون در حرکت آمد ودر پایان الجیق[5] شاه وسپاه که در مقدّمه بودند بهم پیوستند وهم درین منزل حکم شد که شب هر یك نفر در پنج محلّ آتش افروزد واین آتش بزبان مغول ارغجا اوت[6] کویند چون زمانه لباس ظلام پوشید زمین از کثرت آتشها آسمانی درخشان کشت وروز دیکر ازان منزل کوچ کرد ودر منزل تیرك چمکان[7] نزول فرمود وجناب شهریاری فرمان داد که یوسف وسلطان شاه[8] وعبد الله خازن با پانصد کس در شب بر کوهی که آنرا پای تاغ[9] کویند برانند ونکاه کنند که در کیتمن تیپا[10] که منزلکاه جتّه بود کجا آتش افروخته اند وایشان بر حسب فرموده بپای تاغ[11] رفتند وچون روز شد

---

[1] Sic C; B الحیق E الحق DF الحسنی LA om.

[2] C آق قیاس DEF اق قنیاس B اق قیاس LA اقباس B add. نشسته بودند.

[3] C کسمن تیپا DF کتمن پتنا E کتمین تیپا B کتمیر تسا LA کشن مستا.

[4] Sic BCE; DF یکه A نکه L تکیه.

[5] Sic C; BDF الحبق E الحیق LA om.

[6] BC ارغجا اوت DF ارعجا ادب E ازعجا اوت LA عجاروت.

[7] C تبرك چمکان BE تبرك جمکان DF تبرك حمکان A تیرك چکان L تیرك جکان.

[8] CLA وجهانشاه.

[9] Sic BCE; LDF پای باغ A پای باع.

[10] BCE کیض تیپا DF کیض دشا LA کیش.

[11] Sic CE; B بتاغ LADF بپای باغ.

اردوی همایون از آن منزل کوچ کرده در کنار آب بغوتو[1] فرود آمد وجماعتی که بپای تاغ[2] رفته بودند آمدند وعرضه داشتند که شب ببالای کوه رفتیم وچندانکه نفر بر کماشتیم در کیتمن تیپا[3] هیچ جا آتش ندیدیم اما از جانب چیچال[4] آتش بسیار بدیدار گردید بقانونی که در معسکر بر افروزند ودر اثناء این تقریر از قراول خبر رسید که سیاهیء سپاه مخالف دیدیم چون این خبر استماع افتاد لشکریان بموجب فرمان جهت جزم واحتیاط خندقی عریض عمیق در گرد معسکر کندند وپیرامن آنرا بخاك نمناك وچپر وغیر آن[5] استوار ساختند ودر آخر روز لشکر جتّه مکمّل وآراسته فوج فوج رسیدند بیت نماز شام چو خورشید کنبذ گردان * بکوه رفت فرود وزچشم کشت نهان * مخالفان از مقابله وراستیء[6] سپاه منصور بجانب دست[7] چپ روی آوردند واز پیش لشکر گذشته در پس پشتهٔ اونکاتو[8] پشت بکوه باز نهادند وچوق هوا کسوت ظلام ولباس نیل‌فام در بر افکند سپاه منصور آیین حراست ورستم

مراقبت مرعی داشتند ذکر محاربهٔ میرزا الغ بیك کورکان با پادشاه جتّه شیر محمد اغلان روز دیکر که شهسوار گردون[9] خرام بعزم استیصال سپاه ظلام در میدان آسمان تاخت میرزا الغ بیك کورکان آهنك جنك‌ساز داد واز بالای کوه سپاه جتّه کروه کروه بدیدار آمدند ودست چپ ودست راست بدلیران معرکهٔ وغا ومبارزان روز هیجا آراسته درقول شیر محمد اغلان با بهادران رزم‌آزمای قرار گرفتند ودر دست چپ ملك الاسلام[10] وموسی وچریك تیمور واروغ اغلان ویوسف اغلان وحاجی‌کا پسر تولنا[11] متعیّن شدند ودر دست راست پاینده چراس[12] وابوکچك[13] پسر اینج[14] ملك وقرمش[15] پسر تویکان[16] مقرّر گشتند وصدر الاسلام تمارضی کرده در معرکه حاضر نگشت ومیرزا الغ بیك چون دید که مجموع لشکر میل بجانب میسره کردند فرمان داد تا

---

[1] Sic EL; C تعوتو A ثعوبو DF تغوتو B تعویق .

[2] Sic CE; LADF بپای باغ B بر پای تاغ .

[3] BCE کیض تیپا L کیش A tantum سا DF کیض دیثا .

[4] B حیچال E حیچال L جبال C حیجا DF صحرا A om.

[5] LA بخار وخاشاك . [6] C وراست . [7] و دست .

[8] Sic BCE; DF s. p. LA om. [9] C کردان .

[10] DF ملك اصلان .

[11] Sic C; BDF یولتا E پولتا A میثا L حاجی کا بشاه حاجی کا .

[12] BCE حراس DF هراس LA om.

[13] Sic E; ADF وابوکحك B وابوکجل C وابوالجك L وابوکحك .

[14] .; DF انیح LA om.

[15] Sic BCE; FD وقرمش L وتربشر A وترمشبر.

[16] Sic C; BE نوبکان DF توبه‌کان L تورمکان A تورمکان .

قنبل میسره چون مقابل جتّه[1] بود داخل خندق بر جای خود قرار[2] کیرد ومردم قول با هراول در پس خندق باشند وقوشونها که بر دست راست معیّن کرده شده بود ازان جمله نوزده قوشون بعهدهٔ محمود اتلمش وپانزده[3] قوشون بعهدهٔ لقمان تواچی[4] ونه قوشون دیکر در عهدهٔ سلطان اویس برلاس ودر میمنهٔ قول در خلف خندق بایستند ومحمود برلاس با چند قوشون که در میسره بودند فرمود که در میمنهٔ سلطان اویس باشند وقوشونها که بر دست چپ معیّن شده بودند ازان جمله نوزده قوشون بعهدهٔ سلطان ترخان وعادل بیك بود ونوزده قوشون دیکر بعهدهٔ داود پسر ایلچی بوقا ونوزده قوشون تیمور ملك مجموع این قوشونات‌را فرمان شد که از خندق بکذرند ومقابل دست چپ جتّه بایستند پس این جماعت بدست راست لشکر منصور کردیدند وقول وبیشتر از دست راست بدست چپ کشتند وبرین نهج شهریار عالی مقدار سپاه‌را تعبیه فرمود ومیمنه ومیسره وقلب وجناح لشکر بیاراست از میدان هیجا غبار در هیجان آمد وزمین از جنبش سپاه فوج فوج چون دریا از اثر باد موج زدن آغاز کرد سپاه جتّه بر فراز کوه وپشته ورایات همایون در دشت وهامون مخالفان یاجوج کردار بقصد آنکه خودرا بر سدّ سکندری زنند از بالای روی به نشیب نهادند ومیرزا الغ بیك بعد از عرض وادای نیاز از بارکاه ملك کارساز ظفر ونصرت مسألت نمود وفرمان داد که لشکرها بیکبار حمله کنند ایشان سپرها در سر کشیدند وسنانهای آبدار وشمشیرهای آتش‌بار در دست کرفتند وروی جلادت بدشمن نهادند بهادران ودلیران جتّه که از پیل روی نمیکردانیدند چون صدمات سپاه منصور مشاهده کردند فی الحال از کمال خوف وهراس متفرّق وپراکنده کشتند وچون روباه که از حملهٔ غضنفر مهرب ومفرّ جوید روی بکریز نهادند عساکر منصور تیغ شجاعت آخته در عقب ایشان تاختند وبسیاری ازان سواران‌را از پشت زین بر زمین مذلّت وبوار انداختند وطایفهٔ‌را بذلّ اسیری[5] مبتلا ساختند واسیرانرا پیش پادشاه آورده بموجب حکم معروض تیغ یاسا کشتند ومیرزا الغ بیك زبان خجسته‌بیان بشکر وثنای جهان‌آفرین کشاده امرا وارکان دولت وبهادران‌را نوازش فرمود وبردست وبازوی ایشان آفرین خواند وفرمود که اکرچند دشمن شکستی فاحش یافت امّا دور نیست که بعضی از سرداران جتّه که از معرکه بیرون رفته اند بار دیکر بخار پندار بدماغ راه داده دست تعرّض بحواشیء ممالك محروسه دراز کنند وفساد وفتنه آغاز نهند حالا مصلحت چنانست که روی باستیصال ایشان نهیم ورمه وکله واحمال واثقال وجهات واموال آن جماعت‌را

---

[1] C میسره.
[2] BCE om. قرار.
[3] B وپانجده.
[4] C فراشی.
[5] Sic C; BDF اسر ELA اسیر.

که از آب تکه [1] گذرانیده اند در تحت تصرّف آوریم تا صورت قوّت [2] وشوکت ایشان بشکند [3] واکر زنده مانند دیکر کرد فضول نکردند ومجموع امرا این رایرا مستحسن داشته برین عزیمت جازم شدند میرزا الغ بیك اسکندر هندو بوقارا مصحوب اغرق بقرشی فرستاد وبنفس همایون در عقب سپاه جتّه بر سبیل ایلغار روان شد وچون از رود آق قیاش [4] که از روی قیاس جیحون از هول آن در موج خون بود عبور فرمود محمّد برلاس‌را با جمعی امرا وبهادران براه پایان آب [5] فرستاد وخود براه تکه [6] متوجّه شد وهر قبیله وشعبهٔ جتّه که در شعاب وقلال جبال متحصّن شده بودند از عبور لشکر قیامت اثر پایمال حوادث ونوایب کشتند وموکب همایون کوه وهامون می‌پیمود ودر کذشتن انهار عظام بی توسّط جسور تجاسر می‌ورزید [7] تا موضع کوکاس‌را [8] مخیّم لشکر بی قیاس ساخت ارسلان خواجه ترخان وبو اللیث [9] وابراهیم پسر ایکو تیمور [10] خان پاینده بعض الوس جتّه‌را غارت وتاراج کردند وسپاه فیروزی نشان قبایل جتّه‌را که در حوالیء کونکاس [11] پناه بقلاع وکوههای شامخ برده بودند کرفته وکشته وغارت کرده دران دیار دیّار نکذاشتند وچون نواحیء کونکاس‌را [12] از ارجاس وانجاس مخالفان [13] پاك کردند میرزا الغ بیك عنان عزیمت بجانب قرشی که مقرّ وآرامکاه کوج واغرق بود در حرکت آورده از قبل اقبال [14] شاکر واز مساعدت سعادت راضی وبعد از چند روز دران مکان دل افروز قبّهٔ باركاه باوج مهر وماه رسانید درین اثنا خبر [15] رسید که جهانشاه پسر قمر الدین ومحمّد بیك حمید از مضیق ایسیق [16] کول که از بیم سپاه طغرمال بدانجا پناه برده بودند خودرا خلاص داده براه سنك‌تاش می‌رفته اند ودران طریق بخضر [17] شیخ پسر اتلمش واغرق امیر خداداد باز خورده وبعد از محاربه غالب شده اغرق امیر مشار الیه‌را غارت کرده اند میرزا الغ بیك چون از کیفیّت واقعه

---

[1] Sic B; C s. p. LADF om. E یکه .

[2] C فرت. [3] C بشکنند.

[4] C آق قیاس DEF واق قیاس A اق قیاس L از ادوق قیاس B om.

[5] Sic D; DEF بالین A باتین L باتین B om.

[6] Sic ADEF; C تکمه L تکیه B om. [7] C نمی‌ورزید

[8] B کونکاس E کوتکاس‌را DF کون وکاسرا AC کوشکاشرا L کوش کاسرا

[9] Sic C; ceteri ابو اللیث.

[10] Sic BCE [E انکو]; DF add. وتیمور L وپاینده A انکو تیمور وپاینده ایکو تیمور

[11] Sic BEF; D کون‌کاس C کوشکاش LA om.

[12] Sic DF; B کونکاس C کوشکاس ELA om.

[13] C مخالفانرا. [14] C واقبال. [15] C add. ناکاه.

[16] B ایسیق C ابسق DE اسیق F الیق LA om. [17] DF بحضرت

آگاهی یافت فی الحال فرمود تا ارسلان خواجه ترخان واسکندر هندو بوقا وشاه ولی با طایفهٔ از دلاوران متوجّه مخالفان شوند وایشان بر حسب فرمان جهانمطاع روان شدند وبعد از رفتن امرا یك کس گریخته آمد وتقریر کرد که جهانشاه واتباع او بران بودند که بطرف آبش روند وچون شنیدند که پادشاه مظفّر ومنصور[2] مراجعت فرموده خایف وهراسان باز گشتند وباز بجانب ایسیق[1] کول رفتند ومیرزا الغ بیك در روز کس پیش امرا فرستاد وپیغام داد که حال چنین است باید که امرا دو فرقه شوند وسرهای راه بر ایشان گیرند وبنفس همایون متوجّه دار السلطنت سمرقند شد ودر اثناء راه شنید که در قرشی تختگاه جیحون خان[2] سه قطعه سنك یشم[3] بوده که چشم هیچکس جسمی مثل آن ندیده وگوش هیچ آفریدهٔ مانند آن جوهر نشنیده صخرهٔ ولیکن چون لعل با بها جسمی[4] ولیکن چون جوهری روح افزا ثقیلی بصفای اجسام خفیف وکثیفی بلطافت اجرام لطیف چند نوبت پادشاه[5] ختای رسل با هدایا وتحف ارسال نموده وقبول کرده که از ثیاب[6] نفیس واوانیء چینی[7] هرچه خواهند وهر چند که خواهند ومبلغ صد هزار دینار کبکی بر سری[8] ارسال نمایند بامّید آنکه[9] حکّام آن سرزمین از سر آن سنکها در گذرند وایشان راضی نشده اند وحضرت صاحبقران مغفور چون بر آن ولایت استیلا یافت حکم فرموده اند که نوّاب وگماشتکان بی توقّف آن سه قطعه سنك‌را بسمرقند نقل کنند وایشان یك قطعه‌را روان کرده اند ودو سنك دیکر همچنان بر جای خود است وآن جناب که نقاوهٔ خاندان صاحبقران کامران وکامیاب بود همّت بران مصروف کردانید که دو سنك باقی مانده‌را بسمرقند[10] ببرند گماشتکان وملازمان غلطها ساختند وفواصل‌را باوتاد[11] محکم ورصین کردند وسنکهارا در غلطها نهادند وبقوّت اسپان وگاوان آنهارا برروی زمین می‌غلطانیدند وفرمان شد که هر روز یك امیر تومان با مردم خود بنوبت همراه سنکها باشد تا در مضایق اعانت نمایند ونقّابان وسنك‌تراشان[12] بران معیّن ومقرّر گشتند که هر جا که کردونها وغلطها بسبب ناهمواری راه دشوار گذرد آنرا هموار سازند وچون خاطر خطیر شهریار جهانگیر از این معنی فراغت یافت با لشکر بیکران در جنبش آمد وطول وعرض آن بیابانرا بذراع اقدام مراکب میپیمود وچون ماه از منزل بمنزل حرکت میفرمود امّا حال امرا که بموجب فرمان جهانمطاع دو فرقه شده بودند تا سرهای راه بر جهانشاه پسر قمر الدین گیرند

---

[1] Sic C; E ایسیق B ابسیق D اسیق F الیق L آبش A ابش.

[2] E جیحون خون. [3] Sic BGLA; E یشب DF نشیب.

[4] C جسیم A رحمی B om. [5] DF پادشاهان. [6] C ثبات.

[7] C چنین. [8] Sic BDEF; A بر سر وی L بر سر C برسل.

[9] Sic CDFLA; E با مندانکه B با چندانکه.

[10] C om. بسمرقند. [11] C add. واسباب.

[12] Sic DF; BCE وسنك LA om.

چنان بود که ارسلان خواجه وبعضی امرا براه بغام[1] روان کشتند ومحمد برلاس واسکندر هندو بوقا وشاه ولی ودیکران براه کیرو[2] در حرکت آمدند وارسلان خواجه‌را معلوم شد که جهانشاه ومحمد بیك[3] از راه یومقال قچقار[4] رفته اند لا جرم بر عقب ایشان روان کردید ومحمّد برلاس واسکندر وشاه ولی از حال جهانشاه خبری نداشتند وبفراغ بال میرفتند واز دشمن حسابی در ضمیر ایشان[5] نبود واز طریق حزم واحتیاط که از شرایط سپاهی‌کری است تجنّب می‌نمودند وغافل ازانکه استحقار دشمن واستخفاف عدوی مؤدّی بندامت ومفضی بسوء خاتمت می‌باشد جهانشاه وقوم او چون از توجّه لشکر خبر یافتند بجانب محمّد برلاس واسکندر میل کردند وایشان از سر غرور در حرکت مسارعت می‌نمودند بتصوّر[6] آنکه اکر بتانّی وآهستکی روند الوس جتّه وجهانشاه از وصول لشکر آکاه کردند وراه فرار پیش کیرند وهمچنان در کمال اهمال واغفال‌بی تعبیهٔ میمنه ومیسره وترتیب یسال می‌شتافتند[7] ناکاه سپاه جتّه فزون از حدّ قیاس وتخمین در رسیدند واکثر لشکر متفرّق کشته امرا با فوجی قلیل در برابر آمدند از چکاچاك شمشیر وخنجر واصطکاك مقرعه وششپر کوش هوا بوصمت صمم متّسم کردید قول مخالفان در برابر بایستاد وباقیء سپاه از عقب کریختکان رفتند وارسلان خواجه ترخان ازین صورت خبردار شده چون برق خاطف در حرکت آمد ومانند ابر وباد روان شد واز آب[8] یومقال قچقار[9] کذشته روی جلادت بمعرکه نهاد واعدا چون سیاهیء سپاه نصرت‌پناه از دور بدیدند پای هزیمت در رکاب نکبت آوردند وعنان براه انهزام منصرف کردانیدند وهر دو فریق بملاقات یکدیکر مستبشر وشادمان کشتند ومحمّد برلاس واسکندر بر خلاص ازان ورطه ونجات ازان معرکه زبان بحمد ملك ذو المنن وقول الحمد لله الذی اذهب عنّا[10] الحزن بکشادند وبر ارسلان خواجه ترخان درّ مدح وتحسین وثنا وآفرین نثار کردند وهر دو کروه باتّفاق از پیء جهانشاه وسپاه جتّه در سیر آمدند وایشان بلطایف الحیل التجا بسفح جبل بردند وچون شهباز وهم هرچند پرواز میکرد از کمر کوه[11] نمیکذشت وراهی صعب المسلك[12] داشت وچندان لشکر نبود که احاطهٔ آن تواند کرد ناچار امرا در دامان[13] کوه توقّف نموده کیفیّت واقعه معروض

---

[1] Sic C; B بغوم DEF نعوم L تعوم A om.

[2] Sic BCE; DF براه کیری LA براه دیکر. [3] DF add. وعلی بیك.

[4] C بومقال قچقار B بومقال قحقار DEF برمقال قجار LA فرخار.

[5] C add. را. [6] D. بصورت. [7] C مرتب داشتند. [8] C om. آب.

[9] C tantum بومقال B برمقال DEF بومقال محقال L بومقال مجفال A om.

[10] C عنّ D عنان LF عنا BEA عن. [11] C از کمر آن.

[12] BELA المسالك DF الملك. [13] پایان.

ایستادکان پایهٔ سریر اعلی داشتند میرزا الغ بیك که در قلعهٔ ایسیق [1] کول که حضرت صاحبقران آنرا بنا کرده بود مقام داشت لقمان تواچی و ابو اللیث وقوی ملك واویس قوچین وابوکه‌را [2] با دو هزار سوار نامدار بمدد ایشان فرستاد تا رسیدن این جماعت سپاه جتّه عنان انهزام منعطف ساخته بودند وهزیمت غنیمت دانسته وسپاه فیروزی‌اثر هرچند در عقب مخالفان شتافتند ازیشان خبر ونشان نیافتند وچون از وصول بآن جماعت یاس تمام حاصل شد بالضرورت مراجعت نمودند ومنازل پیموده بموکب همایون پیوستند محمّد برلاس واسکندر هندو بوقا وشاه ولی چند روز بجهت تساهل وغفلتی که دران یورش ورزیده بودند در مقام خطاب وعتاب آمدند ومزاج میرزا الغ بیك منحرف شده چند نوبت بایشان بزبان سرزنش دران باب پیغام داد وعاقبت امیر خداداد شفیع شده پادشاه از سر جرایم ایشان درگذشت وذیل عفو بر ذلّات همه پوشانید ودران راه بصید وشکار میل نموده فضاء هوا ودامن دشت وصحرارا از وحوش وطیور خالی ساختند وچون قطع منازل وطیّ مراحل کرده موکب همایون نزدیك بسمرقند رسید شیخ الاسلام خواجه عصام الدین وسادات وقضات ومشایخ وعلما وموالی وائمّه وحکّام وداروغگان باستقبال مبادرت نموده شرف دستبوس حاصل کردند ودر قریهٔ شیراز کلبن باغ دولت وشهریاری ونوباوهٔ چمن ملك وجهانداری شاهزادهٔ عالیشان میرزا عبد الرحمن رسیده [3] جهان‌بین خودرا بطلعت والد نامدار روشن گردانید وجناب سلطانی اورا در آغوش عطوفت ومهربانی کشید وازانجا روان شده در [4] دهم شعبان بتوفیق [5] مهیمن مستعان در باغ جنان [6] نزول فرمود وخلایق در ظلّ امن وامان آسوده گشتند [7] وریاض دین ودولت طراوت ونزاهت از سر گرفت اعاظم واشراف اطراف واکناف با هدایا و تحف روی بدرگاه عالم‌پناه آوردند وچون بفر قدوم سلطانی اسباب عیش وشادمانی دست فراهم داد موجبات سرور متوفّر ومقتضیات حبور [8] متکثّر گشت جناب شهریاری به ترتیب طوی وتزیین بزم عشرت اشارت فرمود نوّاب وکماشتکان بحسب فرمان در کان کل بجان ودل متصدّی این امر شدند وطویی ترتیب دادند که زبان بیان از تعریف وتوصیف [9] بعجز وقصور مقرّ ومعترف است وچون روزی چند بخرّمی ونشاط بسر بردند میرزا الغ بیك گورکان پرتو التفات بر احوال مملکت انداخت ووضع وشریف‌را علی اختلاف مراتبهم بلطف بیکران واحسان بی‌پایان بنواخت.

---

[1] E اسسق ADF اسیق C آیسیق B ابسیق L الین.

[2] ACDEF وابوك‌را. [3] DF add. چشم L add. دیدهٔ.

[4] C om. در. [5] C بتوقف.

[6] Sic B; C چنان ELA چنار DF جناب.

[7] Sic BE; DF آسوده شدند LA آسودند C tantum آمده.

[8] Sic DEF; C حضور B جنود LA om.

[9] DELA add. آن.

МИР АЛИ-ШИР
И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

<ПРЕДИСЛОВИЕ>

Деятельность Мир Али-Шира как поэта и в особенности как покровителя наук и искусств тесно связана с блестящей эпохой в культурной истории персов и владевших в то время Персией турок — эпохой Тимуридов. Естественно, что эта эпоха, которой принадлежат лучшие памятники персидско-мусульманской архитектуры, возбуждала к себе большой интерес среди европейских ученых, но до сих пор нет сколько-нибудь исчерпывающей монографии, которая была бы составлена по первоисточникам, ни об эпохе Тимуридов в целом, ни о ком-либо из главных деятелей этой эпохи в сфере культурной или политической жизни. Исследователь в этом случае испытывает затруднение не от недостатка, но от обилия материала, разбросанного по большому числу библиотек, требующего критического рассмотрения, прежде всего критического издания. Нет ни одного исследования, в котором был бы дан полный обзор источников по истории Тимуридов, не говоря уже о критическом рассмотрении их.

В 1918 г. мною была издана монография «Улугбек и его время» [1]. Материал, составляющий предмет этой монографии, исчерпан в ней не вполне; одним из пробелов, потом замеченных и отчасти исправленных мною [2], было отсутствие упоминания о монетах Улугбека, оказавшихся очень интересными и характерными. Монеты показали, что Улугбек, несмотря на свои культурные и научные интересы, был еще более турком и еще более дорожил военно-политическими традициями эпохи Тимура, чем казалось раньше. Этим существенно дополняется картина жизни Самарканда эпохи Улугбека, столь существенно отличавшейся от жизни того же города во второй половине того же XV в., когда, как я постарался выяснить, «сорокалетнее господство Улугбека сменилось тоже сорокалетним господством представителя ордена накшбендиев, ходжи Ахрара» [3]. Там же [4] упомянуто о процветании в это время Герата, под властью другого Тимурида, Султан-Хусейна, другом и приближенным которого был Мир Али-Шир.

---

[1] ЗРАН, ОИФ, т. XIII, № 5; <см. выше, стр. 25—196>.

[2] Статья *Монеты Улугбека* <наст. изд., т. IV>.

[3] Бартольд, *Улугбек*, стр. 139; <см. выше, стр. 166—167>.

[4] Там же, стр. 145; <см. выше, стр. 173—174>.

Настоящая статья посвящена более подробному рассмотрению жизни Герата при Султан-Хусейне и Мир Али-Шире. Отнюдь не задаваясь целью собрать все сведения об этой жизни, которые можно найти в первоисточниках, я постараюсь, на основании доступных мне в настоящее время первоисточников (большей частью тех же, которыми я пользовался в «Улугбеке»), заменить более реальной картиной фантастический образ, созданный не только восточными, но и европейскими панегиристами Мир Али-Шира, как я постарался уничтожить фантастическое представление об Улугбеке, будто бы «идеалисте-ученом, с первых лет своего царствования отвернувшемся от политики и отдавшем все свое время математике и астрономии» [5].

Деятельность Мир Али-Шира была предметом первой по времени магистерской диссертации, защищавшейся на факультете восточных языков в Петербурге, именно диссертации М. Никитского [6], целью которой было дать характеристику Мир Али-Шира «в государственном и литературном его значении». Эта восторженная характеристика давно забыта, но до сих пор ни на Западе, ни на Востоке не утратила доверия появившаяся пять лет спустя монография о Мир Али-Шире Белена (Belin) [7], также более похожая на панегирик, чем на монографию об историческом лице. Помимо других причин этому способствовала французская риторика 60-х годов, которой, как известно, отдал дань даже гениальный Дози [8]. У Белена французская риторика идет гораздо далее восточной риторики его источников. Трудно поверить, что слова [9]: «C'est, dit-il, pendant mon séjour à Mechhed, où je restai, après la mort de Sultan-Babour, plongé dans la douleur d'avoir perdu mon bienfaiteur, que etc.» — передают слова текста Мир Али-Шира [10]: سلطان ابو سعيد ميرزا زمانيدا مشهددا إغريب وخسته بيقيليب ايرديم. Автор говорит только, что был в то время в Мешхеде чужестранцем и лежал больной; ни о благодетеле, ни о горе вследствие его смерти нет ни слова. Мы увидим, что этот пример не единственный и что во многих других случаях подлинные слова источников создают несколько иное впечатление, чем «приукрашенный» перевод. Монография Белена не дает также ясного представления о характере источников; совершенно не затрагивается неясный и до сих пор вопрос [11], как был составлен VII том

[5] Там же, стр. 11; <см. выше, стр. 25>.

[6] *Эмир-Низам-Эд-Дин-Али-Шир.*

[7] *Notice.* В другой статье Белена (*Moralistes*) рассматривается сочинение Мир Али-Шира *Маḥбӯб ал-ḳулӯб.*

[8] Бартольд, *Памяти Р. Дози*, стр. 237.

[9] Belin, *Notice*, p. 183.

[10] *Маджа̄лис*, рук. ЛГУ, л. 119а.

[11] В одной из рукописей, описанных в каталоге Rieu (*Pers. MSS*, vol. I, p. 93), автором назван Мирхонд; в литогр. тегеран. изд. (1270 г. х.) — Хондемир. <Ср. Ромаскевич, *Персидские источники*, стр. 61. — *Ю. Б.*>

Раузат ас-сафā', что в нем принадлежит Мирхонду и что Хондемиру. Автор везде ссылается на Мирхонда, даже там, где говорится о смерти и погребении Мир Али-Шира [12], хотя Мирхонд умер в 1498 г., Мир Али-Шир в 1501. Тем не менее еще в 1920 г. Э. Г. Броун [13] писал о труде Белена как об «admirable monograph» и заимствовал оттуда мало соответствующее действительности представление о необыкновенно мирной («singularly peaceful») жизни Мир Али-Шира. На монографии Белена почти всецело основана биография Мир Али-Шира, составленная Исма'ил-Хикметом для брошюры, изданной в 1926 г. в Баку по случаю пятисотлетия (по мусульманской лунной эре) дня рождения Мир Али-Шира и поднесенной «Первому Всесоюзному Туркологическому Съезду» [14].

В одной из последних книжек «Journal asiatique» появилась статья L. Bouvat о цивилизации эпохи Тимуридов [15] (автору поручено составление очерка истории этого периода для VIII тома «Histoire du monde» Кавеньяка). В этой статье отмечается противоположность между процветанием культуры до конца династии Тимуридов и быстрым развитием политического и социального упадка; отмечается тоже печальный характер «столь блестящего во многих отношениях» царствования Султан-Хусейна «au point de vue moral» [16]. Но сведения автора о материале, имеющемся в источниках, недостаточны и неточны; как многие из его предшественников, в том числе Э. Г. Броун [17], он повторяет совершенно неосновательное мнение, опровергнутое 30 лет тому назад [18], будто из труда Хафиз-и Абру до нас дошли только первые два тома. Источниками служат для него сочинения Мирхонда, Хондемира, Бабура и Мир Али-Шира, к этому, как в монографии Никитского, без всякого основания присоединено поддельное «Уложение» Тимура, сочиненное в Индии в XVII в. и нисколько не характерное для Ирана XV в. При таком явно недостаточном знакомстве с источниками (остался в стороне весь материал, до сих пор доступный только в рукописях, даже сочинение Абд ар-Раззака Самарканди [19]) вполне естественно, что статья Бувá не дает

---

[12] Belin, *Notice*, p. 213 sq.

[13] *A Literary History*, vol. III, p. 506. Также ibid., p. 499: «the best account of Mír 'Alí Shír and his works with which I am acquainted».

[14] آذربایجان ادبیات جمعیتی. صایی: ۲. نوایی، باکو، ۱۹۲۶. См. рецензию А. Н. Самойловича в настоящем сборнике <сб. «Мир-Али-Шир», стр. 167—170>.

[15] Bouvat, *Essai*.

[16] Ibid., p. 208.

[17] *A Literary History*, vol. III, p. 425.

[18] В моей статье *Хафизи-Абру*, стр. 25 и сл. Сведения о Хафиз-и Абру и его сочинениях с тех пор (в 1915 г.) были изложены мною в статье, вполне доступной западным ученым (EI, II, S. 225 sq.). <См. также Storey, *Persian Literature*, vol. I, pt 1, section II, fasc. 1, pp. 86—89; pt 2, pp. 1235—1236. — *Ю. Б.*>

[19] <См. Storey, *Persian Literature*, vol. I, pt. 1, section II, fasc. 2, pp. 293—298; pt 2, pp. 1276—1277. Часть сочинения Абд ар-Раззака (том II, части 1—3) издана Мухаммедом Шафи' в Лахоре в 1941—1949 гг. — *Ю. Б.*>

никакого представления о происходивших в эпоху Тимуридов столкновениях и переворотах, даже о превращении Самарканда Улугбека в Самарканд ходжи Ахрара.

С книгой Бувá, выход которой в то время [20] ожидался, я имел возможность ознакомиться только во время чтения последних корректур [L. Bouvat, *L'Empire Mongol* (2-ème phase), Paris, 1927 — Histoire du Monde publiée sous la direction de M. E. Cavaignac, tome VIII [3]]. Султан-Хусейну в этой книге посвящены стр. 162—180; о Мир Али-Шире, кроме того, говорится в главе «La littérature turque», стр. 205—207. Книга не представляет сколько-нибудь существенного шага вперед в науке; подобно своим предшественникам, автор не дает сколько-нибудь правильного представления ни о царствовании Султан-Хусейна, ни о жизни Мир Али-Шира [21].

---

[20] <В первом издании этот абзац помещен в конце статьи, в виде дополнения; В. В. Бартольд имеет в виду то время, когда писалась статья. — *Ю. Б.*>

[21] <После выхода в свет работы Бартольда до сего времени не появлялось исследований, которые освещали бы по-новому биографию Мир Али-Шира (Навои), если не считать книги А. Шарафуддинова «Алишер Навои» (Ташкент, 1939; изд. 2-е — Ташкент, 1948), в которой Мир Али-Шир как политический деятель представлен в искаженном, сильно идеализированном свете. Творческая биография Навои, написанная Е. Э. Бертельсом (1948), в части внешних событий жизни Мир Али-Шира полностью следует за работой В. В. Бартольда. Наиболее существенные поправки, касающиеся взаимоотношений Мир Али-Шира и Султан-Хусейна, сделаны А. А. Семеновым (см. Семенов, *Взаимоотношения*). Отдельные частные поправки и дополнения имеются главным образом в статьях, опубликованных в трех юбилейных сборниках: «Родоначальник узбекской литературы», Ташкент, 1940; «Алишер Навои», М.—Л., 1946; «Великий узбекский поэт», Ташкент, 1948; кроме того, некоторые поправки имеются в работах А. Н. Болдырева (см.: *Мемуары Восифи* и *Очерки*). Сводку фактических данных о жизни Навои и его творчестве см. Togan, *Ali Şir*. Из новых источников для биографии Навои после В. В. Бартольда исследованы: панегирическая биография Навои *Макāрим ал-ахлāк*, написанная Хондемиром (см. Салье, *«Книга благородных качеств»*, а также Якубовский, *Черты общественной жизни*); сборник тимуридских документов, главным образом времени Султан-Хусейна, под заглавием *Шараф-нāме*, составленный Абдаллахом Марваридом в 1506 г. и содержащий ряд документов, написанных самим Навои или имеющих к нему отношение (сборник издан, в факсимиле, с немецким переводом и комментариями, Г. Р. Рёмером в 1952 г.); мемуары Зейн ад-дина Васифи *Бадā'и' ал-вакā'и'*, критический текст которых издан А. Н. Болдыревым в 1962 г. Из справочных пособий см. Семенов, *Материалы к библиографическому указателю*. — *Ю. Б.*>

I

ИРАНЦЫ И ТУРКИ

Мир Али-Шир — едва ли не самый блестящий представитель того направления в литературной и вообще культурной жизни турок, которое связано с полным их подчинением влиянию персидской мусульманской культуры [1]. Из труда Махмуда Кашгарского [2] мы узнали, что у турок даже после принятия ислама была своя поэзия, почти совершенно не подвергавшаяся персидскому влиянию, не только народная, но и искусственная; но уже тогда существовала поговорка: «Нет турка без тата, нет шапки без головы» [3]. Сделавшись главными, почти единственными представителями политического и военного элемента в иранском мире, турки тем не менее даже в своих представлениях о своем политическом прошлом подчинились влиянию персидских эпических сказаний о «туранском» царе Афрасиабе. Турецкие владетели иранских областей оставались турками по языку, носили турецкие имена и титулы; турецкий язык даже получил распространение среди иранцев; возникали города с турецким населением, и эти города, сначала Кашгар, потом города Хорезма и местности по нижнему течению Сыр-Дарьи, становились центрами турецких литературных движений. Но для образованных турок эти произведения рядом с произведениями персидской литературы не имели значения и скоро забывались. Мир Али-Шир ничего не знал ни о турецких поэтах, ни даже о турецких царях домонгольского периода; для него даже «султан Тогрул» (вероятно, имеется в виду первый носитель этого имени, основатель империи Сельджукидов) был одним из «сартских», т. е., по терминологии того времени, иранских султанов [4].

Монголы принесли с собой новую восточноазиатскую струю, оказавшую большое влияние на культурную эволюцию турок Средней Азии. Традиции империи Чингиз-хана сделались достоянием турецкого народа, особенно после того как сами монголы сделались на западе

---

[1] <См. предисловие к настоящему тому, стр. 9.—*Ю. Б.*>

[2] *Китāб дīвāн луғāт ат-турк.*

[3] Махмуд Кашгарский, II, 224: تتسز ترک بلماس بشسز برک بلماس .

[4] Quatremère, *Chrestomathie*, p. 33 (из *Мухāкамат ал-луғатайн*).

турками, и не могли быть забыты так скоро, как воспоминания о турецких властителях домонгольского периода. Эти традиции имели значение для всех трех монгольских государств, образовавшихся на западе после распадения монгольской империи: государства золотоордынских ханов с центром на Волге, Персии с центром на северо-западе и монгольского государства в Средней Азии, потом, по имени второго сына Чингиз-хана, названного «чагатайским». Везде последствием монгольского нашествия было, по-видимому, значительное увеличение числа турок, везде рост турецкого национального самосознания, под влиянием блеска монгольской державы, считавшейся турецкой, соединялся с культурным строительством. На восточной окраине золотоордынского государства Ургенч, главный город Хорезма, сделался «одним из самых больших, красивых и значительных турецких городов» [5]; построенная в первой половине XIV в. в Ургенче ханака Тюрябек-ханым является одной из лучших построек монгольской эпохи. Еще дальше к востоку, в Барчкенде на Сыр-Дарье, происходивший из Алмалыка (около Кульджи) ученый Джемаль Карши [6] видел в 672/1273-74 г. богослова Хусам ад-дина Хамиди ал-Асими Барчынлыги, писавшего стихи на трех языках, причем его арабские стихи были красноречивыми, персидские — остроумными, турецкие — правдивыми [7]. Насколько известно, это первая попытка сравнительной характеристики трех литературных языков мусульманского мира и написанных на них произведений. Уже в IX в., при халифе Мамуне (813—833), красноречивая форма считалась преимуществом арабской литературы, идеи — преимуществом персидской [8]; теперь к этому присоединилось еще признание большей непосредственности и меньшей искусственности турецкой. Со слов братьев Поло, проживших в Бухаре три года (вероятно, 1262—1265), Марко Поло описывает Бухару как «самый лучший город во всей Персии» [9], т. е. в стране, где говорили по-персидски. В «Улугбеке» я упомянул о строительстве среднеазиатских ханов и потом Тимура и Улугбека в Андижане, Карши, Шахрисябзе и Самарканде, причем в трех последних городах властители воздвигали постройки для себя, тогда как Андижан был основан, без всяких дворцовых сооружений, исключительно в интересах населения. К сказанному в «Улугбеке» можно еще присоединить слова анонимного историка начала XV в. (вероятно, Му'ин ад-дина Натанзи) [10], что хан Тува поселил там много народа из всех своих владений, и до

---

[5] Слова Ибн Баттуты (СМИЗО, I, 308).

[6] О нем Бартольд, *Мулхакат-ас-Сурах.*

[7] Бартольд, *Туркестан,* ч. I, стр. 151.

[8] Ибн Тейфур, изд. Келлера, I, 158.

[9] Марко Поло, пер. Минаева, 6.

[10] Даулетшах, изд. Броуна, 371,15. <Об этом отождествлении, которое было доказано Бартольдом, и об издании текста см. выше, стр. 31, прим. 17. — *Ю. Б.*>

сих пор каждый квартал в этом городе называется по имени какого-нибудь определенного народа[11]. Андижан сделался чисто турецким городом: по словам Бабура (родился в Фергане в 1482 г.), в Андижане, в городе и на базаре, не было ни одного человека, который бы не знал по-турецки[12]. Тот же Бабур говорит, что языком произведений Мир Али-Шира было андижанское наречие; по всей вероятности, эти слова должны быть поняты в том смысле, что в Андижане, как в культурном городе, говорили «правильно», т. е. близко к литературному языку; это видно и из слов Бабура, что андижанское наречие было قلم پیله راست. Мир Али-Шир не был в Андижане и только мимоходом, по поводу своего пребывания в Самарканде, говорит о двух учившихся в этом городе андижанцах[13].

Можно было ожидать, что монгольскими ханами и потом Тимуром будет насаждена вне Ирана культурная жизнь, которая бы не уступала иранской; но этого не случилось. По своим культурным достижениям Иран продолжал занимать совершенно исключительное место среди областей, завоеванных монголами; даже историков, которые могли описывать подвиги Чингиз-хана, Тимура и их потомков, создал только Иран; по крайней мере, только труды иранских историков (т. е. труды, написанные в Иране, хотя иногда лицами турецкого происхождения) дошли до потомства, и почти всем, что мы знаем о событиях, происходивших в Туркестане от начала XIII до конца XV в., мы обязаны историкам, писавшим в иранских городах.

---

[11] Аноним Искендера, рук. Аз. муз., л. 245б: دران خطه از مجموع ممالک خوزی (sic) غلبهٔ تمام بیاورد وتا امروز هر محلّهٔ دران شهر بقومی مخصوص منسوبست. <Так было и в Маргелане даже в XX в. – *В. М.*>

[12] *Бабур-наме*, изд. Бевериджа, л. 2б.

[13] *Маджалис*, рук. ЛГУ, л. 28а. <Об издании текста *Маджалис* см. ниже, стр. 223, прим. 83.>

II

ГЕРАТ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ

Известно, что Тимур построил вокруг Самарканда селения, которым дал названия Султания, Шираз, Багдад, Димишк (Дамаск) и Миср (Каир), желая этим наглядно изобразить превосходство Самарканда над всеми другими городами. В число этих городов не вошел Герат; Тимур не предвидел, что именно этому городу было суждено сделаться в близком будущем счастливым соперником Самарканда даже в политическом отношении.

Каковы бы ни были намерения Тимура, обстоятельства сложились так, что им был нанесен непоправимый удар главному центру внеиранской культуры, Хорезму, и в то же время созданы условия, давшие возможность если не всем, то многим местностям Ирана быстро оправиться от произведенных Тимуром опустошений и избиений. Часто высказывавшееся европейскими учеными[1] представление о последствиях произведенных Тимуром опустошений не соответствует действительности; рассказы Клавихо, проезжавшего через Персию в последний год жизни Тимура, наглядно показывают, что Северная Персия в то время не производила впечатления опустошенной и безлюдной страны. В отдельные города назначались правителями сыновья и внуки Тимура, что уже само по себе должно было способствовать их восстановлению. Каждый царевич старался поднять блеск своего двора, пользуясь для этого не только местными, но и среднеазиатскими культурными элементами. Турецкие поэты были не только в Герате, но и в Ширазе[2].

Герат издавна был большим городом, но в домонгольскую эпоху не был столицей какой-либо династии; некоторым вниманием он пользовался со стороны Гуридов (XII—XIII вв.). В монгольскую эпоху в нем возникла происходившая от Гуридов династия Куртов[3], едва ли не первая династия иранского происхождения, вновь возникшая после

---

[1] Особенно A. Müller, *Der Islam*, Bd II, S. 268 sq., где делается некоторое исключение только для «ostpersische Provinzen».

[2] Даулетшах, изд. Броуна, 371,17 – 19.

[3] <*Карт* — лучшее чтение, нежели *Курт*. — *В. М.*>

монгольского нашествия. После распадения монгольской державы в Персии гератский владетель Му'изз ад-дин Хусейн (1331—1370) сделался самостоятельным государем и старался подчинить себе другие местности Хорасана. Когда в Туркестане одержала верх турецкая военная сила, в лице чагатайских беков, то в Герате, по географическим причинам, раньше всего должно было произойти столкновение между двумя элементами, необходимость синтеза которых, хотя и смутно, сознавали деятели эпохи Тимуридов, в том числе Мир Али-Шир: иранской городской культуры и турецких военных традиций [4]. Известно [5], что с гератским владетелем воевал уже первый из чагатайских беков, Казаган (1346—1358), которому приписывается презрительный отзыв о Хусейне как «таджике, предъявлявшем притязания на султанство» [6]. Перед битвой с владетелем Герата Казаган указал своим приближенным на невыгодность избранной Хусейном позиции и при этом заметил: «Этот таджик не знает военного искусства» [7]. Чагатаи нанесли поражение войску Хусейна, но не могли взять укрепленный город. После этого отношения между чагатаями и Куртами были то более, то менее дружественными, до взятия Герата Тимуром (1381 г.), низложения династии Куртов (1383 г.) и истребления ее представителей (1389 г.).

После этого Герат сделался местопребыванием управлявших Хорасаном сыновей Тимура, сначала Мираншаха, потом, с 1397 г., Шахруха. В состав наместничества Шахруха, кроме Хорасана, входили Сеистан и Мазандеран. Меньше всего могло быть восстановлено благосостояние Сеистана, где Тимур в 1383 г. разрушил известную «плотину Рустема» [8]. Как при Тимуре, так и при Шахрухе Сеистан несколько раз восставал против чагатайской власти и вновь подвергался опустошению. Мазандеран был соединен в одно наместничество с Хорасаном еще при Чингизидах; по словам Хамдаллаха Казвини [9], Хорасан, Кухистан, Кумис, Мазандеран и Табаристан составляли при монголах как бы особое государство, доходам которого велся особый счет, с выделением их из общей суммы доходов персидской монгольской державы. По всей вероятности, этот факт должен быть объяснен условиями кочевой жизни: стоявшие в Хорасане монгольские отряды

---

[4] Из любопытного сопоставления персов с турками в *Мухакамат ал-лугатайн* видно, что Мир Али-Шир питал надежду, что турки и в культурном отношении затмят персов. Несколько наивно автор видит превосходство турок перед персами в том, что каждый турок знает по-персидски, тогда как почти ни один перс не знает по-турецки.

[5] Бартольд, *Улугбек*, стр. 12; <см. выше, стр. 37>.

[6] Шереф ад-дин Йезди, I, 32: تاجیکرا چه راه آن باشد که دعویٔ سلطنت کند .

[7] Там же, 34: این تاجیک رسوم جنگ وپیکار نمی‌داند .

[8] Бартольд, *Историко-географический обзор Ирана*, стр. 48.

[9] *Нузхат ал-кулуб*, изд. Ле Стрэнджа, текст, 147.

уходили на зиму к берегу Каспийского моря; о таких передвижениях часто упоминается в истории Тимура и Шахруха.

Последствием смут, происходивших после смерти Тимура, был переход значения столицы империи Тимура от Самарканда к Герату. Тимуриды должны были вести войны не только между собой, но и с представителями династий, устраненных Тимуром; одной из них, западнотурецкой династии туркменов Черного барана, удалось не только прочно восстановить свое государство, но даже расширить его пределы по сравнению с теми, которые оно занимало до походов Тимура. После трех походов Шахруха на запад владетелем Азербайджана был признан сын воевавшего с Тимуром Кара-Юсуфа, Джеханшах (1436 г.). В остальной Персии потомки трех старших сыновей Тимура, Джехангира, Омар-шейха и Мираншаха, постепенно были заменены сыновьями Шахруха, из которых Улугбек с 1409 г. правил в Самарканде, Ибрахим-Султан с 1414 г. в Ширазе, Суюргатмыш с 1418 г. в Кабуле, Газне и Кандагаре. Один из сыновей Шахруха, Байсункар, более всех других усвоивший персидскую образованность, остался в Герате, где считался везиром своего отца и вместе с ним способствовал блеску его столицы. Для одного из малолетних сыновей Байсункара, Султан-Мухаммеда, в 1442 г. было создано новое государство в средней Персии, с городами Султанией, Казвином, Реем и Кумом [10].

В общем такое распадение было благоприятно для восстановления и дальнейшего развития культуры. Не только в столице, но и в других городах могли быть сделаны достижения, которыми потом воспользовался весь иранский культурный мир. Абд ар-Раззак в рассказе о смерти Ибрахим-Султана (1435 г.) ставит ему в особенную заслугу, что благодаря его покровительству мог закончить свой труд по истории Тимура (*Зафар-нāме*) Шереф ад-дин Йезди, «изящнейший [писатель] в мире и благороднейший человек в Иране» [11]. Этот труд, переведенный при узбеках одним бухарцем на турецкий язык [12], обращал на себя внимание турок и при Тимуридах; поэт Лутфи, которого Мир Али-Шир предпочитает всем своим предшественникам [13], составил стихотворный перевод *Зафар-нāме;* этот труд (более 2000 стихов) не был переписан набело и потому не получил известности [14].

Сосредоточение власти в руках членов семьи Шахруха не могло способствовать политической устойчивости; сыновья и внуки Шахру-

---

[10] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 257б.

[11] Там же, л. 245б: الطف جهان واشرف ايران .

[12] Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан (1902 г.)*, стр. 257. Рукопись этого перевода, насколько мне известно, имеется только в Константинополе (Нур-и Османийе 3268).

[13] *Мухāкамат* — Quatremère, *Chrestomathie*, p. 34. О Лутфи еще Бартольд, *Улугбек*, стр. 113; <см. выше, стр. 140. См. теперь Рустамов, *Узбекская поэзия.* — *Ю. Б.*>.

[14] *Маджāлис*, рук. ЛГУ, л. 29а.

ха вступили в борьбу между собой; произошло дальнейшее сокращение государства Тимуридов; в оставшихся под властью Тимуридов областях власть перешла к потомкам Омар-шейха и Мираншаха. Еще сам Шахрух в 1446 г. был вынужден совершить поход на запад против своего внука Султан-Мухаммеда [15], захватившего Исфахан и осадившего Шираз. Царевич бежал; к числу его советников, привлеченных к ответственности Шахрухом, принадлежал историк Шереф ад-дин, считавшийся самым близким к царевичу лицом и везде сопутствовавший ему; ему приписывались стихи, где говорилось, что старик должен уступить место молодому; он же будто бы успокаивал царевича, что Шахрух на запад не пойдет. На допросе Шереф ад-дин признал только последнее обвинение и старался доказать, что и тут не было поощрения мятежа, было только ожидание, что Шахрух бережно отнесется к подававшему большие надежды внуку и простит ему его дерзость. Находившийся в войске Шахруха Абд ал-Лятиф, сын Улугбека, в грубых словах упрекал историка, и потому Шереф ад-дин был выдан Абд ал-Лятифу, который только этого и хотел, желая спасти жизнь историку, и тотчас отправил его в Герат. В каталоге Rieu [16] приводится известие, что Абд ал-Лятиф уверял, будто Шереф ад-дин нужен Улугбеку для астрономических наблюдений, и отправил его в Самарканд; у Абд ар-Раззака [17] этого известия нет, и, по-видимому, Шереф ад-дин не ездил дальше Герата. Когда Хорасаном на короткое время овладел Султан-Мухаммед (1449 г.), Шереф ад-дин получил возможность вернуться на запад, поселился около Йезда, в Тефте (там он родился), и прожил там в своей ханаке до своей смерти (1454 г.). Несмотря на его близость к Султан-Мухаммеду, его там навестил в 1452 г. и был им принят брат и убийца Султан-Мухаммеда, Абу-л-Касим Бабур [18].

Несмотря на смуты среди потомков и преемников Шахруха, созданное Шахрухом политическое обаяние Герата оказалось более прочным, чем создававшееся Тимуром обаяние Самарканда. Поход Султан-Мухаммеда на Герат (1449 г.) отчасти был вызван заявлением «начальников (سرداران) Ирака и Луристана», что они подчинятся тому государю, местопребыванием которого будет «престол султанства Шахруха» [19]. Внук Мираншаха Абу Са'ид [20], владевший Самаркандом

[15] Бартольд, *Улугбек*, стр. 120; <см. выше, стр. 148>.

[16] *Pers. MSS*, vol. I, p. 173. [17] Рук. ЛГУ, л. 270б.

[18] Там же, л. 295а. Необходимо, конечно, отличать Абу-л-Касима Бабура (ум. в 1457 г.) от Захир ад-дина Бабура, основателя империи Великих Моголов (ум. в 1530 г.), но называть их, как иногда делалось, Бабуром I и Бабуром II едва ли было бы правильно, так как второй владел совсем другими областями, чем первый.

[19] Там же, л. 286а: ما تابع فرمان آن پادشاهیم که سریر سلطنت شاهرخی مستقر دولت او باشد.

[20] О нем Бартольд, *Улугбек*, стр. 129 и сл.; <см. выше, стр. 157>.

с 1451 г., постоянно мечтал о том, чтобы овладеть Гератом и сделать его своей столицей [21]; добившись этой цели в 1459 г., он остался в Герате.

Несколько раньше Тимуриды лишились западной части Ирана. По словам Абд ар-Раззака, в 1453 г. все западные области Персии от границ Азербайджана до океана, более 80 лет находившиеся под властью династии Тимура (это несколько преувеличено, так как Тимур только в 1380 г. перешел через Аму-Дарью), подчинились туркменам [22]. В 1458 г. Джеханшах даже сделал попытку отнять у Тимуридов Герат, но эта попытка не имела успеха, и в 1459 г. был заключен договор, по которому Западная Персия должна была оставаться под властью Джеханшаха, Хорасан — под властью Абу Са'ида [23]. После смерти Джеханшаха (1467 г.) Абу Са'ид сделал попытку восстановить господство Тимуридов на западе; известно, что за эту попытку он заплатил жизнью (1469 г.). Западная часть Ирана осталась под властью туркмен, только вместо дома Черного барана воцарился дом Белого барана, главными представителями которого были Узун-Хасан (1466—1478) и его сын Я'куб (1479—1490). В то же время окончательно распалось государство Тимуридов; Туркестан остался под властью сыновей Абу Са'ида, Хорасан перешел под власть потомка Омар-шейха, Султан-Хусейна.

Так образовались те государства, вне которых для Мир Али-Шира, судя по его сочинениям, не было ничего замечательного в культурном отношении: царство туркмен на западе и два царства Тимуридов, хорасанское и самаркандское [24], хотя ни одно из этих царств не было сплоченным целым; в частности, в Хорасане во многих городах были свои «султаны», враждовавшие между собой, хотя все они принадлежали к одной семье — семье Султан-Хусейна. Что гератская культурная жизнь была выше самаркандской, в этом не могло быть никакого сомнения; менее ясно, насколько тимуридский восток стоял выше туркменского запада. Дошедшие до нас источники преимущественно написаны в государстве Тимуридов и, конечно, небеспристрастны в своих отзывах о туркменах; но некоторые из таких отзывов, приводившиеся в европейской научной литературе [25], опровергаются свидетель-

---

[21] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 309б: همیشه در هوای استخلاص وتدبیر تسخیر مملکت خراسان بود. Ср. Бартольд, *Улугбек*, стр. 142, прим. 8; <см. выше, стр. 171, прим. 141>.

[22] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 295а.

[23] О договоре там же, л. 316б.

[24] Ср. *Маджалис*, рук. ЛГУ, л. 31б, выражение خراسان وسمرقند ملکی‌دا .

[25] Напр., отзыв о Джеханшахе у Бувá (*Essai*, p. 270: «athée notoire, débauché et cruel»).

ством других источников, тоже тимуридских, но менее пристрастных [25]. Довольно благоприятен также отзыв Мир Али-Шира о своем современнике, султане Я'кубе [27].

[26] Ср. отзыв о правлении Джеханшаха у Абд ар-Раззака, рук. ЛГУ, л. 331а: مملکت اذربایجان بحسن عنایت ولطف عاطفت میرزا جهانشاه در غایت معموری وآبادانی بود وآن پادشاه نیکو خواه بعدل وداد وتعمیر بلاد وتوقیر عباد اهتمام تمام می‌نمود و دار الملک تبریز بوفور رعیت وظهور رفاهیت غیرت‌فزای مصر جامع وفروغ بخش خورشید لامع شد الخ .

[27] *Маджалис*, рук. ЛГУ, л. 78б: ترکمان سلاطینی‌دا آنینک دیک پسندیده ذات‌لیغ وحمیده صفات‌لیغ بیکیت آز بولغای .

III

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И МОЛОДОСТЬ МИР АЛИ-ШИРА

Мир Али-Шир родился в Герате в 844/1440-41 г. Его семья, по словам Хондемира [1], стояла близко к дому Тимуридов, в частности к потомкам Омар-шейха, с которыми семью Мир Али-Шира связывали отношения молочного братства (کوکلتاشی). Это слово обыкновенно толкуется в словарях как *көңӱltaш* — 'молочный брат, молочная сестра'; но слышавшие его непосредственно передают его через *кукельташ* [2]. Известно, что с именами лиц, носивших прозвание *кукельташ*, связано в Туркестане большое число построек узбецкого периода. Слово *кукельташ* не присоединяется к имени Мир Али-Шира, но присоединяется к имени его брата Дервиш-Али [3].

Принадлежа к знатной служилой аристократии, Мир Али-Шир был по рождению «эмиром» (отсюда слово «мир» в начале его имени, утвердившееся в литературе; правильнее было бы называть его просто Али-Шир; у Бабура — Али-Шир-бек), «беком» или (по-монгольски) «нойоном» [4], независимо от того, занимал ли он какую-нибудь должность. Из более отдаленных предков Мир Али-Шира в статье Белена [5] упоминается, по Сам-мирзе, дед его матери Бу-Са'ид Ченг, один из главных эми-

---

[1] Бомбейское изд., III [3], 217.

[2] <*Көңӱl* значит 'сердце' и *көңӱl-таш* значило бы 'товарищ по сердцу', что словари приравнивают к 'вскормленным одной грудью, молочным братьям'. Толкование, быть может, является правильным, но в этимологии *кукель* = *көңӱl* нельзя быть уверенным. — *В. М.*>

[3] Напр., Хондемир, бомбейское изд., III [3], 249 наверху امیر نظام الدین درویش علی کوکلتاش.

[4] Слово *нойон* при имени Мир Али-Шира, напр., у Даулетшаха, изд. Броуна, 14,7. <По сообщению Мухаммед-Хайдера, Мир Али-Шир происходил из уйгурских бахши, и отца его звали Кичкине-бахши (текст по рук. Аз. муз. аа 568 (В 648) см. Salemann, *Neue Erwerbungen*, S. 359: اصل وی از بخشیان ایغور است پدر اورا کچکینه [или: کجیکنه] بخشی می گفتند. На слова Мухаммед-Хайдера (этого места нет в переводе Росса, которым пользовался В. В. Бартольд) обратили внимание А. З. В. Тоган (1941; *Ali Şir*, s. 349a) и А. А. Семенов (1960; *Взаимоотношения*, стр. 238); А. А. Семенов отсюда сделал вывод, что Мир Али-Шир принадлежал по рождению не к родовой знати, а к «потомственным канцелярским чиновникам». — *Ю. Б.*>

[5] *Notice*, p. 180. Ср. Никитский, *Эмир-Низам-Эд-Дин-Али-Шир*, стр. 35.

ров дивана мирзы Байкара, деда Султан-Хусейна. О своем отце Мир Али-Шир, как мы увидим, говорит несколько раз, но не называет его имени; Белен заимствует это имя или прозвание — Кичкине-бахадур ('малый богатырь') — из турецкого источника XVII в. В одном из рассказов Хондемира[6] отец Мир Али-Шира носит имя Гияс ад-дин Кичкине.

Близость самого Мир Али-Шира к династии выразилась в том, что он был школьным товарищем Султан-Хусейна; об этом говорит уже Бабур[7], хотя ранними источниками, по-видимому, не подтверждается приведенное у Белена анекдотическое известие, будто мальчики с самого начала обещали друг другу «de ne point s'oublier, si plus tard la fortune venait à sourir à l'un d'eux» — анекдот, по-видимому, столь же мало достоверный, как известный рассказ, «полный анахронизмов», о школьных товарищах XI — XII вв.[8]. В данном случае анахронизма нет, и самый факт товарищества хронологически возможен; Султан-Хусейн родился в 1438 г.[9], т. е. был только года на два старше Мир Али-Шира. Не исключена в данном случае и возможность совместного обучения подданного с царевичем[10]. Мирзе Байкара при смерти Тимура (1405 г.) было 12 лет[11]; он лишился политической власти в 1415 г.; Шахрух послал его в Кандагар, где он интриговал против местного владетеля, царевича Кайду, и за это был подвергнут заключению; Шахрух сначала велел отправить его в Индию, потом, когда сам решил идти в Кандагар, отменил свое решение; Байкара был доставлен к войску Шахруха, который послал его в Самарканд (1417 г.)[12]; по-видимому, вскоре после того он был убит[13]. Его сын Гияс ад-дин Мансур мог быть в год смерти отца только малолетним; Мансур, проживший до 849/1445-46 г., жил в Герате, по-видимому, частным человеком, может быть, даже терпел нужду, как сын Мираншаха Сиди-Ахмед, обращавшийся к Шахруху в стихах с настоятельными просьбами о материальной поддержке[14]; известно, что сын Сиди-Ахмеда впоследствии

---

[6] Бомбейское изд., III[3], 179.

[7] *Бабур-наме*, изд. Бевериджа, л. 170б: كيچيك‌ليكى‌دا هم مكتب ايكاندور .

[8] Напр., Жуковский, *Омар Хайам*, стр. 326.

[9] Мухаррем 842 г. х. (Хондемир, бомбейское изд., III[3], 203).

[10] <Как показывают недавно опубликованные документальные источники, Мир Али-Шира овязывали с Султан-Хусейном отношения молочного братства—واسطه نسبت رضاع, что соответствует, очевидно, приведенному выше В. В. Бартольдом термину كوكلتاشي; см. Абдаллах Марварид, *Шараф-наме*, текст, лл. 27б, 43б; пер., 96—97, 72. — *Ю. Б.*>

[11] Шереф ад-дин Йезди, II, 734.

[12] Об этом Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, лл. 205а, 209а и сл.; пер. Катрмера, 279 и сл. До рассказа о судьбе царевича в Кандагаре изложение в «Notices et extraits» не доходит.

[13] Даулетшах, изд. Броуна, 374 и сл.

[14] Бартольд, *Улугбек*, стр. 70; <см. выше, стр. 96—97>.

был женат на сестре Султан-Хусейна. Правда, дом в северо-восточной части Герата, где родился Султан-Хусейн, назывался и впоследствии «дворцом» (دولتخانه), так что можно думать, что благосостояние семьи Мансура было несколько выше и что, породнившись с этой семьей, семья Сиди-Ахмеда извлекла из этого пользу.

Школьное учение Мир Али-Шира было рано прервано событиями; во время смут, вызванных смертью Шахруха, его отец, по рассказу сына, счел нужным «с большой толпой людей»[15] бежать из Хорасана в Ирак. Рассказ Мир Али-Шира об этом путешествии и о встрече в Тефте с Шереф ад-дином Йезди вызывает некоторые хронологические затруднения: Шереф ад-дин поселился в Тефте, как мы видели, только в 1449 г., следовательно, Мир Али-Ширу во время этой встречи было не около шести лет, а несколько больше. Несколько странным кажется выбор стихов, написанных историком для мальчика[16]: «Суфий, не осуждай поклоняющихся вину кутил, потому что в чаше — луч от отражения друга». Самый факт прихода каравана в Тефт и посещение им ханаки Шереф ад-дина не вызывает удивления; вполне естественно, что автор истории Тимура пользовался некоторой популярностью на Востоке. Кроме Султан-Мухаммеда и Абу-л-Касима Бабура, Шереф ад-дин принимал у себя царевича из более далекой страны, Моголистана[17], будущего хана Юнуса, хотя рассказ об этом нашего единственного источника, *Та'рӣх-и Рашӣдӣ* Мухаммед-Хайдера, полон хронологических противоречий[18]. Говорится, что Юнус родился в 818 или 819 г. х. (1415—1417 гг.)[19], попал в плен к Улугбеку 16 лет, причем, однако, указывается 832 г. х. (1428-29 г.), был послан к Шахруху и оттуда дальше на запад, к Шереф ад-дину, у которого учился в Йезде 12 лет до его смерти; между тем историк прожил до 1454 г. По словам Захир ад-дина Бабура[20], Юнус прибыл в Шираз к Ибрахим-Султану за 5—6 месяцев до его смерти, т. е. осенью 1434 г., пробыл в Ширазе 17—18 лет и был нукером младенца Абдуллы (родился в 1433 г.); о том, что Юнус был учеником Шереф ад-дина, Бабур не упоминает. По Мухаммед-Хайдеру[21],

---

[15] *Маджа̄лис*, рук. ЛГУ, л. 14б: جماعت کثیر بیله. Текст приведен также в статье Исма'ил-Хикмета (نوایی 7).

[16] <Как указал Е. Э. Бертельс, это — недоразумение, объясняемое, видимо, отсутствием в 1928 г. критического издания *Маджа̄лис*. На самом деле в рассказе об этой встрече Навои не говорит, что Шереф ад-дин написал стихи д л я н е г о, а просто помещает один *матла'* из его стихов к а к о б р а з е ц его поэзии (см. Бертельс, *Навои*, стр. 90, прим.). — *Ю. Б.*>

[17] Об этом термине Бартольд, *Улугбек*, стр. 11; <см. выше, стр. 85>.

[18] Там же, стр. 89; <см. выше, стр. 115>.

[19] Мухаммед-Хайдер, 84 и 115.

[20] *Ба̄бур-на̄ме*, изд. Бевериджа, л. 10.

[21] Мухаммед-Хайдер, 85.

Юнус благодаря Шереф ад-дину сделался самым образованным человеком, который когда-либо жил среди моголов, раньше и после.

Уже в начале 1450-х годов порядок во владениях Тимуридов мог считаться до некоторой степени восстановленным. В Самарканде с 1451 г. правил Абу Са'ид; в Герат в понедельник 28 августа 1452 г.[22] вернулся Абу-л-Касим Бабур после неудачного похода на запад, из-за которого он едва не лишился только что завоеванного Хорасана. В 1454 г. Бабур сделал неудачную попытку овладеть Самаркандом; после заключения договора с Абу Са'идом он 25 декабря[23] того же года вернулся в Герат.

Приведенные даты имели значение в жизни Султан-Хусейна, может быть также Мир Али-Шира и его семьи. По Хондемиру[24], Султан-Хусейну было 14 лет, когда он, посоветовавшись со своей матерью, поступил на службу к Бабуру, следовательно, это было в 1452 г., вероятно после 28 августа. Султан-Хусейн принял участие в походе 1454 г., но не вернулся с Бабуром в Хорасан, а остался у Абу Са'ида; вероятно, он поступил так не один, а вместе с другими царевичами из потомства Омар-шейха. На это указывают дальнейшие происшествия. Произошло восстание двоюродного брата Султан-Хусейна, Султан-Увейса, сына Мухаммеда; это вызвало в Абу Са'иде подозрение против всех царевичей; Султан-Хусейн и с ним 13 человек его родственников были заключены в самаркандскую цитадель. Когда весть об этом дошла до Герата, мать Султан-Хусейна, Фируза-бегум, дочь известного внука Тимура Султан-Хусейна, убитого в 1405 г.[25] (очевидно, от этого деда царевич Султан-Хусейн получил свое имя), отправилась в Самарканд просить за сына; по своей матери она была внучкой Мираншаха, двоюродной сестрой Абу Са'ида; просьба ее была исполнена, Султан-Хусейн был выпущен и вновь поступил на службу к Бабуру.

По словам Хондемира[26], одновременно с Султан-Хусейном поступил на службу к Бабуру Мир Али-Шир. Не сказано, идет ли речь о первом приходе Султан-Хусейна к Бабуру или о втором; более вероятно последнее, тем более что, по словам Сам-мирзы[27] (автора антологии *Туҳфа-йи Сāмī*, сына шаха Исма'ила), отец Мир Али-Шира находился некоторое время на службе у Абу Са'ида — вероятно, одновременно с Султан-Хусейном. Самый ранний историк, говорящий об этих событиях, Абд ар-Раззак, ничего не знает о первом приходе к Бабуру Султан-Хусей-

---

[22] Дата у Абд ар-Раззака, рук. ЛГУ, л. 295а: 12 ша'бана 856 г. х.

[23] Дата у Абд ар-Раззака, рук. ЛГУ, л. 300б: 4 мухаррема 859 г. х.

[24] Бомбейское изд., III 3, 204 наверху.

[25] Бартольд, *Улугбек*, стр. 56; <см. выше, стр. 82>.

[26] Бомбейское изд., III 3, 217.

[27] Belin, *Notice*, p. 180. Никитский, *Эмир-Низам-Эд-Дин-Али-Шир*, стр. 35. Отец Мир Али-Шира носит у Сам-мирзы имя بهادر.

на; говорится только [28], что Султан-Хусейн по приказанию Абу Са'ида был заключен в самаркандскую цитадель, провел в заключении долгое время (مدت مدید), потом получил свободу и отправился к Бабуру, который назначил ему щедрое содержание — 100 000 кебекских динаров. Известно, что кебекский динар (названный так по имени чагатайского хана Кебека, 1318—1326) [29] был серебряной монетой весом в два золотника; турки вместо слова *динар* употребляли слово *алтун* [30] (*алтын*), часто встречающееся в этом смысле у Мир Али-Шира [31]. Если приравнять золотник серебра к 25 коп., то содержание Султан-Хусейна составляло на наши деньги 50 000 рублей.

По словам Даулетшаха [32], на службе у Бабура находился отец Мир Али-Шира, турок, но образованный человек, старавшийся дать возможно лучшее образование своему сыну; этот сановник будто бы был при Бабуре правителем государства [33], что едва ли соответствует действительности, иначе об этом упоминалось бы у историков. Из слов самого Мир Али-Шира [34] видно, что его отец занимал при Бабуре более скромную должность хакима известного центра шиитства, города Себзевара (у Белена это известие не приводится). Об этом говорится в биографии себзеварца Мир Шахи, популярного в свое время поэта; настоящее его имя было Мир Ак-Мелик; когда-то он был приближенным царевича Байсункара (умершего в 1433 г.). Мир Али-Шир не имел случая его видеть, но имел с ним переписку (اعلام وارسال). По-видимому, в одно и то же время «царь» послал отца Мир Али-Шира хакимом в Себзевар, и астрабадский хаким вызвал Мир Шахи к себе; поэт умер в Астрабаде, его тело было привезено в Себзевар, торжественно встречено населением и похоронено рядом с могилами его предков. По словам Хондемира [35], Мир Шахи умер в Астрабаде в 857 г. х. (1453 г.); если так, то если не сам Мир Али-Шир, то его отец находился на службе у Бабура еще до прибытия из Самарканда Султан-Хусейна; «переписка», о которой упоминает Мир Али-Шир, была перепиской ребенка со стариком. Подобно всем себзеварцам Мир Шахи был шиитом, что не помешало ему сделаться приближенным Байсункара; поэт разошелся с царевичем

---

[28] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 308б. Известно, что Абд ар-Раззак родился в Герате в 1413 г., умер там же в 1482 г. См. его биографию в EI, I, S. 67 sq. <Barthold. *'Abd al-Razzāḳ*>.

[29] Бартольд, *Улугбек*, стр. 9; <см. выше. стр. 33>.

[30] Даулетшах, изд. Броуна, 373 наверху.

[31] *Маджалис*, рук. ЛГУ, лл. 52а, 56б, 58а.

[32] Изд. Броуна, 495.

[33] مدبر ملک وکافی دولت .

[34] *Маджалис*, рук. ЛГУ, л. 13а: ملک پادشاهی اتامنی حکومت رسمي بیله سبزوارغه یاریب ایرد .

[35] Бомбейское изд., III 3, 150.

только потому, что не хотел в угоду царевичу отказаться от своего поэтического прозвания, которое Байсункар хотел присвоить исключительно себе. Поэт после этого старался умилостивить царевича стихами, но, по-видимому, безуспешно.

По поводу этих шиитских связей может быть поставлен вопрос о вероисповедании самого Мир Али-Шира. Белен [36] видит в самом имени «Али-Шир» достаточное доказательство, что он был шиитом (употреблено не совсем удачное выражение [37]: «appartenait au rite orthodoxe de la Perse»); но Бабур [38] называет Мир Али-Шира среди людей, по совету которых Султан-Хусейн отказался от шиитства. По всем признакам, вражда между суннитами и шиитами при Тимуре и его династии не имела того резкого характера, который она приняла в XVI в., при узбеках и династии шаха Исма'ила [39]. Суннитом, но без резкой вражды к шиитам был и первый покровитель Мир Али-Шира, султан Бабур [40]. По словам Даулетшаха, Мир Али-Шир уже тогда был «двуязычным» поэтом, т. е. писал стихи по-турецки и по-персидски, и эти стихи нравились Бабуру. О каком-либо участии Мир Али-Шира в государственных делах в это время, конечно, не могло быть и речи. Есть известие (у Саммирзы), что Бабур полюбил Мир Али-Шира и смотрел на него как на сына.

В источниках не указывается точная дата, когда Султан-Хусейн вторично прибыл к Бабуру. Во всяком случае, это произошло до октября 1456 г.; в начале этого месяца Бабур отправился из Герата в Мешхед, куда прибыл 14-го числа [41], причем с ним были и Султан-Хусейн, и Мир Али-Шир, так что заключение Султан-Хусейна в самаркандской цитадели не могло быть так продолжительно, как уверяет Абд ар-Раззак. Бабур провел в Мешхеде зиму и там же умер в марте 1457 г. [42].

После смерти Бабура друзья расстались на целых 12 лет. Для Мир Али-Шира эти годы были годами книжного учения, сначала в Мешхеде, потом в Герате и Самарканде, для Султан-Хусейна, по выражению его современников, в том числе Мир Али-Шира [43],— годами «казачества».

В первые годы молодой царевич еще не решался выступать с самостоятельными притязаниями и во время смут, происшедших в Хора-

---

[36] *Notice*, p. 219.

[37] Повторено без критики Исма'ил-Хикметом (نوایی 30).

[38] *Бабур-наме*, изд. Бевериджа, л. 104б наверху.

[39] <Об этом ср. также выше (в работе *Улугбек и его время*), стр. 46—47.—*Ю. Б.*>

[40] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 306а внизу, приписанные Бабуру слова по поводу чеканенной в его царствование шиитской монеты: هر کس هر نوع اعتقاد دارد گو می‌دار من بر طریقهٔ سنت وجماعت ثابتم ومذهب ابو حنیفه دارم .

[41] Дата у Абд ар-Раззака, рук. ЛГУ, л. 304б (14 зу-л-ка'да 860 г. х.).

[42] Там же, л. 305б (вторник 25 раби' II 861 г. х., вероятно 22 марта).

[43] *Маджалис*, рук. ЛГУ, л. 112б (قزاقلیق).

сане после смерти Бабура, старался примкнуть к тому или другому претенденту. По-видимому, тотчас после смерти Бабура он отправился в Мерв к одному из них, мирзе Санджару, которому Бабур в начале 1455 г. дал в удел Мерв, Махан и Джам [44]. Во время движения Бабура из Герата в Мешхед в октябре 1456 г. жители Джама жаловались ему на несправедливое управление назначенных Санджаром лиц; Бабур оставил эти жалобы без внимания [45]. После смерти Бабура Санджар не обнаружил желания подчиниться ни его одиннадцатилетнему сыну (единственному) Шах-Махмуду, ни другому внуку Байсункара, при Бабуре находившемуся в заключении, Султан-Ибрахиму (сыну Ала ад-дауля). Санджар хорошо принял Султан-Хусейна и выдал за него свою дочь, Бике-Султан-бегум; по этому случаю были даны почетные одежды «казиям, вельможам (اعيان), эмирам и нойонам» [46]; от этого брака родился старший сын Султан-Хусейна, Бади' аз-заман. Впоследствии, находясь на престоле, Султан-Хусейн развелся с этой подругой своих юных дней, и для царицы эта разлука имела, судя по словам Хондемира, характер трагедии [47]. Она ставила себя «по своему высокому происхождению» выше других жен Султан-Хусейна и всякий раз, как Султан-Хусейн оказывал одной из них особенное внимание, приходила в гнев; этим она довела Султан-Хусейна до того, что он развелся с ней, и царица проводила дни «в крайней печали» до своей смерти, последовавшей в 893/1488 г. Погребена она была по-царски, при участии «Бади' аз-замана и всех царевичей» (но не султана), в построенном ею (и названном по имени сына) медресе Бади'и. Бабур смотрит на это событие менее трагически и находит, что прав был Султан-Хусейн [48]: «Дурная женщина в доме хорошего мужчины — это предвкушение ада уже в здешнем мире».

Молодой царевич приобрел доверие тестя; когда Санджар летом 1457 г.[49] отправился в Мешхед, он поручил Мерв Султан-Хусейну. Произошло столкновение между царевичем и главным вельможей, арлатом Хасаном (причиной столкновения будто бы было коварное намерение вельможи схватить Султан-Хусейна); Султан-Хусейн овладел Мервом, потом был оттуда вытеснен, действовал на Мургабе выше Мерва до Меручака, провел зиму в пустыне между Мервом и Хивой, весной 1458 г. был на Теджене, где, по выражению Хондемира, одержал свою пер-

---

[44] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 301а. О Санджаре и его отношении к Султан-Хусейну ср. еще Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 69 и сл.

[45] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 304а.

[46] Хондемир, бомбейское изд., III [3], 204 (там же другие данные о молодости Султан-Хусейна).

[47] Там же, 245.

[48] *Бабур-наме*, изд. Беверидж, л. 169 наверху (حق ميرزا جانبى ايدى).

[49] Перед этим упоминается ша'бан 861 г. х. (июнь — июль).

вую победу (о ней упоминает и Абд ар-Раззак) [50]: им было произведено нападение на отряд Баба-Хасана, вытесненного туркменами с берегов Гюргена и шедшего через Абиверд на соединение с Санджаром; Баба-Хасан был взят в плен и убит, его отряд частью присоединился к Султан-Хусейну. За этой победой в том же году последовали другие — взятие сначала Неса, потом Астрабада, где начальствовал туркменский царевич Хусейн-бек, двоюродный брат Джеханшаха; царевич после взятия Астрабада был повешен [51]. Стараясь создать для себя легальное положение, Султан-Хусейн из Неса вступил в переговоры с Санджаром, из Астрабада — с Абу Са'идом. Первая попытка, как и следовало ожидать, встретила отпор с самого начала. Абу Са'ид вел переговоры до тех пор, пока не заключил мира с Джеханшахом, потом подверг заключению присланного Султан-Хусейном посла и обнаружил намерение отнять у него Астрабад; после этого отношения между Абу Са'идом и Султан-Хусейном до конца оставались враждебными.

В 1459 г. на Гюргене был в качестве посла Абу Са'ида историк Абд ар-Раззак. Весной 1459 г. [52] враги Абу Са'ида были разбиты при Серахсе (среди них был Санджар, убитый после сражения по приказанию Абу Са'ида); один из отрядов бежал к Султан-Хусейну в Астрабад, но не был принят, и находившийся во главе его царевич был убит. Султан-Хусейн стал чеканить монету с именем Абу Са'ида и вместе с Абд ар-Раззаком отправил в Герат своего посла, который и был принят, хотя война с туркменами давно кончилась [53], так что рассказ Хондемира о причинах разрыва между Абу Са'идом и Султан-Хусейном не соответствует действительности. Более доверия заслуживает рассказ Абд ар-Раззака, по которому действия Абу Са'ида против Султан-Хусейна были вызваны грабительскими набегами из Мазандерана на Хорасан, причем грабители доходили до Себзевара и Нишапура [54].

Султан-Хусейну, следовательно, принадлежала инициатива враждебных действий, которые с тех пор несколько раз возобновлялись и часто принимали характер разбойничьих нападений. Известно, что один из эпизодов этой борьбы представляет большой историко-географический интерес, именно бегство Султан-Хусейна из Астрабада на север, в Хорезм, в 1460 и вторично в 1461 г., причем оба раза говорится о переправе через Аму-Дарью (в рассказе о первой переправе говорится о лодках)

---

[50] Рук. ЛГУ, л. 318б.

[51] Так Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 319а.

[52] В середине джумада I 863 г. х. (там же, л. 318а).

[53] <Эта фраза будет понятней, если добавить, что, согласно Хондемиру, разрыв между Абу Са'идом и Султан-Хусейном начался с того времени, когда первый почувствовал себя в безопасности со стороны туркмен Черного барана. — *В. М.*>

[54] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 321б. По Хондемиру (бомбейское изд., III [3], 208 наверху), отряды сначала действовали против «арабов» в Бияр-Джуменде; их вторжение в хорасанские области произошло неожиданно для Султан-Хусейна и против его воли.

там, где теперь проходит сухое русло Узбой [55]. Столь же необычным фактом была морская прогулка Абу Са'ида весной 1460 г. после взятия Астрабада. Через несколько дней после занятия Астрабада Абу Са'ид отправился к берегу моря, оттуда отплыл сначала на лодке, потом пересел на большой корабль (کشتیٔ بزرگ) и совершил прогулку по морю, продолжавшуюся с утра до вечера [56].

Абу Са'ид оставил в Астрабаде своего третьего сына, малолетнего Султан-Махмуда (он родился в 1453 г.) [57]. Уже в 1461 г. Султан-Хусейн воспользовался затруднениями Абу Са'ида в Туркестане, чтобы в конце мая [58] снова овладеть Астрабадом, оттуда предпринять поход через Себзевар, Нишапур и Серахс на Герат и осадить столицу. Им были приняты меры, чтобы помешать переправе войска Абу Са'ида через Аму-Дарью; разумеется, переправа все-таки состоялась; в октябре [59] Султан-Хусейн был вынужден снять осаду и вернуться в Мазандеран, оставив гарнизон в Серахсе, который потом сдался Абу Са'иду. При приближении войска Абу Са'ида Султан-Хусейн снова бежал в Хорезм, где ему постепенно удалось овладеть всей областью, со включением Хивы, где жители восстали против назначенного Абу Са'идом наместника. Снова говорится о действиях Султан-Хусейна в Хорасане в 1464 г.; он быстро прошел через Неса, Абиверд, Мешхед, Туршиз и Тун, совершая везде грабежи и избиения [60]. Несмотря на победу, одержанную им при Туршизе (он сам рассказывал Хондемиру, что в этой битве им лично было ранено до 15 человек), он должен был вернуться в Хорезм, где тоже не удержался. Власть в Хорезме перешла к эмиру Нур-Са'иду, потомку прежнего владетеля Хорезма, Шах-Мелика. Нур-Са'ид считался подданным Абу Са'ида, хотя несколько раз восставал против него. В 1467 г. Султан-Хусейн из страны узбеков вторгся в Хорезм и произвел там опустошения; Нур-Са'ид за проявленные им при защите области упущения лишился власти и потом жизни [61]. В 1468 г. [62] Султан-Хусейн обратился с просьбой о помощи к узбекскому хану Абулхайру, некогда

---

[55] Бартольд, *К вопросу о впадении Аму-Дарьи*, стр. 026 и сл. 1464 г. на стр. 027 указан ошибочно.

[56] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 322б.

[57] *Бабур-наме*, изд. Бевериджа, л. 25б — 857 г. х.

[58] По Хондемиру (бомбейское изд., III [3], 209), в середине ша'бана 865 г. х.

[59] Мухаррем 866 г. х. (Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 327б). Осада началась в понедельник 31 августа (24 зу-л-ка'да — там же, л. 326б).

[60] Там же, л. 333а наверху: ولشکر او هرچه یافتند کرفتند. Хондемир, бомбейское изд., III [3], 212: بلوازم نهب وتاراج اقدام فرمودند واز مخالفان هر کس دیدند بقتل رسانیدند.

[61] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 337б; Мухаммед-Салих, *Шейбани-наме*, предисл. и гл. XV, где выражение ش ادت جامی.

[62] О дате смерти Абулхайра см. EI, I, S. 102 <Barthold, *Abu'l-Khair*>

посадившему на самаркандский престол Абу Са'ида [63]. Хондемир подробно рассказывает о приеме Султан-Хусейна в орде хана, где он пробыл неделю, о спорах по вопросу об этикете и об испытании способности Султан-Хусейна пить вино без опьянения, что значительно подняло его во мнении хана [64]. Абулхайр был тогда болен параличом [65] и скоро умер, среди узбеков наступили такие смуты, что на помощь от них нельзя было надеяться. По-видимому, Султан-Хусейн был и в более западных областях узбецких владений; его сестра вышла замуж за астраханского хана Ахмеда [66]. Может быть, имеется в виду известный золотоордынский хан, противник Иоанна III. Впоследствии эта царевна вернулась в Герат к брату с двумя сыновьями и дочерью [67].

Обстоятельства сложились для Султан-Хусейна так благоприятно, что ему удалось овладеть Хорасаном даже без помощи узбеков: Абу Са'ид еще в конце февраля 1468 г. [68] выступил в поход для завоевания Западной Персии, который должен был стоить ему жизни. В Герате с осени и всю зиму ждали нападения Султан-Хусейна и принимали меры для защиты города; даже выступил из Самарканда Султан-Ахмед, сын Абу Са'ида, по Абд ар-Раззаку с 50 000 войска [69], но на Мургабе получил известие о гибели отца; сам Султан-Хусейн постарался, чтобы это известие дошло до него. По Хондемиру, Султан-Ахмед дошел до Андхоя, где к нему присоединился его брат Султан-Махмуд, вернувшийся с остатками войска из Азербайджана и сделавший тщетную попытку утвердиться в Герате; братья решили отказаться от борьбы за Хорасан и вернулись за Аму-Дарью. Как быстро шли события, видно из дат, приведенных Абд ар-Раззаком. В пятницу, 10 марта [70], после богослужения распространилось известие о гибели Абу Са'ида, в четверг 16-го [71] в город вступил Султан-Махмуд и в пятницу 17-го была произнесена хутба с именем его и Султан-Ахмеда, в следующую пятницу, 24-го, уже была произнесена хутба с именем Султан-Хусейна, за несколько дней до этого Султан-Махмуд покинул город вследствие восстания начальника цитадели Ихтияр ад-дин. В тот же день 24 марта произошло вступление в Герат самого Султан-Хусейна. В апреле к нему прибыл Мир Али-Шир, перед этим находившийся в войске Султан-Ахмеда, в свите полновластного правителя Самарканда Ахмед-Хаджи-бека.

---

[63] Бартольд, *Улугбек*, стр. 1136 и сл.; <см. выше, стр. 164>.

[64] Хондемир, бомбейское изд., III³, 214: واین معنی موجب ازدیاد اعتقاد خان شده.

[65] <*Марад-и кабих* 'дурная болезнь', не может быть «паралич». — *В. М.*>

[66] *Бабур-наме*, изд. Беверидж, л. 164.

[67] Хондемир, бомбейское изд., III³, 242.

[68] По Абд ар-Раззаку (рук. ЛГУ, л. 339а) в начале ша'бана 872 г. х.

[69] Там же, л. 347а.

[70] 25 ша'бана 873 г. х. (там же, л. 343а).

[71] 2 рамазана (там же, л. 345а).

Мир Али-Шир в 1457 г. остался в Мешхеде и не последовал за Султан-Хусейном ни в Мерв, ни в его дальнейших странствиях, хотя одним из главных сподвижников Султан-Хусейна был дядя Мир Али-Шира со стороны матери (*тагаи*) Мир Са'ид, как называет его сам Мир Али-Шир [72], или эмир Сейид-Ака, как называют его Абд ар-Раззак [73] и Хондемир [74]. Он погиб в 1461 г. при сдаче Серахса Абу Са'иду; сдача последовала на основании договора, и все остальные воины получили пощаду, но этого эмира Абу Са'ид так ненавидел, что вопреки договору велел его убить; при Султан-Хусейне Сейид-Ака был доверенным лицом [75]. Он писал турецкие стихи и носил, как поэт, прозвание Кабули; у него был младший брат Мухаммед-Али, по прозванию Гариби [76], тоже турецкий поэт и сверх того музыкант и каллиграф; как и другие родственники Мир Али-Шира, он принадлежал к числу «старых слуг» Султан-Хусейна и сверх того за свои личные заслуги пользовался особенным вниманием султана; впоследствии он ушел от него и был убит в Самарканде убийцей его старшего брата. В последних словах может идти речь только о султане Абу Са'иде, из чего можно заключить, что и Гариби, и другие родственники Мир Али-Шира находились на службе у Султан-Хусейна в годы его «казачества». После эмира Сейид-Ака остался сын [77] Хайдер, красивый и храбрый юноша, подававший большие надежды и в других отношениях, которого, как мы увидим, постигла при Султан-Хусейне еще более печальная участь. Несомненно, что это — тот же Хайдер, по поэтическому прозвищу Сабухи, о котором упоминает сам Мир Али-Шир [78]. Он был близким родственником Мир Али-Шира, смотревшего на него, как на сына; и по отцу и по матери он происходил от давнишних слуг дворца [79]; сперва он занимался наукой и писал стихи, потом сделался воином, прославился своим искусством пускать стрелы и ударять мечом, наконец, сделался отшельником; Мир Али-Шир выражал надежду (как показывают события, не осуществившуюся), что ему еще удастся сделаться уравновешенным человеком.

В том же сочинении Мир Али-Шира (*Маджалис ан-нафа'ис*) мы находим вообще много характерных сведений о жизни Мир Али-Шира и близких к нему лиц; к сожалению, это сочинение, несмотря на ука-

---

[72] *Маджалис*, рук. ЛГУ, л. 31а; у Белена (*Notice*, p. 225) Mir-Saïd, там же oncle paternel, хотя в примечании дано объяснение برادر مادر .

[73] Рук. ЛГУ, л. 327б.

[74] Бомбейское изд., III 3, 210.

[75] Выражения Абд ар-Раззака: او در کلیات بحسن تدبیر معتبران بود ز زمرهٔ التفات می‌فرمود واهتمام تمام برو داشت .

[76] У Белена (*Notice*, p. 225) Ghourbeti.

[77] О его происхождении Хондемир, бомбейское изд., III 3, 282.

[78] *Маджалис*, рук. ЛГУ, л. 67б; у Белена — *Notice*, p. 225.

[79] Характерны выражения: اتا اینادین بو درگاه‌نینک بایریسی بلکه تغمه‌سی‌دور.

занную в нем дату — 896 г. х. (1490-91 г.),—не может быть приурочено к определенной эпохе в жизни автора; этой дате не соответствуют некоторые другие места: так, современным автору владетелем Самарканда назван сын Султан-Махмуда, Султан-Али-мирза [80], правивший в Самарканде короткое время в 1496 г., более продолжительное — с 1498 до 1500 г.[81]; в 1490-91 г. еще были живы не только Султан-Махмуд, но даже его старший брат и предшественник Султан-Ахмед. Замечательно, что о Султан-Хусейне говорится как о покойнике [82], из чего видно, что эти слова вообще не принадлежат Мир Али-Ширу и были написаны не ранее как через пять лет после его смерти [83].

Как из сочинения самого Мир Али-Шира, так и из рассказов о нем видно, что время с 1457 до 1469 г. было проведено им сначала в Мешхеде, потом в Герате, наконец — в Самарканде; время переезда из Мешхеда в Герат и из Герата в Самарканд не указывается. Мы видели, что он был в Мешхеде и в то время, когда в Хорасане уже установилась власть Абу Са'ида. Мешхед в эти смутные годы не был, насколько известно, предметом военных действий, хотя войска подходили к нему несколько раз, в том числе весной 1460 г. войско самого Абу Са'ида [84]. Годы, проведенные Мир Али-Широм в Мешхеде, были для Хорасана годами смут, от которых не остался в стороне даже отец Мир Али-Шира, не находившийся с Султан-Хусейном; в начале 1458 г. он находился в Герате при царевиче Султан-Ибрахиме (правнуке Шахруха) и принимал участие, вместе с отцом историка Мирхонда, в посольстве, отправленном к Абу Са'иду в Балх [85]. По Хондемиру [86], Мир Али Шир отправился потом в Герат к Абу Са'иду и провел у него несколько дней (چند روزی), не встретил там того внимания, которого ожидал, и потому отправился в Самарканд. По словам Бабура [87], Мир Али-Шир был сослан в Самарканд самим Абу Са'идом за какой-то проступок (جریمه). Сам Мир Али-Шир говорит, что он поехал в Самарканд учиться [88] — для чего в то время из Герата в Самарканд не

---

[80] *Маджалис*, рук. ЛГУ, л. 80б: حالا سمرقند ملکی‌دا سلطنت تختی‌دا متمکّن‌دور .

[81] Даты, напр., у Бабура.

[82] *Маджалис*, рук. ЛГУ, л. 81а: نور الله تعالی مرقده .

[83] <Критический текст *Маджалис* издан С. Ганиевой в Ташкенте в 1961 г.; С. Ганиева пришла к выводу, что сочинение было написано в 1490-91 г., а в 1498 г. было заново отредактировано (см. *Маджалис*, изд. Ганиевой, 9, 12). — *Ю. Б.*>

[84] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 322б.

[85] Хондемир, бомбейское изд., III [3], 179. Абд ар-Раззак (рук. ЛГУ, л. 312б), рассказывая об этом посольстве, называет только принимавших в нем участие шейхов, не упоминая о светских лицах.

[86] Бомбейское изд., III [3], 217.

[87] *Бабур-наме*, изд. Бевериджа, л. 170б.

[88] *Маджалис*, рук. ЛГУ, л. 28а (تحصیل اوچون). <По вопросу о времени и причинах пребывания Мир Али-Шира в Самарканде см. Рустамов, *Страницы из биографии.* — *Ю. Б.*>

ездили. Естественно было ездить в Самарканд учиться из Андижана, как сделал упоминаемый тут же Юсуф Бади'и, столь же естественно, что хороший знакомый Мир Али-Шира Мухаммед Бадахши, происходивший из селения Ишкамиш, тогда причислявшегося к Кундузской области, поехал учиться сначала в Самарканд, потом, для пополнения своего образования [89], — в Герат. Но удаление из Герата в Самарканд должно было рассматриваться как изгнание.

Некоторое значение для освещения этого периода в жизни Мир Али-Шира, может быть, имеет его рассказ о шейхе Садр ад-дине Реваси, необыкновенно красивом и красноречивом человеке, «пленившем сердце» [90] Мир Али-Шира; им увлекались и высокопоставленные лица, как шах бадахшанский, сделавшийся мюридом шейха и бравший у него частные уроки (خصوص درس), и даже «царь того времени» (زمان پادشاهی), т. е. султан Абу Са'ид [91].

Из этого рассказа видно, что Мир Али-Шир находился в Герате при Абу Са'иде во время пребывания там бадахшанского шаха. Известно, что династия бадахшанских шахов [92], производившая себя от Александра Македонского, была уничтожена Абу Са'идом. Абу Са'ид сначала женился на дочери шаха Султан-Мухаммеда и имел от нее сына Абу Бекра [93], впоследствии им было послано войско на Бадахшан; Султан-Мухаммед подчинился добровольно и отправился в Герат, его сын бежал в Кашгар; в Бадахшане был посажен князем мирза Абу Бекр. Бежавший царевич потом вернулся из Кашгара, Абу Бекр бежал. Бадахшан пришлось завоевывать снова, после чего Абу Са'ид велел убить всех представителей династии; по Даулетшаху [94], это произошло в 871/1466-67 г. Мир Али-Шир, не приводя даты, говорит только об убиении шаха, носившего поэтическое прозвище Ла'ли, и его сына Ибн Ла'ли, причем в последнем случае употребляет такое же выражение, как в рассказе о гибели своих дядей (Ибн Ла'ли был убит «убийцей его отца») [95]. Пришельцы из Бадахшана вообще имели некоторое значение в Герате: одному из них, Абд ас-Самаду Бадахши, было поручено писать историю царствования Абу Са'ида, по-видимому в стихах; Мир Али-Шир имел случай указать ему на ошибку в размере, и это сблизило их [96].

---

[89] Выражение تحصیل ایشی تکمیل قیلور وقتدا (там же, л. 57а).

[90] Выражение کونکلومنی بسی صید قیلدی (там же, л. 166).

[91] По поводу увлечения шейхом самого царя прибавлено: «о других людях нечего и говорить» (اوزکا خلایقده نی اینکای).

[92] О ней EI, I, S. 575 <Barthold, *Badakhshān*>. О падении Абдар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 349а.

[93] Мухаммед-Хайдер, 108.

[94] Изд. Броуна, 453, 20.

[95] *Маджалис*, рук. ЛГУ, л. 21а.

[96] Там же.

Из всего этого можно заключить, что Мир Али-Шир отправился к Абу Са'иду после 1464 г., когда Султан-Хусейн на время, казалось, совсем сошел со сцены. Завоевание Бадахшана Абу Са'идом, вероятно, произошло незадолго до этого времени; перед этим шах Султан-Мухаммед еще был в Бадахшане и выдал одну из своих дочерей за Юнус-хана могольского; старший сын от этого брака был будущий хан Махмуд, родившийся в 868/1464 г. [97].

При тесном сближении между Мир Али-Широм и бадахшанцами событие 871 г. х. могло отразиться на его судьбе; к этому могла присоединиться ревность султана к друзьям красивого шейха. Мир Али-Шир, не имевший до конца жизни семьи, ни потомства, любил, по-видимому, красивых молодых людей. Одним из его любимцев, к которому он был привязан, «как к сыну, даже больше», был происходивший из Мешхеда Хаджи-Мухаммед, «ангел в образе человека» [98].

Трудно понять, как вообще Мир Али-Шир мог ожидать особого внимания со стороны султана, по приказанию которого были убиты его дяди. В Самарканде Мир Али-Шир нашел двух знатных покровителей, Дервиш-Мухаммед-тархана (сестра этого велыможи была старшей женой Абу Са'ида, матерью Султан-Ахмеда) [99] и Ахмед-Хаджи-бека (впоследствии эти беки во время борьбы за Самарканд в 1496 г. принадлежали к двум различным партиям и оба погибли в этой борьбе) [100]. Об Ахмед-Хаджи-беке Мир Али-Шир упоминает несколько раз; этот бек получил образование в Хорасане и, несмотря на свое военное поприще, был образованным человеком и сочинил диван стихов [101] (его поэтическое прозвание было Вефаи; Мир Али-Шир [102] восстал против принятия этого прозвания другим лицом, находя неправильным присвоение прозвания, уже получившего известность благодаря стихам другого поэта). Ахмед-Хаджи-бек десять лет был хакимом Герата, потом долгое время был полновластным правителем Самарканда, заместителем государя; им было построено медресе [103].

Учителем Мир Али-Шира в Самарканде был ходжа Фазлаллах Абу-л-Лейси, потомок законоведа Абу-л-Лейса; за познания в фикхе его называли вторым Абу Ханифой, по познаниям в арабском языке считали равным Ибн Хаджибу (ум. в 1248 г.[104]), известному автору учебника *ал-Кафийа* [105]. У того же ходжи занимались еще некоторые

---

[97] Мухаммед-Хайдер, 108; *Бабур-наме*, изд. Бевериджа, л. 11б.

[98] *Маджалис*, рук. ЛГУ, л. 57б.

[99] *Бабур-наме*, изд. Бевериджа, л. 18.

[100] Там же, л. 37 и сл.

[101] *Маджалис*, рук. ЛГУ, л. 70б.

[102] Там же, л. 44б.

[103] О медресе там же, л. 32а.

[104] <В 1249 г. — см. EI, II, S. 405. — *Ю. Б.*>

[105] Там же, л. 15б: فقهدا انى ابو حنيفهٔ ثانى ديرلار ايردى وعربيتدا ابن حاجب كفهسيغه توتار ايردى. В переводе Белена (*Notice*, p. 185) здесь пропуск, искажающий смысл: «Le khadjè, dit Ali-Chîr, était tellement versé dans la jurisprudence, qu'on le

другие ученые из современников Мир Али-Шира, например, Мухаммед Бадахши. Занятия Мир Али-Шира с ходжей продолжались два года; по приведенным выше данным возможно, что эти два года обнимают все время пребывания Мир Али-Шира в Самарканде. Мир Али-Шир жил в ханаке[106] или медресе[107] шейха Фазлаллаха, называвшего его своим сыном.

Самаркандский период в жизни Мир Али-Шира был единственным, до его поступления на службу к Султан-Хусейну, который получил известность. Это видно из слов Бабура[108] об утонченных манерах (так, вероятно, надо понимать слово نازكلوك или نزاكت) Мир Али-Шира; люди объясняли это свойство высокомерием, но несправедливо; эти манеры были ему врождены, и в Самарканде он держал себя почти так же[109].

В 1469 г. Мир Али-Шир вместе с Ахмед-Хаджи-беком находился в войске Султан-Ахмеда. Белен наивно предполагает, что это могло быть со стороны Султан-Ахмеда мерой предосторожности[110]. Султан-Ахмед не имел никакого основания опасаться Мир Али-Шира, если вообще знал о его существовании; с помощью своих покровителей Мир Али-Шир мог бы найти доступ к молодому султану, но, по-видимому, не нашел этого нужным, может быть потому, что ему было известно, насколько Султан-Ахмед чужд всяких литературных интересов[111].

Когда подтвердилось известие о вступлении в Герат Султан-Хусейна, Мир Али-Шир попросил Ахмед-Хаджи-бека отпустить его и отправился в Герат. Никакого доверия не заслуживает рассказ Сам-мирзы[112], будто сам Султан-Хусейн обратился к Ахмед-Хаджи-беку с

---

comparait à Ibn-Hâdjib». Слова о كفه, очевидно, представляют намек на заглавие كافيه. <Эти два слова — различного происхождения, и предполагаемый намек мог быть основан только на созвучии. — *В. М.*> Об Ибн Хаджибе — Brockelmann, GAL, Bd I, S. 303.

[106] Так Хондемир, бомбейское изд., III 3, 217.

[107] Так у Белена, верно по Сам-мирзе (ср. Никитский, *Эмир-Низам-Эд-Дин-Али Шир*, стр. 36).

[108] *Бабур-наме*, изд. Бевериджа, л. 170б.

[109] <Как показал А. Н. Болдырев, толкование слова نزاكت у В. В. Бартольда неверно; его следует понимать в данном случае как 'преувеличенная щепетильность, быстрая и необоснованная раздражительность' (Болдырев, *Алишер Навои*, стр. 123, ср. также стр. 129, 135); согласно А. А. Семенову, نزاكت и نازكى означает 'надменность', 'гордость', 'высокомерие', и именно это качество имеют в виду Бабур и Мухаммед-Хайдер, говоря о характере Мир Али-Шира (см. Семенов, *Взаимоотношения*, стр. 240). — *Ю. Б.*>

[110] Belin, *Notice*, p. 186 (mesure de précaution).

[111] Бартольд, *Улугбек*, стр. 145; <см. выше, стр. 173>.

[112] Belin, *Notice*, p. 186 sq.; Никитский, *Эмир-Низам-Эд-Дин-Али-Шир*, стр. 36, где снаряжение (вероятно, по ошибочному переводу) приписывается самому Султан-Ахмеду.

просьбой отпустить к нему Мир Али-Шира и будто Ахмед-Хаджи-бек обставил это путешествие всей возможной роскошью. Мир Али-Шир прибыл в Герат без пышности, и только в Герате ему удалось, благодаря возобновлению дружбы с государем, сделаться влиятельным лицом.

В день байрама (14 апреля) Мир Али-Шир поднес Султан-Хусейну свою касиду *Хилāлийа,* которую султан вполне одобрил. Совершенно невероятно, чтобы эта касида была первым произведением Мир Али-Шира и чтобы он, например, к Абу Са'иду явился с пустыми руками; но никакие более ранние произведения Мир Али-Шира нам неизвестны, даже по заглавию. Даже турецкий диван Мир Али-Шира, распределенный по четырем возрастам (детство, юность, средний возраст, старость) [113], т. е. заключающий в себе произведения детства и юности [114], не содержит, насколько известно до сих пор, никаких обращений ни к Абу-л-Касиму Бабуру, ни к Абу Са'иду. Очевидно, поэт имел причины связать свою славу исключительно со славой Султан-Хусейна, скрыв или уничтожив сочиненное им раньше.

[113] Belin, *Notice,* p. 238.

[114] <Как ныне установлено, распределение стихов в тюркском диване Навои по «возрастам» совершенно условно, и в каждом из этих четырех диванов есть стихи, написанные им в разные периоды жизни; см. Хамид Сулейман, *Исследование лирики Навои,* стр. 27—29. — *Ю. Б.*>

IV

МИР АЛИ-ШИР И СУЛТАН-ХУСЕЙН ДО ПЕРВОЙ РАЗМОЛВКИ (1469—1487)

Мир Али-Шир нашел в Герате менее спокойное положение, чем он мог ожидать по той быстроте, с которой была установлена власть Султан-Хусейна. Перемена царствования была связана с новшеством, раздражившим страсти: была введена шиитская хутба с произнесением имен 12 имамов. Страсти особенно разожглись в день празднования курбан-байрама 22 июня. В этот день фанатический шиитский проповедник (*вāʿиз*) произнес шиитскую речь; сунниты возмутились, пошли жаловаться султану и застали его на пути от главной улицы к месту молитвы; посланные им люди с позором сняли проповедника с минбара, и этим правоверие государя было доказано. Этот рассказ современника [1] наглядно показывает, как безобидны были в то время эти религиозные споры по сравнению с тем, что происходило в XVI в., при Сефевидах. По словам Бабура [2], после этого все действия Султан-Хусейна были согласны с требованиями суннитства, хотя в старости он по болезни (вероятно, подагре) не мог совершать намаза; поста он тоже не соблюдал. Мы видели, что среди лиц, под влиянием которых Султан-Хусейн вернулся к суннитству, Бабур называет Мир Али-Шира.

Султан-Хусейн и Мир Али-Шир, очевидно, находили нужным иметь на своей стороне представителей религиозного авторитета. К счастью для них, им не пришлось иметь дело, как некогда самаркандским Тимуридам, с вышедшим из народа «деревенским шейхом» [3]; во главе гератских накшбендиев стоял высоко образованный поэт и мистик Абд ар-Рахман Джами (род. в 1414 г.), с которым нетрудно было найти общий язык. Даже когда дело касалось споров между шиитами и суннитами, действия Джами не находились в противоречии с той терпимостью, которая была принята в Герате [4]. Призванный к

[1] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 349б.

[2] *Бāбур-нāме*, изд. Бевериджа, л. 164б.

[3] Бартольд. *Улугбек*, стр. 144 и сл.; <см. выше, стр. 172 и сл.>.

[4] У Бувá (*Essai*, p. 268) Джами (без ссылки на определенный текст) изображается как ревностный суннит. Беленом (*Notice*, p. 346), напротив, рассказ Мир Али-

ответственности в Багдаде, где он на пути в Мекку провел зиму 1472/73 г., за стихи, в которых находили антишиитские тенденции, Джами мог ответить своим обвинителям, что он скорее опасался за эту книгу неприятностей со стороны хорасанских суннитов[5]. О хороших отношениях между Джами и приверженцами ходжи Ахрара свидетельствуют как сочинения самого Джами, так и посвященные ему страницы в *Рашаҳāт 'айн ал-ҳайāт*. Самому ходже Ахрару Джами казался естественным посредником между ним и гератским правительством. 11 сентября 1469 г. Султан-Хусейн выступил с войском на Астрабад, против мятежного царевича Мухаммед-Ядигара (правнука Шахруха); в это время из Самарканда прибыло письмо от ходжи Ахрара на имя Джами, в котором ходжа Ахрар ходатайствовал за самаркандских беков, покинувших Герат при воцарении Султан-Хусейна без его разрешения и оставивших там свое имущество. Чтобы исполнить просьбу ходжи, Джами отправился в лагерь только что выступившего султана и был принят там с исключительным почетом[6]. Впоследствии, в 1490 г., во время своей предсмертной болезни, ходжа Ахрар обращался и непосредственно к Мир Али-Ширу с просьбой прислать ему врача из Герата; очевидно, в области медицины, как в других, в Герате сосредоточивались светила, которых нельзя было достать в других местах, и престарелый мистик, враг книжной учености[7], в этом случае все-таки нашел нужным прибегнуть к науке. Мир Али-Шир послал врача Низам ад-дина Абд ал-Хайя; вылечить престарелого ходжу он не мог, но нисколько не утратил расположения ни Мир Али-Шира, ни Султан-Хусейна, которого он лечил вместе с его семейством и, как врач, имел доступ в гарем[8].

Мир Али-Шир находился в 1469 г. при войске султана; в Герате, как часто бывало и потом, был оставлен муж сестры Султан-Хусейна, внук Мираншаха Ахмед; по-видимому, он был значительно старше Султан-Хусейна, относившегося к нему как к отцу[9]. В декабре Султан-Хусейн вернулся, не дойдя до Астрабада и отправив туда войско; в марте 1470 г.[10] он выступил снова; опасность со стороны Мухаммед-

---

Шира о произнесении Джами перед смертью имен имамов толкуется в том смысле, что он был шиитом.

[5] Browne, *A Literary History*, vol. III, p. 510. Здесь говорится о возвращении из паломничества, но на обратном пути из Мекки Джами в Багдаде не был (ср. подробные данные в *Рашаҳāт*).

[6] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 350а и сл.

[7] Бартольд, *Улугбек*, стр. 100; <см. выше, стр. 126—127>.

[8] Хондемир, бомбейское изд., III[3], 339.

[9] *Маджāлис* — по Белену (*Notice*, p. 294). В рук. ЛГУ, л. 79а и в рук. Аз. муз. а 281 <В 270>, л. 112об (эта рукопись, очевидно, списана с предшествующей) слова سلطان احمد میرزا стоят не на месте.

[10] Начало рамазана 874 г. х. (Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 315б).

Ядигара в то время сделалась еще более угрожающей ввиду полученной им помощи со стороны туркмен. В то время в Герате произошли беспорядки на почве восстания народа против притеснений чиновников. Султан послал для расследования дела Мир Али-Шира; «эмир Низам ад-дин Али-Шир», пользовавшийся совершенно исключительным доверием султана [11], прочитал в одну из пятниц с минбара султанский указ, который должен был успокоить народ. Это — первое публичное выступление Мир Али-Шира, обратившее на себя общее внимание, и единственное, о котором упоминает Абд ар-Раззак.

После отъезда Мир Али-Шира пришел другой указ, о заключении в тюрьму везира и назначении другого. В июне вернулся в Герат сам государь и был встречен с обычными выражениями восторга, но вследствие измены войска был вынужден покинуть столицу. В начале июля [12] в Герате вступил на престол Мухаммед-Ядигар, но уже в августе [13] пал жертвой неожиданного нападения. В этом деле принимал участие и Мир Али-Шир, и это, по-видимому, единственный эпизод в его жизни, где упоминается о его сабле, хотя этой сабле и тут не пришлось действовать. По рассказу Хондемира, отряд Султан-Хусейна рано утром окружил замок, где находился претендент; опасаясь засады, воины не решались идти на приступ; Мир Али-Шир с разрешения султана передал свою лошадь эмиру Баба-Али и с обнаженной саблей, употребляя ее как палку, стал подниматься наверх непривычным путем; за ним последовал эмир Кул-Али, этот эмир вместе с пехотинцем Хаджи-Али нашли царевича спящим и тем же путем, которым поднялся Мир Али-Шир, привели его к султану, который велел его убить. Абд ар-Раззак в рассказе об этом событии не говорит о Мир Али-Шире и подчеркивает только неожиданность нападения и результат, достигнутый воинами Султан-Хусейна без всяких потерь; царевича нашли спящим на крыше с одним слугой и двумя служанками [14].

После устранения этого претендента власть Султан-Хусейна в Герате уже не подвергалась колебаниям до его смерти, последовавшей 4 мая 1506 г.[15]. Ему приходилось часто совершать походы на запад, на восток и на юг (на север он, как государь, по-видимому, не проникал дальше Мерва), не всегда успешно, но в общем он оставался до

---

[11] Слова Абд ар-Раззака که از کمال اخلاص واختصاص وغایت اختیار واعتبار صدق، کس‌را مقام منزلت بو تراب نیست، برو صادق است .

[12] Хутба, по Абд ар-Раззаку, рук. ЛГУ, л. 352а, в пятницу 6 мухаррема 875 г. х.

[13] 23 сафара (там же, л. 353а).

[14] Все это мало соответствует риторике Белена (*Notice*, p. 188) о Мир Али-Шире: «de sa propre main il arrêta le prince qu'il fit conduire au roi».<Об участии Мир Али-Шира в подавлении восстания Мухаммед-Ядигара, по сочинению Хондемира *Макарим ал-ахлак*, см. Салье, *«Книга благородных качеств»*, стр. 180—181. — *Ю. Б.*>

[15] Дата у Хондемира, бомбейское изд., III[3], 326: 11 рамазана 911 г.х.

конца владетелем обширного царства с такой блестящей столицей, как Герат. В состав его владений входили, по словам Бабура [16], земли от Хорезма на севере до Кандагара и Сеистана на юге, от Балха и Газны на востоке до Дамгана и Бистама на западе. Его столица, подобно многим другим средневековым культурным центрам Азии и Европы, была в одно и то же время центром утонченной культуры и разврата, и потому жизнь Герата Султан-Хусейна оценивалась различно, иногда даже в одном и том же сочинении, смотря по тому, какую сторону быта надо было изобразить. Едва ли можно придумать более громкие слова для прославления столицы и государя, чем слова Бабура [17]: «Другого подобного города, как Герат, нет во всем населенном мире; во время Султан-Хусейна, благодаря его управлению и его заботливости, блеск и красота увеличились в 10, даже в 20 раз». В другом месте [18] Бабур говорит, что «время Султан-Хусейна было удивительным временем; Хорасан и в особенности Герат были наполнены людьми выдающимися и несравненными; стремление и цель каждого, кто был занят каким-нибудь делом, были направлены к тому, чтобы довести это дело до совершенства». И тот же Бабур говорит [19], что Султан-Хусейн и с ним его сыновья, его войско и весь город предавались почти непробудному пьянству. Только первые 6—7 лет после своего воцарения султан вел жизнь раскаявшегося грешника, после этого он снова стал пить и пил до конца своего сорокалетнего царствования каждый день, хотя только после полуденной молитвы (نماز پیشین), никогда не начиная пить утром. В дни своего «казачества» совершивший много подвигов, владевший саблей, как никто другой из Тимуридов, Султан-Хусейн после своего воцарения предавался удовольствию и забавам; его примеру следовали близкие ему люди: «трудностей завоеваний и походов они на себя не принимали; естественно, что число нукеров и пространство владений стали уменьшаться, а не увеличиваться» [20].

По всей вероятности, обе стороны царствования Султан-Хусейна, особенно вторая, изображены у Бабура с некоторым сгущением красок. Султан-Хусейн несколько раз, даже в преклонном возрасте, отправлялся в поход лично, когда мог удовольствоваться отправлением войск, успешно подавлял и восстания своих сыновей. Бабур находился под впечатлением вялого сопротивления, оказанного узбекскому нашествию, когда Султан-Хусейн не сделал никаких попыток стать во главе Тимуридов для его отражения. Престарелый и больной государь

---

[16] *Бабур-наме*, изд. Беверидж, л. 165б и сл.

[17] Там же, л. 188.

[18] Там же, л. 177 внизу.

[19] Там же, л. 164б.

[20] Там же, л. 166.

возлагал все свои надежды на оборонительные действия, что вызвало со стороны Бабура замечание: «Если такой великий царь, как Султан-Хусейн, сидящий на престоле Тимур-бека, вместо того, чтобы идти на врага, велит укрепляться, какая надежда останется у народа?»[21]. Султан-Хусейн перед смертью, уже после потери Хорезма, выступил с войском против узбеков, но слишком поздно, и умер в самом начале похода. Ни он, ни его сыновья не оказались достойными противниками Шейбани, хотя их военные силы в Хорезме и Балхе выполнили свой долг лучше, чем можно было ожидать при таких условиях.

При дворе Султан-Хусейна Мир Али-Шир вначале был только «хранителем печати» (مهردار). Его значение определялось не обязанностями по должности, но личной близостью к государю; вследствие этого он всегда старался как можно скорее слагать с себя официальные должности[22]. Есть известие, что он скоро отказался даже от должности хранителя печати в пользу поэта и мецената Низам ад-дина Сухейли[23] (Даулетшах[24] посвящает ему особую главу в заключительной части своего сочинения, наравне с Джами и Мир Али-Широм), имя которого носит известный труд Хусейна Ва'иза (*Анвар-и Сухайли*). Однако в феврале 1472 г.[25] Мир Али-Шир официально сделался эмиром, или беком, как его называли и раньше. Известно, что по указу султана только один бек, Музаффар барлас, должен был занимать место выше Мир Али-Шира. По словам Бабура[26], Музаффар оказал Султан-Хусейну большие услуги в дни «казачества», но теперь стал обнаруживать слишком большие притязания. Султан-Хусейн будто бы заключил с ним договор, что в случае завоевания ими какой-нибудь области две трети будут принадлежать Султан-Хусейну, одна треть Музаффару. Вопрос о нем был решен тем, что он скоро умер.

---

[21] Там же, л. 122б.

[22] <Как свидетельствуют официальные документы, опубликованные Г. Р. Рёмером (разрешение на паломничество в Мекку, выданное султаном Мир Али-Ширу, очевидно, в 1499 г.), Мир Али-Шир ведал двумя печатями: «большой печатью» (*мухр-и бузург*) и «печатью большого дивана» (*мухр-и дивān-и амарāт-и бузург*); отсюда Рёмер приходит к выводу, что Мир Али-Шир возглавлял один из двух диванов в государстве Султан-Хусейна, называвшийся «верховным» или «тюркским» диваном (*дивāн-и 'алй, тюрк дивāнй*) и ведавший делами войска и тюркских подданных; следовательно, должность Мир Али-Шира называлась «бек дивана», или «эмир дивана»; другой диван, ведавший финансами и делами иранских подданных, возглавлялся везиром (см. Абдаллах Марварид, *Шараф-нāме*, текст л. 28а; пер., 97; комм., 182, 169—170; ср. Togan, *Ali Şir*, s. 351 a). Из текста этого документа, впрочем, неясно, занимал ли Мир Али-Шир этот пост до своего назначения в Астрабад (см. ниже) или в то время, когда был выдан документ, т. е. в 1499 г. — *Ю. Б.*>

[23] У Белена (*Notice*, p. 187); Хондемир, бомбейское изд., III[3], 230.

[24] Изд. Броуна, 509 и сл.

[25] Ша'бан 876 г. х. — Хондемир, бомбейское изд., III[3], 230; дальше (231) конец ша'бана; ср. Belin, *Notice*, p. 188.

[26] *Бāбур-нāме*, изд. Бевериджа, л. 170 и сл.

причем Бабур приводит слух, что он был отравлен; по Хондемиру, смерть была естественной [27]. Его преемником был другой бек из барласов, Шуджа' ад-дин Мухаммед, сын Бурундука, прибывший в то время из Туркестана в Хорасан; он также получил право ставить свою печать выше печатей всех остальных беков. Этот бек пережил Мир Али-Шира.

В один день с Мир Али-Широм был назначен эмиром, или беком, сейид Хасан ибн Ардашир [28], который был, вероятно, значительно старше Мир Али-Шира, смотревшего на него как на отца; Мир Али-Шир называет его лучшим человеком среди турок и таджиков [29]. Все его стремления были направлены в сторону суфизма, и он всегда был далек от дел; Султан-Хусейну только на короткое время удалось привлечь его на службу. В жизни сейида было время кутежей (رندليغ جاغى) и время благочестия и отшельничества (تقوى وزهد جاغى); известно, что соединение той и другой наклонности в жизни суфия не было исключительным явлением. Приводятся образцы его стихов, относящихся к тому и другому периоду; в *Маджалис* о нем говорится как о покойнике. Это назначение, вероятно, было только данью уважения к популярному мистику и не отразилось на государственных делах, но в том же 876 г. х., следовательно, до июня 1472 г., состоялись два других назначения, имевших более значительные последствия; во-первых, одним из везиров сделался Низам ал-мулк Хавафи, сын Шихаб ад-дина Исма'ила, прежде исполнявший должность казия в одном из городов своей родины, во-вторых, государь обратил внимание на ходжу Меджд ад-дина Мухаммеда, сына известного государственного деятеля эпохи Шахруха Гияс ад-дина Пир-Ахмеда Хавафи [30]. Меджд ад-дин занимал при Абу Са'иде скромную должность одного из чиновников канцелярии (одним из его товарищей был будущий врач Абд ал-Хай), потом был везиром «малого мирзы» (*кичик мирза*, или *мирза-йи кичик*), как называли племянника Султан-Хусейна, мирзу Мухаммед-Султана, сына Ахмеда. Султан-Хусейн попросил царевича уступить ему Меджд ад-дина, назначил его на должность *перване* и поставил его выше всех прочих, занимавших эту должность, с которой в средние века была связана передача личных распоряжений государя [31]. Всякий раз, как в диване присутствовал сам государь, Меджд ад-дин должен был докладывать дела, записывать решения и ставить свою печать на одном уровне с печатью султана; он считался поэтому заместителем (*наибом*) государя. Хондемир прибавляет, что благодаря эмирству Мир Али-Шира и наибству Меджд ад-дина Мухаммеда дела султанства и царской вла-

---

[27] Хондемир, бомбейское изд., III [3], 235.

[28] Об этом там же, 231.

[29] *Маджалис*, рук. ЛГУ, л. 32а.

[30] Бартольд, *Улугбек*, стр. 71; <см. выше, стр. 97>.

[31] Низам ал-мульк, изд. Шефера, текст, 81.

сти получили новый блеск и все обстоятельства подданных и войска снова были приведены в порядок [32].

Во главе государства, таким образом, были поставлены два сановника, которые, как показали дальнейшие событья, не могли сойтись друг с другом. В 878 /1473-74 г. был назначен еще везир, ходжа Афзаль ад-дин Мухаммед керманский, о котором Мир Али-Шир говорит в очень хвалебных выражениях [33]; по Хондемиру [34], он происходил из одной из везирских семей Кермана и при Абу Са'иде занимал должность мустауфи, т. е. чиновника финансового ведомства. Оба вместе, Низам ал-мульк и Афзаль ад-дин, стали интриговать против Меджд ад-дина и возводить на него обвинения перед султаном; когда они стали говорить оба вместе, султан заметил, что справедливее было бы говорить каждому отдельно, а не нападать вдвоем на одного. Эта косвенная защита ободрила обвиняемого и заставила замолчать его врагов из приближенных султана. Дело кончилось для Меджд ад-дина лучше, чем он мог ожидать; его заставили заплатить сумму в 60 000 динаров (30 000 рублей); он сохранил должность перване, но не должен был вмешиваться в дела дивана. Дальше Хондемир говорит, что от отставки Меджд ад-дина до его вторичного призвания к власти в 1487 г. прошло девять лет [35]; из этого можно заключить, что споры между везирами закончились только в 1478 г. Мир Али-Шир в этом рассказе не упоминается, если не считать намека на «приближенных», но несомненно, что главным врагом Меджд ад-дина был он, так как в 1487 г. для возвращения к власти Меджд ад-дина оказалось необходимым предварительно удалить Мир Али-Шира.

Еще до назначения Афзаль ад-дина и последовавшей незадолго перед тем смерти эмира Музаффара Мир Али-Шир принял участие в походе на Балх, против мятежного наместника Ахмед-Муштака, вступившего в сношения с туркестанскими Тимуридами, Султан-Ахмедом и Султан-Махмудом. Осада затянулась, и через 3—4 месяца Мир Али-Шир был послан в Герат собрать провиант для войска; к войску он, по-видимому, не возвращался, но успешно подавил происшедшее в Герате восстание царевича Абулхайра и заключил царевича в цитадель [36]. Осада Балха кончилась миром, Ахмед-Муштак сдал Балх и был про-

---

[32] Слова Хондемира, бомбейское изд., III 3, 234: لقصه بسبب امارت امير علیشیر ونیابت خواجه مجد الدین محمد امور سلطنت وپادشاهی بتجدید رواج ورونق کرفت ومهام رعیت وسپاهی بتازکی صفت نظام وانتظام پذیرفت. У Белена (*Notice*, p. 191) эти слова отнесены к одному Мир Али-Ширу.

[33] *Маджалис*, рук. ЛГУ, л. 73б и сл.

[34] Бомбейское изд., III 3, л. 235.

[35] Там же, 244.

[36] Эта последняя подробность опущена у Белена (*Notice*, p. 197), ср. Хондемир, бомбейское изд., III 3, 234.

щен, город получил старший брат Султан-Хусейна, царевич Байкара [37].

По словам Джами, посвященный им в тайны ордена накшбендиев Мир Али-Шир в 881/1476-77 г. добровольно отказался от всякого блеска и почестей и вступил на путь бедности и отказа от своей личности. Это «отречение от мира» могло быть только показным; в следующие годы Мир Али-Шир пользовался бóльшим значением в государстве, чем когда-либо прежде и после, и в отсутствие султана управлял столицей. Поступивший на службу к Султан-Хусейну, потом восставший против него в северной части Афганистана и после поражения направившийся к Астрабаду мирза Абу Бекр, сын Абу Са'ида, около реки Гюрген был настигнут преследователями, среди которых находился сам султан, и убит; голова его была послана в Герат; это произошло в конце раджаба 884 г. (в октябре 1479 г.). Вслед за этим Султан-Хусейн вернулся в свою столицу, где ему устроил торжественную встречу Мир Али-Шир, бывший в то время хакимом Герата [38].

В следующем, 885/1480-81 г. Султан-Хусейн имел случай вспомнить свои шиитские симпатии, и Мир Али-Шир ему, по-видимому, в этом не препятствовал. К числу самых грубых обманов в мусульманском культе святых принадлежит открытие чудесным образом, в первый раз в XII в., при султане Санджаре, могилы халифа Али в окрестностях Балха, где халиф заведомо никогда не был [39]. Могила потом пришла в забвение после разрушения Балха и опустошения его окрестностей при Чингиз-хане; теперь ее вновь открыл по книгам прибывший из Кабула и Газны Шемс ад-дин Мухаммед, потомок Баязида Бистами; в указанном месте нашли плиту из белого камня с надписью: «Это — могила льва божьего, брата посланника божьего, Али, приближенного божьего». Присутствовавший при открытии плиты царевич Байкара известил брата, и в Балх прибыл сам Султан-Хусейн с эмирами и приближенными. Святыня была признана подлинной; над ней в следующем году [40] был построен мавзолей, вокруг которого возникло селение с базарными лавками и банями; вакфом мавзолея был сделан один из каналов Балха. Султан вернулся в Герат и в ознаменование радостного события роздал милости войску и народу. Пример нашел подражателей; чудесная могила была открыта в самом Герате каким-то арбакешем (عرابه‌جی), нашедшим восторженных последователей; были сделаны и другие открытия в том же роде как в Герате и его окрестностях, так и в других городах. Арбакеш потом понял угрожавшую ему

---

[37] Сказанное у Мир Али-Шира (*Маджалис*, рук. ЛГУ, л. 79а) о брате Султан-Хусейна по ошибке отнесено у Белена (*Notice*, p. 294) к его деду. О Байкара, как старшем брате Султан-Хусейна говорит и Бабур (*Бабур-наме*, изд. Бевериджа, л. 163б).

[38] Хондемир, бомбейское изд., III [3], 237.

[39] Ср. об этом рассказ Абу Хамида Андалуси, (Гарнати): Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 21 и сл.

[40] Дату постройки (886 г. х.) приводит C. E. Yate (*Northern Afghanistan*, p. 281).

опасность и поспешил скрыться; другие обманщики были схвачены и подвергнуты телесному наказанию, после чего движение прекратилось, но, как замечает Хондемир [41], селение с гробницей Али осталось и продолжало привлекать паломников из близких и дальних мест. Известно, что это селение обратилось в XIX в. в большой город Мазари-Шериф.

Рассказ Хондемира показывает, что и культурная столица Султан-Хусейна не была чужда проявлений грубого суеверия. Культурная жизнь не проходила мимо народных масс; Мир Али-Шир приводит иногда стихи, повторявшиеся «всем народом» [42]. Конечно, эти пользовавшиеся широкой популярностью произведения минуты быстро забывались: при Бабуре в Самарканде почти в каждом доме были стихи его двоюродного брата, мирзы Байсункара [43] (сына Султан-Махмуда); теперь, по-видимому, нигде нет экземпляра этих стихов. Произведения, предназначенные для потомства, были предметом подарков государей и вельмож друг другу; так, в 1456 г. посол Абу Са'ида принес в Герат для Абу-л-Касима Бабура экземпляр астрономических таблиц Улугбека [44]. Мир Али-Шир однажды решил послать туркменскому султану Я'кубу полное собрание сочинений Джами; библиотекарь по ошибке вручил послу другую книгу (فتوحات مکی; вероятно, имеется в виду сочинение Ибн ал-Араби الفتوحات المكّيّة) [45], похожую на сочинения Джами по переплету. Ошибка обнаружилась только тогда, когда посол захотел похвалиться ученостью и на вопрос султана, не было ли ему скучно в дороге, ответил, что с ним был спутник, с которым скучно быть не может, и объяснил, что Мир Али-Шир послал султану в подарок сочинения Джами; как только ему становилось скучно, он брал в руки книгу, и скука проходила. Султан поинтересовался посмотреть книгу, и тут обнаружилось, что сочинений Джами с послом вовсе не было; за это несчастный посол лишился расположения Мир Али-Шира [46]. Рядом с такими людьми, желавшими казаться образованнее, чем были на самом деле, в Герате, конечно, были, особенно среди турок, люди, соединявшие некоторое знание литературы с более грубыми вкусами и не находившие нужным их скрывать. К числу их принадлежал, по-видимому, и сам Султан-Хусейн, сочинявший недурные турецкие стихи и в то же время даже на старости лет находивший удовольствие в таких грубых удовольствиях, как гоньба голубей и т. п. [47]. Самаркандские нравы считались, конечно, более грубыми, чем герат-

---

[41] Бомбейское изд., III 3, 240.

[42] *Маджа̄лис*, рук. ЛГУ, л. 35б: بو بیت بسی شهرت توتتی که همه خلق بیلدیلار.

[43] *Ба̄бур-на̄ме*, изд. Бевериджа, л. 68б.

[44] Абд ар-Раззак, рук. ЛГУ, л. 304а.

[45] Brockelmann, GAL, Bd I, S. 442.

[46] Хондемир, бомбейское изд., III 3, 344.

[47] *Ба̄бур-на̄ме*, изд. Бевериджа, л. 165 наверху.

ские; Мир Али-Шир описывает такого турка из свиты Ахмед-Хаджи-бека, для которого не было удовольствия выше соколиной охоты и езды на кровных скакунах; по поводу приписывавшегося этому турку грубого стиха делается замечание, что этот стих объясняется грубыми нравами Самарканда [48].

В 886/1481-82 г. [49], через десять лет после самого Мир Али-Шира, сделался эмиром, или беком, его младший брат Дервиш-Али. По-видимому, он тоже был книжным человеком, так как Мир Али-Шир приспособил его в качестве библиотекаря. Слово «библиотекарь» (كتاب‌دار) и потом прибавлялось к имени Дервиш-Али и, по-видимому, произносилось с некоторым пренебрежением; но в таком книжном городе, как Герат, обязанности хранителя библиотеки должны были иметь большое значение; в одном из рассказов о библиотекаре султана [50] употреблен своеобразный термин داروغهٔ کتابخانهٔ همایون, что можно перевести: «командир высочайшей библиотеки» [51] (этот человек сначала был на службе у Мир Али-Шира и только после его смерти перешел на службу к Султан-Хусейну). Сделавшись беком, Дервиш-Али, как мы увидим, несколько раз терял и вновь приобретал расположение султана, был наместником Балха, был обвинен в измене, совершил паломничество в Мекку, вернулся оттуда и снова сделался близким к государю лицом, после смерти брата вышел в отставку, жил частным человеком в окрестностях Балха, во время похода Шейбани на Балх в 1503 г. присоединился к узбекам и по поручению Шейбани ездил в Балх уговаривать начальников города, что господство Тимуридов кончилось и что им надо открыть ворота узбекам, на что ему ответили решительным отказом [52]. После смерти Шейбани он пришел в Кундуз к Бабуру, на которого произвел самое невыгодное впечатление [53], но все-таки находился при Бабуре и в 1511 г., когда Бабуру удалось снова взять Самарканд [54].

По словам Бабура [55], Мир Али-Шир ничего не принимал от Султан-Хусейна, напротив, каждый год сам делал султану подарки. Разумеется, эти слова не могут быть поняты в том смысле, будто Мир Али-Шир не извлекал из своего положения при тератоком дворе никаких

---

[48] *Маджалис*, рук. ЛГУ, л. 72б: سمرقندنینگ شوخ وخبیث شیوه‌لاری.

[49] Дата в *Маджалис*, рук. ЛГУ, л. 53а; ср. Belin, *Notice*, p. 192. Слова Белена (*Notice*, p. 202) о Дервиш-Али «surnommé le frère d'Ali Chîr» ни на чем не основаны; по всем известиям, он действительно был родным братом Мир Али-Шира.

[50] Хондемир, бомбейское изд., III 3, 343.

[51] <*Даруга* здесь несомненно означает 'заведующий', без какого-либо дополнительного военного значения. — *В. М.*>

[52] Хондемир, бомбейское изд., III 3, 313.

[53] *Бабур-наме*, изд. Беверидж, л. 173.

[54] Там же, л. 174б.

[55] Там же, л. 171.

материальных выгод. Не на свои личные средства Мир Али-Шир мог бы проявлять ту обширную меценатскую и строительную деятельность, о которой говорят источники [56]. На это указывают и слова Сам-мирзы [57] о земле, подаренной султаном Мир Али-Ширу в Герате, где Мир Али-Шир построил ряд благотворительных учреждений, получивших общее название Ихласийе или Халасийе; в этом названии должна была выразиться искренняя преданность (اخلاص) строителя государю [58]. Ханакой и медресе Халасийе (или Ихласийе) воспользовался впоследствии для своих занятий историк Мирхонд [59]; сам Мир Али-Шир говорит об одном пришельце из Самарканда, Абд ал-Мумине, по поэтическому прозвищу Мумини, учившемся в то время в ханаке Халасийе [60]. Строительная деятельность Мир Али-Шира проявлялась не только в Герате. Даулетшах, труд которого составлен именно в год опалы Мир Али-Шира (892/1487), сохранил нам сведения о постройках Мир Али-Шира, воздвигнутых до этого времени [61]. Из этих построек в Герате находились: соборная мечеть, медресе, ханака, больница и баня; все эти постройки были в одном и том же квартале, на берегу канала Инджиль, из чего видно, что речь идет об учреждениях Халасийе. Из других построек упоминаются: 1) рабат 'Ишк, по дороге из Хорасана в Джурджан и Астрабад, около места Дербенд-и Шиккан; был построен некогда Кабусом ибн Вашмгиром (известным строителем «башни Кабуса») [62], пришел в разрушение и был восстановлен заботами Мир Али-Шира [63]; существует и теперь; 2) рабат Сенгбест, в месте пересечения дорог из Нишапура в Мерв и из Туса в Герат; был вновь построен Мир Али-Широм рядом с пришедшим в разрушение старым

[56] <Мир Али-Шир был одним из крупнейших феодалов-землевладельцев в государстве Султан-Хусейна и очень богатым человеком. Его земельные владения были разбросаны по всему Хорасану, и он получал с них огромный доход (см.: Якубовский, *Черты общественной жизни*, стр. 10—11; Семенов, *Взаимоотношения*, стр. 239; ср. также *Бабур-наме*, пер. Бевериджа, I, 282, прим. 1). Поэтому вряд ли справедливо утверждение В. В. Бартольда, что меценатской и строительной деятельностью Мир Али-Шир занимался не на свои средства, и предположение (см. ниже) о том, что эта деятельность была причиной финансовых затруднений Султан-Хусейна. — *Ю. Б.*>

[57] Belin, *Notice*, p. 229.

[58] Так по Белену; если должно быть принято (на что указывают рукописи) чтение خلاصيه, то возможно, что имеется в виду избавление (خلاص) ученых от всяких материальных забот. <Название Халасийе ('Свободное', т. е. свободное от материальных забот) носила только ханака, а медресе называлось Ихласийе (см.: Якубовский, *Черты общественной жизни*, стр. 26; Массон, *К исторической топографии Герата*, стр. 136).— *Ю. Б.*>

[59] Текст у Никитского, *Эмир-Низам-Эд-Дин-Али-Шир*, стр. 46.

[60] *Маджалис*, рук. ЛГУ, л. 72а.

[61] Даулетшах, изд. Броуна, 505 и сл.

[62] О ней см. мою статью: *Башня Кабуса*.

[63] Даулетшах, изд. Броуна, 54.

рабатом Арслан-Джазиба, современника Махмуда газневидского[64]; остатки этих построек были в новейшее время подробно исследованы[65]. Кроме того, в то время строились здания: 1) гробница Касим-и Анвара; умер в 835/1431-32 г. в Харджирде (западнее Герата), месте, имеющем вообще большое значение в истории мусульманской архитектуры[66]; 2) гробница Ферид ад-дина Аттара (XIII в.) в Нишапуре; здание потом было достроено и существует до сих пор[67]; 3) рабат Дирабад около Нишапура. Кроме того, Мир Али-Шир предполагал прорыть канал от источника Чешме-гуль до Мешхеда, на расстояние десяти фарсахов[68].

Возможно, что постройки Мир Али-Шира были одной из причин тех затруднений, которые испытывала в то время казна Султан-Хусейна и которыми была вызвана временная опала самого Мир Али-Шира.

---

[64] Там же, 176.

[65] Diez, *Churasanische Baudenkmäler*, S. 52 sq. Здесь только говорится об Арслан-Джазибе (S. 54), без упоминания о Мир Али-Шире.

[66] Ibid., S. 71 sq. Мир Али-Шир и здесь не упоминается. Замечательно, что Ханыкову (Khanikoff, *Mémoire*, p. 114) показывали могилу Касим-и Анвара в другом месте, в Ленгере, о котором упоминает и Диц (*Churasanische Baudenkmäler*, S. 25), не помещающий там никаких памятников старины. E. Herzfeld (*Reisebericht*, S. 274 sq.) говорит о медресе Шахруха и об остатках медресе Низам ал-мулька.

[67] О нем Khanikoff, *Mémoire*, p. 95; Jackson, *From Constantinople to the home of Omar Khayyam*, p. 240; Бартольд, *Историко-географический обзор Ирана*, стр. 69.

[68] <Строительная деятельность Навои была значительно более обширной, чем упомянуто В. В. Бартольдом. Описание построек Навои в Герате по *Хулāсат ал-ахбāр* Хондемира см. Беленицкий, *Историческая топография Герата*, стр. 197—200; перечисление всех построек Навои по сочинению Хондемира *Макāрим ал-ахлāк* см. Якубовский, *Черты общественной жизни*, стр. 25—26. — *Ю. Б.*>

V

ГОДЫ НЕМИЛОСТИ И УПАДКА ВЛИЯНИЯ (1487—1494)

Султан-Хусейн уже некоторое время тому назад хотел вернуть к власти Меджд ад-дина, но этого не допускал [1] Мир Али-Шир; поэтому султан начал с того, что предложил Мир Али-Ширу занять должность хакима в Астрабаде; после долгих отказов Мир Али-Шир был вынужден согласиться и уехать [2]. Причины, побудившие султана так действовать, объяснены у Бабура [3]. Когда однажды Султан-Хусейну понадобилась некоторая сумма денег, люди дивана объявили, что денег нет и достать их нельзя; присутствовавший при этом Меджд ад-дин улыбнулся и потом, в ответ на вопрос султана, попросил принять его наедине и в этой аудиенции объявил, что готов, если ему дадут нужные

---

[1] Выражение Хондемира: امیر علیشیر تجویز آن معنی نمیفرمود (бомбейское изд., III [3], 244).

[2] <В последнее время концепция В. В. Бартольда, согласно которой 1487—1494 гг. были «годами немилости и упадка влияния» Мир Али-Шира, что выразилось прежде всего в его «изгнании» в Астрабад, встретила серьезные возражения. А. А. Семенов отметил, что источники, сообщающие о вражде между Меджд ад-дином и беками во главе с Мир Али-Широм (Хондемир и Бабур), не содержат никаких прямых свидетельств относительно того, что удаление Мир Али-Шира из Герата было условием назначения Меджд ад-дина. А. А. Семенов указал также, что Астрабад был богатейшей и важнейшей провинцией государства Султан-Хусейна, которой обычно управляли наследники престола или особо доверенные лица, и назначение правителем Астрабада нельзя рассматривать как почетную ссылку в «глухую провинцию» (см. Семенов, *Взаимоотношения,* стр. 241—243). Как отмечает Г. Р. Рёмер, назначение Мир Али-Шира в Астрабад могло скорее объясняться тем, что в это время у Султан-Хусейна осложнились отношения с Я'кубом Ак-Коюнлу и наместником провинции, граничившей с Азербайджаном, должен был быть назначен человек, который пользовался особым доверием Султан-Хусейна и мог способствовать урегулированию отношений с Я'кубом (см. Абдаллах Марварид, *Шараф-нāме,* комм., 184). Как бы то ни было, даже из концепции В. В. Бартольда о «годах немилости» (полностью принятой, в частности, Е. Э. Бертельсом — см. *Навои,* стр. 219 и сл.) отнюдь не следует, что Навои подвергался «преследованиям» или даже «травле» со стороны султана и придворных за свои «прогрессивные взгляды». Резкую критику этой, весьма распространенной одно время, но совершенно необоснованной точки зрения см. у Семенова (*Взаимоотношения*). — *Ю. Б.*>

[3] *Бāбур-нāме*, изд. Бевериджа, л. 176б и сл.

полномочия, достать необходимую сумму и устроить государственное хозяйство так, чтобы и казна была полна, и подданные султана (войско и народ) были довольны. Получив власть, он исполнил свое обещание и привел области в цветущее состояние; но он держал себя враждебно ко всем бекам и должностным лицам с Мир Али-Широм во главе; их стараниями он был низложен и подвергнут заключению.

Из слов Бабура не видно, когда и где могла произойти описываемая им сцена. Отъезд Мир Али-Шира был решен еще в Мерве[4], где султан проводил зиму, т. е., вероятно, в начале 1487 г. После этого Меджд ад-дин принимал участие в делах дивана, сначала без определенной власти; из везиров по-прежнему главными были Афзаль ад-дин и Низам ал-мульк, было еще несколько других, в том числе брат Афзаль ад-дина ходжа Амин ад-дин Махмуд, назначенный везиром в 887 г. х. Он любил вино и женщин, но в то же время любил беседовать с выдающимися людьми и отличался приветливым характером[5]; по существу он, очевидно, был только братом своего брата. Решительная сцена между султаном и двумя главными везирами и ее результаты рассказаны у Хондемира[6] несколько иначе, чем у Бабура. Меджд ад-дин стоял «у подножия престола», когда султан поручил обоим везирам достать небольшую сумму в два томана (около 10 000 руб.); везиры, «как и следовало», ничего не ответили. Когда они ушли, Меджд ад-дин наедине сказал султану, что легко было бы достать не только два томана, но и 2000 томанов. На следующий день Меджд ад-дин был облечен широкими полномочиями: он должен был накладывать печать от имени государя, рассматривать все доклады и жалобы, без его ведома по делам управления и финансов не должны были приниматься никакие доклады ни от эмиров, ни от садров, ни от везиров, ни от «внутренних вельмож» (*ичеги*), ни от приближенных; ему был дан титул: «доверенное лицо султанства и царства» (معتمد السلطنة ومؤتمن المملكة). Афзаль ад-дин, опасаясь за свою судьбу, испросил у Меджд ад-дина разрешение и ушел в Астрабад к Мир Али-Ширу, будто бы для взыскания в казну недостававших сумм. Управлением Меджд ад-дина были довольны все подданные — земледельцы и ремесленники, — избавившиеся от притеснений чиновников; чиновники были привлечены к ответственности за прежние вымогательства, и в короткое время с них было собрано 2000 томанов. Ни один чиновник не смел обидеть простолюдина, ни один базарный торговец не подвергался поборам. Меджд ад-дин время от утра до полудня посвящал государственным занятиям, потом до полуночи беседовал с выдающимися людьми и щедро угощал их; устраивавшиеся в его доме угощения славились своими гастрономическими тонкостями. Но с чиновниками

[4] Хондемир, бомбейское изд., III[3], 243.

[5] Характеристика там же, 332 внизу.

[6] Там же, 244 и сл.

и беками он оставался до конца резок и вспыльчив, и этот нрав погубил его; через три года он подвергся опале и преследованиям, отправился в Мекку и умер на пути туда, в Табуке, в зу-л-ка'да 899/августе 1494 г.[7]. Интересно, что он выехал из Хорасана через керманскую пустыню в сопровождении франков[8]; других известий о присутствии в Герате Султан-Хусейна европейцев, кажется, нет[9]. Хондемир особо отмечает, что одновременно с отъездом Меджд ад-дина получил разрешение отправиться в Мекку его враг, брат Мир Али-Шира, Дервиш-Али; но, тогда как Меджд ад-дин умер в Аравии, Дервиш-Али благополучно вернулся в Герат и снова сделался беком. Это возвращение произошло, однако, только в 1498 г. Дервиш-Али снова был назначен в «высочайший диван» (ديوان اعلى) и накладывал печати рядом с эмиром Насир ад-дином Абд ал-Халиком[10]. Этот эмир часто упоминается у Хондемира; Бабур[11] говорит о нем только, что он был внуком известного Фирузшаха, одного из главных беков эпохи Шахруха[12], и несколько раз управлял Хорезмом.

Из приведенных дат видно, что борьба за власть продолжалась больше трех лет; сведения об отдельных эпизодах этой борьбы сообщаются у Хондемира в разных местах. Афзаль ад-дин, с одобрения Мир Али-Шира, отправился в Мекку; в Западной Персии туркменский султан Я'куб поставил его во главе паломников своего государства, так что ходжа мог совершить хадж с полным удобством; после этого он остался в Ираке и Азербайджане, т. е. в государстве туркмен. Мир Али-Шир[13] говорит с большим сочувствием об Афзаль ад-дине и в резких словах о смутах (بوزوغلوغ), вызванных Меджд ад-дином, когда не осталось ни одного человека, положение которого не пришло бы в расстройство. Меджд ад-дин оклеветал перед государем и «ходжу Афзаля» и заставил его отправиться в путешествие; перед этим он был везиром 15 лет (что несколько преувеличено). В государстве туркмен он был «эмиром хаджа», но после возвращения из паломничества не принимал от туркменских султанов никаких должностей, несмотря на их неоднократные настояния. Несмотря на то, что его родина, Керман, давно принадлежала туркменам, он считал своими государями Тимуридов и говорил, что может служить только своему государю и никому другому. По сведениям Мир Али-Шира, он в то время, когда писалась соответствующая глава *Маджа̄лис,* находился в Куме; мы увидим, что

---

[7] Дата — Хондемир, бомбейское изд., III[3], 255.

[8] Там же: مصحوب طايفهٔ از مردم فرنگ.

[9] <См. об этом некоторые дополнительные данные: Болдырев, *Очерки,* стр. 382.— *Ю. Б.*>

[10] Хондемир, бомбейское изд., III[3], 279.

[11] *Ба̄бур-на̄ме,* изд. Беверидж, л. 172.

[12] Бартольд, *Улугбек,* стр. 71 и 119; <см. выше, стр. 97 и 147—148>.

[13] *Маджа̄лис,* рук. ЛГУ, л. 74а.

он вернулся в Герат в 1498 г. Его брат Амин ад-дин Махмуд после отъезда брата в Ирак лишился должности, но, по-видимому, не подвергался другим неприятностям и впоследствии, вероятно после опалы Меджд ад-дина, вновь вернулся к власти [14].

Сам Мир Али-Шир был окружен в Астрабаде таким же почетом, как прежде в Герате, отовсюду к нему приходили приветствия и подарки, даже от иностранного государя, того же султана Я'куба. Тем не менее он выдержал свое изгнание только в течение года и в 1488 г., оставив в Астрабаде своим заместителем эмира Бедр ад-дина, прибыл в Герат, где обратился к султану с просьбой разрешить ему остаться в столице и передать должность другому. Согласия не последовало; Мир Али-Шир должен был вернуться в Астрабад и остаться там еще несколько месяцев, даже послать в Герат вместо себя другое лицо — своего двоюродного брата Хайдера. Хайдер доложил, что, по сведениям Мир Али-Шира, приближенные султана (как видно из дальнейшего, предполагалось, что об этом знал и сам султан) уговаривали султанского букаула (стольника) примешать яд к пище Мир Али-Шира [15], оттого Мир Али-Шир «полон подозрений» и не видит для себя другого выхода, кроме открытого восстания (مخالفت) [16], что при знаках расположения, оказанных Мир Али-Ширу и его другу туркменским султаном, могло казаться правдоподобным. Султан был очень смущен и отправил в Астрабад гонца с письмом, в котором уверял Мир Али-Шира, что его сведения ни на чем не основаны, никакого посягательства со стороны султана на его жизнь не было [17]. Мир Али-Шир тотчас выехал из Астрабада, уже через 10—12 дней прибыл в Герат и постарался доказать султану, что Хайдер все выдумал сам, ничего подобного он от Мир Али-Шира не слышал. Хайдер за свою ложь (или неуместную правду) [18] поплатился сначала свободой, потом всей своей карьерой (Мир Али-Шир взял его с собой в Астрабад, надеясь потом передать должность астрабадского хакима ему) [19]; мы увидим, что в последние годы жизни Мир Али-Шира его постигла еще более тяжелая судьба. На этот раз Мир Али-Шир получил позволение отказаться от всяких должностей и остаться в Герате только в каче-

[14] Хондемир, бомбейское изд., III 3, 332 внизу.

[15] Там же, 246: بعرض رسانید که مقرّب حضرت سلطانی چنان استماع نموده که ملازمان آستان خلافت آشیان کاکلی بکاولرا تطمیع کرده اند که طعامی مسموم بخورد او دهد. Эта характерная подробность опущена у Белена (*Notice*, p. 201).

[16] <'Вражда' (opposition) было бы более точным переводом. — *В. М.*>

[17] هرگز این نوع قصدی در خاطر اشرف اعلی خطور ننموده .

[18] <А. А. Семенов полагает, что поступок Хайдера не мог быть инспирирован Мир Али-Широм и объясняется тем, что он был, как показывают слова Хондемира, «совершенно безумным» человеком (см. Семенов, *Взаимоотношения*, стр. 243—244). — *Ю. Б.*>

[19] Хондемир, бомбейское изд., III 3, 282.

стве «приближенного его величества султана» (مقرّب الحضرت السلطانی). Тогда же была установлена та сложная формула письменного обращения к Мир Али-Ширу, которая приведена у Белена[20] по другому поводу, в рассказе о более ранних событиях, причем формула в том виде, как ее приводит Белен, соответствует тексту *Раузат ас-сафа'*; в тексте *Хабиб ас-сийар* вместо اعتماد الملک والدولة стоит عمدة المملکة اعتضاد الدولة[21].

В Астрабад вновь был назначен наместником предшественник Мир Али-Шира, эмир Могол; гражданским чиновником оставался сахиб-диван Мир Али-Шира, ходжа Шемс ад-дин Курд. В 895/1490 г. произошло по другому поводу восстание Могола, причем одной из первых жертв его пал сахиб-диван[22]. Султан-Хусейн назначил правителем Астрабада своего старшего сына Бади' аз-замана; Могол бежал к туркменам, где в 896/1490-91 г. умер Я'куб и престол перешел к его сыну Байсункару. Байсункар принял Могола к себе на службу, но потом, когда он проявил признаки измены, он был убит.

В Герате власть пока оставалась в руках Меджд ад-дина, но с возвращением Мир Али-Шира его влияние стало слабеть. Предвидя возможность победы «нойонов и приближенных», т. е. партии Мир Али-Шира, Меджд ад-дин постарался примириться с прежним везиром Низам ал-мульком и вернул ему власть, с тем чтобы он дал обязательство ничего не предпринимать против Меджд ад-дина. Из этого и других фактов можно видеть, что Меджд ад-дин не был таким непримиримым врагом вельмож, как можно было бы заключить из слов Хондемира и Бабура. Вслед за тем произошло восстание в Балхе: правивший там Дервиш-Али, видя влияние Меджд ад-дина и его отношение к Мир Али-Ширу, стал опасаться за свою собственную судьбу и вступил в сношения с правившим в Хисаре Султан-Махмудом. Когда известие об этом пришло в Герат, то в интересах государства было признано необходимым, чтобы Меджд ад-дин на некоторое время отказался от власти; отставка ему была дана в самой милостивой форме с пожалованием 100 000 динаров (около 50 000 руб.) и вышитого золотом халата[23]. Может быть, к этому времени относится

---

[20] *Notice,* p. 195.

[21] <Эти титулы ясно показывают, что титул *мукарраб ал-хазрат* 'приближенный его величества' заключал в себе бо́льшее значение. — *В. М.*> <Ср. выше, стр. 232, прим. 22, о должности Мир Али-Шира. — *Ю. Б.*>

[22] Хондемир, бомбейское изд., III[3], 248.

[23] Там же, 249. <Как ныне установлено, с последних десятилетий XV в. (точный хронологический рубеж, впрочем, еще не определен) в государствах Тимуридов термин *динар,* параллельно с названием серебряной монеты («кебекский» динар), стал употребляться также для обозначения медной монеты (см.: Давидович, *К медным номиналам,* стр. 39 и сл.; ее же, *Некоторые черты обращения медных монет,* стр. 55; ее же, *Денежная реформа,* стр. 100 и сл.). В. В. Бартольд везде дает перевод динаров в рубли, исходя

сцена, о которой рассказывает Сам-мирза, когда везир Меджд ад-дин имел честь принять в своем доме султана и после халата, пожалованного султаном, надел сверх него еще одежду, полученную от Мир Али-Шира [24]. Во всяком случае, это удаление Меджд ад-дина по политическим причинам было той первой отставкой его после трех лет господства, о которой говорилось выше; следовательно, это событие произошло в 1490 г. [25]. После этого полновластным везиром считался Низам ал-мульк.

Удаление Меджд ад-дина при тех условиях, при которых оно произошло, не могло удовлетворить Дервиш-Али. В Балхе был сын султана, мирза Ибрахим-Хусейн, от имени которого правил Дервиш-Али; чтобы удалить царевича и получить самостоятельность действий, Дервиш-Али подделал султанский указ, которым царевич вызывался в Герат; после прибытия Ибрахим-Хусейна к отцу измена Дервиш-Али обнаружилась. Султан-Хусейн открыто выражал свое негодование на измену наместника, так много обязанного ему. Враги Мир Али-Шира (о везире при этом не упоминается) давали понять, что Дервиш-Али не решился бы на измену без ведома своего брата; у султана стали вырываться жалобы и на Мир Али-Шира, чем последний был очень огорчен. Нашелся смелый человек, ходжа Гияс ад-дин Мухаммед Дихдар [26], объявивший султану, что берет на себя привезти «этого жалкого раба, библиотекаря» (این غلامک کتابدار) в цепях к султану. Ему было разрешено поехать; через некоторое время туда же двинулся с войском и сам султан. Ходжа в Балхе стал доказывать Дервиш-Али, какие опасные последствия могут иметь для него его действия, и уговорил его отправиться вместе с ним для встречи султана. Султан с войском подошел к Мургабу; приехал ходжа, отделившийся от Дервиш-Али, когда оба были всего в 3—4 фарсахах от войска, и доложил, что привел «жалкого раба, библиотекаря», но по дороге не нашлось кузнеца, который мог бы заковать его, пусть пришлют кузнеца из орду-базара [27], т. е. из обоза, следовавшего за войском [28].

из стоимости серебряного динара (ср. выше, стр. 216). Как полагает Е. А. Давидович, возможно, что термин *динар* в государстве Султан-Хусейна закрепился за медной монетой несколько позже, чем в Средней Азии. — *Ю. Б.*>

[24] Belin, *Notice*, p. 195 sq.; Никитский, *Эмир-Низам-Эд-Дин-Али-Шир*, стр. 41 и сл.

[25] <О дате начала опалы Меджд ад-дина на основании одного из рассказов Васифи ср. Болдырев, *Алишер Навои*, стр. 132—133. — *Ю. Б.*>

[26] По-видимому, он думал оказать этим услугу Мир Али-Ширу, при котором он находился со времени вступления на престол Султан-Хусейна (раньше он служил Абу Са'иду). Ср. сведения из *Хамсат ал-мутахаййирин* у Белена (*Notice*, p. 343).

[27] Об этом выражении Бартольд, *Улугбек*, стр. 121; <см. выше, стр. 149 и прим. 17>.

[28] Всему этому мало соответствуют краткие слова Белена (*Notice*, p. 202 sq.) о походе султана на Балх, где «grâce à l'habileté et à l'adresse de Khâdjè-Dihdâr, il ne trouva, dans le gouverneur de Balkh, qu'un sujet fidèle et dévoué».

Обрадованный султан объявил, что прощает Дервиш-Али; тот приехал, был принят и даже получил разрешение угостить султана в своей палатке. Султан отправился в Балх, где провел зиму (из дат не вполне ясно, имеется ли в виду зима 1490/91 или 1491/92 гг.); весной он решил идти оттуда на Хисар против Султан-Махмуда, причем оставил Мир Али-Шира в Балхе и в то же время велел заключить там же в крепость его брата[29]; трудно сказать, надо ли смотреть на это как на высший знак доверия к «приближенному его величества» или как на способ подвергнуть его унижению. Поход не имел успеха; султан был вынужден заключить с Султан-Махмудом мир и родственный союз, причем в руках Султан-Махмуда остались все его прежние владения, в том числе и области к югу от Аму-Дарьи — Бадахшан, Кундуз и Баглан. Султан-Хусейн вернулся сначала в Балх, потом, после большой охоты, в Герат; в Балхе был оставлен мирза Хайдер-Мухаммед под опекой эмира Мубариз ад-дина Вели-бека[30]. Вероятно, с султаном вернулся в Герат и Мир Али-Шир.

Уже в ту зиму, когда султан был в Балхе, обнаружились признаки ослабления его доверия к Меджд ад-дину, чем не замедлил воспользоваться Низам ал-мульк, конечно, не считавшийся с принятым им на себя обязательством. Сторону Меджд ад-дина приняли барласские беки, в том числе главный бек государства, Шуджа' ад-дин Мухаммед, сын Бурундука; Низам ал-мульк тотчас стал интриговать против них. Меджд ад-дин нашел еще другого защитника, по-видимому стоявшего выше всяких интриг, — представителя религиозного авторитета, Джами; при свидании с султаном Джами выразил мнение, что только при условии оставления у власти Меджд ад-дина будет процветать государство и будут довольны войско и подданные[31]. Султан как будто убедился; Меджд ад-дин через посредство барласских беков получил аудиенцию и поднес султану 20 000 динаров (около 10 000 руб.), но через несколько дней султан велел подвергнуть заключению как барласских беков, так и Меджд ад-дина; даже главный бек, Мухаммед, сын Бурундука, просидел в цитадели целый год, хотя после освобождения вновь пользовался милостями султана и даже сделался снова «беком беков». Никаких мер, конечно, не было принято против престарелого Джами, смерть которого последовала как раз во время этих событий, в пятницу 9 ноября 1492 г. К сожалению, мы не знаем точной даты последней аудиенции и потом ареста

---

[29] Хондемир, бомбейское изд., III 3, 250.

[30] Там же, 252.

[31] Там же, 253 внизу: آن جناب با خاقان کامیاب ملاقات فرموده بعبارات لایقه معروض داشت که دخل خواجه مجد الدین محمد در مهمات پادشاهی مستلزم معموری ملک وخشنودی رعیت وسپاهیست البتّه اورا تربیت میباید نمود .

Меджд ад-дина и потому не знаем, как много времени прошло от этих дней до дня смерти Джами. Во всяком случае султан и его приближенный воспользовались этим событием, чтобы демонстративно проявить свое уважение к памяти покойного. На другой день, в субботу, состоялись похороны при участии султана, его приближенных и всех вельмож (везир не упоминается); султан и Мир Али-Шир один за другим ради упокоения души Джами устроили в месте праздничной молитвы Герата угощение для вельмож, сейидов и ученых[32]. О заступничестве Джами за Меджд ад-дина ничего, конечно, не говорит Мир Али-Шир, посвятивший Джами особое сочинение[33], где так подробно говорится о дружбе между ними, о том, как Мир Али-Шир во время последней болезни Джами постоянно присылал справляться о его здоровье, а в полночь накануне его смерти, не находя успокоения в постели, поехал справиться сам и на следующий день присутствовал при его кончине; в числе других присутствовавших был и служивший Мир Али-Ширу ходжа Дихдар, читавший над больным Коран. После похорон Мир Али-Шир принимал выражения соболезнования, в том числе письменное от царевича Бади' аз-замана, управлявшего в то время Астрабадом, и устное от одной из цариц, причем, по-видимому, вопреки Белену[34], несмотря на совпадение имен, не может иметься в виду мать Бади' аз-замана, в то время уже не бывшая в живых. Бади' аз-замана будто бы связывала с Джами искренняя взаимная привязанность.

Меджд ад-дин допрашивался, по обычаю, при тяжелых условиях, в цепях. Низам ал-мульк и его помощники не могли обнаружить за опальным везиром никакой вины, в каждом динаре ему удавалось дать отчет; но когда над ним был посажен низкий человек, отставной чиновник, Мухаммед Амрабади, Меджд ад-дин ради того, чтобы избавиться от допроса таким человеком, предпочел дать письменное удостоверение, что признается во всех приписываемых ему прегрешениях. После этого при выяснении имущества Меджд ад-дина были обнаружены такие сокровища, которых никто не ожидал. Сам султан будто бы сказал: «Я был убежден, что всякий раз, как Меджд ад-дин получает какой-нибудь ценный подарок, он приносит его в дар мне; теперь обнаруживается, что он с нами не был искренен». При допросе разрешалось прибегать к пыткам, только с тем, чтобы жизни допрашиваемого не угрожала опасность. Допрос[35] кончился тем, что Меджд

---

[32] Там же, 337.

[33] *Хамсат ал-мутахаййирӣн* — отрывок во французском переводе у Белена (*Notice*, pp. 300—357). <О взаимоотношениях Навои и Джами см. Бертельс, *Навои*, стр. 148—158; его же, *Джами*, стр. 83—99. — *Ю. Б.*>

[34] *Notice*, p. 348.

[35] О нем Хондемир, бомбейское изд., III [3], 254 и сл.

ад-дин был отпущен, подписав еще какое-то долговое обязательство, которого не мог уплатить, и с караваном франков бежал в Керман; оттуда он отправился в Мекку и, как мы видели, не доехав до священного города, умер в Аравии в 1494 г.

При оценке этих рассказов необходимо помнить, что автор их, Хондемир, вышел из круга Мир Али-Шира; если в них все-таки так много данных, говорящих в пользу Меджд ад-дина, то это, очевидно, не случайно. Разумеется, среди сведений о Меджд ад-дине, приведенных Хондемиром, встречаются и факты, производящие иное впечатление. Подобно другим везирам, Меджд ад-дин не останавливался перед суровой расправой со своими врагами: например, ходжа Ни'-металлах Сурх был замучен им до смерти[36].

[36] Там же, 333.

VI

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ МИР АЛИ-ШИРА (1494—1501)

Смутное время (بوزوغلوغ), о котором говорит Мир Али-Шир в своих *Маджалис* [1], кончилось полной победой его самого и его партии. Главным победителем мог казаться везир Низам ал-мульк. Подобно Мир Али-Ширу, он был покровителем знания, почитал шейхов и ученых; ему посвящен один из главных исторических трудов этой эпохи, история Герата Му'ин ад-дина Мухаммеда Исфизари [2]. Подобно Меджд ад-дину, он казался другом угнетенных; при его доме не было ни хаджиба, ни привратника, каждый мог свободно входить к везиру и приносить ему жалобу. У него было два сына: ходжа Кемаль ад-дин Хусейн и ходжа Рашид ад-дин Амид ал-мульк; первый отличался умом и красноречием, второй сверх того отличался военными качествами; оба принадлежали к числу приближенных султана. Сам везир носил титул: доверенное лицо мощной державы (امين الدولة القاهرة)[3].

Низам ал-мульк недолго сохранял власть; причиной падения его и его семьи были, во-первых, продолжавшиеся интриги в чиновничьем мире, во-вторых, начавшиеся смуты в самом царском семействе. Низам ал-мульк когда-то действовал вместе с Афзаль ад-дином, но теперь не был, по-видимому, расположен делиться властью; вернувшийся к власти брат Афзаль ад-дина Амин ад-дин Махмуд навлек на себя гнев Низам ал-мулька, был подвергнут заключению и только «после одного или двух лет» мог бежать из тюрьмы в женской одежде; после этого он до возвращения своего брата скрывался [4].

Смуты в царской семье начались с ничтожного повода. Во время возобновившейся бесцельной войны с Хисаром Бади' аз-заман по

---

[1] Рук. ЛГУ, л. 74а.

[2] Rieu, *Pers. MSS*, vol. II, p. 206. <См. выше, стр. 45, прим. 62.>

[3] Хондемир, бомбейское изд., III [3], 253. <Низам ал-мульк, очевидно, первоначально возглавлял *дйван-и мал* (второй диван в государстве Султан-Хусейна), затем он был назначен «великим эмиром» и возглавил одновременно оба дивана; диплом на должность, полученный Низам ал-мульком, см. Абдаллах Марварид, *Шараф-наме*, текст, лл. 9б — 12а; пер., 83—86; комм., 169—172. — *Ю. Б.*>

[4] Хондемир, бомбейское изд., III [3], 333 наверху.

желанию отца пришел на театр войны с отрядом из Астрабада, оставив там своего сына Мухаммед-Мумина. После окончания войны Бади' аз-заман был назначен правителем Балха, но против его ожидания его сын не был оставлен правителем Астрабада; Султан-Хусейн пожаловал Астрабад другому сыну, которого любил больше других[5], Музаффар-Хусейну. Это вызвало разрыв между султаном и его старшим сыном, давшим своему сыну приказ препятствовать, хотя бы силой, вступлению в Астрабад Музаффар-Хусейна. В 1497 г. Мир Али-Шир ездил в Балх к Бади' аз-заману уговаривать его подчиниться отцу; миссия потерпела неудачу вследствие проявленного султаном коварства: одновременно с ведением переговоров он послал в Балх тайный приказ схватить царевича, и этот приказ попал в руки Бади' аз-замана. Мир Али-Шир вернулся в Герат. Царевич выступил против отца и 2 мая 1497 г.[6] был разбит; по случайному совпадению его сын Мухаммед-Мумин на следующий день был взят в плен в Астрабаде Музаффар-Хусейном и отправлен в Герат, где в сафаре 903 г.[7] (с 29 сентября 1497 г.) был заключен в цитадель Ихтияр ад-дин. Мать Музаффар-Хусейна Хадиджа-бики в лагере на Мургабе, при участии Низам ал-мулька и его сыновей, вырвала у султана в пьяную ночь приказ убить внука; на другое утро султан опомнился и отправил в Герат гонца с новым приказом, в отмену первого, но оказалось слишком поздно[8]. Мир Али-Шир в то время совершал паломничество в Мешхед и только после возвращения узнал о случившемся. Хондемир[9] уверяет, что несколько раз слышал в эти дни от Мир Али-Шира предсказание, что убиение царевича будет иметь такие же последствия, как в свое время убиение Меджд ад-дина Багдади, с которым, как известно, связывали нашествие Чингиз-хана[10]. Предсказание Мир Али-Шира было потом отнесено к нашествию узбеков.

В мае 1498 г.[11] неожиданно вернулся в Герат ходжа Афзаль ад-дин, или, как его называли, ходжа Афзаль, слышавший в Западной Персии, что о нем милостиво вспоминает султан и тоскует Мир Али-Шир. Султан очень обрадовался его приезду, тем более что со времени убиения внука охладел к Низам ал-мульку (об охлаждении

---

[5] Так о нем говорит Бабур (*Бабур-наме*, изд. Бевериджа, л. 166), прибавляющий, что у самого царевича не было ни качеств, ни поступков, которые заслуживали бы любви.

[6] 29 ша'бана 902 г. х., во вторник (Хондемир, бомбейское изд., III[3], 262).

[7] Там же, 264.

[8] <Изложение рассказа Васифи об опале и казни Мухаммед-Мумина и о возмущении, вызванном этим событием в Герате, см. Болдырев, *Очерки*, стр. 327—329. — *Ю. Б.*>

[9] Бомбейское изд., III[3], 265.

[10] Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 403 и сл.; <наст. изд., т. I, стр. 440—441>.

[11] В середине рамазана 903 г. х. (Хондемир, бомбейское изд., III[3], 267).

к Хадидже-бики ничего не говорится). Афзаль тотчас показал себя врагом Низам ал-мулька. В воскресенье 13 мая[12] был подвергнут заключению Имад ал-ислам, брат жены Низам ал-мулька («дядя его сыновей со стороны матери»), занимавший должность везира в течение 20 лет (следовательно, и при Меджд ад-дине). Это было первым признаком утраты Низам ал-мульком расположения султана. В начале шавваля (с 23 мая) ходжа Афзаль уже был назначен везиром. Султан находился в лагере Уланг-нишин, ожидая нового нападения Бади' аз-замана (он занимал в то время южную часть Афганистана и собирался отомстить за сына); против него был послан отряд в Исфизар, при отряде находился и «военный» сын Низам ал-мулька, Амид ал-мульк; везир и Мир Али-Шир оставались с султаном в лагере. Султан по поводу все более обнаруживавшихся преступлений Низам ал-мулька посоветовался с Мир Али-Широм; было решено подвергнуть аресту с конфискацией имущества всю семью Низам ал-мулька. В начале июня[13] Низам ал-мульк и его родственник Низам ад-дин Курд были арестованы в Уланг-нишине, в Исфизар был послан гонец с приказом арестовать и привезти в Герат Амид ал-мулька, сам Мир Али-Шир отвез в Герат и передал начальствовавшему там мирзе Ахмеду приказ арестовать другого сына Низам ал-мулька, Кемаль ад-дина, и сыновей Низам ад-дина Курда, также сына сестры Низам ал-мулька, придворного летописца (وقايع نويس) Абд ал-Азиза. В связи с Низам ал-мульком упоминается еще другой придворный летописец, по-видимому избежавший ареста, — Кемаль ад-дин Абд ал-Васи' ан-Низами[14], о котором сам Мир Али-Шир еще в своем сочинении о Джами говорит с большим уважением; Мир Али-Шир называет его среди лиц, записывавших чудеса Джами[15]. По рассказу Хондемира, Абд ал-Васи' в начале царствования Султан-Хусейна, подобно многим другим (Мир Али-Шир[16] называет из них ходжу Мас'уда Куми, написавшего на эту тему 12 000 стихов), задумал написать историю султана, но султан не одобрил его сочинения за слишком большую подражательность слога. Меджд ад-дин любил его за веселый характер и остроумный разговор, потом он пользовался таким же расположением Низам ал-мулька и его двух сыновей и в честь их сочинял стихи.

Арестованные были заключены в цитадель Ихтияр ад-дин. В одну из ночей сыновьям Низам ал-мулька удалось бежать, но на другое утро они были схвачены и снова отведены в тюрьму. В середине зу-

[12] 21 рамазана (там же).

[13] В середине шавваля (там же).

[14] О нем Хондемир, бомбейское изд., III 3, 338.

[15] Перевод у Белена (*Notice*, p. 344).

[16] *Маджалис*, рук. ЛГУ, л. 22б. Ср. также Хондемир, бомбейское изд., III 3, 336, где о нем говорится только как о поэте и как о человеке, близком к Мир Али-Ширу.

л-ка'да (в начале июля) на имя мирзы Ахмеда и тоже находившегося в Герате эмира Абд ал-Халика был получен приказ султана, тотчас приведенный в исполнение; в цитадель был впущен палач и отрубил голову сыновьям Низам ал-мулька на глазах отца, потом самого Низам ал-мулька подвели к воротам цитадели и содрали с него кожу. В тот же день были постигнуты гневом султана (т. е., вероятно, были казнены) считавшиеся приверженцами Бади' аз-замана ходжа Имад ал-ислам, ходжа Абд ал-Азиз, Низам ад-дин Курд и Махмуд-шах Ферахи [17].

Полновластным министром сделался «устранивший всех своих врагов» [18] ходжа Афзаль; для него была придумана формула обращения, столь же сложная, как формула обращения к Мир Али-Ширу: ناظم اعاظم قواعد السلطنة والخلافة معتمد الملک صلاح انديش خواجه افضل الدين محمد وفا کيش. Высшего отличия он удостоился уже после смерти Мир Али-Шира, когда он был причислен к эмирам и нойонам, с оставлением везиром, т .е. соединил гражданскую власть с военной; по словам Бабура, это произошло тогда, когда Бабур прибыл в Кабул, т. е. в 1504 г. [19]. Прямых известий о том, остались ли отношения между ним и Мир Али-Широм дружественными, по-видимому, нет, косвенные указания говорят против этого. Среди сановников, бывших сначала друзьями, потом врагами Афзаля, был эмир Мубариз ад-дин Мухаммед Бели-бек, часто упоминаемый вместе с Мир Али-Широм. По словам Хондемира, ходжа Афзаль одержал полную победу над эмиром и лишил его всякого значения.

Султан оставался летом 1498 г. в Уланг-нишине. Еще до решения судьбы Низам ал-мулька, в пятницу 24 шавваля (15 июня) [20], пришло известие о приближении Бади' аз-замана; Мир Али-Шир вместе с Мубариз ад-дином и некоторыми другими по приказу султана собрал силы, стоявшие в Герате, и в тот же вечер выступил с ними по направлению к лагерю султана. Нападение Бади' аз-замана последовало, по-видимому, на другой день [21] и было отбито. Султан после этого оставался в Уланг-нишине, между ним и Бади' аз-заманом велись переговоры, причем один раз, во вторник 28 августа [22], Мир Али-Шир ездил из Герата в лагерь, куда прибыл на следующий день.

---

[17] Хондемир, бомбейское изд., III [3], 268. <Описание этого события со слов Васифи, находившегося в то время в цитадели и присутствовавшего при казни, см. Болдырев, *Очерки*, стр. 330, 332; см. также Болдырев, *Мемуары Васифи*, стр. 261. — *Ю. Б.*>

[18] بعد از دفع معاندان (Хондемир, бомбейское изд., III [3], 268).

[19] *Бабур-наме*, изд. Бевериджа, л. 177.

[20] Хондемир, бомбейское изд., III [3], 269; Belin, *Notice*, p. 207.

[21] В тексте *Хабиб ас-сийар*, 270 указано 25 ша'бана, так же в *Раузат ас-сафа'*, но это, очевидно, ошибка вместо شوال.

[22] 10 мухаррема 904 г. х. (Хондемир, бомбейское изд., III [3], 279).

и уговорил султана согласиться на такие условия, которыми мог бы удовлетвориться и Бади' аз-заман. Султан в пятницу 31 августа выступил из лагеря и в понедельник 3 сентября[23] вернулся в Герат.

Осенью 1498 г. произошло восстание двух сыновей Султан-Хусейна в Мерве и Абиверде; 19 декабря[24] султан выступил против Мерва, оставив в Герате своего сына Мухаммед-Касима, Мир Али-Шира и эмира Абд ал-Халика. Осада Мерва продолжалась 3—4 месяца, после чего между отцом и сыном (его имя было Абу-л-Мухсин) было заключено «нечто вроде мира». Во время этой осады Мир Али-Шир отправился в Мешхед и оттуда послал упомянутого выше придворного врача Абд ал-Хайя к Султан-Хусейну с просьбой разрешить ему совершить паломничество в Мекку. В Мешхеде раньше находился другой сын султана, Хайдер-Мухаммед-мирза; по поручению отца он должен был идти с эмиром Шейх-Ахмедом Сухейли на Абиверд; отряд был разбит и вернулся в Мешхед уже во время пребывания там Мир Али-Шира, который оказал поддержку царевичу и эмиру. Абд ал-Хай привез из лагеря под Мервом ответ, где говорилось в милостивых выражениях о намерениях Мир Али-Шира, но давался совет отложить паломничество до окончания беспорядков, происходивших тогда в туркменских владениях, а пока прибыть в лагерь султана[25]. Мир Али-Шир посоветовался с мешхедскими сейидами; все единогласно решили, что ему надо ехать и постараться устроить примирение между отцом и сыном. Мир Али-Шир поехал ранней весной 1499 г.; на пути в Мерв, в пределах Серахса, он узнал, что мир уже заключен, причем в этом принимал участие его брат Дервиш-Али, ездивший от султана в Мерв по просьбе самого царевича. Вскоре в Серахс прибыл сам Султан-Хусейн; свидание с ним Мир Али-Шира произошло в месте Базирган-тюбе ('Холм торговцев'). Через 2—3 дня Мир Али-Шир получил разрешение вернуться в Герат, причем ему было сказано, что, пока он останется во владениях султана, все его просьбы будут исполняться. Прибыв в Герат, Мир Али-Шир собрал около

---

[23] 13 и 16 мухаррема.

[24] В среду 5 джумада I (там же, 280).

[25] <Письмо Султан-Хусейна вкратце изложено у Хондемира в *Хабиб ас-сийар* и полностью приведено в его же сочинении *Макарим ал-ахлак*, а также в сочинении Джемаль ад-дина Юсуфа Зейн ал-Хавафи *Зийа' ал-'улум*; русский перевод этого письма по последнему из упомянутых сочинений см. Семенов, *Взаимоотношения*, стр. 247—248. Как показывают документы, Мир Али-Шир все же получил (по-видимому, одновременно с письмом Султан-Хусейна) официальное разрешение на совершение паломничества; этот документ опубликован Г. Р. Рёмером (см. Абдаллах Марварид, *Шараф-наме*, текст, лл. 26б — 29б; пер., 96—99; комм., 182). Это, очевидно, означает, что совет Султан-Хусейна отложить паломничество был действительно лишь добрым советом, а не запрещением. Текст письма Султан-Хусейна А. А. Семенов рассматривает как свидетельство необычайной близости Навои и султана. — *Ю. Б.*>

мазара Казергах[26] главных сейидов, казиев, шейхов и ученых, щедро угостил их и просил оказать ему содействие на пути дервишства и отшельничества[27].

Из всего этого видно, что Мир Али-Шир не считал своего положения прочным и собирался покинуть не только службу, но и владения султана. В том же 1499 г. султан нанес ему еще более тяжкий удар, предав смерти его двоюродного брата.

Хайдер после своей опалы в 1488 г. сделался дервишем не только на словах, как Мир Али-Шир, устроил обитель в месте Чешме-и Махиян ('Рыбий источник'), около гератского намазгаха; раз или два (в день) он проходил по гератским базарам в одежде странствующего отшельника (*қаландара*)[28], собирая деньги и припасы для своей обители. Впоследствии он ушел в Балх, где ему оказал покровительство правивший там с 1497 г. сын султана Ибрахим-Хусейн. Хайдер поселился в обители Сияхийе (может быть, Сипахийе), приняв на себя все расходы по ее содержанию[29]. Однажды некий Дервиш-Вели, пользовавшийся расположением царевича, вошел в обитель, не испросив разрешения Хайдера; Хайдер велел дать виновному 200 ударов[30] и заставить его служить в кухне. Царевич, конечно, пришел в гнев: Хайдер бежал в Кундуз к Хусрау-шаху, принявшему его с большим почетом. В 1499 г. Хусрау-шах вторгся во владения Султан-Хусейна и осадил Балх; Султан-Хусейн двинулся из Серахса на помощь сыну, Хусрау-шах снял осаду и вернулся в Кундуз, откуда послал к Султан-Хусейну для переговоров Хайдера. В лагере Султан-Хусейна Хайдер был обвинен в том, что подстрекал Хусрау-шаха к войне с султаном, арестован и через несколько дней убит. Когда весть об этом пришла в Герат к Мир Али-Ширу, он был очень огорчен; посланные им люди привезли тело Хайдера из стоянки Баба-Хаки, где он был убит, в Герат и похоронили его в построенной им обители. Мир Али-Шир оказал поддержку детям и родственникам убитого[31].

Огорчение Мир Али-Шира не доходило до такой степени, чтобы

---

[26] Название объяснено в *Историко-географическом обзоре Ирана*, стр. 40.

[27] Хондемир, бомбейское изд., III[3], 281. У Белена (*Notice*, p. 209) только «fut accueilli avec enthousiasme par les savants et les ulémas, auxquels il donna un magnifique banquet».

[28] Хондемир его так и называет: حيدر قلندر .

[29] <Как указал А. А. Семенов, здесь В. В. Бартольдом не совсем верно понят текст Хондемира, в котором нет никакой обители Сияхийе или Сипахийе и говорится, что Хайдер поселился у «высочайшего царственного порога», т. е. у мнимой пробницы Али близ Балха, и скоро стал «заправлять всеми важнейшими делами этого мазара» (Семенов, *Взаимоотношения*, стр. 244—245). — *Ю. Б.*>

[30] دويست كف پائي .

[31] Хондемир, бомбейское изд., III[3], 282. Этот эпизод, столь характерный для отношений между султаном и Мир Али-Широм, у Белена опущен совсем.

отказаться служить султану и не являться на его зов, когда требовался его совет[32]. Война с сыновьями стала принимать опасный для султана оборот. Из Баба-Хаки ему пришлось опять идти на Мерв и Абиверд; мервский царевич ушел в Абиверд, оба царевича вместе отступили, потом разбили преследовавший их отряд, потом сами были разбиты, мервский царевич вернулся в свой город, абивердский отправился в Астрабад, где правил другой мятежный сын Султан-Хусейна Мухаммед-Хусейн, султан пошел на Астрабад, занял и этот город и провел там 15 дней. В Герате был оставлен начальником эмир Мубариз ад-дин, именно в то время, как уверяет Хондемир[33], находившийся на вершине могущества; от него пришло в Астрабад известие о новом восстании Бади' аз-замана, заставившее султана быстро вернуться на восток, возвратив власть в Астрабаде Мухаммед-Хусейну. Меры для защиты Герата вместе с Мубариз ад-дином принимал и Мир Али-Шир, он же, когда пришла весть о приближении войска султана, отправил послов к Бади' аз-заману и убедил его отказаться от войны с отцом. У султана, однако, оказалось гораздо меньше сил, чем у его сына; посоветовавшись с Мир Али-Широм, султан согласился уступить Бади' аз-заману Балх и область от Аму-Дарьи до Мургаба, причем в хутбе рядом с именем Султан-Хусейна должно было произноситься имя Бади' аз-замана. Даже Хусрау-шах признал верховную власть Бади' аз-замана и согласился ввести его имя в хутбу и в надпись на монетах в Кундузе, Баглане, Термезе, Хисаре, Кабадиане, Хутталяне и Бадахшане[34].

В мухарреме 906 г. (с 28 июля 1500 г.) Султан-Хусейн выступил в поход на Астрабад против вновь восставшего Мухаммед-Хусейна; Герат и на этот раз был поручен Мир Али-Ширу и эмиру Мубариз ад-дину. На этот раз осень и зима прошли для Герата спокойно, но именно в это время происходила решительная борьба за Самарканд с узбеками; Шейбани сначала захватил Самарканд и умертвил владетеля Султан-Али, потом временно должен был уступить город молодому Бабуру и только в 1501 г., уже после смерти Мир Али-Шира, окончательно присоединил Самарканд к своим владениям. Вполне естественно удивление Бабура[35], что такой опытный царь, как Султан-Хусейн, лучше всех других знавший действия Шейбани, не принял участия в этой борьбе и не оказал Бабуру никакой помощи; казалось, что поход на Самарканд был бы естественнее, чем бесцельный поход на

---

[32] Около того же времени, в джумада I 905/декабре 1499 г., Мир Али-Шир написал свой последний труд (*Мухакамат ал-лугатайн*); о Султан-Хусейне в этом труде говорится в таких же восторженных выражениях, как в других.

[33] Бомбейское изд., III[3], 283.

[34] Там же, 286.

[35] *Бабур-наме*, изд. Бевериджа, л. 88.

Астрабад, скоро кончившийся примирением; Белен называет этот поход «военной прогулкой» [36]. От Бади' аз-замана тоже не пришло никакой помощи. О Мир Али-Шире Бабур только говорит, что получил от него в Самарканде письмо и сам написал ему, потом послал еще турецкое стихотворение, на которое уже не успел получить ответ [37].

В понедельник 28 декабря [38] пришло известие о возвращении султана; встретить его и его войско, как часто бывало и прежде, поехал Мир Али-Шир, но на этот раз встреча имела для него роковые последствия. Оба, султан и его приближенный, тогда уже дошли до полной дряхлости, хотя Мир Али-Ширу было всего 60 лет, султану 62; сравнительно с султаном Мир Али-Шир мог считаться более крепким: он мог садиться на коня, тогда как султан передвигался только на носилках. В четверг 31 декабря произошла встреча; когда Мир Али-Шир сошел с коня, чтобы подойти к носилкам султана, он не мог идти один и опирался на плечи двух спутников. Он мог подойти и поцеловать руку султана, но тут же присел и не мог ни встать, ни ответить на слова государя. Приблизительно в таком же виде это происшествие стало известным Бабуру, по словам которого Мир Али-Шир мог поздороваться с султаном, но не мог встать [39]. Его положили на носилки; между врачами произошел спор, в который вмешался и молодой тогда историк Хондемир, находившийся при Мир Али-Шире в последние дни его жизни. Одни хотели оставить больного на месте и только после выздоровления везти его в Герат (такого мнения, по-видимому, был и Хондемир), другие, в том числе и первый медицинский авторитет, Абд ал-Хай Туни (Хондемир здесь несколько презрительно говорит о нем, что он «тоже имел притязания на медицинские познания») [40], настаивали на том, чтобы отправиться в Герат немедленно и там созвать врачей на консилиум. Остановились на втором решении, но по дороге больному стало хуже, по настоянию Хондемира было решено принять меры немедленно, но, пока пришло разрешение от султана, успели пройти еще три фарсаха, и «случай был упущен»; попробовали пустить кровь, но безуспешно, и в воскресенье 3 января 1501 г. последовала смерть.

Похороны [41] были совершены с большой торжественностью. В них приняли участие государь и (с другими женами его) царица Хадиджа-бики, та самая, которую называли виновницей несчастного события в царской семье, так резко осуждавшегося Мир Али-Широм. Султан провел три дня в трауре в доме покойного; для погребения было избрано

---

[36] Belin, *Notice*, p. 211.

[37] *Бабур-наме*, изд. Беверидж, л. 86б и сл.

[38] 5 джумада II (Хондемир, бомбейское изд., III 3, 288).

[39] *Бабур-наме*, изд. Беверидж, л. 171б.

[40] كه او نيز دم از طبابت ميزد.

[41] О них Хондемир, бомбейское изд., III 3, 289; Belin, *Notice*, p. 215 sq.

место к северу от построенной Мир Али-Широм соборной мечети; торжественные поминки состоялись на седьмой день к северу от гератского намазгаха, в месте Хауз-и Махиян ('Рыбий бассейн'); вероятно, имеется в виду тот же «Рыбий источник» (Чешме-и Махиян), где были обитель и могила Хайдера. Поминки представляли картину невиданного стечения народа. Для султана был устроен шатер с семью ступенями, куда потом были подозваны многие из присутствовавших (конечно, более знатные), и султан обратился к ним с ласковыми словами, уговаривая их терпеливо переносить общую утрату. Белен [42] представляет себе это в виде торжественно произнесенной султаном речи; более вероятно, что имеется в виду обращение «с милостивыми словами» к отдельным лицам.

Историческое значение Мир Али-Шира, помимо его собственной литературной деятельности [43], заключается в его постройках (вопрос о том, представляют ли они, как целое, какие-нибудь особенности, например сравнительно с постройками эпохи Шахруха, кажется, специалистами еще не ставился) и в особенности в его меценатстве. В этом отношении не может быть сомнения в заслугах вельможи, с именем которого связаны имена историков Мирхонда (умер в 1498 г. в возрасте 66 лет; Мир Али-Шир сам говорит [44], что Мирхонд приступил к своему большому историческому труду по его просьбе) и Хондемира (родился около 1475 г., умер в 941 г. х., т. е. в 1534 или 1535 г.), художника Бехзада и многих других. Разумеется, не всякая просьба встречала отклик со стороны мецената, не всем удавалось до конца сохранить его расположение. Броун в предисловии к своему изданию антологии Даулетшаха приводит характерные слова автора о той нужде, которую ему приходилось терпеть, и столь же характерные слова о Даулетшахе Мир Али-Шира, которому Даулетшах, очевидно в надежде приобрести его расположение, посвятил длинную касиду. Мир Али-Шир хвалит Даулетшаха за то, что он, несмотря на свое знатное происхождение (он был племянником некогда полновластного бека Фирузшаха, т. е. двоюродным дядей одного из знатных беков царствования Султан-Хусейна, Абд ал-Халика), довольствуется небольшим доходом и живет в уединении, предаваясь книжным занятиям; тут же говорится о дошедшем до Мир Али-Шира известии о смерти Даулетшаха, как о непроверенном слухе.

Интересы Мир Али-Шира были разносторонни; он занимался, кроме поэзии, музыкой и каллиграфией и в своем сочинении говорит не только о поэтах, но и о художниках. Особое место отводится как у

---

[42] *Notice*, p. 217.

[43] <Общий анализ творчества Навои на фоне литературной жизни эпохи Тимуридов см. Бертельс, *Навои. — Ю. Б.*>

[44] *Маджа̄лис*, рук. ЛГУ, л. 56а: بو فقیر التماسی بیله .

Мир Али-Шира [45], так отчасти у историков каллиграфам, составлявшим надписи для больших построек. Среди мастеров, находившихся на службе у Мир Али-Шира и оставшихся им недовольными, упоминается живописец (*наккаш*) Хаджи-Мухаммед — может быть, тот самый красивый любимец Мир Али-Шира, «ангел в человеческом образе», бывший ему «вместо сына, даже еще дороже» [46]. Он достиг большого совершенства в выделке фигур и в позолоте; некоторое время он занимался приготовлением фарфора и после долгих опытов стал изготовлять сосуды, очень похожие на китайские, хотя все-таки несколько менее чистого цвета. При Мир Али-Шире он был библиотекарем и поставил в библиотеке часы в виде ящика (صندوق), в котором была фигура с палкой в руке, дававшая знать по числу ударов, который час (в два часа раздавалось два удара и т. п.). Недовольный Мир Али-Широм, Хаджи-Мухаммед в 904 г. х. (1498-99 г.; дата, вероятно, не вполне точна, должно быть 905 г.) во время осады Герата Бади' аз-заманом ушел от Мир Али-Шира к царевичу, занял при нем ту же должность библиотекаря и умер в первые годы после узбецкого завоевания [47].

Особенно недоволен Мир Али-Широм был поэт и историк Бенаи [48], которому было суждено погибнуть в 918/1512 г. при взятии города Карши и избиении жителей. Поссорившись с Мир Али-Широм, Бенаи ушел в Ирак к султану Я'кубу, после этого «любовь к родине» (он был уроженцем Герата) привлекла его вновь в Хорасан, где он опять не ужился с Мир Али-Широм и ушел в Самарканд; там его хорошо принял Султан-Али; после крушения владычества Тимуридов в Туркестане он присоединился к узбекам [49]. Мир Али-Шир [50] говорит о Бенаи как о человеке необыкновенно способном и знающем, даже «несравненном во всех науках», но надменном и мнительном; поэтому [51] (sic) он вступил на путь бедности, но не выбрал себе наставника, а предавался этому делу, как ему приходило в голову, и не извлек из него никакой пользы. Не имея возможности остаться в Герате вследствие ссор с жителями, он ушел в Ирак (очевидно, эти слова написаны до возвращения Бенаи в Хорасан), но так как он — способный человек, то есть надежда, что бедствия научат его душевному сокрушению и скромности. К этому надо прибавить, что Бенаи был из людей среднего сословия (اوساط الناس),

[45] Там же, л. 15а о надписи на крепости 'Имад (ср. Бартольд, *Улугбек*, стр. 123; <см. выше, стр. 152>); л. 23б о надписях на каком-то здании Ак-сарай, построенном при Абу Са'иде.

[46] Там же, л. 57б; ср. выше, стр. 225.

[47] Хондемир, бомбейское изд., III [3], 342 и сл.

[48] О нем Самойлович, *Шейбани-намэ*, стр. 0164 и сл. <См. обширное исследование о Бенаи, его жизни и творчестве: Мирзоев, *Биной. О взаимоотношениях Навои и Бенаи* ср. также Болдырев, *Алишер Навои*, стр. 146—147. — *Ю. Б.*>

[49] Хондемир, бомбейское изд., III [3], 343.

[50] *Маджалис*, рук. ЛГУ, л. 34б и сл. (имя Бенаи в рукописи пропущено).

[51] بو جهتدين.

чем, может быть, тоже были склонны объяснять его повышенное самолюбие в сношениях с вельможами. Однако рассказ Бабура[52] о поводе второй размолвки с Мир Али-Широм, когда Бенаи ушел из Герата в Самарканд, заставляет предполагать, что Бенаи только был виновен в резком ответе на едва ли уместную шутку вельможи. Мир Али-Шир однажды играл в шахматы, протянул ногу, случайно коснулся зада Бенаи и заметил (по-персидски!): «Не беда; в Герате, если протянуть ногу, непременно коснешься зада какого-нибудь поэта». Ответ Бенаи (тоже по-персидски) не поддается переводу и, по-видимому, содержит намек на половое извращение у Мир Али-Шира[53].

Когда Шейбани взял Герат, он, очевидно, имел преувеличенное представление о меценатстве хорасанских правителей и вельмож и о богатствах, будто бы накопившихся вследствие этого у поэтов; поэтому Бенаи было поручено добыть у них денег. Стремление Бенаи найти золото у никогда не видавших золота поэтов вызвало по его адресу злой стих, тоже не вполне приличный[54].

Характерен тоже рассказ[55] о столкновении между Мир Али-Широм и ходжей Ала ад-дином Али Сани'и, поэтом и в то же время одним из чиновников Султан-Хусейна. Он считался способным человеком; как чиновника, его называли притеснителем простого народа; вельможи, в том числе Мир Али-Шир, ненавидели его за интриги. Однажды он по адресу Мир Али-Шира произнес персидский стих, в котором видели издевательство: «Завтра, когда на ристалище ударят мечи, станет известной сила руки Али-Шира». Наконец, против Сани'и удалось восстановить султана, и по его приказанию однажды саул сбил с головы Сани'и его высокую чалму; Мир Али-Шир, обратясь к султану, произнес по-персидски стих: «Ношу головы ты облегчил, облегчи тоже ношу шеи». Сани'и подвергся заключению, в котором провел шесть лет и написал много сочинений. В это время он сочинил для Мир Али-Шира газель, начинавшуюся стихом: «То, что никогда не доходит до тебя,— это моя жалоба, то, что никогда не проходит по твоему сердцу,— это воспоминание обо мне». Но Мир Али-Шир остался непреклонен.

Султан-Хусейн и его столица ненадолго пережили Мир Али-Шира. Победу узбеков облегчило безумие царских вельмож, отмечаемое и Бабуром[56], после смерти Султан-Хусейна объявивших царями одновре-

[52] *Бабур-наме,* изд. Бевериджа, л. 180.

[53] <Как отметил А. Н. Болдырев, в ответе Бенаи на самом деле такого намека не содержится, и он буквально гласит: «О господин, если ее подберете, получится то же самое» (см. Болдырев, *Алишер Навои,* стр. 147); ср. у Бабура: بنایی دیر کیم اکر جمع میکنی هم بکون شاعر میرسد.—*Ю. Б.*>

[54] *Бабур-наме,* изд. Бевериджа, л. 206.

[55] У Хондемира, бомбейское изд., III[3], 332.

[56] *Бабур-наме,* изд. Бевериджа, л. 183.

менно двух ненавидевших друг друга царевичей, Бади' аз-замана и Музаффар-Хусейна. В 1507 г. Герат уже был в руках узбеков; в центре тимуридской культуры воцарился «не видавший [света] деревенщина», как называет его Бабур [57].

Известны красноречивые слова Дози [58], по поводу испанских событий XI в., о том, как «сердце разрывается» (le coeur se fend) при виде посрамления утонченной культуры варварами и наглыми выскочками. В наши дни эта чувствительная риторика отжила свой век, и можно говорить более спокойно о гибели того, что, как все в природе и в человеческой жизни, носит в себе самом задатки гибели. Лучшее в человеческой культуре не погибает, а передается следующим поколениям, в том числе и лучшие достижения утонченной городской культуры. Самому Шейбани приписываются слова об истине, которая «яснее солнца и несомненнее вчерашнего дня», что со времени пророка «до наших дней» не было царя более знающего, умного и утонченно-образованного, чем Султан-Хусейн [59]. Эти слова, если они вообще были сказаны, представляют дань уважения не столько к личности Султан-Хусейна, которого Шейбани, вероятно, мало знал, сколько к утонченной культуре созданного им и его сподвижниками Герата, города, которому, по убеждению Бабура, не было равного во всем мире.

---

[57] Там же, 206: روستایی ونادیده کیشی .

[58] *Recherches*, t. I, p. 276.

[59] Васифи, рук. Аз. муз., л. 303а и сл.: خان شیبانی فرمودند که این سخن اظهر من الشمس وابین من الامس است که از زمان حضرت رسالت‌پناهی الی یومنا هذا پادشاهی بفعل ودانش وفراست وطبع کیاست ودقت ولطافت فطرت مثل سلطان حسین بای‌قرا بر تخت داریکه (sic) حشمت وشوکت ننشسته

<В. В. Бартольд неверно истолковал текст Васифи, разорвав синтаксический период и преждевременно поставив точку, а также допустив ошибку в чтении текста. Исправленный текст соответствующего отрывка из Васифи с переводом, а также изложение дальнейшей части речи Шейбани см. Болдырев, *Мемуары Васифи*, стр. 265. По словам А. Н. Болдырева, «рассмотрение всей приводимой Васифи речи Шейбани в действительности показывает, что о каком бы то ни было „уважении Шейбани к личности Султан-Хусейна" говорить не приходится; более того, вся эта речь целиком представляет собой резкое и даже грубое осуждение личности Султан-Хусейна Шейбани-ханом» (там же, стр. 264). — *Ю. Б.*>

СТАТЬИ И РЕЦЕНЗИИ

МУСУЛЬМАНСКИЕ ИЗВЕСТИЯ О ЧИНГИЗИДАХ-ХРИСТИАНАХ[1]

The Tabaqát-i Násiri, of Aboo 'Omar Minháj al-dín 'Othmán, ibn Siráj al-dín al-Jawzjani. Edited by captain W. Nassau-Lees and Mawlawis Khadim Hosain and 'Abd al-Hai, Calcutta, 1864, pp. ٤٥٠—٤٥١. The Ṭabaḳāti-i-Nāṣirī etc. transl. by H. G. Raverty, London, 1881, pp. 1790—1792.— Рук. Аз. музея № 568 <= Шереф ад-дин Йезди>, стр. 137.

Европейские, сирийские и армянские известия о том, что такой-то монгольский хан принял христианство, должны быть принимаемы с большой осторожностью: как известно, миссионеры часто называли христианами тех ханов, которые только покровительствовали христианству. Во всех монгольских владениях происходила борьба между христианами, буддистами и мусульманами, которые наперерыв старались привлечь ханов на свою сторону; но вражда между христианами и буддистами была гораздо слабее их общей ненависти к исламу, борьбу с которым они часто вели соединенными силами. Первые ханы, оставаясь шаманистами, сохраняли нейтралитет в этой борьбе и вмешивались в нее только тогда, когда она слишком резко нарушала общественное спокойствие; только некоторые из них, подчиняясь влиянию своих христианских и буддийских советников, издавали распоряжения, направленные против мусульман. О каждом монгольском хане, который обнаруживал вражду к мусульманам, существует какое-нибудь известие, что он был христианином (Чагатай, Гуюк, Хубилай, Байду); мы находим подобные известия даже о тех ханах, которые одинаково покровительствовали всем религиям (Мункэ). Если мусульманский писатель говорит о каком-нибудь хане, что он был христианином, то подобное известие, конечно, заслуживает большего доверия, хотя и на него нельзя полагаться безусловно, так как оно могло быть заимствовано из христианских источников. Нам удалось найти два таких известия, которые, насколько нам известно, еще никем не были приведены.

В 657/1258-59 г. сейид Ашраф ад-дин из Самарканда приехал в Дели для торговли; здесь его видел историк ал-Джузджани, автор книги «Насировы таблицы». Сейид рассказал нашему историку, между прочим, следующее происшествие.

---

[1] <Дополнения — в статье *К вопросу о Чингизидах-христианах*, см. ниже, стр. 417—418. — *Ю. Б.*>

После смерти Батыя ему наследовал его сын Сартак, гонитель мусульман. Вступив на престол, он должен был отправиться на поклонение к великому хану Мункэ; на обратном пути он проехал мимо орды Беркая и повернул в сторону, не повидавшись с дядей. Беркай послал спросить его о причине такого оскорбления; Сартак ответил: «Ты — мусульманин, а я исповедую христианскую веру (من دین ترسائی دارم); видеть лицо мусульманина есть несчастие». Беркай заперся в своей палатке, положил себе веревку на шею и трое суток провел в плаче и молитве: «Боже, если вера Мухаммеда согласна с истиной, отомсти за меня Сартаку!» На четвертый день после этого Сартак умер.

Приведенный нами рассказ принадлежит мусульманину, современнику события; из его содержания видно, что он не мог быть придуман христианами. Известие о том, что Сартак был христианином, мы находим также у некоторых христианских писателей; по Абу-л-Фараджу, он даже был посвящен в диаконы. Слухи о крещении Сартака побудили Людовика IX отправить к монголам Рубрука (1253 г.), который был принят Сартаком и уехал от него с убеждением, что этот хан был хотя и покровителем христиан, но не христианином; между прочим, Рубрук приводит слова его секретаря Кояка: «Не смейте говорить, что наш хан — христианин; он не христианин, а монгол». Но сам Рубрук говорит в другом месте, что Кояк был несторианином; итак, его слова показывают только, что в Средней Азии христиане не называли себя этим именем, которое не перешло в восточные языки и не встречается ни в семиреченских надписях, ни в сиро-китайском памятнике. Впрочем, Рубрук был при дворе Сартака еще до смерти Батыя; может быть, Сартак окончательно принял христианство уже после того, как сделался главой кипчакского улуса.

Другое известие принадлежит Шереф ад-дину, который во введении (*Муқаддама*) к истории Тимура вкратце излагает историю монголов; это введение, далеко не лишенное интереса, не вошло ни в перевод Петиса де ля Круа, ни в калькуттское издание 1887—1888 гг. Говоря о царствовании пятого великого хана Тэмура, или Улджэйту (1294—1307), Шереф ад-дин замечает, что его племянник Кашлы, сын Берласа, был христианином (بر دین نصاری بود). Это известие менее достоверно, чем предыдущее, так как не принадлежит современнику и могло быть заимствовано от христиан; но во всяком случае оно заслуживает внимания. Из писем Монте-Корвино мы можем заключить, что положение христиан в царствование Тэмура было довольно благоприятно.

О ХРИСТИАНСТВЕ В ТУРКЕСТАНЕ В ДОМОНГОЛЬСКИЙ ПЕРИОД

(По поводу семиреченских надписей)

I

Из несторианских надписей, открытых в 1886 г. в Семиреченской области, 206 теперь разобраны и исследованы в лингвистическом отношении проф. Д. А. Хвольсоном и академиком В. В. Радловым [1]; к этому труду приложена статья проф. Хвольсона о распространении несторианства в Средней Азии, где собрано приблизительно все, что было сделано в этой области европейскими учеными. Но исследования европейских ученых далеко не исчерпывают того материала, который мы находим у восточных писателей. Мы имеем несколько специальных монографий о среднеазиатских христианах; но все они принадлежат или богословам, или синологам и касаются больше Восточной Азии; мусульманские известия еще никем не были собраны и, за исключением слов Рашид ад-дина о кераитах [2], приводились очень редко. Ввиду этого нам показалось нелишним собрать эти сведения и сопоставить их с известиями о других культурных элементах, проникавших в те же страны [3].

Древнейшие известия о Семиреченской области мы находим у китайцев. Первое китайское посольство в Западный Туркестан относится к 140 г. до н. э. [4]; с тех пор сношения китайцев с туркестанскими наро-

---

[1] Chwolson, *Grabinschriften.* <Ср. Nöldeke, ZDMG, Bd XLIV, S. 520—528.> См. еще: Chwolson, *Grabinschriften,* N. F.; <его же, *Надписи*>. Ср. также статьи С. С. Слуцкого (*Надписи; К семиреченским надписям*) и Ф. Е. Корша (*О турецком языке семиреченских надписей*). <Об изучении древнетюркских несторианских надписей см. Малов, *Древнетюркская письменность Монголии,* стр. 75—86. — *С. К.*>

[2] Кераиты жили в Монголии к востоку от Орхона; о принятии ими христианства см. ниже. Слова Рашид ад-дина о кераитах первый привел Saint-Martin (*Mémoires,* t. II, p. 280), и с тех пор они часто цитировались.

[3] <Из более новых работ по истории распространения христианства (особенно несторианства) в Средней Азии см.: Nau, *L'expansion;* Mingana, *The early spread of Christianity;* Кляшторный, *Суджинская надпись,* стр. 168—169. О других религиях ср. ниже, стр. 272, прим. 53. — *Ю. Б.*>

[4] <Как отметил в рецензии на эту статью Э. Шаванн (RHR, vol. XLV, p. 123), Чжан Цянь, которого здесь имеет в виду В. В. Бартольд, отправился на запад в 138 г. до н. э., затем был в плену у хуннов, попал в Среднюю Азию, очевидно, в 128 г. и вернулся в Китай в 126 г. до н. э. — *Ю. Б.*>

дами продолжались до половины II в. н. э., когда были прерваны на целых три столетия. Семиречье в то время было населено кочевым народом усунь; из китайских известий об усунях можно заключить, что они по степени культурного развития не отличались от прочих кочевников-шаманистов. Их страна была богата пастбищами и хвойными лесами, но слишком дождлива и холодна[5]. Главный торговый путь из Восточного Туркестана в Западный проходил через Кашгар и Фергану[6], так что Семиречье пока оставалось в стороне от движения культуры[7].

Сношения китайцев с «западным краем», прекратившиеся в половине II в. н. э., возобновились только в V в. Перемены, происшедшие в стране за это время, были довольно значительны; по «Истории Северных Дворов», западные владения в этот период «взаимно поглощали друг друга, и события, случившиеся у них, невозможно ясно представить»[8].

Китайские историки VI—X вв. сообщают гораздо больше сведений о культуре среднеазиатских народов, чем их предшественники. Мы находим теперь два культурных центра, один в Трансоксании, другой в Уйгурии[9], которые сохранили свое значение до конца средних веков.

---

[5] Бичурин, *Собрание сведений,* III, 64. Место заимствовано из «Истории старших Хань» (*Цянь-хань-шу*) и гласит дословно (по переводу Бичурина): «Земли ровные и травянистые; страна слишком дождливая и холодная. На горах много хвойного леса. Усуньцы не занимаются ни земледелием, ни садоводством, а со скотом перекочевывают с места на место, смотря по приволью в траве и воде. В обыкновениях сходствуют с хуннами. В их владении много лошадей, и богатые содержат их от 4000 до 5000 голов. Народ суров, алчен, вероломен, вообще склонен к хищничеству». Позднейший комментатор <Янь>Ши-гу (VII в.) прибавляет к этому: «Усуньцы обликом весьма отличны от других иностранцев Западного края. Ныне тюрки с голубыми глазами и рыжими бородами, похожие на обезьян, суть потомки их». Иначе во французском переводе Вивьен де С.-Мартена (*Les Huns Blancs,* p. 32): «Ils avaient les yeux bleus (ou verdâtres), la barbe rousse, et assemblaient à des singes, dont ils tiraient leur origine». Немецкий перевод Ф. Хирта (*Ueber Wolga-Hunnen,* S. 276) совпадает с переводом Бичурина.

[6] Бичурин, *Собрание сведений,* III, 63 (из *Цянь-хань-шу*): «Через Сулэ (Кашгар) лежит большая дорога на запад в Давань, Кангюй и Большой Юечжи».

[7] Усуни в последний раз упоминаются в V в. Остатки их Григорьев (*Саки,* стр. 148) видит в киргизском <казахском. — *Ю. Б.*> роде уйсунь, живущем в Джунгарии, один отдел которого, сары-уйсунь, считает себя остатками некогда большого сильного народа. Григорьев взял это известие из статьи Валиханова *Очерки Джунгарии,* стр. 195. В том же (VIII) томе ЗВОРАО Петровский (*К статье «О христианстве в Туркестане»,* стр. 150) обращает внимание на то, что три киргизские орды еще и теперь носят названия алчин, аргын и усунь. Радлов (*Кутадгу билик,* изд. Радлова, I, стр. LVIII, LXXXII) считает усуней «западнотюркским племенем»; ср. также взгляды Аристова, изложенные в MSOS, Jg. I, Abt. II, 1898, S. 200; <см. Аристов, *Этнический состав,* стр. 17, 23—26>, и противоположную точку зрения Паркера (*A thousand years,* p. 254). <Подробнее об усунях см. наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 26—30, 513—514. — *Ю. Б.*>

[8] Бичурин, *Собрание сведений,* III, 137.

[9] Там же, 149—158 и 181—189.

В Семиречье, как мы увидим дальше, трансоксанская культура распространилась гораздо раньше, чем уйгурская. В культурном отношении любопытно известие о кочевом народе юебань, жившем к северо-западу от усуней. По-видимому, это были тюрки, так как китайцы называют их потомками хуннов и говорят, что их обычаи и язык были одинаковы с гаогюйскими (уйгурскими); но они отличались от прочих кочевников опрятностью и мылись три раза в день [10].

В VII в. впервые упоминается путь из Западного Туркестана в Восточный через Семиречье, хотя прежний путь через Фергану и Кашгар был короче и удобнее. Перемену торгового пути можно объяснить различными причинами. Во-первых, Семиречье находилось на пути к местопребыванию тюркских ханов (около Алтая), господство которых простиралось на всю Среднюю Азию и на часть Восточной Европы; ставки подобных кочевых владетелей всегда делались важными торговыми пунктами. После 581 г. империя тюрков распалась на две половины; ханы западных тюрков преимущественно жили в прежних усуньских владениях [11]; это еще более должно было привлекать купцов в Семиречье. Наконец, здесь могли оказать влияние смуты, происходившие в Фергане в VII в. и, по словам Сюань Цзана (648 г.), продолжавшиеся несколько десятилетий [12]. Проложение новых торговых путей не могло не иметь влияния на распространение оседлости и цивилизации.

Наиболее достоверные известия о культуре в Западном Туркестане принадлежат Сюань Цзану, который около 629 г. [13] был в этих местах. Из Аксу он с большим трудом переехал через Тянь-Шань (очевидно, через проход Бедель) [14]; проехав вдоль южного берега озера Иссык-Куль, он прибыл к реке Суй-е (Чу); здесь находился город [15], в котором собирались купцы различных стран. К западу от него было несколько отдельно лежащих городов, из которых каждый имел особого, независимого от других начальника; но все начальники подчинялись тюркам. От города на реке Чу до царства Гешуанна [16] страна называ-

[10] Там же, 163. Ср. то же место в кратком изложении: *Кутадгу билик*, изд. Радлова, I, стр. LXI, а также Hirth, *Ueber Volga-Hunnen*, S. 274. Туземная форма названия, транскрибированного китайцами как *юебань*, до сих пор неизвестна.

[11] Бичурин, *Собрание сведений*, I, 341; Parker, *A thousand years*, p. 235.

[12] Сюань Цзан, пер. Жюльена, I, 17.

[13] В русском издании <этой статьи> ошибочно приведена дата 648 — дата составления путевых записок. Путешествие Сюань Цзана продолжалось 16 лет (629—645), из которых бо́льшую часть он провел в Индии. См. *Жизнеописание Сюань Цзана*, пер. Жюльена, стр. VIII.

[14] Этот проход уже в то время носил то же название (у китайцев «гора Бада» <Бода>); Депинь (*Histoire générale des Huns*, t. I, pt 2, p. LXV) приводит слова китайских географов начала династии Хань.

[15] Туземное название этого города было Суяб (ср. ниже).

[16] <Совр. транскрипция — Цзешуанна.>

лась Сули; жители носили то же самое название, которое прилагалось также к их письменам и языку; алфавит состоял из 32 знаков [17]. У них были исторические сочинения, и они объясняли книги друг другу; книги читались сверху вниз. О наружности жителей говорится только, что они были высокого роста; их одежда состояла из хлопчатой бумаги, шерсти и кожи; большею частью они соединяли волосы и оставляли макушку открытой; иногда совершенно брили голову и закрывали лоб куском шелка. Они отличались слабостью характера, склонностью ко лжи, коварству, жадности и к всяким плутням. Более богатые из них пользовались бóльшим почетом, но по внешности богатые не отличались от бедных. Половина жителей занималась земледелием, другая половина — торговлей [18].

Царство Гешуанна (у мусульман Саганиан, у китайцев иногда просто Шы) [19] находилось к югу от Самарканда [20]. Таким образом, рассказ Сюань Цзана заставляет предполагать культурное единство страны между Аму-Дарьей и Чу. Центром этой культуры, по всей вероятности, был Самарканд; по словам Сюань Цзана, жители Самарканда относительно правил нравственности и приличия служили образцом для соседей [21]. Из слов китайских историков видно также, что Самарканд пользовался наибольшим политическим значением [22].

Маршрут Сюань Цзана, вероятно, тождествен с тем, который приводится в «Истории династии Тан» [23]:

От озера Иссык-Куль на запад в 40 ли город Дун.

---

[17] <Так по пер. Жюльена (I, 13). В пер. Била (I, 27) — «30 или около того»; по Ю. А. Зуеву (*Китайские известия,* стр. 91), — «больше 30». По словам Э. Шаванна (RHR, vol. XLV, p. 124), в китайском тексте говорится: «более 20 букв». Согласно Т. Уоттерсу (*On Yuan Chwang's travels,* vol. I, p. 71), в трех изданиях китайского текста говорится: «только 20» и в одном издании — «30». — *Ю.Б.*>

[18] Сюань Цзан, пер. Жюльена, I, 12—13.

[19] Бичурин, *Собрание сведений,* III, 246—247; Tomaschek, *Sogdiana,* S. 119.

[20] Сюань Цзан, пер. Жюльена, II, 283 — эта область отождествляется со средневековым Кешем, нынешним Гиссаром. Это неверное определение исправлено уже Петровским (*К статье «О христианстве в Туркестане»,* стр. 150). Как известно, Кеш соответствует нынешнему Шахрисябзу, а не Гиссару. О Саганиане, или Чаганиане, ср. Tomaschek, *Sogdiana,* S. 38; о Гешуанна, или Кеше (старая форма — Кисс), еще Marquart, *Die Chronologie,* S. 56—57.

[21] Сюань Цзан, пер. Жюльена, I, 19.

[22] Бичурин, *Собрание сведений,* III, 182. Текст (из «Истории Северных Дворов»): «Кан считается сильным государством. Ему покорилась большая часть владений в Западном крае, как-то: Ми, Шы, Цао, Хэ, Малый Ань, Нашебо, Унахэ, Му». Об этих областях см. Marquart, *Die Chronologie,* S. 58—64.

[23] Далее изложено точно по: Deguignes, *Histoire générale des Huns,* t. I, pt. 2, p. LXVI. Ср. тот же дорожник: Hirth, *Nachworte,* S. 72—73. <Во всех случаях следует учитывать чтения названий и расстояния, данные Хиртом; у Дегиня (и, соответственно, в русском издании этой работы Бартольда) были неточности и ошибки. — *Ю. Б.*>

Оттуда в 110[24] ли город Холе[25].
„ „ 30 „ „ Ечжи[26].
Пройдя долину, достигаешь устья реки Суйшэ-чуань[27].
Оттуда в 80 ли город Фило-цзян-цзюнь[28].
„ „ 20[29] „ „ Суй-е, на запад от предыдущего; к северу от него протекает речка Суй-е-шуй[30]. К северу от реки, на расстоянии 40 ли, находится гора Цзедань, местопребывание тюркских хаканов[31].
От Суй-е на запад в 10[32] ли город Миго[33].
Оттуда „ 30 „ „ Синь.
„ „ 60 „ „ Дуньцзянь.
„ „ 50 „ „ Осуболай[34].
„ „ 70 „ „ Цзюйлань.
„ „ 10 „ „ Доцзянь[35].
„ „ 50 „ „ Далосе[36] (Талас, или Тараз).

Мы еще будем иметь случай возвратиться к этому маршруту.

Китайские историки называют жителей Трансоксании буддистами[37]; но китайские известия о религиях разных народов вообще заслуживают мало доверия; в них иногда смешиваются такие религии, между которыми нет никакого сходства[38]. О буддизме в Трансоксании мы имеем и другие известия. По словам ан-Недима, буддисты здесь были предшественниками манихеев[39]; в другом месте *Фихриста* сказано: «Этой веры (буддийской) придерживалось большинство жителей Мавераннахра до ислама и в древности» (قبل الاسلام و فى القديم)[40].

---

[24] По Хирту — 130.

[25] <Совр. транскрипция — Хэле.>

[26] <Так в немецком переводе (по Хирту); в русском издании было «Шэ-чжи». Ср. след. прим. — *Ю. Б.*>

[27] По Хирту, выходишь «из ущелья к устью долины Суй-е». <*Е* и *шэ* — два чтения одного и того же иероглифа, однако для танского периода должно быть *е* (древнее чтение ǰär; см. Karlgren, *Phonologie*, p. 859). — *Ю. Б.*>

[28] По Хирту — «город генерала Пэй-ло, местоположение которого, должно быть соответствовало местности у нынешнего Токмака».

[29] По Хирту — 40.

[30] <Так в немецком переводе (по Хирту); в русском изд. было Суй-шэ и Суй-шэ-шуй. — *Ю. Б.*>

[31] По Хирту — «место, в котором обычно провозглашают вождем хакана десяти племен».

[32] По Хирту — 40.

[33] По Хирту — «город страны Ми».

[34] <Ашибулай.>

[35] По Хирту — Шуйцзянь.

[36] <Далосы.>

[37] Бичурин, *Собрание сведений*, III, 183: «Поклоняются Будде» (о жителях страны Кан, из «Истории Северных Дворов»).

[38] Bretschneider, *Researches*, vol. II, p. 294.

[39] Flügel, *Mani*, S. 105.

[40] *Фихрист*, I, 345,14.

Едва ли мы из этих слов должны заключить, что буддизм был господствующей религией в Трансоксании непосредственно до мусульманского завоевания. Сюань Цзан подробно останавливается на буддийских ступах, монастырях и т. п. во всех странах, по которым он проезжал; о буддизме в Трансоксании он не говорит ни слова, кроме областей, непосредственно прилегавших к Аму-Дарье. В китайской биографии Сюань Цзана [41] прямо говорится, что в Самарканде царь и народ совсем не верили в учение Будды и что их религия состояла в поклонении огню. Было еще два буддийских монастыря, но они стояли совершенно пустыми; когда чужие отшельники искали в них убежища, то туземцы прогоняли их горящими головнями. Сюань Цзану удалось восстановить здесь буддизм; сам царь принял его сторону; оба монастыря снова наполнились отшельниками; но едва ли его кратковременная деятельность могла оставить какие-нибудь прочные следы. Из его описания видно, что в Восточном Туркестане были распространены индийские письмена, в Западном — какой-то другой алфавит. Китайские историки говорят о распространении индийских письмен в Восточном Туркестане и в Афганистане, а для обозначения трансоксанских и уйгурских письмен употребляют особый термин (*ху-шу* 'варварские письмена').

О трансоксанских письменах мы имеем известие ан-Недима, по словам которого жители Мавераннахра и Самарканда употребляли манихейские письмена в своих книгах [42]. Подвергаясь одинаковым гонениям в Персии и в Римской империи, последователи различных дуалистических сект уже в III в. начали выселяться в Трансоксанию. Из них манихеи были многочисленнее других; строго определенная организация также давала им большой перевес; благодаря всему этому они достигли господствующего положения. Что касается других дуалистов, то дейсаниты были распространены до Хорасана и Китая, но жили рассеянно и не имели храмов [43]; маздакиты, по словам Шахристани [44], поселились в Самарканде, Шаше и Илаке. Очень вероятно, что они были первыми распространителями культуры в стране между Сыр-Дарьей и Чу и что они потом [45], будучи гораздо малочисленнее манихеев, подчинились их влиянию. Аналогичный пример мы находим в мусульманский период: во владениях Саманидов господствующим толком был ханифизм; но северные окраины государства были населе-

---

[41] *Жизнеописание Сюань Цзана,* пер. Жюльена, 59—60.

[42] Flügel, *Mani,* S. 166—167. <В русском изд. было: «...употребляли манихейские письмена в своих духовных книгах, и потому это письмо называлось письмом религии (قلم دين)». — *Ю. Б.*>

[43] Ibid., S. 161—162.

[44] Пер. Хаарбрюкера, I, 293.

[45] <В немецком переводе — «также» (ebenfalls). — *Ю. Б.*>

ны шафиитами [46], которые, по-видимому, были первыми распространителями ислама среди соседних тюрков; это не помешало ханифизму приобрести господство среди тюркских народов. Впрочем, маздакитские идеи, как мы увидим дальше, имели довольно сильное и продолжительное влияние на население Трансоксании.

В IV в. начинается массовое движение христиан на восток (отдельные миссионеры, вероятно, проникали туда и раньше); в 334 г. мы видим христианского епископа в Мерве. Но движение христиан было гораздо менее значительно, чем движение дуалистов: гонения на христиан со стороны персидских царей начались только тогда, когда христианство уже сделалось господствующей религией в Римской империи, так что христиане Западной Персии (где их, конечно, было гораздо больше, чем на восточных окраинах) легко могли спасаться в римские владения. Кроме того, распространение ересей, как везде, преследовалось гораздо строже, чем иноверческая пропаганда. Буддисты, христиане и марциониты нашли убежище в Хорасане [47]; дейсаниты, манихеи и маздакиты должны были выселиться за пределы империи Сасанидов. Сюань Цзан говорит, что трансоксанские письмена назывались *сули*; по всей вероятности, имеется в виду сирийское письмо (*шури*) [48]. Как известно, последователи каждой из распространенных в Персии религий имели свой собственный алфавит, но прототипом или основой всех этих алфавитов был сирийский. Из арабских источников мы знаем, что священные книги манихеев были написаны большею частью на сирийском языке [49]. Число букв, указанное Сюань Цзаном, также подходит скорее к манихеям, чем к христианам. Алфавит христианских сирийцев, как известно, заключает в себе 22 буквы; только грамматик Илья тирганский насчитывает 30 (прибавляя шесть придыхательных и греческие γ и π) [50]. Манихейский алфавит был богаче; в нем, по словам ан-Недима, было больше букв, чем в арабском [51], т. е. более 28. Мы не имеем ни одного известия о распространении христианства в Трансоксании в эпоху Сасанидов, которое могло

---

[46] Макдиси, 323.

[47] О буддистах см. Розен, ЗВОРАО, т. III, стр. 161. Ср. Бируни, *Индия*, изд. Захау, 10—11; пер. Захау, I, 21; там, в частности, сказано, что буддисты должны были уйти в местность «к востоку от Балха». О марционитах Flügel, *Mani*, S. 160.

[48] Сходство этого слова с названием кашгарских Сулэ, на которое указывает между прочим Gutschmid (*Kleine Schriften*, Bd III, S. 280), едва ли не случайно; также сходство с Sūrīk (שוריק и سوريک) Бундехеша (Tomaschek, *Sogdiana*, S. 13). Ср. точку зрения Маркварта (*Die Chronologie*, S. 56) о Сулик = Согд и возражение Бартольда (*Die alttürkischen Inschriften*, S. 22, Anm. 1).

[49] Самому Мани приписывали 7 больших сочинений, из них 6 сирийских и одно персидское (Flügel, *Mani*, S. 102).

[50] Nestle, *Syrische Grammatik*, S. 2.

[51] Flügel, *Mani*, S. 166—167.

бы служить основой исторического исследования [52]; существует только догадка (о ней будет речь дальше), по которой христиане уже в VI в. имели епископа в Самарканде [53].

II

В VIII в. постоянные войны между различными тюркскими племенами уничтожили всякую безопасность в стране; по словам китайцев, земледельцы, принадлежавшие к городу Таласу, «ходили в латах и захватывали друг друга в неволю» [54]. В начале VIII в. арабы, благодаря завоеваниям Кутейбы, прочно утвердились в Трансоксании, хотя окончательное завоевание страны произошло гораздо позже, при халифе Му'тасиме (833—842) [55]. Битва при реке Таласе (в июле 751 г.) положила конец китайскому влиянию в Западном Туркестане [56]; в следующее десятилетие тюрки-карлуки (у китайцев гэлолу, у арабов خرلخ, خرلخية) подчинили себе Семиречье и восточную часть Сыр-Дарьинской области [57].

[52] В изданном Guidi *(Ostsyrische Bischöfe)* списке несторианских епископов, участвовавших в синодах 410—677 гг., мы не находим трансоксанских епархий. Под 577 г. упоминается епископ города ̣ (так в мосульской рукописи); Guidi предполагает, что это — Самарканд; но в римской рукописи стоит ̣. Любопытно известие (под 553 г.) о епископе из , вероятно позднейшего Мерверруда (теперь Меручак на Мургабе; <вскоре после опубликования немецкого перевода этой статьи В. В. Бартольд пришел к выводу, что Мерверруд находился не на месте Меручака, а на месте совр. Бала-Мургаба; см. Бартольд, *Мерверруд.* — *Ю. Б.*>). Других известий об этой епархии мы не имеем.

[53] <О распространении буддизма, христианства и манихейства в Средней Азии до арабского завоевания см. Беленицкий, *Вопросы идеологии и культов Согда,* стр. 36—52. О манихействе см. последнюю работу: Klima, *Manis Zeit und Leben.* Об алфавитах, распространенных в Средней Азии до VIII—X вв., см.: Оранский, *Введение,* стр. 154—163; Gabain, *Alttürkische Grammatik,* S. 9—41. — *С. К.*>

[54] Бичурин, *Собрание сведений,* III, 245. Ср. теперь немецкий перевод: Hirth, *Nachworte,* S. 71.

[55] Балазури, 431.

[56] Об этой битве мы имеем арабские (Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, V, 344; Табари и Балазури не говорят о ней) и китайские (Klaproth, *Tableau historique,* p. 213; ср. теперь также Hirth, *Nachworte,* S. 82) известия. В статье Карабачека (*Das arabische Papier,* S. 113) по ошибке указан 755 г. <Как отметил Э. Шаванн (RHR, vol. XLV, p. 124), на самом деле у Карабачека указана верная дата — июль 751 г. — *Ю. Б.*>

[57] Бичурин, *Собрание сведений,* I, 372; Marquart, *Die Chronologie,* S. 25. Странно, что у Ибн ал-Асира (изд. Торнберга, V, 152) карлуки уже в 119 г. х. (737 г.) являются около Тохаристана. То же известие имеется уже у Табари, II, 1612; это была, вероятно, особая ветвь карлуков (ср. Barthold, *Die alttürkischen Inschriften,* S. 27). Около тех же мест, но к северу от Аму-Дарьи, Сюань Цзан (пер. Жюльена, I, 26) упоминает тюрков си-су (Hi-su) или хо-су; Томашек (*Sogdiana,* S. 40) высказывает предположение, что это гузы.

Торговые сношения арабов со среднеазиатскими народами начались уже в VIII в.; кроме прежнего пути в Китай мы находим теперь еще новый торговый путь, о котором прежде не упоминалось. По китайским известиям, арабские купцы раз в три года отправляли караваны с шелком из Кучи на верховья Енисея, в столицу киргизов; тем же путем пользовались тибетцы. По дороге купцы останавливались в земле карлуков и получали от них конвой для защиты от нападений уйгуров [58]. Торговыми путями, по всей вероятности, пользовались также миссионеры различных религий.

Дуалистические учения довольно прочно держались в Трансоксании, и восстания дуалистов могли быть подавлены только с большим трудом. Предводители восстаний призывали на помощь соседних тюрков; иногда они с этой целью сами отправлялись к кочевникам и распространяли среди них свое учение [59]. Восстание Муканна' — последнее крупное движение дуалистов — было подавлено около 780 г.; его учение, по-видимому, имело маздакитский характер, так как женщины считались общими. После смерти Муканна' его секта продолжала существовать; последователи ее называли себя мусульманами, но не признавали ни намаза, ни омовений, ни поста; женщины по-прежнему были доступны каждому [60]. По словам Макдиси, они носили белую одежду и по своим религиозным верованиям приближались к *зиндикам* [61]. Еще во время Ахмеда ибн Мухаммеда, переводчика Нершахи (перевод был сделан в 522/1128 г.), эта секта была распространена в области Кеша и Нахшеба, также в некоторых бухарских деревнях [62]. Возможно, что влиянием маздакитских идей следует объяснять некоторые обычаи, замеченные новейшими путешественниками в северной

---

[58] Здесь говорится о северной отрасли этого народа, жившей на Орхоне и оттуда распространившей свои владения далеко на запад. О торговых сношениях см.: Бичурин, *Собрание сведений*, I, 449; Klaproth, *Tableau historique*, p. 172; Parker, *A thousand years*, p. 259.

[59] *Фихрист*, I, 345; Бируни, *Āṯār ал-бāḳийа*, изд. Захау, 210—211; пер. Захау, 193—194.

[60] Нершахи, изд. Шефера, 73. <О значении известий об «общности жен» у маздакитов и последователей Муканна' см. наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 217, прим. 31.— *Ю. Б.*>

[61] Макдиси, 323. Мы употребляем форму Макдиси, так как название Иерусалима теперь читается ориенталистами بيت المقدس, а не بيت المقدّس, как прежде. Ср. теперь возражения де Гуе против употребления формы Макдиси: JA, sér. 9, t. XIV, p. 367. В противоположность этому мы можем обратить внимание на то, что в *Китāб ал-ансāб* Сам'ани (рук. Аз. муз., л. 417б) приведена только форма Макдиси, а не Мукаддаси. О различных значениях слова زنديق см. статью бар. В. Р. Розена *Два слова*. Здесь обращается внимание на то, что термин زنديق иногда употреблялся и для обозначения буддистов.

[62] Нершахи, изд. Шефера, 73.

части Афганистана и на верховьях Аму-Дарьи. Эльфинстон рассказывает о хезарейцах (народ в Северном Афганистане), что муж, нашедший пару туфель у дверей покоя своей жены, немедленно удаляется [63]; то же самое передает Ахмед ибн Мухаммед [64] о трансоксанских еретиках.

Из сочинения Нершахи мы лучше всего можем видеть, как медленно распространялся ислам в Трансоксании. Особенно ревностными противниками ислама были богатые; бедных привлекало в особенности то, что арабы платили по два дирхема за каждое посещение мечети. Первая соборная мечеть в Бухаре была выстроена Кутейбой в 94/712-13 г.; в 154/771 г. построили вторую, хотя в это время жители большею частью еще были неверными [65]. Господство ислама во всей Трансоксании началось во всяком случае не раньше окончательного покорения страны арабами; а это, как мы видели, произошло только около половины IX в.

О пропаганде ислама в этот период среди тюркских народов мы находим известия только у Якута [66]. Халиф Хишам ибн Абд ал-Мелик (724—743) отправил посла к султану [67] тюрков, приглашая его принять ислам. Посол объяснил султану правила мусульманской веры; султан в его присутствии устроил смотр своему войску и потом сказал переводчику: «Скажи этому послу, чтобы он передал своему господину, что нет среди этих ни цирюльников, ни кузнецов, ни портных; если они сделаются мусульманами и будут следовать предписаниям ислама, то откуда же они добудут себе средства к жизни?» [68].

Уже для этого периода мы имеем мусульманские известия о христианстве в Трансоксании. Ан-Недим приводит слова одного «достоверного свидетеля» (الثقة), по которым жители Согдианы были дуалистами и христианами [69]; так как здесь ничего не говорится о му-

---

[63] Минаев, *Сведения*, стр. 185 (по: Elphinstone, *Account*, vol. II, pp. 202—214).

[64] Нершахи, изд. Шефера, 73.

[65] Там же, 47, 48, 58.

[66] *Му'джам*, I, 839. <В русском изд. было: «...мы находим только одно известие у Якута». — *Ю. Б.*>

[67] <В русском изд. здесь и ниже вместо «султан» было «царь». — *Ю. Б.*>

[68] <Подробнее об этом эпизоде см. Marquart, *Skizzen*, S. 290—291. — *С. К.*>

[69] *Фихрист*, I, 18. Впрочем, суффикс هـا можно отнести также к слову قرنكث. Основание этого города ан-Несефи (*Кандийа*, рук. Аз. муз. aa 574 ag, л. 8 и abb 574 ag, л. 3; в обеих рукописях стоит فرنكت) приписывает самаркандскому царю غورك (издатели Табари приняли чтение غوزك; однако следует читать غورك, как показывает китайская транскрипция *у-ле-цзя*; ср. Marquart, *Die Chronologie*, S. 8, по Томашеку — *Sogdiana*, S. 78), современнику Кутейбы; царь подарил этот город своему брату. Очень возможно, что после завоевания Самарканда арабами аристократы, не желавшие принять ислам, выселились и основали особый город; то же самое произошло в Бухаре (Нершахи, изд. Шефера, 47, 62). Слова ан-Недима, что قرنكث был населен тюрками, указывают на господство тюркской династии в Самарканде — предполо-

сульманах, то это известие, вероятно, относится к первому времени арабского господства. Нершахи[70] рассказывает, что в Бухаре на том месте, где в его время была мечеть арабского племени بنو حنظلة, прежде была христианская церковь (کلیسای ترسایان).

Известия самих несториан об истории своей церкви вообще отличаются противоречивостью и неопределенностью. Основание митрополий в Герате, Самарканде и Китае одни приписывают патриарху Салибзахе (701-02—729-30), другие—Шиле (504), третьи—Ахею (411—415-16)[71]. Юл думал заключить из этого, что Ахей поставил епископа (не митрополита) в Герате, а Шила — в Самарканде, а уже Салибзаха возвел епископов в ранг митрополитов[72]. Между тем из списка восточносирийских епископов, изданного Guidi, видно, что в Герате уже в 430 г. был епископ, в 588 г. — митрополит.

Для распространения христианства среди среднеазиатских народов, не подчиненных арабам, больше всего, по-видимому, было сделано при патриархе Тимофее (780—819). Миссионер Субхальешу, посланный им в прикаспийские области, отправился оттуда в глубь Средней Азии и дошел до Китая. Как известно, в Китае уже с 636 г. была несторианская община, основанная А-ло-бэнем[73]. Если верить сирийцам, патриарх Тимофей получал письма от тюркского хакана и других царей, обращенных им в христианство[74].

Чтобы составить себе мнение о том, каково могло быть культурное значение христианства в Средней Азии, рассмотрим вкратце главнейшие черты сирийской церкви[75].

В конце V в. н. э. Сасаниды покровительствовали несторианам и посредством военной силы содействовали распространению несторианства среди персидских христиан. Преобладание несториан в Персии окончилось вместе с преобладанием яковитов в Византии; император Юстин I (518—527) восстановил постановления халкедонского собора и изгнал яковитов; с тех пор персидские цари не имели причин притеснять их. Перевес в зависимости от различных обстоятельств пере-

---

жение, в пользу которого есть и другие данные. Везде следует читать فرنکت ; подробности о городе см. Barthold, *Die alttürkischen Inschriften,* S. 22. <См. также Бартольд, *Туркестан,* — наст. изд., т. I, стр. 147.>

[70] Изд. Шефера, 62.

[71] Assemani *Bibliotheca orientalis,* t. III, pars 2, p. 426. Относительно хронологии мы следуем указаниям издателей церковной хроники Абу-л-Фараджа (Barhebraei *Chronicon ecclesiasticum*), основанным большею частью на хронике Ильи нисибинского.

[72] Yule, *Cathay,* vol. I, prelim. essay, pp. XC—XCI.

[73] Assemani *Bibliotheca orientalis,* t. III, pars 2, p. 478 sq. <А-ло-бэнь прибыл в Китай не в 636 г., а в 635 г. (см. Chavannes, RHR, vol. XLV, p. 124). — *Ю. Б.*>

[74] Assemani *Bibliotheca orientalis,* t. III, pars 2, p. 482.

[75] <Подробнее см.: Болотов, *Из истории;* Пигулевская, *Византия и Иран,* стр. 234—249; Ortiz de Urbina, *Patrologia.* — *С. К.*>

ходил то на сторону яковитов, то на сторону несториан; в Средней Азии яковитские епископы появляются только со времени патриарха [76] Маруфы (624—649), который назначил епископов в Седжестан и Герат [77]. Последние следы православия в Персии исчезли при Хосрое II [78] (590—628); только после арабского завоевания православные (мелькиты) снова получили доступ в Персию и Среднюю Азию; впоследствии, во время Бируни (ум. в 1048 г.), мы находим православного митрополита в Мерве [79]. Борьба между различными вероисповеданиями продолжалась и в период арабского господства. Арабы большею частью принимали сторону несториан; при несторианском патриархе Сабаръешу III (1062—1072) халифатом было постановлено, чтобы епископы яковитов и мелькитов подчинялись несторианскому католикосу и исполняли его эдикты [80]; но в то же время несториане находились под более строгим контролем правительства, чем другие христиане; с 987 г. католикос (даже вопреки желанию епископов) утверждался и поддерживался халифом [81]. Только в 1142 г. произошло примирение между католикосом Эбедъешу III и мафрианом Дионисием, прекратившее раздоры между несторианами и яковитами [82]; с тех пор главы обеих церквей при каждом случае оказывали друг другу знаки уважения. И в монгольский период несториане терпимостью по отношению к христианским вероисповеданиям резко отличались от католиков [83].

---

[76] <В русском изд. было: «мафриана». — *Ю. Б.*>

[77] Barhebraei *Chronicon ecclesiasticum*, III, 126 sq.; Assemani *Bibliotheca orientalis*, t. II, p. 420.

[78] Barhebraei *Chronicon ecclesiasticum*, I, 266—268.

[79] Бируни, *Āṯār ал-бāḳийа*, изд. Захау, 289; пер. Захау, 283.

[80] Assemani *Bibliotheca orientalis*, t. III, pars 2, p. 100.

[81] Barhebraei *Chronicon ecclesiasticum*, III, 256.

[82] Ibid., 332.

[83] Мосхейм, прилож. № XII, 48. В письме одного монгольского хана французскому королю Людовику Святому, которое содержится, в латинском переводе доминиканца Андреаса де Лонджумелло (там же, 51 и сл.), в сообщении епископа Одо из Тускула папе Иннокентию IV, говорится: «Venimus cum potestate et mandato, ut omnes Christiani sint liberi a servitute et tributo, et angaria, et paedagogiis et consimilibus, et sint in honore et reverentia, et nullus tangat possessiones eorum... Ita praecepit, quod in lege Dei non sit differentia inter Latinum, et Graecum et Armenicum, Nestorinum, Jacobinum, et omnes, qui adorant crucem. Omnes enim sunt unum apud nos». Замечательны также отношения несториан к францисканцу Рубруку, ср. его путевые записки, изд. Мишеля — Райта, 337: «Nestorini occurerunt processionaliter nobis»; 339: «Magna multitudo christianorum hungarorum, alanorum, rutenorum, georgianorum, hermenorum, qui omnes non viderunt sacramentum ex quo fuerunt capti, quia ipsi Nestorini nolebant eos admittere ad ecclesiam suam nisi rebaptizarentur ab eis. Nobis nullam mentionem fecerunt super hoc: immo confitebantur quod Ecclesia Romana esset caput omnium ecclesiarum, et quod ipsi deberent recipere patriarcham a papa, si vie essent aperte». Благодаря покровительству, которое несторианские министры и сам монгольский хан Гуюк (1246—1248) оказывали христианам (очевидно, независимо от вероисповедания), к монгольскому двору стекалось духовенство различных наций. Ср. d'Ohsson,

До сих пор мало обращали внимания на факт, что главными деятелями сирийской культуры были лица персидского происхождения; это частью доказывается их именами, частью прямо засвидетельствовано сирийскими историками. Персами были шесть католикосов: Папа, Шахдост, Маанес, или Магнес, Марабохт, Бабуей (главный защитник православия) и Аба I (замечательнейший из католикосов сасанидского периода); двое последних до принятия христианства были магами. Кроме того, сюда относятся: епископ Фархад или Афраат, один из наиболее значительных сирийских писателей IV в.; Нарзес, основатель нисибинской школы; Филоксен, переводчик святого писания, главный основатель учения сирийских яковитов; философ Павел (VI в.) [84]. Несторианская культура сосредоточивалась главным образом в трех городах: в Нисибине, Джондишапуре и Мерве. В первом находилась богословская школа, основатель которой, как мы видели, носил персидское имя. Джондишапурская медицинская школа имела огромное значение для развития арабской медицины; но, если верить Табари, несториане и этим были обязаны востоку: при Шапуре II (309—379) в Сузы прибыл знаменитый индийский врач; жители переняли его искусство и сделались лучшими врачами в Персии [85]. Мерв, как известно, при Сасанидах был один из культурнейших городов [86].

Развитие сирийской культуры продолжалось и в арабский период; кроме богословов, мы встречаем здесь философов, медиков, юристов, историков и грамматиков. Известно, что несторианские врачи были учителями великих арабских философов-естествоиспытателей и что благодаря переводам сирийцев арабы познакомились с греческой литературой. Несторианские лейб-медики халифов пользовались некоторым политическим влиянием; кроме того, халифы часто назначали христиан на разные второстепенные должности. Но нравственное состояние церкви было крайне плачевно: грубый разврат и циничное корыстолюбие даже среди высших иерархов были обыкновенным явлением.

Histoire de Mongols, t. II, p. 235 и персидский текст Джувейни в моей работе: *Туркестан*, ч. I, стр. III. Все это вполне опровергает слова Монте-Корвино, который обвиняет несториан в безусловной нетерпимости к другим церквам: «Nestoriani quidam Christianitatis titulum praeferentis, sed a Christiana religione plurimum deviantes, tantum invaluerunt in partibus istis, quod non permittant quempiam Christianum alterius ritus habere, quantumlibet parvum oratorium nec aliam quam Nestorianam publicare doctrinam» (Мосхейм, прилож. № XXXXIII, 114 и сл.). Католический автор «Книги о великом хане» объясняет ненависть несториан к Монте-Корвино тем, что он убеждал их присоединиться к римской церкви и говорил, что иначе они не могут спастись (Jacquet, *Le livre du Grant Caan*, p. 69).

[84] Все эти известия взяты из Barhebraei *Chronicon ecclesiasticum*.

[85] Табари, пер. Нёльдеке, 67.

[86] Истахри, 262.

Остается еще сказать несколько слов о несторианском аскетизме, который имел большое значение в жизни среднеазиатских христиан. В V в., по инициативе Барсумы, в несторианской церкви произошло движение против аскетизма; по соборному посланию 485 г. монахи получили право вступать в брак, если не могли сдержать себя; на соборе 499 г. было постановлено, что патриархи и епископы могли жениться один раз, а священникам дано разрешение вступать во второй брак. Последнее право и впоследствии сохранилось за белым духовенством; но относительно монахов и высших иерархических степеней уже в VI в. наступила реакция. На синоде 544 г., при патриархе Абе I (518—552), было запрещено избирать женатых людей епископами или патриархами; в начале того же столетия месопотамский монах Авраам из Кашкара (месопотамского) был послан в Египет и, вернувшись в свое отечество, ввел строгий монастырский устав, по образцу египетского; за это он получил прозвание «отца монахов» [87]. Уже Козьма Индоплаватель упоминает отшельников в Средней Азии [88]. Впоследствии мы находим у несториан значительное развитие аскетизма; по словам Шахристани [89], среди несториан был особый класс «молельщиков», которые отказывались от мясной пищи и всяких плотских наслаждений, надеясь таким образом достигнуть полной чистоты духа, подняться до неба, увидеть бога и узнать все сокровенное.

III

В IX в. возникают мусульманские династии персидского происхождения. Наиболее важна для нас династия Саманидов (874—999), господствовавшая в Хорасане и Трансоксании, временами и в Западной Персии. Их государство управлялось по образцу монархии Сасанидов; персидский язык был даже языком официальных бумаг [90]; но ислам оставался господствующей религией. Дуалистические секты все еще имели значительное число последователей; выше мы привели известия о *зиндиках* среди сельского населения. После падения Сасанидов манихеи частью вернулись в Западную Азию; при халифе Мук-

[87] Assemani *Bibliotheca orientalis*, t. III, pars 2, pp. 872—873.

[88] Ibid., p. 92: «Itemque apud Bactros, Hunnos, reliquos Indos, Persarmenos, Medos, Elamitas, atque in tota Persidis regione Ecclesiae infinitae sunt Episcopi item Christianique populi magno numero, Martyres multi, Monachi et Hesychastae». То же — ibid., p. 872.

[89] Пер. Хаарбрюкера, I, 267.

[90] Макдиси, 335,12—13. В *Та'рӣх-и гузӣде* Хамдаллаха Мустауфи Казвини говорится, что Ахмед ибн Исма'ил (907—914) из благочестия снова велел писать официальные бумаги на арабском языке вместо персидского (Нершахи, изд. Шефера, 101, в главе о Саманидах из *Та'рӣх-и гузӣде*, приложенной Шефером к его изданию).

тадире (908—932) они опять были принуждены удалиться на восток, где подверглись такому же гонению со стороны Саманидов и были спасены только заступничеством тугузгузского[91] хакана. С тех пор местопребыванием главы манихеев сделался Самарканд[92].

О христианстве во владениях Саманидов мы имеем несколько известий; важнее всего известие Ибн Хаукаля[93] о самаркандских христианах. Из окрестностей Самарканда наиболее отличалась своим плодородием и здоровым воздухом гора Савдар[94] на южной стороне города, откуда открывался вид на большую часть Согда. Гора была покрыта пашнями и фруктовыми садами, с искусственным орошением; здесь же были постройки христиан, их кельи и соборное место их общины. Ибн Хаукаль видел там несколько иракских христиан, привлеченных туда прекрасным климатом и плодородием местности. Название этого поселения в рукописях передается различно (وركود, زردكرد, وزكرد)[95]. Кроме того, Ибн Хаукаль[96] и Якут[97] упоминают о христианском селении (قرية للنصارى, قرية النصارى) на границе Ташкентской области; и это название передается в различных формах (см. прим. 96 и 97). Наконец, Истахри[98] упоминает о христианской церкви около Герата. Каково было значение мервской митрополии, можно видеть из того, что Бируни несколько раз называет хорасанского митрополита католикосом. Число христиан, впрочем, не было велико; по словам Макдиси[99], в государстве Саманидов было много евреев и мало христиан.

Саманиды редко предпринимали походы в страну тюрков и большею частью ограничивались обороной своих собственных владений[100]; только некоторые пограничные города были заняты ими. Так, Нух ибн Асад (при халифе Му'тасиме, 833—842) отнял у тюрков округ Иосфиджаба[101], некогда завоеванный, но потом утраченный арабами[102];

---

[91] Об этом имени см. ниже.

[92] Flügel, *Mani*, S. 105—108.

[93] Ибн Хаукаль, 372.

[94] Так в то время назывались горы, составлявшие южную границу области Зеравшана; позднее (с XII в.) этим именем обозначалась вся местность к югу от Самарканда до гор. Ср. мою статью *Хафизи-Абру*, стр. 15 (извлечение из Хафиз-и Абру) и *Бабур-наме*, пер. Лейдена-Эркина, 54 (где ошибочно Шадвар вместо Шавдар).

[95] <*В Туркестане* В. В. Бартольд принял чтение «Вазкерд». См. наст. изд., т. I, стр. 145. — *Ю. Б.*>

[96] Ибн Хаукаль, 384, 12: وينكرد (ويكرد, ونكرد, ونكر, ونسكر, نسكر) <см. наст. изд., т. I, стр. 227 — Винкерд. — *Ю. Б.*>

[97] *Му'джам*, III, 234 8: تنكرة .

[98] Истахри, 265.

[99] Макдиси, 323.

[100] Кудама, <текст, 262>; пер., 204.

[101] Ныне селение Сайрам, в окрестностях города Чимкента.

[102] Балазури, 422.

в 280/893-94 г. Исма'ил ибн Ахмед взял Талас [103], в X в. Саманиды отняли у тюрков место Хефтде (هفتده 'семь деревень'), лежавшее близ ферганской границы [104].

Торговые сношения мусульман с восточноазиатскими народами в это время были очень обширны; восточные ворота Самарканда назывались китайскими [105]. Путь в Китай находился в руках трех тюркских народов: гузов, карлуков и тугузгузов [106]; первые жили от Каспийского моря до Исфиджабского округа (около Чимкента), вторые занимали страну на 30 дней пути к востоку от границы арабских [107] владений в Фергане, третьи — остальные земли до Китая [108]. Были здесь, конечно, и другие кочевники, но они по своему значению далеко уступали упомянутым трем народам.

Самое подробное описание пути из Западного Туркестана в Восточный мы находим у Ибн Хордадбеха и Кудамы [109].

Чтение названий городов, вследствие свойств арабской азбуки, представляет большие затруднения; де Гуе читает их следующим образом:

Из Тараза в Нижний Нушджан	(3 фарсаха)
Оттуда в Касра-Бас	(2 „)

[103] Нершахи, изд. Шефера, 84.

[104] Ибн Хаукаль, 396.

[105] Там же, 365.

[106] Название этого народа (у арабов تغزغز, читалось сперва *тагазгаз;* Григорьев первый предложил чтение *тогузгур = токуз уйгур,* и это чтение было принято большинством ученых, в том числе де Гуе (еще в VI томе BGA). В предисловии к т. VII BGA (p. VIII) приводится мнение проф. Нёльдеке, по которому название этого народа следует читать تغزغز, а не تغزغر. Нёльдеке ссылается на один пехлевийский текст конца IX в. (письмо Менучехра, персидского верховного жреца, 881 г. — *Epistles of Mânûskîhar,* p. 329), где «абсолютно ясным пазендским алфавитом» написано: Tughzghuz. В указанном тексте не приведены никакие известия об этом народе, из которых мы могли бы заключить, имеем ли мы здесь арабских تغرغر или какую-либо часть гузов. Однако употребление названия *токуз-огуз* в орхонских надписях полностью подтверждает точку зрения Нёльдеке; ср. Barthold, *Die historische Bedeutung,* S. 8 и idem, *Die alttürkischen Inschriften,* S. 28. <Древнетюркские рунические тексты Монголии позволили установить правильное чтение этнонима — *токуз-огуз* 'девять (племен) огузов'. Господствующим племенем этой конфедерации были уйгуры, основавшие в 745 г. свою империю в Центральной Азии. В 840—845 гг., разгромленные киргизами, уйгуры по большей части переселились в Восточный Туркестан и Ганьсу, где созданное ими государство просуществовало до 1250 г. В арабских и персидских источниках термин *токуз-огуз* относится исключительно к уйгурам Восточного Туркестана. О соотношении обоих этнонимов см.: Minorsky, *Tamîm,* pp. 285—290; Hamilton, *Toquz-oguz.* Об уйгурском государстве в Восточном Туркестане см. Gabain, *Das Uigurische Königreich.* — *С. К.*>

[107] <В русском изд. было: «мусульманских». — *Ю. Б.*>

[108] Ибн Хаукаль, 11—14.

[109] Ибн Хордадбех, текст, 28—29; пер., 21; Кудама, текст, 205—206; пер., 157—158.

Оттуда	в Куль-Шуб	(4	фарсаха)
»	» Джуль-Шуб [110]	(4	»)
»	» Кулан	(4	»)
»	» Бирки (Мирки)	(4	»)
»	» Асбара	(4	»)
»	» Нузкет	(8	»)
»	» Харанджаван	(4	»)
»	» Джуль	(4	»)
»	» Сарыг	(7	»)
»	» столицу тюркского хакана	(4	»)
»	» كرمدراو [111]	(2	»)
»	» Невакет	(2	»)
»	» Пянджикет	(1	»)
»	» Суяб	(2	»)

Из Суяба караваны в 15 дней (тюркская почта в 3 дня) достигали Верхнего Нушджана.

Непосредственно к северу от этого пути начиналась песчаная степь; к югу простирался горный хребет (Александровский [112]). В Касра-Басе были зимние квартиры карлуков, недалеко оттуда — зимние квартиры другого народа, халаджей. С правой стороны дороги между Касра-Басом и Куль-Шубом находилась гора, на которой росло много трилистника, овощей и плодов. Наиболее значительными пунктами до Невакета были Кулан и Мирки; Невакет был большим городом; оттуда шел прямой путь в Верхний Нушджан. Город Суяб разделялся на две половины, Кубал и Сагур-Кубал.

Томашек, разбирая этот маршрут в своей рецензии [113] на статью de Goeje «De Muur van Gog en Magog», сопоставляет его с приведенным выше китайским маршрутом «Истории династии Тан» (*Тан-шу*) и таким образом старается восстановить настоящие названия городов. Он приходит к следующим выводам:

1) Тараз соответствует нынешнему Таласу, в 5 фарсахах южнее Аулие-Ата (в арабский период там засвидетельствован Шельджи) [114].

2) Касра-Бас — может быть, упоминаемая дважды в *Шах-наме*

---

[110] У Кудамы этого города нет, и расстояние между Куль-Шубом и Куланом определено в 4 фарсаха.

[111] Как следует читать это название — неизвестно.

[112] <Ныне — Киргизский хребет.>

[113] Tomaschek, WZKM, Bd III, S. 103—108.

[114] Арабские известия ясно показывают, что лежавший в горах город Шельджи безусловно не совпадал с торговым городом Таразом; ср. в особенности Макдиси, 274—275. Тараз находился, по-видимому, на месте нынешнего Аулие-Ата <совр. город Джамбул>. Ср. об этом, а также о следующих далее станциях сообщения полк. Каллаура, изложенные в MSOS, Jg. I, Abt. 2, 1898, S. 167; <см. Каллаур, *Древние местности Аулиятинского уезда*>.

тюркская крепость قاچار باشی (Качар-баши); вероятно, на месте Аулие-Ата [115].

3) Кулан (کولان) — ныне Тарты; у китайцев место называется Цзюйлань (70 ли к западу от Ашпары, 140 [116] ли к востоку от Далосе).

4) Ашпара (اشپره, кит. Осуболай), на ручье Асбара (где ныне Чалдавар). По Шереф ад-дину, Тимур в 1406 г. приказал восстановить крепость Ашпару, расположенную к востоку от горы Кулан [117].

5) Название Нузкет — у Макдиси Нушкет — на основании китайской транскрипции Дуньцзянь, быть может, следует читать Тумкет (تومکث); находился на реке Аксу; возможно, тожествен с теперешним Аксу.

6) Джуль (جول) соответствует нынешнему Пишпеку. По Рашид ад-дину, Джуль [118] находился между найманами на севере и бури-тибетцами на юге. Идриси приводит путь от Ахсикета в Фергане в 6 дней до высокого перевала (Кара-кол в Александровском хребте) и оттуда в 3 дня до Джуля.

7) Вместо Сарыг (سارغ, тюрк. *сарыг* 'желтый'), на основании китайского Миго, может быть, можно читать مارغ Марг ('лужайка'?).

8) Столицу хаканов карлуков Сюань Цзан называет Суй-е-шуй, «сборное место купцов из всех соседних стран» [119]. Река Суй-е-шуй — это Чу; место ныне указывают развалины около Токмака. Здесь находятся и многочисленные могильные камни тюркских христиан.

9) Суяб (вместо کپال Томашек читает کتاک или کناک — Конак или Катак) у западной оконечности Иссык-Куля [120].

Вместо نوشجان (Нушджан) Томашек советует читать برسخان (Барсхан) и сближает это слово с названием одного из истоков Нарына (т. е. верхней Сыр-Дарьи) — Барскаун; так же называется лежащий вблизи от него горный перевал [121].

Сближение китайских названий с арабскими затрудняется тем, что

---

[115] Согласно Каллауру — на месте развалин Ахыр-Таш.

[116] Так у Томашека; в *Тан-шу* только 60 (ср. выше, стр. 269).

[117] <Так в немецком переводе (в русском изд. этой фразы не было); здесь повторена ошибка в дате, содержащаяся в рецензии Томашека (WZKM, Bd III, S. 107). Тимур умер в феврале 1405 г.; крепость Ашпара была отстроена по приказанию Тимура Мухаммед-Султаном еще зимой 1397/98 г. (см. выше, стр. 70). — *Ю. Б.*>

[118] Этот Джуль (слово, как известно, означает 'степь'), во всяком случае, не имеет ничего общего с Джулем арабов.

[119] Ср. приведенный выше китайский маршрут, из которого видно, что город на реке Суй-е тожествен с Суябом, а не со столицей тюркских ханов.

[120] Между тем, Чу вообще не вытекал из озера Иссык-Куль.

[121] Это мнение Томашека теперь подтверждено приведенной персидским писателем Гардизи (XI в.) народной этимологией. Ср. персидский текст в моем *Отчете о поездке в Среднюю Азию*, стр. 89 <пер. — стр. 1113>: آنرا پارس خان نام کردند یعنی امیر پارس ('местности они дали название Барсхан, т. е. повелитель Фарса'). <Чтение Барсхан окончательно подтверждено словарем Махмуда Кашгарского (III, 308). — *Ю. Б.*>

первые относятся большею частью к первой половине VII в., вторые — к концу IX в. За два с половиной столетия могли измениться не только названия городов, но и направление караванной дороги. Китайцы считают от Кулана до Таласа 60 ли, до Ашпары — 70 ли, арабы в первом случае — 17, во втором — 8 фарсахов. Ввиду этого китайская транскрипция едва ли может дать нам какие-нибудь ценные указания. Сохраним пока чтения де Гуе, не потому, чтобы мы считали их абсолютно верными, но потому, что не видим достаточных оснований изменять их.

Несомненным может считаться положение Мирки, или Мерке, сохранившего свое название до сих пор, и положение Ашпары, на реке того же имени, ныне Чалдавар. От Чалдавара до Мерке считается 26 верст [122]; следовательно, фарсах Ибн Хордадбеха и Кудамы равняется приблизительно 6 верстам ($6^1/_2$ *км*). Нузкет, по местоположению, действительно соответствует Беловодской станции (русское название для Аксу, 50 верст от Чалдавара). Джуль, вероятно, находился несколько восточнее Пишпека, который отстоит от Беловодской станции всего на 40 верст, что для 8 фарсахов слишком мало [123]. Сарыг можно поместить около Токмака (58 верст от Пишпека), столицу тюркского хакана — около Старого Токмака (17 [124] верст от предыдущего), Невакет — около станции Джил-Арык ($26^1/_4$ верст от Старого Токмака). Последний город нам еще встретится; он упоминается у Ибн ал-Асира [125] уже под 119/737 г. Если расстояния, указанные арабскими географами, верны, то Суяб [126] должен был находиться еще на значительное расстояние западнее Иссык-Куля. Расстояние между верховьями Чу и Барскауном слишком незначительно для 15 дней караванного пути или 3 дней почтовой езды [127].

---

[122] Расстояния взяты из официального *Почтового дорожника Российской империи*, СПб., 1888, с прибавлениями 1889, 1890 и 1891 гг.

[123] Как я позднее собственными глазами мог убедиться, торговый путь в средние века проходил несколько южнее теперешнего почтового тракта. Местонахождение старого Джуля обозначают, по-видимому, развалины у селения Аламедин, немного южнее Пишпека, где также имеются христианские могильные камни. Ср. мой *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 25, 31.

[124] <Так в немецком переводе; в русском изд. — 27. — *Ю. Б.*>

[125] Изд. Торнберга, V, 148; также у Табари (II, 1593).

[126] У Табари (II, 1441) под 103/721-22 г.

[127] Сведения арабских географов были тогда неверно поняты Томашеком, а также мною. Верхний Барсхан в действительности находился у озера Иссык-Куль, на юго-восточном берегу; ближайшая дорога туда вела из Невакета (несколько восточнее теперешнего Токмака) вдоль Чу, через Буамское <Боамское> ущелье и вдоль южного берега озера. Другая дорога шла из Невакета на север через Суяб; этот город находился, по китайским источникам, к югу от Чу, в 748 г. был разрушен китайцами и, как показывает дорожник Гардизи, позднее был вновь построен к северу от Чу, непосредственно к югу от перевала Кастек. Дорога из Суяба в Верхний Барсхан тожественна дороге через перевал Кастек в нынешний Верный <теперь Алма-Ата> и оттуда через

Был еще путь из Ферганы в Верхний Барсхан. От Узгенда (в Фергане) до *акабы* (горного перевала) считался один день пути и столько же от акабы до города Атбаша, расположенного на высоком холме; оттуда до Верхнего Барсхана — 6 дней; между этими городами были пастбища и ключи, но ни одной деревни [128]. Город Атбаш, очевидно, находился на реке Атбаше, вытекающей из горного хребта того же имени, недалеко от границы между китайскими и русскими владениями. Расстояние между Узгендом и рекою Атбаш (более 200 верст) слишком велико для двух дней пути, особенно при гористом характере местности; вероятно, здесь вкралась ошибка, так как, по словам Кудамы, Атбаш находился в одинаковом расстоянии от Тибета (т. е. тибетских владений), Ферганы и Барсхана [129].

Одним из главных предметов торговли арабов со среднеазиатскими народами был мускус, который привозился с различных сторон: из Тибета, Индии, Китая, от тугузгузов, киргизов и других (лучшим считался тибетский [130]). Киргизы в то время жили к северу от тугузгузов; их владения, по словам Ибн Хаукаля [131], граничили с землями тугузгузов, кимаков, карлуков, гузов и с океаном.

Мы так подробно останавливаемся на торговых путях потому, что ими должна была пользоваться и религиозная пропаганда. Мы видели, что тюрки очень рано подверглись пропаганде дуалистов различных сект, особенно манихеев. Если верить Мас'уди, то в X в. манихеизм исповедовали только тугузгузы [132], но это несогласно с другими известиями. Ибн ал-Факих [133] говорит, что тюрки большею частью были зиндиками; Бируни [134] считает манихеями бóльшую часть восточных

Чилик и перевал Сан-таш. Тем самым вполне объясняется указание, что караваны проходили этот путь в 15 дней. Ср. мой *Отчет о поездке в Среднюю Азию,* стр. 89—90, 102, и мою статью *Die alttürkischen Inschriften,* S. 18, Anm. <О Верхнем Барсхане см. подробнее Minorsky, *Tamīm,* p. 292 sq. Н. Ф. Петровский (*Еще заметка*) выдвинул возражения против предложенной В. В. Бартольдом идентификации некоторых основных пунктов рассмотренного выше маршрута; эти возражения были отвергнуты Бартольдом (*Отчет о поездке в Среднюю Азию,* стр. 29—30). — *Ю. Б.*>

[128] Ибн Хордадбех, <текст, 30>; пер., 22; Кудама, <текст, 208—209>; пер., 160.

[129] Кудама, <текст, 208—209>; пер., 160. Путь из Атбаша в Узгенд, через долину Арпа и перевал Ясы, упоминается в истории Тимура (Шереф ад-дин Йезди, пер. Петн де ля Круа, I, 255—256; калькут. изд., I, 256—258). <Новые археологические данные о направлении торговых путей и раннесредневековых поселениях в долине реки Чу см.: Бернштам, *К исторической топографии;* Кожемяко, *Раннесредневековые поселения.* См. также Зуев, *Китайские известия.* — *С. К.*>

[130] Я'куби, *Китāб ал-булдāн,* 364—366; Ибн Хаукаль, 337. Вместо الحرجيرى (Я'куби, *Китāб ал-булдāн,* 365), может быть, следует читать الخيرخيزى.

[131] Ибн Хаукаль, 14,17—19.

[132] Flügel, *Mani,* S. 387.

[133] Ибн ал-Факих, 379,10.

[134] *Āсār ал-бāқийа,* изд. Захау, 209; пер. Захау, 191. Здесь вероятно смешение с буддизмом.

тюрков, китайцев, тибетцев и часть индусов. Слова Мас'уди, вероятно, надо понимать в том смысле, что манихеизм достиг полного развития только среди (подчиненного тугузгузам) оседлого населения Восточного Туркестана, которое, естественно, было гораздо образованнее прочих тюрков; кочевники, принимая новую религию, всегда сохраняют бóльшую часть своих прежних шаманских обрядов и верований. Впрочем, из слов арабского путешественника Темима ибн Бахра ал-Муттавви'и [135] следует, что только в столице тугузгузов большинство населения составляли манихеи, а в других частях страны — последователи Зороастра. Уйгурские манихеи распространяли свою религию даже в Китае [136]; поэтому трудно допустить, чтобы их пропаганда совсем не касалась родственных им народов [137].

Перейдем теперь к христианам. Проф. В. Д. Смирнов обратил внимание проф. Хвольсона на то обстоятельство, что у Сельджука был сын Михаил (отец Тогрул-бека); из этого, по его мнению, можно заключить, что к гузам (из среды которых вышли сельджуки) проникло христианство, так как мусульмане никогда не носили этого имени [138]. Догадка проф. Смирнова подтверждается тем, что Казвини [139] прямо называет гузов христианами. Он же упоминает о скале в стране кимаков, на которой были видны следы ног и колен человека, положившего здесь земной поклон, следы ног ребенка и ослиных копыт; гузы приписывали эти следы Иисусу (бегство в Египет?) и поклонялись им [140].

---

[135] Якут, *Му'джам*, I, 840. Так же у Кудамы (текст, 262; неверный перевод у де Гуе, там же, 203). <См. теперь Minorsky, *Tamīm* (публикация арабского текста, английский перевод и комментарии). — *Ю. Б.*>

[136] В «Истории династии Тан» (*Тан-шу*), по переводу Иакинфа (*Собрание сведений*, I, 415), сказано, что уйгурские манихеи (мони) в первый раз прибыли в Китай в 806 г. (ср. также Parker, *A thousand years*, p. 280); но о. Палладий, ссылаясь на ту же «Историю династии Тан», говорит, что манихеи были известны в Китае уже в VI в., что в 768 г. в столице и некоторых других городах были построены монастыри для уйгурских мони (Палладий, *Старинные следы христианства*, стр. 51).

[137] Автор и сейчас придерживается того мнения, что сопоставление арабских и китайских известий неизбежно приводит к выводу, что манихеи играли большую роль в истории Средней Азии, хотя этот факт в последние годы оспаривается. Ср. Grenard, *Le Turkestan*, p. 69, а также подробные, однако, на мой взгляд, неосновательные доводы Шаванна (*Le nestorianisme*, p. 76 sq.) о том, что именем «мони» китайцы могли обозначать мусульман. Радлов (*Кутадгу билик*, изд. Радлова, I, стр. LXIX) считал Мани (sic) христианами. <Разбор сведений Темима ибн Бахра о религии тугузгузов см. Minorsky, *Tamīm*, p. 296. По мнению В. Ф. Минорского, сведения о зороастрийцах в стране тугузгузов являются неправдоподобными; возможно, что Темим ибн Бахр имел в виду буддизм или древнюю религию тюркских племен. — *Ю. Б.*>

[138] Chwolson, *Grabinschriften*, S. 107. В словаре Якута, впрочем, упоминается ابو سعيد ميكائيل بن حنيفة (*Му'джам*, I, 524). <Ср. еще *Тāдж ал-'арӯс*, VIII, 119, s. v. مكل. — *Прим. редактора ЗВОРАО В. Розена.*>

[139] Закария Казвини, II, 394.

[140] Там же, 395.

Кимаки жили к северу от карлуков, между владениями славян, гузов и киргизов [141]; впрочем, на юг их кочевья соприкасались с мусульманскими владениями [142]; их столица находилась в 81 дне пути от Таласа (Тараза) [143]. Космография Казвини, правда, написана в XIII в.; но в ней, как во всех арабских компиляциях, много анахронизмов; к таковым принадлежат и его известия о религии гузов, которые в его время уже давно приняли ислам [144]. Проф. Хвольсон [145] замечает, что христианство наверное, «по крайней мере отчасти», было принесено к восточным тюркам несторианами; из этого видно, что он предполагает здесь также участие христиан других вероисповеданий. И действительно, к гузам могли проникнуть византийские миссионеры, действовавшие, как известно, среди их западных соседей — хазар. Кроме того, надо принять во внимание близость гузов к Хорезму [146], где также были христиане, не принадлежавшие к несторианам. 4 ияра (мая) хорезмские христиане, по словам Бируни [147], справляли «праздник роз» (в церковь приносили свежие розы): по преданию, Богородица в этот день поднесла розу матери Иоанна Крестителя. Во время Гайтона [148] (начало XIV в.) хорезмские христиане подчинялись антиохийскому патриарху, из чего можно заключить, что они были не несторианами, а мелькитами или яковитами. По словам Абу Дулефа, у гузов был храм, но без изображений [149].

Абу Дулеф сообщает, что среди племени джикиль было немного

---

[141] Ибн Хаукаль, 14. [142] Макдиси, 274.

[143] Ибн Хордадбех, <текст, 28>; пер., 20—21; Кудама, <текст, 209>; пер., 160.

[144] Раверти (Джузджани, пер. Раверти, II, 961) приписывает Ибн Хордадбеху известие, что среди гузов (غزان) были христиане (ترسا), буддисты и другие. В печатном тексте Ибн Хордадбеха нет ничего подобного; из слов ترسا и غزان видно, что Раверти пользовался каким-нибудь персидским переводом. Цитируемое Раверти место имеется и у Гардизи (ср. мой *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 91), который также пользовался Ибн Хордадбехом; только здесь названы не гузы, а тугузгузы.

[145] *Grabinschriften*, S. 107. [146] Об этом Истахри, 305.

[147] *Āṯār ал-бāқийа*, изд. Захау, 296; пер. Захау, 292.

[148] Хетум, гл. IV. Об этом историке см. Yule, *Cathay*, vol. I, prelim. essay, p. CXXXI и его главу о Катае, ibid., p. CXCV sq. Труд Гайтона был напечатан еще в 1671 г. в Бранденбурге. Слова Гайтона: «In armis sunt ferocissimi, qui vocantur Soldini, et habent propriam linguam, literas atque ritum Graecorum, et modo Graecorum conficiunt corpus Christi, et sunt obedientes patriarchae Antiocheno».

[149] Якут, *Му'джам*, III, 448; ср. Yule, *Cathay*, vol. I, prelim. essay, p. CLXXXVIII. Последнее обстоятельство, может быть, говорит в пользу предположения, что гузы были яковитами. Яковитский первоучитель Филоксен восставал против изображений святого духа и Христа и велел вынести все подобные иконы из церквей (Neander, *Allgemeine Geschichte*, Bd I, S. 573). И теперь индийские яковиты отвергают иконы (Hunter, *The Imperial Gazetteer of India*, vol. VI, p. 243). <Новых данных о распространении христианства среди сыр-дарьинских гузов нет. О христианстве в Хорезме см. Толстов, *Новогодний праздник*. — *С. К.*>

христиан [150]. Это известие, по замечанию Григорьева [151], можно понимать двояко: «так, что в земле их живет небольшое число христиан-иностранцев, и так, что из самих джикилей есть небольшое число исповедующих христианскую веру». Во всяком случае, одно находится в тесной связи с другим. Григорьев сомневается в существовании отдельного народа джикилей, так как они, по его словам, не упоминаются у арабских писателей до Абу Дулефа, а позднейшие сообщают о них только то, что мы находим у этого писателя; к тому же «в арабских рукописях собственные имена являются нередко в крайней степени искажения». Но джикили, как народ, упоминаются у Ибн ал-Асира [152] в качестве наемников султана Меликшаха; город Джикиль упоминается у арабских географов X в., которые вообще передают тюркские собственные имена с большой точностью, насколько это возможно при арабском шрифте. Макдиси [153] помещает Джикиль в полумиле от Тараза (Таласа).

И в самом Таласе были христиане. Когда эмир Исма'ил в 280/893-94 г. взял город, главная церковь (بزرک کلیسای) была обращена в соборную мечеть; талассский эмир с многими дихканами принял ислам [154]. Соборная мечеть города Мирки (Мерке) прежде была церковью [155].

Что касается христианства в Восточном Туркестане, то мы имеем только известие Абу Дулефа, что в местности بغی были христиане [156]. По мнению Юла [157], بغی =Бай, между Аксу и Кучей.

Распространение ислама могло совершаться, во-первых, посредством завоеваний Саманидов, во-вторых, посредством торговых сношений. Саманиды поселили в своих владениях часть гузов и карлуков (около 1000 семейств), которые приняли ислам и защищали границы

---

[150] Якут, *Му'джам*, III, 446. <Подробнее см. Абу Дулеф, изд. Рор-Зауэра, 19, 47. — *С. К.*>

[151] *Об арабском путешественнике*, стр. 27—28.

[152] Изд. Торнберга, X, 114. <Правильное чтение, очевидно, — *чигиль;* ср. наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 578. — *Ю. Б.*>

[153] Макдиси, 274—275; о слове صيحة см. BGA, IV (глоссарий), p. 283. По-видимому, племя джикиль жило не рядом с городом того же имени, а у озера Иссык-Куль. Ср. слова Гардизи в моем *Отчете о поездке в Среднюю Азию*, стр. 90: اندر حوالی ایسغ کول همه جکلیان نشینند.

[154] Нершахи, изд. Шефера, 84. Дихканами, как известно, называлось рыцарство в Персии и Средней Азии. Ср., напр., мою статью *Die alttürkischen Inschriften*, S. 9.

[155] Слово كنيسة в X в. могло означать только церковь (сир.) или синагогу (евр. כנסת); в последнем значении у Бируни (*Āṯār ал-бāḳия*, изд. Захау, 205). По историческим аналогиям обращение церкви в мечеть более вероятно.

[156] Якут, *Му'джам*, III, 450.

[157] *Cathay*, vol. I, prelim. essay, p. CXC. Место Бай находится на Музарт-Дарье, северном притоке Тарима.

от нападений [158]. Эти тюрки, вероятно, тождественны с мусульманскими «туркменами» Макдиси [159]. Мусульманские купцы, конечно, были многочисленнее других; они жили преимущественно в крупных торговых городах; в городе Шельджи (по мнению Томашека [160], около перевала Кара-бура и горы Гүмүш-тау, в верховьях Таласа), по словам Макдиси [161], было до 10000 исфаханцев. Почти во всех городах по торговому пути были соборные мечети; в некоторых пунктах мусульмане приобрели господство, хотя население преимущественно состояло из неверных [162]. Там, где власть оставалась в руках христиан, мусульманские купцы были обложены податью [163].

IV

В конце X в. впервые возникает государство мусульманских тюрков, под властью династии илек-ханов, или Караханидов, которая господствовала в Восточном и Западном Туркестане. Неизвестно, были ли они уйгурами, как полагают Дегинь, Френ, Рено, д-р Бретшнейдер [164] и В. В. Радлов [165], или карлуками, согласно мнению Григорьева [166] и Лерха [167]. Их столица называлась Баласагун и находилась в Семиречье; мы находим это название впервые у Макдиси [168]. Из китайских известий XIII в. мы знаем, что Баласагун находился на пути из Алмалыка (около Кульджи) в Талас, через Верный, Кастекское ущелье и Токмак (новый путь из Пишпека в Верный существует только с 1871 г.) [169], притом на реке Чу [170]. Ввиду этого можно принять мнение Григорьева [171], который отожествляет Баласагун с «городом тюркского хакана», упоминаемым у Ибн Хордадбеха и Кудамы, хотя Якут [172] помещает город Фараб, или Отрар, далеко от Шаша, вблизи Баласагуна. Семиречье в X в. принадлежало карлукам, но столица их, если верить Ибн Хордадбеху и Кудаме, находилась не на Чу, а около Аулие-Ата (у западного края Александровского хребта) [173]. Сами

---

[158] Ибн Хаукаль, 391. [159] Макдиси, 274.

[160] WZKM, Bd III, S. 106.

[161] Макдиси, 275_{8}. [162] Там же, 275_{16}.

[163] Закария Казвини, II, 411; Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, IX, 322.

[164] *Researches*, vol. I, p. 252. [165] *Кутадгу билик*, изд. Радлова, I, стр. LXXVIII.

[166] *Караханиды*, стр. 59. [167] *Sur les monnaies*, p. 420.

[168] Макдиси, 275. Макдиси называет Баласагун «большим, населенным и богатым городом».

[169] Костенко, *Очерки Семиреченского края*, стр. 163.

[170] Breischneider, *Researches*, vol. I, p. 18. [171] *Караханиды*, стр. 21.

[172] *Му'джам*, III, 833. Этому противоречат слова самого Якута (там же, I. 708). что Баласагун находился недалеко от Кашгара.

[173] По словам китайцев, столица карлуков уже с 766 г. находилась на реке Чу (Бичурин, *Собрание сведений*, I, 372; ср. также Marquart, *Die Chronologie*, S. 25).

уйгуры приписывали основание Баласагуна себе [174]. Известий о завоевании страны карлуков уйгурами нет; но столкновения между карлуками и их восточными соседями были, как можно видеть из слов Кудамы [175], что десять тугузгузов могут справиться с сотней карлуков. С другой стороны, мы не видим уйгуров в государствах Караханидов, а карлуки играли в них приблизительно ту же роль, как гузы во владениях Сельджукидов [176]. Вообще этот вопрос, как нам кажется, пока следует оставить нерешенным [177]. Во всяком случае, Караханиды едва ли владели настоящей Уйгурией (т. е. областью, где сейчас находятся города Турфан и Урумчи), так как иначе они бы и там распространили ислам; между тем уйгуры еще в XIII в. были самыми ожесточенными противниками мусульман [178].

Предок этой династии, Кара-хан, по словам Ибн ал-Асира [179], увидел во сне человека, который на тюркском языке велел ему принять ислам, что он и исполнил. Его сын, Богра-хан, в 383/993-94 г. [180] овладел Бухарой, но в том же году должен был отступить и умер [181]. Его преемник Илек-хан [182] в 389/999 г. окончательно завоевал Трансоксанию и уничтожил власть Саманидов [183]. Илек-хан вел священную

Местность около Аулие-Ата более годится для летних, чем для зимних жилищ; при Сюань Цзане здесь был яйлак хакана (Сюань Цзан, пер. Жюльена, I, 14). В настоящее время зимние стойбища киргизов находятся только по нижнему течению Таласа (Костенко, *Туркестанский край*, т. I, стр. 266).

[174] Уйгурское предание об основании Баласагуна приведено у Джувейни (*Та'рӣх-и джахӑнгушӑй*); текст и перевод у Радлова — *Кутадгу билик*, изд. Радлова, I, стр. XLV. Впрочем, очень сомнительно, что эта легенда действительно относится к Баласагуну в Семиречье; как видно из сообщения Джувейни, камень, на котором содержится легенда, находится на Орхоне, в Монголии. Возможно, что Джувейни по ошибке спутал слово *балгасун* ('город') с названием города Баласагун.

[175] <Текст, 262>; пер., 203. [176] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, XI, 54—56.

[177] <Согласно последним работам О. Прицака, династия Караханидов была карлукской, и господствующую роль в государстве играли карлуки, в особенности два карлукских племенных объединения — чигиль (джикиль) и ягма. См.: Pritsak, *Von den Karluk*, S. 270—285; idem, *Die Karachaniden*, S. 21—23. — *Ю. Б.*>

[178] См. то же сообщение Джувейни (*Кутадгу билик*, изд. Радлова, I, стр. XLVIII). Высказывалось даже мнение, что Караханиды были гузами; такое мнение разделял и Гутшмид (*Kleine Schriften*, Bd III, S. 227, 239), который ссылается на Нешри.

[179] Изд. Торнберга, XI, 54. <Богра-хан Хасан (Харун) б. Сулейман был не сыном, а внуком первого хана из Караханидов, принявшего ислам; см. ниже, стр. 506.— *Ю. Б.*>

[180] Так по Ибн ал-Асиру; по более ранним и надежным источникам — уже в рабиʿ I 382/мае 992 г. (ср. Бейхаки, изд. Морлея, 234; та же дата имеется и у Гардизи в моем *Туркестане*, ч. I, стр. 12).

[181] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга IX, 68—70.

[182] <Наср б. Али, внук первого завоевателя Бухары. О происхождении прозвания (неправильного) «Илек-хан» см. ниже, стр. 520, прим. 1. — *Ю. Б.*>

[183] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, IX, 105. Ср. еще Розен, *Рассказ Хилâля ас-Сâби*, где бар. В. Розен излагает сообщение Хилаля ас-Саби (XI в.) о падении Бухары (по рук. Брит. муз. Add. 19360).

войну с неверными тюрками [184]. Массовое обращение тюрков в ислам Ибн ал-Асир [185] относит к сафару 435 г. х. (9 сентября — 8 октября 1043 г.), когда обитатели 10 000 шатров (по Абу-л-Фида [186] — 5000) приняли ислам и в праздник жертвоприношения закололи 20 000 голов скота. Эти тюрки летом кочевали по соседству с землей болгар, зимой — около Баласагуна. Несколько раньше Сельджук со своей ордой отделился от гузов, принял ислам и выступил защитником своих единоверцев против своих соплеменников. Хан гузов брал дань с мусульман, живших в городе Дженде (недалеко от устья Сыр-Дарьи); Сельджук освободил их от этой дани и прогнал тюркских наместников [187].

Вамбери [188] полагает, что с XI в. христианство в Восточном Туркестане занимало только подчиненное положение сравнительно с исламом, что только в стране к северу от Тянь-Шаня христиане менее страдали от религиозных войн Богра-хана и его преемников. Но, по-видимому, христиане во владениях Караханидов не подвергались притеснениям; по крайней мере христианские писатели ничего не говорят об этом. В Самарканде продолжала существовать несторианская митрополия [189]. От времени до времени еще проявляется влияние дуалистов: один из Караханидов, Ахмед-хан самаркандский, даже поплатился жизнью за свою привязанность к «учению зиндиков» (488/1095 г.) [190]. Слова Ибн ал-Асира, что после события 1043 г. только татары и хитаи (кидани) оставались неверными, несомненно преувеличены; мы увидим, что даже западные тюрки ко времени жизни этого историка еще не все приняли ислам.

В 1007 г. произошло обращение в христианство кераитов, благодаря несторианским купцам; после этого мервский митрополит отправил к ним (в Монголию) священников [191].

Во время господства Караханидов страна должна была страдать от внутренних междоусобий, о которых много говорит Ибн ал-Асир. В 435/1043-44 г. хан Шереф ад-дауля разделил государство между своими родственниками, оставив себе Кашгар, Баласагун и верховную власть над остальными землями [192]. Скоро Караханиды должны были

---

[184] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, IX, 169.

[185] Там же, 355—356.

[186] *Мухтасар*, III, 120.

[187] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, IX, 322.

[188] *Das Türkenvolk*, S. 325.

[189] Абу-л-Фарадж приводит письмо самаркандского митрополита к католикосу, написанное в 1046 г. (Oppert, *Presbyter Johannes*, S. 91).

[190] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, X, 165.

[191] Ср. об этом Oppert, *Presbyter Johannes*, S. 88—90.

[192] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, IX, 356. Это свидетельство Ибн ал-Асира по меньшей мере не совсем точно; как показывают сообщения более ранних источников (именно, Утби и Бейхаки), государство Караханидов уже значительно раньше распалось на несколько владений, которые не всегда признавали верховную власть нахо-

признать над собой власть сельджукских султанов; в начале XII в. султан Санджар произвольно сменял и назначал ханов в Самарканде[193]. Господство Сельджукидов было уничтожено кара-китаями, которые в 1141 г. разбили войско Санджара и подчинили себе Караханидов. Владения китаев[194] на западе доходили до Каспийского моря, на востоке — до пустыни Гоби; восточные и западные окраины управлялись особыми владетелями, находившимися в вассальной зависимости от киданьских гурханов; таковы Караханиды (в Трансоксании), хорезмшахи, карлукские ханы (в северной части Семиречья) и уйгурские идикуты[195].

Для местной культуры нашествие киданей было безусловно благоприятно. В состав киданьского войска несомненно входили и полудикие народы, но сами кидани уже воспользовались всеми плодами китайской цивилизации. Их гурхан (китайцы называют его Елюй Даши, мусульмане — قوشتين ,قومقين طايغو и قوشقين)[196] пользовался большим авторитетом среди своих подданных и запретил им грабеж и насилие; только прелюбодеяние не наказывалось[197]. Кидани не разрушали городов, напротив, строили новые; Джувейни[198] приписывает им постройку известного впоследствии Эмиля (около теперешнего Чугучака); овладевая каким-нибудь городом, они не грабили жителей, а брали с каждого дома по одному динару. Первый гурхан никому не отдавал под начальство более 100 всадников и не раздавал уделов[199]; и впоследствии империя киданей, в отличие от государств тюркских и монгольских кочевников, не распалась на уделы. Из одного рассказа Ибн ал-Асира мы видим, что они старались приучить беспокойных кочевников к земледелию[200].

дившегося в Кашгаре главы династии. Шереф ад-дауля (его имя было Арслан-хан Сулейман б. Юсуф) мог лишь санкционировать фактически уже происшедший раздел империи. Подробнее о Караханидах см. в моей книге *Туркестан* <наст. изд., т. I, стр. 315—385. О распаде государства Караханидов в 1043-44 г. на два самостоятельных каганата — восточный и западный — см. ниже, стр. 520, прим. 2. — *Ю. Б.*>

[193] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, XI, 54—55.

[194] Как показывают орхонские надписи, имя этого народа было собственно *китай*, или *китань*; ср. Radloff, *Die alttürkischen Inschriften*, Zweite Folge, S. 39.

[195] О титуле *идикут* ср. *Кутадгу билик*, изд. Радлова, I, введ., стр. XXVII, XXXIX. По Джувейни, и в Кашгаре был особый хан. <См.:> рук. Публ. б-ки IV, 2, 34, л. 22; d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. I, p. 170. В Кашгаре правила ветвь Караханидов; ср. мою книгу *Туркестан*, ч. 1, стр. 132—133.

[196] Нершахи, изд. Шефера, 242 (из *Маджма' ат-таварих*; <ср. ниже, стр. 293, прим. 207>); Джузджани, пер. Раверти, II, 913.

[197] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, XI, 57.

[198] Рук. Публ. б-ки IV, 2, 34, л. 130. Ср. перевод сообщения Джувейни у д'Оссона (*Histoire des Mongols*, t. I, p. 442).

[199] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, XI, 56—57.

[200] Там же, 205. Странно, что в другом месте (там же, XII, 171) Ибн ал-Асир называет киданей кочевниками.

В сочинении Идриси (1154 г.) мы находим гораздо более подробные известия о земледелии и городской жизни среди тюрков, чем у географов X в. К сожалению, эти сведения крайне сбивчивы. Труд Идриси, как известно, имеет чисто компилятивный характер; как во всех арабских компиляциях, сведения, относящиеся к различному времени, нисколько не отделены друг от друга; собственные имена искажены до неузнаваемости. Кидани у Идриси не упоминаются; на наш взгляд, можно согласиться с мнением Григорьева [201], что Идриси смешивает киданей с кимаками, которые описываются у него совсем иначе, чем у прежних географов. По Абу Дулефу [202], они жили в шатрах из звериных шкур; их страна производила получерный, полубелый виноград (?); у них было золото, драгоценные камни, камень для призывания дождя; не было ни царя, ни храма. По Идриси [203], царь кимаков одевался в шитые золотом ткани, носил золотую корону; он показывался народу четыре раза в год. Государством управлял первый министр; были замки, высокие здания, увеселительные места. Царь отличался мудростью и великодушием (в другом месте говорится, что он был очень воинствен и почти всегда сражался с соседями) [204]; жители города (столицы) не знали ни забот, ни нужды и были самыми богатыми и счастливыми людьми во всей стране. Город был окружен крепкими стенами, с железными воротами, и защищен многочисленным и храбрым войском. Знатнейшие одевались в шелковые ткани красного и желтого цветов; только вельможи имели право носить такую одежду. В улицы, базары и бо́льшую часть домов был проведен водопровод. Жители исповедовали сабейскую веру (دين الصابيين), поклонялись также солнцу и ангелам (الملايكة) [205].

В 1145 г. проник в Европу слух о походе «пресвитера Иоанна», несторианского царя, который будто бы теснил мусульман с востока и разбил на голову «братьев Самиардов» [206]. Несомненно, что слух возник вследствие войны Елюй Да-ши с Санджаром; но едва ли из этого можно заключить, что Елюй Да-ши и кидани были несторианами; вероятно, несториане смешали Елюй Да-ши с современным ему кераитским ханом. Основателем могущества кераитов был дед ван-хана Маргуз-хан; хронологически вполне возможно, что он был современником Елюй Да-ши. Очень возможно, что в войске гурхана был неко-

[201] *Об арабском путешественнике,* стр. 31.

[202] Якут, *Му'джам,* III, 448. Ср. Yule, *Cathay,* vol. I, prelim. essay, p. CLXXXVII.

[203] Пер. Жобера, II, 222—223.

[204] Там же, I, 501.

[205] Идриси говорит в другом месте (там же, II, 221), что кимаки были неверными и огнепоклонниками, что среди них были люди без всякой веры, питавшиеся травами и жившие в лесах.

[206] В тексте: «Persarum et Medorum reges fratres Samiardos dictos» (см. Oppert, *Presbyter Johannes,* S. 13).

торый христианский элемент и что потому несториане смешали его с известным им христианским государем; но если бы все кидани были христианами, то этот факт был бы упомянут христианскими и мусульманскими историками. Ибн ал-Асир [207] называет первого гурхана манихеем; слова Идриси об одежде кимакской знати скорее указывают на буддизм; мы увидим дальше, что впоследствии для мусульман принятие буддизма соединялось с принятием киданьской одежды. Ввиду этого едва ли можно согласиться с Оппертом [208], что имя «пресвитера Иоанна» могло возникнуть из титула *гурхан* (Опперт читал «Korkhan»), через выпадение *р* (Ибн ал-Асир часто пишет كوخان). С другой стороны, нельзя, по примеру Риттера [209], объяснять это имя из слов *ван-хан,* так как этот титул, который, по замечанию Потье [210], был наследственным, носил только последний из кераитских государей. Как мы знаем из семиреченских надписей, многие тюркские христиане носили два имени, тюркское и христианское; естественно, что они выбирали те христианские имена, которые по какой-либо причине пользовались у них особенной известностью. У кераитов могло играть такую роль имя Иоанн, как имя того патриарха, во время которого они приняли христианство.

Кидани, подобно китайцам, одинаково покровительствовали всем религиям, между прочим и исламу; мусульманские историки хвалят справедливость гурханов [211] (это, как нам кажется, лучше всего показывает, что гурханы не были несторианами). Все-таки мусульмане должны были лишиться своего господствующего положения, и последователи других религий были безопасны от мусульманского фанатизма; поэтому и христианство могло распространяться свободнее, чем при Караханидах. Патриарх Илья III (1176—1190) учредил несторианскую митрополию в Кашгаре [212], одной из столиц гурханов (другой столицей был Баласагун). В каталоге Амра кашгарский митрополит

---

[207] Изд. Торнберга, XI, 55. Там же сказано, что киданьские цари носили длинный вуаль (المقنعة والخمار). Автор книги *Маджма' ат-тавāрūх* (конца XVI в.) говорит, что первый гурхан признавал общность имущества и женщин, подобно маздакитам (Нершахи, изд. Шефера, 242). Как я установил впоследствии, *Маджма' ат-тавāрūх* тожественно с *Та'рūх-и Хайдарū* Хайдера Рази; подробнее об этом сочинении см.: Pertsch, *Verzeichniss,* № 418 (S. 410) и Rieu, *Suppl. Pers.,* pp. 20—21, где имеется также заглавие *Маджма' ат-тавāрūх.*

[208] *Presbyter Johannes,* S. 134—135; Vorrede, S. V. Теория Оппперта, более подробно разработанная Zarncke (особенно *Der Priester Johannes,* Abh. 2), принята многими учеными, между прочим Пешелем (*Geschichte der Erdkunde,* S. 153) и Гутшмидом (*Kleine Schriften,* Bd III, S. 609).

[209] Oppert, *Presbyter Johannes,* S. 111—112 (цит. Ritter, *Asien,* I, S. 291).

[210] *Le Pays de Tanduc,* p. 305.

[211] Джузджани, изд. Нассау-Лиса, 329; пер. Раверти, II, 912.

[212] Assemani *Bibliotheca orientalis,* t. III, pars 2, p. 502.

назван митрополитом «Кашгара и Невакета»[213]; следовательно, в состав кашгарской митрополии входило и Семиречье. Что касается влияния христиан на царствовавшую династию, то мы знаем только, что дочь последнего гурхана из потомков Елюй Да-ши, жена узурпатора Кучлука (правильнее Кючлюк), была христианкой; но и это известие сохранилось только у позднейших компиляторов[214].

К киданьской эпохе, по всей вероятности, относятся древнейшие из семиреченских надписей. На одном из камней проф. Хвольсон[215] думает узнать число 1406 (сирийской эры, 1095 г. н. э.); в таком случае надпись относилась бы еще к эпохе Караханидов. По крайней мере, она относится к более ранней эпохе, чем другие, т. е. к домонгольскому периоду, так как составлена более древним и крупным шрифтом[216].

Непосредственно перед монгольским нашествием страну между Талассом и озером Иссык-Куль занимали канглы[217]; к ним, по всей вероятности, принадлежали несториане Семиреченской области. Положительно утверждать этого нельзя, так как мы не имеем известий о религии канглов. Хорезмшах Текеш-хан женился на княжне из канглов, Туркан-хатун[218], которая имела большое влияние на своего сына Мухаммеда; ее родственники переселились в Хорезм, приняли ислам и получили от Мухаммеда разные почетные должности. В то время ислам уже давно был распространен среди остальных западных тюрков; если бы канглы в этом отношении составляли исключение, то этот факт, конечно, заслуживал бы внимания. Но мы находим эту подробность только у Абулгази; историки XIII в., рассказывая о прибытии канглов к Мухаммеду, ничего не говорят о принятии ими ислама[219].

---

[213] О городе Невакете ср. выше, стр. 281. Oppert, *Presbyter Johannes*, S. 83 <См. также наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 37. — *Ю. Б.*>

[214] Впервые у Шереф ад-дина, в предисловии (*Муқаддама*) к его *Зафар-наме*, рук. Аз. муз. 568, стр. 79. Раверти (Джузджани, пер. Раверти, II, 927), может быть по ошибке, называет христианкой жену первого гурхана, манихея.

[215] *Grabinschriften*, S. 95. Буквы даты, по словам проф. Хвольсона, почти совсем стерлись.

[216] Позднее проф. Хвольсон получил из Семиречья еще 400 надписей и любезно сообщил их мне; среди них тоже есть одна надпись домонгольского периода, именно 1201 г. Ср. теперь Chwolson, *Grabinschriften*, N. F., S. 6 (№ 2).

[217] Абулгази, *Родословная тюрок*, изд. Демезона, II, 37—38.

[218] Джузджани (так следует читать вместо «Jawzjani» печатного издания и «Jurjani» у Раверти) называет ее дочерью Кадыр-хана кипчакского (Джузджани, пер. Раверти, I, 254). <Хорезмшах Текеш не носил титула «хан». Правильное чтение имени его жены — Теркен; см. наст. изд., т. I, стр. 400, прим. 4. — *Ю. Б.*> Как бы то ни было, значение канглов при дворе Мухаммеда видно уже из того, что в истории войны Чингиз-хана с хорезмшахом канглы часто упоминаются как начальники городов.

[219] Названия племен *канглы* и *кипчак*, по-видимому, почти тожественны. Не только из слов Абулгази, но и из официальных документов, написанных в правление Текеша, видно, что кипчаки (или канглы?), жившие на нижнем течении Сыр-Дарьи, в то

Язык тюркских надписей чрезвычайно близок к уйгурскому; по замечанию В. В. Радлова[220], нет ни одного слова и ни одной формы, которые бы не были тождественны с соответствующими уйгурскими; различие заключается только в некоторых звуковых особенностях. Близость канглов к уйгурам не подлежит сомнению; китайский термин *гаогюй*[221] ('высокие телеги') давно сблизили с названием канглов[222]. И канглы, и уйгуры кроме принадлежавших им областей жили во владениях найманов, т. е. в западной части теперешней Монголии[223]. Из надписей видно, что семиреченские христиане находились в тесной связи с Алмалыком, где в XIII в. господствовали канглы.

Последний гурхан (у мусульман مانى[224] или تومان[225], у китайцев Чжэлугу) должен был вести трудную войну с хорезмшахом Мухаммедом, который завоевал Трансоксанию (609/1212-13 г.). Мирхонд изображает хорезмшаха освободителем мусульман от неверных[226]; но это завоевание сопровождалось истреблением Караханидов и было тяжелым бедствием для жителей; Якут[227], которого никак нельзя заподозрить во вражде к хорезмшаху, в трогательных словах описывает несчастное положение опустошенной страны[228].

В то же время на востоке усилились монголы; карлукский хан Арслан и уйгурский идикут Баурчик отложились от киданей и признали себя вассалами Чингиз-хана. Арлсан-хан, мусульманин[229], владел северною частью Семиречья с городом Каялыком (около нынешнего Копала); по свидетельству Абулгази[230], эти карлуки занимались скотоводством и земледелием. Найманы, жившие между верхним Иртышом и Орхоном, были покорены монголами; остатки их под начальством Кучлука удалились к гурхану, который их хорошо принял и выдал

время не исповедовали ислам; ср. мой *Туркестан*, ч. I, стр. 79. Об упомянутых Абулгази канглах в местности между Таласом и озером Иссык-Куль нам, к сожалению, не удалось найти никаких более ранних известий. <О положении племени канглы среди кипчаков см. Кляшторный, *Кангюйская этнотопонимика*, стр. 62—63. — *С. К.*>

[220] *Grabinschriften*, S. 157.

[221] <Совр. транскрипция — *гаоцзюй*.>

[222] Рашид ад-дин, изд. Березина, I, пер., 221—222. В. В. Радлов отвергает это сближение; см. *Кутадгу билик*, изд. Радлова, I, стр. VII.

[223] О канглах «Введение» Рашид ад-дина, изд. Березина, I, пер., 108; об уйгурах — там же, 125, также Рубрук (изд. Мишеля — Райта, 228).

[224] Наршахи, изд. Шефера, 243 (из *Маджма' ат-таварих*).

[225] Джузджани, пер. Раверти, II, 928.

[226] Oppert, *Presbyter Johannes*, S. 151.

[227] *Му'джам*, I, 249; III, 234.

[228] Ибн ал-Асир (изд. Торнберга, XII, 189) говорит, что Мухаммед опустошил пограничные области (Фергану, Шаш, Исфиджаб и другие), чтобы они не достались Кучлуку.

[229] Джузджани, изд. Нассау-Лиса, 343; пер. Раверти, II, 1004.

[230] Родословная тюрок, изд. Демезона, II, 38.

за Кучлука свою дочь [231]. Кучлук, однако, заключил союз с хорезмшахом против своего тестя; сначала он был разбит, но потом вероломно овладел Баласагуном и захватил в плен гурхана.

Кучлук после этого сам принял титул гурхана, но границы государства значительно сузились. Трансоксания принадлежала хорезмшаху, уйгурский и карлукский владетели были вассалами монголов; кроме того, в начале XIII в. образовалось новое владение в Алмалыке.

По словам Абулгази, 50—60 тысяч канглов удалились к хорезмшаху; число оставшихся на берегах Таласа и Чу Абулгази определяет в 10 000 шатров [232]. К ним, по всей вероятности, принадлежал разбойник Озар [233], который, по словам Джувейни, происходил из племени канглов. Он со своей шайкой долго грабил торговцев, наконец, усилился до такой степени, что мог овладеть Алмалыком и некоторыми другими городами. Подобно уйгурам и карлукам, он заключил союз с Чингизханом против Кучлука, которому, однако, удалось захватить его в плен на охоте. Кучлук пошел на Алмалык; жители заперли перед ним ворота; он начал осаду, но при приближении монгольского войска отступил и по дороге велел убить своего пленника. Чингиз-хан отдал Алмалык Сукнак-тегину, сыну Озара.

По словам Джувейни, Озар, хотя и разбойник, отличался большим благочестием и оказывал много благодеяний монахам (отшельникам? ارباب خرقه). Однажды к нему пришел человек в одежде суфия и сказал: «Я пришел к тебе с поручением от всевышнего (حضرت عزت وجلالت); известие заключается в том, что наша казна пуста; дай нам взаймы такую сумму, которая тебе по силам и которая могла бы поддержать нас». Озар встал, поклонился отшельнику, приказал выдать ему один балыш и отпустил его со словами: «Окажи поддержку [общине] и передай [ей] мою искреннюю преданность» [234].

---

[231] Известие об этой женитьбе Кучлука имеется только у Рашид ад-дина (изд. Березина, III, пер., 35; текст, 56: (بعد از یکچندی دختر خودرا بوی داد) и более поздних компиляторов. У Джувейни говорится только, что после победы над гурханом Кучлук взял себе в жены дочь одного начальника киданей, которая прежде была невестой гурхана (персидский текст: کورخان دختر امیر بزرگرا که عزّت زهره ومشتری بود نامزد خود کرده بود چون محکوم حکم کوچلک کشت آن دخترا کوچلک در تمرّن آورد<ср. Джувейни, изд. Казвини, I, 48>).

[232] К сожалению, в более ранних источниках мы не находим никакого подтверждения (или опровержения) этого важного известия.

[233] Так у Джувейни; Джемаль Карши (начало XIV в.), который был гораздо ближе связан с династией правителей Алмалыка, пишет Бузар. Ср. Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 135, 140.

[234] Ср. теперь текст Джувейни в моей книге *Туркестан*, ч. I, стр. 107—108. Неясно, принадлежал ли Озар к племени канглов или к племени карлуков; <у Джувейни> в рук. Публ. б-ки IV, 2, 34, л. 26 стоит قنقليان, в *Зафар-наме* Шереф ад-дина <Иез-

Во владениях Кучлука мусульмане подвергались большим притеснениям. По словам Джувейни[235], Кучлук, как и большинство найманов, первоначально был христианином, потом увлекся одной киданьской девушкой, которая совратила его в идолопоклонство (вероятно, в буддизм)[236]. Кучлук потребовал от мусульман, чтобы они отказались от своей религии, и предоставил им выбор между христианством и идолопоклонством; в последнем случае они должны принять киданьскую одежду[237]. Неповиновавшихся он наказывал военным постоем — мера, вполне соответствующая драгонадам Людовика XIV. Жена Кучлука, дочь гурхана, по словам Шереф ад-дина[238] и Мирхонда[239], была христианкой и вполне разделяла вражду своего мужа к исламу. Имам Ала ад-дин хотанский за сопротивление Кучлуку был пригвожден к дверям своей собственной мечети. Жестокость Кучлука облегчила монгольское завоевание. Джэбэ-нойон, вступив в страну, объявил, что каждый может «оставаться в своей вере и сохранять путь отцов и дедов»; жители перешли на сторону монголов и истребили

ди>, рук. Аз. муз. 568, стр. 80 — قـلـلـي (очевидно, вместо قنغلي). В то же время в двух других рукописях Джувейни, из которых одна (рук. Публ. б-ки Ханыков 71, л. 20) очень старая и надежная, а также у Вассафа стоит قرلغان. — О потомках Озара (или Бузара) ср. *Туркестан*, ч. I, стр. 140. Эти сведения не оставляют сомнения в том, что мы имеем дело с мусульманской династией; это подтверждается и словами китайского путешественника XIII в. Чан-чуня; ср. Bretschneider, *Researches*, vol. I, p. 70.

[235] Рук. Публ. б-ки IV, 2, 34, л. 22.

[236] Так полагал Опперт (*Presbyter Johannes*, S. 159). Д'Оссон (*Histoire des Mongols*, t. I, p. 171) смешивает эту девушку с дочерью гурхана. Несомненно, здесь имеется в виду прежняя невеста гурхана; ср. выше, стр. 296, прим. 231.

[237] Такая версия у Рашид ад-дина (изд. Березина, III, текст, 61; пер., 39) и в более поздних источниках, а также у д'Оссона (*Histoire des Mongols*, t. I, p. 171); согласно Джувейни, Кучлук требовал от своих мусульманских подданных отречения от их религии и принятия христианства или буддизма или, по крайней мере, принятия киданьской одежды. Последнее требование должно было быть выполнено; публичное богослужение и преподавание в медресе было прекращено. Персидский текст: اهالی آن نواحی‌را انتقال از دین محمدی الزام کرد ومیان دو کار مخیّر یا تقلّد مذهب نصاری وبت‌پرستی یا تلبّس بلباس خطاییان چون تحویل بمذهب دیکر ممکن نبود از غایت اضراب بکسوت خطاییان مکتسی کشتند قوله تعالی فمن اضطرّ غیر باغ ولا عـاد فـانّ ربّک غـفـور رحیم (Коран, II, 168) واذان موذّن وتوحید مؤحّد ومـؤمن مـنـقـطـع شـد ومـدارس درس در بسته ومندرس کشت. <Ср. Джувейни, изд. Казвини, I, 53.>

[238] Рук. Аз. муз. b 568, стр. 79.

[239] Oppert, *Presbyter Johannes*, S. 159. Мирхонд, вероятно, взял это известие у Шереф ад-дина; откуда взял его последний, неизвестно; Рашид ад-дин и Джувейни ничего не говорят об этом.

солдат Кучлука, размещенных по их домам; монголы почти без сопротивления овладели страной (1218 г.). Кучлук бежал на юг и только в Бадахшане был настигнут и убит монголами[240]. Баласагун получил от монголов название Гобалыка[241], т. е. 'хорошего города'; это название также показывает, что столица Кучлука была взята без сопротивления; города, добровольно сдававшиеся монголам, получали прозвание «хороших» (например, Зернук[242]), особенно упорно сопротивлявшиеся — название «дурных, злых» (например, Бамиан[243] и наш Козельск)[244].

Исследование христианства в монгольский период представляет бóльший интерес, но и гораздо бóльшие трудности. По справедливому замечанию Гутшмида[245], монгольское завоевание повлекло за собой такое развитие сухопутных сношений, какого мир никогда не видел ни до, ни после этого времени. Вследствие этого культурные элементы, проникавшие в этот период в Среднюю Азию, находились в постоянном соприкосновении между собой, и для того, чтобы понять какой-нибудь из них, нужно основательно изучить все. Подобное исследование требует большей подготовки, чем та, которою располагает автор настоящей статьи.

---

[240] Рашид ад-дин, изд. Березина, III, пер., 38—40 (по Джувейни — см. рук. Публ. б-ки IV, 2, 34, лл. 22—23).

[241] К. Г. Залеман пишет غربالیق Ġyr-balyḳ (*Кутадгу билик,* изд. Радлова, I, стр. XLV), основываясь на чтении рукописей; но в монгольском языке, как мне сообщил А. О. Ивановский, соответствующее слово звучит *гоа.* Объяснение названия Гобалык имеется только у Мирхонда (*История Чингиз-хана,* изд. Жобера, 91).

[242] Абулгази, *Родословная тюрок,* изд. Демезона, II, 109. Известие имеется уже у Джувейни, ср. его рассказ: Schefer, *Chrestomathie persane,* t. II, pp. 120—121. Как показывает описание последнего похода Тимура (Шереф ад-дин Йезди, пер. Пети де ля Круа, IV, 216), Зернук был расположен на дороге из Самарканда в Отрар (развалины последнего находятся, как известно, у впадения Арыса в Сыр-Дарью), немного к западу от Сыр-Дарьи.

[243] Абулгази, *Родословная тюрок,* изд. Демезона, II, 122, также по Джувейни (Schefer, *Chrestomathie persane,* t. II, pp. 142—143); находится у западной оконечности Гиндукуша.

[244] <О названиях «Гобалык» и «Мобалык» см. Pelliot, *Notes sur l'histoire de la Horde d'Or,* pp. 110—114. Как указал Пельо, Баласагун, очевидно, никогда не назывался Гобалыком; в рукописях следует читать غزبالیق *Гуз-балык,* что соответствует *Гуз-орду,* или *Куз-орду* (другое название Баласагуна у Махмуда Кашгарского; ранее, по мнению Прицака, — название резиденции караханидских каганов около Баласагуна); источники также ничего не говорят о том, что Баласагун был взят без боя. Названия Мобалык для Козельска нет ни в каких восточных источниках; оно было вымышлено еще Татищевым (в форме «Могу болгусун») и в дальнейшем перешло в труды других авторов (Хаммера, Вольфа, Ховорса и Березина). Что касается названия, данного Бамиану, то первоначальная (монгольская) форма, по мнению П. Пельо, могла быть *Мо-курган* (Mā̆-Qorγan>Ma'u-Qorγan) 'дурная крепость', а «гибридная» монголо-тюркская форма *Мобалык* могла быть в ходу уже у тюрок. — Ю. Б.>

[245] *Kleine Schriften,* Bd III, S. 609.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОЗЕРО ИССЫК-КУЛЬ

В «Истории династии Тан» мы находим следующее описание пути от Аксу к Иссык-Кулю [246]:

Страна Гумо или Болуга (Аксу); к северо-западу от нее река Бохуаньхэ; дальше город Сяошэ.

Оттуда в 20 ли река Хулюйхэ, на границе хотанского царства.

Оттуда в 60 ли город Дашэ, называемый иначе Юйчжо или Вэньсочжоу [247]; по географам времени старших Хань (206 г. до н. э. — 25 г. н. э.), он находился в 270 ли от Гумо.

Оттуда в 30 ли (город?) Солоуфын [248].

Оттуда в 40 ли гора Бада [249], входящая в состав гор Сунь (Суньшан), лежащих к северу от Аксу. При династии Тан они составляли границу Китая.

Оттуда в 50 ли город Дундо [250], древний Чжэшань или Чжэгэ [251], столица усуней [252].

Оттуда в 30 ли река Чжэньчжухэ [253]; по Ма Дуань-линю (компилятору XIII в.), она вместе с другой рекой, Чжэхэ [254], текла на северо-запад; к северо-западу от реки находилась гора Фаелин [255].

Оттуда в 50 ли Сюехай ('Снежное море'); по Ма Дуань-линю, окружающие его горы всегда покрыты снегом.

---

[246] Deguignes, *Histoire générale des Huns,* t. I, pt 2, p. LXV. См. также Бичурин, *Собрание сведений,* III, 223 и 224. Ср. теперь еще Hirth, *Nachworte,* S. 72.

[247] <Вэньсу.>

[248] <Сулоуфын.>

[249] <Бода.>

[250] <Дуньдо.>

[251] <Чишань и Чигу.>

[252] Примечание Хирта: «Это место, по-видимому, означает, что составитель дорожника искал старую столицу усуней еще в горах; между тем Сюй Сун в своем комментарии к *Цянь-хань-шу — Хань-шу си-юй-чжуань бу-чжу* (гл. 2, стр. 1), имеющем большое значение для изучения древней географии Центральной Азии, защищает мнение о том, что усуни первоначально жили по южным отрогам Тянь-Шаня, в долине Тарима, и лишь позднее они ушли в горы. Соответственно он ищет старую столицу Чишань перед Тянь-Шанем. Этому, по-видимому, противоречит приведенный дорожник танского периода».

[253] По Хирту, это — «Нарын как верхнее течение Сыр-Дарьи около Нарынска».

[254] <Чжихэ.> По Хирту (ср. *Nachworte,* S. 70), в *Тан-шу* «говорится только об о д н о й реке, к которой относятся оба эти названия».

[255] <Фаилин.>

Оттуда в 30 ли Суйбошу, на реке Суйбошуй [256].

Оттуда в 50 ли озеро Жэхай, которое сами жители страны называют Иссык-Куль. (Дальше см. выше, стр. 268).

Название горы Бада [257] лучше всего показывает, что китайский историк имеет в виду путь через проход Бедель; через этот же проход, а не через Музарт, как ошибочно полагает Скайлер [258], проехал Сюань Цзан. Оставленное им описание этого пути [259] можно сравнить с подробным маршрутом штабс-капитана Сунаргулова, бывшего там в 1877 г. [260].

Автор «Истории династии Тан» приводит названия городов на пути от прохода Бедель к Иссык-Кулю; Сюань Цзан ничего не говорит о них. Существование настоящих городов в этой местности немыслимо по климатическим условиям; упоминаемые китайцами города, наверное, были только ставками кочевников. Интересно определить местоположение столицы усуней. Две реки, о которых говорят китайцы, вероятно, соответствуют Кара-саю и Джау-джуреку (обоим истокам Нарына); столица усуней должна была находиться несколько южнее, может быть на плато Кара-гиру. «Снежное море»=горное озеро Бель-куль [261], непосредственно к югу от перевала Кашка-су.

Прибыв к озеру Иссык-куль, Сюань Цзан проехал 500 ли вдоль берега озера до города на реке Суй-е (Чу). Из этого видно, что он прибыл сперва к юго-восточному берегу озера; это еще более подтверждается его словами, что в этом месте в озеро впадало множество рек. По берегу Иссык-Куля, вероятно, вел также маршрут «Истории династии Тан», приведенный на стр. 268—269; река Суй-шэ, вероятно, соответствует реке Суй-е Сюань Цзана [262]; только расстояние определено у китайских историков в 280 (по Хирту — 320), а не в 500 ли [263]. Города Дун, Холе <Хэле>, Ечжи и Фило-цзян-цзюнь (или город

---

[256] <Суйбусюй, на реке Суйбушуй.> По Хирту, «вероятно, протекающие по долине Кочкара истоки реки Суй-е» (т. е. Чу).

[257] <Бода.>

[258] *Turkistan,* vol. I, p. 391; vol. II, p. 134.

[259] Сюань Цзан, пер. Жюльена, I, 11—12; *Жизнеописание Сюань Цзана,* 53—54.

[260] Куропаткин, *Кашгария,* стр. 297—310; Костенко, *Туркестанский край,* т. II, стр. 231—234.

[261] Сунаргулов, говоря об этом озере, не называет его; название взято мною из карты, приложенной к книге А. Н. Куропаткина.

[262] <Как уже отмечено выше (стр. 269, прим. 27), *шэ* и *е* — разные чтения одного и того же иероглифа. — *Ю. Б.*>

[263] Вообще расстояния, приводимые в разбираемом маршруте, более чем сомнительны; противоречие между арабскими и китайским источниками, указанное выше, на стр. 283, так значительно, что не может быть объяснено переменой торгового пути. Чтобы установить, насколько точно переданы эти расстояния Дегинем, нужно было исследовать этот маршрут в подлиннике, что и было сделано Хиртом. К сожалению, работа этого синолога показывает, что неверные сведения о расстояниях в действительности имеются в китайском подлиннике.

Пэй-ло), тоже не упоминаемые Сюань Цзаном, должны были находиться на южном берегу озера [264].

Озеро Иссык-Куль, как лишь недавно стало известно, неоднократно упоминается у мусульманских писателей домонгольского периода. В литературе домонгольского периода нам известны уже три географа, у которых имеются сведения об Иссык-Куле: 1) анонимный автор *Худӯд ал-'ālам* (X в.) [265]; 2) Гардизи и 3) автор *Джахāн-нāме* [266]. У позднейших писателей мы находим некоторые сведения о нем и о городе, носившем то же название [267]; но относительно местоположения города они не дают нам никаких указаний. Только Ибн Арабшах [268] говорит о «небольшом жилище» среди озера, т. е. на острове. На каталанской карте 1375 г. город Иссык-Куль (Yssicol) отмечен на северном берегу озера [269] (там же приведено известие, что в этом городе был армянский монастырь). Теперь, как известно, находят остатки древнего города под водой, около устьев рек Туп и Кой-су. Островов на Иссык-Куле в настоящее время нет, но много мелей [270]. Берег озера около устьев упомянутых рек образует полуостров, который, конечно, мог некогда быть островом [271].

На берегу озера найдено много древних сосудов и т. п.; особенно интересна небольшая лампа с письменами, принадлежащими совершенно неизвестному алфавиту; одна буква, по мнению Лерха, сильно

---

[264] Именно, если верно предположение, что Сюань Цзан и автор *Тан-шу* описывают одну и ту же дорогу. В пользу этого предположения говорят названия городов Дун, Холе <Хэле> и Ечжи, которые, по-видимому, соответствуют упомянутым у Гардизи (ср. мой *Отчет о поездке в Среднюю Азию,* стр. 89—90) местам تونک, يار и جيل. Первое название сохранилось до сих пор в названии реки Тон, в долине которой находятся значительные развалины. Если путешественники достигали берега Иссык-Куля восточнее Тона, то, естественно, мнения Хирта о переправе через Нарын около Нарынска и о реке Суйбо отпадают; однако «город <генерала> Пэй-ло», во всяком случае, находился уже в долине Чу.

[265] См. с нем MSOS, Jg. I, Abt. 2, 1898, S. 153 sq.; <= реферат статьи: Туманский, *Новооткрытый персидский географ*>.

[266] См. ibid. и персидский текст в моем *Туркестане,* ч. I, стр. 81. <См. также Бекран, *Джахāн-нāме,* изд. Борщевского, стр. 22—23.>

[267] Омари, извлеч. в пер. Катрмера, 226—231.

[268] Изд. Мантера, II, 392—393. Слово دويره, вероятно, нарицательное имя, а не собственное, как полагал издатель. На это место обратил мое внимание д-р Бретшнейдер.

[269] Buchon — Tastu, *Atlas en langue catalane,* pp. 132—133. Об этой карте ср. еще Yule, *Cathay,* vol. I, prelim. essay, p. CCXXIII. Скайлер *(Turkistan,* vol. II, p. 130) по ошибке помещает город и монастырь на южном берегу.

[270] Костенко, *Туркестанский край,* т. I, стр. 177.

[271] Ср. об этом мой *Отчет о поездке в Среднюю Азию,* стр. 46—50. Здесь приведены слова Мухаммед-Хайдера в *Та'рӣх-и Рашӣдӣ,* согласно которым еще в XV в. была построена крепость на острове Кой-су на Иссык-Куле (см. персидский текст: Бартольд, *Отчет о поздке в Среднюю Азию,* стр. 50 и английский перевод: Мухаммед-Хайдер, 78—79). Так как Мухаммед-Хайдер, который в XVI в. не говорит ни слова об исчез-

напоминает манихейское письмо [272]. Приведенные нами исторические известия о распространении манихеизма в Средней Азии делают предположение Лерха очень вероятным.

новении острова, в своем подробном описании озера также не упоминает о кирпичах и других обломках, которые теперь в большом количестве выбрасываются на берег, то из этого следует вывод, что остров исчез лишь в новейшее время, вероятно вследствие землетрясения. Существование под водой стен и развалин города является сомнительным. <О новых исследованиях в районе Иссык-Куля см. Иванов, *Материалы.* — *С. К.*>

[272] Schuyler, *Turkistan,* vol. II, p. 130. <Никаких новых сведений об этой надписи не было опубликовано. — *С. К.*>

О ПРЕПОДАВАНИИ ТУЗЕМНЫХ НАРЕЧИЙ В САМАРКАНДЕ[1]

Не раз уже в нашей местной печати выражалось желание, чтобы люди, призванные управлять туземным населением, знали язык своих подчиненных и могли объясняться с ними без посредства переводчиков. Это желание разделяется и высшей администрацией края: не так давно В. П. Наливкину было поручено прочесть курс по сартскому языку для желающих из русских чиновников и офицеров; теперь такие же чтения, по инициативе графа Н. Я. Ростовцова, устроены в Самарканде; ведение дела поручено г-ну Лапину, переводчику при самаркандском военном губернаторе, который принял на себя этот труд безвозмездно. В № 6 «Оренбургского листка» за текущий год напечатан отчет о вступительной лекции г-на Лапина, прочитанной 10 ноября прошлого года; к сожалению, эта статья, озаглавленная: «Сарты и их язык», производит довольно странное впечатление. Автор начинает с утверждения, что «на самом деле нет ни сартов как народа, ни сартовского языка». Слово *сарт,* по его мнению, есть искажение слов *сары-ит* ('желтая собака') и представляет насмешливое прозвание, данное кочевниками-киргизами оседлому населению края, без различия происхождения. Так объясняют это слово сами киргизы, которые в подтверждение этого рассказывают даже легенду, приводимую г-ном Лапиным. В истинность легенды г-н Лапин, конечно, не верит, но полагает, «что картина, как киргиз, проезжая по степи, увидел рыжую собаку, жалобно вывшую на том месте, где была расставлена юрта (что сплошь и рядом случается в степи), что эта картина напоминала оседлого жителя, и он стал звать его *сартом,* а для прикрасы этой насмешливой клички сложилась у киргиз приведенная выше легенда». Неподражаемым комизмом отличается следующее мнение автора: «Взглянув на сарта-арбакеша, когда он, сидя на своей впряженной в арбу лошади, поджав ноги, широко расставив колени и задрав голову вверх, тянет свою заунывную, бесконечно монотонную песню, мы легко убеждаемся, что он очень напоминает данную ему киргизами кличку».

Изобретенное кочевниками насмешливое прозвание, по мнению г-на Лапина, «упорно держалось среди киргиз, как собирательное для все-

---

[1] <См. также ниже, статьи *Вместо ответа г-ну Лапину, Еще о слове «сарт» и Сарт* (стр. 306, 310 и 527). — *Ю. Б.*>

го оседлого населения, и постепенно стало распространяться, а потому нет ничего удивительного, если слово это употреблялось и некоторыми историками, как общее название оседлого населения Туркестана». Итак, автор приходит к выводу, «что у нас нет народа сартов, а существует лишь под словом *сарт* обидная кличка всего оседлого населения; мы не имеем основания назвать язык сартов сартовским, так как под сартовским языком должно разуметь и таджикский язык, и язык оседлых узбеков, а потому язык следует называть не сартовским, как до сего времени писалось и говорилось, а *узбекским* языком, по наречию оседлых *узбеков*».

Мы можем только удивляться, как г-н Лапин решается говорить с таким апломбом о вещах, о которых, по-видимому, не имеет ни малейшего понятия. С историей и литературой края он совершенно незнаком; иначе он знал бы, что у писателей XV и начала XVI в., Неваи и Бабура, слово *сарт* употребляется в смысле 'перс, таджик' и противополагается слову *тюрк*, а не слову *казак* (которое в смысле 'бродяга, разбойник' встречается уже у названных писателей). Нынешний киргизский, или, как он себя называет, казацкий народ в то время еще только образовывался и не имел почти никаких сношений с населением тех местностей, из которых вышли Бабур и Неваи. Из этого видно, что термин *сарт* придуман во всяком случае не киргизами. Легенда, приведенная г-ном Лапиным, принадлежит к таким же «народным этимологиям» (Volksetymologie), как легенда о происхождении слова *киргиз* от *кырк-кыз* ('сорок девиц').

Сведения о различных употреблениях слова *сарт* и о различных объяснениях этого термина с достаточной полнотой собраны Н. П. Остроумовым[2]. Сколько-нибудь научных объяснений, на наш взгляд, до сих пор нет. Важнее всего факт, что слово *сарт* не встречается в сочинениях домонгольского периода и что оно впервые употреблялось монголами. По словам Рашид ад-дина, монголы употребляли слово *сартакты*[3] в смысле 'таджик'; по его же словам, они впервые применили это слово к Арслан-хану карлукскому, первому из мусульманских владетелей, с которыми пришлось иметь дело Чингиз-хану. Из этого можно заключить, что монголы называли этим именем всех мусульман без различия, тем более, что карлуки несомненно были народом тюркским, а не арийским. Итак, объяснения слова *сарт*, вероятно, следует искать в монгольском языке. Не зная этого языка, мы не можем предложить свое собственное объяснение; но что в языке монголов был соответствующий корень, это видно уже из имени второго золотоордынского хана, Сартака. Уже во время походов Чингиз-хана тюрки ста-

---

[2] *Сарты*, изд. 1-е, вып. 1, стр. 1—34; <ср. изд. 3-е, стр. 6—49>.

[3] <Правильно — *сартактай*, что было позднее отмечено и объяснено самим В. В. Бартольдом (см. ниже, стр. 312, прим. 11 и 527). — *Ю. Б.*>

рались сближаться с монголами, в противоположность городскому населению, которое в то время было арийским по языку и происхождению; очень вероятно, что вследствие этого сближения монголы стали называть сартами не всех мусульман, а только сохранивших свою обособленность арийцев, и что от монголов этот термин перешел и к тюркам. По мере смешения с тюрками сарты утратили свой арийский язык и приняли тюркский.

Каково бы ни было происхождение слова *сарт*, нельзя не согласиться с мнением Н. П. Остроумова, что исключить его из нашего этнографического словаря нет никаких оснований. Этимология слова «немец» известна каждому, и все-таки мы употребляем его как этнографический термин. Подобно этому термину и слово «сарт», хотя бы оно первоначально не имело этнографического значения, теперь употребляется для обозначения народа, представляющего как по типу, так и по языку особую этнографическую единицу. Г-н Лапин требует, чтобы сартский язык называли узбекским. Мы не имеем точных сведений о том, насколько наречие, например, хивинских узбеков отличается от наречия ташкентских и самаркандских горожан; по словам Н. П. Остроумова, язык сартов «в основе тюркский, но отличающийся от киргизского, узбекского, татарского и турецкого и известный под именем сарт тили» [4].

Относясь с полным уважением как к просвещенной инициативе графа Н. Я. Ростовцова, так и к бескорыстному труду г-на Лапина, мы не можем не пожалеть о том, что последний не ограничился практическим преподаванием туземных наречий, а решился выступить в роли знатока истории сартского народа и языка. Человек, желающий выставить свои знания и вместо этого выставляющий только свое абсолютное невежество, компрометирует этим не только себя лично, но и то дело, которому служит.

[4] <Остроумов, *Сарты*, изд. 1-е, вып. 1, стр. 32.>

ВМЕСТО ОТВЕТА Г-НУ ЛАПИНУ

В № 36, 38 и 39 «Туркестанских ведомостей» была помещена статья г-на Лапина «О значении и происхождении слова сарт», представляющая ответ на мою заметку «О преподавании туземных наречий в Самарканде»[1], напечатанную в № 19 «Окраины». Помещая эту статью, редакция сделала к ней следующее примечание: «Не разделяя изложенного в этой статье мнения о происхождении слова *сарт,* мы тем не менее весьма охотно даем место настоящему труду, так как он исполнен одним из представителей туземного населения, серьезно отнесшимся притом к разбираемому им вопросу».

Считаем нужным предупредить читателей, что наше настоящее возражение на статью г-на Лапина вызвано только вышеприведенным отзывом о ней редакции. Отзыв этот объясняется тем, что редакция, не предполагая в статье г-на Лапина тех приемов, о которых будет речь ниже, не проверила сделанных им цитат и потому не могла заметить, что г-н Лапин самым бесцеремонным образом искажает не только смысл моих слов, но нередко и текст их, даже в тех случаях, когда приводит их в кавычках[2]. Тем не менее эта похвала может ввести в заблуждение публику относительно истинного характера статьи. Ввиду этого я позволю себе привести несколько наиболее ярких примеров, характеризующих отношение г-на Лапина к делу.

1) В статье, напечатанной в «Оренбургском листке», было приведено мнение г-на Лапина, что слово *сарт* «употреблялось и некоторыми историками, как общее название оседлого населения Туркестана». Возражая на это, я указал на тот факт, что историки (например, Бабур) называют сартами не всех оседлых жителей края, а только население, говорившее по-персидски, и противополагают сартов тюркам вообще, а не только кочевым казакам; между тюрками, как известно г-ну Ла-

---

[1] <См. выше, стр. 303. См. также ниже, статьи *Еще о слове «сарт»* и *Сарт* (стр. 310 и 527). — *Ю. Б.*>

[2] <Редакция действительно не могла ожидать со стороны г-на Лапина указанных приемов и потому не произвела сличения статей г-на Лапина и г-на Бартольда, о чем теперь искренне жалеет. «Серьезной» статья была признана редакцией потому, что автор, как признает и сам г. Бартольд, все-таки обнаруживает в ней некоторое знакомство с историческими источниками. — *Прим. редакции ТВ.*>

пину, уже в то время были и оседлые, так что «общим названием оседлого населения Туркестана» слово *сарт* во всяком случае не было. Вместо того, чтобы сознаться в своей ошибке, г-н Лапин придумывает следующий софизм: «эти писатели (как заявляет и сам г. Бартольд) употребляли слово *сарт* в смысле *перс, таджик* в противоположность слову *тюрк,* а, следовательно, и слову *казак,* ибо *казаки* также причисляются к тюркским племенам, чего, надеюсь, не может отрицать и г. Бартольд».

2) Далее мы находим у г-на Лапина такую фразу: «После этого становится совершенно непонятной логика г. Бартольда, называющего сартами только *оседлых туземцев преимущественно Сыр-Дарьинской и частично Ферганской областей и Аму-дарьинского отдела,* которые, как небезызвестно должно быть г. Бартольду, говорят исключительно на языке *тюркского корня,* что идет вразрез показаниям Неваи и Бабура, которые приурочивают слово *сарт* к персам, таджикам, не говорящим по-тюркски». По поводу этой фразы г-на Лапина я должен заметить, что он, во-первых, без всякого основания приписывает мне мнение, высказанное только в книге Н. П. Остроумова[3], а не в моей статье; во-вторых, у меня прямо сказано, что «по мере смешения с тюрками сарты утратили свой арийский язык и приняли тюркский»; таким образом, возражение г-на Лапина становится совершенно непонятным.

3) В моей статье было сказано: «Нынешний киргизский или, как он сам себя называет, казацкий народ в то время (в конце XV и начале XVI в.) еще только образовывался и не имел почти никаких сношений с населением тех местностей, из которых вышли Бабур и Неваи». Желая доказать нелепость моего мнения, г-н Лапин, приводя мою фразу, намеренно пропускает слова: «или, как он сам себя называет, казацкий» и доказывает, что киргизы упоминаются уже в V в. Между тем, из моих слов совершенно ясно, что я имел в виду не настоящих киргизов, а тот народ, который получил это название впервые от русских и сам себя никогда не называл и не называет этим именем. Что казаки, или так называемые «киргиз-кайсаки», впервые упоминаются в XV в., это сказано даже в приведенной г-ном Лапиным выписке из «Энциклопедии военных и морских наук»[4]; что казацкий союз образовался во второй половине того же столетия, об этом мы имеем определенные исторические известия. Далее г-н Лапин доказывает, что некоторые сношения между казаками и подданными Тимуридов все-таки были, чего я и не думал отрицать, как показывает уже слово «почти»

---

[3] *Сарты,* изд. 1-е, вып. 1, стр. 1.

[4] Мнение г-на Лапина о безусловной солидности этого источника едва ли основательно; даже в сделанной им выписке есть противоречия, так что эти сведения едва ли доставлены лицом, хорошо знакомым с историей Средней Азии.

в моей фразе, тоже намеренно пропущенное г-ном Лапиным. Мне только кажется, что эти сношения не были настолько значительны, чтобы придуманный казаками термин мог быть принят историками.

4) В моей статье говорится: «По словам Рашид ад-дина, монголы употребляли слово *сартакты* в смысле 'таджик'; по его же словам, они впервые применили это слово к Арслан-хану карлукскому, первому из мусульманских владетелей, с которыми пришлось иметь дело Чингиз-хану. Из этого можно заключить, что монголы называли этим именем всех мусульман без различия, тем более, что карлуки несомненно были народом тюркским, а не арийским». Г-н Лапин сомневается в тожестве слов *сартакты* и *сарт;* это, конечно, вопрос личного мнения, хотя мнение г-на Лапина, что слова «то есть таджик» (у Рашид ад-дина), стоя после сказуемого, должны быть поняты как начало новой незаконченной мысли, вовсе не имея значения приложения к слову *сартакты,*— это мнение во всяком случае свидетельствует о малом знакомстве автора с персидскими текстами. Но совершенно непонятно, зачем г-ну Лапину понадобилось выламывать открытые двери и, обходя молчанием мои слова, доказывать, что «Арслан есть имя чисто тюркское, соответствующее персидскому *Шир*», что «это дает полное основание утверждать, что Арслан-хан был тюркского происхождения». В последнем не может быть сомнения, но из этого еще отнюдь не следует, что монголы не могли применить к мусульманскому хану (первому из мусульманских владетелей, с которыми им пришлось иметь дело) тот же термин, которым они называли приезжавших к ним мусульманских купцов; последние, судя по историческим известиям, большею частью были таджикского происхождения, чем вполне объясняются слова Рашид ад-дина, что слово *сартакты* значило у монголов 'таджик'.

5) В конце своей статьи я выразил сожаление о том, что г-н Лапин «не ограничился практическим преподаванием туземных наречий, а решился выступить в роли знатока истории сартского народа и языка». Приводя последние слова в кавычках, г-н Лапин пропускает слово «истории» и знаком вопроса выражает свое удивление по поводу нелепости получившейся таким образом фразы.

Надеюсь, что теперь каждый читатель согласится с тем, что серьезного характера статья г-на Лапина не имеет. Свой упрек автору в «абсолютном невежестве» я охотно беру назад, так как своей статьей г-н Лапин доказал, что некоторые, хотя и очень немногие источники по истории Средней Азии ему хорошо знакомы; но невежество, хотя бы абсолютное, все-таки гораздо лучше тех приемов, которые он обнаружил в указанной статье...

Помещая статью г-на Лапина, редакция исходила из того взгляда, что склонность к научным работам со стороны туземца во всяком случае представляет отрадное явление, которое необходимо всячески

поддерживать. Против этого никто не станет спорить; никто также не станет требовать от туземных деятелей, чтобы они сразу усвоили себе научные приемы, выработанные европейской наукой путем долгого опыта. Незнакомство с этими приемами отразилось и на статье г-на Лапина; таково, например, его мнение, что легенда о происхождении слова *сарт* «не могла же у киргиз сложиться ни с того, ни с сего» (известно, что подобные «народные этимологии» придумываются для объяснения уже существующих терминов; такова также легенда о происхождении слова *киргиз* от *кырк-кыз* 'сорок дев'), или его замечание о слове *кипчак:* «Если в давние времена существовало название местности *Дашти-кипчак* (кипчакская степь), то кипчаки занимали эту местность, а кипчаки — одно из киргизских племен» (г-ну Лапину неизвестно, что кипчаками называется у мусульманских писателей народ, известный в русских летописях под именем половцев; факт, что среди нынешних киргизских племен есть племя *кипчак,* очень просто объясняется тем, что остатки кипчаков вошли в состав казацкого союза). Если бы в статье г-на Лапина были только эти и подобные им промахи, то они со стороны специалиста, вероятно, вызвали бы только доброжелательную поправку. Только крайне авторитетный тон вступительной лекции г-на Лапина и приемы, допущенные им в его статье, заставили меня отнестись к нему несколько иначе.

ЕЩЕ О СЛОВЕ «САРТ»[1]

Как известно, слово *сарт,* в том виде, в каком мы его имеем теперь, впервые встречается у писателя конца XV в. Мир Али-Шира Неваи; в более ранних источниках мы находим только слова *сартакты* и *сартаул,* употребляющиеся в том же значении, как впоследствии слово *сарт,* и, по-видимому, представляющие более полные формы того же термина. Слово *сартакты,* насколько известно, встречается только у Рашид ад-дина, притом только в одном месте, приведенном в книге Н. П. Остроумова[2]; там же приводится примечание проф. Березина, который считал слово *сартакты* «монгольским прилагательным *сартак* = сартский (*сартагул,* сарт[3])». Кроме этого одного места термин *сартагул* или *сартаул* совсем не приводится в статьях, посвященных слову *сарт*; между тем он употребляется несравненно чаще, чем слово *сартакты,* а потому для исследователя имеет более важное значение.

Слова *сартагул, сартаул* или *сартол* довольно часто встречаются в монгольских и тибетских сочинениях; китайцы переводят этот термин словом *хой-ху* или *хой-хой,* которое первоначально употреблялось для обозначения уйгуров, потом — туркестанцев вообще, наконец — всех мусульман без различия происхождения; ко времени монгольского господства последнее значение уже было окончательно установлено. Уже в так называемой «монголо-китайской летописи», т. е. в монгольском эпическом сказании XIII в.[4], «сартаульским народом» (*сартаул-*

---

[1] <См. выше, статьи *О преподавании туземных наречий в Самарканде* и *Вместо ответа г-ну Лапину* (стр. 303 и 306), а также ниже, статью *Сарт* (стр. 527) — там же библиография. — *Ю. Б.*>

[2] *Сарты,* изд. 1-е, вып. 1, стр. 4.

[3] В книге Н. П. Остроумова пропущено слово *сартак,* которое у профессора Березина напечатано только монгольским шрифтом; <см. Рашид ад-дин, изд. Березина, I, пер., 271—272, прим. 263. — *Ю. Б.*>.

[4] Это сказание было переведено на русский язык с китайского перевода архимандритом Палладием и напечатано в ТЧРДМ, т. IV (СПб., 1866). В 1872 г. архимандриту Палладию был доставлен экземпляр монгольского подлинника сказания, хотя и написанный китайскими буквами; рукопись впоследствии была передана профессору А. М. Позднееву и теперь хранится в библиотеке СПб. университета. Желая сличить с подлинником интересные для меня места и не зная монгольского языка, я обратился к содействию профессора А. О. Ивановского, который с величайшей готовностью исполнил мою просьбу.

иргэн) называются туркестанцы, подданные хорезмшаха Мухаммеда.

Примеры употребления слова *сартаул* мусульманскими писателями до сих пор никем не были приведены. Мне удалось найти такой пример у Рашид ад-дина, в рассказе об одном из мусульманских министров великого хана Хубилая (умершего в 1294 г.), Абу Бекре, носившем титул Баян-Фенджана. Рашид ад-дин приводит отзыв хана о своем министре, причем Хубилай называет Абу Бекра «сартаульским человеком»[5]. Кроме того, в одном тюрко-арабском и монголо-арабском глоссарии[6], написанном, по всей вероятности, в Персии в начале XIV в., слово *сартаул* переводится словом «мусульманин».

Что касается этимологии слова *сартаул*, то его объясняли различно; по мнению архимандрита Палладия[7], «слово это, вероятно, составлено из *сарт*, названия коренного народа в Туркестане, и *аул*, в смысле страны, особого владения». С другой стороны, профессор В. П. Васильев[8] видел в слове *сартагол* «сокращение монгольского Сара (шара) тологай — желтоголовые (кызил-баши?)».

То и другое объяснение кажется нам очень сомнительным. Если бы мнение архимандрита Палладия было справедливо, то в монгольских и ранних мусульманских сочинениях рядом со словом *сартаул* несомненно употреблялось бы и слово *сарт*. Объяснение профессора Васильева, по всей вероятности, покажется каждому читателю слишком искусственным; кроме того, тюркское слово *кызыл*, как известно, значит 'красный', а не 'желтый', так что монгольское *сара-тологай* было бы очень дурным переводом выражения *кызыл-баш*. Со своей стороны заметим только, что окончание *аул*[9] в монгольских и тюркских словах времен Чингиз-хана встречается довольно часто, преимущественно в названиях должностей и т. п.; некоторые из таких терминов, например *караул* и *есаул*, вошли и в русский язык. Из этого можно заключить, что это окончание было приставкой, употреблявшейся для образования

---

[5] См. три рукописи Рашид ад-дина в Имп. Публ. б-ке: рук. V, 3, 1, л. 225; рук. V, 3, 2, стр. 1144 и рук. Дорн 289, л. 229.

[6] Глоссарий в настоящее время разрабатывается приват-доцентом СПб. университета П. М. Мелиоранским, который и сообщил мне известие о слове *сартаул*. <Имеется в виду словарь Ибн Муханны, изданный Мелиоранским в 1900—1903 гг.; см. Мелиоранский, *Араб филолог*, стр. 75 и 136. — *Ю. Б.*>

[7] *Сокровенное сказание*, пер. Кафарова, стр. 200.

[8] *К хронологии*, стр. 377.

[9] Мы предпочитаем форму *сартаул* потому, что эту форму мы находим как у мусульманских писателей, так и в древнейшем монгольском источнике. По-видимому, во всех словах с этим окончанием первоначально было *агул*, но звук *г* в монгольском и тюркском языках между двумя гласными часто выпадает. Заметим еще, что по мнению проф. Березина самое слово *монгол* (собственно *монк-гол*) образовалось от корня *монк* «по образцу дзасагул и проч.». См. Рашид ад-дин, изд. Березина, I. пер., 274.

некоторых имен, и что, следовательно, в слове *сартаул* корень — *сарт* или *сарта* [10].

Что касается слова *сартакты,* то происхождение последнего слога было уже указано г-ном Лапиным [11]; слог *ак* в тюркском языке употребляется для образования отглагольных существительных [12]; в монгольском, судя по приведенному выше примечанию профессора Березина, он служил также для образования прилагательных.

Итак, по нашему мнению, слова *сартаул* и *сартакты* [13] происходят от общего корня *сарт.* Вопрос о том, к какому языку принадлежит этот корень и почему монголы назвали мусульман этим именем, мы оставляем открытым [14].

Представители мусульманской культуры появлялись на отдаленном востоке главным образом в качестве торговцев; оттого монголы, по всей вероятности, первоначально называли сартами приезжавших к ним мусульманских купцов. Торговля в Средней Азии велась в то время главным образом, если не исключительно, таджиками; по свидетельству Рубрука, в северной части Семиречья был торговый город, где жили «сарацины, говорившие по-персидски» (Saraceni loquentes persicum); даже в Казани слово *тезик* (таджик) употреблялось в смысле 'купец' [15]. Первого мусульманского владетеля, с которым им пришлось иметь дело, монголы, естественно, сблизили с приезжавшими к ним мусульманскими купцами и потому, несмотря на его тюркское происхождение, применили к нему термин, которым, по свидетельству Рашид ад-дина, обыкновенно обозначали только таджиков. Впоследствии кочевники-тюрки, несмотря на свою религию (никогда не имевшую на них большого влияния), тесно сблизились с монголами; оседлое население Туркестана, говорившее в то время едва ли не исключительно на персидском наречии, более проникнутое началами мусульманской культуры, сохранило свою обособленность; поэтому тюрки, по примеру монголов, стали называть горожан-таджиков сартами. Племенное различие между монголами и тюрками в то время мало сознавалось; к тому же монгольские элементы были очень немногочис-

---

[10] В словах *караул* и *есаул* (см. дзасагул) корень оканчивается на *а;* с другой стороны, слово *букаул* ('виночерпий, стольник'), по мнению проф. Березина, происходит от глагола *бӱкмек* (там же, стр. 233).

[11] Заметим, однако, что из четырех рукописей Рашид ад-дина, которыми пользовался проф. Березин, в двух стоит *сартактай.* См. Рашид ад-дин, изд. Березина, I, текст, 171. Монгольские приставки для образования прилагательных, именно *тай* (для мужского рода) и *чин* (для женского), по свидетельству Рашид ад-дина (изд. Березина, I, пер., 51—52), присоединялись также к именам народов.

[12] См., напр., Мелиоранский, *Краткая грамматика,* ч. I, стр. 64.

[13] Или *сартактай.*

[14] <Об этом см. ниже, стр. 527. — *Ю. Б.*>

[15] Вельяминов-Зернов, *Исследование о Касимовских царях,* ч. I, стр. 380—383. <См. Barthold, *Tādjik* — также наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 470. — *Ю. Б.*>

ленны сравнительно с тюркскими и легко подчинялись влиянию последних. В XIV в. даже монгольские ханы, по крайней мере в Западном Туркестане, по свидетельству путешественника Ибн Баттуты [16], говорили по-тюркски; тот же путешественник называет монгольского хана «султаном тюрков» [17]. Таким образом, слово *тюрк* обозначало вообще господствующее кочевое население, в противоположность покоренным оседлым жителям. Естественно, что тюрки, даже принимая оседлую жизнь, не хотели называться сартами. Положение тюрков как господствующего народа содействовало развитию тюркского национального чувства, которому способствовало также появление, в эпоху Тимуридов, нескольких талантливых писателей, создавших восточно-тюркский (так называемый чагатайский) литературный язык. Эти писатели называют сартами вообще персов и противополагают язык и литературу сартов своим собственным тюркским произведениям.

Узбеки, завоевавшие в начале XVI в. владения Тимуридов, конечно, были чужды национально-культурных стремлений и не интересовались разницей между тюрками и таджиками. Для них *сарты* были оседлые жители покоренной ими страны, в противоположность завоевателям-узбекам и союзным с ними кочевым народам. Абулгази (в XVII в.) называет сартами только среднеазиатских горожан, противополагая их узбекам и туркменам и нисколько не сближая их с «кызылбашами» (персами). К киргизам [18] слово *сарт*, по-видимому, перешло от узбеков.

Под влиянием завоевателей [19] сами горожане-туземцы стали называть себя сартами; но племенное различие между тюрками и таджиками так велико, что представители обоих народов не могли называть себя одним и тем же именем. Так как большинство оседлого населения теперь говорило по-тюркски [20], то сартами стали называться только горожане-тюрки, в противоположность не только кочевникам, но и таджикам, и теперь жители, например, Ташкента прямо говорят о сартском языке, в противоположность таджикскому. Таким образом установилась разница между терминами *сарт* и *таджик*, которые некогда были синонимами. В этом отношении судьба слова *сарт* вполне соответствует судьбе слова *таджик*. Первоначально персы называли таджиками завоевателей-арабов, потом распространили это название на своих соплеменников, принявших ислам [21]; тюрки стал называть

[16] Ибн Баттута, III, 32, 33.

[17] Там же, 37.

[18] <Казахам.>

[19] Установилось ли различие между сартами и таджиками только при русском владычестве или еще при узбеках, мы не знаем; первое кажется нам очень невероятным, но прямых свидетельств в пользу второго мы не имеем.

[20] Процесс отуречения оседлого населения Туркестана еще не завершился, но как известно, продолжается и теперь, несмотря на русское владычество.

[21] См. словарь Вуллерса (Vullers, *Lexicon*) при слове تاجيك.

таджиками все оседлое мусульманское население, без различия происхождения. Когда арабские завоеватели, за ничтожными исключениями, слились с туземным населением, слово *таджик* сделалось этнографическим термином для обозначения персов, и под влиянием тюрков сами персы стали называть себя таджиками, совершенно перестав применять это слово к арабам [22]. Как при употреблении слова *таджик* мы нисколько не думаем о его первоначальном значении, точно так же мы не имеем основания отказываться от употребления слова *сарт* в качестве этнографического названия.

[22] Исключение составляют некоторые термины, сохранившиеся от прежних времен, напр., *асп-и тāзī* ('арабская лошадь'). <О термине *таджик* ср. наст. изд., т. II, ч. I, стр. 469—470. — *Ю. Б.*>

ЕЩЕ О ХРИСТИАНСТВЕ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

К вопросам, наиболее занимающим ту часть местной интеллигенции, которая интересуется прошлым края, принадлежит вопрос об исторической роли несторианства в Туркестане и о причинах его бесследного исчезновения. Окончательное разрешение этих вопросов пока еще невозможно: исторические известия очень скудны, а из вещественных памятников христианства в Средней Азии до сих пор можно указать только на два случайно найденных кладбища (пишпекское и токмакское). Отсутствие достоверных данных, как всегда, вызывает появление более или менее фантастических гипотез; так, некоторые хотят видеть памятники христианства во всех мусульманских мазарах, связанных с именами ветхозаветных пророков[1], хотя культ последних (особенно Соломона) в мусульманском мире распространен еще сильнее, чем в христианском. Более научная постановка вопроса, конечно, будет возможна только тогда, когда будут собраны все известия восточных авторов о христианстве в Средней Азии и когда те места, где, по этим данным, особенно процветало христианство, будут подвергнуты тщательному исследованию с целью открытия новых вещественных памятников. Здесь мы хотели бы только обратить внимание на некоторые известия, которые до сих пор не были приведены на русском языке и которые, на наш взгляд, представляют значительный интерес.

В статьях, помещенных в «Туркестанских ведомостях» за 1894 г.[2], мы указали на христианское селение к югу от Самарканда, по-видимому близ нынешнего Ургута, и привели также факт, что тот же арабский писатель X в., Ибн Хаукаль, говорит о христианском селении в окрестностях Ташкента. Местоположение этого селения, которое у арабов носит название Винкерд, тоже может быть определено довольно

---

[1] Такие взгляды высказывались в «Окраине» самаркандского периода и недавно были повторены г-ном Ет. Степным в сборнике «Средняя Азия» за 1896 г. (*Марко Поло*, стр. 32), изданном под редакцией Е. Т. Смирнова. Г-н Степной даже обвиняет всех несогласных с ним в «тупо-отрицательном взгляде». Мы позволим себе выразить надежду, что в полезном издании Е. Т. Смирнова, которому мы искренно желаем всякого успеха, такое отношение к научным вопросам останется редким исключением.

[2] <В. В. Бартольд имеет в виду статьи: *К вопросу об археологических исследованиях в Туркестане* (ТВ, 1894, № 5) и *По поводу христианского селения Вазкерд* (ТВ, 1894, № 21). — *Ю. Б.*>

точно. Арабы помещают Винкерд на дороге из Джизака в Бинкет (Ташкент), причем Винкерд был первой станцией после Голодной степи. Дальше на той же дороге был город Джинанджкет, на левом берегу Чирчика, в 2 фарсахах (12—15 верст) от берега Сыр-Дарьи и 4 фарсахах от города Бенакета, расположенного при устье Ангрена[3]; только после Джинанджкета дорога переходила на правый берег Чирчика[4]. Итак, христианское селение должно было находиться недалеко от Сыр-Дарьи на левом или на правом берегу реки, в последнем случае — к югу от Чирчика[5].

Известий о христианстве в Туркестанском крае за период от X до XIII в. нам до сих пор не удалось найти. В XIII в. завоевание страны монголами существенно изменило положение христиан[6]. Мусульмане лишились своего господствующего положения; как известно, монголы, подобно всем шаманистам, относились с одинаковым уважением ко всем религиям и одинаково освободили мусульманское, христианское и буддийское духовенство от всяких податей и повинностей. В самой Монголии христианство было распространено еще до Чингиз-хана; христианской веры, как известно, придерживалось сильное племя кераитов, из которого взяли себе жен некоторые потомки Чингиз-хана; кроме того, некоторые царевичи имели христианских воспитателей. Все это по временам давало христианству перевес над всеми другими религиями. По-видимому, несториане в таких случаях старались отомстить мусульманам за прежние притеснения; по крайне мере, мусульманские писатели жалуются на враждебное отношение к исламу со стороны тех ханов, которые всецело находились под христианским влиянием. Наиболее благоприятным было положение христиан в кратковременное царствование великого хана Гуюка (1246—1248), получившего христианское воспитание. Персидский историк XIII в. Джузджани[7] приписывает Гуюку целый ряд мер, направленных против ислама; между прочим, христиане уговорили Гуюка вызвать ко двору

---

[3] Местоположение этого города верно указано Е. Т. Смирновым (*Древности*, стр. 1134). Он, однако, по ошибке смешивает Бенакет с Бинкетом, главным городом области Шаш. В книге г-на Петровского этой ошибки, вопреки ссылке г-на Смирнова, нет (*Арабские дорожники*, стр. 20).

[4] Истахри, 336, 345; Кудама, <текст, 204>; пер., 156.

[5] В настоящее время, как известно, Голодная степь начинается непосредственно к юго-западу от Сыр-Дарьи; так же было в XIII в. (см. Чан-чунь, пер. Кафарова, 309); но границы Голодной степи в X в. нам неизвестны; мы не знаем также, к какому времени относятся бугры, находящиеся на левом берегу Сыр-Дарьи, между устьями Ангрена и Келеса (Смирнов, *Древности*, стр. 127).

[6] <Кроме новой литературы, указанной выше, стр. 265, прим. 3, см. также о христианстве при монголах: Pelliot, *Chrétiens;* L. Browne, *The eclipse,* pp. 147—178; Spuler, *Die Mongolen in Iran,* S. 198—223 (библиография: S. 495—497). — *Ю. Б.*>

[7] Его труд «Насировы таблицы» (*Ṭабақāт-и Нāṣирӣ*) был переведен на английский язык Раверти.

авторитетного имама Нур ад-дина Хорезми для религиозного диспута, чтобы в его лице посрамить ислам. Диспут произошел в присутствии Гуюка и (по рассказу мусульманского историка) носил следующий характер[8]:

«Христиане. Объясни, что за человек был Мухаммед.

Имам. Мухаммед — последний из пророков, глава апостолов, посланник господа миров... Моисей, увлеченный его достоинствами, [говорит о нем]: „О боже, присоедини меня к общине Мухаммеда!". Иисус: „Благословение апостолу, который придет после меня; имя его будет Ахмед".

Христиане. Пророк тот, кто ведет чисто духовную жизнь и кто свободен от страсти к женщинам; таким был Иисус; у Мухаммеда было девять жен и множество детей. Чем это объясняется?

Имам. У пророка Давида было 99 жен; у Соломона — 360 жен и 1000 наложниц.

Христиане. Они были не пророками, а только царями[9]».

Наконец, христиане, говорит этот историк, прекратили диспут и попросили Гуюка, чтобы он велел имаму совершить намаз со всеми обрядами. Имам призвал одного мусульманина и вместе с ним стал на молитву. Христиане всячески мешали обоим, били их во время земных поклонов и заставляли сильнее ударять лбом об землю; мусульмане, однако, не прервали молитвы и после окончания ее спокойно удалились к себе. В ту же ночь Гуюк за оскорбление святого имама лишился жизни; сыновья его на следующий день извинились перед оскорбленным и постарались удовлетворить его.

Центром борьбы христианства с исламом, естественно, сделался Самарканд, где, по крайней мере в прежнее время, было местопребывание несторианского митрополита. В 1248 г. Самарканд посетил Сембат, брат армянского царя Гетума; в письме к кипрскому королю он подробно останавливается на успехах христианства среди монголов и при этом говорит также о жизни местных христиан. Сембат был в местной церкви, где видел картину с изображением Христа и трех царей-волхвов. О нравах христиан Сембат, как и католические миссионеры, отзывается очень неблагоприятно; по его словам, «те, которые здесь считаются проповедниками, заслуживали бы великого наказания». Что касается «сарацин» (мусульман), то они, «прежде наводившие страх на христиан, теперь сами терпят вдвое больше»[10].

О борьбе мусульман с христианами, кроме фантастического рассказа Марко Поло[11], свидетельствует также рассказ упомянутого исто-

[8] Джузджани, пер. Раверти, II, 1160—1164.

[9] Лишний довод в пользу сказанного выше о почитании ветхозаветных пророков у христиан и мусульман.

[10] Мосхейм, прилож. № XII.

[11] Степной, *Марко Поло*, стр. 24.

рика Джузджани, записанный со слов самаркандского сейида Ашраф ад-дина (сейид в 1259 г. приезжал с торговой целью в Дели, где его видел историк).

Один молодой христианин в Самарканде принял ислам. Самаркандские мусульмане, отличавшиеся ревностью к вере, осыпали его благодеяниями. Христиане пожаловались монгольскому начальнику города, что мусульмане совращают в свою веру их детей; начальник принял сторону христиан, велел призвать к себе новообращенного юношу и хотел заставить его отказаться от ислама, но юноша остался тверд и за это поплатился жизнью. Мусульмане обратились с жалобой к золотоордынскому хану[12] Беркаю (брату Батыя), мусульманину. Беркай заступился за своих единоверцев и велел убить всех христиан, участвовавших в этом деле. Они все были перебиты в своей церкви, которая подверглась разрушению[13].

Рассказанное событие должно было произойти между 1257 и 1259 гг. (в 1257 г. еще царствовал предшественник Беркая, Улакчи, в русских летописях — Улавчий). По-видимому, самаркандские несториане уже не оправились от этого удара; по крайней мере, мы больше не имеем никаких известий о них[14].

В заключение мы позволим себе обратить внимание еще на одну местность, где христианство, по-видимому, сохранялось более продолжительное время. В низовьях Сыр-Дарьи еще в конце XII в. было немусульманское[15] тюркское владение, центром которого, по-видимому, был город Саганак; по мнению Лерха[16], местоположение Саганака определяется развалинами крепости Сунак-курган (42 версты к юго-востоку от Джулека и 18 верст от берега Сыр-Дарьи). Едва ли

[12] Мавераннахр, собственно, входил в состав владений потомков Чагатая, второго сына Чингиз-хана; но при вступлении на престол Мункэ-хана (1251 г.) почти все взрослые сыновья и внуки Чагатая были казнены или заточены по обвинению в заговоре против хана, и вся монгольская империя фактически была разделена на две половины, из которых восточная непосредственно зависела от великого хана, а западная — от золотоордынских ханов, потомков Джучи (старшего сына Чингиз-хана). Мавераннахр входил в сферу влияния последних. Наместники Беркая только в 1260 г. были изгнаны из Мавераннахра чагатайским царевичем Алгуем. См. Рашид ад-дин, рук. ГПБ Дорн 289, л. 215 и рук. ГПБ V, 3, 1, л. 219.

[13] Джузджани, пер. Раверти, II, 1288—1290.

[14] Что касается области Каркан Марко Поло, то под ней, вопреки мнению г-на Ет. Степного (*Марко Поло*, стр. 32), следует понимать Яркенд, а не Фергану. Более внимательное чтение Марко Поло показало бы г-ну Степному, что после Каркана у Марко Поло идет Хотан. Марко Поло, очевидно, в Самарканде никогда не был и ехал в Яркенд из Кашгара; главы о Самарканде — случайная вставка. Тем более странно читать у г-на Степного, что отожествлять Каркан с Яркендом могут лишь «ученые, знающие Среднюю Азию только по слухам и книгам».

[15] Историк Джувейни причисляет это владение к *дар ал-харб*, т. е. к землям неверных.

[16] *Археологическая поездка*, стр. 11—12.

языческие тюрки могли бы так долго сохранить свою религию в таком непосредственном соседстве с культурными мусульманскими государствами. Ввиду этого естественно предположить христианское влияние, тем более, что еще в X в. на низовьях Сыр-Дарьи, по достоверным известиям, были христиане [17].

[17] Бартольд, *О христианстве в Туркестане,* стр. 18—19; <см. выше, стр. 285—286>.

Н. Веселовский, Киргизский рассказ о русских завоеваниях в Туркестанском крае

Текст, перевод и приложения
СПб., 1891

История возникновения этого рассказа подробно излагается проф. Веселовским в предисловии. Во время пребывания в Туркестанском крае (1885 г.) проф. Веселовский между прочим интересовался вопросом, сохранились ли у туземных грамотеев какие-нибудь записи о русских завоеваниях, и везде наводил справки; наконец, с помощью ташкентского сарта Акрама Аскарова[1] ему удалось добыть две рукописи, одну на киргизском[2], другую на сартском наречии; первая издана им теперь. Кроме того, он получил от В. П. Наливкина стихотворение на сартском наречии о завоевании Туркестана русскими, которое надеется издать впоследствии.

Автор киргизского рассказа — мулла Хали-бай Мамбетов, киргиз-казак[3] Ташкентского уезда, Акджарской волости. Узнав от Аскарова, что один «большой человек» ищет рассказов туземцев о русских завоеваниях и хочет привезти их в Петербург, Хали-бай попросил своего отца, служившего в кокандском войске до падения Ташкента, рассказать ему о военных действиях и постарался точно записать слова старика: «Отцу моему я верю во всем, без всякого сомнения, и проверять его рассказ не желаю». Тем не менее Хали-бай не ограничился простой передачей рассказа отца, но придал ему стихотворную форму, в ущерб ясности изложения и легкости понимания. Русский перевод сделан проф. Веселовским с помощью молодых тюркологов Н. Ф. Катанова и П. М. Мелиоранского.

По отзыву издателя, «изложение у нашего автора порой отличает-

---

[1] Сведения о личности этого сарта, сообщенные проф. Веселовским, очень любопытны. Как толковый проводник, Аскаров был очень полезен русским путешественникам; сопровождая проф. Веселовского, он скоро настолько ознакомился с древними монетами, что, не будучи грамотным, довольно точно определял время их чеканки. После отъезда профессора, Аскаров начал самостоятельно заниматься собиранием древностей и монет, которых у него находилось до 11 тысяч экземпляров; часть их после его смерти (1891 г.) поступила в Императорский Эрмитаж.

[2] <Казахском.>

[3] <Казах.>

ся наивностью, порой блещет остроумием, столь свойственным казацкому народу». Ход событий передан верно, за немногими исключениями; самая важная ошибка относится к рассказу о взятии Ташкента, который, по словам автора, сдался русским добровольно; по всей вероятности, Мамбет в этом деле не принимал участия. Как приташкентский житель, автор «вполне проникся мусульманским духом и привык на все смотреть с точки зрения шариата». Русские везде являются у него не только неверными, но прямо язычниками: они поклоняются идолам Лат и Манат, упоминаемым в Коране; при заключении договора с мусульманами генерал Черняев вытесал из дерева изображение Лата и дал такую клятву: «Если от своего слова отступлюсь, пусть Лат меня накажет». По словам издателя, автор сначала «не решался отдать свою рукопись, говоря, что „невежливо выразился о русских, и уступил только настояниям Аскарова"». Желанием смягчить это впечатление и угодить русскому «большому человеку», по всей вероятности, объясняются заключительные комплименты русской власти, находящиеся в резком противоречии с духом фанатизма, которым проникнут весь рассказ. «Генерал-губернатор стал теперь нашим начальником. Мы, бедняки, благословляем его. Он сказал: „Мусульманских грамотеев посылайте учиться по-русски" — и показал хорошие пути. Чтобы обучать мусульман, у русских много попов. Тех, которые ходят учиться по-русски читать, не заставляют креститься. Всех людей познакомил с высшими науками, требующими ума. Он сказал: „Узнайте мусульманский язык!" — и заставил обучать по-мусульмански русских детей. Генерал-губернатор стал знакомить с хорошим законом. Передав стране свои знания, он успокоил ее и дал ей отдохнуть. Страной управлял он справедливо и сделал ее благоустроенной».

В приложениях помещены в тексте и в переводе две песни, записанные в 1891 г. Н. Ф. Катановым (ему же принадлежит перевод) в укреплении Бахты Семиреченской области, именно песни «О Худоярхане»[4] и «О приходе русских». Вторая песнь прославляет русские завоевания от взятия Ташкента до хивинского похода включительно; автор, видимо, сочувствует русским и кончает свою песнь словами: «Кто же не побоится войск Белого царя? Русские завладели теперь четвертою частью обитаемых стран». Наконец, помещена еще песнь о киргиз-казацком богатыре Джан-ходже, записанная в Казалинске И. В. Аничковым, который перевел ее на русский язык и снабдил предисловием и объяснительными примечаниями. Песнь эта прославляет одного из участников борьбы с русскими и, конечно, проникнута духом вражды к последним, которые выставляются в ней не только неверными, но и притеснителями народа.

[4] Три песни об этом последнем кокандском хане были напечатаны Н. П. Остроумовым в ЗВОРАО <см. т. II, стр. 189—194; т. VII, стр. 51—62; т. VIII, стр. 129—136>; песнь, сообщенная Н. Ф. Катановым, является четвертой.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ АРИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ В СРЕДНЕЙ АЗИИ [1]

Насколько мы можем проследить историю Средней Азии, оседлое население ее всегда принадлежало к арийскому племени, именно к иранской группе арийских народов [2]. Была ли она колыбелью арийского племени или арийцы пришли туда из какой-нибудь другой страны, этот вопрос до сих пор еще остается спорным.

Область, впоследствии получившая от арабов название Мавераннахра (т. е. Заречья), как известно, составляла часть основанной Киром и Дарием персидской монархии и, после завоевания Персии Александром Великим, вошла в состав греко-бактрийского государства. К греко-бактрийской эпохе относятся древнейшие до сих пор найденные в крае монеты, статуэтки и т. п.; едва ли можно надеяться, что когда-нибудь будут найдены предметы, относящиеся к еще более глубокой древности [3].

В конце II в. до н. э. греко-бактрийское государство было уничтожено напором парфян и среднеазиатских кочевников. Наши сведения

---

[1] <Вопросов, рассматриваемых в этой работе, В. В. Бартольд касался и позднее, в частности, в *Истории Туркестана* и *Истории культурной жизни Туркестана* (см. эти работы и примечания к ним в наст. изд., т. II, ч. II).

Термин «арийский» В. В. Бартольд употреблял, как было принято в то время, вместо «индоевропейский», для обозначения языковой принадлежности древнего населения Средней Азии, говорившего на различных языках восточноиранской группы. — *Б. С.*>

[2] <Это утверждение В. В. Бартольда не совсем точно. Действительно, в древности основную массу земледельческого населения Средней Азии составляли ираноязычные («арийские») племена. Однако уже около рубежа н. э. среди древних земледельцев Средней Азии появляются люди с монголоидными чертами, выходцы из восточных районов Центральной Азии, где господствовали языки иной, скорее всего древнетюркской группы. В средневековый же период земледелием в Средней Азии занимались уже многочисленные осевшие на землю тюркоязычные племена и народы. Во время написания этой работы основным земледельческим народом Средней Азии являлись, как и ныне (наряду с ираноязычными таджиками), тюркоязычные узбеки. — *Б. С.*>

[3] <Ныне благодаря успехам советской археологии в Средней Азии открыты памятники, характеризующие развитие культуры и искусства начиная с эпохи зарождения человечества — палеолита. В частности, теперь известны не только отдельные предметы, но и большие городища, относящиеся ко времени, предшествующему «греко-бактрийской эпохе». — *Б. С.*>

о дальнейшей истории страны, вплоть до арабского завоевания, крайне скудны. Из китайских источников (начиная с V в. н. э.) и из рассказов мусульманских историков о завоевании страны арабами мы знаем, что Мавераннахр разделялся на множество мелких владений; но когда и как образовались эти владения и какие отношения были между ними, об этом наши источники не сообщают нам почти ничего. Мы остановимся несколько подробнее на культурном состоянии страны в эпоху арабского завоевания; этот период, история которого, как мы постараемся доказать, имеет особенно важное значение для археолога, до сих пор очень мало исследован. Чаще всего нам придется ссылаться на большую историческую компиляцию Табари (X в.), изданную в арабском подлиннике стараниями нескольких ориенталистов, на «Библиотеку арабских географов» (Bibliotheca geographorum arabicorum) — серию географических сочинений IX и X вв., изданную голландским ориенталистом де Гуе, и на «Историю Бухары» Нершахи (X в.), дошедшую до нас в персидском переводе XII в. и изданную французским ориенталистом Шефером в 1892 г. Рукописи сочинения Нершахи имеются в Ташкенте в достаточном числе экземпляров; появление русского перевода этого сочинения, имеющего первостепенное значение для истории и топографии средневековой Бухары, было бы крайне желательно [4].

В эпоху арабского завоевания как в Персии, так и в арийской Средней Азии первенствующим сословием были так называемые *дихканы* — слово, означавшее в то время не мелких крестьян-собственников, как теперь, а поземельную аристократию. Господство поземельного дворянства мы находим, в известный период культурной жизни, почти у всех арийцев (также у многих неарийцев); у иранцев и у народов, находившихся под влиянием иранской культуры, этот период был особенно продолжительным; известно, что в Грузии поземельное дворянство и теперь сохраняет такую силу, что даже после крестьянской реформы отношения помещиков к крестьянам фактически не изменились.

Дихканы Мавераннахра отличались от остальной массы населения по одежде [5]; один из знаков достоинства дихкана был золотой пояс [6], к которому привешивались кинжалы [7]. Подобно средневековым европейским рыцарям дихканы жили в укрепленных замках [8]; еще в эпоху Саманидов замок считался принадлежностью каждого поместья [9]. Зам-

[4] <Русский перевод сочинения Нершахи был осуществлен, под редакцией В. В. Бартольда, Н. С. Лыкошиным (издан в 1897 г.). О новых изданиях см. ниже, стр. 471, прим. 2. — *Б. С.*>

[5] Балазури, 412.

[6] Табари, II, 1441.

[7] Там же, 1693

[8] Там же, 1522.

[9] Ибн Хаукаль, 345.

ки самаркандского владетеля находились к юго-востоку от Самарканда, около нынешнего селения Джума-базар, и существовали еще в X в.[10]; в городе Бинкете (ныне Ташкент) были ворота, называвшиеся «воротами замка дихкана»[11]. В военное время местная знать, вместе с сыновьями тюркских ханов и беков, составляла аристократическую конницу[12].

Сильной монархической власти, которая бы сдерживала произвол аристократов, в Мавераннахре не было. Вопреки словам некоторых персидских историков, власть Сасанидов, восстановивших персидскую монархию, никогда не простиралась на Мавераннахр[13]; что касается местных владетелей, то они были только первыми дворянами; подобно своим подданным, они назывались дихканами и вообще более напоминают древнегреческих базилевсов, чем азиатских деспотов. О владетеле Бухары, носившем титул *бухар-худата* (т. е. «господина Бухары»), Нершахи говорит в следующих выражениях: «Среди них (дворян) был знатный дихкан, которого называли бухар-худатом, так как он происходил из древнего дихканского рода, владел большею частью поземельной собственности и большинство народа состояло из его крепостных и служителей»[14]. Дихканами называли даже самых сильных местных владетелей, царей самаркандского[15] и ферганского[16]. Размеры отдельных владений большей частью были очень невелики; так, в долине Зеравшана мы находим целый ряд подобных «государств»[17]. Иногда под властью одного царя объединялись более обширные области, как Фергана, Согд (Самарканд и окрестности) и Шаш (Ташкент и долина Чирчика); но как непрочна была власть этих царей, видно из того, что в каждой из трех названных областей был период, когда царя не было совсем и вся власть находилась в руках аристократии[18].

Дихканам принадлежала поземельная собственность не только в селениях, но и в городах; так, в Бухаре одному дихкану принадлежала целая улица[19]. Даже так называемые «мертвые земли», составлявшие

---

[10] Истахри, 321; Макдиси, 279; определение местности принадлежит Томашеку (*Sogdiana*, S. 81).

[11] Ибн Хаукаль, 387.

[12] Табари, II, 1243, 1247.

[13] Табари, пер. Нёльдеке, 159.

[14] Нершахи, изд. Шефера, 6.

[15] Динавери, 330.

[16] Заимствовано из персидского сочинения X в., открытого в Бухаре А. Г. Туманским <*Худуд ал-'алам*>, л. 23.

[17] О них см. Tomaschek, *Sogdiana*.

[18] О Самарканде — Нершахи, изд. Шефера, 39; о Шаше и Фергане — Сюань Цзан, пер. Жюльена, I, 16—17.

[19] Нершахи, изд. Шефера, 52.

в соседней Персии общественную собственность[20], в Мавераннахре находились в руках частных лиц; еще Саманид Исма'ил (ум. в 907 г.) купил у частного лица за 10 000 дирхемов[21] пустошь, покрытую тростником[22].

Наряду с родовой аристократией в Средней Азии была и денежная. Арабские историки называют купцов рядом с царями, т. е. главными дихканами; своим богатством эти купцы были обязаны главным образом торговле с Китаем[23]. Один из главных торговых пунктов был город Пейкенд в Бухарской области, «город купцов», как называет его Табари[24]; жители Пейкенда, по словам Нершахи, вели не только торговлю с Китаем, но и морскую торговлю[25], вероятно с прикаспийскими областями. Развалины Пейкенда, как известно, существуют и теперь (к юго-западу от Бухары); город был на короткое время восстановлен в XII в.[26], но уже в половине того же столетия опять лежал в развалинах[27].

Завладев окончательно Бухарой в 710 г.[28], арабский полководец Кутейба потребовал от жителей, чтобы они уступили арабам половину домов и участков земли. Некоторые богатые бухарцы предпочли совсем отказаться от своей движимой и недвижимой собственности, находившейся в черте города, и удалиться в предместье, где они выстроили для себя 700 замков. По замечанию Нершахи, удалившиеся были не дихканами, а богатыми купцами иноземного происхождения. Рядом с замками купцы выстроили дома для своих слуг и приверженцев и развели сады; образовался новый город, не уступавший по величине старому и даже превосходивший его численностью населения. В новом городе нашли себе убежище арийская национальность и религия Зороастра; еще несколько веков спустя место продолжало носить название «Замка магов» (Кёшк-и Муган); здесь были храмы огнепоклонников; арабов в числе жителей нового города не было совсем. Разумеется, с развитием мусульманского фанатизма и это последнее убежище старой религии должно было подвергнуться разрушению. В одну из пятниц толпа мусульман собралась у ворот замков, настоятельно требуя, чтобы владельцы их пошли в мечеть; они стали бросать в толпу кам-

---

[20] На южном побережье Каспийского моря попытка завладеть такими землями в пользу частного лица даже вызвала народное восстание, см. Табари, III, 1524.

[21] Дирхем приблизительно соответствовал франку. <О весовом содержании серебра в дирхеме см. Hinz, *Masse und Gewichte,* S. 1—2. — *Ю. Б.*>

[22] Нершахи, изд. Шефера, 26—27.

[23] Табари, II, 1444—1445.

[24] Там же, 1186.

[25] Нершахи, изд. Шефера, 16.

[26] Там же, 17.

[27] Словарь Сам'ани, рук. Аз. муз., л. 70.

[28] Табари, II, 1230.

нями; мусульмане пошли на приступ и выломали двери замков. Постепенно замки пришли в разрушение; из 700 замков в X в. осталось только два или три. Выломанные двери были употреблены в дело при постройке мечети; на каждой двери владелец замка делал изображение своего идола (вероятно, духа-покровителя своего рода); мусульмане у этих фигур выскоблили лица, а остальное оставили; одна из этих дверей существовала еще в XII в.[29]. Приведенный рассказ Нершахи показывает, что богатые купцы, хотя и не назывались дихканами, по своему положению мало отличались от родовой аристократии и, подобно ей, владели недвижимой собственностью.

Зороастризм не был религией всех среднеазиатских арийцев до мусульманского нашествия; в другом месте[30] мы привели известия о распространении в Мавераннахре буддизма, дуалистических вероучений и христианства; но как приведенный рассказ, так и другие известия указывают на то, что к последователям Зороастра принадлежали аристократы и богатый класс народа. Еще до сих пор туземцы приписывают значительную часть древних могильных курганов мугам, т. е. магам, огнепоклонникам (у мусульман всегда *муғ*, с кратким *у*). Несколько таких курганов уже раскопаны; в них, как известно, были найдены небольшие гробы с костями; небольшая величина гробов показывает, что в них могли быть положены только кости трупа, отделенные от мяса; кости не обожжены. Обычай срезывать мясо с костей трупа сам по себе кажется невероятным, но существование его подтверждается свидетельством Табари. В 739 г. тогдашний бухар-худат был убит двумя враждебными ему дихканами; рассказав об этом событии, историк прибавляет: «от его тела отделили мясо, а кости его отвезли в Бухару»[31].

Первые походы арабов за Аму-Дарью носили характер грабительских набегов; только в начале VIII в. наместник халифа Кутейба (705—715) положил начало более прочному покорению страны, поместив арабские гарнизоны в некоторых укрепленных пунктах, между прочим в Бухаре и Самарканде[32]. Но даже в этих городах еще долго продолжали существовать туземные династии; арабские начальники заботились только об исправном поступлении податей. Желая извлечь выгоду из междоусобий среди местных владетелей, арабы в Средней Азии не применили закона, по которому право носить оружие принадлежит исключительно мусульманам. В походе Кутейбы на Самарканд принимали участие бухарцы, в походе на Шаш и Фергану, кроме бу-

---

[29] Нершахи, изд. Шефера, 29, 47—48, 62.

[30] Статья *О христианстве в Туркестане*, стр. 5—6, 9—10; <см. выше, стр. 269—271, 274—275>.

[31] Табари, II, 1694.

[32] О Бухаре см. выше, о Самарканде — Табари, II, 1252.

харцев, еще жители Кеша (Шахрисябза), Несефа (Карши) и Хорезма [33]. Подобный союз, однако, не мог быть прочным, и в борьбе арабов с прежними верховными владыками страны, тюркскими ханами, местные жители большею частью принимали сторону последних. Очевидно, зависимость от кочевых владетелей, довольствовавшихся уплатой дани, была для них менее тяжела, чем господство арабских наместников и их подчиненных, заботившихся исключительно о том, чтобы из своего временного пребывания в стране извлечь как можно больше материальных выгод.

Прочное покорение более отдаленных областей Мавераннахра произошло только в эпоху династии Аббасидов, сменившей в половине VIII в. династию Омейядов. Последним крупным военным предприятием арабов, о котором до нас дошло известие, был поход на Осрушану — область, простиравшуюся от Джизака почти до Ходженда,— в 207/822-23 г. [34]. На северо-востоке арабы доходили до Таласа, где в 751 г. разбили китайское войско [35]; но потом отказались не только от долины Таласа, но и от Исфиджаба (Чимкент и окрестности); в степи Калас, отделявшей область Исфиджаб от Шаша, арабы выстроили стену для защиты от набегов кочевников; стены простирались от Сыр-Дарьи до гор Сайлык [36]. Во время моего пребывания в крае мне говорили, что остатки этой стены существуют и теперь, но проверить этот рассказ мне не удалось; может быть, кто-нибудь из присутствующих располагает более подробными сведениями об этом [37].

В эпоху Аббасидов [38] мусульманский государственный строй начал принимать тот характер, который он в общих чертах сохраняет до настоящего времени. Аббасиды не были, как их предшественники, вождями арабского народа; в шиитском движении, которому они были обязаны престолом, принимали деятельное участие персидские элементы. Опираться исключительно на персов они тоже не могли; сами Аббасиды были арабского происхождения, и среди их приверженцев было значительное число арабов. Задача аббасидской политики заключалась в том, чтобы привлечь на свою сторону умеренные элементы обеих наций и с их помощью подавить как восстания арабов, не желавших признать равноправность покоренных народов, так и анти-му-

---

[33] Табари, II, 1644, 1656. [34] Балазури, 430—431; Табари, III, 1066.

[35] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, V, 344.

[36] Ибн Хаукаль, 388. В соответствующем месте, близ гор, и теперь находится селение Сайлык; поэтому я принял чтение Сайлык вместо Саблык, как у де Гуе; по свойствам арабской азбуки возможно то и другое.

[37] <Имеются в виду присутствующие на заседании ТКЛА 3 июня 1896 г., на котором была прочитана эта статья. О следах оборонительных стен в районе Исфиджаба (Сайрама) см. Массон, *Старый Сайрам.* — *Ю. Б.*>

[38] Дальнейшее главным образом по «Истории ислама» А. Мюллера (A. Müller, *Der Islam,* Bd I, S. 464 sq.).

сульманские движения арийского населения во имя народных верований. Другими словами: было необходимо создать прочный государственный строй, в неприкосновенности которого были бы заинтересованы все сторонники порядка и спокойствия без различия национальности.

Стройная государственная система сасанидской Персии с самого начала казалась арабам образцовой. Уже при первых халифах арабы заимствовали от персов начала финансового управления; в эпоху Аббасидов арабы, по мере усложнения задач администрации, мало-помалу принимают всю сложную систему персидской бюрократии, во главе которой стоял везир, решавший все текущие дела. Степень покорности народа своим бюрократическим правителям находилась, конечно, в тесной зависимости от его уважения к монарху, от имени которого действовали чиновники; итак, бюрократия была заинтересована в сохранении неограниченной власти монарха, на которой основывалось ее собственное значение. Менее скоро, но также безошибочно арабы признали значение другого консервативного фактора — государственной религии, духовенство которой смотрело бы на светских правителей как на защитников веры и карателей всякой ереси, всякого возмущения против духовного авторитета. Такой религией мог быть только ислам, и со времени халифа Мутеваккиля (847—861) Аббасиды являются ревностными защитниками новой религии. Разумеется, такое покровительство оказывалось духовенству только под условием безусловного повиновения светской власти; изречение Корана: «Повинуйтесь богу, повинуйтесь пророку и вашим правителям» постоянно повторяется в посланиях султанов к шейхам и имамам.

При всем сходстве с государственным строем сасанидской Персии халифат резко отличался от монархии Сасанидов отсутствием национальной основы. Сасаниды были не только олицетворением той власти, от имени которой действовали чиновники, не только защитниками государственной религии, но прежде всего главами и представителями персидской нации: при всех своих своевольных стремлениях персидские аристократы не могли не видеть в них своих природных, наследственных сюзеренов. Политика Аббасидов слишком ясно преследовала исключительно династические интересы; оттого они не могли, подобно Сасанидам, опираться на национальную военную силу, не всегда могли также взывать к религиозному чувству своих подданных; им было необходимо создать войско, преданное исключительно особе властителя. Отсюда возникла гвардия из иноземных, главным образом тюркских, рабов, впервые введенная в обширных размерах халифом Му'тасимом (833—842) и получившая широкое развитие также в восточно-мусульманских государствах, образовавшихся после распадения халифата. Идеалом мусульманских деспотов было разделение всего народа

на гвардию (*хашам*) и подданных (*ра'ййат*, отсюда *ра'ййа'*). Гвардия составляла военную силу и сражалась по приказанию монарха против его врагов; было полезно, чтобы гвардия состояла из представителей различных национальностей, иначе отдельные отряды гвардии могли соединиться между собой против монарха[39]. Дело подданных — платить налоги, какие будут назначены правительством; оружием подданные не должны владеть, не должны даже сопротивляться иноземному нашествию; для защиты от последнего царь своевременно пошлет войско, а пока им лучше покориться более сильному и этим спасти себя от разорения; иначе враг все отнимет у них; им не из чего будет платить подати, и царь лишится части необходимых ему доходов[40].

Проведение этой системы, или по крайней мере основных начал ее, в Средней Азии было делом Саманидов, правителей знатного рода арийского происхождения, которым уже в начале IX в. халиф Мамун предоставил управление Мавераннахром, сначала в зависимости от хорасанских наместников, и только в 875 г. Саманиды получили инвеституру непосредственно от халифа[41]; зависимость от последнего, при полном упадке власти Аббасидов, была только номинальною.

Ислам к этому времени сделал значительные успехи в Мавераннахре; уже в начале IX в. в Бухаре были выдающиеся мусульманские ученые[42]. Во второй половине IX в. авторитет факиха Абу Абдаллаха был так велик, что Исма'ил, призванный в Бухару в 874 г., оставил всякие опасения, когда в Кермине его встретил Абу Абдаллах: «Он понял, что если Абу Абдаллах что-нибудь делает, то жители города не в состоянии отменить это»[43].

Исма'илу с самого начала пришлось вступить в борьбу с бухар-худатом, дихканами и купцами. Опасаясь их влияния на народ, Исма'ил отправил бухар-худата, знатнейших вельмож и одного из богатых купцов послами к своему брату Насру в Самарканд; последнего он тайно просил задержать послов. Отсутствием их Исма'ил воспользовался для того, чтобы упрочить свое положение в городе; это удалось ему в такой степени, что скоро он мог позволить опальным вернуться на родину[44]. По-видимому, народ отнесся совсем безучастно к тому, что Исма'ил потом совсем отменил власть бухар-худата, отнял у него недвижимую собственность и вместо этого назначил ему пенсию в 20 000 дирхемов (такой сумме равнялся доход имений бухар-худата)[45]. Принадлежавшая древней династии деревня Варахша, или

[39] Низам ал-мульк, изд. Шефера, пер., 135; текст, 92.
[40] Бейхаки, изд. Морлея, 688.
[41] Табари, III, 1889.
[42] Нершахи, изд. Шефера, 54—56.
[43] Там же, 77—78.
[44] Там же, 80.
[45] Там же, 10.

Фарахша, со старым дворцом бухар-худатов, находилась на расстоянии 1 дня пути от Бухары по дороге в Хорезм[46]. Исма'ил предложил жителям деревни переделать дворец в мечеть и брал на себя все издержки, но встретил решительный отказ[47].

В эпоху Саманидов уже получили полное развитие как бюрократическая система управления[48], так и придворная гвардия, состоявшая из тюркских рабов[49]. Сравнительно с феодальными порядками просвещенный деспотизм Саманидов, покровителей наук и искусств[50], несомненно был шагом вперед; к тому же борьба с феодалами, вследствие благоразумной политики саманидского правительства, не принимала особенно резкого характера. Путем покупки Исма'ил приобрел значительную часть поземельной собственности в Бухаре и окрестностях[51], вероятно также и в других местах. Жители торгово-промышленного местечка Искиджкет, верстах в 25 от Бухары по дороге в Самарканд[52], при содействии Исма'ила выкупили землю у владельцев, заплатив последним 170 000 дирхемов[53]. Вероятно, этот случай не был единственным, и выкуп земли у владельцев произошел также в других городах и промышленных селениях.

Под властью особых местных династий, при чисто внешней зависимости от центрального правительства, в эпоху Саманидов оставались: восточная часть нынешнего Бухарского ханства (области Хутталь и Сагании), Хорезм и тюркское владение в Исфиджабе[54]. Кроме того, в особых условиях находилась область Илак, т. е. долина Ангрена. В городе Тункете, столице этой области, жил, по выражению арабского географа[55], «сильный дихкан», пользовавшийся даже правом чеканить монету. Из всех городов Мавераннахра, кроме Бухары и Самарканда, монетный двор был только в Тункете[56]; до нас дошли некоторые монеты илакского дихкана, чеканенные в начале XI в.[57].

---

[46] О местоположении Фарахши см. Истахри, 338. <В Варахше начиная с 1937 г. велись археологические работы, в ходе которых открыты остатки упоминающегося ниже дворца; см. Шишкин, *Варахша*. — *Б. С.*>

[47] Нершахи, изд. Шефера, 15—16.

[48] Перечисление бухарских диванов (канцелярий) см. там же, 24.

[49] Низам ал-мульк, изд. Шефера, пер., 139; текст, 95.

[50] A. Müller, *Der Islam*, Bd II, S. 46—47. <По-видимому, под «феодальными порядками» В. В. Бартольд имеет в виду политическую раздробленность Средней Азии в период арабского завоевания. — *Ю. Б.*>

[51] Нершахи, изд. Шефера, 13—14, 26—27.

[52] О местоположении — Якут, *Му'джам*, III, 106.

[53] Нершахи, изд. Шефера, 11—12.

[54] Макдиси, 275 («владетель Исфиджаба»), 337, 340; *Худуд ал-'алам*, л. 23.

[55] Макдиси, 277.

[56] Истахри, 333.

[57] Dorn, *Über die Münzen*, S. 715. <О монетном чекане Илака см. Массон, *Ахангеран*, стр. 75—82. — *Ю. Б.*>

Город Тункет находился на берегу Ангрена, по-видимому несколько восточнее нынешнего тракта из Ташкента в Ходжент[58].

Вообще в северные области Мавераннахра, подчинившиеся арабам только в IX в., арабские элементы почти совсем не проникли, и существенные черты арийской культуры сохранились <там> дольше. К таким областям принадлежала и Осрушана[59]. По словам одного писателя IX в., во всех городах Хорасана (в обширном смысле, со включением Мавераннахра) были арабские переселенцы, кроме Осрушаны; жители этой области не позволяли арабам селиться у них; наконец, один араб поселился в Осрушане и там взял себе жену[60]. Исследование древностей этой области, менее всего затронутой арабскими элементами, вероятно, доставило бы нам драгоценные сведения об арийской культуре Туркестана. Местоположение столицы Осрушаны, которую арабы называют Бунджикетом (Пянджикетом), определяется следующими словами арабских географов: «От Сабата (Савата) едут 2 фарсаха[61] по равнине и потом 5 фарсахов вверх по реке, текущей от города; по обе стороны дороги находятся горы, покрытые селениями»[62]. Судя по этому описанию, очень вероятно, что остатками столицы Осрушаны следует признать интересные развалины около селения Шахристан, верстах в 25 к юго-западу от Ура-Тюбе. Во время моего пребывания в крае мне при любезном содействии местного участкового пристава, г-на Степанова, удалось осмотреть эти развалины; мы нашли там несколько монет, которые потом оказались принадлежащими к времени Исма'ила, и других предметов, между прочим стеклянный сосуд с изображением птиц, вероятно домусульманского происхождения (сосуд был приобретен мировым судьей г-ном Норманом). Более подробное исследование Шахристана было бы крайне желательно[63].

Мы не можем здесь остановиться на других проявлениях борьбы древней арийской культуры страны с исламом, между прочим на народных религиозных движениях, в которых принимало участие главным образом сельское население — класс, везде и всегда наиболее стойко сохраняющий свои религиозные верования. Горожане легче примирились с исламом и составляли тот консервативный элемент, на который могло бы опираться правительство; но в борьбе с внешними врагами этот торгово-промышленный класс, не имевший оружия, был

---

[58] Среди городов, расположенных к з а п а д у от илакской дороги (проходившей через Тункет), между прочим, упоминается Бискет (Бискенд, Пскент), см. Истахри, 345.

[59] Об этой области см. выше.

[60] Я'куби, *Китаб ал-булдан*, 294.

[61] Фарсах = 6—7 верстам.

[62] Ибн Хордадбех, <текст, 29>, пер., 21; Кудама, <текст, 207—208>; пер., 159.

[63] <Археологическое изучение Осрушаны (Усрушаны), и в частности древностей Шахристана, ныне осуществляется Академией наук ТаджССР. См. Негматов, *Усрушана*, а также Негматов — Зеймаль, *Усрушанский замок*. — *Б. С.*>

совершенно бессилен. Военную силу в государстве Саманидов составляли, как было указано, дихканы и тюркская гвардия; первые не могли забыть своих старых вольностей, вторые, как все преторианцы, стремились захватить власть в свои руки и по своему усмотрению замещать высшие государственные должности и даже престол. Когда в конце X в. Мавераннахр подвергся тюркскому нашествию, которое навсегда положило конец преобладанию арийского элемента в стране, мы видим на стороне тюрков не только их соплеменников, предводителей саманидской гвардии, но и дихканов [64]. Со стороны последних это, конечно, было крупной ошибкой. Разделение страны на несколько уделов, фактически независимых один от другого, и неизбежные при таком порядке смуты, грабежи и поборы способствовали совершенному обесценению поземельной собственности [65] и совершенному упадку сословия дихканов. В начале XI в. дихканы Мавераннахра еще составляли особый отряд в войске тюркских ханов [66], но после двух веков тюркского господства, в начале XIII в., во время монгольского нашествия, дихканы уже не играли никакой роли, и самое слово *дихкан* употребляется только в смысле 'крестьянин'.

---

[64] По выражению историка Утби (рук. Аз. муз., л. 30), тюркского владетеля Богра-хана, между прочим, призвали «некоторые из дихканов, люди, которым наскучили дни династии Саманидов и которые жаждали перемен».

[65] Нершахи, изд. Шефера, 30.

[66] Утби, рук. Аз. муз., л. 99.

ТУЗЕМЕЦ О РУССКОМ ЗАВОЕВАНИИ [1]

В 1894 г. проф. Н. И. Веселовский издал «Киргизский рассказ о русских завоеваниях в Туркестанском крае». Во время своего пребывания в крае в 1885 г. профессор, между прочим, интересовался вопросом, «не существует ли у грамотеев из местных мусульман каких-либо записок о русских завоеваниях в западном Туркестане». Ему казалось, «что такое событие, как завоевание русскими Туркестанского края, не могло не отразиться в туземной литературе тем или иным образом, на какой бы ступени эта литература ни стояла. А для полного уяснения обстоятельств борьбы необходимо выслушать и другую сторону, в данном случае потерпевшую, иначе мы, с одними официальными донесениями и с рассказами своих только участников дела, можем впасть в односторонность и составить неверный взгляд на местное население, на его взгляды и деятельность в то время. Из рассказов же туземцев мы могли бы извлечь и практические соображения для более успешного воздействия на них, что, как известно, представляет особенную заботу нашего правительства» [2]. После долгих поисков профессору доставили киргизскую рукопись, принадлежащую мулле Хали-баю Мамбетову. Хали-бай написал свой рассказ нарочно для проф. Веселовского, со слов своего отца, принимавшего участие в военных действиях; рассказ переложен им в стихи. Как признает и сам издатель, этот рассказ, написанный для русского «большого человека», более 20 лет после войны, «не вполне соответствовал указанным требованиям, не раскрывал души народа во время борьбы за самостоятельность, не передавал его волнений, его толков, его планов» [3].

Ввиду этого нам кажется нелишним напомнить об истории Кокандского ханства, составленной под заглавием *Та'рӣх-и Шāхрухӣ* для Худояр-хана в 1288/1871 г. и изданной в Казани в 1885 г. Н. Н. Пантусовым. Автор, мулла Ниязи-Мухаммед бен Ашур-Мухаммед, писал совершенно независимо от русских; служа в ханской гвардии, он участвовал во многих делах, о которых в его книге говорится довольно

---

[1] <См. также ниже, статью *Извлечение из Та'рӣх-и Шāхрухӣ* (стр. 350—358). — *Ю. Б.*>

[2] <Веселовский, *Киргизский рассказ*, стр. I—II.>

[3] <Ср. там же, стр. V.>

подробно. Едва ли из этого рассказа можно будет извлечь какие-нибудь новые сведения о внешних событиях, но для ознакомления со взглядом туземцев на борьбу с русскими рассказ Ниязи несомненно дает гораздо больше, чем стихотворная повесть Хали-бая. Поэтому мы позволяем себе предложить читателям перевод[4] тех отрывков из *Та'рӣх-и Шӑхрухӣ,* которые имеют отношение к русским.

В первый раз имя русских упоминается у нашего автора в конце царствования Алим-хана, убитого в 1225/1810 г.[5]. Все соседние владения подчинились Алим-хану или заключили с ним мир; оставался только один «полный ненависти враг — неверные русские». Хан решил: «Необходимо, чтобы я счел обязательным для себя газат против неверных и джихад против этой негодной толпы и опоясался поясом вражды и борьбы против неверных русских». Намерение хана было одобрено вельможами, после чего хан велел нагрузить 300 верблюдов товарами, пригодными для России; вместе с караваном отправились в Ташкент некоторые из доверенных слуг хана. Затем в Коканде было собрано войско, с которым хан двинулся к Ташкенту среди зимы, в половине месяца знака ведра (водолея) [6]; по дороге в Россию верблюды только в это время года могут носить товары. Из Ташкента был послан отряд на Чимкент и Сайрам; отряд опустошил пространство до Туркестана на запад и до Аулие-Ата на восток, но не достиг прочного успеха и, потерпев большой урон от холода и недостатка провианта, должен был вернуться обратно. Неудачный поход в степь был одним из главных поводов восстания, которое окончилось убиением Алим-хана и возведением на престол его брата, Омар-хана.

По рассказу нашего автора, караван, отправленный Алим-ханом, очевидно, должен был служить для разведческих целей; на самом деле, однако, поход хана на Чимкент едва ли мог быть соединен с враждебными намерениями против русских, утвердившихся в степи только долгое время спустя.

О первых успехах русских в степи и о постройке первого укрепления на Сыр-Дарье наш автор не говорит: вероятно, общественное мнение было занято внутренними междоусобиями, происходившими в то время в ханстве, особенно восстанием кипчаков. В 1273/1856-57 г.[7]

[4] Книга Ниязи написана на персидском языке, кроме некоторых тюркских стихотворных отрывков. Слог во многих местах, как в большей части персидских исторических сочинений, крайне напыщен; в своем переводе мы позволили себе опустить некоторые риторические фигуры, некоторые бесполезные повторения и эпитеты, кроме, разумеется, тех, которые относятся к русским. <Имя автора *Та'рӣх-и Шӑхрухӣ* — Ниязь-Мухаммед; Ниязи — его поэтический псевдоним (*тахаллус*). — *Ю. Б.*>

[5] По В. П. Наливкину (*Краткая история Кокандского ханства,* стр. 101) — в 1816 г. <Ср. наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 287, прим. 28 >

[6] Т. е. в январе.

[7] Казнь Мусульман-Кула, восстание Малля-хана и взятие русскими Ак-Мечети на самом деле произошли в 1853 г.

восстание было усмирено, и предводитель его Мусульман-Кул был казнен. Утвердившись на престоле, Худояр-хан назначил своего брата Малля-хана хакимом Ташкента. В том же году, по словам нашего автора, произошло падение Ак-Мечети — событие, которому он придает чрезвычайно важное значение. Малля-хан тотчас после своего прибытия в Ташкент стал готовиться к восстанию против брата и потому «нисколько не заботился об охране кипчакской степи[8] и не получал никаких известий о том, в каком положении находятся начальники местных крепостей. Вследствие этого, наконец, в кипчакской степи обнаружился изъян; неверная толпа полных ненависти русских осадила Ак-Мечеть, величайшую крепость в этой области. Начальником Ак-Мечети был Мухаммед-Али, племянник убитого [раньше] минбаши Шади. Трое суток он упорно сражался; наконец, у него вышел запас пороха и свинца, необходимейших предметов для войны и для защиты крепостей[9]. Об этом узнали неверные, сделали подкоп под стенами крепости, насыпали пороху, зажгли его, взорвали стены и вошли в крепость. Осажденные, мужчины и женщины, все, бросив ружья и пули, схватились за рукоятку меча; произошла такая страшная резня, какой небо еще никогда не видело и о какой никто не слышал. Наконец, все жители крепости, мужчины и женщины[10], путем мученичества достигли райского укрепления. Неверные, овладев крепостью, стали говорить между собой: „Разве так правят миром? Эту чудесную крепость, представляющую первые ворота в мусульманскую область Мавераннахра, крепость, в изобилии снабженную всеми произведениями природы, они даром упустили из рук; они оставили без внимания такую область и таких храбрецов, которые вместе со своими женами не пожелали обесчестить себя пленом и пошли на смерть. Эта область — ворота всех мусульманских владений; это — пуп кипчакской земли; можно сказать, что тому, кто овладеет этой крепостью, принадлежит вся кипчакская степь. Им следовало оказать нам сопротивление в этом месте: если бы бухарцы, хивинцы и кокандцы, вступив в переговоры между собой, отложили в сторону свою вражду, соединились и с трех сторон пришли сюда, то им было бы очень легко отразить нас, так как из необходимых для войска предметов у нас не было ни пищи, ни одежды. Теперь мы получим это из этих самых областей; теперь для этих царств трудно отразить нас". Такие речи они говорили друг с другом. Итак, первое вторжение неверных в мусульманские владения произошло в начале правления Малля-хана в Ташкентской области, так как в этом году Малля-хан, не довольствуясь властью в Ташкенте,

[8] Так еще в средние века назывались у мусульман киргизские <казахские> степи.

[9] После взятия Ак-Мечети в крепости нашли $5^1/_2$ пудов пороху и $33^1/_2$ пуда свинца (Макшеев, *Исторический обзор*, стр. 203).

[10] Из женщин при штурме были убиты только очень немногие (там же).

возмутился против Худояр-хана; пользуясь этим временем, русские пришли и овладели Ак-Мечетью».

В 1275/1858 г. Малля-хан овладел престолом, опираясь на кочевые элементы; Худояр-хан удалился в Бухару. Вскоре после этого «Канаат-шах, бывший в то время хакимом Ташкента, известил Малля-хана о взятии русскими крепостей Уч-Алматы, Токмака и Аштека[11] с их окрестностями. Тотчас хан собрал военачальников и вельмож и по соглашению с ними велел андижанскому наместнику, киргизу Алим-беку, двинуться по дороге через Куртку; приказание идти в поход получили также семь других понсад-баши[12] с войсками столичным, кураминским и ташкентским. Столичные понсады вместе с кураминским войском быстро достигли Ташкента, где отдохнули 2—3 дня. Канаат-шах также собрал ташкентское войско и со всеми нукерами[13] и воинами выступил в поход из Ташкента по дороге в Пишкек[14]. Быстрыми переходами они через 2—3 дня пришли в Чимкент, где пробыли два дня; на третий день выступили оттуда, шли 6 дней и пришли в Аулие-Ата. Там они отдохнули 6 дней. Выступив оттуда и каждый день совершая большие переходы, они через 6 дней пришли в крепость Пишкек. Там они пробыли неделю, дали пехотинцам лошадей и подводы[15] и снабдили войско провиантом и всем необходимым. Выступив оттуда, они через два дня[16] остановились на берегу реки Чу, откуда отправили 7000 человек под начальством Шадман-ходжи, чтобы они выступили вперед против русских, стоявших между Аштеком и Уч-Алматы, в Бикете[17]. Войско двинулось вслед за Шадман-ходжей. После пяти переходов они остановились у подошвы горы и там пробыли три дня; после трех дней к войску присоединился киргиз Алим-бек, спустившись с гор

[11] Очевидно, Кастек.

[12] Понсад-баши, или понсад, — начальник над 500 воинами.

[13] Собственно 'прислужниками' — термин для обозначения конных отрядов. <В XIX в. в среднеазиатских ханствах словом *нукер* обычно обозначались все вообще воины, в том числе и пешие. — *Ю. Б.*>

[14] Пишпек <См. наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 533. прим. 36. — *Ю. Б.*>.

[15] <По-видимому, не подводы, а вьючных животных: в тексте اولاو, это слово в Кокандском ханстве означало 'вьючные и упряжные животные' (ср. Наливкин, *Краткая история Кокандского ханства,* стр. 167). В данном случае перевод «вьючные животные» предпочтительнее, чем «подводы», еще и потому, что до установления русской власти не было колесных дорог от Пишпека до Узун-Агача. — *В. Р.*>

[16] <Вернее, как в рук. ИНА С 468, — «на второй день» (در روز دویم), так как, по русским документам, Канаат-шах шел со своим войском через Курдай. Путь из Пишпека на Алматы через Курдай до берега р. Чу составляет всего около 18 *км.* — *В. Р.*>

[17] Вероятно, русское слово *пикет,* а не название места. Дело, как известно, происходило при Узун-Агаче (21 октября 1860 г.). <Русский пикет — военный пост — имелся в то время и в Узун-Агаче. Со второй половины 1860-х годов, когда военные действия против кокандцев в Семиречье закончились и было организовано конно-почтовое сообщение, «пикетами» в Семиреченской области стали называться стоявшие вдали от поселений станции ямской почты. — *В. Р.*>

вместе с 12 000 андижанцев, с киргизами из Куртки и Кетмень-тюбе. В это время от Шадман-ходжи пришло известие, что он встретился с русскими и вступил с ними в бой. Тотчас мусульманское войско поспешно выступило и к часу завтрака пришло в место Бикет, между крепостями Аштек и Уч-Алматы, где были неверные. Мусульмане, окружив неверных, выстроились в боевой порядок. В то время начался спор за начальство над войском между киргизом Алим-беком и таджиком Канаат-шахом. Алим-бек из вражды к своему сопернику удалился, взяв с собой андижанское войско и киргизов, предоставил всю честь битвы Канаат-шаху и сам навлек на себя бесчестие, выпустив из рук полу чести и мужества. Часть столичного войска вместе с ташкентским и кураминским, произнося: „Такбир", подобно саламандре, бросилась в огонь пороха и нефти. Этот ничтожный человек, автор этих строк, находился под победоносным и высоким знаменем произносящих такбир; прочитав стих: „Убивайте многобожников" [Коран, IX, 5], он воодушевлял мусульман; моля о победе для правоверных, он повторял стих: „О боже! защити защитников веры". В то время, когда мусульманское войско бросилось в море ядер и пуль неверных, пушки и ружья неверных вместе с нефтью испускали такой огонь, что на мусульман как будто падали с неба молния и град. Можно было думать, что наступил день Страшного суда; звуки от выстрелов из пушек и ружей походили на звук трубы ангела. Много полных мужества храбрецов и сильных юношей бросились в ту огненную равнину, подобно саламандре, и от пуль неверных выпили из рук виночерпия судьбы напиток мученичества; некоторые храбрецы мечом рубили головы неверных. Так продолжалась битва один час; наконец, после продолжительного дождя из ядер и пуль и после воспламенения горящих веществ толпа казаков и разбойников-кочевников, не выдержав огня пушек и ружей, обратилась в бегство и скрылась в горных ущельях и в углублениях. Но сартское и таджикское войско, не отворачивая лица от неверных, продолжало сражаться от времени завтрака до полудня. Наконец, неверные, ослабев вследствие выстрелов мусульман, удалились на вершину бугров, подобных горе [18]; не найдя и там спокойствия, они обратились в бегство. Большая часть мусульманского войска вместе с Канаат-шахом отступила и расположилась лагерем на расстоянии двух сянгов [19] от места битвы; остальное войско, приготовившись

[18] Так, по-видимому, некоторые мусульманские очевидцы поняли движение, описанное у Макшеева (*Исторический обзор*, стр. 210) в следующих словах: «Отряд был двинут в атаку, под прикрытием густой цепи стрелков спереди и сзади, и в то время, когда передовая цепь выбивала штыками неприятельскую пехоту с высот, задняя, свернувшись в кучки, отбивалась также штыками от конного неприятеля, продолжая следовать за отрядом». <В рук. ИНА С 467 указывается (соответствующая действительности) численность русских войск: 2 тысячи человек. — *В. Р.*>

[19] Сянг — около 9 верст.

к битве, до вечера преследовало неверных, стреляло в них и гнало их до окрестностей крепости Аштек[20]; потом эти также вернулись и ночью присоединились к Канаат-шаху. В ту ночь собрали всех казаков из окрестностей Уч-Алматы и Аштека[21] и переселили их в окрестности Пишкека, крепости Мерке и Аулие-Ата. Мусульмане также ушли оттуда и через 4 дня прибыли в Пишкек. Там они пробыли один месяц, возобновили и укрепили крепость Пишкек[22]. После этого Канаат-шах отпустил начальников столичного войска, а сам остался с ташкентским войском, считая нужным пробыть в той крепости еще месяц для устройства дел той области; андижанское войско и другие отряды он тоже отпустил. Столичное войско в Ходженте встретило Малля-хана, возвращавшегося из Ура-Тюбе после войны с мангытами[23] и обращения в бегство мангытского войска; войско исполнило обязанность служения и повиновения. Этот ничтожный человек сочинил о походе на Уч-Алматы следующие стихи:

В степь безнадежности мы отправились;
С глазами, полными кровавых слез, мы разлучились с друзьями.
В старости, 60-ти лет, какие трудные дни
Постигли нас! Но мы роптали против бога.
Мы, несчастные, попавшие в долину бедствия вследствие негодности [начальника],
Были разорваны когтями тигра холода.
Мы погибли от сильного, горячего дыхания
Того дракона—пустыни, ограниченной только небом и землей.
Закон дал правоверному приказание, которого невозможно исполнить;
Удивительно, зачем нам было дано такое приказание.
В эпоху Малля-хана, завистливого, раздражительного,
Мы совершили длинный путь и трудный поход.
Тот паршивый Канаат, начальник войска!
Вследствие его несчастного нрава мы все стали нищими.
Мы совершили пешком путь в 70 сянгов.
На каждом шагу мы встречали бедствие.
Поход продолжался год и 1—2 месяца;
Вследствие страха перед тираном мы все довольствовались одной тиллей.
Возблагодари бога, Ниязи! счастие войны за веру
Досталось тебе, хотя нас постигло все это.
Год совершения этого похода —1277 (1860-61)».

Дальше автор в тюркских стихах описывает поход в Туркестан, в котором он тоже принимал участие. Поход был предпринят тотчас после похода в Семиречье. Военных действий при этом происходило мало, но стихи рисуют настроение войска и отношение населения к нему.

[20] Как известно, результат битвы был иной, что подтверждается отступлением мусульман и приведенными дальше стихами нашего автора.

[21] <Во всех рукописях ИНА (С 467, С 468, С 469) — «всех казаков и кочевников». — *В. Р.*>

[22] См. Наливкин, *Краткая история Кокандского ханства*, стр. 190—191.

[23] Т. е. бухарцами.

«Малля-хан с войском совершил поход и направился на Ура-Тюбе. Оттуда хан дал нам милостивое повеление идти защищать могилу царя святых Хазрет-Султана Ходжи Ахмеда, путеводной звезды всей казацкой степи, солнца всего Туркестана, наполняющего своим светом города и степи, вождя всех тюрков. Так сказал хан Ферганы: „Пойдите, защищайте эту почетную могилу; если придут неверные, то сражайтесь с ними". Приняв повеление хана, мы тотчас встали и отправились. Мы совершили поход со знаменем, поспешно прошли через степь и остановились в городе Чимкенте. Мы сильно утомились; наши лошади были изнурены. Добрые люди оставили нас в Чимкенте и ушли; из сострадания они оказали нам милость. Мы, люди кокандского хана, в числе трех странников пришли к чимкентскому беку Ибрахиму, отличавшемуся щедростью, и попросили его назначить нам местопребывание. Был в Чимкенте один несчастный по имени Нарым-бек — жестокосердая собака. Как гончая собака, он напивается бузы; никогда не было подобного медведя[24]. Дурно живет этот низкий скряга; на горе у него есть место, подобное аду; сын блудницы, разведшийся со своими женами! Вокруг горы есть сад; [настоящего] сада нет, вместо деревьев — только луг; на лугу видно несколько медведей[25]. Напившись бузы и поиграв в кости, он лежит на спине, и собака лижет ему рот. По приказанию бека, мы остановились там; мы были несведущими, но, увидев его, мы стали опытными[26]. Он был для нас предметом удивления. При входе и при выходе от него человек должен был совершать омовение. Его глаза походили на глаза слепого. Он не оказал никакой любезности гостям. Когда мы вошли в его михман-хану, она показалась нам местопребыванием злых духов. Там была брошена лань; увидев нас, он взял ее оттуда. Несколько дней мы оставались там и не видели никакой пищи. В его доме пища совсем не готовилась; кроме бузы, он ничего не пил. На его очаге никогда не зажигался огонь; из его окна никогда не выходил дым. Город Чимкент — хороший город; в нем много ходжей. Узнав о нашем положении, они перевели нас к себе. Эти счастливые люди все были богатыми; каждый день один из них с почтением милостиво приводил нас в свой дом; они угощали нас, исполняя все наши желания. Они устраивали для нас пир днем и ночью; до рассвета звучали флейты, но никакого разврата не было. Мы от всей души благодарили их за их щедрость и спросили: „Добрые потомки ходжей! Вы оказали нам столько почета. Мы — воины и нерелигиозные люди; наше каждое дыхание — предмет жалобы; зачем вы оказали столько милости и почета людям обидчика?" Они сказали: „Для нас вы — отличные люди; вы вращались в хорошем обществе.

[24] Т. е. грубого, невоспитанного человека.

[25] Т. е. лежат несколько невежд.

[26] Т. е. с первого взгляда поняли, с кем имеем дело.

По наружности и по вашему поведению мы поняли, кто вы, и узнали вас. Мы еще не оказали вам столько почета, сколько следовало; извините нас; мы сделали, что могли". Ходжи овладели нашим сердцем. Ниязи! ты получил увещание; теперь выслушай весть о себе. Не сделай их лжецами; тебе надо идти по прямому пути. Забудь о пути сует и искренно следуй по пути истины. Они оказали тебе почет, сказав: „Это хороший человек"; теперь твоему гордому духу предстоит трудная задача. Простившись с ними, следуй по пути войны за веру и сохрани в своей памяти все их слова. Я простился с ними, и они милостиво отпустили меня; мы извинялись перед ходжами, они перед нами; они проводили нас. Мы вступили в безграничную степь, шли втроем три дня и пришли в город Тюрк[27]. Здесь мы встретили всех поисадов и с уважением приветствовали их; они милостиво расспросили нас о наших делах. Там расположил свой шатер Ходжа, поисад таджиков, глава копьеборцев, ударяющий копьем подобно царям, разгоняющий врагов направо и налево; он сделал нас своими неразлучными спутниками. На следующий день я посетил священную могилу Хазрет-Султана. Глаза мои заплакали; совершив круговой обход могилы, я положил земной поклон и намазал свои глаза прахом. В скромной мольбе я высказывал свои желания; я молил бога о счастье для того кокандского царевича[28], который жил странником в Бухаре, и просил о помощи духа святого. Тогда же я видел сон, предвещавший исполнение желания; раскрыв руки, я молился обо всем, что было у меня на душе. Совершив паломничество, мы присоединились к таджикам и пробыли там восемь месяцев. Шпион принес нам весть, что русские взяли Яны-Курган[29]; он сказал: „Готовьтесь, не спите по ночам, если хотите сохранить царство; ночью вдруг может прийти войско русских, чтобы взять крепость". Эту весть поспешно принесли Канаату. Канаат послал ее с докладом в столицу, подтверждая правдивость ее. Хан велел кереучинскому войску и всем находившимся под знаменем кочевникам присоединиться к Канаату. Канаат-шах, наместник Ташкента, волей-неволей поспешно двинулся в путь. Прибыв в Хазрет-Султан, он стал грабить кипчакскую степь; пробыв там 5—6 дней, он роздал войску деньги и одежду. В тот день, еще до выступления войска, прибыл гарнизон Яны-Кургана; Канаат оказал ему милость и подарил ему одежду и деньги. Беглецов расспросили о их делах и о действиях неверных; они сказали: „Неверные нас расспросили и отпустили; они предоставили нам свободу, остаться ли или уйти пешком. Дав такое позволение, они отняли у нас оружие. Мы тотчас воспользовались позволением

[27] Т. е. Туркестан.

[28] Т. е. Худояр-хана.

[29] Яны-Курган был взят 23 сентября 1861 г.; гарнизон, состоявший из 160 человек, при которых было 40 женщин и детей, был отпущен в Туркестан (Макшеев, *Исторический обзор*, стр. 210).

русских и отправились, не останавливаясь ни на одно мгновение". Канаат-шах понял слова беглецов; их выслушало также все войско. Войско выступило в боевом порядке; совершая путь днем и ночью, воины подошли к Яны-Кургану и, увидев крепость, лишились рассудка. Неверные зажгли крепость и ушли, не оставив ни жителей, ни странников. Огонь пал в сердце Канаата и побудил его напасть на неверных. Для этого он переправился через реку и взял с собой часть войска; другой части, оставленной на этом берегу реки, Канаат велел произвести нападение на Джулек. Второй отряд двинулся, не останавливаясь, и на пути только одну ночь отдыхал и раздевался. Первый отряд совершил быстрый ночной переход и напал на неверных; второй отряд пошел на Джулек, совершив быстрый ночной переход. Первый отряд захватил жителей Ак-Мечети и заставил вернуться некоторых биев; второй напал на Джулек, простоял там день, потом вернулся. Первый отряд подошел к одному берегу реки, второй — к другому; потом они соединились. Было место Тувек, к которому принадлежал и аул Джулек; вокруг него текла река, и вообще место подходило для крепости. Так положили основание крепости; до окончания постройки все войско должно было работать до истощения сил [30]. Я, бедный человек, тоже был в войске и тоже работал, подобно другим [31]. После окончания постройки махрам принес повеление от хана, чтобы Канаат с войском поспешно вернулся назад. Мы отправились, не останавливаясь ни на мгновение; мы шли все время, погоняя лошадей, не различая дня и ночи и не останавливаясь для сна. После нескольких быстрых переходов мы вошли в город Ташкент. Там мы услышали, что Малля-хан из Коканда через Ходжент отправился в Ташкент. Войско, услышав это, на заре отправилось в путь, поспешно совершило три перехода и отдохнуло на берегу реки. На другой день оно получило позволение переправиться. Воины прославили хана и молились, чтобы бог помогал ему во всех делах. Они поспешно переправились через реку и все надеялись получить полную одежду; хан сделал смотр всему войску и отпустил его, но одежды не дал. Хан переправился через реку и отправился в путь через степь; войско осталось там одну ночь, чтобы на заре выйти из Ходжента [32]. Через три дня мы пришли в Коканд. Мы были несведущими, но, совершив поход, стали опытными. Нет такого трудного дела, которое бы не могло стать легким; человек не должен ничего бояться. Все, что случается с тобой, от бога; если ты обнаружишь терпение, бог удалит от тебя несчастье».

[30] Вероятно, говорится о постройке крепости Дин-курган.

[31] Дальше автор рассказывает виденный им вещий сон, предвещавший падение мусульманского господства.

[32] По словам В. П. Наливкина, «Малля стал собираться против русских, но войска наотрез отказались от этого похода, и хан был вынужден возвратиться восвояси» (Наливкин, *Краткая история Кокандского ханства*, стр. 192).

Вскоре после этого, 24 ша'бана 1278/24 февраля 1862 г., Малля-хан был убит и Мулла Алим-Кул возвел на престол Шах-Мурад-хана. В то же время в Ташкенте, с согласия Канаат-шаха, был провозглашен ханом Худояр, призванный из Бухары. Возобновились смуты; бухарский эмир оказал поддержку Худояру, которому, однако, еще до прибытия эмира удалось взять Коканд. Узнав, что эмир все-таки хочет вступить в Коканд, Худояр приготовил город к обороне; тогда эмир из Махрама вернулся в Бухару. Худояр отправил к нему Канаата с подарками, но эмир велел убить посла. Произошло новое восстание кипчаков, и Худояру пришлось вести с ними ожесточенную борьбу; бухарский эмир снова пришел в Коканд, но и ему не удалось одолеть кипчаков, и он вернулся в Бухару, взяв с собой Худояр-хана (1280/1863 г.). Эмир выставил кандидатом на кокандский престол Шах-Мурад-хана; жители согласились принять его только под условием примирения с кипчаками. Шах-Мурад отправился к кипчакам, но по приказанию Муллы Алим-Кула был убит. Алим-Кул, сделавшись полновластным властителем, возвел на престол Султан-Сейид-хана.

Пользуясь этими обстоятельствами, «неверные овладели всеми крепостями кипчакской степи и направили свои нечистые взоры на Туркестан. В то время Мулла Алим-Кул, услышав о событиях в кипчакской степи, отправился в Ташкент, быстро прошел путь, вступил в город и велел убить Шадман-ходжу[33]. Наместником Ташкента он назначил Нар-Мухаммеда Задияни, а таджика Мирза Даулета послал хакимом в Туркестан. После этого он вернулся в столицу. Гордый и самодовольный таджик, не обращая внимания на разорение кочевников и увлекаясь своим кратковременным владычеством, собрал в Туркестане шайку грабителей и разграбил аулы в окрестностях города. Такое обращение рассердило кочевников-казаков; вследствие дурных поступков того тирана дурной веры, того недальновидного человека, все кочевники-казаки из окрестностей Туркестана отказались повиноваться власти того тирана и признали над собой власть неверных.

> Знай, что справедливость и беспристрастие, а не вера и не неверие,
> Нужны для сохранения царства.
> Справедливость без веры для сохранения порядка в мире
> Полезнее, чем тиранство царя — покровителя веры[34].

Кочевники жаловались неверным на несправедливое и несообразное правление хакимов и говорили: „Кроме самой крепости Туркестана, все окрестности перешли в ваши руки. Среди властителей Мавераннахра возникла сильная вражда; бухарский эмир покорил ханов фер-

[33] Шадман-ходжа еще во время междоусобий был послан кипчаками в качестве наместника в Ташкент.

[34] Цитованные стихи не принадлежат нашему автору, но самый факт приведения их кажется нам очень характерным.

ганской столицы, некоторых из них убил и овладел всем Ферганским царством. Скоро муравей обратится в дракона и ручей в море. Во-вторых, угрожает соединение войск обеих столиц с войском горных областей, простирающихся от Тибета до Кандагара и Индии; согласие всех этих областей связано с согласием обеих столиц, т. е. Бухары и Коканда. Все эти успехи, оказавшиеся возможными в этом царстве, произошли от междоусобий и раздоров среди мусульманских властителей; кроме того, дело испортили люди низкого происхождения[35], получившие доступ к обоим дворам. Прежде чем они воодушевятся и соединятся, пользуясь случаем, подчините себе окончательно кипчакскую степь и займите Ташкент. Вследствие затруднительного положения обеих столиц трудные дела станут для вас легкими; кроме того, в этой богатой области добудете для себя все нужное. Если вы овладеете судами на Сыр-Дарье и закроете дороги, то, так как там будут проходить путешественники из обеих столиц, дела области будут вам известны, а вам легко удастся завоевать области Мавераннахра". Эти слова казаков произвели впечатление на неверных и побудили их пойти из Джулека на Туркестан. При одном приближении неверных Мирза Даулет покинул Туркестан и ушел в Ташкент; со стороны востока неверные силой овладели городом Аулие-Ата[36]. Таким образом Туркестан и Аулие-Ата, славнейшие крепости кипчакской степи, в один и тот же год были завоеваны неверными; тьма неверия сделала кипчакскую степь Тарикистаном[37]. Это произошло в 1281 (1864) г.

Все, что предопределено в вечности,
Должно было появиться на свет.
Люди не могут выбирать хорошее и дурное,
Пока им не будет оказана помощь.
Победа — дар бога мусульманам и неверным;
Гнев бога постигает тех, кого хочет.
Спутников Моисея бог привел к морю,
А власти такой собаки, как фараон, подчинил различные области.
Наконец, то море, подобно дракону,
Проглотило всех египтян вместе с их фараоном.
О Ниязи! Неверие подобно ночи; наконец, оно от света солнца
Убежит, как тень в полдень.

После взятия Хазрет-Султана и Аулие-Ата Нар-Мухаммед отправил посла в Коканд и известил об этом Алим-Кула. Когда тот услышал страшную весть, ум улетел из его безмозглой головы. Он велел отовсюду собирать войска; через несколько дней войско собралось в столице; вследствие своего тревожного настроения он быстро отпра-

[35] Об усилении людей низкого происхождения говорит также бухарский историк, см. *Записки Мирзы Шемса Бухари*, 32.

[36] Взятие Аулие-Ата произошло 4 июня, взятие Туркестана — 12 июня 1864 г.

[37] Т. е. «страной тьмы».

вился в кипчакскую степь. С большой поспешностью, с тревогой в душе, он прошел путь, а через несколько дней прибыл в Ташкент и остановился в Мин-Урюке. Там он услышал, что неверные из Аулие-Ата и из Туркестана соединились и с двух сторон хотят напасть на Чимкент. Мулла Алим-Кул со столичным войском выступил из Ташкента по направлению к Чимкенту. Прибыв в Чимкент, он узнал, что неверные с двух сторон идут на Чимкент, но еще не подошли к городу, что туркестанский отряд неверных стоит[38] в Ак-Арыке и хочет напасть на Чимкент. Отдохнув в ту ночь, Алим-Кул на следующий день встал рано утром, привел в порядок войско, повел его на неверных и начал битву. В той битве пал понсад-баши Абдулла и большая часть витязей мусульманского войска получила венец мученичества. После битвы обе стороны отступили по договору; но пришел отряд неверных из Аулие-Ата, встретил туркестанский отряд, заставил его вернуться и привел его в Иски-Чимкент, недалеко от Чимкента; там они расположились. Мулла Алим-Кул услышал, что неверные вернулись и подошли еще ближе; рано утром он встал, привел в порядок свое войско и пошел на неверных, стоявших в Иски-Чимкенте, на расстоянии $^1/_4$ сянга к северу от Чимкента. Подошедши на расстояние выстрела, все мусульманское войско по приказанию Муллы Алим-Кула, не имея никаких средств к защите, пешим предстало перед неверными и сделало себя целью для их пуль; все храбрецы мусульманского войска в полном согласии устремились на неверных. Когда они приблизились на расстояние выстрела, неверные выстрелили из своих ружей. Звуки такбира мусульман доходили до неба; души мучеников, подобно священным голубям, улетали в рай; нежные тела мучеников избирали своим местопребыванием темную землю; [воины] выпивали из рук виночерпия судьбы напиток мученической смерти и наслаждались блаженством, [выраженным в изречении]: „Войди среди моих рабов, войди в мой рай" [Коран, LXXXIX, 29]. Наконец, вследствие сильного дождя ядер и пуль неверных, падавшего без перерыва, подобно граду и молнии, оказалось невозможным стоять перед неверными; по необходимости мусульмане припали к земле и считали ровную землю своим убежищем. Несчастный и жестокосердый Мулла Алим-Кул понял, что много опытных, знающих дело людей погибло в сражении с неверными и достигло мученичества, что это произошло вследствие его несчастия и вследствие предопределения всевышнего; по необходимости он увел витязей с места битвы. Неверные дали позволение собрать трупы мучеников и отправились в сторону Чимкента; не обращая внимания на мусульманское войско, они сделали попытку овладеть Чимкентом. Войско мусульман с двух сторон окружило неверных и передвинулось дальше на рас-

[38] Т. е. отряд капитана Мейера, сражавшийся с кокандскими войсками при Акбулаке 14 и 15 июля 1864 г.

стояние выстрела; при таких обстоятельствах они подошли к Чимкенту, и крепость очутилась под выстрелами пушек. Был среди мусульман афганец Джамедар, начальник столицы; он велел столичным пушкарям поставить пушки в длинный ряд против пушек неверных и выстрелить. Неверные подумали, что это — английские пушкари, так как они действовали пушками, как англичане; выстрелы из пушек заставили неверных отступить. В ту ночь мусульманское войско вступило в Чимкент, бодрствовало до наступления дня и тщательно охраняло крепость. Утром они убедились, что неверные ушли [39]. Мулла Алим-Кул поручил Чимкент [40] Мирза Ахмеду, покинул войско с некоторыми другими начальниками и со столичным отрядом и вернулся в Ташкент. Пробыв там несколько дней, он отправился в столицу и через несколько дней прибыл туда.

В 1281 (1864) т., в начале зимы, он снова отправился в Ташкент, быстро прошел расстояние и остановился в Мин-Урюке. Когда он пробыл там несколько дней, кипчаки и киргизы стали бранить его и говорить: „Вследствие его несчастия мы лишились спокойствия и радостей, так как он сделал враждебными нам кипчакскую степь и все области; в конце концов наше положение стало трудным". Услышав эти слова кипчакского и киргизского войска, Мулла Алим-Кул заключил новый договор с жителями Ташкента, сел на лошадь, выехал через ворота Кара-Камыш и совершил ночной поход по дороге к берегу Сыр-Дарьи. Поспешно пройдя расстояние, он остановился около Икана; там же раньше остановились 100 человек неверных, пришедшие из Туркестана [41]. Несмотря на суровость зимы, он поставил свой отряд в боевой порядок [42] и быстро захватил сто человек неверных: некоторых он убил а 60 неверных взял в плен [43] и вернулся; по тому же пути он пришел в Ташкент, пробыл там несколько дней и возвратился в столицу.

Не прошло и месяца после его возвращения, как пришла весть о падении Чимкента и о походе неверных на Ташкент [44]. По поводу этой вести все кипчаки и киргизы говорили: „Мулла Алим-Кул, когда был в Чимкенте, по своему легкомыслию и неразумию велел убить Бай-

---

[39] Отступление М. Г. Черняева произошло 24 июля.

[40] В тексте: «Ташкент» — очевидная ошибка, так как о возвращении Алим-Кула в Ташкент говорится дальше. Мирза Ахмед действительно начальствовал в Чимкенте: см. Наливкин, *Краткая история Кокандского ханства,* стр. 201 и Остроумов, *Сарты,* изд. 2-е, стр. 193.

[41] Т. е. сотня есаула Серова, выступившая 4 декабря.

[42] В подлиннике «связал карабура». Так назывались «круглые связки из тростника и соломы, которые воины катили перед собою для защиты от ружейных выстрелов» (Веселовский, *Киргизский рассказ,* стр. 40).

[43] Как известно, сотня не была взята в плен, но пробила себе путь в Туркестан.

[44] Взятие Чимкента (21 сентября) и первый (неудачный) штурм Ташкента (2 октября) произошли раньше, чем дело при Икане.

зака[45], одного из главных казацких биев. Вследствие этих дурных поступков все казаки сделались его врагами и союзниками войска неверных; они были причиной взятия Чимкента и они же убедили неверных идти на Ташкент. Все это произошло вследствие несчастного нрава Алим-Кула; в конце концов он всех нас погубит". Они хотели все отложиться от Алим-Кула, но потом подумали: „Возбуждение внутренних смут во время победы неверных и поражение мусульман будет для нас несчастьем; в такое время мы должны следовать за ним и не выходить из повиновения этому несчастному". Итак, они снова собрали войско и отправились в Ташкент. Мулла Алим-Кул, боясь за себя, не стал ждать войска и с тревогой в душе выступил в Ташкент с немногими богатырями и с артиллерией; другие начальники и понсад-баши выступили по дороге в Ташкент через два дня после него. Итак, Алим-Кул, не дожидаясь начальников, в три дня поспешно прошел расстояние и в час завтрака остановился с небольшим войском в Мин-Урюке, вне крепости. Воины еще не кончили есть и пить, как услышали звуки труб. Все спросили: „Для чего этот звук?" Им сказали: „Для того, чтобы войско село на коней, так как неверные приблизились и остановились недалеко от Шур-тепе; военачальник хочет преградить им дорогу и немедленно вступить с ними в бой". Начальники войска сказали: „Еще нет большей части войска мусульман; какой смысл имеет вступать в сражение с этим небольшим войском?" Однако Алим-Кул не обратил внимания на совет начальников, открыл пушки и сам сел на коня; поневоле все сели на коней и отправились вслед за ним. Когда прошли расстояние одного конного перехода, он велел всем стрелкам мусульманского войска спешиться и послал их вперед. Пройдя небольшое расстояние, они увидели неверных, собравшихся в Шур-тепе; тотчас они выстрелили из пушек; неверные тоже стали стрелять из своих пушек. Дым пушек обеих сторон наполнил воздух степи и сделал ту степь черной, подобно темной ночи. Наконец, артиллерийский бой достиг крайней степени; неверные очутились в трудном положении. Большая часть войска кипчаков и киргизов вместе с их понсадбаши не подходили к месту битвы, но смотрели на нее издали. Наконец, Мулла Алим-Кул заметил, что начальники не оказывают помощи, а все стоят на месте и издали смотрят. Он велел сказать им: „О вы, своевольные начальники и упрямцы, говорящие пустые речи, теперь не место соперничеству и вражде. Если вы что-нибудь имеете против меня, то я, исполнив долг мусульман, выраженный в изречении: 'убивайте многобожников', готов принять от вас все, что вы постановите. Сегодня — день чести; даром выпускать из рук честь мусульман не годится. Если мы с вами так будем вести войну и охранять царство, то

[45] Алим-Кул велел привязать Байзака к отверстию пушки и разнес его на куски; его обвиняли в том, что он привел русских (Веселовский, *Киргизский рассказ*, стр. 16).

скоро крепость ислама будет сравнена с землей несчастия и дурная слава останется за нами до дня Страшного суда". Эти слова Алим-Кула передал начальникам Мулла Юнус-Джан; один из начальников, киргиз Пулад, грубо ответил послу и отпустил его. В то время, когда неверные вследствие сильного огня ружей и пушек мусульман очутились в трудном положении и начали отступать и когда мусульмане хотели занять место неверных, в это время пуля внезапно попала в бок Муллы Алим-Кула и вышла из другого бока; тотчас он упал с коня. С большим трудом его снова посадили на коня; медленно взяли все пушки; вместе с витязями взяли Муллу Алим-Кула, отступили и в полном порядке вошли в Ташкент. Войско, не принимавшее участия в битве и смотревшее на нее издали, не вошло в Ташкент, а остановилось на берегу Чирчика. Когда воины принесли Муллу Алим-Кула и вместе с царевичем[46] вошли в Ташкент, неверные преследовали их и стали обстреливать пушками ворота крепости, но после артиллерийского боя, продолжавшегося 1—2 часа, отступили и расположились в своем лагере[47]. Войско, уклонившееся от битвы с неверными и расположившееся на берегу Чирчика, вернулось в Коканд, не обращая внимания на войско, оставшееся в Ташкенте. Воины, принесшие вместе с царевичем Муллу Алим-Кула в Ташкент, положили его спать в одной лавке. После этого он созвал всех своих приверженцев и завещал им не покидать царевича, так как иначе они будут растоптаны копытами коней разных народов. Дав такое завещание, он в том же месте умер. После этого люди занялись своими делами; некоторые доброжелатели унесли труп Муллы Алим-Кула и похоронили его в Шейх-Антауре.

После этого кокандские воины каждый день являлись на поклон к царевичу и сидели там час или два. Так они провели несколько дней. Когда в это время кокандцы заводили речь о возвращении, ташкентцы говорили: „Неверные со всех сторон стеснили нас; в день битвы при Шур-тепе подвиги наших пушкарей удивили русских пушкарей; пока царевич с кокандским войском остается в этой области, в сердце неверных остается страх; в противном случае они захватят область, не откладывая дела ни на один час". Таким образом кокандское войско и витязи были задержаны в Ташкенте и отправили посла к бухарскому эмиру с выражением покорности. В короткое время посол пришел к эмиру, рассказал по порядку о совершившихся событиях и передал просьбу ташкентских жителей о спасении. Выслушав доклад, эмир ответил послу: „Если их покорность нам искренна, то пусть они отправят к нам царевича". После этого он, отпустив посла, отправил

[46] Т. е. Султан-Сейид-ханом.

[47] Дело при Шур-тепе произошло 9 мая 1865 г. (в донесении М. Г. Черняева неправильно *Сары-Тюбе*).

Искендер-бека, одного из начальников своего дворца. Тот вступил в Ташкент [48] и отправил царевича к эмиру; эмир удержал его при себе. Тогда кокандские воины поняли, что жители этой области в надежде на помощь сделались приверженцами эмира, думая, что он по своей царской милости отправит войско для их защиты и освободит их от этого бедствия. „Глупцы ташкентцы выпустили из рук царевича и потеряли расположение кокандцев; в конце концов они предадут область неверным". (Так говорили кокандцы.) Неверные узнали, что кокандцы охладели к ташкентцам за их переход на сторону бухарского эмира и ушли к себе на родину и что эмир также не может оказать им помощи; пользуясь этим, неверные двинулись на город и после небольшой борьбы вступили в Ташкент. Все усилия войска и жителей оказались бесполезными; наконец, они зажгли некоторые махалля и лавки; много домов сгорело и обратилось в пепел. Часть войска, находившаяся внутри города, разрушила стены крепости и вышла; начальники Ташкента, вроде букаула [49] Атабека, теперешнего начальника Коканда, и бухарца Искендер-бека, бежали к эмиру; Искендер-бека эмир после его прибытия велел убить. Все понсады, бывшие там, бежали в Кураму. В это время эмир услышал, что Ташкент взят неверными; тотчас он приготовил войско и поспешно прибыл в Самарканд. Там он пробыл 3—4 дня. Кипчаки в тот день, когда вернулись из Ташкента и вступили в Коканд, провозгласили своим ханом одного из родственников местных ханов, снова собрали войско для похода на Ташкент и остановились в месте Ер-Месджид. Пробыв там 1—2 дня, они хотели идти на Ташкент; на третий день они услышали, что эмир уже пришел в Ходжент. Получив известие о приближении эмира, кипчаки вернулись и вступили в Коканд, надеясь стать во главе жителей и отбить нападение эмира на город. Однако, вступив в город, они поняли, что жители не в состоянии сражаться против эмира и выдержать осаду. Не видя другого средства, кипчаки взяли с собой пушки и ушли в Му-и мубарек; узнав о приближении эмира к городу, они передвинулись дальше в Дурманча. Эмир услышал, что кипчаки очистили город и ушли по дороге в Маргелан; с величайшей поспешностью он отправился на Коканд и занял его (1282/1865-66 г.)».

Этим кончается рассказ нашего автора о войне с русскими; о военных действиях между русскими и бухарскими войсками он не упоминает. Эмир, по словам автора, скоро после своего вступления в Ко-

[48] В ночь на 10 июня.

[49] Придворная должность < = кравчий, стольник>.

канд понял, что ему не удержать ханства за собою, и потому возвел на престол Худояра, но перед своим возвращением в Бухару взял из Коканда все пушки, ружья и другое оружие. Худояр-хану будто бы удалось восстановить согласие между всеми жителями Ферганы — кочевниками, узбеками, сартами и таджиками; автор, по-видимому, совсем не предчувствовал, что уже через несколько лет междоусобная война возобновится с прежней силой. Дальше автор, большею частью в стихах, говорит о смерти некоторых членов ханского семейства, о постройках и сооружениях хана и помещает хвалебные оды в честь его. Упоминается, однако, и посольство к русским в 1288/1871 г.; во главе посольства стояли один из царевичей и везир мулла Иса[50]. В России все пришли в восторг от личности царевича и от красноречия везира; его слова покорили даже тех «злых людей».

[50] Он принимал также участие в событиях 1875 г.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ *ТА'РӢХ-И ШӐХРУХӢ*[1]

В 1261/<1845> г. Мусульман-Кул возвел на престол Худояр-хана. Первой заботой нового правительства было овладеть Ташкентом, где правил другой сын хана Шир-Али, Сарымсак-хан, посланный туда бухарским эмиром; после прибытия Сарымсака ташкентские сарты и казаки возмутились против кипчаков, заключили в тюрьму своего валия Муллу Хал-бека и задержали также Нар-Мухаммеда дадхаха, которого Мусульман-Кул отправил к ним послом из Коканда. Теперь Мусульман-Кул отправил в Ташкент Миян-Халиль-Сахиба, который обещаниями должен был склонить Сарымсака вернуться в Коканд. Сарымсак поддался обману и после прибытия в Коканд был убит (1263 г.). После этого хакимом Ташкента был назначен Азиз-Бече Чусти, а хакимом Кереучи — Нар-Мухаммед, кипчак. Туркестаном правил Канаат-шах; получив известие о смерти Сарымсака, он возмутился против правительства. Азиз осадил Туркестан; после семимесячной осады Канаат сдал город Азизу, а сам удалился в Бухару. После возвращения в Ташкент Азиз узнал, что Мусульман-Кул смещен с должности минбаши и удален в Аблык, а на его место назначен Мулла Хал-бек. Услышав это, Азиз возмутился; из страха перед ним кипчаки возвратили Мусульман-Кулу его прежнюю должность. Тем не менее Мусульман-Кул продолжал опасаться кипчаков и велел убить некоторых вельмож из них, как Мухаммед-Яра дадхаха, Муллу Хал-бека дестурханчи и Рахман-Кула Бече. Это усилило вражду кипчаков, и некоторые из них, как Мулла Керим-Кул дестурханчи, Мухаммед-Назар Кур-оглу, сын его Хал-Мухаммед дадхах и Хатим-Кул рисальчи, уговорили кереучинского хакима Нар-Мухаммеда дадхаха возмутиться против Мусуль-

---

[1] Написано в 1288/1871 г.; автор — Мулла Ниязи-Мухаммед <так на титульном листе в изд. Н. Н. Пантусова; правильно — Нияз-Мухаммед. — *Ю. Б.*> бен Ашур-Мухаммед Кокандский. Книга издана в Казани Н. Н. Пантусовым в 1885 г. Предлагаемая статья содержит не перевод, а только пересказ текста книги, насколько она касается тех же событий, о которых говорит Мирза Ахмед. <Мирза Ахмед — кокандский кушбеги, рассказ которого о событиях в Кокандском ханстве и о Я'куб-беке, записанный И. М. Ораевским, опубликован Н. И. Веселовским в ЗВОРАО, т. XI, 1899, стр. 90—103. Ср. статью В. В. Бартольда *Туземец о русском завоевании* (см. выше, стр. 333—349), где более подробно изложены и переведены те места из *Та'рӣх-и Шӑхрухӣ*, в которых говорится о борьбе с русскими. — *Ю. Б.*>

ман-Кула и овладеть Ташкентом. С помощью местных жителей и ташкентских понсад-баши Нар-Мухаммед изгнал Азиза, который удалился к Мусульман-Кулу и получил от него придворную должность. Азиз был убит кипчаками в 1266 г. Год спустя Мулла Керим-Кул дестурханчи из вражды к кипчакам бежал из Коканда в Ташкент к Нар-Мухаммеду. В следующем, 1268 г. ура-тюбинский правитель Иса-бек (عیسی بیک که یکی از اولاد قلیکه بود اصل نام آن اسحاق بیک بوده), возмутившийся против хана, изъявил покорность. Правление кипчаков отличалось жестокостью; они убили также многих выдающихся представителей духовенства. Все это в 12 году[2] царствования Худояра вызвало открытое возмущение сартов, таджиков и узбеков, во главе которого стоял Нар-Мухаммед ташкентский. Кипчаки двинулись на Ташкент, прошли до Чимкента, где разрушили несколько казацких аулов, и на обратном пути осадили Ташкент. Хал-Мухаммед дадхах, правитель города Шехр-хана, и другие тайно известили ташкентцев, что во время битвы захватят хана и присоединятся к ним. Вследствие этого Мусульман-Кул был разбит и бежал; ташкентцы перевезли хана в свой город[3]. Они назначили на должность минбаши кипчака Утеб-бая кушбеги. Во главе ташкентцев стояли Мухаммед-Нияз кушбеги, Касим минбаши, Мухаммед-Раджаб курбаши, Камбер шурбетдар, Керим-Кул понсад-баши; склонив на свою сторону Нар-Мухаммеда, они двинулись на Коканд, чтобы уничтожить кипчаков и возвратить власть хану. Хан, однако, отказался поддержать их своим авторитетом и оставался нейтральным. Кокандские аксакалы приняли сторону ташкентцев, и город был занят ими. Мусульман-Кул в то время собрал войско из киргизов в горах, в месте Билкылама. Начальники городов Шехр-хан, Балыкчи и Андижан, услышав это, напали на него, взяли многих пленных и отправили их в Коканд с Бай-Мурадом, сыном Базар-батура. Бай-Мурад вступил в город за полчаса до прибытия ташкентцев, которые тотчас принялись избивать кипчаков и среди общего смятения убили также Бай-Мурада. В это время пришло известие о примирении Мусульман-Кула с начальниками Шехр-хана, Андижана и Балыкчи; ташкентские вельможи уговорили Худояр-хана выйти из своего нейтрального положения и явно принять их сторону. Хан исполнил просьбу и двинулся на кипчаков, поставив во главе войска своего брата Малля-хана и Иса-бека юза. Произошла кровопролитная битва, кончившаяся в пользу хана. Кипчаки удалились в Билкыламу; хан занял место Туг, расположенное недалеко оттуда. Здесь его покинули Ходжа-Калян Джуйбари, Мухаммед-Нияз кушбеги, Касим минбаши, Мумин-

[2] Описанные здесь события (до бегства Малля-хана в Бухару) на самом деле произошли несколько раньше, именно в 1853 г.

[3] Ср. Григорьев, *Современные монеты*, стр. 116—117; Вельяминов-Зернов, *Исторические известия*, стр. 351.

ходжа понсад-баши, Мухаммед-Назар Кулак понсад-баши и другие; они отправились частью в Ташкент, частью в Коканд, частью в Маргинан, частью в Шехр-хан, частью рассеялись по кишлакам. Тем не менее хан осадил кипчаков и до того стеснил их, что они решили покориться и выдать Мусульман-Кула. Кипчаки получили прощение, а Мусульман-Кул был казнен в 1273/<1856-57> г. Хан назначил Малля-хана правителем Ташкента, куда раньше удалился Мухаммед-Нияз кушбеги и правил там от имени хана; теперь его назначили правителем Чимияна. Иса-бек юз получил Андижан.

Скоро после этого Малля-хан возмутился против брата и потому не обратил внимания на подступление русских к Ак-Мечети, где начальствовал Мухаммед-Али, племянник Шади минбаши. Крепость была взята, и все защитники ее были перебиты.

Малля-хан потребовал от своего брата покорности; по совету вельмож Худояр немедленно двинулся на Ташкент. Малля-хан был разбит и бежал в Бухару; Худояр назначил хакимом Ташкента Суфи-бека, сына таджика Даурана дадхаха. Худояр продолжал оказывать благодеяния брату и в 14 году своего правления уговорил его вернуться из Бухары. Немного спустя Малля снова составил заговор; хан узнал об этом, но Малля успел бежать в Уч-Курган. Там он привлек на свою сторону всех кочевников, киргизов, кипчаков, тюрков, каракалпаков, племя чонбагыш, калмыков из سيغاق и اوسوراق. Произошла битва при Саманчи; во время битвы измена Фермана, правителя Аблыка, заставила войско хана подумать, что все кипчаки на стороне врагов, и все войско обратилось в бегство. Хан вернулся в Коканд и оттуда бежал в Бухару, и в 1275/<1858-59> г., в год лошади, на престол вступил Малля-хан.

Малля-хан правил очень жестоко, опираясь на кочевников. В это время Канаат-шах, правитель Ташкента, донес о взятии русскими крепостей Уч-Алматы, Токмака и Аштека [4]. Малля отправил войско через Куртку под начальством андижанского правителя, киргиза Алим-бека; были отправлены также 7 понсад-баши с кокандским войском и войско Курамы и Ташкента. Кокандские понсады отправились в Ташкент и оттуда двинулись вместе с Канаат-шахом. Войско через Чимкент, Аулие-Ата и Пишкек (sic) пришло на берега Чу. Оттуда был отправлен вперед против русских Шадман-ходжа с 7000 войска; русские стояли в بيكت, между Уч-Алматы и Аштеком. Через три дня прибыл Алим-бек киргиз с 12 000 войска вместе с киргизами из Куртки и Кетмень-тюбе. В это время Шадман-ходжа уже завязал битву; войско поспешило к нему на помощь и окружило русских у Бикета [5]. Произо-

[4] Т. е. Кастека.

[5] Вероятно, русское слово *пикет*. Сражение, как известно, произошло при Узун-Агаче. <Ср. выше, стр. 336, прим. 17.>

шел спор за первенство между Канаат-шахом и Алим-беком; последний с андижанским войском и киргизами удалился в сторону. Кочевники не выдержали пушечного огня и обратились в бегство; сарты и таджики продолжали бой; наконец, русские отступили; Канаат-шах с большей частью войска тоже оставил поле битвы; небольшой отряд преследовал русских до крепости Аштек. Всех казаков, кочевавших около Уч-Алматы и Аштека, переселили в окрестности Пишкека, Мерке и Аулие-Ата. Войско пробыло месяц в Пишкеке и возобновило крепость; после этого кокандское ополчение было отпущено домой, также андижанское. Кокандское ополчение встретило хана в Ходженте на обратном пути из Ура-Тюбе, куда он ходил воевать с бухарцами. Поход на Уч-Алматы произошел в 1277/<1860-61> г.

Из Ходжента Малля-хан отправил отряд против русских в Туркестан. Отряд прошел через Чимкент, где начальствовал Ибрахим-бек, и оттуда в Туркестан. Здесь пришло известие о взятии русскими Яны-Кургана; известие было передано Канаат-шаху, который по приказанию хана должен был идти на русских. По дороге к нему присоединился гарнизон крепости Яны-Курган, который был отпущен русскими, отнявшими у него только оружие и лошадей. Канаат подошел к Яны-Кургану и увидел, что крепость сожжена русскими. После этого он переправился через Сыр-Дарью с частью войска; оставшийся на левом берегу отряд должен был произвести нападение на Джулек. Оба отряда сошлись в месте Тувек (توک), где была построена новая крепость. После этого войско по приказанию хана немедленно вернулось в Ташкент, куда прибыл сам хан.

Хан вернулся в Коканд; скоро после его возвращения Алим-бек киргиз мундуз, Хадир киргиз дуз, Худай-Назар тюрк и другие, в согласии с киргизом Алим-Кулом, составили заговор и в ночь на понедельник 24 ша'бана 1278 г. убили хана (24 февраля 1862 г.). Алим-Кул в ту ночь скрывался в своем доме, чтобы скрыть свое участие в этом деле. С той же целью он демонстративно плакал над трупом хана; он хотел привлечь на свою сторону народ и сам занять престол. Для вида он возвел на престол Шах-Мурад-хана, сына Сарымсак-хана; новому хану было 15 лет. Худояр-хан в это время был в Джизаке, Канаат-шах с ташкентским и кураминским войсками находился в Туркестане. Вместе с военачальниками он призвал Худояра. Худояр прибыл в Чар-Дере, где начальствовал Баба-Джан; по совету доброжелателей, он оттуда отправился в Чиназ, где не было настоящего хакима, а должность его исполнял Мирза Камиль. Мирза охотно принял хана, но соседние кочевники — каракалпаки — не одобряли этого и хотели взять Худояра в плен. Мирза убедил их, что все делается с согласия всех казаков и верховного владыки степи, Канаат-шаха аталыка. Из Чиназа известие о прибытии хана было отправлено

в Ташкент Мулле Салих-беку ахунду, одному из главных вельмож[6]. Все начальники отправились навстречу хану через Зенги-Ата в Иски-Ташкент. Хан торжественно въехал в Ташкент и через несколько дней был там вознесен на белом войлоке; Канаат аталык из Туркестана письменно известил о своем согласии.

Несколько дней спустя прибыл сам Канаат, был принят ханом и награжден халатом. Кокандские правители двинулись на Ташкент. Из Ходжента они пришли в Нау и Кош-Тигирман, где взяли в плен преданного Худояру хакима, Мирза Даулета таджика. Перейдя Сыр-Дарью, они прибыли в Кураму и обещаниями привлекли на свою сторону кереучинского хакима Рустем-бека, сына ташкентского аксакала Казак-бая; то же самое удалось им с хакимом Ниязбека. После этого они осадили Ташкент, где много терпели от вылазок. Вдруг пришло известие о предстоящем походе бухарского эмира; кипчаки отступили к Сыр-Дарье, где среди них произошли раздоры. Мулла Алим-Кул в согласии с минбаши Шадман-ходжей и с Бек-Мухаммедом Хадичи (هذيچى) убили киргиза Хадира (خدير), кипчака ايرس على и тюрка Худай-Назара; кроме того, они послали киргиза چوتن в Коканд для убиения киргиза Алим-бека, которого они оставили правителем города. Худояр из Ташкента, не останавливаясь в Кереучи, отправился прямо в Ходжент, куда еще раньше прибыл бухарский эмир. После свидания с эмиром хан быстро двинулся дальше через Камыш-курган в Коканд. Кипчаки бежали, Шах-Мурад-хан за ними; последний во время бегства был схвачен и отведен к Худояр-хану (1279/<1862-63> г.). В это время пришло известие о намерении бухарского эмира занять Коканд; Худояр-хан приготовил город к обороне; эмир, узнав об этом, вернулся из Махрама назад. Худояр отправил к нему с подарками Канаата, аталыка, которого эмир через несколько дней велел убить. В то же самое время кипчаки и киргизы собрались у Андижана; хан отправил в Андижан хакимом Доста юза, в Балыкчи — каракалпака Дост-Мухаммеда; вслед за Достом были отправлены в Андижан Мулла-Султан юз и Халик-Назар таджик. Сам хан отправился к ним на помощь и остановился у قباه بشور. Здесь его встретили кипчаки; бóльшая часть кокандского войска была разбита, но сам хан остался на поле битвы, оттеснил кипчаков и укрепил свой лагерь. В Андижане Дост юз, узнав от беглецов о неудачном исходе битвы, покорился кипчакам; Мулла-Султан и Халик-Назар хотели пробиться к хану, но были окружены кипчаками. Мулла-Султан потерял дорогу и с трудом достиг Маргинана; Халик-Назар пал в битве. Кипчаки стали грабить страну. Хан перенес свой лагерь в قبا и оттуда в маргинанскую деревню يكه توت; кипчаки окружили лагерь, но близко не подходили, опасаясь пушек. Жители Коканда

[6] Впоследствии он был сослан из Ташкента в Сибирь М. Г. Черняевым.

решили идти к хану в يكه توت и силой заставили ишана Сахиб-заде принять начальство над ними. Толпа прибыла в Маргинан и остановилась в Ташлаке. Здесь Мулла-Султан принял начальство над ними и освободил ишана. Во главе конного ополчения (с несколькими пушками) стоял Худай-Назар эмин.

При дальнейшем движении на войско напали кипчаки; Худай-Назар достиг с трудом يكه توت; пехота была окружена со всех сторон. Часть войска скрылась в одной курганче; кипчаки зажгли окрестные посевы, и почти все бежавшие погибли или были взяты в плен. Мулла-Султан бежал на север в اشترخان и оттуда с большим трудом достиг Маргинана, где пал к ногам ишана Сахиба; тот его ободрил. Постоянно один отряд кипчаков осаждал يكه توت, другой — Маргинан; в Маргинане кроме Мулла-Султана были Мухаммед-Назар-бек и Мирза Ахмед (стр. ٢٤٩). Мулла-Султан был убит в одной стычке; начальник кипчаков и киргизов, киргиз Мулла Алим, устроил ему торжественные похороны. Хан из يكه توت перешел в زريلمه и хотел соединиться с маргинанцами. Кипчаки решили идти на Коканд, чтобы занять столицу, возвести на престол нового хана и добиться его признания. Все киргизы и кипчаки объявили сына одного из слуг Мухаммед-Али-хана сыном последнего и силой заставили его принять власть. Подступив к Коканду, они потребовали, чтобы кази-калян и другие вельможи вышли к ним и изъявили покорность; в то же время они объявили, что с Худояром они покончили и что войско перешло на их сторону. Жители притворно покорились и приняли кипчаков в город, но решили призвать Худояра, если он жив, и вместе с войском хана напасть на кипчаков. После вступления кипчаков и киргизов шейх ал-ислам Сулейман-ходжа тайно отправил посла к хану. Посол прибыл в Маргинан, где в то время был хакимом Мирза Ахмед (стр. ٢٥٣); тот отправил посла к хану в زريلمه. Хан немедленно прибыл в Маргинан. На пути оттуда, в месте پلسان, он сказал речь военачальникам и уговаривал их, если они недовольны им, отпустить его и дать ему сделаться отшельником, но не вести его в Коканд для выдачи кипчакам. Они отклонили от себя это подозрение и поход продолжался. При приближении хана жители города, по уговору с ним, восстали на кипчаков; в то же время войско хана подступило к воротам. Кипчаки были прогнаны; под начальством минбаши Шадман-ходжи они удалились в Саманчи и разбили жителей Решидана и Ак-Ера, желавших преградить им путь. Оттуда они отправились в پلسان и в Маргинан; благодаря поддержке жителей, они овладели городом, и Мирза Ахмед удалился к хану (стр. ٢٥٦). Из Маргинана кипчаки пришли в سری تال. В это время бухарский эмир отправил на помощь Худояр-хану Али-Яр-бека с ополчением из Ура-Тюбе, Нау, Кош-Тигир-

мана и Ходжента. Войско пришло в Коканд и приняло участие в защите города от кипчаков, которые нападали на него из سری تال. Бухарцы просили хана позволить им произвести нападение на кипчаков; хан неохотно дал позволение. В сражении бухарцы были разбиты, но вмешательство кокандского войска спасло их. Хан радовался, что бухарцы «узнали себя» и что жители ханства могли убедиться в их слабости.

Между тем эмир прибыл в Ходжент; кипчаки послали Кель-Минбая, чтобы преградить ему путь; Кель-Минбай встретил эмира в Канибадаме, но отступил; эмир вступил в Коканд; кипчаки отступили в دورمنچه; эмир пошел за ними и отправил Ходжа-Каляна кашгарского хакимом в Андижан. Эмир преследовал кипчаков до Узгента и قرا غلجه. Здесь он призвал кипчаков к покорности и обещал им назначить ханом какого-нибудь царевича по их выбору. Кипчаки поняли слабость эмира и иронически ответили, что не понимают, зачем такой могущественный властитель преследует их, слабейшее из 92 узбекских племен; они выразили надежду, что эмир удалится из их страны, возьмет с собой Худояр-хана и оставит на престоле кого-нибудь другого. Эмир отступил в Коканд; кипчаки следовали за ним, заняли Маргинан и оттуда отправили своего минбаши Шадман-ходжу для занятия Ташкента, что и было исполнено. Эмир ночью ушел, уводя с собой Худояра (1280/<1863-64> г.). Из Биш-Арыка он отправил в Коканд Шах-Мурад-хана. Жители согласились признать его только под условием примирения с кипчаками. Шах-Мурад отправился к последним; начальник кипчаков и киргизов, киргиз Мулла Алим-Кул, немедленно велел его убить. В Маргинане был возведен на престол сын Малля-хана и потом приведен в Коканд. Мулла Алим-Кул сделался полновластным правителем. Пользуясь смутами, русские заняли все степные крепости и подступили к Туркестану. Мулла Алим-Кул отправился в Ташкент и там умертвил Шадман-ходжу. Правителем Ташкента был назначен Нар-Мухаммед Задияни, правителем Туркестана — Мирза Даулет таджик. Мирза Даулет стал грабить кочевников, вследствие чего все они перешли на сторону русских. Предводители кочевников уговаривали русских идти дальше и занять Ташкент. Русские из Джулека подступили к Туркестану; при приближении их Мирза Даулет оставил город и бежал в Ташкент. Туркестан был взят русскими; в том же 1281/<1864-65> г. пала также крепость Аулие-Ата.

Нар-Мухаммед дадхах известил об этом Алим-Кула; тот прибыл с войском в Ташкент и остановился в Мин-Урюке. Здесь он узнал, что русские с двух сторон подступили к Чимкенту; Алим-Кул прибыл туда. Туркестанский отряд стоял в Ак-Арыке; Алим-Кул вступил в битву с ним. В битве пал Абдулла понсад-баши. После битвы войска рассея-

лись по соглашению (بمصالحه); аулиеатинский отряд соединился с туркестанским; они расположились в Иски-Чимкенте. Здесь на них напал Алим-Кул. Мусульмане были разбиты; русские позволили им собрать свои трупы и, не обращая больше внимания на них, осадили Чимкент. Во главе кокандской артиллерии стоял афганец Джамедар; он научил кокандцев направить пушки против русской артиллерии. Русские подумали, что в войске врагов находятся английские (فرنكى) пушкари, и отступили; мусульмане проникли в Чимкент. На другое утро Мулла Алим-Кул, увидев, что русские ушли, оставил в Чимкенте[7] Мирза Ахмеда, а сам вернулся в Ташкент и оттуда в Коканд.

В начале зимы 1281/<1865> г. Алим-Кул снова пришел в Ташкент и остановился в Мин-Урюке. Кипчаки и киргизы бранили Алим-Кула и обвиняли его в неудачах. Алим-Кул отправился в Икан, куда прибыл из Туркестана отряд в 100 русских; часть их была перебита, 60 человек взяты в плен. Алим-Кул вернулся в Коканд. Меньше чем через месяц после этого пришло известие о падении Чимкента и о походе русских на Ташкент[8]. Причиной того и другого был поступок Алим-Кула, который в Чимкенте убил Байзака, одного из главных казацких биев[9]. Был предпринят новый поход; Мулла Алим-Кул, не дожидаясь главных сил, с небольшим отрядом прибыл в Мин-Урюк; узнав, что русские подошли к Шур-тепе, он, не слушаясь советов, тотчас пошел туда. Произошла битва; бо́льшая часть кипчакских и киргизских военачальников и понсад-баши только смотрели на нее издали. Алим-Кул отправил к ним Муллу Юнус-Джана с просьбой о помощи; киргиз Фулад дал послу грубый ответ. Когда мусульмане уже стали одерживать верх, Мулла Алим-Кул был смертельно ранен; мусульмане отступили к Чирчику; Алим-Кула и царевича отвели в Ташкент; неверные подступили к городу, но после непродолжительного артиллерийского боя вернулись в свой лагерь. Войско с Чирчика вернулось в Коканд. Алим-Кул в Ташкенте был отнесен в одну лавку, где и умер, завещав своим спутникам поддерживать царевича. Ташкентцы упросили кокандцев остаться с царевичем в их городе. Кокандцы отправили посла к бухарскому эмиру с изъявлением покорности; эмир потребовал от них выдачи царевича и отправил в Ташкент Искен-

---

[7] В тексте (стр. ٢٧٠) сказано «в Ташкенте», что, очевидно, ошибочно, так как о возвращении Алим-Кула в Ташкент говорится дальше. Ср. Наливкин, *Краткая история Кокандского ханства*, стр. 201 и Остроумов, *Сарты*, изд. 2-е, стр. 103. В ташкентской области Мирза Ахмед правил еще в 50-х годах, когда его лихоимство («собирая с киргиз недоимки, он продавал их малолетних детей в рабство сартам») вызвало восстание киргизов <казахов>. Ср. Наливкин, *Краткая история Кокандского ханства*, стр. 187.

[8] Падение Чимкента и первый (неудачный) штурм Ташкента произошли раньше, чем дело при Икане.

[9] Ср. Веселовский, *Киргизский рассказ*, стр. 16.

дер-бека, который и прислал царевича в Бухару. Все это рассердило кокандцев, и они ушли из Ташкента; помощь из Бухары также не пришла, и Ташкент был взят русскими; бóльшая часть города сгорела. Искендер-бек бежал в Бухару, где эмир велел его убить; понсады ушли в Кураму. Эмир приготовился к походу. Кипчаки, возведя на престол другого царевича, хотели идти на Ташкент и пришли в پر مسجد, когда получили известие о прибытии эмира в Ходжент. Они вернулись в Коканд для защиты города, но, увидев, что жители не хотят сражаться с эмиром, отступили в Му-и мубарек. Эмир в 1282/<1865-66> г. занял Коканд, но скоро убедился, что не может там удержаться, и передал престол Худояр-хану. Худояр-хан преследовал кипчаков и оттеснил их в Кашгарию. Эмир дошел до Оша, откуда вернулся в Коканд, выселил оттуда главных представителей духовенства, увез также все пушки и все оружие и удалился в Бухару.

ОТЗЫВ О ТРУДАХ ОРЕСТА АВЕНИРОВИЧА ШКАПСКОГО

О. А. Шкапский начал свою литературную деятельность в Туркестанском крае в 1889 г. путевыми очерками «От Орска до Казалинска», напечатанными в газете «Туркестанские ведомости»; ряд статей по этнографии и статистике был помещен им в «Сборнике материалов для статистики Сыр-Дарьинской области» (издании Сыр-Дарьинского областного статистического комитета), в журналах «Средне-Азиатский вестник» и «Русская мысль», в газетах «Туркестанские ведомости» и «Русский Туркестан»; одним из издателей последней газеты О. А. Шкапский состоит в настоящее время. В апреле 1899 г. О. А. Шкапский был избран действительным членом Туркестанского отдела ИРГО, в 1899 г. членом редакционного комитета для издания «Известий» Отдела[1]. В феврале 1898 г. сделал в заседании Отдела сообщение «О землевладении в Хиве и Аму-дарьинском отделе»[2], обнимавшее собой три главы (5, 6 и 7) труда, впоследствии (в 1900 г.) напечатанного автором в VIII томе «Сборника материалов для статистики Сыр-Дарьинской области» под заглавием «Земледелие и землевладение в Шураханском участке Аму-дарьинского отдела». Та же статья в том же году вышла в Ташкенте отдельной книгой, вместе со статьей «Аму-дарьинские кулаки перед судом шариата и казиев» (первоначально помещенной в журнале «Русская мысль»), под общим заглавием: «Аму-дарьинские очерки. К аграрному вопросу на нижней Аму-дарье». Отзыв об этой книге был дан А. Б. Липовским в журнале «Живая старина».

Названная статья О. А. Шкапского о земледелии и землевладении в Шураханском участке несомненно занимает выдающееся место среди трудов провинциальных деятелей по этнографии и статистике. Автор дает нам подробные сведения о физико-географическом характере местности, об искусственном орошении, о способах и орудиях обработки земли, о различных видах землевладения и землепользования, об экономическом положении современного населения в связи с его этнографическим составом (делается попытка вычислить баланс среднего земледельческого хозяйства), о постепенном росте малоземелья и о

[1] *Отчет ИРГО за 1900 год*, стр. 020.

[2] *Отчет ИРГО за 1899 год*, стр. 50.

средствах борьбы с этим злом, приложен ряд таблиц, диаграмм и схематических карт. Всего этого более чем достаточно для того, чтобы обеспечить автору благодарность лиц, заинтересованных в успехах этнографического и статистического изучения Туркестанского края, и право на награждение его трудов серебряной медалью ИРГО. Впечатлению, произведенному достоинством работы, несколько вредит крайне неудачная попытка автора (<гл.> V) решить чисто исторический вопрос — вопрос об эволюции земельной собственности в крае — не путем исторических изысканий, а путем сопоставления условий современного быта с теоретическими положениями мусульманского права, на деле никогда и нигде не получившими полного осуществления, и с теориями М. М. Ковалевского о первобытной семейной и соседской общине. С действительной историей края автор совершенно незнаком и вопреки общеизвестному факту, что Куня-Ургенч оставался главным городом Хорезма до конца XVI в., утверждает (стр. 93), что «в окрестностях Куня-Ургенча существовала в древности культура, но затем исчезла после потока Чингиз-хановых полчищ. Хивинское ханство развилось южнее и только впоследствии культура его распространилась на округ Куня-Ургенча». Без этой попытки решать вопросы, находящиеся вне сферы компетенции автора, работа О. А. Шкапского по количеству этнографического и статистического материала, частью впервые извлеченного из архивных документов, заслуживала бы, по моему мнению, более высокой награды.

К ВОПРОСУ О РОДИНЕ ХАКИМ-АТА [1]

В № 9 «Туркестанских ведомостей» помещена статья г. Комарова «Ходжа Хаким Сулейман Бакыргани». Автор старается доказать, что родину и место погребения этого среднеазиатского подвижника следует искать не в Хивинском ханстве, как думали до сих пор, а близ Ходжента, где находится мазар Ходжа-Бакырган, на берегу речки того же имени, впадающей в Сыр-Дарью; о мазаре рассказывается предание, представляющее некоторое, хотя и отдаленное, сходство с одним из преданий о Хаким-Ата. К сожалению, автор не воспользовался историческими известиями об этом подвижнике, собранными К. Г. Залеманом [2], где приведены извлечения из нескольких сочинений, между прочим из *Рашаḥāт ʿайн ал-ḥайāт* Али б. Хусейна ал-Кашифи, написанного в 909/1503-04 г. Здесь о Хаким-Ата говорится: «Местом жительства Хакима Сулеймана был Хорезм, и там же он переселился из тленного мира в мир вечности, в месте, которое называют Афак-курган, т. е. белая крепость (*апак* — усиленная форма прилагательного *ак*). Его благословенная могила там пользуется большой известностью, посещается паломниками и почитается священною» [3].

Из самой легенды о Хаким-Ата г. Комаров приводит рассказ об остановке верблюда в месте Бинова-Аркасы, «в западной части Хорасана»; в подлинном тексте, по изданию К. Г. Залемана, сказано, что это место находилось «в сторону запада от города Хорезма» [4]; в той же легенде говорится, что могила святого после наводнения, постигшего Хорезм, сорок лет оставалась под водой; в этом предании К. Г. Залеман видит отголосок последствий опустошения страны монголами в 1221 г. [5]. Все эти известия, в связи с фактом существования в эпоху Абулгази урочища Бакырган-Ата в низовьях Аму-Дарьи [6], едва ли позволяют принять мнение г. Комарова.

---

[1] <См. также статью *Хаким-Ата* (ниже, стр. 532). — *Ю. Б.*>

[2] *Легенда про Хаким-Ата.*

[3] Там же, стр. 138.

[4] Там же, стр. 110.

[5] Там же, стр. 106.

[6] См. Бартольд, *Туркестан,* ч. II, стр. 149, прим. 2; <наст. изд., т. I, стр. 205, прим. 2>.

НАРОДНОЕ ДВИЖЕНИЕ В САМАРКАНДЕ В 1365 г.[1]

События, происходившие в Самарканде в 1365 г., принадлежат к числу тех общественных движений, которых и на мусульманском Востоке было больше, чем обыкновенно полагают. Как ни скуден материал, доступный в настоящее время исследователю истории Востока сравнительно с исследователем истории Европы, все-таки и на основании этого материала можно доказать с несомненностью, что и к истории Востока применим вывод западноевропейской исторической науки о тесной связи между развитием общественного самосознания и развитием торгово-промышленного класса и городской жизни. Если мы только на крайнем западе мусульманского мира, в Испании, встречаем городские общины с ясно выраженным республиканским устройством[2], то общественные движения, приводившие иногда, хотя бы временно, к совершенному устранению единовластия, происходили и в других странах, везде, где могли образоваться значительные городские поселения, в том числе и в больших городах мусульманской Средней Азии.

Главными городами страны в средние века, до возвышения Ташкента и ферганских городов, оставались Самарканд и Бухара. По-видимому, роль этих городов в истории общественных движений изменялась в зависимости от перенесения местопребывания правителей; если правители жили в Бухаре, то средоточием оппозиционных элементов становился Самарканд, и наоборот. При Саманидах население Бухары считалось наиболее преданным династии[3], тогда как Самар-

---

[1] <Восстание 1365 г. в Самарканде привлекало внимание исследователей и после В. В. Бартольда. См. работы: Гуревич, *О классовой борьбе* (характеристика движения в целом неверна; к статье приложены извлечения из источников в русском переводе, выполненном А. А. Молчановым и А. А. Семеновым); Салиев, *Об ошибках;* Набиев, *Сарбадорлар қўзғолони* (гл. обр. стр. 38—47); Якубовский, *Тимур,* стр. 56—58; Строева, *Сербедары.* Общая характеристика сербедарских движений в Иране и Средней Азии во второй половине XIV в. и государств «сербедарского типа», а также идеологии этих движений дана И. П. Петрушевским (*Движение сербедаров,* стр. 94—96, 98—106, 159—162). — *Ю. Б.*>

[2] Dozy, *Recherches,* t. II, p. 145 sq.

[3] Истахри, 315: ولهم من حسن الطاعة وقلّة الخلاف على الولاة ما يؤدّى الى اختيار المقام بينهم على سائر ما وراء النهر.

канд, как и при бухарских эмирах XIX в.[4], пользовался славой мятежного города[5]; с другой стороны, Караханиды, при которых столица была перенесена в Самарканд, могли вполне полагаться на самаркандцев[6], тогда как в Бухаре произошло движение, имевшее последствием совершенное устранение ханской власти. Главы духовенства и местной аристократии, *садры,* становятся наследственными светскими правителями, но не принимают светского титула; в свою очередь садры в начале XIII в. изгоняются, и правителем города становится человек из ремесленного класса, подвергающий гонению представителей аристократии. Подробности движений, которые могли привести к таким результатам, несомненно, представляли бы большой интерес; к сожалению, наши источники дают нам как о садрах, так и о их противнике только самые скудные сведения; в дополнение к фактам, приведенным мною в другом месте[7], я в настоящее время мог бы привести только некоторые места из недавно изданной Э. Броуном антологии современника событий, Мухаммеда Ауфи[8].

Монголы, завоевав Туркестан, в первое время не вмешивались во внутреннее управление страны. Еще в начале XIV в., как показывают рассказы Джемаля Карши, автора *Мулхакат ас-сурах*[9], местное управление находилось частью в руках мелких владетелей из туземных династий домонгольского происхождения, частью в руках представителей мусульманского духовенства, причем в последнем случае звание садра часто также переходило по наследству от отца к сыну[10]. Еще 30 годами позже при Ибн Баттуте[11] самаркандский казий, подобно бухарским садрам XII в., носил титул *садр-и джехан* ('столп мира'). Из демократических движений этого периода известно только одно —

---

[4] Wolff, *Narrative,* p. 202 sq.: «as this town is frequently in a state of mutiny, he (the king) seldom goes there».

[5] Макдиси, 278,10: يشغبون على الامراء .

[6] Ср. мой труд *Туркестан,* ч. II, стр. 332, 334, 339, 392—393; <наст. изд., т. I, стр. 375, 376, 380—381, 430>.

[7] Там же, стр. 349, 379—381, 386—387; <наст. изд., т. I, стр. 389—390, 418—420, 424. Более подробно о династии садров см. в статье В. В. Бартольда в «Энциклопедии ислама» *Burhān* (см. ниже, стр. 515—518), а также новую работу: Pritsak, *Āl-i Burhān.* — *Ю. Б.*>

[8] *Лубаб ал-албаб,* II, 385 (стихи поэта Шемси в насмешку над садрами: после победы Синджара садры отправились в «орду» кара-китаев, добыли там за большие деньги указы в свою пользу, но эти указы остались неисполненными; поместья садров лишились воды и пришли в запустение) и 393 (стихи поэта Шихаби Газаля Ходженди в насмешку над Синджаром, отправленным, вероятно по приказу хорезмшаха Мухаммеда, из Бухары в Амуй, т. е. Чарджуй).

[9] Бартольд, *Мулхакат-ас-Сурах* и *Отчет о командировке в Туркестан (1902 г.),* стр. 271 и сл.; *Туркестан,* ч. I, стр. 128—152. Ср. также надгробную надпись XIII в., приведенную в ЗВОРАО, т. XII, 1900, стр. V.

[10] Бартольд, *Туркестан,* ч. I, стр. 146 внизу.

[11] Ибн Баттута, III, 54.

восстание Тараби в Бухаре в 636/1239-40 г., направленное одинаково против монголов и против бухарской знати [12].

Падение монгольского владычества в Персии вызвало в 1337 г. в Хорасане шиитское движение так называемых *сербедаров*, т. е. «висельников»; мятежники имели полный успех и образовали государство, просуществовавшее около полвека. История сербедаров еще недостаточно исследована; сведения наших источников [13] заставляют полагать, что восстание было вызвано, без всякого участия религиозных мотивов, притеснениями местного везира и его родственников и было направлено как против оставшихся от периода монгольского владычества военных элементов, так и против находившейся на службе у монголов персидской бюрократии.

Успех восстания сербедаров не мог не послужить примером для других мятежных элементов, и в 1365 г. произошло движение в Самарканде, участники которого также получили название сербедаров, хотя самаркандское движение как по своему происхождению, так и по своим результатам существенно отличалось от хорасанского. Самаркандцы выступили первоначально не против собственного правительства, а против внешнего врага, против которого правительство оказалось бессильным. Молодой человек знатного происхождения, из студентов медресе, с помощью другого представителя интеллигенции и одного из представителей рабочего класса, взял на себя защиту города, покинутого правительственными войсками, обнаружил замечательные организаторские способности и с полным успехом отразил нападение врагов. После этого руководители движения, не выпуская из рук захваченной власти, сделали попытку вступить в соглашение с правительством; последнее сделало вид, что примирилось с таким захватом власти студентами и рабочими [14], даже утвердило студента и его товарищей правителями города и этим усыпило их бдительность.

---

[12] Подробности этих событий известны нам только из рассказа Джувейни; см. текст и французский перевод Ch. Defrémery (Джувейни, извлеч. в изд. Дефремери, 372—381, 388—399); текст также Schefer, *Chrestomathie persane*, t. II, pp. 127—131. Ср. d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. II, pp. 102—107. <См. новую работу: Якубовский, *Восстание Тараби*. — *Ю. Б.*>

[13] Наиболее подробный и связный рассказ дает Даулетшах (изд. Броуна, 277 и сл.; французский перевод: de Sacy, *Histoire des Poëtes par Douletschah*, pp. 251—262). <См. новое исследование об этом движении: Петрушевский, *Движение сербедаров*; см. также Петрушевский, *Земледелие*, стр. 412—471. — *Ю. Б.*>

[14] <Под «рабочими» или «представителями рабочего класса» В. В. Бартольд имеет в виду ремесленников. Что касается «студентов», то в источниках ничего не говорится об участии в движении каких-либо учащихся медресе, кроме Мауляна-заде, что было отмечено еще П. Салиевым (*Об ошибках*, стр. 132). Термины «интеллигенция и рабочий класс», «студенты и рабочие» по отношению к городскому движению средневековья употреблены в этой статье В. В. Бартольдом несомненно под свежим впечатлением революционных событий 1905—1906 гг. в России. — *Ю. Б.*>

чтобы в следующем году вернуть себе власть посредством вероломного нападения.

К сожалению, мы и в этом случае находим в источниках довольно скудный материал, не дающий возможности проследить движение во всех его подробностях и оставляющий много вопросов неразрешенными; к тому же эти известия не принадлежат ни очевидцам, ни современникам; самое раннее сочинение, в котором говорится о событиях 1365 г., написано 40 лет спустя. С другой стороны, благоприятным обстоятельством для исторической критики является факт, что кроме официальной версии, безусловно одобряющей действия правительства, до нас дошла еще другая, проникнутая явным сочувствием к сербедарам, так что мы до некоторой степени имеем возможность выслушать обе стороны.

Официальная история Тимура существует, как известно, в двух редакциях: 1) *Зафар-нāме* Низам ад-дина Шами, написанное в 1404 г., еще при жизни Тимура; 2) известное сочинение Шереф ад-дина Йезди под тем же заглавием, написанное в 1425 г. и совершенно вытеснившее первоначальную редакцию, сохранившуюся только в одной рукописи Британского музея[15]. Низам ад-дин присоединился к Тимуру только в 1393 г., при взятии Багдада[16]; о событиях предшествующих лет он мог писать только с чужих слов, по устным или письменным источникам. Приступая к составлению своего труда (в 1402 г.), Низам ад-дин уже располагал одной полной историей Тимура, не удовлетворившей самого завоевателя[17], и, вероятно, целым рядом дневников отдельных походов. Из последних до нас дошел только один из дневников индийского похода[18]; из слов автора, Гияс ад-дина Али, видно, что в то время уже существовали превосходные описания предшествующих войн в стихах и прозе[19]. Из хроник Тимура мы по заглавию знаем:

---

[15] Rieu, *Pers. MSS*, vol. I, pp. 170—172. <Ныне известны две рукописи сочинения Низам ад-дина: Брит. муз. Add. 23980 и б-ки Нур-и Османийе (Стамбул) № 3267; кроме того, текст этого сочинения включен в *Маджмӯ'а* Хафиз-и Абру, две рукописи которого хранятся в Стамбуле и одна — в Париже (см. Низам ад-дин Шами, изд. Тауэра, II, Introd., pp. XVI—XVII). Критический текст *Зафар-нāме* Низам ад-дина издан Ф. Тауэром в 1937—1956 гг. — *Ю. Б.*>

[16] Ср. Абд ар-Раззак, рук. ун-та, л. 98б: مولانا نظام الدین شامی که اکثر واقعات حضرت صاحبقرانی‌را جامع اوست میگوید که من در آن وقت ساکن بغداد بودم واز مردم آن بلده اوّل این بنده شرف بساطبوس یافته الخ.

[17] Низам ад-дин Шами, рук. Брит. муз., л. 6б: تاریخی که جهت آن حضرت وصادرات افعال ایشان از مبدأ ظهور این دولت الی یومنا نوشته اند وترتیب آن کما ینبغی بتقدیم نرسیده این بنده بتسمیح وترتیب بتنسیق وتنویر آن مشغول شد.

[18] Только в одной рукописи, находящейся в Ташкенте (ср. Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан (1902 г.)*, стр. 219—226). <Текст издан Л. А. Зиминым под ред. В. В. Бартольда в 1915 г. — *Ю. Б.*>

[19] Там же, стр. 220.

1) эпическое произведение на персидском языке [20], автор которого утонул в Куре около Тифлиса в 1403 г., оставив свой труд неоконченным [21]; 2) турецкую хронику *Та'рӣх-и хӑнӣ*, составленную уйгурскими секретарями Тимура [22]; судя по ссылке Шереф ад-дина [23], эта хроника также была написана в стихах; 3) сочинение Мауляна Сафи ад-дина Хутталяни на турецком языке, упомянутое у Хондемира [24]. В предисловии к труду Шереф ад-дина [25] подробно излагаются меры, принятые Тимуром для сохранения памяти о его подвигах: Тимур в мирное и военное время постоянно имел при себе персидских и уйгурских секретарей, записывавших все происшествия; записи неоднократно проверялись самим Тимуром; в сомнительных случаях спрашивались очевидцы и даже наводились справки путем письменных сношений и отправления посольств. По-видимому, этот материал был доступен Шереф ад-дину в большей степени, чем Низам ад-дину, так как первый дает в своем труде не только литературную обработку труда своего предшественника, но сообщает также некоторые фактические подробности, которых у Низам ад-дина нет; о событиях 1365 г. Низам ад-дин говорит только в самых кратких словах [26], тогда как рассказ Шереф ад-дина несравненно подробнее [27]. Впрочем, события 1365 г. не могли принадлежать к числу записанных секретарями Тимура тотчас после их совершения, так как Тимур, очевидно, мог окружить себя секретарями только после своего провозглашения государем, т. е. после 1370 г.; более ранние события могли быть записаны только впоследствии, по воспоминаниям самого

---

[20] *Джӯш ва хурӯш*, соч. شیخ محمود زنکی عجم کرمانی, см. Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан (1902 г.)*, стр. 188, также Хондемир, тегеран. изд., III, 177 и бомбейское изд., III [3], 91.

[21] Шереф ад-дин Йезди, II, 533—534.

[22] Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан (1902 г.)*, стр. 188.

[23] Шереф ад-дин Йезди, I, 23: صاحب منظومهٔ ترکی .

[24] Тегеран. изд., III, 177. В тегеран. изд. جلالی, но чтение инд. <бомбейского> изд. ختلانی подтверждается цитатой у Хаджи Халифы (II, 122). По Хаджи Халифе, Сафи ад-дин был من علماء سمرقند, но у Хондемира сказано فضلای ما وراء النهر .

[25] Шереф ад-дин Йезди, I, 24—27.

[26] Низам ад-дин Шами, рук. Брит. муз., л. 26а: ومولانازادهٔ سمرقندی وخردک بخاری وابو بکر نـدّاف هر سه سردار کشته مردم شریر بریشان جمع شده بودند ونکذاشته که مردم جته در سمرقند در آیند وایشان جون عاجز بودند توقّف نکردند وآن سه کس بسرداری مغرور شده ظلم وجور بیشه ساخته بودند وخلق در دست جور وبیداد ایشان کرفتار کشته امیر فرمود تا آن سربدارانرا براستی سربدار کرده مردمرا از شرّ ایشان خلاص دهند امیر صاحب قران مولانازادهرا شفاعت کرده خلاص داد وباقیرا بیاساق رسانیدند .

[27] Шереф ад-дин Йезди, I, 109—112.

Тимура и других очевидцев; в форме изложения этих рассказов, в отличие от остальной части официальной истории, также можно отметить признаки личных воспоминаний [28]. К сожалению, нигде не указываются имена лиц, со слов которых занесены в летопись отдельные известия. По Шереф ад-дину, первое известие о самаркандских событиях было принесено Тимуру военачальником Аббас-бахадуром [29]; кроме того, отдельные подробности могли быть сообщены лицами, посланными Тимуром в Самарканд, как мы увидим, в течение зимы 1365/66 г. Имена этих лиц не называются; по-видимому, это те же самые сподвижники Тимура, на которых Хусейн после взятия Самарканда, очевидно считая их прикосновенными к действиям мятежников, наложил денежный штраф [30]: Джаку [31], Сейф ад-дич [32], Акбуга, Ильчи-бахадур и Даулетшах-бахши [33].

Неофициальная версия сохранилась также в двух сочинениях: «Правдивейшей из летописей» (*Аḍаххḥ ат-тавāрūḫ*), соч. Мухаммеда б. Фазлаллаха Мусеви [34], написанной в 815—816 гг. х. [35] (1412—1414 гг.), и в «Восходе двух счастливых созвездий и соединении двух морей» (*Маṭла' ас-са'дайн ва маджма' ал-бахрайн*), соч. Абд ар-Раззака Са-

[28] Ср., напр., рассказ о роли Тимура как посредника между Хусейном и недовольными им эмирами (Шереф ад-дин Йезди, I, 82 и сл.). У Низам ад-дина то же самое говорится в более простых выражениях (л. 19б): امیر صاحب قران در آن شب جامه بر کنده وموزه کشیده می خواست که بفراغ دل خوابی کند .

[29] Умер в 1388 г. (Абд ар-Раззак, рук. ун-та, л. 87б).

[30] Шереф ад-дин Йезди, I, 113.

[31] Родственник Тимура и один из главных военачальников; умер зимой 1383/84 г. (там же, I, 377).

[32] Один из наиболее умных и образованных сподвижников Тимура; вернувшись из паломничества в Мекку (1376—1378 гг.), доставил Тимуру необходимые сведения об Ираке (там же, I, 292); в 1392 г. упоминается во главе лечивших Тимура врачей (там же, I, 566); писал персидские и турецкие стихи (Даулетшах, изд. Броуна, стр. 108_{20}).

[33] Все трое принадлежали к числу лиц, назначенных при воцарении Тимура (1370 г.) эмирами дивана (Шереф ад-дин Йезди, I, 216); Ильчи-бахадур погиб уже в 1372 г. (там же, I, 240). Даулетшах был уйгуром (там же, I, 291).

[34] Rieu, *Pers. MSS*, vol. III, p. 1062 sq.; Sachau — Ethé, *Catalogue*, pp. 21—22. <В. В. Бартольд на самом деле ссылается на рукописи двух различных сочинений: в каталоге Эте — сочинение Мусеви, в каталоге Рьё — так наз. «аноним Искендера» (см. ниже, прим. 37). Сочинение Мусеви носит название *Та'рūḫ-и ḫайрāт*. Название *Аḍаххḥ ат-тавāрūḫ*, которое значится в каталоге Бодлеянской библиотеки, явилось результатом ошибки Ауэли и составителей каталога, Захау и Эте; см. Бартольд, *Историк Мусеви*, стр. 1067; Barthold, *Turkestan*, p. 54, n. 3 (наст. изд., т. I, стр. 103, прим. 1). Как указал Ф. Тауэр, еще одна рукопись *Та'рūḫ-и ḫайрāт* имеется в Стамбуле, в б-ке Тархан-Хадидже-султан (Tauer, *Les manuscrits persans*, I, p. 102, № 41). См. также Storey, *Persian Literature*, vol. I, pt 1, section II, fasc. 1, p. 89, pt 2, p. 1236. — *Ю. Б.*>

[35] На эту дату указывают слова самого автора, приведенные у Рьё. Эте приводит другую дату (830-31 гг. х.), но ссылается не на отдельные места самого сочинения, а только на голословное утверждение Ауэли. Откуда последний взял эту дату (1427 г. н. э., см. Ouseley, *Travels*, vol. I, p. 295), неизвестно; она совершенно несовместима с временем царствования Искендер-Султана (низложен в 817 г. х.).

марканди, написанном около 1470 г. Мусеви, писавший в Фарсе для внука Тимура, Искендер-Султана, несомненно был знаком с трудом Низам ад-дина, но сообщает много рассказов, которых нет в официальной истории. Возможно, что некоторые из этих рассказов, особенно те, в которых проявляется антимусульманская тенденция [36], заимствованы из уйгурской хроники; можно предположить то же самое о тех местах, где о правителях говорится в простых выражениях, совершенно не соответствующих персидскому официальному слогу, и где вообще чувствуется влияние не-книжных элементов; но едва ли можно отнести к этой категории рассказ о самаркандском движении [37].

Сочинение Абд ар-Раззака занимает такое же место по отношению к труду Мусеви, как сочинение Шереф ад-дина по отношению к труду Низам ад-дина. Зависимость от Мусеви доказывается тожеством многих выражений; но в то же время Абд ар-Раззак сообщает *много подробностей, которых нет* ни у Мусеви, ни в несомненно также знакомых ему двух редакциях официальной истории. Неизвестно также, пользовался ли Абд ар-Раззак сочинением Мусеви, на которое он нигде не ссылается, непосредственно или через посредство известного труда Хафиз-и Абру «Сливки летописей» (*Зубдат ат-таварих*), прерванного смертью автора в 1430 или 1431 г. [38]. К сожалению, до сих пор не найден ни один экземпляр той части *Зубдат ат-таварих*, где была рассказана история Тимура, т. е. первого отдела 4-го тома [39]; сохранилось только, в предисловии ко всему сочинению, оглавление этого отдела [40],

---

[36] Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 55; <ср. наст. изд., т. I, стр. 103>.

[37] Я пользовался только одной рукописью труда Мусеви (902 г. х.), принадлежащей частному лицу и находившейся некоторое время в Азиатском музее Академии наук (Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 55; <ср. наст изд., т. I, стр. 103, прим. 1>); к сожалению, я тогда не переписал всего рассказа о событиях 1365 г., а только сделал выписки из него; оттого рассказ Мусеви помещается в приложении не полностью, а только в извлечении. <На самом деле В. В. Бартольд в данном случае пользовался не трудом Мусеви, а рукописью другого сочинения, которое первоначально было названо «аноним Искендера» и автор которого был позднее определен Бартольдом как Му'ин ад-дин Натанзи; соответственно приведенная выше характеристика относится к «анониму Искендера», а не к сочинению Мусеви. Ошибочность отождествления рукописи, которой пользовался В. В. Бартольд, с сочинением Мусеви впервые доказал Л. А. Зимин (*Подробности смерти Тимура*, стр. 38 и сл.); подробно об этом см. Бартольд, *Историк Мусеви*, стр. 1366 и сл. Ср. выше, стр. 31, прим. 17. — *Ю. Б.*>

[38] Бартольд, *Хафизи-Абру*, стр. 2 и 28. <О сочинении Абд ар-Раззака ср. выше, стр. 201, прим. 19. — *Ю. Б.*>

[39] Там же, стр. 25. <О рукописях *Зубдат ат-таварих* ср. Хафиз-и Абру, *Маджму'а*, извлеч. в изд. Тауэра, предисл., стр. XI—XII. — *Ю. Б.*>

[40] Хафиз-и Абру, рук. Публ. б-ки Дорн 268, лл. 12б—13а. К самаркандским событиям 1365—1366 гг. относятся два заголовка (л. 12б): 1) ذكر مولانازادهٔ بخارى وسربدالان سمرقند; 2) ذكر مراجعت امير حسين وامير صاحب قران بما وراء النهر وكشته شدن سربدالان سمرقند.

вообще вполне соответствующее порядку изложения событий у Абд ар-Раззака; иногда у последнего встречаются прямые ссылки на Хафиз-и Абру [41]. Таким образом, можно со значительной степенью вероятности предположить, что Абд ар-Раззак в этой части своего труда, как и в рассказе об истории царствования Шахруха [42], заимствует у своего предшественника почти все свои сведения, иногда выписывая текст Хафиз-и Абру почти буквально. Итак, те подробности в рассказе Абд ар-Раззака, которых нет у Мусеви, восходят, по-видимому, к Хафиз-и Абру, но, откуда заимствовал их последний, остается неизвестным. Сцена в соборной мечети, где собравшийся народ присягнул студенту, описана у Абд ар-Раззака с такими подробностями, как будто сам автор присутствовал при этом; к сожалению, мы не имеем возможности решить, насколько эти подробности воспроизводят рассказ очевидца и насколько они являются произведением фантазии Абд ар-Раззака или Хафиз-и Абру. Хафиз-и Абру, младший современник Тимура, слышавший некоторые рассказы из уст самого государя [43], м о г в молодости слышать рассказы очевидцев и о событиях 1365 г.

Самаркандское движение произошло среди смутного периода, продолжавшегося 12 лет (1358—1370 гг.), от смерти эмира Казагана, низложившего монгольских ханов, до воцарения Тимура. В течение этого периода власть находилась в руках нескольких эмиров, из которых самым могущественным был Хусейн, внук Казагана; главным его помощником был Тимур, владевший в то время Шахрисябзом и Карши и впоследствии устранивший своего соперника. Вследствие последнего обстоятельства и официальная история не находит нужным скрывать недостатков Хусейна; но все-таки у Шереф ад-дина была бы невозможна та характеристика этого правителя, которую мы находим у Мусеви [44]:

---

[41] Абд ар-Раззак, рук. ун-та, л. 19а: مولّف اصل کوید (в главе о качествах Тимура, очевидно, воспроизводящей главу из Хафиз-и Абру, упомянутую в оглавлении, рук. Дорн 268, л. 12б: ذکر بعضی از اخلاق وافعال آن حضرت); л. 135б مولّف زبدة التواریخ میکوید (в рассказе о взятии в плен Баязида; в оглавлении, рук. Дорн 268, л. 13а: ذکر توجه حضرت صاحب قرانی بجانب ممالک روم وگرفتار شدن بادشاه روم).

[42] Бартольд, *Хафизи-Абру*, стр. 26.

[43] Там же, стр. 12, прим. 4.

[44] امیری بغایت لجوج بهادر بود از غایت سیاست که داشت جماقی پولاد بدست میگرفت ودر دیوان مظالم می‌نشست اگر جنانچه مدّعی با مدّعی علیه در سخن خود خبطی میکردند یا بغور حکمی که کرده بود نمیرسیدند بدست خود بدان جماق ایشانرا میزد وامساک تا غایتی داشت که جامهٔ کرباسی می‌پوشید وچون از سونش قربوس زین جامهٔ او پاره میشد وصله میزد مجموع خصایل حمیدهٔ اورا این صفت ذمیمه پوشیده بود.

«Он был очень упрямым и храбрым эмиром; его строгость доходила до такой степени, что он садился в „диване принесения жалоб" с железной палицей в руках; если истец с ответчиком путались в своих речах или не понимали глубины его решения, он собственноручно бил их этой палицей. Скуп он был до такой степени, что носил одежду из хлопчатобумажной ткани; если его одежда разрывалась вследствие трения об луку седла, то он клал заплату. Один этот порок затмевал все его похвальные качества».

Понятно, что такой правитель не мог пользоваться популярностью среди культурного населения края. В качестве вождя военных сил страны он тоже оказывался не на высоте своей задачи и не мог отражать нашествий монгольских ханов, владевших Семиречьем и Восточным Туркестаном [45] и старавшихся воспользоваться смутным временем, чтобы распространить свою власть и на Мавераннахр. Один из таких походов произошел в 1365 г. [46]; 22 мая [47] войско Хусейна и Тимура было разбито наголову на берегу Чирчика; оба эмира после кратковременной остановки у Шахрисябза и неудачного движения к Самарканду посланного Тимуром отряда [48] бежали за Аму-Дарью, отдав страну на разграбление монголам. Особенно богатой добычи монголы должны были ожидать в главном городе, Самарканде; защита города, кроме отсутствия войска, затруднялась еще тем, что со времени нашествия Чингизхана он не имел ни стен, ни цитадели. Тем не менее население вооружилось под начальством трех лиц, имена которых приводятся только в официальной истории [49]: Мауляна-заде Самарканди, Мауляна Хурдек Бухари и чистильщик хлопка (*наддаф*) Абу Бекр Келеви [50]. Титул *мауляна* (собств. 'господин'), дававшийся наиболее почитаемым представителям духовенства, показывает, что первые два вождя происхо-

---

[45] <Кочевники восточной части бывшего чагатайского государства называли себя *моголами*, и страна называлась Моголистаном; см. выше, в работе В. В. Бартольда *Улугбек и его время*, стр. 35. — *Ю. Б.*>

[46] 766 г. х., год змеи (Шереф ад-дин Йезди, I, 107). У Низам ад-дина (рук. Брит. муз., л. 22б) дата по мусульманской эре не приводится, дата по эре цикла совпадает с датой Шереф ад-дина. Мусеви не приводит точной даты, но, по его словам, поход был предпринят монгольскими эмирами после убиения хана Ильяс-ходжи, последовавшего в 765 г. х. (по Шереф ад-дину, I, 103, Ильяс-ходжа принимал участие в походе, об его убиении не говорится). Абд ар-Раззак относит эти события к 763 г. х., однако дальше сам говорит, что они произошли в год змеи (рук. ун-та, л. 49а: وآن سال يسيلان يل بود).

[47] 1 рамазана (Шереф ад-дин Йезди, I, 107); так же у Абд ар-Раззака (рук. ун-та, л. 49а.); месяц рамазан указывается также у Низам ад-дина (рук. Брит. муз., л. 22б).

[48] Шереф ад-дин Йезди, I, 108.

[49] Ср. выше, стр. 366, прим. 26 и 27.

[50] <Л. В. Строева (*Сербедары*, стр. 272) принимает чтение *Кулуй* ('старшина'). — *Ю. Б.*>

дили из мусульманской интеллигенции; замечательно, что как у Низам ад-дина, так и у Шереф ад-дина приводятся только их прозвания, и только третий руководитель движения, рабочий, назван своим личным именем. Мусеви и Абд ар-Раззак знают только одного руководителя движения, Мауляна-заде, который, по Абд ар-Раззаку[51], происходил из бухарской знати; возможно, что предание смешало его с его товарищем, Мауляна Хурдек Бухари. Уже прозвание «Мауляна-заде» (т. е. сын «Мауляна») заставляет предполагать в руководителе движения одного из молодых представителей интеллигенции; у Мусеви он прямо назван «молодым студентом».

В следующих словах Абд ар-Раззак рассказывает, как молодой человек принял начальство над городом. В ожидании нашествия монголов жители собрались в соборной мечети, но не могли прийти ни к какому решению; тут выступил представитель ученого класса, принадлежавший по происхождению к бухарской знати, известный своею храбростью и искусством в стрельбе; он опоясался мечом, медленными шагами подошел к кафедре и после обычного привета к народу произнес такую речь: «Собрание мусульман! Ныне толпа кафиров в превосходных силах пришла для разграбления жилищ мусульман; правитель, взимающий с мусульман подушную подать[52], называя ее пошлиной и поземельной податью, и расходующий ее по своему усмотрению, при появлении врага оставил мусульман без помощи и бежал перед кафирами. Хотя бы жители этого города заплатили за себя выкуп и поднесли дары, они этим не спасутся. В день Страшного суда призовут к ответу вас, вельможи; кто примет на себя защиту дела ислама и возьмет на себя ответственность перед знатными и простыми, чтобы мы также положили голову к его ногам и поступили к нему на службу?» Все вельможи хранили молчание; тогда Мауляна-заде продолжал: «Так как никто не принимает ответственности, то если я возьму ее на себя, то будете ли вы оказывать мне помощь и поддержку?» На это все согласились и признали его своим начальником; по Мусеви, тут же ему принесли присягу 10 000 безукоризненно вооруженных молодых людей. Перед тем чтобы сойти с кафедры, Мауляна-заде еще произнес «красноречивую речь», побуждая население храбро биться против кафиров.

Рассказы Мусеви и Абд ар-Раззака об организации защиты города

---

[51] В этом случае источником Абд ар-Раззака несомненно был Хафиз-и Абру, в оглавлении которого также назван مولانازادهٔ بخاری (ср. выше, стр. 368, прим. 40).

[52] По мусульманскому праву, подушная подать, как известно, должна взиматься только с кафиров; с другой стороны, монголы облагали такой податью всех жителей покоренных стран и с этой целью производили перепись населения, что часто вызывало народные волнения. К этой подати относятся, по всей вероятности, слова Мауляна-заде. Вообще все исторические известия заставляют полагать, что в эпоху Тимура не только в организации войска, но и в делах управления порядки монгольских времен продолжали действовать почти без перемен.

в общем сходны, но каждый из них сообщает некоторые подробности, которых нет у другого. Три дня и три ночи студент не ложился спать; ему принесли списки всех жителей, женатых, холостых и иностранцев; была распределена стража по городским воротам; все проходы в отдельные улицы были закрыты баррикадами, кроме одного прохода, который был оставлен открытым для движения; над баррикадами, от одного конца улицы до другого, были построены навесы с амбразурами для стрелков. Все участники обороны должны были поклясться на Коране, с обязательством в случае нарушения клятвы развестись со своими женами, что будут исполнять все приказания своего начальника. Днем и ночью каждый должен был оставаться на своем посту, не покидая его даже под предлогом оказания помощи своим товарищам в другом месте; вообще было запрещено всякое единоличное действие против монголов, как вне городской ограды, так и внутри ее. В четырех кварталах — как видно из дальнейшего, по сторонам главной улицы, где находился оставленный открытым проход,— был расположен в засаде отряд пеших стрелков из лука, по Мусеви, в числе 1000 человек; сам Мауляна-заде с другим отрядом пехотинцев, по Мусеви 1000, по Абд ар-Раззаку 500 человек, загородил проход по той же улице.

Передовые отряды монголов, уверенные в успехе, без всяких мер предосторожности вошли в оставленную открытой улицу, прошли мимо засады и дошли до отряда Мауляна-заде; тут начальник ударом в барабаны дал знак; на монголов спереди и с обеих сторон посыпались камни, пущенные руками и пращами, стрелы из луков, даже ручные посохи[53]. По Абд ар-Раззаку, монголы повернули коней назад, потеряв 1000 человек ранеными и 100 пленными; по Мусеви, потери монголов убитыми и ранеными составляли около 2000. На следующий день атака была возобновлена с большею осмотрительностью; были применены обычные тактические приемы кочевников — притворное бегство и неожиданное нападение, но без результата. Потеряв надежду взять город приступом, монголы теперь хотели довольствоваться дарами, но и в этом им было отказано, и они были вынуждены отступить, ограничившись разграблением окрестностей города. Отступление было ускорено падежом на лошадей в монгольском лагере; по Шереф ад-дину, только четвертая часть всадников сохранила своих коней. Этому бедствию, о котором у Абд ар-Раззака[54] говорится только как о факте, ускорившем

---

[53] <В тексте چوب دستی. — *Ю. Б.*>

[54] По Мусеви, падеж на лошадей произошел еще до прибытия монголов к Самарканду, во время опустошения ими страны; молитвы угнетенных достигли неба, и монголы были наказаны страшным для них бедствием; были примеры, что у владевшего прежде сотней лошадей не оставалось ни одной (آفت تمام باسبان ایشان رسید چنانکه صاحب صد اسب‌را یکی مصاحب نماند). После этого говорится о движении монгольского отряда, в числе 10 000 человек, к Самарканду.

отступление, у Шереф ад-дина, не упоминающего ни о каких подробностях обороны, придается главное значение; по его словам, только эта милость божья спасла город, уже поставленный в затруднительное положение продолжительной осадой. Низам ад-дин, не упоминающий о падеже на лошадей, также объясняет отступление слабостью самих монголов, а не доблестью защитников города.

Из чагатайских эмиров, бежавших за Аму-Дарью, первый узнал о самаркандских событиях Тимур, стоявший с войском около Балха; по Мусеви, Мауляна-заде сам известил его о победе; по Шереф ад-дину, Тимуру принес это известие Аббас-бахадур, посланный во главе разведочного отряда к Железным воротам. Со своей стороны Тимур известил о событиях Хусейна, стоявшего дальше к востоку, в урочище Шиберту [55]. Около Баглана, к югу от Кундуза, произошло свидание между эмирами; тогда же было решено в начале следующей весны вместе двинуться к Самарканду. Хусейн зимовал в Сали-Сарае, на берегу Аму-Дарьи [56], Тимур — в Карши, где в течение зимы начал и окончил постройку городских стен. В Самарканде в это время продолжали господствовать сербедары; возгордившись победой, одержанной без помощи царей и эмиров, трое предводителей и их товарищи позволяли себе насилия над жизнью и имуществом остальных жителей. Ранней весной 1366 г. Тимур и Хусейн подошли к Самарканду и расположились в равнине Кан-и гиль [57], к северо-востоку от города; по их приказанию предводители сербедаров были схвачены и осуждены на казнь; только сам Мауляна-заде был помилован по ходатайству Тимура; остальные погибли в равнине Кан-и гиль, по Мусеви и Шереф ад-дину — от меча, по Низам ад-дину и Абд ар-Раззаку — на виселице.

Таковы факты, как они рассказаны в официальной истории; из них выясняется, во-первых, что поход на Самарканд весной 1366 г. был решен еще при свидании эмиров в 1365 г., во-вторых, что эмиры ни на пути в Самарканд, ни в окрестностях города, где по их приказанию были схвачены и казнены предводители сербедаров, не встретили сопротивления. Все это заставляет полагать, что рассказанные у Абд ар-Раззака коварные действия, посредством которых Хусейну и Тимуру удалось обмануть и застигнуть врасплох сербедаров, действительно имели место, хотя официальная история, по понятным причинам, не гово-

---

[55] Собств. 'Глинистое место' (монгольское слово, часто встречающееся среди названий урочищ). По Шереф ад-дину (I, 107—108), Хусейн прибыл туда из Сали-Сарая «через высоты и перевалы», намереваясь в случае получения известия о наступлении монголов бежать в Индустан. В другом рассказе Шереф ад-дина (I, 74—75) урочище Шиберту названо, как и здесь, рядом с Багланом.

[56] Там была зимняя резиденция Казагана (там же, I, 38) и его преемников; теперь селение Сарай, на главной дороге в Бадахшан. Ср. об этом селении статью Д. Н. Логофета *Сарай*.

[57] Ср. *Бабур-наме*, извлеч. в пер. Вяткина, 36 и Вяткин, *Материалы*, стр. 32.

рит о них ни слова. По рассказу Абд ар-Раззака, решение подавить движение не открытой силой, а хитростью было принято еще при свидании эмиров; тогда же к сербедарам были отправлены послы с халатом, поясом, мечом и дипломом на управление Самаркандом, также с грамотами, в которых руководителям движения клятвенно обещалась полная безнаказанность, вероятно за самовольный захват власти. Сербедары с радостью приняли знаки милости эмира и по монгольскому обычаю преклонили колени; со своей стороны они отправили подарки Тимуру в Карши. Тимур в течение зимы посылал в Самарканд своих уполномоченных для решения важных дел и этим еще более укрепил в руководителях движения слепое доверие к правительству. Весной 1366 г., перед походом на Самарканд, Хусейн отправил туда послов, которым велел передать начальникам сербедаров, что он питает к ним «полное доверие», что в его глазах они лучше всех эмиров и что он не требует от них никакой встречи до своего прибытия на равнину Кан-и гиль. Когда войско расположилось лагерем в этой равнине, туда прибыли сербедары с подарками; Хусейн милостиво принял и отпустил их, чем, вероятно, уничтожил в них последние опасения. На другой день они явились снова, с еще большим количеством подарков, но на пути в лагерь были схвачены на берегу одного протока [58] и осуждены на казнь; помилование Мауляна-заде, по ходатайству Тимура, произошло уже у подножия виселицы. Число казненных не приводится ни в официальной истории, ни у Абд ар-Раззака. Последний заканчивает свой рассказ следующими стихами: «Шакала, которому дали имя львенок, посредством зова: львенок, львенок! — заманили в сеть».

Таким образом, официальная история говорит только о преступлениях сербедаров, совершенно умалчивая о коварном способе расправы с ними; с другой стороны, Абд ар-Раззак подробно описывает коварные действия эмиров, но ни он, ни Мусеви не говорят ни слова о предосудительных поступках самих сербедаров. Едва ли мы из этого молчания имеем право заключить, что таких поступков не было и что обвинение официальной истории ни на чем не основано. В рассказе Абд ар-Раззака проявляется явное пристрастие к руководителю движения; если бы сцена в соборной мечети произошла так, как ее описывает Абд ар-Раззак, то надо бы было ожидать, что студент сложит с себя власть тотчас после достижения цели — спасения жизни и имущества мусульман от угрожавшей опасности. Мало вероятно, чтобы эта власть могла быть удержана без насильственных мер, т. е. чтобы вельможи и после устранения внешней опасности безропотно подчинялись господству сту-

[58] Название протока приведено у Абд ар-Раззака, но я затрудняюсь по рукописным чтениям <كرناس, كرياس> определить произношение этого названия. Конечно, имеется в виду один из каналов, протекавших к северо-востоку от города, на пути к равнине Кан-и гиль, т. е. к высотам Чопан-Ата.

дента и его товарищей. Возможно, что на последних падает часть ответственности за удержание захваченной власти и за насильственные действия: из обеих версий ясно видно, что если народ во время осады находился под единоличным начальством Мауляна-заде, то после ухода врагов власть была в руках нескольких лиц. Остается пожалеть о том, что до нас не дошла ни одна строка от людей, находившихся в Самарканде зимой 1365/66 г., и выразить надежду, что такие строки когда-нибудь будут найдены в местной агиологической или поэтической литературе. До сих пор мои поиски в этом направлении остались тщетными.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Текст Абд ар-Раззака [59]	Текст Мусеви <=аноним Искендера>[60]
ذکر مولانازادهٔ بخاری وابتداء سربداریّه[61] در سمرقند چون امیر حسین وامیر صاحبقران از جنک لای هزیمت شده از جیحون گذشتند ولشکر مغول بحوالیء[62] سمرقند رسید	
اهالیء انجا درین قضیّه حیران بودند روز جمعه خواص وعوام در مسجد جامع جمع آمده خاطر بر امری قرار نمیکرفت درین حال مردی دانشمند از بزرکزادکان بخارا مشهور بمولانازاده تیرانداز ودلیر شمشیر حمایل کرده بر پای خاست وآهسته آهسته رفته ببالای منبر بر آمد وسلام کرده آواز بر آورد که[63] معشر المسلمین امروز غلبهٔ کفار بقصد خانومان مسلمانان آمده اند وحاکمی که جزیهٔ مسلمانیرا باج وخراج نام کرده میستاند وبخاطر خود خرج میکند چون دشمن پیدا شد مسلمانانرا	روز جمعه که بجامع حاضر شدند جوانی طالب علمی شمشیری حمایل کرده بمنبر رفت وروی باعیان شهر کرد وکفت الخ

[59] Cod. Univ. 157, f. 49b (U). Cod. Mus. As. 574 (A), p. 101. Cod. Mus. As. 574a (B), f. 76b.

[60] См. выше, стр. 367, прим. 34. <Ср. Му'ин ад-дин Натанзи, изд. Обена, 227—233.—*Ю. Б.*>

[61] A سرباران B سرباری [62] U بنواحی [63] A add. یا

بطرح ریخت واز پیش کفار کریخت وهر

چنداهالیء این شهر امانی وسَوری[64] دهند
خلاص نخواهند یافت وروز قیامت سؤال
از شما بزرکان خواهد بود کیست که

متصدّیء امر اسلام ومتعهّد خواص وعوام
شود تا ما نیز سر در قدم او نهاده
بخدمت‌کاری قیام نماییم مجموع اکابر
سمرقند خاموش شده کسی جواب نداد
مولانازاده کفت چون کسی عهده نمیکیرد

اکر من متعهّد شوم مدد وهمراهی میکنید
خلایق موافق شده اورا بسرداری قبول
کردند مولانازاده خطبهٔ بلیغ ادا کرده

در همان مجلس قرب ده هزار جوان — پجنک کفار تحریص نمود وفرود آمد ومردم
مسلّح مکمّل با او بیعت کردند چون از — بسیار پیش او حاضر شده دفتر کدخدایان
مسجد بدر آمد تا سه روز وسه شب قرار — ومجرّدان وغربا بدست آورد ودر دروازها
نکرفت وبخواب نرفت وآرام نیافت تا مجموع — مستحفظان باز داشت وسرهای کوجهٔ
کوجه بندهارا دیوار از پیش به بست — باغهارا[65] چنان بند کرد که سوار در
ویک شایعی که ممرّ عام بود بکذاشت — نتواند آمد وسرهای بندرا بتالارها[66] محکم
ومجموع محلّات‌را باصول طوایف سپرد بعد — کرده تیرکشهاء مورّب سر تا سر کوجها
ازان از جمهور خلایق عهد نامه بطلاق — *فرو برید[67] *وقولی کرد[68] که هیچ
ومصحف بستند که از فرمودهٔ او تجاوز — آفریده شبها بخانه[69] نرود واکر
نکنند — قرار داد که هیچ آفریده از محلّ — جایی جنک سخت واقع شود مقام خود نکاه
خود متعرّض خیر وشرّ هیچکس نشوند — داشته بمدد نرود واز سر دیوار وپس
وتا سواران بپای دبود (sic) نرسند دست — دیوار با مغول کلاچه[70] نکند ودر چهار
بدفع نجنبانند وشب وروز مترصّد جار — حدّ شهر کمان داران جلد تعیین کرد
ویاساق او باشند بعد ازان هزار نفر — جهت کومک ویک راه خالی کذاشته
کمان‌دار پیاده ودلیررا[71] بکزید وبچهار — جمعی در کمین نشاند وخود با پانصد
محلّ بر سبیل کوماکی بداشت وخود با — پیادهٔ تیرانداز در پایان کوجهٔ باغ

---

[64] وساوری A — [65] کوجهارا U — [66] به تالار AB
[67] Sic B; U فرو برند A فرو برد * — [68] وقول کرده U *
[69] تنها بجنک A — [70] کلاحیه U — [71] رودلیررا Cod.

هزار نفر دیکر سر راه ببست ــ چون از کمین‌کاه کذشتند آن طالب علم بفرمود تا دست بدهل زده کمان‌داران باریک تیرانداز[82] کمین بکشادند وتیربارانی کردند ــ قریب دو هزار سوار مغل که در محوّطها پراکنده شده بودند اکثر مقتول واغلب مجروح کشته خاسر وخائب هزیمت نمودند و بمجرّد همان یک ضرب دست وپای مقاومتشان نماند وهرچند که استدعاء ساوری وپیشکش نمودند بجای نرسید تا همچنان مایوس ومحروم باز کشتند مولانازاده خبر بشارت این فتح بحضرت سلطان غازی عرضه‌داشت کرد

بایستاد وقراولان مغول وجته فارغ وغافل بآن کوجه در آمدند واز کمین‌کاهها[72] کذشته بمولانازاده رسیدند اشارت کرد تا دهل[73] کوفته سنک دست وقلماسنک وتیر وچوب دستی درکار آمد تا مغولکان سر اسب کردانیده هزار کس مجروح وصد کس کرفتار شدند روز دیکر بترتیب یاسال[74] کرده آمدند وهر شعبده که داشتند از چب دادن وحمله نمودن چنانچه رسم[75] مغول باشد بجا آوردند وفایده نداد وضبط واحتیاط دیده دندان طمع بر کندند وبساوری قناعت نموده آن هم میسّر نشد منفعل ومایوس باز کشته بغارت حوالیء شهر که کار آن کهن[76] کرکان باشد اشتغال نمودند ودر اسبان ایشان وبا افتاده بیشتر پیاده بولایت خود رفتند ذکر با هم[77] رسیدن امیر حسین وامیر صاحب قران وتدبیر فرمودن در باب سربداران چون امیر صاحب‌قران خبر مراجعت مغولان شنید وشرح احوال ضبط ومحافظت سمرقند بسمع او رسید قاصدی هم عنان باد پیش امیر حسین *فرستاد وصورت[78] قضایا *چنانچه بود[79] اعلام داد وخود نیز متوجّه شد امیر حسین شرح قضایا دانسته اکرچه بر شکست مخالفان شادمانی نمود اما از تهوّر سمرقندیان متوهّم بود چون هر دو امیر بهم رسیدند در باب سربداران رایها زدند عاقبت بران قرار کرفت[80] که ایشان‌را بحبل[81] حیل چون کفتار بکفتار درین غار

---

[72] U کمینها [73] U دهلی [74] U یسال
[75] A add. وآئین [76] U کهنه [77] A بهم
[78] * A فرستاده صورت [79] * U Om. [80] U یافت
[81] A بخیل [82] Cod. om. تیر

کرفتار کنند واستمالت‌نامه با خلعت وکمر
وشمشیر ومنشور سمرقند بنام سربداران
وجهت اکابر امثله واحکام در باب معافیات

و مسلّمیات موکّد بلعنت نامها مصحوب
ایلچیان فصیح‌زبان روان کردند ودر ییلاق
شبرتو امیر حسین وامیر تیمور یکدیکررا
طوی داده مصلحت چنان دیدند که امیر
تیمور از جیحون کذشته در کش ونخشب
قشلاق کند تا سمرقندیان‌را خاطر قرار
کیرد وامیر حسین در سالی سرای باشد
برین قرار هر یک بموعد خود روان شدند
*وامیر تیمور[83] باروی قرشی‌را بنیاد عمارت
کرده هم در زمستان باتمام رسانید
ومولانازاده وجماعت سربداران از وصول

هدایای امیر حسین خرّمیها کرده برسم
مغول زانو زدند وپیش امیر صاحب‌قران

بقرشی تبرّکات فرستادند وآن جناب نوکران

* جهت مهمّات[84] بسمرقند روان کرد
وایشان‌را ایمن ساخته در خواب خرکوش
بر قرار داشت وزمستان بپایان رسید وقایع
سنهٔ اربع وستین وسبعمایه ذکر آمدن امیر
حسین بسمرقند وکرفتن سربداران امیر حسین
اوّل بهار با لشکر بلخ وبدخشان وقندز
وبغلان واندخود وشبرغان عازم سمرقند شد

وبکرّات احکام به سرداران سربدار سمرقند
فرستاد مضمون آنکه مارا بر شما اعتمادی

کلّی است واز جمیع امرا بهتر دانسته ایم
تا اردو در صحرای کان کِل نیارم اصلا

استقبال منمایید آن مسکینان تملّق آن طرّار
مغول باور کردند چون امیر حسین بکان
کِل امد سربداران انواع تکلّف ترتیب داده

*83 B وامیر صاحب‌قران *84 Om. A

ـ وبقتل مثال داد حضرت سلطان غازی بانواع حیل مولانازاده‌را ازان ورطه باز خرید وآزاد کرد ودیکران طعمهٔ شمشیر سیاست شدند

بخدمت رسیدند وپیشکشها بعرض رسانیدند وامیر حسین ایشانرا بعنایت بار کردانید روز دیکر تنسوقات زیاده آوردند چون بساحت کرناس[85] رسیدند بموجب فرموده همه‌را کرفته سیاست نمود آری بیت شغالی‌را که شیرک نام کردند * بشیرک شیرکش در دام کردند * امیر صاحب‌قران مولانازاده‌را در خواست کرده از پای دار باز آورد ودیکران براه عدم رفتند

[85] کرناس B کریاس U

К ИСТОРИИ АРАБСКИХ ЗАВОЕВАНИЙ В СРЕДНЕЙ АЗИИ [1]

Известия об арабских завоеваниях в восточной части Ирана и в Средней Азии извлечены у Табари почти исключительно из трудов Абу-л-Хасана Али ибн Мухаммеда ал-Мадаини, умершего в 215 или 225 г. [2]. О событиях I в. х. Мадаини, конечно, мог писать только как компилятор; при этом он, в отличие от Абу Михнафа и некоторых других из ранних арабских авторов, обыкновенно не приводит известий каждого источника в отдельности, но составляет сводный рассказ [3] по нескольким источникам, перечисленным в начале рассказа, без указания, какая часть рассказа принадлежит каждому из них. Авторы, которыми пользовался Мадаини, большею частью сами были отделены от событий значительным промежутком времени; первым звеном в цепи передатчиков предания обыкновенно является какой-нибудь анонимный очевидец [4], иногда просто «старцы (اشياخ) такого-то племени» [5] или даже «хорасанские старцы» [6] (اشياخ من اهل خراسان). При таких условиях вполне понятно, что рассказы Мадаини более походят на произведения эпического народного творчества, чем на историческое повествование; такой характер этих рассказов вполне правильно отме-

---

[1] <Общий очерк истории завоевания арабами Средней Азии написан Х. А. Р. Гиббом (*The Arab conquests*; о периоде, рассматриваемом Бартольдом, см. стр. 36—48). Гибб не использовал этой статьи В. В. Бартольда, как и вообще работ, написанных на русском языке. Из новых работ о событиях, связанных со взятием Самарканда Кутейбой, см.: Kurat, *Kuteybe;* idem, *Al-Kufi'nin Kitab al-futuh'u;* Кляшторный, *Из истории борьбы народов Средней Азии;* Смирнова, *К истории самаркандского договора.* — *Ю. Б.*>

[2] Обе даты приведены в *Фихристе* ан-Недима (100_{27-30}).

[3] Ср. у Табари, II, 1227_{14}: كلّ قد ذكر شيأ فألّفتهُ وادخلت من حديث بعضهم في حديث بعض; II, 1237_{2}: وقد ذكر بعضهم ما لم يذكر بعض فألّفته; II, 1308_{8}: وفي خبر بعضهم ما ليس في خبر بعض فألّفتُ ذلك.

[4] Напр., Табари, II, 1195_{1}: عن مولى لهم ادرك ذلك; II, 1300 ult.: رجل ممّن كان مع وكيع حين قتل قتيبة.

[5] Напр., II, 1189_{14}; 1286_{7}; 1302_{8}.

[6] Напр., I, 2887_{14}; II, 1184_{9}; 1227_{13}; 1276, ult.

чен Вельхаузеном[7], что не помешало, однако, тому же ученому приводить как факт известия очевидно легендарного характера, даже когда один и тот же излюбленный легендарный сюжет, вроде популярной на иранской почве легенды о Зопире, повторяется дважды в одном и том же рассказе, по отношению к двум различным эпизодам[8].

При таком характере арабского исторического материала получают особенное значение всякие данные для проверки арабских источников. Для истории Передней Азии мы, кроме арабских известий, можем пользоваться также греческими и сирийскими; о событиях в Персии и Средней Азии мы не имеем почти никаких известий, кроме арабских[9]; немногочисленные персидские предания дошли до нас только в арабской обработке[10]; известия китайских источников крайне скудны. Некоторое исключение представляет китайская энциклопедия начала XI в. *Цэ-фу юань-гуй*, где, между прочим, приведены письма некоторых среднеазиатских владетелей китайскому императору с просьбой о помощи против арабов (сообщены во французском переводе в книге Шаванна о западных турках). Особенно важно письмо самаркандского владетеля Гурека[11], часто упоминаемого у Табари[12]; письмо пришло в столицу Китая во втором месяце 719 г., следовательно, было написано в конце 718 или в самом начале 719 г., т. е. *в 100 г. хиджры*. В нем между прочим говорится: «Вот уже 35 лет, как мы беспрестанно сра-

---

[7] *Das Arabische Reich*, S. 257: «Die Erzählungen Madâinis, dem Tabari in Bezug auf churasanische Dinge fast ausschliesslich folgt, erinnern zum Teil an die epischen Erzählungen über die arabische Vorzeit, die aus dem Kitab al Aghani bekannt sind. Er gibt vielfach nur ein loses Gewebe von Stammtraditionen, eine Sammlung von „Tagen" (II 1516,16), mit vorwiegendem Interesse für das Heldenhafte oder das Räubermässige». Ссылка на страницу текста Табари относится, очевидно, к употребленному там выражению ايّام خراسان.

[8] Ср. у Табари II, 1150 ult. — 1151,17 и II 1157,10—1159,3. Оба эпизода входят в состав совершенно легендарного рассказа о действиях Мусы ибн Абдаллаха ибн Хазима (II, 1145—1164); источник Мадаини нам в этом случае совершенно неизвестен. Wellhausen (*Das Arabische Reich*, S. 264—265) не сомневается, по-видимому, ни в достоверности всего рассказа, ни в достоверности эпизода об «арабском Зопире».

[9] <Много новых данных, относящихся к арабским завоеваниям в Средней Азии в первой четверти VIII в., содержат согдийские документы, найденные при раскопках замка на горе Муг в 1933 г. и прочтенные и переведенные в 1957—1961 гг. В. А. Лившицем (см. его *Согдийские документы*). Ценные сведения получены также в результате анализа древнетюркских рунических надписей (см. Кляшторный, *Древнетюркские надписи*). — *Ю. Б.*>

[10] Между прочим, у Табари (I, 2704,11, II, 1227,12 и 1237,1) есть ссылки на «марзбана кухистанского», рассказами которого, через посредство кухистанского казия حنبل بن ابى حريده, пользовался Али ибн Муджахид, автор «Книги известий об Омейядах» (Мас'уди, *Мурӯдж*, I, 12).

[11] Chavannes, *Documents*, pp. 204—205.

[12] В первый раз Табари, II, 1229 и сл. (о возведении его на престол в 710 или 711 г.).

жаемся против разбойников *даши* (арабов); каждый год мы выставляли в поле многочисленные армии солдат и всадников, но не удостоились счастья, чтобы всемилостивейший император[13] прислал солдат нам на помощь. Шесть лет тому назад главный начальник даши, *И-ми Кю-ди-бо* (эмир Кутейба), во главе многочисленного войска, пришел сюда; он сражался с нами, и мы нанесли нашим врагам большое поражение; но среди наших воинов было тоже много убитых и раненых; так как пехота и конница даши были крайне многочисленны и так как наши силы не могли с ними бороться, я вернулся в свои укрепления; тогда даши осадили город; они поставили против стен триста стенобитных машин; в трех местах они вырыли большие траншеи; они хотели разрушить наш город и наше царство. Я смиренно прошу, чтобы всемилостивейший император, уведомленный об этом, прислал сюда некоторое количество китайских солдат, чтобы помочь мне в беде. Что касается этих даши, *то им суждено быть могущественными всего в течение 100 лет; именно в этом году оканчивается этот срок.* Если китайские солдаты придут сюда, то мне и моим подданным, наверное, удастся уничтожить даши».

Подлинность письма едва ли подлежит сомнению, как показывает уже имя Кутейбы, которое у китайских историков вообще не упоминается; кроме того, китайцы едва ли могли знать, что именно в это время оканчивался первый век хиджры. Любопытно, что самаркандцы в 718-19 г. считали 35 лет со времени начала нападений арабов на их область; из этого можно заключить, что первым из таких походов признавался тот, который в арабских источниках[14] приписывается наместнику Сельму ибн Зияду (681—683); сведения о более раннем походе Са'ида ибн Османа, при участии Кусама ибн Аббаса[15], пока не находят себе подтверждения. Рассказ о походе Кутейбы несомненно относится к взятию арабами Самарканда осенью 712 г. Как и следовало ожидать, освещение событий в письме Гурека крайне односторонне, вследствие чего рассказ становится неясным и противоречивым; самаркандцы наносят арабам «большое поражение» и после этого отступают, убедясь в невозможности бороться с врагом в открытом поле; вслед за тем город подвергается осаде; описываются некоторые подробности последней, но исход борьбы остается неизвестным, и о вступлении Кутейбы в Самарканд нет ни слова. Несмотря на все это, письмо Гу-

[13] У Шаванна здесь и ниже «la bonté impériale».

[14] Сведения о походе Сельма к Самарканду имеются у Балазури (413) и Табари (II, 393—395). Я'куби (*Китāб ал-булдāн*, 299; *Та'рāх*, II, 300), Наршахи (изд. Шефера, 39—40) и Гардизи (кембридж. рук., л. 61а) говорят только о действиях Сельма в Бухарской области.

[15] Об участии последнего в этом походе Табари, как известно, не упоминает, но о нем говорят Балазури (412), Я'куби (*Китāб ал-булдāн*, 298; *Та'рāх*, II, 282) и Наршахи (изд. Шефера, 39), также Ибн Кутейба (*Китāб ал-ма'āриф*, 59).

река все-таки дает некоторый материал для критической проверки арабских источников. Мадаини сообщает о самаркандском походе, кроме сводного рассказа по нескольким источникам, еще два отдельных предания племени бахила (к которому принадлежал Кутейба). Из них первое предание (B_1, Табари, II, 1247—1249) вполне согласно со сводным рассказом (A, Табари, II, 1241—1247), отличаясь от него только бо́льшим обилием подробностей; по-видимому, оно было главным источником тех сочинений, которыми пользовался Мадаини; в некоторых случаях текст сводного рассказа представляет не только сокращение, но, по-видимому, искажение[16] текста бахилийского предания (последнее приводится со слов какого-то نهشل بن يزيد). С другой стороны, между вторым бахилийским преданием (B_2, Табари, II, 1249—1250) и сводным рассказом существует непримиримое противоречие. По A и B_1 арабы не встретили сопротивления до Самарканда и тотчас могли осадить город; только после целого месяца осады согдийцы обратились за помощью к своим соседям[17]; те послали им конный отряд из молодых представителей аристократии, который должен был произвести ночное нападение на арабский лагерь. Кутейба через своих шпионов был осведомлен о готовившемся нападении; на пути к арабскому лагерю враги неожиданно для себя встретили арабский отряд в несколько сот человек[18], под начальством брата Кутейбы, Салиха, и были почти все истреблены; арабам, кроме голов убитых аристократов, досталось множество трофеев в виде драгоценного оружия, золотых поясов, породистых коней и т. п. С другой стороны, по B_2 арабы еще на пути к Самарканду, в Арбинджане[19], встретили войско согдийцев и их союзников[20]. До Самарканда враги отступали после небольших стычек, но у стен города произошло общее сражение, в котором согдийцы сначала имели успех, потом были разбиты; после этого сразу говорится о сдаче города без упоминания об осаде. Известия арабских источников, независимых от Табари, до такой степени скудны, что не дают почти никакого материала для исторической критики[21]. Письмо Гурека

[16] Ср. в A, Табари, II, 1243,5–6: ونزل على فرسخين من عسكر القوم и в B_1, Табари, II, 1248,5–6: فنزلوا على فرسخين من العسكر على طريق القوم الذين وصفوا لهم .

[17] В A (1242,14–15) названы цари шашский и ферганский, в B_1 (1247,6) еще «хакан», причем сын последнего (1247,12) был начальником всего отряда.

[18] По A (1243,3) 300 или 600, по B_1 (1247,15) 400.

[19] Город находился на главном пути из Бухары в Самарканд, на расстоянии 12 или 13 фарсахов от второго; ср. о нем мой труд *Туркестан*, ч. II, стр. 99; <наст. изд., т. I, стр. 148>.

[20] Кроме жителей Шаша и Ферганы, здесь названы и турки.

[21] Балазури (421) вкратце передает рассказ Мадаини; битва, по его словам, произошла уже после начала осады; из союзников согдийского царя назван только царь шашский; аристократическая конница не упоминается; говорится только об упорной битве, решенной нападением самого Кутейбы. Я'куби (*Та'рӣх*, II, 344) говорит только о заключении мира, притом по инициативе самого Кутейбы, после нескольких «упорных

заставляет в общем отдать предпочтение версии B_2; столкновение, действительно, произошло до начала осады и имело характер общей битвы, а не боя между небольшим арабским отрядом и аристократической конницей. Слова письма о поражении арабов отчасти подтверждают рассказ B_2 об успехе согдийцев в начале битвы, хотя в общем описание сражения составлено в B_2 по принятому для таких битв шаблону [22]: Кутейба приказывает вынести для себя седалище, с которого наблюдает за боем; неприятельская конница, прорвав центр, доходит до этого седалища [23], так что Кутейба принужден встать и обнажить меч, потом оба крыла мусульман, сомкнувшись, отражают врага, наносят ему большие потери и заставляют его бежать в свой лагерь. С другой стороны, подтверждаются некоторые сведения A о подробностях осады; как и в письме Гурека, говорится о действии стенобитных машин [24].

«Траншеи» в арабском описании не упоминаются; к сожалению, переводчик не говорит, какой термин употреблен в китайском подлиннике и допускает ли этот термин только такое толкование; не имеются ли в виду те бреши, пробитые в стене, о которых говорится у Табари [25].

Крайне любопытно представление самаркандцев, что арабскому господству было суждено продолжаться всего сто лет. Не подлежит сомнению, что у самих арабов с наступлением нового столетия хиджры были связаны некоторые ожидания, которыми впоследствии воспользовались Аббасиды [26], хотя происхождение и первоначальный характер этих ожиданий до сих пор мало выяснены. 100-й год хиджры назывался «годом осла» (سنة الحمار); по словам Са'алиби [27], у арабов и прежде существовал такой термин для обозначения «начала каждого столетия» (راس كل مائة سنة), вследствие чего прозвище «осла» будто бы было дано последнему омейядскому халифу Мервану II, при котором приблизилось к концу столетие господства династии. В действительности между началом господства Омейядов (41 г. х.) и вступ-

---

битв» (حروب شديدة). При этом приводится легенда о предсказании, связанном с именем Кутейбы. Ту же легенду приводит Абу Ханифа Динавери (330), передающий еще другую фантастическую легенду о сундуках, в которых были внесены в город арабские воины. Последняя легенда приводится и в известной истории города Самарканда (см. русск. пер.: Вяткин, *Как арабы овладели Самаркандом;* Несефи, *Кандийа,* пер. Вяткина, 243—245).

[22] Так, с описанием этой битвы (Табари, II, 1250) совершенно сходно описание битвы в 90 г. х. около Бухары (там же, 1201).

[23] Этот мотив в истории Мусы (см. выше, стр. 381, прим. 8) повторяется два раза (Табари, II, 1153—1154 и 1159—1160).

[24] Табари, II, 1244,10.

[25] Там же, 1244 и 1245.

[26] Ср. там же, III, 24.

[27] *Лата'иф,* 30—31. Ср. теперь еще статью H. v. Mžik, *Über Marwâns II. Beinamen.*

лением на престол Мервана II (126 г. х.) прошло всего 85 лет мусульманского летосчисления; если бы Омейяды, не признававшие Али, считали первым годом царствования Му'авии год смерти Османа (35 г. х.), то и тогда получился бы всего 91 год; о приближении к столетию господства династии еще не могло быть речи; Мерван II, как известно, был низложен и убит до его наступления (в 132 г. х.). У Я'куби[28] термин سنة الحمار связывается с известной легендой, рассказанной в Коране (сура II, стих 216), о человеке, проходившем мимо лежавшего в развалинах селения и выразившем сомнение, может ли бог вновь призвать его к жизни. Бог сотворил с ним чудо: он умер на 100 лет, потом воскрес; бог спросил его: «Сколько времени ты пробыл?» Он сказал: «Я пробыл один или несколько дней». Бог сказал: «Нет, ты пробыл сто лет; посмотри на пищу твою и питье твое; их не коснулось время; и посмотри на *осла твоего*; мы сделали тебя примером для людей. И посмотри на кости, как мы собираем их и потом [снова] покрываем их мясом». Убедившись, что с ним произошло чудо, человек познал всемогущество божие.

На этот стих Корана, по рассказу Я'куби, сослался внук Али, Абу Хашим Абдаллах ибн Мухаммед, передавая перед смертью свои права правнуку Аббаса, Мухаммеду ибн Али, и поручая ему после «года осла» выслать своих эмиссаров, в числе 12 главных и 70 помощников, в Хорасан. Стих Корана истолковывается здесь в том смысле, что влияние деятельности пророка прекращается через сто лет после начала этой деятельности[29]. Трудно понять, каким образом мог быть сделан такой вывод из текста Корана[30] и как на таком предсказании могли основывать свои надежды Аббасиды. По всей вероятности, предсказания о событиях конца века первоначально касались исключительно области религии и только post factum были отнесены к политическому перевороту. Учение о столетней продолжительности миссии пророка могло, конечно, исходить только из еврейских или мусульманских кругов[31]. В глазах правоверного мусульманина действие миссии Мухаммеда, последнего из пророков, могло прекратиться только вместе с существованием вселенной и с наступлением нового столетия, может быть, были связаны эсхатологические ожидания; с другой стороны, вра-

[28] *Ta'rīḫ*, II, 357.

[29] لم يمض مائة من نبوّة قطّ الّا انقضت امورها. Если не ошибаемся, фраза вследствие отсутствия в русском языке подходящих терминов трудно поддается буквальному переводу.

[30] Легенда Корана имеет больше сходства с христианскими легендами, связанными с известными словами 2-го Послания ап. Петра (гл. 3, ст. 8).

[31] До сих пор, по-видимому, нет фактических доказательств существования такого учения в каких-либо религиозных книгах; Wellhausen (*Das Arabische Reich*, S. 316, Anm.) только высказывает предположение: «In den Malâḥimbüchern mag die Zahl Hundert eine Rolle gespielt haben».

ги арабов и ислама могли основывать на таком предсказании свои надежды на восстановление их национальной независимости. Предсказание не оправдалось, община Мухаммеда перешла в новое столетие без всяких потрясений, в царствование самого благочестивого из омейядских халифов, Омара II, при котором предписания Мухаммеда и права его потомков уважались больше, чем когда-либо прежде. Ожидавшийся переворот впоследствии был истолкован не в смысле прекращения жизни ислама, а в смысле восстановления правоверия и возвращения власти семье пророка. Впрочем, не подлежит сомнению, что не все приверженцы Аббасидов брались за оружие с такими целями; многие, как видно из учения нескольких еретических сект[32], считали руководителя аббасидской пропаганды Абу Муслима своим религиозным вождем и равноправным преемником Мухаммеда. Фактически переворот произошел значительно позже 100 г. х., но все-таки считалось необходимым связать его с этой датой; вследствие этого возникло предание об отправлении в 100 г. х. первых аббасидских эмиссаров[33] и о появлении на свет Абу Муслима в том же году[34], хотя, по другим известиям, он был значительно моложе[35].

Кроме письма Гурека, есть и другие доказательства, что предсказания, связанные с 100 г. х., были распространены и среди покоренного иранского населения. Табари[36] приводит со слов Сейфа ибн Омара[37] следующий рассказ о бегстве сасанидского царя Йездигерда в Рей после битвы при Джалула: «Для него была сделана корзина, привязанная к спине его мула; в ней он спал во время походного движения и не останавливался на ночлег у людей. И пришли с ним к одному броду, когда он спал в своей корзине; и они разбудили его, чтобы он был предупрежден и не испугался, когда мул войдет в воду, если проснется [в это время]. Он выбранил их и сказал: «Как дурно вы поступили! Клянусь богом, если бы вы меня оставили, я узнал бы, сколько времени [дано] этому народу. Я видел [во сне], что мы с Мухаммедом

---

[32] Ср. об этом Шахристани, пер. Хаарбрюкера, I, 173, 293; II, 408; Мас'уди, *Мурӯдж*, VI, 186; Нершахи, изд. Шефера, 65 (نوح وابراهيم وعيسى وموسى ومحمد وابو مسلم); Низам ал-мульк, изд. Шефера, текст, 199 и 204.

[33] Кроме Я'куби, такой рассказ есть и у Табари (II, 1358), без ссылки на источник; там также приведены цифры 12 и 70, очевидно легендарные.

[34] Ср. Ибн Кутейба, *Китāб ал-ма'āриф*, 214; Ибн Халликан, пер. де Слэна, II, 104.

[35] По Ибн ал-Асиру (изд. Торнберга, V, 264), ему в 128 г. х. было всего 19 лет; в соответствующем месте у Табари (II, 1937) этих слов нет.

[36] Табари, I, 2681.

[37] Об этом писателе (II в. х.) см. статью Н. А. Медникова *Об одном из источников* и его же, *Палестина*, т. I, стр. 42—104. Рассказ о сне Йездигерда приводится у Сейфа с обычной ссылкой на «Мухаммеда, Тальху, Мухаллаба и Амра». По приблизительному расчету Н. А. Медникова (*Палестина*, т. I, стр. 100 и 102), Тальха, Мухаммед и Амр жили между 50 и 140 гг. х.; для определения времени жизни Мухаллаба не было найдено никаких данных.

беседовали у бога; и сказал [бог] ему: „Я даю им господствовать 100 лет". И сказал [Мухаммед]: „Прибавь мне". И сказал [бог]: „110 лет". И сказал [Мухаммед]: „Прибавь мне". И сказал [бог]: „120 лет". И сказал [Мухаммед]: „Прибавь мне". И сказал [бог]: „[Даю] тебе..." Тут вы меня разбудили; если бы вы меня оставили, я узнал бы, сколько времени [дано] этому народу».

Анекдот сам по себе не представлял бы большого интереса, но в связи с письмом Гурека приводит к выводу, что в Персии и Средней Азии, действительно, были убеждены в том, что господству арабов суждено продолжаться всего сто лет, что в таком убеждении следили за годами мусульманского летосчисления и в 100 г. х. ожидали наступления этого конца. Анекдот о прерванном сне Йездигерда был, очевидно, сочинен после того, как эти ожидания не оправдались.

ЦЕРЕМОНИАЛ ПРИ ДВОРЕ УЗБЕЦКИХ ХАНОВ В XVII ВЕКЕ

История Средней Азии в бóльшей степени, чем история других стран, дает материал для изучения одного из самых любопытных вопросов этнографии и культурной истории — вопроса о постепенном подчинении кочевых завоевателей влиянию населения покоренных ими культурных областей, постепенной утрате родовых делений и замене родового строя жизнью территориальных общин. Если история кочевых народов, покорявших Среднюю Азию, в том числе и последних завоевателей, узбеков, в этом отношении еще мало исследована, то это объясняется общим состоянием истории Востока как науки. Число изданных и общедоступных, хотя бы для ориенталистов, исторических источников остается крайне незначительным по сравнению с числом рукописных памятников, хранящихся в больших европейских библиотеках и еще ждущих своих исследователей, причем нередко среди таких памятников оказываются именно те источники, в которых исследователи могли бы найти наиболее подробные и достоверные сведения о прошлом страны.

К числу таких источников принадлежит и тот исторический труд[1], из которого заимствован помещаемый ниже отрывок. Имя автора — Махмуд, сын эмира Вели; его труд (на персидском языке), носящий заглавие *Баḥр ал-асрāр фī манāḳиб ал аḫйāр* («Море тайн относительно доблестей благородных»), был начат в 1044/1634 г. по поручению узбецкого владетеля Надир-Мухаммед-хана (правившего сначала в Балхе, потом в Бухаре и Самарканде) и окончен после 1050/1640-41 г.[2].

---

[1] О нем см. Ethé, *Catalogue Ind. Off.*, col. 229—230 (№ 575); idem, *Neupersische Litteratur*, S. 362; Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан (1902 г.)*, стр. 232 и сл. <См. также СВР, т. V, стр. 71—74 (№ 3563—3565). Как установлено ныне благодаря обнаружению еще одной рукописи сочинения Махмуда б. Вели в Ташкенте, известные В. В. Бартольду рукописи представляли только один из томов всего сочинения, которое состояло из семи томов (مجلد) по четыре отдела (ركن) в каждом и являлось компендиумом по космографии, астрологии, географии и всеобщей истории. Кроме шестого тома — исторической части, о которой говорит В. В. Бартольд (ныне известны 3 неполных списка), пока обнаружен только список первого тома (ташкентская рук. № 2372), содержащий введение ко всему сочинению и 3-й и 4-й разделы. — *Ю. Б.*>

[2] В рукописи India Office (л. 235a) говорится, что рассказ о событиях 1047—

Весь труд разделен на четыре части: в первой излагается история Чингиз-хана и его потомков, правивших в Китае и Персии, во второй — история потомков Чагатая (второго сына Чингиз-хана), правивших в Средней Азии, в третьей — история потомков Джучи (старшего из сыновей Чингиз-хана, предка так называемых золотоордынских ханов), кроме той ветви (происходившей от сына Джучи Тугай-Тимура), из которой вышла так называемая Астраханская династия (Аштарханиды, или Джаниды), правившая в Бухаре в XVII в., и которой посвящена последняя, четвертая часть. До настоящего времени известны только две рукописи этого труда; в одной, принадлежащей семье Джурабековых в Ташкенте, сохранились только первые три части, в другой, находящейся в библиотеке India Office в Лондоне, — только четвертая часть.

Наибольший интерес представляет, конечно, последняя часть, сохранившаяся в лондонской рукописи, где автор говорит о событиях своего времени. Изложив историю ханов Астраханской династии до 1050/1640-41 г., автор в последних главах дает подробное описание своего родного города Балха, приводит биографические сведения о некоторых военачальниках того времени и в особенности о происходивших из Балха шейхах, улемах и казиях, как живших в прежние века, так и современных ему; наконец, он подробно описывает церемониал при дворе Надир-Мухаммеда. В этом последнем рассказе дается такое полное и картинное описание двора местных владетелей, какого мы не находим ни у одного из других известных мне историков и ни у одного из путешественников, посещавших Бухару, Хиву и другие большие города Средней Азии. Подробности рассказа наглядно свидетельствуют о том, насколько узбецкие ханы, утвердившие свою власть в культурных областях нынешнего Русского Туркестана в начале XVI в., еще в половине XVII в. должны были считаться с традициями кочевой жизни и родового строя и насколько их двор в этом отношении отличался от двора современных хивинских и бухарских ханов, особенно последних.

К сожалению, доступный мне в настоящее время исторический материал не заключает в себе достаточно данных ни для проверки рассказа нашего автора, ни даже для объяснения каждого отдельного места в этом рассказе. Некоторых из употребляемых им терминов мне не приходилось встречать в соответствующем значении ни в литературных памятниках, ни в словарях; ввиду этого я далеко не во всех случаях могу быть уверен в правильности моего чтения, перевода и толкования. В примечаниях к переводу я постарался отметить все такие сомнительные места; остается выразить надежду, что приложенный текст даст

1050 гг. был прибавлен потом, так как книга была окончена до этого времени; но и в третьей части книги упоминается 1049 г. (рук. Джурабековых, л. 268а, ср. Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан (1902 г.)*, стр. 256).

возможность читателям-ориенталистам[3] исправить некоторые из допущенных мною ошибок.

(f. 387b) تبیان بعضی از اسالیب تورهٔ همایون وتعدادِ مراسم ولوازم آن در یاسا ویوسون

— هر چند کلام بلاغت‌نظام قدّموا ایمانکم مقتضیء تقدیم آداب وشرایط یمین است بر یسار امّا از آنجا که اصطلاح این طایفه بحکم القلب فی الیسار مبتنی بر اعتبار جهت میسره است بر میمنه نخست بتعیین (f. 388a) اورونات صوب مذکور که در عرف مغول معبّر است بجوانقار وسول مبادرت میرود بر ضمیر مهرتنویر ارباب رای وتدبیر خفی وستیر نماند که اعظم اورونات در جوانقار خواقین کامکار اورون نقبا عالی‌مقدارست واکرام واحترام این صنف از اخیار بحدّی است که تمامت شاهزادکان وقعلقهٔ[4] خانی که وصی وجانشین بادشاه است زیردست همکنان نشینند وبس ازان اورون قارت دورمان وبعد ازان اورون[5] قارت قشجی وازان بس اورون قارت نایمان آنکه‌ام قنغرات ومتعاقب این جایکاه اتالیق بزرک وزیردست آن محلّ اوغلان ومتّصل بآن اورون ننکنهٔ دورمان وبر اثر آن ننکنهٔ قوشجی وازان بس ننکنهٔ نایمان وبی واسطهٔ آن مستقرّ قارلق وملاحق آن مکان بویراک بس ازان جایکاه سایر ارباب استعداد واصحاب استحقاق از هر اولوس واوماق امّا مرتبجات در میمنهٔ انجمنات انبساطسمات که موسوم است باونک وبراونغار نخستین مقام احترام‌انتظام اورون همایون شیخ الاسلام است واکر همانا فرمان‌روایی التجا بدرکاه ممالک‌پیرای برده آید هرکاه بمجلس همایون بشرف دخول مشرّف کردد طریق آنست که بر جانب میمنه مقدّم بر شیخ الاسلام اورونش تعیّن بذیرد واکر بساطش علیحده بود هم شاید وبعد از شیخ الاسلام اورونی است مقرّر جهت قاضیٔ بزرک امّا سادات میر حیدریه‌را در آن مجال منازعت هست وبس ازان مقام خواجکان نقشبندیه وجایکاه صدر متّصل بآن وبر اثر آن محلّ قاضیٔ عسکر وبس ازو اعلم وملاحق بآن رئیس آنکه اورون قره قیات اکر چند

[3] Для читателей, которым доступен только перевод, необходимо заметить, что прилагательные и эпитеты, обильно встречающиеся в тексте, не имеют целью точнее определить сущность тех или других должностей, званий и т. п., но подобраны в рифму исключительно в целях удовлетворения требованиям литературного вкуса. Эту особенность рассказа необходимо иметь в виду тем, кто пожелал бы воспользоваться этими прилагательными и эпитетами для каких-либо выводов исторического характера. <Поправки к переводу В. В. Бартольда и его пояснениям см. в работах А. А. Семенова: *Бухарский трактат;* Мухаммед-Юсуф Мунши, предисл., 19—21; ср. также Семенов, *Очерк устройства.* — *Ю. Б.*>

[4] Cf. cod. Mus. As. 574 age <D 88> عبد الله نامه, f. 33b قاالغه (= ولی عهد).

[5] Cod. hic et saepe infra آورون.

این اورون در اصل مخصوص قیات بوده امّا حقّ درین مقام آنست که زمام این عطیّه مفوّض برای ممالک‌بیرای بادشاه کام‌روای باشد چنانچه بعضی خوانین این اورون‌را بکینکس دادند بس ازان اورون ارای دورمان وبعد ازو ارای قوشجی وارای نیمان آنکاه مقام ارباب قابلیت وارشاد وجایکاه اصحاب شجاعت واستعداد امّا رتب متعلیّه[6] در مقابل سریر اعظم ومسند محترم اوّل اورون مانکغت است که محلّ آن نزدیک بمیمنه است متحاذئ اورون قره قیات دیکر اورون چهار یار است مختصّ بدورمان مقارن میسره بحذای اوغلان بر رای عقده‌کشای ارباب الباب مخفی نماند که مراتب مذکوره واورونات مزبوره نسبت با برخی از امراء عالیقدر وامناء منشرح الصدرست که در عرف این طایفهٔ علیّه همکنانرا بی کویند امّا صفوف ثانوی (sic) که در خارج بارکاه آسمان اشتباه بر میمنه و میسره انتظام می‌بذیرد بدین آیین مرتّب میکردد که اورون اوّل از جانب جوانقار مقام یساول خانی است که مخصوص اوغلانست وعمل مشارالیه آنست که بیشکش وسورین سلاطین وشاهزادکانرا او از نظر اقدس میکذراند و معروضاتشان‌را بمسامع علیّه او میرساند وبس ازو جایکاه ایشک اقا باشی است وضابطهٔ قدیم آن بوده که عمل مذکور باهالیٔ اولوسات ثلثه که دورمان وقوشجی ونیمان است مخصوص بوده واکر ازین جمع مستعدّی قدم در عرضهٔ قابلیّت نداشته باشد بقنغرات وبویراک وقیات وخطای میرسد وبعد ازو اورون میر آخورست اکر اوماقش از اولوسات میسره باشد (f. 388b) وبس ازو شغاول ومرزا (sic) باشی وخزانجی آنکاه سایر عملدار علی قدر مراتبهم واورون دیوان بیکی بقرب سه‌بایه مقرّرست امّا در میمنه اوّل ایشک اغا باشیء اونک بعد ازو میر آخر وبس ازو مرزا باشی علی هذا القیاس امّا قفای سریر اعلی ومسند معلاّ مخصوص است بقورجیان خاصّ وایجکیان انجمن اختصاص اورون اوّل مقام قورجی باشی است بس ازو قوش بیکی وبعد ازو جهره اقاسی ودر قدیم سرافرازان بدین منصب جهار نفر می‌بوده اند آنکاه جیرجی وغیر ذلك امّا حجّاب درکاه ویساولان باانتباه سردار این طایفه یساول اویداجی وسرافرازان بدین عمل دو نفرند وبرات توقسان‌بای (sic) ودادخاه (sic) وتمامت جوبداران بنام مشارالیهما نکارش می‌یابد دیکر از جملهٔ اموری که رعایت آداب واسالیب آن در یوسون همایون از مهمّات مستحسنه است آشامیدن قمیز است اکرچه شرایط آن موفور وضوابط آن نامحصور امّا بهمه حال نبذی از آنها که ناکریز نشاة[7] سباهی‌کری است مسطور میکردد

---

[6] Cod. متغیه .

[7] Cod. نشاهٔ .

وظیفه آنکه جون کورنش عامّ انتظام بذیرفته خوان افضال وانعام بر خواصّ وعوامّ کسترده آید بس از احتظاظ والتذاذ شاه وسباه بانواع آلاء ونعم الهآکاه سوجیان وصابداران باحضار صابه وایاغ وسایر اسباب عشرت وفراغ مبادرت نموده انجمن نشاطرا بآلتهای[8] نبساطمناط کرم کردانند آنکاه یکی از اویدجیان باانتباه باشارهٔ بادشاه مملکت‌بناه ایاغ خاصّرا ازان مشروب استیناس‌اساس لبالب ساخته بادب هرجه تمامتر بعرض اقدس رساند وفرمان‌روای فرّخ‌فال بی شایبهٔ اهمال آن قدح لبریز از فرح‌را بر کرفته نبذی ازان ضمیرمایهٔ تمیز که بقمیز معبّر است تجرّع نماید وبقایای آن غمزدای‌را بیکی از امرای صایب‌رای موهبت فرماید ودرین هنکام بر امیر مخصوص بانعام اتمام دو ادب از لوازم است یکی تبدیل ایاغ خاصّه دیکر تجرّع تمامت موهوبه آنکاه اویداجیٔ مذکور بر سر صابه آمده هم باشارهٔ عالی یک قدح تجرّع نماید و ایاغ دیکر هم بدستور مزبور نزد بادشاه برده باز کذارد وبر کردد بس ازان اویداجیان بمیمنه ومیسره شتافته ازان انعام عامّ جار رسانند لا جرم تمامت حضّار بیکبار بر خواسته (sic) بتعظیم مبادرت نمایند تا هنکامهٔ کرایش وبیمایش کرمی بذیرفته نخست اویداجیان اقداح مالامال نزد امرای بیهمال برده در تجرّع مبالغه بتقدیم رسانند ودرین هنکام تعظیم وبرخواستن نبود جون دایرهٔ امرا بمنتها رسیده آید اویداجیان نزدیک بصابه نشسته با ارباب مناصب وایشک اقایان وقورجی وقرق جهره وکوب جهره وسایر سباه به بیمایش قدح وایاغ شغل نمایند بدین دستور که از براونقار دو نفر واز جوانقار نیز همجنین بیش آمده برجنب اویداجیان نشینند جون قدح بمقارن خویش دهد طریق آنست که او بر کرفته بصاحب خود ایثار نماید واو ایاغ بر کرفته همجنان میدارد تا رفیقش نیز قدح بر کیرد آنکاه هر جهار نفر باتّفاق تجرّع نموده بیکبار بر خیزند وزانو زده بمقام خویش باز کردند وهمین دستور تا آخر مجلس مرعی بوده از هر جه رایحهٔ سبک سری وکم‌حوصلکی بمشامّ کرام رسیده آید احتراز واجتناب واجب ولازم میدارند واکر ترک ادبی بی وسیلهٔ سببی از یکی سمت اصدار بذیرد مرتکب آنرا در صفّ نعال باز داشته بس (f. 389a) از آنکه دوازده ایاغ بزرک از دست ساقی تجرّع نماید وقدح معذرت نیز بساقی داده آید مشار الیه‌را در معرض عتاب وخطاب آورده زمام یرغو وباز خواست آن بساقی مفوّض کردد وغیر از قتل تمامت یاساجات بر مجرم مذکور مجری وممضی است امّا آداب واسالیب ایلچیان ورسولان وسایر التجامندان از رؤسای تومانات وباشلیغان اقوام واولوسات طریقهٔ کورنش ایلچی ورسول آنست که نخست شغاول بیش رفته معروضات وادّعاجات صاحب اورا

[8] Cod. بالتهای .

مصحوب بیشکش یا سوغا بعرض اقدس رساند بعد ازان قدمی چند باز پس نهاده بسلام وکورنش وتحف وهدایای مشار الیه مبادرت نماید آنگاه اکر از امراء عظام [باشد][9] از ارباب مناصب مثل بروانچی وتوقسای (sic) بای وغیرهما دو نفر از طرفینش تنک در آمده مشار الیه‌را بپایهٔ سریر اعلی رسانند چون دوش مسعودش دست‌سود حضرت ظلّ اللهی کردد همکنان مشار الیه‌را همچنان در میان داشته تا بمقام نخستین باز برند آنکاه اشارهٔ علیه نافذ کردد یا در میمنه یا میسرهٔ مجلس همایون جلوس نموده بی سبقت سوال زبان بمقال نکشاید و ایضا یکی نوکر باید که تا هنکام تقرّر مداخلتش در کدام صنف از اصناف از دور بحذای سریر اعلا نشسته وقت نهاد خوان نوال بر خیزد و نیز خانسالار باید که صفره‌را در خارج بارکاه مبسوط دارد تا اولوش شاهی بر کردد امّا شرایط وضوابط رزم ونبرد که بیشهٔ این طایفه بر آن محصور واندیشهٔ همکنان بر قیام واقدام بر آن مقصورست واز لوازم نشاة[10] مردی ومواجب جاشنیٔ مردانکی است از دایرهٔ احصا وتعداد خارج است[11].

«Объяснение некоторых из обычаев высочайшего церемониала и перечисление порядков и правил его по *ясе и юсуну*[12].

...[13] Хотя, согласно красноречивому слову: „Протяните вперед ваши правые руки“[14] — следовало бы изложить правила и условия правой стороны раньше, чем левой, но так как обыкновение этого народа (узбеков), согласно изречению: „сердце на левой стороне“, основано на предпочтении левой стороны перед правой, то мы начинаем с определения мест упомянутой стороны (левой), которая в монгольском обычном праве[15] обозначается словами *джюнгар* и *сол*[16].

---

[9] Verbum interiit quia codex hic lacer est.

[10] Cod. نشاة .

[11] Quae sequuntur in codice postea deleta sunt تدل اما بهه حال بحکم القلیل على (sic) الکثیر تذکیر برخی ازان ناکریز است ترتیب یاساجات یسال وتنظیم مناظم جدال وقتال که کزیدهٔ ارباب کمال وبسندیدهٔ اصحاب اقبال تواند بود در رسایل ونسخ این طایفه بدین دستور مسطورست که چون کار بکارزار و معامله بمجادله . Caput hic abrupta desinit. Sequitur titulus تعداد کذارش deinde lacuna et alius titulus: برخی از بدایع صنایع وغرایب وقایع که راقم این سطور مخطوررا در اثنای اسفار ومطاوی بیمایش اقطار مشاهده ومحسوس کشته .

[12] *Яса* и *юсун* — термины приблизительно одинакового значения, употребляющиеся для обозначения обычного права (у монголов).

[13] Пропущены некоторые фразы общего характера, не имеющие прямого отношения к предмету рассказа.

[14] Для клятвенного обещания.

[15] Слово عرف (*'урф*), по арабской терминологии, обозначает нормы обычного права, не основанные на религиозном законе (в противоположность термину *шариат*).

[16] *Джюн-гар* — 'левая рука' (по-монгольски); *сол* — 'левый' (по-турецки).

От светлого, как солнце, сознания рассудительных и благоразумных людей не остается скрытым, что важнейшее место на левой стороне от счастливых ханов есть место высокопочтенных *накибов*[17] (представителей потомков Али). Уважение к этому классу благородных людей доходит до такой степени, что все царевичи, даже ханский *калка*, т. е. наследник и заместитель царя, сидят ниже всех [их]. Затем идут последовательно места *карта* (старейшины) дурменов, карта кушчиев и карта найманов; после этого место кунгратов, за ним место великого *аталыка*[18]; ниже его — место *огланов*[19]; к нему примыкают последовательно места *нянэ* (собств. 'матушки')[20] дурменов, нянэ кушчиев и нянэ найманов. Дальше без промежутков следует место карлуков, рядом с ним место буйраков; за ними расположены места других выдающихся по своим способностям и заслугам лиц из каждого улуса и аймака[21].

Что же касается степеней мест на правой стороне созываемых для веселия собраний, которая обозначается словами *онг* и *барунгар*[22], то первое почетное место есть место *шейх ал-ислама*[23]; только если какой-нибудь [иностранный] государь будет искать убежища во дворце, являющемся украшением царств, то правило таково, что ему каждый раз, как он будет удостоен приема в высочайшем собрании, отводится место на правой стороне впереди шейх ал-ислама; допускается также, чтобы для него клали ковер отдельно. За шейх ал-исламом находится

---

[17] О характере должности накиба в XIX в. см. Ханыков, *Описание Бухарского ханства*, стр. 190: «Должность эта по существу своему есть весьма важная, он в отсутствии эмира решает тяжбы, касающиеся сипаев (воинов. — *В. Б.*) и превышающие права казы-аскяря; но нынешний эмир (Насрулла правил с 1827 г. — *В. Б.*) лишил ее всякого значения».

[18] Один из высших придворных чинов. <О его значении в Бухарском ханстве см.: Семенов, *Бухарский трактат*, стр. 144 и сл.; Мухаммед-Юсуф Мунши, предисл., 10; Семенов, *Очерк устройства*, стр. 61. — *Ю. Б.*>

[19] Этим термином обозначались царевичи, впоследствии также пажи.

[20] Трудно иначе объяснить слово *нянэ*, особенно в связи с употребленным раньше словом *карт*. Присутствие женщин в торжественных собраниях находится, конечно, в полном противоречии с мусульманскими обычаями, соблюдающимися теперь даже у кочевников (напр., у киргизов).

[21] Из дальнейшего можно заключить, что автор употребляет термины *улус* и *аймак* (собств. *уймак*) приблизительно в одном и том же значении и обозначает ими главные подразделения кочевых народов (среди народа узбеков таких единиц, как известно, было 92; к числу их принадлежали и дурмены, кушчии, найманы, кунграты и др.). В русских сочинениях часто употребляется в этом значении слово «род», хотя тем же словом обозначаются и гораздо более мелкие единицы. По турецкому словарю Вефик-паши (цитуется в словаре В. В. Радлова при слове *улус*), *улус* делился на или, *иль* — на уймаки, *уймак* — на бои, *бой* — на *уруки* (роды).

[22] *Онг* по-турецки 'правый'; *барун-гар* по-монгольски 'правая рука'.

[23] Еще в половине XVIII в., при Мухаммед-Рахим-хане, первое место на левой стороне принадлежало накибам, первое место на правой стороне — шейх ал-исламу (Мухаммед-Вефа Керминеги, *Туҳфат ал-ҳанӣ*, рук. Аз. муз., л. 170а-б).

место, назначенное для главного *казия*; но это место могут оспаривать у него *сейиды*, потомки эмира Хайдера[24]. За ним находится место ходжей ордена *накшбенди*[25]; к нему примыкает место *садра*[26] (министра?); за ним — место *кази-аскера* (военного судьи), дальше — место *а'ляма* (старшего муфтия) и рядом с ним место *реиса*[27]. Дальше идет место кара-кыятов. Хотя это место принадлежало кыятам с самого начала, но относительно его есть такое правило, что благополучно царствующий государь по своему усмотрению, украшающему царства, может оказывать эту милость кому хочет; так, некоторые ханы предоставляли это место кенегесам. Следующие места занимают последовательно *ара*[28] дурменов, ара кушчиев и ара найманов; дальше расположены места людей, отличающихся дарованиями, благочестием, храбростью и способностями.

Что же касается высоких степеней (мест) напротив высочайшего престола, то первое место принадлежит мангытам; оно расположено близ правой стороны, напротив места кара-кыятов. Второе место есть место „четырех друзей“[29] (*чехар-яр*), принадлежащее дурменам; оно находится напротив [места] огланов, примыкая к левой стороне.

От взгляда умных людей, разрешающего [все] затруднения, не остается скрытым, что все упомянутые степени и места относятся к разряду высокостепенных эмиров и людей, пользующихся доверием и свободных от беспокойства; обычное право этого высокого племени (узбеков) называет всех их *биями*. Что же касается [людей] второстепенных классов, выстраивающихся вне подобного небу дворца по правую и по левую сторону, то они располагаются в следующем порядке.

---

[24] Вероятно, имеются в виду потомки Али; *хайдер* ('лев') — прозвание Али. О различных классах сейидов в Бухаре см. Ханыков, *Описание Бухарского ханства*, стр. 182.

[25] Главный из среднеазиатских религиозных орденов (основан в XIV в.).

[26] Термин *садр* (букв. 'грудь, средоточие') встречается в различных значениях; часто им обозначаются судьи и министры. Здесь, судя по контексту, имеется в виду лицо духовного звания, но точнее определить характер этого звания не представляется возможности. В XIX в. с этим званием не соединялось особой должности (Ханыков, *Описание Бухарского ханства*, стр. 189). <В XVIII в. садр ведал вакфами предместий Бухары (на расстоянии одного фарсаха); см. Семенов, *Бухарский трактат*, стр. 141; ср. Мухаммед-Юсуф Мунши, предисл., 20. — *Ю. Б.*>

[27] Термин *реис*, очевидно, употреблен в том же значении, которое он имеет теперь, т. е. для обозначения полицейской должности, соответствующей средневековому *мухтасибу* (ср. мой труд *Туркестан*, ч. II, стр. 240 и сл.; о реисах там же, стр. 244; <наст. изд., т. I, стр. 290—291, 293—294>).

[28] Слово *ара* букв. значит 'середина'. Вероятно, этим термином обозначаются люди среднего положения и возраста, в противоположность упомянутым раньше *картам*, т. е. старейшинам.

[29] *Чехар-яр* ('четыре друга') — так назывались четыре преемника Мухаммеда (Абу Бекр, Омар, Осман и Али). Место *чехар-яр*, может быть, должно было соответствовать тому месту, которое, по представлению среднеазиатских мусульман того времени, занимали будущие халифы в дни приемов у пророка.

Первое место с левой стороны есть место ханского *есаула*, которое всегда занимает один из огланов. Должность его заключается в том, что он проносит перед августейшими взорами дары и приношения султанов[30] и царевичей и доводит до слуха государя их доклады. За ним — место *ишик-ага-баши* (главы привратников)[31]; древнее правило было таково, что право на занятие этой должности принадлежало трем улусам, именно дурменам, кушчиям и найманам, если же между ними не оказывалось способного лица, то право переходило к кунгратам, буйракам, кытам и хытаям. После этого идут последовательно места *мирахура* (главного конюшего), если его аймак принадлежит к улусам левой стороны, *шигаула* (церемониймейстера), *мирза-баши* (главы писцов), казначея и других должностных лиц по порядку их степеней. *Диван-беги*[32] (начальник канцелярии, министр) занимает место около треножника (?). На правой стороне на первом месте [сидит] ишик-ага-баши правой стороны, за ним последовательно мирахур, мирза-баши и т. д. по порядку.

Что же касается [мест] позади высочайшего престола, то это место отведено собственным *курчиям* (телохранителям) и *ичгиям* (комнатным слугам); последняя должность существует для собраний. Первое место есть место *курчи-баши* (главы телохранителей); за ним последовательно [сидят] *кош-беги*[33], *чöхре-агаси* (начальник пажей) — в древности этой [последней] должности удостаивались четыре человека — *чирчи* (придворный певец?)[34] и другие. Что же касается *хаджибов* (служителей) дворца и проворных *есаулов*, то начальник этого класса [людей] — *есаул-одачи*[35]. Этой должности удостаиваются два человека; их

[30] Со времени узбеков в Средней Азии султанами, в противоположность ханам, называются не владетельные государи, а все члены ханского рода.

[31] При Мухаммед-Рахиме эта должность причисляется к низшим (عملهای خورد), как и должности шигаула и одачиев (Мухаммед-Вефа Керминеги, *Туҳфат ал-ҳāнӣ*, рук. Аз. муз., л. 169а). <В XVIII в. в обязанности ишик-ага(или ака)-баши входили «охрана высочайшего порога, когда там пребывает правитель государства», а также управление туманом Шапуркам (Шафурком); см. Семенов, *Бухарский трактат*, стр. 150. — *Ю. Б.*>

[32] Современный автору диван-беги Надир был строителем мечети в Бухаре и медресе ходжи Ахрара около Самарканда (Rosen, *Les manuscrits persans*, p. 136). <О значении этой должности см. Семенов, *Бухарский трактат*, стр. 147. — *Ю. Б.*>

[33] Из такого сопоставления видно, что *кош-беги*, собств. 'князь [ханской] ставки (лагеря)', тогда еще не был первым министром. При Мухаммед-Рахиме кош-беги уже был «везиром всего царства» (Мухаммед-Вефа Керминеги, *Туҳфат ал-ҳāнӣ*, рук. Аз. муз., л. 168б). <В. В. Бартольд неверно читал и истолковал этот термин. Следует читать *куш-беги* — 'верховный ловчий', т. е. начальник ханской охоты; в XVIII в. этот чин стал называться *кулл-и куш-беги*, и при Мангытах он стал означать первого министра. См. Семенов, *Бухарский трактат*, стр. 137, 139, 148. — *Ю. Б.*>

[34] В таком значении это слово употребляется в рассказе о том, как Чингиз-хану сообщили о смерти Джучи (ср. мой труд *Туркестан*, ч. I, стр. 163).

[35] То есть начальник одачиев (комнатных служителей, камердинеров).

именами украшаются дипломы на [чины] *туксабая* и *дадхаха*[36] и [дипломы] всех *чоббаров*[37] (придворных служителей).

К числу дел, где по царскому юсуну признается необходимым соблюдение правил и обычаев, принадлежит питье кумыса[38]. Хотя условий этого много и правила неисчислимы, все-таки [здесь] излагается небольшая часть тех [правил], насколько они неразрывно связаны с развитием военного дела. Дело в том, что при устройстве общего приема, когда перед знатными и простыми накрывается скатерть милости и щедрости, после того как царь и войско насладятся разного рода благами и божественными звуками[39], тогда *сучии*[40] (кравчие) и *сабадары*[41] (заведующие бурдюком) приносят бурдюки, чарки и другие принадлежности беззаботного веселия и [этими] предметами, связанными с веселием, воодушевляют радостное собрание. Тогда один из проворных *одачиев* по знаку царя, прибежища царства, наполняет собственную чарку [царя] до краев тем напитком, кладущим основу общению людей, и, с соблюдением всех приличий, подносит государю. Царствующий при благоприятных знамениях повелитель без всякого промедления поднимает тот кубок, полный радости, и немного отпивает от того чистого вещества, которое называется кумысом, а остальную часть того прогоняющего печаль [напитка] жалует одному из надежных советников-эмиров. Эмир, отличенный [такой] милостью, должен тогда выполнить два требования приличия: во-первых, обменять царскую чарку[42], во-

---

[36] *Туксабай* и *дадхах* — высокие военные чины, существующие в Бухаре и теперь, причем звание дадхаха считается более высоким (Ханыков, *Описание Бухарского ханства*, стр. 185). <В XVIII в. в обязанности туксабая (или *туксаба* — توقسابه) входило «ставить блюда с кушаньями перед государем, а равно управление туманом Харакан» (Семенов, *Бухарский трактат*, стр. 150). В обязанности дадхаха (*дадха*, или *додхо*) входило «доставлять владетелю страны прошения обижаемых лиц и вручать им получаемые на них ответы» (там же, стр. 148). Ср. Семенов, *Очерк устройства*, стр. 60, 61. — *Ю. Б.*>

[37] Собств. 'держащих палки'; этим термином в средние века обозначались служители, находившиеся в распоряжении придворного палача (ср. мой труд *Туркестан*, ч. II, стр. 237; <наст. изд., т. I, стр. 287>).

[38] <В описанном далее церемониале отражаются древние обычаи тюркских и монгольских кочевников; у некоторых тюркских народов эти обычаи наблюдались этнографами еще в недавнее время. См.: Гаврилов, *Остатки ясы;* Потапов, *Древний обычай;* Bleichsteiner, *Trinksitten* (в последней работе — наиболее полный обзор исторических и этнографических данных). — *Ю. Б.*>

[39] Текст в этом месте вызывает некоторые сомнения.

[40] От слова *су* ('вода').

[41] От слова *саба* ('бурдюк').

[42] Т. е., очевидно, подать виночерпию другую чарку из собственных чарок царя взамен поданной ему. <Согласно поправке Л. П. Потапова (на основании этнографических параллелей), это выражение означает: «пожалованный ханом эмир должен был почтительно прикоснуться к царской чарке, поднести ее хану и затем уже, получив новое предложение хана, выпить ее» (Потапов, *Древний обычай*, стр. 172). — *Ю. Б.*>

вторых, выпить все пожалованное ему[43]. Тогда упомянутый одачи, встав у отверстия бурдюка, по высочайшему знаку выпивает один кубок, а вторую [царскую] чарку прежним порядком подносит царю и возвращается [на свое место]. После этого одачии поспешно приносят на правую и левую сторону весть о той общей милости; конечно, все присутствующие разом встают и выражают почтение; [так продолжается до тех пор], пока отвешивание и отмеривание [чарок] не достигнет полного разгара. Сначала одачии подносят наполненные до краев кубки бесподобным *эмирам* и упрашивают их выпить; в это время выражать почтение и вставать не полагается. Когда круг эмиров обойден до конца, одачии садятся около бурдюка и приступают к отмериванию кубков и чарок должностным лицам, *ишик-агам, курчиям, кырк-чöхре, кöп-чöхре*[44] и остальному войску, в следующем порядке. Выступают вперед два человека от правого крыла и столько же от левого и садятся около одачиев. Когда [одачи] дает кубок своему соседу, то обычай требует, чтобы тот, подняв кубок, сделал знак своему товарищу; тот поднимает чарку и также держит ее, пока [другой] товарищ его не поднимет также своего кубка; тогда все четверо вместе выпивают [свои кубки], разом встают, преклоняют колени и возвращаются на свои места. Такой порядок соблюдается до конца собрания; они считают долгом избегать всего того, что в глазах благородных людей походит на легкомыслие и невыдержанность. Если кем-нибудь без уважительной причины будет нарушено правило приличия, то виновного отводят к месту у дверей, где гости оставляют верхнюю обувь; он выпивает двенадцать больших чарок из рук виночерпия и сам подает виночерпию «кубок извинения»; после этого его подвергают упрекам и выговорам; право суда и расправы над ним принадлежит виночерпию, и виновный может быть подвергнут всяким наказаниям, кроме смертной казни.

Что касается правил и обычаев [приема] послов и других прибегающих [к государю] из начальников тюменей и главарей племен и улусов, то порядок аудиенции послов следующий. Прежде всего шигаул выступает вперед и представляет государю доклады и просьбы лица, отправившего посольство, вместе с дарами; потом он отступает на несколько шагов и начинает [передавать] приветствие посла, его [просьбу об] аудиенции и его приношения. Тогда, если посол принадлежит к числу знатных эмиров, двое из должностных лиц, например, *перванечи, туксабай* или другие, вплотную подходят к нему с обеих сторон и при-

[43] Т. е. осушить до дна чарку.

[44] Букв. 'сорок пажей' и 'много пажей'. Под первым термином, очевидно, следует понимать пажей, наиболее приближенных к государю, под вторым — остальных. О значении числа «сорок» в этом отношении у турок см. *Китāб-и Деде Коркут*, изд. Бартольда, I, 214, прим. 2.

водят его к подножию высочайшего престола[45]. Когда рука государя, тени божьей, прикоснется к его осчастливленному плечу, все таким же образом окружают посла и приводят его обратно на прежнее место. После этого от государя исходит указание, сесть ли ему на правой или на левой стороне собрания; сев там, он не начинает говорить, пока его не спросят. Таким же образом новобранец, пока еще не определено, к какому классу он будет причислен, сидит вдали напротив высочайшего престола; когда накрывается стол щедрости, он встает; заведующий столом должен приготовить для него прибор вне дворца, до окончания царского угощения.

Что же касается условий и правил битвы и сражения, составляющих единственное занятие этого племени (узбеков) и единственную заботу всех [его представителей], правил, необходимых для развития мужества и для наслаждения чувством храбрости, то таковых слишком много, чтобы их перечислить[46]».

---

[45] Сходный обычай был в Средней Азии издавна; ср., напр., рассказ Клавихо о приеме послов при дворе Тимура (Клавихо, изд. Срезневского, 247 и сл.).

[46] Дальше в подлиннике вычеркнуто несколько строк, из которых видно, что автор хотел изложить «небольшую часть» этих правил на основании изречения, что «по малому можно судить о многом». Рукопись India Office представляет копию, сделанную с автографа для библиотеки Надир-Мухаммеда; возможно, что этот отрывок был выпущен переписчиком по желанию хана.

СОБЫТИЯ ПЕРЕД ХИВИНСКИМ ПОХОДОМ 1873 ГОДА ПО РАССКАЗУ ХИВИНСКОГО ИСТОРИКА

История среднеазиатских ханств в XVIII и XIX вв. принадлежит к числу наименее разработанных отраслей истории Востока, что объясняется не отсутствием источников, а равнодушием исследователей. До настоящего времени еще не вполне опровергнут предрассудок, связанный с преувеличенной оценкой культурного уровня так называемого «древнего Востока»: в новой истории восточных народов видят только картину непрерывного и безнадежного застоя и упадка. Не говоря уже о новейшей истории Средней Азии, нередко вся историческая жизнь современных среднеазиатских народов представлялась не заслуживающей внимания. Еще в последние годы мы были свидетелями характерного факта: экспедицией, специально снаряженной из Америки, производились раскопки на месте исторического города исключительно с целью найти следы доисторического быта страны, без всякого внимания к ее историческому прошлому, даже без участия лиц, знакомых, хотя бы из вторых рук, с письменными известиями об этом прошлом. Равнодушием к сравнительно недавнему историческому прошлому края проникались и местные деятели; когда в 1895 г. был образован Туркестанский кружок любителей археологии, ему была поставлена задача «собрать как можно больше материала для освещения древнего периода среднеазиатской истории»[1]. Жизнь выяснила невозможность такого ограничения задач кружка, и последний на страницах своих «Протоколов» уделял немало места событиям последних веков; но история этих веков остается и до настоящего времени гораздо менее исследованной, чем было бы возможно по количеству и качеству находящихся в нашем распоряжении источников.

Между прочим, остается невыполненной задача, важность которой, казалось бы, не могла подлежать сомнению, особенно для местных деятелей: извлечь из памятников туземной литературы, главным образом исторической, рассказы о ходе завоевания края русскими и об отдельных моментах этой борьбы. На необходимость выполнения этой работы впервые обратил внимание проф. Н. И. Веселовский, справед-

---

[1] Лыкошин, *Очерк деятельности ТКЛА*, стр. 4.

ливо полагавший, что при пользовании одними русскими источниками мы «можем впасть в односторонность и составить неверный взгляд на местное население, на его взгляды и деятельность в то время». Еще в 1885 г. проф. Веселовским в Ташкенте наводились справки, «не существует ли у грамотеев из местных мусульман каких-либо записок о русских завоеваниях в западном Туркестане». Таковых, однако, не нашлось; те рассказы, которые были получены проф. Веселовским и из которых один был им впоследствии издан[2], оказались составленными специально для него.

Вслед за проф. Веселовским мною также были приняты меры для выяснения того же вопроса, но с несколько иной точки зрения. Опыт показал, что на получение от туземцев записей, специально посвященных войне с русскими, было мало надежды; оставалась надежда найти в общих исторических сочинениях, подносившихся тому или другому хану, среди рассказов о событиях того или другого царствования известия о приеме русских посольств и о столкновениях с русскими войсками. Такие известия и были извлечены мною в 1898 году[3] из *Та'рӣх-и Ильӣхрухӣ* кокандца Нияз-Мухаммеда — сочинения, написанного вскоре после 1871 г. и напечатанного в Казани в 1885 г. Н. Н. Пантусовым. Рассказы о тех же событиях других кокандских историков — Мухаммед-Хакима[4] (в 20-х годах XIX в. совершившего путешествие в Мекку и Медину через Россию), муллы Аваз-Мухаммеда и андижанца Тюряходжи[5] — до настоящего времени остаются неиспользованными.

Еще менее посчастливилось истории Хивинского ханства. В 1873 г. во дворце бежавшего хана были найдены рукописи, заключавшие в себе полную историю ханства с основания до 1872 г., на турецко-татарском литературном (так называемом «чагатайском») языке. Основное сочинение, носившее заглавие *Фирдаус ал-икбӑл* («Райский сад счастья»), принадлежало мирабу Шир-Мухаммеду, известному под литературным прозванием Муниса, и было начато еще в царствование Ильтузер-хана (до 1806 г.). Другой историк, мираб Мухаммед-Риза, по литературному прозванию Агехи[6], писавший при Алла-Куле[7] (1825—

[2] Веселовский, *Киргизский рассказ.*

[3] Статья *Туземец о русском завоевании;* <см. выше, стр. 333—349>.

[4] Или Хаким-хан-тюри; см. о нем Smirnow, *Manuscrits turcs,* pp. 150—155, также Маллицкий, *Несколько страниц,* стр. 159 и 169 и Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан (1902 г.)*, стр. 218.

[5] Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан (1902 г.),* стр. 272 и сл.

[6] <В. В. Бартольд писал везде «Огехи», передавая начальное долгое *а* через *о*, что находится в противоречии с транскрипцией, применявшейся им во всех других аналогичных случаях. — *Ю. Б.*>

[7] <Написание имен хивинских ханов «Алла-Кул» и «Рахим-Кул» очень часто встречалось в старой русской литературе (в том числе и в записках путешественников); однако восточные источники (в том числе документы) дают только «Алла-Кули» и «Рахим-Кули». — *Ю. Б.*>

1842), окончил труд своего предшественника, доведя его до смерти хана Мухаммед-Рахима (1825 г.). Тот же Агехи впоследствии в нескольких сочинениях, поднесенных нескольким ханам под различными заглавиями, довел историю своей родины до событий, непосредственно предшествовавших походу К. П. фон-Кауфмана. Рукописи трудов Муниса и Агехи были доставлены в С.-Петербург и переданы в Азиатский музей Академии наук, где находятся в настоящее время; краткие сведения об этой находке проникли в русскую и западноевропейскую печать[8]; тем не менее русские и западноевропейские ученые продолжали писать об истории Хивинского ханства так, как будто бы после известного труда хана Абулгази, доведенного его сыном и преемником до 1663 г.[9], не было почти никаких туземных источников.

Размеры настоящей статьи, конечно, не позволяют передать все известия Муниса[10] и Агехи, имеющие отношение к русским; ограничиваюсь поэтому извлечением таких известий из последнего труда Агехи, носящего заглавие *Шāхид-и иḳбāл* («Свидетель счастья») и посвященного событиям первых девяти лет царствования нынешнего хана[11].

---

[8] Первое сообщение об этих рукописях было сделано, если не ошибаюсь, А. Л. Куном, в заседании Имп. Русского географического общества 5 декабря 1873 г. Доклад Куна <*Поездка*> был напечатан на русском языке в ИИРГО, т. X, отд. II, стр. 47—58 (о рукописях стр. 57), на немецком языке <*Bericht*> в «Russische Revue», Bd IV, S. 58—74 (о рукописях S. 71—72); этими сведениями воспользовался Howorth (*History of the Mongols*, pt II, div. 2, p. 961). О рукописях, хранящихся в Азиатском музее, см. Salemann, *Das Asiatische Museum*, S. 278. <Общую характеристику трудов Муниса и Агехи В. В. Бартольд позднее дал в работе *История культурной жизни Туркестана* (стр. 112—113; наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 285—286). Обширные извлечения из этих трудов в русском переводе были изданы в 1938 г. в МИТТ, II (стр. 323—638), с вводной статьей П. П. Иванова (*Хивинские хроники*). Рукописи *Фирдаус ал-иḳбāл* Муниса и некоторых сочинений Агехи имеются также в Ташкенте. — *Ю. Б.*>

[9] <Как ныне установлено из рукописи «Родословной тюрок», хранящейся в Ташкенте, сын Абулгази Ануша-хан не сам закончил сочинение отца, а поручил это некоему Махмуду б. Мулла Мухаммед-Заману Ургенчи (см. СВР, т. I, № 167). — *Ю. Б.*>

[10] Между прочим, в сочинении Муниса есть сведения о гибели князя Бековича-Черкасского, хотя и очень краткие (рук. Аз. муз. 590 ωa <С 571>, лл. 74б—75а). Кроме «Девлет-Гирея», т. е. Бековича, упоминается какой-то Андрей Губурнат (?). Начальниками хивинцев были аталык Кул-Мухаммед из кунгратов и инак Аваз-бий из найманов; их вероломство кажется автору вполне законной хитростью; по его мнению, нет никакого основания обнажать меч, когда хитрость может решить дело. Нет никакого отголоска тех обвинений, которые, по русским источникам, были высказаны против Бековича ханом Ширгази в 1725 г. М. А. Терентьев (*История завоевания Средней Азии*, т. I, стр. 39) ошибочно смешивает имя Девлет-Гирей с эпитетом Девлетгир ('покоритель царств') и потому видит в этом имени подтверждение честолюбивых планов Бековича. Гирей — только название рода, из которого, как известно, происходили и крымские ханы.

[11] Рук. Аз. муз. 590 od <С 572>. К этому сочинению относятся приводимые ниже, в примечаниях, ссылки на листы рукописи.

Вопрос о том, как представлял себе хивинский автор события того времени, вызвавшие поход 1873 г., казался мне не лишенным интереса. Сопоставление его рассказов с рассказами русских источников и критическая оценка его показаний, в особенности его взглядов, не входили в мою задачу; то и другое может быть лучше выполнено местными деятелями, которым доступны архивные источники или которые сами принимали участие в событиях конца шестидесятых и начала семидесятых годов.

Некоторым читателям, может быть, покажется спорным самый вопрос о том, своевременно ли печатать рассказы туземцев о русских, относящиеся к эпохе завоевания края, особенно в сборнике, предназначенном не для одних специалистов и, вероятно, не только для читателей русского происхождения. Но еще в 1898 г. тогдашняя редакция «Туркестанских ведомостей», печатая мою статью «Туземец о русском завоевании», заметила вполне основательно, что то отношение к русским, которое проявляется в сочинениях эпохи завоевания, может представлять теперь только исторический интерес. Так, конечно, смотрел на свою статью и сам автор. После семидесятых годов прошлого века условия жизни в крае успели настолько измениться, что сами участники событий того времени могут вспоминать о них только как об отдаленном прошлом, не имеющем никакого отношения к современной жизни.

Вступление на престол Сейид Мухаммед-Рахим-хана произошло в четверг 10 сентября 1864 года[12]. В воскресенье 20 сентября в Хиву прибыл посол из Коканда с известием о взятии русскими города Туркестана[13]; кокандский правитель (хаким) Султан-Мурад-хан[14] после совещания с военачальниками отправил это посольство с целью просить помощи против русских у хивинского хана и у турецкого султана. Посол передал новому хану письмо, написанное на имя его предшественника Сейид-Мухаммед-бахадура, и был милостиво принят[15]. Сам хан еще прежде, 18 сентября, отправил посла в Бухару к эмиру Музаффару с известием о смерти своего предшественника и о своем вступлении на престол[16]. Посольство вернулось в Хиву в воскресенье 8 но-

[12] Л. 12б. Сопоставление даты с днями недели показывает, что даты хивинского календаря того времени отставали на один день от дат по таблицам Вюстенфельда.

[13] Туркестан был взят 12 июня 1864 г.

[14] Султан-Мурад, брат Худояр-хана, насколько известно, никогда не носил ханского титула. В 1864 г. кокандским ханом был Сейид-султан, сын Малля-хана.

[15] Лл. 18а — 19а.

[16] Лл. 17б — 18а.

ября того же года в сопровождении бухарского посла[17]. Таким же порядком (каждого хивинского посла сопровождал на обратном пути в Хиву посол из Бухары, и наоборот) продолжался обмен посольствами между Бухарой и Хивой в следующие годы, даже после подчинения Бухары России. Последний бухарский посол, о котором упоминает Агехи, был отпущен из Хивы, в сопровождении хивинского посла, во вторник 15 августа 1872 года[18].

Окончание борьбы эмира Музаффара с русскими и дальнейшие события автор представляет себе в следующем виде. Разбитый русскими в 1866 г.[19], эмир долгое время оставался в Кермине, собирая войско для продолжения борьбы; только в 1868 г. он послал это войско к Самарканду.

Русские за это время успели взять Ура-Тюбе[20] и Джизак[21] и расположились в Яны-Кургане, приблизительно в 6 фарсахах от Самарканда. Между Самаркандом и Яны-Курганом произошли военные действия, окончившиеся полным поражением бухарцев; русские взяли Самарканд[22] и Катта-Курган[23]. Эмир не видел для себя иного спасения, как заключить мир с русскими, и тайно отправил посла к русскому губернатору[24]; был заключен договор[25], по которому эмир обязался платить русским по 12000 тиллей в месяц, а русские согласились не идти дальше и приходить в Бухару только для торговых целей.

Старший сын эмира, Абд ал-Мелик-тюря, бывший тогда хакимом в Гузаре, зная только о взятии русскими Самарканда и Катта-Кургана, но не о заключении договора, собрал войска из Карши, Гузара и других мест, двинулся на Шахрисябз, соединился с хакимами этого города и пошел на Самарканд, но там не имел успеха и должен был вернуться в Гузар. В то же самое время происходило движение в самой Бухаре: собрались улемы, шейхи и студенты, всего около 3000 человек; проведав тайну о заключении договора, они объявили его противоречащим шариату и выступили в поход в качестве борцов за веру. Прибыв в Кермине, они обратились к эмиру со следующими «сильными словами»: «Выступи во главе нас против кафиров, чтобы мы погибли, сражаясь перед тобой, и потом делай все, чего захочет твое сердце; а не то, отдай нам коней и вооружение своего войска; тогда мы сами пойдем

[17] Л. 20а.

[18] Л. 225б.

[19] Местом этой битвы в тексте названо место Сасык-куль. Очевидно, имеется в виду сражение при Ирджаре 8 мая 1866 г.

[20] 2 октября 1866 г.

[21] 18 октября.

[22] 2 мая 1868 г.

[23] 18 мая.

[24] Автор везде называет К. П. фон-Кауфмана просто «губернатором».

[25] 23 июня.

сражаться с кафирами, а ты оставайся здесь, отдыхай и веселись». Эти слова привели эмира в такой гнев, что ему хотелось истребить всех мулл; но он сдержал себя и ответил муллам, что вполне одобряет их намерение, велел им, не расстраивая своих рядов, идти к Самарканду, а сам обещал выступить дня через два или три, после окончания военных приготовлений, чтобы с помощью божьей победить кафиров или добиться мученического венца. Муллы послушались; эмир Музаффар, «прельстившись благами тленного мира», тайно уведомил самаркандского «хакима» и начальника стоявшего там русского войска о предстоявшем прибытии отряда и посоветовал истребить его, не впуская в город. Русские так и поступили; муллы должны были остановиться вне городских стен, где подверглись неожиданному нападению и были истреблены ударами сабель и ядрами пушек; остатки отряда разбежались в разные стороны.

После этого события эмир Музаффар возвратился из Кермине в Бухару, послал русским обещанное золото и письмом уведомил сына о заключении договора с русскими, с приказанием воздерживаться от всяких враждебных действий. Получив письмо, Абд ал-Мелик-тюря, не одобряя действий отца, созвал в Гузаре знатных людей области и стал жаловаться им на поступки эмира, обязавшегося платить дань кафирам и истребившего людей науки. Присутствовавшие единогласно признали, что за такие поступки эмир должен быть низложен и что необходимо до последней капли крови отстаивать шариат. Было решено сначала взять Бухару и возвести на престол Абд ал-Мелика, потом возобновить войну с русскими.

Тюря собрал войска всех областей от Гузара до Шахрисябза, взял Карши и перевел туда свое имущество и свой гарем; каршинские узбеки все подчинились ему. Из Карши он двинулся на Бухару, откуда ему навстречу вышел с войсками эмир; бухарские узбеки большею частью приняли сторону тюри, который в каждой стычке одерживал верх над отцом. Эмир был вынужден просить помощи у русских и получил от них большое войско; против этой силы тюря не мог устоять и бежал из Карши в Шахрисябз[26]; его гарем был захвачен эмиром и отправлен в Бухару. Русские вернулись в Самарканд и оттуда прислали в Шахрисябз требование выдать тюрю или им, или эмиру, иначе город подвергнется нападению с двух сторон и ни один житель не будет оставлен в живых. Шахрисябзцы объявили тюре, что не могут оставить его у себя и что он должен идти или к русским, или к отцу. Тюря решил бежать в Хиву, но объявил, что идет к русским, и распустил свое войско, оставив при себе только отряд в 400 всадников с небольшим. С этим отрядом он через Хатырчи, где им был захвачен хаким Рахматча, один из главных сторонников кафиров, и Нур-Ата, откуда он взял

[26] Карши был взят русскими 23 октября 1868 г.

хакима с собой, достиг пределов Хивинского ханства и выслал вперед пять или шесть человек из своего отряда.

Узнав от этих посланцев о прибытии тюри, хан выслал ему навстречу аталыка Мухаммед-Ризу и диван-беги Мухаммед-Нияза; вместе с ними тюря в воскресенье 20 рамазана (22 декабря 1868 г.) вступил в Хиву; ему отвели помещение во дворце кушбеги Хасан-Мурада, в месте Ангарик. На следующий день он был принят ханом, который оказал ему столько милости, что ни один сын не видел от своего отца и тысячной доли этого. Тюре было назначено содержание в размере 1500 тиллей в месяц; одежда, пожалованная его спутникам, стоила по самой низкой оценке более 500 тиллей. Хан позволил тюре во всякое время являться ко двору и старался исполнить все его желания; но легкомысленный царевич захотел поссорить хана с эмиром и стал просить военной помощи. Этой просьбы хан не мог исполнить и посоветовал своему гостю выжидать событий, приняв одно из двух решений: или, с мольбою о прощении, отправиться в Бухару, для чего хан обещал дать ему средства, или остаться в Хивинском ханстве, получив от хана соответствующий его званию удел. Царевич был настолько легкомыслен, что отверг эти милости и настойчиво просил хана отпустить его к племенам теке и эрсари; хан старался отговорить его от этого намерения, но безуспешно. Пробыв в ханстве три месяца, тюря отправился в сторону Мерва; его спутники большею частью остались на службе у хана.

В пятницу 10 января 1869 г., через 18 дней после прибытия бухарского царевича, в Хиву прибыл другой беглец, киргиз[27] Сыддык-тюря. Его отец Кене-Сары-хан[28] после взятия русскими Туркестана и Ташкента отказался последовать примеру других киргизов и подчиниться русским; он был убит в Ташкенте во время восстания против кафиров (!). Сыддык-тюря после смерти отца ушел из Ташкента в Бухару, поступил на службу к эмиру Музаффару и во время войны с русскими отличился многими подвигами. После заключения мира между Россией и Бухарой Сыддык сделал попытку продолжать войну самостоятельно и убил еще множество кафиров, но малочисленность его отряда, наконец, вынудила его покинуть бухарские владения. С отрядом в 60 всадников он через степь достиг пределов Хивинского ханства и был милостиво принят ханом; ему и его спутникам отвели землю на северном берегу Аму-Дарьи, в месте Уйгур.

Еще через девять дней, в воскресенье 19 января, в Хиву прибыл

---

[27] В подлиннике, конечно, киргизы везде названы «казаками». <Имеются в виду казахи, которые в дореволюционной русской литературе ошибочно назывались киргизами; см. наст. изд., т. II, ч. 1, предисл., стр. 15. — *Ю. Б.*>

[28] «Кенисара» или «Кениссара» — русских источников. Как известно, он был убит еще в 1847 г., задолго до взятия Ташкента.

другой киргизский предводитель, Хатим-тюря[29]. Он с юных лет находился на службе у русских и оказал им много услуг, но потом в Ташкенте за что-то обиделся на них и ушел в Хиву. Хан и ему оказал милость, отвел ему хороший участок земли и назначил ему щедрое содержание[30].

Около того же времени пришло известие, что русские, построившие крепость Казалинск на северном берегу Сыр-Дарьи, замышляют подчинить себе киргизов, имевших летовки на южной стороне реки и плативших хивинскому правительству зекат и харадж. Хан решил отправить в местность Тау-Кара[31] отряд под начальством диван-беги Мухаммед-Мурада, махрама Мухаммед-Я'куба и сарханга Абд ар-Рахман-суфи, одного из начальников артиллерии. Отряд должен был проверить слухи о нарушении русскими войсками установленной границы и, если бы эти слухи оказались справедливыми, дать врагам чувствительный урок; в противном случае предполагалось ограничиться мерами для обеспечения благосостояния пограничной области.

В субботу 1 февраля 1869 г. отряд выступил из Хивы и через Тау-Кара прибыл в Чикирдакли и Буричи, где провел несколько дней. Хакимом в Тау-Кара был Эр-Нияз-бий, глава кипчаков; начальники отряда поручили ему увести с южного берега Сыр-Дарьи, из мест, близких к Казалинску, все киргизские улусы, платившие дань Хиве. Выполнение этой задачи потребовало пятнадцати дней; русские, стоявшие в Казалинске, не делали никаких попыток помешать этому. Переселенцы были поселены в Тау-Кара и других местностях, смотря по своему желанию; им отвели участки земли, в том числе и летовки.

Устроив дела в Тау-Кара, отряд прибыл в Чимбай, к улусу каракалпаков. Там, в виде меры предосторожности, была выстроена высокая крепость в месте Ак-кала на берегу Аму-Дарьи, где река впадает в море. В крепости был оставлен сарханг Абд ар-Рахман-суфи с несколькими орудиями; в случае движения русских на судах со стороны моря он должен был преградить им путь. В той же местности была выстроена плотина на протоке Кок-Узяк для орошения пашен в Тау-Кара и Чимбае; но сильным разливом реки Аму-Дарьи плотина была уничтожена, и проток снова направился в прежнее русло.

Диван-беги вернулся в Хиву в субботу 22 марта; махрам, согласно приказанию хана, оставался еще некоторое время на севере для других оросительных работ. Между прочим, им было вновь направлено к Куня-Ургенчу течение Лаудана, отведенное перед тем вследствие вос-

---

[29] В рукописи сначала было написано «Арслан-тюря», потом имя «Арслан» было вычеркнуто и заменено именем «Хатим».

[30] Обо всех этих событиях лл. 175а — 183б.

[31] На русских картах Дау-Кара, <теперь — Даукара; в хивинских источниках также часто تيو قرا и ديو قرا (новое осмысление). — *Ю. Б.*>.

стания йомутов[32]; жители в то время были переселены в Ходжейли[33]; теперь их снова водворили на прежние места, чем они были очень обрадованы. После выполнения своей задачи махрам вернулся в Хиву, донес хану обо всем, что было им сделано, и был удостоен царских милостей[34]. Летом Абд ар-Рахман-суфи также был отозван ханом и в среду 2 июля вернулся в Хиву; вместо него был послан в Ак-кала сарханг Худай-Берген, который то посылал с разведочной целью шпионов и лодочников, то сам выезжал на разведки верхом к краю Устюрта[35].

Уже в марте того же года был предпринят поход в степь в более обширных размерах. С давних времен бо́льшая часть киргизов платила харадж хивинским ханам и приходила к пределам ханства на зимовки, кочуя летом по берегам Яика (Урала) и Итиля (Волги). Положение изменилось только со времени восстания йомутов и других туркменских племен; набегам йомутских мятежников подвергались и киргизские племена; бедствия, причиненные этими набегами, заставляли их держаться ближе к владениям русских и вступать с ними в соглашения. Но кафиры своими поборами скоро вывели их из терпения, и они снова через послов стали просить помощи у хивинского хана. До окончания борьбы с туркменами хан ничего не мог для них сделать; теперь, когда эта борьба была окончена, он решил отправить в степь отряд, во главе которого были поставлены аталык Хаким-Нияз, глава кипчаков, инак Мухаммед-Рахим, глава найманов, и из ханских вельмож — есаулбаши Махмуд-Нияз и махрам Худай-Назар. Отряд должен был оказать покровительство киргизам и, расположившись в их стране, устроить дела в степи в полном согласии с представителями киргизской знати. Выступление отряда из Хивы произошло 11 марта 1869 г., в самый день праздника «курбан».

Около того же времени прибыли в Хиву с выражением преданности и с просьбою о помощи два знатных киргиза — Азиз-Берген-бий и Джанибек-бий[36]. Им был оказан милостивый прием; вместе с ними был послан в степь другой отряд, под начальством аталыка Мухаммед-Риза, главы кунгратов. Мухаммед-Риза, Азиз-Берген-бий и Джанибек-бий выступили в четверг 27 марта и догнали первый отряд в Кунграде[37].

---

[32] О борьбе хана с йомутами в рукописи говорится очень подробно, в рассказе о событиях 1867 г. (лл. 73б — 84б, 87а — 127а). <О восстании хорезмских туркмен в 1855—1867 гг. см. Брегель, *Хорезмские туркмены*, стр. 197—225. — *Ю. Б.*>

[33] Собственно, Ходжа-или ('племя Ходжи'); так и в рукописи.

[34] Лл. 184а — 186б.

[35] Л. 193а.

[36] У Терентьева (*История завоевания Средней Азии*, т. II, стр. 65) Азберген и Канали. <*Азберген* — обычная разговорная форма от *Азиз-Берген*. — *Ю. Б.*>

[37] Собственно, Кунграт (по названию рода); так и в рукописи. <Кунград — ошибочная транскрипция, закрепившаяся на русских картах. — *Ю. Б.*>

Из Кунграда соединенные отряды прошли к западному берегу Аральского моря, затем совершили несколько быстрых переходов через безводную степь и достигли первых киргизских кочевьев. Весть о прибытии хивинского отряда очень обрадовала киргизов, которые с полною готовностью доставляли отряду все необходимое. Их решение вступить в борьбу с русскими было настолько искренним, что они схватили трех или четырех русских, находившихся в степи для торговых целей, и представили их начальникам отряда; последние распорядились отправить пленных в Хиву.

После этого начались переговоры между начальниками отряда и киргизскими биями о дальнейших действиях. Первым приписываются такие речи: «Объясните нам, в каком положении ваши дела, и ведите нас, в какую сторону хотите; мы употребим все усилия, чтобы исполнить ваше желание, в чем бы оно ни заключалось». Бии с низким поклоном (*куллук*) ответили: «Вашему войску нет надобности подвергать себя тягостям похода; достаточно одного вашего пребывания среди нашего народа. Сражаться с русскими и наносить им ущерб вы не умеете; у нас [самих] столько конного войска, что его нельзя пересчитать; оно хорошо знает способы сражаться и состязаться с русскими. Итак, оставайтесь здесь и будьте зрителями дел нашей службы; пока в нас есть жизнь, мы ради веры ислама будем нести службу перед вашими глазами. Если угодно богу, то с помощью и благословением божьим, силою счастия государя мы отрежем войску кафиров пути к берегу Сыр-Дарьи, залив эти пути волнами своих набегов; может быть, мы даже совершенно устраним из области людей ислама тьму победы кафиров».

Хивинское войско, однако, двинулось дальше и после нескольких переходов пришло к мазару Кодж-Ата, оттуда достигло места Арыш-Ата, расположенного между кочевьями киргизских родов адай, табын и алим. Расположившись там, начальники отряда хотели совместно с киргизскими тюрями и биями привести в порядок дела населения и войска и отправить отряды для набега на пути сообщения кафиров. Но в то время уже начались летние жары; стал обнаруживаться недостаток в провианте для войска и в корме для лошадей; у киргизов можно было достать только мясо, все остальное было страшно дорого. Оставаться на месте сделалось невозможным; начальники отряда признали необходимым вернуться обратно и так объявили об этом представителям киргизской знати: «Теперь очень жарко; запасы провианта для войска и корма для лошадей истощились; если мы еще дольше пробудем здесь, то можно опасаться гибели войска. Мы вернемся теперь к государю; когда спадет зной, мы, получив позволение от государя и приведя в порядок запасы и вооружение войска, к осени успеем к вам вернуться. До нашего возвращения вы мечом храбрости закройте кафирам те пути, откуда к ним приходят запасы, и приведите в расстройство их дела». Бии согласились с этими доводами и ответи-

ли: «Вы сами [лучше] знаете, следует ли вам отступить; пока в нас есть жизнь, мы будем защитниками сильной державы государя и будем стараться всеми силами, как преданные слуги той державы. Повиноваться и служить кафирам мы признаем для себя позором; мы останемся среди мусульман, служа государю, прибежищу ислама; своей жизнью мы жертвуем ради укрепления религии Мухаммеда и его шариата. Есть полная надежда, что при такой искренней готовности мы приведем в расстройство дела кафиров и совершенно уничтожим их».

После этого аталыки Мухаммед-Риза и Хаким-Нияз, инак Мухаммед-Рахим, есаулбаши Махмуд-Нияз и махрам Худай-Назар с хивинским войском быстрыми переходами вернулись в Хиву, куда прибыли во вторник 10 июня 1869 г. Весь поход продолжался 95 дней. Хан встретил отряд упреками за самовольное возвращение, но потом, когда ему объяснили причины, сменил гнев на милость[38].

После отступления хивинцев киргизы рода адай, подчиняясь обстоятельствам, вступили в соглашение с русскими и откочевали к их пределам. Большинство киргизских родов не хотело последовать их примеру и предпочитало откочевать к Хиве, чтобы отдаться под покровительство хана, но опасалось, что на этом пути подвергнется нападению со стороны русского войска. Эти киргизы отправили в Хиву весть такого содержания: «Некоторые из нашего народа, считаясь с обстоятельствами, вступили в соглашение [с русскими], ушли в сторону русских крепостей и согласились платить дань и харадж. Но мы скорее умрем, чем согласимся подчиниться кафирам и с покорностью носить на шее бремя их господства; тяжести такого позора нам бы не вынести. Вместе с тем зимний холод и снег никак не позволят нам остаться в этой стране; если мы хотя бы ненадолго задержимся здесь, мы лишимся всего нашего скота и имущества; даже наши жены и дети погибнут от голода. Считая для себя тень великодушия и доброжелательства должностных лиц дворца, прибежища мира, залогом безопасности и благосостояния, мы хотим откочевать в области, входящие в состав Хивинского владения; но боимся сняться с места из страха перед русскими. В таком страхе и в такой беде мы просим оказать нам великодушие и милость и послать нам военный отряд, чтобы мы под его защитой выселились из этой страны, полной опасностей, поселились во владениях государя и там достигли безопасности и спокойствия; какой бы службы от нас ни потребовали, мы бы постарались всей душой и всем сердцем».

Хан решил исполнить эту просьбу и снова отправить в степь отряд; главным начальником был назначен тот же есаулбаши Махмуд-Нияз, которому дали войско из чоудоров; с ним были посланы еще

[38] Лл. 186б—192а.

махрам Худай-Назар с войском из гокленов, отставной[39] диван-беги Худай-Назар с нукерами из Биш-Арыка и юзбаши (сотник) Мухаммед-Керим с войском из местности Ишик-Агасы-Ата[40]. Им было поручено устроить переселение киргизов в Хивинское ханство и, если бы русские захотели помешать этому, вступить с ними в борьбу.

Отряд выступил из Хивы в воскресенье 27 июля, прошел мимо западного берега Аральского моря и достиг киргизских кочевьев. Переселение совершилось спокойно, без всякого препятствия со стороны русских; в понедельник 20 октября бии и кетхуда переселенцев были приняты ханом; весь поход продолжался 86 дней. Переселенцам были отведены зимовки, летовки, пашни и жилища на пространстве от пределов (культурной полосы) ханства до берега моря, сообразно количеству людей и скота[41].

В понедельник 8 сентября, следовательно еще до возвращения отряда, в Хиву прибыл Бушай-тюря[42], посол русского губернатора, жившего в Ташкенте[43]; Бушай-тюря происходил из киргизского рода чумекей и находился на службе у губернатора уже много лет. Он передал хивинским вельможам письмо губернатора такого содержания: «От начала до настоящего времени между русскими и хивинцами происходили сношения в дружбе и согласии; никаких признаков вражды и столкновений между ними не было. В наши дни киргизы из хивинских подданных совершили набег на русских, захватили некоторых русских в плен и увели их к государю. Это дело представляется несогласным с правилами дружественных отношений. Вполне соответствовало бы обычаям дружбы и согласия, если бы государь, ради укрепления основ дружественных отношений, запретил киргизам производить набеги на русских людей и сражаться с ними, освободил из оков плена русских, приведенных к нему, обрадовал их своей царской милостью и позволил им вернуться в сопровождении Бушай-тюри». В письме были и другие подобные речи, где выражения дружбы соединялись с жалобами. По приказанию хана посла продержали в Хиве более четырех месяцев, потом отпустили его в Ташкент с письмом, наполненным «примирительными ответами и удовлетворительными объяснениями», щед-

---

[39] По словам нашего автора (л. 19а), он получил отставку в самый год вступления на престол хана, в пятницу 23 октября 1864 г.

[40] <В тексте (л. 194б): ومحمد كريم يوزباشى اشيك اقاسى اتا لشكرى بيله. Имеется в виду, очевидно, не местность, а хивинский сановник — *ишик-ага* (ср. выше, стр. 396, 398), войском которого в этом походе командовал Мухаммед-Керим-юзбаши.— *Ю. Б.*>

[41] Лл. 193б—196а.

[42] По Терентьеву (*История завоевания Средней Азии*, т. II, стр. 64): «весьма толковый киргиз, предназначавшийся в волостные старшины, султан Девлет Бушаев».

[43] Т. е. К. П. фон-Кауфмана.

ро снабдили его деньгами и всем необходимым для путешествия, но пленных не возвратили [44].

В четверг 18 сентября ханом был принят афганский царевич Абдуррахман-хан (будущий властитель Афганистана), считавшийся необыкновенно храбрым воином. Помещение, отведенное ему в Хиве, и назначенное ему содержание превысили все ожидания царевича; тем не менее он пробыл в Хиве только 20 дней и с позволения хана отправился в Бухару, куда бежала из Афганистана бо́льшая часть его приверженцев. Перед отъездом хан еще подарил ему коней с золотыми удилами и осыпанной драгоценными камнями сбруей, мулов ростом с гору, верблюдов, силою подобных слонам, и много вышитой золотом и серебром одежды [45].

В среду 21 января 1870 г. в Хиву прибыл посол из Бухары с известием о взятии эмиром Музаффаром Хисара и Куляба. Война продолжалась шесть или семь месяцев, причем с обеих сторон погибло много мусульман [46].

Весной 1870 г. пришло известие об успехе киргизов в борьбе с русскими. Годом раньше киргизы рода адай, зимовавшие около русских крепостей, вступили в соглашение с русскими; теперь они же, по приказанию хана, собрали много войска для нападения на русский отряд, стоявший недалеко от крепости Оренбург. Произошло несколько стычек; сабельные удары и пули унесли много людей с обеих сторон; наконец, благодаря богу и счастью хана, мусульмане одержали верх над кафирами [47]. Русские потеряли множество людей убитыми, ранеными и пленными; киргизские бии выбрали из русских пленников пять или шесть человек и, как вещественное доказательство одержанной блестящей победы, привели их в Хиву, куда прибыли в начале месяца раби' I (т. е. после 19 мая); при этом они просили у хана военной помощи для дальнейшей борьбы с русскими. Хан отправил вместе с киргизскими биями в Арал того же есаулбаши Махмуд-Нияза, дважды ходившего в степь в 1869 г. Согласно полученной им инструкции, есаулбаши составил отряд из каракалпаков, поставил во главе его аталыка Эр-Назара, принадлежавшего к тому же племени, и отправил этот отряд вместе с киргизскими биями в степь для войны с русскими,

---

[44] Лл. 196а — 197а.

[45] Лл. 199а — 201а. В связи с этим автор (лл. 197б — 199б) довольно подробно, но не вполне точно излагает ход событий в Афганистане после смерти Дост-Мухаммеда, окончившихся бегством Абдуррахмана. Между прочим, эмир Шир-Али ошибочно назван младшим братом Дост-Мухаммеда (как известно, Дост-Мухаммед был отцом Шир-Али).

[46] Лл. 205б — 206а.

[47] Очевидно, имеется в виду гибель отряда подполковника Рукина 25 марта 1870 г., хотя это событие произошло не около Оренбурга, а на Мангышлакском полуострове (Терентьев, *История завоевания Средней Азии*, т. II, стр. 69—70).

а сам еще в конце того же месяца раби' I (т. е. до 18 июня) вернулся в Хиву [48].

Больше в книге Агехи нет никаких сведений о русских. Значение надвигавшейся опасности, конечно, сознавали и в Хиве, но об этом автор не сообщает нам никаких сведений. Больше всего места посвящено описанию построек, воздвигавшихся в Хиве в эти годы. Последней из таких построек было здание медресе против ворот арка; окончание этой постройки, начатой еще осенью 1871 г., было отпраздновано в пятницу 15 сентября 1872 г. Хан лично посетил медресе, распределил кельи между муллами и избавил их от всяких забот о дневном пропитании. На рассказе об этом событии [49] прерывается труд Агехи, очевидно оставшийся неоконченным вследствие завоевания Хивы русскими [50].

---

[48] Лл. 208а — 209а.

[49] Лл. 226а — 227б.

[50] <По словам хивинского историка Баяни, писавшего в 1911—1914 гг., Агехи умер в 1874 г. Рассказ о завоевании русскими войсками Хивинского ханства в 1873 г. имеется в сочинении Баяни *Шаджара-йи хв̄ārазмшāхī;* см. Брегель, *Сочинение Баяни,* стр. 154—155. — *Ю. Б.*>

СУЛТАН СИНДЖАР И ГУЗЫ

(По поводу статьи К. А. Иностранцева)

В дополнение к тем известиям о столкновении между сельджукидским султаном Синджаром и гузами, которые собраны в статье К. А. Иностранцева[1], позволю себе напомнить о существовании еще одного источника — официального документа, упомянутого бар. Розеном в каталоге рукописей учебного отделения восточных языков[2] и изданного (в извлечении) мною[3]. Документ представляет письмо к предводителю гузов от имени хорезмшаха Атсыза; титул и имя лица, к которому обращено письмо: «Славнейший, великий эмир и военачальник Насир ад-дин Абу Шуджа' Дуду, сын Исхака, сына Хизра». Таким образом, уже отец и дед Дуду-бека носили мусульманские имена (может быть, рядом с турецкими), и предположение, что отец предводителя гузов не был мусульманином, по-видимому, должно отпасть.

Документ важен для нас еще в другом отношении. По словам большинства историков[4], в том числе и по рассказу Имад ад-дина Исфаханского, приведенному К. А. Иностранцевым, султан был взят в плен гузами во время поражения при Балхе; только Ибн ал-Асир рядом с версией, сходной с рассказом Имад ад-дина и других, приводит еще другую[5] со ссылкой на какого-то «хорасанского летописца» (بعض مؤرّخي خراسان). По этой второй версии султан тотчас после битвы, проис-

---

[1] <Имеется в виду статья *Коркуд в истории и легенде,* помещенная в том же томе ЗВОРАО непосредственно перед статьей В. В. Бартольда. — *Ю. Б.*>

[2] Rosen, *Les manuscrits persans,* p. 152.

[3] *Туркестан,* ч. I, стр. 28 и сл. <Сборник документов, о котором идет речь, — *'Атабат ал-катаба* Мунтаджаб ад-дина Беди' — издан в 1950 г. Аббасом Икбалем. — *Ю. Б.*>

[4] К числу рассказов, на которые ссылается К. А. Иностранцев, можно еще присоединить прибавление неизвестного автора к *Муджмал* (ср. Бартольд, *Туркестан,* ч. II, стр. 28; <наст. изд., т. I, стр. 73>): بسیار کس‌را از لشکر سلطان بکشتند وسلطان سنجررا بگرفتند وهمچنان با خویشتن می‌آوردند بر آیین سلطنت الا انک خدمتکاران از آن خویش نصب کردند وبمرو آمدند ودست بغارت دادند (Cod. Ancien fonds persan № 62, л. 348).

[5] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, XI, 117 и сл.

шедшей (как и по первой версии) в мухарреме 548 г. х. (март—апрель 1153 г.), еще раз был разбит гузами, в сафаре (апрель — май) бежал в Мерв; при приближении гузов как султан, так и его военачальники покинули столицу; гузы в течение месяца джумада I (июль — август) разграбили Мерв, после этого схватили самого султана, в раджабе (сентябрь — октябрь) снова подошли к Мерву, уже вместе с Синджаром, и подвергли город вторичному разграблению. Несмотря на несогласие этой версии с другими источниками, она все-таки заслуживает внимания как единственный рассказ об этих событиях, принадлежащий жителю области, где они произошли[6], и единственный, в котором точно определяется время не только битвы при Балхе, но и других событий того же года. Одно из этих хронологических указаний (указание на месяц раджаб как на время разграбления Мерва гузами) подтверждается словами другого хорасанца, современника события, Сам'ани[7]. Кроме того, автор письма к Дуду-беку, написанного всего через три года после события, категорически утверждает, что султан во время прибытия гузов в Хорасан находился в Мерве, что, когда оттуда бежали вельможи, султан также мог бы уйти, если бы хотел, так как ему принадлежала вся страна до «крайних пределов Рума», но предпочел «добровольно» отправиться к гузам, так как считал их своею собственностью и в то время вполне доверял им[8]. Несмотря на явное извращение событий, заключающееся в этих словах, они едва ли могли бы быть написаны, если бы Синджар еще около Балха был взят в плен гузами; если события произошли так, как рассказывает хорасанский источник Ибн ал-Асира, то текст письма становится вполне понятным.

По справедливому замечанию К. А. Иностранцева, рассказ Имад ад-дина есть древнейший из дошедших до нас рассказов о событиях 1153 г.; но кроме вопроса о хронологической близости имеет значение также вопрос о близости географической. По биографическим сведениям об Имад ад-дине, собранным издателем его труда, он в эти годы жил в Исфахане; к 548/1153-54 г. относится, по мнению издателя[9], его паломничество в Мекку; восточных областей Персии он не посещал никогда, ни до 1153 г., ни после. При таких условиях рассказ хорасанского летописца, сведения которого в такой степени под-

---

[6] Юсуф ибн Абдаллах Андхуди (о нем см. Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 352; <наст. изд., т. I, стр. 392, прим. 4>), живший в эти годы в Шабуркане, Балхе и Андхуде, упоминает только о битве, которую относит к 1 мухаррема 548 г. х. (در غرهٔ محرم الحرام سنهٔ ثمان واربعین وخمسمایه), т. е. к 29 марта 1153 г. (см. Мусеви, рук. Брит. муз., л. 162а).

[7] Рук. Аз. муз., л. 31а; текст уже был приведен мною в статье о Мерве (*К истории Мерва*, стр. 123).

[8] Ср. изложение этого места в моей книге *Туркестан*, ч. II, стр. 354; <наст. изд., т. I, стр. 394>.

[9] Бундари, изд. Хаутсма, стр. XXXIII.

тверждаются текстом официального документа и который также мог быть современником события [10], заслуживает, по-видимому, предпочтения.

О легендарном Коркуде могу присоединить к до сих пор известному материалу еще следующий отрывок из турецкого перевода *Нафаҳāт ал-унс* Джами [11], любезно сообщенный мне А. Н. Самойловичем: قورقوت اتا علیه الرحمه ترکی اولوسی اراسیدا شهرتی اندین ارتوغراق دور که شهرتغه احتیاجی بولغای مشهور موندای دور که نجه یل اوزیدین بورونقی‌نی نجه یيل اوزیدین سونکقی‌نی کلورنی دیب دور که کوب موعظه‌آمیز مغزلیق سوزلار ارادا بار «Коркуд-Ата (да помилует его бог). Среди турецкого народа он слишком известен, чтобы нуждаться в еще [большей] известности. [О нем] известно то, что он говорил о том, что случилось за несколько лет до него, и о том, что случится через несколько лет после него; среди [народа] распространено [об этом] много поучительных и остроумных изречений».

---

[10] Возможно, что имеется в виду Абу-л-Хасан Бейхаки, автор книги *Машāриб ат-таджāриб* (см. Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 32; <наст. изд., т. I, стр. 78>), на которую Ибн ал-Асир ссылается в другом месте (изд. Торнберга, XI, 249). Автор уже ссылается на этот труд в своем другом сочинении («История Бейхака»), оконченном 4 шавваля 563/12 июля 1168 г., следовательно, написал его раньше. В «Истории Бейхака» говорится, что автор довел книгу *Машāриб ат-таджāриб* до своего времени (рук. Брит. муз., л. 12а: الى يومنا هذا) и что в ней подробно говорилось о двадцатилетнем везирстве Насир ад-дина Тахира (там же, л. 42б). О том же лице кратко упоминает Имад ад-дин (Бундари, изд. Хаутсма, 271), по которому Тахир был назначен везиром в месяце джумада I 528 г. х. (февраль — март 1134 г.) и оставался в должности до своей смерти, последовавшей в месяце зу-л-хиджжа 548 г. х. (февраль — март 1154 г.), «после прибытия гузов». Из этого, кажется, можно заключить, что Бейхаки написал свой труд после 1154 и до 1168 г., хотя Ибн ал-Асир говорит со ссылкой на этот труд и о более поздних событиях. Хорасанский источник Ибн ал-Асира остался неизвестен историку Джузджани, который имел о событиях 1153 г. только самые краткие и очень неточные сведения; по его словам, султан пробыл в плену «около года, немного больше или меньше» (Джузджани, пер. Раверти, I, 156).

[11] نفحات ترکی < = *Наса'им ал-муҳаббат*>, рук. Аз. муз. из коллекции Петровского (временный № — Петр. 85) < = рук. Аз. муз. 580е (С 509), л. 347а>. Перевод исполнен в 901/1495-96 г. знаменитым Мир Али-Широм Неваи под заглавием نسايم المحبّت من شمايم الفتوّت.

К ВОПРОСУ О ЧИНГИЗИДАХ-ХРИСТИАНАХ

Статью по этому вопросу, напечатанную мною в VI томе «Записок»[1], необходимо дополнить следующими данными:

1) О принятии христианства Сартаком говорит не только Джузджани, но и современник его Джувейни[2].

2) Слова Шереф ад-дина Йезди относятся к императору Хайсану (1307—1311), племяннику и преемнику Тэмура. Первоисточник этого известия — *Та'рӣх-и гузӣде* Хамдаллаха Казвини[3], где о преемниках Хубилая в Китае говорится: بعد ازو نبیرهاش تمور قاان بن جیم کیم بن قبلا قاان بادشاه شد پس او[4] عمزادهاش آنده[5] بن منقلا[6] بن قبلاء قاان بادشاه کشت ودران ملک اظهار مسلمانی کرد واکثر مغول بسبب او در اسلام آمدند بعد ازو قیسان بن ترمبلا[7] بن جیم کیم بن قبلا قاان بادشاه شد دین نصاری اختیار کرد باز دین اسلام در عهد او رواجی نداشت پس ازو برادرش بویانتو[8] بادشاه بود دین اسلام ورزید «После него (Хубилая) его внук Тэмур-каан, сын Чимкима, сына Хубилай-каана, сделался царем; после него его двоюродный брат Ананда, сын Мангалая, сына Хубилай-каана, сделался царем; он в том царстве объявил себя мусульманином, большинство монголов благодаря ему приняло ислам. После него Хайсан, сын Тармабалы, сына Чимкима, сделался царем; он выбрал веру христиан; снова вера ислама в его время не пользовалась уважением. После него его брат Буянту был царем; он придерживался веры ислама».

Из этого видно, что Хамдаллах Казвини о событиях в Китае имел гораздо менее точные сведения, чем, например, Вассаф[9]. Царевич

---

[1] <См. выше, стр. 263.>

[2] Изд. Казвини, I, 223: سرتاق متقلّد مذهب نصاری بود .

[3] Изд. Броуна (G), 579. Более удовлетворительный текст в рукописи СПб. университета № 153 (U), стр. 321.

[4] Sic U; G بعد از ان .

[5] GU آنیده .

[6] G منغلای .

[7] B G текст искажен.

[8] G توباتو; U بوتاسو .

[9] Вассаф, бомбейское изд., 498—505. Ср. d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. II, p. 525 sq.

утверждаются текстом официального документа и который также мог быть современником события [10], заслуживает, по-видимому, предпочтения.

О легендарном Коркуде могу присоединить к до сих пор известному материалу еще следующий отрывок из турецкого перевода *Нафаҳāт ал-унс* Джами [11], любезно сообщенный мне А. Н. Самойловичем: قورقوت اتا علیه الرحمه ترکی اولوسی اراسیدا شهرتی اندین ارتوغراق دور که شهرتغه احتیاجی بولغای مشهور موندغ دور که نجه یيل اوزیدین بورونقی‌نی نجه یيل اوزیدین سونکقی‌نی کلورنی دیب دور که کوب موعظه‌آمیز مغزلیق سوزلار ارادا بار «Коркуд-Ата (да помилует его бог). Среди турецкого народа он слишком известен, чтобы нуждаться в еще [большей] известности. [О нем] известно то, что он говорил о том, что случилось за несколько лет до него, и о том, что случится через несколько лет после него; среди [народа] распространено [об этом] много поучительных и остроумных изречений».

---

[10] Возможно, что имеется в виду Абу-л-Хасан Бейхаки, автор книги *Машāриб ат-таджāриб* (см. Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 32; <наст. изд., т. I, стр. 78>), на которую Ибн ал-Асир ссылается в другом месте (изд. Торнберга, XI, 249). Автор уже ссылается на этот труд в своем другом сочинении («История Бейхака»), оконченном 4 шавваля 563/12 июля 1168 г., следовательно, написал его раньше. В «Истории Бейхака» говорится, что автор довел книгу *Машāриб ат-таджāриб* до своего времени (рук. Брит. муз., л. 12а: الى يومنا هذا) и что в ней подробно говорилось о двадцатилетнем везирстве Насир ад-дина Тахира (там же, л. 42б). О том же лице кратко упоминает Имад ад-дин (Бундари, изд. Хаутсма, 271), по которому Тахир был назначен везиром в месяце джумада I 528 г. х. (февраль — март 1134 г.) и оставался в должности до своей смерти, последовавшей в месяце зу-л-хиджжа 548 г. х. (февраль — март 1154 г.), «после прибытия гузов». Из этого, кажется, можно заключить, что Бейхаки написал свой труд после 1154 и до 1168 г., хотя Ибн ал-Асир говорит со ссылкой на этот труд и о более поздних событиях. Хорасанский источник Ибн ал-Асира остался неизвестен историку Джузджани, который имел о событиях 1153 г. только самые краткие и очень неточные сведения; по его словам, султан пробыл в плену «около года, немного больше или меньше» (Джузджани, пер. Раверти, I, 156).

[11] نفحات ترکی < = *Насā'им ал-муҳаббат*>, рук. Аз. муз. из коллекции Петровского (временный № — Петр. 85) < = рук. Аз. муз. 580е (С 509), л. 347а>. Перевод исполнен в 901/1495-96 г. знаменитым Мир Али-Широм Неваи под заглавием نسایم المحبّت من شمایم الفتوّت.

К ВОПРОСУ О ЧИНГИЗИДАХ-ХРИСТИАНАХ

Статью по этому вопросу, напечатанную мною в VI томе «Записок»[1], необходимо дополнить следующими данными:

1) О принятии христианства Сартаком говорит не только Джузджани, но и современник его Джувейни[2].

2) Слова Шереф ад-дина Йезди относятся к императору Хайсану (1307—1311), племяннику и преемнику Тэмура. Первоисточник этого известия — *Та'рӣх-и гузӣде* Хамдаллаха Казвини[3], где о преемниках Хубилая в Китае говорится: بعد ازو نبیرهاش تمور قاان بن جیم‌کیم بن قبلا قاان بادشاه شد پس او[4] عم‌زادهاش آننده[5] بن منقلا[6] بن قبلاء قاان بادشاه کشت ودران ملک اظهار مسلمانی کرد واکثر مغول بسبب او در اسلام آمدند بعد ازو قیسان بن ترمبلا[7] بن جیم‌کیم بن قبلا قاان بادشاه شد دین نصاری اختیار کرد باز دین اسلام در عهد او رواجی نداشت پس ازو برادرش بویانتو[8] بادشاه بود دین اسلام ورزید «После него (Хубилая) его внук Тэмур-каан, сын Чимкима, сына Хубилай-каана, сделался царем; после него его двоюродный брат Ананда, сын Мангалая, сына Хубилай-каана, сделался царем; он в том царстве объявил себя мусульманином, большинство монголов благодаря ему приняло ислам. После него Хайсан, сын Тармабалы, сына Чимкима, сделался царем; он выбрал веру христиан; снова вера ислама в его время не пользовалась уважением. После него его брат Буянту был царем; он придерживался веры ислама».

Из этого видно, что Хамдаллах Казвини о событиях в Китае имел гораздо менее точные сведения, чем, например, Вассаф[9]. Царевич

---

[1] <См. выше, стр. 263.>

[2] Изд. Казвини, I, 223: سرتاق متقلّد مذهب نصاری بود .

[3] Изд. Броуна (G), 579. Более удовлетворительный текст в рукописи СПб. университета № 153 (U), стр. 321.

[4] Sic U; G بعد از ان .

[5] GU آنیده .

[6] G منغلای .

[7] B G текст искажен.

[8] G توباتو; U بوتاسو .

[9] Вассаф, бомбейское изд., 498—505. Ср. d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. II, p. 525 sq.

Ананда, принявший ислам (несмотря на свое буддийское имя) и содействовавший его распространению в своем уделе [10] (в Тангуте), не правил в Китае; после смерти Тэмура образовалась партия, хотевшая возвести его на престол, но партия другого претендента, Хайсана, одержала верх, и Ананда за свое честолюбие поплатился жизнью. Вполне естественно, что Хайсан к представителям других религий [11], в том числе и к христианам, относился лучше, чем к мусульманам; но христианином он не был; о таком торжестве христианства не могли бы умолчать католические миссионеры. О Буянту (1311—1320) известно, что при нем подверглись казни или опале министры его предшественника и что он в начале своего царствования отправил посольство в Персию [12] (при Хайсане такого посольства не было); этим подтверждается, что положение мусульман при нем было лучше, чем при Хайсане.

---

[10] Об этом подробно у Рашид ад-дина (изд. Блоше, 595—603). Ср. d'Ohsson, *Histoire des Mongols,* t. II, p. 532 и мою статью *Ответ Г. Е. Груму-Гржимайло,* стр. 703.

[11] При нем были переведены на монгольский язык одно сочинение Конфуция и несколько буддийских сочинений (d'Ohsson, *Histoire des Mongols,* t. II, p. 533). Однако и при нем, по словам Вассафа (бомбейское изд., 502), один из чэнсянов был мусульманин.

[12] По Вассафу (бомбейское изд., 502 и 504), Хайсан умер 15 рамазана 710 г. х. (5 февраля 1311 г.); посольство его преемника прибыло в Багдад в рамазане 711 г. х. (январь—февраль 1312 г.). Ср. d'Ohsson, *Histoire de Mongols,* t. II, p. 535.

С. В. Жуковский, Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие

Петроград, 1915 (Труды Общества русских ориенталистов. № 2). XII, 215 стр. 8°

Новое издание «Общества русских ориенталистов» заключает в себе подробный обзор сношений России с Бухарой и Хивой с половины XVI в.[1], когда начались эти сношения, до подчинения обоих ханств русской власти в 1868 и 1873 гг. В предисловии автор упоминает о «весьма полезных указаниях», полученных им от его учителя Н. И. Веселовского, и о содействии некоторых других лиц, в том числе и его «ближайшего начальства по службе». Кроме печатных книг (перечисляемых на стр. IX—XII) он мог пользоваться также «секретными делами и документами архива министерства иностранных дел»; во время составления и печатания книги он, кроме того, ознакомился с некоторыми делами московского главного архива, но, «по чисто техническим соображениям», не внес извлеченных из этих рукописей данных в свою книгу[2]. Почти столь же мало использованы в настоящей книге петроградские рукописи; только в кратких словах упоминаются «представляющий известный интерес рукописный сборник» под заглавием «Выписки и примечания о народах, обитающих в Средней Азии» (стр. 66) и «довольно интересные записки Виткевича о его пребывании в Бухаре» (стр. 109). Нет даже признаков непосредственного пользования такими общедоступными сборниками документов, как «Полное собрание законов», «Акты исторические, собранные и изданные Археографическою Комиссиею»[3], «Письма и бумаги императора Петра Великого» и т. п. Книга, таким образом, имеет чисто компилятивный характер; как во всех компиляциях этого типа, текст чужих книг иног-

---

[1] Упоминание в заглавии о «трехсотлетии» объясняется тем, что составление книги приурочено к юбилею 1913 г.

[2] О дальнейшей судьбе этого материала говорится только, что автор «не теряет надежды» опубликовать его в будущем. К этой надежде, конечно, можно только присоединиться.

[3] Из этого сборника автор мог бы извлечь много интересных данных, относящихся к предмету его труда (можно указать, напр., на документ 1646 г., т. IV, стр. 42—44, «о бывших в Астрахани персидских, бухарских и ургенчских послах и гонцах»).

да не столько пересказывается, сколько переписывается, с ссылкой на источник, но без кавычек. Тем не менее в книге С. В. Жуковского, как во всякой тщательно составленной компиляции, исправлены некоторые недосмотры и ошибки прежних исследователей[4], и потому книга не лишена некоторого научного значения.

Труд С. В. Жуковского принес бы, однако, еще больше пользы, если бы автор обнаружил в нем несколько меньше пристрастия к старой литературе и несколько больше знакомства с новейшими работами. В списке «библиографии и источников» упомянуты, между прочим, даже старые газетные статьи, в том числе безграмотная, судя по заглавию, статья «Тегари-Шахрухие» («Туркестанские ведомости», 1876 г.); между тем, оставлены без внимания такие статьи, как статья В. В. «Из области истории», в той же газете за 1899 г., № 32[5]. Из этой работы автор мог бы извлечь несколько поправок к списку бухарских и хивинских правителей, перепечатанному им (стр. 200—202), в данном месте даже без ссылки на источник, из вышедшего в том же 1899 г. перевода книги Лэн-Пуля «Мусульманские династии». Более правильные даты, чем в этом списке, автор мог бы найти и в некоторых работах пишущего эти строки, вышедших в свет после 1899 г.[6]. Не говорим уже о том, что воцарение, низложение или смерть правителя, официально считавшегося главой династии, не всегда обозначали собой перемену в действительном политическом положении; так, Пир-Мухаммед никогда не «правил Бухарою» (стр. 3, прим. 2), а Абдулла господствовал в Бухаре не только с 1583 г., когда он «сменил Искендера» (стр. 10, прим. 4), но уже с 1557 г. Недостаточное знакомство с литературой по Средней Азии отразилось как на общем представлении автора о прошлом страны[7] и письменных памятниках этого прошлого[8],

---

[4] Сюда принадлежат также некоторые из ошибок, вкравшихся в печатный университетский курс пишущего эти строки (*История изучения Востока*, изд. 1-е).

[5] Ср. также мой ответ на эту статью в № 42 той же газеты за тот же год.

[6] *Bukhārā* (EI, I, S. 809 sq.); *События перед хивинским походом;* <см. выше, стр. 400 и сл.>; *Орошение.*

[7] По мнению автора (стр. 2), сношения Европы с Азией были «прерваны монголами»; торговый путь через Азию в Индию был «оставлен после погромов Тамерлана». Известно, что именно при монголах сухопутные сношения Европы с Азией получили такое развитие, какого никогда не достигали ни раньше, ни после (ср. об этом: Бартольд, *О христианстве в Туркестане*, стр. 30; <см. выше, стр. 298>; его же, *Сведения об Аральском море*, стр. 55 и сл.; его же, *История изучения Востока*, стр. 68 и сл.) О торговом значении Самарканда в 1404 г. (следовательно, после погромов Тамерлана) ср. данные, приведенные у Клавихо (изд. Срезневского, 329), где сказано, что товары привозились в Самарканд как из России, так и из Индии, из чего видно, что «торговый путь через Среднюю Азию в Индию» существовал.

[8] Автор уверяет (стр. V), что «нет даже никаких указаний» на существование «в туземных литературах (бухарской и хивинской)» данных о сношениях с Россией; между тем в тексте книги в трех местах (стр. 10, 19 и 56) упоминаются такие данные, извлеченные из одного бухарского сочинения и двух хивинских и вошедшие в мой

так и на некоторых частностях[9]. Встречаются места, где автором, очевидно, неверно было понято указание Н. И. Веселовского[10]. Несмотря на стремление автора к полноте, в его книге не упомянуты некоторые факты из истории сношений между Россией и ханствами, о которых уже была речь в русской литературе. Так, автору, по-видимому, осталось неизвестным, что в Ургенче был русский посол в 1592 г.[11]. Следовало бы упомянуть также о Михаиле Тихонове и Алексее Бухарове, бывших в Ургенче в 1614 г.[12]. Посольство было отправлено в Персию и было в Средней Азии только проездом, но его принял в Ургенче хан Араб-Мухаммед; для автора оно, кроме этого, представляло бы интерес как первое посольство на Восток при доме Романовых и первое путешествие русских людей через Среднюю Азию, описание которого дошло до нас.

В заключение автор посвящает несколько страниц (168—172) политике России по отношению к ханствам после их покорения. Официальному оптимизму, которым проникнуты эти страницы, можно противопоставить мнение едва ли не всех независимых русских исследователей, в том числе и учителя автора, проф. Н. И. Веселовского[13]. Интересен, однако, приведенный в приложениях (стр. 175—199) текст некоторых договоров России с ханствами от 1868 до 1913 г. (последний документ касается соглашения по вопросу о железной дороге Каган — Термез).

университетский курс. Более подробные данные из хивинской истории сообщены мною в «Кауфманском сборнике» <*События перед хивинским походом*>. Хивинская история, которую я надеюсь в близком будущем издать полностью, заключает в себе еще много других интересных данных по тому же вопросу. <В. В. Бартольдом был подготовлен к изданию текст сочинения Мунис*а Фирдаус ал-икбал*, однако он не увидел света; рукопись хранится в архиве Бартольда (Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, № 179).— *Ю. Б.*>

[9] Автору, как показывают высказанные им на стр. 3 предположения, остались неизвестными слова Дженкинсона, что послы из Бухары, Балха и Хорезма, отправлявшиеся с ним в Москву в 1559 г., ехали туда с большим страхом, так как перед этим долго не было посольств из «Тартарии» в Россию. На этом и было основано мое предположение, что русские сведения о посольстве 1557 г. заключают в себе хронологическую неточность, так как речь может идти только о посольстве, прибывшем с Дженкинсоном (*Сведения об Аральском море*, стр. 103 и сл., 115). Само собою разумеется, что действия Иоанна Грозного объясняются не только «желанием угодить англичанам»; царь и его советники могли решить, что желание англичан в этом случае совпадает с выгодами России.

[10] Так, армянином был не Касимов (стр. 35, прим. 1), а Даудов (Марр, *Девятая анийская кампания*, стр. XXIV).

[11] ПДТС, т. I, стр. 162 (слова персидского гонца: «То вам будет самим ведомо от посланника вашего, которой у Юргенского Азима царя»). Было приведено мною в *Сведениях об Аральском море*, стр. 115.

[12] Подробно в ПДТС, т. II, стр. 151 и сл. Ср.: *Сведения об Аральском море*, стр. 116 и сл.; *История изучения Востока*, стр. 155.

[13] ЗВОРАО, т. VIII, стр. 163 и сл.

Если книга С. В. Жуковского, несмотря на все недочеты, все-таки может быть признана полезным приобретением для небогатой русской литературы о Средней Азии, то о приложенной к книге карте, к сожалению, трудно было бы сказать то же самое[14].

[14] Не отмечена даже линия железной дороги; из рек не отмечен Герируд; Чу вытекает из Иссык-Куля; Шахрисябз помещен не к юго-западу, а к юго-востоку от Самарканда; в Фергане, приблизительно на месте Намангана, помещен какой-то второй Маргелан и т. д. и т. д.

О ПОГРЕБЕНИИ ТИМУРА

При издании альбома «Самаркандские мечети»[1] Императорской Археологической комиссией на первую очередь было поставлено издание мавзолея «Гур-Эмир», с гробницами самого Тимура, двух его сыновей, трех внуков и двух представителей мусульманского духовенства[2]. Мавзолею посвящен первый выпуск альбома, до настоящего времени единственный. В предисловии издателем Н. И. Веселовским были высказаны некоторые соображения о постройке здания и его первоначальном назначении; тем же вопросам Н. И. Веселовский еще во время печатания выпуска посвятил два доклада в заседаниях Восточного отделения И. Р. Археологического общества[3]. Взгляды Н. И. Веселовского вызвали возражения в «Справочной книжке Самаркандской области» со стороны одного из лучших местных знатоков истории Средней Азии, В. Л. Вяткина[4]. Дальнейшего обсуждения тех же вопросов в печати, насколько мне известно, не было; не было также попытки собрать и сопоставить между собой *все* известия письменных источников о погребении Тимура и о постройке здания, где теперь помещается его гробница[5].

---

[1] Ср. Бартольд, ЗВОРАО, т. XVIII, стр. 0181 и сл. <Название альбома — «Мечети Самарканда» (см. ниже, библиографию). — *Ю. Б.*>

[2] Имена у В. Л. Вяткина (*Гури-эмир*, стр. 301). В предисловии к альбому имена лиц, похороненных в Гур-эмире, не перечисляются; путешественники сообщали об этом, со слов мулл, крайне обывчивые и разноречивые сведения. Ср. Blochet, *Les inscriptions*, отд. отт., p. 28.

[3] *О надгробии Тимура; О месте погребения Тамерлана.*

[4] *Гури-эмир*, стр. 291 и сл. Ср. Бартольд, ЗВОРАО, т. XVIII, стр. 0189 и сл.

[5] <Новые данные о погребениях Тимура и Тимуридов получены главным образом в результате исследования Гур-эмира и памятников Шахрисябза; они содержатся в следующих работах: Массон, *Результаты;* Семенов, *Надписи*, I—II; его же, *Надпись на надгробии псевдо-Сейид Омара;* Массон, *Третий кусок нефритового намогильника;* Шишкин, *Гури-Эмир;* Герасимов, *Основы*, стр. 151—177; Гулямов, *К вопросу;* Массон — Пугаченкова, *Шахрисябз;* Пугаченкова, *Реконструкция ансамбля Дорус-Сиадат;* Шахурин, *Еще раз о погребении Тимура.* По письменным источникам самому В. В. Бартольду удалось позднее дополнить свою статью сведениями о судьбе нефритового надгробия Тимура (Бартольд, *Новые данные;* см. наст. изд., т. IV. — *Ю. Б.*>

1

Вполне установлен факт, что при жизни Тимура местом погребения его родственников и главных сподвижников был не Самарканд, а родной город[6] Тимура — Кеш, или Шахрисябз. Здесь в 1360 г.[7], по словам Шереф ад-дина Йедзи, был похоронен отец Тимура Тарагай «в куполообразном здании (قبّه), перед (پیش) своим отцом, братом и другими родственниками»[8]. Едва ли этот мавзолей мог отличаться выдающимися размерами или богатством; как признают и историки тимуровской эпохи, ни отец, ни дед Тимура не принимали сколько-нибудь заметного участия даже в жизни своего родного города[9]. Неизвестно даже, был ли дед Тимура мусульманином. Во всяком случае принятие ислама тем родом, из которого вышел Тимур, могло произойти только незадолго до рождения самого Тимура. Тимур родился в 1336 г.; хан Тармаширин, при котором ислам окончательно сделался религией монгольских ханов в Мавераннахре и их подданных, правил с 1326 до 1334 г. Во времена язычества ханов, вероятно также и вельмож, хоронили в труднодоступных местах, и место погребения оставалось тайной если не для всех, то, по крайней мере, для народных масс; мы знаем, однако, примеры, что монгольские ханы после принятия ислама уничтожали тайну, окружавшую могилы их языческих предшественников, и строили над этими могилами мавзолеи мусульманского типа[10]. Такие случаи бывали и в Средней Азии. Хан Кебек (1318—1326) по всем известиям оставался до конца жизни язычником; между тем над его могилой в Карши был построен куполообразный мавзолей[11].

Впоследствии, уже после своего воцарения, Тимур перенес прах своих предков[12] в другое место, у соборной мечети города, где был

---

[6] Тимур родился не в самом городе, но в одном из селений его округа; название селения (خواجه ایلغار) приводится только у Ибн Арабшаха (каирск. изд., 6); <об этом селении см. выше, прим. 18 к стр. 39. — *Ю. Б.*>

[7] В известных мне рукописях [рук. Аз. муз. 568 (*Зафар-нāме* вместе с *Муқаддама*) и с 568 (только *Муқаддама*), рук. Брит. муз. 6538 и 18406 по списку, любезно предоставленному мне проф. Россом] дата 762 г. х. (1360-61 г.), только в ташкентской рукописи № 14[a] <теперь № 1520/I — см. СВР, т. I, стр. 56> над словом اثنی написано, в виде поправки, احدی; дата по циклу (год мыши) соответствует 1360 г.

[8] *Муқаддама-йи Зафар-нāме*, рук. Аз. муз. с 568, л. 115б.

[9] Шереф ад-дин Йезди, II, 730.

[10] Ср. рассказ о персидском ильхане Аргуне, умершем в 1291 г.; d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. IV, p. 58.

[11] *Муқаддама-йи Зафар-нāме*, рук. Аз. муз. с 568, л. 112а: وقبّهٔ بر بالای قبر او بر افراختند .

[12] <Здесь неточность: надо не «своих предков», а «Тарагая», ср. ниже, стр. 426; см. Массон — Пугаченкова, *Шахрисябз*, стр. 94, прим. 142. — *Ю. Б.*>

похоронен шейх Шемс ад-дин Кулаль, или Кулар Фахури [13]. Мюридом этого шейха был еще Тарагай; Тимур также считал шейха своим первым духовным руководителем. Известия письменных источников о шейхе Кулале скудны и не вполне ясны; дошедшие до нас памятники среднеазиатской агиологической литературы почти все бухарского происхождения и сообщают мало сведений о шейхах долины Кашка-Дарьи, несомненно имевших большое влияние на распространение ислама среди потомков монгольских завоевателей. Здесь был дворец Кебек-хана, по которому город Карши получил свое нынешнее название [14]; здесь Ибн Баттута в 1333 г. видел мусульманского хана Тармаширина и его двор [15]; здесь же в 40-х годах XIV в. был дворец последнего из полновластных чагатайских ханов Мавераннахра, Казана [16]. Из слов Ибн Баттуты мы знаем, что зятем Тармаширина был шейх Хасан, несомненно способствовавший обращению хана в мусульманство; но даже в таких памятниках агиологической литературы, как *Рашаḥāт 'айн ал-ḥайāт* Али ибн Хусейна Кашифи и в *Нафаḥāт ал-унс* Джами, нет никаких сведений ни об этом шейхе, ни о властном имаме Хусам ад-дине ал-Яги, от которого Тармаширин покорно выслушивал суровые наставления. Деятельность шейха Шемс ад-дина Кулаля связывается в *Рашаḥāт 'айн ал-ḥайāт* не с Шахрисябзом, а с Карши; из этого города он совершил пешком паломничество в Мекку, сблизился в Ираке с современными ему шейхами, усвоил их обычаи и распространил их в Мавераннахре. В начале его деятельности между ним и Беха ад-дином Накшбендом была вражда, потом прекратившаяся [17]. Учителем как Шемс ад-дина Кулаля, так и Беха ад-дина Накшбенда был сейид Эмир Кулаль; местом рождения и погребения последнего была бухарская деревня Сухари (سوخارى) [18]. Вопреки этому рассказу, Джами в *Нафаḥāт ал-унс* знает только одного сейида Эмир Кулаля и заставляет Беха ад-дина Накшбенда отправляться к нему в Несеф, т. е. Карши [19]. По тому же источнику, Беха ад-дин и впоследствии всегда

---

[13] كلار в конце *Муḳаддама* (во всех списках) и в калькут. изд., II, 594; كلال в калькут. изд., I, 795 и II, 209 и в *Рашаḥāт*, рук. ун-та, л. 26б, где указано значение слова на бухарском наречии — داشكر ('горшечник'); произношение *кулаль* указано в словаре Вуллерса. Прозвание الفاخورى приводит только Ибн Арабшах (каирск. изд., 7 наверху), у которого нет слова كلال. Горшечник по-арабски فخّار; возможно, что прозвание الفاخورى образовано от этого слова.

[14] Дворец был в 2 фарсахах от города (Шереф ад-дин Йезди, I, 111).

[15] Ибн Баттута, III, 28 и сл.

[16] Шереф ад-дин Йезди, I, 259, 443 и 775 (дворец Зенджир-сарай).

[17] *Рашаḥāт*, рук. ун-та, л. 32а.

[18] Там же, л. 26б.

[19] Джами, *Нафаḥāт ал-унс*, калькут. изд., 248.

оказывал особенное внимание ученикам, приходившим к нему в Бухару из местности Нахшеба (т. е. Карши) [20]. Беха ад-дин расходился со своим учителем в вопросе о зикре: подобно Юсуфу Хамадани и его школе [21], Беха ад-дин признавал только тайный зикр и отвергал как громкий зикр, так и музыкальные радения (سماع) [22].

При таких условиях может быть поставлен вопрос, не являются ли, вопреки Али ибн Хусейну Кашифи, сеид Эмир Кулаль и Шемс ад-дин Кулаль одним и тем же лицом, умершим 8 джумада I 772/28 ноября 1370 г. [23]; для разрешения этого вопроса было бы необходимо сопоставление *всех* агиологических источников, из которых мне в настоящее время доступны только некоторые [24]. Слова Кашифи о влиянии на шейха Шемс ад-дина иракских шейхов подтверждаются словами Шереф ад-дина, что шейх принадлежал к школе Шихаб ад-дина Сухраверди [25]. С запада же им, вероятно, были принесены обычаи, не одобрявшиеся в Бухаре. Таким же образом хорезмийский шейх Неджм ад-дин Кубра во время путешествия на запад сделался последователем местных шейхов и перенес к себе на родину их учение, в том числе и музыкальные радения, которые прежде ненавидел [26].

Рядом с мазаром шейха Шемс ад-дина Тимур в 775/1373-74 г. воздвиг новую куполообразную постройку и перенес туда тело Тарагая (о перенесении праха его отца и брата не говорится) [27]. Там же в 1376 г. был похоронен старший сын Тимура Джехангир, причем для

---

[20] Там же, 246.

[21] Ср. текст *Кандиш* в моем труде *Туркестан*, ч. I, стр. 51.

[22] Слова Джами в *Нафаҳāт ал-унс* (калькут. изд., 248): از ایشان پرسیدند که در طریقهٔ شما ذکر جهر وخلوت وسماع می‌باشد فرمودند نمی‌باشد.

[23] Дату приводит В. Л. Вяткин (Абу Тахир-ходжа, пер. Вяткина, 253) без ссылки на источник.

[24] О путешествиях Беха ад-дина к сеиду Кулалю в Несеф (Карши) говорится также в биографии Беха ад-дина (автор — ходжа Салах ибн Мубарек, ср. статьи А. А. Семенова *Бухарский шейх*, стр. 204, прим. 1 и *Рассказ шугнанских исмаилитов*, стр. 322, прим. 3), изданной в 1901 г. в Казани в арабском переводе (*Маḳāмāт ҳоджа Бехā ад-дин*, 21 и 24). <Жизнеописанию Эмир Кулаля посвящено сочинение *Маḳāмāт Эмīр Кулāль* (о нем см.: Семенов, *Надпись на надгробии псевдо-Сеид Омара*, стр. 25; СВР, т. III, стр. 230; Миклухо-Маклай, *Описание*, вып. 2, стр. 99—102), известное также под названием *Манāḳиб Эмīр Кулāль* (см. СВР, т. III, стр. 229). Некоторые дополнительные соображения об идентичности сеида Эмир Кулаля и Шемс ад-дина Кулаля высказал М. Е. Массон (Массон — Пугаченкова, *Шахрисябз*, стр, 52—53 и 94, прим. 139). — *Ю. Б.*>

[25] *Муḳаддама-йи Ẓафар-нāме*, рук. Аз. муз. с 568, л. 115б. О двух шейхах этого имени ср. Brockelmann, GAL, Bd I, S. 437, 440.

[26] Джами, *Нафаҳāт ал-унс*, калькут. изд., 272 и сл.; о سماع в обители Неджм ад-дина — стр. 276. Теперь дервиши ордена кубреви (основанного Неджм ад-дином), подобно накшбендиям, придерживаются тайного зикра; ср. Смирнов, *Дервишизм*, стр. 20.

[27] *Муḳаддама-йи Ẓафар-нāме*, рук. Аз. муз. с 568, л. 115б.

этого было построено новое «высокое здание»[28]; в 1389 г. в Кеше была похоронена мачеха Тимура Кадак-хатун[29]; в 1394 г. туда же было перенесено из Шираза тело убитого при осаде одной курдской крепости второго сына Тимура, Омар-шейха. По этому случаю Шереф ад-дин дает несколько более подробное описание кладбища[30]. В сторону киблы, т. е. к юго-западу от мазара шейха, находился мавзолей Тарагая, справа и слева от него — гробницы Джехангира и других царевичей; там же заранее определили для себя место погребения многие из сподвижников Тимура, в том числе один из главных военачальников, Акбуга. Каждый заботился о том, чтобы его тело, где бы он ни умер, было привезено сюда; заранее строились усыпальницы; место, отведенное каждому на кладбище, обозначалось тем же военным термином (بورچل), как место отряда или отдельного воина во время битвы[31].

Испанский посол Клавихо, проезжавший там в конце августа 1404 г., видел в Кеше (Шахрисябзе) большую «мечеть» (mezquita), построенную Тимуром и еще не оконченную; в ней была особая «большая часовня» (capilla), где был похоронен отец Тимура, и другая часовня, «очень большая», которую Тимур строил для себя, желая быть там похороненным. Тимур проезжал там (при возвращении в Самарканд из похода на запад) за месяц до Клавихо[32] и велел переделать дверь (puerta), показавшуюся ему слишком низкой; над этим еще работали при Клавихо. В той же «мечети» был похоронен старший сын Тимура Джехангир; и мечеть, и часовни были «очень богаты и великолепно отделаны золотом, лазурью и изразцами»; вокруг мечети был «большой двор с деревьями и водоемами». Каждый день по приказанию Тимура посылали туда «двадцать вареных баранов в память душ его отца и сына»[33]. В этой же «мечети» угощали испанских послов в день их приезда.

В настоящее время от всего этого, по словам кн. Масальского[34], осталось «несколько полуразрушенных мавзолеев, украшенных кое-где разноцветными изразцами и надписями». Подробных сведений о современном виде мавзолеев мне в литературе не приходилось встре-

---

[28] Шереф ад-дин Йезди, I, 270.

[29] Там же, 490. [30] Там же, 670 и сл.

[31] Ср. примеры употребления слова у Шереф ад-дина Йезди, I, 506—507 (تومان بمورچل خود روان شده), 587 (تومان بمورچل خود بجونغار رفت), (اجازت طلبیده). В словарях Будагова (II, 262) и В. В. Радлова (IV, 2195—2196) значение слова определено не вполне точно.

[32] По Шереф ад-дину Йезди, I, 592—596, Тимур в среду 1 мухаррема 807 г. х. (9 июля 1404 г.) выехал из Нишапура и еще в том же мухарреме (до 9 августа) прибыл в Самарканд; в Шахрисябзе он посетил мазар шейха Шемс ад-дина и могилы своих родных.

[33] Клавихо, изд. Срезневского, 233 и сл. <Новое издание дневника путешествия Клавихо осуществил в 1943 г. Ф. Лопес Эстрада. — *Ю. Б.*>

[34] *Туркестанский край*, стр. 681.

чать; сравнительно подробнее всего описывает эти постройки А. Л. Кун, видевший их в 1870 г. Из его описания [35] видно, что небольшой мавзолей над могилой Шемс ад-дина до сих пор сохранил имя похороненного в нем шейха и называется «Маркад-и шейх Шемс ад-дин»; находящийся рядом с ним мавзолей Тарагая называется теперь «куполом сейидов» (Гумбез-и Сейидан); в нем четыре надгробия, из них три надгробия сейидов, с надписями (А. Л. Кун их не приводит) [36]; четвертое надпробие надписи не имеет, но в народе сохранилось предание, что здесь похоронен отец Тимура. Здание отделено двором от другой постройки, примыкающей ко двору с западной стороны и носящей название Кёк-гумбез ('Синий купол'); в западной стене находится михраб; на восточной сохранилась надпись, где будто бы сказано, что здание построено Шахрухом в 839 г. х. (1435 г.) — известие, нуждающееся в проверке; судя по дошедшим до нас историческим данным, Шахрух никогда не владел Шахрисябзом и не воздвигал там построек [37]. К западу от здания Кёк-гумбез, через улицу, находится еще здание Хазрет-Имам, построенное, по словам одних, Тимуром, по словам других — легендарным Кызыл-Арслан-ханом.

Ни письменные источники, ни предания, ни вещественные остатки не дают нам ответа на вопрос, были ли похоронены Джехангир, Омар-шейх и впоследствии Мираншах (о нем см. далее) в одном здании или для каждого был выстроен особый мавзолей; но вообще описание кладбища ясно показывает, что здесь, как на кладбище Шах-и зинде в Самарканде, преобладала система отдельных небольших мавзолеев, а не система устройства обширных родовых усыпальниц. В таком же мавзолее, окруженный своими родственниками и боевыми товарищами, должен был покоиться Тимур [38]; но судьба определила иначе.

Сосредоточение в одном месте гробниц всех членов правящего рода затруднялось строительной деятельностью отдельных жен, по-

---

[35] Кун, *Очерки Шагрисебзского бекства*, стр. 226 и сл.

[36] Приводятся только имена сейидов и даты смерти двоих из них: 859 (1454-55) и 950 (1543-44) гг.

[37] Здание внутри пустое; по преданию, оно было некогда соборной мечетью, но для этого площадь здания (квадрат, длина каждой стороны — 12 шагов) слишком незначительна.

[38] <Благодаря исследованиям М. Е. Массона и Г. А. Пугаченковой, изучавшим памятники Шахрисябза в 1942 г., в изложенные здесь В. В. Бартольдом сведения должны быть внесены весьма существенные поправки. Погребение Тарагая находится не в «мечети», а в мавзолее или в гурхане в медресе Дар ат-тилават. К востоку от медресе находится архитектурный комплекс Дар ар-сийадат, в состав которого входит мавзолей Джехангира (называемый сейчас Хазрет-и Имам); в центральной части этой усыпальницы (именно ее Клавихо назвал «мечетью») находится погребение Омар-шейха, а рядом с мавзолеем Джехангира — склеп, который был предназначен для погребения самого Тимура. Таким образом, в Шахрисябзе для Тимура и его потомков была сооружена большая усыпальница. Что касается здания рядом с медресе Дар ат-тилават,

томков и родственников Тимура; по мусульманскому обычаю, постройки, воздвигавшиеся с благочестивой целью, служили в то же время местом погребения для их строителей, хотя последние обыкновенно хоронились не в самых зданиях, но рядом с ними, в особых пристройках или мавзолеях. Помимо Шахрисябза, местом усиленной строительной деятельности самого Тимура, его родных и сподвижников была столица империи, Самарканд [39]. К сожалению, письменные известия об этих постройках довольно скудны; вещественные остатки также еще не были предметом научного изучения; сверх того, как мы увидим, остаются невыясненными многие вопросы, касающиеся мусульманского религиозного культа и мусульманской архитектуры в Средней Азии; недостаточно объяснено даже значение архитектурных терминов, постоянно встречающихся в письменных источниках.

Из зданий, имевших значение для религиозного культа, в мусульманском мире издавна, кроме мест молитвы — мечетей, строились *ханкахи* [40], или, по современному среднеазиатскому произношению, *ханаки*, — обители суфиев, или дервишей, — и *медресе* — закрытые учебные заведения для изучавших богословские науки. История обоих учреждений тесно связана, конечно, с историей мусульманского отшельничества, с одной стороны, и мусульманской богословской науки — с другой. Между монастырем и высшей духовной школой в мусульманском мире, по характеру религии, не могло быть такой тесной и продолжительной связи, как в христианском; но и в мусульманском мире принципиальное различие между ними не всегда сознавалось так отчетливо, как впоследствии. В рассказе Макдиси (конец X в.) о распространении в Хорасане пуританской секты керрамийцев обители сектантов в одной версии труда названы ханаками, в другой — медресе [41]. Подобное смешение терминов мы встречаем и после. По рас-

---

называемого сейчас Гумбез-и Сейидан, то это не мавзолей Тарагая, а усыпальница, построенная в 841/1437-38 г. Улугбеком для своих потомков; здание Кök-гумбез действительно было мечетью, построенной, однако, не Шахрухом, а Улугбеком. См.: Массон — Пугаченкова, *Шахрисябз*, стр. 50—68; Пугаченкова, *Реконструкция ансамбля Дорус-Сиадат*, стр. 60—72; Умняков, *Архитектурные памятники*, стр. 20—21; Гулямов, *К вопросу*, стр. 148, 155. — *Ю. Б.*>

[39] Ср. слова Хафиз-и Абру — Бартольд, *Хафизи-Абру*, стр. 14 и сл. (текст), 16 и сл. (перевод).

[40] Собств., персидское خانکاه: по словарю XVIII в. *Бахар-и 'аджам* (приведено у Вуллерса s. v.) из کاه + خانه: اینمقدار زمین که در آن خانه توان ساخت. Чаще пишется خانقاه, по-арабски также خانقة, мн. ч. خوانق. Определение словаря *Бурхан-и қати'* по Вуллерсу: خانه باشد که درویشان ومشایخ در آن عبادت کنند وسر برند. Определение Сам'ани (изд. Маргулиуса, л. 186): خانقاه وهی بقعة یسکنها اهل الخیر والصوفیّة. В стихах произношение *ханегах*, напр. Бартольд, «Мир ислама», т. I, стр. 105.

[41] Макдиси, 323 (прим. *о* и *р*).

сказу Джувейни, в Бухаре в XIII в. на средства монгольской царицы Сурхуктани-бики[42] (христианки, матери великих ханов Мункэ и Хубилая) было построено медресе, где мударрисом и мутеваллием сделался известный шейх Сейф ад-дин Бахарзи[43]; компилятор XV в. Фасих вместо постройки медресе говорит о постройке ханаки для того же шейха[44]. Даже в биографии главного представителя среднеазиатского дервишизма XV в., ходжи Ахрара, говорится не о «ханаке», а о «медресе» этого шейха[45]. С другой стороны, в источниках встречаются места, где вполне отчетливо проводится разница между целями ханаки и медресе. Так, по рассказу Джами, знаменитый имам Мухаммед Газали, умерший в 505/1111 г., построил в Тусе «ханаку для суфиев и медресе для стремящихся к познанию»[46]. В XV в. Улугбек построил в Самарканде медресе для улемов и напротив него ханаку для шейхов[47].

Для истории обоих учреждений важно установить следующий факт: несмотря на арийское происхождение слова *ханака* (*ханках*) и семитическое происхождение слова *медресе,* распространение ханаки шло в мусульманской Азии с запада на восток, распространение медресе — с востока на запад. Сведения мусульманских источников о древ-

---

[42] E. Blochet (*Introduction,* p. 165), едва ли удачно предполагает произношение Siyourkhokhataïtaï; сириец Бар-Эбрей (ср. текст: Bernstein—Kirsch, *Chrestomathia syriaca,* p. 112), знавший имя этой христианской царицы едва ли только из мусульманских источников и только в арабской транскрипции, пишет Sarkutani (سَرْقُتَنِي). У Березина (Рашид ад-дин, изд. Березина, I, пер., 59 и др., см. указатель) Сурхуктай (ср. попытку этимологического объяснения этого имени на стр. 261, <прим.> к стр. 100) и (там же, II, пер., 108) Сурхуктени. <Ср. также Рашид ад-дин, пер. в изд. ИВАН, I, кн. 2, 72. — *Ю. Б.*>

[43] Об этом кратко говорится в первой части *Та'рӣх-и джахӑнгушӑй* (Джувейни, изд. Казвини, I, 83) и подробнее в неизданной второй части <эта часть издана Казвини в 1916 г.—*Ю. Б.*>; ср. тот же текст у Рашид ад-дина, изд. Блоше, 273 и сл., где مدبّر вм. مدرّس.

[44] Фасих под 649 г. х. (рук. Аз. муз., л. 315б): خانقاه شيخ سيف الدين باخرزى در بخارا او فرمود كه ساختند.

[45] Веселовский, *Памятник Ходжи Ахрара,* стр. 327. Ср. *Рашаҳӑт* о медресе ходжи Ахрара в Самарканде (рук. ун-та, л. 191а) и Ташкенте (там же, л. 199б). <В экземпляре XXIII тома ЗВОРАО, принадлежавшем Бартольду, в этом месте на полях добавлено: «Ср. сведения Ханыкова (Опис. Бух. ханства 85 сл.) о 60 главных бухарских медресе, из них 6 названы ханаками». — *Ю. Б.*>

[46] Джами, *Нафаҳӑт ал-унс,* калькут. изд., 238: از براى صوفيه بناى خانقاهى كرد واز براى طلبهٔ علم بناى مدرسه.

[47] Абд ар-Раззак, рук. ун-та, л. 217б: اعلام علما ونحارير فضلا بتدريس وافادت در مدرسه تعيين نمود وهمچنين در خانقاه مشايخ ومباشران صاحب‌وقوف باز داشت. Самому Тимуру приписывается постройка ханаки в селении Димишк близ Самарканда; здесь в 1392 г. останавливались жены Тимура (Шереф ад-дин Йезди, I, 580); но никаких сведений о характере и назначении здания источник не сообщает.

нейших ханаках ясно указывают на возникновение ханаки под влиянием западного — христианского и манихейского — отшельничества. Джами приводит характерный, хотя исторически, конечно, недостоверный, рассказ о том, как была построена первая ханака. Христианский князь (امیری ترسائی) города Рамлы в Палестине однажды встретил двух людей, которые сидели, обнявшись, и вместе ели, потом разошлись. Тронутый этой картиной, князь велел позвать одного из них, и между ними произошел следующий разговор: «Кто это был?» — «Не знаю». — «Чем он был тебе?» — «Ничем». — «Откуда он был?» — «Не знаю». — «Что же это за дружба между вами?» — «Такое у нас правило». — «Есть ли у вас место, где вы бы могли собираться?»—«Нет».— «Я устрою для вас такое место». Сказав это, князь велел выстроить в Рамле ханаку [48]. Несмотря, однако, на этот рассказ, нам в источниках не приходилось встречать случаев употребления слова *ханака* в смысле 'христианский монастырь', тогда как персидский географ X в. н. э. вполне определенно говорит о «манихейской ханаке» в Самарканде [49].

Медресе как учебное заведение даже в столице мусульманского мира, Багдаде, появляется только во второй половине XI в., благодаря сельджукскому везиру Низам ал-мульку, хотя слова того же корня употреблялись в Аравии для обозначения понятия «научное познание», может быть, еще до Мухаммеда [50]. По рассказу меккского историка XVI в., которым были введены в заблуждение даже современные европейские ученые [51], мера Низам ал-мулька казалась опасным новшеством не только в Багдаде, но и в Мавераннахре; на самом деле в Мавераннахре медресе в это время давно уже не было новостью. Первое по времени событие, в рассказе о котором упоминается о медресе, насколько мне известно,— большой пожар 325/937 г. в Бухаре, во время которого среди других зданий сгорело «медресе Фарджека» [52]. Первое известное медресе, устроенное правительственною властью — медресе газневидского султана Махмуда в Газне, построенное одновременно с соборною мечетью, рядом с нею [53]. Число медресе, по-видимому, было особенно значительно в областях, зависевших от Балха; в одном Хуттале их, по рассказу Бейхаки (XI в.), было более двадцати, рас-

[48] Джами, *Нафахāт ал-унс,* калькут. изд., 22.

[49] Туманский, *Новооткрытый персидский географ,* стр. 123.

[50] Ср. слова Ибн Са'да о наджранском епископе, прибывшем к Мухаммеду: ابو الحرث اسقفهم و برهم وامامهم وصاحب مدراسهم (Wellhausen, *Skizzen und Vorarbeiten,* IV, S. ٧٦; перевод, S. 119: «Abu-l-Harith, ihr Bischof, Rabbiner (sic), Imam, Schulvorsteher»).

[51] Snouck-Hurgronje, *Mekka,* Bd II, S. 228 sq. Текст в издании Вюстенфельда (Wüstenfeld, *Die Chroniken,* Bd III, S. 174).

[52] Нершахи, изд. Шефера, 93 внизу.

[53] Утби — Манини, II, 299 и сл. Из рассказа видно, что все помещения медресе (кроме, вероятно, аудитории) были отведены под библиотеку и наполнены рукописями. Преподаватели, получавшие содержание, не жили в медресе, но только приходили туда

полагавших вакуфами [54]. Как известно, ислам в этих областях застал господство буддизма. На основании всего этого едва ли подлежит сомнению, что образцом для мусульманского медресе послужила буддийская вихара. Примеров употребления слова *медресе* в смысле *вихара* (по-персидски بخار или بهار) или слова بخار или بهار в смысле *медресе* мы не знаем, но вихара и потом казалась мусульманам, в отличие от христианского монастыря, не столько обителью отшельников, сколько «местом собрания науки» (مجمع العلم) [55].

Естественно, что ханаки и медресе строились преимущественно в таких местах, которые еще раньше были предметом культа, как и Низам ал-мульк построил свое медресе в Багдаде рядом с могилой Абу Ханифы [56]. В Самарканде местом культа издавна была могила двоюродного брата пророка, Кусама ибн Аббаса, теперь известного под прозванием *шāх-и зинде* ('живой царь'); здесь было медресе еще в XII в. [57], как впоследствии снова в XIX в. [58]. В XIV в., во время путешествия Ибн Баттуты, медресе в этом месте, по-видимому, не было, но рядом с высоким куполом над гробницей Кусама находилась гостиница (*зāвийа*), т. е., вероятно, ханака; постройка считалась домонгольского происхождения [59]. Недалеко от мавзолея Кусама были похоронены при жизни Тимура его сестры Кутлуг-Туркан<Теркен>-ага (умершая в 1383 г.) и Ширин-бек-ага [60], после его смерти — одна из его вдов, Туман-ага. Последняя еще при жизни Тимура построила здесь ханаку. Тимур в 1399 г. после возвращения из индийского похода сначала поклонился гробнице Кусама, потом прибыл в ханаку Туман-ага [61]; в той же ханаке он принял своего внука Мухаммед-Султана и привезенные

читать лекции. В том же труде (II, 331) упоминается медресе, построенное братом Махмуда, Насром, в Нишапуре.

[54] Бейхаки, изд. Морлея, 248.

[55] Особенно характерны слова Джувейни (изд. Казвини, I, 76): شتقاق بخارا از بخارست که بلغت مغان مجمع علم باشد واین لفظ بلغت بت‌پرستان ایغور وختای نزدیکست که معابد ایشان که موضع بتان است بخار گویند.

[56] Бундари, изд. Хаутсма, 32_{16}.

[57] Сам'ани, изд. Марголиуса. л. 488б; было приведено мною в *Туркестане*, ч. I, стр. 65. Абу Тахир-ходжа, ссылаясь на «Историю Нишапура», называет это медресе постройкой султана Санджара (Абу Тахир-ходжа, изд. Веселовского, 22 внизу и 50_{9}).

[58] Абу Тахир-ходжа, изд. Веселовского, 25_{18}. Об уничтожении здания при русском владычестве — предисл., стр. VII.

[59] Ибн Баттута, III, 52 и сл.

[60] О смерти первой Шереф ад-дин Йезди, I, 355, где говорится о построенных ею مدارس وخوانق, без указания места. О смерти второй в *Зафар-наме* не говорится; дата ее мавзолея — 787/1385-86 г.

[61] Шереф ад-дин Йезди, II, 193; ср. также слова первоисточника: Гияс ад-дин Али, изд. Зимина, 203.

им подарки [62]; во время постройки соборной мечети Тимур, чтобы лучше следить за постройкой, проводил бóльшую часть времени вблизи мечети, в медресе своей старшей жены Сарай-Мульк-ханум, против которого строилась мечеть, или в ханаке Туман-ага [63]. Та же ханака упоминается в рассказе об осаде города в 1454 г.; один из предводителей войска, осаждавшего Самарканд, занял ханаку Туман-ага (очевидно, она находилась вне городских стен) и оттуда производил осадные работы [64].

Из всего этого ясно видно, что под ханакой Туман-ага нельзя понимать только тот небольшой мавзолей, который теперь возвышается над могилой царицы [65]. Мавзолей, по всей вероятности, занимает только небольшую часть площади бывшей ханаки. Этот факт имеет значение для решения вопроса, что́ понимали под ханакой в эпоху Тимура. Как Н. И. Веселовский, так и В. Л. Вяткин полагают, что слово *ханака* в это время уже утратило свое первоначальное значение; по мнению Н. И. Веселовского [66], оно употреблялось в смысле 'усыпальница светского лица' и противополагалось слову *мазар;* по мнению В. Л. Вяткина [67], под ханакой понимали «помещение первоначально в значении монастыря, а в описываемое время в значении помещения для молитвы». Ни то, ни другое мнение не подтверждается свидетельством источников. По моему мнению, приведенные выше слова о постройках Улугбека доказывают, что слово *ханака* употреблялось в XV в. именно в своем первоначальном значении: обитель для суфиев (дервишей) [68]. Ханака могла служить местом погребения светского лица, строителя ханаки, но могла быть также «мазаром», так как в ней хоронились и духовные лица, бывшие настоятели обители. Так, по словам В. Л. Вяткина, «мазар» ходжи Абди-Даруна близ Самарканда является также «ханакой» [69]; ханакой назывался также уничтоженный при русском владычестве мазар святого Нур ад-дина Басира (Кутб-и Чахардахум) в самаркандской цитадели [70]. Прах святого в этом случае находился в особой «пристройке» при главном здании [71], очевидно

[62] Шереф ад-дин Йезди, II, 196.

[63] Там же, 197 наверху; о местоположении медресе против мечети II, 597: ودر مدرسهٔ سرای ملک خانم که در مقابل جامع واقع است نزول فرمود.

[64] Абд ар-Раззак, рук. ун-та, л. 299б.

[65] По мнению В. Л. Вяткина (Абу Тахир-ходжа, пер. Вяткина, 250), «под ханакой здесь, вероятно, разумеется большая мечеть при усыпальнице Туман аки, отделенная от входа в длинный коридор перед мазаром Куссама небольшим коридорчиком».

[66] *Мечети Самарканда,* предисл., стр. V. [67] *Гури-эмир,* стр. 294.

[68] Подобно христианскому монастырю, ханака эпохи Тимуридов была также странноприимным домом. В сборнике документов XV в., сохранившемся в рукописи Брит. муз. № 7731, есть, между прочим, ферман о постройке медресе и ханаки (л. 62а); здесь встречается выражение خانقاه مسافرپناه (л. 62б).

[69] Вяткин, *Материалы,* стр. 81. [70] Там же, стр. 17.

[71] Абу Тахир-ходжа, изд. Веселовского, предисл., стр. VII.

имевшем первоначально иное назначение. В марте 1915 г. Л. А. Зиминым было осмотрено здание Имам-Бахр, близ развалин Дабусии в Бухарском ханстве; в письме исследователя ко мне здание названо «мечетью», в надписях на доставленных мне фотографических снимках — ханакой; слово «имам» показывает, что оно связано с памятью о духовном, а не о светском лице. В труде Джами, между прочим, говорится о «ханаке» одного шейха в Ширазе; в этой ханаке шейх прожил 30 лет и в ней же был похоронен в 473/1080-81 г.[72]. Очевидно, и в этом случае «ханака» была тожественна с «мазаром»[73].

Мазар Нур ад-дина Басира, умершего, по словам его биографа[74], в зу-л-ка'да 646 г. х. (февраль — март 1249 г.), считался постройкой Тимура, хотя об этой постройке, как, впрочем, и о многих других, историки не упоминают. Подобно шахрисябзскому шейху, Нур ад-дин Басир принадлежал к школе Сухраверди[75] и к представителям «громкого» зикра[76]. В Самарканде к почитателям Нур ад-дина Басира принадлежали шейх ал-ислам Абд ал-Мелик[77], потомок автора *Хидāи,* и шейх Бурхан ад-дин Сагарджи; последний умер в Китае, но поручил своему сыну Абу Са'иду отвезти его тело в Самарканд и похоронить его «ниже ног» (پای پایان) Нур ад-дина; сын исполнил волю отца; тело было привезено в Самарканд и похоронено в месте Рухабад, причем оказалось, что это место действительно находилось непосредственно ниже мазара Нур ад-дина[78]. Биограф последнего прибав-

---

[72] Джами, *Нафаḥāт ал-унс,* калькут. изд., 177.

[73] Вопрос о том, какое значение имеет слово *ханака* в настоящее время в Туркестане, еще не вполне выяснен. По словам В. Л. Вяткина (Абу Тахир-ходжа, пер. Вяткина, 246), «теперь большинство ханак обращены в обыкновенные мечети»; то же самое сказано в «Сборнике материалов по мусульманству» (*Краткий обзор,* стр. 25); по другому месту той же книги (стр. 43), ханакой называется мечеть в медресе. Абу Тахир-ходжа упоминает о широкой и высокой «ханаке» с минбаром впереди (или со стороны фасада, در پیشگاه) «медресе», построенного министром Надир-Мухаммедом к северу от «мазара» ходжи Ахрара (Абу Тахир-ходжа, изд. Веселовского, 20 и сл.; пер. Вяткина, 174). <В экз. XXIII тома ЗВОРАО, принадлежавшем Бартольду, в этом месте добавлено: «Ср. еще Проток. XII, 9» (=Маллицкий, *Историко-архитектурное значение*). — *Ю. Б.*>

[74] Об этой биографии (приложенной к *Қандии*) см. Бартольд, ЗВОРАО, т. XVIII, стр. 0187. <См. также: Миклухо-Маклай, *Описание,* вып. 2, стр. 99—100; Тагирджанов, *Описание,* т. 1, стр. 151. — *Ю. Б.*>

[75] Учитель Нур ад-дина шейх Зейн ад-дин Куи-Арифани был сыном (فرزند) Шихаб ад-дина Сухраверди, потомка халифа Абу Бекра (*Рисāла-йи қуṭб-и чахāрдахум,* стр. 178); по Джами (*Нафаḥāт ал-унс,* калькут. изд., 269), потомком Абу Бекра был другой Сухраверди, Зия ад-дин; так же Brockelmann, GAL, Bd I, S. 436. Зейн ад-дин, однако, в то же время был учеником Юсуфа (в тексте по ошибке Абу Юсуф) Хамадани (*Рисāла-йи қуṭб-и чахāрдахум,* стр. 172).

[76] Абу Тахир-ходжа, изд. Веселовского, 29,14.

[77] *Рисāла-йи қуṭб-и чахāрдахум,* стр. 206.

[78] Там же, стр. 208—212.

ляет, что Абу Са'ид, вступивший в родство с «родом автора *Хидāи*», т. е. с семьей самаркандского шейх ал-ислама, сделал почитателем Нур ад-дина самого Тимура[79]. В истории Тимура «шейх-заде Сагарджи», т. е. Абу Са'ид, упоминается в рассказе о событиях 1383 г., когда он вместе с шейх ал-исламом Абд ал-Меликом старался утешить Тимура, слишком предававшегося горю после смерти своей сестры Кутлуг-Туркан[80]. По рассказу Абу Тахир-ходжи, мазар Нур ад-дина сначала находился вне цитадели, на берегу арыка Навадан, и был перенесен в цитадель при Тимуре, по совету шейха Абу Са'ида[81]. О Рухабаде, т. е. мазаре Бурхан ад-дина Сагарджи, говорится, что он находится близ южной стены цитадели; здание также считалось постройкой Тимура[82]. Мазар Рухабад существует и теперь; изучение его производилось в 1908 и 1909 гг. под руководством Н. И. Веселовского на средства Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии[83].

Культом Нур ад-дина Басира и Бурхан ад-дина Сагарджи, вероятно, объясняется, почему именно это место было избрано внуком Тимура, Мухаммед-Султаном, для постройки медресе и ханаки. Источники ничего не говорят о причинах выбора места; Ибн Арабшах только упоминает о том, что медресе находилось «близ известного места Рухабад»[84]. Не определяется также время постройки медресе. Из слов Шереф ад-дина, что здание было в первый раз осмотрено Тимуром после его возвращения в Самарканд в 1404 г.[85], можно заключить, что постройка была закончена уже после выступления Тимура в так называемый «семилетний» поход, т. е. после сентября 1399 г.[86]. Уже весной 1401 г. зданием пользовались для целей преподавания, но не для чтения лекций по наукам, а для обучения Корану «мамлюков» (т. е. воинов) Мухаммед-Султана и сыновей эмиров, т. е. беков; эта обязанность была возложена на ученого чтеца Корана Джемаль ад-дина

---

[79] Там же, о родстве стр. 211, о Тимуре стр. 212.

[80] Шереф ад-дин Йезди, I, 356. В *Рашахāт* (рук. ун-та, л. 127а-б) упоминаются шейх Бурхан ад-дин Абризи, мюрид Баб-Мачина, прибывшего из Мачина (т. е. Южного Китая) в Шаш (область Ташкента), и его внук со стороны матери Абу Са'ид Абризи, современник ходжи Ахрара. Собственные имена этих лиц и упоминание о Китае заставляют предполагать некоторую связь между ними и шейхами Сагарджи.

[81] Абу Тахир-ходжа, изд. Веселовского, 29 и сл.

[82] Там же, 32.

[83] О представлении чертежей см. ИРКСА, сер. II, № 1, стр. 8.

[84] Ибн Арабшах, каирск. изд., 181. <По словам М. Е. Массона, мазар Нур ад-дина Басира находился в 550 *м* к северу от Гур-эмира, мазар Бурхан ад-дина Сагарджи — в 120 *м* к югу от Гур-эмира; все три здания были расположены почти на одной оси (Массон, *Мавзолей Гур-Эмир,* стр. 5—6). — *Ю. Б.*>

[85] Шереф ад-дин Йезди, II, 595: تا غايت كه ساخته بودند عزّ ملاحظهٔ آن حضرت نيافته بود.

[86] Дата выступления по Шереф ад-дину Йезди, II, 209 — среда 8 мухаррема 802 г. х. (10 сентября 1399 г.).

Ахмеда Хорезми, «имама Мухаммед-Султана при его жизни и имама его медресе после его смерти» (впоследствии он был хатибом в Брусе, где умер в 831/1427-28 г.); Ибн Арабшах знал его лично и передает рассказы с его слов[87]. О Мухаммед-Султане Ибн Арабшах говорит еще, что он вообще был покровителем ученых[88], о медресе — что оно было «крепким» зданием (الحصينة)[89].

Выступая в поход в 1399 г., Тимур оставил Мухаммед-Султана правителем Самарканда; в конце марта 1401 г. он из Дамаска вызвал его к себе, решив передать ему престол Хулагу-хана, т. е. управление северо-западными областями Персии[90]. Свидание деда с внуком произошло только зимой, в конце ноября или в начале декабря, в Карабаге[91]. Мухаммед-Султан принял деятельное участие в военных событиях 1402 г. и доходил до западного берега Малой Азии[92], но на обратном пути заболел и умер в понедельник 18 ша'бана 805/12 марта 1403 г. в трех переходах к востоку от Карахисара, 29 лет от роду[93]. Тимур и все его войско горячо оплакивали молодого царевича, считавшегося наследником престола; плач и траур продолжались даже после отправления тела на восток; при выступлении из Акшехира обряд оплакивания совершался утром и вечером; все войско носило одежду черного или синего цвета; нельзя было даже ездить на белых конях; только через несколько дней Тимур, по ходатайству военачальников, велел снять траур.

По приказанию Тимура гроб (تابوت) с телом Мухаммед-Султана был поставлен на носилки (محفّه); отряду в 200 всадников было поручено отвезти его в город Оник[94] (в округе Эрзерума). Там часть отряда должна была переложить тело в новый гроб и отвезти его для временного погребения в окрестности Султании, к мазару пророка Кайдара (قيدار پيغمبر)[95]; другая часть должна была остаться с носилками и заколоченным пустым гробом в Онике[96].

Этот пустой гроб имел значение для поминок, которые Тимур устроил своему внуку после своего прибытия в Оник. Туда же приехали из Султании царица и царевичи; во время печального обряда был принесен пустой гроб, и над ним с рыданием склонилась мать Мухам-

---

[87] Ибн Арабшах, каирск. изд., 239 и сл. [88] Там же, 142.

[89] Там же, 144. [90] Шереф ад-дин Йезди, II, 345.

[91] Там же, 381 и сл.

[92] Ср. там же, 480 о взятии им Фоджи (к северу от Смирны).

[93] Там же, 492. <Такая дата у Шереф ад-дина; однако 18 ша'бана был вторник, соотв. 13 марта. — *Ю. Б.*>

[94] О местоположении города — Якут, *Му'джам*, I, 408.

[95] Об этом мазаре мне не приходилось встречать других известий. < В экз. XXIII тома ЗВОРАО, принадлежавшем Бартольду, в этом месте добавлено: «قيدار ~ قيدر сын Исма'ила, Таб<ари> I, 351 внизу». — *Ю. Б.*>

[96] Шереф ад-дин Йезди, II, 498.

мед-Султана, Суюн-бек, или Суюн-ага, внучка хана Узбека, более известная под своим титулом Ханзаде ('ханская дочь') [97]. Все нужное для траура было приобретено царицами по дороге, в Тебризе; снова все облеклись в траурные одежды, черные и синие. После угощения, раздачи милостыни и выполнения религиозных обрядов сейидами и улемами, прибывшими из Султании, Тебриза, Казвина и других городов, принесли барабан (كوركه) умершего царевича; царицы, беки и воины подняли плач, после чего барабан был разрезан на куски. После окончания обрядов траурная одежда снова была снята [98].

В марте 1404 г., в годовщину смерти царевича, снова были устроены поминки; Тимур находился в то время в Карабаге, недалеко от берега Аракса. Поминки на этот раз состояли только в угощении и выполнении религиозных обрядов. Мать царевича получила позволение отправиться в Султанию, взять оттуда тело сына и отвезти его в Самарканд [99]. По всей вероятности, это было тогда же исполнено. Сам Тимур прибыл в Султанию в четверг 20 шавваля (1 мая), принял там деньги и другие приношения, доставленные сборщиками податей из Гиляна, и уже через два дня отправился дальше в Казвин [100]. Очевидно, гроб с телом в то время уже был увезен из Султании, иначе Тимур наверное посетил бы могилу внука. Ибн Арабшах рассказывает, что по приказанию Тимура все жители Самарканда, богатые и бедные, знатные и незнатные, должны были встретить тело с плачем, в траурной одежде [101].

О погребении Мухаммед-Султана Ибн Арабшах только говорит, что он был похоронен в построенном им медресе. Более подробные сведения дают Шереф ад-дин и Клавихо. Тимур, по рассказу Шереф ад-дина, вернулся в Самарканд в мухарреме 807 г. х. (июль—август 1404 г.) [102], остановился в «саду чинары» в окрестностях города [103] и тотчас совершил поездку в самый город к медресе Мухаммед-Султана, где, очевидно, находилось тело царевича (на это указывает и употребление термина زيارت); где и в какой обстановке оно лежало, неизвестно; к постройке особого мавзолея Тимур приступил только некоторое время спустя, когда окончательно переехал в город и оста-

[97] Дочь Ак-Суфи, брата хорезмийских владетелей Хусейна и Юсуфа (там же, I, 242); выдана за Джехангира в 1374 г. (I, 252); впоследствии была женой другого сына Тимура, Мираншаха (I, 569; II, 205 и сл. и др.). Сыном ее от Мираншаха был Халиль (Клавихо, изд. Срезневского, 281).

[98] Шереф ад-дин Йезди, II, 507—511.

[99] Там же, 565 и сл. По этому рассказу, поминки состоялись после наступления месяца рамазана, т. е. после 13 марта.

[100] Там же, 574. [101] Ибн Арабшах, каирск. изд., 143 и сл.

[102] О следовании Тимура через Шахрисябз в Самарканд ср. выше, стр. 427, прим. 32.

[103] Сад находился к югу от города, недалеко от городской стены (*Бабур-наме*, изд. Бевериджа, л. 46а).

новился в «доме» (خانه) покойного царевича, вероятно находившемся недалеко от медресе. Тогда же было приказано построить рядом с медресе куполообразный надгробный мавзолей; «согласно приказанию перед фасадом площади (در پیشگاه ساحه) ханаки[104], смежно с южной суфой, возвели купол, подобный небу, сложили нижнюю часть стен (ایزاره) из мрамора, украшенного золотом и лазурью, приготовили склеп (سردابه) для погребения, разрушили несколько домов вокруг здания и устроили подобный раю садик»[105]. После этого Шереф ад-дин переходит к рассказу о других постройках и пирах Тимура и до рассказа о смерти и погребении самого Тимура больше не возвращается к мавзолею Мухаммед-Султана.

Из рассказа Клавихо, прибывшего в Самарканд 8 сентября того же года, мы знаем, что Тимур посещал медресе и гробницу внука и позже. В четверг 30 октября в память царевича был устроен «праздник вроде поминок» (fiesta como vegilla); среди приглашенных на этот праздник были и испанские послы; им показали «часовню» (capilla) и «гробницу» (enterramiento), устроенные для внука Тимура. Несколько выше говорится, что Тимур для погребения внука велел построить «дом и мечеть» (casas é mezquita) и что в этом доме остановился сам Тимур, когда прибыл в город из «орды»; дальше говорится о «мечети и гробнице» (mezquita é enterramiento), построенных по приказанию Тимура городским управлением Самарканда. Из всего этого не вполне ясно, понимает ли автор под домом, мечетью, часовней и гробницей четыре различных здания. Описывается только одно здание, которое автор называет часовней и которое, по-видимому, было уже вполне закончено. Здание было четырехугольное, очень высокое, расписанное внутри и снаружи золотом и лазурью и отделанное изразцами и стеклом. Клавихо слышал, что Тимур нашел «часовню», выстроенную городом, слишком низкой и потому велел ее разрушить и вновь выстроить в десять дней, что и было исполнено; Клавихо удивлялся, как такая работа могла быть выполнена в такой короткий срок[106].

По мнению Н. И. Веселовского[107], рассказы Шереф ад-дина и Клавихо относятся не к зданию Гур-эмир, но к первоначальной усыпальнице Тимура, развалины которой находятся в небольшом расстоянии от этого здания. В. Л. Вяткин[108], напротив, убежден, что имеется в виду именно Гур-эмир, причем, конечно, отпадают и признаются ошибкой слова Клавихо о десятидневном сроке постройки. По мнению В. Л. Вяткина, постройка мавзолея вообще не была закончена при жизни Тимура, вследствие чего Мухаммед-Султан и сам Тимур «перво-

[104] По переводу В. Л. Вяткина (*Гури-эмир*, стр. 294) «перед открытой стороной ханаки».

[105] Шереф ад-дин Йезди, II, 595—597.

[106] Клавихо, изд. Срезневского, 314 и сл.

[107] *Мечети Самарканда*, стр. V и сл.

[108] *Гури-эмир*, стр. 296 и сл.

начально похоронены были в ханаке при медресе названного царевича»[109]; эта «ханака и временная усыпальница Мухаммед-Султана» и есть то здание, которое «расположено всего в 30—40 шагах от здания Гур-эмир и в настоящее время находится в полуразрушенном виде»[110].

При этом, однако, оставляются без внимания слова Шереф ад-дина, что постройка воздвигалась «смежно с южной суфой ханаки». Как бы ни толковать слово *суфа* (к этому вопросу мы сейчас вернемся), ясно, что новое здание должно было находиться к югу от ханаки; следовательно, ханаку, если принять мнение В. Л. Вяткина, надо было бы искать к северу от Гур-эмира. Сведения в печати о местоположении старой усыпальницы по отношению к Гур-эмиру не вполне ясны. Сам В. Л. Вяткин в другом месте помещает старую усыпальницу «саженях в 50-ти от Гур-эмира *к югу*»[111], Н. И. Веселовский — к востоку (без указания расстояния)[112]. В мае 1915 г. В. Л. Вяткин любезно сообщил мне частным письмом, что старая усыпальница носит название Ак-сарай, что кратчайшее расстояние между ней и Гур-эмиром, по инструментальному измерению, 27 сажен в направлении ВЮВ. При таких условиях приходится признать более вероятным, что в 1404 г. строился Ак-сарай и что Гур-эмир тогда был «ханакой» при медресе Мухаммед-Султана[113].

В пользу этого, по-видимому, говорят также слова о постройке мавзолея перед фасадом ханаки. Характер здания Гур-эмир впоследствии настолько изменился, что вопрос о первоначальном местоположении фасада и главных дверей вызывает споры. Вамбери[114] утвер-

---

[109] Там же, стр. 297. [110] Там же, стр. 299.

[111] *Бабур-наме*, извлеч. в пер. Вяткина, 33, прим. 4.

[112] *Мечети Самарканда*, стр. VIII.

[113] Неизвестно, на чем основаны крайне сбивчивые показания Абу Тахир-ходжи (изд. Веселовского, 32; пер. Вяткина, 184), по которым Тимур построил *гумбез* к западу от медресе Мухаммед-Султана (в тексте по ошибке «Пир-Мухаммед-султан») и в то же время к северу от *гумбеза* построил (другое?) «высокое медресе». <В экз. XXIII тома ЗВОРАО, принадлежавшем Бартольду, к словам в тексте: «старая усыпальница носит название Ак-сарай» — добавлено примечание: «Название Ак Сарай у Lansdell, <*Russian Central Asia*, vol. I>, 225. К нему же относится рассказ Вамбери (<*Путешествие*, стр.> 107) о...» (далее четыре слова не разобраны). М. Е. Массон детально разобравший сообщения Клавихо и Шереф ад-дина, пришел к выводу, что Клавихо описывает Ак-сарай и что Гур-эмир был начат постройкой в 1404 г. (Массон, *Результаты*, стр. 105—109). Согласно тезкире Малихо (конец XVII в.), медресе Мухаммед-Султана занимало восточную часть современного двора Гур-эмира; Гур-эмир, согласно тому же автору, был построен Тимуром для сейида Береке (см. ниже), что согласуется с мнением Массона о дате его постройки (ср. Гулямов, *К вопросу*, стр. 147—152). — *Ю. Б.*>

[114] *Reise*, S. 168: «Der Eingang in die Kapelle ist gegen Osten, die Front der Vorschrift gemäss gegen Süden (Kible)». Русский перевод (с английского; оригинал вышел одновременно на двух языках): «В часовню входят с запада, а фронтон ее, согласно с законами, выходит на юг» (Вамбери, *Путешествие*, стр. 106).

ждал, что вход в здание обращен на восток, а фронтон, «согласно требованиям закона» (?), на юг «в сторону киблы» (т. е. на юго-запад). В настоящее время употребляется только боковой западный вход, над которым находится известная надпись с именем персидского архитектора Мухаммеда ибн Махмуда исфаханского (известно, что ни имени Тимура, ни имени Мухаммед-Султана на здании нет — редкий в истории архитектуры этой эпохи пример, когда постройка сохранила имя архитектора и не сохранила имени царственного строителя). По мнению В. Л. Вяткина, «расположение двух бывших при Гур-эмире минаретов указывает на то, что фасад здания, а следовательно и главные двери были обращены на север». В. Л. Вяткин пользуется этим фактом как лишним доводом против мнения, что постройка первоначально служила местом молитвы, так как отступление от обычая устраивать главный вход в мечеть с восточной стороны допускалось только в силу необходимости. Против этого довода говорит, однако, замечание самого В. Л. Вяткина, что первоначально по сторонам здания могло быть не два минарета, как в эпоху русского завоевания, а четыре [115]. Если здание было ханакой и если вход в него был с восточной стороны, то слова о постройке мавзолея «перед фасадом» ханаки с некоторым отклонением к югу («смежно с южной суфой») вполне соответствовали бы местоположению Ак-сарая.

Слово *суфа* как Н. И. Веселовский [116], так и В. Л. Вяткин [117] переводят словом «эстрада», без всяких пояснений; между тем в литературе последующей эпохи этот архитектурный термин употребляется в различных значениях. Так называлось возвышение внутри здания, между прочим — в Гур-эмире эстрада с надгробием одного из двух похороненных в этом здании шейхов, сейида Омара [118]. Иногда слово *суфа* употребляется как синоним слова *дахма* ('гробница'); так, известная «дахма» Шейбанидов в Самарканде [119] называется также суфой [120]. Не о такой «суфе», очевидно, говорится в рассказе о постройке мавзолея рядом с «южной суфой» ханаки. Чтобы понять значение этого термина в данном случае, необходимо обратиться к рассказу того же Шереф ад-дина о постройке мазара Хазрет-Султана в городе Туркестане [121]. Здание состояло из арки (طاق) с двумя минаретами и двух куполообразных построек (гумбезов) с квадратным основанием, одной большой

[115] Вяткин, *Гури-эмир*, стр. 300.

[116] *Мечети Самарканда*, стр. VII.

[117] *Гури-эмир*, стр. 294.

[118] Абу Тахир-ходжа, изд. Веселовского, 33; пер. Вяткина, 184. <Об этом надгробии см. ниже, стр. 451, прим. 188. — *Ю. Б.*>

[119] Ср. описание ее в статье Н. И. Веселовского *Подробности смерти Шейбани*, стр. 7 и сл.

[120] Абу Тахир-ходжа, изд. Веселовского, стр. 18,2; пер. Вяткина, 171 и 242.

[121] Шереф ад-дин Йезди, II, 9 и сл.

(сторона — 30 гязов), другой меньшей (сторона — 12 гязов); при этом упоминаются *чахар-суфа* для могилы святого «в сторону киблы от большого гумбеза, смежно с ним» и две другие *чахар-суфы* по обе стороны гумбеза, каждая в $16^1/_2$ гязов в длину и $13^1/_2$ в ширину, для устройства собраний (جهت جماعت خانه). Слово *чахар* в данном случае, очевидно, есть не числительное 'четыре', но часть сложного термина; *чахар-суфа* значит не 'четыре суфы' [122], а 'большая четырехугольная суфа'. К сожалению, в настоящее время еще не опубликованы планы и чертежи здания Хазрет-Султан, изготовленные в 1905 г. на средства Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии [123]; по этим планам, вероятно, можно было бы точно установить, каким частям здания соответствуют упоминаемые Шереф ад-дином *чахар-суфы*. Суфы как помещения для дервишей были и при других ханаках; так, Джами [124] рассказывает о пребывании в Дизфуле, в ханаке шейха Исма'ила Касри, хорезмийского шейха Неджм ад-дина Кубра, которого поместили «в суфе миян-сарая [125], напротив суфы дервишей».

Приведенные выше данные ясно показывают, что в 1404 г. строился только гумбез, или, по выражению анонимного автора *Та'рих ал-хайрат*, «купол медресе и ханаки» [126], где был погребен царевич; самые здания медресе и ханаки давно были готовы. Ак-сарай, как видно даже из описания В. Л. Вяткина, вполне соответствовал своему назначению. Здание «внутри весьма богато украшено изразцами и расписано краской и позолотой. Работа замечательно тонкая и художественная. Рисунок в других древних самаркандских постройках не повторяется» [127]. После этого едва ли можно утверждать, по примеру В. Л. Вяткина, что здание было ханакой и только случайно, вследствие незаконченности мавзолея, сделалось местом погребения Мухаммед-Султана и самого Тимура. Ни в сочинении Клавихо, ни в других источниках мы не находим указаний, что постройка мавзолея в 1404 г. была только начата, но не закончена. В. Л. Вяткин ссылается на рассказ Клавихо

---

[122] Ср. особенно выражение دو چهار صفهٔ دیکر .

[123] Веселовский, *Экспедиция*, стр. 23 и сл. Ср. также план: Маллицкий, *Историко-архитектурное значение*, к стр. 19.

[124] *Нафахат ал-унс*, калькут. изд., 272.

[125] Слово میان سرای встречается и у Абу Тахир-ходжи (изд. Веселовского, 23 и сл.) при описании зданий Шах-и зинде. В. Л. Вяткин переводит его то буквально («срединный сарай» — Абу Тахир-ходжа, пер. Вяткина, 176 и сл.), то словом «коридор» (там же, 178).

[126] Рук. Брит. муз., л. 297б: در قبّهٔ مدرسه وخانقاه که بنا فرمودهٔ وی بود. <Автором сочинения *Та'рих ал-хайрат* (или *Та'рих-и хайрат*) является Мусеви; см. Бартольд, *Историк Мусеви*. — *Ю. Б.*>

[127] Вяткин, *Гури-эмир*, стр. 299.

о приеме послов Тимуром в пятницу 1 ноября «в том доме с мечетью, который он приказал построить и в котором тогда шли работы»; но из контекста видно, что в данном случае говорится о медресе Сарай-Мульк-ханум («Биби-ханым») и о расположенной напротив него знаменитой соборной мечети.

Самый веский довод в пользу мнения В. Л. Вяткина — указание на надписи внутри Гур-эмира, где говорится только о смерти и загробной жизни. Остается, однако, вопрос, были ли надписи сделаны при первоначальной постройке здания или во время перестройки, когда в него был перенесен прах Тимура, Мухаммед-Султана и сейида Береке. Сверх того, такие надписи были возможны и в ханаке, так как на последнюю всегда смотрели как на место будущего погребения ее строителя. В одном из этих хадисов говорится о блаженстве человека, «кто приготовит себе могилу раньше, чем сойдет в нее»[128]; эти слова могут относиться к ханаке Мухаммед-Султана, но не к мавзолею 1404 г., который предназначался только для умершего царевича, а не для самого Тимура.

2

Клавихо и его спутники покинули Самарканд в пятницу 21 ноября[129]; в четверг 27-го[130] в противоположном направлении выступил из Самарканда Тимур и начал свое последнее военное предприятие — поход на Китай. Известно, что он дошел только до Отрара, где умер, по словам Шереф ад-дина[131] и Ибн Арабшаха[132], в среду 18 февраля 1405 г., по надгробной надписи и по словам анонима, писавшего для Искендер-Султана,— тремя днями раньше[133]. События следующего месяца, до захвата Самарканда внуком Тимура Халиль-Султаном, рассказаны довольно подробно у Шереф ад-дина, источником которого было, по-видимому, анонимное сочинение, сохранившееся только в

---

[128] Лапин, *Перевод надписей,* стр. 3.

[129] Клавихо, изд. Срезневского, 344. Замечательно, что Клавихо ничего не знал о предстоявшем выступлении Тимура, не узнал также потом, что поход состоялся, и полагал, что Тимур умер в Самарканде (там же, 361).

[130] Дата у Шереф ад-дина Йезди, II, 637 (23 джумада I).

[131] Там же, 661.

[132] Каирск. изд., 172.

[133] 14 ша'бана 807 г. х., см. статью Л. А. Зимина *Подробности смерти Тимура,* стр. 49 и сл. В качестве дня недели и здесь названа среда, что не соответствует 14 ша'бана. Число «14» в надгробной надписи и в рукописи Or. 1566 <= аноним Искендера> произошло, вероятно, от смешения мусульманской даты с датой по персидскому календарю (по Шереф ад-дину — 14 исфандармуда 326 г. эры Джелали). <Дата имеется только на нефритовом надгробии Тимура, а на надгробной плите в склепе дат нет; см. Семенов, *Надписи,* II, стр. 52. — *Ю. Б.*>

лондонской рукописи Or.159 и обнимающее только события первых лет после смерти Тимура[134]; некоторые факты находят себе в этом труде более правильное освещение и объяснение, чем в *Зафар-наме*[135]. Так, из рукописи Or.159 видно, что не имелось в виду после смерти Тимура продолжать поход до самого Китая, как можно было бы думать на основании слов Шереф ад-дина; предполагалось осуществить только ближайшую цель предприятия — нанести удар среднеазиатским монголам[136]. Даже для этой цели было необходимо на некоторое время скрыть от всех смерть Тимура; когда это не удалось и начались смуты, пришлось не только отказаться от всяких действий против монголов, но даже уступить им завоеванные Тимуром земли[137].

Гроб с телом Тимура был отправлен в Самарканд темною ночью[138]. По рассказу анонимного автора, труп надушили благовониями, розовой водой, мускусом и камфарой[139]; гроб поставили на носилки, украшенные драгоценными камнями и жемчугом (بلالی ودرر); отвезение тела было поручено Ходжа-Юсуфу; по всей вероятности, он на пути должен был делать вид, что везет одну из жен или наложниц Тимура,

---

[134] О нем Rieu, *Pers. MSS*, vol. I, p. 180. <Имя автора этого сочинения установлено В. Хинцем — ходжа Тадж ас-Сальмани (Hinz, *Quellenstudien*, S. 367); сейчас известны три рукописи — кроме указанной В. В. Бартольдом, еще две в Стамбуле; рукопись Брит. муз. содержит только $^2/_5$ труда Тадж ас-Сальмани. Полная рукопись б-ки Лала-Исма'ил-эфенди издана в 1956 г. Рёмером в факсимиле, с немецким переводом и комментариями. — *Ю. Б.*>

[135] Чтобы показать тесную связь между обоими источниками, достаточно привести начало рассказа о совещании по вопросу о престолонаследии:

Or. 159, л. 21б:	Шереф ад-дин Йезди, II, 675:
هرچند وصیّت حضرت خاقانی در بارهٔ امیرزاده پیر محمد بهادر صادر شده فاتّا چون اکنون او در قندهارست وتمکن که ضرورتی در نواحیء آن مملکت که سرحدّ هندست روی نموده باشد واو تاختی بدان اطراف کرده ودیرتر بسمرقند رسد	هرچند صاحبقران سعید مغفور وصیّت کرده که ولی عهد امیرزاده پیر محمد باشد وما بندگان بر همان عهدیم لیکن شاهزادهٔ مشار الیه در قندهار است وشاید که لشکر بجانب هند برده باشد وازو تا بما مسافتی بعید است

[136] <Моголам.> Or. 159, л. 20б: ترک تازی بر سر مغول برند ودمار از روزگار آن قوم فضول بر آورند وچون دل ازان کار بپردازند وآن مهمّ دینیرا چارهٔ سازند مراجعت نمایند. Ср. текст Шереф ад-дина Йезди, II, 673.

[137] О событиях на северо-восточной границе империи подробнее всего говорит Ибн Арабшах, каирск. изд., 183 и сл., 190.

[138] Рукописью Or. 159 не подтверждается маловероятный рассказ Шереф ад-дина (II, 668 и сл.) о траурной церемонии в четверг 19-го утром в лесу на левом берегу Сыр-Дарьи.

[139] В рук. Or. 159, л. 20б, стих:

بخوشبوی وکلاب ومشک وکافور * معطّر کرده در تابوتی از نور

отправленную обратно в Самарканд. Царицам и царевичам было предложено, «согласно требованию шариата и рассудка» (شرعا وعقلا), не надевать траурных одежд[140]. Через день после отправления носилок были отправлены в Самарканд царицы; при этом произошло то совещание о государственных делах, которое в рассказе Шереф ад-дина связывается непосредственно с отправлением тела Тимура.

Ходжа-Юсуф прибыл в Самарканд гораздо раньше цариц, по словам Шереф ад-дина — уже в понедельник 23 февраля[141], что по расстоянию между Отраром и Самаркандом едва ли возможно. Тело в ту же ночь, очевидно тайно, было опущено в склеп, причем были выполнены только религиозные обряды. Место погребения названо у Шереф ад-дина «куполом гробницы» (قبّهٔ مرقد), у Абд ар-Раззака Самарканди, вообще в своем рассказе об этих событиях почти буквально повторяющего слова Шереф ад-дина, — «особым мавзолеем» (گنبذ خاص)[142].

Ко времени прибытия цариц факт смерти Тимура был уже всем известен; после некоторых переговоров жены Тимура были впущены в город; царевичам и военачальникам было отказано в этом до решения вопроса о престолонаследии. Царицы и немногие бывшие с ними царевичи[143] остановились в ханаке Мухаммед-Султана, где был погребен Тимур[144]. Вместе с царевнами и другими знатными женщинами они выполнили обычные у кочевников траурные обряды: обнажили головы и расцарапали и почернили лица; рвали себе волосы, бросались на землю и посыпáли головы прахом, накрывали шею войлоком. При этом присутствовали в траурных одеждах бывшие в городе царевичи и вельможи, даже представители ислама, как шейх ал-ислама Абд ал-Эввель и Исам ад-дин; все базарные лавки были закрыты.

Печальные обряды были совершены еще раз, с большею торжественностью, после вступления на престол Халиль-Султана, занявшего город ровно через месяц после смерти Тимура, в понедельник 18 марта[145]. Два дня спустя он отправился в ханаку Мухаммед-Султана, где была гробница Тимура[146]. На этот раз в обрядах принимали участие в черных траурных одеждах не только царицы, царевичи, вельможи и долж-

---

[140] Or. 159, л. 21a.

[141] Дата (22 ша'бана) у Шереф ад-дина Йезди, II, 675.

[142] Абд ар-Раззак, рук. ун-та, л. 156б.

[143] Имена некоторых у Шереф ад-дина Йезди, II, 704.

[144] Слова текста (там же, 705): وخانقاه امیرزاده محمد سلطان‌را که مرقد مقرون بناز ونعیم مخلد صاحبقران موید آنجا بود محلّ نزول ساختند.

[145] Дата (16 рамазана) там же, 712.

[146] Текст (там же, 713): بخانقاه امیرزاده محمد سلطان رفت که تربت محفوف برحمت پادشاه سعید مغفور آنجا بود.

ностные лица, но все население города. Для успокоения души Тимура читали Коран, раздавали милостыню; несколько дней кряду для угощения толпы резали лошадей, быков и баранов. После этого был выполнен тот же обряд, как во время поминок по Мухаммед-Султану в Онике: с плачем принесли собственный барабан Тимура; барабан своими звуками принял участие в траурной церемонии, потом кожу его разрезали, чтобы он никому больше не служил [147].

В противоположность Шереф ад-дину Ибн Арабшах ничего не сообщает ни о предварительном погребении, ни о первом совершении траурных обрядов; по его представлению, только Халиль-Султан привез тело Тимура в Самарканд [148]. Там оно было положено в гроб из черного дерева; гроб несли люди на голове в торжественной процессии, в которой принимали участие с непокрытой головой и в траурной одежде князья (الملوک), эмиры, вельможи и воины. Тимура похоронили в медресе Мухаммед-Султана, около строителя медресе, в склепе; находились ли гробницы Тимура и его внука под одной крышей, из текста не видно [149]. Из обрядов говорится только о чтении Корана, раздаче милостыни и угощения; зато Ибн Арабшах, один из всех историков, сообщает некоторые сведения о внутреннем убранстве мавзолея. На могилу (قبر) Тимура были положены его одежды (اقمشة), по стенам были развешены предметы его вооружения (اسلحة) и утвари (امتعة); все это было украшено драгоценными камнями и позолотой; цена ничтожнейшего из этих предметов равнялась подати целого округа. С потолка, подобно звездам на небе, висели золотые и серебряные люстры; одна из золотых люстр весила 4000 мискалей (золотников). Пол был покрыт шелковыми и бархатными коврами (فروش الحرير والديباج); тело через некоторое время было переложено в стальной (من فولاذ) гроб, приготовленный искусным мастером из Шираза [150]. К гробнице (حفرة) были приставлены, с определенным жалованьем, чтецы Корана и служители, к медресе — привратники и сторожа (القومة). Могила (قبر) пользовалась таким уважением, что перед ней совершались молитвы и приносились обеты; из уважения

---

[147] Там же, 714.

[148] Ибн Арабшах, каирск. изд., 178 и сл.: وحمله فی محفّة بعد العجلة وصبره والوی راجعا الی سمرقند .

[149] Слова لحدّه حفرة (там же, 181) даже говорят скорее против этого.

[150] <При вскрытии погребения Тимура в 1941 г. было обнаружено, что останки Тимура лежали в деревянном гробу (из арчи или из тута); в таком же гробу были останки Мухаммед-Султана. Гроб Тимура был покрыт черным покрывалом (по А. А. Семенову — шелковым, по В. А. Шишкину — парчовым). По словам А. А. Семенова, остатки такого же покрывала были найдены в гробу Мухаммед-Султана; по В. А. Шишкину, оба гроба были покрыты «частями одного и того же куска ткани» (см. Семенов, *Надписи*, I, стр. 51; II, стр. 51; Шишкин, *Гури-Эмир*, стр. 25). — *Ю. Б.*>

к ней князья (الملوك), проезжавшие мимо, наклоняли голову, иногда даже сходили с коней [151].

Трудно сказать, относился ли этот знак уважения всегда к гробнице Тимура. Еще прежде такое же уважение оказывали расположенной приблизительно в той же местности, в цитадели, гробнице Нур ад-дина Басира; по словам биографа шейха, самаркандский шейх ал-ислам Абд ал-Малик и другие ученые и благочестивые люди всегда проходили перед мазаром пешком и даже снимали обувь [152]. Иное чувство к могиле Тимура испытывали, конечно, находившиеся в Самарканде пленники; Шильдбергер рассказывает, что в «храме», где был похоронен Тимур, по ночам раздавались стоны, прекратившиеся только тогда, когда уведенных Тимуром пленных отпустили на родину [153].

Несогласное с правилами ислама убранство мавзолея было удалено только после занятия Самарканда Шахрухом, что произошло в мае 1409 г. [154]. По рассказу Ибн Арабшаха, Шахрух посетил могилу своего отца, вновь совершил траурные обряды, утвердил [155] приставленных к мавзолею (تربة) чтецов Корана, сторожей и служителей, но велел убрать и передать в казну находившиеся при гробнице (حفرة) предметы одежды, утвари и вооружения [156].

С событиями 1409 г. и следующих лет связана, по всей вероятности, еще другая перемена, о которой говорит Шереф ад-дин, не определяя точно времени. Тимур, всегда питавший искреннюю любовь к потомкам пророка, будто бы выражал желание, чтобы его похоронили у подножия гробницы сейида Береке; поэтому «через некоторое время» (بعد از چند گاه) [157] гроб с телом сейида перенесли из Андхоя в Самарканд и похоронили в «куполообразной постройке, воздвигнутой Тимуром, смежной с суфой упомянутой ханаки»; Тимура положили, согласно его желанию, у ног сейида; в ту же куполообразную постройку перенесли прах Мухаммед-Султана и похоронили рядом с Тимуром [158].

---

[151] Ибн Арабшах, каирск. изд., 181.

[152] *Рисāла-йи қутб-и чахāрдахум,* стр. 205 и сл.

[153] *Путешествия Шильтбергера,* 27.

[154] Дата у Абд ар-Раззака Самарканди (рук. ун-та, л. 180б): 27 зу-л-хиджжа 811 г. х. (13 мая 1409 г.).

[155] Так, по-видимому, надо понимать выражения استأنف معالم и جدّد ترتيب الخ الخ.

[156] Ибн Арабшах, каирск. изд., 214.

[157] Трудно понять, почему Э. Блоше переводит (по тексту Хондемира) «quelques jours après» (*Les inscriptions,* отд. отт., p. 33).

[158] Шереф ад-дин Йезди, II, 719. <Как отметил В. А. Шишкин, участвовавший во вскрытии погребения Тимура в 1941 г., «сходство могил Мухаммед-Султана и Тимура косвенно подтверждает их перенесение из другого места, где они были погребены раньше, и одновременное захоронение их в мавзолее Гури-Эмир» (Шишкин, *Гури-Эмир,* стр. 26). — *Ю. Б.*>

К сожалению, кроме Шереф ад-дина (и писавших с его слов), ни один автор не упоминает ни о перенесении праха сейида из Андхоя в Самарканд, ни о перенесении праха Тимура и его внука из одного здания в другое. Трудно допустить, чтобы то и другое могло произойти до 1409 г. Во-первых, слова Ибн Арабшаха ясно показывают, что обстановка мавзолея между 1405 и 1409 гг. оставалась без изменения; во-вторых, Самарканд в это время принадлежал Халилю, Андхой — Шахруху; отношения между этими владетелями были настолько враждебны, что перенесение тела сейида из Андхоя в Самарканд в эти годы едва ли вообще было возможно. Труд Абд ар-Раззака, всецело основанный на труде Хафиз-и Абру[159], дает не вполне правильное представление о событиях; как при жизни Тимура в первоначальной редакции *Зафар-наме* была обойдена молчанием ссора между Тимуром и Мираншахом[160], так придворный историк Шахруха, очевидно по желанию своего государя, в своем рассказе о борьбе Шахруха с Халилем и другими родственниками многое смягчает, о многом умалчивает совсем. Договор 1405 г. истолкован в смысле подчинения Халиля верховной власти Шахруха; упоминается о том, что Халиль обязался выдать Шахруху деньги, принадлежавшие сыновьям Шахруха Улугбеку и Ибрахиму и находившиеся в Самарканде, и что Шахрух отправил за этими деньгами своих посланцев[161], но умалчивается о результате посольства, о котором рассказывает один из его участников, историк Фасих: деньги не только не были выданы, но послы были вынуждены спасаться бегством; им пришлось скакать день и ночь, чтобы успеть переправиться через Аму-Дарью и вернуться к своему государю[162]. В феврале 1406 г.[163], во время битвы между Халилем и Пир-Мухаммедом, Улугбек и его опекун Шах-Мелик, несмотря на существовавшее между Шахрухом и Халилем соглашение, находились в войске Пир-Мухаммеда, причем из рукописи Or.159 видно, что между Шахрухом и Пир-Мухаммедом действительно существовал союз. В той

---

[159] Хафиз-и Абру, как было установлено мною в 1914 г., писал историю царствования Шахруха уже в первые годы этого царствования, и эта редакция его труда сохранилась в рукописи India Office (Ethé, *Catalogue Ind. Off.*, p. 76). Ср. Бартольд, *Отчет о командировке в Лондон*, стр. 881.

[160] По *Зафар-наме* Шереф ад-дина (II, 199 и сл.), поход 1399 г. на запад был вызван главным образом действиями Мираншаха; в соответствующем месте *Зафар-наме* Низам ад-дина Шами (рук. Брит. муз., л. 155б) о Мираншахе ничего не говорится; поход будто бы был вызван известием о несчастиях (فتور) в Иране, особенно в Азербайджане, и о враждебных действиях грузин и армян.

[161] Хафиз-и Абру, оксфорд. рук., л. 12б; Абд ар-Раззак, рук. ун-та, л. 164а.

[162] Фасих, рук. Аз. муз., л. 394б.

[163] Дата по Ибн Арабшаху (каирск. изд., 197) — воскресенье 1 рамазана 808 г. х. (21 февраля), по Абд ар-Раззаку (рук. ун-та, л. 170б) — понедельник 2 рамазана (так же Хафиз-и Абру в рук. Ind. Off., л. 51б). По рук. Or. 159 <Тадж ас-Сальмани>, л. 117а — 4 рамазана.

же рукописи приводятся написанные несколько раньше письма Шахруха к Мираншаху, где Шахрух требовал, чтобы Халиль уступил Самарканд Пир-Мухаммеду и удалился в удел, назначенный ему при Тимуре, именно «в область Байлакана, Берда', Грузию, Армению и Тифлис до пределов Трапезунта» [164].

Как строгий блюститель шариата Шахрух не мог не очистить мавзолея Тимура от языческого убранства [165]; но очень вероятно, что в Самарканде его распоряжение вызвало некоторое неудовольствие, особенно среди военного сословия. Перенесение тела сейида из Андхоя, может быть, имело целью успокоить недовольных; было известно, что сейид пользовался при Тимуре большим уважением. Можно, однако, сомневаться в том, действительно ли Тимур желал быть похороненным рядом с сейидом или это желание было только приписано ему Шахрухом. Сейид умер зимой 1403/04 г. в Карабаге, и тогда же было приказано отправить его тело в Андхой [166], где находился его удел и где жили его родственники. Если бы это погребение считалось только временным, то для сейида, вероятно, строился бы мавзолей в Шахрисябзе; но об этом нет никаких сведений.

Известия о личности сейида Береке и о степени его влияния на Тимура довольно скудны. Противоречивы известия о его происхождении; по словам Ибн Арабшаха, он, по некоторым известиям, происходил из Египта, по другим — из Медины, по другим — из Мекки; Тимур по его просьбе подарил ему Андхой, причислявшийся к вакфам священных городов (Мекки и Медины), и эта местность еще при Ибн Арабшахе считалась собственностью потомков Береке [167]. По словам Шереф ад-дина, сейид впервые выступил в 1370 г., незадолго до победы Тимура над Хусейном. Береке принадлежал к мекканским шерифам и прибыл в Хорасан по делам вакфов священных городов; Хусейн не только ничего не дал ему, но даже не оказал ему должного уважения [168]; тогда он обратился к Тимуру и принес ему барабан и знамя; Тимур исполнил все его желания и передал в его распоряжение все суммы вакфов [169]; о том, что эти вакфы находились в Андхое, Шереф

---

[164] Рук. Or. 159, л. 73б: وبسوبهٔ ییلقان وبردع وکرجستان وارمینیّه وتفلیس تا بحدود طرابزون که بهترین معمورهٔ ربع مسکون است قناعت کرده روانهٔ آن مملکت شود... (следуют стихи) وسوبهٔ ممالک ما وراء النهررا بامیرزاده پیر محمد بهادر سپارد.

[165] <А. Ю. Якубовский высказал предположение, что тогда же по распоряжению Шахруха останки Тимура были переложены из стального гроба (о котором говорит Ибн Арабшах) в деревянный, «что более соответствовало строгим предписаниям ислама» (Якубовский, *Тимур*, стр. 74). — *Ю. Б.*>

[166] Шереф ад-дин Йезди, II, 564.

[167] Ибн Арабшах, каирск. изд., 15.

[168] Об этом подробнее Абд ар-Раззак, рук. ун-та, л. 60б.

[169] Шереф ад-дин Йезди, I, 194.

ад-дин не упоминает. В противоположность рассказу Шереф ад-дина, по которому Береке только при Тимуре прибыл в Хорасан из Мекки, автор *Кандии* причисляет «сейида эмира Береке» к «андхойским сейидам», будто бы происходившим от брака ходжи Юсуфа андхойского [170] и дочери имама Хасана, сына Али [171].

Шереф ад-дин уверяет, что сейид всюду сопровождал Тимура; впоследствии они были похоронены в одном мавзолее, причем лицо Тимура было обращено в сторону сейида [172]. В рассказах об отдельных событиях царствования Тимура имя сейида, однако, встречается редко. В 1383 г. он вместе с другими представителями духовенства увещевал Тимура, когда тот слишком предавался горю после смерти сестры и не хотел заниматься государственными делами [173]; в 1391 г. он произнес молитву перед битвой с Тохтамышем [174]; в 1392 г. он неудачно выступал посредником между Тимуром и мазандеранскими сейидами [175]. В конце 1403 г., незадолго до своей смерти, он прибыл к Тимуру в Карабаг; Тимур вышел из своего шатра, чтобы его встретить; оплакивая Мухаммед-Султана, сейид снял с головы чалму и начал рыдать; Тимур обнял его, и оба вместе долго плакали [176]. Битву с Тохтамышем Ибн Арабшах переносит на берег Сыр-Дарьи (в действительности она произошла к западу от Урала) и приписывает сейиду в этой битве более яркую роль. Войско Тимура было уже близко к поражению, когда явился сейид, ободрил Тимура, сошел с коня, набрал горсть мелких камней, снова сел на коня и бросил камни в лицо врагам с громким криком: *Ягы качты* (по-турецки: 'враг бежал'). Тимур и все его воины повторили тот же крик, бросились на врагов, и войско Тохтамыша было разбито [177]. Ибн Арабшах приводит изречение Тимура, будто бы объяснявшего все свои успехи молитвой шейха Шемс ад-дина Кулаля,

---

[170] По-видимому, здесь в I век хиджры перенесено лицо, жившее пятью веками позже. Ср. Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 352, прим. 2 <наст. изд., т. I, стр. 392, прим. 4> и Бартольд, *Султан Синджар*, стр. 047, прим. 2 <см. выше, стр. 415, прим. 6>.

[171] Несефи, *Кандийа*, рук. ун-та, стр. 113 и сл.: در تصحیح النصّ سلطان سیّد احمد کبیر آورده اند که امام حسن را چهار فرزند بوده یک دختر وسه پسر مانده دختررا خواجه یوسف اندخوی (sic) خواسته بوده اند وسیّدان اندخو (sic) ازان دختر اند به بلدهٔ محفوظهٔ سمرقند مشهور الوقت سیّد امیر برکة علیهم الرحمة والرضوان.

[172] Шереф ад-дин Йезди, I, 195.

[173] Там же, 356.

[174] Там же, 538.

[175] Там же, 569. О посредничестве сейида Береке упоминает и Захир ад-дин Мар'аши (420).

[176] Шереф ад-дин Йезди, II, 559 и сл.

[177] Ибн Арабшах, каирск. изд., 15.

заботой шейха Зейн ад-дина Хавафи [178] и благословением [179], исходившим от сейида Береке [180].

Из слов Шереф ад-дина можно вывести заключение, что строившийся в 1404 г. мавзолей, «смежный с суфой ханаки», до прибытия в Самарканд тела сейида Береке стоял пустым; прежде всего там похоронили сейида, потом у ног его положили Тимура, наконец, перенесли в то же здание тело Мухаммед-Султана [181]. Трудно согласить это со словами того же автора, что в 1404 г. строилось «куполообразное здание для погребения» (گنبدی جهت مرقد) Мухаммед-Султана [182] и что тело Тимура еще в феврале 1405 г. было положено «в куполообразное здание для погребения» (بقبهٔ مرقد) [183]; трудно допустить, что речь идет о двух различных зданиях. Гораздо правдоподобнее, что тело Тимура при Халиле покоилось в мавзолее, построенном для Мухаммед-Султана, и что только перенесением в Самарканд тела сейида были созданы новые условия, не имевшиеся в виду при постройке 1404 г. [184]. Как ни велико было уважение Тимура к сейидам и шейхам, известия о мавзолеях в Шахрисябзе и сохранившиеся до сих пор мавзолеи тимуровской эпохи в Самарканде показывают, что считалось совершенно достаточным строить мавзолеи для членов царствующего рода рядом с могилами святых; этим похороненному в мавзолее было обеспечено покровительство святого и в то же время давался простор для той полуязыческой пышности, которой был окружен гроб Тимура до 1409 г. и которая едва ли была бы возможна непосредственно над гробом мусульманского святого. По мере укрепления в Средней Азии идеи шариата, старались установить более тесную связь между сейидами и представителями светской власти; в XIX в., как известно, бухарские эмиры и хивинские ханы даже насильно брали себе жен из потомков пророка, чтобы их потомки могли присоединить к своим титулам титул «сейид». В XV в. до этого еще не доходило; но уже в XV и XVI вв. государи находили нужным переносить в мавзолеи своих предков тела сейидов. Этим, вероятно, объясняется факт, что и в Шахрисябзе прах отца Тимура, как мы видели, лежит в одном мавзолее с прахом нескольких сейидов.

К числу таких ревностных сторонников шариата принадлежал и Шахрух. К сожалению, ни один автор, кроме Ибн Арабшаха, не упо-

---

[178] Тимур встретился с ним в 1381 г.; ср. Шереф ад-дин Йезди, I, 311 и сл.; Ибн Арабшах, каирск. изд., 20 и сл.; Хафиз-и Абру, рук. ГПБ Дорн 290, л. 280б.

[179] Игра слов с именем برکة .

[180] Ибн Арабшах, каирск. изд., 9.

[181] Шереф ад-дин Йезди, II, 719.

[182] Там же, 596 внизу.

[183] Там же, 675 наверху.

[184] <Ср. Гулямов, *К вопросу*, стр. 151—152; см. выше, стр. 439, прим. 113. — *Ю. Б.*>

минает о переменах, произведенных им в мавзолее Тимура; смутным отголоском этих перемен является, может быть, фантастический рассказ Абу Тахир-ходжи, будто Шахрух перенес тело своего отца в другое место «из страха перед врагами» [185]. Во всяком случае более чем вероятно, что соединение в одном мавзолее гробницы сейида и гробницы Тимура было вызвано благочестием Шахруха, а не желанием самого Тимура, тем более что в тот же мавзолей некоторое время спустя был перенесен прах еще другого сейида. В западной части мавзолея, на особом возвышении (суфе), находится гробница сейида Омара, четвертого сына сейида Кулаля. О жизни сейида или «эмира» Омара известно только, что он большей частью занимал должность мухтасиба (не сказано, в каком городе) и строго следил за точным соблюдением предписаний о дозволенном и запрещенном; умер в 803/1400-01 г. [186]. Источники ничего не сообщают ни об отношениях между ним и Тимуром, ни о причинах перенесения его праха в Гур-эмир. В. Л. Вяткин предполагает, что этот сейид «до постройки еще мавзолея был похоронен в данной местности, а потому когда произвели постройку, то не пожелали нарушать покоя этого сейида» [187]. Но в год смерти сейида Омара медресе Мухаммед-Султана, как мы видели, по всей вероятности уже существовало; погребение сейида в пределах этого медресе тоже требовало объяснения, которого источники нам не дают; об отношениях между ним и Мухаммед-Султаном известно столь же мало, как об отношениях между ним и Тимуром [188]. Трудно объяснить, но в то же время крайне любопытен самый факт погребения Тимура, пиры которого были сплошным нарушением правил шариата, в одном мавзолее со строгим мухтасибом.

Из слов Ибн Арабшаха о лицах, приставленных к мавзолею Тимура и к «медресе», в состав которого мавзолей входил, ясно видно, что медресе после смерти Тимура более не служило для целей преподавания, как при жизни Мухаммед-Султана. Здание, в котором находилась гробница Тимура, продолжали, однако, называть «медре-

---

[185] Абу Тахир-ходжа, изд. Веселовского, 33; пер. Вяткина, 184.

[186] *Рашаḥāт*, рук. ун-та, л. 29б и сл.

[187] Вяткин, *Гури-эмир*, стр. 301.

[188] <А. А. Семенов, впервые прочитавший (в 1941 г.) надпись на надгробии «сейида Омара», установил, что в надписи вообще не сказано, кто именно похоронен в могиле. Как указал А. А. Семенов, в жизнеописании сейида Кулаля (*Маḳāмāт Эмīр Кулāль*), составленном правнуком этого шейха, сообщается, что сейид Омар бóльшую часть жизни был мухтасибом в Шахрисябзе, умер в 803/1400-01 г., и через год его останки были перевезены в Бухару и похоронены в селении Сухари, рядом с отцом. То же самое сообщается в *Туḥфат аз-зā'ирūн* Насир ад-дина-торе (1324/1906-07 г.). Таким образом, в могиле, приписывавшейся сейиду Омару, похоронено какое-то неизвестное лицо. См. Семенов, *Надпись на надгробии псевдо-Сейид Омара.* — *Ю. Б.*>.

се» еще при Бабуре [189]. В том же медресе стали хоронить и других представителей династии; мавзолей постепенно становился усыпальницей Тимуридов, хотя, по недостатку места или по другим причинам, утратил это значение задолго до завоевания Самарканда узбеками. Было бы интересно выяснить, когда и почему Гур-эмир как усыпальница Тимуридов заменил собой Шахрисябз; но и на этот вопрос источники не дают нам ясного ответа. После смерти Тимура следующий случай погребения члена династии в «медресе Мухаммед-Султана», о котором говорят письменные источники, произошел в 1419 г.; в этом году (822 г. х.) умерла молодая жена Улугбека, Огэ-бегум (بیکم اگا), дочь Мухаммед-Султана, и была похоронена «рядом со своим отцом в его медресе» [190]. Именно эта пробница в Гур-эмире, насколько известно, не сохранилась. Из лиц, умерших еще раньше, до 1409 г., в Гур-эмире похоронены внук и наследник Тимура Пир-Мухаммед и сын Тимура Мираншах. Из них Пир-Мухаммед был убит в северной части нынешнего Афганистана 14 рамазана 809/22 февраля 1407 г. [191]; о его погребении нет никаких известий. Мираншах погиб в Азербайджане во время войны с Кара-Юсуфом туркменским, в апреле 1408 г., и был похоронен там же, в месте Сурхаб; «через некоторое время» (بعد از مدتی) некий Шемс Гури в одежде дервишей перенес его кости в Мавераннахр, где они были похоронены в Шахрисябзе [192]; о перенесении их впоследствии из Шахрисябза в Самарканд ничего не сообщается [193]; во всяком случае из этого видно, что Шахрисябз и при существовании Гур-эмира в течение некоторого времени оставался местом погребения представителей династии. Достоверно известно только время перенесения в Гур-эмир тела Шахруха. Шахрух умер в Западной Персии в воскресенье 25 зу-л-хиджжа 850/12 марта 1447 г. [194]; перенесение тела в столицу Шахруха, Герат, было несколько задержано смутами; в Герате Шахрух был похоронен в медресе, выстроенном его женою Гаухар-Шад, в одном и том же мавзолее со своим сыном Байсункаром [195], умершим в декабре 1433 г. [196]. В 1448 г. Гератом на короткое время завладел Улугбек; покидая город, он взял с собой тело Шахруха. Из Бухары, где он проводил зиму 1448/49 г.,

---

[189] *Бабур-наме*, изд. Бевериджа, л. 46а. К критике текста: Blochet, *Les inscriptions*, отд. отт., p. 23 sq.

[190] Фасих, рук. Аз. муз., л. 411б: بجوار پدر خود در مدرسهٔ او .

[191] Абд ар-Раззак, рук. ун-та, л. 173а.

[192] Там же, л. 178а; дата битвы — л. 177б; 24 зу-л-ка'да 810 г. х.

[193] <М. Е. Массон предполагает, что это произошло в правление Абу Са'ида (1451—1469); см. Массон — Пугаченкова, *Шахрисябз*, стр. 61. — *Ю. Б.*>

[194] Дата у Абд ар-Раззака (рук. ун-та, л. 271б).

[195] Там же, л. 274а.

[196] Дата там же, л. 243а (суббота 7 джумада I 837 г. х.).

Улугбек отправил тело своего отца в Самарканд, где оно было похоронено в мавзолее «великого эмира», т. е. Тимура [197].

Этим рассказом косвенно подтверждается местное предание [198], до сих пор не находящее себе прямого подтверждения в письменных источниках, что Гур-эмир был предметом особенных забот Улугбека, вообще украшавшего Самарканд, по примеру своего деда, величественными зданиями. По-видимому, создание из Гур-эмира усыпальницы в такой же степени было личным делом Улугбека [199], как удаление языческого убранства первого мавзолея и погребение рядом с Тимуром сейидов — личным делом Шахруха. При Улугбеке, правившем в Самарканде еще при жизни Шахруха, в 1409 г., очевидно, были устроены существующие в настоящее время вторичные надгробия; из надписи на знаменитом нефрите, в новейшее время, к сожалению, изувеченной [200], известно, что этот нефрит был привезен в Самарканд Улугбеком после его знаменитого похода через Среднюю Азию до Юлдуза, совершенного в 828/1425 г. [201]. Самый подробный рассказ об этом походе сохранился в труде Мирхонда; в этом рассказе упоминается и о перевозке камней, причем вполне подтверждается мнение Н. И. Веселовского, что мы имеем здесь не монолит, впоследствии разбитый надвое, как утверждает предание, но два отдельных куска, плотно пригнанных друг к другу [202]. По словам историка, еще Тимур

---

[197] Там же, л. 283б. <Из надписи на надгробии Шахруха, прочитанной А. А. Семеновым, следует, что останки Шахруха перевезены в Самарканд (не сказано, когда именно) его дочерью Паенде-Султан-бике и ею же сооружен мраморный проб с надгробной плитой (Семенов, *Надписи,* II, стр. 45—46); возможно, что она сделала это по распоряжению Улугбека. — *Ю. Б.*>

[198] *Мечети Самарканда,* стр. VIII.

[199] <В связи с открытием в Шахрисябзе усыпальницы, сооруженной там Улугбеком для своих потомков (см. выше, стр. 428—429, прим. 38), остается неясным, какой из двух мавзолеев — «Гумбез-и Сейидан» или Гур-эмир — должен был стать главной усыпальницей Тимуридов. М. Е. Массон полагает, что мавзолей в Шахрисябзе был построен Улугбеком «в угоду барласам» (Массон — Пугаченкова, *Шахрисябз,* стр. 64—65). — *Ю. Б.*>

[200] <В. В. Бартольд здесь имеет в виду обвинение (в действительности необоснованное) Н. И. Веселовского по адресу геологов Барбота де Марни и Мушкетова. На самом деле куска торцовой надписи нефритового надгробия, о которой говорит Бартольд, не было на месте задолго до конца XIX в.; по-видимому, она пострадала при перевозке нефрита в Мешхед при Надир-шахе (см. Бартольд, *Новые данные*). В начале 1940-х годов недостающий кусок надписи был обнаружен в Самарканде и исследован М. Е. Массоном (см. Массон, *Третий кусок нефритового намогильника*). — *Ю. Б.*>

[201] <См. выше работу *Улугбек и его время,* стр. 110—111. Из надписи на нефрите следует, что он был доставлен в ставку монгольских ханов на берегу Или Дува-Седжан (Сэцэн?)-ханом; см. Семенов, *Надписи,* I, стр. 57—58; Массон, *Третий кусок нефритового намогильника,* стр. 67—69. — *Ю. Б.*>

[202] Веселовский, *О надгробии Тимура,* стр. XII. <По данным геологического изучения, произведенного в 1940 г., оба куска принадлежат одной глыбе нефрита, однако

велел перенести в Самарканд эти куски, которых тогда было три [203], но ему удалось увезти только один; два других были увезены Улугбеком. Историки не упоминают о факте, известном нам из надписи,— что привезенные камни были положены на гробницу Тимура.

Создатель Гур-эмира как царской усыпальницы был также последним из Тимуридов, похороненных в этом мавзолее. Улугбек был убит в конце октября 1449 г., по Даулетшаху — 8 рамазана 853 г. х. (25 октября) [204], по надгробной надписи — 10-го [205]; о его погребении источники ничего не сообщают. Из надписи, где упоминается, с явным осуждением, о восстании сына, видно, что надгробие не могло быть поставлено при Абд ал-Латифе, правившем до мая 1450 г.; едва ли также оно было поставлено при Абу Са'иде (с 1451 г.), мстившем за смерть Абд ал-Латифа; остается кратковременное царствование Абдуллы (1450—1451), возведенного на престол после убиения Абд ал-Латифа мстителями за Улугбека. Очень вероятно, что при нем совершилось перенесение тела Улугбека в Гур-эмир. После этого, насколько известно, больше не было случаев погребения в Гур-эмире, хотя династия Тимуридов правила Самаркандом еще полвека.

возможно, что уже в троне Дува-Седжан (Сэцэн)-хана (см. выше, прим. 201) это были три фрагмента распиленной единой глыбы; см. Массон, *Третий кусок нефритового намогильника,* стр. 71—72. — *Ю. Б.*>

[203] سه قطعه سنگ یشم, напр. Мирхонд, рук. ун-та, л. 217а; у Хафиз-и Абру и у Абд ар-Раззака говорится только об одном камне, который мною ошибочно был принят за кок-таш (Бартольд, *Хафизи-Абру,* стр. 27). Полный текст рассказа Мирхонда о походе Улугбека я надеюсь издать в приложении к исследованию об Улугбеке, подготовляемому мною к печати. <См. выше, стр. 173—196.>

[204] Даулетшах, изд. Броуна, 366.

[205] Blochet, *Les inscriptions,* отд. отт., p. 15 sq. et pl. III. <Текст и перевод надписи на надгробии Улугбека см. Семенов, *Надписи,* II, стр. 47. Подробности о смерти Улугбека и его погребении см. выше, стр. 158—159, 162. — *Ю. Б.*>

ГРЕКО-БАКТРИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ЕГО РАСПРОСТРАНЕНИЕ НА СЕВЕРО-ВОСТОК[1]

Приведенные в географии Страбона (§ 516) слова Аполлодора артамитского (I в. до н. э.)[2] о распространении власти греко-бактрийских царей «даже до серов и фаунов»[3] обыкновенно толкуются в том смысле, что эти цари, помимо своих завоеваний в Индии, расширяли пределы своего государства также в Средней Азии, по направлению к северо-востоку. Было высказано мнение, что бактрийские цари придавали значение торговому пути в Китай через бассейн Тарима, старались вступить в сношения с китайцами и обезопасить этот торговый путь от кочевников-хуннов[4]. Один из современных ученых полагает, что бактрийские цари старались вознаградить себя в Средней Азии за области, утраченные в войне с парфянами, и что последовавшее в том же II в. до н. э. завоевание Бактрии кочевниками было только ответом на завоевательные стремления самих бактрийских царей[5]. Утверждают также, будто китайцы в Фергане застали следы влияния если не греческой государственности, то греческой культуры; китайское слово *пу-тао* 'виноград' (с виноградарством и виноделием китайцы впервые ознакомились в Фергане) сближают с греческим βότρυς; отсюда был сделан вывод, что виноградарство было принесено в Фергану греками[6].

Сопоставление греческих известий с китайскими приводит к противоположным выводам: 1) торгового пути через бассейн Тарима до

---

[1] <Вопросы, рассматриваемые в этой работе, позднее изучались многими исследователями в СССР и за рубежом. См. соответствующие разделы в сводных трудах: *Очерки истории СССР*, I, стр. 265—275; *История таджикского народа*, т. I, стр. 290 и сл.; *История Узбекской ССР*, т. I, кн. 1, стр. 74—82; Гафуров. *История*, стр. 75—84; а также: Тревер, *Памятники;* Тарн, *The Greeks;* Narain, *The Indo-Greeks.* — *Б. С.*>

[2] Ср. Behr, *De Apollodori reliquis*, p. 4 sq.

[3] Известно, что вместо Φρυνῶν печатного текста в рукописях стоит Φαύνων, ср. факсимиле двух рукописей Bibliothèque nationale у K. Némäti, *Beweise*, S. 13.

[4] Gutschmid, *Geschichte Irans*, S. 44; это мнение признает правдоподобным и A. Behr (*De Apollodori reliquis*, p. 43).

[5] Marquart, *Ērānšahr*, S. 207.

[6] Gutschmid, *Geschichte Irans*, S. 64; Hirth, *Zur Kulturgeschichte*, S. 15 sq.; из русских синологов П. П. Шмидт (*Введение*, стр. 400; *Опыт мандаринской грамматики*, стр. 42).

падения греко-бактрийского государства не было, и китайские товары привозились в Индию, откуда они иногда проникали в Среднюю Азию; 2) Фергана не находилась под влиянием греческой культуры, и среднеазиатское виноделие возникло до греческого завоевания и независимо от него.

Из труда Страбона (§ 693) видно, что греки ознакомились с шелком еще в эпоху Александра, но не в Средней Азии, а в Индии; Страбон приводит слова Неарха о ткани, выделываемой из листьев, как греки еще долгое время спустя представляли себе происхождение шелка [7].

В 20-х годах II в. до н. э. Чжан Цянь видел в Бактрии китайские товары (бамбуковые посохи и холсты), но и эти товары были привезены из Индии [8], с которой Бактрия при греческих царях вообще имела более оживленные сношения, чем до Александра; уже в конце III в. до н. э., до завоеваний Димитрия, в Бактрии были индийские боевые слоны [9], которые в рассказах о действиях Александра в Бактрии и Согдиане не упоминаются. Ферганцы до Чжан Цяня слышали о богатствах Китая, но сношений с ним не имели [10].

Несмотря на близкое соседство с местностями, завоеванными еще Александром, Фергана так мало находилась под влиянием греческой культуры, что искусство выделывать посуду из золота и серебра и оружие из железа было принесено туда только китайцами [11]. Если бы Фергана когда-либо принадлежала греко-бактрийским царям, то это вряд ли было бы возможно.

Сближение слов *пу-тао* и βότρυς, крайне сомнительное в лингвистическом отношении, не оправдывается и историческими данными. Среди иранских терминов виноградарства и виноделия нет ни одного слова греческого происхождения; сами греки не только не говорят о распространении виноделия под греческим влиянием, но описывают местные сорта винограда и местные способы хранения вина как новые для греков черты местной культуры. Замечательно, что греки на Герируде и китайцы в Фергане обратили внимание на одну и ту же подробность — на продолжительность хранения вина [12].

Если даже Фергана оставалась вне влияния греческой культуры, то ни о каком распространении греческого владычества за пределы областей, завоеванных еще Александром, очевидно, не может быть речи.

[7] Ср. Хвостов, *История восточной торговли*, стр. 149.

[8] *Ши-цзи* в переводе о. Иакинфа (Бичурин, *Собрание сведений*, III, 9 и сл.); Hirth, *Zur Kulturgeschichte*, S. 11.

[9] Ср. рассказ Полибия (XI, 34) о переговорах 206 г. — Gutschmid, *Geschichte Irans*, S. 38.

[10] Бичурин, *Собрание сведений*, III, 2 (из *Ши-цзи*).

[11] Там же, III, 61 (из «Истории старшего дома Хань»).

[12] Ср. текст Страбона (§ 516): καὶ γὰρ εἰς τριγονίαν παραμένει ἐν ἀπιττώτοις ἄγγεσι.

Рассказ Полибия (XI, 34, 5) о переговорах между Евфидемом и Антиохом Великим (206 г. до н. э.) показывает, что греко-бактрийские цари видели свою задачу в Средней Азии исключительно в обороне культурных земель от кочевников; их завоевательные стремления, как впоследствии завоевательные стремления индо-скифских царей, были направлены исключительно в сторону Индии. Слова Аполлодора о распространении их власти до серов и фаунов относятся, следовательно, к индийским походам Димитрия и Менандра, о которых говорится в той же цитате; Аполлодор хотел сказать, что Димитрий и Менандр распространили греческое господство в Индии до ее восточных и северных пределов.

Такое понимание текста не находится в противоречии с географическими представлениями греков. О «серах» как народе, выделывавшем шелк, греки впервые узнали в Индии, и долгое время для них представление о серах было связано с представлением об индийцах; еще Страбон (§ 702) причисляет серов к индийским народам, жившим за Гипанисом (Сатледжем). Еще менее ясно было представление о границах между Индией и Средней Азией; Страбон (§ 513) приводит слова Эратосфена, по которым Бактрия граничила с Индией только на небольшом пространстве, области <же> согдийцев и саков (саков отделяла от согдийцев Сыр-Дарья) — всеми своими пределами. Где Аполлодор помещал «фаунов», которых теперь едва ли не все исследователи отожествляют с хуннами, и как он представлял себе границы между областью этого народа и областями индийскими и скифскими, неизвестно. Плиний (VI, 20), перечисляя народы в порядке с востока на запад, после серов называет сначала фунов (фаунов), потом тохаров, потом касиров, которые причисляются у него к индийцам, хотя и жили в сторону Скифии. Тохары упоминаются и у Аполлодора среди завоевателей греко-бактрийского царства, вторгнувшихся в это царство со стороны Сыр-Дарьи [13]. Если и Аполлодор помещал фаунов к востоку от тохаров, то представление об этих народах как северных соседях Индии не вполне противоречит действительности. Часть юечжийцев, или тохаров [14], так называемые «малые юечжийцы», осталась в местности к востоку от Хотана, где Сюань Цзан еще в

и слова *Ши-цзи* (Бичурин, *Собрание сведений*, III, 22): «Старое вино несколько десятков лет стоит без порчи». Виноделие в Фергане впоследствии было уничтожено исламом; виноградарство сохранилось до сих пор, но не получило большого развития и, по-видимому, не имеет будущности. По официальным «Обзорам Ферганской области», в Фергане под виноградниками было в 1897 г. 7327 десятин, в 1911 г. — всего 6339, причем больше всего (2770) в Наманганском уезде, где находится и первоначальная столица ферганских правителей Касан.

[13] Страбон, § 511; о принадлежности этого известия Аполлодору (через Посидония родосского) Behr, *De Apollodori reliquis*, p. 19.

[14] Ср. статьи бар. А. А. Сталя-фон-Гольстейна: *Was there a Kusana race?; KOPANO.*

VII в. видел развалины тохарских городов; сюда же распространялась власть хуннов, которыми на пути из Китая к Хотану был захвачен китайский посол Чжан Цянь [15].

Представление о стране серов и ее отношении к Индии постепенно должно было измениться под влиянием открытого в конце II в. до н. э. мирового торгового пути из Восточной Азии в Западную, когда этим путем направился вывоз из Китая шелка. О торговле шелком еще не упоминается в истории старшего дома Хань и говорится только в истории младшего дома Хань, воцарившегося в 25 г. н. э. [16]. Выгодами торговли воспользовалось государство Аршакидов; Митридат II Великий (123—87) был первым государем в мировой истории, отправлявшим посольства и на крайний восток и на крайний запад Азии, в Китай [17] и в Римскую республику [18]; но только «История младших Хань» говорит о роли парфян как посредников в торговле шелком: парфяне, «желая одни снабжать Дацинь (Римскую империю) шелковыми тканями, не пропускали дацинъцев через свои пределы в Китай» [19]. По тому же источнику, «посольство» (так китайцы, как известно, называли и торговые караваны) из страны Дацинь впервые прибыло в Китай в 166 г. н. э., притом морским путем. Классическая литература сохранила нам известие о путешествии римских торговцев в Китай в более раннюю эпоху, притом через Среднюю Азию; известно, что Марин тирский (около середины II в. н. э.) имел в руках записку македонского купца Маэса, носившего также латинское имя Titianus, о пути в страну серов, составленную со слов посланных им людей, будто бы совершивших это путешествие [20]. Трудно, однако, допустить, чтобы прибытие каравана из страны Дацинь не было отмечено в «Истории младших Хань»; очень вероятно, что посланные Маэсом люди выдали за результат действительно совершенного путешествия расспросные сведения, собранные ими у парфян. В труде Птолемея, единственном дошедшем до нас сочинении, где использована записка Маэса [21], о стране к востоку от Памира сообщены крайне смутные сведения; ни одного географического названия не удается

---

[15] *Ши-цзи* — Бичурин, *Собрание сведений,* III, 2 и 10. О том, что Чжан Цянь мог проехать только южным путем, еще Herrmann, *Seidenstraßen,* S. 116.

[16] О шелководстве в Китае см. также Hirth, *China and the Roman Orient,* p. 225 sq.; Herrmann, *Seidenstraßen,* S. 3 sq.

[17] Об этом посольстве *Ши-цзи,* перев. Иакинфа, — Бичурин, *Собрание сведений,* III, 20; Hirth, *China and the Roman Orient,* p. 35.

[18] Встреча парфянского посольства с Суллой в 92 г. до н. э. в Каппадокии описывалась много раз (первоисточник — Плутарх, *Сулла,* гл. 5), например Schneiderwirth, *Die Parther,* S. 42 sq.; Gutschmid, *Geschichte Irans,* S. 80.

[19] Бичурин, *Собрание сведений,* III, 117; Hirth, *China and the Roman Orient,* p. 42.

[20] Птолемей, I, 11, 7.

[21] Птолемей вынес впечатление, что Марин и сам не верил рассказам купцов (ibid.: ἔοικε δὲ καὶ αὐτὸς ἀπιστεῖν ταῖς τῶν ἐμπορευομένων ἱστορίαις).

приурочить к определенной местности, если руководиться современными записке китайскими источниками и не прибегать к таким ненаучным приемам, как сближение Авксакии или Авзакии с Аксу, ойхардов с уйгурами[22].

«Посольство» 166 г. часто приводили в связь с военными событиями 162—166 гг., закрывшими для римских купцов сухопутную дорогу в Китай[23]. Между тем купцы привезли в Китай только индийские товары — слоновые зубы, носороговы рога и черепашины — и ни одного из тех товаров, которые обыкновенно привозились из страны Дацинь[24]. Из этого можно заключить, что купцы при отъезде из областей Римской империи еще не думали о путешествии в Китай и только в Индии воспользовались каким-то неожиданно представившимся им случаем для такого путешествия.

Предположения о сознательном стремлении римских купцов получать шелк непосредственно от китайцев, таким образом, столь же мало доказательны, как предположения о политике греко-бактрийских царей. И без непосредственных сношений в Римскую империю не могли не проникать сведения о караванном пути в страну, откуда происходил шелк; но старые географические представления не могли быть вполне вытеснены новыми; несмотря на сведения о караванном пути в страну серов из Бактрии и Согдианы, несмотря на опубликованную Марином и Птолемеем записку Маэса, мы в античной литературе, как научной, так и популярной, от века Августа до века Юстиниана видим много примеров, что серов по-прежнему представляли себе рядом с индийцами. Гораций называет серов вместе с индийцами (Carm. I, 12, 56), хотя в других местах (Carm. III, 29, 27 и IV, 15, 23) упоминает о них рядом с Бактрами, Танаисом и персами. Дионисий Периегет, писавший, как полагают теперь[25], в эпоху Адриана (117—138), говорит о пути к серам совершенно отдельно от Индии: из «согдийской земли», которую прорезывал Окс, вытекавший из горы Эмод и впадавший в Каспий, шли за Яксарт к сакам; дальше следовали тохары, фауны (в печатном тексте: фруны) и «варварские народы серов» (vers. 747—752); единственная связь с Индией заключалась в том, что от той же горы Эмод[26] до земли, орошенной Гангом, жил народ «гар-

[22] <Сопоставление сведений письменных источников и разбор попыток отождествления упоминаемых в них местностей в районе Памира и Припамирья см. Мандельштам, *Материалы.* — *Б. С.*>

[23] Gutschmid, *Geschichte Irans,* S. 150; Hirth, *China and the Roman Orient,* p. 173 sq.; idem, *Zur Kulturgeschichte,* S. 21 sq.

[24] Ср. Бичурин, *Собрание сведений,* III, 1117 и 1120.

[25] Ср. редакционное примечание к статье Ф. Хирта — Hirth, *Ueber Wolga-Hunnen,* S. 274, с ссылкой на Christ, *Griechische Litteratur,* S. 691.

[26] Плиний (VI, 24) передает слова цейлонских послов, что с тех же гор уже можно было видеть серов. По представлению Птолемея (VI, 15 и 16), Эмодские горы проходили через Скифию и Серику.

гариды» (vers. 1144—1147). Марин тирский и по его примеру Птолемей говорят о стране синов, куда приезжали морем из Индии, и о стране серов, куда шли караванным путем из Бактрии, как о двух различных странах, хотя для автора составленного около 70 г. н. э. «Перипла Красного моря» город Θῖναι был главным городом серов [27]; однако и Птолемей заставлял не только страну синов (VII, 3, 1), но и страну серов (VI, 16, 1) граничить с частью Индии, расположенной за Гангом; эти индийцы были, по его мнению, западными соседями синов и южными соседями серов (также VII, 2, 1). В христианской версии псевдо-Каллисфена (III, 7) серы вместе с индийцами помещены у Ганга. В известном рассказе Прокопия (De belle Goth., IV, 17) о начале шелководства в Византии при Юстиниане говорится о стране Σηρίνδα, расположенной по ту сторону большей части индийских народов [28]. Очень вероятно, что это название, подобно некоторым другим географическим и этнографическим терминам античной науки, образовалось из соединения названий народов серов и индийцев, как близких соседей.

---

[27] Хвостов, *История восточной торговли,* стр. 392.

[28] Ἐν χώρᾳ ὑπὲρ Ἰνδῶν ἔθνη τὰ πολλὰ οὐσῃ ἥπερ Σηρίνδα ὀνομάζεται. Текст не вполне правильно приведен в книге: Chavannes, *Documents*, p. 233.

К ВОПРОСУ ОБ ЯЗЫКАХ СОГДИЙСКОМ И ТОХАРСКОМ[1]

Цель настоящей статьи — не предложить решение упомянутого в заглавии вопроса, но, на основании доступного мне и еще мало использованного в науке материала, обратить внимание на те из его сторон, которые имеют больше значения для историка, чем для лингвиста, и которых поэтому почти не касались авторы прежних, преимущественно лингвистических работ.

Как известно, один из литературных языков, на которых были найдены документы и отрывки произведений религиозной литературы при археологических изысканиях в Средней Азии, был назван с о г д и й с к и м, потому что его фонетические признаки, и в особенности календарные термины[2], именно названия месяцев, оказались сходными с теми данными, которые сообщает автор XI в. Бируни о языке согдийцев[3]. Вопрос о географических и хронологических пределах этого языка и его различных наречий остается до сих пор не разрешенным. Более всего занимался согдийским языком покойный Р. Готье, окончательные взгляды которого изложены в его «Опыте согдийской грамматики», составленном

---

[1] <В то время, когда В. В. Бартольд писал эту работу, в науке были известны письменные памятники, происходящие не из Согда и Тохаристана (древней Бактрии), а лишь из Восточного Туркестана. Определение их как согдийских и тохарских было в известной степени условным. Находки согдийских надписей и документов в Средней Азии и дешифровка надписей на монетах Согда VII—VIII вв. подтвердили согдийскую языковую принадлежность группы памятников Восточного Туркестана. Определение же памятников «тохарской» письменности все еще остается предметом научных споров. Разные исследователи приписывают тохарам то одну, то другую группу средневековых письменных памятников Восточного Туркестана, наряду с которыми ныне известны и надписи из собственно Тохаристана (древней Бактрии), относящиеся к первым векам нашей эры; исследователь этих надписей А. Марик (A. Maricq) предложил даже именовать их язык «истинно тохарским» в отличие от «псевдотохарских» текстов Восточного Туркестана. Литература по вопросам, которые рассматривает В. В. Бартольд в своей статье, ныне весьма обширна. Обзор ее и освещение современного состояния изученности этих вопросов см.: Henning, *Mitteliranisch;* Оранский, *Введение,* стр. 145—222 (библиография: стр. 409—421 и 481). Из последних работ, не указанных в библиографии к книге И. М. Ораниского, см.: «Тохарские языки»; Ставиский, *Хионитская гемма* (ср. Henning, *A Bactrian seal-inscription*); Henning, *The Bactrian inscription;* Benveniste, *Inscriptions.* — *Б. С.*>

[2] F. W. K. Müller, *Die «persischen» Kalenderausdrücke.*

[3] Бируни, *Āṯār ал-бāқийа,* изд. Захау, в особенности стр. 46 и сл.

в 1913 и обнародованном в 1923 г.[4], через много лет после его смерти. Несколько раньше, в 1910 г., попытка дать общую характеристику согдийского языка была сделана Андреасом[5] (которому принадлежит и термин «согдийский»)[6]. Сравнение между взглядами Андреаса (1910 г.) и взглядами Готьо (1913 г.) наглядно показывает, насколько за три года успели измениться взгляды исследователей и количество материала, находившегося в их распоряжении. Андреас знал только два, по его терминологии, среднесогдийских диалекта и один новосогдийский, причем только последний приурочивается к определенной местности — к долине речки Ягноб в бассейне верхнего Зеравшана. Из среднесогдийских диалектов один встречается исключительно в христианских отрывках, другой — исключительно в манихейских; по основной фонетической особенности они определяются как диалект δ и диалект *l*. С тем же делением связываются два названия страны народа согдийцев, известные в литературе, Suγδ и Sūlīk, причем последнее определяется как «die jüngere e i n h e i m i s c h e (разрядка в подлиннике) Form des alten Stamm- oder Landesnamens, die der chinesische Pilger Hüan-čuang (Hiouen-thsang) im Jahre 630 auf seiner Reise im Lande selbst gehört und durch Su-li wiedergegeben hat; sie stammt aus dem mittelsoghdischen *l*-Dialekt, der wohl der herrschende gewesen ist». Отношение диалектов друг к другу определяется не совсем ясно. В манихейском диалекте мы находим «durchwegs ältere Sprachformen», в то же время, однако, манихейское Sūlīk есть, как мы только что видели, «jüngere einheimische Form» названия страны, и вообще предполагается переход δ в *l*, а не наоборот. Ягнобский диалект (в то время еще не различали двух ягнобских наречий)[7], единственный представитель новосогдийского языка, не является прямым потомком ни того, ни другого из двух среднесогдийских, но ближе стоит к христианскому; диалекты *l*, восточноиранские, но не согдийские, сохранились только в пределах Афганистана. Андреас не касался вопроса, связано ли существование двух среднесогдийских диалектов, кроме религии, также с какими-нибудь хронологическими или географическими моментами.

Готьо в своих работах, появление которых началось в том же 1910 г., располагал двумя категориями источников, которых не было у Андреаса: 1) деловыми документами I в. н. э., язык которых нашедший их д-р Штейн (впоследствии Sir M. A. Stein) называл «раннесогдийским» (Early

---

[4] Gauthiot, *Essai.*

[5] Andreas, *Zwei soghdische Exkurse.*

[6] Розенберг, *О согдийцах,* стр. 82.

[7] Об этом Gauthiot, *Compte,* p. 675. <О ягнобском языке см. новые работы: Климчицкий, *Ягнобцы;* Андреев — Пещерева, *Ягнобские тексты;* Benveniste, *Lexique.* Об изучении этого языка см. Соколова — Грюнберг, *История,* стр. 129—131. — *Б. С.*>

Soghdian)[8], найденными в одной из башен китайской пограничной стены в Дуньхуане (Tun-huang)[9]; 2) буддийскими текстами на том же языке; эти рукописи, найденные преимущественно также в Дуньхуане, относятся, по мнению Готьо, ко времени от VII до IX в. Сопоставляя буддийские тексты с манихейскими и христианскими, Готьо в первых своих работах употреблял выражение «sogdien bouddhique»[10]; в 1913 г. он отвергал этот термин и предлагал заменить его другим — «sogdien national»[11]: несмотря на промежуток в шесть столетий, согдийцы-буддисты, по словам Готьо, в языке и письме сохранили национальные традиции, от которых отклонились манихеи и христиане. В своей грамматике Готьо под «sogdien» без более точного определения понимает одинаково язык документов I в. и язык памятников буддийской литературы, этому «sogdien» противопоставляются «sogdien manichéen» и «sogdien syriaque».

Готьо в предисловии к своей грамматике категорически утверждает, что раннесогдийское письмо известно нам только по «lettres découvertes par Sir M. A. Stein dans une tour du limes chinois». Между тем, кроме этих писем, датировка которых основана на том, что они были найдены вместе с китайскими документами начала I в. н. э., Штейн нашел раннесогдийские документы еще в другой местности[12], на Лоб-Норе, в пределах старого княжества, известного у китайцев под названием Лоулань (Пельо[13] считает первый слог транскрипцией названия «Lop», второй остается, по его словам, необъясненным). Лоулань, по мнению Штейна, опустел в начале IV в. н. э.[14]. Найденные там документы занимают, следовательно, промежуточное положение между документами I в. и памятниками буддийской литературы; возможно, что с помощью их удалось бы яснее проследить эволюцию письма и, может быть, языка согдийцев.

В грамматике Готьо, в отличие от статьи Андреаса, затронута не только лингвистическая, но и историческая сторона согдийского вопроса. Согдийцами, по словам Готьо, с древних времен называли народ, с тех пор исчезнувший, центром которого был город Самарканд. Китайские

---

[8] Так Stein, *A third journey*, p. 25 (отд. отт.). Об иранском и согдийском характере языка Stein, *Ruins*, vol. II, p. 186; *о* находке ibid., p. 113 sq.

[9] <Как установил В. Б. Хеннинг, эти «раннесогдийские» документы датируются не I в., а началом IV в. н. э.; см. Henning, *The date.* — *Б. С.*>

[10] Напр., Gauthiot, *Une version sogdienne*, p. 166, также заглавие статьи в «Mémoires de la Société linguistique de Paris», t. XVII, pp. 137—161: «A propos des dix premiers noms de nombre en sogdien bouddhique».

[11] Gauthiot, *Essai*, p. 26: «écriture sogdienne qu'il est beaucoup plus juste d'appeler nationale que bouddhique». Также *Compte*, p. 677: «Le sogdien d'écriture sogdienne souvent appelé à tort bouddhique».

[12] Stein, *Ruins*, vol. I, p. 394; idem, *A third journey*, p. 25 (отд. отт.).

[13] *Le «Cha tcheou tou [tou] fou t'ou king»*, p. 119.

[14] Stein, *Ruins*, vol. I, p. 397.

источники говорят о широкой колонизационной деятельности согдийцев; важнейший из этих источников — разобранная Пельо [15] рукопись, найденная в Дуньхуане, о согдийской колонии на Лоб-Норе, основанной в VII в. и еще сто лет спустя сохранявшей некоторую автономию. По Сюань Цзану, страна «des Sou-li, c'est à dire des Sogdiens» обнимала территорию «à partir de la rivière du Sou-ye au Nord du Turkestan et du Ling-Chan, en Chine, jusqu'au territoire de Kaš, au sud de Samarcande» (известно, что река Sou-ye была не в Китае, а есть река Чу в Семиречье). Форма Sou-li показывает, что деление согдийского языка на диалекты существовало уже «au huitième siècle» (следовало бы сказать «au septième», так как путешествие Сюань Цзана относится к 630 г.). Из двух согдийских диалектов диалект δ был распространен на севере и на западе, диалект *l* — на юге и на востоке; более точно район распространения каждого диалекта не определяется [16]. Говорится о деятельности согдийцев, особенно манихейских миссионеров, в Китае и о согдийской, как доказал Ф. В. К. Мюллер в 1909 г., надписи на надгробном памятнике уйгурского хана IX в.: «à côté de la langue du chef turc figuraient donc deux langues civilisées, le chinois et le sogdien». О согдийской надписи IX в., принадлежащей манихеям, говорится, что она «représentait, somme toute, la tradition la plus vieille et la plus constante du sogdien» (в другом месте того же предисловия автор, как мы видели, приписывает сохранение национальных традиций одним буддистам). Во время арабского нашествия часть согдийцев, убегая от ислама, направилась к востоку. Впоследствии монголы произвели «слишком большие избиения» (ont trop massacré), а согдийцы, которым пришлось вынести их первый удар, были слишком слабы; они и исчезли по всей линии, кроме жалких остатков в долине Ягноба. Персидская лексикография, традиции которой сохранены большими индийскими словарями, причисляет согдийский язык вместе с тремя старыми языками современного Афганистана — гератским, завульским и сакским, или седжестанским, — к исчезнувшим персидским, т. е. иранским, языкам.

Крайняя скудость сведений Готье о жизни согдийцев в мусульманскую эпоху отчасти объясняется тем, что классические представители мусульманской географической науки, арабские географы X в., не говорят почти ничего о согдийцах и их языке. В труде Балхи—Истахри, которым больше всего пользовались последующие авторы, название «Согд» дается только местности к востоку от Бухары, начиная от Дабусии, около нынешнего Зияуддина; к этому прибавляется, что некоторые причисляют к Согду также Бухару, Кеш (Шахрисябз) и Несеф (Карши). [17] Сам

[15] *Le «Cha tcheou tou [tou] fou t'ou king».*

[16] В <статье> Gauthiot, *Compte,* p. 671 о согдийском языке говорится как о «langue répandue au moyen âge de Samarkand jusqu'en Chine».

[17] Истахри, 316.

Истахри, таким образом, не причисляет к Согду даже Бухару, хотя он же говорит в другом месте [18], что язык Бухары есть язык Согда. Бируни делит всех зороастрийцев Мавераннахра на хорезмийцев и согдийцев [19], из чего можно было бы заключить, что он под Согдом понимает всю или почти всю ту область, которую некогда греки называли Согдианой; но в главе о календаре и праздниках согдийских зороастрийцев среди мест, где справлялся тот или другой праздник, упоминаются исключительно бухарские селения [20]. Макдиси [21] в конце X в. говорит, что «у согдийцев есть свой язык; на него похожи языки бухарских *рустаков* (т. е. сельских местностей); они очень различны; их там понимают; я видел славного имама Мухаммеда ибн Фадла, который много говорил на них». Таким образом, в одной Бухарской области было в конце X в. несколько наречий согдийского языка как языка народных масс; если образованный человек знал эти языки, то это отмечалось, как редкое явление [22]. Не к Согду, а к другой области, Осрушане, или Сутрушане, причислялись верховья Зеравшана [23], т. е. единственная местность, где теперь говорят на согдийском языке, тогда в состав Согда не входила.

Сведения о колонизационной деятельности согдийцев сохранились, однако, и в мусульманской литературе. Уже в 1897 г. мною была приведена, в немецкой статье [24], выписка из рукописи Туманского, т. е. из сочинения персидского анонимного географа второй половины X в., где говорится о пяти деревнях бегтегина, принадлежавших согдийцам, в стране тугузгузов, т. е. именно в той местности около Турфана и Гучэна где были найдены согдийские рукописи. В одном селении, Булаик, к востоку от Турфана, были найдены, по словам А. ф. Лекока, исключительно христианские фрагменты на различных языках, в том числе на согдийском [25]. Насколько мне известно, это единственный пункт, в котором археологически установлено господство только одной из распространявшихся в Средней Азии с запада религий. По словам персидского автора, в согдийских колониях жили христиане, зороастрийцы и «сабии». В колонизаторской деятельности согдийцев, следовательно, принимали участие и зороастрийцы, хотя до сих пор ни одного зороастрийского

[18] Там же, 314.

[19] Бируни, *Āṯār ал-бāқийа*, изд. Захау, 45,22.

[20] Там же, 233—235.

[21] Макдиси, 335 внизу и сл.

[22] Ср. еще согдийские слова, приведенные как слова «персидского» наречия Бухары, у Нершахи (изд. Шефера, 47) и попытку объяснения этих слов в статье Ф. А. Розенберга (*Sogdica*).

[23] Ср. мой *Туркестан*, ч. II, стр. 168; <наст. изд., т. I, стр. 225>.

[24] Barthold, *Die historische Bedeutung*, S. 4, Anm. 1.

[25] F. W. K. Müller, *Uigurica*, I, S. 4. Сведения о развалинах у Г. Е. Грум-Гржимайло, *Описание путешествия в Западный Китай*, т. I, стр. 274 и сл.

фрагмента ни одной из экспедиций найдено не было. Под «сабиями» можно понимать и буддистов, и манихеев, скорее первых, так как в рассказе о Самарканде[26] манихеи названы مانويان, а не صابيان.

В той же немецкой статье[27] мною было приведено свидетельство Джувейни и писавших с его слов авторов о городе Самарканде, в семи днях пути от Бишбалыка,— судя по контексту, к северу от него,— где в 1248 г. умер монгольский великий хан Гуюк на пути из Каракорума на запад; это известие указывает на существование согдийской колонии в Западной Монголии. О деятельности согдийцев в Семиречье свидетельствуют слова персидского географа X в., что такой-то город, по-видимому к северу от перевала Кастек, назывался так-то на согдийском языке; это известие было приведено в моем «Очерке истории Семиречья» в 1898 г.[28].

Более подробно говорит о семиреченских согдийцах, чего Готье в 1913 г. не мог знать, Махмуд Кашгарский, сочинение которого было открыто и издано в Константинополе в 1915 г. Из слов этого автора видно, что согдийской колонией был и Баласагун, местоположение которого до сих пор в точности не определено, но сообщаемые о нем у Махмуда Кашгарского новые данные безусловно говорят в пользу моего прежнего мнения[29], что этот город следует искать в долине реки Чу. Махмуд Кашгарский говорит о крепости Шу, построенной турецким царем этого имени, современником Александра Македонского, близ Баласагуна, которого в то время еще не было[30]. Надо думать, что крепость стояла на реке того же имени и что в местном диалекте и тогда, как теперь в киргизском[31], звук *ч* заменялся звуком *ш*. В другом месте[32] Махмуд Кашгарский говорит, что название Занби носил перевал между Кочкар-баши и Баласагуном; надо думать, что имеется в виду дорога между Кочкаром и Чу через перевал Шамси, которому придается большое значение в местных легендах[33]. Согдийские колонисты, занимавшие северную часть района, объединенного у Сюань Цзана под названием Сули, носят у Махмуда Кашгарского название *согдак;* это — «народ, поселившийся в Баласагуне; они из того Согда, который между Бухарой и Самаркандом.

---

[26] Туманский, *Новооткрытый персидский географ,* стр. 123.

[27] Barthold, *Die historische Bedeutung,* S. 4, Anm. 2. Ср. теперь в изд. GMS, XVI, 215 внизу (текст Джувейни <изд. Казвини>); GMS, XVIII, 250 (текст Рашид ад-дина <изд. Блоше>); Вассаф, бомбейское изд., 576.

[28] Бартольд, *Очерк истории Семиречья,* стр. 89; отд. отт., стр. 16; <наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 36>.

[29] Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию,* стр. 32—40.

[30] Махмуд Кашгарский, III, 305 и сл.

[31] Радлов в *Aus Sibirien* пишет везде (напр., Bd I, S. 10) «Schin».

[32] Махмуд Кашгарский, III, 325.

[33] Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию,* стр. 40.

только они приняли одежду и нравы турок»[34]. Жители Баласагуна в то время, т. е. во второй половине XI в., говорили по-согдийски и по-турецки, также жители Тараза, т. е. Аулие-Ата, и жители «белого города»[35], т. е., как видно из другого места, Исфиджаба, или Сайрама[36].

Готье доказал, что согдийцам турки были обязаны тем алфавитом, который известен под названием «уйгурского». Махмуд Кашгарский, по-видимому, не знал этого, хотя об этом упоминает еще более поздний автор, писавший в начале XIII в., Фахр ад-дин Мубарекшах Мерверруди[37].

В пользу сближения уйгурского алфавита именно с согдийским, кроме доводов Готье, говорит и тот факт, что уже в стране Сули, по словам Сюань Цзана, читали (и писали) сверху вниз, как впоследствии уйгуры и монголы[38]. Заслуги согдийцев в деле распространения алфавита семитского происхождения дают им право на место в истории рядом с финикийцами. Один из лучших знатоков быта современных туземцев Средней Азии, которых до последнего времени называли сартами, покойный В. П. Наливкин[39], находил, что «ни большая склонность к торговле, ни большое число лиц, занимавшихся ею, не сделали в то время (до русского завоевания) сартов среднеазиатскими финикийцами» ввиду малой их подвижности и робости. Сам Наливкин признает[40], что неподвижность и робость стали быстро исчезать по мере изменения общих условий жизни; их, конечно, не было и прежде, когда караванный путь через Среднюю Азию и Китай был одним из важнейших путей мировой торговли. Торговое значение туземцев Средней Азии в то время едва ли уступало торговому значению финикийцев в древности[41].

Судьба языка и национальности согдийцев связана, по-видимому, с теми общими явлениями, которые замечаются в истории Персии и Туркестана в мусульманский период. Во-первых, иранские диалекты постепенно вытесняются литературным языком Персии, во-вторых, при столкновении иранского элемента с турецким победу одерживает турецкий язык[42]. На своей первоначальной родине согдийцы приняли персидский язык и сделались таджиками; в Семиречье, вероятно и в

---

[34] Махмуд Кашгарский, I, 391 и сл.

[35] Там же, I, 30.

[36] Там же, III, 132.

[37] Ross, *The genealogies*, p. 405 внизу.

[38] Бартольд, *О христианстве в Туркестане*, стр. 3; <см. выше, стр. 268>.

[39] *Туземцы*, стр. 28.

[40] Там же, стр. 97 и сл.

[41] <О согдийской колонизации ныне см. Кляшторный, *Древнетюркские надписи* (с полной библиографией). — *Б. С.*>

[42] Об этом Ivanov, *Tabaqat of Ansari*, p. 10.

других местах, они подверглись отуречению. Слова Махмуда Кашгарского, что жители Баласагуна и других городов говорят по-согдийски и по-турецки, показывают, что во второй половине XI в. семиреченские согдийцы переживали последнюю стадию денационализации: еще были люди, говорившие по-согдийски, но уже не было людей, которые бы говорили только по-согдийски. Монголы уже не имели дела с согдийцами, а только с таджиками, которых называли «сартактаями» и «сартаулами», т. е. сартами [43]; слово *сарт*, некогда принесенное к туркам индийскими буддистами [44] и еще в XV в., при Махмуде Кашгарском, имевшее только значение 'купец' [45], сделалось названием того народа, из которого к туркам и монголам приходили купцы. Таджики, или сарты, уже не распространяли своей письменности, и их алфавит, арабский, принимали только те народы, которые становились мусульманами, но по обширности своей колонизационной деятельности они не уступали домусульманским согдийцам, и путешественник Рубрук в 1253 г. в местности к северу от Или видел город, где жили сарацины, говорившие по-персидски, хотя от их города до Персии было очень далеко [46].

Согдийский народ, таким образом, утратил свой язык задолго до монгольского нашествия; города, где тогда жили его преемники, таджики, благополучно пережили монгольское нашествие и связанные с ним избиения, хотя впоследствии погибли от смут, связанных с распадением монгольской империи [47].

Страна Сули оканчивалась при Сюань Цзане «Железными воротами», т. е. проходом Бузгала, и горами, составляющими юго-восточную границу бассейна Кашка-Дарьи. Те же «Железные ворота» указываются в истории Самарканда, известной под названием *Кандийа*, как южный предел домусульманского Самаркандского княжества; северным пределом считалась река Сыр-Дарья [48]. Буддизма в стране Сули уже не было; Сюань Цзан ничего не говорит о числе монастырей и монахов, как при описании других стран. В Самарканде ему удалось восстановить два монастыря, конечно, ненадолго [49]. Последнее известие показывает, что вытеснение буддизма произошло только незадолго перед этим; но о его восстановлении при господстве ислама, конечно, не могло быть речи. В X в. в Самарканде и его окрестностях

---

[43] Об этом моя статья *Таджики*, стр. 103; <наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 461>.

[44] *Kuan-ši-im Pusar*, 37.

[45] Махмуд Кашгарский, I, 286 внизу. <См. ниже, стр. 527 и сл.>

[46] Текст (Рубрук, изд. Мишеля — Райта, 281): «in qua erant Saraceni loquentes Persicum, longissime tamen erant a Perside». Ср. пер. Малеина, 105.

[47] Ср. в моем *Очерке истории Семиречья*, отд. отт., стр. 63; <наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 74>.

[48] Текст <Несефи> в моем *Туркестане*, ч. I, стр. 50 наверху; пер. Вяткина, 253.

[49] Бартольд, *О христианстве в Туркестане*, стр. 5; <см. выше, стр. 270>.

упоминаются, кроме мусульман, только зороастрийцы, манихеи и христиане[50]. Таким образом, в тот период, к которому Готье относит памятники буддийской литературы на согдийском языке, буддизма на родине согдийцев уже не было; но возможно, что он продолжал существовать еще некоторое время в согдийских колониях.

Переехав южную границу страны Сули и приехав в страну Тухоло, т. е. Тохаристан, Сюань Цзан снова встретил буддизм, монастыри и монахов. Здесь было другое письмо, из 25 букв, вероятно индийского происхождения, так как писали слева направо. По словам Сюань Цзана, литература, в частности историческая, в стране Тухоло постепенно развивалась и при нем была значительнее, чем в стране Сули[51]. Тем не менее мусульманские авторы говорят сравнительно много об языке и письме согдийцев и ни слова об языке и письме Тохаристана. Единственное исключение — слова автора XII в. Сам'ани[52] о городе Вашджирде, или Вашгирде, на месте современного Файзабада бухарского, некогда главного города области Хуттал[53]. Сам'ани упоминает о «буквах, бывших там в начале ислама, известных, записанных в книгах». Несмотря на последние слова, показывающие, что Сам'ани говорит не об открытом им, а о хорошо известном его современникам факте, его свидетельство, по-видимому, стоит совершенно одиноко в мусульманской литературе.

Известно, что название «Тухоло» носит у Сюань Цзана еще другая местность — область к востоку от Хотана, в то время совершенно пустынная[54]. Штейн нашел в развалинах Эндере, вполне соответствующих, по мнению самого Штейна[55], Тухоло Сюань Цзана, памятники буддийской литературы. Язык этих памятников известен теперь в науке под названием языка II; языком I называется другой древний литературный язык, на котором писали другие буддисты в городе Куче. По словам Сюань Цзана[56], в Куче употреблялись индийские письмена с некоторыми изменениями; о письменности в стране Тухоло, ввиду ее пустынности, ничего не говорится. В памятниках буддийской

---

[50] Ср. мой *Туркестан*, ч. II, стр. 88 и 96; <наст. изд., т. I, стр. 136 и 145>; Бартольд, *О христианстве в Туркестане*, стр. 113; <см. выше, стр. 279>; Туманский, *Новооткрытый персидский географ*, стр. 123.

[51] Сюань Цзан, пер. Жюльена, I, 24.

[52] Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 68; Сам'ани, изд. Маргулиуса, л. 576б.

[53] Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 72; <наст. изд., т. I, стр. 121>.

[54] Сюань Цзан, пер. Жюльена, II, 247.

[55] *Ancient Khotan*, vol. I, p. 435.

[56] Пер. Жюльена. I, 4.

литературы на турецком языке упоминается, как один из буддийских литературных языков, тохарский; немецкие и французские ученые теперь большею частью относят это название к языку I и называют язык II саккским, хотя Сюань Цзан помещает страну Тухоло именно там, где найдены памятники языка II; на этом основано мнение Сталь-Гольстейна[57], что больше прав на название «тохарский» имеет язык II[58]. Культура, не существовавшая к востоку от Хотана при Сюань Цзане, была восстановлена, как доказал Штейн, уже в VIII в.[59].

Тохарский вопрос еще более сложен, чем согдийский. Тохары были пришельцами с востока и заняли местность к востоку от Хотана раньше, чем местность по верхним притокам Аму-Дарьи; с другой стороны, аму-дарьинские тохары раньше подверглись влиянию буддизма и индийской письменности; вполне возможно, что они после принятия буддизма стали просвещать своих оставшихся в Восточном Туркестане соплеменников. Сюань Цзан, к сожалению, не говорит, походил ли тохаристанский алфавит на тот алфавит, с которым он ознакомился в Куче; не найдено также никаких остатков той тохаристанской письменности, о которой говорят Сюань Цзан и Сам'ани; наконец, среди живых наречий нет или, по крайней мере, до сих пор не указано таких, которые могли бы быть признаны потомками тохарского языка, как ягнобские наречия — потомками согдийского. Вполне возможно, что дальнейшие археологические и лингвистические исследования в современном Таджикистане приведут к открытию такого материала, и тогда вопрос о тохароком языке как одном из литературных языков Восточного Туркестана можно будет поставить на строго научную почву[60].

---

[57] *Tocharisch* и другие статьи. Противоположный взгляд, напр., у Jarl Charpentier, *Die Stellung*.

[58] <О современном состоянии вопроса о тохарском языке см. сб. «Тохарские языки» и другие работы, указанные выше, в прим. 1 к настоящей статье. — *Б. С.*>

[59] Stein, *Ancient Khotan*, vol. I, pp. 435 sq., 546; idem, *Ruins*, vol. I, p. 312. Ср. Сталь-Гольстейн, *Сюань-Дзан*, стр. 20.

[60] <В качестве памятников «тохаристанской письменности» ныне могут рассматриваться, помимо монет и гемм, надписи, открытые в Афганистане и Таджикистане (см. работы, указанные в прим. 1). Надписи такого же характера в 1962—1963 гг. были откопаны и при раскопках буддийского монастыря II—III вв. в Старом Термезе. — *Б. С.*>

МЕСТА ДОМУСУЛЬМАНСКОГО КУЛЬТА В БУХАРЕ И ЕЕ ОКРЕСТНОСТЯХ

Одной из главных культурных заслуг мусульманства является, как известно, подробное географическое описание всех областей, вошедших в состав халифата. О некоторых областях мы только со времени мусульманского завоевания имеем сколько-нибудь подробные сведения, в том числе о Туркестане; то, что сообщается о Туркестане в греческой и китайской географической литературе, не могло бы выдержать никакого сравнения с подробным описанием Туркестана арабскими географами. Поэтому даже наши сведения о домусульманском Туркестане основаны преимущественно на мусульманских источниках, тем более что расцвет арабской географической литературы относится к такому времени — X в. н. э.,— когда в Туркестане домусульманские традиции, даже в области религии, еще не успели исчезнуть.

Наиболее благоприятные условия для историко-топографических исследований представляет Бухара с окружающими ее селениями. Помимо сведений о Бухаре в описаниях всего халифата, мы имеем о Бухаре специальный историко-географический труд, какого нет ни об одном из других туркестанских городов [1], составленный в самой Бухаре на арабском языке в X в. История Бухары Нершахи [2] дошла до нас только в более позднем, сокращенном персидском переводе; но как первый переводчик, так и последующие редакторы переводов, помимо сокращений, сделали также некоторые дополнения, именно привели данные, относящиеся к последующим векам, до взятия Бухары монголами в 1220 г.

Понимание письменных известий облегчается тем, что Бухара, в отличие, например, от Самарканда, сохраняет и теперь то же самое местоположение, как в домусульманский период; цитадель домусульманской Бухары находилась в том же месте, как *арк* (цитадель) Бухары XX в. с дворцом бухарского эмира, разрушенным в сентябре 1920 г.

---

[1] В этом легко убедиться, если сравнить труд Нершахи с сочинением по истории Самарканда, известным под названием *Кандийа* (пер. Вяткина). О других городах нет и такого труда, как *Кандийа*.

[2] Имеется, как известно, в печатном издании Шефера (1892) и в русском переводе (Н. Лыкошина, 1897). <Ныне см. также издание текста Ризави (1936) и английский перевод Фрая (1954). — *Ю. Б.*>

Таким же образом многие селения в окрестностях Бухары сохраняют до сих пор свои домусульманские названия. Некоторые дополнения к сведениям Нершахи о домусульманских местах культа можно найти в известной «Хронологии» Бируни (начала XI в.), который говорит о согдийцах вообще, но его указания на местные празднества и т. п. относятся исключительно к бухарским селениям.

Часть данных, относящихся к исторической топографии Бухары и окружающего ее района, была использована мною еще в 1900 г., в труде «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», и в некоторых последующих работах[3]; но с тех пор довольно много данных собрано исследователями, имевшими возможность проверять известия письменных источников путем подробного осмотра местности. Сюда относятся в особенности статья покойного Л. А. Зимина «Отчет о двух поездках по Бухаре с археологической целью»[4] и статья И. И. Умнякова «К вопросу об исторической топографии средневековой Бухары»[5].

Бухара принадлежала к числу тех немногочисленных городов, где цитадель не входила в состав собственно города (*шахристана*); она занимала особый холм — как полагают, насыпной[6]. Внутри цитадели в домусульманский период был храм идолов (*бутхāне*), на месте которого в 713 г. была построена мечеть[7]. Не вполне ясно, какой религиозный культ имеется в виду в данном случае. Казалось бы, что выражение «храм идолов» не может относиться к зороастризму; но из другого рассказа того же автора, Нершахи, видно, что изображения, называвшиеся у мусульман идолами, были и у зороастрийцев. Когда после взятия Бухары арабами представители богатого купечества выселились из шахристана и построили для себя 700 зáмков в местности к северо-западу от цитадели (впоследствии эта местность вошла в черту города)[8], эти зáмки назывались «замками мугов», т. е. зороастрийцев; при этом говорится, что каждый на дверях своего зáмка сделал изображение своего «идола». После разрушения зáмков эти двери были употреблены

---

[3] В особенности в статье *Bukhārā* (EI, I, S. 808—816).

[4] ПТКЛА, год XX, стр. 119—156.

[5] «Ал-Искендерийя», стр. 148—157. <После выхода в свет настоящей работы В. В. Бартольда вопросы исторической географии Бухары и Бухарского оазиса рассматривались в работах: Шишкин, *Архитектурные памятники*; его же, *Археологические работы 1937 г.*; его же, *Мечеть Магоки-Аттари;* его же, *Археологические работы в мечети Магоки-Аттари;* его же, *Варахша;* Якубовский, *Археологическая экспедиция;* Сухарева, *К вопросу об исторической топографии Бухары;* ее же, *К истории.* См. также Большаков, *Заметки.* — *Б. С.*>

[6] Так по Масальскому (*Туркестанский край*, стр. 660); Ханыков (*Описание Бухарского ханства*, стр. 82) оставлял этот вопрос нерешенным («на естественном возвышении или искусственной насыпи, мне неизвестно»).

[7] Нершахи, изд. Шефера, 47; пер. Лыкошина, 63.

[8] О местоположении «ворот улицы мугов» мой *Туркестан*, ч. II, стр. 106; <наст. изд., т. I, стр. 154, 155>; Умняков, *К вопросу об исторической топографии*, стр. 153.

в дело при расширении новой (второй) соборной мечети, находившейся между цитаделью и шахристаном; при этом лица были выскоблены, остальное оставлено как было. Одна из этих дверей сохранялась еще в XII в.; на ней были видны следы выскобленного лица[9]. В X в., при Нершахи, оставалось еще два или три замка мугов; при этом Нершахи замечает, что «храмов огня (*āташхāне*) в этой области (т. е. бухарской) было много»[10].

Местоположение «храма идолов» и потом «соборной мечети» внутри цитадели более точно не определяется. Один из исследователей, работавших в Туркестане[11], указывает на мечеть в цитадели, отмеченную на плане Ханыкова (недалеко от северной стены цитадели), и, по-видимому, предполагает, что там же была древнейшая мечеть, так как выражает сожаление, что эта мечеть «до сих пор не описана европейцами». По словам Умнякова, соборная мечеть в цитадели была построена ханом Субхан-Кули (в конце XVII в.) и в последний раз реставрирована в 1919 г.; кроме того, в цитадели есть еще мечеть Чиль-Духтеран (часто встречающееся в Туркестане название старых зданий), «по своему внешнему виду довольно старая», и место для молитвы — «ханака Искандер»[12].

При таких условиях трудно было бы решить, где именно стоял «храм идолов», тем более что цитадель несколько раз разрушалась и вновь восстановлялась. От находившегося в цитадели дворца бухарских правителей в XII в. не было видно никаких следов[13].

Несомненно с зороастризмом был связан другой культ, приуроченный к цитадели,— культ мифического Сиявуша, которого считали строителем цитадели; другое предание приписывало постройку цитадели врагу Сиявуша, Афрасиабу. Могилу Сиявуша помещали «внутри цитадели, там, где входят в нее через восточные ворота» (известно, что цитадель в первые века ислама и еще в XV в.[14] имела не один вход, как теперь, а два); «бухарские муги» почитали это место; каждый мужчина в день нового года (науруза), перед восходом солнца, приносил здесь в жертву петуха[15]. Обряд принесения в жертву петуха вызывает

---

[9] Нершахи, изд. Шефера, 47 и сл.; пер. Лыкошина, 64.

[10] Нершахи, изд. Шефера, 29; пер. Лыкошина, 42. <Ныне разбор сведений источников и литературы о домусульманских культах Средней Азии см. Беленицкий, *Вопросы.* — *Б. С.*>

[11] Калмыков, *Основные вопросы,* стр. 93.

[12] Умняков, *К вопросу об исторической топографии,* стр. 149.

[13] Нершахи, изд. Шефера, 23; пер. Лыкошина, 35. Надо еще принять во внимание, что первая соборная мечеть после постройки новой не была сохранена для религиозного культа, а сделалась диваном хараджа (Нершахи, изд. Шефера, 48; пер. Лыкошина, 65: «управление по сбору податей»).

[14] Ср. мой *Улугбек,* стр. 51; <см. выше, стр. 77>.

[15] Нершахи, изд. Шефера, 21; пер. Лыкошина, 33.

некоторое недоумение, так как петух был для зороастрийцев священной птицей [16].

Известие о религиозном культе в местности около городских базаров заставляет предполагать, что в Бухаре при вытеснении буддизма, что, как известно, происходило в VII в. во всем Туркестане, местами буддийского культа овладевал зороастризм. В рассказе Нершахи о «базаре Маха», на котором закупали идолов, говорится, что жители Бухары в древности были идолопоклонниками (*бут-параст*); торговля происходила «там, где теперь мечеть Маха» и где в то время была поляна (*саҳрā'*) на берегу канала. Потом «это место сделалось храмом огня (*āташхāне*); в день базара, когда люди собирались, все входили в храм огня и поклонялись огню; тот храм огня оставался на месте до времени ислама; когда мусульмане взяли силу, они на том месте построили ту мечеть» [17]. В другом месте Нершахи упоминает о «воротах Маха, где теперь мечеть Магак, на берегу канала» [18]. В Бухаре вообще сохранилось предание, что мечеть Магак есть бывшая мечеть Маха [19]. По словам Умнякова, в Бухаре теперь две мечети Магак, на базарах Аттари и Курпи [20]. Среди ворот шахристана, в его южной части, упоминаются «ворота продавцов пряностей» (*'аттāрāн*), называвшиеся также «воротами базара» (только в этом месте близ шахристана был базар, помещавшийся и в Бухаре, как вообще в домусульманских городах, вне черты города) и «воротами железных торговцев». Вблизи этих ворот, уже внутри шахристана, если войти в ворота и повернуть налево, была христианская церковь, впоследствии обращенная в мечеть племени бену-ханзала [21]. Умняков приводит предание, по которому христианская церковь была на том месте, где теперь «большая мечеть» (*месджид-и калян*) [22], т. е. куда была перенесена соборная мечеть в XII в., при Арслан-хане. У Нершахи говорится только, что Арслан-хан скупил много домов для перенесения мечети в шахристан [23]; о включении в соборную мечеть прежней мечети племени бену-ханзала не говорится. При перечислении ворот построенной при исламе стены, окружавшей город в тех пределах, какие он получил в первые века ислама, упоминаются двое ворот около мечети Маха, но о двух мечетях Маха источники, вопреки словам Умнякова [24], не говорят. Мечеть Маха упоминается еще

[16] Ср., напр., Geiger, *Ostīrānische Kultur*, S. 366. <Новые соображения о культе Сиявуша см.: Толстов, *Древний Хорезм*, стр. 202—204; Дьяконов, *Образ Сиявуша*. — *Б. С.*>

[17] Нершахи, изд. Шефера, 19; пер. Лыкошина, 31.

[18] Нершахи, изд. Шефера, 63; пер. Лыкошина, 84.

[19] Бартольд, *О некоторых восточных рукописях*, стр. 926.

[20] Умняков, *К вопросу об исторической топографии*, стр. 151, прим. 2.

[21] Нершахи, изд. Шефера, 52; пер. Лыкошина, 69 и сл.

[22] Умняков, *К вопросу об исторической топографии*, стр. 150, прим. 8.

[23] Нершахи, изд. Шефера, 49; пер. Лыкошина, 67.

[24] *К вопросу об исторической топографии*, стр. 154, прим. 5.

при описании большого пожара, происшедшего в Бухаре в раджабе 325 г. х. (15 мая — 13 июня 937 г.). Пожар начался у Самаркандских ворот, в северной части города, постепенно продвигался на юг, захватил «медресе Фарджека» и несколько базаров, так что «сгорело все, что было в Бухаре на той стороне до берега канала; искра огня перескочила [через канал] и захватила мечеть Маха, и она вся сгорела»[25]. Рассказ о пожаре 937 г. дает возможность определить местоположение ворот первоначальной ограды мусульманской Бухары относительно ворот второй, более поздней ограды, образовавшейся при дальнейшем расширении города, с таким же числом ворот (11), как первая и как стены Бухары XX в. Среди ворот первой ограды названы ворота Фарджек, очевидно по северную сторону канала, и двое ворот около мечети Маха, очевидно по южную; при таких условиях последовательность перечисления ворот у географа Истахри[26] показывает, что двое ворот мечети Маха находились в юго-восточной части города, напротив ворот Салляхане и Намазгах[27]; самая мечеть Маха была на южном берегу канала, может быть там, где отмечена мечеть на плане Ханыкова, немного к юго-востоку от известного увеселительного места Леб-и Хауз и к юго-западу от медресе Диван-беги. Можно ли отожествить эту мечеть с одной из двух мечетей Магак, этот вопрос может быть решен только на месте[28].

Из слов Нершахи ясно видно, что, по его мнению, культ огня возник в этом месте позже культа идолов; в то же время он говорит, что продажа идолов как пережиток прошлого существовала еще в его время (он родился в 899 г.) в мусульманской Бухаре[29]. Победа зороастризма не вытеснила, таким образом, прежних традиций. Ясных и определенных воспоминаний о начале религиозного культа на месте «мечети Маха» не было; Нершахи говорит о «царе» Махе, идолопоклоннике; автор XII в., Сам'ани[30],— о «человеке из маджусов» (огнепоклонников) Махе, который будто бы принял ислам и обратил свой дом в мечеть. Сам'ани прибавляет, что около этой мечети есть «большой квартал и постоянный базар, которые оба [вместе] известны под названием ворота мечети Маха» (самых ворот, как вообще внутренней ограды, в XII в., очевидно, уже не было). Слово Мах встречалось в Бухаре как личное имя; у Сам'ани упоминается Абу Мухаммед ал-Абрад ибн Халид ибн Абд ар-Рахман ибн Мах ал-Бухари ал-Махи. Но

---

[25] Нершахи, изд. Шефера, 93 и сл.; пер. Лыкошина, 118 и сл.

[26] Истахри, 307.

[27] Так в моем *Туркестане*, ч. II, стр. 106 <наст. изд., т. I, стр. 155> и Умняков, *К вопросу об исторической топографии*, стр. 154.

[28] <О местоположении мечети и ее раскопках см. указанные выше, в прим. 5, работы В. А. Шишкина. — *Б. С.*>

[29] Подробнее об этом Бартольд, *Восточно-Иранский вопрос*, стр. 379.

[30] Текст в изд. Марголиуса, 499; из Сам'ани у Якута, *Му'джам*, IV, 380.

то же самое слово на согдийском языке, на котором говорили и в Бухаре[31], имело нарицательное значение «луна, месяц»; по закону согдийской фонетики новоперсидскому *māh* соответствует согдийское *māx*, которое и приводится у Бируни в соответствующем месте (22-й день месяца) в его главе о согдийском календаре[32]. Вследствие этого иранист Кристенсен в 1904 г.[33] высказал предположение, что «мечеть Маха» первоначально была храмом луны и что бухарский культ луны был одним из местных культов, воспринятых зороастризмом; не совсем удачно указывается, как на другой пример такого явления, на храм огня в Баку, не имеющий никакого отношения к зороастризму[34]. По тому же вопросу в том же году и в том же журнале появилась статья Хюзинга[35], где указывалось, что культ луны вовсе не находится в противоречии с зороастризмом, вследствие чего нет надобности прибегать к предположению об усвоении чужих культов. Хюзинг ссылается только на предания о мифических царях и на рассказ Мас'уди о балхском Наубехаре как о постройке Менучехра и о храме луны, упуская из виду, что мифические цари до Гистаспа, по иранскому преданию, не были зороастрийцами, а Наубехар заведомо был буддийским храмом[36]. Гораздо убедительнее было бы указание на такие факты, как изображение новолуния на сасанидских монетах и на крыше главного из зороастрийских храмов сасанидского периода[37].

Кристенсен, как видно из его книги, вышедшей в 1907 г.[38], остался при мнении о местном культе, усвоенном зороастризмом; при этом ссылка на Нершахи делается в таких выражениях, как будто сам Нершахи говорит о существовании в Бухаре культа луны[39]. С достоверностью из слов Нершахи можно сделать только один вывод: о существовании, по его мнению, культа идолов, вероятно буддийского, раньше культа огня.

По аналогии с балхским Наубехаром можно полагать, что слово Наубехар и в тех случаях, когда оно встречается в географической терминологии Туркестана вообще и Бухары в частности, было связано с буддийским культом. Наубехаром называлось место в Бухаре, в самом городе, откуда вытекали два арыка; один, водой которого поль-

---

[31] Истахри, 314.

[32] Бируни, *Āṯār ал-бāḳийа*, изд. Захау, 46,12.

[33] Christensen, *Die Moschee Māh*.

[34] Об этом особенно Jackson, *From Constantinople to the home of Omar Khayyam*, pp. 40—57.

[35] Hüsing, *Zum Māh-Tempel*.

[36] Юр. Бартольд, *Улугбек*, стр. 6, прим. 5; <см. выше, стр. 30, прим. 13>.

[37] Бартольд, *К вопросу о полумесяце*, стр. 476.

[38] Christensen, *L'Empire des Sassanides*, p. 17.

[39] «Neršakhî... nous apprend qu'il y a eu autrefois, à Boukhare, un culte de la lune», etc.

зовались несколько мельниц, направлялся на юго-запад, к Пейкенду, другой — на юго-восток, по дороге к Карши[40]. Из каналов, вытекающих из городского канала Бухары, Шахруда, в сторону Пейкенда направляется Джейхун[41]; можно ли искать Наубехар около головы Джейхуна — этот вопрос требует дальнейших исследований.

На другой Наубехар указывает название Наубехарских ворот во внешней ограде города. Если эта ограда по своему местоположению соответствует современной, то «Наубехарские» ворота находились на месте современных «Мазарских»[42], получивших такое название потому, что от них идет дорога в селение Бехауддин (10 верст от Бухары), где жил и был похоронен святой Беха ад-дин Накшбенд (1318—1391), могила которого теперь является главной святыней в окрестностях Бухары. Факт, что из одних и тех же ворот некогда отправлялись к буддийскому Наубехару и теперь отправляются к могиле мусульманского святого, становится еще более интересным, если принять во внимание, что селение Бехауддин называлось в XIV в. «Замком индийцев» (Каср-и Хиндуван) и только из уважения к святому было переименовано в «Замок людей знающих» (Каср-и Арифан)[43]. По замечанию В. Л. Вяткина, селения с названием «Хиндуван» встречаются в Средней Азии нередко, причем все они, насколько о них есть литературные известия, «относятся к старому времени, к эпохе тимуридов и к более ранней поре». Есть предание, что эти селения «были основаны Тимуром и в них поселены выведенные им из Индии пленные», и Вяткин склонен признать за этим преданием «некоторое основание»[44]. По словам Сам'ани, квартал «ворота Хиндуван» в Балхе получил свое название потому, что здесь останавливались рабы и рабыни, привозимые из Индии[45]. Однако при описании Балха у Истахри упоминаются рядом «ворота индийцев» и «ворота евреев»[46], что скорее указывает на торговые колонии; даже в современном Балхе была в 1886 г. значительная еврейская колония и по крайней мере один индийский лавочник[47]. Цитадель Балха сохранила название «Хиндуван» до послемонгольского периода[48]. Очень возможно, что и в Балхе, и в Бухаре индийцы были еще в эпоху распространения буддизма.

---

[40] Истахри, 308 и сл.; ср. Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 108; <наст. изд., т. I, стр. 157>.

[41] Ситняковский, *Заметки*, стр. 138 и 249.

[42] Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 105; <наст. изд., т. I, стр. 155>; Умняков, *К вопросу об исторической топографии*, стр. 153.

[43] Семенов, *Бухарский шейх*, стр. 203. О современном селении: Ситняковский, *Бухарские святыни*; Масальский, *Туркестанский край*, стр. 662.

[44] Вяткин, *Материалы*, стр. 45 и сл.

[45] Сам'ани, изд. Марголиуса, л. 592б.

[46] Истахри, 278.

[47] Yate, *Northern Afghanistan*, p. 256.

[48] Бартольд, *Историко-географический обзор Ирана*, стр. 18.

Не было бы ничего удивительного в том, если бы борьба зороастризма с буддизмом из недавнего прошлого была перенесена в мифические времена. Это вполне соответствовало бы общему характеру иранского эпоса[49]; как мифический Афрасиаб был сделан турком, хотя турки появились в Туркестане только в VI в., так же он мог быть сделан буддистом, его иранские противники — зороастрийцами; известно, что даже для Бируни сам Зороастр был сознательным оппонентом буддизма[50]. По бухарскому преданию, столицей Бухарской области при Афрасиабе было селение Рамитан, которое иногда называлось «древней Бухарой»[51]; здесь Афрасиаб два года защищался против Кайхусрау, сына Сиявуша, мстившего за своего отца; Кайхусрау во время осады построил «напротив» Рамитана (вероятно, на другом берегу канала) селение Рамуш. В Рамитане был храм идолов (*бутхāне*), принадлежности которого были привезены из Китая вместе с китайской царевной, выданной за одного из бухарских владетелей[52]; в Рамуше Кайхусрау выстроил храм огня (хотя, по хронологии самих парсов[53], Зороастр родился через 120 лет после отказа Кайхусрау от престола), и муги говорили, что этот храм огня древнее бухарских[54]. По словам Бируни, у бухарских маджусов был праздник Рамуш-Агам, для совершения которого они собирались в храме огня в селении Рамуш; вообще *агамами* назывались у них главные праздники, причем люди собирались «в каждой деревне, у каждого начальника, для еды и питья по очереди»[55].

Селение Рамитан существует и теперь (в 18 верстах к северу от Бухары)[56] и в последний раз было описано Зиминым[57], которым, однако, не был поставлен вопрос, где протекал или протекает канал Рамитана и где мог находиться Рамуш.

Местом религиозного культа было еще селение к востоку от Бухары, в 7 или 8 фарсахах от нее, получившее от арабов название Тававис ('Павлины'); прежде оно, по-видимому, называлось Арфуд[58]. При описании похода Кутейбы в 91/710 г. у Табари, со слов Мадаини, гово-

---

[49] Бартольд, *К истории персидского эпоса*, стр. 281 и сл.

[50] Розен, ЗВОРАО, т. III, стр. 162.

[51] Макдиси, 282,5.

[52] Нершахи, изд. Шефера, 6; пер. Лыкошина, 14.

[53] Jackson, *Zoroaster*, p. 180.

[54] Нершахи, изд. Шефера, 14 и сл.; пер. Лыкошина, 25.

[55] Бируни, *Āсār ал-бāқийа*, изд. Захау, 234, 10 и сл.

[56] Масальский, *Туркестанский край*, стр. 662.

[57] *Отчет о двух поездках по Бухаре*, стр. 146; при этом приводится (стр. 152) также описание Ситняковского (*Сообщение в заседании ТКЛА 21 апреля 1898 г.*, стр. 94; в цитате Зимина ошибка «96»). <О селениях Рамитан и Рамуш (локализация и описание городищ) см. Шишкин, *Археологические работы 1937 г.*, стр. 34—38. — *Б. С.*>

[58] Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 100; <наст. изд., т. I, стр. 149>.

рится, что арабы на обратном пути из Кеша (Шахрисябза) и Несефа (Карши) в Бухару остановились в одной деревне, где были «дом огня и дом богов»; в той же деревне были павлины, и место получило от арабов название «павлинья стоянка»[59]. Выражения Табари заставляют полагать, что в одной и той же деревне были храмы буддийский и зороастрийский. Имели ли павлины религиозное значение, из слов Табари не видно; сказанное в моем «Туркестане», что павлины содержались в капище идолов, неверно; суффикс в слове *фӣхā* относится к слову *қарйа* ('деревня'), и потому нет противоречия между словами Табари и словами Нершахи, что содержание павлинов было роскошью богатых людей, из которых каждый имел в своем доме одного или двух павлинов[60]. У Бируни[61] при описании согдийских праздников о Тавависе говорится только, что здесь в определенный день года начинался базар, на который приезжали купцы из различных стран и который продолжался семь дней. Об этом базаре говорит и Нершахи, по словам которого он продолжался десять дней, причем здесь сбывались всякие поврежденные домашние ткани, как-то: занавеси, покрывала и др., и проданное, несмотря на повреждения, не бралось обратно.

Слова Мадаини о последовательности действий арабов, вероятно, неточны; в этом отношении у Мадаини вообще встречаются ошибки, объясняемые незнанием географии Туркестана; так, Мадаини заставляет Кутейбу идти из Мерва в Мерверруд (Бала-Мургаб), оттуда в Амуль (Чарджуй), оттуда в Земм (Керки), там переправиться через реку и прийти в Пейкенд[62]. Тававис был, по Нершахи, в 7 фарсахах от Бухары на большой дороге (*шāхрāх*) в Самарканд; маловероятно, чтобы войско заходило туда на пути из Карши в Бухару. Но в том же году арабы из Бухары направились в Согд[63] и на этом пути, конечно, должны были пройти через Тававис.

Тававис находился внутри длинных стен, окружавших культурную полосу Бухары, остатки которых в виде вала сохранились до сих пор. По наиболее правдоподобному определению[64], Тававис был в одинаковом расстоянии от Бухары и от Кермине (7 фарсахов). В настоящее время к югу от колесной дороги проходят рельсы железной; приблизительно в одинаковом расстоянии от станций Каган, или Новая Бухара

---

[59] Табари, II, 1230.

[60] Нершахи, изд. Шефера, 41; пер. Лыкошина, 20. <Ошибка, о которой говорит В. В. Бартольд, была только в первом издании *Туркестана* (ч. II, стр. 100); во второе (английское) издание было внесено соответствующее исправление; ср. наст. изд., т. I, стр. 149. — *Ю. Б.*>

[61] *Āсāр ал-бāқийа*, изд. Захау, 234,20 и сл.

[62] Табари, II, 1186,3 и сл. Ср. еще там же, 1189,12; 1548,11.

[63] Табари, II, 1230,8 и сл.

[64] О различных определениях см. мой *Туркестан*, ч. II, стр. 100 и сл.; <наст. изд., т. I, стр. 149 и сл.>.

(в 13 верстах к югу от Старой), и Кермине (в 12 верстах к югу от города того же имени) находится станция Кызыл-тепе (41 верста от Кагана, 46 верст от Кермине). В этой местности Ситняковский в 1896[65] и Зимин в 1915 г.[66] видели остатки вала. По словам Зимина, от станции Кызыл-тепе в 2 верстах (по Ситняковскому — в трех) находится холм, носящий это название (и, очевидно, давший название станции); приблизительно от этого места «к северу вал идет непрерывно, местами то понижаясь, то повышаясь; кое-где его пересекают дороги, и он там едва заметен. На расстоянии около 5 верст к северу от Кызыл-тепе (по-видимому, от холма) к валу с запада примыкают развалины, известные под названием Шаари-вайрон» (разрушенный город). Зимин довольно подробно описывает эти развалины, но не делает вывода, который, казалось бы, напрашивается сам собой: что Шаар-и вайрон — развалины Тавависа. Правда, Ситняковский говорит, что «около укрепления Шаар-и-вайрон незаметно никаких признаков, чтобы здесь существовало большое поселение», тогда как расположенное дальше к северу, уже около Зеравшана, укрепление Хазара «по размеру несколько более Шаар-и-вайрона. Масса жженого кирпича и следы от стенок указывают, что постройки здесь стояли вплотную и были заняты не одним караулом, но и населением»; но как из описания Ситняковского, так и из описания Зимина ясно видно, что в Шаар-и вайроне часть остатков прошлого уничтожена постройками и пашнями современного кишлака, носящего то же название; сверх того, по местоположению Шаар-и вайрон гораздо более соответствует Тавависи, чем Хазара. К сожалению, ни Ситняковский, ни Зимин не говорят ясно, где вал пересекается колесной дорогой, которая теперь, после проведения железной дороги, утратила прежнее значение, но не могла, конечно, исчезнуть. Очень вероятно, что дорога проходила через Шаар-и вайрон: на это указывают слова Зимина о следах ворот; кроме того, оба исследователя только здесь отмечают существование современного кишлака. В Тавависе стены были в разрушении уже в конце X в.[67], но самое селение еще в XII в., при Сам'ани, было второй станцией на пути из Бухары в Самарканд[68]. В XV в., при Хафиз-и Абру, Тававис лежал в развалинах[69].

Бируни говорит еще о трех праздниках, из которых один, принадлежавший к числу *агамов,* справлялся в селении Пейкенд[70], другой

---

[65] Ситняковский, *Сообщение в заседании ТКЛА 21 апреля 1898 г.,* стр. 89 и сл.

[66] Зимин, *Отчет о двух поездках по Бухаре,* стр. 135 и сл.

[67] Макдиси, 281,12.

[68] Сам'ани, изд. Маргулиуса, л. 372б.

[69] Бартольд, *Хафизи-Абру,* стр. 19 (текст), 21 (перевод). <О городище Шахр-и вайрон (Тавависе) см. Якубовский, *Археологическая экспедиция,* стр. 119—126. — *Б. С.*>

[70] Бируни, *Āṯār ал-бāқийа,* изд. Захау, 234,15.

сопровождался базаром в селении Кемиджкет[71], после третьего, продолжавшегося 10 дней, был базар у мусульман в селении Шарг, продолжавшийся семь дней[72]. Развалины Пейкенда, некогда большого торгового города в 6 фарсахах от Бухары по хорасанской дороге, существуют до сих пор и были подробно исследованы Зиминым в 1913 г.[73], причем оказалось, что город, несмотря на его торговое значение, занимал небольшое пространство, всего 678 сажен в окружности[74]. Шарг, или Чарг, был промышленным селением в 4 фарсахах от Бухары, на берегу большого канала Самчен, ныне Саумичан[75], первой станцией на пути в Самарканд. Название «Кемиджкет» в географической литературе, по-видимому, не встречается; возможно, что это — диалектическая форма (ср. имена Биштасп и Гуштасп) названия селения Бемиджкет, на расстоянии 4 фарсахов от Бухары, в $^1/_2$ фарсаха к северу от дороги в Самарканд, т. е. недалеко от Шарга[76].

---

[71] Там же, 234 $_{20}$.

[72] Там же, 235, $_7$.

[73] Зимин, *Развалины старого Пейкенда;* его же, *Отчет о весенних раскопках;* его же, *Отчет о летних раскопках.*

[74] Зимин, *Развалины старого Пейкенда,* стр. 80. <Археологические работы в Пейкенде были продолжены в 1939—1940 и 1954 гг. См.: Якубовский, *Краткий отчет;* Кесати, *Раскопки на Пайкенде.* Ср. Дьяконов, *Керамика Пайкенда* (материалы раскопок 1954 г. еще не опубликованы). — *Б. С.*>

[75] Ситняковский, *Заметки,* стр. 138.

[76] Бартольд, *Туркестан,* ч. II, стр. 102; <наст. изд., т. I, стр. 151>. О произношении названия еще: Истахри, 313, 315 и 342; Якут, *Му'джам,* I, 737, по Сам'ани (изд. Марголиуса, л. 91).

СТАТЬИ ИЗ «ЭНЦИКЛОПЕДИИ ИСЛАМА»

АБД АЛ-МЕЛИК б. НУХ

Абд ал-Мелик б. Нух, имя двух Саманидов.

1. Абд ал-Мелик (Абу-л-Фаварис) б. Нух I, правитель Хорасана и Мавераннахра (343—350/954—961), преемник своего отца Нуха б. Насра. Согласно одному более позднему источнику (Ахмед ал-Кубави — Нершахи, изд. Шефера, 95_{19}), во время вступления на престол ему было всего лишь 10 лет. Война с Буидами, начатая при Нухе, была закончена при нем (344/955-56 г.) миром, не особенно выгодным для Саманидов; как показывают монеты, заключение мира было связано с признанием халифа ал-Мути'. О внутреннем положении страны при Абд ал-Мелике известно мало; из этих немногих известий не видно, заслужил ли этот юный государь те похвалы, которые ему расточает Макдиси (337 и сл). Реальная власть, по-видимому, оставалась в руках тюркских преторианцев, возвысившихся при Нухе; характерно сообщение об убийстве наместника Хорасана Бекра б. Мелика в Бухаре перед воротами дворца. Как сообщают, преждевременная смерть Абд ал-Мелика была вызвана падением с лошади во время игры в поло; его сын Наср, согласно Макдиси, был признан правителем лишь один день.

Литература. Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, VIII, 381 и сл., 396, 398; Гардизи, кембридж. рук., лл. 100а—101б; оксфорд. рук., лл. 124—126, извлеч. оттуда—Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 10; <см. также Бартольд, *Туркестан*, — наст. изд., т. I, стр. 309 — 311>.

2. Абд ал-Мелик (Абу-л-Фаварис) б. Нух II, правитель Мавераннахра, сын правителя Нуха б. Мансура, преемник своего брата Мансура б. Нуха, свергнутого 11 сафара 389/1 февраля 999 г. Будучи разбит под Мервом 27 джумада I/16 мая Махмудом Газневидом, Абд ал-Мелик вынужден был оставить своему противнику Хорасан и вернуться в Бухару. Осенью того же года он в оставшихся у него владениях подвергся нападению илека Насра; попытка организовать народную войну против приближавшегося врага не удалась; прочитанное с кафедр мечетей воззвание правительства было встречено населением с полным равнодушием; предводители тюркской гвардии перешли на

сторону врага. В понедельник 10 зу-л-ка'да 389/23 октября 999 г. илек без боя вступил в Бухару и приказал отправить Абд ал-Мелика вместе с другими членами династии в Узгенд.

Литература. Утби — Манини, I, 298 — 320; Ибн ал-Асир (для этого периода почти исключительно основывающийся на Утби), изд. Торнберга, IX, 102—106; Гардизи, кембридж. рук., л. 111; оксфорд. рук., л. 138 и сл.; Бейхаки, изд. Морлея, 804—806; Хилаль ас-Саби, *Вузарā'*, 372 и сл., 402 и сл.; < Бартольд, *Туркестан*,— наст. изд., т. I, стр. 327—329>.

АБДУЛЛА б. ИСКЕНДЕР

Абдулла б. Искендер, Шейбанид, наиболее выдающийся государь из этой династии, родился в 940 г. х. (1533-34 г.; в качестве года цикла указывается, по-видимому точнее, год дракона, 1532-33) в Афаринкенте в Миянкале (остров между двумя главными рукавами Зеравшана). Отец (Искендер-хан), дед (Джанибек) и прадед (Ходжа-Мухаммед, сын Абулхайра, см. <ниже, стр. 489>) гениального правителя изображаются обычно в высшей степени ограниченными, почти слабоумными людьми. Джанибек (умер в 935/1528-29 г.) получил по разделу 918/1512-13 г. Кермине и Миянкаль; Искендер ко времени рождения своего сына владел Афаринкентом; позднее, по-видимому, после смерти одного из своих братьев, он перебрался в Кермине. В Кермине Абдулла в 958/1551 г. впервые показал всю свою силу как правитель; область подверглась нападению Науруз-Ахмед-хана из Ташкента и Абд ал-Лятиф-хана из Самарканда; Искендер бежал за Аму-Дарью; Абдулла принял на себя обязанности своего отца и успешно отразил нападение. В последующие годы Абдулла старался расширить свое владение на запад в направлении Бухары и на юго-восток в направлении Карши и Шахрисябза, сперва без прочного успеха; в 963/1555-56 г. он сам был вынужден оставить наследственную землю своего отца и бежать в Меймене. В том же году (зу-л-ка'да/сентябрь—октябрь 1556 г.) умер его могущественный враг Науруз-Ахмед-хан, бывший с 959/1552 г. ханом узбеков и правителем Ташкента и Самарканда; Абдулла тотчас же восстановил свою власть в Кермине и Шахрисябзе и в раджабе 964/мае 1557 г. завоевал Бухару, которая с тех пор стала его столицей. Там же он в 968/1560-61 г. заставил провозгласить своего слабоумного отца ханом всех узбеков, чтобы править от его имени; лишь в 991/1583 г., после смерти отца, он занял освободившийся престол. После жестоких боев с непокорными членами царствующего рода были подчинены Балх (981/1573-74 г.), Самарканд (раби' II 986/июнь 1578 г.), Ташкент и остальные земли к северу от Сыр-Дарьи (990/1582-83 г.) и Фергана (991/1583 г.). Кроме упомянутых завоеваний, на первую половину 990/начало 1582 г. приходится еще поход Абдуллы в степи до Улуг-тага. Уже в 996/1587-88 г. в Ташкенте было подавлено упорное восстание и врага преследовали далеко в глубь степей. На юго-востоке был завоеван Бадахшан, на западе —

Хорасан, Гилян и Хорезм, последний сперва в 1002/1593-94 г., потом, после восстания, вновь завоеван в 1004/1595-96 г. Поход в Восточный Туркестан привел только к опустошению областей Кашгара и Яркенда. Последние годы жизни Абдуллы были омрачены ссорой с его единственным сыном Абд ал-Мумином, который с конца 990/поздней осени 1582 г. правил от имени отца Балхом. Подобно тому как Абдулла был действительным правителем при Искендере, так теперь Абд ал-Мумин хотел занять такое же положение по отношению к своему стареющему отцу. Однако Абдулла не желал и слышать о каком-либо ущемлении своей верховной власти, и только благодаря вмешательству духовенства была предотвращена открытая война между отцом и сыном и Абд ал-Мумин был принужден уступить. Получив известия о напряженных отношениях между обоими государями, кочевники вторглись в область Ташкента и между Ташкентом и Самаркандом разбили высланное против них войско; в начале похода, предпринятого для наказания этого врага, Абдуллу в Самарканде постигла смерть (конец года курицы, 1006/начало 1598 г.).

Абд ал-Мумин уже спустя 6 месяцев был убит своими подданными. Завоевания в Хорасане и Хорезме были потеряны; в собственной стране узбеков власть перешла к другой династии. Более длительное время, очевидно, сохранялись результаты деятельности Абдуллы внутри страны; система управления и в особенности монетная система были им установлены заново, было воздвигнуто много общественных сооружений (мостов, караван-сараев, колодцев и др.); еще и теперь народная молва приписывает все подобного рода сооружения либо Тимуру, либо Абдулле.

Литература. Жизнь государя до 996/1587-88 г. подробно описана в сочинении его панегириста Хафиза Таныша *Шараф-нāме-йи шāхī* (на персидском языке), обычно называемом *'Абдуллā-нāме*. Много сведений (особенно о последних годах) сообщает персидский современник Абдуллы Искендер Мунши в *Та'рīх-и 'ālамāрā-йи 'Аббāсī* (жизнеописание шаха Аббаса I), Тегеран, 1897. Извлечения из обоих трудов — у Вельяминова-Зернова (*Исследование о Касимовских царях*, ч. 2) и ранее в его же работе *Монеты бухарские и хивинские*. Ср. также приведенные мною извлечения из малоизвестного сочинения *Бахр ал-асрāр* Махмуда б. Вели — Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан (1902 г.)*, <стр. 257—260>; о *Бахр ал-асрāр* ср. еще Ethé, *Catalogue Ind. Off.*, № 575. К сведениям, сообщаемым Вамбери (*Geschichte Bochara's*) и следующим ему Ховорсом (*History of the Mongols*, vol. II, div. 2), следует относиться с большой осторожностью. <См. также новые работы: об *'Абдуллā-нāме* — Умняков, *Абдулла-намэ*; его же, *Некоторые сведения*; о денежной реформе Абдулла-хана — Давидович, *К вопросу о курсе и обращении серебряных монет*, стр. 158; её же, *Две денежные реформы*, стр. 126—141; из общих работ — Гафуров, *История*, стр. 366 и сл.; *История Узбекской ССР*, т. I, кн. 1, стр. 405—408.— *Ю. Б.*>

АБУЛХАЙР

Абулхайр, правитель узбеков и основатель могущества этого народа, потомок младшего сына Джучи, Шейбана[1], родился в год дракона, 1412 г. н. э. (в качестве года хиджры ошибочно приводится 816=1413-14 г.). Сперва, как сообщают, ему пришлось служить у другого потомка Шейбана, Джумадук-хана; последний погиб во время народного восстания. Абулхайр был захвачен в плен, но отпущен на свободу и вскоре после того в области Тура (в Сибири) в возрасте 17 лет (год обезьяны, 1428 г. н. э.; в качестве года хиджры приводится 833=1429-30 г.) был провозглашен ханом. После победы над другим ханом из рода Джучи ему подчинилась бóльшая часть Кипчака. В 834/1430-31 г. он завоевал Хорезм с главным городом Ургенчем и разграбил его, однако вскоре после того снова его оставил. По словам его биографа, позднее он победил еще двух правителей, Махмуд-хана и Ахмед-хана, захватил город Орду-Базар и (правда, лишь на короткое время) завладел «троном Саин-хана», т. е. Батыя. Незадолго до смерти султана Шахруха, последовавшей в 850/1447 г., Абулхайр благодаря подчинению крепостей Сыгнак (теперь развалины Сунак-курган), Аркук, Сузак, Ак-Курган и Узгенд прочно утвердился на Сыр-Дарье — наиболее важное для дальнейшей истории узбеков событие его царствования. Сыгнак с тех пор, по-видимому, оставался его столицей. Южнее этой области при Абулхайре не было сделано никаких прочных завоеваний; даже ближайший город Ясы (ныне Туркестан) остался под властью Тимуридов. Часто предпринимались грабительские набеги вплоть до Бухары и Самарканда; в 855/1451-52 г. Абулхайр появился со значительным войском в качестве союзника царевича Абу Са'ида против тогдашнего правителя Самарканда Абдуллы; с его помощью Абдулла был побежден и убит, и Абу Са'ид водворился в качестве правителя в Самарканде; Раби'а-Султан-бегум, дочь Улугбека, была отдана в жены Абулхайру. Вторая попытка вмешаться в распри между Тимуридами окончилась менее удачно; поддержанный Абулхайром против Абу Са'ида царевич Мухаммед-Джуки в 865/1460-61 г. после временного успеха вынужден был снять осаду Самарканда при приближении своего врага, очистить страну, опустошенную вспомогатель-

[1] <Об этом имени см. ниже статью *Шейбаниды* (стр. 545). — *Ю. Б.*>

ным войском Абулхайра (под начальством Бурке-султана), и в 868/1463-64 г.— по-видимому, не получив помощи от Абулхайра — сдаться своему противнику. Незадолго до этого, вероятно около 861/1456-57 г. (сообщается, что внуку Абулхайра Махмуду, родившемуся в 858/1454 г., было тогда три года), могуществу Абулхайра был нанесен тяжелый удар калмаками (калмыками); разбитый в открытом поле, он вынужден был бежать в Сыгнак и позволить врагам опустошить всю страну до Сыр-Дарьи. Как сообщают, около 870/1465-66 г. среди узбекского народа произошел тот раскол, в результате которого собственно обитатели степей, с тех пор названные казаками, отделились от остальной части народа. В качестве даты смерти Абулхайра приводится год мыши, 1468 г. н. э. (ошибочно приравненный к 874 г.х.= =1469-70 г.); основанная им держава после короткого перерыва была восстановлена его внуком Мухаммедом Шейбани и достигла величия, которого трудно было предвидеть.

Литература. Биография Абулхайра была написана ок. 950/1543-44 г. Мас'удом б. Османом ал-Кухистани [*Та'рӣх-и Абӯлхайр-хӑнӣ*; данные Ховорса (*History of the Mongols*, vol. II, p. 687) правильны лишь в отношении рукописи Британского музея, а не самого сочинения; ср. Rieu, *Pers. MSS*, vol. I, p. 102; петербургские рукописи, в том числе и использованная здесь рук. университетской библиотеки <ЛГУ> Or. 852, содержат также и начало собственно биографии]. Автор имел еще возможность использовать устные рассказы сына Абулхайра Суюнич-хана, умершего в 931/1525 г., однако, по-видимому, он пользовался также и письменными источниками, напр. *Маṭла' ас-са'дайн* Абд ар-Раззака Самарканди (см. <EI, I, 67—68 — *'Abd al-Razzāḳ* >). Известия об Абулхайре имеются также в исторических трудах, посвященных его внуку Шейбани и преемникам последнего, в особенности в *Тавӑрӣх-и нуçрат-нӑме* (см. Rieu, *Turkish MSS*, p. 276 sq.) и зависящих от этого источника сочинениях. <См. также: Ахмедов, *Государство кочевых узбеков*; его же, *Из истории*; Иванов, *Очерки*, стр. 25—26, 32—37. — *Ю. Б.*>

АЛИ-ТЕГИН

Али-тегин, правитель Трансоксании (Мавераннахра) из династии илек-ханов. О его генеалогической связи с другими государями из этой династии более точных сведений нет; согласно Ибн ал-Асиру (изд. Торнберга, IX, 323), в нем следовало бы видеть брата завоевателя Мавераннахра (Насра б. Али), однако это известие (являющееся, по-видимому, позднейшей интерполяцией) приходится отвергнуть. Имя Али б. Али не упоминается на каких-либо монетах того времени, зато на монетах встречается имя Али б. Хусейн, которое, быть может, идентично Али-тегину письменных источников (ср. Howorth, *The Northern Frontagers,* pt IX, p. 485 sq.) [1]. Столь же мало мы знаем о том, когда и как он пришел к власти. Бейхаки (изд. Морлея, 418) приписывает везиру Абу-л-Хасану Мейменди в 423/1032 г. слова, согласно которым Али-тегин уже тридцать лет находился в Мавераннахре. В 416/1025 г. Али-тегину пришлось обороняться одновременно против Махмуда из Газны и против могущественного Кадыр-хана из Кашгара; соединение союзных войск произошло недалеко от Самарканда; Али-тегину пришлось оставить свои столицы Самарканд и Бухару и отступить в степь; во время преследования его жена и дочь попали в руки неприятеля (об этом подробно Гардизи, кембридж. рук., л. 123 и сл.; оксфорд. рук., л. 153 сл., приведено у В. Бартольда, *Туркестан,* ч. I, стр. 14—17; свидание Махмуда с Кадыр-ханом вкратце упомянуто у Бейхаки, изд. Морлея, 98 и 655). Все же страна была вскоре оставлена Махмудом и его союзником, так что Али-тегин смог сохранить свою власть. В 423/1032 г. хорезмшах Алтунташ по поручению султана Мас'уда появился с войском перед Бухарой и захватил город, однако в битве при Дабусии был смертельно ранен, после чего его везир вынужден был заключить с Али-тегином договор и увести войско в Хорезм (Бейхаки, изд. Морлея, 424 и сл). Смерть Али-тегина последовала, очевидно, в конце 425 или в начале 426 г. х. (осень 1034 г.). В донесении, которое

---

[1] <Как доказал О. Прицак, Али-тегин (сперва он носил титул Янга-тегин, затем — Арслан-илек, с лакабом Беха ад-дауля) был сыном Богра-хана ал-Хасана (Харуна) б. Сулеймана, первого завоевателя Бухары, и братом Кадыр-хана Юсуфа б. ал-Хасана; таким образом, его имя было Али б. ал-Хасан. Очевидно, незадолго до смерти он принял титул Тамгач Богра-Кара-хакан. — *Ю. Б.*>

Мас'уд получил из Хорасана в зу-л-ка'да 425/начале октября 1034 г., Али-тегин упомянут еще как живой государь (Бейхаки, изд. Морлея, 535); еще в середине раби' I 426/в конце января 1035 г. известие о его смерти распространялось в Нишапуре лишь как неясный слух (там же, 551); только в начале джумада II/<в середине> апреля того же года султан Мас'уд, который в то время находился в Табаристане, получил из Балха верные известия о том, что Али-тегин умер и что ему наследовал его старший сын (там же, 575). Однако тот же Бейхаки в другом месте (856) рассматривает уход сельджуков из Мавераннахра, происшедший еще в 425/осень 1034 г., как следствие событий, имевших место после смерти Али-тегина.

<Литература. Pritsak, *Karachanidische Streitfragen*, S. 218—224; idem, *Die Karachaniden*, S. 26—27, 34—35; Vasmer, *Zur Münzkunde*, S. 96—99.—*Ю. Б.*>

АЛТУНТАШ

Алтунташ ал-хаджиб [Абу Са'ид; его мнимое второе имя Харун названо Ибн ал-Асиром только в одном месте (изд. Торнберга, IX, 294), очевидно по недосмотру автора или переписчика], тюркский раб, позднее военачальник Газневида Себук-тегина и обоих его преемников. Уже при Себук-тегине он достиг высшего чина в гвардии своего государя — чина «великого хаджиба»; при Махмуде в большом сражении с Караханидами (22 раби' II 398/4 января 1008 г.) он командовал правым крылом; в 401/1010-11 г. он упоминается как наместник Герата. После завоевания Хорезма в 408/1017 г. он был назначен наместником этой провинции с титулом хорезмшаха и оставался в этой должности до своей смерти, последовавшей в 423/1032 г. Алтунташ, по-видимому, искусно и осторожно управлял отдаленной пограничной провинцией и успешно оборонялся против соседних тюркских племен; однако тем самым он свою собственную власть укрепил в еще большей степени, нежели власть своих султанов, вследствие чего Махмуд и Мас'уд всегда с подозрением наблюдали за его действиями; обоим государям приписывают попытки хитростью устранить неудобного наместника. Весной 423/1032 г. Алтунташ по поручению султана Мас'уда предпринял поход против Али-тегина (см.<выше, стр. 491>), и в сражении при Дабусии был смертельно ранен; наместничество было передано его сыну Харуну, несмотря на то что Мас'уд перенес титул хорезмшаха на своего собственного сына Са'ида и поручил Харуну управлять страной только в качестве представителя царевича. В рамазане 425/августе 1034 г. Харун объявил себя независимым, однако уже в следующем году был убит по наущению Газневидов; его брат и преемник Исма'ил Хандан правил страной до 432/1041 г., когда он был изгнан по поручению Газневидов Шах-Меликом, правителем Дженда. Тем самым настал конец династии, основанной Алтунташем.

Литература. Утби; Гардизи (извлечения: Бартольд, *Туркестан,* ч. I, стр. 13—15) и в особенности Бейхаки (изд. Морлея, 59 и сл., 91 и сл., 389 и сл., 419 и сл., 499 и сл., 834 и сл.); сведения Ибн ал-Асира следует исправлять по этим источникам. Ср. также анекдоты (вероятно, заимствованные из утраченных частей большого труда Бейхаки) у Низам ал-мулька (изд. Шефера, текст, 206) и Ауфи (Бартольд, *Туркестан,* ч. I. стр. 89). <См. также: Бартольд, *Туркестан,* — наст. изд., т. I, стр. 341, 356—361; Nāẓim, *Sulṭān Maḥmūd,* pp. 56—60. — *Ю. Б.*>

АРСЛАН-ХАН, МУХАММЕД б. СУЛЕЙМАН

Арслан-хан, Мухаммед б. Сулейман, Караханид, правитель Мавераннахра. Его отец Сулейман-тегин, внук «великого» Тамгач-хана Ибрахима, около 490/1097 г. в течение короткого времени правил страной в качестве вассала султана Баркьярука. Во время завоевания Мавераннахра Кадыр-ханом Джибраилом из Туркестана молодой царевич Мухаммед бежал в Хорасан; после того как этот Караханид был побежден султаном Санджаром, царевич был посажен правителем в Самарканд с титулом Арслан-хана (495/1102 г.); его дочь позднее была выдана замуж за султана Санджара. Лишь после длительной борьбы Арслан-хану удалось восстановить спокойствие в стране; ему приходилось неоднократно обращаться за помощью к своему зятю, который велел подвергнуть заключению в Мерве виновников беспорядков (как тюркских преторианцев, так и духовных сановников). Несмотря на это, при Арслан-хане, по-видимому, было много сделано для восстановления культуры страны. В местной истории Бухары (продолжении *Та'рӣх-и Нершахӣ*) ему приписывается возведение значительного числа общественных зданий в этом городе и его окрестностях. В то же время он создал войско из 12 000 мамлюков и предпринимал частые походы в страну «неверных тюрков». В последние годы жизни, будучи разбит апоплексическим ударом, он вынужден был взять себе в соправители своих сыновей — сперва Насра, а потом Ахмеда. Эти обстоятельства способствовали усилению мятежных выступлений в стране; Санджар снова появился как восстановитель спокойствия, однако лишь после того как мир был уже фактически восстановлен, и потому государь отнесся к нему как к обременительному союзнику; дело дошло до ссоры, а потом и до открытой войны между ним и его зятем; Самарканд был осажден и взят в рабиʿ I 524 г. х. (между 12 февраля <и 13 марта> 1130 г.); больной Арслан-хан был вынесен на носилках к его дочери и затем отправлен в Балх, где он вскоре после того умер (год смерти указывается по-разному: 524, 525 и 526) и был похоронен в Мерве в построенном им самим медресе.

Литература. Ибн ал-Асир (сведения собраны из разных источников и потому в них часто обнаруживаются противоречия); Бундари, изд. Хаутсма, <264>. Ср. также извлечения из различных письменных источников у Бартольда, *Туркестан*, ч. I, в особенности письмо, написанное от имени султана Санджара духовенству Самарканда во время осады, стр. 25—26. < См. также Pritsak, *Die Karachaniden*, S. 49—51. — *Ю. Б.*>

АТСЫЗ

Атсыз б. Мухаммед б. Ануш-тегин, правитель Хорезма (хорезмшах), наследовал на этом посту своему отцу в 521 или 522/1127-1128 г. как вассал сельджукского султана Санджара. Он прежде всего укрепил свое владычество завоеванием Дженда и Мангышлака (собств. тюрк. *Минг-кышлак* 'тысяча зимовок', на Каспийском море) и походом в глубь Туркестана; вскоре после этого он объявил себя независимым, однако в 533/1138 г. под Хазараспом был разбит Санджаром и изгнан из страны; Санджар посадил в качестве хорезмшаха своего племянника Сулеймана б. Мухаммеда, однако уже в следующем году Атсыз был призван обратно населением и царевич был изгнан. В середине шавваля 535/мае 1141 г. Атсыз подчинился султану и поклялся ему в неизменной верности, но нарушил свою присягу уже через несколько месяцев, когда могущество султана было сломлено в результате его поражения в битве с кара-китаями (5 сафара 536/9 сентября 1141 г.). Уже той же осенью Атсыз с сильным войском появился в Хорасане и захватил Мерв; весной следующего года ему подчинился Нишапур, однако сразу же после этого он был изгнан из страны Санджаром, в 538/1143-44 г. сам подвергся нападению в Хорезме и вынужден был снова признать верховную власть султана. Вскоре после того Атсыз восстал в третий раз и приказал бросить в Аму-Дарью посла султана, поэта Адиб-Сабира. В джумада II 542/ноябре 1147 г. Санджар предпринял свой третий поход в Хорезм, после двухмесячной осады взял город Хазарасп и подступил к Гургандже; Атсыз покорился султану и был оставлен в своей должности, несмотря на то что при личном свидании с Санджаром (мухаррем 543/май — июнь 1148 г.) вел себя в высшей степени дерзко. В 548/1153 г. Санджар был взят в плен гузами; Атсыз хотел вновь вторгнуться в Хорасан, на этот раз в качестве верноподданного и защитника своего султана, и потребовал, чтобы ему был передан важный город Амуль (ныне Чарджуй); однако в этом ему было отказано. Лишь в 551/1156 г. он появился под Неса и заверил государя, который незадолго до этого бежал из плена, в своей преданности, однако уже 9 джумада II/30 июля того же года умер в Хабушане (ныне Кучан) в возрасте 59 лет.

Литература. Джувейни, <изд. Казвини, II, 3—14> и, с его слов, Мирхонд (*История хорезмшахов*, изд. Дефремери, 5—11); Ибн ал-Асир, < изд. Торнберга, X, 183, 476; XI, 44—63, 118 и сл.> (оба в особенности пользовались утраченным сочинением Абу-л-Хасана Бейхаки *Машāриб ат-таджāриб*); Равенди (извлеч. в изд. Шефера; < изд. Икбаля, 169, 174, 370>); Бундари, изд. Хаутсма. О борьбе между Атсызом и Санджаром ср. в особенности официальную переписку обоих противников, приведенную, по рукописи Учебного отделения <Азиатского департамента Министерства иностранных дел> в С.-Петербурге, в работе: Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 23 и сл. <См. также: Бартольд, *Туркестан*,—наст. изд., т. I, стр. 386—395; об издании переписки см. выше, стр. 414, прим. 3.— *Ю. Б.*>

АФШИН

Афшин, титул туземных правителей (в домусульманское время) области Осрушана в Средней Азии (примерно от Джизака до Ходженда и далее к югу местность на верхнем течении Зеравшана). Последний афшин, Хайдер б. Кавус (называемый обычно в источниках не этим собственным именем, а просто его титулом — ал-Афшин), полководец халифа Му'тасима, был осыпан наградами и почестями за подавление опасного восстания хуррамитов под предводительством Бабека и за победы над греками в Малой Азии, однако в 226/840-41 г. был низложен, обвинен в отпадении от ислама и в ша'бане того же года (май — июнь 841 г.) приговорен к голодной смерти в тюрьме.

Титул *афшин* также вообще встречается в Средней Азии; у Я'куби (*Та'рīх*, II, 344) владетель Согдианы Гурек в своем договоре с Кутейбой б. Муслимом называет себя «ихшид Согда, афшин Самарканда».

Литература. Балазури, 430 и сл.; Табари, III, 1314 и сл.; Бейхаки, изд. Морлея, 199 и сл.; Dozy, *Essai*, p. 229 sq.; Browne, *A Literary History*, vol. I, p. 330 sq.; A. Müller, *Der Islam*, Bd I, S. 521 u. a.< См. также: Кинди, 189—193; Я'куби, *Та'рīх*, II, 577—584; Бартольд, *Туркестан*,— наст. изд., т. I, стр. 269; Herzfeld, *Samarra*, S. 101, 138—152; Абаев, *Афшин*.— *Ю. Б.*>

АХМЕД (АБУ АЛИ) б. АБУ БЕКР МУХАММЕД б. АЛ-МУЗАФФАР б. МУХТАДЖ

Ахмед (Абу Али) б. Абу Бекр Мухаммед б. ал-Музаффар б. Мухтадж, из династии правителей Саганиана. Будучи послан в 327/939 г. вместо своего отца наместником в Хорасан, успешно воевал с Буидами и Зияридами и захватил город Рей (мир заключен в джумада II 331 г. х./февраль — март 943). Смещенный Саманидом Нухом б. Насром вследствие жалоб населения (333/945 г.), Ахмед в начале 335/августе 946 г. поднял восстание во имя царевича Ибрахима б. Ахмеда (дяди государя), изгнал из Хорасана нового наместника Ибрахима б. Симджура, переправился через Аму-Дарью, принудил Нуха бежать в Самарканд и велел в Бухаре читать пятничную молитву <хутбу> на имя Ибрахима (джумада II 335/декабрь 946 — январь 947 г.). Вследствие враждебного отношения населения ему пришлось вскоре после этого оставить город и уйти к себе на родину, в Саганиан (ша'бан 335/февраль — март 947 г.); царевичи (кроме Ибрахима называются еще два брата Нуха) вступили в сношения с Нухом; им было гарантировано полное прощение; после своего вступления в Бухару (рамазан 335/март — апрель 947 г.) Нух нарушил свое обещание и велел ослепить всех трех царевичей. Ахмед собрал против Нуха коалицию из всех вассальных владетелей на верхнем течении Аму-Дарьи; разбитый в открытом поле, он успешно держался у себя в горах; в джумада II 337/декабре 948 г. был заключен мир; Ахмед остался правителем Саганиана; его сын Абу-л-Музаффар отправился в качестве заложника в Бухару и был там принят с большим почетом. Назначенный в конце 340/мае 952 г. снова наместником Хорасана, Ахмед водворил порядок в своей провинции и возобновил войну против Буидов, которая вскоре после того закончилась заключением мира. Договор был отвергнут Нухом, и Ахмед был смещен; при поддержке Буидов он снова поднял восстание и велел читать хутбу на свое имя и на имя халифа ал-Мути' (до того времени не признававшегося в Хорасане), однако уже при Абд ал-Мелике I(см.<выше, стр. 485>) вынужден был оставить свою провинцию при приближении своего преемника Бекра б. Мелика и умер в конце раджаба 344/ноябре 955 г., вскоре после заключения мира между Саманидами и Буидами; его тело было доставлено в Саганиан.

Известия об Ахмеде у Ибн ал-Асира и Гардизи (извлечения см. Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 8—10) представляются заимствованными из одного общего источника, вероятно из *Та'рӣх вулāт Хорāсāн* ас-Селлами, современника Ахмеда (ср. об этом труде там же, ч. II, стр. 11 < наст. изд., т. I, стр. 55—56 > и Barthold, *Zur Geschichte der Ṣaffāriden*, S. 174). Ср. еще Ибн Хаукаль (359) о выдающихся качествах Ахмеда как правителя. < См. также Бартольд, *Туркестан*,— наст. изд. т. I, стр. 306—310. >

АХМЕД б. САХЛЬ б. ХАШИМ

Ахмед б. Сахль б. Хашим, наместник Хорасана, из знатного дихканского рода Камкариян близ Мерва, кичившегося своим происхождением от Сасанидов. Чтобы отомстить за смерть своих братьев, погибших во время столкновения между персами и арабами (в Мерве), Ахмед поднял народное восстание при Амре б. ал-Лейсе, был доставлен пленником в Сеистан, но с приключениями бежал из плена и после новой попытки восстания в Мерве благополучно ускользнул в Бухару к Саманиду Исма'илу б. Ахмеду. При Исма'иле Ахмед принимал активное участие в борьбе за Хорасан и Рей, при Ахмеде б. Исма'иле — в завоевании Сеистана. Будучи послан при Насре б. Ахмеде против мятежного наместника Хорасана Хусейна б. Али ал-Мерверруди, Ахмед в раби' I 306/августе — сентябре 918 г. разбил своего противника, однако вскоре после этого сам восстал против Саманидов, был разбит на Мургабе полководцем Хамуей б. Али, отправлен в Бухару и умер там в тюрьме в зу-л-хиджжа 307 г. х. (май—июнь 919 г.).

Ср. Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, VIII, 86 и сл., и те же сведения в несколько более пространном изложении у Гардизи (извлечения: Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 6—7); очевидно, у обоих существует общий источник, вероятно *Та'рӣх вулӑт Хорӑсӑн* ас-Селлами.

БАБА-БЕК

Баба-бек, узбекский правитель из рода кенегес, до 1870 г. был правителем Шахрисябза и летом 1868 г. принимал участие в осаде цитадели Самарканда, занятой русскими. Летом 1870 г. Шахрисябз был завоеван русскими под начальством генерала Абрамова; Баба-беку пришлось с небольшой группой верных ему людей бежать сперва на верхний Зеравшан, а затем в Фергану, где он по приказу хана Худояра был схвачен и выдан русским. В Ташкенте ему было назначено ежегодное содержание в размере 3000 рублей. С 1875 г. он находился на русской службе, в том же году принял участие в походе против Коканда и в следующем году после окончания похода получил чин майора. С тех пор до своей смерти, последовавшей незадолго перед 1900 г., он жил в Ташкенте.

<См.: Абд ал-Азим Сами, пер., 84—86, 91—93, 100—103, 111—115; Б-в, *Баба-бек*; согласно этой последней заметке, опубликованной в 1898 г. в ТВ, Баба-бек умер 15 июля 1898 г. на 65 году жизни в чине полковника (с 1886 г.).—*Ю. Б.*>

БАЙРАМ-АЛИ-ХАН

Байрам-Али-хан, правитель Мерва (1197—1200/1782-83—1785-86). Его отец происходил из отдела иззаддинлу рода каджар, господствовавшего в Мерве со времени шаха Аббаса I, мать — из туркменского племени салор; он сам, как сообщают, пользовался среди туркмен славой необычайно храброго воина. В войне с Мурад-бием (Шах-Ма'сумом) бухарским он вследствие своей смелости попал в засаду и пал в бою; его голова была доставлена в Бухару и там выставлена на лобном месте. Ему наследовал в Мерве его второй сын Мухаммед-Керим; его старший сын Мухаммед-Хусейн, который посвятил себя науке и приобрел славу «Платона своего времени» (Афлāтӯн-и вақт), остался в Мешхеде. Ср. Абд ал-Керим Бухари, 58 и сл.; Жуковский, *Развалины Старого Мерва,* стр. 83 и сл.

Название Кала-и Байрам-Али-хан носит небольшая крепость (ок. 800 *м* в длину и 550 *м* в ширину) в южной части развалин старого Мерва, которую В. Жуковский (*Развалины Старого Мерва*) определил как наиболее позднее сооружение в этом месте. В более широком смысле именем «Байрам-Али» обозначают вообще развалины старого Мерва, вследствие чего это название было дано железнодорожной станции, а также <Мургабскому> государеву имению, находящимся поблизости от развалин.

БАЙСУНКАР

Байсункар, второй сын Султан-Махмуда самаркандского, внук султана Абу Са'ида (см. <EI, I, S. 111—112>), родился в 882/1477-78 г., убит 10 мухаррема 905/17 августа 1499 г. При жизни своего отца он был правителем Бухары; после смерти отца, последовавшей в раби' II 900 г.х. (30 декабря 1494—27 января 1495 г.), он был призван в Самарканд. В 901/1495-96 г. он на короткое время был изгнан своим братом Султан-Али, а в 903 г. х., в конце месяца раби' I (ноябре 1497 г.), — окончательно изгнан своим двоюродным братом Бабуром. Байсункар отправился в Хисар, где ему с помощью перешедшего на его сторону бека Хусрау-шаха удалось изгнать своего брата Мас'уда и завладеть страной; однако вскоре после того тот же самый бек ему изменил и убил его. Его противник Бабур говорит о Байсункаре как о храбром и справедливом государе. Он пользовался большим успехом и как персидский поэт, под именем Адили; его газели так любили в Самарканде, что их можно было найти почти в каждом доме (*Бабур-наме,* изд. Бевериджс, л. 68б).

БАЛ'АМИ

Бал'ами, семейное имя (*нисба*) двух министров (отца и сына) в государстве Саманидов. О происхождении имени в *Китāб ал-ансāб* Сам'ани приведены два известия: по словам одних, родоначальник этой семьи при Омейяде Масламе б. Абд ал-Мелике завоевал город (помимо этого, по-видимому, неизвестный) Бал'ам в Малой Азии; другие производили имя от селения Бал'аман около Мерва. Этот род, как сообщают, был арабского происхождения и принадлежал к племени бену-темим.

Отец, Абу-л-Фазл Мухаммед б. Убейдаллах, ошибочно назван у Сам'ани везиром Саманида Исма'ила б. Ахмеда (ум. в 295/907 г.); в исторических известиях о Саманидах он упоминается в качестве везира лишь при Насре б. Ахмеде (301—331/914—943) и, по-видимому, был преемником первого министра этого государя, Абу Абдаллаха Джейхани. В каком году он вступил на свой пост, не говорится. По словам Ибн ал-Асира (изд. Торнберга, VIII, 66), еще Джейхани добился освобождения разбитого в раби' II 306 г. х. (август — сентябрь 918 г.) и вскоре после того взятого в плен мятежника Хусейна б. Али; напротив, Са'алиби (*Йатīма*, извлеч. в пер. Барбье де Менара, 204) приводит стихотворение этого Хусейна, в котором поэт благодарит за свое освобождение везира Бал'ами. В 326/937-38 г. Бал'ами был смещен со своего поста (Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, VIII, 283) и умер, согласно Сам'ани, в ночь на 10 сафара 329 г. х. (14 ноября 940 г.).

Его сын, Абу Али Мухаммед б. Мухаммед, которого Макдиси (388) называет «Эмирек Бал'ами», при Абд ал-Мелике б. Нухе (343—350/954—961), к концу этого царствования, был назначен везиром и занимал тот же пост при следующем правителе, Мансуре б. Нухе (350—365/961—976). Его назначение, как сообщают, последовало под влиянием хаджиба Алп-тегина (см. <EI, I, S. 337>); по соглашению между Алптегином и Бал'ами каждый из них должен был считать себя заместителем (*наибом*) другого; и Бал'ами в тот период не делал ничего, не посоветовавшись со своим другом. После вступления на престол Мансура он, по-видимому, отрекся от Алп-тегина, так как после падения последнего сумел сохранить свою должность; по словам Макдиси (338), он сперва был смещен, а потом снова назначен везиром. В 352/963 г. им была написана известная персидская обработка всемирной истории Табари — древнейший исторический труд на новоперсидском языке. Со-

гласно Гардизи, он умер в месяце джумада II 363 г. х. (27 февраля — 27 марта 974 г.), будучи везиром; однако, по словам Утби (Утби — Манини, I, 170), он еще при Нухе б. Мансуре (365—387/976—997) в 382/992 г. был снова назначен везиром и спустя короткое время, еще в том же году, ушел в отставку, так как не чувствовал себя в силах справиться с трудными обстоятельствами (Саманиды в то время подвергались опасности со стороны тюркских князей-илеков, во власти которых находилась даже столица Бухара). Дату его смерти Утби не сообщает; дата 386/996 у Рьё (*Pers. MSS*, I, 70) и, с его слов, у Эте (*Neupersische Litteratur*, S. 355) и Броуна (*A Literary History*, vol. I, p. 356) основана на недоразумении, так как цитируемый Рьё текст (de Sacy, *Histoire de Yémineddoula*, p. 363) относится к другому лицу — Абу Али Симджури (см. <EI, I, S. 82>).

Низам ал-мульк (изд. Шефера, текст, 150) среди известных, служащих примером восточных министров называет и «семью Бал'ами» (Бал'амийан). Славу выдающегося министра заслужил, по-видимому, главным образом старший Бал'ами (ср., напр., Бейхаки, изд. Морлея, 117), который, так же как и его предшественник Джейхани и его государь Наср б. Ахмед, считался представителем лучшей эпохи правления Саманидов. Сам'ани восхваляет его как просвещенного покровителя ученых и поэтов; сообщается, что он особенно высоко ставил поэта Рудеки и предпочитал его всем остальным арабским и персидским поэтам. Истахри (260 и 307) упоминает его постройки в Мерве и Бухаре, причем называет его «прославленным шейхом» (*аш-шайх ал-джалил*). Память о нем сохранялась в Бухаре еще долгое время; его потомки жили в Бухаре еще во время Сам'ани (ок. 550/1155 г.). Вероятно, и теперешнее название ворот «Шейх Джелаль» в Бухаре восходит к этому везиру. Напротив, Абу Али Бал'ами у Сам'ани вообще не упоминается; исторические источники также ничего не могут сообщить о его деятельности как министра. Своей славой, помимо своего отца, он обязан, по-видимому, преимущественно своему историческому труду.

Литература. Основной отрывок из *Китаб ал-ансаб* Сам'ани приведен у Бартольда, *Туркестан*, ч. I, стр. 54; там же (стр. 58) и отрывок о поэте Рудеки (приведен также Мирза Мухаммедом Казвини в приложении к ч. I *Лубаб ал-албаб* Мухаммеда Ауфи, изд. Броуна, 291; перевод у Броуна, *A Literary History*, vol. I, p. 356) и извлечение из *Зайн ал-ахбар* Гардизи (стр. 7 и сл., 11 и сл.); обработка известий об обоих Бал'ами — Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 252 и сл., 262 и сл.<наст. изд., т. I, стр. 302 и сл., 310 и сл. См. также EI², I, pp. 984—985.— *Ю. Б.*>

БОГРА-ХАН

Богра-хан, титул многих государей из тюркской династии илек-ханов, или Караханидов[1] (в Средней Азии). Наиболее известные из них следующие:

1. Сатук Богра-хан Абд ал-Керим, первый из членов этой династии, который, как сообщают, принял ислам и распространил его в своем государстве. Ибн ал-Асир (изд. Торнберга, XI, 54) называет его Сатук (так следует читать вместо Шабук) Кара-хакан. Ни о его правлении вообще, ни о его обращении в ислам нет никаких достоверных известий, если только рассказ Ибн ал-Асира (изд. Торнберга, VIII, 396) о принятии ислама многочисленным тюркским народом в 349/960 г. не относится к подданным этого государя. Согласно Джемалю Карши (см. Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 130 и сл.), он умер уже в 344/955-56 г.; его гробница в Артудже (ныне Артыш) еще и сейчас является местом паломничества. Его жизнеописание, известное под названием *Тазкирайи Богра-хан* и обработанное Ф. Гренаром (*La légende*), является бесспорно легендарным. Отдельные детали этой легенды обнаруживаются уже в древнейшем из дошедших до нас источников, у Джемаля Карши, остальное было прибавлено позднее; лежат ли в основе этих легенд какие-либо исторические факты, установить невозможно.

2. Богра-хан Харун б. Муса (у Ибн ал-Асира, изд. Торнберга, IX, 68: Харун б. Сулейман)[2], внук предыдущего, первый завоеватель Мавераннахра из этой династии. Могущество саманидского государства бы-

---

[1] <Согласно исследованиям О. Прицака, каганат Караханидов возглавлялся верховным каганом, носившим титул Арслан-Кара-хакан (или Арслан-хан), со столицей в Орду (Кара-орду, или Куз-орду) у Баласагуна и каганом-соправителем («Mit-Qaγan»), носившим титул Богра-Кара-хакан (или Богра-хан) и правившим западной частью каганата со столицей в Таразе (одно время в Кашгаре). В случае смерти Арслан-хана Богра-хан становился на его место и принимал его титул. По мнению О. Прицака, такая организация верховной власти отражала дуальную организацию карлукских племен. Титулы обоих каганов соответствовали онгонам двух главных племенных групп карлуков: Арслан ('лев') — чигилей и Богра ('верблюд') — ягма. См. Pritsak, *Karachanidische Streitfragen*, S. 210—212; idem, *Die Karachaniden*, S. 23—24. — *Ю. Б.*>

[2] <Имя его правильно: Абу Муса ал-Хасан (Харун) б. Сулейман (см. Pritsak, *Die Karachaniden*, S. 26). — *Ю. Б.*>

ло подорвано внутренними смутами при Нухе б. Мансуре (365—387/977—999); когда завоеватель в 380/990 г. из своей столицы Баласагуна (см. <EI, I, S. 639>) появился перед пограничным городом саманидской державы на северо-востоке, Исфиджабом (ныне Сайрам, около Чимкента), он нигде не натолкнулся на значительное сопротивление; сообщают, что аристократия, враждебно настроенная к Саманидам, даже сама призвала тюрков. Уже в раби' I 382 г. х. (7 мая — 5 июня 992 г.) Богра-хан смог вступить в Бухару, столицу Саманидов, однако вскоре после этого из-за неумеренного употребления фруктов тяжело заболел и вынужден был оставить завоеванную страну. Уже в середине джумада II того же года, в среду (17 августа), Нух вернулся в свою столицу; Богра-хан умер по дороге в Кашгар в местности Кочкар-баши, быть может недалеко от истока Чу, еще и теперь называемого Кочкаром. Ибн ал-Асир (изд. Торнберга, IX, 68 и сл.), который не нашел точных дат в своем главном источнике, *Та'рӣх-и Йамӣнӣ* Утби, относит завоевание Бухары Богра-ханом лишь к 383/993-94 г., однако это утверждение безусловно опровергается полностью согласующимися друг с другом рассказами Гардизи (см. Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 12) и Бейхаки (изд. Морлея, 234).

3. Богра-хан Мухаммед б. Юсуф, внук предыдущего. При жизни своего отца Кадыр-хана Юсуфа, правившего в Кашгаре, он носил титул Яган-тегин[3]; в 423/1032 г., после смерти своего отца и вступления на престол своего старшего брата Арслан-хана Сулеймана, получил титул Богра-хана, и ему были пожалованы в удел Тараз (ныне Аулие-Ата)[4] и Исфиджаб. И как царевич, и как правитель он был связан с Газневидами и надеялся с их помощью изгнать своего противника Али-тегина (см. <выше, стр. 491>), однако этот план не удалось осуществить; его женитьба на Зейнаб, дочери султана Махмуда и сестре султана Мас'уда, также не осуществилась, несмотря на то что царевич при Махмуде в 416/1025 г. сам прибыл в Балх за своей невестой (ср. Бейхаки, изд. Морлея, 655 и сл.). После того как при Мас'уде заключение брачного союза было снова отложено, Богра-хан завязал сношения с сельджуками и стал врагом как Газневидов, так и своего собственного брата Арслан-хана; все же посланному Мас'удом имаму Абу Садику Тебани, который выехал из Газны в четверг 7 зу-л-ка'да 428/23 августа 1037 г. и провел $1^1/_2$ года в земле тюрков, удалось успокоить Богра-хана и примирить его со своим братом. В эти годы монеты с именем Богра-хана чеканились в самом Мавераннахре, что позволяет прийти к заключению, что его власть при-

[3] <Об этом титуле см.: Бартольд, *Туркестан*, — наст. изд., т. I, стр. 346, прим. 4; Pritsak, *Die Karachaniden*, S. 23. — *Ю. Б.*>

[4] <Теперь город Джамбул в Казахской ССР.>

знавалась и там. Согласно Ибн ал-Асиру (изд. Торнберга, IX, 358), он в 436/1044-45 г. с кровавой жестокостью подавил шиитское движение в Мавераннахре [5]. В то время шиитские эмиссары успешно вербовали в стране сторонников Фатимиду Мустансиру (427—487/1036—1094); сам Богра-хан для виду поддерживал еретиков, однако лишь для того, чтобы их обмануть; когда те благодаря расположению хана считали себя вне всякой опасности, внезапно был дан приказ об истреблении всех еретиков как в столице, так и в провинции. Согласно Ибн ал-Асиру (изд. Торнберга, IX, 211), Богра-хан жил только до 439/1047-48 г., однако по Бейхаки (изд. Морлея, 230), который как современник, естественно, заслуживает большего доверия, он жил до 449/1057-58 г. Согласно обоим источникам (текст рукописей *Та'рӣх-и Бейхакӣ* в этом месте, как правильно отмечено в персидском литографированном издании 1307/1889-90 г., стр. 193, несомненно испорчен), незадолго до своей смерти он изгнал своего брата Арслан-хана и овладел его государством. По Ибн ал-Асиру, Богра-хан был отравлен собственной женой, которая велела также задушить его старшего брата, находившегося в тюрьме.

4. Богра-хан, правитель Кашгара, которому Юсуф хас-хаджиб из Баласагуна посвятил написанную им в 462/1069-70 г. дидактическую поэму *Кутадгу билик*. Быть может, это был Богра-хан Харун, согласно Ибн ал-Асиру (изд. Торнберга, IX, 212 и сл.) — брат предыдущего [6]. Сообщают, что этот Богра-хан в течение 16 лет в качестве соправителя своего брата Тогрул-Кара-хакана, а затем еще 29 лет в качестве единоличного государя царствовал над Кашгаром, Хотаном и Баласагуном; годом его смерти называют 496/1102-03. К этому хану, в таком случае, должны были бы относиться сообщаемые Ибн ал-Асиром (изд. Торнберга, X, 112 и сл.) известия о «хане Кашгара», который в 482/1089 г. будто бы подчинился султану Меликшаху; там же сообщается также о борьбе между этим ханом, его братом Я'куб-тегином (правителем Атбаша) и еще одним государем, Тогрулом, причем, однако, ничего не говорится об окончательном исходе этой борьбы.

---

[5] <В. В. Бартольд ошибочно отнес к Мухаммеду б. Юсуфу сведения, относящиеся к Богра-хану (кагану-соправителю) западно-караханидского государства в Мавераннахре Ибрахиму б. Насру (см. ниже, стр. 513, статью *Бури-тегин*); см. Pritsak, *Die Karachaniden*, S. 45. Ошибка Бартольда объясняется тем, что в то время еще не было установлено, что в 433/1041-42 г. караханидский каганат распался на два отдельных каганата — западный и восточный, в каждом из которых был верховный каган (Арслан-хан) и каган-соправитель (Богра-хан). — *Ю. Б.*>

[6] <Имя этого Богра-хана было Абу Али ал-Хасан (Харун) б. Сулейман; он был не братом Мухаммеда б. Юсуфа, а его племянником; в 451—467/1059—1075 гг. он был соправителем (т. е. Богра-ханом) своего другого дяди, Махмуда б. Юсуфа, носившего титул Тогрул-Кара-хакан, а затем (в течение всего двух месяцев, в 467/1074-75 г.) — своего двоюродного брата Омара б. Махмуда. См. Pritsak, *Die Karachaniden*, S. 40—42. — *Ю. Б.*>

БОРАК-ХАН

Борак-хан[1], монгольский правитель в Средней Азии, правнук царевича Чагатая (см.<ниже, стр. 538 и сл.>), внук погибшего под Бамианом в 1221 г. Мутугэна (см. EI, I, S. 670<*Bāmiyān*>). Его отец Есун-Тува участвовал в событиях 1251 г. (см. *Bātū-Khān*, EI, I, S. 709 sq.) и разделил судьбу остальных мятежных царевичей. Борак и его два брата, как и другие младшие потомки Чагатая и Угэдэя, воспитывались в Монголии; через несколько лет после вступления на престол великого хана Хубилая (1260—1294) им было разрешено отправиться на свою родину и получить во владение Чаганиан, наследственную землю их отца. В Средней Азии незадолго до этого главой рода Чагатая был признан двоюродный брат Борака Мубарек-шах (первый государь из этого рода, принявший ислам); поэтому Борак получил от великого хана ярлык (письменный приказ), в котором он назначался соправителем своего двоюродного брата. Как сообщают, Борак, не предъявляя этого ярлыка и вообще не предпринимая ничего открыто против своего предшественника, путем интриг из Чаганиана вскоре достиг своей цели; все царевичи из рода Чагатая отложились от Мубарек-шаха и примкнули к новому претенденту; Мубарек-шах сам был вынужден признать власть Борака и поступить к нему на службу в качестве начальника барсчиев (придворных охотников). Данные о хронологии этих событий очень ненадежны и противоречивы. Согласно Джемалю Карши, автору единственного источника среднеазиатского происхождения (см. Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 148), Мубарек-шах был возведен на престол в Ахенгеране (Ангрене) в джумада II 664 г. х. (10 марта — 7 апреля 1266 г.), а в зу-л-хиджжа того же года (3 сентября — 1 октября) был взят в плен Бораком у Ходженда; согласно Вассафу, вступление на престол Борака произошло уже в начале 663 г. х. (начался 24 октября 1264 г.). И действительно, братья Николо и Маттео Поло, трехлетнее пребывание которых в Бухаре приходится, очевидно, на 1262—1265 гг., называют правителем страны Борак-хана; однако возможно, что лишь впоследствии Марко Поло, который во время своего путешествия через

[1] <Правильная транскрипция имени — Барак; Борак, или Бурак, — неправильная арабизированная форма; см. Pelliot, *Notes sur l'histoire de la Horde d'Or*, pp. 57—58. — *Ю. Б.*>

Персию и Афганистан слышал о Борак-хане и его походе в Персию, по ошибке ввел это имя в рассказ о первом путешествии своего отца и дяди.

В последующие годы Бораку пришлось защищаться как против великого хана Хубилая, так и против среднеазиатского претендента Хайду, внука великого хана Угэдэя. Могултай, которого великий хан назначил наместником Китайского Туркестана, был изгнан Бораком и заменен другим наместником; великий хан послал войско в 6000 всадников, чтобы вновь водворить изгнанного наместника, однако войско, посланное Бораком, было гораздо многочисленнее (30 000 человек), так что конница великого хана вынуждена была отступить без сражения. Войсками Борака был разграблен город Хотан, входивший в империю великого хана.

Менее удачной была борьба с Хайду. И здесь Борак, как сообщают, сперва имел успех; однако его противник получил помощь от Золотой Орды. Царевич Беркеджар, брат ханов Батыя и Беркая, появился в Средней Азии во главе войска в 50 000 человек, после чего война получила другой оборот. Борак был разбит и отступил в Мавераннахр, чтобы там организовать отчаянное сопротивление своим врагам; однако Хайду сам предложил заключить мир. Был созван курултай (съезд), на котором было создано в Средней Азии полностью независимое от великого хана государство под владычеством Хайду. Все царевичи должны были считать друг друга *андами*[2]; имущество сельских и городских жителей должно было охраняться, царевичи должны были довольствоваться пастбищными территориями в горах и степях и удерживать стада кочевников вдали от культурных областей. Бóльшая часть (две трети) Мавераннахра была оставлена Бораку, однако и там управление культурными областями было передано наместнику Мас'уд-беку, которого назначил Хайду. Место и время этого съезда указываются по-разному; согласно Рашид ад-дину, он состоялся на Таласе весной 667/1269 г., согласно Вассафу — в Катванской степи, к северу от Самарканда, одним или двумя годами раньше, так как, по этому источнику, Мас'уд-бек уже в конце 666/1268 г. отправился в Иран в качестве посла от Хайду и Борака и поход Борака против Абаки произошел уже в 667/1268-69 г.

План такого похода обсуждался уже на курултае и был поддержан Хайду; очевидно, Хайду хотел таким способом удалить из страны своего все еще опасного противника. Мас'уд-бек был послан в Иран якобы для того, чтобы собрать подати, на которые имели право Хайду и Борак (тогда еще действовало правило, согласно которому в каждой завоеванной стране все царевичи из царствующей династии должны были получать свою долю податей); подлинной целью посольства было раз-

[2] <В тексте В. В. Бартольда — «Blutsfreunde»; ср. наст. изд., т. I, стр. 583. — *Ю. Б.*>

ведать страну и обстановку в ней. Вскоре после возвращения посла Борак начал враждебные действия и захватил некоторые местности в Хорасане и Афганистане, однако был плохо поддержан вспомогательными войсками Хайду (во главе их стоял царевич Кипчак) и вскоре был полностью оставлен ими; как сообщает Рашид ад-дин, Хайду позднее объяснял, что это было сделано по его приказу; с тех пор Хайду и Абака считали себя друзьями. 1 зу-л-хиджжа 668/22 июля 1270 г. Абака нанес своему противнику сокрушительное поражение; Борак вынужден был всего лишь с 5000 человек отойти за Аму-Дарью к Бухаре; во время битвы он упал с лошади, остался с тех пор хромым, и его повсюду носили в носилках.

Известия о последнем годе его жизни разноречивы. Согласно Вассафу, он провел зиму в Бухаре, где он принял ислам и стал зваться Султан Гияс ад-дин; в следующем году он предпринял поход на Сеистан, однако его планы были и на этот раз сорваны изменой некоторых царевичей; ему самому пришлось вместе с женой отправиться к Хайду, по приказу которого он был отравлен. Более подробны и, по-видимому, более достоверны сведения Рашид ад-дина. Согласно этому источнику, отпадение царевичей произошло непосредственно после возвращения Борака из-за Аму-Дарьи; Борак сам отправился в Ташкент; оттуда он послал к Хайду с просьбой о помощи. Хайду двинулся с войском в 20 000 человек, однако нарочно двигался медленно, чтобы дождаться исхода сражения между Бораком и мятежными царевичами и использовать его в своих целях. Борак вышел из боя победителем и просил теперь своего друга по крови[3], чтобы тот вернулся в свою страну, поскольку он больше не нуждался в его помощи; несмотря на это, Хайду продолжал свое продвижение. Его войско было явно намного сильнее войска Борака; когда Хайду приблизился к лагерю Борака, он приказал своим войскам ночью окружить его. В ту же ночь Борак умер, будто бы от страха. Когда на следующее утро посланцы Хайду появились в лагере, их встретили вопли, и они, поняв, что Борак умер, вернулись к своему повелителю. По приказанию Хайду Борак был похоронен на высокой горе (т. е. как монгол, а не как мусульманин). Царевичи во главе с Мубарек-шахом пожаловались на насилия, которые совершал покойный; Хайду разрешил им присвоить оставленное Бораком имущество; жена Мубарек-шаха собственной рукой вырвала у вдовы Борака кольца из ушей. Позднее Мубарек-шах поступил на службу к Абаке; по-видимому, от его окружения идет рассказ, переданный Рашид ад-дином.

Согласно Вассафу, Борак умер уже в конце 668/летом 1270 г., согласно Джемалю Карши (см. Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 148) — лишь в начале 670 г. х. (начался 9 августа 1271 г.); этому последнему

[3] <«Blutsfreund»; см. выше, прим. 2.>

свидетельству следует, очевидно, отдать предпочтение, так как только эта дата может быть согласована с приведенным выше, видимо достоверным, известием Рашид ад-дина о времени битвы между Бораком и Абакой.

Литература. Вассаф, изд. Хаммера, текст, 134 и сл.; пер., 128 и сл.; бомбейское изд., 67 и сл.; Рашид ад-дин, по петербургским рукописям; изд. текста подготовляется Э. Блоше для GMS < изд. Блоше, 168 и сл., 177 и сл.>. Ср. также обработку сведений источников: d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. III, p. 427 sq.; Hammer-Purgstall, *Geschichte der Ilchane*, Bd I, S. 258 sq.< См. также: Бартольд, *Туркестан*,— наст. изд., т. I, стр. 580—584; Spuler, *Die Mongolen in Iran*, S. 68—70.— *Ю. Б.*>

БУРИ-ТЕГИН

Бури-тегин, царевич из династии Караханидов, или илек-ханов, в Мавераннахре. Во всех рукописях имя пишется Бур-тегин или Пур-тегин; однако чтение, помимо значения тюркского слова (*бӯри* 'волк'), подтверждается также стихотворным размером у Менучехри (текст, 47, стих 62).

В *Та'рӣх-и Бейхакӣ* Бури-тегин в первый раз упоминается в рассказе о событиях 429/1037-38 г. (Бейхаки, изд. Морлея, 682). Текст здесь несомненно испорчен; возможно следует читать بو اسحاق ابراهيم پسر ايلک ماضى, что означает, что царевич Бури-тегин Абу Исхак Ибрахим был сыном илека Насра, завоевателя Мавераннахра, и идентичен ставшему впоследствии известным как хан Самарканда Тамгач-хану Ибрахиму б. Насру[1]. О его судьбе в юные годы сообщается лишь, что его держали в плену сыновья Али-тегина (см.<выше, стр. 491>). Бежав из этого плена, он сперва отправился к своему брату Айн ад-дауля[2] в Узгенд (в Фергане), послал оттуда письмо везиру Газневидов и султаном Мас'удом был признан в качестве эмира, однако ответное письмо было составлено так, чтобы даже сыновья Али-тегина, если бы письмо попало к ним в руки, не могли против него протестовать. Вскоре после этого Бури-тегин отправился к полудикому горному народу кумиджиев (чтение — кумӣджӣ; ср. сопоставление разночтений: Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 9, прим. 4)[3], который обитал к северу от Чаганиана и пограничных с ним областей; оттуда он двинулся во главе войска из 3000 человек в направлении Хутталяна и Вахша. Эти области принадлежали в то время к государству Газневидов; несмотря на то что Бури-тегин называл себя подданным султана Мас'уда, его конница хозяйничала там, как во вражеской стране. Бури-тегин через посланца принес свои извинения; тем не менее в конце мухаррема 430/октября 1038 г. против него было выслано войско в 10 000 человек; это принудило его оставить Хутталь и вернуться в страну кумиджиев. Невзирая

---

[1] <Предположение В. В. Бартольда вполне подтверждено позднейшими исследованиями. — *Ю. Б.*>

[2] <Его имя было Мухаммед б. Наср; с 433/1041-42 г. он стал главой (Арслан-ханом) самостоятельного западно-караханидского каганата. — *Ю. Б.*>

[3] <Об этом народе см. *Худӯд ал-'ālам*, пер. Минорского, 361—363. — *Ю. Б.*>

на мнение своих советников, Мас'уд решил предпринять туда зимний поход. В понедельник 19 раби' I 430/18 декабря 1038 г. он перешел по воспетому у Менучехри (текст, 47, стих 62) плавучему мосту через Аму-Дарью; в воскресенье в последний день того же месяца (31 декабря) он достиг города Чаганиан (ныне Дих-и нау), не встретив по дороге туда каких-либо врагов, оттуда продвинулся еще немного на север, однако вскоре получил из своего государства известия, заставившие его вернуться обратно. В такое время года подобное поспешное отступление не могло быть осуществлено без больших потерь; войско теперь подвергалось также постоянным нападениям Бури-тегина и его конницы; только бросив часть своей поклажи, своих верблюдов и лошадей, султану удалось вновь добраться до Аму-Дарьи.

Благодаря этому успеху значение Бури-тегина, естественно, повысилось и число его сторонников увеличилось. В мухарреме 431 г. х. (23 сентября — 22 октября 1039 г.) султану Мас'уду сообщили, будто Бури-тегин разбил сыновей Али-тегина и захватил у них почти весь Мавераннахр; однако эти известия были, очевидно, преувеличены. Когда борьба между Газневидами и предводителями сельджуков решилась в пользу последних в битве при Денданкане (четверг 8 рамазана 431/23 мая 1040 г.), посланцы победителей с этим известием были отправлены как к Бури-тегину, так и к сыновьям Али-тегина (Бейхаки, изд. Морлея, 788). Это — последнее известие, которое мы имеем о Бури-тегине; позднее вместо него появляется Тамгач-хан Ибрахим б. Наср, который на монетах впервые в 438/1046-47 г. упомянут со своим полным титулом (Имад ад-дауля ва тадж ал-милля сейф халифат аллах Тамгач-хан); на монетах, чеканенных в Бухаре в 433/1041-42 г., он назван только Ибрахимом б. Насром без какого-либо титула. Что этот Ибрахим б. Наср идентичен Бури-тегину, определенно нигде не говорится, однако сомневаться в этом нет никаких оснований [4].

Литература. Кроме главного источника (*Та'рӣх-и Бейхакӣ*), Бури-тегин упоминается еще у Гардизи (см. текст: Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 9) и Менучехри (текст, 47). Ср. обработку этих известий источников у Биберштейна-Казимирского (Менучехри, введение, 112 и сл.) и Бартольда (*Туркестан*, ч. II, стр. 318 и сл., 323 и сл.; <наст. изд., т. I, стр. 363—367>). <См. также: Pritsak, *Karachanidische Streitfragen*, S. 226—228; idem, *Die Karachaniden*, S. 36—37, 44—46.— *Ю. Б.*>

[4] <Его полное имя было Абу Исхак Ибрахим б. Наср. Примерно с 444/1052-53 г. он стал Арслан-ханом вместо своего умершего брата Мухаммеда б. Насра. Ибрахим б. Наср умер в 1060 г. — *Ю. Б.*>

БУРХАН

Бурхан, семейство (*āл*) в Бухаре, в котором в VI/XII в. переходила по наследству от отца к сыну должность реиса ('глава'; тогда еще не употреблялось, как теперь, в значении *мухтасиб*) ханифитов этого города; не только к главе этого семейства, но и ко всем его членам прилагался титул *садр-джехан* (мн. ч. *ṣудӯр*). Некоторые поэты сравнивали этих «имамов» с «эмирами» из династии Саманидов и ставили этих «носителей чалмы» (*ахл ал-'амā'им*) выше, чем «носителей венца» (*арбāб тāджāн*). Титул *садр-джехан* носили и позже, в монгольский период, как в Бухаре, так и в Самарканде высшие сановники, стоявшие во главе духовенства и гражданской администрации. Почти во всех рассказах о семействе Бурхан, помимо их духовного звания и их учености, подчеркивается в особенности их большое богатство, которому это семейство, очевидно, обязано было значительной долей своего влияния. По отношению к своим согражданам садры являлись почти что правителями. Каковы были отношения, сложившиеся между ними и находившимися в Самарканде тюркскими ханами, не вполне ясно. Некоторые из этих ханов пользовались своими правами государей и в Бухаре и рассматривали садров как своих подданных; в другие периоды Бухара описывается как город, находящийся под властью только садр-джехана и полностью независимый от Самарканда также и политически. Очевидно, этот вопрос не всегда решался мирным путем; характерно, что в составленном Му'ин ал-фукара (*Китāб-и Муллā-зāде*, см. Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 169[1]) генеалогическом списке все садры, за исключением первого, названы «мучениками» <*шахīд*>.

Независимо от этого генеалогического списка, в котором садры являются потомками халифа Омара I, известия о садрах недавно собраны Мирза Мухаммедом б. Абд ал-Ваххабом Казвини (Ауфи, *Лубāб ал-албāб*, изд. Броуна, I, 332 и сл.). Основателем могущества этого рода был «второй Ну'ман» (Абу Ханифа), Бурхан ал-миллят ва-д-дин Абд ал-Азиз б. Омар Маза. К этому садру, а не (как считает сам Мирза Мухаммед) к более позднему Абд ал-Азизу относятся, очевидно, рассказы, приведенные Мирза Мухаммедом из *Джāми' ал-ḥикāйāт* Ауфи.

[1] <Текст *Китāб-и Муллā-зāде* издан в 1960 г. в Тегеране. — *Ю. Б.*>

Время его правления определяется приблизительно сообщением Абу-л-Хасана Бейхаки (*Та'рӣх-и Бейхак*, рук. Брит. муз., л. 61а), который говорит, что его отец, родившийся 1 шавваля 447/24 декабря 1055 г. и умерший в четверг 27 джумада II 517/23 августа 1123 г., учился вместе с этим садром[2].

Второй садр, Хусам ад-дин Омар, сын предыдущего, в 536/1141 г. был убит при взятии Бухары кара-китаями (Бундари, изд. Хаутсма, 278; Низами Арузи, изд. Казвини, 22). Несмотря на это (согласно Низами Арузи), назначенный язычниками кара-китаями наместник получил будто бы указание во всех делах следовать советам имама Ахмеда б. Абд ал-Азиза (вероятно, брата убитого). Ибн ал-Асир (изд. Торнберга, XI, 205) утверждает, будто в 559/1163-64 г. (дата, вероятно, неверна, ср. Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 358; <наст. изд., т. I, стр. 397>) реис Мухаммед, сын убитого, с похвалой отзывался об умеренности победителей.

Тот же Мухаммед в генеалогическом списке назван садром. После него, согласно тому же источнику, этот пост занимали его сын Бурхан ад-дин Мухаммед и его правнук Сейф ад-дин Ахмед. Свидетельства современников показывают, что генеалогическую связь более поздних садров с ранними следует представлять себе иначе; однако эти известия, к сожалению, очень скудны, так что здесь многое остается неясным. Абд ал-Азиз II упомянут у Ауфи как сын Омара (*Лубāб ал-албāб*, I, 211); очевидно, это то же лицо, которому Мухаммед б. Зуфер в 574/1178-79 г. посвятил свою обработку *Та'рӣх-и Нершаҳӣ* (изд. Шефера, 2 и сл.); однако этот садр назван там Абд ал-Азизом б. Абд ал-Азизом[3]. Сыном Абд ал-Азиза II был, очевидно, садр Сейф ад-дин Мухаммед б. Абд ал-Азиз, который во время составления *Лубāб ал-албāб* (617/1220-21 г.) был еще жив (Ауфи, *Лубāб ал-албāб*, I, 180). Сыновьями упомянутого у Низами Арузи Ахмеда б. Абд ал-Азиза, вероятно, были:

1. Мас'уд б. Ахмед, сына которого, Бурхан-и ислама Тадж ад-дина

---

[2] <Как показал О. Прицак, согласно биографии садра Абд ал-Азиза I, имеющейся в бухарском литографированном издании *Китāб-и Муллā-зāде* 1322/1904 г. (этой биографии, очевидно, не было в рукописи, использованной В. В. Бартольдом), Абд ал-Азиз получил сан садра вскоре после 495/1102 г. от султана Санджара, который предварительно еще в Мерве выдал за него замуж свою сестру. В качестве доверенного лица Санджара Абд ал-Азиз, а затем и его преемники заняли совершенно независимое положение по отношению к западным Караханидам и стали непосредственными вассалами Сельджукидов, как и сами Караханиды. См. Pritsak, *Āl-i Burhān*, S. 84—88.— *Ю. Б.*>

[3] <Согласно надписи на минарете в селении Вабкент, прочитанной И. И. Умняковым и А. Э. Шмидтом, садр Бурхан ад-дин Абд ал-Азиз II (строитель этого минарета) был сыном садра Бурхан ад-дина Мухаммеда, сына садра Хусам ад-дина Омара; см. Умняков, *Архитектурные памятники*, стр. 20—21, а также Pritsak, *Āl-i Burhān*, S. 89—90. — *Ю. Б.*>

Омара, и внука, Низам ад-дина, Мухаммед Ауфи знал лично (Ауфи, *Лубāб ал-албāб*, I, 169 и сл.).

2. Бурхан ад-дин Махмуд б. Ахмед, автор нескольких трудов по фикху у ханифитов (Brockelmann, GAL, Bd I, S. 375).

3. Упомянутый у Ибн ал-Асира (изд. Торнберга, XII, 170 и сл.) и Несеви (*Сīрат Джелāль ад-дīн*, I, 23 и сл., 39) Бурхан ад-дин Мухаммед б. Ахмед. Согласно Ибн ал-Асиру, он в 603/1206-07 г. совершил паломничество в Мекку и сперва был встречен с большими почестями, однако потом повсюду возбудил недовольство своим поведением; поэтому злая шутка превратила его титул в *ṣадр-джаханнам* <'столп ада'. — *Ю. Б.*>. К этому же паломничеству относится, вероятно, рассказ Ауфи (см. Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 88) об «одном садре из Бухары», который жил в Мекке с неслыханной роскошью.

В это же самое время произошло упомянутое у Джувейни народное движение в Бухаре (см. о нем: Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 381; <наст. изд., т. I, стр. 419—420>); один человек из ремесленников, сын торговца щитами (*маджāнн-фурӯш*), захватил власть в свои руки и стал называться «Мелик-Синджаром»; «уважаемые люди» (*аṣḥāб-и хурмат*) подверглись всяческим преследованиям. Что в числе изгнанных должны были находиться богатые садры, можно было бы предположить заранее; действительно, Ауфи сообщает (*Лубāб ал-албāб*, II, 385), что садры вынуждены были искать защиты у неверных кара-китаев, принесли там жалобу на своего врага Мелик-Синджара и получили соответствующую грамоту, однако ничего не могли с ней предпринять (с могуществом кара-китаев в то время уже было покончено); они оказались в долгах, их селения остались без воды, их движимое имущество было разграблено; их поездка к кара-китаям была высмеяна поэтом Шемси, стихи которого приводит Ауфи. Возможно, что садр Бурхан ад-дин, подобно многим восточным государям, предпринял паломничество непосредственно после своего низложения.

Ауфи следовало бы добавить, что положение вскоре изменилось. Бухара была взята хорезмшахом Мухаммедом б. Текешем, по-видимому уже осенью 604/1207 г. (ср. Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 386; <наст. изд, т. I, стр. 424>); Мелик-Синджар, как мы узнаём из стихотворения, приводимого самим Ауфи (*Лубāб ал-албāб*, II, 393), был увезен сперва в Амуль на Аму-Дарье (ныне Чарджуй), а затем в Хорезм, где он жил еще долго и упомянут также у Несеви (*Сīрат Джелāль ад-дīн*, 21). Тó, чтó тот же Несеви говорит о садре Бурхан ад-дине Мухаммеде, ясно показывает, что садр смог вернуться в Бухару, был там еще некоторое время реисом и хатибом ханифитов и жил с той же царской роскошью, что и раньше; сообщается, будто он в то время содержал <на свои средства. — *Ю. Б.*> 6000 законоведов (факихов). Позднее хорезмшах приказал его сместить и доставить в Хорезм. Когда в 617/1220 г. матери хорезмшаха, Туркан<Теркен>-хатун, пришлось бежать от монголов, она

приказала, чтобы садра, его брата Ифтихар-Джехана и обоих его сыновей — Мелик ал-ислама и Азиз ал-ислама, так же как и остальных государей и царевичей, содержавшихся в плену в Хорезме, бросили в Аму-Дарью.

Значение этого семейства не было уничтожено этими событиями и пережило даже монгольское нашествие. Остается под вопросом, действительно ли садр-джехан, упоминаемый как современник султана Улджэйту (703—716/1304—1316), происходит из того же рода, как полагает Мирза Мухаммед; правда, Джувейни в своем рассказе о восстании 636/1238-39 г. прямо называет тогдашнего садр-джехана «потомком семьи Бурхана» (*сулāла-йи ҳāндāн-и Бурхāнӣ*), ср. персидский текст: Schefer, *Chrestomathie persane*, t. II, p. 129 и извлеч. в изд. Дефремери, 377 [4].

<Литература. Кроме упомянутых в тексте источников и исследований, см. новую работу: Pritsak, *Āl-i Burhān*, в которой имеется ряд поправок к генеалогическим и хронологическим данным, приводимым В. В. Бартольдом, и более полно освещается вопрос о происхождении власти дома Бурханидов; там же помещена генеалогическая таблица династии. Поправки и уточнения в соответствии с этой таблицей см. в именном указателе к наст. тому. — *Ю. Б.*>

[4] <Согласно О. Прицаку, со времени восстания Тараби в Бухаре (1238—1239 гг.) династия Бурханидов сменилась династией Махбуби, первым представителем которой был ханифитский теолог Шемс ад-дин Махмуд б. Ахмед Махбуби; см. Pritsak, *Āl-i Burhān*, S. 91—95. — *Ю. Б.*>

ИЛЕК-ХАНЫ

Илек-ханы — тюркская династия в Средней Азии, IV—VII/X—XII вв. Из этого рода, под властью которого находились области к северу и югу от Тянь-Шаня, произошли первые тюркские завоеватели Мавераннахра в мусульманскую эпоху; для одного из правителей из этой династии написан первый мусульманский литературный памятник на тюркском языке, *Кудатку билик*, или, точнее, *Кутадгу билик* (ок. 462/1069-70 г.). В персидских исторических сочинениях династия чаще всего называется «дом (*āл*) Афрасиаба» (см. EI, I, S. 186), иногда также «ханы Туркестана»; обозначение «князья-илеки» (Ilek-Fürsten), или «илек-ханы», введено в науку европейскими нумизматами (Торнбергом и особенно Дорном), по одному из специфических для этой династии титулов, которого тем не менее ни один из ее правителей не имел и который, по-видимому, не обнаруживается в мусульманской литературе ни в более раннее, ни в более позднее время. В домусульманские времена это слово встречается как титул правителя у восточных тюрков; ср. выражение *илиг хан мшиха* в опубликованном Ф. В. К. Мюллером христианском тексте (*Uigurica*, I, S. 6).

Произношение и этимология титула неясны; у историков и на монетах дается форма *ӣлек*, иногда также *ӣлӣк* и *элӣк*, в уйгурском списке *Кутадгу билик* — *ālik* или *ilik*, в арабских списках (как в каирской, так и в недавно открытой наманганской рукописи из Ферганы) — *ӣлӣк*; ср. Радлов, *Словарь*, I, 816: «würde dies Wort ilik lauten, so könnte es mit ilk „der erste" in Zusammenhang gebracht werden». «Илеком», или «илек-ханом», по преимуществу считался завоеватель Мавераннахра Наср б. Али (ум. в 403/1012-13 г.); также и позднее этот титул носили преимущественно правители Мавераннахра (ср. Бейхаки, изд. Морлея, 631 внизу), однако лишь до тех пор, пока существовали, по крайней мере номинально, вассальные отношения между этими правителями и ханами Кашгара. Часто употребляется выражение «хан (или ханы) и илек» (напр., Бейхаки, изд. Морлея, 844 и сл.); «илек», следовательно, не «хан», а подчиненный хану правитель, подобно тому как «илик», выведенный в *Кутадгу билик* как воплощение справедливости, называется не «ханом», а «бегом». После того как правители Самарканда окончательно приняли ханский титул и основали независимое государство, титул *илек* на их

монетах исчезает[1]. В последний раз упоминается слово *илек* в 1130 г. как имя или титул правителя Баласагуна (см. EI, I, S. 640).

Исторические известия о «доме Афрасиаба» крайне скудны; границы государства, так же как и отдельных владений, из которых оно состояло, с трудом поддаются определению; столь же ненадежным является и большинство хронологических данных; даже монеты оставляют здесь многое неясным. Фактически государством никогда не правил один человек[2]; споры между отдельными представителями династии обычно решались оружием, очень часто с чужеземной помощью. Эти обстоятельства использовали для своих целей сперва Газневиды (см. EI, II, S. 165 sq.), потом сельджукские султаны; из числа последних Меликшах и его сын Санджар установили своего рода верховную власть как над правителями Самарканда, так и над правителями Кашгара; после битвы 536/1141 г. эта верховная власть перешла к язычникам кара-китаям (см. EI, II, S. 789—791). Восстание мусульманского населения против кара-китаев и вызванные им военные действия привели к падению династии как в Мавераннахре (в 609/1212-13 г.), так и в Кашгаре (приблизительно в это же время).

Литература. Dorn, *Über die Münzen*; idem, *Nachträge* (там же библиография до 1880 г.); *Кутадгу билик*, изд. Радлова, I, Введение, стр. LXXVIII и сл.; Grenard, *La légende*; Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 266 и сл.;< наст. изд., т. I, стр. 315 и сл.>.< В последнее время изучение истории государства Караханидов сделало значительные успехи, главным образом благодаря работам О. Прицака и частично Е. А. Давидович (по позднему периоду). См. в особенности: Pritsak, *Karachanidische Streitfragen*; idem, *Von den Karluk*; idem, *Qara*; idem, *Die Karachaniden* (там же библиография до 1953 г.); Давидович, *Нумизматические материалы для хронологии Караханидов*.— *Ю. Б.*>

---

[1] <Как показал О. Прицак, слово *элик ~ илек ~ илик ~ илиг* (согласно О. Турану и П. Пельо, правильное чтение — *илиг;* по мнению Прицака, из *иль* + *лиг*) не было специфической составной частью титулов Караханидов; оно входило только в титулы двух (из четырех) «низших каганов» («Unter-Kagane»): Арслан-илек и Богра-илек (он же Богра-тегин и Янга-тегин). Титул *хан* (Арслан-хан и Богра-хан — см. выше, стр. 506, прим. 1) был рангом выше илека. Сочетание «илек-хан» произошло от контаминации в мусульманских источниках (начиная с Утби) имени Арслан-илека Насра — завоевателя Мавераннахра — с Арслан-Кара-ханом Ахмедом б. Али. В настоящее время в науке принято название этой династии «Караханиды», от слова *кара,* входившего в титулы обоих каганов (Арслан-Кара-хакан и Богра-Кара-хакан) в значении 'главный'. См. Pritsak, *Karachanidische Streitfragen,* S. 211—214; idem, *Qara;* idem, *Die Karachaniden,* S. 18—20, 23—24; Turan, *Ilig;* Pelliot, *Notes sur le «Turkestan»,* p. 16. — *Ю. Б.*>

[2] <Во главе государства стояли два правителя: верховный каган (Арслан-Кара-хакан) и каган-соправитель (Богра-Кара-хакан). В результате длительной борьбы между двумя ветвями династии — потомками Арслан-илека Насра б. Али («Алидами») и потомками Богра-хана Хасана (Харуна) б. Сулеймана («Хасанидами») — в 433/1041-42 г. единый каганат раскололся на два отдельных караханидских государства: восточное со столицей в Баласагуне (позднее в Кашгаре) и западное со столицей в Узгенде (позднее в Самарканде). В каждом из них сохранилась та же система управления (с двумя каганами, четырьмя низшими каганами и т. д.). — *Ю. Б.*>

ИСКЕНДЕР-ХАН

Искендер-хан, Шейбанид, правитель Мавераннахра (968—993/1561—1583). В его царствование власть фактически находилась в руках его сына Абдуллы (см. EI, I, S. 26), который в ша'бане 968 г. х. (17 апреля — 15 мая 1561 г.) объявил низложенным своего дядю Пир-Мухаммеда, правителя Балха, и провозгласил своего отца Искендера ханом всех узбеков. Искендер, как и его отец и дед, был слабоумным; по словам Абулгази (*Родословная тюрок*, изд. Демезона, I, 183), у хана были только две хорошие черты: он со скрупулезной точностью исполнял все предписанные (*фарӣда*) и рекомендованные (*нāфила*) молитвы и как никто другой был сведущ в соколиной охоте. Он умер в среду 1 джумада II 991/22 июня 1583 г.; в одной хронограмме, составленной по случаю его смерти, он назван «государем дервишей» (*пāдишāх-и дарвӣшāн*). О литературе относительно событий этого времени. см. *'Abd Allāh* (EI, I, S. 26 sq. <см. выше, стр. 488>).

ИСМА'ИЛ б. АХМЕД

Исма'ил б. Ахмед, Абу Ибрахим, Саманид, правитель (эмир) Мавераннахра, основатель могущества своей династии, родился в Фергане в шаввале 234 г. х. (28 апреля — 26 мая 849 г.), с 260/874 до 279/892 г. наместник своего брата Насра в Бухаре; остался в этом городе и после того как вследствие смерти своего брата стал эмиром Мавераннахра и в 280/893 г. был утвержден в этом сане халифом. В том же году он предпринял поход до Тараза (ныне Аулие-Ата [1], см. EI, I, S. 538), завоевал этот город и превратил его главную церковь в мечеть. О его борьбе в Мавераннахре с Саффаридом Амром б. ал-Лейсом см. EI, I, S. 352. Несмотря на то что халиф объявил о смещении Исма'ила и его провинция была пожалована Амру, после окончания борьбы халиф выразил победителю свое удовлетворение. Наследие Саффаридов в Хорасане оспаривал у Саманида Мухаммед б. Зейд, правитель Табаристана. Полководцу Исма'ила Мухаммеду б. Харуну удалось не только изгнать врагов из Хорасана, но даже завоевать Табаристан; однако после этого он восстал против своего государя, принял белый цвет—цвет восставших против законного правительства (Табари, III, 2208) и захватил Рей; Исма'илу пришлось самому выступить против мятежного полководца; после победы над ним Рей и Казвин были присоединены к государству Саманидов и тем самым были установлены границы последнего на западе (289/902 г.). В 291/904 г. на востоке было отражено, с помощью добровольцев из других мусульманских стран, вторжение многочисленного тюркского народа (Табари, III, 2249). Датой смерти Исма'ила называется 14 сафара 295/24 ноября 907 г. В Бухаре, которая была возвышена им как столица саманидского государства, еще и теперь показывают его гробницу, однако подлинность ее не подтверждается какими-либо надписями на здании или на саркофаге [2].

Литература. Нершахи, изд. Шефера, 75 и сл.; Мирхонд, *История Саманидов*, изд. Дефремери, 6 и сл., 117 и сл.; Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 230 и сл.; <наст. изд., т. I, стр. 281 и сл. См. также Давидович, *Нумизматические материалы для истории Саманидов*, стр. 71—77.— *Ю. Б.*>

[1] <Теперь город Джамбул в Казахской ССР.>

[2] <Ср. наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 246, прим. 8.>

ИСМА'ИЛ б. НУХ

Исма'ил б. Нух, Абу Ибрахим ал-Мунтасир, Саманид; после падения его династии в 389/999 г. был в качестве пленника уведен в Узгенд (в Фергане); ему удалось бежать оттуда переодетым и в течение нескольких лет оспаривать у тюркских завоевателей власть над Мавераннахром. После своего последнего поражения он бежал всего лишь с восьмью спутниками за Аму-Дарью и в раби' I или раби' II 395 г. х. (16 декабря 1004 — 12 февраля 1005 г.) был убит предводителем одного арабского племени под Мервом. Ср. сводку данных источников: Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 282 и сл.; <наст. изд., т. I, стр. 330—332>.

КУТБ АД-ДИН МУХАММЕД

Кутб ад-дин Мухаммед, хорезмшах, основатель династии в Хорезме (см. EI, II, S. 975). Его отец Ануш-тегин (или Нуш-тегин) Гарча был смотрителем умывальников (*шашт-хане*) при дворе сельджукских государей; расходы на этот вид придворной службы покрывались из подати Хорезма, подобно тому как расходы на содержание гардеробов (*джамехане*) покрывались из подати Хузистана; поэтому Ануш-тегин, не управляя фактически Хорезмом, носил титул военного наместника (*шахне*) этой страны; его сын воспитывался в Мерве. После убийства хорезмшаха Икинчи б. Кочкара в 490/1097 или 491/1098 г. Кутб ад-дин был назначен наместником Хорезма с титулом хорезмшаха и правил до своей смерти, последовавшей в 521/1127 или 522/1128 г.; его преемником был его сын Атсыз (см. <выше, стр. 495>). В качестве хорезмшаха Кутб ад-дин, по-видимому, все время оставался верным вассалом султана Санджара (см. <EI, IV, S. 162>); раз в два года он лично являлся ко двору султана, в промежутках его представлял его сын. Говорят, что как правитель он покровительствовал ученым; ему посвящен медицинский справочник Джурджани (см.<EI, I, S. 1113>) *Захира-йи хᵛаразмшахи*, см. Rieu, *Pers. MSS*, vol. II, p. 466. [Заимствованные Брокельманом (GAL, Bd I, S. 487, а также *Djurdjānī*, *Ismāʿīl* <EI, I, S. 1113>) из каталога библиотеки Ени Джами сведения о том, что это сочинение имеется там в двух арабских рукописях (№ 915 и 916), обязаны, по-видимому, ошибке составителя турецкого каталога, тем более что даже там название приведено в упомянутой выше персидской форме, по-арабски невозможной.]

Литература. Джувейни, изд. Казвини, II, 2 и сл.; Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 346;<наст. изд., т. I, стр. 387>.

МАНСУР б. НУХ

Мансур б. Нух, имя двух Саманидов.

1. Мансур б. Нух I (Абу Салих), правитель Хорасана и Мавераннахра (350—365/961—976), преемник своего брата Абд ал-Мелика б. Нуха I (см. <выше, стр. 485>). О внутреннем положении саманидского государства при Мансуре сообщает как очевидец Ибн Хаукаль; см. в особенности Ибн Хаукаль, 341: *фӣ вақтинā хазā*; 344 и сл. (о личности Мансура): «справедливейший царь среди наших современников, несмотря на его физическую слабость и тщедушное телосложение». О везире Бал'ами см. *Bal'amī* <выше, стр. 504 и сл.>, где приведены также сведения о написанной в 352/963 г. этим везиром или по его приказанию персидской обработке исторического труда Табари. О восстании начальника саманидской гвардии Алп-тегина, об основанном им самостоятельном владении в Газне и об утверждении там власти Саманидов при Мансуре и при Исхаке (или Абу Исхаке Ибрахиме), сыне и преемнике Алптегина, см. *Alp-Tegīn* < EI, I, S. 337> и *Ghazna* < EI, II, S. 162>; в книге: Barthold, *Turkestan*, p. 251, n. 4 вместо Исхак б. Ибрахим следует читать Абу Исхак Ибрахим (в русском оригинале этого места нет)[1]. И в остальном в области внешней политики это царствование было еще хорошим временем для государства Саманидов; войны с Буидами (см. < EI, I, S. 841—843) были большей частью победоносными.

2. Мансур б. Нух II (Абу-л-Харис), правитель Мавераннахра (387 — 389/997—999). Его отец Нух б. Мансур, которому от саманидского государства досталась лишь часть Мавераннахра, умер уже в пятницу 14 раджаба 387/23 июня 997 г., однако Мансуру была принесена присяга лишь в месяце зу-л-ка'да (ноябре). Бейхаки прославляет его красоту, мужество и красноречие; с другой стороны, говорят, что его все боялись из-за его чрезмерной суровости. Все же за время своего короткого и слабого царствования он вряд ли мог кому-либо внушить страх. По отношению к правителям и военачальникам, боровшимся между собой за наследство погибавшей династии, последние Саманиды были совершенно

[1] <Следует исправить также в наст. изд., т. I, стр. 312, прим. 1. — *Ю. Б.*>

бессильны. Одному из этих военачальников, Фаику, удалось во главе всего лишь 3000 тюркских всадников захватить даже Бухару; Мансур вынужден был бежать в Амуль (см. < EI, I, S. 359—360), однако был приглашен обратно самим Фаиком. Последние месяцы своего царствования Мансур должен был посвятить безуспешным усилиям мирно разрешить вопрос о наместничестве над Хорасаном, которое оспаривалось несколькими сторонами. Однако еще до того, как вопрос был решен силой оружия, Мансур в среду 12 сафара 389/1 февраля 999 г. был свергнут своими военачальниками Фаиком и Бегтузуном, неделю спустя ослеплен и отправлен в Бухару.

Литература. Ср. *Sāmāniden* <EI, IV, S. 130—133>; кроме того, теперь еще: Barthold, *Turkestan*, pp. 251 sq., 264 sq.; <наст. изд., т. I, стр. 311—312, 325—327>.

САРТ

Сарт, первоначально древнетюркское слово, означавшее 'купец'; в этом значении оно употребляется в *Кутадгу билик* (цит. у Радлова, *Словарь*, IV, 335) и у Махмуда Кашгарского (напр., I, 286). В изданном Радловым уйгурском переводе (с китайского) *Саддхарма пундарики* санскритское слово *sārthavāha*, или *sārthalāha*, 'купец, водитель каравана' переведено *сартпау*; это слово объясняется как 'старший купец' (*сатыкчы улугы*). Отсюда Радлов заключает, что тюрк. *сарт* заимствовано из индийского (*Kuan-ši-im Pusar*, 37). Когда иранцы Средней Азии захватили в свои руки торговлю с кочевыми народами, слово *сарт* стало употребляться тюрками и монголами как название народа, в том же значении, что и *тāджик* (*тāджӣк*). Рашид ад-дин (изд. Березина, I, текст, 171) рассказывает, что, когда правитель (принявших ислам) карлуков Арслан-хан подчинился монголам, он был назван ими «сартактай, т. е. таджик». Здесь имя народа выступает в форме *сартак*; окончание *тай* присоединялось монголами к названию для обозначения мужского представителя соответствующего народа (см. там же, 65). Как показывает этот пример, сартактаи были для монголов людьми не столько определенной национальности и языка (карлуки были, как известно, тюркским народом), сколько принадлежащими к определенному культурному типу — персидско-мусульманскому. Сартактай, по-видимому, пришел к монголам не только как торговец, но и вообще как носитель культуры, в особенности как специалист по ирригации; только этим могут быть объяснены монгольские легенды о богатыре Сартактае и построенных им чудесных каналах, мостах и плотинах (Потанин, *Очерки северо-западной Монголии*, вып. IV, стр. 285—288).

Рядом со словом *сартāқтāй* употреблялось в том же значении, очевидно образованное от того же корня, слово *сартāул* (см., напр., Рашид ад-дин, изд. Блоше, 541,5); в изданном Мелиоранским арабско-монгольском словаре <Ибн Муханны> *сартāул* объясняется как *ал-муслимӯн* (Мелиоранский, *Араб филолог*, стр. 75 внизу; <ср. стр. 136>). С другой стороны, в Туркестане в период монгольского владычества «сарты» противопоставлялись «тюркам» — очевидно, только по языковому признаку; ср. в особенности описание Ферганы у Бабура (изд. Бевериджа, л. 2б, об Андижане: ایلی ترک دور; л. 3б, о Маргинане: ایلی سارت تور).

А. Самойлович (*Турецкие и монгольские элементы*, стр. 103 и сл.) обращает внимание на другое место у Бабура (*л.* 131а-б), где, по-видимому, проводится различие между сартами и таджиками; здесь говорится, что население города Кабула и нескольких селений состоит из «сартов», в то время как в других селениях и вилайетах живут другие народы, в том числе «таджики». Особенно часто язык сартов противопоставляется языку тюрков Мир Али-Широм Неваи, ср., напр., цитату из его *Маджāлис ан-нафā'ис* в словаре Шейх Сулеймана у Л. Будагова (I, 612) и особенно целиком его сочинение *Мухāкамат ал-лугатайн*, где персидский язык, как *фāрс-тīлī* или *сāрт-тīлī*, сопоставляется с тюркским (коканд. изд., напр., стр. 19: سارت — ترک تیلی بیله نظم ایتقان دک فصیح ترک‌لار).

После завоевания Туркестана узбеками противоположность между узбеками и покоренным оседлым населением, по-видимому, иногда должна была ощущаться сильнее, чем противоположность между тюрками и таджиками (или сартами). Особенно часто противопоставляются узбеки в Хиве сартам у Абулгази (см., напр., *Родословная тюрок*, изд. Демезона, I, 231: اورکنج نینک اوزبکی وسارتی; 256: هزاراسب نینک اوزبکین وسارتین). То же самое словоупотребление сохранилось в Хорезме до настоящего времени. Менее отчетливым было это противопоставление в Бухаре и Коканде; чаще, особенно среди самих кочевников, не узбеки, а казаки (см. <EI, II, S. 896>) как кочевники противопоставлялись сартам как городским жителям и земледельцам. В Коканде, как сообщают, даже правительственные постановления начинались словами سارتیه وقزاقیه‌لارغه معلوم بولسون; однако, насколько мне известно, ни один такого рода документ до сих пор не опубликован. Для казака каждый оседлый житель был сартом, независимо от того, говорил ли он на тюркском или иранском языке; в официальном языке словом *сарт*, по-видимому, обозначалось тюркизированное оседлое население в противоположность таджикам, которые сохранили свой иранский язык (ср. Нияз-Мухаммед, *Та'рūх-и Шāхрухī*, 193: سرتّیه وتاجکّیه; 209: قریه‌های سرتّیه وتاجکّیه; 279: ایلاتّیه واوزبکّیه وسرتّیه وتاجکّیه). То же самое словоупотребление было принято европейскими учеными, несмотря на то что было трудно определить различие между сартом и узбеком. Согласно Радлову (*Kuan-ši-im Pusar*, 37), сартами называется «сейчас говорящее по-тюркски городское население Средней Азии, в противоположность крестьянам — узбекам». В некоторых местностях, особенно в районе Самарканда, сельские жители действительно считают себя узбеками и сохранили родовое деление; однако такое противопоставление города и деревни никак не применимо для всего Туркестана. Пока еще не было попыток установить диалектальное различие между сартами и узбеками. Оседлый житель Средней Азии чувствует себя в первую очередь мусульманином, а затем уже жителем определенного города или местности; мысль о принадлежности к опре-

деленному народу не имеет для него никакого значения. Лишь в новейшее время под влиянием европейской культуры (через посредство России) возникло стремление к национальному единству[1]. Слово *сарт*, которое кочевники употребляли с нескрываемым презрением по отношению к оседлому населению и которое народная этимология объясняла как *сары ит* ('желтая собака'), ныне изгнано из употребления; сейчас признается только узбекская национальность в противоположность казакской, туркменской и таджикской национальностям.

Литература. Остроумов, *Сарты*, изд. 3-е, там же обзор литературы о сартах и различных попыток объяснения этимологии этого слова < стр. 6—49>; < ср. также Самойлович, *К вопросу о сартах.— Ю. Б.*>.

[1] <Стремление к национальному единству возникло не столько «под влиянием европейской культуры», сколько в результате внутреннего социального развития самой Средней Азии — главным образом развития в ней элементов капитализма после присоединения Средней Азии к России. — *Ю. Б.*>

ТЕКЕШ

Текеш (= тюркское произношение) б. Иль-Арслан, правитель Хорезма (см. <EI, II, 974—978>) (567—596/1172—1200) из четвертой и самой блестящей династии хорезмшахов (см.<ниже, стр. 535>), перед воцарением был наместником Дженда на нижнем течении Сыр-Дарьи (см.<EI, IV, S. 481—483>); ему пришлось бороться за престол со своим младшим братом Султан-шахом, причем сперва Текеша, а потом Султан-шаха поддерживали кара-китаи (см.<EI, II, S. 789—791>).

Когда борьба за Хорезм в конце концов окончилась в пользу Текеша, Султан-шаху с помощью кара-китаев удалось утвердиться в Мерве, Серахсе и Тусе и сохранить за собой эти земли до своей смерти (589/1193 г.), находясь иногда в дружественных отношениях, а иногда в войне со своим братом. Главный город Хорасана, Нишапур, уже в раби' I или раби' II 583/<в апреле — июне> 1187 г. перешел во владение Текеша; наместником там стал старший сын Текеша Мелик-шах. После смерти Султан-шаха Мелик-шах был переведен в Мерв, а его брат Кутб ад-дин Мухаммед назначен в качестве его преемника в Нишапур. Большее значение имело уничтожение власти сельджуков (см.<EI, IV, S. 222—228>) в Ираке Персидском ('Ирāқ 'аджамӣ) благодаря победе над султаном Тогрулом II в 590/1194 г. Благодаря этой победе Текеш из местного владетеля превратился в могущественного государя и с тех пор стал называть себя на своих монетах уже не хорезмшахом, а «султаном, сыном хорезмшаха». Персидский Ирак с Реем и Хамаданом перешел во владение Текеша, который назначил своего сына Юнуса наместником Хамадана; позднее он передал Хамадан правителю Азербайджана Абу Бекру как своему вассалу, который послал туда своего брата и будущего преемника Узбека. В 592/1196 г. под Хамаданом Текеш разбил войско халифа Насира; халиф требовал, чтобы Текеш очистил завоеванную область и вернулся на восток, Текеш же не только хотел сохранить свои завоевания, но и получить помимо этого от халифа также Хузистан. Кроме того, сообщают, будто Текеш, как ранее сельджуки, в том числе и Тогрул II, требовал, чтобы халиф передал ему светскую власть и в самом Багдаде и удовольствовался бы номинальной верховной властью над мусульман-

ским миром. Этот спор в то время не мог быть разрешен и продолжался при преемнике Текеша, Мухаммеде.

Значительно скуднее наши сведения о войнах между Текешем и кара-китаями. О важнейшем событии в этой борьбе — захвате Текешем Бухары — сообщает Ибн ал-Асир (изд. Торнберга, XII, 88 и сл.) в рассказе о событиях 594/1198 г.; в то же время относящийся к этому документ находится в составленном Мухаммедом б. Муайядом ал-Багдади сборнике государственной переписки за 576—579/<1180—1184> гг. Во всяком случае, этот успех был непродолжительным, и, несмотря на свое могущество в мусульманском мире, Текеш до своей смерти оставался вассалом кара-китаев.

Литература. Главным образом Хамдаллах Казвини, *Та'рӣх-и гузӣде*, изд. Броуна, 491—493; Джувейни, изд. Казвини, II, 17—46; Равенди, изд. Икбаля, 375—399; Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, указатель; Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 361—374; <наст. изд., т. I, стр. 400—413>. Об упомянутом выше сборнике государственной переписки см. *Catalogus LB*, vol. I. p. 169 sq.; извлечения оттуда см. Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 73 и сл.;<сборник издан Бахманйаром в 1936 г.— *Ю. Б.*>.

ХАҚИМ-АТА

Хаким-Ата, тюркский святой из Хорезма, ученик умершего в 562/1166-67 г. Ахмеда Ясеви (ср. EI, I, S. 217). Его имя было, собственно, Сулейман Бакыргани; его называют также Сулейман-Ата или Хаким-ходжа; место Бакырган не идентично упомянутому у Макдиси (343,10) Бағирқāну, а находилось значительно севернее, несколько ниже современного города Кунграда; гробница Хаким-Ата там и сейчас является местом паломничества; согласно одному из жизнеописаний этого святого, название места является будто бы испорченным Апак-курган 'очень белая крепость'. То же самое название встречается в Туркестане еще и в другом месте; у Ходжента в Сыр-Дарью впадает река Ходжа-Бакырган, к которой, как показывает название, также приурочивается культ какого-то святого [1]. О жизни Хаким-Ата мы имеем лишь легендарные известия. Приписываемые ему сочинения (кроме сборника песен религиозного содержания, известного под названием *Бāқирғāн китāбī*, еще *Ҳазрат Марйам китāбī*, *Āҳир замāн китāбī* и др.) часто издаются в Казани; старые рукописи этих сочинений, насколько известно, не сохранились.

См. Залеман, *Легенда про Хаким-Ата́*; ср. также: Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 149;< наст. изд., т. I, стр. 205>; Barthold, *Nachrichten*, S. 33; Комаров, *Сулейман Бакыргани*.< См. также Arat, *Hakîm Ata*.— *Ю. Б.*>

---

[1] <См. выше, стр. 361, статью *К вопросу о родине Хаким-Ата*. — *Ю. Б.*>

ХАЛИЛЬ-СУЛТАН

Халиль-Султан, государь из династии Тимуридов, внук Тимура, сын Мираншаха и Суюн-бек Ханзаде, внучки золотоордынского хана Узбека; родился в 786/1384 г., умер в среду 16 раджаба 814/4 ноября 1411 г.; правил в Самарканде в 807—812/1405—1409 гг. Его воспитание было поручено старшей жене Тимура Сарай-Мульк-ханум. Сообщают, что уже в возрасте 15 лет он отличился во время похода Тимура в Индию 1399 г.); он участвовал также в так называемом «семилетнем» (в действительности 802—807/1399—1404 гг.) походе на запад; в 1402 г. Тимур поручил ему верховное командование на востоке, «на границе Туркестана». В 1404 г. он вызвал гнев своего деда самовольной женитьбой на женщине низкого происхождения, Шад-Мульк, однако был прощен и в том же году во время приготовлений к походу на Китай был назначен начальником правого крыла, собранного в Ташкенте и его окрестностях. Этим войском после смерти Тимура, последовавшей 18 февраля 1405 г., он был провозглашен государем и в среду 16 рамазана 807/18 марта 1405 г. вступил в Самарканд. Титул хана получил несовершеннолетний правнук Тимура Мухаммед-Джехангир, сын ранее назначенного наследником, однако умершего прежде Тимура царевича Мухаммед-Султана. Халиль-Султан держался в Самарканде до 1409 г.; за пределами Мавераннахра его власть нигде не признавалась; да и на севере этой страны, на Сыр-Дарье, ему постоянно приходилось бороться с мятежными военачальниками; золотоордынские татары, завоевавшие в раджабе 808 г. х. (декабрь 1405 — январь 1406 г.) Хорезм, в своих разбойничьих набегах доходили до Бухары. В открытом бою со своими врагами Халиль-Султан большей частью оставался победителем; конечная победа Шахруха также была одержана не столько вследствие военных успехов, сколько благодаря интригам и искусной дипломатии (в частности, благодаря связям с духовенством Бухары, во главе которого был Мухаммед Парса). Весной 1409 г., когда войско Шахруха стояло в Бадгисе, а войско Халиль-Султана — в Шахрисябзе (Кеше), готовые к сражению, опять началось восстание на севере под предводительством эмира Худайдада; Халиль-Султан был вынужден оставить свое войско и обратиться против Худайдада, однако он мог взять с собой только 4000 человек. 13 зу-л-ка'да 811/30 марта 1409 г. к северу от Самарканда он был взят в плен

Худайдадом и приведен в Самарканд, а позднее, без своей жены, которая после того подверглась жестокому обращению со стороны Шахруха, был уведен в Фергану; наконец он отправился в Отрар и там при посредничестве эмира Шейх Нур ад-дина заключил с Шахрухом договор, согласно которому он отказался от власти над Мавераннахром и получил вместо этого город Рей, где оставался до своей смерти. Его жена также была ему возвращена, и после смерти своего мужа она покончила с собой. Вследствие этих романтических обстоятельств, еще приукрашенных современниками, Халиль-Султан назван А. Мюллером (*Der Islam*, Bd II, S. 315; там же Халиль-Султан ошибочно назван сыном Омар-шейха) «сентиментальным пастушком», что вряд ли подходит для молодого царевича, который обладал бесспорным военным талантом; однако его отношение к своей жене, так же как великодушие, которое он постоянно проявлял по отношению ко всем своим врагам и даже изменникам, действительно находятся в полном противоречии с личными качествами остальных членов его династии и с условиями его времени.

Литература. Бартольд, *Улугбек*, указатель (там же ссылки на источники, большей частью рукописные); <см. выше, стр. 73—90>.

ХОРЕЗМШАХ

Хорезмшах, титул государей Хорезма (ср. *Khʷārizm* <EI, II, S. 974 sq.>), который застали уже арабские завоеватели (ср., напр., Табари, II, 1237 и сл.). Тот же титул в мусульманское время носило большинство государей и наместников этой страны, хотя основатель последней династии, Ильтузер-хан (1804—1806), на своих монетах (которые не удалось выпустить) хотел обозначать себя лишь как «наследника хорезмшахов» (*wārič-i xʷārazmšāhān*) (Абд ал-Керим Бухари, изд. Шефера, 80). Это, пожалуй, единственный случай в Средней Азии, когда титул сохранил свое значение с домусульманского периода вплоть до новейшего времени. Единственным источником о происхождении и хронологической последовательности домусульманских хорезмшахов является «Хронология» Бируни (ср. EI, I, S. 757). Родоначальником династии там назван (изд. Захау, 35) легендарный Кайхусрау (ср. EI, II, S.683); сообщается, будто он начал царствовать через 92 года после первоначального заселения страны, которое произошло в 980 г. до Александра, т. е. до Селевкидской эры (т. е. в 1292 г. до н. э.). Сведения об именах отдельных государей и их генеалогической последовательности относятся к периоду с 616 г. после Александра (304 г. н. э.) до конца династии в 385 г. х. (995 г. н. э.). Из этих государей Шаушфар, отец которого был современником завоевателя Кутейбы б. Муслима, безусловно идентичен упоминаемому китайцами правителю Шао-ши-фэню, который в 751 г. отправил посольство в Китай (Chavannes, *Documents*, p. 145)[1]; зато упоминаемый Ибн ал-Асиром (изд. Торнберга, VIII, 310) под 332 г.х. (943-44 г.) хорезмшах Абдаллах б. Ашкам не назван в генеалогии Бируни. От хорезмшаха Ахмеда б. Мухаммеда, отца последнего государя из этой династии Абу Абдаллаха Мухаммеда, до нас дошли монеты 348/959-60 и 366/976-77 гг.; см. Марков, *Инвентарный каталог*, стр. 295 и 975.

От государства хорезмшахов была политически отделена северная часть Хорезма со столицей в Гургандже (см. EI, II, S. 194—195) — факт, который не упоминается арабскими географами, и потому неизвестный Якуту, вследствие чего соответствующие сведения Ибн Фадлана

---

[1] <Согласно В. Хеннингу, в тексте Бируни вместо شاوشفر следует читать شاوشفن (см. Henning, *Mitteliranisch*, S. 57). — *Ю. Б.*>

(см. EI, II, S. 398) не были им поняты (Якут, *Му'джам*, II, 484 и Розен, *Пролегомена*, стр. 59). Эмиру Гурганджа Абу-л-Аббасу Мамуну б. Мухаммеду удалось завоевать южную часть Хорезма и перенести на себя и на свою династию титул *хорезмшах* (385/995 г.); тем самым он стал основателем второй династии хорезмшахов. Мамун умер уже в 387/997 г.; ему наследовали один за другим его сыновья Абу-л-Хасан Али и Абу-л-Аббас Мамун II; последнему принадлежит упомянутая выше (EI, II, S. 195 <*Gurgānd̲j*>) строительная надпись 401/1010-11 г. около Гурганджа, где он назван хорезмшахом. Об отношениях между Мамуном и Газневидом Махмудом (см. EI, II, S. 164) и об убийстве Мамуна II его воинами (среда середины <18> шавваля 407/20 марта 1017 г.) см. Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 289 и сл. <наст. изд., т. I, стр. 337—339>, по Бейхаки, изд. Морлея, стр. 838 и сл. В качестве преемника Мамуна был провозглашен его молодой племянник Абу-л-Харис Мухаммед б. Али, но уже в сафаре 408/июле 1017 г. Хорезм был присоединен к государству Махмуда и династия закончила свое существование. Однако титул хорезмшаха перешел к назначенному Мухмудом наместником Хорезма эмиру Алтунташу, вследствие чего возникла третья, столь же недолговечная (до 1041 г.) династия хорезмшахов. Об Алтунташе и обоих его сыновьях см. EI, I, S. 339; <см. выше, стр. 493>. Несмотря на то что после смерти Алтунташа (1032 г.) титул хорезмшаха был перенесен на Са'ида, сына султана Мас'уда б. Махмуда, и Харун б. Алтунташ должен был управлять страной лишь как его представитель (*ḫalīfat ad-dār*) (Бейхаки, изд. Морлея, 439), в другом месте (499) тот же самый историк называет Харуна хорезмшахом.

Около конца V/XI в. снова упоминается наместник Хорезма с титулом хорезмшаха, именно Икинчи б. Кочкар (см.: Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 346;<наст. изд., т. I, стр. 387>; Marquart, *Komanen*, S. 148 sq.). Тот же титул был пожалован в 490/1097 г. его преемнику Кутб ад-дину Мухаммеду б. Ануш-тегину (Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, X, 181 и сл.; Джувейни, изд. Казвини, II, 3), основателю четвертой и самой блестящей династии хорезмшахов. Об основании могущества этой династии Атсызом см. EI, I, S. 533; <см. выше, стр. 495>. При Текеше (1172—1200) и Мухаммеде (1200—1220) династия благодаря покорению Персии и Средней Азии обрела такое могущество, которому уже больше не соответствовал титул хорезмшаха; Текеш на своих монетах называет себя султаном, сыном хорезмшаха, Мухаммед — султаном, сыном султана; однако за пределами его империи даже Мухаммеда называли, как и прежде, хорезмшахом; ср., напр., Якут, *Му'джам*, I, 249,21 (где приведены неверные генеалогические сведения) и III, 234,13. Об отношениях Мухаммеда к Чингиз-хану и вызванной этими отношениями гибели его державы ср. EI, I, S. 896 sq.<*Čingiz-K̲hān*>;

о Джелаль ад-дине и об окончательном падении династии (628/1231 г.) ср. EI, I, S. 1047 sq.

Наместники Хорезма при монгольском владычестве, по-видимому, не носили титула хорезмшахов, как и правители из династии Суфи, самостоятельное правление которых [начавшееся не ранее 762/1360-61 и не позднее 765/1363-64 г., см. Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан (1920 г.)*, стр. 212] продолжалось лишь короткое время (до завоевания Хорезма Тимуром в 781/1379 г.); однако и позднее упоминается несколько наместников Хорезма из этой династии, среди них Чин Суфи, при котором страна в 911/1505 г. была завоевана узбеками, и Шериф Суфи, который, согласно Хайдеру Рази (ср. EI, II, S. 231), недолго (приблизительно в 917/1517 г.) правил в Хорезме (Бартольд, *Сведения об Аральском море*, стр. 89; в немецк. изд., *Nachrichten*, S. 58, соответствующие примечания опущены). Зато эмир Шах-Мелик, наместник султана Шахруха б. Тимура в Хорезме с конца 815/1413 г. до своей смерти, последовавшей в 829/1426 г., назван хорезмшахом в *Муджмал-и Фаṣīḥī* [рукопись, принадлежавшая ранее Учебному отделению <Азиатского департамента Министерства иностранных дел>, см. Rosen, *Les manuscrits persans*, p. 111 sq., теперь в Азиатском музее, <рук. Уч. отд. МИД II. 4. 9. № 271 (С 800)>], стр. 737. Ему наследовал в качестве хорезмшаха его сын Насир ад-дин Султан-Ибрахим, который уже в 834/1431 г. был изгнан из своей столицы узбеками во главе с Абулхайром (ср. EI, I, S. 101 sq.; <см. выше, стр. 489 и сл.>).

Титул *хорезмшах* иногда прилагается в источниках и литературных трудах к узбекским правителям Хорезма; однако они сами, по-видимому, на это отнюдь не претендовали[2]. Абулгази (см. EI, I, S. 92) употребляет титул хорезмшахов только по отношению к династии, уничтоженной монголами (*Родословная тюрок*, изд. Демезона, I, 137); помимо этого, слово *хорезмшах* появляется у него (I, 277) только как собственное имя одного из его братьев. Даже когда Ануша, сын и преемник Абулгази (1663—1687), после завоевания Мешхеда присвоил себе титул «шах», слово «Хорезм» не присоединялось к этому титулу.

Литература. Мирхонд, *История хорезмшахов*, изд. Дефремери; Джувейни, изд. Казвини, II; Бартольд, *Туркестан*, ч. II, гл. III;<наст. изд., т. I, стр. 386—445. См. также: Толстов, *Древний Хорезм*; его же, *По следам.*— *Ю. Б.*>

[2] <Титул *хорезмшах* имеется на печатях некоторых ханов из династии Кунгратов (XIX в.) в документах архива хивинских ханов. — *Ю. Б.*>

ЧАГАТАЙ-ХАН

Чагатай-хан, монгольский государь, второй сын Чингиз-хана от его жены Борте-Фуджин. Еще при жизни своего отца он слыл лучшим знатоком Ясы (кодифицированного Чингиз-ханом монгольского обычного права) и высшим авторитетом во всех вопросах, связанных с законами и обычаями. Как и его братья, он принимал участие в походах своего отца против Китая (1211—1216 гг.) и против империи хорезмшахов (1219—1224 гг.); столица хорезмшаха, Гургандж (ныне Куня-Ургенч) был осажден тремя царевичами — Джучи, Чагатаем и Угэдэем — и взят в сафаре 618 г. х. (27 марта — 24 апреля 1221 г.). В том же году под Бамианом (см. EI, I, S. 670) пал старший сын Чагатая Мутугэн; после битвы на Инде (согласно Несеви, *Сӣрат Джелāль ад-дӣн*, I, 83,—в среду 9 шавваля 618 г. х., вероятно 24 ноября 1221 г.) Чагатаю было поручено преследование хорезмшаха Джелаль ад-дина, вследствие чего зиму 1221/22 г. он провел в Индии. Когда Чингиз-хан предпринял свой последний поход (против Тангута, 1225—1227 гг.), Чагатай остался в Монголии в качестве начальника оставленных там войск.

После смерти своего отца Чагатай не участвовал больше ни в каких походах. Как старший сын умершего властителя (его брат Джучи умер еще раньше отца) он пользовался большим авторитетом; в 1229 г. он вместе со своим дядей Учугеном стоял во главе царевичей, провозгласивших государем Угэдэя, которого Чингиз-хан избрал своим наследником; также в качестве знатока и хранителя закона он во всей империи обладал такой властью, которой должен был подчиняться даже сам великий хан Угэдэй. В эти годы он, по-видимому, находился то в Монголии при дворе своего брата, то в назначенном ему еще Чингиз-ханом уделе, где у него была собственная ставка. Как у всех монгольских государей, у Чагатая была особая ставка (*орду*) для зимы и для лета; Джувейни называет его зимнюю резиденцию Мераузик-Ила, летнюю резиденцию — Куяш; обе они находились в долине Или, в современной китайской провинции Или, нынешний главный город которой, Кульджа, находится к юго-востоку от средневекового города Алмалыка. Ставка, упомянутая китайским путешественником Чан-чунем, находилась к югу от реки Или; так как этот путешественник был здесь в мае 1223 г. (ср. Bretschneider, *Researches*, vol. I, p. 98), то, вероятно, имеется в виду лет-

няя ставка. Ставка преемников Чагатая называется у того же Джувейни и у других авторов Улуғ-Йф (быть может, следует читать Улуғ-Йқ).

Чагатай получил от своего отца все земли от страны уйгуров на востоке до Бухары и Самарканда на западе; однако не следует представлять себе эти земли как единое государство, управляемое из долины Или и лишь косвенно подчиненное великому хану, находившемуся в Монголии. Повсюду, даже в самой долине Или, остались существовавшие до монголов местные династии. Об отношениях этих династий к монгольским государям нам ничего точно неизвестно; столь же скудны известия о том, какие суверенные права мог требовать для себя находившийся в Или двор от великих ханов и их представителей. Во всяком случае, культурные области Средней Азии управлялись не от имени Чагатая, а от имени великого хана. В рассказе о подавлении восстания 636/1238-39 г. в Бухаре (ср. EI, I, S. 813) Чагатай не упоминается; правителем Мавераннахра в то время был назначенный великим ханом Махмуд Ялавач, хорезмиец по происхождению, резиденция которого была в Ходженде. Даже начальники монгольских войск в Мавераннахре назначались великим ханом. Когда вскоре после того Чагатай самовольно сместил наместника Махмуда Ялавача, он был за это призван к ответу своим братом и должен был признать незаконность своего образа действий; Угэдэй удовлетворился этим и передал страну своему брату в качестве удела (*ūнджӯ*); однако тем самым государственно-правовое положение страны не изменилось; в последние годы царствования Угэдэя, как и позднее, при Мункэ, все культурные области от китайской границы до Бухары управлялись от имени великого хана Мас'уд-беком, сыном Махмуда Ялавача.

Неизвестно, в какой степени наряду с представителем великого хана принимал участие в управлении страной мусульманский министр Чагатая, Кутб ад-дин Хабаш-Амид. Согласно Рашид ад-дину, этот министр происходил из Отрара, согласно Джемалю Карши — из Кермине, и, как и многие другие мусульманские сановники того времени, выдвинулся при монголах как богатый купец; он был так близок со своим ханом, что каждый из сыновей Чагатая получил себе в товарищи сына Хабаш-Амида. Однако вообще по отношению к исламу Чагатай был настроен неблагосклонно. К нарушениям монгольского закона, которые преследовались им с неумолимой жестокостью, относилось и исполнение некоторых предписаний ислама. У монголов было запрещено при убиении животных перерезать им горло, как предписывалось шариатом; столь же часто нарушали мусульмане при своих омовениях запрещение вступать в текущую воду. Кровавая жестокость, с которой такие проступки карались Чагатаем, сделала его имя ненавистным всем мусульманам; по поводу его смерти поэт Седид А'вар сказал: «Тот человек, из страха перед которым никто не вступал в воду, теперь сам утонул в широком океане [смерти]». Его мусульманский министр также не пользовался ре-

путацией благочестивого человека. Сообщают, что по его наущению Чагатай в 626/1228-29 г. казнил шейха Абу Я'куба Юсуфа Секкаки (ср. об этом Хондемир, *Хабйб ас-сийар*, тегеран. изд., III, 28); кроме того, до нас дошло стихотворение (приведено Бартольдом, *Туркестан*, ч. I, стр. 104) шейха Сейф ад-дина Бахарзи (ум. 24 зу-л-ка'да 659/20 октября 1261 г.), в котором Хабаш-Амид осыпается упреками. Возможно, что только из-за своей вражды к исламу Чагатай слыл другом христиан; согласно легенде, сообщаемой Марко Поло, он даже сам будто бы принял крещение, что не подтверждается никакими другими известиями.

Чагатай лишь на несколько месяцев пережил своего брата Угэдэя, умершего 5 джумада II 639/11 декабря 1241 г.; его смерть, следовательно, приходится на 1242 г. По монгольскому обычаю, его врачи (один министр китайского происхождения и мусульманский придворный врач Меджд ад-дин) за то, что им не удалось сохранить жизнь своего государя, были казнены. Хабаш-Амид умер на много лет позже своего хана, в ша'бане 658 г. х. (между 12 июля и 9 августа 1260 г.).

Из всех сыновей Чингиз-хана Чагатай был единственным, имя которого смогло перейти к его династии и основанному этой династией государству. В государстве Золотой Орды имена языческих государей были полностью вытеснены именем мусульманина Узбек-хана; народ стал называться узбеками, страна — Узбекистаном[1]; напротив, тюркские или тюркизированные кочевники в Мавераннахре и в IX/XV в., когда там уже давно не было династии, происходившей от Чагатая, все еще называли себя «чагатаями». То же имя носит до сих пор восточнотюркский литературный язык, образовавшийся лишь при Тимуридах (ср. EI, IV — *Türken*, <S. 976 sq., 986—988>).

Монгольское государство Чагатая, впрочем, было основано лишь спустя много десятилетий после смерти государя, от которого оно получило свое название. Главой династии и ханом «улуса Чагатая» сперва был признан Хара-Хулагу, сын погибшего под Бамианом Мутугэна, позднее по приказу нового великого хана Гуюка (1246—1248) — Есу-Мункэ, один из сыновей Чагатая. В результате событий 1251 г. (ср. *Bātū-Khān*, EI, I, S. 711) значение рода Чагатая на некоторое время было полностью уничтожено. Все взрослые члены рода были либо убиты, либо сосланы. Эргэнэ[2], вдова вновь посаженного на престол, однако вскоре после того умершего Хара-Хулагу, в течение последующего десятилетия правила на Или в качестве регентши от имени своего несовершеннолетнего сына Мубарек-шаха; однако на соседние области ее влияние, по-видимому, не распространялось. Как показывают путевые записки Рубрука (1253—1255 гг.), монгольская империя в то время была фактически разделена на две части; Батый, как пове-

[1] <Ср. ниже, стр. 546, прим. 3.>

[2] <Так транскрибировал это имя В. В. Бартольд во всех своих работах; правильно — Оркына. — *Ю. Б.*>

литель западной половины, мог выступать почти как равноправный государь по отношению к великому хану (несмотря на то что монеты чеканились повсюду от имени великого хана Мункэ); в местности между реками Талас и Чу начиналась область, непосредственно подчинявшаяся великому хану. Правителем всех культурных областей от Бишбалыка до Хорезма был все тот же Мас'уд-бек, который пользовался благосклонностью обоих государей.

Иное положение сложилось после смерти великого хана Мункэ (1259 г.). Во время борьбы за престол между обоими братьями умершего, Хубилаем и Арик-Букой, внук Чагатая Алгуй должен был захватить Среднюю Азию от имени Арик-Буки и оказывать ему оттуда поддержку против его врагов. Ему действительно удалось в короткое время подчинить своей власти все области Средней Азии, в том числе такие, которые, как Хорезм и современный Афганистан, прежде даже номинально не принадлежали к владениям рода Чагатая. Все эти успехи были достигнуты им, естественно, для себя самого, а не для Арик-Буки; он повсюду выступал как самостоятельный государь, особенно после того как Арик-Бука, попытавшийся добиться признания своих прав, после некоторых успехов в конце концов был принужден оставить страну. Правителем культурных областей и теперь был тот же Мас'уд-бек, однако сейчас уже не от имени великого хана, а от имени Алгуя.

Алгуя можно считать основателем самостоятельного монгольского государства в Средней Азии; однако он умер уже в 664/1265-66 г.; немного лет спустя после его смерти царевичи из рода Чагатая должны были уступить верховную власть в этом государстве внуку Угэдэя Хайду (см. *Burāḳ-Ḫān*, EI, I, S. 829; <см. выше, стр. 510>), который правил государством до своей смерти, последовавшей в начале 701/осенью 1301 г. Того же Мас'уд-бека мы видим теперь правителем среднеазиатских культурных областей от имени Хайду. Мас'уд-бек умер в шаввале 688 г. х. (октябрь — ноябрь 1289 г.); ему наследовали, один за другим, три его сына: Абу Бекр (до ша'бана 697/мая — июня 1298 г.), Сатылмыш-бек (до 702/1302-03 г.) и Суюнич; первые два получили свои полномочия от Хайду, третий — от его преемника Чапара.

Чапар смог удержать власть лишь в течение нескольких лет после смерти своего отца; уже в 706/1306-07 г. он был изгнан Тувой, сыном Борак-хана. Туву следует рассматривать как подлинного основателя чагатайской державы. Границы этой державы с другими монгольскими государствами (Китаем, Персией и державой Золотой Орды) обозначены на китайской карте 1331 г. (ср. *Bishbaliḳ*, EI, I, S. 760).

Прошло длительное время, пока это государство получило единую организацию. Написанное при Чапаре сочинение Джемаля Карши показывает, что даже тогда, когда в Китае и Персии уже давно существовала сильная монгольская центральная власть, в Средней Азии положение было то же, что и в первые годы после завоевания. Кроме старой

семьи наместников, повсюду, даже в долине Или, сохранились также прежние местные династии; в тех городах, в которых не было местных династий, во главе управления стоял *садр* (глава мусульманского духовенства).

Очевидно, монголы здесь меньше находились под влиянием ислама и мусульманской культуры и смогли дольше, чем в Персии, сохранить свою самобытность по отношению к покоренному населению. За исключением страны уйгуров, ислам ко времени монгольского завоевания уже был повсюду, даже в долине Или, государственной религией; однако эти области были мало затронуты арабско-персидской культурой. Монгольское завоевание здесь, как отметил уже Рубрук, имело своим следствием расширение пастбищ за счет городов и пахотных земель; позднее городская жизнь здесь, за исключением Мавераннахра и нынешнего Китайского Туркестана, под влиянием монгольского владычества полностью исчезла. Мусульманская культура в Мавераннахре, естественно, оказывала некоторое притягательное воздействие на монголов, особенно на их государей; однако это воздействие не было достаточно сильным для того, чтобы побудить народ изменить его образ жизни. Когда государи приняли решение поселиться в Мавераннахре и порвать с обычаями своего народа, то это привело к отделению восточных областей.

Уже короткое царствование Есу-Мункэ, по-видимому, было благоприятным для представителей ислама. Министром в это время был друг детства хана, приемный сын Хабаш-Амида, Беха ад-дин Маргинани, который происходил из ферганских шейх ал-исламов и был более благосклонен к ученым и поэтам, чем его приемный отец. Его современник Джувейни, который был лично знаком с ним, превозносит его как мецената; его дом, говорят, был средоточием всей научной и литературной деятельности. Хабаш-Амид, который был ненавистен хану как приверженец Хара-Хулагу, был обязан своей жизнью только заступничеству Беха ад-дина; несмотря на это, когда после событий 1251 г. Беха ад-дин должен был разделить судьбу своего хана и был выдан своему прежнему приемному отцу, он по приказу последнего был подвергнут жестокой казни.

При Эргэнэ Хабаш-Амид опять занял то же положение, что и при Чагатае; однако и эта правительница была благосклонна к мусульманам; Вассаф говорит о ней как о защитнице ислама, Джемаль Карши — даже как о мусульманке. Ее сын Мубарек-шах, который был возведен на престол в Мавераннахре, во всяком случае принял ислам, так же как, несколько лет позднее, его противник Борак-хан. Царствование Алгуя представляется менее благоприятным для представителей ислама; Сулейман-бек, сын Хабаш-Амида, примкнул к новому господину; в то же время при взятии Бухары был убит шейх Бурхан ад-дин, сын шейха Сейф ад-дина Бахарзи. События последующих лет задержали на несколько

десятилетий победу мусульманской культуры, началом которой было обращение Мубарек-шаха и Борака. Как Хайду и Чапар, так и Тува и другие царевичи из рода Чагатая оставались язычниками, и их ставка находилась в восточных областях. При Эсен-Буке, сыне Тувы, войска великого хана вторглись из Китая далеко в глубь Средней Азии и разорили зимнюю и летнюю ставки ханов; продолжатель *Джами' ат-таварих* Рашид ад-дина в своем рассказе об этих событиях называет зимней ставкой ханов местность на Иссык-Куле, летней ставкой — местность на Таласе.

Лишь следующий хан, Кебек (также сын Тувы), который, по историческим известиям, царствовал восемь лет, согласно его монетам — до 726/1326 г., снова перенес свое внимание на культурные области Мавераннахра. Он не принял ислама, однако мусульмане восхваляют его как справедливого государя; сообщают, что он построил или восстановил некоторые города; для себя самого он построил в окрестностях города Нахшеба, или Несефа, дворец, от которого город получил свое современное название Карши (монг. 'дворец'). Им были введены серебряные монеты, названные позднее *кебеки*, которые можно рассматривать как первые государственные монеты чагатайского государства; до этого в Средней Азии со времени монгольского завоевания были только монеты отдельных городов и местных династий. Уже один этот факт показывает, по всей вероятности, что государство лишь при Кебеке было объединено в прочное целое, хотя какие-либо известия об этом отсутствуют.

После двух коротких периодов междуцарствия на престол был возведен, по-видимому еще в 726/<1326> г., брат Кебека Тармаширин. Этот государь принял ислам и стал называться Ала ад-дин; восточные области были им совершенно заброшены, вследствие чего кочевники из этих областей восстали против него как нарушителя Ясы. Восстание, по-видимому, произошло в 734/1333-34 г.; установить в дальнейшем отдельные события почти невозможно, так как между сообщениями историков, пожалуй малодостоверными в этом вопросе, и рассказом, также романтически окрашенным, путешественника Ибн Баттуты (III, 39 и сл.) существует непримиримое противоречие. Во всяком случае, сообщения современников — католических миссионеров — свидетельствуют о том, что центр империи снова на короткое время переместился в долину Или и что христиане там при Дженкши (приблизительно 1334—1338) могли беспрепятственно распространять свою религию и строить церкви; сообщается, что даже семилетний сын хана с согласия своего отца принял крещение и имя Иоанна. Вскоре после этого те же самые миссионеры пали жертвами мусульманского движения.

Немного лет спустя Несеф (Карши) снова упоминается как резиденция хана Казана; однако этот хан уже в 747/1346-47 г. потерпел поражение в борьбе с тюркской военной аристократией своего государства,

и тем самым пришел конец господству его рода в Мавераннахре. До 1370 г. некоторые потомки Чагатая еще возводились на престол тюркскими эмирами в качестве подставных государей; при Тимуре даже эти подставные государи выбирались из рода Угэдэя. Несмотря на это, и при Тимуре и его преемниках кочевое население Мавераннахра, которое пользовалось известными привилегиями как военное сословие (подробные сведения об этом сообщает испанский посол Клавихо, 1403—1406 гг.), по-прежнему называлось «чагатаями». Когда «чагатаи» вX/XVI в. были изгнаны «узбеками», имя «Чагатаев» было перенесено также на ушедших в Индию Тимуридов. В нынешнем Китайском Туркестане (иногда этим правителям удавалось распространить свою власть также на области к северу от Тянь-Шаня и предпринимать походы в Мавераннахр, Тибет, Индию и Афганистан) еще до конца XVII в. существовала династия правителей, которая возводила свое происхождение к Чагатаю; однако подданных этих правителей, по-видимому, называли не чагатаями, а только монголами (*моголами*).

Литература. Известия о Чагатае и его преемниках значительно скуднее, чем известия о монгольских государствах в Персии и Китае; однако даже эти скудные известия до сих пор не собраны и не изучены; за исключением единственного сочинения *Мулхакāт ас-сурāх* Джемаля Карши (два списка его находятся в Азиатском музее в С.-Петербурге; в Западной Европе это сочинение до сих пор оставалось неизвестным; извлечения из него у Бартольда, *Туркестан*, ч. I, стр. 128 и сл.), нет ни одного исторического труда, написанного в Средней Азии в эпоху монгольского владычества. Из персидских историков Джувейни (*Та'рāх-и джахāнгушāй*, извлеч. в изд. Дефремери, 381 и сл.) и Рашид ад-дин (*Джāми' ат-тавāрāх*, извлеч. у Бартольда, *Туркестан*, ч. I стр. 123 и сл.) дают довольно подробные сведения о Чагатае и его первых преемниках. То, что сообщается о роде Чагатая во введении (*Мукаддама*) к *Зафар-нāме* Шереф ад-дина Йезди, основано, не говоря уже о многочисленных хронологических неточностях, на исторической подделке, установленной еще д'Оссоном (*Histoire des Mongols*, t. II, p, 103 sq). События после смерти Хайду (в том числе борьба между Тувой и Чапаром) подробнее всего изложены в *Та'рāх-и Ваççāф* (бомбейское изд., 449 и сл., 515 и сл.). О католических миссионерах см. Мосхейм, особенно прилож. № 78, 80, 84 и 92. Важные данные о положении в Средней Азии содержит опубликованная Катрмером в «Notices et extraits», t. XIII, часть *Масāлик ал-абçāр* Ибн Фадлаллаха ал-Омари. Путевые записки Клавихо изданы на испанском языке с русским переводом в «Сборнике Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук», т. XXVIII (СПб., 1881) < см. также выше, стр. 25, прим. 5>; сведения о «чагатаях» см. стр. 220 и сл. О династии Чагатаев в Китайском Туркестане см. в особенности *Та'рāх-и Рашīдī* (пер. Э. Д. Росса, Лондон, 1895) и источники, разобранные Бартольдом [*Отчет о командировке в Туркестан* (*1902 г.*), стр. 236 и сл.] и позднее М. Хартманом (*Der islamische Orient*, Bd I, S. 290 sq.). Ср. еще Бартольд, *Очерк истории Семиречья*, стр. 74 и сл.< См. теперь также не опубликованную самим В. В. Бартольдом при жизни главу V «Туркестана», посвященную периоду с 1221 до 1269 г.,— наст. изд., т. I, стр. 531—584, а также Бартольд, *Улугбек* — выше, стр. 27—36, и Barthold, *12 Vorlesungen*, S. 183—209. Из новых работ о Чагатае и чагатайском государстве см.: *История Узбекской ССР*, т. I, кн. 1, стр. 295—312 (разделы написаны А. Ю. Якубовским; Строева, *Борьба кочевой и оседлой знати*. — *Ю. Б.* >

ШЕЙБАНИДЫ

Шейбаниды, потомки монгольского царевича Шейбана [1], брата хана Батыя (см.<EI, I, S. 709—712>). Имена двенадцати сыновей Шейбана и их первых потомков приводит Рашид ад-дин (изд. Блоше, 114 и сл., с примечаниями издателя на основании анонимного сочинения *Му'изз ал-ансāб*; о значении последнего как исторического источника см. Бартольд, *Туркестан*, ч. II, стр. 56; <наст. изд., т. I, стр. 104>). Более поздние авторы сообщают скорее легендарные, нежели исторические известия о Шейбане и его потомках; тенденция этих рассказов определяется политической обстановкой в соответствующих странах. Так, например, Утемиш-хаджи, который писал в Хорезме в период владычества Шейбанидов, сообщает, как Чингиз-хан отличал своего внука Шейбана одновременно с Батыем, в то время как на их брата Тугай-Тимура он не обращал внимания; в противоположность этому Махмуд б. Вели, который писал в Бухаре в период владычества потомков Тугай-Тимура, рассказывает, что Бахадур, сын и преемник Шейбана, всегда рассматривал потомков Тугай-Тимура как своих государей [Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан* (*1902 г.*), стр. 231 и 256].

Согласно Абулгази (*Родословная тюрок*, изд. Демезона, I, 181), Батый пожаловал своему брату Шейбану земли между своими собственными владениями и владениями старшего брата, Орда-Ичена [2]; в качестве летовьев ему была назначена область между Иргизом и Уральскими горами и на восточном берегу Яика, а в качестве зимовьев — области на Сыр-Дарье и на нижнем течении Чу и Сары-су. Эти сведения в общем подтверждаются сообщениями современника этих трех братьев, Плано Карпини (пер. Рокхилла, 15; пер. Малеина, 51). Согласно Абулгази, власть в роде Шейбанидов в течение нескольких поколений постоянно передавалась от отца к сыну; имена соответствующих царевичей

[1] <Правильное чтение имени — Шибан, или, согласно П. Пелльо, Сыбан (Sībān > Sibān). Мусульманская традиция превратила это имя в «Шейбан» по аналогии с арабским именем, с которым оно на самом деле не имеет ничего общего. См.: Barthold, *12 Vorlesungen*, S. 165; Pelliot, *Notes sur l'histoire de la Horde d'Or*, pp. 44—47. — *Ю. Б.*>

[2] <Согласно П. Пельо, старшего сына Джучи звали *Ӧрдӱ (в источниках: Орда ~ Орду), а äjän > ejän ('господин', 'государь') было его почетным титулом или прозвищем; см. Pelliot, *Notes sur l'histoire de la Horde d'Or*, pp. 29—33. — *Ю. Б.*>

были Бахадур, Джучи-Буга, Бадакул, Минг-Тимур и Фулад; после смерти последнего его наследство было разделено между двумя его сыновьями, Ибрахимом и Арабшахом, однако братья остались вместе; их летовья находились на верхнем течении Яика, а зимовья — на нижнем течении Сыр-Дарьи. Согласно *Му'изз ал-ансāб* и *Та'рūх-и Абўлхайр-хāнū*, напротив, власть непосредственно перед воцарением Абулхайра (внука Ибрахима) находилась в руках другой линии — потомков брата Фулада, Тонга; согласно *Му'изз ал-ансāб*, там правил в 829 г. х. (ноябрь 1425—1426 г.) царевич Юмадук (в *Та'рūх-и Абўлхайр-хāнū*: Джумадук), правнук Тонга, несмотря на то что его отец Суфи еще был жив. Вместо имен двух братьев — Ибрахима и Арабшаха, предков позднейших государей Мавераннахра и Хорезма, узбеки употребляли составное имя Иса-Араб (так по Абулгази, *Родословная тюрок*, изд. Демезона, I, 182). Народ, которым управляли потомки обоих братьев, называл себя узбеками, по-видимому по имени известного государя Золотой Орды, при котором было окончательно установлено господство ислама на Волге [3].

Завоевание Мавераннахра узбеками произошло при Мухаммеде Шах-Бахте, или Шахи-беке (также Шейбак-бек), известном как поэт, а также часто у историков, под именем Шейбани, внуке Абулхайра; столица Самарканд была захвачена им в конце 905/<середине> 1500 г. и окончательно — в следующем году. После того как Шейбани пал в битве с шахом Исма'илом, основателем новоперсидского государства, около Мерва (27 рамазана 916/29 ноября 1510 г.), Бабуру удалось на короткое время восстановить власть Тимуридов в Мавераннахре, однако уже в 918/1512 г. он был разбит и должен был оставить Бухару и Самарканд, а в 920/1514 г. — и свои последние владения в Мавераннахре (ср. *Bāber* <EI, I, S. 569>). С тех пор Мавераннахр до конца XVI в. оставался под властью Шейбанидов (как потомков Шейбана, не Шейбани, после смерти которого верховная власть перешла не к его сыновьям, а к другим царевичам из рода Абулхайра) или Абулхайридов (так у Ховорса, *History of the Mongols*, vol. II, p. 686 sq.). См. имена и годы правления: Lane-Poole, *The Mohammadan Dynasties*, № 98; дополнения и исправления в русском переводе В. Бартольда <Лэн-Пуль, *Мусульманские династии*, стр. 198—199>; некоторые дополнительные данные — у В. Вяткина (Абу Тахир-ходжа, пер. Вяткина, 242 и сл.) на основании надписей на гробнице Шейбанидов в Самарканде. О самом выдающемся государе из этой династии, Абдулле, см. статью *'Abd Allāh b. Iskandar* <выше, стр. 487>; о его отце см. статью *Iskender* <выше, стр. 521>. Последним шейбанидским государем Мавераннахра среднеазиатские источники всегда называют сына и преемника Абдуллы,

[3] <Согласно А. А. Семенову, этническое название *узбек*, которое закрепилось за племенами бывшего улуса Шейбана, не могло произойти от имени золотоордынского хана Узбека; см. Семенов, *О происхождении и составе узбеков.* — *Ю. Б.*>

Абд ал-Мумина, напр., Абулгази, *Родословная тюрок*, изд. Демезона, I, 183; Мухаммед-Юсуф Мунши — Senkowski, *Supplément*, p. 30; <пер. Семенова, 70>; Махмуд б. Вели — Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан (1902 г.)*, стр. 260; Вельяминов-Зернов в своей известной работе о монетах Бухары и Хивы также называет Абд ал-Мумина последним ханом из династии Шейбанидов (*Монеты*, стр. 402), также В. Бартольд в статье *'Abd Allāh b. Iskandar* <см. выше, стр. 488>. С другой стороны, в *Та'рӣх-и 'аламарā-йи 'Аббāсӣ* Искендера Мунши в качестве преемника Абд ал-Мумина назван еще царевич Пир-Мухаммед, «родственник Абдуллы и царевич из рода Джанибека»; это известие приведено Вельяминовым-Зерновым в его более позднем труде о касимовских царях (*Исследование о Касимовских царях*, ч. 2, стр. 345 и сл.), и этот хан отожествлен им с Пир-Мухаммедом б. Сулейманом, внуком Джанибека, упомянутым в *'Абдуллā-нāме*. Пир-Мухаммед был вскоре побежден Баки-Мухаммедом, основателем новой (Астраханской) династии, захвачен в плен и убит (в конце 1007/июне — июле 1599 г.). Вследствие этого у Ховорса (*History of the Mongols*, vol. II, p. 739 sq.) и Лэн-Пуля история Шейбанидов заканчивается не Абд ал-Мумином, а Пир-Мухаммедом II.

Европейские и русские ученые называют «Шейбанидами» только правителей Мавераннахра и не применяют этого названия к правителям Хорезма, хотя владычество потомков Шейбана в Хорезме продолжалось более длительное время. Хорезм, как и Мавераннахр, был завоеван Шейбани (21 раби' I 911/22 августа 1505 г.); после смерти Шейбани власть там перешла не к Бабуру, а непосредственно к персам; вскоре после этого (по Абулгази, *Родословная тюрок*, изд. Демезона, I, 197 внизу, уже в год овцы — 1511 г.; в качестве года хиджры приводится, несомненно ошибочно, 911<= 1505-06 г.>) персы были изгнаны другой ветвью рода Шейбана—потомками Арабшаха. Под властью этой династии Хорезм оставался почти до конца XVII в.; об одном из последних государей, Абулгази, и его историческом труде см. статью *Abū 'l-Ghāzī Bahādur Khān* <EI, I, S. 92>. Сын и преемник Абулгази Ануша-хан (1663—1687) также обладал значительным могуществом; после завоевания Мешхеда он принял титул «шах»; поэтому проведенный им большой канал, существующий и сейчас, был назван «Шахабад». Ему наследовали его два сына, Худадад и Мухаммед-Эренк; в качестве года смерти последнего обычно указывается 1099 г.х. (1687-88 г.), в истории (еще не опубликованной) придворного летописца Муниса — 1106 г. х. (1694-95 г.). С тех пор в течение длительного времени, до основания династии Кунгратов, в Хорезме не было никакой династии; в качестве государей узбекская аристократия сажала — всегда лишь на короткий срок — отдельных царевичей из потомков Чингиз-хана. Об истории Шейбанидов Хорезма см. в особенности: Howorth, *History of the Mongols*, vol. II,

pp. 876—905; Веселовский, *Очерк историко-географических сведений*, стр. 101—157; Lane-Poole, *The Mohammadan Dynasties*, № 101, и генеалогия в русском переводе В. Бартольда <Лэн-Пуль, *Мусульманские династии*>, стр. 304.

Потомками Шейбана, согласно Абулгази (*Родословная тюрок*, изд. Демезона, I, 177), были также правители Сибири, изгнанные русскими в 1003/1594-95 г.

<Литература. Кроме работ, указанных В. В. Бартольдом в тексте, см. новые работы о государстве Шейбанидов: Мухаммед-Юсуф Мунши, 48—71; Семенов, *О происхождении и составе узбеков*; его же, *Шейбани-хан*; его же, *Первые Шейбаниды*; его же, *Культурный уровень*; Давидович, *К вопросу о курсе и обращении серебряных монет*; ее же, *Две денежные реформы*; Иванов, *Очерки*, стр. 47—53; *История Узбекской ССР*, т. I, кн. 1, стр. 371—408; Гафуров, *История*, стр. 363—379.—*Ю. Б.*>

ПРИЛОЖЕНИЯ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Улугбек и его время

Напечатано: В. В. Бартольд, *Улугбек и его время*, Пг., 1918 (ЗРАН, ОИФ, сер. VIII, т. XIII, № 5). I + II + 160 + 24 стр.

Резюме: E. Berthels, «Islamica», Bd III, fasc. 3, 1927, S. 306—307; Dostojevskij, *Barthold*, S. 111—112; Умняков, *В. В. Бартольд*, стр. 182—183; БВ, I, № 717.

Турецкий перевод: W. W. Barthold, *Uluğ bey ve zamanı*. Rusçadan türkçeye çeviren Tahiroğlu Akdes Nimet, İstanbul, 1930. 4 + 166s.

Немецкий перевод: W. Barthold, *Ulug Beg und seine Zeit*. Deutsche Bearbeitung von W. Hinz, Leipzig, 1936 (AKM, Bd XXI, № 1). X + 252 S.

Рец.: F. Taeschner, OLZ, Jg. 39, 1936, Sp. 748—750.

Английский перевод: V. V. Barthold, *Ulugh-beg*. Transl. from the Russian by V. and T. Minorsky, Leiden, 1958 (V. V. Barthold, *Four studies on the history of Central Asia*, vol. II). XII + 200 pp.

Персидский перевод: بارتلد: الغ بیک وزمان وی، ترجمهٔ حسین احمدی پور، تبریز، ۱۹۵۸، ۳۰۱ ص.

Печатается по изданию 1918 г.

Мир Али-Шир и политическая жизнь

Напечатано: «Мир-Али-Шир. Сборник к пятисотлетию со дня рождения», Л., 1928, стр. 100—164.

Рец.: Ritter, DI, Bd XIX, 1931, S. 44—49.

Резюме: Dostojevskij, *Barthold*, S. 130.

Немецкий перевод: W. Barthold, *Herāt unter Ḥusein Baiqara, dem Timuriden*. Deutsche Bearbeitung von W. Hinz, Leipzig, 1938 (AKM, Bd XXII, № 8). IX + 97 S.

Турецкий перевод: V. V. Bartold, *Mir-Ali Şir ve siyasî hayatı*. Rusçadan çeviren A. Caferoğlu,—«Ülkü», Ankara, 1937, c. X, sayı 56, ss. 160—167; sayı 58, ss. 356—365; 1938, c. X, sayı 59, ss. 423—433; sayı 60, ss. 517—528; c. XI, sayı 61, ss. 43—50; sayı 62, ss. 145—156.

Английский перевод: V. V. Barthold, *Mīr ʿAlī-Shīr*,—in: V. V. Barthold, *Four studies on the history of Central Asia*, transl. from the Russian by V. and T. Minorsky, Leiden, 1962, pp. 1—72.

Печатается по изданию 1928 г.

Мусульманские известия о Чингизидах-христианах

Напечатано: ЗВОРАО, т. VI, 1892, стр. 330—331.

О христианстве в Туркестане в домонгольский период. (По поводу семиреченских надписей)

Напечатано: ЗВОРАО, т. VIII, 1894, стр. 1—32; то же: отд. отт.

Поправки и дополнения: Петровский, *К статье «О христианстве в Туркестане»*; его же, *Еще заметка*.

Резюме: Умняков, *В. В. Бартольд*, стр. 176; Dostojevskij, *Barthold*, S. 91.

Немецкий перевод (с поправками и дополнениями, внесенными автором): W. Barthold, *Zur Geschichte des Christentums in Mittel-Asien bis zur mongolischen Eroberung*. Berichtigte und vermehrte deutsche Bearbeitung nach dem russischen Original hrsg. von R. Stübe, Tübingen-Leipzig, 1901. VIII + 74 S.

Рец.: Chavannes, RHR, vol. XLV, 1902, pp. 123—124; «Literarisches Centralblatt für Deutschland», 52. Jg., 1901, Nr. 39 (28. September), Sp. 1572; N. Bonwetsch, «Deutsche Litteraturzeitung», XXII. Jg., 1901, Nr. 27 (6. Juli), Sp. 1674—1675; Soerensen, «Historische Wochenschrift», 1901, № 5, S. 268.

Турецкий перевод (с немецкого перевода): و. بارتولد، اورته اسیاده مغول فتوحاتنه قدر خریستیانلق، رودولف شتویه طرفندن ۱۹۰۱ ده نشر ایدیلن آلمانجه ترجمه‌سندن تورکجه‌یه نقل ایدیلمشدر، مترجمی: کوپریلی‌زاده، احمد جمال—«تورکیات مجموعه‌سی»، جلد ۱، استانبول، ۱۹۲۵، ص ٤٧ — ١٠٠.

Печатается по тексту русского издания 1893 г. с поправками и изменениями в соответствии с немецким переводом.

О преподавании туземных наречий в Самарканде

Напечатано: газ. «Окраина», Ташкент, 1894, № 19 (12/24.III).
Резюме: Умняков, *В. В. Бартольд*, стр. 182.

Вместо ответа г-ну Лапину

Напечатано: ТВ, 1894, № 48 (7/19.VII).

Еще о слове «сарт»

Напечатано: ТВ, 1895, № 30 (28.IV/10.V).

Еще о христианстве в Средней Азии

Напечатано: ТВ, 1895, № 36 (12/24.V).

Рецензия на книгу: Н. Веселовский, Киргизский рассказ о русских завоеваниях в Туркестанском крае

Напечатано: газ. «Окраина», Ташкент, 1895, № 16 (25.II/9.III).

Несколько слов об арийской культуре в Средней Азии

Напечатано: «Средне-Азиатский вестник», Ташкент, 1896, июнь, стр. 20—33; то же: отд. отт., 16 стр.

Туземец о русском завоевании

Напечатано: ТВ, 1898, № 13 (12/24.II), 14 (19.II/3.III), 35 (14/26.V), 37 (21.V/2.VI), 40 (31.V/12.VI).

Извлечение из *Та'рйх-и Шāхрухй*

Напечатано: ЗВОРАО, т. XI, 1899, стр. 105—114.
Резюме автора: MSOS, Jg. II, Abt. 2, 1899, S. 89.

Отзыв о трудах Ореста Авенировича Шкапского

Напечатано: *Отчет ИРГО за 1901 год*, СПб., 1902, стр. [40]—[42].

К вопросу о родине Хаким-Ата

Напечатано: ТВ, 1902, № 17.
Резюме автора: MSOS, Jg. VI, Abt. 2, 1903, S. 213.

Народное движение в Самарканде в 1365 г.

Напечатано: ЗВОРАО, т. XVII, 1907, стр. 01—019.
Реферат: [Н. Г. Маллицкий], *Среднеазиатские демократы XIII и XIV столетия*,— ТВ, 1906, № 157 (17/30.X).

К истории арабских завоеваний в Средней Азии

Напечатано: ЗВОРАО, т. XVII, 1906, стр. 0140—0147.

Церемониал при дворе узбецких ханов в XVII веке

Напечатано: ЗИРГО по отд. этногр., т. XXXIV (Сборник в честь семидесятилетия Григория Николаевича Потанина), 1909, стр. 293—308.

События перед хивинским походом 1873 года по рассказу хивинского историка

Напечатано: «Кауфманский сборник», М., 1910, стр. 1—19.
Резюме: R. Majerczak, RMM, t. XXVI, 1914, pp. 165—172; Умняков, *В. В. Бартольд*, стр. 185.

Султан Синджар и гузы. (По поводу статьи К. А. Иностранцева)

Напечатано: ЗВОРАО, т. XX, 1912, стр. 046—049.

К вопросу о Чингизидах-христианах

Напечатано: ЗВОРАО, т. XXII, 1915, стр. 171—172.

Рецензия на книгу: С. В. Жуковский, Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие

Напечатано: ЗВОРАО, т. XXII, 1915, стр. 341—343.

О погребении Тимура

Напечатано: ЗВОРАО, т. XXIII, 1916, стр. 1—32; то же: отд. отт.
Резюме: E. Berthels, «Islamica», Bd III, fasc. 3, 1927, S. 305; Умняков, *В. В. Бартольд*, стр. 184.

Греко-бактрийское государство и его распространение на северо-восток

Напечатано: ИАН, сер. VI, т. X, ч. 1, 1916, № 10, стр. 823—828; то же: отд. отт.

К вопросу об языках согдийском и тохарском

Напечатано: «Иран», т. I, Л., 1927, стр. 29—41; то же: отд. отт.
Резюме: H. Ritter, DI, Bd XVIII, 1929, S. 314.

Места домусульманского культа в Бухаре и ее окрестностях

Напечатано: «Восточные записки», изд. ЛИЖВЯ, I, 1927, стр. 11—25; то же: отд. отт.
Резюме: H. Ritter, DI, Bd XVIII, 1929, S. 311—312.

Абд ал-Мелик б. Нух

Напечатано: EI, I, S. 52—53*.
Турецкий перевод: İA, c. 1, ss. 97—98.
На русском языке печатается впервые.

Абдулла б. Искендер

Напечатано: EI, I, S. 26—27.
Турецкий перевод: İA, c. 1, ss. 34—35.
Второе издание: EI², I, pp. 46—47.
На русском языке печатается впервые.

Абулхайр

Напечатано: EI, I, S. 101—102.
Турецкий перевод: İA, c. 4, ss. 84—85.
Второе издание: EI², I, p. 135.
На русском языке печатается впервые.

Али-тегин

Напечатано: EI, I, S. 311.
Турецкий перевод: İA, c. 1, s. 358.
На русском языке печатается впервые.

Алтунташ

Напечатано: EI, I, S. 339.
Турецкий перевод: İA, c. 1, s. 390.
Второе издание: EI², I, pp. 424—425.
На русском языке печатается впервые.

Арслан-хан, Мухаммед б. Сулейман

Напечатано: EI, I, S. 480.
Турецкий перевод: İA, c. 1, s. 610.
На русском языке печатается впервые.

---

*Для первого издания «Энциклопедии ислама» страницы указываются везде по немецкому изданию, для второго издания — по английскому.

Атсыз

Напечатано: EI, I, S. 533—534.
Турецкий перевод: İA, c. 2, s. 6.
Второе издание: EI², I, p. 750 (в переделке Б. Шпулера, с двумя подписями: В. Бартольда и Б. Шпулера).
На русском языке печатается впервые, по тексту первого издания.

Афшин

Напечатано: EI, I, S. 188.
Турецкий перевод: İA, c. 1, s. 146.
Второе издание: EI², I, p. 241 (с дополнениями Х. А. Р. Гибба, с двумя подписями: В. Бартольда и Х. А. Р. Гибба).
На русском языке печатается впервые, по тексту первого издания.

Ахмед (Абу Али) б. Абу Бекр Мухаммед б. ал-Музаффар б. Мухтадж

Напечатано: EI, I, S. 198.
Турецкий перевод: İA, c. 1, ss. 168—169.
На русском языке печатается впервые.

Ахмед б. Сахль б. Хашим

Напечатано: EI, I, S. 201—202.
Турецкий перевод: İA, c. 1, s. 173.
Второе издание: EI², I, p. 278.
На русском языке печатается впервые.

Баба-бек

Напечатано: EI, I, S. 568.
Второе издание: EI², I, p. 839 (в переделке, с сокращением, Б. Шпулера, с двумя подписями: В. Бартольда и Б. Шпулера).
На русском языке печатается впервые, по тексту первого издания.

Байрам-Али-хан

Напечатано: EI, I, S. 618.
Турецкий перевод: İA, c. 2, s. 422.
Второе издание (только первая часть статьи, о Байрам-Али-хане): EI², I, p. 1135 (в переделке, с сокращением, Б. Шпулера, с двумя подписями: В. Бартольда и Б. Шпулера).
На русском языке печатается впервые, по тексту первого издания.

Байсункар

Напечатано: EI, I, S. 621.
Турецкий перевод: İA, c. 2, ss. 430—431.
Второе издание: EI², I, p. 1139.
На русском языке печатается впервые.

Бал'ами

Напечатано: EI, I, S. 638—639.
Турецкий перевод: İA, c. 2, ss. 465—466.
На русском языке печатается впервые.

Богра-хан

Напечатано: EI, I, S. 803—804.
Турецкий перевод: İA, c. 2, ss. 760—761.
На русском языке печатается впервые.

Борак-хан

Напечатано: EI, I, S. 828—830.
Турецкий перевод: İA, c. 2, ss. 308—310.
Второе издание: EI², I, pp. 1311—1312 (в переделке, со значительным сокращением, Дж. А. Бойля, с двумя подписями: В. Бартольда и Дж. А. Бойля).
На русском языке печатается впервые, по тексту первого издания.

Бури-тегин

Напечатано: EI, I, S. 833—834.
Турецкий перевод: İA, c. 2, ss. 740—741.
На русском языке печатается впервые.

Бурхан

Напечатано: EI, I, S. 831—832.
Турецкий перевод: İA, c. 2, ss. 839—840.
На русском языке печатается впервые.

Илек-ханы

Напечатано: EI, II, S. 496.
На русском языке печатается впервые.

Искендер-хан

Напечатано: EI, II, S. 576.
Турецкий перевод: İA, c. 5, ss. 1083—1084.
На русском языке печатается впервые.

Исма'ил б. Ахмед

Напечатано: EI, II, S. 583.
Турецкий перевод: İA, c. 5, s. 1111.
На русском языке печатается впервые.

Исма'ил б. Нух

Напечатано: EI, II, S. 583.

Турецкий перевод: İA, c. 5, *s.* 1112.
На русском языке печатается впервые.

Кутб ад-дин Мухаммед

Напечатано: EI, II, S. 1251—1252.
На русском языке печатается впервые.

Мансур б. Нух

Напечатано: EI, III, S. 278—279.
Турецкий перевод: İA, c. 7, *s.* 305.
На русском языке печатается впервые.

Сарт

Напечатано: EI, IV, S. 187—188.
На русском языке печатается впервые.

Текеш

Напечатано: EI, IV, S. 678—679.
На русском языке печатается впервые.

Хаким-Ата

Напечатано: EI, II, S. 239.
На русском языке печатается впервые.

Халиль-Султан

Напечатано: EI, II, S. 955—956.
Турецкий перевод: İA, c. 5, s. 162.
На русском языке печатается впервые.

Хорезмшах

Напечатано: EI, II, S. 980—981.
На русском языке печатается впервые.

Чагатай-хан

Напечатано: EI, I, S. 846—849.
Второе издание: EI², II, pp. 2—3 (*Čaghatay Khān*); pp. 3—4 (*Čaghatay Khānate*) (в переделке Дж. А. Бойля, с двумя подписями: В. Бартольда и Дж. А. Бойля).
На русском языке печатается впервые, по тексту первого издания.

Шейбаниды

Напечатано: EI, IV, S. 294—295.
На русском языке печатается впервые.

СОКРАЩЕНИЯ

(периодические издания, серии, сборники, названия учреждений)

Аз. муз. — Азиатский музей.

«В. В. Бартольду» — «عقد الجمان. В. В. Бартольду туркестанские друзья, ученики и почитатели», Ташкент, 1927.

БВ, I — «Библиография Востока», вып. I, История, М., 1928.

Брит. муз. — British Museum, Лондон.

ВДИ — «Вестник древней истории», М.

ВИ — «Вопросы истории», М.

ГИМ — Государственный Исторический музей, Москва.

ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград.

ДАН-В — «Доклады Академии наук Союза Советских Социалистических Республик», серия В, Л.

ДВ — «Древности восточные. Труды Восточной комиссии Имп. Московского Археологического общества», М.

ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения», СПб.

ЗВОРАО — «Записки Восточного отделения (Имп.) Русского археологического общества», СПб., Пг.

ЗИАН — «Записки Императорской Академии наук», СПб.

ЗИРГО — «Записки Имп. Русского географического общества», СПб.

ЗКВ — «Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук (Академии наук СССР)», Л.

ЗРАН — «Записки Российской Академии наук», Пг.

ИАН — «Известия Императорской Академии наук», СПб.

ИАН СССР — «Известия Академии наук СССР», М.—Л.

ИАН УзССР — «Известия Академии наук Узбекской ССР», Ташкент.

ИВАН — Институт востоковедения АН СССР.

ИЗ — «Исторические записки», М.

ИИРГО — «Известия Имп. Русского географического общества», СПб.

ИМ — «Историк-марксист», М.

ИНА — Институт народов Азии АН СССР.

ИРАИМК — «Известия Российской Академии истории материальной культуры», Пб., Пг., Л.

ИРАН — «Известия Российской Академии наук», Пг.

ИРГО — Имп. Русское географическое общество.

ИРКСА — «Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях», СПб.

«Ал-Искендерийя» — «الاسكندرية. Сборник Туркестанского восточного института в честь профессора А. Э. Шмидта (25-летие его первой лекции 15/28 января 1898—1923 гг.)», Ташкент, 1923.

ИТОРГО — «Известия Туркестанского отдела Имп. Русского географического общества», Ташкент.

«Кауфманский сборник» — «Кауфманский сборник, изданный в память 25 лет, истекших со дня смерти покорителя и устроителя Туркестанского края генерал-адъютанта К. П. фон-Кауфмана I-го», М., 1910.

КСИВ — «Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР», М.—Л., М.

КСИИМК — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР», М.—Л., М.

КСИНА — «Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР», М.

КСИЭ — «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», М.—Л., М.

ЛГУ — Ленинградский государственный университет.

ЛИЖВЯ — Ленинградский институт живых восточных языков.

МАР — Материалы по археологии России.

МИТТ, I—II — «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. I, VII—XV вв. Арабские и персидские источники. Под ред. С. Л. Волина, А. А. Ромаскевича и А. Ю. Якубовского, М.—Л., 1939; т. II, XVI—XIX вв. Иранские, бухарские и хивинские источники. Под. ред. В. В. Струве, А. К. Боровкова, А. А. Ромаскевича и П. П. Иванова, М.—Л., 1938.

МИТУСА — Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии.

«Ал-Музаффарийя»—«المظفّريّة. Сборник статей учеников профессора барона Виктора Романовича Розена ко дню двадцатипятилетия его первой лекции 13-го ноября 1872—1897», СПб., 1897.

н. с. — новая серия.

Нац. б-ка — Bibliothèque Nationale, Париж.

ОГН — Отделение гуманитарных наук.

ОИФ — Отделение истории и философии.

ОЛЯ — Отделение литературы и языка.

ОРЯС — Отделение русского языка и словесности Имп. Академии наук.

ПВ — «Проблемы востоковедения», М.

ПДТС, I—III — «Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией». Изданы под ред. Н. И. Веселовского, т. I, Царствование Федора Иоанновича, СПб., 1890; т. II, Царствования Бориса Годунова, Василия Шуйского и начало царствования Михаила Федоровича, СПб., 1892; т. III, Царствование Михаила Федоровича (продолжение), СПб., 1898 (ТВОРАО, т. XX—XXII).

ПЗКЛА — «Протоколы заседаний и сообщения членов Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока», Асхабад.

ПКСОСК — «Памятная книжка Семиреченского областного статистического комитета», Верный.

ПЛНВ — Памятники литературы народов Востока.

ПТКЛА — «Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии», Ташкент.

СА — «Советская археология», М.

САГУ — Среднеазиатский государственный университет, Ташкент.

СВ — «Советское востоковедение», М.—Л., I—VI (194)—1949); М. (1956—1959).

СВР — «Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР». [Каталог]. Под ред. и при участии А. А. Семенова, т. I—VI, Ташкент, 1952—1963.

СГЭ — «Сообщения Государственного Эрмитажа», Л.

СКСО — «Справочная книжка Самаркандской области».

Согд. сб. — «Согдийский сборник. Сборник статей о памятниках согдийского языка и культуры, найденных на горе Муг в Таджикской ССР», Л., 1934.

СОН — Серия общественных наук.

Средазкомстарис — Средне-Азиатский комитет по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы.
СЭ — «Советская этнография», М.
ТВ — «Туркестанские ведомости», Ташкент.
ТВЛИВЯ — Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом восточных языков.
ТВОРАО — Труды Восточного отделения Имп. Русского археологического общества.
ТИВАН — Труды Института востоковедения АН СССР.
ТИИ — Труды Института истории.
ТИИА — Труды Института истории и археологии.
ТИИАЭ — Труды Института истории, археологии и этнографии.
ТИЭ — Труды Института этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая.
ТОВЭ — «Труды Отдела истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа», Л.
ТЧРДМ — «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине», СПб.
УзГУ — Узбекский государственный университет, Самарканд.
УЗИВАН — «Ученые записки Института востоковедения АН СССР», М.—Л., М.
ФАН — Филиал Академии наук СССР.
ЭВ — «Эпиграфика Востока», М.—Л.
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.

«'Ajab-nama»— «عجب نامه. A volume of Oriental studies presented to Edward G. Browne on his 60th birthday (7 February 1922)», ed. by T. W. Arnold and R. A. Nicholson, Cambridge, 1922.
AKGWG — «Abhandlungen der königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen».
AKM — Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes, hrsg. von der Deutschen morgenländischen Gesellschaft.
AOr — «Archiv Orientální», Praha.
APAW — «Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften», philologisch-historische Klasse, Berlin.
ASGW — «Abhandlungen der philologisch-historischen Classe der königl. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften», Leipzig.
BGA — Bibliotheca geographorum arabicorum. Edidit M. J. de Goeje, pars I—VIII, Lugduni Batavorum.
BI — Bibliotheca Indica: a collection of oriental works, published by the Asiatic Society of Bengal.
BSO(A)S — «Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies. London Institution (University of London)».
CAJ — «Central Asiatic Journal», The Hague—Wiesbaden.
Coll. orient. — Collection orientale. Manuscrits inédits de la Bibliothèque royale (impériale, nationale), traduits et publiés...
Collections scientifiques — Collections scientifiques de l'Institut des langues orientales du Ministère des affairs étrangères, t. I—VIII, St.-Pbg., 1877—1897.
CRAIBL — «Académie des inscriptions et belles-lettres. Comptes rendus des scéances», Paris.
DI — «Der Islām», Strassburg — Berlin.
EI — «Enzyklopaedie des Islām. Geographisches, ethnographisches und biographisches Wörterbuch der muhammedanischen Völker», Bd I—IV, Leiden — Leipzig, (1908), 1913—1934. [Страницы указаны везде по немецкому изданию].
EI² — «The Encyclopaedia of Islam». New ed., vol. I—..., Leiden — London, 1960—...
«Festschrift Nöldeke»—«Orientalische Studien Theodor Nöldeke zum siebzigsten Geburts-

tag (2. März 1906) gewidmet von Freunden und Schülern und in ihrem Auftrag hrsg. von C. Bezold», Bd I—II, Giessen, 1906.

GIPh — «Grundriss der iranischen Philologie». Hrsg. von W. Geiger und E. Kuhn, Strassburg, Bd I, Abt. 1, 1895—1901; Abt. 2, 1898—1901; Bd II, 1896—1904.

GMS — «E. J. W. Gibb Memorial» Series.

GMS NS — «E. J. W. Gibb Memorial» Series. New Series.

HOr — «Handbuch der Orientalistik», hrsg. von Bertold Spuler, Leiden.

HS — Works issued by The Hakluyt Society.

İA — «İslam ansiklopedisi. İslâm âlemi tarih, coğrafya, etnografya ve biografya lugati», c. 1—8..., İstanbul, 1950—1959...

Ind. Off. — India Office, Лондон.

JA — «Journal asiatique», Paris.

JRAS — «The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland», London.

MAOr — Monografie Archivu Orientálního.

Mél. As. — «Mélanges Asiatiques, tirés du Bulletin historico-philologique de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg».

MSOS — «Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen an der (Königlichen) Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin».

N. F. — Neue Folge.

NJA — «Nouveau journal asiatique», Paris (= «Journal asiatique», sér. 2).

Notices et extraits — Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque du Roi (Impériale, Nationale) et autres bibliothèques, Paris.

«Nouveaux mélanges orientaux» — «Nouveaux mélanges orientaux. Mémoires, textes et traductions publiés par les professeurs de l'École spéciale des langues orientales vivantes a l'occasion du Septième Congrès International des orientalistes réunis à Vienne (septembre 1886)», Paris, 1886.

NS — New series.

OLZ — «Orientalistische Literaturzeitung», Leipzig.

OTF — Oriental Translation Fund.

PÉLOV — Publications de l'École des langues orientales vivantes.

PHT — Persian historical texts.

RevOr — «Revue de l'Orient, de l'Algérie et des colonies», Paris.

RHR — «Revue de l'histoire des religions», Paris.

RMM — «Revue du monde musulman», Paris.

RTHS — Recueil de textes relatifs à l'histoire des Seljoucides, par M. Th. Houtsma, vol. I—IV, Lugduni Batavorum (Leide), 1886—1902.

SBAW Berl. — «Sitzungsberichte der (königlich) Preussischen Akademie der Wissenschaften», philologisch-historische Klasse, Berlin; «Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin». Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst.

SBAW München — «Sitzungsberichte der philosophisch-philologischen und der historischen Classe der k[önigl.] b[ayerischen] Akademie der Wissenschaften zu München».

SBAW Wien «Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Classe der kais. Akademie der Wissenschaften», Wien.

SBE — The Sacred Books of the East transl. by various oriental scholars and ed. by F. Max Müller.

TM — «Türkiyat mecmuası», İstanbul.

WI — «Die Welt des Islams», Berlin.

WZKM — «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes».

ZA — «Zeitschrift für Assyriologie und verwandte Gebiete».

ZDMG — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», Leipzig.

БИБЛИОГРАФИЯ

(цигированная литература) [1]

Абаев, *Афшин.* — В. И. Абаев, *Среднеазиатский политический термин афшин*,— ВДИ, 1959, № 2, стр. 112—116.

Абд ал-Азим Сами. — Мирзā ʿАбдалʿазӣм Сāмӣ, *Таʾрӣх-и салāтӣн-и мангӣтӣйа* (*История мангытских государей*). Издание текста, предисловие, перевод и примечания Л. М. Епифановой, М., 1962 (ПЛНВ, Тексты, Малая серия, XIV).

Абд ал-Керим Бухари. — *Histoire d'Asie Centrale* (*Afghanistan, Boukhara, Khiva, Khoqand*). *Depuis les dernières années du règne de Nadir Châh* (*1153*), *jusqu'en 1233 de l'Hégire* (*1740—1818*), par Mir Abdoul Kerim Boukhary. Publiée, traduite et annotée par Ch. Schefer, t. I. Texte persan, [Boulaq, 1290/1873-74 (литогр.)]; t. II. Traduction française, Paris, 1876 (PÉLOV, vol. I).

Абд ар-Раззак, изд. Шафиʿ. — مطلع سعدين ومجمع بحرين تأليف مولانا كمال الدين عبد الرزّاق سمرقندى... بتصحيح محمد شفيع، جلد ۱—۲، لاهور، ۱۳۶۰—۱۳۶۸/۱۹٤۱—۱۹٤۹.

Абд ар-Раззак, пер. Катрмера. — *Notice de l'ouvrage persan qui a pour titre Matla-assaadeïn ou-madjma-albahreïn* مطلع السعدين ومجمع البحرين *et qui contient l'histoire des deux sultans Schah-Rokh et Abou-Saïd*, par M. Quatremère, Paris, 1843 (Notices et extraits, t. XIV, partie I).

Абд ар-Раззак, рук. — Абд ар-Раззак Самарканди, *Матлаʿ ас-саʿдайн ва маджмаʿ ал-бахрайн*, рук. ун-та (ЛГУ) № 157; рук. ИНА С 442 (574); рук. ИНА С 443 (574а).

Абдаллах Марварид, *Шараф-нāме.* — *Staatsschreiben der Timuridenzeit. Das Šaraf-nāmā des ʿAbdallāh Marwārīd in kritischer Auswertung.* Persischer Text in Faksimile (Hs. İstanbul Üniversitesi F 87) von H. R. Roemer, Wiesbaden, 1952 (Akademie der Wissenschaften und der Literatur. Veröffentlichungen der orientalischen Kommission. Bd III).

ʿАбдуллā-нāме — см. Хафиз-и Таныш.

Абу Дулеф, изд. Рор-Зауера. — A. Rohr-Sauer, *Des Abû Dulaf Bericht über seine Reise nach Turkestan, China und Indien, neu übersetzt und untersucht*, Stuttgart, 1939 (Bonner orientalistische Studien, H. 26).

Абу Тахир-ходжа, изд. Веселовского. — *Самария.* Сочинение Абу-Тахир-ходжи. Таджицкий текст, приготовленный к печати Н. И. Веселовским. С предисловием и приложением рисунков, СПб., 1904.

[1] В библиографию включены только работы, упомянутые у В. В. Бартольда (в сносках и тексте) и в примечаниях составителя.

Вначале указано сокращенное обозначение, под которым данная работа упоминается в примечаниях.

Абу Тахир-ходжа, изд. Нафиси—Афшара. —سمريّه تأليف ابو طاهر ولد قاضى ابو سعيد سمرقندى با دو مقدمه از سعيد نفيسى — ايرج افشار، تهران، ۱۳۳۱ [=1952].

Абу Тахир-ходжа, пер. Вяткина. — Абу Тахир Ходжа, «*Самария*», *описание древностей и мусульманских святынь Самарканда*. Перевод В. Л. Вяткина, — СКСО, вып. VI, 1899, стр. 153—259.

Абу-л-Фида, *Муҳтаҫар*. — Abulfedae *Annales moslemici* arabice et latine. Opera et studiis J. J. Reiskii..., ed. J. G. Chr. Adler, t. I—V, Hafniae, 1789—1794.

Абулгази, *Родословная тюрок*, изд. Демезона. — *Histoire des Mogols et des Tatares* par Aboul-Ghâzi Bèhâdour Khan, publiée, traduite et annotée par Le Baron Desmaisons, t. I. Texte, St.-Pbg., 1871; t. II. Traduction, St.-Pbg., 1874.

Агехи, *Шāхид-и иқбāл*.—Агехи, *Шāхид-и иқбāл*, рук. ИНА С 572 (590 od).

Андреев — Пещерева, *Ягнобские тексты*. — М. С. Андреев и Е. М. Пещерева, *Ягнобские тексты*. С приложением ягнобско-русского словаря, составленного М. С. Андреевым, В. А. Лившицем и А. К. Писарчик, М.—Л., 1957.

Аноним Искендера — см. Му'ин ад-дин Натанзи.

Аноним Шахруха — см. Тадж ас-Сальмани.

Арендс, *Глоссарий*.—А. К. Арендс, *Таджикско-персидский глоссарий Хафиза Обехи*,—„Труды Ин-та востоковедения АН УзССР", вып. III, Ташкент, 1954, стр. 83—106.

Аристов, *Этнический состав*. — Н. А. Аристов, *Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности*, — «Живая старина», год VI, СПб., 1896, вып. III—IV, стр. 277—456.

'Атабат ал-катаба — см. Мунтаджаб ад-дин.

Ауфи, *Лубāб ал-албāб*. — *Lubábu 'l-Albáb* of Muḥammad 'Awfí edited in the original Persian. Pt I, with indices, Persian and English prefaces, and notes, critical and historical, in Persian, by E. G. Browne and Mírzá Muhammad ibn 'Abdu 'l-Wahháb-i-Qazwíní, London—Leide, 1906 (PHT, vol. IV); pt II, with preface, indices and variants, by E. G. Browne, London—Leide, 1903 (PHT, vol. II).

Ахмедов, *Государство кочевых узбеков*. — Б. Ахмедов, *Государство кочевых узбеков при Абу-л-Хайр-хане* (автореф. канд. дисс.), Л., 1961.

Ахмедов, *Из истории*. — Б. А. Ахмедов, *Из истории взаимоотношений кочевых узбеков с Тимуридами*, — «Уч. зап. ЛГУ», № 304, серия востоковедческих наук, вып. 14. История стран Востока, 1962, стр. 79—93.

Ахмеров, *Надписи*. — П. Н. Ахмеров, *Надписи мечети Ахмеда Ясави*, — ИОАИЭК, т. XIII, 1896, стр. 538—551.

Бāбур-нāме, извлеч. в пер. Вяткина. — В. Вяткин, *Самарканд и его окрестности в прошлом, по описанию Султана Бабура Мирзы*. (Перевод из книги Бабур-намы), — СКСО, вып. IV, 1896, отд. IV, стр. 30—37.

Бāбур-нāме, изд. Бевериджа. — *The Bábar-náma, being the autobiography of the Emperor Bábar, the founder of the Moghul dynasty in India*, written in Chaghatáy Turkish; now reproduced in facsimile from a manuscript belonging to the late Sir Sálár Jang of Ḥaydarábád, and ed. with a preface and indices by A. S. Beveridge, Leyden — London, 1905 (GMS, I)

Багдади, *Китāб ат-тавассул*, изд. Бахманйара.—التوسّل الى الترسّل انشاء وتأليف بهاء الدين محمد بن مؤيد بغدادى، مقابله وتصحيح احمد بهمنيار، تهران، ۱۳۱۵ [=1936].

Балазури. — *Liber expugnationis regionum*, auctore Imámo Ahmed ibn Jahja ibn Djábir

al-Beládsori, quem e codice Leidensi et codice Musei Brittannici ed. M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1866.

Бартольд, *Башня Кабуса.* — В. Бартольд, *Башня Кабуса, как первый датированный памятник мусульманской персидской архитектуры,* — «Ежегодник Росс. ин-та истории искусств», т. I, вып. 2, Пб., 1921, стр. 121—125. [Наст. изд., т. IV.]

Бартольд, *Восточно-Иранский вопрос.* — В. В. Бартольд, *Восточно-Иранский вопрос,* — ИРАИМК, т. II, 1922, стр. 361—384. [Наст. изд., т. VII.]

Бартольд, *Еще об «анониме» Искендера.* — В. В. Бартольд, *Еще об «анониме» Искендера,* — ИАН СССР, ОГН, 1929, стр. 165—180. [Наст. изд., т. VIII.]

Бартольд, *Запись о русском посольстве.* — В. В. Бартольд, *Запись о русском посольстве в персидской рукописи,* — ИАН, сер. VI, т. VIII, 1914, стр. 365—367. [Наст. изд., т. VII.]

Бартольд, ЗВОРАО, т. XVIII [стр. 0181—0191]. — В. Б[артольд], [рец. на:] Справочная книжка Самаркандской области. 1906 г... Выпуск VIII. Самарканд 1906... Выпуск IX. Самарканд 1907, — ЗВОРАО, т. XVIII, 1908, стр. 0181—0191. [Наст. изд., т. VIII.]

Бартольд, *Историк Мусеви,* — В. В. Бартольд, *Историк Мусеви, как автор* تاريخ وخيرات, — ИАН, сер. VI, т. IX, 1915, стр. 1365—1370. [Наст. изд., т. VIII.]

Бартольд, *Историко-географический обзор Ирана.* — В. В. Бартольд, *Историко-географический обзор Ирана,* СПб., 1903. [Наст. изд., т. VII.]

Бартольд, *История изучения Востока.* — В. В. Бартольд, *История изучения Востока в Европе и в России,* СПб., 1911. [Наст. изд., т. IX.]

Бартольд, *История культурной жизни Туркестана.* — В. В. Бартольд, *История культурной жизни Туркестана,* Л., 1927. [Наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 167—432.]

Бартольд, *К вопросу о впадении Аму-дарьи.* — В. Бартольд, *К вопросу о впадении Аму-дарьи в Каспийское море,* — ЗВОРАО, т. XIV, 1902, стр. 024—028. [Наст. изд., т. III.]

Бартольд, *К вопросу о полумесяце.* — В. В. Бартольд, *К вопросу о полумесяце, как символе ислама,* — ИРАН, сер. VI, т. XII, 1918, стр. 475—477. [Наст. изд., т. VI.]

Бартольд, *К вопросу об археологических исследованиях.* — В. В. Бартольд, *К вопросу об археологических исследованиях в Туркестане,* — ТВ, 1894, № 5—7.

Бартольд, *К истории Мерва.* — В. Бартольд, *К истории Мерва,* — ЗВОРАО, т. XIX, 1910, стр. 115—138. [Наст. изд.,т. IV.]

Бартольд, *К истории персидского эпоса.* — В. Бартольд, *К истории персидского эпоса,* — ЗВОРАО, т. XXII, 1915, стр. 257—282. [Наст. изд., т. VII.]

Бартольд, *Мерверруд.* — В. Бартольд, *Мерверруд,* — ЗВОРАО, т. XIV, 1902, стр. 028—032. [Наст. изд., т. IV.]

Бартольд, «Мир ислама», т. I [стр. 56—107]. — В. Бартольд, [рец. на:] E. Blochet, Introduction à l'histoire des Mongols de Fadl Allah Rashid ed-Din. Leyden — London 1910, — «Мир ислама», т. I, 1912, стр. 56—107. [Наст. изд., т. VIII.]

Бартольд, «Мир ислама», т. I [стр. 412—425]. — В. Бартольд, [рец. на:] Христианский Восток. Серия, посвященная изучению христианской культуры народов Азии и Африки. Том I. Выпуск I...СПб. 1912, — «Мир ислама», т. I, 1912, стр. 412—425. [Наст. изд., т. VI.]

Бартольд, *Монеты Улугбека.* — В. В. Бартольд, *Монеты Улугбека,* — ИРАИМК, т. II, 1922, стр. 190—192. [Наст. изд., т. IV.]

Бартольд, *Мулхакât-ас-Сурâх.* — В. Бартольд, *Мулхакât-ас-Сурâх* ملحقات الصراح, — ЗВОРАО, т. XI, 1899, стр. 283—287. [Наст. изд., т. VIII.]

Бартольд, *Народное движение в Самарканде.* — В. Бартольд, *Народное движение*

в Самарканде в 1365 г.,— ЗВОРАО, т. XVII, 1907, стр. 01—019. [Наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 362—379.]

Бартольд, *Новые данные.* — В. Бартольд, *Новые данные о самаркандских памятниках*, — ЗВОРАО, т. XXV, 1921, стр. 83—88. [Наст. изд., т. IV.]

Бартольд, *Новый источник по истории Тимуридов.* — В. В. Бартольд, *Новый источник по истории Тимуридов*, — ЗИВАН, т. V, 1935, стр. 5—42. [Наст. изд., т. VIII.]

Бартольд, *Новый источник по истории Хорезма.* — В. В. Бартольд, *Новый источник по истории Хорезма*, — «Изв. УзФАН», Ташкент, 1941, № 2, стр. 59—61. [Наст. изд., т. VIII.]

Бартольд, *О некоторых восточных рукописях.* — В. Бартольд, *О некоторых восточных рукописях*, — ИРАН, сер. VI, т. XIII, 1919,, стр. 923—930. [Наст. изд., т. VIII.]

Бартольд, *О некоторых восточных рукописях в библиотеках Константинополя и Каира.* — В. Бартольд, *О некоторых восточных рукописях в библиотеках Константинополя и Каира. (Отчет о командировке)*, — ЗВОРАО, т. XVIII, 1908, стр. 0115—0154. [Наст. изд., т. VIII.]

Бартольд, *О погребении Тимура.* — В. Бартольд, *О погребении Тимура*, — ЗВОРАО, т. XXIII, 1916, стр. 1—32. [Наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 423—454.]

Бартольд, *О христианстве в Туркестане.* — В. Бартольд, *О христианстве в Туркестане в до-монгольский период. (По поводу семиреченских надписей)*, — ЗВОРАО, т. VIII, 1894, стр. 1—32. [Наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 265—302.]
См. также: Barthold, *Zur Geschichte des Christentums.*

Бартольд, *Образование империи Чингиз-хана.* — В. Бартольд, *Образование империи Чингиз-хана*, — ЗВОРАО, т. X, 1897, стр. 105—119. [Наст. изд., т. V.]

Бартольд, *Определение «анонима Искендера».* — В. В. Бартольд, *Определение «анонима Искендера»*, — ДАН-В, 1927, стр. 115—116. [Наст. изд., т. VIII.]

Бартольд, *Орошение.* — В. В. Бартольд, *К истории орошения Туркестана*, СПб., 1914. [Наст. изд., т. III.]

Бартольд, *Ответ В. В.* — В. Бартольд, *Ответ г-ну В. В.*, —ТВ, 1899, № 42 (3/15 VI).

Бартольд, *Ответ Г. Е. Груму-Гржимайло.* — В. В. Бартольд, *Ответ Г. Е. Груму-Гржимайло*, — ИИРГО, т. XXXV, 1899, стр. 694—710. [Наст. изд., т. V.]

Бартольд, *Отчет о командировке в Лондон.* — В. В. Бартольд, *Отчет о командировке в Лондон*, — ИАН, сер. VI, т. VIII, 1914, стр. 879—882. [Наст. изд., т. VIII.]

Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан (1902 г.).* — В. Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан* [лето 1902 г.], — ЗВОРАО, т. XV, 1904, стр. 173—280. [Наст. изд., т. VIII.]

Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан (1920 г.).* — В. В. Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан. Август—декабрь 1920 г.*,—ИРАН, сер. VI, т. XV, 1921, стр. 188—219. [Наст. изд., т. IX.]

Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию.* — В. В. Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893—1894 гг.*, СПб., 1897 (ЗИАН, ОИФ, сер. VIII, т. I, № 4). [Наст. изд., т. IV.]

Бартольд, *Очерк истории Семиречья.* — В. В. Бартольд, *Очерк истории Семиречья*,— ПКССОСК за 1898 г., т. II, стр. 74—175; то же: отд. отт., стр. 1—102. [Наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 21—106.]

Бартольд, *Памяти Р. Дози.* — В. В. Бартольд, *Памяти Р. Дози. 1820—1920*, — ИРАН, сер. VI, т. XV, 1921, стр. 229—244. [Наст. изд., т. IX.]

Бартольд, *Персидская надпись.* — В. В. Бартольд, *Персидская надпись на стене анийской мечети Мануче*, СПб., 1911 (Анийская серия, № 5). [Наст. изд., т. VII.]

Бартольд, *По поводу христианского селения.*—В. В. Бартольд, *По поводу христианского селения Вазкерд,*—ТВ, 1894, № 21 (24.III/5.IV).

Бартольд, *Сведения об Аральском море.* — В. В. Бартольд, *Сведения об Аральском море и низовьях Аму-дарьи с древнейших времен до XVII века*, Ташкент, 1902 (ИТОРГО, т. IV. Научные результаты Аральской экспедиции, вып. II). [Наст. изд., т. III.] См. также: Barthold, *Nachrichten.*

Бартольд, *События перед хивинским походом.* — В. Бартольд, *События перед хивинским походом 1873 года по рассказу хивинского историка,* — «Кауфманский сборник», стр. 1—19. [Наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 400—413.]

Бартольд, *Султан Синджар.* — В. Бартольд, *Султан Синджар и гузы. (По поводу статьи К. А. Иностранцева),* — ЗВОРАО, т. XX, 1912, стр. 046—049. [Наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 414—416.]

Бартольд, *Таджики.* — В. В. Бартольд, *Таджики. Исторический очерк,* — «Таджикистан». Сб. статей, под ред. Н. Л. Корженевского, Ташкент, 1925, стр. 93—111. [Наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 449—468.]

Бартольд, *Туземец о русском завоевании.* — В. Бартольд, *Туземец о русском завоевании,* — ТВ, 1898, № 13 (12/24. II); № 14 (19.II/3. III); № 35 (14/26.V); № 37 (21.V/2.VI); № 40 (31.V/12.VI). [Наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 334—349.]

Бартольд, *Туркестан.* — В. Бартольд, *Туркестан в эпоху монгольского нашествия,* ч. I, Тексты, СПб., 1898; ч. II, Исследование, СПб., 1900. [Наст. изд., т. I.]

Бартольд, *Улугбек.* — В. В. Бартольд, *Улугбек и его время,* Пг., 1918 (ЗРАН, ОИФ, т. XIII, № 5). [Наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 25—196.]

Бартольд, *Халиф и султан.* — В. Бартольд, *Халиф и султан,*—«Мир ислама», т. I, стр. 203—226, 345—400. [Наст. изд., т. VI.]

Бартольд, *Хафизи-Абру.* — В. В. Бартольд, *Хафизи-Абру и его сочинения,* — «Ал-Музаффарийя», стр. 1—28. [Наст. изд., т. VIII.]

ал-Баттани. — Al-Battānī sive Albatenii *opus astronomicum.* Ad fidem codicis Escurialensis Arabice editum, Latine versum, adnotationibus instructum a C. A. Nallino, Mediolani Insubrum, vol. I—III, 1899—1907 (Publicazioni del Reale Osservatorio di Brera in Milano, № XL, parte 1—3).

Б—в, *Баба-бек.* — А. Б—в, *Баба-бек Хаким-беков,* — ТВ, 1898, № 54 (19/31.VII).

Бейхаки, Абу-л-Хасан — см. *Та'рӣх-и Бейхак.*

Бейхаки, изд. Морлея — *The Tárikh-i Baihaki* containing the life of Masaúd, son of sultán Mahmúd of Ghaznín. Being the 7th, 8th, 9th, and part of the 6th and 10th Vols. of the Tárikh-i Ál-i Saboktakeen. By Abu 'l Fazl al-Baihaqi. Ed. by the late W. H. Morley, and printed under the supervision of... W. Nassau Lees, Calcutta, 1862 (BI, vol. 32).

Бекран, *Джахāн-нāме,* изд. Борщевского.—Муҳаммад ибн Наджӣб Бакрāн, *Джахāннāме (Книга о мире).* Издание текста, введение и указатели Ю. Е. Борщевского, М., 1960 (ПЛНВ, Тексты, Большая серия, X).

Беленицкий, *Вопросы.* — А. М. Беленицкий, *Вопросы идеологии и культов Согда по материалам пянджикентских храмов,* — в кн.: «Живопись древнего Пянджикента», М., 1954, стр. 25—82.

Беленицкий, *Историческая топография Герата.* — А. М. Беленицкий, *Историческая топография Герата XV в.,* — «Алишер Навои». Сб. статей под ред. А. К. Боровкова, М.—Л., 1946, стр. 175—202.

Беленицкий, *К истории феодального землевладения.* — А. Беленицкий, *К истории феодального землевладения в Средней Азии и Иране в Тимуридскую эпоху (XIV—XV вв.). (Образование института «суюргал»),* — ИМ, 1941, № 4, стр. 43—58.

Бернштам, *К исторической топографии.* — А. Бернштам, *К исторической топогра-*

фии Чуйской долины (Из археологических работ 1939 г. в Киргизии), — ВДИ, 1940, № 2 (11), стр. 191—198.

Бертельс, *Джами.* — Е. Э. Бертельс, *Джами. Эпоха, жизнь, творчество*, Сталинабад, 1949.

Бертельс, *Навои.*—Е. Э. Бертельс, *Навои. Опыт творческой биографии*, М.—Л., 1948.

Бируни, *Āṯār ал-бāқийа*, изд. Захау. — *Chronologie orientalischer Völker* von Albêrûnî. Hrsg. von C. E. Sachau, Leipzig, 1878.

Бируни, *Āṯār ал-бāқийа*, пер. Захау. — *The Chronology of ancient nations.* An English version of the Arabic text of the Athâr-ul-bâkiya of Albîrûnî, or "Vestiges of the Past," collected and reduced to writing by the author in A. H. 390—1, A.D. 1000. Transl. and ed., with notes and index, by C. E. Sachau, London, 1879.

Бируни, *Индия*, изд. Захау. — Alberuni's *India. An account of the reiigion, philosophy, literature, chronology, astronomy, customs, laws and astrology of India about A. D. 1030.* Ed. in the Arabic original by E. Sachau, London, 1887.

Бируни, *Индия*, пер. Захау. — Alberuni's *India. An account of the religion, philosophy, literature, geography, chronology, astronomy, customs, laws and astrology of India about A.D. 1030.* An English Edition, with Notes and Indices, by E. C. Sachau, vol. I—II, London, 1888 (Trübner's Oriental Series).

Бичурин, *Собрание сведений.* — *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена.* Сочинение монаха Иакинфа, ч. I — III, СПб., 1851.

Болдырев, *Алишер Навои.* — А. Н. Болдырев, *Алишер Навои в рассказах современников*, — «Алишер Навои». Сб. статей под ред. А. К. Боровкова, М.—Л., 1946, стр. 121—152.

Болдырев, *Мемуары Восифи.* — А. Н. Болдырев, *Мемуары Зайн-ад-дина Восифи как источник для изучения культурной жизни Средней Азии и Хорасана на рубеже XV—XVI веков*, — ТОВЭ, т. II, 1940, стр. 203—274.

Болдырев, *Очерки.* — А. Н. Болдырев, *Очерки из жизни гератского общества на рубеже XV—XVI вв.*, — ТОВЭ, т. IV, 1947, стр. 313—422.

Болотов, *Из истории.* — В. В. Болотов, *Из истории церкви сиро-персидской*, СПб., 1901.

Большаков, *Заметки.* — О. Г. Большаков, *Заметки по исторической топографии долины Зеравшана в IX—X вв.*, — КСИИМК, вып. 61, 1956, стр. 17—23.

Боровков, *Изучение.* — А. Боровков, *Изучение жизни и творчества Алишера Навои*, — «Родоначальник узбекской литературы. Сборник статей об Алишере Навои», Ташкент, 1940, стр. 11—29.

Брегель, *Сочинение Баяни.* — Ю. Э. Брегель, *Сочинение Баяни «Шаджара-йи хорезмшахи» как источник по истории туркмен*, — КСИНА, вып. XLIV, М., 1961, стр. 125—157.

Брегель, *Хорезмские туркмены.*—Ю. Э. Брегель, *Хорезмские туркмены в XIX веке*, М., 1961.

Будагов. — Л. Будагов, *Сравнительный словарь турецко-татарских наречий*, т. I—II, СПб., 1869—1871.

Бундари, изд. Хаутсма. — *Histoire des Seljoucides de l'Irâq* par al-Bondârî d'après Imâd ad-dîn al-Kâtib al-Isfahânî. Texte arabe publié d'après les Mss. d'Oxford et de Paris par M. Th. Houtsma, Leide, 1889 (RTHS, vol. II).

Бухари, Абд ал-Керим — см. Абд ал-Керим Бухари.

Валидов, *Лутфий.* — А.-З. Валидов, *Джагатайский поэт Лутфий и его диван (сборник стихотворений)*, Казань, 1914.

Валиханов, *Очерки Джунгарии.* — Ч. Валиханов, *Очерки Джунгарии*, — ЗИРГО, 1861, кн. 1, стр. 184—200; кн. 2, стр. 35—58.

Вамбери, *Путешествие.* — А. Вамбери, *Путешествие по Средней Азии в 1863 году*, СПб., 1865.

Васильев, *К хронологии.* — В. Васильев, *К хронологии Чингисхана и его преемников*, — ЗВОРАО, т. IV, СПб., 1890, стр. 375—378.

Васифи, изд. Болдырева. — Зайн ад-Дин Вāсифи, *Бадāи' ал-вакāи'*. Критический текст, введение и указатели А. Н. Болдырева, т. I—II, М., 1961 (ПЛНВ, Тексты, Большая серия, V).

Васифи, рук. — Зейн ад-дин Васифи, *Бадāи' ал-вакāи'*, рук. ИНА С 401 (568ba).

Вассаф, бомбейское изд. — [=1852-53] ١٢٤٩ كتاب مستطاب وصاف الحضرة، بمبئی،

[перепеч: (=1959) ١٣٣٨ چاپ افست، تهران]

Вассаф, изд. Хаммера.—*Geschichte Wassaf's* Persisch hrsg. und Deutsch übers. von Hammer-Purgstall, Bd I, Wien, 1856.

Вельяминов-Зернов, *Исследование о Касимовских царях.* — В. В. Вельяминов-Зернов, *Исследование о Касимовских царях и царевичах*, ч. 1—3, СПб., 1863—1866 (ТВОРАО, ч. IX—XI).

Вельяминов-Зернов, *Исторические известия.* — В. В. Вельяминов-Зернов, *Исторические известия о Коканском ханстве, от Мухаммеда-Али до Худаяр-Хана*, — ТВОРАО, ч. II, 1856, стр. 329—370.

Вельяминов-Зернов, *Монеты.* — В. В. Вельяминов-Зернов, *Монеты бухарские и хивинские*, — ТВОРАО, ч. IV, 1859, стр. 328—456.

Веселовский, ЗВОРАО, т. VIII [стр. 159—165]. — Н. В[еселовский], [рец. на:] П. Шубинский. Очерки Бухары. СПб. 1892, — ЗВОРАО, т. VIII, 1894, стр. 159—165.

Веселовский, *Киргизский рассказ.* — Н. Веселовский, *Киргизский рассказ о русских завоеваниях в Туркестанском крае.* Текст, перевод и приложения, СПб., 1894.

Веселовский, *Несколько пояснений.* — Н. И. Веселовский, *Несколько пояснений касательно ярлыков, данных ханами Золотой орды русскому духовенству*, — ЗИРГО по отд. этногр., т. XXXIV (Сборник в честь семидесятилетия Григория Николаевича Потанина), 1900, стр. 525—536.

Веселовский, *О месте погребения Тамерлана.* — Н. И. Веселовский, *О первоначальном месте погребения Тамерлана* [реферат сообщения], — ЗВОРАО, т. XVI, 1906, стр. XX.

Веселовский, *О надгробии Тимура.* — Н. И. Веселовский, *О надгробии Тимура* [реферат сообщения], — ЗВОРАО, т. XVI, 1906, стр. XI—XIII.

Веселовский, *Очерк историко-географических сведений.* — Н. Веселовский, *Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времён до настоящего*, СПб., 1877.

Веселовский, *Памятник Ходжи Ахрара.* — Н. Веселовский, *Памятник Ходжи Ахрара в Самарканде*, — «Восточные заметки. Сборник статей и исследований профессоров и преподавателей Факультета восточных языков Имп. С.-Петербургского университета», СПб., 1895, стр. 321—335.

Веселовский, *Перстень-печать.* — Н. Веселовский, *Перстень-печать Миран-шаха мирзы, сына Тамерлана*, — «Кауфманский сборник», стр. 229—234.

Веселовский, *Подробности смерти Шейбани.* — Н. Веселовский, *Подробности смерти узбецкого хана Мухаммеда Шейбани*, — «Труды Восьмого археологического съезда в Москве. 1890», т. III, М., 1897, стр. 290—299; то же: отд. отт.

Веселовский, *Экспедиция.* — Н. Веселовский, *Экспедиция в г. Туркестан для снятия планов и зарисовки в красках местной мечети*, — ИРКСА, № 6, 1906, стр. 23—26.

Вяткин, *Гури-эмир.* — В. Вяткин, *Гури-эмир* (*Библиографическая заметка*), — СКСО, вып. VIII, 1906, стр. 291—301.

Вяткин, *Из биографии.* — В. В[яткин], *Из биографии Ходжи Ахрара*, — ТВ, 1904, № 147 (15/28. X).

Вяткин, *Из области истории.* — В. В[яткин], *Из области истории*, — ТВ, 1899, № 32 (29.IV/11.V).

Вяткин, *Историческая справка.* — В. В[яткин], *Историческая справка*, — ТВ, 1906, № 93 (21.VI/4.VII).

Вяткин, *Как арабы овладели Самаркандом.* — В. Вяткин, *Как арабы овладели Самаркандом. (Легенда)*, — СКСО, вып. IV, 1896, отд. IV, стр. 28—30.

Вяткин, *Материалы.* — В. Л. Вяткин, *Материалы к исторической географии Самаркандского вилаета*, — СКСО, вып. VII, 1902, стр. 1—83.

Вяткин, *Отчет о раскопках обсерватории.* — В. Вяткин, *Отчет о раскопках обсерватории Мирза Улуг бека в 1908 и 1909 годах*, — ИРКСА, сер. II, № 1, 1912, стр. 76—93.

Вяткин, *Самаркандские легенды.* — В. Л. Вяткин, *Самаркандские легенды (Еврейский мудрец. — Чупан-ата. — Дархан. — Шейх Мотырид. — Шахи-зинда)*, — СКСО, вып. V, 1897, стр. 224—240.

Вяткин, *Самаркандский вилает.* — [В. Л. Вяткин], *Самаркандский вилает*, — СКСО, вып. V, 1897, стр. 240—244.

Гаврилов, *Остатки ясы.* — М. Ф. Гаврилов, *Остатки ясы и юсуна у узбеков*, Ташкент, 1929.

Гардизи, рук. — Гардизи, *Зайн ал-ахбар*, кембридж. рук. (King's College Library, 213); оксфорд. рук. (Cod. Bodleian, Ouseley, 240).

Гафуров, *История.* — Б. Г. Гафуров, *История таджикского народа в кратком изложении*, т. I, *С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г.*, изд. 3-е, исправл. и дополн., М., 1955.

Герасимов, *Основы.* — М. М. Герасимов, *Основы восстановления лица по черепу*, М., 1949.

Герасимов, *Портрет Тамерлана.* — М. М. Герасимов, *Портрет Тамерлана (Опыт скульптурного воспроизведения на краниологической основе)*, — КСИИМК, вып. XVII, 1947, стр. 14—21.

Гияс ад-дин Али, изд. Зимина. — *Дневник похода Тимура в Индию* Гияс-ад-дина Али. С приложением соответствующих отрывков из «Зафер-наме» Низам-ад-дина Шами. Изд. Л. А. Зимина под ред. В. В. Бартольда, Пг., 1915 (Тексты по истории Средней Азии. Вып. I).

Гияс ад-дин Каши, изд. Розенфельда. — Джемшид Гиясэддин ал-Каши, *Ключ арифметики. Трактат об окружности.* Пер. с арабского Б. А. Розенфельда. Редакция В. С. Сегаля и А. П. Юшкевича. Комментарии А. П. Юшкевича и Б. А. Розенфельда. С приложением репродукций арабских рукописей обоих трактатов, М., 1956.

Гияс ад-дин Каши, рук. — Гияс ад-дин Каши, *Ал-Мифтах фи-л-хисаб*, рук. ГПБ Дорн 131.

Греков — Якубовский, *Золотая Орда.* — Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, *Золотая Орда и ее падение*, М. — Л., 1950.

Григорьев, *Караханиды.* — *Караханиды в Мавераннагре, по Тарихи Мунеджим-баши* в османском тексте, с переводом и примечаниями В. В. Григорьева, — ТВОРАО, ч. XVII, 1874, стр. 189—258.

Григорьев, *Об арабском путешественнике.* — В. Григорьев, *Об арабском путешественнике X века, Абу-Долефе, и странствовании его по Средней Азии*, — ЖМНП, ч. CLXIII, 1872, сентябрь, отд. 2, стр. 1—45; то же: отд. отт., СПб., 1872.

Григорьев, *Саки.* — В. В. Григорьев, *О скифском народе Саках.* Историческая мо-

нография, написанная к двадцатипятилетнему юбилею Императорского Русского археологического общества, СПб., 1871.

Григорьев, *Современные монеты.* — В. В. Григорьев, *Современные монеты Кокандского Ханства,* — ТВОРАО, ч. II, 1856, стр. 113—118.

Грум-Гржимайло, *Описание путешествия в Западный Китай,* т. I. — *Описание путешествия в Западный Китай.* Составлено Г. Е. Грум-Гржимайло. При участии М. Е. Грум-Гржимайло, т. I, *Вдоль Восточного Тянь-Шаня,* СПб., 1896.

Гулямов, *К вопросу.* — Я. Г. Гулямов, *К вопросу о традиции архитектурных ансамблей в городах Средней Азии,* — «Великий узбекский поэт». Сб. статей под ред. М. Т. Айбека, Ташкент, 1948, стр. 146—157.

Гуревич, *О классовой борьбе.* — А. М. Гуревич, *О классовой борьбе в Самарканде в 1365—1366 гг.,* — «Труды Гос. публ. б-ки УзССР», т. I, Ташкент, 1935, стр. 25—32 (приложение — стр. 33—46).

Давидович, *Две денежные реформы.* — Е. А. Давидович, *Две денежные реформы в государстве Шейбанидов,* — «Труды САГУ», н. с., вып. XXIII, Гуманитарные науки, кн. 4 (История), Ташкент, 1951, стр. 105—141.

Давидович, *Денежная реформа.* — Е. А. Давидович, *Денежная реформа Шейбанихана (Из истории среднеазиатской экономики в XVI в.),* — ТИИАЭ АН ТаджССР, т. XII (МИТУСА, вып. I), Сталинабад, 1954, стр. 83—108.

Давидович, *К вопросу о курсе и обращении серебряных монет.* — Е. А. Давидович, *К вопросу о курсе и обращении серебряных монет в государстве Шейбанидов (XVI в.),* — «Труды САГУ», н. с., вып. XI, Гуманитарные науки, кн. 3, Археология Средней Азии, Ташкент, 1950, стр. 137—170.

Давидович, *К медным номиналам.* — Е. А. Давидович, *К медным номиналам конца XV — начала XVI вв. по данным чекана Хисара и Кундуза,* — «Сообщения ТаджФАН», вып. XXIV, Сталинабад, 1950, стр. 39—46.

Давидович, *Некоторые черты обращения медных монет.* — Е. А. Давидович, *Некоторые черты обращения медных монет в Средней Азии конца XV—XVI вв. и роль надчеканов,* — ИАН ТаджССР, ООН, вып. 3. Материалы по истории, археологии и этнографии Таджикистана и Средней Азии, Сталинабад, 1953, стр. 45—72.

Давидович, *Нумизматические материалы для истории Саманидов.* — Е. А. Давидович, *Нумизматические материалы для истории развития феодальных отношений в Средней Азии при Саманидах,* — ТИИАЭ АН ТаджССР, т. XXVII, Сталинабад, 1954, стр. 69—117.

Давидович, *Нумизматические материалы для хронологии Караханидов.* — Е. А. Давидович, *Нумизматические материалы для хронологии и генеалогии среднеазиатских Караханидов,* — «Труды ГИМ», вып. XXVI (Нумизматический сборник), М., 1957, стр. 91—119.

Давидович, *Средневековый чекан Нисы.* — Е. А. Давидович, *Средневековый чекан Нисы,* — «Труды ЮТАКЭ», т. II, 1951, стр. 437—448.

Даулетшах, изд. Броуна. — *The Tadhkiratu 'sh-Shu'ará* ("*Memoirs of the Poets*") of Dawlatsháh bin 'Alá'u 'd-Dawla Bakhtísháh al-Ghází of Samarqand. Ed. in the original Persian with prefaces and indices by E. G. Browne, London — Leide, 1901 (PHT, vol. I).

Деде Коркуд — см. *Китаб-и Деде Коркут.*

Джалялов, *Секстант.* — Г. Ж. Джалялов, *Секстант, как главный инструмент обсерватории Улугбека,* — «Астрономический журнал», т. XXIV, 1947, вып. 4, стр. 249—253.

Джами, *Нафаҳат ал-унс,* изд. Таухиди-Пура. — نفحات الانس من حضرات القدس

تـألـيـف مـولانـا عبد الـرحمن بن احمد جامی بتصحیح ومقدّمه وپـيـوست مـهـدی توحیدی پور، [تهران]، اسفند ماه ۱۳۳۶ ش [1958=].

Джами, *Нафаҳāт ал-унс*, калькут. изд. — *The Nafahtâal-Ons* [sic!] *min Hadharât al-Qods, or the Lives of the Soofis.* By Mawlana Noor al-Din 'Abd al-Rahmán Jámi. Ed. by Mawlawis Gholám 'Jisa, 'Abd al Hamíd and Kabír al-Dín Ahmad, with a biographical Sketch of the Author, by W. Nassau Lees, Calcutta, 1859 (Lees' Persian Series).

Джа'фари, извлеч. в изд. Афшара.— چند فصل از «تاریخ کبیر» با مقدمه و تصحیح ایرج افشار، — «فرهنگ ایران زمین»، دفتر ۲ و ۳ جلد ۶، تهران، ۱۳۳۷، ص ۸۹ — ۱۵۸.

Джемаль Карши, *Мулҳақāт аç-çурāх.* — Джемаль Карши, *Мулҳақāт аç-çурāх*, рук. ИНА В 514 (430а). [См. также Бартольд, *Туркестан*, ч. I, стр. 128—152.]

Джувейни, извлеч. в изд. Дефремери. — *Histoire des khans Mongols du Turkistan et de la Transoxiane*, extraite du Habib essiier de Khondémir, trad. du persan et accompagnée de notes, par M. C. Defrémery, — JA, sér. 4, t. XX, 1852, pp. 370—406 [= прилож. к извлеч. из Хондемира (см.)].

Джувейни, изд. Казвини.—*The Ta'rikh-i-Jahán-gushá* of 'Alá'u 'd-Dín 'Aṭá Malik-i-Juwayní (composed in A. H. 658 = A. D. 1260). Ed. with an introduction, notes and indices from several old MSS. by Mírzá Muḥammad ibn 'Abdu'l-Wahháb-i-Qazwíní, pt I, containing the history of Chingíz Khán and his successors, Leyden — London, 1912; pt II, containing the history of the Khwárazmsháh dynasty, Leyden — London, 1916; pt III, containing the history of Mangú Qá'án, Húlágú and Ismá'ílís, Leyden — London, 1937 (GMS, XVI, 1—3).

Джувейни, рук. — Джувейни, *Та'рāх-и джахāнгушāй*, рук. ГПБ IV, 2, 34 (Долгоруковская) (ПНС 233).

Джузджани, изд. Нассау-Лиса. — *The Tabaqát-i Násiri* of Aboo 'Omar Minháj al-dín 'Othmán, ibn Siráj al-dín al-Jawzjani. Ed. by W. Nassau-Lees and Mawlawis Khadim Hosain and 'Abd al-Hai, Calcutta, 1864.

Джузджани, пер. Раверти. — *Ṭabaḳāt-i-Nāṣirī*: *A General History of the Muḥammadan Dynasties of Asia, including Hindūstān, from A. H. 194 [810 A. D.], to A. H. 658 [1260 A. D.], and the Irruption of the Infidel Mughals into Islām.* By the Maulānā, Minhāj-ud-Dīn, Abū-'Umar-i-'Uṡmān. Transl. from Original Persian Manuscripts. By H. G. Raverty, vol. I—II, London, 1881 (BI, NS, vol. 272—273); Index, Calcutta, 1897.

Динавери. — Abû Ḥanîfa ad-Dînaweri, *Kitâb al-aḫbâr aṭ-ṭiwâl.* Publié par V. Guirgass, Leide, 1888.

Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве. — *Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве.* Вып. 1. *Акты феодальной собственности на землю XVII—XIX вв.* Подбор документов, перевод, введение и примечания О. Д. Чехович, под ред. А. К. Арендса, Ташкент, 1954.

Дьяконов, *Керамика Пайкенда.* — М. М. Дьяконов, *Керамика Пайкенда*, — КСИИМК, вып. XXVIII, 1949, стр. 89—93.

Дьяконов, *Образ Сиявуша.* — М. М. Дьяконов, *Образ Сиявуша в среднеазиатской мифологии*, — КСИИМК, вып. XL, 1951, стр. 34—44.

Жданко, *Очерки.* — Т. А. Жданко, *Очерки исторической этнографии каракалпаков*, М.—Л., 1950 (ТИЭ, н. с., т. IX).

Жизнеописание Сюань Цзана, пер. Жюльена. — *Histoire de la vie de Hiouen-thsang et de ses voyages dans l'Inde, depuis l'an 629 jusqu'en 645*, par Xoeï-li et Yen-

thsong; suivie de documents et d'éclaircissements géographiques tirés de la relation originale de Hiouen-thsang; traduite du chinois par S. Julien, Paris, 1853.

Жуковский, *Омар Хайам.* — В. Жуковский, *Омар Хайам и «странствующие» четверостишия*, — «Ал-Музаффарийя», стр. 325—363.

Жуковский, *Развалины Старого Мерва.* — В. А. Жуковский, *Древности Закаспийского края. Развалины Старого Мерва*, СПб., 1894 (МАР, вып. 16).

Закария Казвини. — Zakarija Ben Muhammed Ben Mahmud el-Cazwini's *Kosmographie*. I. Th. كتاب عجايب المخلوقات *Die Wunder der Schöpfung.* Aus den Handschriften der Bibliotheken zu Berlin, Gotha, Dresden und Hamburg hrsg. von. F. Wüstenfeld, Göttingen, 1849; II. Th. كتاب آثار البلاد *Die Denkmäler der Länder.* Aus den Handschriften des Hn. Dr. Lee und der Bibliotheken zu Berlin, Gotha und Leyden hrsg. von. F. Wüstenfeld, Göttingen, 1848.

Залеман, *Легенда про Хаким-Атà.* — К. Г. Залеман, *Легенда про Хаким-Атà*, — ИАН, сер. V, т. IX, 1898, стр. 105—150.

Захир ад-дин Мар'аши. — Sehir-eddin's *Geschichte von Tabaristan, Rujan und Masanderan.* Persischer Text, hrsg. von. B. Dorn, St.-Pbg., 1850 (Muhammedanische Quellen zur Geschichte der südlichen Küstenländer des Kaspischen Meeres, hrsg., übers. und erläutert von B. Dorn. I. Theil).

Захири — см. Халиль аз-Захири.

Зūдж-и Улуғбекū, — *Зūдж-и Улуғбекū*, рук. ИНА С 619.

Зимин, *Кала-и-Дабус.* — Л. А. Зимин, *Кала-и-Дабус*, — ПТКЛА, год XXI, 1917, стр. 43—64; то же: ПЗКЛА, вып. 2, 1916, стр. 1—16 (разд. паг.).

Зимин, *Отчет о весенних раскопках.* — Л. Зимин, *Отчет о весенних раскопках в развалинах старого Пейкенда*, — ПТКЛА, год XIX, вып. 2, 1915, стр. 63—88.

Зимин, *Отчет о двух поездках по Бухаре.* — Л. Зимин, *Отчет о двух поездках по Бухаре с археологической целью*, — ПТКЛА, год XX, вып. 2, 1916, стр. 119—156.

Зимин, *Отчет о летних раскопках.* — Л. Зимин, *Отчет о летних раскопках в развалинах старого Пейкенда*, — ПТКЛА, год XIX, вып. 2, 1915, стр. 89—131.

Зимин, *Подробности смерти Тимура.* — Л. Зимин, *Подробности смерти Тимура*, — ПТКЛА, год XIX, [вып. 1], 1914, стр. 37—52; Дополнение — стр. 53—55.

Зимин, *Развалины старого Пейкенда.* — Л. Зимин, *Развалины старого Пейкенда*, — ПТКЛА, год XVIII [на обложке—XVII], вып. 2, 1913, стр. 59—89.

Зуев, *Китайские известия.* — Ю. А. Зуев, *Китайские известия о Суябе*, — ИАН КазССР, сер. ист., археол. и этногр., Алма-Ата, 1960, вып. 3 (14), стр. 87—96.

Иакинф — см. Бичурин.

Ибн Арабшах, изд. Мангера. — Ahmedis Arabsidae *Vitae et rerum gestarum Timuri, qui vulgo Tamerlanes dicitur, historia.* Latine vertit, et adnotationes adjecit S. H. Manger, t. I—II, Leovardiae, 1767—1772.

Ибн Арабшах, каирск. изд. — كتاب عجائب المقدور فى اخبار تيمور تاليف شهاب الدين احمد بن محمد بن عبد الله الدمشقى الانصارى المعروف بابن عرب شاه، القاهرة، ١٢٨٥ [=1868-69].

Ибн ал-Асир, изд. Торнберга. — Ibn-el-Athiri *Chronicon quod perfectissimum inscribitur*, ed. C. J. Tornberg, vol. I—XIV, Upsaliae et Lugduni Batavorum, 1851—1876.

Ибн Баттута. — *Voyages d'Ibn Batoutah*, texte arabe, accompagné d'une traduction par C. Defrémery et B. R. Sanguinetty, t. I—IV, Paris, 1853—1858.

Ибн Кутейба, *Китāб ал-ма'āриф.* — Ibn Coteiba's *Handbuch der Geschichte...* hrsg. von F. Wüstenfeld, Göttingen, 1850.

Ибн ан-Недим — см. *Фихрист.*

Ибн Русте. — *Kitâb al-a'lâk an-nafisa VII* auctore Abû Alî Ahmed ibn Omar ibn Rosteh et *Kitâb al-boldân* auctore Ahmed ibn abî Jakûb ibn Wâdhih al-Kâtib al-Jakûbî, [ed. M. J. de Goeje], edit. 2, Lugduni Batavorum, 1892 (BGA, VII) [Ибн Русте— стр. 1—229].

Ибн Тейфур, изд. Келлера. — *Sechster Band des Kitâb Bağdâd* von Aḥmad ibn abî Ṭâhir Ṭaifûr. Hrsg. und übers. von H. Keller, T. I: Arabischer Text; T. II: Deutsche Übersetzung, Leipzig, 1908.

Ибн ал-Факих. — *Compendium libri Kitâb al-Boldân* auctore Ibn al-Fakîh al-Hamadhânî quod edidit, indicibus et glossario instruxit M. J. de Goeje, Lugduni-Batavorum, 1885 (BGA, V).

Ибн Халликан, пер. де Слэна. — كتاب وفيات الاعيان Ibn Khallikan's *Biographical Dictionary*, transl. from the Arabic by B^{n} Mac Guckin de Slane, vol. I—IV, Paris, 1842—1871.

Ибн Хаукаль. — *Viae et regna. Descriptio ditionis moslemicae* auctore Abu'l-Kâsim Ibn Haukal. Ed. M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1873 (BGA, II).

Ибн Хордадбех. — *Kitâb al-Masâlik wa'l-Mamâlik* (*Liber viarum et regnorum*) auctore Abu'l-Kâsim Obaidallah ibn Abdallah Ibn Khordâdhbeh et *Excerpta e Kitâb al-Kharâdj* auctore Kodâma ibn Dja'far quae cum versione gallica edidit, indicibus et glossario instruxit M. J. de Goeje, Lugduni-Batavorum, 1889 (BGA, VI) [Ибн Хордадбех: текст — стр. 2—183; перевод — стр. 1—144].

Ибрагимов, *Еще раз о термине «казах».* — С. К. Ибрагимов, *Еще раз о термине «казах»*, — ТИИАЭ АН КазССР, т. 8. Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана, Алма-Ата, 1969, стр. 66—71.

Иванов, *Материалы.* — П. П. Иванов, *Материалы по археологии котловины Иссык-Куля*, — ТИИ АН КиргССР, вып. 3, Фрунзе, 1957, стр. 65—107.

Иванов, *Очерки.* — П. П. Иванов, *Очерки по истории Средней Азии (XVI — середина XIX в.)*, М., 1958.

Иванов, *Хивинские хроники.* — П. П. Иванов, *Хивинские хроники XIX в. Мунис-Агехи как источник по истории туркмен*, — МИТТ, II, стр. 23—28.

Иванов, *Хозяйство джуйбарских шейхов.* — П. П. Иванов, *Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального]землевладения в Средней Азии в XVI—XVII вв.*, М. — Л., 1954.

Идриси, пер. Жобера. — *Géographie* d'Édrisi traduite de l'arabe en français d'après deux manuscrits de la Bibliothèque du Roi et accompagnée de notes, par A. Jaubert, t. I—II, Paris, 1836—1840.

Иностранцев, *Коркуд.* — К. Иностранцев, *Коркуд в истории и легенде*, — ЗВОРАО, т. XX, 1912, стр. 040—046.

Искендер Мунши. — كتاب مستطاب تاريخ عالم‌آراى عبّاسى كه بنام نامى سلطان ماضى شاه عباس صفوى... پرداخته شده است اخبارت سليس ودلپذير كه روان خواننده‌را نشاط افزايد ومطالعت كنندكانرا انبساط بخشد كه بى تملّقات مورّخانه وتكلّفات نيشانه نوشته از تأليفات مرحوم اسكندر بيك تركمان دبير مخصوص سلطان مغفور مذكور است، جلد ١—٣، طهران، ١٣١٣ — ١٣١٤ [=1895—1897].

Истахри. — *Viae regnorum. Descriptio ditionis moslemicae* auctore Abu Ishák al-Fárisí al-Istakhrí. Ed. M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1870 (BGA, I).

История таджикского народа, т. I. — *История таджикского народа*, т. I. *С древнейших времен до V в. н. э.*, М., 1963.

История Узбекской ССР. — *История Узбекской ССР*, т. I, кн. 1—2; т. II, Ташкент, 1955—1957.

Исфизари, рук. — Му'ин ад-дин Исфизари, *Китāб рауḍāт ал-джаннāт фй ауṣāф мадīнат Харāт*, рук. ИНА С 474 (574 agk).

Исфизари, тегеран. изд. — روضات الجنات فی اوصاف مدینة هرات تألیف معین الدین محمد زمچی اسفزاری ۸۹۷—۸۹۹ ه، با تصحیح وحواشی وتعلیقات سیّد محمد کاظم امام، بخش یکم، تهران، ۱۳۳۸ [=1959]؛ بخش دوم، تهران، ۱۳۳۹ [=1960] (انتشارات دانشگاه تهران، ۵۳۵، ۵۷٤).

Йезди, Гияс ад-дин — см. Гияс ад-дин Али.

Йезди, Шереф ад-дин — см. Шереф ад-дин Йезди.

Казвини, Закария — см. Закария Казвини.

Казвини, Хамдаллах — см. Хамдаллах Казвини.

Каллаур, *Древние местности Аулиятинского уезда*.—В. Каллаур, *Древние местности Аулиятинского уезда на старом караванном пути из Тараза (Таласа) в Восточный Туркестан*, — ПТКЛА, год II, 1897, прилож. к прот. засед. от 5 мая 1897 г., стр. 1—9.

Калмыков, *Основные вопросы*. — А. Калмыков, *Основные вопросы среднеазиатской археологии. Мечеть*, — ПТКЛА, год XIV, 1910, стр. 91—109.

Кандийа — см. Несефи.

Кармышева, *Некоторые данные*. — Б. Х. Кармышева, *Некоторые данные к этногенезу населения южных и западных районов Узбекистана*, — КСИЭ, вып. XXVII, 1957, стр. 14—19.

Кармышева, *Этнические группы*. — Б. Х. Кармышева. *Этнические и территориальные группы населения северо-восточной части Кашка-Дарьинской области Узбекской ССР*, — КСИЭ, вып. XXXIII, 1960, стр. 47—59.

Карпини — см. Плано Карпини.

Карши — см. Джемаль Карши.

Кары-Ниязов, *Астрономическая школа*. — Т. Н. Кары-Ниязов, *Астрономическая школа Улугбека*, М.—Л., 1950.

Кары-Ниязов, *Обсерватория*. — Т. Н. Кары-Ниязов, *Обсерватория Улугбека в свете новых данных*, — сб. «Научная сессия Академии наук УзССР 9—14 июня 1947 г.», Ташкент, 1947, стр. 127—136.

Каши — см. Гияс ад-дин Каши.

Кашф ал-маḥджӯб, изд. Жуковского. — В. А. Жуковский, *Раскрытие скрытого за завесой („Кяшф-аль-Махджуб")* Абу-ль-Хасана Али ибн Осман ибн-аби Али аль-Джулляби аль-Худжвири аль-Газнави. Персидский текст, указатели и предисловие. Посмертное издание, [подготовл. А. Ромаскевичем], Л., 1926.

Кашф ал-маḥджӯб, пер. Никольсона. — *The Kashf al-Maḥjúb. The oldest Persian treatise on Ṣúfiism* by 'Alí b. 'Uthmán al-Jullábí al-Hujwírí, transl. from the text of the Lahore edition, compared with MSS. in the India Office and British Museum by R. A. Nicholson, Leyden—London, 1911 (GMS, XVII).

Керминеги — см. Мухаммед-Вефа Керминеги.

Кесати, *Раскопки на Пайкенде*. — Р. Кесати, *Раскопки на Пайкенде в 1940 году*, — СГЭ, вып. IV, 1947, стр. 26—29.

Кинди. — *The Governors and Judges of Egypt or Kitâb el 'Umarâ' (el Wulâh) wa Kitâb el Quḍâh* of El Kindî. *Together with an Appendix derived mostly from Raf' el Iṣr* by Ibn Ḥajar. Ed. by Rhuvon Guest, Leyden—London, 1912 (GMS, XIX).

Китāб-и Деде Коркут, изд. Бартольда. — В. Бартольд, *Китаби-Коркуд. I*, — ЗВОРАО, т. VIII, 1894, стр. 203—218; *II*, — ЗВОРАО, т. XI, 1899, стр. 175—193; *III*, — ЗВОРАО, т. XII, 1900, стр. 037—059; *IV*, — ЗВОРАО, т. XV, 1904, стр. 1—38.

Китāб-и Муллā-зāде — см. Му'ин ал-фукара.

Клавихо, изд. Лопес Эстрады. — *Embajada a Tamorlán.* Estudio y edición de un manuscrito del siglo XV por F. López Estrada, Madrid, 1943 (Consejo superior de investigaciones científicas. Instituto Nicolás Antonio. Nueva colección de libros raros o curiosos dirigida por Joaquín de Entrambasaguas. Vol. I).

Клавихо, изд. Срезневского. — Рюи Гонзалес де Клавихо, *Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг.* Подлинный текст с переводом и примечаниями, составленными под ред. И. И. Срезневского, СПб., 1881 (Сб. ОРЯС, т. XXVIII, № 1).

Климчицкий, *Ягнобцы.* — С. И. Климчицкий, *Ягнобцы и их язык*, — «Труды Таджикистанской базы АН СССР», т. IX. История — язык — литература, М. — Л., 1940, стр. 137—139.

Кляшторный, *Древнетюркские надписи.* — С. Г. Кляшторный, *Древнетюркские рунические надписи как источник для истории народов Средней Азии*, М., 1964.

Кляшторный, *Из истории борьбы народов Средней Азии.* — С. Г. Кляшторный, *Из истории борьбы народов Средней Азии против арабов (по руническим текстам)*, — ЭВ, IX, 1954, стр. 55—64.

Кляшторный, *Кангюйская этно-топонимика.* — С. Г. Кляшторный, *Кангюйская этнотопонимика в орхонских текстах*, — СЭ, 1951, № 3, стр. 54—63.

Кляшторный, *Суджинская надпись.* — С. Г. Кляшторный, *Историко-культурное значение Суджинской надписи*, — ПВ, 1959, № 5, стр. 162—169.

Ковалевский, *Словарь.* — *О. Ковалевский, Монгольско-русско-французский словарь*, т. I—III, Казань, 1844—1849.

Кожемяко, *Раннесредневековые города.* — П. Н. Кожемяко, *Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины*, Фрунзе, 1959.

Комаров, *Сулейман Бакыргани.* — П. Комаров, *Ходжа Хаким Сулейман Бакырган*и, — ПТКЛА, год VI, 1901, стр. 105—112.

Корш, *О турецком языке семиреченских надписей.* — Ф. Е. Корш, *О турецком языке семиреченских надгробных надписей*, — ДВ, т. I, вып. I, М., 1889, стр. 67—72.

Костенко, *Очерки Семиреченского края.* — Л. Костенко, *Очерки Семиреченского края. (Путевые письма)*, — «Военный сборник», т. LXXXVIII, 1872, стр. 157—197.

Костенко, *Туркестанский край.* — Л. Ф. Костенко, *Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа*, т. I—III, СПб., 1880 (Материалы для географии и статистики России).

Краткий обзор. — *Краткий обзор современного состояния и деятельности мусульманского духовенства, разного рода духовных учреждений и учебных заведений туземного населения Самаркандской области, с некоторыми указаниями на их историческое прошлое*, — «Сборник материалов по мусульманству», под ред. В. И. Ярового-Равского, СПб., 1899, стр. 3—47.

Крачковская — Крачковский, *Древнейший арабский документ.* — В. А. Крачковская и И. Ю. Крачковский, *Древнейший арабский документ из Средней Азии*, — Согд. сб., стр. 52—90; то же: И. Ю. Крачковский, Избранные сочинения, т. I, М.—Л., 1955, стр. 182—212.

Крымский, *История Персии.* — А. Крымский, *История Персии, ее литературы и дервишеской теософии*, т. I—III, М., 1914—1917 (ТВЛИВЯ, вып. XVI).

Кудама. — *Kitâb al-Masâlik wa'l-Mamâlik* (*Liber viarum et regnorum*) auctore Abu'l-Kâsim Obaidallah ibn Abdallah Ibn Khordâdhbeh et *Excerpta e Kitâb al-Kharâdj* auctore Kodâma ibn Dja'far quae cum versione gallica edidit, indicibus et glossario instruxit M. J. de Goeje, Lugduni-Batavorum, 1889 (BGA, VI) [Кудама: текст — стр. 184—266; перевод — стр. 144—208].

Кун, *Очерки Шагрисебзского бекства.* — [А. Л. Кун], *Очерки Шагрисебзского бекства*, — ЗИРГО по отд. этногр., т. VI, 1880, отд. I, стр. 201—237.

Кун, *Поездка.* — А. Л. Кун, *Поездка по Хивинскому ханству в 1873 г.*, — ИИРГО, т. X, 1874, отд. II, стр. 47—58.

Куропаткин, *Кашгария.* — А. Н. Куропаткин, *Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля*, СПб., 1879.

Кутадгу билик, изд. Радлова. — *Das Kudatku Bilik* des Jusuf Chass-Hadschib aus Bälasagun, hrsg. von W. Radloff, Th. I. Der Text in Transscription, St.-Pbg., 1891; Th. II. Text und Übersetzung nach den Handschriften von Wien und Kairo, St.-Pbg., 1900—1910.

Лапин, *Перевод надписей.* — С. А. Лапин, *Перевод надписей на исторических памятниках г. Самарканда*, — СКСО, вып. IV, 1896, отд. IV, стр. 1—22.

Лерх, *Археологическая поездка.* — П. Лерх, *Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году*, СПб., 1870.

Лившиц, *Согдийские документы.* — *Согдийские документы с горы Муг. Чтение. Перевод. Комментарий.* Вып. II. *Юридические документы и письма.* Чтение, перевод и комментарии В. А. Лившица, М., 1962.

Логофет, *Сарай.* — Д. Н. Логофет, *Сарай и его нужды*, — ТВ, 1904, № 181 (15/28. XII).

Лубāб ал-албāб — см. Ауфи.

Лыкошин, *Очерк деятельности ТКЛА.* — Н. Лыкошин, *Очерк деятельности Туркестанского кружка любителей археологии за первое десятилетие его существования (1895—1905 гг.)*, — ПТКЛА, год X, 1905, прилож., стр. 3—25 (разд. паг.).

Лэн-Пуль, *Мусульманские династии.* — С. Лэн-Пуль, *Мусульманские династии. Хронологические и генеалогические таблицы с историческими введениями.* Перевел с английского с примечаниями и дополнениями В. Бартольд, СПб., 1899.

Маджāлис, изд. Ганиевой. — Алишер Навоий, *Мажолисун нафоис.* Илмий-танқидий текст. Тайёрловчи: С. Ганиева, Тошкент, 1961.

Маджāлис, рук. — Мир Али-Шир Неваи, *Маджāлис ан-нафā'ис*, рук. ИНА В 270 (а 281); рук. ЛГУ № 618.

Макāмāт ал-хвāджа Бехā ад-дūн. — مقامات الخواجه بها الدين تاليف صلاح بن مبارک، قزان، ۱۳۱۹ [=1901=02].

Макдиси. — *Descriptio imperii moslemici* auctore Schamso'd-dîn Abû Abdollâh Mohammed ibn Ahmed ibn abî Bekr al-Bannâ al-Basschârî al-Mokaddasi. Ed. M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1877; ed. 2: 1906 (BGA, III).

Макшеев, *Исторический обзор.* — А. И. Макшеев, *Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских*, СПб., 1890.

Маллицкий, *Историко-архитектурное значение.* — Н. Г. Маллицкий, *Историко-архитектурное значение мечети Хазрета Яссавийского в гор. Туркестане*, — ПТКЛА, год XII, 1908, стр. 6—28.

Маллицкий, *Несколько страниц.* — Н. Маллицкий, *Несколько страниц из истории Ташкента за последнее столетие*, — ПТКЛА, год III, 1897—1898, стр. 158 — 177.

Малов, *Древнетюркская письменность Монголии.* — С. Е. Малов, *Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии*, М. — Л., 1959.

Малов, *Шаманский камень.* — С. Е. Малов, *Шаманский камень «ядā» у тюрков Западного Китая*, — СЭ, 1947, № 1, стр. 151—160.

Мандельштам, *Материалы.* — А. М. Мандельштам, *Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей с древнейших времен до X в. н. э.*, Сталинабад, 1957 (ТИИАЭ АН ТаджССР, т. LIII).

Мар'аши — см. Захир ад-дин Мар'аши.

Марко Поло, изд. Потье. — *Le livre de Marco Polo, citoyen de Venise, conseiller privé et commissaire impérial de Ḳhoubilaï-Khaân*; rédigé en français sous la dictée en 1298 par Rusticien de Pise; publié pour la première fois d'après trois manuscrits inédits de la Bibliothèque impériale de Paris, présentant la rédaction primitive du Livre,...accompagnée des variantes, de l'explication des mots hors d'usage, et de Commentaires géographiques et historiques, tirés des écrivains orientaux, principalement chinois, par M. G. Pauthier, pt. I—II, Paris, 1865.

Марко Поло, пер. Минаева. — И. П. Минаев, *Путешествие Марко Поло.* Перевод старо-французского текста. Изд. ИРГО под ред. действит. члена В. В. Бартольда, СПб., 1902 (ЗИРГО по отд. этногр., т. XXVI).

Марков, *Инвентарный каталог.* — А. Марков, *Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа*, СПб., 1896.

Марр, *Девятая анийская кампания.* — Н. Я. Марр, *IX-я анийская археологическая кампания* [реферат доклада], — ЗВОРАО, т. XXII, 1915, стр. XXII—XXV.

Марр, *Кавказский культурный мир и Армения.* — Н. Марр, *Кавказский культурный мир и Армения*, — ЖМНП, н. с., ч. LVII, 1915, июнь, стр. 280—330.

Масальский, *Туркестанский край.* — В. И. Масальский, *Туркестанский край*, СПб., 1913 (Россия. Полное географическое описание нашего отечества, под ред. В. П. Семенова-Тян-Шанского, т. XIX).

Массон, *К исторической топографии Герата.* — М. Е. Массон, *К исторической топографии Герата XV века*, — «Великий узбекский поэт». Сб. статей под ред. М. Т. Айбека, Ташкент, 1948, стр. 120—145.

Массон, *Мавзолей Гур-Эмир.* — М. Е. Массон, *Мавзолей Гур-Эмир, усыпальница Тимуридов (Культурно-исторические экскурсии по Самарканду, вып. II)* Ташкент, 1926.

Массон, *Обсерватория Улугбека.* — М. Е. Массон, *Обсерватория Улугбека*, Ташкент, 1941.

Массон, *Результаты.* — М. Массон, *Результаты археологического надзора за ремонтно-исследовательскими работами Самкомстариса на мавзолеях «Гур-эмир» и «Ак-Сарай» в Самарканде в 1924 году*, — «Изв. Средазкомстариса», вып. 1, Ташкент, 1926, стр. 82—114.

Массон, *Самаркандский Регистан.* — М. Е. Массон, *Самаркандский Регистан*, — «Труды САГУ», н. с., вып. XI, Гуманитарные науки, кн. 3, Археология Средней Азии, Ташкент, 1950, стр. 75—90.

Массон, *Старый Сайрам.* — М. Массон, *Старый Сайрам*, — «Изв. Средазкомстариса», вып. 3, Ташкент, 1928, стр. 23—42.

Массон, *Третий кусок нефритового намогильника.* — М. Е. Массон, *Третий кусок нефритового намогильника Тимура*, — ЭВ, II, 1948, стр. 63—75.

Массон — Пугаченкова, *Шахрисябз.* — М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова, *Шахрисябз при Тимуре и Улугбеке*, — «Труды САГУ», н. с., вып. LXI, Гуманитарные науки, кн. 6, Археология Средней Азии, Ташкент, 1953, стр. 17—97.

Мас'уд б. Осман ал-Кухистани — см. *Та'рӣх-и Абӯлхайр-хӑнӣ.*

Мас'уди, *Мурӯдж.* — Maçoudi, *Les Prairies d'or.* Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille, t. I—IX, Paris, 1861—1877 (Collection d'ouvrages orientaux publiée par la Société asiatique).

Мас'уди, *Танбӣх.* — *Kitâb at-tanbîh wa'l-ischrâf* auctore al-Masûdî..., [ed. M. J. de Goeje], Lugduni-Batavorum, 1894 (BGA, VIII).

Махмуд Кашгарский. — محمود بن الحسين بن : مؤلفى كتاب ديوان لغات الترک

محمد الكاشغرى. تاريخ تأليفى ٤٦٦ سنهٔ هجريه، [مصحح كليسلى معلم رفعت]، جلد ١ — ٣، استانبول، ١٣٣٣ — ١٣٣٥ [=1915—1917].

Медников, *Об одном из источников*. — Н. Медников, *Об одном из источников ат-Табария*, — «Ал-Музаффарийя», стр. 53—66.

Медников, *Палестина*. — Н. А. Медников, *Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам*, т. I, *Исследование*, СПб., 1903; т. II, ч. 1—3, *Приложения*, СПб., 1897 [Православный Палестинский сборник, вып. 50 = т. XVII, вып. 2 (1)—(4)].

Мелиоранский, *Араб филолог*. — П. Мелиоранский, *Араб филолог о монгольском языке*, — ЗВОРАО, т. XV, 1904, стр. 75—171.

Мелиоранский, *Краткая грамматика*. — П. М. Мелиоранский, *Краткая грамматика казах-киргизского языка*, ч. I. *Фонетика и этимология*; ч. II. *Синтаксис*, СПб., 1894—1897.

Менучехри. — *Menoutchehri. Poète persan du 11ème siècle de notre ère (du 5ième de l'hégire)*. Texte, traduction, notes, et Introduction historique par A. de Biberstein Kazimirski, Paris, 1886.

Мечети Самарканда. — *Мечети Самарканда*. Вып. I. *Гур-Эмир*. Изд. Имп. Археол. Комиссии, СПб., 1905.

Миклухо-Маклай, *Описание*. — Н. Д. Миклухо-Маклай, *Описание таджикских и персидских рукописей Института востоковедения*, [вып. 1, *Географические и космографические сочинения*], М. — Л., 1955; *Описание таджикских и персидских рукописей Института народов Азии*, вып. 2, *Биографические сочинения*, М., 1961.

Милованов, *Астрономические познания*. — В. Н. Милованов, *Астрономические познания Самаркандских астрономов (по поводу раскопки обсерватории Улуг-Бека)*, — ПТКЛА, год XVIII [на обложке — XVII], [вып. 1], 1913, стр. 42—53.

Минаев, *Сведения*. — И. Минаев, *Сведения о странах по верховьям Аму-дарьи*, СПб., 1879.

Мир Абд ал-Керим Бухари — см. Абд ал-Керим.

Мир'ādж-нāме. — *Mirâdj-Nâmeh*, publié pour la première fois d'après le manuscrit ouïgour de la Bibliothèque nationale, traduit et annoté par A. Pavet de Courteille, Paris, 1882 (PÉLOV, IIe sér., vol. VI).

Мирза Шемс Бухари. — *О некоторых событиях в Бухаре, Хоканде и Кашгаре. Записки Мирзы-Шемса Бухари*, изданные в тексте, с переводом и примечаниями, В. В. Григорьевым, Казань, 1861.

Мирзоев, *Биной*. — А. Мирзоев, *Биной*, Сталинобод, 1957.

Мирхонд, *История Саманидов*, изд. Дефремери. — *Histoire des Samanides* par Mirkhond. Texte persan, traduit et accompagné de notes critiques, historiques et géographiques par M. Defrémery, Paris, 1845.

Мирхонд, *История хорезмшахов*, изд. Дефремери. — *Histoire des sultans du Kharezm* par Mirkhond; texte persan, accompagné de notes historiques, géographiques et philologiques [par Defrémery], à l'usages des élèves de l'École royale et spéciale des langues orientales vivantes, Paris, 1842 (Chrestomathies orientales, [II]).

Мирхонд, *История Чингиз-хана*, изд. Жобера. — *Vie de Djenghiz-Khan*, par Mirkhond; (Texte persan [publ. par A. Jaubert]). A. l'usage des élèves de l'École royale et spéciale des langues orientales vivantes, Paris, 1841 (Chrestomathies orientales, [I]).

Мирхонд, лакнауское изд. — تاريخ روضة الصفا كه مشتمل است بر بدائع اخبار وغرائب آثار تاليف مولانا خاوند شاه هروى . . ، جلد ١ — ٧ وخاتمه، لكهنو، ١٨٩١ م/١٣٠٨ هـ.

Мирхонд, рук. — Мирхонд, *Раузат ас-сафā'*, рук. ИНА С 411 (570); рук. ЛГУ № 291.

Мирхонд, тегеран. изд. — روضة الصفائى ميرخواند . . ، جلد ١ — ١٠، [طهران، ١٢٧٠—١٢٧٤ =1853—1857, литогр.].

Ал-Мифтāх фӣ-л-хисāб — см. Гияс ад-дин Каши.

Мосхейм.— Lavrentii Moshemii *Historia Tartarorum ecclesiastica.* Adjecta est Tartariae Asiaticae secundum recentiores geographos in mappa delineatio, Helmstadt, 1741.

Муджмал-и Фаṣīхӣ — см. Фасих.

Му'изз ал-ансāб. — *Му'изз ал-ансāб фӣ шаджарат салāṭӣн мугул*, рук. Нац. б-ки, Ancien fonds persan 67.

Му'ин ад-дин Натанзи, изд. Обена. — منتخب التواريخ معينى (تأليف ٨١٦ و ٨١٧ هجرى قمرى) منسوب به معين الدين نطنزى ومعروف به «آنونيم اسكندر» بتصحيح ژان اوبن، تهران، ١٣٣٦ خورشيدى [=1957].

Му'ин ад-дин Натанзи, рук. — Му'ин ад-дин Натанзи, рук. ИНА С 381 (566 bc); рук. Брит. муз. Or. 1566.

Му'ин ал-фукара, *Китāб-и Муллā-зāде*, изд. Гольчина Маани. — تاريخ ملازاده در ذكر مزارات بخارا تأليف احمد بن محمود المدعو بمعين الفقراء در نيمهٔ اول قرن نهم با مقدمه وتصحيح وتحشيه وتراجم اعلام باهتمام احمد گلچين معانى، تهران، ١٣٣٩ [=1960].

Муḳаддама-йи Ẓафар-нāме. — Шереф ад-дин Йезди, *Муḳаддама-йи Ẓафар-нāме*, рук. ИНА С 390 (с 568).

Мукаддаси — см. Макдиси.

Мунис.—Мунис, *Фирдаус ал-иḳбāл*, рук. ИНА С 571 (590 oa).

Мунтаджаб ад-дин, *Мунша'āт.* — كتاب عتبة الكتبه مجموعهٔ مراسلات ديوان سلطان سنجر بقلم مؤيد الدوله منتجب الدين بديع اتابک جوينى، با تصحيح واهتمام محمد قزوينى وعباس اقبال، [تهران]، ١٣٢٩ ش [=1950].

Мусеви. — Мусеви, *Та'рāḫ-и ḫайрāт*, рук. Брит. муз. Or. 4898; оксфорд. рук. Elliot 2.

Муḫāкамат ал-луғатайн, коканд. изд. — محاكمة اثر امير نظام الدين عليشير النوايى، محاكمة اللغتين. تورک لغتى بيلان فارسى نينک محاكمه‌سيدن عبارت دور. ناشرى: عاشور اغلى ظاهرى، انچى طبع، خوقند [б. г.].

Мухаммед-Вефа Керминеги, *Туḫфат ал-ḫāнӣ.* — Мухаммед-Вефа Керминеги, *Туḫфат ал-ḫāнӣ*, рук. ИНА С 523 (с 581b).

Мухаммед-Салих, *Шейбāнӣ-нāме.* — Мухаммед Салих, *Шейбани-намэ*. Джагатайский текст. Посмертное издание П. М. Мелиоранского. Под наблюдением и с предисловием А. Н. Самойловича, СПб., 1908 (Издания Факультета восточных языков имп. С.-Петербургского ун-та, № 27).

Мухаммед-Хайдер. — *The Tarikh-i-Rashidi* of Mirza Muhammad Haidar, Dughlát. A History of the Moghuls of Central Asia. An English version ed., with commentary, notes, and map by N. Elias. The translation by E. Denison Ross, London, 1895.

Мухаммед-Хайдер, рук. — Мухаммед-Хайдер Дуглат, *Та'рāḫ-и Рашīдӣ*, рук. ИНА В 648 (aa 568 a).

Мухаммед-Юсуф Мунши. — Мухаммед-Юсуф Мунши, *Муким-ханская история*. Пер. с таджикского, предисловие, примечания и указатели А. А. Семенова, Ташкент, 1956.

Набиев, *Из истории.* — Р. Н. Набиев, *Из истории политико-экономической жизни Мавераннахра XV в.* (*Заметки о Ходжа-Ахраре*), — «Великий узбекский поэт». Сб. статей под ред. М. Т. Айбека, Ташкент, 1948, стр. 35—40.

Набиев, *Сарбадорлар қўзғолони.*—Р. Набиев, *XIV асрда Ўрта Азияда сарбадорлар қўзғолони*, Тошкент, 1942.

Навои — см. *Маджāлис* и *Муḫāкамат ал-луғатайн.*

Наливкин, *Краткая история Кокандского ханства.* — В. Наливкин, *Краткая история Кокандского ханства*, Казань, 1886.

Наливкин, *Туземцы.* — В. П. Наливкин, *Туземцы раньше и теперь*, Ташкент, 1913.

Насā'им ал-муҳаббат. — Мир Али-Шир Неваи, *Насā'им ал-муҳаббат мин шамā'им ал-футувват*, рук. ИНА С 509 (580е).

Неваи, *Маджāлис ан-нафā'ис* — см. *Маджāлис.*

Неваи, *Муҳāкамат ал-луғатайн* — см. *Муҳāкамат ал-луғатайн.*

Негматов, *Усрушана.* — Н. Негматов, *Усрушана в древности и раннем средневековье*, Сталинабад, 1957 (ТИИАЭ АН ТаджССР, т. LV).

Негматов — Зеймаль, *Усрушанский замок.* — Н. Негматов, Т. И. Зеймаль, *Усрушанский замок в Шахристане*, — СА, 1959, № 2, стр. 205—217.

Нершахи, бухар. литогр. — تاريخ نرشخی، [بخارا، ۱۳۲۲] (Новая Бухара, 1904).

Нершахи, изд. Ризави — تاريخ بخارا تاليف ابو بكر محمد بن جعفر النرشخی (۲۸٦—۳٤۸) ترجمهٔ ابو نصر احمد بن محمد بن نصر القباوی، تخليص محمد بن زفر بن عمر و تصحيح مدرّس رضوی، تهران، [1936].

Нершахи, изд. Шефера.— *Description topographique et historique de Boukhara* par Mohammed Nerchakhy, suivie de textes relatifs à la Transoxiane. Texte persan publié par Ch. Schefer, Paris, 1892 (PÉLOV, IIIe sér., vol. XIII).

Нершахи, пер. Лыкошина. — Мухаммад Наршахи, *История Бухары.* Перевел с персидского Н. Лыкошин под ред. В. В. Бартольда, Ташкент, 1897.

Нершахи, пер. Фрая. — *The History of Bukhara.* Transl. from a Persian abridgement of the Arabic original by Narshakhi R. N. Frye, Cambridge, Mass., 1954.

Несеви, *Сīрат Джелāль ад-дīн.— Histoire du sultan Djelal ed-Din Mankobirti prince du Kharezm*, par Mohammed en-Nesawī. [I], *texte arabe* publié d'après le manuscrit de la Bibliothèque Nationale par O. Houdas, Paris, 1891; [II], *traduit de l'arabe* par O. Houdas, Paris, 1895 (PÉLOV, IIIe sér., vol. IX—X).

Несефи, *Қандийа*, пер. Вяткина. — *Кандия Малая*, [пер. В. Вяткина], — СКСО, вып. VIII, 1906, стр. 235—290.

Несефи, *Қандийа*, рук. — Омар б. Мухаммед ан-Несефи ас-Самарканди, *Китāб алқанд фī та'рīх Самарқанд*, рук. ЛГУ № 859; рук. Аз. муз. aa 574ag (B 677); рук. Аз. муз. abb 574 ag (C 452).

Низам ад-дин Шами, изд. Тауэра. — *Histoire des conquêtes de Tamerlan intitulée Ẓafarnāma* par Niẓāmuddīn Šāmī avec des additions empruntées au Zubdatu-t-tawārīḫ-i Bāysunġurī de Hāfiẓ-i Abrū. Edition critique par F. Tauer, t. I: *Texte persan du Ẓafarnāma*, Praha, 1937; t. II: *Introduction, commentaire, index*, Praha, 1956 (MAOr, vol. V).

Низам ад-дин Шами, рук. — Низам ад-дин Шами, *Зафар-нāме*, рук. Брит. муз. Add. 23980.

Низам ал-мульк, изд. Шефера. — *Siasset Namèh. Traité de Gouvernement.* Composé pour le sultan Melik-Châh par le vizir Nizam oul-Moulk. *Texte persan* édité par Ch. Schefer, Paris, 1891; *Supplement*, Paris, 1897; *Traduit* par Ch. Schefer, Paris, 1893 (PÉLOV, IIIe sér., vol. VII, partie 1—2; vol. VIII).

Низами Арузи, *Чахāр мақāла*, изд. Казвини. — *Chahár Maqála* ("*The Four Discourses*") of Aḥmad ibn 'Umar ibn 'Alí an-Niẓámí al-'Arúḍí as-Samarqandí, ed., with introduction, notes and indices, by Mírzá Muḥammad ibn 'Abdu 'l-Wahháb of Qazwín, Leyden—London, 1910 (GMS, XI, I).

Никитский, *Эмир-Низам-Эд-Дин-Али-Шир.* — [М. Никитский], *Эмир-Низам-Эд-Дин-Али-Шир, в государственном и литературном его значении*, рассуждение М. Никитского на степень магистра восточной словесности, СПб., 1856.

Нильсен, *Архитектурный облик.* — В. А. Нильсен, *Архитектурный облик обсерва-*

тории Улугбека в Самарканде, — ТИИА АН УзССР, т. V. Обсерватория Улугбека, Ташкент, 1953, стр. 101—128.

Нияз-Мухаммед, *Та'рӣх-и Шāхрухӣ*. — *Таарих Шахрохи. История владетелей Ферганы*. Сочинение Моллы Ниязи Мухаммед бен Ашур Мухаммед, хокандца, изданная Н. Н. Пантусовым, Казань, 1885.

Нияз-Мухаммед, *Та'рӣх-и Шāхрухӣ*, рук. — Нияз-Мухаммед, *Та'рӣх-и Шāхрухӣ*, рук. ИНА С 467, С 468, С 469.

Омари, извлеч. в пер. Катрмера. — [E.] Quatremère, *Notice de l'ouvrage qui a pour titre: Mesalek alabsar fi memalek alamsar* مسالك الابصار فى ممالك الامصار *Voyages des yeux dans les royaumes des différentes contrées. (Manuscrit arabe de la Bibliothèque du Roi, № 583)*,—Notices et extraits, t. XIII, partie 1, pp. 151—384.

Оранский, *Введение*. — И. М. Оранский, *Введение в иранскую филологию*, М., 1960.

Остроумов, *Вторая песня*. — Н. Остроумов, *Вторая песня о бывшем Кокандском хане Сяйид Мухаммад Худояре*, — ЗВОРАО, т. VII, 1893, стр. 51—62.

Остроумов, *Мадрасы*. — Н. Остроумов, *Мадрасы в Туркестанском крае*, — ЖМНП, н. с., ч. VII, 1907, № 1, отд. 3, стр. 1—58; то же: отд. отт., СПб., 1907.

Остроумов, *Песня*. — Н. Остроумов, *Песня о Худояр Хане*, — ЗВОРАО, т. II, 1888, стр. 189—194.

Остроумов, *Сарты*. — Н. П. Остроумов, *Сарты. Этнографические материалы*, вып. 1, Ташкент, 1890; вып. 2. *Народные сказки сартов*, Ташкент, 1892; вып. 3. *Пословицы и загадки сартов*, Ташкент, 1895; изд. 2-е, дополненное [=вып. 1], Ташкент, 1896; изд. 3-е, дополненное [=вып. 1], Ташкент, 1908.

Остроумов, *Третья песня*. — Н. Остроумов, *Третья песня о Худояр-хане*,—ЗВОРАО, т. VIII, 1894, стр. 129—136.

Отчет ИРГО за 1899 г. — *Отчет Императорского Русского Географического общества за 1899 год*, СПб., 1900.

Отчет ИРГО за 1900 г. — *Отчет Императорского Русского Географического общества за 1900 год*, СПб., 1901.

Очерки истории СССР, I. — *Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР*, М., 1956.

Палладий, *Старинные следы христианства*. — Палладий, архимандрит, *Старинные следы христианства в Китае, по китайским источникам*, — «Восточный сборник», [изд. Мин-ва иностр. дел], т. I, СПб., 1877, стр. 1—64.

Пекарский, *Словарь*. — Э. К. Пекарский, *Словарь якутского языка*, составленный при ближайшем участии Д. Д. Попова и В. М. Иэнова, вып. 1—13, СПб. — Л., 1907—1930 [Труды Якутской экспедиции, снаряженной на средства И. М. Серебрякова (1894—1896 гг.), т. III, ч. I].

Петровский, *Арабские дорожники*. — Н. Ф. Петровский, *Древние арабские дорожники по средне-азиатским местностям, входящим в настоящее время в состав русских владений. Извлечение из сочинения Sprenger'a «Die Post- und Reiserouten des Orients». Пособие для разыскания древних путей и местностей*, Ташкент, 1894.

Петровский, *Еще заметка*. — Н. Петровский, *Еще заметка к статье В. Бартольда «О христианстве в Туркестане в до-монгольский период»*,— ЗВОРАО, т. VIII, 1894, стр. 354—358.

Петровский, *К статье «О христианстве в Туркестане»*. — Н. Петровский, *К статье «О христианстве в Туркестане»*. (Из письма Н. Ф. Петровского), — ЗВОРАО, т. VIII, 1894, стр. 150—151.

Петрушевский *Движение сербедаров.* — И. П. Петрушевский, *Движение сербедаров в Хорасане,* — УЗИВАН, т. XIV, 1956, стр. 91—162.

Петрушевский, *Земледелие.* — И. П. Петрушевский, *Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков,* М.—Л., 1960.

Пигулевская, *Византия и Иран.*—Н. В. Пигулевская, *Византия и Иран на рубеже VI и VII веков,* М.—Л., 1946.

Плано Карпини, пер. Малеина. — Иоанн де Плано Карпини, *История Монгалов* * Вильгельм де Рубрук, *Путешествие в восточные страны.* Введение, перевод и примечания А. И. Малеина, СПб., 1911 [Плано Карпини — стр. 1—62].

Плано Карпини, пер. Рокхилла. — *The journey of William of Rubruck to the eastern parts of the world, 1253—55, as narrated by himself, with two accounts of the earlier journey of John of Plan de Carpine.* Transl. from the Latin, and ed., with an Introductory Notice, by W. W. Rockhill, London, 1900 (HS, 2d series, IV), pp. 1—39.

Позднеев, *Монголия и монголы.* — [А. Позднеев], *Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892—1893 гг.* А. Позднеевым. Т. I. *Дневник и маршрут 1892 года,* СПб., 1896; т. II. *Дневник и маршрут 1893 года,* СПб., 1898.

Покотилов, *История восточных монголов.* — Д. Покотилов, *История восточных монголов в период династии Мин. 1368—1634 (по китайским источникам),* СПб., 1893.

Поло, Марко — см. Марко Поло.

Потанин, *Очерки северо-западной Монголии.* — Г. Н. Потанин, *Очерки северо-западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1876—1877 годах по поручению ИРГО,* вып. I—IV, СПб., 1881—1883.

Потапов, *Древний обычай.* — Л. П. Потапов, *Древний обычай, отражающий первобытно-общинный быт кочевников,* — «Тюркологический сборник», ОЛЯ АН СССР, I, М. — Л., 1951, стр. 164—175.

Почтовый дорожник Российской империи. — *Почтовый дорожник Российской империи с приложением нумерной карты,* СПб., 1888.

Пугаченкова, *Реконструкция ансамбля Дорус-Сиадат.* — Г. А. Пугаченкова, *К вопросу о реконструкции ансамбля Дорус-Сиадат, тимуридской усыпальницы в Шахрисябзе,* — «Материалы по истории и теории архитектуры Узбекистана», вып. I, [М.], 1950, стр. 58—72.

Пугаченкова, *Садово-паркозое искусство.* — Г. А. Пугаченкова, *Садово-парковое искусство Средней Азии в эпоху Тимура и Тимуридов,*—«Труды САГУ», н. с., вып. XXIII, Гуманитарные науки, кн. 4 (История), Ташкент, 1951, стр. 143—168.

Пугаченкова — Ремпель, *Памятники.* — Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель, *Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана,* Ташкент, 1958.

Путешествия Шильтбергера. — *Путешествия Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке, с 1394 года по 1427 год.* Перевел с немецкого и снабдил примечаниями Ф. Брун, — «Зап. Имп. Новороссийского ун-та», год I, т. I, вып. 1—2, Одесса, 1867, стр. III—V, 1—156 + 1 (разд. паг.).

Равенди, извлеч. в изд. Шефера. — *Tableau du règne de Moïzz eddin Aboul Harith, Sultan Sindjar,* par Mohammed ibn Aly Ravendy. Texte persan publié pour la première fois avec la traduction française, par Ch. Schefer, — «Nouveaux mélanges orientaux», pp. 1—47.

Равенди, изд. Икбаля. — *The Ráḥat-uṣ-Ṣudúr wa Áyat-us-Surúr, being a history of the Saljúqs* by Muḥammad ibn ʿAlí ibn Sulaymán ar-Ráwandí. Ed. with notes, glossary and indices by Muḥammad Iqbál, Leyden—London, 1921 (GMS NS, II).

Радлов, *К вопросу об уйгурах.* — В. В. Радлов, *К вопросу об уйгурах. (Из предисловия к изданию Кудатку-Билика),* СПб., 1893 (прилож. к ЗИАН, т. LXXII).

Радлов, *Словарь.*—В. В. Радлов, *Опыт словаря тюркских наречий*, т. I—IV, СПб., 1893—1911.

Рамстедт, *Отчет.* — [Г. И. Рамстедт], *Отчет д-ра Г. И. Рамстедта за 1903 год,*— ИРКСА, № 2, 1904, стр. 11—14.

Расā'ил ихвāн ас-сафā'. — رسائل اخوان الصّفا، بمبئی، ۱۳۰۱/۱۸۸٤.

Рашахāт, литогр. — [=1911]۱۳۲۹ رشحات [عين الحيات]، تاشكند (Ст. Ташкент, Литография Арифджанова)

Рашахāт, рук.— Фахр ад-дин Али Сафи, *Рашахāт 'айн ал-хайāт*, рук. ИНА С 515 (а 581*); рук. ЛГУ № 293.

Рашид ад-дин, изд. Березина, I—III.— *Сборник летописей. История монголов*, сочинение Рашид-Эддина. [I]. *Введение: о турецких и монгольских племенах. Перевод* с персидского, с введением и примечаниями, И. Н. Березина, СПб., 1858 (ТВОРАО, ч. V); [то же], *персидский текст*, с предисловием и примечаниями, И. Н. Березина, СПб., 1861 (ТВОРАО, ч. VII); [II]. *История Чингиз-хана до восшествия его на престол.* Персидский текст, с предисловием И. Н. Березина; русский перевод с предисловием и примечаниями И. Н. Березина, СПб., 1868 (ТВОРАО, ч. XIII); [III]. *История Чингиз-хана от восшествия его на престол до кончины.* Персидский текст в издании И. Н. Березина; русский перевод с примечаниями И. Н. Березина, СПб., 1888 (ТВОРАО, ч. XV).

Рашид ад-дин, изд. Блоше.—*Djami el-tévarikh. Histoire générale du monde* par Fadl Allah Rashid ed-Din. *Tarikh-i moubarek-i Ghazani. Histoire des Mongols* éditée par E. Blochet. T. II. Contenant l'histoire des empereurs mongols successeurs de Tchinkkiz Khaghan, Leyden—London, 1911 (GMS, XVIII, 2).

Рашид ад-дин, изд. Катрмера. — *Histoire des Mongols de la Perse* écrite en persan par Raschid-eldin. Publiée, traduite en français, accompagnée de notes et d'un mémoire sur la vie et les ouvrages de l'auteur par M. Quatremère, t. I, Paris, 1836 (Coll. orient.).

Рашид ад-дин, пер. в изд. ИВАН. — Рашид-ад-дин, *Сборник летописей*, т. I, кн. 1, пер. с персидского Л. А. Хетагурова, редакция и примечания А. А. Семенова, М.—Л., 1952; т. I, кн. 2, пер. с персидского О. И. Смирновой, примечания Б. И. Панкратова и О. И. Смирновой, редакция А. А. Семенова, М.—Л., 1952; т. II, пер. с персидского Ю. П. Верховского, примечания Ю. П. Верховского и Б. И. Панкратова, редакция И. П. Петрушевского, М.—Л., 1960; т. III, пер. с персидского А. К. Арендса, под ред. А. А. Ромаскевича, Е. Э. Бертельса и А. Ю. Якубовского, М.—Л., 1946.

Рашид ад-дин, рук. — Фазлаллах Рашид ад-дин, *Джāми' ат-тавāрих*, рук. ИНА D 66 (а 566); рук. ГПБ Дорн 289; рук. ГПБ V, 3, 1 (ПНС 46); рук. ГПБ V, 3, 2 (ПНС 47).

Рисāла-йи кутб-и чахāрдахум. — Абу-л-Хасан б. ходжа Сейф ад-дин, *Рисāла-йи кутб-и чахāрдахум шайх Нур ад-дин Баср*, рук. ЛГУ № 859, лл. 81б—111а (прилож. к: Несефи, *Кандийа*).

Рожевиц, *Поездка.* — Р. Ю. Рожевиц, *Поездка в Южную и Среднюю Бухару в 1906 г.*, — ИИРГО, т. XLIV, 1908, стр. 593—656.

Розен, *Два слова.* —В. Розен, *Два слова о значении слова «зиндик»* زنديق,—ЗВОРАО, т. VI, 1892, стр. 336—340.

Розен, ЗВОРАО, т. III [стр. 146—162]. — В. Р[озен], [рец. на:] Alberuni's India... Edited in the Arabic original by Dr. E. Sachau. London 1887, — ЗВОРАО, т. III, 1889, стр. 146—162.

Розен, *Пролегомена.* — В. Розен, *Пролегомена к новому изданию Ибн-Фадлана*, — ЗВОРАО, т. XV, 1904, стр. 39—73.

Розен, *Рассказ Хилâля ас-Сâби.* — В. Розен, *Рассказ Хилâля ас-Сâби о взятии Бухары Богра-ханом,* — ЗВОРАО, т. II, 1888, стр. 272—275.

Розенберг, *О согдийцах.* — Ф. Розенберг, *О согдийцах,* — ЗКВ, т. I, 1925, стр. 81—90.

Ромаскевич, *Персидские источники.* — А. А. Ромаскевич, *Персидские источники по истории туркмен и Туркмении в X—XV вв.,* — МИТТ, I, стр. 40—61.

Рубрук, изд. Мишеля—Райта. — *Itinerarium Willelmi de Rubruk,* — «Recueil de voyages et de mémoires, publié par la Société de géographie», t. IV, Paris, 1839, pp. 213—396.

Рубрук, пер. Малеина. — Иоанн де Плано Карпини, *История Монгалов* * Вильгельм де Рубрук, *Путешествие в восточные страны.* Введение, перевод и примечания А. И. Малеина, СПб., 1911 [Рубрук — стр. 65—201].

Рустамов, *Страницы из биографии.*—Э. Р. Рустамов, *Страницы из биографии Алишера Навои,* —КСИНА, вып. 63, 1963, стр. 80—86.

Рустамов, *Узбекская поэзия.*— Э. Р. Рустамов, *Узбекская поэзия в первой половине XV века,* М., 1963.

Са'алиби, *Йатӣма,* извлеч. в пер. Барбье де Менара.— C. Barbier de Meynard, *Tableau littéraire du Khorassan et de la Transoxiane au IVe siècle de l'hégire,*— JA, sèr. 5, t. I, 1853, pp. 169—239; t. III, 1854, pp. 291—361.

Са'алиби, *Лаṭа'иф.* — *Latâifo 'l-ma'ârif,* auctore Abu Manṣur Abdolmalik ibn Mohammed ibn Ismá'íl at-Tha'álibí, quem librum e codd. Leyd. et Goth. ed. P. de Jong, Lugduni Batavorum, 1867.

Салах б. Мубарек — см. *Маḳāмāт ал-ḫвāджа Бехā ад-дāн.*

Салиев, *Об ошибках.* — П. Салиев, *Об ошибках, допущенных А. М. Гуревичем в его статье «О классовой борьбе в Самарканде в 1365-1366 гг.»* (*Труды Государственной публичной библиотеки УзССР, том I*), —«Литературный Узбекистан», 1936, кн. 4, стр. 124—133.

Салье, *«Книга благородных качеств».* — М. Салье, *«Книга благородных качеств» и ее автор. Новые биографические материалы об Алишере Навои,* — «Родоначальник узбекской литературы. Сборник статей об Алишере Навои», Ташкент, 1940, стр. 170—214.

Сам'ани, изд. Марголиуса. — *The Ḳitāb al-Ansāb* of 'Abd al-Karīm ibn Muḥammad al-Sam'ānī reproduced in facsimile from the manuscript in the British Museum Add. 23,355 with an introduction by D. S. Margoliouth, Leyden — London, 1912 (GMS, XX).

Сам'ани, рук. — Абу Са'д Абд ал-Керим Мухаммед ас-Сам'ани, *Китāб ал-ансāб,* рук. ИНА С 361 (543а).

Самарийа — см. Абу Тахир-ходжа.

Самойлович, *К вопросу о сартах.* — А. Самойлович, *К вопросу о сартах* [по поводу кн.: Н. П. Остроумов, Сарты. Этнографические материалы. Общий очерк, изд. 3, Ташкент, 1908], — «Живая старина», год XIX, 1910, вып. III, стр. 265—269.

Самойлович, сб. «Мир-Али-Шир» [стр. 167—170]. — А. Самойлович, [рец. на:] نوايى — Сборник Азербайджанского Литературного Общества. Баку, 1926 г.,— «Мир-Али-Шир. Сборник к пятисотлетию со дня рождения», Л., 1928, стр. 167—170.

Самойлович, *Турецкие и монгольские элементы.* — А. Самойлович, *Турецкие и монгольские элементы в населении Авганистана (Краткая библиографическая справка),* — сб. «Афганистан», ч. I, М., 1923, стр. 98—107.

Самойлович, *Шейбани-намэ.* — А. Самойлович, *Шейбани-намэ. Персидский unicum библиотеки Хивинского хана,* — ЗВОРАО, т. XIX, 1910, стр. 0164—0176.

Секкаки. — Секкаки, *Дīвāн,* рук. Брит. муз. Or. 2079.

Семенов, *Бухарский трактат.* — А. А. Семенов, *Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях носителей их в средневековой Бухаре*, — СВ, т. V, 1948, стр. 137—153.

Семенов, *Бухарский шейх.* — А. Семенов, *Бухарский шейх Баха-уд-дин. 1318—1389 (К его биографии). По персидской рукописи*, — «الشرقيات. Восточный сборник в честь А. Н. Веселовского», М., 1914 (ТВЛИВЯ, вып. XLIII), стр. 202—211.

Семенов, *Взаимоотношения* — А. А. Семенов, *Взаимоотношения Алишера Навои и султана Хусейн-Мирзы*, — «Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь академика И. А. Орбели», М.—Л., 1960, стр. 237—249.

Семенов, *К вопросу.*—А. А. Семенов, *К вопросу, кто был автором* تاريخ سيّد راقم, — «В. В. Бартольду», стр. 48—56.

Семенов, *Культурный уровень.* — А. А. Семенов, *Культурный уровень первых шейбанидов*, — СВ, 1956, № 3, стр. 51—59.

Семенов, *Материалы к библиографическому указателю.* — А. А. Семенов, *Материалы к библиографическому указателю печатных произведений Алишера Навои и литературы о нем*, Ташкент, 1940 (Труды САГУ, серия II. Orientalia, вып. 5. [Из работ Фундаментальной библиотеки САГУ, вып. 2]).

Семенов, *Мечеть Ходжи Ахмеда Есевийского.* — А. Семенов, *Мечеть Ходжи Ахмеда Есевийского в г. Туркестане. Результаты осмотра в ноябре 1922 г.*, — «Изв. Средазкомстариса», вып. 1, Ташкент, 1926, стр. 121—130.

Семенов, *Надписи* [I—II]. — А. А. Семенов, *Надписи на надгробиях Тīмӯра и его потомков в Гур-и Эмире*, — ЭВ, II, 1948, стр. 49—62; III, 1949, стр. 45—58.

Семенов, *Надпись на надгробии псевдо-Сейид Омара.* — А. А. Семенов, *Надпись на надгробии псевдо-Сейид Омара в Гур-и Эмире в Самарканде*, — ЭВ, I, 1947, стр. 23—26.

Семенов, *О происхождении и составе узбеков.*— А. А. Семенов, *К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана*, — МИТУСА, вып. I, Сталинабад, 1954 (ТИИАЭ АН ТаджССР, т. XII), стр. 1—37.

Семенов, *Очерк устройства.* — А. А. Семенов, *Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени*, Сталинабад, 1954 [ТИИАЭ АН ТаджССР, т. XXV (МИТУСА, вып. II)].

Семенов, *Первые Шейбаниды.* — А. А. Семенов, *Первые Шейбаниды и борьба за Мавераннахр*, — МИТУСА, вып. I, Сталинабад, 1954 (ТИИАЭ АН ТаджССР, т. XII), стр. 109—159.

Семенов, *Происхождение Термезских сейидов.* — А. А. Семенов, *Происхождение Термезских сейидов и их древняя усыпальница «Султан-Садат»*, — ПТКЛА, год XIX, [вып. 1], 1914, стр. 3—20.

Семенов, *Рассказ шугнанских исмаилитов.* — А. Семенов, *Рассказ шугнанских исмаилитов о бухарском шейхе Бехā-уд-Дīне*, — ЗВОРАО, т. XXII, 1915, стр. 321—326.

Семенов, *Шейбани-хан.* — А. А. Семенов, *Шейбани-хан и завоевание им империи тимуридов*,— МИТУСА, вып. I, Сталинабад, 1954 (ТИИАЭ АН ТаджССР, т. XII), стр. 39—83.

Сикора, *О памятнике Улуг-Беку.* — И. Сикора, *О памятнике Улуг-Беку*,—ИТОРГО, т. IX, 1913, стр. 78—83.

Ситняковский, *Бухарские святыни.* — Н. Ситняковский, *Бухарские святыни. (Мазар Багауддина)*, — ПТКЛА, год V, 1900, стр. 49—56.

Ситняковский, *Заметки.* — Н. Ф. Ситняковский, *Заметки о Бухарской части долины Зеравшана*, — ИТОРГО, т. I, вып. II, 1900, стр. 121—314 [стр. 179—314: Список арыков и населенных пунктов].

Ситняковский, *Сообщение в заседании ТКЛА 21 апреля 1898 г.* — Н. Ф. Ситняковский, [*Сообщение в заседании ТКЛА 21 апреля 1898 г.*], — ПТКЛА, год III, 1898, стр. 89—94.

Слуцкий, *К семиреченским надписям.* — С. С. Слуцкий, *К семиреченским несторианским надписям*, — ДВ, т. I, вып. II, 1891, стр. 176—194.

Слуцкий, *Надписи.* — С. С. Слуцкий, *Семиреченские несторианские надписи*, — ДВ, т. I, вып. I, 1889, стр. 3—66.

Смирнов, *Дервишизм.* — Ев. Смирнов, *Дервишизм в Туркестане*, Ташкент, 1898 [отд. отт. из: ТВ, 1898, № 55 (26. VII/7. VIII); 56 (30.VII/11. VIII); 57 (2/14. VIII); 58 (6/18. VIII)]; то же: «Сборник материалов по мусульманству», под ред. В. И. Ярового-Равского, СПб., 1899, стр. 49—71.

Смирнов, *Древности.* — Е. Смирнов, *Древности в окрестностях г. Ташкента*, — «Средняя Азия. Научно-литературный сборник статей по Средней Азии», под ред. Е. Т. Смирнова, Ташкент, 1896, стр. 111—136.

Смирнова, *К истории самаркандского договора.* — О. И. Смирнова, *К истории самаркандского договора 712 г.*, — КСИВ, вып. XXXVIII, 1960, стр. 69—79.

Соколова—Грюнберг, *История.* — В. С. Соколова, А. Л. Грюнберг, *История изучения бесписьменных иранских языков*, — сб. «Очерки по истории изучения иранских языков», М., 1962, стр. 118—147.

Сокровенное сказание, пер. Кафарова. — *Старинное монгольское сказание о Чингисхане.* [Перевел с китайского, с примечаниями, архимандрит Палладий], — ТЧРДМ, т. IV, СПб., 1866, стр. 3—258.

Ставиский, *Хионитская гемма.* — Б. Я. Ставиский, *Хионитская гемма-печать*, — СГЭ, вып. XXVI, 1961, стр. 54—56.

Сталь-Гольстейн, *Сюань-Дзан.* — А. фон-Сталь-Гольстейн, *Сюань-Дзан и результаты современных археологических исследований*,—ЗВОРАО, т. XX, 1912, стр.09—022.

Степной, *Марко Поло.* — Ет. Степной, *Марко Поло о Средней Азии*, — «Средняя Азия. Научно-литературный сборник статей по Средней Азии», под ред. Е. Т. Смирнова, Ташкент, 1896, стр. 1—34.

Строева, *Борьба кочевой и оседлой знати.* — Л. В. Строева, *Борьба кочевой и оседлой знати в Чагатайском государстве в первой половине XIV в.*, — «Памяти академика Игнатия Юлиановича Крачковского. Сборник статей», [Л.], 1958, стр. 206—220.

Строева, *Возникновение государства Тимура.* — Л. В. Строева, *Возникновение государства Тимура*, — «Уч. зап. ЛГУ», № 128, серия востоковедческих наук, вып. 3, История и филология стран Востока, [Л.], 1952, стр. 64—87.

Строева, *Сербедары.* — Л. В. Строева, *Сербедары Самарканда*, — «Уч. зап. ЛГУ», № 98, серия востоковедческих наук, вып. 1, [Л.], 1949, стр. 270—281.

Сухарева, *К вопросу об исторической топографии Бухары.* — О. А. Сухарева, *К вопросу об исторической топографии Бухары X—XII вв. (Городские стены и ворота)*, — ТИИАЭ АН ТаджССР, т. XXVII, Сталинабад, 1954, стр. 25—40.

Сухарева, *К истории.* — О. А. Сухарева, *К истории городов Бухарского ханства (историко-этнографические очерки)*, Ташкент, 1958.

Сюань Цзан, пер. Била. — *Si-Yu-Ki. Buddhist records of the Western world.* Transl. from the Chinese of Hiuen Tsiang (A. D. 629) by S. Beal, vol. I—II, London, 1906 (Trübner's Oriental Series).

Сюань Цзан, пер. Жюльена. — *Mémoires sur les contrées occidentales*, traduits du sanscrit en chinois, en l'an 648, par Hiouen-thsang, et du chinois en français, par S. Julien, t. I—II, Paris, 1857—1858 (Voyages de pèlerins bouddhistes. II—III).

Та'ашшук-нāме. — *Та'ашшук-нāме*, рук. Брит. муз. Add. 7914, лл. 273б—289б.

Ṭабақāт-и Нāṣирӣ — см. Джузджани.

Табари.— *Annales* quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari cum aliis ed. M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, series I, t. I—VI, 1879—1890; series II, t. I—III, 1881—1889; series III, t. I—IV, 1879—1890; *Introductio, glossarium, addenda et emendanda*, 1901; *Indices*, 1901.

Табари, пер. Нёльдеке.— *Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden.* Aus der arabischen Chronik des Tabari übers. und mit ausführlichen Erläuterungen und Ergänzungen versehn von Th. Nöldeke, Leyden, 1879.

Тавāрūх-и (гузūде-йи) нуçрат-нāме.— Тавāрūх-и гузūде-йи нуçрат-нāме, рук. ИНА В 475 (590).

Тагирджанов, *Описание.*— А. Т. Тагирджанов, *Описание таджикских и персидских рукописей восточного отдела библиотеки ЛГУ*, т. 1, *История, биография, география*, [Л.], 1962.

Тāдж ал-'арūс.— شرح القاموس المسمى تاج العروس من جواهر القاموس للامام اللغوى محب الدين ابى الفيض السيد محمد مرتضى الحسينى الواسطى الزبيدى الحنفى، جلد ١ — ١٠، [القاهرة]، ١٣٠٦ — ١٣٠٧ [=1888—1890].

Тадж ас-Сальмани.— *Šams al-ḥusn. Eine Chronik vom Tode Timurs bis zum Jahre 1409* von Tāǧ as-Salmānī. Persischer Text in Faksimile (Hs. Lālā Isma'īl Efendi 304), ins Deutsche übertragen und kommentiert von H. R. Roemer, Wiesbaden, 1956 (Akademie der Wissenschaften und der Literatur. Veröffentlichungen der orientalischen Kommission, Bd III).

Та'рūх-и Абūлхайр-хāнū.— Мас'уд б. Осман ал-Кухистани, *Та'рūх-и Абūлхайр-хāнū*, рук. ЛГУ № 852.

Та'рūх-и Бейхак, изд. Бахманйара.— تاريخ بيهق تأليف ابو الحسن على بن زيد بيهقى معروف بابن فندق با تصحيح وتعليقات احمد بهمنيار، [تهران]، ١٣١٧ خورشيدى [=1938].

Та'рūх-и Бейхак, рук.— Абу-л-Хасан Али Бейхаки (Ибн Фундук), *Та'рūх-и Бейхак*, рук. Брит. муз. Or. 3587.

Та'рūх-и каçūра — см. *Та'рūх-и Рāқимū.*

Та'рūх-и Рāқимū.— *Та'рūх-и Рāқимū*, рук. ЛГУ № 949.

Та'рūх-и Рашūдū — см. Мухаммед-Хайдер.

Та'рūх-и хайрāт — см. Мусеви.

Терентьев, *История завоевания Средней Азии.*— М. А. Терентьев, *История завоевания Средней Азии*, т. I—III, СПб., 1906.

Толстов, *Древний Хорезм.*— С. П. Толстов, *Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования*, М., 1948.

Толстов, *Новогодний праздник «каландас».*— С. П. Толстов, *Новогодний праздник «каландас» у хорезмийских христиан начала XI века (В связи с историей хорезмийско-хазарских отношений). Из историко-этнографических комментариев к ал-Бируни*,— СЭ, 1946, № 2, стр. 87—108.

Толстов, *По следам.*— С. П. Толстов, *По следам древнехорезмийской цивилизации*, М.—Л., 1948.

«Тохарские языки».—«Тохарские языки». Сб. статей. Под ред. и с вступит. статьей В. В. Иванова, М., 1959.

Тревер, *Памятники.*— К. В. Тревер, *Памятники греко-бактрийского искусства*, М.—Л., 1940. (Памятники культуры и искусства в собраниях Эрмитажа. I).

Туманский, *Новооткрытый персидский географ.*— А. Г. Туманский, *Новооткрытый персидский географ X столетия и известия его о славянах и руссах*,— ЗВОРАО, т. X, 1897, стр. 121—137.

Умняков, *Абдулла-намэ.*— И. И. Умняков, *Абдулла-намэ Хафизи-Таныша и его исследователи*,— ЗКВ, т. V, 1930, стр. 307—328.

Умняков, *Архитектурные памятники.*— И. И. Умняков, *Архитектурные памятники Средней Азии. Исследование. Ремонт. Реставрация. 1920—1928 гг.*, Ташкент, 1929.

Умняков, *В. В. Бартольд.*— И. И. Умняков, *В. В. Бартольд (По поводу 30-летия профессорской деятельности)*, — «Бюлл. САГУ», вып. 14, Ташкент, 1926, стр. 175—202.

Умняков, *К вопросу об исторической топографии.*— И. Умняков, *К вопросу об исторической топографии средневековой Бухары*,—«Ал-Искендерийя», стр. 148—157.

Умняков, *Международные отношения.*— И. И. Умняков, *Международные отношения Средней Азии в начале XV века. Сношения Тимура с Византией и Францией*,—«Труды УзГУ», н. с., вып. 61, Исторический фак-т, Самарканд, 1956, стр. 179—200.

Умняков, *Некоторые сведения.*— И. Умняков, *Некоторые сведения из «Абдулланамэ» Хафизи-Таныша (XVI в.)*,—«Труды Самаркандского Гос. пед. ин-та им. А. М. Горького», т. II, вып. 2, 1941, стр. 1—12.

Утби, рук.— Абу Наср ал-Утби, *Та'рӣх ал-Йамӣнӣ*, рук. ИНА С 342 (510).

Утби — Манини.— شرح اليمينى المسمى بالفتح الوهبى على تاريخ أبى نصر العتبى للشيخ المنينى، [القاهرة، ١٢٦٨] [=1869].

Фалев, *Пословицы.*—*Пословицы, поговорки и приметы крымских татар*, собранные А. А. Боданинским, Э. Л. Мартино и О. Мурасовым. Под ред. А. Н. Самойловича и П. А. Фалева, [предисл. П. А. Фалева], Симферополь, 1914 (отд. отт. из: «Изв. Таврической ученой архивной комиссии», № 52, Симферополь, 1915, стр. 1—67).

Фасих, изд. Фарроха.— مجمل فصيحى مؤلّف فصيح احمد بن جلال الدين خوافى به تصحيح و تحشيه محمود فرخ، مشهد، ١٣٤٠ ش [=1961].

Фасих, рук.— *Муджмал-и Фасӣхӣ*, рук. ИНА В 709 (581a).

Фахр ад-дин Али Сафи — см. *Рашаҳат*.

Фихрист.— *Kitâb al-Fihrist.* Mit Anmerkungen hrsg. von G. Flügel, nach dessen Tode besorgt von J. Roediger und A. Müller. Bd I: den Text enthaltend, von J. Roediger, Leipzig, 1871; Bd II: die Anmerkungen und Indices enthaltend, von A. Müller, Leipzig, 1872.

Хаджи Халифа.— كشف الظنون عن اسامى الكتب والفنون *Lexicon bibliographicum et encyclopaedicum* a Mustafa Ben Abdallah Katib Jelebi dicto et nomine Haji Khalfa celebrato compositum. Ad codicum Vindobonensium, Parisiensium et Berolinensis fidem primum edidit, latine vertit et commentario indicibusque instruxit G. Flügel, t. I—VII, Leipzig und London, 1835—1858 (OTF).

Хайтон — см. Хетум.

Хакани, *Дӣвӣн.*— ديوان حسّان العجم افضل الدين ابراهيم بن على خاقانى شروانى بتصحيح وتحشيه وتعليقات على عبد الرسولى، [تهران]، ١٣١٦ — [١٣١٧] [= 1937 — 1938].

Халиль аз-Захири.— Khalil ed-Dâhiry, *Zoubdat Kachf el-Mamâlik. Tableau politique et administratif de l'Égypte, de la Syrie et du Ḥidjâz sous la domination des sultans Mamloûks du XIIIe au XVe siècle.* Texte arabe, publié par P. Ravaisse, Paris, 1894 (PÉLOV, IIIe sér., vol. XVI).

Хамдаллах Казвини, *Нузхат ал-қулӯб*, бомбейское изд.— كتاب نزهت القلوب من تاليف عالم فاضل حمد الله مستوفى القزوينى، [بمبئى، ١٣١١] [=1893-94].

Хамдаллах Казвини, *Нузхат ал-қулӯб*, изд. Ле Стрэнджа.— *The geographical part of the Nuzhat-al-Qulūb* composed by Ḥamd-Allāh Mustawfī of Qazwīn in 740 (1340). Ed. by G. Le Strange, Leyden — London, 1915; transl. by G. Le Strange, Leyden — London, 1919 (GMS, XXIII, 1—2).

Хамдаллах Казвини, *Нузхат ал-қулӯб*, рук. — Хамдаллах Казвини, *Нузхат ал-қулӯб*, рук. ЛГУ № 60; рук. ЛГУ № 171.

Хамдаллах Казвини, *Та'рӣх-и гузӣде*, изд. Броуна.— *The Ta'rikh-i-Guzida or "Select History"* of Ḥamdu'lláh Mustawfí-i-Qazwíní compiled in A. H. 730 (A. D. 1330), and now reproduced in fac-simile from a manuscript dated A. H. 857 (A. D. 1453), with an introduction by E. G. Browne. Vol. I, containing the text, Leyden — London, 1910 (GMS, XIV, 1).

Хамдаллах Казвини, *Та'рӣх-и гузӣде*, рук.— Хамдаллах Казвини, *Та'рӣх-и гузӣде*, рук. ЛГУ № 153.

Хамид Сулейман, *Исследование лирики Навои.*— Хамид Сулейман, *Текстологическое исследование лирики Алишера Навои* (автореф. докт. дисс.), Ташкент, 1961.

Ханыков, *Описание Бухарского ханства.*— Н. Ханыков, *Описание Бухарского ханства*, СПб., 1843.

Хафиз-и Абру, извлеч. в изд. Майтра.— *A Persian Embassy to China*; being an extract from Zubdatu't Tawarikh of Hafiz Abru, transl. [and ed.] by K. M. Maitra, Lahore, 1934.

Хафиз-и Абру, извлеч. в изд. Шафи'.— سفر نامهٔ چین سنه ۱٤۱۹ تا سنه ۱٤۲۲ یعنی مضمون ومحصل روزنامچهٔ خواجه غیاث الدین نقاش ایلچی بایسنغر میرزا بن شاهرخ... که حافظ ابرو در زبدة التواریخ درج نموده [بتصحیح محمد شفیع],—«Oriental College Magazine», Lahore, vol. VII, № 1, 1930, pp. 1—66.

Хафиз-и Абру, *Маджму'а*, извлеч. в изд. Тауэра.— *Cinq opuscules de Ḥāfiẓ-i Abrū concernant l'histoire de l'Iran au temps de Tamerlan.* Édition critique par F. Tauer, Prague, 1959 [AOr, Supplementa, V (1959)].

Хафиз-и Абру, рук.— Хафиз-и Абру, рук. ГПБ Дорн 290; рук. ГПБ Дорн 268; оксфорд. рук. Elliot 422 (Sachau—Ethé, *Catalogue*, p. 90); рук. Ind. Off. Ethé 171.

Хафиз-и Таныш, *'Абдулла-наме.*— Хафиз-и Таныш, *'Абдулла-наме*, рук. ИНА D 88 (574 age).

Хвольсон, *Надписи.*— Д. Хвольсон, *Сирийско-тюркские несторианские надгробные надписи XIII и XIV столетий, найденные в Семиречье*,—«Восточные заметки. Сборник статей и исследований профессоров и преподавателей Факультета восточных языков Имп. С.-Петербургского университета», СПб., 1895, стр. 115—129.

Хвостов, *История восточной торговли.*— М. Хвостов, *История восточной торговли греко-римского Египта (332 г. до Р. Х.—284 г. по Р. Х.)*, Казань, 1907 (Исследования по истории обмена в эпоху эллинистических монархий и Римской империи).

Хетум.— Haithoni Armeni *Historia Orientalis.* Quae eadem & De Tartaris inscribitur, [ed. A. Mülleri Greiffenhagii], Coloniae Brandenburgicae, 1671 (издано в одном перепл. с кн.: Marci Pauli Veneti, Historici fidelissimi juxta ac praestantissimi, *De Regionibus Orientalibus Libri III...*, Coloniae Brandenburgicae, 1671).

Хилаль ас-Саби, *Вузара'.— The historical remains of Hilâl al-Sâbi. First part of his Kitab al-Wuzara (Gotha Ms. 1756) and fragment of his History 389—393 A. H. (B. M. Ms, add. 19360).* Ed. with notes and glossary by H. F. Amedroz, Leyden, 1904.

Хондемир, бомбейское изд. — حبیب السیر فی اخبار افراد البشر تالیف غیاث الدین بن همام الدین الحسینی المدّعو بخواندمیر، جلد ۱—۲، [بمبئی]، ۱۲۷۳ [=1857].

Хондемир, тегеран. изд.— کتاب مستطاب حبیب السیر مرقوم رقم... غیاث الدین

بن همام الدين الشهير بخواند امير...، جلد ۱—۳، طهران، ۱۲۷۰ — ۱۲۷۱ .[=1853—1855; литогр.]

Хорезми, *Мафатих.*— *Liber Mafâtîh al-olûm explicans vocabula technica scientiarum tam arabum tam peregrinorum* auctore Abû Abdallah Mohammed ibn Ahmed ibn Jûsof al-Kâtib al-Khowarezmi. Ed., indices adjecit G. van Vloten, Lugduni-Batavorum, 1895.

Худуд ал-'алам.— *Худуд ал-'алам*, рук. ИНА С 612 (605а); факс. изд.: *Худуд ал-'алем. Рукопись Туманского.* С введением и указателем В. Бартольда, Л., 1930.

Худуд ал-'алам, пер. Минорского.— *Ḥudūd al-'Ālam. 'The Regions of the World'. A Persian Geography 372 A. H.—982 A. D.* Transl. and explained by V. Minorsky. With the preface by V. V. Barthold († 1930) transl. from the Russian, London, 1937 (GMS NS, XI).

Чан-чунь, пер. Кафарова.— *Си ю цзи, или описание путешествия на Запад.* [Перевел с китайского, с примечаниями, архимандрит Палладий],— ТЧРДМ, т. IV, СПб., 1866, стр. 259—436.

Чехович, *О грамотах.*— О. Д. Чехович, *К вопросу о грамотах Ходжи Ахрара,*— ИЗ, т. 29, 1949, стр. 236—243.

Чехович, *Оборона Самарканда.*— О. Д. Чехович, *Оборона Самарканда в 1454 году,*— ИАН УзССР, СОН, 1960, № 4, стр. 36—44.

Шаджарат ал-атрāк, пер. Майлса.— *The Shajrat ul-Atrak, or genealogical tree of the Turks and Tatars*; transl. and abridged by Col. Miles, London, 1838.

Шаджарат ал-атрāк, рук.— *Шаджарат ал-атрāк*, рук. Брит. муз. Add. 26190.

Шамс ал-хусн — см. Тадж ас-Сальмани.

Шарафуддинов, *Навои.*— А. Шарафутдинов, *Алишер Навои*, Ташкент, 1939; изд. 2-е [с подзаг.: Биографический очерк. Пер. М. А. Салье]: Ташкент, 1948.

Шахристани, пер. Хаарбрюкера.— Abu-'l-Fath' Muh'ammad asch-Schahrastâni's *Religionspartheien und Philosophen-Schulen.* Zum ersten Male vollständig aus dem Arabischen übers. und mit erklärenden Anmerkungen versehen von T. Haarbrücker, T. I—II, Halle, 1850—1851.

Шахурин, *Еще раз о погребении Тимура.*— К. А. Шахурин, *Еще раз о погребении Тимура,*—«Материалы по истории Узбекистана» (АН УзССР. Музей истории), Ташкент, 1963, стр. 114—122.

Шереф ад-дин Йезди.— *The Ẓafarnámah* by Maulánā Sharfuddín [sic] 'Alí of Yazd. Ed. by Maulawí Muḥammad Iláhdád, vol. I—II, Calcutta, 1887—1888.

Шереф ад-дин Йезди, пер. Пети де ля Круа.— *Histoire de Timur-Bec, connus sous le nom du Grand Tamerlan, Empereur des Mogols et Tartares.* Ecrite en Persan par Cherefeddin Ali, natif d'Yezd, Auteur contemporain. Traduite en François par feu M. Petis de la Croix... Avec des Notes Historiques, & des Cartes Geographiques, t. I—IV, Delf, 1723.

Шереф ад-дин Йезди, рук.— Шереф ад-дин Йезди, *Зафар-нāме*, рук. ИНА С 393 (568); рук. Брит. муз. 6538; рук. Брит. муз. 18406; ташкент. рук. 1520/I (14ª). См. также *Муқаддама-йи Зафар-нāме.*

Шишкин, *Археологические работы в мечети Магоки-Аттари.*— В. А. Шишкин, *Археологические работы в мечети Магоки-Аттари в Бухаре,*— ТИИА АН УзССР, вып. 7. Материалы по археологии Узбекистана, Ташкент, 1955, стр. 29—60.

Шишкин, *Археологические работы 1937 г.*— В. А. Шишкин, *Археологические работы 1937 г. в западной части Бухарского оазиса*, Ташкент, 1940.

Шишкин, *Архитектурные памятники.*— В. А. Шишкин, *Архитектурные памятники Бухары*, Ташкент, 1936.

Шишкин, *Варахша.*— В. А. Шишкин, *Варахша*, М., 1963.

Шишкин, *Гури-Эмир.*— В. А. Шишкин, *Гури-Эмир*,—«Бюлл. АН УзССР», Ташкент, 1946, № 2, стр. 24—27.

Шишкин, *Медресе Улугбека.*— В. А. Шишкин, *Медресе Улугбека в Гиждуване*,— «Материалы Узкомстариса», вып. 2—3, Ташкент, 1933, стр. 11—18.

Шишкин, *Мечеть Магаки-Аттари.*— В. А. Шишкин, *Мечеть Магаки-Аттари в Бухаре*,— ТИИА АН УзССР, т. I. Материалы по археологии Узбекистана, Ташкент, 1948, стр. 3—21.

Шишкин, *Обсерватория.*— В. А. Шишкин, *Обсерватория Улугбека и ее исследование*,—ТИИА АН УзССР, т. V. Обсерватория Улугбека, Ташкент, 1953, стр. 3—100.

Шкапский, *Аму-дарьинские очерки.*— О. Шкапский, *Аму-дарьинские очерки. К аграрному вопросу на нижней Аму-дарье*, Ташкент, 1900.

Шмидт, *Введение.*— П. П. Шмидт, *Лингвистическое введение в изучение китайского языка*,—«Изв. Восточного ин-та», т. II. 1900—1901 академич. год, вып. IV, Владивосток, 1901, стр. 359—463.

Шмидт, *Опыт мандаринской грамматики.*— П. Шмидт, *Опыт мандаринской грамматики с текстами для упражнений. Пособие к изучению разговорного китайского языка пекинского наречия*, Владивосток, 1902.

Юань-чао би-ши — см. *Сокровенное сказание.*

Юсуф Баласагунский—см. *Кутадгу билик.*

Я'куби, *Китāб ал-булдāн.*— *Kitâb al-a'lâk an-nafîsa VII* auctore Abû Alî Ahmed ibn Omar ibn Rosteh et *Kitâb al-boldân* auctore Ahmed ibn abî Jakûb ibn Wâdhih al-Kâtib al-Jakûbî, [ed. M. J. de Goeje], edit. 2, Lugduni Batavorum, 1892 (BGA, VII) [Я'куби — стр. 231—373].

Я'куби, *Та'рāх.*— Ibn Wādhih qui dicitur al-Ja'qubī, *Historiae*. Ed. M. Th. Houtsma, pars 1, historiam ante-islamicam continens; pars 2, historiam islamicam continens, Lugduni Batavorum, 1883.

Якубовский, *Археологическая экспедиция.* — А. Ю. Якубовский, *Археологическая экспедиция в Зарафшанскую долину 1934 г. (Из дневника начальника экспедиции)*, — ТОВЭ, т. II, 1940, стр. 113—164.

Якубовский, *Восстание Тараби.* — А. Якубовский, *Восстание Тараби в 1238 г. (К истории крестьянских и ремесленных движений в Средней Азии)*, — «Доклады группы востоковедов на сессии Академии наук СССР 20 марта 1935 г.», М.—Л., 1936 (ТИВАН, XVII), стр. 101—135.

Якубовский, *Краткий отчет.* — А. Ю. Якубовский, *Краткий полевой отчет о работах Зарафшанской археологической экспедиции Эрмитажа и ИИМК в 1939 г.*, — ТОВЭ, т. II, 1940, стр. 51—70.

Якубовский, *Тимур.* — А. Якубовский, *Тимур (Опыт краткой характеристики)*, — ВИ, 1946, № 8—9, стр. 42—74.

Якубовский, *Черты общественной жизни.* — А. Ю. Якубовский, *Черты общественной и культурной жизни эпохи Алишера Навои*, — «Алишер Навои». Сб. статей под ред. А. К. Боровкова, М. — Л., 1946, стр. 5—30.

Якут, *Му'джам.* — *Yacut's geographisches Wörterbuch*, aus den Handschriften zu Berlin, St. Petersburg, Paris, London und Oxford... hrsg. von F. Wüstenfeld, Bd I—VI, Leipzig, 1866—1873.

Adnan, *Ali Kuşçu.* — A. Adnan, *Ali Kuşçu*, — İA, c. 1, ss. 321—323.

Andreas, *Zwei soghdische Exkurse.* — F. C. Andreas, *Zwei soghdische Exkurse zu*

Vilhelm Thomsens: Ein Blatt in türkischer Runenschrift, — SBAW Berl., 1910, H. XV, S. 307—314.

Arat, *Hakîm Ata.* — R. R. Arat, *Hakîm Ata*, — İA, c. 5, ss. 101—103.

Arendt, *Synchronistische Regententabellen*, I—III. — C. Arendt, *Synchronistische Regententabellen zur Geschichte der chinesischen Dynastien*, — MSOS, Abt. 1, Jg. II, 1899, S. 152—250; Jg. III, 1900, S. 1—164; Jg. IV, 1901, S. 114—170.

Assemani *Bibliotheca Orientalis.* — *Bibliotheca Orientalis Clementino-Vaticana in qva Manuscriptos Codices Syriacos, Arabicos, Persicos, Turcicos, Hebraicos, Samaritanos, Armenicos, Aethiopicos, Graecos, Aegypticos, Ibericos & Malabaricos, jussu et munificentia Clementis XI. Pontificis Maximi. Ex Oriente conquisitos, comparatos, avectos, et Bibliothecae Vaticanae addictos.* Recensuit, digessit, & genuina scripta à spuriis secrevit, addita singulorum auctorum vita, J. S. Assemanus, t. I, *De Scriptoribus Syris Orthodoxis*, Romae, 1719; t. II, *De Scriptoribus Syris Monophysitis*, Romae, 1721; t. III, *De Scriptoribus Syris Nestorianis*, pars 1—2, Romae, 1725—1728.

Aubin, *Matériaux.* — *Matériaux pour la biographie de Shah Ni'matullah Wali Kermani.* Textes persans publiés avec une introduction par J. Aubin, Teheran—Paris, 1956 (Bibliothèque iranienne. Dir.: H. Corbin. Vol. 7).

Barhebraei *Chronicon ecclesiasticum.* — Gregorii Barhebraei *Chronicon ecclesiasticum* quod e codice Musei Britannici descriptum conjuncta opera ediderunt, latinitate donarunt, annotationibusque theologicis, historicis, geographicis et archaeologicis illustrarunt J. B. Abbeloos et Th. J. Lamy, t. I—III, Lovanii (Parisiis—Lovanii), 1872—1877.

Barthold, *'Abd al-Razzāḳ.* — W. Barthold, *'Abd al-Razzāḳ Kamāl al-Dīn b. Isḥāḳ al-Samarḳandī*, — EI, I, S. 67—68. [Наст. изд., т. VIII.]

arthold. *Abū'l-Ḫair.* — W. Barthold, *Abū'l-Ḫair*, — EI, I, S. 101—102. [Наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 489—490].

Barthold, *Die alttürkischen Inschriften.* — W. Barthold, *Die alttürkischen Inschriften und die arabischen Quellen*, — в кн.: W. Radloff, *Die alttürkischen Inschriften der Mongolei*, Zweite Folge, St.-Pbg., 1899, S. 1—29 (разд. паг.). [Наст. изд., т. V.]

Barthold, *Badakhshān.* — W. Barthold, *Badakhshān*, — EI, I, S. 574—576. [Наст. изд., т. III.]

Barthold, *Barmakiden.* — W. Barthold, *Barmakiden*, — EI, I, S. 691—693. [Наст. изд., т. VII.]

Barthold, *Burḥān.* — W. Barthold, *Burḥān*, — EI, I, S. 831—832. [Наст. изд., т. II, ч. 2, стр. 515—518.]

Barthold, *Čingiz-Ḫān*, — W. Barthold, *Čingiz-Ḫān*, — EI, I, S. 892—898. [Наст. изд., т. V.]

Barthold, *Four studies.* — V. V. Barthold, *Four studies on the history of Central Asia.* Transl. from the Russian by V. and T. Minorsky, vol. I. [*A short history of Turkestan. History of the Semirechyé*], Leiden, 1956 (repr.: 1962); vol. II. *Ulugh-beg*, Leiden, 1958 (repr.: 1962); vol. III. *Mir 'Alī-Shīr. History of the Turkman people*, Leiden, 1962.

Barthold, *Ḥāfiẓ-i Abrū.* — W. Barthold, *Ḥāfiẓ-i Abrū*, — EI, II, S. 225—226. [Наст. изд., т. VIII.]

Barthold, *Herāt.* — W. Barthold, *Herāt unter Ḥusein Baiqara, dem Timuriden.* Deutsche Bearbeitung von W. Hinz, Leipzig, 1938 (AKM, Bd XXII, № 8).

Barthold, *Die historische Bedeutung.* — W. Barthold, *Die historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften*, — в кн.: W. Radloff, *Die alttürkischen Inschriften der Mongolei*, Neue Folge, St.-Pbg., 1897, S. 1—36 (разд. паг.).

Barthold, *Nachrichten.* — W. Barthold, *Nachrichten über den Aral-See und den unteren Lauf des Amu-Darja von den ältesten Zeiten bis zum 17. Jahrhundert.* Deutsche Ausgabe mit Berichtigungen und Ergänzungen vom Verfasser. Übers. von H. v. Foth, Leipzig, 1910.

Barthold, *Šu'ūbīja.* — W. Barthold, *Die persische Šu'ūbīja und die moderne Wissenschaft,* — ZA, Bd XXVI (Festschrift für Ignaz Goldziher), 1912, S. 249—266. [Наст. изд., т. VII.]

Barthold, *Tādjīk.* — W. Barthold, *Tādjīk,*—EI, IV, S. 647—648. [Наст. изд., т. II, ч. 1, стр. 469—470.]

Barthold, *Turkestan.* — W. Barthold, *Turkestan down to the Mongol invasion,* 2d ed., transl. from the original Russian and revised by the author with the assistance of H. A. R. Gibb, London, 1928 (GMS NS, V); 2d ed.: London, 1958.

Barthold, *Ulug Beg.* — W. Barthold, *Ulug Beg und seine Zeit.* Deutsche Bearbeitung von W. Hinz, Leipzig, 1935 (AKM, Bd XXI, № 1).

Barthold, *Zur Geschichte der Ṣaffāriden.* — W. Barthold, *Zur Geschichte der Ṣaffāriden,* — «Festschrift Nöldeke», Bd I, S. 171—191. [Наст. изд., т. VII.]

Barthold, *Zur Geschichte des Christentums.* — W. Barthold, *Zur Geschichte des Christentums in Mittel-Asien bis zur mongolischen Eroberung.* Berichtigte und vermehrte deutsche Bearbeitung von R. Stübe, Tübingen, 1901.

Barthold, *12 Vorlesungen.* — W. Barthold, *12 Vorlesungen über die Geschichte der Türken Mittelasiens.* Deutsche Bearbeitung von Th. Menzel, Berlin, 1935 (Beiband zu WI, Bd 14—17, 1932—1935). [Наст. изд., т. V.]

Behr, *De Apollodori reliquis.* — A. Behr, *De Apollodori Artamiteni reliquis atque aetate* (diss.), Argentorati, 1888.

Belin, *Moralistes.* — M. Belin, *Moralistes orientaux. Caractères, maximes et pensées de Mir Ali Chîr Névâïi,* — JA, sér. 6, t. VII, 1866, pp. 523—552; t. VIII, 1866, pp. 126—154.

Belin, *Notice.* — M. Belin, *Notice biographique et littéraire sur Mir Ali-Chîr-Névâïi, suivie d'extraits tirés des oeuvres du même auteur,* — JA, sér. 5, t. XVII, 1861, pp. 175—256, 281—357.

Benveniste, *Inscriptions.* — E. Benveniste, *Inscriptions de Bactriane,* — JA, t. CCXLIX, 1961, pp. 113—152.

Benveniste, *Lexique.* — *Un lexique du yagnobi,* publié par E. Benveniste, — JA, t. CCXLIII, 1955, pp. 139—162.

Bernstein—Kirsch, *Chrestomathia syriaca.* — G. G. Kirschii, *Chrestomathia syriaca cum lexico.* Denuo edidit G. H. Bernstein, pars prior. *Chrestomathia ex codicibus manuscriptis emandata et aucta,* Lipsiae, 1832; pars posterior. *Lexicon penitus novatum,* Lipsiae, 1836.

A. Beveridge, *Abū Sa'īd.* — A. S. Beveridge, *Abū Sa'īd,* — EI, I, S. 111—112.

H. Beveridge, *Rashahat.* — H. Beveridge, *The Rashahat-i-'Ainal-Hayat (Tricklings from the fountain of life),* — JRAS, 1916, pp. 59—75.

Biberstein Kazimirski, *Menoutchehri* — см. Менучехри.

Bleichsteiner, *Trinksitten.* — R. Bleichsteiner, *Zeremonielle Trinksitten und Raumordnung bei den turko-mongolischen Nomaden,*— «Archiv für Völkerkunde», Bd VI/VII, Wien, 1951/1952, S. 181—208.

Blochet, *Catalogue BN.* — E. Blochet, *Catalogue des manuscrits persans de la Bibliothèque Nationale,* t. I—IV, Paris, 1905—1934.

Blochet, *Les inscriptions.* — E. Blochet, *Les inscriptions de Samarkand. I. Le Goûr-i Mir,* گور میر, *ou tombeau de Tamerlan,* — «Revue archéologique», sér. 3, t. XXX, Paris, 1897, pp. 67—77, 202—231; то же: отд. отт.

Blochet, *Introduction.* — E. Blochet, *Introduction à l'histoire des Mongols de Fadl Allah Rashid ed-Din,* Leyden—London, 1910 (GMS, XII).

Bouvat, *Les Barmécides.* — L. Bouvat, *Les Barmécides d'après les historiens arabes et persans*, Paris, 1912.

Bouvat, *Essai.* — L. Bouvat, *Essai sur la civilisation Timouride*, — JA, t. CCVIII, 1926, pp. 193—299.

Bretschneider, *Researches.* — E. Bretschneider, *Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources. Fragments towards the knowledge of the geography and history of Central and Western Asia from the 13th to the 17th century*, vol. I—II, London, 1888; 2d. ed.: 1910.

Brockelmann, GAL. — C. Brockelmann, *Geschichte der arabischen Litteratur*, Bd I—II, Weimar—Berlin, 1898—1902; Supplementbände I—III, Leiden, 1937—1942; Zweite, den Supplementbänden angepasste Aufl., Bd I—II, Leiden, 1943—1949.

Browne, *A Literary History.* — E. G. Browne, *A Literary History of Persia*, vol. I. *From the Earliest Times until Firdawsí*, Cambridge, 1902; vol. II. *From Firdawsí to Sa'dí*, Cambridge, 1906; [vol. III]. *A History of Persian Literature under Tartar dominion (A. D. 1265—1502)*, Cambridge, 1920; [vol. IV]. *A History of Persian Literature in modern times (A. D. 1500—1924)*, Cambridge, 1924.

L. Browne, *The eclipse.* — L. E. Browne, *The eclipse of Christianity in Asia. From the time of Muhammad till the Fourteenth Century*, Cambridge, 1933.

Buchon—Tastu, *Atlas en langue catalane.* — J. A. S. Buchon et J. Tastu, *Notice d'un Atlas en langue catalane, manuscrit de l'an 1375, conservé parmi les manuscrits de la Bibliothèque royale sous le № 6816, fonds ancien, in-folio maximo*, —Notices et extraits, t. XIV, pt. 2, 1841, pp. 1—152.

Catalogus LB. — *Catalogus codicum orientalium Bibliothecae Academiae Lugduno Batavae*, vol. I—II, auctore R. P. A. Dozy, Lugduni Batavorum, 1851; vol. III, auctoribus P. de Jong et M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1865: vol. IV, auctoribus P. de Jong et M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1866; vol. V, auctore M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1873; vol. VI, auctore M. Th. Houtsma, Lugduni Batavorum, 1877.

Charpentier, *Die Stellung.* — J. Charpentier, *Die ethnographische Stellung der Tocharer*, — ZDMG, Bd 71, 1917, S. 347—388.

Chavannes, *Documents.*—*Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux.* Recueillis et commentés par Éd. Chavannes, St.-Pbg., 1903 (Сб. трудов Орхонской экспедиции. VI).

Chavannes, *Le nestorianisme.* — Éd. Chavannes, *Le nestorianisme et l'inscription de Kara-balgassoun*, — JA, sér. 9, t. IX, 1897, pp. 43—85.

Chavannes, RHR, vol. XLV [pp. 123—124]. — E. Chavannes, [рец. на:] W. Barthold, Zur Geschichte des Christentums in Mittel-Asien bis zur mongolischen Eroberung. Berichtigte und vermehrte deutsche Bearbeitung von R. Stübe, Tübingen, 1901, — RHR, vol. XLV, 1902, pp. 123—124.

Chavannes—Pelliot, *Un traité.* — *Un traité Manichéen retrouvé en Chine*, traduit et annoté par Éd. Chavannes et P. Pelliot, pt. I, — JA, sér. 10, t. XVIII, 1911, pp. 499—617; pt. II, — JA, sér. 11, t. I, 1913, pp. 99—199, 261—394. То же: отд. отт., pt. I—II, Paris, 1911—1913 [I—pp. 1—121, II—pp. 123—369].

Christ, *Griechische Litteratur.* — W. Christ, *Geschichte der griechischen Litteratur bis auf die Zeit Justinians*, 3.verm. u. verb. Aufl., München, 1898 (Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft hrsg. von J. v. Müller. Bd VII).

Christensen, *L'empire des Sassanides.* — A. Christensen, *L'empire des Sassanides. Le peuple, l'état, la cour*, København, 1907 (Det Kgl. Danske Videnskabernes Selskabs Skrifter, 7. Raekke, historisk og filosofisk Afdeling, I, № 1).

Christensen, *Die Moschee Māḫ.* — A. Christensen, *Die Moschee* ڇاښ *in Buḫārā*,— OLZ, 7. Jg., 1904, Sp. 49—52.

Chwolson, *Grabinschriften.* — *Syrisch-nestorianische Grabinschriften aus Semirjetschie*,

hrsg. und erklärt von D. Chwolson. Nebst einer Beilage: Über das türkische Sprachmaterial dieser Grabinschriften vom... W. Radloff, St.-Pbg., 1890 (Mémoires de l'Académie Imp. des Sciences de St.-Pétersbourg, VIIe sér., t. XXXVII, № 8).

Chwolson, *Grabinschriften*, N. F. — *Syrisch-nestorianische Grabinschriften aus Semirjetschie*. Hrsg. und erklärt von D. Chwolson. Neue Folge, St.-Pbg., 1897.

Deguignes, *Histoire générale des Huns*. — J. Deguignes, *Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mogols, et des autres Tartares occidentaux*, t. I—IV, Paris, 1756—1758.

Diez, *Churasanische Baudenkmäler*. — E. Diez, *Churasanische Baudenkmäler*, Berlin, 1918 [Arbeiten des Kunsthistorischen Instituts der k.-k. Universität Wien (Lehrkanzlei Strzygowski), Bd 7].

Dorn, *Catalogue*. — [B. Dorn], *Catalogue des manuscrits et xylographes orientaux de la Bibliothèque Impériale Publique de St. Pétersbourg*, St.-Pbg., 1852.

Dorn, *Nachträge*. — B. Dorn, *Nachträge zu der Abhandlung über die Münzen der Ileke oder der ehemaligen Chane von Turkistan*, — Mél. As., t. IX, 1888, pp. 55—73.

Dorn, *Über die Münzen*. — B. Dorn, *Über die Münzen der Ileke oder ehemaligen Chane von Turkistan*, — Mél. As., t. VIII, 1881, pp. 703—744.

Dostojevskij, *Bârthold*.—M. Dostojevskij, *W. Barthold zum Gedächtnis. Versuch einer Charakteristik*,—WI, Bd XII, 1931, № 3, S. 89—136.

Dozy, *Essai*. — R. Dozy, *Essai sur l'histoire de l'islamisme*, trad. du hollandais par V. Chauvin, Leyde—Paris, 1879.

Dozy, *Recherches*.— R. Dozy, *Recherches sur l'histoire et la littérature de l'Espagne pendant le moyen age*. 3e éd., revue et augmentée, t. I—II, Paris—Leyde, 1881.

Elphinstone, *Account*. — M. Elphinstone, *An account of the kingdom of Caubul, and its dependencies, in Persia, Tartary, and India; comprising a view of the Afghaun nation, and a history of the Dooraunee monarchy*, new and rew. ed., vol. I—II, London, 1842.

Epistles of Mânûskihar. — *The Dâdistân-î Dînîk and the Epistles of Mânûskihar*, transl. by E. W. West, Oxford, 1882 (SBE, vol. XVIII, Pahlavi texts, pt II).

Ethé, *Catalogue Ind. Off*. — H. Ethé, *Catalogue of Persian Manuscripts in the Library of the India Office*, vol. I, Oxford, 1903.

Ethé, *Neupersische Litteratur*. — H. Ethé, *Neupersische Litteratur*, — GIPh, Bd II, S. 212—370.

Fischel, *Ibn Khaldūn and Tamerlane*. — W. J. Fischel, *Ibn Khaldūn and Tamerlane. Their historic meeting in Damascus, 1401 A. D. (803 A. H.): a study based on arabic manuscripts of Ibn Khaldūn's "Autobiography", with a translation into English, and a commentary*, Berkeley and Los Angeles, 1952.

Flügel, *Mani*. — *Mani, seine Lehre und seine Schriften. Ein Beitrag zur Geschichte des Manichäismus*. Aus dem Fichrist des Abû'lfaradsch Muḥammad ben Isḥaḳ al-Warrâḳ, bekannt unter dem Namen Ibn Abî Ja'ḳûb an-Nadîm, im Text nebst Uebersetzung, Commentar und Index zum ersten Mal hrsg. von G. Flügel, Leipzig, 1862.

Gabain, *Alttürkische Grammatik*. — A. von Gabain, *Alttürkische Grammatik*. Mit Bibliographie, Lesestücken und Wörterverzeichnis, auch neutürkisch, 2 verb. Aufl., Leipzig, 1950 (Porta linguarum orientalium, XXIII).

Gabain, *Das uigurische Königreich*. — A. von Gabain, *Das uigurische Königreich von Chotscho. 850—1250*, Berlin, 1961 (SBAW Berl., Jg. 1961, № 5).

Gauthiot, *Compte*. — [R.] Gauthiot, [*Compte de la mission au Turkestan russe* (résumé de communication)], — CRAIBL, 1913, pp. 671—680.

Gauthiot, *Dix premiers noms de nombre.* — R. Gauthiot, *À propos des dix premiers noms de nombre en sogdien bouddhique,* — «Mémoires de la Société linguistique de Paris», t. XVII, 1911—1912, pp. 137—161.

Gauthiot, *Essai.* — R. Gauthiot, *Essai de Grammaire Sogdienne,* avec préface de A. Meillet. Première partie. *Phonétique,* Paris, 1914—1923 (Mission Pelliot en Asie Centrale. Série petit in-octavo, tome I).

Gauthiot, *Une version sogdienne.— Une version sogdienne du Vessantara Jātaka,* publiée en transcription et avec traduction par M. R. Gauthiot, — JA, sér. 10, t. XIX, 1912, pp. 163—193, 429—510.

Geiger, *Ostīrānische Kultur.* — W. Geiger, *Ostīrānische Kultur im Altertum,* Erlangen, 1882.

Gibb, *The Arab conquests.* — H. A. R. Gibb, *The Arab conquests in Central Asia,* London, 1923 (James G. Forlong Fund, vol. II).

Gobineau, *Les religions.* — [J. A.] de Gobineau, *Les religions et les philosophies dans l'Asie Centrale,* 2e éd., Paris, 1866.

Gobineau, *Trois ans en Asie.* — A. Gobineau, *Trois ans en Asie (de 1855 à 1858).* Nouvelle éd., Paris, 1905.

de Goeje, JA, sér. 9, t. XIV [pp. 364—367]. — M. J. de Goeje, [рец. на:] Abhandlungen zur arabischen Philologie, von Ignaz Goldziher, 2. Teil, — JA, sér. 9, t. XIV, 1899, pp. 364—367.

de Goeje, *De Muur.*— M. J. de Goeje, *De Muur van Gog en Magog,* Amsterdam, 1888.

Grenard, *La légende.* — F. Grenard, *La légende de Satok Boghra Khân et l'histoire,*— JA, sér. 9, t. XV, 1900, pp. 5—79.

Grenard, *Le Turkestan.* — F. Grenard, *Le Turkestan et le Tibet. Étude ethnographique et sociologique,* Paris, 1898 (J.-L. Dutreuil de Rhins, Mission scientifique dans la Haute Asie. 1890—1895, pt. II).

Guidi, *Ostsyrische Bischöfe.* — J. Guidi, *Ostsyrische Bischöfe und Bischofssitze im V., VI. und VII. Jahrhundert,* — ZDMG, Bd XLIII, 1889, S. 388—414.

Gutschmid, *Geschichte Irans.* — A. von Gutschmid, *Geschichte Irans und seiner Nachbarländer von Alexander dem Grossen bis zum Untergang der Arsaciden...* Mit einem Vorwort von Th. Nöldeke, Tübingen, 1888.

Gutschmid, *Kleine Schriften,* Bd III. — A. von Gutschmid, *Kleine Schriften,* hrsg. von F. Rühl, Bd III. *Schriften zur Geschichte und Literatur der nichtsemitischen Völker von Asien,* Leipzig, 1892.

Hamilton, *Toquz-oguz.* — J. Hamilton, *Toquz-oguz et on-uygur,* — JA, t. CCL, 1962, pp. 23—63.

Hammer-Purgstall, *Geschichte der Ilchane.* — J. Hammer-Purgstall, *Geschichte der Ilchane, das ist der Mongolen in Persien,* Bd I—II, Darmstadt, 1842—1843.

M. Hartmann, *Der islamische Orient.* — M. Hartmann, *Der islamische Orient. Berichte und Forschungen,* Bd I—III, Berlin—Leipzig, 1905—1910.

R. Hartmann, *Balkh.* — R. Hartmann, *Balkh,* — EI, I, S. 647—648.

Henning, *The Bactrian inscription.* —W. B. Henning, *The Bactrian inscription,*—BSOAS, vol. XXIII, pt 1, 1960, pp. 47—55.

Henning, *A Bactrian seal-inscription.* — W. B. Henning, *A Bactrian seal-inscription,*—BSOAS, vol. XXV, pt 2, 1962, p. 335.

Henning, *The date.* — W. B. Henning, *The date of the Sogdian Ancient Letters,* — BSOAS, vol. XII, pt 3—4 (Oriental and African Studies presented to Lionel David Barnett by his colleagues, past and present), 1948, pp. 601—615.

Henning, *Mitteliranisch.* — W. B. Henning, *Mitteliranisch,* — HOr, Abt. I, Bd IV. Iranistik, Abschnitt 1. Linguistik, Leiden—Köln, 1958, S. 20—130.

Herrmann, *Seidenstraßen.* — A. Herrmann, *Die alten Seidenstraßen zwischen China und Syrien. Beiträge zur alten Geographie Asiens*, I. Abt., Berlin, 1910 (Quellen und Forschungen zur alten Geschichte und Geographie. Hrsg. von W. Sieglin. H. 21).

Herzfeld, *Reisebericht.* — E. Herzfeld, *Reisebericht*, — ZDMG, Bd 80 (N. F., Bd 5), 1926, S. 225—284.

Herzfeld, *Samarra.* — E. Herzfeld, *Geschichte der Stadt Samarra*, Hamburg, 1948 (Forschungen zur islamischen Kunst. Hrsg. von F. Sarre. II. Ausgrabungen von Samarra, Bd VI).

Hinz, *Masse und Gewichte.* — W. Hinz, *Islamische Masse und Gewichte umgerechnet ins metrische System*, Leiden, 1955 (HOr, Ergänzungsband 1, H. 1).

Hinz, *Quellenstudien.* — W. Hinz, *Quellenstudien zur Geschichte der Timuriden*, — ZDMG, Bd 90 (N. F., Bd 15), 1936, S. 357—398.

Hirth, *China and the Roman Orient.* — F. Hirth, *China and the Roman Orient: researches into their ancient and mediaeval relations as respected in old Chinese records*, Leipsic & Munich, Shanghai & Hongkong, 1885.

Hirth, *Nachworte.* — F. Hirth, *Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk. Beiträge zur Geschichte der Ost-Türken im 7. und 8. Jahrhundert nach chinesischen Quellen*, — в кн.: W. Radloff, *Die alttürkischen Inschriften der Mongolei*, Zweite Folge, St.-Pbg., 1899, S. 1—140 (разд. паг.).

Hirth, *Ueber Wolga-Hunnen.* — F. Hirth, *Ueber Wolga-Hunnen und Hiung-nu*,—SBAW München, Bd II, 1899, S. 245—278.

Hirth, *Zur Kulturgeschichte.* — [F. Hirth], *Zur Kulturgeschichte der Chinesen.* Nach einem Vortrag von F. Hirth, München, 1898 (Sonderabdr. aus der Beilage zur «Allgemeinen Zeitung», Nr. 147 u. 148 vom 6. u. 7. Juli 1898).

Histoire de la vie de Hiouen-thsang — см. *Жизнеописание Сюань Цзана.*

Horst, *Tīmūr und Ḫōǧā ʿAlī.* — H. Horst, *Tīmūr und Ḫōǧā ʿAlī. Ein Beitrag zur Geschichte der Ṣafawiden*, Wiesbaden, 1958 (Akademie der Wissenschaften und der Literatur. Abhandlungen der geistes- und sozialwissenschaftlichen Klasse, Jg. 1958, Nr. 2).

Howorth, *History of the Mongols.* — H. H. Howorth, *History of the Mongols from the 9th to the 19th century*, pt I. *The Mongols proper and the Kalmuks*, London, 1876; pt II. *The so-called Tartars of Russia and Central Asia.* Division I—II, London, 1880; pt III. *The Mongols of Persia*, London, 1888; pt IV. *Supplement*, London, 1927.

Howorth, *The Northern Frontagers*, pt IX. — H. H. Howorth, *The Northern Frontagers of China*, pt IX. *The Muhammedan Turks of Turkestan from the Tenth to the Thirteenth Century*, — JRAS, 1898, pp. 467—502.

Huart, *Derī.* — Cl. Huart, *Derī*, — EI, I, S. 986.

Huart, *La Perse antique.* — Cl. Huart, *La Perse antique et la civilisation iranienne*, Paris, 1925 (L'évolution de l'humanité. Synthèse collective. XXIV).

Humboldt, *Kosmos*, Bd II.—A. von Humboldt, *Kosmos. Entwurf einer physischen Weltbeschreibung*, Bd II, Stuttgart und Tübingen, 1847.

Hunter, *The Imperial Gazetteer of India*, vol. VI.— W. W. Hunter, *The Imperial Gazetteer of India*, 2d ed., vol. VI, London, 1886.

Hüsing, *Zum Māh-Tempel.* — G. Hüsing, *Zum Māh-Tempel von Buḫārā*, — OLZ, 7.Jg., 1904, Sp. 133—136.

Ivanov, *Tabaqat of Ansari.* — W. Ivanov, *Tabaqat of Ansari in the old language of Herat*, — JRAS, 1923, pp. 1—34, 337—382.

Jackson, *From Constantinople to the home of Omar Khayyam.* — A. V. W. Jackson, *From Constantinople to the home of Omar Khayyam. Travels in Transcaucasia and Northern Persia for historic and literary research*, New York,1911.

Jackson, *Zoroaster.* — A. V. W. Jackson, *Zoroaster. The prophet of ancient Iran*, New York, 1919.

Jacquet, *Le livre du Grant Caan.* — [E.] Jacquet, *Le livre du Grant Caan, extrait d'un manuscrit de la Bibliothèque du Roi*, — JA, sér. 2 (=NJA), t. VI, 1830, pp. 57—72.

Karabacek, *Das arabische Papier.* — J. Karabacek, *Das arabische Papier. (Eine historisch-antiquarische Untersuchung)*, — «Mitteilungen aus der Sammlung der Papyrus Erzherzog Rainer», Bd II/III, Wien, 1887, S. 87—178; то же: Sonderabdr., Wien, 1887.

Karlgren, *Phonologie.* — B. Karlgren, *Études sur la phonologie chinoise*, Leyde et Stockholm, 1915 (Archives d'études orientales, publiées par J.-A.Lundell. Vol. 15).

Kern, *Histoire du bouddhisme.* — H. Kern, *Histoire du bouddhisme dans l'Inde.* Traduite du néerlandais par G. Huet, t. I—II, Paris, 1901—1903 (Annales du Musée Guimet. Bibliothèque d'études, t. X—XI).

Khanikoff, *Mémoire.* — N. de Khanikoff, *Mémoire sur la partie méridionale de l'Asie Centrale*, Paris, 1861.

Klaproth, *Tableau historique.*—[J.] Klaproth, *Tableau historique, géographique, ethnographique et politique du Caucase et de provinces limitrophes entre la Russie et la Perse*, Paris — Leipzig, 1827.

Klima, *Manis Zeit und Leben.*— O. Klima, *Manis Zeit und Leben*, Prag, 1962 (Monographien des Orientsinstituts der TschAW, Bd 18).

Krumbacher, *Byzantinische Litteratur.* — K. Krumbacher, *Geschichte der byzantinischen Litteratur von Justinian bis zum Ende des oströmischen Reiches (527—1453)*, 2. Aufl., bearbeitet unter Mitwirkung von A. Ehrhard und H. Gelzer, München, 1897 (Handbuch der klassischen Altertums-Wissenschaft... hrsg. von J. v. Müller. Bd IX, Abt. 1).

Kuan-ši-im Pusar.— *Kuan-ši-im Pusar. Fine türkische Übersetzung des XXV. Kapitels der chinesischen Ausgabe des Saddharmapuṇḍarīka.* Hrsg. und übers. von W. Radloff, St.-Pbg., 1911 (Bibliotheca buddhica. XIV).

Kuhn, *Bericht.*— A. L. Kuhn, *Bericht über meine Reise durch das Chanat Chiwa während der Expedition im Jahre 1873*,—«Russische Revue», III. Jg., Bd IV, H. 1, St.-Pbg., 1874, S. 58—74.

Kurat, *Al-Kufi'nin Kitab al-futuh'u.*— A. N. Kurat, *Abu Muhammad Ahmad bin A'sam al-Kufi'nin Kitab al-futuh'u*,—«Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Cografya Fakültesi Dergisi», c. VII, 1949, № 2, ss. 255—282.

Kurat, *Kuteybe.*— A. N. Kurat, *Kuteybe bin Müslim'in Hʷarizm ve Semerkand'i Zabti*,—«Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Cografya Fakültesi Dergisi», c. VI, 1948, № 4, ss. 387—430.

Lane-Poole, *Additions.*— S. Lane-Poole, *Additions to the oriental collection 1876—1888*, pt I.: *Additions to vols. I.—IV.*; pt II.: *Additions to vols. V.—VIII.*, London, 1889—1893 (Catalogue of oriental coins in the British Museum, vol. IX—X).

Lane-Poole, *The Mohammadan Dynasties.*—S. Lane-Poole, *The Mohammadan Dynasties. Chronological and genealogical tables with historical introductions*, London, 1894.

Lansdell, *Russian Central Asia.*—H. Lansdell, *Russian Central Asia including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv*, vol. I—II, London, 1885.

Le Strange, *The Lands.*— G. Le Strange, *The Lands of the Eastern Caliphate. Mesopotamia, Persia, and Central Asia from the Moslem conquest to the time of Timur*, Cambridge, 1905 (Cambridge Geographical Series).

Lerch, *Sur les monnaies.*— P. Lerch, *Sur les monnaies des Boukhâr-Khoudahs ou princes de Boukhara avant la conquête du Maverannahr par les arabes*,—«Travaux de la troisième session du Congrès international des orientalistes. St. Pétersbourg. 1876», t. II, St.-Pbg.— Leyde, 1879, pp. 419—429.

Lessing, *Dictionary.*— F. D. Lessing, *Mongolian-English dictionary*. Compiled by Mattai Haltod, J. G. Hangin, S. Kassatkin and F. D. Lessing, Berkeley and Los Angeles, 1960.

Marquart, *Die Chronologie.*— Marquart, *Die Chronologie der alttürkischen Inschriften*, Leipzig, 1898.

Marquart, *Ērānšahr.*— J. Marquart, *Ērānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i*, Berlin, 1901 (AKGWG, N. F., Bd III, № 2).

Marquart, *Komanen.*— J. Marquart, *Über das Volkstum der Komanen*,— в кн.: W. Bang und J. Marquart, *Osttürkische Dialektstudien*, Berlin, 1914 (AKGWG, N. F., Bd XIII, № 1), S. 25—238.

Marquart, *Skizzen.*— J. Marquart, *Skizzen zur geschichtlichen Völkerkunde von Mittelasien und Sibirien*,—«Festschrift für Friedrich Hirth zu seinem 75. Geburtstag 16. April 1920», Berlin, 1920 (Ostasiatische Zeitschrift, Jg. 8), S. 289—299.

Marquart, *Streifzüge.*— J. Marquart, *Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (ca. 840—940)*, Leipzig, 1903.

Meyer, *Ursprung.*— Ed. Meyer, *Ursprung und Anfänge des Christentums*, Stuttgart und Berlin, Bd I, *Die Evangelien*, 1924; Bd II, *Die Entwicklung des Judentums und Jesus von Nazaret*, 1925; Bd III, *Die Apostelgeschichte und die Anfänge des Christentums*, 1926.

Mignana, *The early spread of Christianity.*— A. Mignana, *The early spread of Christianity in Central Asia and the Far East: a new document*,—«Bulletin of the John Rylands library. Manchester», vol. 9, 1925, pp. 297—371.

Minorsky, *Marāgha.*— V. Minorsky, *Marāgha*,— EI, III, S. 284—290.

Minorsky, *Tamīm.*— V. Minorsky, *Tamīm ibn Baḥr's journey to the Uyghurs*,—BSOAS, vol. XII, pt 2, 1948, pp. 275—305.

Mostaert—Cleaves, *The Lettres.*—A. Mostaert et F. W. Cleaves, *The Lettres de 1289 et 1305 des ilkhan Arγun et Öljeitü à Philippe le Bel*, Cambridge, Mass., 1962 (Harvard-Yenching Institute. Scripta mongolica. Monograph series. I)

A. Müller, *Der Islam.*— A. Müller, *Der Islam im Morgen- und Abendland*, Bd I—II, Berlin, 1885—1887.

F. W. K. Müller, *Die «persischen» Kalenderausdrücke.*— F. W. K. Müller, *Die «persischen» Kalenderausdrücke im chinesischen Tripiṭaka*,— SBAW Berl., Jg. 1907 Halbbd I, S. 458—465.

F. W. K. Müller, *Uigurica.*— F. W. K. Müller, *Uigurica*, [I], Berlin, 1908 (aus den APAW, 1908); II, Berlin, 1911 (aus den APAW, 1910); III. *Uigurische Avadāna-Bruchstücke (I—VIII)*, Berlin, 1922 (aus den APAW, 1920, Nr. 2); IV, Berlin, 1931 (aus den SBAW Berl., 1931, XXIV).

Münsterberg, *Chinesische Kunstgeschichte.*— O. Münsterberg, *Chinesische Kunstgeschichte*, Bd I, *Vorbuddhistische Zeit. Die Hohe Kunst*; Bd II, *Die Baukunst. Das Kunstgewerbe*, Esslingen a. N., 1910—1912.

Mžik, *Über Marwâns II. Beinamen.*— H. v. Mžik, *Einiges über Marwâns II. Beinamen: al-Ḥimâr und al-Ǧa'dî*,— WZKM, Bd XX, 1906, S. 310—313.

Nallino, *Astronomie.*— C. A. Nallino, *Astronomie*,— EI, I, S. 517—520.

Narain, *The Indo-Greeks.*— A. K. Narain, *The Indo-Greeks*, Oxford, 1957.

Nau, *L'expansion.*—F. Nau, *L'expansion nestorienne en Asie*, Chalon-sur-Saone, 1914 (extrait de la Bibliothèque de vulgarisation du Musée Guimet, t. XL, pp. 193—383).

Nāẓim, *Sulṭān Maḥmūd.*— M. Nāẓim, *The Life and Times of Sulṭān Maḥmūd of Ghazna.* With a Foreword by... Th. Arnold, Cambridge, 1931.

Neander, *Allgemeine Geschichte.*— A. Neander, *Allgemeine Geschichte der christlichen Religion und Kirche*, 3. Aufl., Bd I—II, Gotha, 1856.

Némäti, *Beweise.*—K. Némäti, *Die historisch-geographischen Beweise der Hiung-nu = Hun Identität*, Budapest, 1910.

Nestle, *Syrische Grammatik.*— E. Nestle, *Syrische Grammatik. Mit Litteratur, Chrestomathie und Glossar.* 2. verm. u. verb. Aufl. der Brevis linguae syriacae Grammatica, Berlin, 1888 (Porta linguarum orientalium. 5).

Nöldeke, ZDMG, Bd XLIV [S. 520—528].— Th. Nöldeke, [рец. на:] Syrisch-nestorianische Grabinschriften aus Semirjetschie, herausgegeben und erklärt von D. Chwolson... St. Pétersbourg 1890,— ZDMG, Bd XLIV, 1890, S. 520—528.

d'Ohsson, *Histoire des Mongols.*— C. d'Ohsson, *Histoire des Mongols, depuis Tchinguiz-khan jusqu'à Timour bey ou Tamerlan*, t. I—IV, La Haye et Amsterdam, 1834—1835.

Oppert, *Presbyter Johannes.*— G. Oppert, *Der Presbyter Johannes in Sage und Geschichte. Ein Beitrag zur Völker- und Kirchenhistorie und zur Heldendichtung des Mittelalters*, Berlin, 1864; 2. Aufl.: 1870.

Ortiz de Urbina, *Patrologia.*— J. Ortiz de Urbina, *Patrologia syriaca*, Romae, 1958.

Ouseley, *Travels.*— W. Ouseley, *Travels in various countries of the East; more particularly Persia...*, vol. I—III, London, 1819—1823.

Parker, *A thousand years.*— E. H. Parker, *A thousand years of the Tartars*, Shanghai—Hongkong..., 1895.

Pauthier, *Le Pays de Tanduc.*— G. Pauthier, *Le Pays de Tanduc et les descendants du Prêtre Jean.* Spécimen d'une édition du texte original français du Livre de Marc Pol publié pour la première fois d'après trois manuscrits inédits de la Bibliothèque impériale de Paris, accompagné de nombreux commentaires,— RevOr, nouv. sér., t. XIII, 1861, pp. 287—328.

Pelliot, *W. Barthold.*— P. Pelliot, *W. Barthold*,—«T'oung Pao», t. XXVII, 1930, pp. 458—459.

Pelliot, *Le «Cha tcheou tou [tou] fou t'ou king».*—P. Pelliot, *Le «Cha tcheou tou [tou] fou t'ou king» et la colonie sogdienne de la région du Lob Nor*,— JA, sér. 11, t. VII, 1916, pp. 111—123.

Pelliot, *Chrétiens.*—P. Pelliot, *Chrétiens d'Asie centrale et d'Extrême-Orient*,—«T'oung Pao», vol. XV, 1914, pp. 623—644; то же: отд. отт.

Pelliot, *Notes sur l'histoire de la Horde d'Or.*— P. Pelliot, *Notes sur l'histoire de la Horde d'Or. Suivies de Quelques noms turcs d'hommes et de peuples finissant en "ar"*, Paris, 1949 (Oeuvres posthumes de Paul Pelliot, II).

Pelliot, *Notes sur le «Turkestan».*— P. Pelliot, *Notes sur le «Turkestan» de M. W. Barthold*,— «T'oung Pao», vol. XXVII, 1930, pp. 12—56.

Pertsch, *Verzeichniss.*— W. Pertsch, *Verzeichniss der persischen Handschriften*, Berlin, 1888 (Die Handschriftenverzeichnisse der königlichen Bibliothek zu Berlin. Bd IV).

Peschel, *Geschichte der Erdkunde.*— O. Peschel, *Geschichte der Erdkunde bis auf A. v. Humboldt und Carl Ritter*, München, 1865 (Geschichte der Wissenschaften in Deutschland. Neuere Zeit. Bd IV).

Pritsak, *Āl-i Burhān.*— O. Pritsak, *Āl-i Burhān*,— DI, Bd 30, 1952, S. 81—96.

Pritsak, *Die Karachaniden.*— O. Pritsak, *Die Karachaniden* (mit einer genealogischen Tafel),— DI, Bd 31, 1953, S. 17—68.

Pritsak, *Karachanidische Streitfragen.*— O. Pritsak, *Karachanidische Streitfragen,*— «Oriens», vol. 3, Leiden, 1950, № 2, S. 209—228.

Pritsak, *Qara.*— O. Pritsak, *Qara. Studie zur türkischen Rechtssymbolik,*—«60. doğum yılı münasebetiyle Zeki Velidi Togan'a armagan. Symbolae in honorem Z. V. Togan», İstanbul, 1950—1955, S. 239—263.

Pritsak, *Stammesnamen.*— O. Pritsak, *Stammesnamen und Titulaturen der Altaischen Völker,*—«Ural-Altaische Jahrbücher», Bd XXIV, H. 1—2, 1952, S. 49—104.

Pritsak, *Von den Karluk.*— O. Pritsak, *Von den Karluk zu den Karachaniden,*—ZDMG, Bd 101 (N. F., Bd 26), 1951, S. 270—300.

Quatremère, *Chrestomathie.*— E. M. Quatremère, *Chrestomathie en turk oriental contenant plusieurs ouvrages de l'émir Ali-Schir, des extraits des mémoires du sultan Baber, du Traité du Miradj, du Tezkiret-el-avlia et du Bakhtiar-nameh,* publiés, accompagnés d'une traduction française, d'un mémoire sur la vie d'Ali-Schir et de notes grammaticales, philologiques et autres, 1er fasc., Paris, 1841.

Radloff, *Die alttürkischen Inschriften,* Zweite Folge.—W. Radloff, *Die alttürkischen Inschriften der Mongolei.* Zweite Folge, St.-Pbg., 1899.

Radloff, *Aus Sibirien.*— W. Radloff, *Aus Sibirien. Löse Blätter aus meinem Tagebuche,* 2. Ausg., Bd I—II, Leipzig, 1893.

Rieu, *Pers. MSS.*— Ch. Rieu, *Catalogue of the Persian manuscripts in the British Museum,* vol. I—III, London, 1879—1883.

Rieu, *Suppl. Pers.*— Ch. Rieu, *Supplement to the Catalogue of the Persian manuscripts in the British Museum,* London, 1895.

Rieu, *Turkish MSS.*— Ch. Rieu, *Catalogue of the Turkish manuscripts in the British Museum,* London, 1888.

C. Ritter, *Asien,* Bd I.— C. Ritter, *Die Erdkunde von Asien,* Bd I. *Der Norden und Nord-Osten von Hoch-Asien,* Berlin, 1832 (C. Ritter, *Die Erdkunde im Verhältniß zur Natur und zur Geschichte des Menschen, oder allgemeine vergleichende Geographie...,* 2. stark verm. u. umgearb. Ausg., II. Th., II. Buch).

H. Ritter, DI, Bd XIX [S. 42—49].— H. Ritter, [рец. на:] Мир-Али-Шир. Сборник к пятисотлетию со дня рождения... Ленинград 1928,— DI, Bd XIX, 1931, S. 42—49.

Roemer, *Neuere Veröffentlichungen.*— H. R. Roemer, *Neuere Veröffentlichungen zur Geschichte Timurs und seiner Nachfolger,*— CAJ, vol. II, 1956, S. 219—232.

Rosen, *Les manuscrits persans.*—[V. Rosen], *Les manuscrits persans de l'Institut des langues orientales...* décrits par V. Rosen, St.-Pbg., 1886 (Collections scientifiques, t. III).

Rosenberg, *Sogdica.*— F. Rosenberg, *Sogdica,*—«Prace lingwistyczne ofiarowane Janowi Baudouinowi de Courtenay dla uczczenia jego działalności naukowej 1868—1921», Kraków, 1921, str. 94—96.

Ross, *The genealogies.*— E. D. Ross, *The genealogies of Fakhr-ud-Din, Mubárak Sháh,*—«'Ajab-nama», pp. 392—413.

Sachau — Ethé, *Catalogue.*—[E. Sachau and H. Ethé], *Catalogue of the Persian, Turkish, Hindûstânî, and Pushtu manuscripts in the Bodleian Library,* begun by Ed. Sachau, continued, completed and ed. by H. Ethé, pt I. *The Persian manuscripts,* Oxford, 1899.

de Sacy, *Histoire des Poëtes par Douletschah.*—[A. J.] Silvestre de Sacy, تذكرة الشعرا. *Histoire des Poëtes. Par Douletschah ben-Alaëddoulet algazi al samarcandi.*

Manuscrits Persans de la Bibliothèque du Roi, N.os 246, 248, 249 & 250,— Notices et extraits, t. IV, An 7 [1798/99], pp. 220—272.

de Sacy, *Histoire de Yémineddoula.*—A. J. S. de Sacy, *Histoire de* كتاب يميني *Yémineddoula Mahmoud, fils de Sébectéghin, Traduite de l'Arabe en Persan, par Abouschéref Nassih Monschi, Djerbadécani,*—Notices et extraits, t. IV, An 7 [1798/99], pp. 325—411.

Salemann, *Das Asiatische Museum.*— C. Salemann, *Das Asiatische Museum im Jare 1890. Nebst Nachträgen,*— Mél. As., t. X, 1894, S. 271—292.

Salemann, *Neue Erwerbungen.*— C. Salemann, *Neue Erwerbungen des Asiatischen Museums,*— Mél. As., t. IX, 1888, S. 321—402.

Sarre, *Denkmäler.*— F. Sarre, unter Mitwirkung von B. Schulz und G. Krecker, *Denkmäler persischer Baukunst. Geschichtliche Untersuchung und Aufnahme muhammedanischer Backsteinbauten in Vorderasien und Persien,* [Atlas], Lief. I—VII, Berlin, 1901; Textband, Berlin, 1910.

Sayılı, *The observatory.*— A. Sayılı, *The observatory in Islam and its place in the general history of the observatory,* Ankara, 1960 (Publications of the Turkish Historical Society, series VII, № 38).

Schefer, *Chrestomathie persane.*— *Chrestomathie persane à l'usage des élèves de l'École spéciale des langues orientales vivantes,* publiée par Ch. Schefer, t. I—II, Paris, 1883—1885 (PÉLOV, IIe sér., vol. VI—VII).

Schneiderwirth, *Die Parther.*— J. H. Schneiderwirth, *Die Parther oder Das neupersische Reich unter den Arsaciden nach griechisch-römischen Quellen,* Heiligenstadt, 1874.

Schuyler, *Turkistan.*— E. Schuyler, *Turkistan. Notes of a journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara, and Kuldja,* vol. I—II, 5th ed., London, 1876.

Sédillot, *Prolégomènes.*— *Prolégomènes des Tables astronomiques* d'Oloug-Beg. Publiés avec notes et variantes, et précédés d'une introduction; par L. P. E. A. Sédillot, Paris, 1847; Traduction et commentaire, par L. P. E. A. Sédillot, Paris, 1853 (Chrestomathie persane, publiée sous les auspices de M. le Ministre des l'instruction publique, t. I—II).

Senkowski, *Supplément.*— J. Senkowski, *Supplément à l'Histoire générale des Huns, des Turks et des Mogols, contenant un abrégé de l'histoire de la domination des Uzbèks dans la Grande Bukharie, depuis leur établissement dans ce pays jusqu'à l'an 1709, et une continuation de l'histoire de Kharèzm, depuis la mort d'Aboul-ghazi-khan jusqu'à la même époque,* St.-Pbg., 1824.

Silvestre de Sacy— см. de Sacy.

Skrine and Ross, *The Heart of Asia.*— F. H. Skrine and E. D. Ross, *The Heart of Asia. A History of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the Earliest Times,* London, 1899.

Smirnow, *Manuscrits turcs.*— [W. D. Smirnow], *Manuscrits turcs de l'Institut des langues orientales* décrits par W. D. Smirnow, St.-Pbg., 1897 (Collections scientifiques, t. VIII).

Snouck Hurgronje, *Mekka.*— G. Snouck Hurgronje, *Mekka,* Bd I. *Die Stadt und ihre Herren;* Bd II. *Aus dem heutigen Leben,* Haag, 1888—1889.

Spuler, *Die Mongolen in Iran.*— B. Spuler, *Die Mongolen in Iran. Politik, Verwaltung und Kultur der Ilchanzeit. 1220—1350,* 2. erweit. Aufl., Berlin, 1955.

Staël-Holstein, *KOPANO.*— A. von Staël-Holstein, *KOPANO und Yüeh-shih,*— SBAW Berl., Jg. 1914, S. 643—650.

Staël-Holstein, *Tocharisch.*— A. von Staël-Holstein, *Tocharisch und die Sprache II,*— ИАН, сер. VI, т. II, 1908, стр. 1367—1372.

Staël-Holstein, *Was there a Kusana race?*— A. von Staël-Holstein, *Was there a Kusana race?*— JRAS, 1914, pp. 79—88.

Stein, *Ancient Khotan.*— A. Stein, *Ancient Khotan. Detailed report of archaeological explorations in Chinese Turkestan*, vol. I, Text; vol. II, Plates, Oxford, 1907.

Stein, *Ruins.*— A. Stein, *Ruins of Desert Cathay. Personal narrative of explorations in Central Asia and westernmost China*, vol. I—II, London, 1912.

Stein, *A third journey.*— A. Stein, *A third journey of exploration in Central Asia, 1913—16*,—«The Geographical Journal», vol. XLVIII, 1916, pp. 97—130, 193—225 [Discussion: pp. 225—229]; то же: отд. отт.

Storey, *Persian Literature.*— C. A. Storey, *Persian Literature. A bio-bibliographical survey*. Vol. I. *Qur'ānic Literature*; *History and Biography*. Pt 1. *Qur'ānic Literature*; *History*. Section I. *Qur'ānic Literature*, London, 1927 [pp. 1—60]. Section II. [*History*]. Fasc. 1. A. *General history*. B. *The prophets and Early Islām*, London, 1935 [pp. 61—236]; fasc. 2. C—L. *Special histories of Persia, Central Asia and the remaining parts of the world except India*, London, 1936 [pp. 237—432]; fasc. 3. M. *History of India*, London, 1939 [pp. 433—780]. Pt 2. *Biography. Additions and Corrections. Indexes*, London, 1953 [pp. 781—1444]. Vol. II, Pt 1. A. *Mathematics*. B. *Weights and Measures*. C. *Astronomy and Astrology*. D. *Geography*, London, 1958 [pp. 1—192].

Suter, *Die Mathematiker.*— H. Suter, *Die Mathematiker und Astronomen der Araber und ihre Werke*, Leipzig, 1900 (Abhandlungen zur Geschichte der mathematischen Wissenschaften mit Einschluss ihrer Anwendungen. X. Heft. Zugleich Supplement zum 45. Jg. der Zeitschrift für Mathematik und Physik. Hrsg. von R. Mehmke und M. Cantor).

Tarn, *The Greeks.*—W. W. Tarn, *The Greeks in Bactria and India*, 2d ed., Cambridge, 1951.

Tauer, *Les manuscrits persans.*— F. Tauer, *Les manuscrits persans historiques des bibliothèques de Stamboul*,— AOr, vol. III, 1931, [I], pp. 87—118; [II], pp. 303—326; [III], pp. 462—491; vol. IV, 1932, [IV], pp. 92—107; [V], pp. 193—207.

Tauer, *Vorbericht.*— F. Tauer, *Vorbericht über die Edition des Ẓafarnāma von Niẓām Šāmī und der wichtigsten Teile der Geschichtswerke Ḥāfiẓ-i Abrū's*,— AOr, vol. IV, 1932, pp. 250—256.

Togan, *Ali Şir.*— A. Zeki Velidi Togan, *Ali Şîr*,— İA, c. 1, ss. 349—357.

Tomaschek, *Sogdiana.*— W. Tomaschek, *Centralasiatische Studien. I. Sogdiana*, Wien, 1877 (Sonderabdr. aus: SBAW Wien, Bd LXXXVII, 1877, S. 67—184).

Tomaschek, WZKM, Bd III [S. 103—108].— W. Tomaschek, [рец. на:] M. J. de Goeje, De Muur van Gog en Magog, bijdrage van.— Amsterdam 1888,— WZKM, Bd III, 1889, S. 103—108; то же: отд. отт.

Turan, *İlig.*— O. Turan, *İlig unvanı hakkında*,— TM, c. VII—VIII, 1942, ss. 192—199.

Vámbéry, *Geschichte Bochara's.*— H. Vámbéry, *Geschichte Bochara's oder Transoxaniens von den frühesten Zeiten bis auf die Gegenwart. Nach orientalischen benützten und unbenützten handschriftlichen Geschichtsquellen.* Zum erstenmal bearbeitet. Deutsche Originalausgabe, Bd I—II, Stuttgart, 1872.

Vámbéry, *Reise.*— H. Vámbéry, *Reise in Mittelasien von Teheran durch die Turkmanische Wüste an der Ostküste des Kaspischen Meeres nach Chiwa, Bochara und Samarkand, ausgeführt im Jahr 1863*, Deutsche Originalausgabe, Leipzig, 1865.

Vámbéry, *Das Türkenvolk.*— H. Vámbéry, *Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen geschildert*, Leipzig, 1885.

Vasmer, *Zur Münzkunde.*— R. Vasmer, *Zur Münzkunde der Qarāḫāniden*,— MSOS, Abt. 2, Jg. XXXIII, 1930, S. 83—104.

Vivien de St.-Martin, *Les Huns Blancs.*— Vivien de St.-Martin, *Les Huns Blancs ou Ephtalites des historiens byzantins*, Paris, 1849.

Vivien de St.-Martin, *Mémoires.*— J. Saint-Martin *Mémoires historiques et géographiques sur l'Arménie*, suivis du texte Arménien de l'Histoire des Princes Orpéliens, par Étienne Orpélian, archevêque de Siounie, et de celui des Géographies attribuées à Moyse de Khoren et au docteur Vartan, avec plusieurs autres pièces relatives à l'histoire d'Arménie; le tout accompagné d'une traduction Françoise et de notes explicatives, t. I—II, Paris, 1818—1819.

Vullers, *Lexicon.*— J. A. Vullers, *Lexicon Persico-Latinum etymologicum cum linguis maxime cognatis Sanscrita et Zendica et Pehlevica comparatum...*, t. I—II, Bonnae, 1855—1864.

Watters, *On Yuan Chwang's travels.*—[Th. Watters], *On Yuan Chwang's travels in India 629—645 A. D.* by Th. Watters, ed., after his death, by T. W. Rhys Davids and S. W. Bushell, vol. I—II, London, 1904—1905.

Wellhausen, *Das arabische Reich.*— J. Wellhausen, *Das arabische Reich und sein Sturz*, Berlin, 1902.

Wellhausen, *Skizzen und Vorarbeiten*, IV.— J. Wellhausen, *Skizzen und Vorarbeiten*, H. IV, Berlin, 1889.

Wolff, *Narrative.*— J. Wolff, *Narrative of a Mission to Bokhara, in the years 1843—1845*, 5th ed., Edinburgh and London, 1848.

Wüstenfeld, *Die Chroniken.*— *Die Chroniken der Stadt Mekka*, gesammelt und... hrsg. von F. Wüstenfeld, Bd I. *Geschichte und Beschreibung der Stadt Mekka* von Abul-Walîd Muhammed ben Abdallah el-Azrakí. Nach den Handschriften zu Berlin, Gotha, Leyden, Paris und Petersburg..., Leipzig, 1858; Bd II. *Auszüge aus den Geschichtsbüchern der Stadt Mekka* von Muhammed el-Fâkihí, Muhammed el-Fâsí und Muhammed Ibn Dhuheira. Nach den Handschriften zu Leyden, Berlin und Gotha..., Leipzig, 1859; Bd III. *Geschichte der Stadt Mekka und ihres Tempels* von Cuṭb ed-Dîn Muhammed Ben Ahmed el-Nahrawâli. Nach den Handschriften zu Berlin, Gotha und Leyden..., Leipzig, 1857; Bd IV. *Geschichte der Stadt Mekka.* Nach den arabischen Chroniken bearbeitet und... hrsg. von F. Wüstenfeld, Leipzig, 1861.

Yate, *Northern Afghanistan.*— C. E. Yate, *Northern Afghanistan or letters from the Afghan Boundary Commission*, Edinburgh and London, 1888.

Yule, *Cathay.*— H. Yule, *Cathay and the way thither; being a collection of medieval notices of China*, transl. and ed. by H. Yule. With a preliminary essay on the intercourse between China and the western nations previous to the discovery of the Cape route, vol. I—II, London, 1866 (HS, [№ XXXVI—XXXVII]).

Zarncke, *Der Priester Johannes.*— F. Zarncke, *Der Priester Johannes.* Abh. 1. (Cap. I—III),— ASGW, Bd VII, H. 8, 1879, S. 826—1028; Abh. 2. (Cap. IV—VI),— ASGW, Bd VIII, H. 1, 1883, S. 1—184; то же: отд. отт., I (S. 1—202)—II (S. 1—184).

Zenker, *Dictionnaire.*— J. Th. Zenker, *Dictionnaire turc-arabe-persan*, t. I—II, Leipzig, 1866—1876.

اسماعیل حکمت، نوایی. — اسماعیل حکمت، امیر علی شیر نوایی، — آذربایجان ادبیات جمعیتی. صایی: ۲. نوایی، باکو، ۱۹۲۶، ص ۵—۷۱.

کوپریلی، یاغمر طاشی. — کوپریلی، محمد فعاد، اسکی تورکارده دینی سحری بر آنانه: یاغمر طاشی، — «ادبیات فاکولتهسی مجموعهسی»، ٤، ۱۹۲۵، ص ۱—۱۱.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН [1]

А-ло-бэнь 275
Аба I 277, 278
Абака 510—512
Аббас, родоначальник Аббасидов 385
Аббас, убийца Улугбека 158, 159
Аббас-бахадур 367, 373
Аббас I, Сефевид 488, 502
Аббас Икбаль — см. Икбаль, Аббас
Аббасиды 31, 327—329, 384—386
Абд ал-Азиз, ходжа, вакаʻ-невис 251, 252
Абд ал-Азиз б. Улугбек 99, 115, 130, 133, 145, 146, 152, 156—160, 177
Абд ал-Азиз (I) б. Омар Маза, Бурхан ал-миллят ва-д-дин 515, 516 *
Абд ал-Азиз II (б. Омар?), Бурхан ад-дин [=Абд ал-Азиз II б. Мухаммед] 515, 516
Абд ал-Али б. Мухаммед Бирджанди 135
Абд ал-Али-тархан 172
Абд ал-Васиʻ — см. Кемаль ад-дин Абд ал-Васиʻ Низами
Абд ал-Лятиф, Шейбанид 487
Абд ал-Лятиф б. Улугбек 145, 146—163, 166, 170, 177, 209, 454
Абд ал-Мелик, шейх ал-ислам 44, 62, 121, 434, 435, 446
Абд ал-Мелик (Абу-л-Фаварис) б. Нух I 485, 498, 504, 525
Абд ал-Мелик (Абу-л-Фаварис) б. Нух II 485, 486
Абд ал-Мелик-тюря 404, 405
Абд ал-Мумин, ходжа 132 *
Абд ал-Мумин б. Абдулла, Шейбанид 488, 547
Абд ал-Мумин (Мумини) 238
Абд ар-Раззак Самарканди 45 *, 47 * — 51 *, 55 *, 60 *, 62 *, 64 *, 68 *, 77, 78 *—82 *, 86 *, 87 *, 88, 90, 92 *—94 *, 96 *, 97 *, 99 *, 101 *, 103 *, 104 *, 106 *—112 *, 115, 116, 118, 119 *, 122 *, 125, 128, 134 *, 135, 137, 143 *, 1145 *, 1147 *, 1148, 149 *, 150 *, 152, 154, 156, 157, 158 *, 159 *, 160, 161, 162 *—164 *, 165, 166, 168, 169, 170 *, 172, 173, 201, 208—210, 211 *, 215, 216 *, 217, 219, 221, 222, 223 *, 230, 367—369, 370 *, 371—375, 444, 446 *, 447, 452 *, 454 *, 490
Абд ар-Рахман б. Мах — см. Абу Мухаммед ал-Абраʻд
Абд ар-Рахман б. Улугбек 145, 146, 176, 177
Абд ар-Рахман Джами — см. Джами
Абд ар-Рахман кешский 44
Абд ар-Рахман-суфи 407, 408
Абд ас-Самад Бадахши 224
Абд ал-Хай Туни, Низам ад-дин 229, 233, 253, 256
Абд ал-Халик, Насир ад-дин 242, 252, 253, 257
Абд ал-Халик б. Худайдад 89, 90, 93
Абд ал-Халик Гиджду вани 133 *
Абд ал-Хамид 44
Абд ал-Эввель 43, 44, 81, 88, 121, 444
Абдаллах б. Ашкам 535
Абдаллах б. Омар 128
Абдаллах Марварид 202 *
Абди-Дарун 433
Абдулла, понсад-баши 344, 356
Абдулла б. Ибрахим-Султан 117, 156, 157, 160, 162—166, 214, 454, 489
Абдулла б. Искендер, Шейбанид 127, 420, 487, 488, 521, 546
Абдулла б. Казаган 37, 38

[1] Во всех указателях звездочкой отмечены номера страниц, на которых данное слово встречается только в сносках.

Абдулла б. Улугбек 145, 146, 176
Абдулла-хан — см. Абдулла б. Искендер, Шейбанид
Абдуррахман-хан, афганский 412
Абрамов ген. 501
Абу-л-Аббас Мамун I б. Мухаммед 536
Абу-л-Аббас Мамун II б. Мамун 536
Абу Абдаллах [б. Абу Хафс] 329
Абу Абдаллах Джейхани — см. Джейхани
Абу Абдаллах Мухаммед б. Ахмед, хорезмшах 535
Абу Али Мухаммед б. Мухаммед Бал'ами — см. Бал'ами Абу Али
Абу Али Симджури 505
Абу Али ал-Хасан (Харун) б. Сулейман — см. Богра-хан Харун (б. Юсуф?)
Абу Бекр, [Ильдегизид] 530
Абу Бекр, халиф 395 *, 434 *
Абу Бекр б. Абу Са'ид 224, 235
Абу Бекр б. Мас'уд-бек 541
Абу Бекр б. Мираншах 57, 79, 82, 157 *
Абу Бекр б. Мухаммед-Джуки 148, 149
Абу Бекр (Баян-Фенджан), министр Хубилая 311
Абу Бекр Келеви (Кулуй) 366 *, 370
Абу Бекр Хавафи 44 *; см. также Зейн ад-дин Абу Бекр Тайабади
Абу Дулеф 286, 287, 292
Абу Зейд Балхи — см. Балхи
Абу Ибрахим Исма'ил б. Ахмед — см. Исма'ил б. Ахмед
Абу Ибрахим Исма'ил б. Нух — см. Исма'ил б. Нух
Абу Исхак Ибрахим б. Алп-тегин — см. Исхак (Абу Исхак Ибрахим) б. Алп-тегин
Абу Исхак Ибрахим б. Наср — см. Тамгач-хан Ибрахим б. Наср
Абу-л-Касим Бабур — см. Бабур, Абу-л-Касим
Абу-л-Лейс, наместник Андижана 104
Абу-л-Лейс, факих 225
Абу-л-Лейс, шейх 43
Абу-л-Ма'али 31, 43
Абу Маш'ар 140 *
Абу Михнаф 380
Абу-л-Музаффар б. Ахмед б. Абу Бекр б. Мухтадж 498
Абу Муса ал-Хасан (Харун) б. Сулейман — см. Богра-хан Харун б. Муса
Абу Муслим 386
Абу Мухаммед ал-Абрад б. Халид б. Абд ар-Рахман б. Мах ал-Бухари ал-Махи 475
Абу-л-Мухсин б. Султан-Хусейн 253
Абу Наср Парса 169
Абу Садик Тебани 507
Абу Са'ид Абризи 435 *
Абу Са'ид Алтунташ — см. Алтунташ
Абу Са'ид Аубахи (Убехи) 126
Абу Са'ид б. Бурхан ад-дин Сагарджи 434, 435
Абу Са'ид б. Султан-Махмуд-хан 98
Абу Са'ид б. Султан-Мухаммед, султан 117, 138 *, 144, 157, 158, 160, 163—166, 167 *, 168—173, 177, 200, 209, 210, 215, 216, 219—225, 227, 233—236, 245 *, 258 *, 452 *, 454, 489, 503
Абу Са'ид Микаил б. Ханифа 285 *
Абу Са'ид-хан 128
Абу Тахир-ходжа 129, 140, 432 *, 434 *, 435, 439 *, 441 *, 451
Абу-л-Фазл Бейхаки — см. Бейхаки, Абу-л-Фазл
Абу-л-Фазл Мухаммед б. Убейдаллах Бал'ами — см. Бал'ами, Абу-л-Фазл
Абу-л-Фарадж (Бар-Эбрей) 264, 275 *, 290 *, 430 *
Абу-л-Фатх Дейяр — см. Дейяр
Абу-л-Фида 290
Абу Хамид Андалуси — см. Гарнати
Абу Ханифа, имам 217 *, 225, 432, 515
Абу Ханифа Динавери — см. Динавери
Абу-л-Харис, наджранский 431 *
Абу-л-Харис Мухаммед б. Али 536
Абу-л-Хасан Али б. Мамун 536
Абу-л-Хасан Али б. Мухаммед ал-Мадаини — см. Мадаини
Абу-л-Хасан Бейхаки — см. Бейхаки, Абу-л-Хасан
Абу-л-Хасан Мейменди 491
Абу Хашим Абдаллах б. Мухаммед 385
Абу Я'куб Юсуф Секкаки 540
Абулгази 144 *, 294—296, 313, 361, 402, 521, 528, 537, 545, 547, 548
Абулхайр, царевич 234
Абулхайр-хан 116, 117, 144, 154, 155, 163, 164, 166, 168 *, 170 *, 176, 220, 221, 487, 489, 490, 537, 546
Абулхайриды 546; см. Шейбаниды
Аваз-бий-инак 402 *
Аваз-Мухаммед 401
Август, император 459

Авраам из Кашкара 278
Агехи (Мухаммед-Риза-мираб) 401, 402, 404, 413
Адай 141
Адиб-Сабир 495
Адили — см. Байсункар б. Султан-Махмуд
Адиль-Султан 38, 142
Адриан 459
Азери — см. Ариф Азери
Азиз-Берген-бий (Азберген) 408
Азиз-Бече Чусти 350, 351
Азиз ал-ислам, садр 518
Айн ад-дауля, Арслан-хан Мухаммед б. Наср 513
Ак-Баш 144
Ак-Коюнлу — см. Белого барана династия
Ак-Султан-ханике 99, 143
Ак-Суфи 437 *
Акбар 166
Акбуга 367, 427
Ала ад-дауля б. Байсункар 120, 145, 147—152, 156, 163, 171, 177, 218
Ала ад-дин — см. Тармаширин
Ала ад-дин Али б. Мухаммед Кушчи — см. Али Кушчи
Ала ад-дин Али Сани'и 259
Ала ад-дин Алике-кукельташ — см. Алике-кукельташ
Ала ад-дин Аттар 124 *
Ала ад-дин Мухаммед б. Текеш — см. Мухаммед б. Текеш
Ала ад-дин Тармаширин — см. Тармаширин
Ала ад-дин хотанский 297
Ала ад-дин Шаши 122 *
Ала ал-мульк Термези 31
Ала ал-мульк Худавенд-заде (XIV в.) 31
Ала ал-мульк Худавенд-заде (XV в.) 43
Алгуй 318 *, 541, 542
Александр Македонский, Александр Великий 147 *, 224, 322, 456, 466, 535
Али, халиф 46, 47 *, 235, 236. 254 *, 385, 394, 395, 449
Али-Акбар 31, 43
Али б. Мамун — см. Абу-л-Хасан Али б. Мамун
Али б. Муджахид 381 *
Али б. ал-Хасан — см. Али-тегин
Али б. Хусейн (=Али-тегин?) 491
Али б. Хусейн Кашифи (Фахр ад-дин Али ас-Сафи) 361, 425, 426
Али-бек 41, 84
Али бекрит 101, 105
Али Кушчи (Ала ад-дин Али б. Мухаммед) 136—138, 143
Али-Муайяд 47 *, 84
Али-тегин (Али б. ал-Хасан, Тамгач Богра-Кара-хакан) 491—493, 507, 513, 514
Али-Шир — см. Мир Али-Шир
Али-Шир-бек — см. Мир Али-Шир
Али-Яр-бек 355
Алиды (ветвь Караханидов) 520 *
Алике-кукельташ, Ала ад-дин 58, 88, 90, 128, 129
Алим-бек, киргиз 336, 337, 352—354
Алим-Кул 342—347, 353—357
Алим-хан 334
Алла-Кул (Алла-Кули-хан) 401
Аллахдад, главный эмир Халиль-Султана 80, 81, 86—89
Аллахдад б. Худайдад 89, 90
Алп-тегин 504, 525
Алтунташ, Абу Са'ид 491, 493, 536
Амид ал-мульк б. Низам ал-мульк, Рашид ад-дин 249, 251
Амин ад-дин Махмуд 241, 243, 249
Амр (автор каталога христианских епархий) 293
Амр (источник Сейфа б. Омара) 386 *
Амр б. ал-Лейс 500, 522
Ананда 417, 418
Андреас Ф. (Andreas F. C.), 462, 463
Андрей Губурнат (?) 402 *
Андхуди — см. Юсуф б. Абдаллах Андхуди
Аничков И. В. 321
Антиох Великий 457
Ануш-тегин (Нуш-тегин) Гарча 524
Ануша-хан 402 *, 537, 547
Ань Чжи-дао 67, 117
Аполлодор артамитский 455, 457
Араб-Мухаммед 421
Арабшах б. Фулад 546, 547
Аргун, ильхан 424 *
Аргун-шах 75, 76, 78, 81, 84, 87—89
Ардашир-туваджи 118
Ардистани — см. Мухаммед Ардистани
Арик-Бука 142, 541
Аристов Н. А. 266 *
Аристотель 135, 140 *
Ариф, поэт 169

Ариф Азери 65
Арслан-Джазиб 239
Арслан-Кара-хан Ахмед б. Али — см. Ахмед б. Али
Арслан-тюря 407 *
Арслан-хан карлукский (нач. XIII в.) 295, 304, 308, 527
Арслан-хан Мухаммед б. Наср — см. Айн ад-дауля
Арслан-хан Мухаммед б. Сулейман 474, 494
Арслан-хан Сулейман б. Юсуф (Шереф ад-дауля) 290, 291 *, 507, 508
Арслан-ходжа-тархан 107, 110, 111
Аршакиды 458
Аскаров, Акрам 320, 321
Астраханская династия — см. Аштарханиды
Атабек, букаул 348
Атсыз б. Мухаммед б. Ануш-тегин 414, 495, 496, 536
Аттар — см.: Ала ад-дин Аттар; Ферид ад-дин Аттар
Аубахи — см. Абу Са'ид Аубахи
Аузли В. (Ouseley W.) 367 *
Ауфи, Мухаммед 363, 493, 505, 515—517
Афзаль ад-дин Кеши 44, 122 *
Афзаль ад-дин Мухаммед (ходжа Афзаль) 234, 241, 242, 249—252
Афраат — см. Фархад
Афрасиаб (миф.) 203, 473, 478, 519, 520
«Афрасиаба дом» — см. Караханиды
Афшар, Иредж 126 *, 148 *
ал-Афшин — см. Хайдер б. Кавус
Ахей 275
Ахмед, мауляна 46
Ахмед, пророк — см. Мухаммед
Ахмед (Абу Али) б. Абу Бекр Мухаммед б. ал-Музаффар б. Мухтадж 498, 499
Ахмед б. Абд ал-Азиз (I) 516
Ахмед б. Али, Арслан-Кара-хан 520 *
Ахмед б. Исма'ил, Саманид 278 *, 500
Ахмед б. Мухаммед, Караханид 494
Ахмед б. Мухаммед, переводчик Нершахи 273, 274
Ахмед б. Мухаммед, хорезмшах 535
Ахмед б. Омар-шейх 71, 73, 90, 92, 100, 101
Ахмед б. Сахль б. Хашим 500
Ахмед Джалаир 47 *
Ахмед ал-Кубави — см. Кубави
Ахмед-мирза, внук Мираншаха 229, 233, 251, 252
Ахмед-Муштак 234
Ахмед Туси — см. Фахр ад-дин Ахмед Туси
Ахмед-Хаджи-бек (Вефаи) 221, 225—227, 237
Ахмед-хан [б. Кучук-Мухаммед], золотоордынский 221, 489
Ахмед-хан [б. Хизр], Караханид 290
Ахмед Ясеви («Хазрет-Султан») 125 *, 164, 339, 340, 440, 532
Ахрар, ходжа (Насир ад-дин Убейдаллах) 71, 121, 123, 124, 126, 127, 131 *, 164—168, 169 *, 170—172, 199, 202, 229, 396 *, 430, 434 *, 435 *
Ашраф ад-дин, сейид 263, 318
Аштарханиды (Астраханская династия, Джаниды) 389, 547

Баб-Мачин 435 *
Баба-Али 230
Баба-бек 501
Баба-Джан 353
Баба-Сенгу 44
Баба-Турмуш 86—89
Баба-Хасан (Хасан, арлат) 218, 219
Баба-Хусейн-бахадур 161, 162
Бабек 497
Бабуей 277
Бабур, Абу-л-Касим 138 *, 149—156, 159, 163, 166, 168, 169, 177, 200, 209, 214—218, 227, 236
Бабур, Захир ад-дин 31 *, 115, 116, 127—130, 137, 139 *, 161 *, 162 *, 166, 172*, 173, 201, 205, 209 *, 212—214, 217, 218, 223, 226, 228, 231—233, 235 *, 236, 237, 240—242, 244, 250 *, 252, 255, 256, 259, 304, 306, 307, 452, 503, 527, 528, 546, 547
Багдади — см.: Меджд ад-дин Багдади; Мухаммед б. Муайяд ал-Багдади
Бадакул 546
Бади' аз-заман б. Султан-Хусейн 218, 244, 247, 249—253, 255, 256, 258, 260
Базар-батур 351
Бай-Мурад б. Базар-батур 351
Байду 263
Байзак-бий 345, 346, 357
Байкара [б. Мансур], старший брат Султан-Хусейна 234, 235
Байкара б. Омар-шейх 213

Байрам-Али-хан 502
Байсункар б. Султан-Махмуд (Адили) 236, 503
Байсункар б. Шахрух 98 *, 100, 112, 118, 128 *, 139, 140 *, 145, 147, 148, 150, 208, 216—218, 452
Байсункар б. Я'куб, Ак-Коюнлу 244
Баки-Мухаммед, Аштарханид 547
Балазури 272 *, 382 *, 383 *
Бал'ами (Бал'амийан), семья 504, 505
Бал'ами, Абу Али Мухаммед б. Мухаммед («Эмирек, Бал'ами») 504, 505, 525
Бал'ами, Абу-л-Фазл Мухаммед б. Убейдаллах 504, 505
Балхи, Абу Зейд 464
Бар-Эбрей — см. Абу-л-Фарадж
Барак-хан — см. Борак-хан
Барбот де Марни 453 *
Баркьярук 494
Барсума 278
Бартольд В. В. 26 *, 28 *, 30 *—32 *, 34 *, 35 *, 36 *, 48 *, 50 *, 60 *, 62*, 72 *, 77 *, 120 *, 121 *, 123 *, 125 *, 128 *, 129 *, 135 *, 136 *, 138 *, 144 *, 166 *—168 *, 174 *, 202 *, 212 *, 213 *, 226 *, 238 *—240 *, 244 *, 254 *, 260 *, 265 *, 268 *, 271 *, 272 *, 279 *, 284 *, 304 *, 306 *, 307 *, 315 *, 322 *, 323 *, 330 *, 350 *, 362 *—365 *, 367 *, 368 *, 370 *, 380 *, 388 *, 390 *, 396 *, 401 *, 402 *, 414 *, 421 *, 423 *, 428 *, 430 *, 434 *, 436 *, 439 *, 443 * 461 *, 472 *, 477 *, 491 *, 494 *, 505, 510 *, 513 *, 514, 516 *, 540 *, 544, 546—548
Барчынлыги — см. Хусам ад-дин Хамиди
Бату-хан — см. Батый
Батый («Саин-хан») 264, 318, 489, 510, 540, 545
Баурчик 295
Бахадур, сын Шейбана 545, 546
Бахарзи — см.: Бурхан ад-дин б. Сейф ад-дин Бахарзи; Сейф ад-дин Бахарзи
Бахманйар 531
Бахты 144
Баязид Бистами 235
Баязид-перванечи 100, 154, 155
Баязид I 48, 56, 66, 369 *
Баяни 413 *
Беверидж А. С. 166
Бегтузун 526
Беди' — см. Мунтаджаб ад-дин Беди'
Бедр ад-дин, астролог 76
Бедр ад-дин, эмир 243
Бейхаки, Абу-л-Фазл 290 *, 431, 491—493, 507, 508, 525
Бейхаки, Абу-л-Хасан 416 *, 496, 516
Бек-Мухаммед Хадичи 354
Бекович-Черкасский («Девлет-Гирей») 402 *
Бекр б. Мелик 485, 498
Белен (Belin) 200, 201, 212, 213, 216, 217, 222 *, 226, 228 *—230 *, 232 *, 234 *, 235 *, 237 *, 238 *, 243 *, 244, 245 *, 247, 251 *, 254 *, 256, 257
Белого барана династия (Ак-Коюнлу) 210
Бенаи 258, 259
Бер А. (Behr A.) 455 *
Бердибек 80
Березин И. Н. 141 *, 298 *, 310, 311 *, 312, 430 *
Береке, сейид 43, 45, 165 *, 439 *, 442, 446, 448—450
Беркай 264, 318, 510
Берке — см. Беркай
Беркеджар 510
Берлас 264
Бертельс Е. Э. 120 *, 202 *, 214 *, 240 *
Беха ад-дауля — см. Али-тегин
Беха ад-дин, шейх ал-ислам 152
Беха ад-дин Маргинани 542
Беха ад-дин Накшбенд 44, 124, 425, 426, 477
Беха ад-дин Сейф ал-мулук Шуджа' ал-мульк 46 *
Бехзад 257
Бехрам, эмир 48
Биберштейн-Казимирский А. (Biberstein Kazimirski A.) 514
Биби-ханым — см. Сарай-Мульк-ханум
Бике-Султан-бегум 218
Бил С. (Beal S.) 268 *
Бирджанди — см. Абд ал-Али б. Мухаммед Бирджанди
Бируни 30, 276, 279, 284, 286, 287 *, 461, 465, 472, 476, 478—480, 535
Бичурин Н. Я. (Иакинф) 266 *, 285 *, 456 *
Блоше Э. (Blochet E.) 430 *, 446 *, 512
Бо-а-эр-хинь-тай (Бо(бай)аринь-тай) 117*, 119
Богра-хан Абу Муса ал-Хасан (Харун) б. Сулейман 289, 290, 491 *
Богра-хан Мухаммед б. Юсуф 507, 508

Богра-хан Харун (б. Юсуф?) [= Абу Али ал-Хасан (Харун) б. Сулейман] 508
Богра-хан Харун б. Муса [Абу Муса ал-Хасан (Харун) б. Сулейман] 332 *, 506, 507, 520 *
Болдырев А. Н. 126 *, 202 *, 226 *, 259 *, 260 *
Борак-хан (Барак-хан), чагатайский 32, 509—512, 541—543
Борте-Фуджин 538
Браун Э. Г. — см. Броун
Бретшнейдер Э. (Bretschneider E.) 47 *, 288, 301 *
Брокельман К. (Brockelmann C.) 135, 138 *, 524
Броун (Браун) Э. Г. (Browne E. G.) 201, 257, 363, 505
Бу-Са'ид Ченг 212
Бува Л. (Bouvat L.) 201, 202, 210 *, 228 *
Будагов Л. 427 *, 528
Будда 269 *, 270
Бузар (Озар) 296, 297 *
Буиды 485, 498, 525
Бурак-хан (Барак-хан), узбекский 102, 104, 105, 111, 112, 116, 142, 176, 177
Бури-тегин, Абу Исхак Ибрахим б. Наср 513, 514; см. также Тамгач-хан Ибрахим б. Наср
Бурке-султан 170 *, 490
Бурмиш-ага (اغا بورميش) 40 *; ср. Нармиш-ага
Бурундук, эмир 74, 76, 78, 233
Бурхан, Бурханиды, семья 515, 518
Бурхан ад-дин, шейх ал-ислам 162, 166, 168—170, 172
Бурхан ад-дин Абд ал-Азиз II — см. Абд ал-Азиз II
Бурхан ад-дин Абризи 435 *
Бурхан ад-дин б. Сейф ад-дин Бахарзи 542
Бурхан ад-дин Маргинани 32 *
Бурхан ад-дин Махмуд б. Ахмед — см. Махмуд б. Ахмед (I)
Бурхан ад-дин Мухаммед (= Мухаммед III б. Абд ал-Азиз II?) 516
Бурхан ад-дин Мухаммед б. Ахмед — см. Мухаммед (II) б. Ахмед (I)
Бурхан ад-дин Мухаммед б. Омар — см. Мухаммед (I) б. Омар I
Бурхан ад-дин Сагарджи 434, 435
Бурхан-и ислам Тадж ад-дин Омар — см. Омар (II) б. Мас'уд
Бухари 31 *
Бухаров, Алексей 421
Бушай-тюря (султан Девлет Бушаев) 411
Буян-кукельташ 144
Буянту 417, 418

Валиханов Ч. Ч. 266 *
Вамбери Г. (А.) (Vámbéry H.) 290, 439, 488
Васильев В. П. 311
Васифи, Зейн ад-дин 126, 202 *, 245 *, 250 *, 252 *, 260 *
Вассаф 33 *, 137 *, 297 *, 417, 418 *, 509—511, 542
В. В. — см. Вяткин В. Л.
Вейс-хан 103, 104, 113, 115, 145, 177
Великие Моголы, династия 209 *
Вельхаузен И. (Wellhausen J.) 381, 385 *
Вельяминов-Зернов В. В. 488, 547
Веселовский Н. И. 55, 125 *, 320, 333, 350 *, 400, 401, 419, 421, 423, 433, 435, 438—440, 453
Вефаи — см. Ахмед-Хаджи-бек
Вефик-паша 394 *
Вивьен де С.-Мартен (Vivien de St.-Martin) 265 *, 266 *
Виткевич 419
Вольф О. (Wolff O.) 298 *
Вуллерс И. А. (Vullers J. A.) 313 *, 425 *, 429 *
Вюстенфельд Ф. (Wüstenfeld F.) 403 *, 431 *
Вяткин В. Л. 74 *, 99 *, 126 *, 128 *, 130, 137, 144 *, 161 *, 420, 423, 426 *, 433, 434 *, 438—442, 451, 477, 546

Газали, Мухаммед 430
Газан-хан 61, 138
Газневиды 493, 507, 513, 514, 520, 536
Гайтон (Гетум, Хетум) 286, 317
Гален (جالينوس) 140 *
Ганиева С. 223 *
Гардизи 282 *, 283 *, 286 *, 287 *, 289 *, 301, 382 *, 493, 499, 500, 505, 507, 514
Гариби — см. Мухаммед-Али
Гарнати, Абу Хамид Андалуси 235 *
Гаухар-Шад-ага 63, 97, 143 *, 145—151, 153, 155, 171, 177, 452
Гвиди И. (Guidi J.) 272 *, 275
Герасимов М. М. 26 *

Геродот 135
Гетум — см. Гайтон
Гибб Х.А.Р. (Gibb H.A.R.) 380 *
Гиппократ 46
Гирей, род 402 *
Гистасп (миф.) 476
Гияс ад-дин, наккаш 118
Гияс ад-дин Али 46 *, 52 *, 65, 365
Гияс ад-дин б. Шади-бек 142
Гияс ад-дин Джемшид б. Мас'уд Каши 96, 135, 136, 176
Гияс ад-дин Кичкине (Кичкине-бахши) 212 *, 213
Гияс ад-дин Мансур б. Байкара 213, 214
Гияс ад-дин Мухаммед Дихдар 245, 247
Гияс ад-дин Пир-Ахмед Хавафи 97, 233
Гияс ад-дин-тархан 63
Го Цзи 67
Гобино Ж. А. (Gobineau J. A. de) 30 *
Гомер 135
Гораций 459
Готье Р. (Gauthiot R.) 461—464, 466, 467, 469
Гревс 137 *
Гренар Ф. (Grenard F.) 506
Григорьев В. В. 266 *, 287, 288, 292
Грум-Гржимайло Г. Е. 465 *
де Гуе М. Я. (de Goeje M. J.) 273 *, 280, 281, 283, 285 *, 323, 327 *
Гурек 274 *, 381—384, 386, 387, 497
Гуриды 206
Гутшмид А. (Gutschmid A. von) 271 *, 289 *, 293 *, 298
Гуюк 263, 276 *, 316, 317, 466, 540

Давид (библ.) 317
Давидович Е. А. 245 *, 520
Дарий I 322
Даудов 421 *
Даулет-Бахт 144
Даулет-Бахт-Са'адет 144
Даулет-Берды б. Таш-Тимур 141, 142
Даулет-Султан 144
Даулетшах 55 *, 56, 62 *, 65, 115 *, 122 *, 124, 127, 132, 139, 140, 147 *, 150 *, 154, 156, 157 *, 158 *, 159, 162 *, 163 *, 212 *, 216, 217, 224, 232, 238, 257, 364 *, 454
Даулетшах-бахши 367
Даурань, дадхах 352
Девлет Бушаев — см. Бушай-тюря
Девлет-Гирей — см. Бекович-Черкасский
Дегинь Ж. (Deguignes J.) 267 *, 268 *, 288, 300
Дейяр, Абу-л-Фатх 131
Демезон 144 *
Дервиш-Али, кукельташ 212, 237, 242, 244—246, 253
Дервиш-Вели 254
Дервиш-Мухаммед-тархан 172, 225
Дервиш-оглан 141
Джаббар-Берды б. Тохтамыш 101, 141 *
Джаку 367
Джамедар 345, 357
Джами, Абд ар-Рахман 31 *, 44 *, 45 * 126, 136 *, 228, 229, 232, 235, 236, 246, 247, 251, 416, 425, 426 *, 430, 431, 434, 441
Джан-ходжа 321
Джанибек б. Ходжа-Мухаммед, Шейбанид 487, 547
Джанибек-бий 408
Джаниды — см. Аштарханиды
Джа'фар Садик 127
Джа'фари 148 *
Джейхани, Абу Абдаллах 504, 505
Джелаль б. Хамид 51, 52
Джелаль ад-дин б. Баязид 155
Джелаль ад-дин б. Мухаммед, хорезмшах 537, 538
Джелаль ад-дин Мухаммед б. Султаншах 160
Джелаль ад-дин Фирузшах 97, 147, 148, 242, 257
Джемаль ад-дин Ахмед Хорезми 435, 436
Джемаль ад-дин Исфахани 139 *
Джемаль ад-дин Фатхаллах Тебризи — см. Фатхаллах Тебризи
Джемаль ад-дин Юсуф Зейн ал-Хавафи 253 *
Джемаль Карши 32 *, 36 *, 204, 296 *, 363, 506, 509, 511, 539, 541, 542, 544
Дженкинсон 421 *
Дженкши 543
Джехангир б. Тимур 40, 42, 56, 208, 426—428, 437 *
Джеханшах б. Камар ад-дин 104 *, 106—108, 110
Джеханшах б. Кара-Юсуф 115, 171, 208, 210, 211 *, 219
Джувейни 277 *, 289 *, 291, 296, 297, 298 *, 318 *, 364 *, 417, 430, 432 *, 466, 517, 518, 538, 539, 542, 544
Джузджани 26 *, 263, 294 *, 316, 317, 416 *, 417

Джуки — см. Мухаммед-Джуки б. Шахрух
Джумадук-хан (Юмадук-хан) 489, 546
Джурабековы 389
Джурджани 524
Джучи 52, 111, 318 *, 389, 396 *, 489, 538
Джучи-Буга 546
Джучиды 141
Джэбэ-нойон 297
Димитрий [Полиоркет] 456, 457
Динавери, Абу Ханифа 384 *
Дионисий, мафриан 276
Дионисий Периегет 459
Дихдар — см. Гияс ад-дин Мухаммед Дихдар
Диц Е. (Diez E.) 239 *
Дози Р. (Dozy R.) 200, 260
Дорн Б. А. 135, 519
Дост, юз 354
Дост-Мухаммед, афганский эмир 412 *
Дост-Мухаммед, каракалпак 354
Дува — см. Тува
Дува-Седжан(Сэцэн?)-хан 453 *, 454 *
Дуду-бек б. Исхак б. Хизр (Насир ад-дин Абу Шуджа') 414, 415
Дулдай 93 *

Евклид 135
Еврипид 135
Евфидем 457
Елюй Да-ши 291, 292, 294
Есу-Мункэ 540, 542
Есун-Тува 509

Жуковский В. А. 502
Жуковский С. В. 420, 422
Жюльен С. (Julien S.) 268 *

Залеман К. Г. 298 *, 361
Захау Э. (Sachau C. E.) 367 *
Захир ад-дин Бабур — см. Бабур, Захир ад-дин
Захир ад-дин Мар'аши 47 *, 449 *
Зейн ад-дин Абу Бекр Тайабади 44, 45
Зейн ад-дин Абу Бекр ал-Хавафи 44 *, 450
Зейн ад-дин Казвини — см. Казвини, Зейн ад-дин
Зейн ад-дин Куи-Арифани 434 *
Зейнаб, дочь Махмуда Газневида 507
Зимин Л. А. 365 *, 368 *, 434, 442 *, 472, 478, 480, 481
Зия ад-дин Сухраверди — см. Сухраверди
Зияриды 498
Зопир (лег.) 381
Зороастр 285, 325, 326, 478
Зуев Ю. А. 268 *

Иакинф — см. Бичурин
Ибадж-оглан 51, 52
Ибн ал-Араби 236
Ибн Арабшах 34, 38—40, 41 *, 42 *, 44—46, 48 *, 50, 52—54, 56 *, 58, 60 *, 61, 62 *, 80 *, 81 *, 84 *, 85 *, 87—90, 93 *, 94 *, 95, 122 *, 301, 424 *, 425 *, 435—437, 442, 445—451
Ибн ал-Асир 55 *, 272 *, 283, 287, 289—291, 293, 295 *, 386 *, 414, 415, 416 *, 443 *, 491, 493, 499, 504, 506—508, 516, 517, 531, 535
Ибн Баттута 31, 33, 204 *, 313, 363, 425, 432, 543
Ибн Кутейба 382 *
Ибн Ла'ли 224
Ибн Муханна 311 *, 527
Ибн Са'д 431 *
Ибн Сина, علي سينا 30, 140 *
Ибн Фадлаллах ал-Омари — см. ал-Омари
Ибн Фадлан 535
Ибн ал-Факих 284
Ибн Хаджиб 225, 226 *
Ибн Халдун 46, 48 *, 60
Ибн Хаукаль 279, 284, 315, 525
Ибн Хордадбех 280, 283, 286 *, 288
Ибн Шихна 45 *, 60 *
Ибрахим, пророк 386 *
Ибрахим б. Ахмед, Саманид 498
Ибрахим б. Идику-Тимур 155
Ибрахим б. Наср — см.: Тамгач-хан Ибрахим б. Наср; Бури-тегин
Ибрахим б. Пулад, мамлюк 158
Ибрахим б. Симджур 498
Ибрахим б. Туктимур 106, 107
Ибрахим б. Фулад, Шейбанид 546
Ибрахим-бек 339, 353
Ибрахим-Султан (Ибрахим) б. Шахрух 64—66, 70, 73, 75, 77, 90, 115, 139, 156, 208, 214, 447
Ибрахим-Хусейн б. Султан-Хусейн 245, 254

Иван III — см. Иоанн III
Иван IV — см. Иоанн Грозный
Иванов П. П. 402 *
Ивановский А. О. 298 *, 310 *
Идику барлас (ايدكو) 39 *
Идику-Тимур 155
Идриси 282, 292, 293
Иисус Христос 285, 286 *, 317
Икбаль, Аббас 414 *
Икинчи б. Кочкар 524, 536
Илек-хан — см. Наср б. Али
Ильтузер-хан 401, 535
Ильчи-бахадур 367
Илья нисибинский 275 *
Илья тирганский 271
Илья III, патриарх несторианский 293
Ильяс-ходжа 370 *
Имад ад-дин, ходжа 123 *.
Имад ад-дин Исфаханский 414, 415, 416 *
Имад ал-ислам 251, 252
И-ми Кю-ди-бо — см. Кутейба б. Муслим
Ин-цзун 119 *
Иннокентий IV 276 *
Иностранцев К. А. 414, 415
Иоанн, пресвитер 292, 293
Иоанн (?), сын Дженкши 543
Иоанн Грозный 421 *
Иоанн Креститель 286
Иоанн III (Калита) 221
Иразан 115
Иса, военачальник 82
Иса, мулла 349
Иса, пророк 386 *; см. Иисус Христос
Иса-Араб 546; см.: Арабшах; Ибрахим (сыновья Фулад-хана)
Иса-бек (Исхак-бек) 351
Иса-бек, юз 351, 352
Исам ад-дин 44, 121, 122, 162, 444
Искендер б. Джанибек, Шейбанид 420, 487, 488, 521
Искендер б. Кара-Юсуф 115 *, 135, 153
Искендер б. Хинду-Бука 102 *, 110
Искендер-бек 348, 357, 358
Искендер Мунши 488, 547
Искендер-Султан (Искендер) б. Омар-шейх 42 *, 56, 57, 58 *, 59 *, 69, 70, 100, 135 *, 367 *, 368, 442
Искендер Шейхи 59
Исма'ил б. Ахмед, Абу Ибрахим 280, 287, 325, 329—331, 500, 504, 522
Исма'ил б. Нух, Абу Ибрахим ал-Мунтасир 523
Исма'ил I, Сефевид 215, 217, 546
Исма'ил Касри 441
Исма'ил Хандан б. Алтунташ 493
Исма'ил-Хикмет 201, 214 *, 217 *
Исметаллах Бухари 139, 140 *
Истахри 279, 464, 465, 475, 477, 505
Исфахани — см. Джемаль ад-дин Исфахани
Исфизари, Му'ин ад-дин Мухаммед 45 *, 249
Исхак (Абу Исхак Ибрахим) б. Алп-тегин 525
Исхак-бек — см. Иса-бек
Ифтихар-Джехан 518

Йезди — см. Шереф ад-дин Йезди
Йездигерд (III) 147 *, 386, 387
Йет Ч. Э. (Yate Ch. E.) 235 *
Йиган-тегин — см. Богра-хан Мухаммед б. Юсуф

Кабул-шах 37, 142
Кабули — см. Мир Са'ид
Кабус б. Вашмгир 238
Кавеньяк 201
Кадак-хатун 40, 427
Кадыр-хан Джибраил 494
Кадыр-хан кипчакский 294 *
Кадыр-хан Юсуф б. ал-Хасан 491, 507
Казаган 34, 35, 37, 38, 41, 42, 49, 207, 369, 373 *
Казак-бай 354
Казан 34, 35, 39, 47, 425, 543
Казвини, Закария 285, 286
Казвини, Зейн ад-дин б. Хамдаллах 55 *
Казвини, Мухаммед б. Абд ал-Ваххаб 430 *, 505, 515, 518
Казвини, Хамдаллах Мустауфи 32 *, 52 *, 138 *, 207, 278 *, 417
Кази-заде Руми, Салах ад-дин Муса б. Махмуд 126, 135, 136, 138
Кайдар, пророк (?) 436
Кайду [б. Пир-Мухаммед] 213
Кайкубад 42
Кайхусрау, эмир 42
Кайхусрау, сын Сиявуша (миф.) 478, 535
Каллаур 281 *, 282 *
Камар ад-дин 104 *, 106
Камбер, шурбетдар 351
Камкариян, род 500
Канаат-шах, аталык 336—338, 340—342, 350, 352—354

Канали-(бий) 408 *
Кара-Коюнлу (Черного барана) династия 135, 153, 208, 210, 219 *
Кара-хан (предок Караханидов) [=Муса б. Абд ал-Керим] 289
Кара-Юсуф 115 *, 208, 452
Карабачек И. (Karabacek J.) 272 *
Каракул-Ахмед-мирза 113
Караханиды («дом Афрасиаба») 32, 288—291, 293—295, 363, 493, 494, 506, 513, 516 *, 519, 520
Карачар 39, 50 *
Кармышева Б. Х. 35 *
Карпини, Плано 545
Карты — см. Курты
Касим, минбаши 351
Касим-и Анвар 132 *, 239
Касимов 421 *
Касуни 144
Катанов Н. Ф. 320, 321
Катрмер Э. (Quatremère E.) 63 *, 103 *, 119 *, 165 *, 544
Кауфман К. П., фон 402, 404 *, 411 *
Кафаров (Палладий) 285 *, 310 *, 311
Каши — см. Гияс ад-дин Джемшид Каши
Кашифи — см.: Али б. Хусейн Кашифи; Хусейн Ва'из
Кашлы, сын Берласа 264
Кебек 32, 33, 39, 216, 424, 425, 543
Кель-Минбай 356
Кемаль Бадахши 140
Кемаль ад-дин Абд ал-Васи' Низами 251
Кемаль ад-дин Хусейн б. Низам ал-мульк 249, 251
Кене-Сары-хан (Кенисара) 406
Керим-Кул, понсад-баши 351
Кипчак, царевич 511
Кир 322
Кичкине-бахадур, Кичкине-бахши — см. Гияс ад-дин Кичкине
Клавихо Р. Г. де 26 *, 38, 41, 49, 53, 54 *, 55, 57, 58, 60, 66—68, 76 *, 77 *, 206, 399 *, 420 *, 427, 428 *, 437, 438, 439 *, 441, 442, 544
Ковалевский М. М. 360
Козьма Индоплаватель 278
Комаров П. 361
Конфуций 418 *
Коркуд 416
Корш Ф. Е. 265
Кояк 264
Кристенсен А. (Christensen A.) 476
Крымский А. Е. 30 *
ал-Кубави, Ахмед 485
Кудама (б. Джа'фар) 280, 281 *, 283, 284, 285 *, 288, 289
Кул-Али 230
Кул-Мухаммед б. Худайдад 104 *
Кул-Мухаммед-аталык 402 *
Кулаль, шейх — см. Шемс ад-дин Кулаль
Куман — см. Чжэлугу
Кумкин(Куштин, Кушкин)-тайгу 291; см. Елюй Да-ши
Кун А. Л. 402 *, 428
Кунграты, династия 537 *, 547
Куропаткин А. Н. 300 *
Курты (Карты), династия 55, 206, 207
Кусам б. Аббас 382, 432, 433 *
Кутб ад-дин, садр 125 *
Кутб ад-дин Мухаммед б. Ануш-тегин 524, 536
Кутб ад-дин Мухаммед б. Текеш — см. Мухаммед б. Текеш
Кутб ад-дин Хабаш-Амид — см. Хабаш-Амид
Кутб ад-дин Ширази 139
Кутб-и Чахардахум — см. Нур ад-дин Басир
Кутейба б. Муслим 272, 274, 325, 326, 380 *, 382—384, 478, 479, 497, 535
Кутлуг-Туркан(Теркен)-ага, дочь Улугбека 144
Кутлуг-Туркан(Теркен)-ага, сестра Тимура 41, 44, 432, 435
Кухистани — см. Мас'уд б. Осман ал-Кухистани
Кучкунчи 129, 144
Кучлук (Кючлюк) найманский 114, 294, 295—298
Кучук-Мухаммед 142
Кызыл-Арслан-хан 428
Кышлык 63

Ла'ли — см. Султан-Мухаммед, шах бадахшанский
Лапин С. А. 99 *, 303—309, 312
Лат 321
Ле Стрэндж Г. (Le Strange G.) 32 *
Лекок А. фон 465
Лерх П. 288, 301, 302, 318
Ли Гуй 119
Лившиц В. А. 381 *
Липовский А. Б. 359

Логофет Д. Н. 373 *
де Лонджумелло, Андреас 276 *
Лопес Эстрада Ф. (López Estrada F.) 25 *, 427 *
Лутфи 34 *, 98 *, 140, 208
Лыкошин Н. С. 323 *, 471 *
Лэн-Пуль С. (Lane-Poole S.) 420, 547
Людовик IX Святой 264, 276 *
Людовик XIV 297

Ма Дуань-линь 299
Маанес (Магнес) 277
Мадаини, Абу-л-Хасан Али б. Мухаммед 380, 381 *, 383, 478, 479
Майтра К. М. (Maitra K. M.) 119 *
Макдиси 273, 279, 282, 287, 288, 429, 465, 485, 504, 532
Макшеев А. И. 337 *
Малихо 439 *
Малля-хан 334 *, 335, 336, 338, 339, 341, 342, 351—353, 356, 403 *
Мамбет, киргиз (=казах) 321
Мамбетов — см. Хали-бай Мамбетов
Мамун, Аббасид 204, 329
Мамун б. Мамун — см. Абу-л-Аббас Мамун II б. Мухаммед
Мамун б. Мухаммед — см. Абу-л-Аббас Мамун I б. Мухаммед
Манат 321
Мангалай 417
Мангыты 396 *
Мани 271 *
Мани, гурхан — см. Чжэлугу
Мансур, Музаффарид 52
Мансур, Тимурид — см. Гияс ад-дин Мансур
Мансур б. Нух I (Абу Салих), Саманид 504, 525
Мансур б. Нух II (Абу-л-Харис), Саманид 485, 525
Мансур Каши 135
Марабохт 277
Мар'аши — см. Захир ад-дин Мар'аши
Маргинани — см.: Беха ад-дин Маргинани; Бурхан ад-дин Маргинани
Маргуз-хан 292
Марик А. (Maricq A.) 461 *
Марин тирский 458—460
Маркварт И. (Marquart J.) 271 *
Марко Поло 204, 317, 318 *, 509, 540
Марр Н. Я. 116 *
Маруфа 276
Марьям Челеби (Мирим Челеби, Махмуд б. Мухаммед б. Кази-заде-и Руми) 138
Масальский, кн. 427, 472 *
Маслама б. Абд ал-Мелик 504
Массон М. Е. 38 *, 49 *, 99 *, 128 *, 426 *, 428 *, 435 *, 439 *, 452 *, 453 *
Мас'уд б. Ахмед 516
Мас'уд б. Махмуд, Газневид 491—493, 507, 513, 514, 536
Мас'уд б. Осман ал-Кухистани 159 *, 161, 165, 168 *, 170 *, 490
Мас'уд б. Султан-Махмуд 503
Мас'уд-бек б. Махмуд Ялавач 510, 539, 541
Мас'уд Куми 251
Мас'уди 284, 285, 476
Мауляна-заде Самарканди 364 *, 366 *, 368 * (Бухари), 370—375
Мауляна Нефис — см. Нефис, мауляна
Мауляна Сафи ад-дин Хутталяни — см. Сафи ад-дин Хутталяни
Мауляна Хурдек Бухари — см. Хурдек Бухари
Мах, «царь» (или огнепоклонник?) 474, 475
Махбуби, семья 518 *
ал-Махи (ал-Бухари) — см. Абу Мухаммед ал-Абрад
Махмуд б. Ахмед (I), Бурхан ад-дин 517
Махмуд б. Ахмед Махбуби, Шемс ад-дин 518 *
Махмуд б. Вели 388, 488, 545
Махмуд б. Мулла Мухаммед-Заман Ургенчи 402 *
Махмуд б. Мухаммед б. Кази-заде-и Руми — см. Марьям Челеби
Махмуд [б. Шах-Будак], Шейбанид 490
Махмуд б. Юсуф — см. Тогрул-Кара-хакан Махмуд б. Юсуф
Махмуд Газневид 58, 239, 431, 432 *, 485, 491, 493, 507, 536
Махмуд Гити (Кутби?) 52 *
Махмуд Кашгарский 203, 282 *, 298 *, 466—468, 527
Махмуд-Ниязь, есаулбаши 408, 410, 412
Махмуд Фаррох — см. Фаррох, Махмуд
Махмуд-хан [б. Кучук-Мухаммед], золотоордынский 489
Махмуд-хан б. Юнус-хан 225
Махмуд-шах Ферахи 252
Махмуд Ялавач 539

Маэс (Titianus) 458, 459
Меджд ад-дин, придворный врач Чагатая 540
Меджд ад-дин Багдади 250
Меджд ад-дин Мухаммед 233, 234, 240—249, 251
Медников Н. А. 386 *
Мейер, капитан 344 *
Мейер Э. (Meyer Ed.) 174 *
Мейменди — см. Абу-л-Хасан Мейменди
Мелик-Ислам 104, 105, 107, 108
Мелик ал-ислам, садр 518
Мелик-Синджар 363 *, 517
Мелик-Хусейн гератский 37 *
Мелик-шах б. Текеш 530
Меликшах, Сельджукид 139, 287, 508, 520
Мелиоранский П. М. 311 *, 320, 527
Менандр 457
Менучехр, жрец 280 *
Менучехр (миф.) 476
Менучехри 513, 514
Мерван II 384, 385
Мерверруди, Фахр ад-дин — см. Фахр ад-дин Мубарекшах
Мерверруди, Хусейн б. Али 500, 504
Мизраб 86, 91, 92
Мин, Минская династия 67—69
Минг-Тимур 546
Минорский В. Ф. 55 *, 285 *
Мир Ак-Мелик — см. Мир Шахи
Мир Али-Шир (Неваи) 199—203, 205, 207, 208, 210—217, 221—230, 232—259, 304, 307, 310, 416 *, 528
Мир Са'ид, Сейид-Ака (Кабули) 222
Мир Шахи (Мир Ак-Мелик) 216
Мираншах б. Тимур 45 *, 54—58, 71, 73, 79, 82, 85, 96 *, 157, 207—209, 213, 215, 229, 428, 437 *, 447, 448, 452, 533
Мираншах каучин 158
Мираншах (Тимурид) 156
Мирек Махмуд — см. Низам ад-дин Мирек Махмуд
Мирек Туркмен 115
Мирек Хасан 173 *
Мирза Ахмед, кушбеги 345, 350 *, 355, 357
Мирза Даулет 342, 343, 354, 356
Мирза Камиль 353
Мирза Мухаммед б. Абд ал-Ваххаб Казвини — см. Казвини, Мухаммед
Мирза Мухаммед-Султан — см. Мухаммед-Султан б. Ахмед
Миронов Н. Д. 33 *
Мирхонд 102 *, 103 *, 105 *, 106 *, 109 *—111 *, 119 *, 137 *, 143, 145, 146 *, 156 *, 158, 160—162, 164 *, 166 *, 200 *, 201, 223, 238, 257, 295, 297, 298 *, 453, 454 *
Мискин, казий — см. Шемс ад-дин Мухаммед Мискин
Митридат II Великий 458
Михаил, сын Сельджука 285
Михр-Султан 144
Миян-Халиль-Сахиб 350
Могол, эмир 244
Моголы Великие — см. Великие Моголы
Могултай 510
Моисей 131 *, 317, 343
Молчанов А. А. 362 *
Монте-Корвино 264, 277 *
Му'авия 385
Мубарек-шах, сын Хара-Хулагу 32, 125 *, 509, 511, 540, 542, 543
Мубарек-шах туркменский 41
Мубариз ад-дин Мухаммед-Вели-бек 246, 252, 255
Мубашшар 78, 91 *
Музаффар, эмир бухарский 403—406, 412
Музаффар-бек, барлас 232, 234
Музаффар-Хусейн б. Султан-Хусейн 250, 260
Му'изз ад-дин, ходжа 171
Му'изз ад-дин Хусейн, Курт 207
Му'ин ад-дин Каши 135
Му'ин ад-дин Мухаммед Исфизари — см. Исфизари
Му'ин ад-дин Натанзи 31 *, 204, 368 *
Му'ин ал-фукара 515
Мукаддаси — см. Макдиси
Муканна' 273
Муктадир 278, 279
Мулла Аваз-Мухаммед — см. Аваз-Мухаммед
Мулла Алим-Кул — см. Алим-Кул
Мулла Иса — см. Иса, мулла
Мулла Керим-Кул, дестурханчи 350, 351
Мулла Нияз-Мухаммед — см. Нияз-Мухаммед б. Ашур-Мухаммед
Мулла Салих-бек, ахунд 354
Мулла-Султан, юз 354, 355
Мулла Хал-бек, дестурханчи 350
Мулла Шереф ад-дин А'лям Самарканди 129 *
Мулла Юнус-Джан 347, 357
Мумин-ходжа, понсад-баши 351
Мумини — см. Абд ал-Мумин

Мунис (Шир-Мухаммед-мираб) 401, 402, 421 *, 547
Мункэ 263, 264, 318 *, 430, 539, 541
Мунтаджаб ад-дин Беди' 414 *
ал-Мунтасир — см. Иса'ил б. Нух
Мурад-бий (Шах-Ма'сум) 502
Муса, пророк 386 *; см. также Моисей
Муса, эмир 53 *
Муса б. Абдаллах б. Хазим 381 *, 384 *
Мусеви, Мухаммед б. Фазлаллах 57 *, 64 *, 70 *, 367—369, 370 *, 371—375, 441
Мустансир, Фатимид 508
Мусульман-Кул 334 *, 335, 350—352
Му'тасим 272, 279, 328, 497
Мутеваккиль 328
ал-Мути' 485, 498
Мутугэн 509, 538, 540
Мухаллаб (источник Сейфа б. Омара) 386 *
Мухаммед, военачальник Улугбека 110
Мухаммед (источник Сейфа б. Омара) 386 *
Мухаммед, пророк 28, 131, 136, 264, 317, 385, 386, 410, 431
Мухаммед, хорезмшах — см. Мухаммед б. Текеш
Мухаммед-Али, кокандский, 335, 352
Мухаммед-Али (Гариби) 222
Мухаммед-Али-хан 355
Мухаммед Алим 122 *
Мухаммед Амрабади 247
Мухаммед Ардистани 143
Мухаммед Ауфи — см. Ауфи, Мухаммед
Мухаммед (III) б. Абд ал-Азиз II, Сейф ад-дин 516
Мухаммед б. Али, Аббасид 385
Мухаммед б. Али, хорезмшах — см. Абу-л-Харис Мухаммед б. Али
Мухаммед б. Али Термези 31
Мухаммед (II) б. Ахмед (I), Бурхан ад-дин 517
Мухаммед б. Бурундук — см. Шуджа' ад-дин Мухаммед
Мухаммед б. Джа'фар Садик 127
Мухаммед б. Зейд 522
Мухаммед б. Зуфер 516
Мухаммед б. Иса Термези 31
Мухаммед б. Махмуд исфаханский 440
Мухаммед б. Муайяд ал-Багдади 531
Мухаммед б. Наср — см. Айн ад-дауля
Мухаммед (I) б. Омар I, Бурхан ад-дин 516 *
Мухаммед б. Омар (II), Низам ад-дин — см. Низам ад-дин, садр
Мухаммед б. Текеш, Кутб ад-дин 31, 294, 295, 363 *, 517, 530, 531, 536
Мухаммед б. Тимур-хан — см. Кучук-Мухаммед
Мухаммед б. Фадл 465
Мухаммед б. Фазлаллах Мусеви — см. Мусеви
Мухаммед б. Харун 522
Мухаммед б. Юсуф — см. Богра-хан Мухаммед б. Юсуф
Мухаммед Бадахши 224, 226
Мухаммед-бек б. Муса 53 *
Мухаммед-Вели-бек — см. Мубариз ад-дин
Мухаммед Газали — см. Газали
Мухаммед-гази 116
Мухаммед-Дервиш 153 *
Мухаммед-Джехангир 76, 88, 90—92, 98, 100 *, 149, 533
Мухаммед-Джуки б. Абд ал-Латиф 170, 171, 489
Мухаммед-Джуки б. Шахрух 103, 111, 112, 120, 147, 148, 150 *
Мухаммед-Касим б. Мухаммед-Джуки 148, 149, 253
Мухаммед-Керим, юзбаши 411
Мухаммед-Керим б. Байрам-Али-хан 502
Мухаммед-Мирке 53 *
Мухаммед-Мумин б. Бади' аз-заман 250
Мухаммед-Мурад, диван-беги 407
Мухаммед-Назар-бек 355
Мухаммед-Назар Кулак, понсад-баши 352
Мухаммед-Назар Кур-оглу 350
Мухаммед-Нияз, диван-беги 406
Мухаммед-Нияз, кушбеги 351
Мухаммед Парса 122, 123 *, 140, 169 *, 176, 533
Мухаммед-Раджаб, курбаши 351
Мухаммед-Рахим-инак, найман 408, 410
Мухаммед-Рахим-хан, бухарский 127, 394 *, 396 *
Мухаммед-Рахим-хан, хивинский 402
Мухаммед-Риза, аталык 406, 408, 410
Мухаммед-Риза-мираб — см. Агехи
Мухаммед-Салих 129 *
Мухаммед-Султан б. Ахмед («кичик мирза») 233
Мухаммед-Султан б. Джехангир 56, 57, 66, 70, 73, 76, 77 *, 80 *, 99, 143, 282 *, 432, 435—442, 444—446, 449—452, 553

Мухаммед-Тарагай 64; см. Улугбек
Мухаммед Хавафи, Шемс ад-дин 126
Мухаммед-Хайдер 98, 101 *, 113—115, 212 *, 214, 226 *, 301 *
Мухаммед-Хаким (Хаким-хан-тюря) 401
Мухаммед-хан золотоордынский [=Улуг-Мухаммед] 102, 141
Мухаммед-хан могольский 93, 102, 103 *
Мухаммед-Хусейн б. Байрам-Али-хан 502
Мухаммед-Хусрау 158
Мухаммед-Шаисте 114
Мухаммед Шафи' — см. Шафи', Мухаммед
Мухаммед Шах-Бахт (Шахи-бек, Шейбак-бек) — см. Шейбани, Мухаммед
Мухаммед Шейбани — см. Шейбани
Мухаммед-Эренк-хан б. Ануша-хан 547
Мухаммед-Ядигар 229, 230
Мухаммед-Я'куб, махрам 407
Мухаммед-Яр, дадхах 350
Мушкетов И. В. 453 *
Мэн Хун (=Чжао Хун) 26 *
Мюллер А. (Müller A.) 327 *, 534
Мюллер Ф. В. К. (Müller F. V. K.) 464, 519

Навои — см. Мир Али-Шир
Надир-Мухаммед, диван-беги в Бухаре 396 *, 399 *, 434 *
Надир-Мухаммед-хан 388, 389
Надир-шах 453 *
Накш-и Джехан 102, 103
Наливкин В. П. 303, 320, 334 *, 341 *, 467
Наллино К. А. (Nallino C. A.) 139 *
Нар-Мухаммед Задияни, дадхах 342, 343, 350, 351, 356
Нар-Мухаммед кипчак 350
Нарзес 277
Нармиш-ага (اغا نرميش) 40 *; ср. Бурмиш-ага
Нарым-бек 339
Насир, Аббасид 530
Насир ад-дин Абд ал-Халик — см. Абд ал-Халик, Насир ад-дин
Насир ад-дин Абу Шуджа' Дуду б. Исхак б. Хизр — см. Дуду-бек
Насир ад-дин Насраллах Хавафи 97, 177
Насир ад-дин Султан-Ибрахим — см. Султан-Ибрахим б. Шах-Мелик
Насир ад-дин Тахир 416 *
Насир ад-дин-торе 451 *
Насир ад-дин Туси 136, 138
Насир ад-дин Убейдаллах — см. Ахрар, ходжа
Насир Хасан 61 *
Наср б. Абд ал-Мелик, Саманид 485
Наср б. Али, «Илек-хан» [=Арслан-илек] 289, 485, 491, 513, 519, 520 *
Наср б. Ахмед, Саманид 329, 500, 504, 505, 522
Наср б. Мухаммед, Караханид 494
Наср (б. Себук-тегин), Газневид 432 *
Наср, илек — см. Наср б. Али
Насраллах Хавафи — см. Насир ад-дин Насраллах Хавафи
Насрулла, эмир бухарский
Науруз-Ахмед-хан 487
Нафиси, Са'ид 126 *
Нахшаль б. Йезид 383
Неарх 456
Неваи — см. Мир Али-Шир
Неджм ад-дин, ученый 55 *
Неджм ад-дин Кубра 426, 441
ан-Недим 269—271, 274, 380 *
Нёльдеке Т. (Nöldeke Th.) 280 *
Нершахи 116 *, 273—275, 323—326, 382 *, 465 *, 471—476, 479
Несеви 517
Несефи 274 *, 468 *
Нефис, мауляна 142
Нешри 289 *
Низам ад-дин, садр [=Мухаммед б. Омар II] 517
Низам ад-дин Абд ал-Хай Туни — см. Абд ал-Хай Туни
Низам ад-дин Али-Шир — см. Мир Али-Шир
Низам ад-дин Курд 251, 252
Низам ад-дин Маудуд 168
Низам ад-дин Мирек Махмуд 150
Низам ад-дин Сухейли 232
Низам ад-дин Фатхаллах 168 *; ср. Низам ад-дин Маудуд
Низам ад-дин Хамуш 123, 124, 162 *
Низам ад-дин Шами 38 *, 39, 47, 48, 49 *, 50 *, 52 *, 54 *, 55 *, 141, 365, 366, 367 *, 368, 370 *, 371, 373, 447 *
Низам ал-мульк [Абу Али Хасан б. Али Туси] 239 *, 431, 432, 493, 505
Низам ал-мульк Хавафи б. Шихаб ад-дин Исма'ил 233, 234, 241, 244—247, 249—252
Низами 139, 161
Низами Арузи 516
Никитский М. 200, 201, 238 *

Ни'металлах Вали Кермани 47 *
Ни'металлах Сурх 248
Нияз-Мухаммед б. Ашур-Мухаммед (Ниязи) 333, 334, 338, 340, 343, 350 *, 401
Норман 331
Ну'ман — см. Абу Ханифа, имам
Нур ад-дин Басир (Кутб-и Чахардахум) 433—435, 446
Нур ад-дин Хорезми 317
Нур-Ильчи-гурган (Туралчи-гурган) 142*
Нур-Са'ид б. Шах-Мелик 171, 220
Нух, пророк 386 *
Нух б. Асад, Саманид 279
Нух б. Мансур, Саманид 485, 505, 507, 525
Нух б. Наср, Саманид 485, 498
Нуш-тегин — см. Ануш-тегин

Обен Ж. (Aubin J.) 31 *
Огехи — см. Агехи
Огэ-бегум (Огэ-бики), дочь Мухаммед Султана 66, 143, 176, 452
Огэ-бики, дочь Тимура 53 *
Огэ-Туган-шах 144 *
Одо из Тускула 276 *
Озар — см. Бузар
Омар, сейид 440, 451
Омар I, халиф 128, 395 *, 515
Омар II, халиф 386
Омар (I) б. Абд ал-Азиз (I), Хусам ад-дин 516
Омар (II) б. Мас'уд, Тадж ад-дин 516, 517
Омар б. Махмуд, Караханид 508 *
Омар б. Мираншах 50 *, 57, 70 *, 85, 157 *
Омар-хан 334
Омар-шейх б. Тимур 40, 52, 63, 69, 71, 90, 96 *, 100, 101 *, 135 *, 173, 208—210, 212, 215, 427, 428, 533
ал-Омари, Ибн Фадлаллах 544
Омейяды 327, 384, 385, 504
Опперт Г. (Oppert G.) 293, 297 *
Ораевский И. М. 350 *
Оранский И. М. 461 *
Орда-Ичен 545
Оркына-хатун — см. Эргэнэ-хатун
Осман, халиф 385, 395 *
д'Оссон К. (d'Ohsson C.) 291 *, 297 *, 544
Остроумов Н. П. 126 *, 127, 304, 305, 307, 310, 321
Павел, сирийский философ (VI в.) 277
Паенде-Султан-бике 453 *
Палладий — см. Кафаров
Пантусов Н. Н. 333, 350 *, 401
Папа, католикос 277
Паркер Э. Г. (Parker E. H.) 266 *
Пельо П. (Pelliot P.) 116 *, 298 *, 463, 464, 520 *, 545 *
Пети де ля Круа Ф. (Petis de la Croix F.) 264
Петр, апостол 385 *
Петровский Н. Ф. 266 *, 268 *, 284 *, 316 *, 416 *
Петрушевский И. П. 362 *
Пешель О. (Peschel O.) 293 *
Пир-Али Таз 86
Пир-Ахмед Хавафи — см. Гияс ад-дин Пир-Ахмед Хавафи
Пир-Мухаммед, военачальник 114
Пир-Мухаммед (б. Джанибек) 420, 521
Пир-Мухаммед б. Джехангир 57, 72, 74—76, 81—86, 443 *, 447, 448, 452
Пир-Мухаммед б. Омар-шейх 56, 57, 150
Пир-Мухаммед II б. Сулейман 547
Пир-Мухаммед Курт 55
Пир-Падишах 85
Плано Карпини — см. Карпини, Плано
Платон, افلاطون 25, 135, 140 *, 502
Плиний 457, 459 *
Позднеев А. М. 310 *
Полибий 135, 456 *, 457
Поло, братья 204
Поло, Марко — см. Марко Поло
Поло, Маттео 509
Поло, Николо 509
Пономарев А. И. 102 *
Посидоний родосский 457 *
Потапов Л. П. 397 *
Потье (Pauthier G.) 29 *, 293
Прицак О. 289 *, 298 *, 491 *, 506 *, 516 *, 518 *, 520
Прокопий 460
Птолемей, بطليموس 135, 136, 140 *, 458—460
Пугаченкова Г. А. 428 *
Пулад 158
Пулад (Фулад), киргиз 347, 357
Пур-тегин — см. Бури-тегин
Пэй-ло 269 *, 301

Раби'а-Султан-бегум 144, 489
Раверти (Raverty H. G.) 286 *, 294 *, 316 *

Радлов В. В. 27 *, 29, 33 *, 34 *, 63 *, 265, 266 *, 285 *, 288, 289 *, 295, 394 *, 427 *, 466 *, 527, 528
Ракийе-Султан-хатун 144
Ракийе-ханике 42
Рахим-Кул (Рахим-Кули-хан) 401 *
Рахман-Кул Бече 350
Рахматча 405
Рашид ад-дин, Фазлаллах 30 *, 34 *, 39, 55 *, 141, 142, 265, 282, 295 *—297 *, 304, 308, 310—312, 418 *, 430 *, 466 *, 510—512, 539, 543—545
Рашид ад-дин Амид ал-мульк — см. Амид ал-мульк
Рёмер Г. Р. (Roemer H. R.) 72 *, 202 *, 232 *, 240 *, 253 *, 443 *
Рено (Reinaud) 288
Ризави 471 *
Риттер К. (Ritter C.) 293
Рожевиц Р. Ю. 31 *
Розен В. Р. 273 *, 289 *, 414
Розенберг Ф. А. 465 *
Розенфельд Б. А. 96 *, 136 *
Романовы, династия 421
Росс Э. Д. (Ross E. D.) 212 *, 424 *
Ростовцов Н. Я. 303, 305
Рубрук В. де (de Rubruck W.) 264, 276 *, 295 *, 312, 468, 540
Рудеки 505
Рукин 412 *
Рустем, военачальник 75—78
Рустем б. Омар-шейх 57
Рустем-бек б. Казак-бай 354
Рьё Ч. (Rieu Ch.) 135 *, 200 *, 209, 367 *, 505

Са'алиби 384, 504
Сабаръешу III 276
Сабухи — см. Хайдер б. Мир Са'ид
Садр ад-дин Реваси 224
Садр-Ислам 104, 105, 107, 108
Са'ид, эмир 124
Са'ид б. Мас'уд, Газневид 493, 536
Са'ид б. Осман 382
Саин-хан 489; см. Батый
Салах б. Мубарек 426 *
Салах ад-дин, казий 66
Салах ад-дин Муса б. Махмуд Кази-заде Руми — см. Кази-заде Руми
Салибзаха 275
Салиев П. 364 *
Салих б. Муслим 383
Салих б. Пир-Мухаммед 150, 151
Сам-мирза 212, 215, 217, 226, 238, 245
Сам'ани 31 *, 44 *, 273 *, 415, 429 *, 469, 475, 477, 480, 481 *, 504, 505
Саманиды 270, 278, 279, 287, 289, 323 *, 325, 328, 330, 332, 362, 485, 498, 500, 504, 505, 507, 515, 522, 523, 525
Самиарды, братья 292
Самойлович А. Н. 96 *, 201 *, 416, 528
Санджар, мирза 218, 219
Санджар, Синджар, султан 235, 291, 292, 414, 415, 432 *, 494—496, 516 *, 520, 524
Сарай-Мульк-ханум («Биби-ханым») 47, 54 *, 63—65, 73, 87, 134, 175, 433, 442, 533
Сарбуга 144
Сарре Ф. (Sarre F.) 61 *
Сартак 264, 304, 417
Сартактай 527
Сарымсак-хан 350, 353
Сасаниды 150 *, 271, 275, 277, 278, 324, 328, 500
Сасы-Бука 111
Сатпаев 102 *
Сатук Богра-хан Абд ал-Керим (Сатук Кара-хакан) 506
Сатук-хан 98, 113, 115, 177
Сатылмыш-бек б. Мас'уд-бек 541
Сафи ад-дин Хутталяни 366
Саффариды 522
Сахиб-заде (Сахиб), ишан 355
Себук-тегин 493
Севин-бек 56 *
Седид А'вар 539
Седийо Л.-П. (Sedillot L. P. E. A.) 134 *, 138 *
Сейид-Ака — см. Мир Са'ид
Сейид-Али б. Сейид-Ахмед 101 *, 114
Сейид-Али-тархан 94
Сейид-Ахмед б. Худайдад 101 *
Сейид-Ашик 121, 122 *, 131
Сейид-Мухаммед-бахадур 403
Сейид Мухаммед-Рахим-хан 403
Сейид-Раким 129 *; см. Мулла Шереф ад-дин А'лям Самарканди
Сейид-султан б. Малля-хан 403 *
Сейид-ходжа 84
Сейф б. Омар 386
Сейф ад-дин, сподвижник Тимура 367
Сейф ад-дин Ахмед [=Ахмед II б. Мухаммед III?] 516
Сейф ад-дин Бахарзи 430, 540, 542

Сейф ад-дин Исференги 139 *
Сейф ад-дин Мухаммед б. Абд ал-Азиз — см. Мухаммед (III) б. Абд ал-Азиз II
Сейф ад-дин Тафтазани — см. Тафтазани
Секкаки, поэт 98 *, 140
Секкаки, Юсуф — см. Абу Я'куб Юсуф Секкаки
Селлами 499, 500
Сельджук 285, 290
Сельджукиды 203, 289, 291, 516 *
Сельм б. Зияд 382
Сембат 317
Семенов А. А. 34 *, 47 *, 129 *, 202 *, 212 *, 226 *, 240 *, 243 *, 253 *, 254 *, 362*, 390*, 426*, 445*, 451*, 453*, 546*
Серов, есаул 345 *
Сефевиды 228
Сиддик, барлас 39 *
Сиддик, наместник Кашгара 101, 102
Сиди-Ахмед (б. Мираншах?) 96 *, 97 *, 157 *, 213, 214
Сиди-Ахмед-хан 141 *
Симджури — см. Абу Али Симджури
Синджар — см. Санджар
Синджар, мелик — см. Мелик-Синджар
Ситняковский Н. Ф. 478 *, 479, 480
Сиявуш 473, 474 *, 478
Скайлер Э. (Schuyler E.) 300, 301 *
Слуцкий С. С. 265 *
Смирнов В. Д. 285
Смирнов Е. Т. 315 *, 316 *
Снук-Хурпронье К. (Snouck Hurgronje C.) 133 *
Сократ 135
Соломон (библ.) 315, 317
Софокл 135
Сталь-фон-Гольстейн А. А. 457 *, 470
Старшие Хань — см. Хань, старшие
Степанов 331
Степной Ет. 315 *, 318 *
Страбон 455—457
Строева Л. В. 370 *
Субхальешу 275
Субхан-Кули 473
Сукнак-тегин 296
Сулейман б. Мухаммед, Сельджукид 495
Сулейман б. Юсуф — см. Арслан-хан Сулейман б. Юсуф
Сулейман Бакыргани (Сулейман-Ата) — см. Хаким-Ата
Сулейман-бек б. Хабаш-Амид 542
Сулейман-тегин 494
Сулейман-ходжа 355
Сулейман-шах 53 *, 81—84
Сулла 458 *
Султан Абу Са'ид, эмир 153, 154
Султан-Али б. Султан-Махмуд 223, 255, 258, 503
Султан-Ахмед б. Абу Са'ид 139 *, 172—174, 221, 223, 225, 226, 234
Султан-Ахмед б. Сейид-Ахмед 96 *
Султан-Бахт, дочь Улугбека 144
Султан-Бахт-бегум, дочь Тимура 53
Султан Гияс ад-дин — см. Борак
Султан-Ибрахим б. Ала ад-дауля 171, 218, 223
Султан-Ибрахим б. Шах-Мелик, Насир ад-дин 537
Султан-Махмуд б. Абу Са'ид 174, 220, 221, 223, 234, 236, 244, 246, 503
Султан-Махмуд-оглан 116
Султан-Махмуд-хан б. Суюргатмыш 48, 77 *, 98, 99, 143
Султан-Мурад-хан (Султан-Мурад) 403
Султан-Мухаммед, шах бадахшанский (Ла'ли) 224, 225
Султан-Мухаммед б. Байсункар 143, 156, 159, 163, 177, 208, 209, 214
Султан-Мухаммед б. Мираншах 157
Султан Сейид-Ахмед [б. Мир Вали] 449 *
Султан-Сейид-хан 342, 347 *
Султан-Увейс б. Мухаммед 215
Султан-Хусейн б. Мухаммед-бек 45 *, 53, 57, 71, 73, 81, 82, 86 *, 215
Султан-Хусейн Байкара б. Мансур 173, 174, 199—202, 210, 213—223, 225—233, 235—237, 238 *, 239, 240, 242, 244—246, 249 *, 250, 251, 253—255, 257, 259, 260
Султан-шах, барлас 160
Султан-шах б. Иль-Арслан 530
Сунаргулов 300
Сурхуктани-бики 430
Сутер Г. (Suter H.) 136
Суфи, династия 537
Суфи-бек б. Дауран дадхах 352
Суфи-хан, Шейбанид 546
Сухарев И. А. 137 *
Сухраверди, Зия ад-дин 434 *
Сухраверди, Шихаб ад-дин 426, 434
Сухуктай — см. Сурхуктани-бики
Суюн-ага (Суюн-бек), Ханзаде 437, 533
Суюнич б. Мас'уд-бек 541
Суюнич (Суюнчук) б. Абулхайр 128 *, 144, 490

Суюргатмыш б. Мираншах 157 *
Суюргатмыш б. Шахрух 98 *, 118, 208
Суюргатмыш-хан 43, 48
Сыбан — см. Шейбан
Сыддык-тюря 406
Сюань Цзан 30 *, 267, 268, 270, 271, 272 *, 282, 289 *, 300, 301, 457, 462, 464, 466—470
Сюй Сун 299 *

Табари 272 *, 274 *, 277, 283 *, 323, 325, 326, 380, 381, 382 *, 333, 384, 386, 478, 479, 504, 525
Тадж ад-дин Омар б. Мас'уд — см. Омар (II) б. Мас'уд
Тадж ас-Сальмани 72 *, 443 *
Тайабади — см. Зейн ад-дин Тайабади
Тайзи-оглан 69, 141
Тальха (источник Сейфа б. Омара) 386 *
Тамгач-хан Ибрахим б. Наср 494, 513, 514; см. также Бури-тегин
Тамерлан — см. Тимур
Тан, династия 299
Тараби 364, 518 *
Тарагай 38—40, 424—428, 429 *
Тармабала 417
Тармаширин (Ала ад-дин) 33, 39, 48, 424, 425, 543
Татищев В. Н. 298 *
Таухиди-Пур 31 *
Тауэр Ф. (Tauer F.) 38 *, 365 *, 367 *
Тафтазани, Сейф ад-дин 132 *
Тахмасп I 138 *
Таш-Тимур 142
Тевкель б. Сарбуга 144
Текеш б. Иль-Арслан 294, 530, 531, 536
Текина-хатун 38
Темим б. Бахр ал-Муттавви'и 285
Терентьев М. А. 402 *, 408 *, 411 *
Теркен-хатун — см. Туркан-хатун
Термези — см.: Ала ал-мулк Термези; Мухаммед б. Али Термези; Мухаммед б. Иса Термези
Тимофей, патриарх 275
Тимур, Тамерлан 25—27, 31, 33, 34 *, 35 *, 37—77, 80, 81, 86, 87, 90 *, 91, 94, 96, 98, 99, 101, 102, 104, 106, 108 *, 110, 111, 117, 120, 122, 125, 128, 130, 133 *, 134, 135 *, 142 *, 143, 146—148, 153, 155—158, 161 *, 171, 173, 175, 199, 201, 204—210, 213, 214, 217, 232, 257 *, 264, 282, 284 *, 298 *, 365—370, 371 *, 373, 374, 399 *, 420 *, 423—429, 430 *, 432—438, 439 *, 440—454, 477, 488, 533, 537, 544
Тимур б. Тимур-Кутлуг 141 *
Тимур-Кутлуг 141 *
Тимур-Мелик б. Дулдай 93 *
Тимур-Мелик [б. Урус] 51
Тимур-хан 142
Тимур-ходжа 70 *
Тимуриды 26 *, 35, 98—100, 103, 114—117, 129, 130, 134, 140, 147, 163, 199, 201, 202, 207—210, 212, 215, 228, 231, 234, 237, 242, 244 *, 258, 307, 313, 423 *, 433 *, 452, 453 *, 454, 477, 489, 533, 540, 544, 546
Тихонов, Михаил 421
Тоган А. З. В. (Togan A. Z. V.) 212 *
Тогрул (Караханид) 508
Тогрул, Тогрул-бек, Сельджукид 203, 285
Тогрул II, Сельджукид 530
Тогрул-Кара-хакан Махмуд б. Юсуф 508
Томашек В. (Tomaschek W.) 272 *, 274 *, 281, 282, 283 *, 288, 324 *
Тонга, сын Минг-Тимура 546
Тонгуз-хан (прозвище китайского императора) 68
Торнберг К. И. (Tornberg C. J.) 519
Тохтамыш 50, 51, 71, 83 *, 101, 104, 111, 141 *, 165 *, 449
Тува, сын Борака 32, 204, 541, 543, 544
Туга-Туркан (Теркен), дочь Улугбека 144 *
Тугай-Тимур 389, 545
Тугай-Туркан (Теркен)-ага, наложница Тимура 47 *
Тукель-ханум 48, 54, 87
Туклук-Тимур 37, 53
Туктимур 106
Тулуй 142 *
Туман-ага 54, 64, 85, 87, 94, 95, 432, 433
Туманский А. Г. 324 *, 465
Тураличи-гурган — см. Нур-Ильчи-гурган
Туран О. (Turan O.) 520 *
Туркан (Теркен)-хатун 294, 517
Тэмур (Улджэйту) 264, 417, 418
Тюмень-Кутлуг 42
Тюря-ходжа 401
Тюрябек-ханым 204

Убейдаллах, шейх — см. Ахрар, ходжа
Убехи — см. Абу Са'ид Аубахи
Угэдэй 509, 510, 538—541, 544

Узбек, [Ильдегизид] 530
Узбек-хан 55, 56 *, 99, 437, 533, 540, 546 *
Узун-Хасан, Ак-Коюнлу 210
Улакчи («Улавчий») 317
Улджай-Туркан (Теркен)-ага 42
Улджэй-Тэмур 69
Улджэйту 518
Улджэйту — см. Тэмур
Улугбек (Мухаммед-Тарагай) 25, 26, 35 *, 62 *, 63—66, 68, 69 *, 70, 73, 75, 77, 82—85, 88, 90—92, 94, 96—162, 163 *, 164, 166—169, 170 *, 174—177, 199, 200, 202, 204, 208, 209, 214, 236, 429 *, 430, 433, 447, 452—454, 489
Умняков И. И. 472—474, 516 *
Уоттерс Т. (Watters Th.) 268 *
Урус-хан 102, 111
Утби 290 *, 332 *, 486, 493, 505, 507, 520 *
Утеббай, кушбеги 351
Утемиш-хаджи 545
Учуген 538

Фазлаллах Абу-л-Лейси 122 *, 225, 226
Фаик 526
Фараби 30
Фаррох, Махмуд 55 *
Фархад (Афраат), епископ 277
Фасих 55 *, 58, 61 *, 64 *, 66 *, 71, 72 *, 78 *, 79, 84 *, 88 *, 89 *, 91 *, 93 *, 97, 98 *, 99 *, 112 *, 115 *, 128 *, 139 *, 140 *, 143 *, 145 *, 149 *, 430, 447
Фатимиды 508
Фатхаллах Тебризи, Джемаль ад-дин 128 *, 168
Фахр ад-дин Али ас-Сафи — см. Али б. Хусейн Кашифи
Фахр ад-дин Ахмед Туси 58
Фахр ад-дин Мубарекшах Мерверруди 467
Ферид ад-дин Аттар 239
Феридун 25
Ферман 352
Филипп Македонский (فيلاقوس) 140 *
Филоксен 277, 286 *
Фируза-бегум 215
Фирузшах — см. Джелаль ад-дин Фирузшах
Фрай Р. Н. (Frye R. N.) 471 *
Френ Х. Д. 288
Фукидид 135
Фулад, киргиз — см. Пулад
Фулад, сын Минг-Тимура 546

Хабаш-Амид, Кутб ад-дин 539, 540, 542
Хабибе-Султан (Хасибе-Султан) 143; см. Ханзаде-бегум
Хавафи — см. Гияс ад-дин Пир-Ахмед Хавафи
Хаджи-Али 230
Хаджи барлас 39
Хаджи-бек 54
Хаджи-Мухаммед 225
Хаджи-Мухаммед, наккаш 258
Хаджи Халифа 135 *, 366 *
Хадиджа-бики 250, 251, 256
Хадир, киргиз дуз 353, 354
Хазрет-Султан — см. Ахмед Ясеви
Хайд Т. (Hyde Th.) 25 *
Хайдер — см. Али, халиф
Хайдер, эмир бухарский 127
Хайдер б. Кавус (ал-Афшин) 497
Хайдер б. Мир Са'ид (Сабухи) 222, 243, 254, 257
Хайдер-Мухаммед б. Султан-Хусейн 246, 253
Хайдер Рази 293 *, 537
Хайду 32, 510, 511, 541, 543, 544
Хайсан 417, 418
Хетум — см. Гайтон
Хаким-Ата (Сулейман Бакыргани, Хаким Сулейман) 361, 532
Хаким-Нияз, аталык 408, 410
Хаким-хан-тюря — см. Мухаммед-Хаким
Хаким-ходжа — см. Хаким-Ата
Хал-Мухаммед, дадхах 350, 351
Хали-бай Мамбетов 320, 333, 334
Халик-Назар 354
Халиль-Султан (Халиль) б. Мираншах 54 *, 70, 71, 73—91, 94, 95 *, 98, 117, 122, 139, 140, 144, 157 *, 437 *, 442, 444, 445, 447, 448, 450, 533, 534
Халиль-Султан б. Мухаммед-Джехангир 149
Хамадани, Юсуф 426, 434 *
Хамдаллах Казвини — см. Казвини, Хамдаллах
Хамза бухарский 77
Хамза хисарский 91 *, 103
Хамид, эмир 40, 51, 52
Хаммер И. (Hammer-Purgstall J.) 298 *
Хамуя б. Али 500
Ханбал б. Абу Хурейда 381 *
Ханзаде — см. Суюн-ага
Ханзаде-бегум 99 *, 143
Ханыков Н. 125, 239 *, 430 *, 472 *, 473, 475

Хань, младшие (династия) 458
Хань, старшие (династия) 267 *, 299, 458
Хара-Хулагу 540, 542
Хартман М. (Hartmann M.) 544
Харун б. Алтунташ 493, 536
Хасан, арлат — см. Баба-Хасан
Хасан, шейх (зять Тармаширина) 425
Хасан-Аттар 123, 124, 167 *
Хасан б. Али 449
Хасан б. Ардашир 233
Хасан-бахадур 165
Хасан-Мурад, кушбеги 406
Хасан (Харун) б. Сулейман — см.: Богра-хан Харун б. Муса; Богра-хан Харун (б. Юсуф?)
Хасан(Хусейн)-Суфи-тархан 63 *
Хасаниды (ветвь Караханидов) 520 *
Хатим-Кул, рисальчи 350
Хатим-тюря 407
Хафиз, мауляна 67
Хафиз-и Абру 44—46, 51 *, 52, 60 *, 62, 72 *, 77, 78 *—82 *, 84 *—86 *, 90 *—93 *, 94, 96 *, 99, 101, 103 *, 104 *, 106 *—110 *, 112 *, 118, 119 *, 125, 130, 143 *, 145 *, 201, 365 *, 368, 369, 371 *, 429 *, 447, 454 *, 480
Хафиз Таныш (Хафиз-и Таныш) 488
Хвольсон Д. А. 265, 285, 286, 294
Хейбеталлах 30 *
Хеннинг В. Б. (Henning W. B.) 463 *, 535 *
Херцфельд Е. (Herzfeld E.) 239 *
Хетум — см. Гайтон
Хизр-хан 143 *
Хизр-ходжа, военачальник 82
Хизр-ходжа-хан 48, 107 *
Хилаль ас-Саби 289 *
Хинду-Бука 102 *
Хиндуке 155
Хинц В. (Hinz W.) 72 *, 443 *
Хирт Ф. (Hirth F.) 266 *, 268 *, 269 *, 299 *—301 *, 459 *
Хишам б. Абд ал-Мелик 274
Хияли 140 *
Ховорс Г. (Howorth H. H.) 298 *, 402 *, 488, 490, 547
Ходжа, понсад 340
Ходжа Ахмед — см. Ахмед Ясеви
Ходжа Ахрар — см. Ахрар, ходжа
Ходжа-Калян Джуйбари 351
Ходжа-Калян кашгарский 356
Ходжа-Мухаммед б. Абулхайр 487
Ходжа-Юсуф 75, 78, 443, 444
Хонд-Са'ид 144
Хондемир 40, 47 *, 64 *, 69 *, 97 *, 122 *—124 *, 128 *, 131 *—133 *, 135, 141—144, 157 *, 158 *, 160 *, 164 *, 200 *—202 *, 212, 213, 215, 216, 218—223, 230, 233, 234, 236, 239 *, 240 *, 241, 242, 243 *, 244, 248, 250—252, 253 *, 254 *, 255—257, 259 *, 366, 446 *
Хосрой II 276
Христос — см. Иисус Христос
Хубилай 263, 311, 417, 430, 509, 510, 541
Худадад б. Ануша-хан 547
Худай-Берген, сарханг 408
Худай-Назар, диван-беги 411
Худай-Назар, махрам 408, 410, 411
Худай-Назар, тюрк 353, 354
Худай-Назар Эмин 355
Худайдад, дуглат 101 *, 103, 104 *, 108, 110, 113, 114, 176
Худайдад, посол 117
Худайдад Хусейни 74, 80—82, 85, 87—90, 94, 533, 534
Худояр-хан 333, 335, 336, 340 *, 342, 349—356, 358, 403 *, 501
Хулагу 55, 57, 141, 436
Хурдек Бухари, мауляна 366 *, 370, 371
Хусам ад-дин Ибрахим-шах керманский 46
Хусам ад-дин Омар — см. Омар (I) б. Абд ал-Азиз (I) 516
Хусам ад-дин Хамиди ал-Асими Барчынлыги 204
Хусам ад-дин Шаши 131
Хусам ад-дин ал-Яги 425
Хусейн, внук Казагана 37, 38, 41—43, 47, 48, 52, 53, 367, 368 *, 369, 370, 373, 374, 448
Хусейн, имам 52
Хусейн, Курт — см. Му'изз ад-дин Хусейн
Хусейн б. Али Мерверруди — см. Мерверруди
Хусейн-бек 219
Хусейн Ва'из 232
Хусейн Суфи 53, 437 *
Хусн-Нигар-ханике 144
Хусрау Дехлеви 139
Хусрау-шах 254, 255, 503
Хюзинг Г. (Hüsing G.) 476

Царнке Ф. (Zarncke F.) 293 *
Ценкер И. Т. (Zenker J. Th.) 63 *

Чаадаев 36 *
Чагатаи (династия в Восточном Туркестане) 544
Чагатай 35, 36 *, 39, 52, 108 *, 141, 263, 318 *, 389, 509, 538—544
Чагмини 126 *
Чакмак 172
Чан-чунь 297 *, 538
Чапар 541, 543, 544
Черного барана династия — см. Кара-Коюнлу
Черняев М. Г. 321, 345 *, 347 *, 354
Чжан Цянь 265 *, 456, 458
Чжао Хун — см. Мэн Хун
Чжэлугу (Мани, Куман) 295
Чжэн-тун 119
Чимким 417
Чин Суфи 537
Чингиз-оглан 101
Чингиз-хан 26—29, 32, 33, 35, 38, 39, 45, 47, 49, 50, 54, 58—60, 63, 72, 203—205, 235, 250, 294*, 295, 296, 304, 308, 311, 316, 318*, 370, 389, 396*, 536, 538, 540, 545, 547
Чингизиды 68, 77, 98, 99, 103, 158, 207, 417
Чолпан-Мульк 54

Шаванн Э. (Chavannes E.) 265*, 268*, 272*, 285*, 381, 382*
Шад-Мульк 86—90, 533
Шади, минбаши 335, 352
Шади-бек 141, 142
Шадман-ходжа, минбаши 336, 337, 342, 352, 354—356
Шаистем (شايستم) 93
Шами — см. Низам ад-дин Шами
Шам'-и Джехан 93*, 102
Шао-ши-фэнь — см. Шаушфар
Шапур II 277
Шарафуддинов А. 202
Шаушфар 535
Шафи', Мухаммед 119*, 201*
Шах-Вели 110
Шах-Джехан индийский 166
Шах-Джехан могольский 54*, 93, 144*
Шах-Ма'сум — см. Мурад-бий
Шах-Махмуд б. Абу-л-Касим Бабур 218
Шах-Мелик, эмир 72, 74—79, 82, 85, 88—95, 99, 100, 118, 125 *, 134, 175, 176, 220, 447, 537
Шах-Мелик джендский 493
Шах-Мурад-хан 342, 353, 354, 356
Шахдост 277
Шахристани 270, 278
Шахрух б. Тимур 44*, 45, 47*, 52, 58, 63—65, 68, 70, 72, 75, 77—92, 94—105, 111—113, 115—120, 124, 128, 129, 136, 139, 141, 142, 146—153, 155, 156, 168, 170*, 172*, 174—177, 207—209, 213, 214, 223, 229, 233, 239*, 242, 257, 369, 428, 429*, 446—448, 450—453, 489, 533, 534, 537
Шаши — см.: Ала ад-дин Шаши; Хусам ад-дин Шаши
Шейбак-бек — см. Шейбани, Мухаммед
Шейбан (Сыбан, Шибан), сын Джучи 489, 545—548
Шейбани, Мухаммед Шах-Бахт 128 *, 232, 237, 255, 259, 260, 490, 546
Шейбаниды 128, 440, 487, 521, 545—548
Шейх-Али Тугаи 101
Шейх-Ахмед, сарраф 171
Шейх-Ахмед Сухейли, эмир 253
Шейх-Дервиш-кукельташ 108
Шейх-Мухаммед, барлас 144
Шейх Нур ад-дин 72, 74—79, 85, 87, 89—95, 117, 175, 176, 534
Шейх Сулейман 528
Шейх-Хасан 95
Шемс Гури 452
Шемс ад-дин, эмир 78
Шемс ад-дин Кулаль (Кулар, Фахури) 40, 45, 425, 426, 427 *, 428, 449, 451; ср. Эмир Кулаль
Шемс ад-дин Курд 244
Шемс ад-дин Махмуд б. Ахмед Махбуби — см. Махмуд б. Ахмед
Шемс ад-дин Мухаммед, врач 142
Шемс ад-дин Мухаммед, потомок Баязида Бистами 235
Шемс ад-дин Мухаммед Ардукуджнуди 163
Шемс ад-дин Мухаммед б. Мухаммед ал-Джезери 66, 122
Шемс ад-дин Мухаммед Джаджерми 160
Шемс ад-дин Мухаммед Мискин 132, 158
Шемс ад-дин Мухаммед Хавафи — см. Мухаммед Хавафи
Шемси 363*, 517
Шереф ад-дауля — см. Арслан-хан Сулейман б. Юсуф
Шереф ад-дин Йезди 31*, 34, 37*, 39, 40*, 43, 44*, 47*, 48, 49*, 52, 57*, 58*, 62*, 63*, 64, 66, 67, 68*, 69, 70*, 72—

77, 86*, 93*, 96*, 105*, 141, 142, 148*, 165*, 208, 209, 214, 215, 264, 282, 294*, 296*, 297, 365—369, 370*, 371—373, 417, 424, 426, 427, 435, 436*, 437—450, 544
Шериф, ходжа 101*, 114
Шериф Суфи 537
Шефер Ш. (Schefer Ch.) 278*, 323, 471*
Шибан — см. Шейбан
Шила 275
Шильдбергер И. 446
Шир-Али б. Дост-Мухаммед, афганский эмир 412*
Шир-Али-хан 350
Шир-Мухаммед-мираб — см. Мунис
Шир-Мухаммед-хан 103—105, 107—109, 113, 176
Ширгази 402*
Ширин-бек-ага 432
Шихаб ад-дин Исма'ил 233
Шихаб ад-дин Сухраверди — см. Сухраверди
Шихаби Газаль Ходженди 363*
Шишкин В. А. 133*, 135*, 137*, 445*, 446*, 475*
Шкапский О. А. 359, 360
Шмидт А. Э. 516*
Шмидт П. П. 455*
Штейн А. (Stein A.) 462, 463, 469, 470
Шуджа' ад-дин Мухаммед б. Бурундук 233, 246

Эбедъешу III 276
Эвклид (اقليدس) 140*
Эльфинстон М. (Elphinstone M.) 274
Эмин-Ахмед Рази 136*
Эмир Кулаль 425, 426; ср. Шемс ад-дин Кулаль
Эмирек Бал'ами — см. Бал'ами, Абу Али
Эр-Назар, аталык 412
Эр-Нияз-бий 407
Эратосфен 457
Эргэнэ-хатун (Оркына) 142, 540, 542
Эренк — см. Мухаммед-Эренк-хан
Эрес-Али (ايرس علی) кипчак 354
Эрзен, сын Сасы-Буки 111
Эсен-Бука, сын Тувы 543
Эсен-Бука б. Вейс-хан 115, 116
Эте Г. (Ethé H.) 367*, 505
Юар К. (Huart Cl.) 31*, 46*
Юл Г. (Yule H.) 287
Юмадук-хан — см. Джумадук-хан
Юнус б. Текеш 530
Юнус Семнани 89
Юнус-хан 53, 113*, 115, 177, 214, 215, 225
Юстин I 275
Юстиниан 459, 460
Юсуф б. Абдаллах Андхуди 415*, 449
Юсуф Бади'и 224
Юсуф Баласагунский 508
Юсуф Суфи 52, 437*
Юсуф Хамадани — см. Хамадани
Юшкевич А. П. 136*

Я'куб, Ак-Коюнлу 210, 211, 236, 240*, 242—244, 258
Я'куб-бек 350*
Я'куб-тегин 508
Я'куб Чархи 124
Я'куби 382*, 383*, 385, 386*, 497
Якубовский А. Ю. 120*, 126*, 448*, 544
Якут 44*, 274, 279, 285*, 288, 295, 535
Янь Ши-гу 266
Яр-Али б. Искендер 153, 154, 156, 177

ارسطو, أرسطاليس — см. Аристотель
ارغداق, ارغوداق 94*
افلاطون — см. Платон
اقليدس — см. Эвклид
ايسن بوكا 68*
بطليموس — см. Птолемей
جالينوس — см. Гален
چوتن, киргиз 354
علی سينا — см. Ибн Сина
فيلاقوس — см. Филипп Македонский
كاكلی, букаул 243*
محمد زنكی عجم كرمانی 366*
هرقداق — см. ارغداق

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ТОПОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Абд ал-Халика Гиджувани мазар — см. мазар Абд ал-Халика Гиджувани
Абиверд 149, 219, 220, 253, 255
Абиш равн. 107, 108, 110
Аблык 350, 352
Абу Са'ид-хана медресе — см. медресе Абу Са'ид-хана
Авксакия (Авзакия) 459
Азейрбайджан 208, 210, 211*, 221, 240*, 242, 447*, 452, 530
Азербайджанская ССР 65*
Азия 28, 231, 420*, 430, 458
Азия Восточная 265, 458
Азия Западная 121, 278, 458
Азия Малая — см. Малая Азия
Азия Передняя — см. Передняя Азия
Азия Средняя — см. Средняя Азия
Азия Центральная — см. Центральная Азия
Ак-Арык 344, 356
Ак-булак 344*
Ак-Ер 355
Акжарская вол. 320
Ак-кала 407, 408
Ак-Курган 489
Ак-Куяш р. 108, 109; ср. Или
Ак-Мечеть 334*, 335, 336, 341, 352
Ак-сарай (в Самарканде) 439—441
Ак-сарай (в Шахрисябзе) 49
Ак-сарай (построенный при Абу Са'иде) 258*
Аксу (в Восточном Туркестане) 114, 267, 287, 299, 459
Аксу (в Семиречье; поздн. Беловодская станция) 106, 107, 282, 283; ср. Нузкет
Аксу р. 282
Аксулат 71, 74, 90
Акшехир 436
Алабуга р. 115
Алай горы 42
Алайская долина 89
Аламедин 283*
Алатау Таласский хр. 80*, 93
Александровский хр. (совр. Киргизский хр.) 93, 281, 282, 288
Алике-кукельташа мечеть — см. мечеть Алике-кукельташа
Алиябад балхский 81
Алиябад самаркандский 75, 76
Алла, Алла-кух кр. 89
Алма-Ата 283*; см. также Верный
Алмалык 204, 288, 295, 296, 538
Алматы (поздн. Верный) 336*
Алтай 267
Алтун-куль оз. 105, 107; см. Балхаш
Алтын-чук г. 102*
Америка 142, 400
Аму-Дарьинский отдел 307
Аму-Дарья р. 30, 37, 41, 51, 65, 71, 75*, 78, 79, 81—85, 88, 90, 91, 95, 108*, 112, 148—151, 155—158, 163, 175, 177, 210, 219—221, 246, 255, 268, 270, 272*, 274, 326, 361, 370, 373, 406, 407, 447, 470, 487, 495, 498, 511, 514, 517, 518, 523
Амуй, Амуль (поздн. Чарджуй) 363*, 479, 495, 517, 526
Ангарик 406
Ангрен р. 316, 330, 331; см. также Ахенгеран
Андижан 32, 89, 100, 101*, 116, 204, 205, 224, 351, 352, 354, 356, 527
Андхой, Андхуд 43, 44, 78, 81, 82, 84, 118, 155, 175, 221, 415*, 446, 447
Анкара 48, 70*
Ань Малый 268*
Апак-курган (Афак-курган) 361, 532
Аравийский («арабский») п-ов 28
Аравия 242, 248, 431
Аракс р. 437
Арал 412
Аральское море 409, 411

Арбинджан 383
Аркук 489
Армения 64, 175, 448
Арпа дол. 284*
Арпа-Язы 107*, 108
Арслан-Джазиба рабат 239
Артудж (поздн. Артыш) 506
Арфуд — см. Тававис
Архенг 149
Арыс р. 298*
Арыш-Ата 409
Асбара 281; см. Ашпара
Асбара р. — см. Ашпара р.
Астрабад 65, 85, 117, 152, 153, 216, 219, 220, 229, 232*, 235, 238, 240, 241, 243, 244, 247, 250, 255, 256
Астрахань 419*
Атбаш 284, 508
Атбаш р. 284
Атбаш хр. 284
Атрак-куль оз. 105*; см. Алтун-куль
Аттаран, ворота — см. ворота Аттаран
Аттари, базар — см. базар Аттари
Аулие-Ата (совр. Джамбул) 70, 80*, 93, 281, 282, 288, 289*, 334, 336, 338, 343, 344, 352, 353, 356, 467, 507, 522; см. также Талас (Тараз)
Афак-курган — см. Апак-курган
Афаринкент 487
Афганистан 34, 50*, 163, 235, 251, 270, 274, 412, 452, 462, 464, 470*, 510, 511, 541, 544
Афганистан Северный 274
Афрасиаб, городище 130
Ахенгеран (поздн. Ангрен) 509
Ахмеда Ясеви мечеть — см. мечеть Ахмеда Ясеви
Ахси (Ахсикет) 70* 100, 170*, 282
Ахыр-Таш разв. 282*
Ачик-Паркент 74
Ашибулай — см. Осуболай
Ашпара (поздн. Чалдавар) 58, 70, 71, 80, 95, 106, 107, 282, 283; ср. Осуболай
Ашпара (Асбара) р. 70, 282, 283
Аштек кр. 336—338, 352, 353; ср. Кастек

Баба-Хаки стоянка 254, 255
Багдад 46, 55, 57, 62, 229, 365, 418*, 431, 432, 530
Багдад самаркандский 62, 206
Баг-и Мейдан («Сад площади») 123, 130, 161
Баг-и нау 161
Багирқан 532
Баг-и Чинар («Сад чинары») 161, 437
Баг-и Шималь — см. Северный сад
Баглан 81*, 149, 246, 255, 373
Багустан 71
Бада (Бода) г. 267*, 299, 300; ср. Бедель
Бадахшан 124, 140*, 224, 225, 246, 255, 298, 373*, 487
Бадгис 84, 87, 94, 102, 533
Бади'и медресе — см. медресе Бади'и
Базар Аттари (в Бухаре) 474
— Маха (в Бухаре) 474
Базирган-тюбе 253
Бай 287
Байлакан 448
Байрам-Али 502
Бактрия 455—457, 459, 460, 461*
Бактры 459
Баку 201, 476
Бакырган, Бакырган-Ата 361, 532
Бал'ам 504
Бал'аман 504
Бала-Мургаб 272*, 479; см. также Мерверруд
Баласагун 288—290, 293, 296, 298, 466—468, 506*, 507, 508, 520
Балх 30, 38, 81, 82, 84, 86, 90, 94, 112, 147, 149—151, 155, 156, 163, 223, 231, 232, 234, 235, 237, 244—246, 250, 254, 255, 271*, 373, 388, 389, 414, 415, 421*, 431, 477, 487, 488, 492, 494, 507, 521
Балхаш 105, 107; см. также Алтун-куль
Балхская обл. 81, 148
Балхский р-н 32
Балыкчи 351, 354
Бальджуан 37; см. также Мунк
Бамиан 298, 509, 538, 540
«Бани мирзы» (в Самарканде) 129
Барскаун р. 282, 283
Барсхан Верхний 281, 282, 283*, 284
Барчкенд 111, 204
Бахарз 154
Бахты 321
Бедель проход 267, 300; см. также Бада
Беловодская станция (Аксу) 283
Бель-куль оз. (Сюехай) 300
Бемиджкет 481; ср. Кемиджкет
Бенакет 316
Берда' 448
Бехауддин 477

Биби-ханым мечеть — см. мечеть Биби-ханым
Бикет (?) 336, 337, 352; см. Узун-Агач
Билкылама 351
Бинкет (поздн. Ташкент) 316, 324
Бинова-Аркасы 361
Бирки — см. Мирки
Бискет (Бискенд, Пскент) 331 *
Бистам 149, 152, 153, 155, 231
Биш-Арык (в Фергане) 356
Биш-Арык (в Хорезме) 411
Бишбалык 117, 466, 541
Бияр-Джуменд 219 *
Богуту р. 109
Бода — см. Бада
Болуга — см. Гумо
Большой Кебин (Чонкемин) р. 107
Бохуаньхэ р. 299
Бранденбург 286 *
Бруса (Бурса) 66, 436
Буамское (Боамское) ущ. 106, 110, 283 *
Бузгала ущ. — см. Железные ворота
Булаик 465
Булунгур р. 164
Булунгурская степь 164
Бунджикет — см. Пянджикет
Буралгу 107
Буричи 407
Бурлак 102
Бурхан ад-дина Сагарджи мазар — см. мазар Бурхан ад-дина Сагарджи
Бухара 31—33, 34 *, 41, 74—78, 83—85, 87, 89, 91, 100, 105, 119, 124, 125, 131, 133, 139, 145, 155, 157, 160, 163, 169, 171, 175, 176, 204, 274, 275, 289, 323—326, 329, 330, 336, 340, 342, 343, 349, 350, 351 *, 352, 358, 362—364, 383 *, 384 *, 388, 389, 395 *—397 *, 403—406, 412, 419, 420, 421 *, 425, 426, 430, 431, 432 *, 451 *, 452, 464—466, 471, 472, 474—481, 485—487, 489, 491, 494, 498, 500, 502, 503, 505, 507, 509, 511, 514—517, 518 *, 522, 526, 528, 531, 533, 539, 542, 545—547
Бухарская обл. 167 *, 325, 382 *, 465, 478
Бухарский оазис 472 *
Бухарское ханство 330, 434
Бушенг 44 *, 45

Вабкент 516 *
Вазкерд 279
Варахша (Фарахша) 329, 330
Вахш 513
Вахш р. 42
Вашджирд (Вашгирд) 469; ср. Файзабад бухарский
Верный (совр. Алма-Ата) 283 *, 288
Византия 30, 275, 460
Винкерд 279 *, 315, 316
Волга р. 204, 408, 546
Ворота Аттаран («Ворота базара») (в Бухаре) 474
«Ворота евреев» (в Балхе) 477
«Ворота железных торговцев» (в Бухаре) 474
«Ворота замка дихкана» (в Бинкете) 324
«Ворота индийцев» — см. ворота Хинду-ван
— Кара-Камыш (в Ташкенте) 345
— Мазарские — см. ворота Наубехарские
— мечети Маха (в Бухаре) 475
— Намазгах (в Бухаре) 475
— Наубехарские (поздн. Мазарские) (в Бухаре) 477
— Пайкабакские — см. ворота Шейхзаде
«Ворота продавцов пряностей» — см. ворота Аттаран
Ворота Салляхане (в Бухаре) 475
— Самаркандские (в Бухаре) 475
«Ворота улицы мугов» (в Бухаре) 472 *
— Фарджек (в Бухаре) 475
— Хиндуван (в Балхе) 477
— Шейх Джелаль (в Бухаре) 505
— Шейхзаде (поздн. Пайкабакские) (в Самарканде) 91
— چهارسو (چهارراهه) (в Самарканде) 161 *
Восточная Европа — см. Европа Восточная
Восточный Туркестан — см. Туркестан Восточный
Вэньсочжоу (Вэньсу) — см. Дашэ

Газна 208, 231, 235, 431, 491, 507, 525
Ганг р. 459, 460
Ганьсу 67, 280 *
Гармсир 147 *, 163
Гаухар-Шад медресе — см. медресе Гаухар-Шад
Герат 37, 44 *, 55, 58, 82, 84, 91, 92, 94—101, 105, 111, 112, 115, 117—120,

121 *, 122 *, 126 *, 129, 136 *, 138 *, 142, 143, 145—148, 150—156, 159, 162 *, 163, 169—171, 173, 176, 177, 199, 201, 206—210, 212—215, 216 *, 217—221, 223—231, 234—239, 240 *, 242—247, 249—256, 258—260, 275, 276, 279, 452, 493
Герируд р. 44, 422 *, 456
Гешуанна (Цзешуанна) 267, 268; см. Саганнан
Гидждуван 133 *
Гилян 437, 488
Гиндукуш хр. 58, 298 *
Гипанис (Сатледж) р. 457
Гиссар 268 *; см. также Хисар
Гобалык 298; см. Баласагун
Гоби пустыня 291
Голодная степь 80, 164, 165, 316
Гробница Али (в Мазари-Шерифе) 235, 236, 254 *
— Ахмеда Ясеви (также «мазар Хазрет-Султана», в Туркестане) 339, 340, 440, 441
— Джехангира (в Шахрисябзе) 427; см. также Хазрет-Имам
— имама Хусейна (в Кербеле) 52
— Касим-и Анвара (в Харджирде) 239
— Тимура 161 *; см. Гур-эмир
— Ферид ад-дина Аттара (в Нишапуре) 239
— Хаким-Ата (в Бакыргане) 532
— Шейбанидов (в Самарканде) 440; см. также Чихиль-Духтеран
Грузия 70 *, 323, 448
Гуз-балык, Гуз-орду (Куз-орду) 298 *
Гузар 83 *, 404, 405; см. также Хузар
Гумбез-и Сейидан — см. мавзолей Гумбез-и Сейидан
Гумо 299; см. Аксу (в Восточном Туркестане)
Гӱмӱш-тау г. 288
Гур 163
Гургандж 495, 535, 536, 538; см. также Ургенч
Гур-эмир мавзолей 26 *, 130, 143, 162, 423, 435 *, 438—440, 442, 446 *, 451—454
Гучэн 465
Гюрген р. 149, 219, 235

Дабусия 76, 464, 491, 493
Давань 266 *; см. Фергана
Давер-Замин 163 *
Далосе (Далосы) 269, 282; см. Талас
Дамаск 45 *, 48 *, 53, 57, 62, 206, 436
Дамган 149, 152, 153, 231
Дар ас-сийадат (в Шахрисябзе) 428 *
Дар ат-тилават — см. медресе Дар ат-тилават
Даукара — см. Тау-Кара
Дацинь 458, 459; см. Римская империя
Дашти-кипчак (Дешт-и кипчак) 309
Дашэ (Юйчжо, Вэньсу) 299
Дворец Дилькуша — см. Дилькуша, сад и дворец
— Зенджир-сарай 94, 425 *
— Кебек-хана 425
— Кӧк-сарай (в Самарканде) 61, 149
— Тахта-Карача 61
Дели 156 *, 263
Денданкан 514
Дербенд-и Шиккан 238
Джалула 386
Джам р. 92
Джам самаркандский 88
Джам хорасанский 85, 150, 159, 218
Джамбул 70 *, 281 *, 507 *, 522 *; см. также Аулие-Ата
Джау-джурек р. 300
Джейхун кан. (в Бухаре) 477
Джейхун р. 79 *, 108 *; см. также Аму-Дарья
Дженд 111, 290, 493, 495, 530
Джизак 80, 87, 316, 327, 353, 404, 497
Джикиль 287
Джиланутинское ущ. 96, 111
Джил-Арык 283
Джинанджкет 316
Джондишапур 277
Джулек 72 *, 318, 341, 343, 353, 356
Джуль (в Восточном Туркестане) 282
Джуль (в Семиречье) 281—283
Джуль-Шуб 281
Джума-базар 324
Джумгал р. 110, 112
Джунгария 266 *
Джурджан 238
Диван-беги медресе — см. медресе Диван-беги
Дизе переправа 78
Дизфуль 441
Дилькуша, сад и дворец 54, 91
Димишк (самаркандский) 62, 158, 177, 206, 430 *

Дирабад рабат 239
Дин-курган 341 *
Дих-и нау 514; см. также Чаганиан
Доцзянь (Шуйцзянь) 269
Дун 268, 300, 301 *; ср. تونک
Дундо (Дуньдо) 299
Дуньхуан 463, 464
Дуньцзянь 269, 282; ср. Нузкет
Дурманча 348, 356

Европа 122, 231, 292, 362, 420 *
Европа Восточная 28, 267
Европа Западная 544
Египет 61, 129, 278, 285, 448
Елисаветпольская губ. 65
Енисей р. 273
Ер-Месджид 348, 358
Ечжи 269, 300, 301 *; ср. جبل

Железные ворота (поздн. Бузгала) ущ. 373, 468
Жэхай оз. 300; см. Иссык-Куль

Закавказье 55, 64, 175
«Замок индийцев» — см. Каср-и Хинду-ван
«Замок магов» — см. Кёшк-и Муган
Занби перевал 466
«Западный край» 266, 268 *; см. Турке-стан Восточный
Западный Туркестан — см. Туркестан Западный
Заречье — см. Мавераннахр
Земм (поздн. Керки) 479
Зенги-Ата 354
Зенджир-сарай — см. дворец Зенджир-са-рай
Зеравшан р. 75—77, 133, 279 *, 324, 462, 465, 480, 487, 497, 501
Зернук 298
Зияуддин 464
Золотая Орда 71, 99, 101, 103, 141, 176, 510, 540, 541, 546

Ибришем р. 149 *, 152, 177
Иерусалим 273 *
Икан 345, 357
Илак 270, 330
Или провинция 538
Или р. 33, 108, 109, 453 *, 468, 538—540, 542, 543; ср. Ак-Куяш
Имад кр. 151, 152, 258 *
Имам-Бахр, здание (близ Дабусии) 434
Инд р. 58, 538
Инджиль кан. 238
Индия, Индустан, هند 28, 29, 35, 56 *, 65, 156, 201, 213, 267 *, 284, 343, 373, 420 *, 443 *, 455—460, 477, 533, 544
Ирак 152, 209, 214, 242, 243, 258, 367 *, 425
Ирак Арабский 70 *
Ирак Персидский (ʿИрāқ ʿаджамӣ) 530
Иран 30 *, 51, 61 *, 63, 201, 205, 206, 208, 210, 362 *, 380, 447 *, 510
Иргиз р. 545
Ирджар 404 *
Иртыш р. 295
«Искандер» ханака — см. «ханака Искан-дер»
Искиджкет 330
Иски-Ташкент 354
Иски-Чимкент 344, 357
Исмаʿила Касри ханака — см. ханака Исмаʿила Касри
Испания 66, 362
Иссык-Куль кр. 70 *, 110, 301
Иссык-Куль оз. 70, 71, 80, 106—108, 110, 113, 115, 267, 268, 282, 283, 287 *, 294, 295 *, 299—302, 422 *, 543
Исфахан 57, 118, 135 *, 148, 209, 415
Исфераин 152
Исфиджаб 279, 295 *, 327, 330, 467, 507; ср. Сайрам
Исфиджабский округ 280
Исфизар 60, 251
Итиль р. (Волга) 408
Ихласийе — см. медресе Ихласийе
Ихтияр ад-дин кр. (цитадель Герата) 150—152, 170, 221, 250, 251
Ишик-Агасы-Ата (?) 411
ʿИшк рабат 238
Ишкамиш 224

Йезд 209, 214

Кабадиан 255
Кабул 65, 69, 175, 208, 235, 252, 528
Кабул р. 62
Кабуса башня 238
Каган (Новая Бухара) 421, 479

Казалинск 321, 407
Казань 312, 333, 350 *, 401, 426 *, 532
Казахская ССР 70 *, 507 *, 522 *
Казвин 208, 437, 522
Казергах мазар — см. мазар Казергах
Каир 62, 206
Кайдара (пророка) мазар — см. мазар Кайдара
Кала-и Байрам-Али-хан разв. 502
Калас степь 327
Камыш-курган 354
Кан 268 *, 269 *
Кангюй 266 *
Кандагар 72, 208, 213, 231, 343, 443 *
Канибадам 356; см. также Кенд-и Бадам
Кан-и гиль равн. 95, 131, 373, 374
Каппадокия 458 *
Карабаг 43, 65, 68, 122 *, 175, 436, 437, 448, 449
Кара-бура перевал 288
Кара-гиру плато 300
Кара-Камыш ворота — см. ворота Кара-Камыш
Кара-кол перевал (в Александровском хр.) 282
Каракорум 466
Каракуль 139 *
Кара-орду — см. Орду, Гуз-орду
Кара-сай р. 300
Кара-Саман 93
Кара-тау хр. 80 *, 93
Кара-тюбе 91
Карахисар 436
Карджак — см. Курчук
Каркан 318 *; см. Яркенд
Карух 154
Карши (в Мавераннахре) 33, 34, 37, 38, 49, 51, 82, 83 *, 84, 86, 105, 175, 204, 258, 327, 369, 373, 374, 404, 405, 424—426, 464, 477, 479, 487, 543; см. также Нахшеб, Несеф
Карши (в Моголистане) 109, 110
Касан 457 *
Каспий, Каспийское море 116, 153, 208, 280, 291, 325 *, 459, 495
Касра-Бас 280, 281
Каср-и Арифан (Каср-и Хиндуван) 477
Кастек кр. 336 *, 352 *; ср. Аштек
Кастек перевал 107, 283 *, 466
Кастекское ущ. 288
Катай 286 *
Катванская степь 510
Катта-Курган 404
Качар-баши кр. 282
Кашан 135
Кашгар 33, 67, 70, 100—102, 104, 105, 113—115, 176, 177, 203, 224, 266, 267, 288 *, 290, 291 *, 293, 294, 318 *, 488, 506 *, 507, 508, 519, 520
Кашгария 358
Кашка-Дарьинская обл. 35 *, 167 *
Кашка-Дарья р. 32, 34, 38, 39, 95, 176, 425, 468
Кашкар (в Месопотамии) 278
Кашка-су перевал 300
Каялык 295
Кебуд мечеть — см. мечеть Мукатта
Келат 82
Келес р. 316 *
Келиф 83 *, 91, 92, 175
Кемиджкет 481; ср. Бемиджкет
Кемин — см. Большой Кебин
Кенд-и Бадам (поздн. Канибадам) 116
Кербела 52
Кереучи 350, 354
Керки 479
Керман 46, 234, 242, 248
Кермине 170 *, 329, 404, 405, 479, 487, 539
Кермине ст. 479
Кетмень горы и перевал 109
Кетмень-тепе, Кетмень-тюбе 109, 337, 352
Кеш 38—40, 43, 268 *, 273, 327, 424, 427 *, 464, 479, 533; см. также Шахрисябз
Кешский окр. 78
Кёшк-и Муган 325
Кипчак 489
Киргизский хр. — см. Александровский хр.
Кисс 268 *; см. Кеш
Китаб 39 *
Китай 28, 29, 58, 60 *, 66—72, 80, 94 *, 95 *, 117—119, 141, 175—177, 265 *, 270, 273, 275, 280, 284, 285, 299, 325, 381, 389, 417, 418, 434, 435 *, 442, 443, 455, 456, 458, 459, 464, 467, 478, 533, 535, 538, 541, 543, 544
Китай Южный — см. Мачин
Китайский Туркестан — см. Туркестан Восточный
Кодж-Ата мазар — см. мазар Кодж-Ата
Козельск 298
Кой-су о-в 301 *
Кой-су р. 301
Коканд 334, 341—343, 347—356, 358, 403, 501, 528

Кокандское ханство 333, 336 *, 350 *
Кök-гумбез 428, 429 *
Кök-сарай — см. дворец Кök-сарай
Кök-тепе 108 *
Кок-Узяк проток 407
Константинополь 137, 138, 208 *, 466; см. также Стамбул
Копал 295
Кочкар р. 110, 300 *, 466, 507
Кочкар-баши 466, 507
Кош-Тигирман 354, 355
Кубал (половина города Суяб) 281
Ку-и тен 83, 88; ср. Кух-и-тенг
Куз-орду — см. Гуз-орду, Орду
Кулан (поздн. Тарты) 80 *, 281—283; ср. Цзюйлань
Кулан г. 282
Кулан перевал 80 *
Кулан-баши 80 *, 93
Куланчук 80
Кульджа 204, 288, 538
Куль-Шуб 281
Куляб 412
Кум 208, 242
Кумис 207
Кунгес р. 109, 176
Кунград (Кунграт) 408, 409, 532
Кундуз 81 *, 149, 237, 246, 254, 255, 373
Кундузская обл. 224
Куня-Ургенч 360, 407, 538; см. также Ургенч
Кура р. 47, 366
Курама 348, 352, 354, 358
Курдай перевал 336 *
Курпи базар (в Бухаре) 474
Куртка 336, 337, 352
Курчук (Карджак?) перевал 74
Кусуя 44 *
Кутб ад-дина медресе — см. медресе садра Кутб ад-дина
Куфин 170 *
Кухе-Бахерз (Kuh Bakharz) 154 *
Кухистан 207
Кух-и-тенг 83; ср. Ку-и тен
Кухсан 44
Куча 273, 287, 469, 470
Куча-Малик 78
Кучан 85, 150, 151, 175, 495; см. также Хабушан
Куш-булак 108
Кушка р. 152
Куяш 108 *, 538
Кызыл-Рабат 91, 92, 175
Кызыл-су р. 106, 107 *, 108
Кызыл-тепе ст. 479, 480
Кызыл-тепе холм 480
Кютахья 66 *
Кят 116

Лаудан кан. 407
Лахор 119 *, 201 *
Леб-и Хауз (в Бухаре) 475
Ленгер 239 *
Ленинград 148 *
Лоб-Нор оз. 463, 464
Лондон 389
Лоулань 463
Луговая 80 *; см. также Тарты
Луристан 51, 209

Мавераннахр 25, 30—35, 37, 38, 42, 43, 49, 50, 62, 65 *, 69, 70, 72, 79, 81, 82, 85—88, 94, 99, 100, 102—105, 112, 113, 116, 117, 119, 120, 124 *, 133, 134, 139, 140, 147 *, 154, 159, 160, 167 *, 169, 171, 175—177, 269, 270, 318 *, 322—327, 329—332, 335, 342, 343, 362 *, 366 *, 368 *, 370, 424, 425, 431, 448 *, 452, 465, 485, 491, 492, 494, 506—508, 510, 513, 514, 519, 520 *, 521—523, 525, 533, 534, 539, 540, 542—544, 546, 547; см. также Трансоксания
Мавзолей Байсункара (в Герате) 150
— Гумбез-и Сейидан (в Шахрисябзе) 428, 429 *, 453 *
— Джехангира — см. Хазрет-Имам
— Зейн ад-дина Тайабади 44 *
— Кусама б. Аббаса (в Самарканде) 432, 433 *; см. также Шах-и зинде
— Тарагая (в Шахрисябзе) 427, 428
— Тимура 155, 451; см. Гур-эмир
— Шемс ад-дина Кулаля — см. мазар Шемс ад-дина Кулаля
Магак мечеть — см. мечеть Магак
Мазандеран 47, 58, 85, 128 *, 149, 170, 175, 207, 219, 220
Мазар Абд ал-Халика Гиждувани (в Гиждуване) 133 *
— Бурхан ад-дина Сагарджи — см. мазар Рухабад
— Казергах (в Герате) 254
— Кайдара (около Султании) 436
— Кодж-Ата (в Хорезме) 409

Мазар Нур ад-дина Басира (в Самарканде) 433—435, 446
— Рухабад (мазар Бурхан ад-дина Сагаджи) 434, 435
— Хазрет-Султана — см. гробница Ахмеда Ясеви
— Ходжа-Бакырган (около Ходжента) 361
— ходжи Абди-Даруна (в Самарканде) 433
— ходжи Ахрара (в Самарканде) 434 *
— Шемс ад-дина Кулаля (в Шахрисябзе) 427 *, 428
Мазари-Шериф 236
Мазарские ворота — см. ворота Мазарские
Малая Азия 57, 70 *, 129, 436, 497
Мангышлак п-ов 412 *, 495
Марг (?) 282
Маргинан (поздн. Маргелан) 205 *, 348, 352, 354—356, 422 *, 527
Мардин 63
Маркад-и шейх Шемс ад-дин — см. мазар Шемс ад-дина Кулаля
Матурид 172
Маха базар — см. базар Маха
Маха мечеть — см. мечеть Маха
Махан 41, 218
Махмуда Газневида медресе — см. медресе Махмуда Газневида
Махрам 342, 354
Мачин 435 *
Медина 113, 122 *, 401, 448
Медресе Абу Са'ид-хана (в Самарканде) 128
— Бади'и (в Герате) 218
— Гаухар-Шад (в Герате) 150, 155
— Дар ат-тилават (в Шахрисябзе) 428 *
— Диван-беги (в Бухаре) 475
— Ихласийе (в Герате) 238; см. также ханака Халасийе
— Махмуда Газневида (в Газне) 431
— Мубарек-шаха (в Бухаре) 125 *
— Мухаммед-Султана (в Самарканде) 437, 439, 445, 451, 452
— Насира Хасана (в Египте) 61 *
— Низам ал-мулька (в Харджирде) 239 *
Медресе садра Кутб ад-дина (в Самарканде) 125 *
— Сарай-Мульк-ханум (в Самарканде) 433, 442
— Улугбека (в Бухаре) 125, 176
— Улугбека (в Гиждуване) 133 *
— Улугбека (в Самарканде) 125—129, 162, 176
— Фарджека (в Бухаре) 431, 475
— ходжи Ахрара (в Самарканде) 396 *
— Шахруха (в Харджирде) 239 *
— шейха Фазлаллаха — см. ханака шейха Фазлаллаха
— Ширдар (в Самарканде) 127
— эмира Чакмака (в Герате) 172
Меймене 487
Мекка 43, 44 *, 101, 113, 122 *, 158, 229, 232 *, 237, 242, 248, 253, 367 *, 401, 415, 425, 448, 449, 517
Мераузик-Ила 538
Мерв 41 *, 129, 155, 171, 218, 222, 230, 238, 241, 253, 255, 271, 276, 277, 414 *, 415, 479, 485, 494, 495, 500, 502, 504, 505, 516 *, 523, 524, 530, 546
Мерверруд (поздн. Бала-Мургаб) 272 *, 479
Мерке (Мирки, Бирки) 281, 283, 287, 338, 353
Меручак 218, 272 *
Месджид-и Мукатта' — см. мечеть Мукатта'
Месопотамия 57, 63
Мечеть Алике-кукельташа (в Самарканде) 129
— Ахмеда Ясеви (в Туркестане) 125 *
— Биби-ханым (в Самарканде) 128
— Магак (в Бухаре) 474, 475; ср. мечеть Маха
— Маха (в Бухаре) 474—476; ср. мечеть Магак
— Мукатта' (Месджид-и Мукатта', Месджид-и Кебуд) (в Самарканде) 128, 129
— Омара — см. мечеть Мукатта'
— Тимура — см. мечеть Биби-ханым
— Улугбека (в Шахрисябзе) 133 *
— Чиль-Духтеран (в Бухаре) 473
Мешхед 85, 149—155, 159, 163, 200, 217,

218, 220, 222, 223, 225, 239, 250, 253, 453 *, 502, 537, 547
Ми 268 *, 269 *
Миго («город страны Ми») 269, 282
Мин-Урюк 344—346, 356, 357
Мирза-арык кан. 133
Мирки — см. Мерке
Миср (самаркандский) 62, 206
Миянкаль 487
Мобалык 298 *
Могила Абу Ханифы (в Багдаде) 432
— Ахмеда Ясеви — см. гробница Ахмеда Ясеви
— Кусама б. Аббаса — см. мавзолей Кусама б. Аббаса
— халифа Али — см. гробница Али
Моголистан 35, 38, 50, 53, 69, 70, 77, 80, 93, 98, 100, 101 *, 102—105, 113, 115, 116, 145, 175, 176, 214, 370 *
Мо-курган 298 *
Монголия 28, 69, 141, 265 *, 280 *, 289 *, 290, 295, 316, 509, 538, 539
Монголия Западная 466
Москва 421 *
Му 268 *
Мубарек-шаха медресе — см. медресе Мубарек-шаха
Муг г. 381 *
Муганская степь 62
Музарт проход 300
Музарт-Дарья р. 287 *
Му-и мубарек 348, 358
Мунк (поздн. Бальджуан) 37
Мургаб р. 41, 42, 62 *, 84, 150, 218, 221, 245, 250, 255, 272 *, 500
Мургабское государево имение 502
Мухаммед-Султана медресе — см. медресе Мухаммед-Султана
Мухаммед-Султана ханака — см. ханака Мухаммед-Султана

Навадан кан. (в Самарканде) 435
Намазгах ворота — см. ворота Намазгах
Наманган 422 *
Наманганский уезд 457 *
Нанкин 67
Нарын р. 282, 299 *, 300, 301 *
Нарынск 299 *, 301 *
Насир ад-дина Туси обсерватория — см. обсерватория Насир ад-дина Туси
Насира Хасана медресе — см. медресе Насира Хасана
Нау 354, 355
Наубехар (в Балхе) 30 *, 476
Наубехар (в Бухаре) 476, 477
Наубехарские ворота — см. ворота Наубехарские
Нахшеб (Несеф) 33, 273, 426, 543; см. также Карши
Нашебо 268 *
Невакет 281, 283, 294
Нерету кр. 151, 153, 154, 156, 177
Неса 149, 219, 220, 495
Несеф (поздн. Карши) 33, 38, 327, 425, 426 *, 464, 479, 543
Низам ал-мулька медресе — см. медресе Низам ал-мулька
Нисибин 277
Нишапур 53 *, 149—151, 153, 177, 219, 220, 238, 239, 427 *, 432 *, 492, 495, 530
Ниязбек 354
Новая Бухара — см. Каган
Нузкет (Нушкет; Тумкет?) 281—283; ср. Аксу
Нур 171
Нур-Ата 405
Нур ад-дина Басира мазар — см. мазар Нур ад-дина Басира
Нушджан Верхний 281, 282; см. Барсхан Верхний
Нушджан (=Барсхан) Нижний 280
Нушкет — см. Нузкет

Обсерватория Насир ад-дина Туси (в Мераге) 138
— Улугбека (в Самарканде) 130, 137, 138
Окс р. 459; см. также Аму-Дарья
«Омара мечеть» (в Самарканде) — см. мечеть Мукатта'
Оник 436, 445
Орду (Кара-орду, Куз-орду) 506 *; см. также Гуз-балык
Орду-Базар 489
Оренбург 412
Орхон р. 265 *, 273 *, 289 *, 295
Осрушана (Сутрушана, Усрушана) 327, 331, 465, 497
Осуболай (Ашибулай) 269, 282; ср. Ашпара
Отрар 62, 69, 71—73, 75, 77, 80, 89—91, 93, 105, 111, 169, 175, 288, 298 *, 442, 444, 534, 539; см. также Фараб

Ош 100, 358
Пайкабакские ворота — см. ворота Шейхзаде
Палестина 58, 431
Памир 458, 459 *
Париж 365 *
Паркент 164
Пейкенд 116 *, 325, 477, **479—481**
Пекин 67, 118, 119
Передняя Азия 29, 69, 381
Персия 29, 30, 32—34, 51, 122, 134, 141, 159, 199, 204, 206—208, 210, 217, **270**, 271, 275—277, 287 *, 311, 322, 323, 325, 328, 364, 387, 389, 415, 418, 421, 436, 467, 468, 510, 536, 541, 542, 544
Персия Западная 57, 79, 116, 147, 148, 171, 210, 221, 242, 250, 271, 278, 452
Персия Северная 55, 206
Персия Северо-Западная 30
Петербург — см. С.-Петербург
Пишкек (поздн. Пишпек) **336, 338, 352**, 353
Пишпек (совр. Фрунзе) 282, 283, 288, 336 *
Припамирье 459 *
Пскент 93; см. также Бискет
Пяндж р. 42
Пянджикет (Бунджикет) (в Осрушане) 331
Пянджикет (в Семиречье) 281

Радкан 151
«Райский сад» (под Самаркандом) 53
Рамитан 478
Рамла 431
Рамуш 478
Рей 90, 149, 208, 386, 498, 500, 522, 530, 534
Решидан 355
Ригистан (в Самарканде) 125, 129 *
Римская империя, республика 270, 271, 458, 459; см. также Дацинь
Россия 28, 334, 349, 364 *, 401, 404, 406, 419, 420 *, 421, 529
Рум 369 *, 415
Русский Туркестан — см. Туркестан Западный
Рустема плотина 207
Рух кр. 104, 176
Рухабад — см. мазар Рухабад

Сабат (Сават) 331
Саблык 327 *; см. Сайлык
Сабран — см. Сауран
Сава 148
Савдар (Шавдар) г. 279
Саганак 85, 93 *, 95, 111, 112, 116, 117, 176, 318; см. также Сыгнак, Сунак-курган
Саганнан 268, 330, 498; см. также Чаганиан
Сагур-Кубал (половина города Суяб) 281
«Сад площади» — см. Баг-и Мейдан
«Сад чинары» — см. Баг-и Чинар
Са'дабад 150
Сайлык 327 *
Сайлык горы 327
Сайрам 70, 71, 93, 115, 170 *, 279 *, 327 *, 334, 467, 507; ср. Исфиджаб
Сали-Сарай 37, 90, 149, 373
Салляхане ворота — см. ворота Салляхане
Саманчи 352, 355
Самарканд 32, 33, 37, 38, 41, 43, 46, 48—51, 53, 55, 56, 58, 61, 62, 64—67, 69, 70, 72—77, 78 *, 79—84, 86—92, 94, 95, 97—105, 107 *, 108, 110—115, 117—122, 124—126, 128—130, 132—136, 138, 142—146, 149, 151, 153—155, 157—161, 162 *, 163, 164, 166, 167 *, 168—177, 199, 202, 204—206, 208, 209, 210 *, 213, 215—217, 221—226, 229, 236—238, 255, 256, 258, 259, 263, 268, 270, 272, 274 *, 275, 279, 280, 290, 291, 298 *, 303, 306, 315, 317, 318, 324, 326, 329, 330, 348, 362—364, 366 *, 367, 368 *, 370, 372 *, 373—375, 380 *, 382, 383, 384 *, 388, 404, 405, 420 *, 422 *, 424 *, 427—438, 440, 442—448, 449 *, 450, 452—454, 463, 464, 466, 468, 471, 479, 480, 481, 487—489, 491, 494, 497, 498, 501, 503, 510, 513, 515, 519, 520, 528, 533, 534, 539, 546
Самаркандская обл. 33, 167 *
Самаркандские ворота — см. ворота Самаркандские
Самаркандское княжество 468
Самчен (поздн. Саумичан) кан. 481
Сан-таш перевал 108, 110, 284 *
С.-Петербург (Петербург) 200, 320, 402, 496, 544
Сарай 37, 373 *; см. также Сали-Сарай
Сарай-Мульк-ханум медресе — см. медресе Сарай-Мульк-ханум

Сарыг 281—283
Сары-су р. 545
Сасык-куль 404 *
Сатледж р. — см. Гипанис
Саумичан кан. 481; см. также Самчен
Сауран (Сабран) 58, 71, 80 *, 92—94, 111
Св. Софии храм (в Константинополе) 137
Себзевар 216, 219, 220
Северный сад (под Самаркандом) 54
Сеистан (Седжестан) 41, 42, 52, 58, 207, 231, 276, 500, 511
Семиреченская обл. 265, 294, 321, 336 *
Семиречье 67, 70, 110, 266, 267, 272, 288, 289 *, 291, 294, 295, 312, 336 *, 338, 370, 464, 466, 467
Семнан 149
Сенгбест рабат 238
Серахс 155, 219, 220, 222, 253, 254, 530
Серика 459 *
Сибирь 116, 354 *, 489, 548
Сивас 60
Синь 269
Сирия 28, 46, 70 *
Сияб кан. 130
Сияхийе (Сипахийе?) ханака (?) 254
Скифия 457, 459 *
Смирна 436 *
Согд, Согдиана 271 *, 274, 279, 324, 456, 459, 461 *, 464—466, 479, 497; ср. Сули, Сулик
Солоуфын (Сулоуфын) 299
СССР 455 *
Средняя Азия 29—32, 35, 61 *, 67, 71, 119, 121, 141, 167 *, 203, 204, 245 *, 264, 265, 267, 272 *, 275, 276, 278, 285 *, 287 *, 298, 302, 307 *, 308, 312, 315, 318 *, 322, 323, 325, 326, 329, 330 *, 362, 380, 381, 387—389, 396 *, 399 *, 400, 420—424, 429, 450, 453, 455—458, 461, 465, 467, 473 *, 477, 497, 506, 509, 510, 519, 527, 528, 529 *, 535, 536, 539, 541, 543, 544
Стамбул 365 *, 367 *, 443 *; см. также Константинополь
Старый Термез 470 *
Старый Токмак 283
Сузак 117, 489
Сузы 277
Суйбо, Суйбошуй (Суйбушуй) р. 300, 301 *
Суйбошу (Суйбусюй) 300
Суй-е, Суй-е-шуй 269, 282; см. Суяб
Суй-е, Суй-е-шуй р. 267, 269, 282, 300, 464; см. Чу
Суй-шэ — см. Суй-е
Суйшэ-чуань р. 269; ср. Суй-е
Сули, Сулик 268, 271 *, 462, 464, 466—469; ср. Согд
Сулоуфын — см. Солоуфын
Султания (в Иране) 46, 55, 57, 62—65, 175, 208, 436, 437
Султания (самаркандская) 62, 88, 206
Сулэ 266 *; см. Кашгар
Сунак-курган разв. 318, 489; см. также Саганак, Сыгнак
Сунь (Суньшан) горы 299
Сурхаб (в Азербайджане) 452
Сурхаб р. (в Семиречье) 107 *; см. Кызыл-су
Сурхан р. 32
Сурхан-Дарьинская обл. 35 *
Сутрушана — см. Осрушана
Сухари 425, 451 *
Суяб 267 *, 281—283; см. также: Суй-е; Баласагун
Сыгнак 489, 490; см. также Саганак, Сунак-курган
Сыр-Дарьинская обл. 70, 272, 307
Сыр-Дарья р. 32, 67, 71, 73, 74, 76, 80, 81, 85, 89, 90, 92, 101, 103 *, 104—106, 111, 112, 116, 117, 163, 164, 176, 203, 204, 270, 282, 290, 294 *, 298 *, 299 *, 316, 318, 319, 327, 334, 343, 345, 353, 354, 361, 407, 443 *, 449, 457, 468, 487, 489, 490, 530, 532, 533, 545, 546
Сюехай оз. 299; см. Бель-куль
Сяошэ 299

Табаристан 207, 492, 522
Табук 242
Тававис (Арфуд) 478—480; ср. Шаар-и вайрон
Таджикистан 470
Тайабад 44
Талас (Тараз; позд. Аулие-Ата, совр. Джамбул) 70 *, 80 *, 93, 106, 269, 272, 280, 281, 283, 286—288, 294, 295 *, 296, 467, 506 *, 507, 522; см. также Далосе, Янги
Талас р. 93, 272, 288, 289 *, 327, 510, 541, 543
Таласский Алатау хр. — см. Алатау Таласский
Танаис р. 459

Тангут 418, 538
Тараз — см. Талас
Тарим р. 287 *, 299 *, 455
Тарнаб 151, 152, 156, 177
«Тартария» 421 *
Тарты (совр. Луговое) 80 *, 282; см. также Кулан
Тау-Кара (Даукара) 407
Тахта-Карача, дворец — см. дворец Тахта-Карача
Тахта-Карача перевал 61
Таш-буйнак 108
Ташкент 42, 70, 71, 73, 74, 76 *, 83, 85, 89, 102, 106, 112, 121, 123, 164, 166, 170 *, 175, 223 *, 313, 315, 316, 320, 321, 323, 324, 331, 334—336, 340—348, 350, 351, 353, 354, 356—359, 362, 365 *, 388 *, 389, 401, 402 *, 406, 407, 411, 430 *, 435 *, 487, 488, 501, 511, 533
Ташкентская обл. 167 *, 279, 335
Ташкентский уезд 320
Ташлак 355
Тебриз 46, 55, 115, 138, 211 *, 437
Тегеран 45 *
Теджен р. 218
Текес р. 108, 109
Термез 31, 32, 43, 52, 86, 91, 92, 112, 158, 175, 255, 421
Тефт 209, 214
Тибет 119, 176, 284, 343, 544
Тимура мечеть — см. мечеть Биби-ханым
Тифлис 366, 448
Токмак 102 *, 269 *, 282, 283, 288, 336, 352
Тон р. 301 *
Тохаристан 272 *, 461 *, 469
Трансоксания 266, 269—274, 278, 289, 291, 295, 296, 491; см. также Мавераннахр
Трапезунт 448
Тувек 341, 353
Туг 351
Тумкет — см. Низкет
Тун 220
Тункет 330, 331
Туп р. 301
Тура 489
Турбет-и Шейх-и Джам 154 *
Туркестан 30 *, 70, 71, 73, 117, 121, 122, 140 *, 143 *, 144, 147, 205, 207, 210, 212, 220, 233, 258, 304, 306, 307, 311, 312, 313 *, 315, 320, 331, 339, 342, 363, 434 *, 464, 467, 471, 473, 474, 476, 478, 479, 494, 495, 519, 527, 528, 532, 533; см. также Средняя Азия
Туркестан Восточный (Китайский) 33 *, 69, 70, 266, 267, 270, 280, 285, 287, 288, 290, 370, 461 *, 470, 488, 510, 542, 544
Туркестан Западный (Русский) 265—267, 270, 272, 280, 288, 313, 333, 389, 401; см. также Туркестанский край, Средняя Азия
Туркестан (Ясы), город 71, 115, 117, 162—165, 334, 338, 340 *, 343—345, 350, 353, 354, 356, 357, 403, 406, 440, 489
Туркестанский край 316, 320, 333, 359, 360
Турфан 289, 465
Туршиз 220
Тус 85, 238, 430, 530
Тускул 276 *
Тухоло 469, 470; см. Тохаристан
Тухоло (в Восточном Туркестане) 469; ср. Эндере
Тюрк 340; см. Туркестан (Ясы)
Тюрябек-ханым ханака,— см. ханака Тюрябек-ханым
Тянь-Шань хр. 267, 290, 299 *, 519, 544

Убех 126 *
Узбекистан 540
Узбекская ССР 35 *
Узбой 220
Узгенд (Узгент) 32, 117, 284, 356, 486, 489, 513, 520 *, 523
Узун-Агач 336, 352 *
Узун-Ата 90
Уйгур 406
Уйгурия 266, 289
Уланг-нишин 251, 252
Улуг-Иф (Ик?) 539
Улуг-таг 487
Улугбека медресе — см. медресе Улугбека
Улугбека мечеть — см. мечеть Улугбека
Улугбека обсерватория — см. обсерватория Улугбека
Улугбека ханака — см. ханака Улугбека
Унахэ 268 *
Урал р. 408, 449; см. также Яик
Уральские горы 545
Ура-Тюбе 87, 89, 331, 338, 339, 353, 355, 404

Ургенч 46, 52, 116, 204, 421, 489, 528; см. также: Гургандж, Куня-Ургенч
Ургут 315
Урумчи 289
Усрушана — см. Осрушана
Устюрт плато 408
Уч-Алматы 336—338, 352, 353
Уч-Курган 352

Фаелин (Фаилин) г. 299
Файзабад бухарский 469
Фараб 288; см. также Отрар
Фарахша — см. Варахша
Фарджек ворота — см. ворота Фарджек
Фарджека медресе — см. медресе Фарджека
Фарс 52, 56, 135 *, 156, 159, 282 *, 368
Фергана 32, 33, 52, 56, 67, 69—71, 81, 89, 90, 92, 100, 101, 105, 114, 115, 176, 205, 266, 267, 280, 282, 284, 295 *, 318 *, 324, 326, 339, 349, 383 *, 422 *, 455, 456, 457 *, 487, 501, 513, 519, 522, 523, 527, 534
Ферганская обл. 307
«Ферганское царство» 343; см. Кокандское ханство
Ферхадджирд 159
Фило-цзян-цзюнь («город генерала Пэйло») 269, 300
Фирузкух 51, 65
Фоджа 436 *

Хабушан (поздн. Кучан) 495
Хазара укр. 480
Хазарасп 495, 528
Хазрет-Имам, Хазрет-и Имам (в Шахрисябзе; = мавзолей Джехангира) 428
Хазрет-Султан 343; см. Туркестан (Ясы)
Хазрет-Султана мазар — см. гробница Ахмеда Ясеви
Халасийе — см. ханака Халасийе
Халеб 45 *, 59 *, 60 *
Хамадан 57, 77 *, 148, 530
«Ханака Искандер» (в Бухаре) 473
Ханака Исма'ила Касри (в Дизфуле) 441
— (медресе?) шейха Фазлаллаха (в Самарканде) 226
— Мухаммед-Султана (в Самарканде) 442, 444
— Сияхийе — см. Сияхийе
Ханака Туман-ага (в Самарканде) 432 *, 433
— Тюрябек-ханым (в Ургенче) 204
— Улугбека (в Самарканде) 127—129, 176
— Халасийе (в Герате) 238; см. также медресе Ихласийе
Ханбалык 67; см. также Пекин
Харакан 397 *
Харанджаван 281
Харджирд 239
Хатырчи 405
Хауз-и Махиян 257; ср. Чешме-и Махиян
Хаф 44 *
Хефтде 280
Хива 116, 218, 220, 389, 403—413, 419, 528, 547; см. также Хивинское ханство, Хорезм
Хивинское ханство, Хивинское владение 360, 361, 401, 402, 406, 410, 411, 413 *; см. также Хива, Хорезм
Хиндуван 477
Хиндуван (цитадель Балха) 477
Хисар 85 *, 88, 90—92, 163, 168, 244, 246, 249, 255, 412, 503; см. также Гиссар
Хита 103 *
Ходжа-Бакырган мазар — см. мазар Ходжа-Бакырган
Ходжа-Бакырган р. 534
Ходжа-или — см. Ходжейли
Ходжа-Ильгар 39, 424 *
Ходжейли (Ходжа-или) 408
Ходженд (Ходжент) 34, 49, 50, 81, 85, 89, 90, 102, 164, 331, 338, 341, 348, 353, 354, 356, 358, 361, 497, 509, 532, 539
Ходжи Абди-Даруна мазар — см. мазар ходжи Абди-Даруна
Ходжи Ахрара мазар — см. мазар ходжи Ахрара
Ходжи Ахрара медресе — см. медресе Ходжи Ахрара
Холе (Хэле) 269, 300, 301 *; ср. يارْ
Хорасан 44, 45, 47, 55, 58, 62, 65, 77 *, 78, 79, 84—87, 105, 130, 149, 152, 154, 156, 159, 163, 164, 166, 169—171, 173, 175, 177, 207, 209, 210, 214, 215, 217, 219—221, 223, 225, 231, 233, 238, 242, 258, 270, 271, 278, 331, 361, 364, 380, 381 *, 385, 414, 415, 429, 448, 449, 485, 488, 492, 494, 495, 498, 500, 511, 522, 525, 526, 530

Хорезм 32, 37, 43, 46, 85, 99—102, 116, 176, 177, 203, 204, 206, 219, 220, 231, 232, 242, 286, 294, 327, 330, 360, 361, 421 *, 488, 489, 491, 493, 495, 517, 518, 524, 528, 530, 532, 535—537, 541, 545—547; см. также Хива, Хивинское ханство
Хотан 70, 318 *, 457, 458, 469, 470, 508, 510
Хузар 65, 82, 83, 88, 175
Хузистан 524, 530
Хулюйхэ р. 299
Хутталь, Хутталян 42, 149, 255, 330, 431, 469, 513
Хэ 268 *
Хэле — см. Холе

Цао 268 *
Центральная Азия 280 *, 299 *, 322 *
Цзедань г. 269
Цзешуанна — см. Гешуанна
Цзюйлань 269, 282; ср. Кулан

Чаганиан, обл. 32 124, 268 *, 509, 513; см. также Саганиан
Чаганиан (поздн. Дих-и нау, Денау) 514
Чакмака медресе — см. медресе эмира Чакмака
Чалдавар 282, 283; см. также Ашпара
Чарг — см. Шарг
Чар-Дере 353
Чарджуй 363 *, 479, 495, 517
Чарын р. 106 *, 107, 108
Чекдалик 81, 85 *
Чечекту 150, 151
Чешме-гуль источник 239
Чешме-и Махиян 254, 257; ср. Хауз-и Махиян
Чжихэ — см. Чжэхэ
Чжэгэ (Чигу), Чжэшань (Чишань) 299
Чжэньчжухэ р. 299
Чжэхэ (Чжихэ) р. 299
Чигу — см. Чжэгэ
Чикирдакли 407
Чилик р. 72 *, 107, 284 *
Чиль-Духтеран мечеть—см. мечеть Чиль-Духтеран
Чиль-Духтеран (на Кушке) 152
Чиль-Сутун (в Самарканде) 130
Чимбай 407
Чимиян 352
Чимкент 80 *, 279 *, 280, 327, 334, 336 339, 344—346, 351—353, 356, 507
Чиназ 102, 103 *, 106, 353
Чирчик р. 37, 102, 176, 316, 324, 347, 357, 370
Чихиль-Духтеран (в Самарканде) 128; см. также гробница Шейбанидов
Чишань — см. Чжэгэ
Чонкемин 107 *; см. Большой Кебин
Чопан-Ата возв., Чопанатинские высоты 95, 119, 130, 374 *
Чу р. 107, 116, 267, 268, 270, 282, 283, 284 *, 288, 296, 300 *, 301 *, 336, 352, 422 *, 464, 466, 507, 541, 545; см. также Суй-е
Чугучак 291

Шаар-и вайрон (Шахр-и вайрон) разв. 480; ср. Тававис
Шабуркан — см. Шапурган
Шавдар — см. Савдар
Шамси перевал 466
Шапурган, Шабуркан 81, 82, 84, 149, 163, 175, 415 *
Шапурганский окр. 78
Шапуркам (Шафурком) 396 *
Шарапхана 85
Шарг (Чарг) 481
Шахабад кан. 547
Шах-и зинде 98, 177, 428, 441 *
Шахр-и вайрон — см. Шаар-и вайрон
Шахристан (в Осрушане) 331
Шахрисябз 37, 38, 39 *, 49, 61, 81, 87, 88, 91, 92, 105, 133 *, 158, 163, 204, 268 *, 327, 369, 370, 404, 405, 422 *, 423 *, 424, 425, 427—429, 437 *, 448, 450, 451 *, 452, 453 *, 464, 479, 487, 501, 533; см. также Кеш
Шахрисябзский окр. — см. Кешский окр.
Шахруд кан. 477
Шахруха медресе — см. медресе Шахруха
Шахрухия 71, 74, 85, 89, 90, 101, 105, 106 *, 112, 158, 164, 170
Шаш 270, 288, 295 *, 316 *, 324, 326, 327, 383 *, 435
Шейх-Антаур 347
Шейхзаде ворота—см. ворота Шейхзаде
Шельджи 281, 288
Шемс ад-дина Кулаля мазар — см. мазар Шемс ад-дина Кулаля
Шехр-хан 351, 352

Шиберту 373
Шираз (в Фарсе) 46, 57, 62, 115, 118, 122 *, 124, 148, 206, 208, 209, 214, 427 *, 434, 445
Шираз самаркандский 62, 76, 88, 164, 206
Ширван 153
Ширдар медресе — см. медресе Ширдар
Шу кр. 466
Шуйцзянь — см. Доцзянь
Шураханский участок (Аму-Дарьинского отдела) 359
Шур-тепе 346, 347, 357
Шэчжи — см. Ечжи
Шы 268; см. Саганиан

Эмиль 291
Эмод г., Эмодские горы 459
Эндере разв. 469; ср. Тухоло (в Восточном Туркестане)
Эрзерум 65, 436

Юечжи Большой 266 *
Юйчжо — см. Дашэ
Юлдуз 109 *, 453
Юсуфабад 44 *

Ягноб р. 462, 464
Яик р. 408, 545, 546; см. также Урал
Яксарт 459; см. Сыр-Дарья
Янги (Яны) 70, 80*, 93, 106*; см. также Талас
Яны-Курган 340, 341, 353, 404
Яркенд 318*, 488
Ясы (поздн. Туркестан) 71, 163, 489
Ясы перевал 284*

Θῖναι 460
Σηρίνδα 460

ابر كهتو перевал 107*
اشترخان 355
آق چلیغ 107*; ср. Чилик
اقر 73*
اوسوراق 352
بای آب (?) 109 *
بیت المقدس 273*; см. Иерусалим
بیلقون (هلقون?) 107*
پلسان 355
تقوتو 109*; ср. Богуту
تکلیک 107*; ср. Чилик р.
تونک 301*; ср. Дун
جران 78*
جکلک (چوکلک) 72*; ср. Чилик
جیل 301*; ср. Ечжи
چهار راهه (چهار سو) — см. ворота چهار راهه
دورمنچه — см. Дурманча
دوکه 78*
زریلمه 355*
سری تال 355, 356
سنجاب перевал 151*
سوخ, سوج р. (кан.?) 159*
سیغاق 352
غربان ترکس 108*
فرنکت 274*
قباه بشور 354
قرا غلجه 356
قزل سوی خاصکنت 106*; ср. Кызыл-су
قزل سوی کوک تیپا 106*
کرناس, کریاس кан. 374*
کنعان 58*; см. Палестина
کهتو, کیتو 107*
کیرو 110*
کرمنراو 281
هلقون — см. بیلقون
یار 301*; ср. Холе
یکه توت 354, 355

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

адай 409, 410, 412
алим 409
алчин 266*
англичане 345, 421*
арабы 28, 46, 51, 52, 219*, 272—277, 279, 282*, 283, 284, 313—316, 322, 323, 325—328, 331, 381, 382, 384, 386, 387, 472, 478, 479, 500
аргун 157
аргын 266*
арийцы 305, 322, 323, 326
арлат, арулат 34, 218
армяне 421*, 447*
афганцы 147 *, 345, 357

барлас, барулас 34, 38, 39, 41, 59, 144, 160, 232, 233, 453*
бахила 383
бекрит 105
бену-темим 504
бену-ханзала 275, 474
болгары (камские) 290
буйрак 394, 396

гаогюй (гаоцзюй) 295
гаргариды 459, 460
гоклен 411
греки 286 *, 455—457, 465, 497
грузины 447*
гузы 272*, 280, 284—287, 289, 290, 414, 415, 416*, 495
гэлолу 272; см. карлуки

дациньцы (=римляне) 458
даши 382; см. арабы
джагатан — см. чагатаи
джалаир 34, 49, 50*
джикили (чигили) 286, 287, 289*, 506*
дуглат 35
дуз 353
дурмен 394—396

евреи 55*, 279, 477
европейцы 60, 242; см. также франки
египтяне 343

иззаддинлу (каджары) 502
индийцы, индусы 285, 457, 459, 460, 477
иранцы 203, 323, 527
испанцы 67

йомуты 408

каджары 502
казаки (казахи) 116, 304, 306—308, 313*, 320*, 337, 338, 342, 343, 346, 350, 353, 357*, 406*, 490, 528; см. также киргизы (ошибочное название казахов)
каладж 141*; см. халаджи
калмаки, калмыки 69, 352, 490
канглы 294—296, 297*
каракалпаки 352—354, 407, 412
кара-кидани — см. кара-китаи
кара-китаи, китаи, хитаи (ختای) 290, 291, 363*, 432*, 495, 516, 517, 520, 530, 531; см. также кидани
кара-кыят 395
карлук (племя узбеков) 394
карлуки 272, 273, 280—282, 284, 286—289, 295, 296, 297*, 304, 308, 506*, 527
касиры 457
каучин 34, 158
кенегес 395, 501
кераиты 265, 290, 292, 293, 316.
кидани 290—293, 295, 296*; см. также кара-китаи

кимаки 284—286, 292
кипчак (племя казахов) 309
кипчак (племя узбеков) 334, 342, 345, 346, 348, 350—352, 354—358, 407, 408
кипчаки (половцы) 294*, 295*, 309
киргиз-казаки, киргиз-кайсаки — см. киргизы (ошибочное название казахов)
киргизы (енисейские) 273, 280*, 284, 286, 307
киргизы (ошибочное названиие казахов) 303, 304, 307, 309, 313, 320, 357*, 394*, 406—412; см. также казаки
киргизы (тяньшаньские) 289, 336, 337, 345—347, 351—357
китаи — см. кара-китаи
китайцы 26*, 30*, 67, 68, 119, 265—267, 272, 282, 283, 285, 288*, 291, 293, 300, 310, 382, 455, 456, 458, 459, 463, 535
кумиджии 513
кунграт 394, 396, 402*, 408
кушчи 394—396
кызылбаши 311, 313
кыят 395, 396

мангыт 338, 395
монголы 35—37, 40—42, 52—54, 69—72, 80, 83, 89, 90, 92, 93, 95*, 100, 102, 103, 105, 106, 108—110, 113—116, 176, 215, 370*, 443*, 544; см. также монголы
монголы 28—30, 33*, 35, 50, 53, 55, 61, 67, 68, 203, 205, 207, 264, 295—298, 304, 305, 308, 311*, 312, 316, 317, 361, 363, 364, 370—373, 393*, 417, 420*, 443, 464, 467, 468, 511, 517, 527, 537, 539, 542, 544
мундуз 353

найман (племя узбеков) 394—396, 402*, 408
найманы 282, 295, 297
немцы 305

огузы 280*; см. также гузы
ойхарды 459

парфяне 322, 455, 458
персы 28, 31*, 46, 51, 64, 199, 207*, 277, 304, 307, 313, 314, 327, 328, 459, 500, 547
половцы — см. кипчаки

русские 307, 320, 321, 333—337, 340, 341, 346*, 348*, 349, 350*, 352, 353, 356—358, 400—413, 501, 548

саки 457, 459
салор 502
санджари 41
«сарацины» 312, 468; ср. сарты
сартагул, сартак, сартактай, сартаул — см. указатель терминов
сарты 303—314, 320, 349—351, 353, 357*, 467, 468, 527—529
сары-уйсунь 266*
сельджуки 285, 492, 507, 514, 530
серы 455, 457—460
сины 460
сирийцы 271, 277, 430*
си-су (хо-су) 272*
славяне 286
согдак 466
согдийцы 383, 384, 457, 461—469, 472
сулдуз 159
сулэ 271*

табын 409
таджики 47, 154, 159, 207, 233, 304, 307, 308, 312, 314, 322*, 337, 340, 342, 349, 351—354, 356, 467, 468, 527, 528
тат 203
татары 290; см. монголы
татары золотоордынские 85, 533
теке 406
тибетцы 273, 282, 285
токуз-огузы, тугузгузы 280, 284, 285, 286*, 289, 465
тохары 457, 459, 461*, 470
турки 33*, 36, 38*, 46, 50, 64, 154, 159, 199, 203, 204, 207*, 208, 216, 233, 236, 237, 381, 383, 398*, 467, 468, 478; см. также тюрки
туркмены 41, 42, 288, 313, 408, 502
туркмены западные 208, 210, 211*, 219, 230, 242
тюрки 266*, 267, 271—274, 279, 280, 284—286, 288, 290, 292, 294, 298*, 304—307, 312—314, 319, 332, 339, 352—354, 443*, 494, 507, 519, 527, 528; см. также турки

узбеки 99, 101, 102, 111—113, 116, 117, 144, 149, 155, 160, 164, 166*, 176, 177

208, 217, 220, 221, 232, 237, 250, 255, 258—260, 304, 305, 313, 322*, 349, 351, 388, 393, 394 *, 395, 396 *, 399, 405, 452, 487—489, 521, 528, 537, 540, 544, 546
уйгуры 33*, 68*, 212*, 273, 280*, 288, 289, 295, 296, 310, 367 *, 432 *, 459, 467, 539, 542
уйсунь (усунь) 266*
усунь, усуни 266, 267, 299, 300

фауиы 455, 457, 459
фергапцы 456
финикийцы 467
фраики 242, 248

хазары 286
халаджи 281
харлух, харлухийа 272; см. карлуки
хезарейцы 50*, 274
хитаи — см. кара-китаи
хо-су — см. си-су
хой-ху, хой-хой 310
хорезмийцы 42, 465, 539
хунны 265*, 266*, 267, 455, 457, 458
хытай 396

чагатаи 35—37, 40, 49, 53, 62, 77, 82, 106, 110, 113—115, 159, 207, 540, 544
чигили — см. джикили
чонбагыш 352
чоудоры 410
чумекей 411

эрсари 406

юебань 267
юечжийцы 457; см. тохары
юечжийцы малые 457
юз 351, 352, 354

ягма 289*, 506*

يغمر 46*

УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ[1]

агам 478, 480
агач 150*
а'йан 218
айван 130
аймак (уймак) 34*, 394, 396
акаба (*'акаба*) 284
аксакал 351, 354
ал 515, 519
алтун, алтын 216
а'лям (*а'лам*) 395
амин ад-даула ал-кахира 249
амир-и бузург 64*, 296*
амир-и кабир 64*
анда 510
ара 395
арбаб тиджан 515
арбаб-и хирка 296
арбакеш 235, 303
аргая от 109*
арк (*арк*) 413, 471
Арслан-илек (илиг) 491*, 520*
Арслан-Кара-хакан (Арслан-хан) 506*, 513*, 514*
асп-и тази 314*
ас'хаб-и хурмат 517
атабек 54, 56, 64, 74
аталык 353, 354, 394, 402*, 406, 408, 410, 412
аташхане 473, 474
аусат ан-нас 258
'аттаран [мн. ч. от *'аттар*] 474
афлак-и тадавир 137
афшин (*афшин*) 497
'ахд-наме 74
ахл ал-'ама'им 515
ахунд (*ахунд*) 354
баззаз 131
базилевс 324
байрам (*байрам*) 154, 227
балгасун 289*
балыш 296
Бармак (Barmak) 31 *
барсчи 509
бару 49*
барунгар 394
бахши 212*
Баян-Фенджан 311
бег, бек 35, 64, 161, 207, 212, 225, 229, 232, 233, 237, 240*, 241, 242, 246, 257, 324, 329, 435, 437, 503, 519
бегтегин 465
бехар (*бахар, бахар*) 30*, 432; см. также *вихара*
бий 341, 346, 357, 395, 409—411, 412
Богра-илек (Богра-тегин) 520*; см. также Янга-тегин
Богра-Кара-хакан (Богра-хан) 506, 507, 508*, 520*
бой 34*, 394*
буза 339
бука'-и хайр 129, 151*
букаул (*букаул*) 243, 312*, 348
бут-параст 432*, 474
бутхане 472, 478
бухар-худат (*бухар-худат*) 324, 326, 329, 330

ва'из 228
вака'и'-навис 251
вакф (*вакф*), вакуфы 46, 127, 128, 235, 395*, 432, 448

[1] Курсивом показана точная транскрипция (транслитерация), преимущественно терминов арабского и персидского происхождения (в том числе и тех, которые в тексте приведены только в арабской графике); когда в тексте такой транскрипции нет, она дается в скобках после транскрипции Бартольда.

валий (*вали*) 350
ван-хан 292, 293
везир (*вазир*) 151, 208, 230, 232*, 233, 234, 241, 242, 244, 245, 247—249, 251, 252, 328, 349, 364, 396*, 416*, 431, 491, 504, 505, 513, 525
вилайет (*вилайат*) 39*, 156*, 159*, 166*, 528
вихара 432; см. также бехар

газат (*газат*) 334
газель (*газал*) 97*, 259, 503
гумбез (*гунбаз*) 143*, 439*, 440, 441, 444, 450
гургян 48, 55, 99, 141*
гурхан (*гурхан*) 292—297
гурхана (*гурхане*) 428*

дадхах (*дадхвах*) 350—352, 356, 397
дар ал-харб 53*, 318*
даруга (*даруга*) 102, 153*, 160, 163, 237
дастур ал-мамалик 87*
даулатхане 214
дахма 440
дашгир 425*
дейсаниты 270, 271
дервиш (*дарвиш*) 32, 37, 39, 40, 47, 121—124, 127, 154, 160, 166, 167*, 172, 174, 254, 426, 429, 433, 441, 452, 521
дервишизм 121, 122, 124, 127, 168*, 430
дестурханчи (*дастурханчи*) 350, 351
джаме-хане 524
джериб (*джариб*) 132*
джете 36, 366*
джихад (*джихад*) 334
джунгар 393, 427*
диван (*диван*) [поэтический] 140, 225, 227
диван (*диван*) [учреждение] 57, 147, 173*, 213, 232*, 233, 234, 240—242, 249*, 330*, 367*, 369*, 370, 473
дивани-и 'ала 232*
дивани-и мал 249*
диван-беги (*дивани-беки*) 396, 406, 407, 411
динар (*динар*) 33, 34, 216, 234, 244, 245*, 246, 247
дирхем (*дирхам*) 33, 325*
дихкан (*дихкан*) 287, 323—326, 329, 330, 332
драгонады 297

есаул 97, 123, 124, 131, 259, 311, 312*, 396
есаул-одачи 396
есаулбаши 408, 410, 412

завийа 432
зекат (*закат*) 133*, 407
зийарат 437
зикр (*зикр*) 40, 426, 434
зиндик (*зиндик*) 273, 278, 284, 290
зухд 233

идикут 291, 295
иза́ра 438
илек (илиг) 485, 486, 505, 513, 519, 520
илек-ханы 288, 491, 506, 513, 519, 520*
'илм 432
'илм-и рамал 143
иль 50, 394*, 520*, 527
ильхан (*ильхан*) 424*
ильчи 63
имам (*имам*) 84*, 127, 158, 228, 229*, 297, 317, 328, 425, 430, 431*, 434, 436, 449, 465, 507, 516
'имарат-и хайр 129
инак (*инак*) 402*, 408, 410
инджу 539
ислам (*ислам*) 30, 32, 33, 40, 47, 53, 68, 69, 87, 121, 128, 173, 203, 263, 269, 271, 274, 278, 286, 287, 289, 290, 293, 294, 295*, 297, 313, 316—318, 328, 329, 331, 347, 371, 386, 409, 410, 417, 418, 424, 425, 432, 444, 446, 448*, 457*, 464, 468, 469, 473—475, 497, 506, 509, 511, 527, 539, 540, 542, 543, 546
иснад (*иснад*) 122
и'тимад ал-мулк ва-д-даула 244
ифтихар ал-'улама' 163
ихшид (*ихшид*) 497
ичги, ичеги 241, 396
ишан (*ишан*) 126, 127, 167—170, 172—174, 355
ишик-ага 398, 411*
ишик-ага-баши 396

каалка 394
каан 69; см. также каган, хакан
кабр 445

каган 298*, 506*, 520*; см. также каан, хакан
казак (*қазāқ*) 36
казаклык 217*
кази-аскер (*қāзӣ-йи ʿаскар*) 394*, 395
кази-калян (*қāзӣ-йи калāн*) 355
казий (*қāзӣ*) 66, 131, 132, 152, 158, 160, 163, 218, 233, 254, 363, 381*, 389, 395
қалʿа 49*, 159*
қаландар 254
канāса 287*
карабура 345*
караван-сарай (*карвāн-сарāй*) 488
караул 311, 312*
караунас 36
қарйа 479
карт 394, 395*
карши 33
касида (*қасӣда*) 227, 257
католикос 276, 277, 279, 290*
каучин 34*
кафир (*кāфир*) 53, 116*, 131, 371, 404—406, 408—410, 412
квадривий 134*
кебекй 543
керрамийцы 429
кетхуда (*кадхудā*) 411
кибла (*қибла*) 128, 427, 440, 441
қиçāç 42, 43
қиççā-хʷāн 60
китāбдāр 237
кāчāк мāрзā (*мāрзā-йи кāчāк*) 233
кāчāк ханум 48
кок-таш 454*
көп-чöхре 398
кош-беги (= кушбеги) 396
кош ва куру 66*
қубба 424, 441*, 444
кубреви (*кубравӣ*) 426*
кукельташ (*көкӱltаш*) 212
кукельташӣ 212, 213*
кулл-и куш-беги 396*
курбан (*қурбāн*), курбан-байрам 228, 408
курбаши 351
курганча 355
курултай 50, 510
курчи 396, 398
курчи-баши 396
кушбеги 350*, 351, 396*, 406
кушчи 136
кырк-чöхре 398
кышлак 103*

лакаб (*лақаб*) 491*
ленгер (*лангар*) 151

маг — см. муг
маджāнн-фурӯш 517
маджӯс — см. муг
мазар (*мазāр*) 123, 133*, 254, 315, 361, 409, 426, 427, 433—436, 440, 446
маздакиты 270, 271, 273*, 293*
мазхаб (*маздхаб*) 121, 217*, 417*
малик, мн. ч. *мулӯк* 445, 446
мамлюк (*мамлӯк*) 158, 435, 494
манихеи 269—271, 278, 279, 284, 285, 293, 294*, 463, 464, 466, 469
манихейство, манихеизм 272*, 284, 285, 302
марзбан (*марзбāн*) 381*
марқад 444, 450
марциониты 271
маṭлаʿ 212*
мауляна (*маулāнā*) 46, 67, 126, 142, 162*, 168*, 366, 370, 371
мафриан 276
махалля (*махалла*) 205*, 348
махрам (*махрам*) 341, 407, 408, 410, 411
медресе (*мадраса*, мн. ч. *мадāрис*) 25, 30, 45*, 61*, 111, 124—129, 133*, 135, 143, 150, 155, 162, 172, 174, 176, 218, 225, 226, 238, 239*, 297*, 364, 413, 428*, 429—433, 434*, 435—439, 441, 442, 445, 451, 452, 475, 494
мелькиты 276, 286
мечеть 40, 111, 120, 125*, 128, 129, 133*, 139, 149, 238, 257, 274, 287, 288, 297, 325, 326, 330, 369, 371, 374, 427, 428*, 429, 431, 433, 434, 438, 440, 442, 472—476, 485, 522
минарет 125, 130, 440, 516*
минбар (*минбар*) 129, 228, 230, 434*
минбаши (*мӣнгбāшӣ*) 335, 350—352, 354—356
мир (*мӣр*) 212; см. эмир
мираб (*мӣрāб*) 401
мирахур (*мӣрāхӯр*) 396
мирза (*мӣрзā*) 56, 70*, 85, 101*, 141*, 144, 148, 150, 157, 160, 162, 163, 165, 172—174, 213, 218, 224, 235, 236, 245, 246, 251, 252
мирза-баши (*мӣрзā-бāшӣ*) 396
мӣрзā-ий кāчāк — см. *кāчāк мӣрзā*
мискаль (*миçқāл*) 445

михман-хана (*михмāн-ханe*) 339
михраб (*михрāб*) 428
миян-сарай (*мийāн-сарāй*) 441
мони 285*; см. манихеи
муʿāçū 62*
муваккит (*муваққит*) 139
муг (*муғ*), маг, маджус (*маджӯс*) 277, 325, 326, 432*, 472, 473, 475, 478
мударрис (*мударрис*) 126, 127, 430
муджаллад 388*
муқарраб ал-ҳаẓрат ас-султāнū 244
мулāзим 243*
мулла (*мулла*) 127, 320, 333, 349, 401, 405, 413, 423*
мункирāт 62*
муснад 122
мӯрчал 427
мустауфи (*мустауфū*) 234
мутазилиты 32
мутеваллий (*мутавалла*) 430
муфтий (*муфтū*) 395
мухр-и бузург 232*
мухр-и дāвāн-и амарāт-ı бузург 232*
мухрдāр 232
мухтасиб (*муҳтасиб*) 120, 121, 124*, 131, 132, 395*, 451, 515
мучалгā (مچلگا) 50*
мюрид (*мурāд*) 132*, 167*, 168*, 224, 425, 435*

наддāф 370
надūм 132*
наиб (*нāʾиб*) 233, 504
накиб (*нақūб*) 394
наққāш 118, 258
накшбенди (*нақшбандūйа*) 395
накшбендии (*нақшбандū*) 44, 87, 121, 164, 166, 199, 228, 235, 426*
намаз (*намāз*) 173, 228, 273, 317
намāз-и пūшūн 231
намазгах (*намāзгāх*) 254, 257
нänä 394
науруз (*наурӯз*) 473
нāфила 521
несториане 264, 275—278, 286, 292—294, 316, 318
несторианство 265*, 315
нисба 504
нойон 35, 38, 50*, 90, 212, 218, 244, 252
нукер 43, 56, 93, 100, 103, 150, 151, 158, 159, 161, 214, 231, 336, 411

оба (обӧ) 108
оглан 394—396
одачи 396*, 398
онг 394
онгон 506*
орда, орду 63*, 108*, 164, 221, 264, 290, 538
орду-базар 149, 245
орчин 33

падишах (*пāдишāх*) 154, 224, 369*, 444*, 521
парсы 478
перване (*парвāне*) 233, 234
перванечи (*парвāнечū*) 398
пāшгāх 434*, 438
понсад, понсад-баши (*пāнçад, пāнçад-бāшū*) 336, 340, 344, 346, 348, 351, 352, 356—358

рабат (*рибāṭ*) 238, 239
равāқ 49*
раʿāйат (мн. ч. *раʿāйāʾ*) 234*, 246*, 329
Рамуш-Агам 478
реис (*раʾūс*) 395, 515—517
риẓāʿ 213*
рийāẓ, рийāẓа 134*
риндлиғ 233
рисальчи (*рисāлчū*) 359
рукн 388*
рустак (*рустāқ*) 465

сабадар (*çāбадāр*) 397
сабии (*çāбū*) 292, 465, 466
садр (*çадр*) 32, 125*, 128*, 150, 168, 241, 363, 395, 515—518, 542; см. также садр-джехан
садр-джехан, садр-и джехан (*çадр-джахāн, çадр-и джахāн*) 121, 363, 515, 518
самāʿ 426
санат ал-ҳимāр 384, 385
сардāба 438
çаррāф 171
сарт (*сāрт*) 304—312, 468, 527, 529; ср. также сарт — в указателе этнических названий
сартак 310, 527
сартактай 304*, 310, 312, 468, 527
сартаул, сартагул 310—312, 468, 527

сартпау 527
сӑрт-тӣлӣ 528
сарханг (*сарханг*) 407, 408
ҫӑҳиб 31
сахиб-диван (*ҫӑҳиб-дӣвӑн*) 244
ҫӑҳиб ат-таҳт 48*
сейид (*сайӣд*) 31, 43, 45, 60*, 131, 148, 233, 247, 253, 254, 263, 318, 395, 425, 426, 428, 437, 439*, 440, 442, 446—451, 453
синагога 287*
сипай (*сипӑхӑ*) 394*
сол 393
сули 271; ср. шури
султан (*султӑн*) 47, 48, 56, 61*, 66, 96, 97*, 115, 135, 139, 153, 155*, 168*, 170, 171, 203, 210, 211, 217, 218, 222, 224—238, 240—247, 249—259, 274, 287, 291, 313, 328, 396, 403, 411*, 414, 415, 416*, 431, 432*, 489, 491—495, 503, 507, 508, 513, 514, 516*, 518, 520, 524, 530, 536, 537
сунниты 217, 228, 229
суфа (*ҫуфа*) 438—441, 446, 450, 451
суфизм 122, 167
суфий (*ҫӯфӣ*) 122, 132*, 167, 214, 233, 296, 429, 430, 433
сучи 397
сянг (*санг*) 337

тагаи 222
тӑқ 49*, 440
такбир (*такбӣр*) 337, 344
таҡвӑ 233
тамга (*тамғӑ*) 133, 156, 171
танап (*танӑб*) 34*
тархан (*тарҳӑн*) 149, 151*
тарсӑ, мн. ч. *тарсӑйӑн* 275, 286*
таҳаллуҫ 334*
ташт-ҳӑне 524
тезкире (*тазкира*) 439*
Тогрул-Кара-хакан 508*
томан (*тӯмӑн*) 33*, 34, 150*, 151*, 152, 241
туваджи 50, 51
туксабай 397, 398
туман — см. тюмень
турбат 444*, 446
тюмень, туман (*тӯмӑн*) 33, 34, 50, 396*, 397*, 398, 427*
тюрк дӑвӑнӣ 232*
тюря 405, 406, 409

угрук 63—65
уймак — см. аймак
улау (اولاو) 336*
улемы (*ʿулама'*) 45, 47, 366*, 389, 404, 430, 437
улус 39, 49, 50, 52, 102, 142, 264, 394, 396, 398, 407, 540, 546*
ʿумдат ал-мамлака и ʿтидӑд ад-даула 244
урук 394*
ʿурф 393*

факих (*фақӣх*, мн. ч. *фуқахӑ'*) 45*, 158*, 329, 517
фарӣда 521
фӑрс-тӣлӣ 528
фарсах (*фарсаҳ*) 33, 283, 316, 331*
фаҳҳӑр 425*
ферман (*фармӑн*) 433*
фетва (*фатвӑ*) 158
фикх (*фиқх*) 225, 517

ҳабр 431*
хадж (*ҳӑджж*) 242
хаджи (*ҳӑджжӣ*) 158, 159
хаджиб (*ҳӑджиб*) 249, 396, 493, 504
хадис (*ҳадӣҫ*) 31, 120, 122, 125*, 442
хазӑре 50
ҳайӑт-и ҳӑн 98
хакан (*ҳӑқӑн*) 246*, 269, 275, 279, 281—283, 288, 289*, 394; см. также каан, каган
хаким (*ҳӑким*) 216, 225, 235, 240, 243, 335, 336, 342, 350, 352—356, 402—407
хакими (*ҳакӣмӣ*) 31
халиф (*ҳалӣфа*) 28, 31, 47*, 128, 131, 160, 204, 235, 272, 274, 276—279, 326, 328, 329, 384, 386, 395*, 434*, 485, 497, 498, 515, 522, 530
ҳалӣфат ад-дӑр 536
хан (*ҳӑн*) 28, 29, 32—35, 37—39, 42, 43, 47, 48, 51, 53, 56*, 69, 71, 76, 91, 93, 98, 99, 102—105, 107, 111, 113, 115—117, 127, 129, 134, 141—145, 154, 155, 158, 159, 163—166, 168*, 169, 176, 204, 205, 214, 216, 220, 221, 225, 260*, 263, 264, 267, 276*, 282*, 289*, 290—292, 294*, 295, 304, 308, 311, 313, 316, 318, 321*, 324, 327, 332, 334, 336, 339—342, 348—

356, 369, 370, 388, 389, 395, 396*, 397*, 399*, 401—403, 406—408, 410—412, 421, 424, 425, 430, 437, 450, 453*, 464, 466, 473, 487, 489, 501, 508—510, 513, 515, 519, 521, 533, 538—543, 545, 546*, 547
ханака (*ханака́х*, мн. ч. *ханава́ник*) 32, 111, 127—129, 135, 176, 204, 209, 214, 226, 238, 383*, 429—435, 438—442, 444, 446, 450, 473
ха́ндзаде, ха́нзаде — см. *худа́ванд-за́де*
ха́не 429*, 438
ха́негах — см. ханака
ханзаде (*ха́нза́де*) 99, 437
ханифизм 270, 271
ханифиты 515, 517
ха́нках — см. ханака
ха́нках-и мусафирпана́х 433*
харадж (*хара́дж*) 407, 408, 410, 473*
хас-хаджиб (*ха́сс-ха́джиб*) 508
хатиб (*хати́б*) 436, 517
хатт ва мухр 74
хауз (*хауз*) 89, 151
хашам 329
хва́джа — см. ходжа
хва́джаган хва́джа 174
хва́джа-йи калан 174
хисар (*хиса́р*) 49*
ходжа (*хва́джа*) 43, 44, 58, 71, 72*, 89, 101*, 114, 121, 123, 124, 126, 127, 131*—133*, 162*, 164—172, 173*, 174, 199, 202, 225, 226, 229, 233, 234, 241, 242, 244, 245, 246*, 247—252, 259, 339, 340, 395, 426*, 430, 433, 434*, 435*, 443, 444, 449
хорезмшах (*хва́размша́х*) 31, 291—296, 363*, 414, 491, 493, 495, 517, 524, 530, 535—538
хосрой 31*
хошун 50
худа́ванд-за́де (сокр. *ха́ндза́де*) 31, 43
хуррамиты 497
хуссу́с-и дарс 224
хутба (*хутба*) 48, 66, 72, 76, 89, 96, 98, 151, 160, 164, 221, 228, 230*, 255, 498
хуфра 445, 446
ху-шу 270

чарсу (*чахарсу́, чарсу́*) 156
чахар-суфа 441
чете 36*
чехар-яр (*чахар-йа́р*) 395
чирчи 396
чобдар (*чубда́р*) 397
чёхре-агаси 396
чэнсян 418*

Шан-вэнь 138
шариат (*шари'ат*) 45, 97, 111, 121, 122, 130—133, 152, 158, 165, 167, 173, 321, 393*, 404, 405, 410, 444, 448, 450, 451, 539
шафииты 271
шах (*ша́х*) 34, 96*, 138*, 215, 217, 224, 225, 488, 502, 537, 546, 547
шахад 163*, 515
шахне 524
ша́хра́х 479
шахристан (*ша́христа́н*) 472—474
шейх (*шайх*, мн. ч. *маша'их, шуйух*) 31*, 32, 39, 40, 43—45, 47*, 65, 66, 81, 87, 120—124, 131, 152, 157*, 164—166, 168*, 169—173, 223*, 224—226, 228, 249, 254, 328, 389, 404, 425—428, 429*, 430, 434, 435, 440 441, 446, 449, 450, 451*, 505, 540, 542
шейх ал-ислам (*шайх ал-ислам*) 32, 43, 44, 62, 81, 88, 91, 92, 121—123, 131, 132*, 152, 162, 166, 168—170, 172, 355, 394, 434, 435, 444, 446, 542
шейхзаде (*шайхза́де*) 123
шериф (*шари́ф*) 448
шигаул 166*, 396, 398
шиизм, шиитство 47 *, 216
шииты 47, 216, 217, 228, 229*
ширваншах (*ши́рва́нша́х*) 153
шурбетдар (*шурбатда́р*) 351
шури 271; ср. сули

эмир (*ами́р*) 35, 37, 38, 40, 42, 43, 48, 49, 51—53, 54*, 58, 61, 64, 70*, 72, 74—78, 80—82, 84, 86—92, 97, 100, 101, 103—106, 108, 113, 114, 117, 124, 125*, 127, 134, 153*, 154*, 155, 157, 158, 160, 171, 172, 175, 212, 213, 218, 220, 222, 230, 232—235, 241—244, 246, 249*, 252, 253, 255, 287, 342, 347, 348, 350, 354—358, 363, 366*—368*, 369, 370, 373, 374, 382, 388, 394*, 395, 397, 398, 403—406, 412, 414, 431, 435, 445, 449—451,

453, 471, 513, 522, 533, 534, 536, 537, 544
эмирек (*амйрак*) 101*

юзбаши 411
юрт 69*, 141
юсун 393, 397

Яган-тегин 507; см. также Янга-тегин
яда 165
яйлак 109*, 289*
яковиты 275—277, 286
Янга-тегин 491*, 520*; см. также Яган-тегин
ярлык 42, 43*, 98, 509
яса 393, 538, 543

рататака 31*

УКАЗАТЕЛЬ НАЗВАНИЙ СОЧИНЕНИЙ

ʿАбдулла-наме (*Шараф-наме-йи шахи*) Хафиз-и Таныша 144*, 488, 547
ʿАтабат ал-катаба Мунтаджаб ад-дина Беди‘ 414*
Анвар-и Сухайли Хусейна Кашифи 232
Аçаххат-тавариx — см. *Та’рих-и хайрат*
Ахир заман китаби Хаким-Ата 532

Бада’и‘ ал-вака’и‘ Васифи 202*
Бакирган китаби Хаким-Ата 532
Бахар-и ʿаджам 429*
Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар («Море тайн относительно доблестей благородных») Махмуда б. Вели 388, 488
Бундехеш 271*
Бурхан-и катиʿ 429*

«Восход двух счастливых созвездий и соединение двух морей» — см. *Матла‘ ас-са‘дайн ва маджма‘ ал-бахрайн*
2-е послание ап. Петра 385*

Джами‘ ат-тавариx Рашид ад-дина 543, 544
Джами‘ ал-хикайат ва лами‘ ар-ривайат Ауфи 515
Джахан-наме Бекрана 301

Зайн ал-ахбар Гардизи 505
Зафар-наме Низам ад-дина Шами 38*, 39, 365, 447
Зафар-наме Шереф ад-дина Йезди 34*, 39, 40, 70*, 142* 208, 294*, 296*, 424*, 432*, 443*, 447*, 544

Захира-йи хваразмшахи Джурджани 524
аз-Зидж ал-мусаммá би-л-хакани фи такмил аз-зидж ал-илхани Гияс ад-дина Каши 136*
Зийа’ ал-‘улум Юсуфа Зейн ал-Хавафи 253*
Зубдат ат-тавариx («Сливки летописей») Хафиз-и Абру 368

«История Бейхака» Абу-л-Хасана Бейхаки 416*
«История Бухары» — см. *Та’рих-и Наршахи*
«История династии Тан» — см. *Тан-шу*
«История младших Хань» 458
«История Нишапура» 432*
«История Северных Дворов» 266, 268*, 269*
«История старших Хань» — см. *Цянь-хань-шу*
«История четырех улусов» — см. *Та’рих-и арба‘ улус*

Кандийа Несефи 426*, 434*, 468, 471*
ал-Кафийа Ибн Хаджиба 225
Китаб ал-агани Исфахани 381*
Китаб ал-ансаб Сам‘ани 273*, 504, 505
Китаб-и Мулла-заде Му‘ин ал-фукара 515*, 516*
«Книга известий об Омейядах» Али б. Муджахида 381*
«Книга о великом хане» 277*
Коран 42, 46, 120, 123*, 247, 321, 328, 372, 385, 435, 445, 446
Кутадгу билик Юсуфа Баласагунского 33*, 508, 519, 527

Лубаб ал-албаб Ауфи 505, 516

Маджа̄лис ан-нафа̄'ис Навои 205*, 214*, 222, 223*, 233, 237*, 242, 528
Маджма' ат-тава̄рӣх — см. *Та'рӣх-и Хайдарӣ*
Маджмӯ'а Хафиз-и Абру 365*
Мака̄мат Эмӣр Кула̄ль 426*, 451*
Мака̄рим ал-ахла̄к Хондемира 202*, 230*, 239*, 253*
Мана̄киб Эмӣр Кула̄ль 426*
Маса̄лик ал-абса̄р ал-Омари 544
Матла' ас-са'дайн ва маджма' ал-бахрайн («Восход двух счастливых созвездий и соединение двух морей») Абд ар-Раззака Самарканди 367, 490
Махбӯб ал-кулӯб Навои 200*
Маша̄риб ат-таджа̄риб Абу-л-Хасана Бейхаки 416*, 496
Мин-ши 117*
«Море тайн относительно доблестей благородных» — см. *Бахр ал-асра̄р*
Муджмал [*ат-тава̄рӣх ва-л-кисас*] 414*
Муджмал-и Фаса̄хӣ Фасиха 537
Му'изз ал-ансаб 49*, 50*, 144*, 545, 546
Мукаддама-йи Зафар-на̄ме Шереф ад-дина Йезди 39*, 40*, 142*, 264, 294*, 424*, 544
Мулахха̄с Чагмини 126*
Мульхака̄т ас-сура̄х Джемаля Карши 363, 544
Мухака̄мат ал-луга̄тайн Навои 207*, 255*, 528

Наса̄'им ал-мухаббат мин шама̄'им ал-футувват Навои 416*
«Насировы таблицы» — см. *Табака̄т-и На̄сирӣ*
Нафаха̄т-и туркӣ — см. *Наса̄'им ал-мухаббат*
Нафаха̄т ал-унс Джами 416, 425, 426*

«Перипл Красного моря» 460
псевдо-Каллисфен 460

«Райский сад счастья» — см. *Фирдаус ал-икба̄л*
Рауза̄т ас-сафа̄' Мирхонда 244, 252*
Раса̄'ил ихва̄н ас-сафа̄' 46*
Рашаха̄т 'айн ал-хайа̄т Али б. Хусейна ал-Кашифи 44*, 120*, 122, 124*, 131*, 162*, 164*, 168*, 172, 173, 229, 361, 425, 430*
«Родословная тюрок» Абулгази 402*
Рукопись Туманского 465; см. также *Худӯд ал-'а̄лам*

Саддхарма пундарика 527
Самарийа Абу Тахир-ходжи 126*
«Свидетель счастья» — см. *Ша̄хид-и икба̄л*
«Сливки летописей» — см. *Зубдат ат-тава̄рӣх*

Та'ашшук-на̄ме Сиди-Ахмеда 96*, 98*
Табака̄т-и На̄сирӣ («Насировы таблицы») Джузджани 263, 316*
Тава̄рӣх-и нусрат-на̄ме 490
Тазкира-йи Богра̄-хан 506
Тан-шу («История династии Тан») 268, 281, 282*, 285*, 299, 300, 301*
Та'рӣх-и Абӯльхайр-ханӣ Мас'уда б. Османа Кухистани 490, 546
Та'рӣх-и 'алама̄рӣ-йи 'Аббасӣ Искендера Мунши 488, 547
Та'рӣх-и арба' улус («История четырех улусов») 141, 142
Та'рӣх-и Бейхакӣ Абу-л-Фазла Бейхаки 508, 513, 514
Та'рӣх-и Васса̄ф Вассафа 544
Та'рӣх вула̄т Хорасан ас-Селлами 499, 500
Та'рӣх-и гузӣде Хамдаллаха Казвини 52*, 278*, 417*
Та'рӣх-и джахангуша̄й Джувейни 289*, 430*, 544
Та'рӣх-и Йаминӣ Утби 507
Та'рӣх-и кабир Джа'фари 148*
Та'рӣх-и каса̄ра — см. *Та'рӣх-и Ра̄кимӣ*
Та'рӣх-и Нершахӣ («История Бухары») Нершахи 323, 494, 516
Та'рӣх-и Ра̄кимӣ (*Та'рӣх-и каса̄ра*) 129*, 140*
Та'рӣх-и Рашидӣ Мухаммед-Хайдера 36*, 115*, 214, 301*, 544
Та'рӣх-и Хайдарӣ (*Маджма' ат-тава̄рӣх*) Хайдера Рази 291*, 293*, 295*
Та'рӣх ал-хайра̄т (*Та'рӣх-и хайра̄т*) Мусеви 367*, 441
Та'рӣх-и ханӣ 366

Та'рӣх-и Шāхруҳӣ Нияз-Мухаммеда 333, 334, 350*, 401
Туҳфа-йи Сāмӣ Сам-мирзы 215
Туҳфат аз-зā'ирӣн Насир ад-дина-торе 451*

«Уложение» Тимура 201

Фирдаус ал-иқбāл («Райский сад счастья») Муниса 401, 402*, 421*
Фихрист ан-Недима 269, 380*
ал-Футӯҳāт ал-маккӣйа Ибн ал-Араби 236

Ҳабāб ас-сийар Хондемира 244, 252*, 253*
Ҳазрат Марйам китāбӣ Хаким-Ата 532
«Хакановы таблицы по усовершенствованию таблиц ильхановых» — см. *аз-Зӣдж ал-мусаммā би-л-ҳāқāнӣ*
Ҳамсат ал-мутаҳаййирӣн Навои 245*
Хань-шу си-юй-чжуань бу-чжу 299*
Хафт иқлӣм Эмин-Ахмеда Рази 136*
Хидāйа Бурхан ад-дина Маргинани 32, 62, 168, 434, 435
Хилāлӣйа (касида) Навои 227
«Хронология» Бируни 472, 535
Ҳудӯд ал-'ālам 301; см. также рукопись Туманского
Ҳулāсат ал-аҳбāр Хондемира 239*

Цэ-фу юань-гуй 381
Цянь-хань-шу («История старших Хань») 266*, 299*, 456*

Шаджара-йи ҳ^вāразмшāхӣ Баяни 413*
Шаджарат ал-атрāк 141*
Шараф-нāме Абдаллаха Марварида 202*
Шараф-нāме-йи шāхӣ — см. *'Абдуллā-нāме*
Шāх-нāме Фирдауси 281
Шāхид-и иқбāл («Свидетель счастья») Агехи 402
«Шейбаниада» 144*
Ши-цзи 456*, 457*

Юань-чао би-ши 28, 34*

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5

Улугбек и его время

<Предисловие> 25
1. Монгольская империя и чагатайское государство. 27
2. Улусные эмиры. Царствование Тимура 37
3. Детство Улугбека 63
4. Улугбек как правитель. Внешние дела 96
5. Внутренние дела Мавераннахра при Улугбеке 120
6. Ученые занятия и личная жизнь Улугбека 134
7. Конец жизни Улугбека и начало новой эпохи в жизни Туркестана 147
Хронологический обзор жизни Улугбека 175
Приложение 178

Мир Али-Шир и политическая жизнь

<Предисловие> 199
I. Иранцы и турки 203
II. Герат и его значение 206
III. Происхождение и молодость Мир Али-Шира. 212
IV. Мир Али-Шир и Султан-Хусейн до первой размолвки (1469—1487) 228
V. Годы немилости и упадка влияния (1487—1494) 240
VI. Последние годы жизни Мир Али-Шира (1494—1501) 249

Статьи и рецензии

Мусульманские известия о Чингизидах-христианах 263
О христианстве в Туркестане в домонгольский период. (По поводу семиреченских надписей) 265
О преподавании туземных наречий в Самарканде 303
Вместо ответа г-ну Лапину 306
Еще о слове «сарт» 310
Еще о христианстве в Средней Азии 315
Рецензия на книгу: Н. Веселовский, Киргизский рассказ о русских завоеваниях в Туркестанском крае 320
Несколько слов об арийской культуре в Средней Азии 322
Туземец о русском завоевании 333
Извлечение из *Та'рӣх-и Шӑхрухӣ* 350
Отзыв о трудах Ореста Авенировича Шкапского 359
К вопросу о родине Хаким-Ата 361
Народное движение в Самарканде в 1365 г. 362

К истории арабских завоеваний в Средней Азии 380
Церемониал при дворе узбецких ханов в XVII веке 388
События перед хивинским походом 1873 года по рассказу хивинского историка . 400
Султан Синджар и гузы. (По поводу статьи К. А. Иностранцева) 414
К вопросу о Чингизидах-христианах 417
Рецензия на книгу: С. В. Жуковский, Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее, трехсотлетие 419
О погребении Тимура 423
Греко-бактрийское государство и его распространение на северо-восток 455
К вопросу об языках согдийском и тохарском 461
Места домусульманского культа в Бухаре и ее окрестностях 471

Статьи из «Энциклопедии ислама»

Абд ал-Мелик б. Нух 485
Абдулла б. Искендер 487
Абулхайр 489
Али-тегин 491
Алтунташ 493
Арслан-хан, Мухаммед б. Сулейман 494
Атсыз 495
Афшин 497
Ахмед (Абу Али) б. Абу Бекр Мухаммед б. ал-Музаффар б. Мухтадж 498
Ахмед б. Сахль б. Хашим 500
Баба-бек 501
Байрам-Али-хан 502
Байсункар 503
Бал'ами 504
Богра-хан 506
Борак-хан 509
Бури-тегин 513
Бурхан 515
Илек-ханы 519
Искендер-хан 521
Исма'ил б. Ахмед 522
Исма'ил б. Нух 523
Кутб ад-дин Мухаммед 524
Мансур б. Нух 525
Сарт 527
Текеш 530
Хаким-Ата 532
Халиль-Султан 533
Хорезмшах 535
Чагатай-хан 538
Шейбаниды 545

Приложения

Библиографическая справка 551
Сокращения 558
Библиография (цитированная литература) 562
Указатель имен 605

Указатель географических и топографических названий 627
Указатель этнических названий 642
Указатель терминов 645
Указатель названий сочинений 652

Василий Владимирович Бартольд

СОЧИНЕНИЯ

Том II
Часть 2

РАБОТЫ ПО ОТДЕЛЬНЫМ ПРОБЛЕМАМ ИСТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Утверждено к печати
Институтом народов Азии
Академии наук СССР

*

Художник *Б. В. Шварц*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *Э. Ш. Язловская*
Корректоры *Л. М. Каменецкий* и *Р. П. Осповат*

*

Сдано в набор 10/XI 1963 г.
Подписано к печати 15/VII 1964 г.
А-08319. Формат 70×108¹/₁₆
Печ. л. 41,25. Усл. печ. л. 56,51.
Уч.-изд. л. 50,74. Тираж 5250 экз.
Зак. 1261. Цена 3 р. 50 к.

*

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Отпечатано с набора
типографии изд-ва «Наука»
в Моск. тип. № 16
«Главполиграфпрома»
Москва, Трехпрудный пер., 9.
Зак. 416

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
10	19 св.	М. Белена	Ф. А. Белена
21	8 сн.	О. Ф. Окимушкину	О. Ф. Акимушкину
31	9 св.	*Термеза*	Термеза
34	9 сн.	هوچين	قوچين
46	12 сн.	ا لّ	اجلّ
55	Строку 21 снизу следует читать после строки 24 снизу		
56	12 сн.	مح د	محمد
116	10 сн.	*Herde*	*Horde*
126	2 сн.	то названия	по названию
135	1 сн.	الد وا د ن	الدنيا و الدين
142	14 сн.	مؤلّف	مولّف
178	5 сн.	29	79
184	3 сн.	وشن	جوشن
194	10 св.	سمى .	جسمى
195	11 сн.	جتّه	جتّه
196	14 сн.	بفر	بفر
212	12 сн.	مير	امير
212	Строку 2 снизу следует читать перед строкой 3 снизу		
213	22 св.	идти	идти в
234	9 сн.	لقصه	القصه
378	4 св.	مسلّميات	مسلّميات
379	2 св.	بار	باز
414	15 сн.	عض	بعض
439	10 сн.	Гуз-эмир	Гур-эмир
449	9 сн.	واسته	خواسته
516	5 сн.	Вабнент	Вабкент
521	2 св.	—993	—991
564	25 сн.	432	433

Кроме того в части тиража замечены следующие опечатки:

129	7 св.	ير	خير
144	4 сн.	رابع لطان	رابعه سلطان
144	3 сн.	سلط	سلطان
376	13 сн.	م موع	مجموع